

ЧЕРНАЯ КНИГА
Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько
1899–1909

Москва «Индрик» 2019

Портрет Овсенько
© 8 окт. 1898 г.

УДК 94(47)
Ч 49

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-19-00017д, не подлежит продаже)*

Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько.
1899–1909 / Сост. А.И. Алексеев, К.Б. Назаренко и М.А. Смирнова.
Компьютерный набор Т.А. Тимковская, именной указатель М.А. Смирнова,
подготовка текста Л.Н. Сухоруков. –
М.: Индрик, 2019. – 1096 с., ил.

ISBN 978-5-91674-551-1

Дневники гвардейского офицера-артиллериста Владимира Степановича Савонько (18.09.1877 – 31.07.1937) фактически представляют собой летопись лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады за 1899–1909 гг. Автор дневника большую часть жизни провел в Петербурге, покидая его только в периоды поездок на лечебные курорты или в заграничные путешествия. Будучи человеком, в высшей степени, дисциплинированным, наблюдательным, и не лишенным литературного дара, В.С. Савонько вел дневник почти каждый день, записывая все события и происшествия, случившиеся в бригаде. Дневник Савонько – бесценный источник по истории повседневной жизни гвардейского Петербурга. В нем отразились особенности мировоззрения гвардейских офицеров в последние годы существования царской России. Савонько сумел описать уклад службы и быта «старой гвардии», которая являлась самой элитарной частью императорских вооруженных сил. Автор оставил колоритные зарисовки своих сослуживцев, представителей генералитета и членов императорской фамилии, коснулся и взаимоотношений в среде гвардейских офицеров, которые нельзя проследить по другим источникам. На страницах дневника зафиксированы личные впечатления от учебных стрельб, высочайших смотров, огромное количество мелочей, составлявших повседневную жизнь гвардейской артиллерии. Дневник содержит и материалы для исследователей своеобразного офицерского фольклора, характерного для войск столичного гарнизона.

Издание представляет интерес для всех интересующихся историей России и императорской армией.

© Вступ. ст., А.И. Алексеев, К.Б. Назаренко, М.А. Смирнова, 2019
© Оформление, Издательство «Индрик», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Алексеев, К.Б. Назаренко, М.А. Смирнова
Владимир Степанович Савонько и его дневник

7

Черная книга.
Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько.
1899–1903

77

Хроника 1899 г.
81

Хроника 1900 г.
104

Хроника 1901 г.
123

Хроника 1902 г.
153

Хроника 1903 г.
205

Черная книга.
Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько.
1904–1906

315

Хроника 1904 г.
319

Хроника 1905 г.
389

Хроника 1906 г.
517

Черная книга.
Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько.
1907–1909
617

Хроника 1907 г.
621

Хроника 1908 г.
725

Хроника 1909 г.
845

Приложения
1015

Словарь терминов
1095

Аннотированный именной указатель
1097

А.И. АЛЕКСЕЕВ, К.Б. НАЗАРЕНКО,
М.А. СМЕРНОВА

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ САВОНЬКО И ЕГО ДНЕВНИК

Российскую армию называли «великой молчалиницей», поскольку ее жизнь и быт редко выплескивались на страницы журналов и книг. По этой причине огромный общественный резонанс имела повесть А.И. Куприна «Поединок». Боевые будни армии находили отражение в дневниках и, в особенности, в мемуарной литературе, однако дневников, которые велись в мирное время гвардейским офицером, известно немного¹.

Владимир Степанович Савонько родился 18 сентября 1877 г. в Гатчине в семье артиллерийского офицера. Его отец, Степан Георгиевич Савонько (26 июля 1835 – 29 августа 1905), участник героической обороны Севастополя, Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вышел в отставку в звании генерал-майора². В рядах 14-й артиллерийской бригады двадцатилетний прапорщик находился на Инкерманской позиции, 4 августа 1855 г. принимал участие в сражении на Черной речке, а с 5 по 27 августа находился в Севастополе. Спустя 22 года уже в чине полковника С.Г. Савонько командовал батареями в Русско-турецкую войну, когда получил весть о рождении долгожданного наследника. Батарея С.Г. Савонько в составе различных отрядов принимала участие в боевых действиях против турок на левом берегу Дуная, в январе 1878 г. преодолела Большие Балканы Твардицким проходом и с января по август квартировала в городах Ямболь, Карнобад, Ени-Загра и Бургас³. Увидеть сына он смог лишь после окончания боевых действий, возвратившись в Гатчину в октябре 1878 г. Мать – Александра Алексеевна Гришина, дочь коллежского советника, помещика Тамбовской губернии, потомственная дворянка, скончалась между 1887 и 1899 гг. – она упомянута как живая в послужном списке С.Г. Савонько 1887 г.⁴, но в дневниках сына,

¹ Парадоксально, но существует гораздо большее количество дневников военнослужащих, которые велись в периоды войн, нежели в мирное время. По этой причине исследователи «фронтальной повседневности» имеют дело с богатым материалом источников, см.: *Сенявская Е.В., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. Очерки по военной антропологии. М.; СПб., 2017.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 2327. Л. 19–26.

³ Там же.

⁴ Там же.

которые он начал вести с 1899 г., о ней говорится как о покойной. В дневниках упоминается брат, похороненный вместе с матерью в фамильном склепе Александро-Невской лавры⁵.

8

Дед со стороны отца – Георгий Федорович Савонько – происходил из казаков Черниговской губернии, участник всех войн начала и первой половины XIX в., включая Отечественную войну 1812 г. В 1824 г. он был пожалован чином прапорщика, в отставку уволен в чине поручика. Благодаря этому по сенатскому определению с 1824 г. род Савонько причислен к потомственному дворянству⁶.

До поступления в кадетский корпус Владимир получил домашнее образование. Гувернером-педагогом, оказавшим наиболее сильное влияние на становление его личности, был П.Д. Пальтель. Благодаря занятиям с гувернерами-немцами и французами владел французским и немецким языками. В 1888–1895 гг. обучался в 1-м кадетском корпусе, который окончил первым учеником с 12 баллами по всем предметам⁷. Особенностью военного образования в дореволюционной России была его широта, далеко выходящая за рамки специфически военных целей. Это было связано с дефицитом образованных людей и сложившейся практикой комплектования военными различных частей гражданского государственного аппарата. В.С. Савонько, с его широкими гуманитарными интересами, был ярким проявлением этой тенденции⁸.

В 1895–1898 гг. Владимир Савонько проходил обучение в Михайловском артиллерийском училище. Его соучеником по училищу был наследник престола великий князь Михаил Александрович. На страницах своего дневника автор будет старательно отмечать все последующие встречи с великим князем. Окончил училище Владимир Савонько 3-м учеником⁹. Высокий балл предоставлял право выпускнику претендовать на то, чтобы продолжить службу в гвардии. Кроме успехов в учебе, для службы в гвардии требовались дворянское происхождение (эта норма на рубеже веков подразумевалась, а в 1902 г. была официально закреплена¹⁰) и наличие средств,

⁵ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 117. Л. 91.

⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1904. Ч. 17. С. 43.

⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 95 об.

⁸ Подробнее об этом см.: Назаренко К.Б. «Клуб для избранных»: русское и европейское офицерство в дневниках В.С. Савонько // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (151). С. 19–23; Назаренко К.Б. Мир офицера русской гвардии в дневниках В.С. Савонько (1899–1909) // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 93–102.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3151.

¹⁰ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 203.

поскольку поддерживать «блеск» гвардейского офицера на жалование было абсолютно невозможно. Очевидно, семья В.С. Савонько могла позволить себе соответствующие расходы – ни разу в своем дневнике он не жалуется на материальные затруднения.

Русская императорская гвардия в эпоху, охватываемую дневником В.Н. Савонько, состояла из:

9

1-й гвардейской пехотной дивизии: л.-гв. Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский полки, располагалась в Санкт-Петербурге;

2-й гвардейской пехотной дивизии: л.-гв. Московский, Гренадерский, Павловский и Финляндский полки, располагалась в Санкт-Петербурге;

Гвардейской стрелковой бригады: л.-гв. 1-й и 2-й батальоны, 3-й Финский батальон (расформирован в 1905 г.) и 4-й Императорской фамилии батальон, располагалась в Царском Селе.

Эти две дивизии и бригада входили в Гвардейский корпус, при котором состояли л.-гв. 1-я и 2-я артиллерийские бригады;

3-й гвардейской пехотной дивизии: л.-гв. Литовский, Кексгольмский, Санкт-Петербургский и Волынский полки, располагалась в Варшаве. При ней состояла л.-гв. 3-я гвардейская артиллерийская бригада;

1-й гвардейской кавалерийской дивизии: Кавалергардский императрицы Марии Федоровны, л.-гв. Конный, л.-гв. Кирасирский его величества, л.-гв. Кирасирский ее величества, л.-гв. Казачий его величества, л.-гв. Атаманский казачий наследника цесаревича, л.-гв. Сводный казачий полки, располагалась в Санкт-Петербурге и Гатчине. При ней состоял 1-й дивизион л.-гв. Конной артиллерии;

2-й гвардейской кавалерийской дивизии: л.-гв. Конно-гренадерский, Уланский ее величества, Драгунский и Гусарский его величества полки; располагалась в Петергофе. При ней состоял 2-й дивизион л.-гв. Конной артиллерии;

Отдельной гвардейской кавалерийской бригады: л.-гв. Уланский его величества и Гродненский гусарский полки, располагалась в Варшаве.

Кроме того, в составе гвардии числились л.-гв. Саперный батальон, л.-гв. Полевой жандармский дивизион, Собственный его величества конвой, Гвардейский (флотский) экипаж, Рота дворцовых grenадер и другие части.

Л.-гв. 1-я артиллерийская бригада являлась старейшей гвардейской артиллерийской частью. Бригада подчинялась командующему гвардейской артиллерией и генерал-фельдцейхмейстеру, а также командованию Гвардейского корпуса в лице его командира и начальника штаба. Гвардейским корпусом командовал (25 декабря 1898 – 14 октября 1902 гг.) великий князь Павел Александрович, а командующим войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа до 1905 г. был великий князь Владимир Александрович.

В 1898 г. В.С. Савонько был прикомандирован к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде. Через год он удостоился перевода в гвардию. Как явствует из документов, молодой офицер получал 838 рублей в год, которые складывались из 312 рублей жалованья, 276 рублей столовых и 250 рублей квартирных денег¹¹. Старейшая артиллерийская часть гвардейского корпуса вела свою родословную с 1683 г. от Бомбардирской роты Преображенского полка. Первый российский император навечно был зачислен в списки бригады. В качестве самостоятельной части (Артиллерийский батальон) она существовала с 1796 г. Бригада участвовала в наполеоновских войнах, Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг., в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., подавлении польского восстания 1830–1831 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Первой мировой войне. За Отечественную войну бригада была награждена серебряными трубами – высшей боевой наградой для артиллерийской части, поскольку знамена им не полагались. Эта бригада была самой привилегированной частью русской артиллерии, всю свою историю она квартировала в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте.

К началу XX столетия Управление 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады находилось на Литейном проспекте в доме № 1, казармы – на Литейном проспекте, д. 26, и на Спасской улице в д. 14, квартиры офицеров находились на Надеждинской улице. Комплекс зданий бригады располагался в пространстве, ограниченном Надеждинской улицей, Манежным переулком, Литейным проспектом, Басковым переулком. Память об этом хранят существующие до сих пор Артиллерийская улица и Артиллерийский переулок.

После 1897 г. в составе бригады было три дивизиона: 1-й, 2-й и Стрелковый. В каждом дивизионе состояло по три батареи, каждая по 8 орудий. Командиром бригады был генерал-майор, дивизионами и батареями командовали полковники, капитаны являлись старшими офицерами батарей и кандидатами на должность командиров. Обер-офицеры в чинах подпоручиков, поручиков и штабс-капитанов командовали взводами, полубатареями, а также исполняли разные другие должности. Офицерский состав гвардейских частей пополняли самые лучшие выпускники военно-учебных заведений, получившие наиболее высокие баллы по результатам итоговых экзаменов. Выпускники Михайловского артиллерийского училища получали преимущества в виде двух лет старшинства в чине. По качеству своей подготовки артиллеристы считались интеллектуалами среди кавалеристов и пехотинцев. Продвижение по службе в артиллерии было более быстрым, чем в пехоте, поскольку на одну штаб-офицерскую должность приходилось 5 обер-офицеров, а в пехоте – 10¹². Кроме того, не следует забывать, что обер-офицеры

¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 29717. Л. 47.

¹² Разведчик. 1899. № 455. С. 528.

гвардии имели преимущество в один чин перед офицерами армии, таким образом, гвардейский капитан соответствовал армейскому подполковнику, а гвардейский подпоручик – поручику. Поэтому в гвардии не было чина подполковника, а офицеры из капитанов производились в полковники.

Служба Владимира Савонько по большей части проходила в 1-й батарее, которая имела «вечным» почетным шефом великого князя Михаила Павловича – младшего брата Александра I и Николая I. Одновременно шефом батареи был Николай II, поэтому она именовалась 1-й его императорского величества батареей. К службе Владимир Степанович относился ревностно. Прослужил в бригаде в 1898–1915 гг. Произведен в подпоручики л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 6 августа 1898 г. 8 декабря 1902 г. произведен в поручики (со старшинством от 8 августа 1902). 6 декабря 1906 г. произведен в штабс-капитаны. Старший офицер батареи с 1 января 1908 г. 6 декабря 1911 г. произведен в капитаны (со старшинством от 6 августа 1910 г.). Занимал должности командира взвода 1-й его императорского величества батареи, квартирмейстера бригады, был наставником команды молодых солдат. В составе 1-й батареи принимал участие в парадах, высочайших смотрах, торжественных мероприятиях к 200-летию взятия Нотебурга в октябре 1902 г., к 200-летию основания Санкт-Петербурга в мае 1903 г., к 200-летию Полтавской баталии в июле 1909 г., к 100-летию Бородинской битвы в сентябре 1912 г. Офицер заведовал историческим музеем 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады, составил «Положение о музее»¹³ и инвентарную научную опись музея (не опубликована). Наиболее известна его брошюра «Памятка “Бомбардира” об Отечественной войне. 1812–1912»¹⁴. Владимир Степанович был неплохим рисовальщиком. Он даже составил один из проектов нагрудного знака лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады¹⁵.

В.С. Савонько много занимался самообразованием. В 1904–1906 гг. являлся слушателем Санкт-Петербургского императорского археологического института. Слушал лекции по персидскому отделению Восточной академии. Под псевдонимом «В. Черниговский» публиковал статьи на военно-бытовые темы в журналах «Разведчик» и «Офицерская жизнь». Был действительным членом: Общества ревнителей военных знаний, Императорского русского военно-исторического общества, Императорского общества ревнителей истории.

¹³ Савонько В.С. Исторический музей л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. СПб., 1910; Савонько В.С. Положение об Историческом музее л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. СПб., 1912.

¹⁴ Савонько В.С. Памятка «Бомбардира» об Отечественной войне: 1812–1912. СПб., 1912.

¹⁵ Ильина Т. Нагрудные знаки и жетон лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Часть 2 // Петербургский коллекционер. 2016. № 6 (98). С. 57.

Археологический институт был основан в 1877 г., в него принимались лица, уже имевшие высшее образование, срок обучения составлял два года, обучение было бесплатным. Слушателями в институте были преимущественно любители исторической науки, уже нашедшие свое место в жизни. Среди них было немало офицеров. Савонько учился в институте у известнейших российских ученых: академика Н.В. Покровского, Н.П. Лихачева, С.Ф. Платонова, И.А. Шляпкина, Н.И. Веселовского, С.М. Середонина, В.В. Майкова. Все эти знаковые для отечественной науки фигуры получили от автора дневников весьма нетривиальные характеристики¹⁶.

Отдельная страница в биографии Савонько – его участие в работе многих обществ: он был действительным членом Общества ревнителей военных знаний, стоял у истоков Императорского русского военно-исторического общества. Текст дневника раскрывает неизвестные аспекты первых месяцев существования общества, сообщает о сложных обстоятельствах его появления, о вариантах его названия и о борьбе между А.З. Мышлаевским и М.К. Соколовским за руководство¹⁷.

Идея создания и первые шаги к воплощению Общества военной старины принадлежали, по воспоминаниям Савонько, военному историку М.К. Соколовскому. В записи от 24 февраля 1907 г. Савонько описал первое заседание общества, отметив, что председателем и «главным оратором» выступил генерал А.З. Мышлаевский, который назначил следующее заседание на 10 марта. Историк В.А. Дьяков отметил, что заседание 10 марта 1907 г. является малоизвестной страницей в истории общества и не упоминается в мемуарах его членов, в том числе и Г.С. Габаева¹⁸. Тем ценнее сведения из дневников В.С. Савонько, который эмоционально описал все сложности, связанные с организацией нового общества. Разногласия между М.К. Соколовским и А.З. Мышлаевским «оказались роковыми для “единения” и “дружной работы” господ “учредителей”» и привели к расколу среди членов будущего общества. На страницах газеты «Русский инвалид» и Со-

¹⁶ Алексеев А.И. Профессора Санкт-Петербургского археологического института глазами слушателя 1904–1906 гг. гвардейского офицера В.С. Савонько // Каптеревские чтения: Сб. статей. Вып. 13. М., 2015. С. 338–362; Алексеев А.И. Преподавание славянской и русской палеографии в Императорском археологическом институте (по данным дневника гвардейского офицера В.С. Савонько) // Десятые Загребинские чтения. К 1000-летию преставления князя Владимира и убиения его сыновей Бориса и Глеба. СПб., 2016. С. 6–12.

¹⁷ Смирнова М.А. Создание и начало работы Императорского Русского военно-исторического общества в дневниках В.С. Савонько // Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Роггулина. СПб., 2015. С. 65–71.

¹⁸ Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности РВИО (1907–1917) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 277.

коловский, и Мышлаевский отстаивали свое право быть инициатором и учредителем общества, но последний быстро переманил к себе большинство участников первого заседания. Хотя симпатии Савонько были на стороне Соколовского, он стал активным членом военно-исторического общества.

Автор дневника большую часть жизни провел в Петербурге, покидая его только в периоды поездок на лечебные курорты или в заграничные путешествия. До 1906 г. он проживал вместе со своим отцом, отставным генерал-майором С.Г. Савонько, по адресу Кирочная ул., д. 3. После 1906 г. жил в доме, специально построенном для офицеров бригады, по адресу Надеждинская ул., д. 50 (на страницах дневника он фигурирует под названием «Зеленые связи»).

Первая мировая война застала Владимира Степановича в чине капитана на посту старшего офицера 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Из Красносельского лагеря, служившего местом летних сборов и маневров войск Петербургского гарнизона, бригада выступила в боевой поход. В составе войск Гвардейского корпуса лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада участвовала в Люблинской операции в августе 1914 г., в Ивангородской операции, в многочисленных тяжелых боях 1915 г. Судя по наградам, среди которых: ордена св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом¹⁹, мечи к ордену св. Станислава 2-й ст.²⁰, мечи и бант к ордену св. Анны 3-й ст.²¹; орден св. Анны 2-й ст. с мечами²², В.С. Савонько был храбрым офицером и умелым командиром. В апреле 1915 г. он был произведен в полковники досрочно, прослужив капитаном 4,5 года вместо положенных 6 лет, что являлось наградой и означало признание его заслуг. Некоторое время он командовал лейб-гвардии 3-й парковой артиллерийской бригадой, а затем вернулся в родную бригаду в качестве командира 1-й батареи.

28 августа 1915 г. в бою у посада Скала батарея В.С. Савонько огнем поддерживала действия Преображенского и Семеновского полков против имевшего подавляющее превосходство в силах противника. К утру положение батареи сделалось угрожающим: в непростреливаемой артиллерийским огнем ложине (мертвой зоне) накопились значительные массы австрийцев. Решение В.С. Савонько было единственно правильным в той ситуации. Орудия были стремительно выведены на открытую позицию, откуда открыт ураганный огонь. Две роты австрийцев были практически уничтожены, жалкие остатки сдались в плен преображенцам²³. Этот боевой

¹⁹ Высочайший приказ от 28 октября 1914 г.

²⁰ Высочайший приказ от 09 апреля 1915 г.

²¹ Высочайший приказ от 30 апреля 1915 г.

²² Высочайший приказ от 11 мая 1915 г.

²³ «Выезд на открытую позицию батареи л. гв. 1 артил. бр. в бою у посада Скала (из донесений командиру Гвардейского корпуса)» // Новое время. 1915. 28 авг. № 14176.

эпизод много говорит в пользу командира батареи. Только пользующийся беспрекословным авторитетом офицер мог вывести орудия с расчетами на гребень холма, несмотря на явную опасность убийственного ружейного огня. Отметим, что о награждении В.С. Савонько за этот бой ничего неизвестно, хотя за подобный подвиг офицер мог удостоиться если не ордена св. Георгия 4-й ст., то хотя бы Георгиевского оружия.

Вскоре Владимир Степанович получил ранение и был отправлен на лечение. В 1916 г. он командовал 6-й батареей в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде.

После развала армии и Октябрьской революции 1917 г. В.С. Савонько встал на путь сотрудничества с советской властью. С 9 октября 1918 г. по 29 дек. 1918 г. В.С. Савонько вел военно-научную критику в газете «Вооруженный народ», поместив там свыше 40 статей. Публиковал статьи по военному делу и строительству вооруженных сил Советской Республики в журнале «Аудитория военного дела», в газете «Правда», в газете «Пролетарская мысль» (издавалась в г. Козлов, где дислоцировался штаб Южного фронта РККА в 1919 г.); в журналах: «Вестник милиционной армии», «Звезда» и др. В 1919 г. служил в РККА, состоял при штабе Южного фронта²⁴.

Отметим, что двоюродным братом Владимира Степановича являлся видный деятель белогвардейского движения Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (24 ноября 1880 – 5 мая 1919). В 1918 г. он занимал пост военного министра в правительстве Сибири, а в декабре 1918 – марте 1919 г. являлся «диктатором» Одессы²⁵. Харизматическая личность А.Н. Гришина заявила о себе не только подвигами в боях Гражданской войны, но и в романтической истории любви к знаменитой актрисе Вере Холодной. Как бы то ни было, перипетии героической и трагической судьбы двоюродного брата не оказали влияния на судьбу «военспеца» В.С. Савонько.

С 1919 г. В.С. Савонько проживал в Петрограде и занимал различные должности в военном ведомстве Советской республики²⁶. С 15 марта 1925 по 1930 гг. Владимир Степанович был начальником Хозяйственной части клинического военного госпиталя Военно-медицинской академии. Увольнение из РККА последовало в 1930 г.

К этому времени В.С. Савонько уже пользовался известностью в качестве коллекционера экслибрисов и был обладателем богатейшей коллекции книжных знаков²⁷. Еще в 1915 г. он приобрел значительные коллекции И.

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3151. Автобиографические сведения 1919 г.

²⁵ *Ивлев М.* Диктатор Одессы: Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 286. Л. 4. Автобиографические сведения. 1925 г.

²⁷ Коллекция В.С. Савонько ныне хранится в Российской национальной библиотеке: Редкие русские книжные знаки. Из коллекции В.С. Савонько: Каталог выставки / Авт. вступ. ст. и сост. Н.В. Мельникова. СПб., 1998.

Антошевского и В. Адарюкова. В качестве критика выступал, как постоянный сотрудник, в журнале «Книга и революция», причем останавливался преимущественно на критике книг, посвященных художественному книжному знаку (ex-libris'у). Являлся одним из учредителей Общества друзей книги²⁸. Был председателем Ленинградского общества экслибрисистов (1922–1929) и почетным членом Московского общества любителей книжных знаков²⁹. Помещал также статьи по искусству, ex-libris'у и геральдике в московском журнале «Среди коллекционеров», в журнале «Новая книга» (Петроград), «Казанский музейный вестник» и др. Был ответственным редактором журнала «Военно-революционная мысль» (вышло два номера) и в «Трудах Ленинградского общества экслибрисистов» (в 1924–1928 гг. вышло 12 выпусков) был ведущим постоянного отдела: «Новые книжные знаки».

В рамках деятельности общества экслибрисистов В.С. Савонько общался с библиофилами и видными деятелями культуры, в их числе: директор Государственной публичной библиотеки академик Э.Л. Радлов, директор Ленгосиздата И.И. Ионов, его заместитель Р.М. Хатаевич, крупный полиграфист И.Д. Галактионов, известный библиотечный деятель О.Э. Вольценбург и художники Е.Д. Белуха, Е.Н. Лансере, В.К. Лукомский, С.А. Мухина, библиофилы: В.А. Бриллиант, Э.Ф. Голлербах, В.К. Охочинский, А.А. Пазухин, К.А. Сомов, А.А. Труханов, С.В. Чехонин, П.Н. Шеффер и др. Библиотека В.С. Савонько насчитывала более 1000 наименований. Его коллекция экслибрисов была одной из самых крупных в России. По инициативе В.С. Савонько и при содействии московского художника И.Ф. Рерберга собрание Ленинградского общества экслибрисистов пополнялось иностранными знаками.

В. С. Савонько в 1917 г. женился на своей троюродной сестре Анне (Нане) Семеновне Астафьевой (1886–1957), к которой давно испытывал глубокое чувство, что отразилось на страницах дневника. В 1918 г. у пары родился сын Сергей (1918–1989). К началу Великой Отечественной войны он находился на действительной военной службе, прошел всю войну, позднее стал офицером-топографом. А. С. Савонько была эвакуирована из блокадного Ленинграда, после войны жила с сыном в селе Капустный Яр (Астраханской области), поскольку С. В. Савонько служил там на испытательном полигоне. В настоящее время потомки В. С. Савонько живут в Москве.

Судьба В.С. Савонько сложилась благополучнее, чем у многих его ровесников. Далеко не всем выпадала удача служить в гвардии, сохранить жизнь в боях Первой мировой войны и в бурных перипетиях войны Гражданской, а после найти свое место в Советской России и избе

²⁸ См.: Глейзер М.М. Ленинградское общество библиофилов 1923–1940 гг. СПб., 2014. С. 52.

²⁹ О деятельности В.С. Савонько в обществе экслибрисистов см.: Богомолов С.И. Российский книжный знак 1700–1918 гг. М., 2010. С. 726.

жать репрессий. Действительно уникальную фигуру Савонько делает его дневник³⁰.

ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА В.С. САВОНЬКО

16

Будучи человеком в высшей степени дисциплинированным, наблюдательным и не лишенным литературного дара, В.С. Савонько вел дневник почти каждый день, записывая все события и происшествия, случившиеся в бригаде. Сам автор считал свои дневники «своей автобиографией»: «Буду писать то, что вижу, что слышу, что есть на самом деле, без прикрас, так как у меня один только свидетель и слушатель – это моя совесть...» Можно утверждать, что начиная с 1905 г. дневники приобретают черты летописи 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. На их страницах нашли отражение личные впечатления от учебных стрельб, высочайших смотров, огромное количество мелочей (чрезвычайные происшествия, слухи, анекдоты и т. д.), составлявших повседневную жизнь гвардейской артиллерии.

В известном нам виде «Черная книга» В.С. Савонько представляет собой четыре тома, в которых сброшюрованы листы машинописного текста. Это, разумеется, не первоначальный вид дневников. Как можно понять из пояснений самого автора, первоначально ежедневные записи велись им в записных книжках, куда он, по-видимому, вечерами собственноручно заносил впечатления дня.

Сам автор пишет, что никаких изменений при перепечатке своих дневниковых записей он не производил. Но можно ли ему верить? Если исключить идеальный вариант, при котором удастся обнаружить исходные записные книжки, то текстологические методы исследования остаются единственной возможностью определить характер и степень вмешательства автора в первоначальный текст. Логично предположить, что соблазну редактирования подверглись записи, отражающие лирическую линию переживаний. Из текста следует, что нежные чувства В.С. испытывал к своей троюродной сестре Нане, по крайней мере, с 1902 по 1904 гг. Нане посвящены несколько шуточных стихотворений, несколько писем и открыток, текст которых воспроизведен на страницах дневника. Из «Черной книги» упоминания о Нане Астафьевой исчезают с 1905 г. Но было ли так в исходных дневниках? На этот счет можно строить лишь предположения.

Бесспорные следы вмешательства автора в текст при перепечатке встречаются в известиях об участии офицеров 1-й л.-гв. артиллерийской бригады в Русско-японской войне. Записав фамилии своих бывших сослуживцев, отправившихся на театр военных действий, В.С. Савонько сопровождал некоторые из них пометами о местонахождении того или иного лица,

³⁰ Назаренко К.Б., Смирнова М.А. Неизвестный летописец русской гвардии В.С. Савонько // Вопросы истории. 2017. № 8. С. 127–140.

а также о награждении их. Эту информацию он, конечно, узнал и внес, только когда перепечатывал дневниковые записи. Постепенно перерыв между записями в дневнике и машинописными текстами увеличивался. Записи, оставленные в 1909 г., набирались на машинке в 1913. Последняя тетрадь озаглавлена «Из дневников 1909 г.». Это позволяет предположить, что перед нами текст, подвергшийся редактуре. Степень изменений возможно выявить, только тщательно исследовав конкретные известия.

Дневник В.С. Савонько – бесценный источник по истории повседневной жизни гвардейского Петербурга. В нем отразились особенности мировоззрения гвардейских офицеров в последние годы существования царской России. Савонько сумел описать уклад службы и быта «старой гвардии», которая являлась самой элитарной частью императорских вооруженных сил. Дневник содержит и материалы для исследователей своеобразного офицерского фольклора, характерного для войск столичного гарнизона.

Савонько одновременно являлся и типичным, и нетипичным представителем гвардейского офицерства. Он был типичен в своей погруженности в гвардейскую жизнь, которая не вызывала у него отторжения и не отторгала его самого. Служил Савонько «как все». Вместе с тем Савонько явно выделялся из гвардейской среды более высоким уровнем исторического образования и интереса к истории. Он сам себя сделал одним из активных хранителей традиций гвардии.

Информация о боевой подготовке лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады на страницах дневника распределена не вполне равномерно. В первую очередь это объясняется тем, что автор дневника долгое время (в 1904–1908 гг.) занимал должность квартирмейстера бригады и не участвовал по этой причине в лагерных сборах, во время которых и проводились маневры и учебные стрельбы. Но даже при этом, осознавая свой дневник своеобразной хроникой бригады, В.С. Савонько старался заносить туда сведения о наиболее важных событиях, услышанных от участников лагерных сборов. Две поездки на Кавказ, предпринятые в летние сезоны 1901 и 1908 гг., а также летнее зарубежное турне 1906 г. также отразились на полноте информации. Следует также сказать, что записи о подготовке офицеров и нижних чинов бригады по большей части очень лаконичны. Для автора, даже очень внимательного и стремившегося скрупулезно фиксировать все детали увиденного, служебная деятельность и учеба были все-таки каждодневными буднями, на фоне которых ярко выделялись смотры в высочайшем присутствии, праздники и приемы. Этим выдающимся событиям, как правило, посвящены полноценные описания.

Дневниковые записи В.С. Савонько позволяют составить впечатление о том, как велась боевая подготовка войск гвардии в начале XX столетия, и о тех переменах, которые произошли в этой подготовке под влиянием грозных событий 1904–1905 гг. Дневник В.С. Савонько является уникальным

источником, от большого количества мемуарной литературы, в которой многие бывшие гвардейцы спустя десятилетия ностальгически описывали идиллию Красносельского лагеря, его выгодно отличают конкретность, документальная точность в описаниях деталей. На страницы дневника автор часто помещает приказы по бригаде или соответствующие выписки из них, добросовестно перечисляет по фамилиям всех участников совещаний и дружеских пирушек. Порой указывает мотивы поступков тех или иных сослуживцев, которые остаются неизвестными по другим документам.

Главным наследием Владимира Степановича Савонько остается его дневник – уникальный исторический источник. Очевидно, насколько важен поиск оставшейся части дневника, который охватывает по меньшей мере 1910–1918 гг., а возможно, и более поздний период. Быть может, со временем и эти части дневника будут разысканы и введены в научный оборот.

Будни гвардейской артиллерии

Повседневная жизнь гвардии играет всеми красками на страницах дневников Савонько³¹. Сведения из дневниковых записей В.С. Савонько мы попытались систематизировать для описания наиболее важных элементов, из которых складывалась боевая подготовка лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады³². Нельзя оставить без внимания изменения в обучении войск и несении воинской службы, вызванные военной реформой 1907–1909 гг.³³ По сведениям, разбросанным на страницах дневника, видно, как росла требовательность высших начальников к офицерскому составу, который был ответственен за все виды подготовки. В их числе были требования, продиктованные выводами из негативного опыта поражений в Русско-японской войне, и меры для осуществления полного контроля над солдатскими массами, вызванные страхом перед революционным брожением 1905–1906 гг.^{33а}

В описываемый период срок действительной службы для нижних чинов в пешей артиллерии составлял 3 года. Учебный год в войсках делился на летний и зимний периоды. Большая часть трудов по обучению личного

³¹ Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии 1900–1917. М., 2012. С. 106–112.

³² Алексеев А.И. Боевая подготовка офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады в 1899–1909 годах, по материалам дневника В.С. Савонько // Война и оружие. Труды VIII Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 21–34.

³³ Параскевов В.С. Деятельность государственных и военных органов управления России по развитию артиллерии русской армии в ходе военных реформ 1905–1912 годов: Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М., 2016.

^{33а} См.: Алексеев А.И. Офицеры и нижние чины гвардейских частей Петербурга в отношении революционной пропаганды в 1900–1909 гг. (по страницам дневника В.С. Савонько) // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Волгоград, 2018. С. 105–122.

состава батарей лежала на плечах обер-офицеров³⁴. Вплоть до 1905 г. боевые маневры и стрельбы проводились исключительно в летний период. Обучение нижних чинов проводилось по специально разработанным наставлениям³⁵. Программа обучения молодых солдат предусматривала 4-месячный период обучения. Руководил обучением, как правило, один из обер-офицеров батареи. В помощь ему назначались унтер-офицеры и наиболее подготовленные солдаты из числа старослужащих, так наз. «дядьки», которые должны были обладать необходимыми для этого качествами и способностями³⁶. К сожалению, полученные в ходе обучения навыки получали развитие преимущественно в период лагерных сборов, поскольку остальное время занимали караульная и внутренняя служба, работы по хозяйству и подготовка к смотрам и парадам. По свидетельству офицеров, большую часть необходимых знаний нижние чины получали в период нахождения в команде молодых солдат. Эффективность обучения снижалась тем обстоятельством, что среди призывников был большой процент неграмотных и малограмотных.

Лагерные сборы гвардейских частей и войск Петербургского военного округа с середины XVIII в. проводились в Красносельском лагере³⁷. Боевые стрельбы и маневры проводились исключительно в период летних сборов по заранее заданному и не менявшемуся годами шаблону³⁸. Как заметил

³⁴ «К сожалению, до Русско-японской войны 1904–1905 гг. в руководящих документах по обучению солдат обязанности младших офицеров не были определены, поэтому они командовали взводами и полуротами лишь на строевых занятиях, а по отношению к новобранцам делали “только то, что прикажут”» (Изонов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 34–39).

³⁵ Наставление для обучения нижних чинов пехоты. СПб., 1907.

³⁶ Измаилович В. Как обучать молодых солдат: Советы учителю-дядьке. СПб., 1902. С. 2.

³⁷ Красное Село / Военная энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913. С. 258–261; Савин С.П. Красное Село. Летний лагерь императорской гвардии. Б. м., 2011.

³⁸ Проницательные офицеры отмечали, что недостатки организации сборов и маневров отрицательно влияют на подготовку войск к боевым действиям. См.: «Основой подготовки войск к полевой службе является лагерный период. В этот 3-месячный лагерный период свыше двух недель занимает стрельба, около трех недель отрядные маневры, и на тактическую подготовку войск приходится не более 1½ месяца. Возможно ли в 1½-месячный срок пройти “по приемам” все виды полевой службы, атаку и оборону деревни, леса, высоты, оврага, моста? Возможно ли в два учения, приходящихся на лагерь, обучить солдат сторожевой или дозорной службам? Конечно, нет. Подготовка войск к полевой службе должна вестись в течение всего учебного периода... лагерный же период... должен быть использован исключительно для тактического изучения полевой службы, решения боевых задач, боевых стрельб частями и, главным образом, давать практику и развивать командный состав» (Пеленберг де. Боевая подготовка войск // Военный сборник. 1911. № 10. С. 1).

генерал-майор Б.В. Геруа, «Кавелахтские высоты, как и Дудергофская гора, постоянно фигурировали в заданиях для войсковых маневров, являлись частью цельных действий и создали шаблоны, получившие кличку “дудергофской” или “кавелахтской” тактики. Горе было тому неопытному смельчаку, который, командуя отрядом, претендовал на оригинальность, и сбивал остальных участников с раз навсегда пробитой колеи!»³⁹ Тактическая подготовка вовсе отсутствовала, теоретическая велась формально. Физическая подготовка, по сути, сводилась к верховой езде, строевой подготовке и участию в смотрах и парадах.

Личный состав из нижних чинов в артиллерийских частях, как и во всех гвардейских частях, комплектовался из новобранцев по призыву. К солдатам-артиллеристам в силу специфики рода войск предъявлялись более высокие требования, чем в пехотных частях. Для овладения сложной техникой требовались грамотность, умение читать, писать, знание арифметики. Офицерам было трудно создать боеспособную батарею из неграмотных нижних чинов, которые не горели желанием обучаться. Не случайно автор дневника отмечает одну из немногих, но несомненных заслуг командира бригады генерал-майора Головачева: «Он заботливо выбирает новобранцев и очень внимательно относится к своим обязанностям на всех разбивках. Результаты – налицо. Новобранцы прошлого и этого года, по отзывам многих офицеров и командиров батарей, много лучше новобранцев прежних годов. Уравнение инородцев, католиков, мастеровых и проч. генерал Головачев стремится производить между батареями также вполне добросовестно и справедливо»⁴⁰.

Учебный год для нижних чинов начинался в сентябре, когда новобранцы в составе команд молодых солдат в каждой батарее приступали к учебе. Во главе команд молодых солдат стоял обер-офицер, имевший способности к учебно-воспитательной работе. В обучении ему помогали унтер-офицеры, а также наиболее подготовленные старослужащие – «дядьки», которых прикрепляли к новобранцам в качестве наставников.

В бригаде формировалась также Учебная команда, задача которой состояла в подготовке унтер-офицеров из числа наиболее подходящих для этого солдат. Командой заведовал штаб-офицер в чине капитана, его помощниками на каждый год назначались наиболее подготовленные обер-офицеры.

Вплоть до 1905 г. боевые стрельбы производились в период летних лагерных сборов с мая по июль. Стрельбы велись с открытых позиций. Испытания заканчивались состязательными стрельбами между батареями Гвардейского корпуса на призы генерал-фельдцейхмейстера, на корпусные

³⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 96.

⁴⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 230.

и бригадные призы. Мишени имитировали пехотные цепи, орудия и фортификационные сооружения. Победителем объявлялась батарея, уложившая снаряды максимально близко к цели. Например, в записи от 24 июня В.С. Савонько отмечает: «В нашей бригаде фельдцейхмейстерский приз взяла 6 батарея (радиус = 7 дм)»⁴¹. Производились также соревнования ездовых на лучшее управление орудийной упряжкой. Расчет, поваливший меньшее количество кольев при заезде, признавался победителем. Приблизительно до 1907 г. на вооружении лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады находились поршневые орудия. Попытка перевооружения на скорострельные орудия зимой 1904 г. была прервана событиями Русско-японской войны⁴².

Обучение в период лагерного сбора включало состязание наводчиков на точность и однообразие наводки, смотр саперных работ, состязательные стрельбы.

12 мая 1901 г. автор дневника записывает: «Я пристреливался на позиции у деревни Арапокази по 4-орудийной батарее в окопах. Дано было 18 гранат и 18 шрапнелей»⁴³. Интересно сравнить с записью от 17 мая 1902 г.: «Я пристреливался на боевой позиции у д. Арапокази по 4-орудийной батарее с укрытыми передками. Дано было 16 гранат и 16 шрапнелей»⁴⁴. А также с записью от 21 мая 1903 г.: «Я пристреливался на позиции у д. Арапокази – первым, ибо мне нужно ехать в г. СПб. Дистанция – дальняя (Н = 45). Дано 16 гранат + 16 шрапнелей»⁴⁵.

Как видим, различия в упражнениях крайне незначительны. Это заставляет вспомнить строки из воспоминаний Б.В. Геруа: «Нечего и говорить, что батареи картинно выезжали на гребни горок, лихо снимались с передков на виду у неприятеля и становились на открытых позициях. Не отличалось свежестью и решение задачи: давно установился порядок, по которому нужно было обстрелять, скажем, Кавелахтские высоты или брать приступом Лабораторную рощу»⁴⁶.

Итог боевой подготовке войск подводили маневры, в ходе которых отработывалось взаимодействие разных родов войск. Как правило, батареи или дивизион включались в состав сводного отряда, который состоял из одного или двух пехотных полков.

⁴¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 21.

⁴² «По данным всеподданнейших докладов, по Военному министерству в 1901 и 1902 гг. было заказано 1500 скорострельных орудий образца 1900 г. На январь 1903 г. было изготовлено 1083 орудия. В начале 1902 г. были заказаны орудия образца 1902 г., которых было изготовлено к началу 1904 г. 1500» (Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 166).

⁴³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 32 об.

⁴⁴ Там же. Л. 54.

⁴⁵ Там же. Л. 97.

⁴⁶ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 89.

Примечательно и сочетание тяжелых маневров с праздниками в высочайшем присутствии. По справедливому замечанию М. Гареева, условность маневров зависела от присутствия высших чинов, членов императорской фамилии и самого императора⁴⁷. Например, из дневника мы узнаем о приеме офицеров лейб-гвардии Преображенского полка и артиллерийской бригады 6 августа 1902 г. в Царскосельском дворце. За ним последовал торжественный ужин в Преображенском полку, который продолжался до 5 часов утра. При этом уже в 6.00 отряды выступали на маневры⁴⁸.

В связи с тем, что с 1904 г. автор дневника занимал должность квартирмейстера бригады и вплоть до 1909 г. не участвовал в лагерных сборах, о боевых стрельбах в 1904 г. есть лишь отдельные фрагментарные замечания. Например, под 17 июля появляется запись о выдающихся стрельбах, которые бригада провела на полигоне в Красном Селе. Из нее следует, что 4 батареи из шести взяли 4 приза за стрельбу, причем три из них были призами генерал-фельдцейхмейстера⁴⁹! Отличные результаты были продемонстрированы и в езде: 3-я батарея не сбила ни одного кола и получила корпусной приз, а 6-я батарея взяла бригадный приз. Таким образом, все 6 батарей бригады взяли призы, что следует признать блестящим результатом, несмотря на сложности, внесенные войной в процесс обучения.

Боевые стрельбы в 1905 г. велись по новым правилам. По-видимому, это явилось инициативой нового фельдцейхмейстера великого князя Сергея Михайловича⁵⁰. Состязательная стрельба состоялась 1-го июля. Батарейная стрельба велась следующим образом: каждый наводчик делал по одному выстрелу, таким образом, от каждой батареи получалось по 8 выстрелов. Погода, по словам В.С. Савонько, была облачной и холодной, что неблагоприятно отразилось на результатах стрельбы. Единственный приз взяла 2-я батарея, показав далеко не впечатляющий результат 25 или 28 дециметров⁵¹. Как явствует из мемуаров И.Т. Беляева, служившего в рядах бригады, по инициативе начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово в 1905 г. батареи бригады впервые провели опыт

⁴⁷ Гареев М. Из истории развития методов проведения тактических учений и маневров в русской армии // Военно-исторический журнал. 1972. № 2. С. 95–101.

⁴⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 58 об. – 59 об.

⁴⁹ Там же. Д. 115. Л. 26.

⁵⁰ Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918) – в 1905–1916 гг. генерал-инспектор артиллерии. Уже 6 июня 1905 г. приказом за № 109 новый генерал-инспектор опубликовал «для руководства основные официальные документы: программа стрельбы полевой артиллерии, инструкция начальникам учебных артиллерийских полигонов, программа проверки знаний офицеров батарей и указания по производству зимних стрельб и артиллерийских маневров» (Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1948. С. 92).

⁵¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 80 об.

по стрельбе с угломером по закрытой цели. По свидетельству мемуариста, опыт этот был вполне успешен⁵².

Другим важным новшеством в организации боевой подготовки бригады стали осенние стрельбы. 17 сентября 1905 г. бригада выступила для проведения стрельб на полигоне, проведя в лагере 5 дней⁵³.

В декабре 1905 г. один взвод из 3-й батареи бригады принял участие в подавлении вооруженного восстания в Москве. При этом орудия не сделали ни одного выстрела, а личный состав не имел никаких потерь.

Четыре года не участвуя в лагерных сборах бригады, В.С. Савонько, тем не менее, старался записывать наиболее значительные происшествия. В целом его записи свидетельствуют о серьезном улучшении подходов к боевой подготовке⁵⁴. В первую очередь, резко возросли требования к офицерам артиллерийских частей. Например, в августе 1906 г. по возвращении из заграничного путешествия наш автор отметил наиболее важные события в боевой учебе. Во-первых, неудачную стрельбу 5-й батареи под командованием капитана Гирша: «Стрельба была “показная”, в присутствии всего начальства. Скандал был полный: все точили зубы, критиковали, ругали, возмущались и т. д. Финалом был приказ по Гв. корпусу, в котором генерал-адъютант Данилов назвал “такую” стрельбу “ПРЕСТУПНОЙ”. Кто виноват? Конечно, прежде всего сам Гирш, но называют еще виновным взводного офицера поручика Шталя, а также другого офицера – подпоручика Тихобразова»⁵⁵. Во-вторых, как бы в противовес этому негативному примеру, В.С. Савонько записывает: «Стрельба нашей 4 батареи под командой капитана Рерберга по форту Константина во время Кронштадтского бунта, причем стрельба была чрезвычайно удачной. Фельдфебель Артемьев получил знак отличия Св. Анны с бантом и медаль “За храбрость” на Георгиевской ленте»⁵⁶.

20 марта 1907 г. 3-я и 6-я батареи бригады участвовали в первой в истории гвардейской артиллерии «зимней стрельбе»⁵⁷. Впрочем, как свидетельствует В.С. Савонько, погода была максимально благоприятной: + 7 и выше.

Очередным нововведением стали так наз. «показательные стрельбы», на которых были обязаны присутствовать все офицеры бригады. Суть этих стрельб В.С. Савонько описывает следующим образом: «Все офицеры

⁵² Беляев И.Т. «Где вера и любовь не продаются»: Мемуары генерала Беляева. СПб., 2015. С. 114.

⁵³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 94.

⁵⁴ Параскевов В.С. Деятельность государственных и военных органов... С. 146.

⁵⁵ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 153.

⁵⁶ Там же. Л. 153.

⁵⁷ Там же. Д. 116. Л. 21.

должны наблюдать и записывать свои наблюдения, а затем командир бригады, после доклада и разбора стрельбы стрелявшим командиром батареи и командиром дивизиона, – “вытягивает” кого-нибудь из гг. офицеров и приказывает доложить свои замечания и наблюдения. Как ни верти – получается несомненная критика действий штаб-офицера, и этот “номер” большинство сочло неудачным»⁵⁸.

8 июня 1907 г. состоялись ночные стрельбы, для участия в них от каждой бригады было выставлено по одной батарее: «“Ночь” не слишком темная, но зрелище стреляющих орудий и шрапнельных разрывов все же весьма эффектное»⁵⁹.

Подготовка офицеров и вооружение гвардейской артиллерии

Традиционная подготовка офицеров бригады включала обучение верховой езде, проверку теоретических и практических знаний на смотрах, проверку навыков командования взводами и командами. Помимо стрельбы из орудий офицеры и нижние чины бригады обучались стрельбе из револьверов. Офицерские стрельбы проводились, как правило, в апреле перед выступлением в лагерь. Местом их проведения был Семеновский плац. По результатам стрельбы определялись кандидаты, которые могли претендовать на участие в соревнованиях на призы.

Традиционным видом проверки являлся смотр для офицеров, прикомандированных к бригаде в последний год. Как явствует из дневника В.С. Савонько, 14 апреля 1900 г. комиссия из штабс-офицеров бригады в присутствии командующего артиллерией экзаменовала офицеров, пополнивших ряды бригады за последний год⁶⁰. Как правило, проверялись офицеры лишь в чине не старше поручика. 5 апреля 1901 г. состоялся обычный весенний экзамен офицерам по особой программе. Комиссия из командиров дивизионов проверяла знания двух офицеров, выбранных из каждой батареи⁶¹.

В начале XX века в гвардейской пешей артиллерии состояли на вооружении легкие пушки образца 1877 г. на лафетах образца 1895 г. Они были калибром 3,42 дюйма (87 мм). Дальность стрельбы гранатой – до 6,4 км, шрапнелью – до 3,4 км. Вес гранаты – 6,9 кг. Граната снаряжена черным порохом. Начальная скорость снаряда – 373 м/с. Вес пушки в боевом положении – 1038 кг.

Первоначально все пушки образца 1877 г. изготавливались с горизонтальными клиновыми затворами, которые при зарядании сдвигались в сто-

⁵⁸ Там же. Л. 162 об.

⁵⁹ Там же. Л. 166.

⁶⁰ Там же. Д. 114. Л. 19 об.

⁶¹ Там же. Л. 31.

рону, открывая казенную часть ствола. С 1893 г. легкие пушки изготавливались с поршневыми затворами, значительно более совершенными, чем клиновые. Поршневой затвор позволял одним движением руки замкового отпереть затвор и выдвинуть его назад и в сторону, открывая казенную часть орудия. Заряжание было раздельно-картузным, то есть в орудие следовало сначала вложить снаряд, а затем пороховой заряд в тканевом картузе.

Лафеты полевых орудий образца 1895 г. имели ряд прогрессивных черт. Сошник был увеличен в размерах и получил каучуковый буфер, который сжимался при откате орудия, а распрямляясь, возвращал его в то положение, которое оно занимало до выстрела. Отпала необходимость накатывать орудие после каждого выстрела, правда, орудие стало сильно подпрыгивать при выстреле. Появился поворотный механизм, позволявший наводить орудие по горизонтали в секторе $\pm 2,5$ градуса. Прицельная линия была вынесена вбок, благодаря чему наводчик теперь мог наводить орудие одновременно с заряжением. Были усовершенствованы каучуковые буфера на осях орудия, которые подрессоривали его при движении и смягчали удар по оси при выстреле. Скорострельность при новом лафете возросла до 7–8 выстрелов в минуту.

До середины 90-х гг. XIX в. эти орудия стреляли дымным порохом, а затем были введены заряды бездымного пороха. Важнейшим преимуществом последнего было почти полное отсутствие дыма при стрельбе. Дым демаскировал орудие и крайне мешал наблюдению за полем боя.

В походе орудие соединялось с передком. Передок представлял собой одноосную повозку с закрепленным на ней ящиком для боеприпасов. При движении специальное кольцо на хоботе лафета орудия надевалось на крюк передка. В передок запрягались попарно 6 лошадей. На каждой левой лошади сидел ездовой. На передке перевозились три артиллериста. Еще два человека сидели на сиденьях на лафете по сторонам ствола орудия.

Зарядный ящик (образца 1889 г.) также представлял собой одноосную повозку с ящиком для снарядов, которая соединялась со своим передком, запряженным точно так же, как и орудийный. На зарядном ящике и его передке перевозилась часть расчета.

Пешая батарея в военное время состояла из 8 орудий, 12 зарядных ящиков. На одно орудие перевозилось 150 снарядов.

В 1902 г. в России было принято на вооружение принципиально новое полевое орудие – 3-дюймовая (76 мм) полевая пушка. Дальность стрельбы гранатой – до 8,7 км, шрапнелью – до 8,2 км. Вес пушки в боевом положении – 1106 кг (позднее, после введения щита, вес орудия увеличился до 1350 кг). Вес гранаты – 6,1 кг. Начальная скорость – 588 м/с. Эти гранаты изготавливались из стали и были начинены тротилом – значительно более мощным взрывчатым веществом, чем порох.

У этого орудия впервые в России появились противооткатные устройства современного типа. После выстрела ствол откатывался назад вдоль своей оси и тормозился гидравлическим тормозом отката (в качестве жидкости использовалось машинное масло), а затем возвращался в исходное положение пружинами накатника. При этом лафет оставался неподвижным. Такое устройство позволило значительно увеличить скорострельность – до 10–12 выстрелов в минуту. Передки и зарядные ящики остались практически теми же, что и для пушки предыдущего образца.

В связи с принятием на вооружение скорострельного орудия Путиловского завода образца 1902 г. офицеры бригады прилагали максимум усилий к изучению новой материальной части. Нельзя оставить без внимания и запись от 2 января 1904 г.: «Михаил Георгиевич герцог Мекленбург-Стрелицкий о скорострельной пушке (после первых уроков обучения): – “Нет, это слишком сложно. Это какая-то машина, у которой из всех дыр течет масло!”»⁶²

12 января офицеры бригады в присутствии командующего гвардейской артиллерией генерал-лейтенанта Хитрово знакомились с устройством замка нового орудия, а со следующего дня началось перевооружение. Обучение велось интенсивно как путем устных объяснений со стороны офицеров, изучивших новые артиллерийские системы, так и путем изучения наставлений: «15 января. От 7 – 9 часов вечера. Объясняли: штабс-капитаны Крутиков и Алымов. Руководствами пользуюсь: 1) официальным и 2) записками юнкера Главного артиллерийского управления Богаевского»⁶³.

Гвардейская артиллерия получила первые образцы этих орудий в январе 1904 г., затем они были отправлены в действующую армию. Перевооружение гвардейской артиллерии произошло лишь после окончания Русско-японской войны.

Начиная с 1906 г. 3-дюймовые пушки образца 1902 г. постепенно оснащались броневыми щитами для защиты прислуги от пуль и осколков и панорамными прицелами, которые позволяли вести огонь с закрытых позиций (так, что наводчик не видел противника, а наводил пушку по вспомогательной точке наводки, по команде наблюдателя). В.С. Савонько впервые упоминает такое модернизированное орудие в записи 29 сентября 1907 г.⁶⁴ К началу Первой мировой войны все пушки образца 1902 г. имели щиты и панорамные прицелы.

Личное оружие нижних чинов русской артиллерии в конце XIX в. составляли револьверы и укороченные шашки. Накануне Первой мировой войны артиллеристы были перевооружены карабинами образца 1907 г. и кинжалами-бебутами, но в гвардейской артиллерии вплоть до конца 1909 г.

⁶² РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 4.

⁶³ Там же. Л. 6.

⁶⁴ Там же. Д. 116. Л. 49 об.–50.

личное оружие оставалось прежним. Офицеры были вооружены шашками и револьверами или пистолетами нескольких систем – выбор конкретного типа оружия оставался на воле офицера.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ

27

В офицерской среде бытовало мнение, что «теоретическая подготовка несколько не помогает разбираться в обстановке военного времени, так как во время войны неизбежно выводятся из равновесия духовные стороны человека, благодаря чему многое из того, что хорошо известно в мирное время, упускается из виду с первым шагом в поле»⁶⁵. С октября 1902 г. для офицеров стали практиковаться вечерние занятия, что рассматривалось ими как покушение на свободу офицерских досугов. В числе этих занятий выделялись лекции капитана С.Т. Беляева, подготовленные по результатам командировки во Францию. По свидетельству В.С. Савонько: «Лекция очень интересна, так как близко затрагивает современную французскую полевую артиллерию с технической и тактической стороны»⁶⁶. Капитан С.Т. Беляев за время пребывания во Франции познакомился с тактикой французской скорострельной артиллерии, разработанной генералом Ланглюа⁶⁷. Забегая вперед, заметим, что отношение к этому офицеру у В.С. Савонько по каким-то причинам радикально поменялось в худшую сторону. 9 марта 1909 г., прослушав лекцию полковника С.Т. Беляева на тему «Организация практических и боевых стрельб батарей, дивизионов и бригад», В.С. Савонько записывает: «Это был жалкий лепет кретина. К счастью, он читал так тихо, что половина его не расслышала»⁶⁸.

Важное место в обучении офицеров стало отводиться и теоретическим занятиям, в ходе которых осмысливался опыт Русско-японской войны: «От 6½ часов вечера до 8 часов вечера в офицерском собрании бригады при собрании всех офицеров во главе с его высочеством командиром бригады поручиком Беляевым (Тимофей Тимофеевич, адъютант 1 дивизиона, участник войны в горной № 3 батарее) был прочитан доклад о действиях 3 горной В.С. батареи на театре войны. Доклад был очень интересен, благодаря правдивым штрихам, охарактеризовавшим некоторых начальников и полки в их истинном освещении (увы! отзывы не всегда были лестные!). Кроме карт и схем демонстрировано было горное 3 дм. скорострельное орудие. Отзыв Беляева об орудии (система Перепелкина) – “Вся система выше всякой похвалы”»⁶⁹.

⁶⁵ Разведчик. 1903. № 664.

⁶⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 65.

⁶⁷ См.: Беляев И.Т. «Где вера и любовь не продаются». С. 112–113.

⁶⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 149 об.

⁶⁹ Там же. Л. 23 об.

11 апреля тема осмысления опыта минувшей войны была продолжена докладом поручика Дурова, сделанным в присутствии командующего Гвардейским корпусом генерал-адъютанта Данилова: «Доклад поручика Дурова можно назвать прекрасным. Он ясно и дельно обрисовал всю боевую деятельность батареи. Особенно подробно он остановился на бое у Кудязы (февраль 1905 года) – бое, участником которого был и генерал Данилов»⁷⁰. Докладчик решился на весьма важные выводы: о необходимости подчинения артиллерийских частей пехотным начальникам, о желательности упрощения угловой стрельбы «до крайних пределов», о преимуществах 4-орудийного состава батарей.

Теоретическое обучение офицеров продолжалось посредством чтения еженедельных лекций. Особенно интенсивно процесс обучения протекал с 1909 г. Приведем записи только за первый квартал этого года.

Под 7 января 1909 г. В.С. Савонько записывает: «Сегодня штабс-капитан фон Рейнгард 1 (2 стрелковой батарее) открыл серию сообщений для офицеров бригады. Читал он 50 минут о Боксерском восстании 1900–1901 года. Это, без сомнения, ученическая лекция, в которой никто ничего нового не почерпнул. Такая лекция была бы незаменима для прапорщиков или для кадет младшего класса. Для нас же – это почти потерянное время»⁷¹. Под 14 января В.С. Савонько оставляет свои впечатления от следующей лекции: «2-я лекция в нашем собрании (см. 7 января). На этот раз читал капитан Алымов о бое при Шахэ. Удовлетворительно, бледно, длинно (1 час 10 минут), скучно и довольно бессистемно!»⁷² Под 21 января заносится следующая запись: «3-я лекция в нашем собрании (см. 14 января). Читал капитан фон Энден: “Потери от Артиллерийского огня”. Лекция – коротенькая (40 минут), бессвязная и детски-наивная»⁷³.

Еще более негативное впечатление вызвала лекция, прослушанная 28 января: «От 12½ часов мы имели несчастье слушать “лекцию” штабс-капитана Есимантовского о “пулеметах”. Это в полном смысле слова бездарное чтение и притом в буквальном смысле слова, так как Есимантовский не рассказывал, а читал по писаному. Промучив нас около часу, он прикончил свое мямленье, но после него вдруг «выскочил» полковник Крутиков (командир 6 батареи) и начал рассказывать об эпизодах Китайской войны, в которой он принимал участие со 2-й стрелковой батареей. Связи с лекцией Есимантовского не было никакой, хотя в его рассказе и фигурировал пулеметный взвод подпоручика Новогребельского. Тем не менее его рассказ, как рассказ умного человека, да еще участника события, нас заинтересовал и немного возна-

⁷⁰ Там же. Л. 25–25 об.

⁷¹ Там же. Л. 138 об.

⁷² Там же. Л. 139 об.

⁷³ Там же. Л. 140 об.

градил за бесталанную лекцию штабс-капитана Есимантовского. Жаль, что чтение лекций вообще не поручено тем лицам, коим есть что читать, а поручено тем, кто их отбывает как скучный и нудный номер»⁷⁴.

25 февраля: «Около 1 часу дня началось сообщение штабс-капитана Рейнталя об окопах по опыту Русско-японской войны. Это – довольно удачный экстракт из книги полковника Голенкина (изд. 1907 года), но читал Яша не эффектно, монотонно и сонливо. Закончил он свое сообщение (в 1½ часа дня) указом Петра 1 Военной коллегии, в котором великий царь приказывает всем офицерам изучать военное искусство»⁷⁵. 27 февраля многие офицеры бригады посетили Николаевскую академию Генерального штаба, где прослушали 1-ю лекцию по тактике «Охранение» генерал-майора Данилова⁷⁶.

4 марта: «От 12½ часов дня и до 1¾ часа в нашем офицерском собрании было сделано сообщение капитаном л.-гв. Саперного батальона Брилевым на тему о роли инженерных войск и современной полевой войне. Капитан Брилевич был в обыкновенной форме (в мундире при орденах). Сообщение его отличалось солидной содержательностью и полным знанием дела. Как лектор – он очень хорош, и его сообщение было награждено нами аплодисментами»⁷⁷.

9 марта состоялись две лекции, прочитанные для офицеров гвардейской артиллерии. Первую из них читал один из образованнейших офицеров, полковник Беляев, на тему «Организация практических и боевых стрельб батарей, дивизионов и бригад». Вторую лекцию, «Обзор Восточного театра в стратегическом и статистическом отношениях: вооруженные силы Австро-Венгрии, организация и дислокация в настоящее время», блестяще прочитал штабс-капитан Драке⁷⁸.

11 марта офицеры гвардейской артиллерии вновь прослушали три лекции: начальника Красносельского артиллерийского полигона полковника Лукашевича: «О стрельбе дивизиона», командира 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Мясоедова: «Обзор стрельбы Офицерской артиллерийской школы в 1908 г.» и начальника 2-го артиллерийского парка Радкевича «Об организации парков»⁷⁹. Оба первых докладчика подверглись жестокой критике в дневнике В.С. Савонько, третий удостоился сдержанной похвалы. Вероятно, причиной негативного восприятия лекции Лукашевича были частые ссылки на авторитет подполковника Гобято, который находился в конфликте с большинством офицеров лейб-гвардии 1-й артил-

⁷⁴ Там же. Л. 141.

⁷⁵ Там же. Л. 146.

⁷⁶ Там же. Л. 146–146 об.

⁷⁷ Там же. Л. 147 об.

⁷⁸ Там же. Л. 149 об.

⁷⁹ Там же. Л. 150–150 об.

лерийской бригады. Нельзя также оставить без внимания и высказывание З.Е. Барсукова о трудностях усвоения в среде артиллеристов представлений о преимуществах стрельбы с закрытых позиций⁸⁰.

16 марта в помещениях лейб-гвардии Конной артиллерийской бригады состоялся очередной вечер сообщений: «Первым читал полковник Ивашинцов (командир 2 дивизиона Гв. конной) о тактике конной артиллерии (полчаса), вторым – капитан Шарпантье (л.-гв. 2-й артил. бр.) о пулеметах и третьим – полковник князь Эристов (командир 1 е. в. батареи Гв. конно-артил. бр.) – об организации артиллерийских маневров»⁸¹.

23 марта офицеры гвардейской артиллерии прослушали три лекции: «Первым читал полковник Илькевич (командир 5 батареи нашей бригады) на тему: “Южное побережье Финского залива в стратегическом и тактическом отношениях”, вторым – полковник Виноградский (командир 2 батареи Гв. конно-артил. бригады) о боевом употреблении артиллерии по опыту Русско-японской войны и третьим – флигель-адъютант полковник Демидов (командир 2 дивизиона нашей бригады) о тяжелой артиллерии (мортиры и гаубицы)»⁸².

Нельзя не признать, что темы сообщений являлись актуальными в свете осмысления опыта Русско-японской войны. Перед слушателями ставилась задача ознакомиться с новыми средствами вооруженной борьбы, а также с новыми тактическими приемами. Что касается качества лекторов, то здесь существовало недопустимое в условиях военной столицы империи большое разнообразие. Наряду с лекциями выдающихся преподавателей чтение поручалось совершенно случайным людям, готовившим материал на основе знакомства с одной-двумя брошюрами.

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ

Тактические занятия впервые упоминаются в дневниковых записях от 2 и 9 декабря 1903 г. Эти тактические игры были организованы капитаном Н.А. Илькевичем и проводились на его квартире. «В двух комнатах на столах были приготовлены карты (топографические), а на маленьком столике уставы, пособия, шашки (тактические) и пр.»⁸³. Первой игрой руководил Л.Ф. Гартунг, второй – капитан Н.А. Илькевич. Любопытно, что инициатива проведения тактических игр исходила не от командиров бригады и дивизионов. Следующая запись о тактической игре появится в дневниках В.С. Савонько спустя 2,5 года!

⁸⁰ Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. С. 47.

⁸¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 152.

⁸² Там же. Л. 153 об.

⁸³ Там же. Д. 114. Л. 128.

23 марта 1906 г. впервые после декабря 1903 г. появляется запись о военной игре: «Был у Н.А. Илькевича (командир 5 батареи), в квартире которого была им организована “военная игра”. С одной стороны были: полковник Гартунг, капитан Кавтарадзе и поручик Бородин. С другой: полковник Смысловский, поручик Чернявский и подпоручик Снигиревский. Руководил полковник Илькевич. Я исполнял некоторые поручения Н.А., следя за обеими сторонами. Организация игры была блестяще задумана и выполнена хозяином»⁸⁴. 29 марта игра состоялась вновь.

15 и 17 апреля 1909 г. впервые состоялась бригадная тактическая игра. Организацию игры и ее результаты В.С. Савонько оценил крайне скептически: «Нам еще далеко до настоящей, хорошо организованной тактической игры! Вместо нее сплошной кабак, так как почти никто ничего не знает и мало чем интересуется. Один отряд (2-й дивизион бригады и 2 стрелковая батарея) под начальством полковника Илькевича (командир 5 батареи) заседал в карточной комнате, а другой отряд (Северный, 1-й дивизион бригады и 1 стрелковая батарея) под начальством полковника Пономаревского-Свидерского 1 (командир 1 стрелковой батареи) заседал в гостиной. Я был – в северном отряде. Наши турки-дивизионеры играли роль посредников и старательно все перепутывали. Особенно “пуздрил” полковник фон цур Милен, непрерывно дававший неверные сведения. Все прочие офицеры тщательно распределили между собою роли, но в общем почти никто ничего не делал, руководство было слабое, и “игра” затянулась в среду до 4 часов дня (с 12¼), а сегодня до 3½ часов дня... В заключение генерал Головачев объяснил нам весь ход игры (тема современная: немецкий десант близ С[.]-Петербурга) и обещал на будущий год – более рациональную постановку занятий»⁸⁵.

Главным недостатком в организации тактической игры В.С. Савонько считал непригодность большинства штаб-офицеров: «Но заранее можно сказать, что молодежь не заинтересуешь, если во главе стоят такие патентованные в тактическом отношении ослы, как Горбачевич, фон цур Милен, Мясоедов, Погребняков и проч. и проч. Дайте авторитетного и знающего руководителя, дайте авторитетного и знающего начальника отряда, авторитетных и знающих посредников – и я ручаюсь, что никто из гг. офицеров не найдет тактическую игру скучным и бесцельным занятием!!»⁸⁶

Новинкой стали и тактические задачи, которые ставились вышестоящим начальством во время смотров. Например, как записал В.С. Савонько со слов товарищей, на смотре 9 июля начальник 1 гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант Мрозовский (ранее служивший в бригаде) «задал генералу Головачеву две тактические задачи и на раз-

⁸⁴ Там же. Д. 115. Л. 129.

⁸⁵ Там же. Д. 116. Л. 158.

⁸⁶ Там же. Л. 158.

боре, несомненно, дал ему в “дупу” за неостроумное и неправильное их решение»⁸⁷.

Для решения тактических задач в полевых условиях были разработаны «полевые поездки»⁸⁸. В период с 9 по 16 сентября 1909 г. В.С. Савонько был командирован для участия в одной из полевых поездок, которые начали практиковаться штабом округа. После составления диспозиции 10 сентября офицеры совершили выезд в район Пулковских высот. Первый опыт оказался неоднозначным: «В общем, сегодняшняя полевая поездка была для меня весьма поучительна. Скорее – это был маневр с обозначенным противником, а уж никак не “решение задачи в поле”. Нет общих совещаний, рассуждений – ...мало дельных указаний со стороны руководителей и полное отсутствие серьезной организации...»⁸⁹

Полевое занятие 12 сентября получило уже совсем другую оценку: «Сегодняшняя полевая работа была несравненно более “продуктивной”, чем предыдущая. Сегодня уже смело можно говорить, что она принесла мне некоторую пользу... “Письменная” часть выразилась в том, что я представил: 1) кроки позиций, 2) панораму и 3) 2 письменных приказа: начальника артиллерии и командира 1 батареи»⁹⁰.

Заключительное полевое занятие состоялось 16 сентября на местности между Царским Селом и Павловском. Организация вновь была не идеальной, поэтому поучительность занятия была неодинаковой для всех участников. Итоговый разбор полевой поездки был произведен в Павловске: «Дельные замечания дали: генерал Зайончковский, полковник Генерального штаба Добрышин, генерал Яблочкин и полковник Вешняков (командир

⁸⁷ Там же. Л. 186.

⁸⁸ См.: «С 1909 г. по инициативе Офицерской артиллерийской школы начали практиковаться так называемые артиллерийские поездки как одна из форм подготовки офицеров. Это были занятия с офицерским составом в поле, имеющие целью дать практику в решении артиллерийско-стрелковых и тактических задач на местности. Для проведения поездки разрабатывалась определенная задача на тактическом фоне. Поездки начинались в составе батареи, затем – дивизиона и бригады. Для их проведения привлекались: определенное количество офицеров, разведчиков-ординарцев и телефонистов-сигнальщиков со средствами связи и приборами, а иногда и одно-два орудия от батареи. Часть офицеров назначалась на должности, остальные присутствовали на занятиях и могли высказывать свои замечания по ходу занятий и работе действующих лиц. Разбор поездок проводился в поле, а по вопросам технического характера – в классе. Однако при очевидной полезности этой формы подготовки офицеров артиллерийские поездки в частях проводились редко» (Параскевов В.С. Деятельность государственных и военных органов С. 135).

⁸⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 200.

⁹⁰ Там же. Л. 200 об.

3 батареи нашей бригады). Полный разбор всей поездки дал полковник Христиани. В заключение генерал Зайончковский заявил, что вполне удовлетворен всем виденным и должен отметить большой интерес и энергию, какую проявили все участники поездки»⁹¹.

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ

Физическая подготовка офицеров в период, предшествующий военным реформам, сводилась преимущественно к верховой езде и строевым занятиям при подготовке к смотрам и парадам, а также к участию в маневрах во время лагерных сборов.

В 1899 г. занятия с офицерами должны были начаться с 19 октября, но, как отмечает Владимир Степанович, «занятий сегодня не было, ибо никто из начальства не пришел»⁹². Трудно допустить, что занятий с офицерами не было в течение всего года, но в дневниках за 1899 г. о них больше не упоминается. Лишь под 14 марта 1900 г. находим запись о смотре верховой езды офицеров бригады в присутствии командующего гвардейской артиллерией генерал-лейтенанта Канищева⁹³.

3 июня состоялся экзамен всем офицерам, прикомандированным к лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде: «Офицеры представляли взвод в конном строе, затем ездили в смене и командовали в парке на ученье»⁹⁴. Причем наш автор счел необходимым заметить, что это первый экзамен со времен командующего бригадой генерала Баумгартена⁹⁵. Следовательно, на протяжении пяти лет экзамен для прикомандированных офицеров не практиковался.

Под 16 октября 1900 г. наш автор записывает: «Началась обычная верховая езда гг. офицеров, вначале без стремян и на уздечке. В нашем 1-м дивизионе по понедельникам, средам и пятницам, от 11 – 12 под руководством (обучением) полковника Берникова»⁹⁶. 23 марта 1901 г. состоялся смотр верховой езды офицеров в присутствии временно командующего гвардейской артиллерией генерал-майора Ляпунова⁹⁷.

Опыт Русско-японской войны наглядно продемонстрировал недостатки подготовки офицерского корпуса в физическом отношении. С 1907 г. стали предприниматься меры к улучшению физической подготовки.

⁹¹ Там же. Л. 201.

⁹² РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 11 об.

⁹³ Там же. Л. 18.

⁹⁴ Там же. Л. 20 об.

⁹⁵ Генерал А.Т. Баумгартен командовал бригадой в 1890–1895 гг.

⁹⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 23.

⁹⁷ Там же. Л. 30 об.

В 1907 г. продолжилось введение новшеств в процесс обучения. Так, под 7 февраля В.С. Савонько делает запись о том, что вместо обычной езды в манеже офицерами Управления бригады стали практиковаться «пробеги», т.е. поездки на свежем воздухе по заранее определенному маршруту на дистанции 15–17 верст и продолжительностью 1,5 часа. 10 февраля 1907 г. состоялся первый в истории бригады состязательный «пробег», в котором приняли участие 12 офицеров. Дистанция пробега составляла 20 верст. Победителем пробега стал подпоручик Бутовский, прошедший дистанцию в 53 минуты⁹⁸.

11 марта состоялся первый конкурс верховой езды офицеров в Михайловском манеже. Выступление офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады оказалось провальным: «Выступление наших “чэмппионов” было, по обыкновению, меланхоличное. Поручик фон Руммель (на лошади штабс-капитана фон Эндена) с места повалил и истоптал все препятствия, а поручик Стефанов (гв. Стр. артил. дивизиона) при вторичном своем выезде не взял ни одного препятствия, так как лошадь его не пошла на первый же барьер»⁹⁹.

В записи под 4 апреля 1907 г. отражается очередное новшество в обучении офицеров верховой езде: «Впервые в этом году на смотре гг. офицеры проделывали “рубку” и “уколы” (чучело, глина, лоза)»¹⁰⁰.

С 1907 г. обязательным элементом всех смотров стала гимнастика, наряду со строевой подготовкой, приемами при орудиях, верховой ездой, гимнастические упражнения демонстрировались при посещении бригады вышестоящим начальством и иностранными делегациями. В рамках совершенствования боевой подготовки офицеров 2 мая 1907 г. было принято решение оборудовать в помещениях бригады фехтовальный и гимнастический залы, а также тир для стрельбы¹⁰¹. Представление о принципиальной важности гимнастики и фехтования сделалось преобладающим в высших военных сферах. Командующий Гренадерским корпусом в Московском военном округе генерал-лейтенант Э.В. Экк вспоминал: «Главным средством для настоящей физической подготовки офицеров считал образование гимнастическо-фехтовальных школ в дивизиях и полках, занятия спортом, широкое ведение занятий полевой гимнастикой круглый год, офицеры обязательно в голове своих рот...»¹⁰²

16 февраля 1908 г. по уже заведенной традиции состоялся состязательный конный пробег офицеров на дистанцию 20 верст. На этот раз жюри для

⁹⁸ Там же. Д. 116. Л. 6 об.–7.

⁹⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰⁰ Там же. Л. 23 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 28 об.

¹⁰² Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868–1918 г. М., 2014. С. 348.

определения победителя принимало во внимание и состояние лошади¹⁰³. 2, 9, 16 и 30 марта в Михайловском манеже прошли состязания по конкуру, в которых приняли участие офицеры и нижние чины бригады. Программа соревнований включала в себя верховую езду, скачки с препятствиями, рубку. 29 марта состоялся смотр верховой езды офицеров, в тот же день офицеры демонстрировали стрельбу из револьверов впервые в бригадном тире¹⁰⁴.

На общем собрании офицеров 1 декабря 1908 г. было учреждено спортивное общество бригады¹⁰⁵. Председателем спортивной комиссии стал полковник Е.В. Пономаревский-Свидерский 1-й.

3 февраля 1909 г. состоялся очередной конный пробег офицеров. Пробег был организован спортивной комиссией бригады. На этот раз на дистанцию 45–48 верст. Норма пробега по времени была определена в 3 часа 30 минут. Победители пробега между тем финишировали с результатами: 2 часа 25 минут, 2 часа 30 минут и 2 часа 34 минуты¹⁰⁶.

21 февраля при участии бригадной спортивной комиссии состоялись состязания по езде с препятствиями. В соревнованиях приняло участие 9 офицеров. В качестве препятствий были выставлены «корзина», ров, плетень. По свидетельству хроникера «лучше других скакал поручик фон Руммель и подпоручик Нестеров. Позорно плохо ездил капитан фон Энден, очень плох был поручик Перлик и довольно комичен и плох штабс-капитан Шанявский. На этот раз весьма неудачно ездил поручик Стефанов, и, начав хорошо, сплоховал под конец подпоручик Миллер. Весьма удовлетворителен был подпоручик Тихонравов. Призов было 3 и все их “забрал” поручик фон Руммель»¹⁰⁷. После офицеров препятствия брали нижние чины, выставленные от каждой батареи.

В период лагерных сборов не прерывало своей деятельности и спортивное общество бригады. 27 июля 1909 г. была организована состязательная стрельба офицеров из револьверов: «Вот результаты: 1-й приз взял, конечно, поручик фон Руммель (кв. 42), второй – поручик Перлик и 3-й – штабс-капитан Чернявский (кв. 136). Еще 2 офицера попали по 7 пуль: подпоручик Манакин (кв. 477) и подпоручик Нестеров – 403). Остальные имели “промах”»: Полковник Вешняков, подпоручик Голубцов и подпоручик Тихонравов»¹⁰⁸.

4 октября 1909 г. в Михайловском манеже состоялось представление шведской гимнастики. Гимнастические упражнения демонстрировали 25 офицеров, специально приехавших из Швеции. Публику составляли почти

¹⁰³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 71–72 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 77.

¹⁰⁵ Там же. Л. 126 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 142–142 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 144.

¹⁰⁸ Там же. Л. 188.

исключительно офицеры и генералы. В отдельной ложе присутствовали военный министр Сухомлинов и великий князь Константин Константинович. Представление прошло следующим образом: «На арену вышли шведские офицеры, одетые в белые гимнастические костюмы, и проделали в течение слишком часа всевозможные вольные движения, бег и гимнастику на машинах. Им, конечно, все горячо аплодировали. По окончании гимнастики шведы 4 раза прокричали “ура”, а музыка сыграла шведский народный гимн»¹⁰⁹.

16 октября 1909 г. состоялась первая в новом учебном году офицерская езда. Под 16 октября автор дневника заносит запись о нововведениях в процессе обучения офицеров: «До сего времени в бригаде существовали два рода “офицерских занятий” – 1) верховая езда (см. 12 октября) и 2) тактика и артиллерия. В этом году впервые введены еще “офицерская гимнастика” (о ней я скажу после) и “офицерская стрельба из револьверов”. Стрельба будет происходить один раз в неделю (в 1 дивизионе – по пятницам) в нашем бригадном тире»¹¹⁰. Кстати, под тем же числом В.С. Савонько сообщает, что первая офицерская стрельба из револьверов состоялась в тот же день. Автор дневника показал крайне незавидный результат: 2 попадания из 7 выстрелов. В записи под 27 октября помещено описание офицерской гимнастики: «Сперва мы начали с так называемых “вольных движений”. Все офицеры встали в одну шеренгу, рассчитались “на два” и “на месте” и перестроились в 2 разомкнутые шеренги. Сам полковник фон цур Милен встал на правом фланге и делал упражнения вместе с нами. Командовал поручик Наркович (прошлый раз подпоручик Жиленков) по “Гусарскому” уставу. Командовал плохо... В общем упражнения велись не очень стройно, и недостаточно соблюдалась дисциплина в строю. После “вольных движений” перешли на “машины”. На них каждый офицер делал что хотел, а некоторые и вовсе ничего не делали. Посему следует признать, что гимнастические офицерские занятия пока еще не налажены. Но и за почин – слава Богу!! Пора поддерживать в офицерах не только верховую езду, но и все остальные виды здорового спорта»¹¹¹.

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛУЖБЕ В 1905–1907 ГГ.

Роль революции 1905 г. в изменениях служебного порядка хорошо осознавалась в офицерской среде, о чем свидетельствует запись под 11 марта: «Грозные события в России заставили встрепенуться и военную бюрократию, и в этом году впервые полетели спешные распоряжения “свыше” о проводах запасных достойным способом (запасные уволены сегод-

¹⁰⁹ Там же. Л. 204 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 206–206 об.

¹¹¹ Там же. Л. 210.

ня – 11 марта)»¹¹². Впервые для увольняемых в запас был отслужен напутственный молебен, перед ними с речью выступил командир бригады, для них было организовано угощение, каждому вручен приказ об увольнении, брошюра с текстом манифеста от 17 октября 1905 г. и объяснениями к нему, а также фотопортреты государя, государыни и наследника. Любопытно, что все документы были подготовлены и присланы из штаба округа.

Одним из последствий русско-японской войны стало появление новых лиц в командовании гвардейским корпусом. Среди них были генералы, отличившиеся в ходе военных действий. Эти события не остались незамеченными нашим хроникером. Под 7 марта 1906 г. он оставляет запись: «Нашу бригаду впервые посетил генерал-адъютант Зарубаев (помощник главнокомандующего)»¹¹³. Под 20 апреля читаем: «Назначен новый начальник артиллерии генерал-лейтенант Фан-дер-Флит – храбрый участник последней войны в качестве начальника артиллерии 1 армейского корпуса»¹¹⁴. Отметим, что наибольшие эмоции офицеров бригады вызывала личность генерал-адъютанта В.Н. Данилова, назначенного командовать Гвардейским корпусом¹¹⁵.

В 1905 г. по причине нарастания революционных волнений казармы лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады стали регулярно использоваться в качестве мест поста кавалерийских частей, вызванных для поддержания порядка в столице. Поскольку для их расквартирования использовались помещения гимнастического зала и манежа, то это приводило к срыву нормальной гимнастической и строевой подготовки личного состава бригады. Разумеется, это вызывало тревогу и раздражение у офицеров, отвечающих за подготовку и обучение. Тем не менее строевое обучение в бригаде было поставлено на отличном уровне.

Исторически сложилась практика, согласно которой впечатления от строевого смотра или парада становились основой оценки подготовки частей. Подготовка к смотру занимала гораздо больше времени, нежели тактическая подготовка или учебные стрельбы.

24–25 февраля 1906 г. в Царском Селе пешая артиллерия в составе 1-й и 2-й лейб-гвардии артиллерийских бригад участвовала в высочайшем смотре. Этот смотр стал триумфом лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

¹¹² Там же. Л. 126 об.

¹¹³ Там же. Л. 126. Зарубаев Николай Платонович (1843–1912), генерал-адъютант (1905), генерал от инфантерии (17 августа 1904 г.), отличился в русско-японской войне 1904–1905 гг.

¹¹⁴ Там же. Л. 134 об. Фан-дер-Флит Константин Петрович (1844–1933), генерал-адъютант (1915).

¹¹⁵ Данилов Владимир Николаевич (1852–1914), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, герой Русско-японской войны.

Прохождение в конном и пешем строю было блестящим. В.С. Савонько с удовольствием пересказывает отклики: «Говорят, что великий князь Николай Николаевич заметил, что лошади наши шли как в цирке. Кто-то из свиты заметил, что пехоте следует поучиться так ходить, как прошел наш пеший батальон. Свита вообще в один голос рассыпала похвалы, заявляя, что это лучший парад в Царском Селе»¹¹⁶. В ходе смотра командир 1-й е. и. в. батареи имени великого князя Михаила Павловича полковник Демидов получил пожалование флигель-адъютантом.

7 марта 1908 г. расположение бригады посетил командующий войсками гвардии великий князь Николай Николаевич¹¹⁷. Он осмотрел казармы, посетил места занятий, проверил кухни и вызвал по тревоге 2-ю батарею. По свидетельству В.С. Савонько, «2-я батарея собиралась долго: 50 минут. Причина тому – большой расход людей во всевозможных нарядах. Пришлось подменять людей и даже, кажется, занимать недостающих в 5 батареях»¹¹⁸. Тем не менее великий князь остался доволен.

По материалам дневниковых записей можно проследить, как меняется характер боевой учебы после 1905 г. Командование округом и корпусом требует от командиров подразделений безусловного знания своих подчиненных. В 1906 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович издал приказ, в котором обязал офицеров жить общими интересами с нижними чинами¹¹⁹. Старшие и младшие офицеры батареи должны были знать количество людей в строю, их национальность, вероисповедание, характеристики, включая семейное положение, служебные качества и благонамеренность. Например, в записи от 27 ноября 1908 г. читаем: «Новинкой в смотре можно назвать то, что и Потоцкий (командующий гвардейской артиллерией) требовал от взводных командиров (офицеров и фейерверкеров) твердое знание людей своего взвода, а также требовал от командиров батарей постоянный оружейный расчет, причем знание вызванных сегодня людей он поверял на другой день – при пушке (см. 2 сентября)»¹²⁰.

По инициативе великого князя Николая Николаевича стала практиковаться проверка боеготовности путем объявления внезапных тревог. Например, 10 декабря наш хроникер записал: «В начале 11-того часа утра в казармы бригады прибыл и. д. начальника артиллерии Гв. корпуса генерал-майор Потоцкий и произвел тревогу в е. в., 6 и 1 стр. батареях. Батареи через

¹¹⁶ Там же. Л. 124 об.

¹¹⁷ Великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929) – с 26 октября 1905 года главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

¹¹⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 75.

¹¹⁹ Приказ по артиллерии № 4 // Разведчик. 1906. № 798. С. 90.

¹²⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 126–126 об.

18–20 минут выехали на Большой плац в конном строю (4 орудия). На плацу генерал Потоцкий вызвал по тревоге 4 батарею бригады, которая выехала в конном строю через 13 минут (при одном офицере капитане Явид)»¹²¹.

С учебного года 1908–1909 гг. в практику обучения нижних чинов верховой езде было введено обучение рубке шашкой с коня. 22 февраля 1909 г. в Михайловском манеже был проведен конкурс среди нижних чинов на лучшую рубку¹²².

Новые веяния в обучении и подготовке войск сказались и в предписанных сверху церемониальных маршах, которые было приказано проводить по воскресеньям. С марта по апрель 1909 г. последовали бесконечные репетиции церемониального марша. Личный состав батарей во главе с офицерами месил грязь на бригадном плацу и на Марсовом поле даже в выходные дни. Под 11 апреля В.С. Савонько раздраженно замечает: «Наше начальство от излишней преданности и усердия решило делать репетицию церемониального марша ежедневно (!!!!!) от 2 до 3 часов дня»¹²³. 20 апреля он вновь задается вопросом: «Ведь ходила же до сих пор наша бригада на всех высочайших церковных парадах весьма и весьма прилично, однако такого количества репетиций и “старожилы не запомнят”!!»¹²⁴

В.С. Савонько в качестве факторов, негативно влияющих на боевую подготовку и обучение войск, называет большое количество праздников разного рода (в т. ч. церковных). 24 октября он записывает, что из 10 дней получилось 6 дней прогула: «А так как за эти же дни не менее 2-х “караулов”, во время которых заняты нарядом почти все люди батареи, да еще прибавить один воскресный день, то на долю занятий остается один день!!!! (из ДЕСЯТИ), в который вам и предоставляется пройти, например, треть курса молодых солдат – с “дядьками” (т.е. с будущими “учителями”!!). А дядьки эти – ни в зуб!!!! Плотно перезабыли все уставы, стрельбу, материальную часть, револьвер и проч.»¹²⁵.

Владимир Степанович обладал талантом педагога и имел склонность к занятиям с нижними чинами. Еще будучи подпоручиком, он вел занятия в Учебной команде. Читал лекции солдатам по истории России. Впослед-

¹²¹ Там же. Л. 131.

¹²² Там же. Л. 145–145 об.

¹²³ Там же. Л. 157 об.

¹²⁴ Там же. Л. 159.

¹²⁵ Там же. Л. 190. Следует сравнить это высказывание с наблюдениями современного исследователя: «По мнению ряда военных специалистов, в армии существовал явный избыток так называемых прогульных дней. За год их набегало свыше 100. Они включали 52 воскресенья, табельные праздники в честь членов императорской семьи, православные великие двунадесятые праздники, один ротный, батальонный и полковой» (Вапилин Е.Г. «Все беды в России от праздников?» // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70).

ствии он руководил обучением молодых солдат, и неизменно его новобранцы отмечались командованием бригады как самые подготовленные в строевом отношении. В.С. Савонько ввел в практику обучения молодых солдат экскурсионные занятия, которые он практиковал в должности квартирмейстера, командуя нестроевой командой. Под руководством офицеров солдаты посещали Военно-морской музей, Артиллерийский, музей А.С. Суворова, Зоологический музей, Эрмитаж и др., при этом в роли экскурсоводов, наряду со служителями музеев, выступали офицеры бригады.

КОМАНДИРЫ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ ГЛАЗАМИ ПОДЧИНЕННЫХ

Сухие данные формулярных списков не позволяют составить впечатление о личности офицера, его сильных и слабых качествах, способностях и недостатках. Факты служебной биографии порой позволяют понять отношение к тому или иному офицеру со стороны его начальства, но не дают возможность установить, как относились к нему подчиненные. В.С. Савонько имел самые высокие представления о предназначении офицера. По этой причине он чрезвычайно щепетилен в вопросах офицерской чести и морального облика офицеров. Попытаемся проследить проблему отношения к командирам со стороны обер-офицеров на примере дневниковых записей В.С. Савонько¹²⁶.

Командирами лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, как правило, назначались офицеры, заслужившие хорошую репутацию, по договоренности генерал-фельдцейхмейстера и командующего войсками гвардии, посты которых занимали лица из числа членов императорской фамилии. За период ведения известных на сегодня дневников – 10 лет лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой командовали последовательно: генерал-майоры Т.М. Беляев, Н.Н. Ляпунов, герцог М.Г. Мекленбургский, А.Д. Головачев. Лишь по отношению к первому из них юный подпоручик не выразил своего отношения в дневниковых записях. Следует отметить, что никаких личных конфликтов между молодым офицером и командирами бригады не происходило. Напротив, проходя службу на протяжении нескольких лет в Управлении бригады, он не раз удостоивался благодарности своих начальников.

Характеристика генерал-майора Ляпунова преимущественно отрицательная. В частности, отмечается: равнодушие генерала Ляпунова к делам бригады (прибыв из отпуска раньше срока, в командование бригадой не вступал; без повода, «по капризу» отсутствовал на товарищеском ужине), нарушение принятых норм этикета (провозглашение тоста с бокалом крас-

¹²⁶ См.: Алексеев А.И. Командный состав российской императорской гвардии глазами подчиненных (дневник Владимира Савонько) // *Questio Rossica*. 2018. Vol. 6. P. 727–741.

ного вина вместо шампанского), незнание устава («как всегда, делал замечания, зачастую противореча уставам»), недоброжелательность («хорошего не замечал»).

Главная же претензия к командиру бригады была вызвана громкой скандальной историей с возвращением вопреки договоренности в бригаду офицеров, закончивших курс Михайловской артиллерийской академии. Здесь уже Владимир Степанович дает волю своим чувствам. В записи от 15 октября 1902 г. он замечает: «Если бы вообще Ляпунов не был “шляпой”, то вряд ли три офицера могли вернуться в бригаду против “его” желания»¹²⁷. 6 января 1903 г. восклицает: «Трудно мне в двух-трех словах очертить этот трусливый характер, полный нерешительности... И это командир гвардейской части!!!»¹²⁸ Запись от 3 февраля 1903 г.: «Итак, мое резюме: это грязнейшая история, в которой Ляпунов играет самую подлую роль»¹²⁹, – с горечью восклицает наш автор.

Еще одна претензия, которую наш автор предъявляет к генералу Ляпунову, – это укрывательство им фактов хищения бригадных денег квартирмейстером бригады поручиком Богушевским, находившимся в родстве с женой генерала¹³⁰. Наконец, В.С. Савонько подводит итог деятельности Ляпунова на посту командира: «Я не пожалею о нем, да вряд ли кто его пожалеет!!!»¹³¹

Следующим командиром бригады стал герцог М.Г. Мекленбургский. Наш автор демонстрирует к нему несколько ироничное отношение еще в период, когда тот был командиром дивизиона. Например, когда производилось следствие по делу так наз. «дрейфусов», производивший его генерал Скарятин не желал привлекать его высочество в качестве свидетеля: «Герцога он, кажется, хотел не опрашивать (не знаю почему), но тот обиделся, говоря, что ему есть что написать, и действительно, запершись в музее, что-то накатал. Воображаю, какую чепуху!»¹³² В.С. Савонько отмечает ошибки герцога: «Но у нас в 1 эшелоне полковник герцог Мекленбургский, командуя орудиями, дал залп по 3-й “неправильной” ракете. “Его” залп приняли некоторые другие эшелоны, но большинство артиллерийских эшелонов дали залп правильно – лишь по 4-й ракете. Герцог сам сознает, что он “спуздрил”, но цукнуть некого: сам виноват! Воображаю, как бы он “цукнул”, если бы таковой промах сделал бы кто-нибудь другой – все равно, штаб-

¹²⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 63.

¹²⁸ Там же. Л. 74 об.

¹²⁹ Там же. Л. 81 об.

¹³⁰ Там же. Л. 121 об.

¹³¹ Там же. Л. 122 об.

¹³² Там же. Л. 78.

обер-офицер или фейерверкер...»¹³³ Насмешливо характеризует его робость: «Герцог, как всегда, отвечал “так точно”, “никак нет” с неизменным дрожанием рук и проч., как будто он стоит не пред русским царем, а [пред] китайским богдыханом, который велит немедленно распороть ему живот!»¹³⁴ Тем не менее отношение к герцогу М.Г. Мекленбургскому на посту командира бригады со стороны автора дневников в целом благожелательное.

Герцог М.Г. Мекленбургский снискал репутацию справедливого и взыскательного командира, притом хорошего товарища. В.С. Савонько приводит своего рода программную речь нового командира:

«Герцог сказал всем офицерам речь, очень, сравнительно, гладко, видимо, заранее ее обдумав и выучив... Приблизительно она такова: “Господа, высочайшей волей я назначен командиром л.-гв. 1-й арт. бригады. Я счастлив высокой честью вступить в командование старейшей бригадой, тем более что мундир этой бригады я уже давно имею честь носить. Командуя здесь батареей, а потом дивизионом, я лично имел случаи убеждаться, с каким усердием гг. офицеры относились к той службе, которая им выпадала на долю. Я надеюсь, что если в мое командование возникнут какие-либо мелкие недоразумения или трения – крупные я не допускаю мысли, чтобы они могли быть, – то эти недоразумения или трения легко устраняются, если младшие офицеры всегда будут обращаться за советами к своим старшим товарищам, и таким образом это не будет выходить из дому на сторону, насколько то позволяет долг службы”»¹³⁵.

Он охотно принимал участие в товарищеских обедах и ужинах, а также вечеринках офицеров бригады. Например, по свидетельству В.С. Савонько, его подчиненным неоднократно удавалось увлечь его в «Донон» или «Аквариум». В обществе офицеров командир вел себя вполне компанейски: «Герцог хохотал как зарезанный» или «Герцог был в великолепном настроении духа...»; «Герцог понемногу хмелел, но до конца не терял своего веселого настроения»¹³⁶.

При этом ироничное отношение нашего автора к своему командиру порой проскальзывает: «Михаил Георгиевич герцог Мекленбург-Стрелицкий о скорострельной пушке (после первых уроков обучения): – “Нет, это слишком сложно. Это какая-то машина, у которой из всех дыр течет масло!”»¹³⁷

Особое внимание новый командир уделял внешнему виду нижних чинов: «Герцог не позволяет солдатам носить мало-мальски длинные во-

¹³³ Там же. Л. 104.

¹³⁴ Там же. Л. 112.

¹³⁵ Там же. Ед. хр. 115. Л. 16.

¹³⁶ Там же. Л. 37 об.

¹³⁷ Там же. Л. 4.

лосы. Он всех заставляет стричься машинкой и непременно по понедельникам»¹³⁸.

Из числа других нововведений были еженедельные заседания Управления и штаб-офицеров бригады: «Герцог решил – раз в неделю по средам в 12 часов дня собирать всех штаб-офицеров бригады и чинов бригадного управления для совместных обсуждений текущих дел»¹³⁹. Более деловой характер приобрели бригадные смотры и опросы. Командир наносил визиты всем офицерам бригады и охотно принимал своих офицеров с ответными визитами. Особо отличается открытость, благожелательность, радушие, неизменная корректность нового командира. В.С. Савонько, занимавший должность квартирмейстера бригады, отмечал, что герцог не проявлял ни малейшего интереса к ремонтным работам, зато большое внимание уделял размещению солдат и содержанию лошадей. При этом подготовка всех шести батарей бригады находилась на очень хорошем уровне. Например, на состязательных стрельбах 17 июля 1904 г. все шесть батарей взяли призы за отличную стрельбу и выездку¹⁴⁰. Герцог Мекленбургский покинул пост командира бригады 21 июля 1907 г. Прощание прошло в теплой дружественной обстановке.

В 1907 г. следующим командиром бригады стал генерал-майор А.Д. Головачев. Он долгое время служил в бригаде и был хорошо известен офицерам. Генерал Головачев оставил бригаду, не сделав визитов никому из офицеров, что расценивалось как пренебрежение правилами хорошего тона. Этот конфликт удалось уладить еще до того, как генерал Головачев вступил в командование бригадой. При вступлении в командование генерал Головачев произнес речь, в которой обязался сохранять порядок, существовавший в бригаде при герцоге Мекленбургском. Ораторские способности нового командира В.С. Савонько оценивает довольно критически («в словах его нет прежде всего большого смысла»; «наговорил сплошной набор слов»)¹⁴¹. Генерал Головачев не имел того такта, который был характерен для герцога Мекленбургского: то, о чем герцог просил офицеров (воздержаться от посещения театров в дни траура), генерал Головачев печатал в приказах. В числе новшеств, которые новый командир стал практиковать при смотрах, были опросы командиров взводов относительно состояния нижних чинов. В целом автор дневника оценивает генерал-майора Головачева как «недалекого», «средних способностей» командира. Тактическая подготовка командира бригады явно не была на высоте.

Не упустил В.С. Савонько и склонность своего командира к выпивке: «На другой день я узнал про дальнейшие подвиги наших командиров. Гене-

¹³⁸ Там же. Л. 13 об.

¹³⁹ Там же. Л. 17.

¹⁴⁰ Там же. Л. 26.

¹⁴¹ Там же. Д. 116. Л. 108 об.–109.

рал Головачев “проследовал” на бивак и там продолжал пить, плясал и пел, говорил патриотические речи людям и пр... в общем, до 3 часов ночи». Организаторские способности командира бригады оцениваются крайне низко: «Сам генерал Головачев любит повторять фразу: “знаю, знаю”, но на самом деле ничего не знает, относится ко всему легкомысленно и через минуту забывает все то, о чем только что говорил. Его, следовательно, самого следует руководить, ему следует ежеминутно все подсказывать и зачастую исправлять его неверные фразы, которые он “ляпает” без всякого видимого смущения». В.С. Савонько дает почти убийственную характеристику командиру бригады: «Ничего не знающий, страшно “слабый”, не обладающий никакими организационными способностями, легкомысленный (форменный “мальчишка”) и неосновательный. Такой же и его адъютант (плюс очень глупый и без всякой памяти). Положительно, генерал Головачев может хвастаться, что он “способен устроить в 5 минут какой угодно скандал, где угодно и во всякое время дня и ночи!!” Прибавив к этому частое отсутствие такта – и вот вам портрет командира л.-гв. 1 артиллерийской бригады»¹⁴².

Одним из немногих достоинств генерал-майора Головачева на посту командира автор дневника считает: «Снова отмечаю один из немногих, но несомненных плюсов нашего командира бригады: он заботливо выбирает новобранцев и очень внимательно относится к своим обязанностям на всех разбивках. Результаты – налицо. Новобранцы прошлого и этого года, по отзывам многих офицеров и командиров батарей, много лучше новобранцев прежних годов»¹⁴³.

В.С. Савонько большую часть времени проходил службу в 1-й е. и. в. батарее и, соответственно, подчинялся командирам 1-го дивизиона бригады и командирам 1-й батареи. Какого же мнения он был о своих прямых и непосредственных начальниках? 1-м дивизионом л.-гв. 1-й артиллерийской бригады командовали полковники: герцог М.Г. Мекленбургский, Э.Б. Похвиснев, В.И. Масалитинов, фон цур Милен.

Характеристика герцога М.Г. Мекленбургского была дана выше. Полковника Э.Б. Похвиснева Владимир Степанович оценивает положительно. Он отмечает ораторское искусство, умение логично и ясно излагать свои мысли, достойное поведение в обществе офицеров, остроумие командира дивизиона.

Сколько-нибудь целостная характеристика полковника Масалитинова в дневниках отсутствует. Наш автор пересказывает слухи о том, что полковник Масалитинов в бытность командиром батареи за счет батарейных сумм обзавелся пролеткой. Он также отмечает, что Масалитинов начисто обделен даром слова («не имеет голоса и не умеет читать»). Упоминает Влади-

¹⁴² Там же. Л. 232.

¹⁴³ Там же. Л. 230.

мир Степанович, что в бытность старшим офицером батареи Масалитинов «до того был ленив к службе, что о влиянии его на младших офицеров в смысле строевого образования не может быть и речи»¹⁴⁴. Командир дивизиона лишен организационных талантов и не знает правил ведения собраний общества офицеров, он регулярно председательствует в разного рода комиссиях, но все дела проваливает. Очень емко полковник Масалитинов назван «циником-лентяем» и «бездельником». Это, впрочем, не препятствует полковнику Масалитинову исполнять обязанности временно командующего бригадой.

Относительно полковника фон Милена мнение нашего автора совершенно однозначно негативное. В тактическом отношении фон цур Милен – не что иное как «патентованный осел». Командир дивизиона характеризуется как некомпетентный: «Начальник сам нетверд во всех “премудростях”, а потому круг его вопросов ограничен до микроскопичности. Но эти крупинки “начальственных” вопросов не блещут остроумием. С одной стороны – это вопросы, которые не должны знать инструкторы молодых солдат (т.е. это не из курса молодых солдат, например: детали люльки), а с другой стороны – это, большей частью, “общие места”, на которые не только солдату, но и офицеру ответить затруднительно, ибо эти вопросы допускают миллион гаданий и сотню решений»¹⁴⁵. Репутация фон цур Милена в глазах офицеров бригады незавидная. Его за глаза именуют «турком», поскольку полковник принадлежит к тем, кто «вечно все путают, забывают, неправильно докладывают, пропускают сроки и т.п.»¹⁴⁶. Командир дивизиона, по свидетельству подчиненных, – «абсолютно никогда в батареях дивизиона не бывает и службой вовсе не занимается», «ровно ничего не знает и к тому же ленив до полного игнорирования службы». «В общем, – резюмирует В.С. Савонько, – все непроходимо бессмысленно, добродушно и слабо».

Остается сказать о том, как оценивал автор дневника своих командиров батарей. Первым батарейным командиром подпоручика В.С. Савонько был командир лейб-гвардии 2-й батареи полковник Н.Н. Дитерихс. Как командир батареи он оценивается положительно. В качестве офицера безупречной репутации он являлся председателем суда общества офицеров. Отмечается заведенный им обычай чтения офицерами батареи лекций нижним чинам с «туманными картинками» на темы из русской истории. Черным пятном на репутацию полковника Дитерихса легло его поведение в деле о трех офицерах, вернувшихся с чином в бригаду, поскольку он, вопреки желанию членов суда общества офицеров, пошел на поводу у командира бригады генерал-майора Ляпунова. Автор дневника отмечает, что полков-

¹⁴⁴ Там же. Д. 115.

¹⁴⁵ Там же. Д. 116. Л. 122.

¹⁴⁶ Там же. Л. 132.

ник Дитерихс говорит длинно и нескладно, при ведении собрания он «так запутал вопрос, что даже для понимающих он сделался непонятным»¹⁴⁷.

В.С. Савонько был переведен в 1-ю батарею, шефом которой являлся генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. В батарее числилось немало высочайших особ: великие князья Сергей Александрович, Александр Михайлович и наследник престола Михаил Александрович, а также герцоги Мекленбургские – Георгий Георгиевич и Михаил Георгиевич. Его новым батарейным командиром стал полковник В.А. Лехович. Этот выдающийся строевой офицер стал образцом командира для молодого подпоручика. Он исключительно высоко оценивает организационные и деловые качества своего командира. По вступлении в командование батареей В.А. Лехович обратился с речью к офицерам: «Господа, я надеюсь, что вы поможете мне в деле командования и сродниться с вашею средою. Вне службы не будет ни начальника, ни подчиненных, а будут только старшие и младшие товарищи, как и во всякой семье. Младшие офицеры! Все, что вам нужно – обращайтесь к старшим офицерам. Они вас научат и расскажут... Во всякой батарее есть свой порядок и свои традиции, которых вы пока еще не знаете... А главное, господа, что бы ни случилось – не дай Бог худое – откровенно все сообщайте, и пусть это остается между нами и не будет выноситься из стен!...»¹⁴⁸

Следующим батарейным командиром для В.С. Савонько был полковник Н.П. Демидов. Если судить по формуляру, то это был выдающийся артиллерийский офицер, отдававший все время службе. В ознаменование заслуг он единственным из офицеров бригады был пожалован флигель-адъютантом в свиту императора. Наш автор отмечает достоинства полковника Демидова: «бесспорно выдающийся по своим знаниям». Специально отмечает умелое командование парадом в присутствии императора, а также указывает: «Тосты Демидов произносил громко, внятно и вообще очень хорошо».

В то же время полковнику Демидову адресуются упреки в том, что он «пренебрегает товарищескими отношениями». При этом позднее отмечается неизвестный ранее талант полковника сносно рассказывать интересные анекдоты. История с растратой капитаном Кавтарадзе казенных денег привела полковника Демидова в такую ярость, что он позволил себе кричать на офицеров своей батареи и грозился предать их суду. Остается сказать, что в качестве командира бригаду вывел на войну именно генерал-майор Н.П. Демидов.

Самой уничтожающей характеристики удостоивается полковник Н.А. Мясоедов, командовавший батареей в 1908–1909 гг. Когда стало известно о назначении Мясоедова командиром батареи, В.С. Савонько выразил сожаление, что его командиром будет «заурядный капитан». В первое время оценки нового командира в дневниковых записях отсутствуют, но по косвенным при-

¹⁴⁷ Там же. Д. 115. Л. 18 об.

¹⁴⁸ Там же. Д. 114. Л. 68 об.

знакам можно заметить, что раздражение от общения с командиром батареи накапливалось. В записи от 3 декабря 1908 г. он уже именует Мясоедова «мой жалкий командир»¹⁴⁹. Спустя три дня дается уже развернутая характеристика командира батареи: «Вообще полковник Мясоедов выказал себя весьма неспособным организатором какого-либо празднества. Он теряется, суетится, все забывает, прячется за спинами других, боится генералов и командира, скомкивает всякое торжество, пропускает лучшие номера праздника (например: почему-то не поднесли часов бомбардиру Лебедеву. См.: 3 декабря) и т.д. и т.д. Поведение (жалкое) полковника Мясоедова, его растерянность и недомыслие обращали на себя всеобщее внимание. Он не умеет угощать, не умеет импонировать, выглядит не хозяином батареи, а последней спицей в колеснице, и оттого – он обречен навсегда “проваливать” всякое дело, какое ему только будет поручено». Вечером того же дня, описывая вечеринку офицеров бригады, В.С. Савонько замечает: «(пьян был один Мясоедов, говорил неприлично громко, хвастался и врал...)»¹⁵⁰.

Под 5 марта 1909 г. автор дневника записывает: «Сегодня утром 2-я батарея выступила в поход – в Павловск. Заношу это событие потому, что сперва была назначена на стрельбу не 2 батарея, а 1 е. в., но наш “убогий” командир полковник Мясоедов (кстати сказать, пьяный второй день) заявил, что его батарея не может ехать, так как у нас плох (!!?) конский состав... Плох не конский состав, а единственно командир батареи, жалкий алкоголик и неврастеник!»¹⁵¹

Под 1 июня 1909 г. В.С. Савонько отмечает: «В этот день наш командир батареи полковник Мясоедов стрелял, между прочим, по движущемуся поезду и... не попал в него ни одной пулей. На “разборе” генерал Головачев сказал ему несколько “кислых” слов, и в результате “Мясоедик” часа в 3–4 дня (предварительно, конечно, выпив) подал рапорт о болезни...»¹⁵² От участия в стрельбах на следующий день командир батареи уклонился под предлогом болезни.

В период торжеств по случаю 200-летия Полтавской победы застолия следовали одно за другим, и под 22 июня В.С. Савонько вновь безжалостно констатирует: «Как всегда, пьяным оказался один полковник, Мясоедов, причем он ко всем приставал, говорил глупости и проч., а генерал Головачев и князь Кантакузин (по-видимому, быстро его раскусивший) беззастенчиво над ним подтрунивали и его вышучивали, к большому удовольствию всех нас. Снова приходится повторить: Мясоедов – жалкий алкоголик и

¹⁴⁹ Там же. Д. 116. Л. 128.

¹⁵⁰ Там же. Л. 129 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 147 об.

¹⁵² Там же. Л. 165 об.

неврастеник – буквально ни к чему не способный!..»¹⁵³ Сообщения о пьянстве Мясоедова в дневнике появляются регулярно. Понятно, что при этом трудно говорить об авторитете командира батареи: «Полковника Мясоедова буквально никто не слушается, и каждый делает что хочет». С ноткой отчаяния В.С. Савонько восклицает: «Корень зла – Мясоедов»¹⁵⁴.

Своего рода апофеозом «антиповедения» командира батареи стало 6 августа 1909 г. – праздник гвардейской артиллерии. После окончания парада состоялось застолье, результаты которого для своего командира В.С. Савонько описал следующим образом: «Что касается полковника Мясоедова, то этот франт где-то пропадал до следующего дня и объявился, наконец, с разбитой и расцарапанной рожей. По его словам, он сидел у преображенцев “до конца” (часов до 6 утра), а потом “больше ничего не помнит”. Воображаю, где он был и что делал!!!! Но драма заключается в том, что г. Мясоедов в пьяном виде (а пьян он уже после 5 рюмок) говорит всегда невероятный вздор, бахвалится, как Хлестаков, и врет, как сивый мерин. Пьяным языком он рассказывает обыкновенно, что “он побил вчера морду генералу Потоцкому”, “перевернул верх ногами генерала Головачева”, “не подал руки Сергею Михайловичу” и т.д. Затем он хвастается, что “подтянул батарею”, держит в руках “всех офицеров” и мимоходом замечает, что его офицеры “дрянь”, ругательски ругает всех и вся и пр. и проч. Я сам десятки раз слышал эти его гнусные разглагольствования и могу себе представить, сколь он уронил себя в глазах посторонних, а также и нашу бедную батарею, в рядах которой служит этот полусумасшедший алкоголик и неврастеник!»¹⁵⁵

27 августа при избрании в члены суда общества офицеров кандидатура полковника Мясоедова была дружно провалена, а членом суда избран штабс-капитан Савонько.

Даже учитывая субъективный и пристрастный характер дневниковых записей В.С. Савонько, трудно избежать удивления по поводу кадровой политики в гвардейских частях. Решение о назначении полковника Мясоедова командиром 1-й е. и. в. батареи явно принималось без учета личных качеств кандидата. Забегая вперед, скажем, что полковнику Мясоедову удалось отличиться в 1914 г. Но каким был его вклад в боевую работу батареи, неизвестно. Последние годы он числился в резерве при Главном артиллерийском управлении.

Благодаря изданию в России мемуаров генерала И.Т. Беляева в 2015 г. у нас есть возможность дополнить представление о командирах лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Конечно, стиль мемуаров сильно отличается от дневниковых записей, в которых отразились непосредственные впечат-

¹⁵³ Там же. Л. 175.

¹⁵⁴ Там же. Л. 179 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 195 об.

ления, но все-таки любопытно привести характеристики командиров, данные И.Т. Беляевым. Командир батареи полковник Мрозовский пользовался устойчивой репутацией тирана. По словам мемуариста, «тот никогда ничем не был доволен, вымещал свою желчь на подчиненных, требуя невозможного, и тиранил солдат, чтобы выжать больше с офицера»¹⁵⁶. Появившиеся в бригаде позже командиры батарей полковники Фурман и А.Е. фон Шульман, согласно лаконичному определению И.Т. Беляева, «были не знатоки в стрельбе»¹⁵⁷. При этом полковник Фурман, мелочный и желчный по складу характера, – «знал хозяйство и “управлял” батареей через своего фельдфебеля, сидя в канцелярии». Своего батарейного командира полковника фон Шульмана снисходительный к нему И.Т. Беляев обрисовывает следующим образом: «Мягкий и корректный в обращении, он ни во что не вмешивался, тем более что обладал ничтожными понятиями о службе»¹⁵⁸.

Современный исследователь безжалостно подводит итог: «Таким образом, к концу XIX – началу XX вв. в Российской императорской армии сложились условия, которые объективно не позволяли формировать вышший командный состав, отвечавший необходимым требованиям для полководческой деятельности»¹⁵⁹. Ознакомившись с дневниками В.С. Савонько, с этой оценкой, казалось бы, можно согласиться, но оставаясь в пределах поля науки, следует признать, что необходимы дальнейшие исследования с привлечением всех возможных источников, важное место среди которых по праву принадлежит дневникам.

Конфликты в гвардейской среде: дуэльная история Л.Н. Гобято

Изучение конфликтных взаимоотношений внутри офицерского корпуса в начале XX столетия с недавних пор стало перспективным направлением исследований¹⁶⁰. Обращалось внимание на конфликты между обер- и штаб-офицерами, на непростые отношения между гвардейскими офицерами и офицерами Генерального штаба и др.

На страницах дневника В.С. Савонько содержится немало происшествий и историй, которые имели широкий общественный резонанс в столице империи в первое десятилетие XX в. Первое место стоит отдать истории с «выходом» в бригаду вопреки неписаному правилу трех офицеров из Ми-

¹⁵⁶ Беляев И.Т. «Где вера и любовь не продаются!» С. 70.

¹⁵⁷ Там же. С. 98.

¹⁵⁸ Там же. С. 99.

¹⁵⁹ Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014. С. 68–69.

¹⁶⁰ См.: Гуцин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг. Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014.

хайловской артиллерийской академии. Эта история наделала немало шума и в 1903–1904 гг. обсуждалась в придворных сферах, министерских кабинетах, в кругах высшего генералитета, в великосветских салонах. Наиболее подробно она описана в дневнике В.С. Савонько¹⁶¹.

50

Имя Л.Н. Гобято впервые появляется на страницах дневника 15 октября 1902 г. Вот что он пишет: «В этом году к нам в бригаду вышли 3 офицера (нашей бригады), окончившие академию Михайловскую артиллерийскую и получившие штабс-капитанский чин. Таким образом, они значительно перегнали своих товарищей по строю, долженствующих сидеть в поручичьем чине 4 года. Они, как говорится, “оседлали” своих товарищей. Выход их в бригаду состоялся против желания многих офицеров (впрочем, у них есть и сочувствующие им), и ясно, что присутствие этих т.н. “дрейфусов”¹⁶² не совсем приятно»¹⁶³.

Мотивы офицеров бригады, занявших вышеописанную позицию, становятся понятны после ознакомления с рассуждением В.С. Савонько. Позволим привести соответствующий отрывок из его дневника: «Дело обстоит так: после преобразований во всех академиях трехгодичного курса в двухгодичный с дополнительным классом – закон объяснил эту меру следующим образом: 2 курса предназначаются для поднятия уровня образования в военной среде выпуском из академий после окончания двух курсов обратно в строй. Третий же курс предназначается исключительно для занятия технических артиллерийских должностей. И вот на практике исполняется это так: все без исключения кончают три курса и, окончив его, 90% возвращаются в строй с чином, обгоняя своих товарищей (строевых) на десяток лет. А заводы остаются без офицеров, и правительство нанимает частных технологов, платя им по 3–4 тысячи в год. Строй же получает офицеров,

¹⁶¹ См.: Алексеев А.И. Дуэльная история в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде (штрихи к биографии выдающегося артиллериста Л.Н. Гобято) // Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2015. С. 40–57.

¹⁶² «Дрейфусами» В.С. Савонько называет офицеров-академиков в нарицательном смысле, несомненно, с негативной коннотацией. В 1902 г. в российском обществе, прежде всего в офицерской среде, продолжали широко обсуждаться перипетии «дела Дрейфуса». Альфред Дрейфус (1859–1935) – французский офицер еврейского происхождения, ложно обвиненный в сотрудничестве с германской разведкой. В 1894 г. арестован, 5 января 1895 г. лишен звания и приговорен к пожизненному заключению. Приговор вызвал бурю возмущения в либеральных и левых кругах Франции, требовавших пересмотра дела. В 1899 г. Дрейфус был помилован президентом Э. Лубе, в 1906 г. реабилитирован и восстановлен в звании капитана, награжден рыцарским крестом ордена Почетного легиона.

¹⁶³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 120. Здесь и далее при цитировании сохранены авторская орфография и пунктуация.

которые в своей академии не приобрели ни на йоту больше знаний, необходимых для строевого офицера (я говорю про Артиллерийскую академию), а напротив, отставших от строя и в особенности практической стрельбы на целых 3 года. Вместе с тем профанируется серьезный 3-годовалый курс артиллерийского училища, вполне достаточный по своему объему для вполне сведущего, образованного артиллериста»¹⁶⁴.

Следует отметить, что описанная ситуация имела место и ранее. Выпускники академии вполне благополучно выходили с чином в 1-ю лейб-гвардии артиллерийскую бригаду и до 1897 г. Только в период, когда гвардейской артиллерией командовал генерал-лейтенант С.С. Канищев, этой практике был положен конец¹⁶⁵. Последним офицером, который вышел в бригаду с чином, был Б.В. Пономаревский-Свидерский. После этого молчаливая договоренность, препятствующая выпускникам академии возвращаться в бригаду со следующим чином, соблюдалась. В 1902 г. все три офицера, окончившие академию и собиравшиеся возвратиться для прохождения службы в ряды 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады, получили соответствующие предупреждения от своих товарищей. Но все трое выпускников пренебрегли мнением сослуживцев. Это обстоятельство и стало причиной серьезного конфликта, который имел важные последствия как для офицерского общества гвардейской артиллерии, так и в судьбе выдающегося артиллериста Леонида Николаевича Гобято.

Автор дневника дебютировал в памятный день 15 октября в роли хозяина офицерского собрания, и завтрак имел для него значение «смотрового». В означенный день во время завтрака за правую часть П-образного стола сели штабс-капитаны Л.Н. Гобято, Е.В. Перрет, Б.М. Огановский. В знак протеста «большинство молодежи во главе с капитанами Пономаревским-Свидерским 1 и Росляковым вышли из-за стола и ушли в столовую»¹⁶⁶. Число покинувших стол доходило до 19, и новоиспеченный хозяин собрания велел сервировать для них особый стол в столовой. Командир бригады генерал-майор Н.Н. Ляпунов¹⁶⁷ выразил свое возмущение по поводу этой демонстрации. Так в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде началось получившее большой резонанс дело «дрейфусов», как называли офицеров-академиков те, кто питал к ним антипатию.

18 декабря состоялся первый в 1902 г. товарищеский обед офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. Обед ознаменовался скандалом, имевшим далеко идущие последствия. Когда в офицерское собрание явился

¹⁶⁴ Там же. Л. 120–121.

¹⁶⁵ Там же. Л. 147.

¹⁶⁶ Там же. Л. 120.

¹⁶⁷ Ляпунов Николай Николаевич (1846 – после 1913) генерал-майор, командир 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады в 1899–1904 гг.

командир бригады генерал-майор Н.Н. Ляпунов, весь состав суда общества офицеров в лице полковника Н.Н. Дитерихса, капитанов Н.А. Илькевича, Е.В. Пономаревского-Свидерского 1-го и М.С. Рослякова обратился с заявлением к старейшему полковнику бригады Н.В. Берникову. От лица 40–45 офицеров они просили его заявить генералу, чтобы последний предложил гг. академикам, вернувшимся с чином, т.е. Гобято, Перрету и Огановскому, покинуть собрание, угрожая в противном случае уйти с обеда. Любопытно, что из всех трех «дрейфусов» на обеде присутствовал лишь Л.Н. Гобято. Командир бригады немедленно собрал всех штаб-офицеров для совещания в бригадном музее. Генерал Ляпунов просил пощадить репутацию бригады и продолжить обед. Офицеры выступили с возражениями, настаивая на принципиальности момента. Адьютант командующего гвардейской артиллерией М.В. Макеев предложил оригинальное решение: «довести до сведения штабс-капитана Гобято, что его не желают иметь на обеде»¹⁶⁸. Несмотря на сопротивление командира бригады, это предложение было одобрено большинством офицеров. Окончательную формулировку предложил капитан Н.А. Илькевич. Полковник Дитерихс должен был передать штабс-капитану Л.Н. Гобято: «К командиру бригады поступило заявление, что 45 человек не желают обедать вместе с вами». После того как полковник Дитерихс выполнил возложенное на него поручение, Гобято видели мирно закусывающим у стола¹⁶⁹. Рядом с ним находился штабс-капитан барон И.Н. Майдель¹⁷⁰. По свидетельству В.С. Савонько, Гобято после разговора с Дитерихсом имел еще какую-то беседу с полковником Леховичем, после чего к общему столу не вышел и уехал домой¹⁷¹. Тем неожиданнее оказалась развязка.

¹⁶⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 134.

¹⁶⁹ См. административную аттестацию Гобято: «Способности хорошие... впечатлительный... отзывчивый, мягкий, с большой сердечной добротой. Прекрасно собой владеет и сдержан. Очень исполнительен и организован... Следит за собой. Дисциплинирован хорошо, к начальству вежлив, почтителен и внимателен; обладает воинским тактом. Пользуется любовью товарищей. По службе очень исполнительен. Поведения прекрасного. К требованиям учебного заведения относится со строгого исполнительностью» (Старов Н. Генерал Гобято. Ростов-н-Д., 1988. С. 27).

¹⁷⁰ Майдель Игнатий Николаевич (1874–1930), барон, с 1896 г. прикомандирован к 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде, в 1901 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию по 1-му разряду. За героизм, проявленный в Русско-японской войне, был награжден золотым оружием и орденом Св. Владимира 4-й степени. Перед Первой мировой войной – старший руководитель Офицерской артиллерийской школы. В войне 1914–1917 гг. командовал артиллерийским дивизионом, бригадой, занимал должности инспектора артиллерии корпуса, армии. В 1915 г. – генерал-майор, в 1919 г. – генерал-лейтенант. Успешная карьера офицера резко контрастирует с репутацией, которой он пользовался среди офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады.

¹⁷¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 134.

Передадим слово очевидцу:

«Все мирно уселись за суп-американ... Вдруг в залу, как бомба, влетает барон Майдель, подскакивает к поручику фон-Эндену и спрашивает его: “Где сидит Росляков?” И, подбежав к последнему, Майдель схватывает Рослякова за шиворот и бросает ему в лицо салфетку. С безумными навыворот глазами Майдель бессвязно говорит:

– Я вас считаю подлецом... Вы конспиратор... Я вас вызываю... – и, отступив на шаг назад, еще раз громко произнес:

– Вы подлец!..

Что можно придумать неожиданнее! Все кругом растерялись...»¹⁷².

Барон Майдель имел репутацию психически неуравновешенного и даже больного человека. Офицеры бригады приписывали его недуг неудачному падению с лошади и умственному перенапряжению при подготовке к экзаменам в академию Генерального штаба¹⁷³. Как бы то ни было, тяжкое оскорбление словом и действием было совершено публично, на глазах начальства и всех офицеров бригады¹⁷⁴.

Согласно «Правилам о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», командир бригады, узнавший об оскорблении своего офицера, должен был передать дело на рассмотрение суда общества офицеров¹⁷⁵. Положение капитана М.С. Рослякова было незавидным, как подвергшийся тяжкому оскорблению он был обязан принять меры к защите своей чести, но должен был ожидать решения суда¹⁷⁶.

¹⁷² Там же. Л. 134–135.

¹⁷³ Там же. Л. 48–49.

¹⁷⁴ «Под словом “оскорбление” должны быть условно понимаемы такого рода умышленные действия или слова, которые по своему существу заключают в себе отрицание или выражение сомнения в том, что то лицо, против которого они были направлены, обладает внутренней честью. <...> В зависимости от его силы и условий, при которых оно было нанесено, оскорбление может приобрести характер “тяжкого оскорбления”. Так, например, удар, нанесенный с целью выразить крайнее презрение к тому лицу, которому он был нанесен, относится, по своему внутреннему смыслу, к разряду тяжких оскорблений» (Микулин Н. Пособие для ведения дел чести в офицерской среде. СПб., 1912. Ч. 1. С. 40). При этом любое прикосновение к сопернику независимо от силы удара имело значение тяжкого оскорбления.

¹⁷⁵ Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1896. С. 103.

¹⁷⁶ «Право проявления офицером своей инициативы в возбуждении Дела Чести должно быть ограничено сроком не более трех суток с того времени, когда офицеру сделалось известным о нанесении ему оскорбления или обиды, и если в течение указанного срока Дело Чести им возбуждено не было, он должен считаться утерьявшим это право, и Дело Чести по данному случаю может быть затем возбуждено не иначе, как по инициативе начальника сего офицера» (Микулин Н. Пособие для ведения дел чести... С. 126).

Последнее слово оставалось за командиром бригады. Согласно «Уложению о наказаниях, уголовных и исправительных», за вызов на поединок, хотя бы он не имел никаких последствий, т.е. не был принят вызываемым, виновный подвергался аресту от 3 до 7 дней (1 ч. 1497 ст.).¹⁷⁷ Еще более усугубляло ситуацию то, что вызвавший был к тому же и зачинщиком ссоры. Генерал-майор Ляпунов не воспользовался своим правом и не арестовал барона Майделя. Вероятно, он опасался скандала и связей последнего в аристократических кругах столицы. Большинство офицеров поспешили на квартиру к капитану Рослякову, с тем чтобы выразить соболезнования по поводу «сумасшедшей выходки Майделя».

Характерно, что поступок барона оценивался офицерами бригады именно как «сумасшедшая выходка». По-видимому, именно репутация барона Майделя сыграла решающую роль в том, что нанесенное им тяжкое оскорбление не стало, в конечном счете, поводом к поединку.

Командование бригады было обеспокоено последствиями возможного скандала и принимало все меры, чтобы его замять. 20 декабря командир 1-го дивизиона герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий¹⁷⁸ объявил офицерам дивизиона, что их заявление от 18 декабря являлось в высшей степени антидисциплинарным¹⁷⁹. 21 декабря командир бригады генерал-майор Ляпунов на собрании офицеров бригады сказал, по словам В.С. Савонько, приблизительно следующее: «Оскорбление, нанесенное штабс-капитаном бароном Майделем (Рослякову), никоим образом нельзя считать за совершившееся, и потому оно должно быть снято. Решение нашего суда чести, как вами самим выбранное (?), которым (?) вы доверяете, есть мнение всех офицеров бригады и гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона. Михаил Сергеевич! (Ляпунов подошел к Рослякову.) Позвольте пожать вашу руку!.. Господа, я больше ничего не могу сказать. После того генерал еще раз потряс руку Рослякову, и вслед за ним жали руку Рослякову офицеры»¹⁸⁰.

Как видим, тяжкое оскорбление, нанесенное бароном И.Н. Майделем капитану М.С. Рослякову, осталось без последствий. Барон Майдель даже не принес извинений оскорбленному им офицеру. Не может не вызывать удивления и вердикт суда общества офицеров. В его компетенцию входило лишь решение вопроса о том, влечет поступок барона Майделя

¹⁷⁷ Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль. С. 136.

¹⁷⁸ Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (1863–1934), представитель русской ветви Мекленбургского дома, генерал-лейтенант. Проходил службу в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде: в 1895–1901 гг. командир 1 батареи, в 1901–1904 гг. командир 1 дивизиона, в 1904–1907 гг. командир бригады.

¹⁷⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 136.

¹⁸⁰ Там же. Л. 137.

поединок или нет¹⁸¹, считать же нанесенное оскорбление за свершившееся либо за не свершившееся суд не имел права. Мы вправе предполагать, что на принятие решения повлияли следующие обстоятельства. Во-первых, это репутация барона Майделя как психически нездорового человека, которого можно было признать неправопособным в деле чести. Во-вторых, позиция командира бригады генерал-майора Ляпунова, который всячески старался замять скандал, грозивший вредными последствиями для бригады. Известный авторитет по делам чести, генерал-майор Н. Микулин, проанализировав большое количество решений судов общества офицеров, пришел к выводу, что значительная их часть противоречила «Закону 13 мая 1894 г. о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде».

О скандале, произошедшем на обеде 18 декабря, было доложено командиру Гвардейского корпуса князю Васильчикову. Старый лейб-гусар велел старшему полковнику 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады предложить всем трем академикам покинуть ряды бригады и сообщить их ответ¹⁸². Полковник Берников имел беседу с Л.Н. Гобято и Е.В. Перретом, в ходе которой оба офицера отказались покинуть бригаду, ссылаясь на то, что им были неизвестны договоренности, препятствующие им выйти в бригаду после окончания академии со следующим чином. Довольно откровенно о мотивах, мешающих им сменить гвардейские мундиры на обмундирование армейских артиллеристов, высказался капитан Перрет. В пересказе В.С. Савонько это звучало следующим образом: «А теперь, говорит Перрет, мы все равно оплеваны. Если уйдем в поле (полевую бригаду) – и там будут знать, что нас выгнали. На заводе тоже есть своя корпорация, которая нас будет презирать. Уж лучше мы останемся в бригаде... Все равно!»¹⁸³ Что же касается Л.Н. Гобято, то он заявил полковнику Берникову: «Я чувствую себя в бригаде прекрасно!»¹⁸⁴

Конфликт по поводу офицеров-академиков с новой силой вспыхнул в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде уже в новом, 1903 г. Из рассказа В.С. Савонько следует, что утром 6 января в дверь квартиры бригадного адъютанта поручика А.А. Фриде раздался звонок. Передадим слово В.С. Савонько: «Волей-неволей Фриде пришлось подняться и выйти в кабинет, где

¹⁸¹ «Суд общества офицеров – как лучший авторитет по всем вопросам чести и благородства и как верный охранитель достоинства офицерского звания – уполномочен законом высказывать свое мнение лишь об уместности или неуместности дуэли в данном случае, т.е. быть или не быть поединку... никакого иного постановления суда быть не может» (Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль. С. 108).

¹⁸² РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 145.

¹⁸³ Там же. Л. 145.

¹⁸⁴ Там же. Л. 147.

его ожидали: штабс-капитан Гобято (нашей бригады), лейтенант Гобято (брат нашего) и шт.-капитан Давыдов (артиллерист из арсенала, на квартире которого проживает Гобято). Заговорил шт.-капитан Гобято (приблизительно):

– Потрудитесь объяснить, почему вы не желали обедать со мной 18 декабря... Вы ведь тоже были в числе тех, кто подал заявление?

– Да, я был, – ответил Фриде.

– Что же вы лично имеете против меня?

– Буду говорить откровенно. Вам небезызвестно, что бригада не желала вас видеть у себя с чином. Это мнение бригады, которое я вполне разделяю. Кроме того, уже 5 лет, что многие наши уважаемые товарищи отказывались от чина, чтобы не нарушать традиций бригады...

– Такой традиции в бригаде нет, ибо у нас есть Пономаревский-Свидерский, который вернулся с чином.

– Это совсем другое дело (его не предупреждали в свое время [замечание – мое]). А здесь...

– Я вам говорю, что такой поступок я называю подлостью.

– Т. е. вы находите, что вообще поступок бригады подлость, или вы мне говорите?

– Я с вами говорю!

Тогда Фриде приотворил дверь и жестом указал всем трем о выходе. Те беспрекословно удалились, не сказав более ни слова¹⁸⁵.

Обо всем происшедшем А.А. Фриде доложил командиру бригады генерал-майору Ляпунову и председателю суда общества офицеров полковнику Н.Н. Дитерихсу. Командир бригады, руководствуясь цитированным выше пунктом «Уложения о наказаниях», имел все основания арестовать Л.Н. Гобято на срок до семи суток, однако впал в панику и не решался ничего предпринять без приказа высшего руководства. Он отправился с докладом к начальнику гвардейской артиллерии генералу А.В. Уткевичу, который, в свою очередь, уклонился от каких-либо указаний. Обескураженный генерал-майор Ляпунов обратился за разъяснениями к товарищу фельдцейхмейстера генерал-лейтенанту В.Е. Альтфатеру, который лишь обещал доложить о ситуации великому князю Михаилу Николаевичу. Как следует из дневниковых записей В.С. Савонько, генерал-майор Ляпунов описал происшедшее в подробном рапорте на 5 страницах¹⁸⁶. Уже 9 января офицеры бригады пересказывали друг другу содержание этого документа.

Великий князь менее года назад (19 мая 1902 г.) принимал в своем дворце выпускников Михайловской артиллерийской академии и должен был помнить трех лучших слушателей: Л.Н. Гобято, Б.М. Огановского и Е.В. Перрета. Тем не менее, когда генерал Альтфатер доложил ему о скан-

¹⁸⁵ Там же. Л. 143–144.

¹⁸⁶ Там же. Л. 147.

дале, вызванном вторжением Л.Н. Гобято на квартиру бригадного адъютанта, то великий князь воскликнул: «Опять Гобято... Гобято, Гобято – какая дурацкая фамилия! Я его выгоню из бригады в 24 часа... Впрочем, это не решение... Я погорячился!..»¹⁸⁷ Высокую степень достоверности этой реплике сообщает то, что В.С. Савонько указывает источник своей информации – своего товарища по бригаде штабс-капитана Д.В. Альфатера, сына товарища фельдцейхмейстера. Таким образом, даже великий князь Михаил Николаевич не смог сразу своей властью разрешить конфликт с «дрейфусами» в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде. Было назначено следствие.

11 января в расположение бригады прибыл генерал-майор Скарятин¹⁸⁸. Генерал-майор Скарятин очень спешил окончить следствие, с тем чтобы 17 января собранные им свидетельские показания легли на стол командующему войсками гвардии великому князю Владимиру Александровичу. Объем работы следователя впечатляет: за 6 дней им было опрошено до полусотни штаб- и обер-офицеров. Мы лишены возможности соотнести показания офицеров, высказавшихся в пользу академиков, с показаниями их противников, но из дневников В.С. Савонько следует, что большая часть офицеров бригады была настроена по отношению к «дрейфусам» враждебно или неодобрительно.

Роковую роль для тех, кто протестовал против пребывания академиков в бригаде, сыграло вмешательство военного министра А.Н. Куропаткина. Военный министр был возмущен поведением гвардейских офицеров, расценивая их фронду как бунт против начальства и академии. Подозревали, что на позицию А.Н. Куропаткина оказал влияние полковник П.П. Потоцкий, представлявший ему в качестве новоназначенного командира дивизиона. Разнесся слух, что во время аудиенции у военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина полковник Потоцкий охарактеризовал офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады как «общество, идущее против образования»¹⁸⁹.

Существенно задевало положение офицеров 1-й и 2-й лейб-гвардии артиллерийских бригад решение великого князя Владимира Александровича приостановить в обеих частях движение по службе. Резолюция командующего войсками гвардии предписывала оставить трех офицеров-академиков в бригаде и сводила все протестное движение к частному случаю недоразумения, которое следовало разрешить дуэлью между штабс-капи-

¹⁸⁷ Там же. Л. 148.

¹⁸⁸ По-видимому, это был генерал-лейтенант Владимир Владимирович Скарятин, егермейстер двора его величества. Деликатная миссия была поручена ему командующим гвардией великим князем Владимиром Александровичем, так как он в 1871–1892 гг. являлся его адъютантом.

¹⁸⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 154.

таном Л.Н. Гобято и поручиком А.А. Фриде. На взгляд автора дневниковых записей и большинства офицеров, «вопрос этим не исчерпывается, потому что во- 1), Гобято совершил неблагоприятный поступок, ворвавшись в квартиру женатого офицера, и во- 2), Гобято назвал подлым поступок всех 50 человек, не желавших с ним обедать 18 декабря»¹⁹⁰. Многие офицеры из этого числа чувствовали себя оскорбленными. Роль командира бригады генерал-майора Ляпунова, запретившего суду общества офицеров рассматривать вопрос о неблагоприятности поступка Гобято, оценивалась как «подлейшая». Пострадала и репутация до сей поры безупречного председателя суда общества офицеров полковника Н.Н. Дитерихса, который поспешил одобрить позицию командира бригады.

Исход конфликта между штабс-капитаном Л.Н. Гобято и поручиком А.А. Фриде разрешился примирением сторон 5 февраля в офицерском собрании бригады перед лицом всех присутствующих офицеров. Это, однако, еще не было концом дуэльной истории. По свидетельству В.С. Савонько, Л.Н. Гобято обратился ко всем офицерам: «Господа, я требую удовлетворения за оскорбление, которое мне было нанесено 18 декабря от старшего из заявивших нежелание со мной обедать. Если этот старший – обер-офицер, я вызываю его на дуэль, если он штаб-офицер, то пусть он меня вызовет на дуэль. (Обратившись к полковнику Дитерихсу) Г-н полковник, вы мне передали это заявление, а потому прошу сообщить мне, кто именно оказался старшим...» Речь Гобято застала врасплох большинство офицеров. Председатель суда общества офицеров полковник Дитерихс был растерян и ответил: «Слушаюсь!»¹⁹¹

Обескураженный командир бригады генерал-майор Ляпунов молчал, полковники Дитерихс и Берников «рассеянно бормотали». Вызов задевал честь всех офицеров бригады, осмелившихся заявить о нежелании обедать с «дрейфусами». Пока штаб-офицеры молчали, за честь бригады первым вступился капитан Н.А. Илькевич, «благороднейший джентльмен», как отмечает рассказчик¹⁹². По словам В.С. Савонько, он сказал буквально следующее: «В числе заявивших не было штаб-офицеров, а из обер-офицеров – я старший! Я принимаю вызов!»¹⁹³ Командование бригады продолжало пребывать в прострации. Генерал Ляпунов заявил о том, что ему необходимо поехать к начальнику штаба командиру гвардейского корпуса.

¹⁹⁰ Там же. Л. 158.

¹⁹¹ Там же. Л. 160.

¹⁹² Илькевич Николай Андреевич (1868–1932), выдающийся строевой офицер, генерал-лейтенант (1915), командир 1-го гвардейского корпуса в 1917 г., автор «Руководства для подготовки ординарцев-разведчиков в полевой артиллерии», выдержавшего 5 изданий.

¹⁹³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 160.

Большинство находили, что поступок Л.Н. Гобято был бы совершенно логичным и оправданным, если бы он бросил вызов офицерам бригады в день 18 декабря или на следующий день, но вовсе не спустя полтора месяца. Кроме того, штабс-капитан Гобято сделал вызов на дуэль уже после прямого запрещения что-либо предпринимать, которое довел до сведения всех офицеров бригады генерал-майор Ляпунов. Возникало ощущение, что симпатии начальства склонились на сторону выпускников академии.

Развязку дуэльная история получила 10 февраля в собрании офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. По решению суда общества офицеров дуэль между Л.Н. Гобято и Н.А. Илькевичем была признана неуместной. Отчуждение между тремя академиками и большинством офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады не было преодолено. Их старались не приглашать на батарейные торжества и дружеские вечеринки. Для мужественного и решительного Леонида Николаевича, исполненного чувства собственного достоинства, служба в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде не была комфортной. В своих сослуживцах он не мог видеть товарищей, искренних и надежных, напротив, его самолюбие уязвлялось их недоброжелательностью. Не желая уступать давлению среды, Л.Н. Гобято нес службу, занимаясь экспериментами по организации стрельбы с закрытых позиций. Начавшаяся Русско-японская война дала прекрасный повод оставить ряды гвардии и отправиться на театр военных действий, для которых штабс-капитан Гобято был готов как никто другой.

В марте 1904 г. штабс-капитан Гобято выступил на войну в составе 4-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. 27 апреля он прибыл в Порт-Артур с последним транспортным эшеленом, доставив в осажденную крепость последнюю партию боеприпасов.

Что же касается практики приема офицеров в части гвардии, то в 1906 г. традиция, согласно которой такой прием мог происходить только с согласия офицеров части, получила признание. В примечании к записи 9 февраля 1906 г. В.С. Савонько записал: «Спустя два дня получилась бумага, что его величество приказал принимать в части войск Гвардейского корпуса офицеров лишь с согласия командира части и общества офицеров. Наконец-то!!!!!»¹⁹⁴.

Л.Н. Гобято не смог возвратиться в ряды гвардии и продолжил свою службу в Офицерской артиллерийской школе, в стенах которой внес выдающийся вклад в совершенствование отечественной артиллерии. В мае 1915 г. он героически погиб, возглавив контратаку русской пехоты под крепостью Перемышль. Уже посмертно ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Так принес свою жизнь на алтарь Отечества человек, не боявшийся противопоставить себя могущественной гвардейской корпорации.

¹⁹⁴ Там же. Л. 235.

Досуги гвардейского офицера

60

Формы досуга гвардейских офицеров в Петербурге в последние годы Российской империи отличались замечательным разнообразием. Возможности развлечений, которые предоставляла столица империи, многократно превосходили то, что было доступно офицерам провинциальных гарнизонов. Помимо развлекательных форм досуга, к которым относятся карточные игры, посещение ресторанов, театров, кинематографа, различного рода выставок, следует выделить и такие, как посещение публичных лекций, слушание курсов в учебных заведениях, участие в деятельности просветительских обществ, чтение¹⁹⁵.

По выражению современного исследователя, «в духовном, интеллектуальном отношении жизнь офицеров резко отличалась от жизни общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, моральных и политических воззрений»¹⁹⁶. Если признать справедливость этого высказывания относительно армейских офицеров, то еще более закрытым от остального общества институтом являлся офицерский корпус императорской гвардии. «Офицерский корпус полков “старой гвардии”, – отмечает Г.С. Чувардин, – представлял собой совершенно изолированный по многим основаниям микрокультурный (субкультурный) мир, живущий в соответствии с системой разработанной и планомерно культивируемой атрибутивной мифологии»¹⁹⁷.

Офицер, служивший в гвардии, обязан был вести образ жизни, предписанный традицией. Он должен был содержать надлежащую квартиру, ездить в поездах в вагонах не ниже 1 класса, посещать только престижные рестораны, отчислять средства на полковые праздники, приемы гостей, подарки уходящим из части офицерам, букеты для дам из числа членов императорской фамилии и т. д. Кроме того, существовали обязательные вычеты из жалованья: на Красный Крест, юбилейные подарки, призы для нижних чинов, памятные и траурные венки, устройство памятников, нужды офицерского собрания части и др. Следует учитывать, что жалованье большинства обер-офицеров гвардейского корпуса было ниже доходов многих слоев образованной части столичного общества и даже заработной платы некоторых категорий высококвалифицированных рабочих.

Первые годы службы оставляли молодому подпоручику мало возмож-

¹⁹⁵ Подробно см.: *Alekseev A.I. Leisure activities of a guard officer in St. Petersburg at the beginning of the XX century // East European History. 2016. Vol. 4. Is. 2. P. 42–50.*

¹⁹⁶ *Андреев Г.А. Нравственный и культурный облик дальневосточного офицера (конец XIX – начало XX вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования: научно-теоретический журнал. 2008. № 2. С. 87.*

¹⁹⁷ *Чувардин Г.С. Старая гвардия: Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «Старой гвардии» (1894–1914 гг.). Орел, 2002. С. 253.*

ностей для развлечений вне части. Если речь идет о театре, то первым на страницах дневника появляется упоминание о посещении императорского театра в Красном Селе. И это, конечно же, не случайность. В период летних лагерных сборов большинство офицеров были обязаны находиться со своими частями. Именно офицеры и составляли большую часть зрителей Красносельского театра. В декабре 1902 г. появляется запись о посещении Народного дома¹⁹⁸, где давалась пьеса Крылова «1812 год». Записи о посещении театров более-менее регулярно начинаются с 1903 г., когда наш автор носил уже погоны поручика. Настоящим театралом В.С. Савонько стал в 1905 г., чему немало способствовало исполнение им должности квартирмейстера бригады. По долгу службы он все летние месяцы, когда вся бригада находилась на сборах в Красносельском лагере, оставался в Петербурге во главе команды нестроевых. Пребывание в столице активно использовалось для частых посещений театров. Следует сказать, что посещение театров было обременительным делом для бюджета офицера, жившего на жалованье. Младший офицер в гвардии получал 70 рублей в месяц (в армии 60), ротный командир – около 100, батальонный – около 150¹⁹⁹. Существовал строго соблюдавшийся обычай, согласно которому гвардейским офицерам рекомендовалось занимать в театре места не ближе пятого ряда (сидеть в первых рядах считалось нескромным) и не далее десятого (далее считалось неприличным)²⁰⁰.

Тем не менее В.С. Савонько стал заядлым театралом. В своем дневнике он не просто перечисляет пьесы, которые смотрел, но и указывает исполнителей главных ролей. Иногда оставляет замечания о качестве пьес и игры актеров. Наиболее часто он посещал новый летний театр, находившийся на Бассейной улице²⁰¹. Причиной тому, в первую очередь, оперный репертуар. По словам В.С. Савонько (запись от 12 мая 1905), «дирекция Кабанова и Яковлева основала здесь серьезную оперу, в которой гастрوليруют такие

¹⁹⁸ Здание Народного дома императора Николая II было сооружено в 1900–1912 гг. архитектором Г.И. Люцедарским. В настоящее время на его месте располагается театр «Балтийский дом» и «Мюзик-холл».

¹⁹⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 64.

²⁰⁰ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 64., примеч. 46.

²⁰¹ До 1908 года в глубине участка дома № 58 (ул. Некрасова) находился деревянный «Новый летний театр» (или театр «Олимпия»), где ставились оперы «Евгений Онегин», «Травиата», «Риголетто» и оперетты с участием Л. Собинова, А. Вьяльцевой и других известных певцов. Здание театра горело, в начале 1900-х годов его пытались реконструировать, но разобрали и на его месте построили комплекс зданий крупнейшего в Петербурге «Бассейнового кооперативного товарищества».

силы, как Фигнер, Шаляпин, Собинов и др.»²⁰². В этом театре В.С. Савонько слушал оперы «Фауст», «Риголетто», «Демон», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Самсон и Далила», «Искатели жемчуга», «Фра-Дьяволо», «Кармен», «Сельская честь», «Паяцы», «Травиата», «Севильский цирюльник», а также немалое число оперетт. Пристрастие к Новому летнему театру имело вполне рациональное объяснение: в театре часто играл оркестр бригады и капельмейстер Ф.А. Каукаль²⁰³ (а по совместительству и дирижер Мариинского театра) снабжал офицеров даровыми билетами.

Вот пример дневниковой записи от 9 июля 1905 г.: «Был в новом летнем театре на оп. “Риголетто”. Герцог – г-н Итало Кристалли, Джильда – г-жа Будкевич, Риголетто – г-н Сокольский»²⁰⁴. В записи под 26 июля 1907 г.: «Вечером в новом летнем театре был на оп. “Русалка” (первые 3 акта). Затем маленький балетный дивертисмент местного кордебалета (русскую танцевала г-жа Бравура) и в заключение “ряд любимых романсов г-жи Вяльцевой”. “Ряд” затянулся до 12½ час. ночи. Я думаю, немногие артисты в мире срывают такие безумные аплодисменты и овации, какие срывала сегодня Вяльцева»²⁰⁵. В театре буквально: “лай, хохот, пенье, свист и хлопок” слились в один непрерывный восторженный стон, который мгновенно утихал лишь на время пения Вяльцевой, а затем снова возобновлялся с новой громоподобной силой!»²⁰⁶ В записи от 20 сентября 1905 г.: «В новом летнем театре смотрел комедию Трахтенберга “Как они бросили курить” в исполнении третьестепенных артистов... Непроходимо глупо»²⁰⁷.

Особый интерес представляют замечания В.С. Савонько о попытках постановщиков и артистов представить публике реплики на злободневные темы. Например, в записи от 7 мая 1907 г. читаем: «В новом летнем театре был на “Гейше”. Глупая публика восторженно аплодировала бессмысленно-глупым куплетам “Вун-чи”, в которых “продергивались” Грингмут»²⁰⁸,

²⁰² РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 71 об.

²⁰³ Каукаль Франц Антонович (1872–1927) – чешский музыкант, педагог и дирижер. В 1888 окончил Пражскую консерваторию по классу гобоя. С 1897 жил в Петербурге. В 1897–1917 капельмейстер оркестров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В 1897–1921 солист оркестра Мариинского театра. В 1895–1901 и в 1908–1921 преподавал в консерватории (с 1912 профессор).

²⁰⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 82.

²⁰⁵ Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913), выдающаяся русская певица, исполнительница популярных романсов.

²⁰⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 37 об.

²⁰⁷ Там же. Д. 115. Л. 94.

²⁰⁸ Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), русский политический деятель и публицист праворадикального толка, один из основателей и главных идеологов черносотенного движения.

черная сотня, 129 статья и т. п.»²⁰⁹. Под 10 июня 1907 г. записано: «В новом летнем театре слушал оп-ку “Прекрасная Елена” в новой, необыденной обстановке. Елена – г-жа Эйхенвальд-Донская²¹⁰, Парис – г-н Андреев. Масса отсебятин на злободневные темы. Например: 1) Агамемнон: “У нас много ссыльных... виноват, я хотел сказать сильных”. (Сцена состязаний); 2) Шарада была дана: к-д-ты (2 буквы и местоимение, целое – партия); 3) Народ просит хлеба и зрелищ! Агамемнон: “Зрелищ мы ему дадим, ну а насчет хлеба – пусть обращаются в продовольственную компанию!”»²¹¹

В своем дневнике В.С. Савонько приводит впечатляющий перечень пьес, просмотренных им за один летний сезон 1905 г. Если за всю свою жизнь до 1905 г. он прослушал 13 опер, то за «одно это лето я был на 49 оперных спектаклях, прослушав 20 различных опер:

1) Демон	4 раза
2) Риголетто	2 –
3) Фауст	5 –
4) Кармен	4 –
5) Аида	2 –
6) Самсон и Далила	1 –
7) Искатели жемчуга	1 –
8) Пиковая дама	3 –
9) Евгений Онегин	2 –
10) Травиата	4 –
11) Галька	1 –
12) Африканка	1 –
13) Севильский цирюльник	2 –
14) Сельская честь	3 –
15) Паяцы	4 –
16) Дубровский	2 –
17) Фра-Дьяволо	2 –
18) Миньона	3 –
19) Черевички	3 –
20) Каморра	1» ²¹² . [13].

Спустя два года в списке В.С. Савонько числятся уже 27 опер, которые он посетил 90 раз. В числе любимых опер: «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Миньоны», «Аида», «Паяцы» (по 5 раз), «Кармен» (6 раз), «Демон» (7 раз), «Фауст» и «Травиата» (8 раз). Помимо оперы В.С. Савонько посещал и драматические театры: Малый театр, Александринский, «Пас-

²⁰⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 28 об.

²¹⁰ Эйхенвальд-Донская Надежда Александровна (?), оперная и камерная певица.

²¹¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 32.

²¹² Там же. Д. 115. Л. 93 об.

саж» В.Ф. Комиссаржевской. Был зрителем пьес М. Горького и А.П. Чехова, Г. Ибсена и Л.Н. Толстого.

В.С. Савонько как вдумчивый офицер-воспитатель не оставил без внимания ту роль, которую театры и другие заведения культуры могли бы сыграть в воспитании солдат. В записи от 26 декабря 1908 г. он пишет: «В Петербурге есть возможность повести солдат в Народный дом, где им покажут такие образцовые высокопатриотические пьесы, как “Петр Великий”, “Кашей”, или “80 тысяч лье под водой”, “В 80 дней вокруг света”... Затем в Петербурге есть образцовые кинемо-театры с богатейшим выбором картин самого разнообразного содержания. Есть “Панорама Севастополя”, есть “Цирк” и проч. Вместо задачи развить вкус и хорошие инстинкты у солдата, начальство опускается до уровня кабацко-ярмарочной деревни и преподносит ему сальных клоунов и разухабистую гармонику»²¹³.

Постоянно растущий сегмент в сфере культурного досуга и развлечения принадлежал кинематографу. Наш автор с интересом посещал кинематографические сеансы, на которых демонстрировались первые опыты воздухоплавания, достижения в области технического прогресса, съемки парадов и строевых учений и, конечно же, игровые фильмы. Упоминает он и о сеансах кинематографа, устраиваемых для нижних чинов бригады с помощью аппаратов, принадлежащих офицерам.

Значительная часть офицерских досугов проходила в офицерском собрании бригады. Офицерские собрания представляли собой клубы, существовавшие в каждой отдельной части; целями их создания провозглашались установление и поддержание товарищеских отношений между офицерами, совершенствование военных знаний, устройство совместных развлечений и удешевление жизни офицеров²¹⁴. При офицерском собрании лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады существовали прекрасный музей²¹⁵, библиотека, столовая и бильярдная. Большинство не имевших семей офицеров каждый день завтракали, обедали и ужинали в помещении столовой.

Застолья офицеров бригады в виде общего завтрака, обеда или ужина чаще всего происходили в помещении офицерского собрания. В.С. Савонько весьма красочно описывает атмосферу этих застолий, которые нередко продолжались далеко за полночь. Общий обед офицеров бригады происходил, как правило, один раз в месяц. На нем часто присутствовали и бывшие

²¹³ Там же. Д. 116. Л. 233–233 об.

²¹⁴ Шадская М.В. Офицерские собрания и суды офицерской чести в русской армии в XIX в. // Вестник Екатеринбургского института. Исторические науки и археология. 2015. № 1 (29). С. 139–145.

²¹⁵ Соколовский М. Музей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады // Офицерская жизнь. 1909. 16 мая. № 169; Он же. Музей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады // Русский инвалид. 1910. 24 марта. № 66.

офицеры бригады. Еще более торжественный характер носил ежегодный обед, который устраивался в ноябре. На этом обеде присутствовал сам генерал-фельдцейхмейстер и множество генералов из числа тех, кто ранее носил форму офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Например, в записи от 23 ноября 1899 г. читаем: «Состоялся в 7 часов вечера обычный “годовой обед” бригады. Присутствовало 100 человек, в том числе: в. кн. Михаил Николаевич, в. кн. Павел Александрович, генералы Ребиндер, Альтфатер, Егерштром, Свиньин, Оноприенко, Канищев, Мешетич, Зуев, Евреинов, Афанасович, полковник Епанчин и мн. др. Обед был от Кюба²¹⁶»²¹⁷. Обычным послеобеденным развлечением были «траншея» (т.е. устройство длинного общего стола с обязательным возглашением здравий и тостов за присутствующих), слушание музыки и игра в карты. При офицерском собрании бригады существовал винный погреб, заботливо пополняемый напитками. Наиболее часто в собрании подавали шампанское.

По словам Геруа: «Однако в Петербурге и в гвардии, помимо соблазна офицерского собрания, были налицо и другие соблазны, а также и разные обязательства, запускаящие руку в карман офицера. Если карман оказывался тощим, напора всех этих расходов он не выдерживал»²¹⁸. В дневнике В.С. Савонько рассказывается несколько историй о том, как некоторые офицеры, не в силах совладать с соблазнами столичной жизни, «запускали руку в казенные суммы» и должны были расстаться с гвардейским мундиром.

Событием, выходящим за рамки обыденности, в офицерской среде считалось посещение ресторанов. «Офицер должен посещать только такие общества, в которых господствуют добрые нравы; он никогда не должен забывать, особенно в публичных местах, что он не только образованный человек, но что, сверх того, на нем лежит обязанность поддерживать достоинство своего звания. Поэтому он должен воздерживаться от всяких увлечений и вообще от всех действий, могущих набросить хотя малейшую тень даже не на него лично, а тем более на весь корпус офицеров...»²¹⁹ Приказом военного коменданта Санкт-Петербурга был утвержден перечень ресторанов, которые рекомендовались для посещения господ офицеров.

Судя по дневникам В.С. Савонько, наиболее часто он и его товарищи посещали ресторан «Донон»²²⁰, в котором проводились традиционные то-

²¹⁶ Ресторан «Кюба» располагался в здании по адресу: ул. Большая Морская, д. 16/8, относился к числу самых известных и дорогих петербургских заведений рубежа XIX–XX вв.

²¹⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 12 об.

²¹⁸ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 65.

²¹⁹ Каменев А. Военная школа России. М., 1999. С. 212.

²²⁰ Ресторан «Донон» располагался в здании по набережной реки Мойки, д. 24, считался самым фешенебельным рестораном Петербурга.

варищеские ужины. Поводом для этих ужинов служили ежегодный праздник лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады 6 декабря, а также какое-либо событие в жизни офицеров бригады (уход из бригады, производство в следующий чин, награждение орденом). Запись о посещении ресторана впервые появляется в дневнике под 6 декабря 1901 г. (т.е. спустя два года пребывания офицера в составе бригады). «После цирка мы все поехали к “Донону”, где в двух шикарных кабинетах состоялся ужин, предложенный полковником Потоцким. К этому времени туда же (к “Донону”) собрались: полковник Берников, капитан Гродский, капитан Базаров, ст. сов. Шульман, г. Семенов, шт.-капитан Кавтарадзе, шт.-капитан Макеев, капитан Гартунг, 2 брата Саблер, подпоручик Фриде, подпоручик Шанявский (2 бат.), генерал Ляпунов, капитан Леман, пор. фон Энден... В 2 часа ночи все разошлись»²²¹. Обращает на себя внимание, что за одним столом собирались седые генералы и совсем юные подпоручики. Это символизировало корпоративную солидарность офицеров бригады, демонстрировало прочность традиций. Среди других ресторанов в дневнике упоминаются «Кюба», «Контан», «Палкин». Наибольшей популярностью пользовался знаменитый кафе-концерт «Аквариум»²²². Особым шиком считался ужин с артистками.

Одной из форм дозволенного офицерам досуга была карточная игра. В XIX столетии карточные игры делились на запрещенные (азартные): «двадцать одно», или «очко», баккара, макао, «тринадцать» и др., – и разрешенные (коммерческие): преферанс, вист, бридж, кинг, рамс и др.²²³. Среди офицеров гвардии вообще и лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады в частности процветала игра в карты (тетка, винт, бридж, фрапп, макао). Вплоть до запрета в 1903 г. наибольшей популярностью пользовалась макао. С 1905 г. началось победное шествие покера (офицеры именовали игру “джек-бот”). В записи от 10 апреля 1906 г. В.С. Савонько фиксирует: «Столик в “покер” составлялся ежедневно. Играли с небольшим “лимитом” в 50 коп., но, тем не менее, проигрыш и выигрыш доходили до 15–20 рублей в среднем для каждого. Бывало, что проигрывали и по 40 рублей. Игра, следовательно, более походила на азартную, чем на коммерческую»²²⁴. При относительно небольшом офицерском жалованье возможность выиграть сумму, сравнимую с месячным жалованьем, становилась серьезным иску-

²²¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 40.

²²² Ресторан «Аквариум» находился по адресу: Каменноостровский проспект, д. 10–12, пользовался популярностью из-за постоянно организуемых развлекательных мероприятий.

²²³ Морихин В.Е. «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде» // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 52, примеч. 17.

²²⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 131 об.

шением. Автор дневника описывает ситуацию с обвинением в «небрежной» игре штабс-капитана С.Н. Крестьянова. Заподозренный в шулерстве, штабс-капитан был вынужден подать рапорт на увольнение в отставку и покинуть бригаду. Лишь личное вмешательство великого князя Сергея Михайловича позволило С.Н. Крестьянову продолжить службу в Главном артиллерийском управлении. Следует сказать, что в офицерских собраниях азартные игры были запрещены. Насколько можно судить по дневнику, эти запреты иногда нарушались. В записи от 17 декабря 1908 г. описывается эпизод с ночной игрой офицеров в макао, факт которой обнаружил командир бригады генерал-майор Головачев²²⁵.

Свое отношение к карточной игре В.С. Савонько выразил вполне недвусмысленно. В записи под 11 апреля 1906 г. читаем: «Достоинство – во все в карты не играть и употребить это время на самообразование или другую серьезную работу»²²⁶.

По выражению Б.В. Геруа, «в Петербурге офицер имел полную возможность “проветривать свои мозги”, если в этом у него являлась потребность; по военной специальности народилось и прочно стало на ноги в те годы Общество ревнителей военных знаний»²²⁷. В 1898 г. военный министр Куропаткин утвердил устав «Общества ревнителей военных знаний», ставившего своей задачей «распространение среди офицерства военных и общих знаний»²²⁸.

В.С. Савонько и ряд его товарищей из числа молодых офицеров бригады старались посещать заседания общества. Под 29 января 1904 г. запись гласит: «Был на собрании Общества ревнителей военных знаний. Читал капитан 2 ранга Кладо²²⁹ о войне Японии с Россией. Животрепещущая тема собрала в зале Морского кадетского корпуса (где был доклад) около 1 тысячи народу. Доклад был в высшей степени интересным. После него секретарь общества полковник Новицкий²³⁰ прочитал текст телеграммы, которую “общество” предполагает послать государю. В ответ все присутствующие прокричали “ура”»²³¹.

Помимо лекций и сообщений, которые офицеры бригады или приглашенные читали в бригаде, практиковалось и посещение офицерами

²²⁵ Там же. Д. 116. Л. 132–132 об.

²²⁶ Там же. Д. 115. Л. 133.

²²⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 119.

²²⁸ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 174.

²²⁹ Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919), историк и теоретик русского флота, преподаватель Морского корпуса, Николаевской Морской и Инженерной академий.

²³⁰ Новицкий Евгений Федорович (1867–1931), историк и теоретик военного искусства, один из основателей «Общества ревнителей военных знаний».

²³¹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 8.

публичных лекций в других учебных заведениях. Темы лекций зачастую имели мало общего с артиллерийским делом. Запись от 21 марта 1903 г.: «В химической аудитории Мих. арт. академии и Училища состоялась лекция профессора полковника Королькова²³² о радиі – новооткрытом веществе. Лекция носила чисто научный характер. Слушателями были почти исключительно артиллеристы. Я был»²³³. Запись от 28 марта 1905 г.: «Был на лекции в Мих. арт. академии профессора полковника Королькова о беспроводном телеграфировании»²³⁴.

Нередко на публичных лекциях присутствовала целая группа слушателей из числа офицеров бригады, такой эпизод, например, имел место 16 ноября 1905 г.: «Вечером в 8 часов в Обществе ревнителей военных знаний можно было видеть солидный процент нашей бригады. Это собрались на лекцию полковника Л.Ф. Гартунга – об унтер-офицерском вопросе²³⁵. Интересная тема и интересен сам лектор, впервые выступивший публично и блеснувший красиво построенными, разумными и продуманными фразами и мыслями. Ему много аплодировали. Наши гости – лейб-драгуны – в полном составе почтили своим присутствием лекцию. После лекции – дебаты – довольно бесцветные»²³⁶.

Сполна использовал автор дневника и возможности для повышения культурного уровня, которые в изобилии предоставляла столица империи. Дневник пестрит записями о посещении разного рода выставок. Это художественные экспозиции, художественно-промышленные выставки, технические и сельскохозяйственные выставки, выставки животноводства, цветов и др. Интерес автора вызывали как модные выставки, привлекавшие множество публики, так и совсем экзотичные. Например, 3 марта 1907 г. В.С. Савонько осмотрел картины Русско-японской войны в здании Академии наук и 35-ю выставку передвижников в здании Императорского общества поощрения художеств. Под 20 мая 1907 г. он отмечает: «От 2 – 4 часов дня был на 1-й автомобильной выставке в Михайловском манеже. Элегантнейшая выставка с элегантнейшей публикой!»²³⁷ Впечатление было настолько сильное, что 25 мая офицер посетил ее вторично. А 17 июня того же года записывает: «В 3½ часа дня был на выставке “народного узория”,

²³² Корольков Алексей Львович (1859–?), профессор физики и электротехники в Михайловской артиллерийской академии.

²³³ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114. Л. 87 об.

²³⁴ Там же. Д. 115. Л. 64.

²³⁵ Гартунг Лев Федорович (1868–?), офицер гвардейской артиллерии, в описываемое время полковник, командир 6-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

²³⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 115. Л. 105.

²³⁷ Там же. Д. 116. Л. 30.

устроенной К.Д. Далматовым²³⁸ (Фонтанка, д. 83). Кроме “узория” выставлены всевозможные русские древности: посуда, домашняя утварь, резной шкаф неизвестного столяра (по-моему, конца XVII-го), картины и проч. На выставке почти ни души... А жаль!»²³⁹ 22 октября того же года офицер посещает выставку птицеводства в Михайловском манеже, а 24-го января 1908 г. в том же манеже осматривает выставку семян и сельскохозяйственных машин. 4 марта 1908 г. В.С. Савонько вместе с сослуживцами присутствует на 1-й театральной выставке, экспозицию которой критикует за отсутствие систематизации и поучительности. В том же году автор дневника с интересом осматривает международные строительную и мебельную выставки. И это лишь малая часть экспозиций, привлечших интерес автора!

Остается еще сказать о путешествиях, которые также способствовали расширению кругозора офицера. Путешествовал наш автор не очень много. За десять лет в целях лечения он предпринял посещение курорта Гапсаль²⁴⁰, дважды посетил здравницы Кавказа Абастуман²⁴¹ и Минеральные Воды. В 1906 г. (с 25 мая по 23 июля) предпринял заграничное путешествие с посещением Австро-Венгрии, Северной Италии, Франции и Германии. В дневниковых записях отразились как непосредственные впечатления от увиденного, так и размышления автора. По долгу службы он предпринимал поездки в пределах Петербургского военного округа. В частности, в 1903 г. благодаря собственной любознательности превратил заурядную командировку в Псков в увлекательную и поучительную экскурсию.

Нельзя обойти и вопрос о чтении, которому принадлежала определяющая роль в самообразовании и развитии личности. Приходится признать, что большая часть офицеров была равнодушна к чтению²⁴². Многие офицеры ограничивались лишь чтением служебной документации, а на досуге не брали в руки книг и журналов. При этом библиотека бригады регулярно

²³⁸ Далматов Константин Дмитриевич (1850–?), русский коллекционер, собрал богатейшую коллекцию старинных и новейших кружев, вышивок, меток, тканей, узоров, как русских, так и других, дающих понятие о национальном орнаменте этих народностей.

²³⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 32 об.

²⁴⁰ Гапсаль (Хаапсалу), город и замок в западной Эстонии, до 1917 г. имел статус императорского курорта.

²⁴¹ Абастуман (Абастумани) – горно-климатический курорт в Адигенском муниципалитете Грузии. С 1898 г. лечебница находилась в управлении военного ведомства.

²⁴² Лютов С.Н. Читательские интересы офицеров русской армии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. 2002. № 1. С. 75–78. Самый подробный перечень литературы о чтении в армии до 1917 г. см.: Антология истории русской военной книги. Сборник оригинальных сочинений и статей XIX – начала XX в. / Сост. С.Н. Лютов. Новосибирск, 2007.

получала всю военную периодику, а на средства офицеров выписывались наиболее популярные журналы, подшивки которых были доступны в помещении офицерского собрания. Наблюдения над отношением к чтению со стороны своих сослуживцев побудили В.С. Савонько под псевдонимом «В. Черниговский» выступить в печати со статьей, посвященной пропаганде чтения в среде офицеров²⁴³. Под 21 декабря 1907 г. наш автор замечает: «Наша ли бригада не пополняется первыми учениками артиллерийских училищ и Пажеского корпуса и не в нашей ли бригаде библиотека выписывает “все” периодические военные журналы (т. е. дает средства для чтения), а все же я утверждаю, что у нас “Разведчик” прочтут 5% офицеров, “просмотрят” 45%, а 50% – совсем не прочтут и не просмотрят»²⁴⁴. Наш автор в целях самообразования читал много и, насколько можно судить по дневниковым записям, бессистемно.

Знакомство с дневником В.С. Савонько позволяет утверждать, что в лице его автора мы имеем дело с одним из лучших представителей военной интеллигенции последних лет существования Российской империи. Большую часть своего досуга офицер посвящал самообразованию, повышению культурного уровня. При этом он поддерживал добротоварищеские отношения с офицерами-сослуживцами, пользовался их уважением. Конечно, среди офицеров гвардии таких, как В.С. Савонько, было немного. Большая часть его сослуживцев предпочитала часы досуга проводить в развлечениях и в праздности. Но в офицерской среде лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады он не был одинок. Примерами военных интеллигентов для него были старшие товарищи штаб-офицеры В.А. Лехович, Н.А. Илькевич, Л.Ф. Гартунг. Судя по дневниковым записям, в период военных реформ 1905–1909 гг. все большее место в досуге офицеров стало отводиться профессиональной подготовке и самообразованию. Их основными формами были слушание лекций и чтение литературы.

Разумеется, сделанный нами обзор не ставил целью даже вкратце пересказать содержание весьма объемистых и информативных дневниковых записей, которые В.С. Савонько вел на протяжении 10 лет. Мы остановились лишь на некоторых темах, которые являлись важными для автора. Многие, о чем думал и писал автор дневников, не вошло в вводную статью. Надеемся, что публикация дневников предоставит возможность специалистам и любителям многих отраслей исторического знания удовлетворить свой интерес в знакомстве с многочисленными сведениями, разбросанными на страницах дневников В.С. Савонько.

²⁴³ Черниговский В. Обязательное чтение // Разведчик. 1907. 27 нояб. № 892. С. 702.

²⁴⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 116. Л. 63.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дневник В.С. Савонько был приобретен Российской национальной библиотекой весной 2013 г. Текст дневника в настоящее время публикуется впервые, за исключением небольшого фрагмента о Кровавом воскресенье 9 января 1905 г.²⁴⁵

71

В настоящее время дневники хранятся в составе фонда отдельных поступлений под шифрами: Ф. 1000. Оп. 11. Д. 114, 115, 116, 117. Все дневники сброшюрованы и заключены в кожаные переплеты. Первая книга (Д. 114) общим объемом 134 листа (264 страницы) содержит дневниковые записи за период с 21.01.1899 по 31.12.1903 г. Судя по датам на листах 3, 16, 26, 43, 73, первая книга была отпечатана на машинке в 1904 г.

Для перепечатывания дневников Савонько специально приобрел пишущую машинку американского производства «Munson», которые выпускались в Чикаго в 1890–1898 гг. Ее особенностью было отсутствие рычагов с литерами, вместо которых использовался барабан с выпуклыми литерами, к которым прижималась бумага. Такой барабан мог быть легко заменен, таким образом машинка могла использоваться для любого шрифта. Она отличалась портативностью²⁴⁶.

Размер переплета 18 на 22 см. На верхней крышке переплета вызолоченная тисненая надпись: «Черная книга», под ней изображение чернильного пера, ниже «В.С. Савонько», ниже «1899–1903». На корешке переплета вызолоченные тисненные надписи: «Черная книга», ниже «1899–1903», ниже «В. С. С.». Надписи перемежаются изображением лилий. Бумага плотная без разлиновки. Листы размером 17,5 на 21,5 см. Форзацные листы на бумаге с цветным растительным орнаментом в золотистых и зеленом тонах на белом фоне. Сам автор представил свой дневник следующим образом: «Настоящее издание представляет точную копию всего того, что занесено на страницы моих записных книжек в 1899–1900–1901–1902–1903 годах под названием “Хроника”. Все зачастую наскоро и грамматически неряшливо записанные факты и мысли воспроизведены без всяких изменений, поправок и дополнений. Это сырой материал, набросанный под свежим впечатлением каждого пережитого дня, которому я пожелал придать лишь приличную внешность, составив его содержание в полной неприкосновенности. В настоящем своем виде “Черная книга”, безусловно, не подлежит оглашению».

²⁴⁵ Богданов А. А. Неизвестные воспоминания о 9 января 1905 г. в Петербурге // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 24. С. 58–63.

²⁴⁶ Munson 1 // Antique Typewriters. The Martin Howard Collection. [Электронный документ]. URL: <http://www.antiquetypewriters.com/collection/detailed.asp?img=pic-munson03.jpg&typewritername=Munson%201#.WA0WGeWLRD>. Дата обращения: 23.10.2016.

Вторая книга (Д. 115) общим объемом 174 листа (344 страницы) содержит дневниковые записи за период с 01.01.1904 по 31.12.1906 г. При этом, судя по записям на л. 3, 41, 115, дневник за 1904 год был перепечатан на машинке в 1905 г., а дневники за 1905 и 1906 годы – в 1907 г. Размер переплета 18 на 22 см. На верхней крышке переплета вызолоченная тисненая надпись: «Черная книга» (размер шрифта 14 на 5 мм), под ней заставка, ниже «В.С. Савонько» (заглавные буквы 10 на 5 мм, строчные 6 на 3 мм), ниже «1904–1906» (7 на 3 мм). На корешке переплета вызолоченные тисненные надписи: «В.С. Савонько», ниже «Черная книга». Бумага плотная без разлиновки. Листы размером 17,5 на 21,5 см. Форзацные листы на бумаге с растительным орнаментом серого цвета на белом фоне. На листе 2 В.С. Савонько практически повторил вышеприведенный текст своего предисловия из первой книги дневника.

Третья книга (Д. 116) общим объемом 234 листа (469 страниц) содержит дневниковые записи за период с 3.01.1907 по 31.12.1909 гг. При этом, судя по записям на л. 3, 137, 234, дневник за 1907 г. был перепечатан в 1910 г., дневник за 1908 г. – в 1912 г., а работа над перепечаткой дневника за 1909 г. окончена 6 апреля 1913 г. Размер переплета 18 на 22,4 см. На верхней крышке переплета вызолоченная тисненая надпись: «Черная книга» (размер шрифта 12 на 8 мм), ниже «В.С. Савонько» (надпись выполнена курсивом, заглавные буквы 16 на 12 мм, строчные 8 на 6 мм). Форзацные листы на бумаге с покрытием с геометрическим орнаментом на зеленом фоне. На листе 2 помещен текст предисловия, уже известный по первой и второй книгам дневника.

Наблюдения над переплетами позволяют заключить, что единообразие в их оформлении отсутствует, хотя, по всей видимости, книги вышли из одной мастерской. Это означает, что книги переплетались неодновременно. Первая книга приобрела законченный вид в 1904 г., вторая – в 1907 г., а третья после 6 апреля 1913 г.

Книга (Д. 117), содержащая рассказы о поездках и путешествиях В.С. Савонько, самим автором названа «Сборник № 1». В «Сборнике» 98 листов (197 страниц) машинописного текста. Переплет 17,5 на 22 см, корешок переплета и углы кожаные, крышки переплета – серая ткань. На верхней книжке переплета вызолоченные тисненные надписи курсивом: «Сборник № 1» (размер шрифта: заглавные буквы 15 на 7 мм, строчные буквы 5 на 10 мм), ниже: «В.С. Савонько». На корешке переплета надписи: «В. Савонько», ниже: «Сборник», ниже *, цифра «1», ниже *. Форзацные листы на бумаге с растительным орнаментом в бело-золотых тонах.

По содержанию можно выделить две части. Первую часть составляют 4 рассказа и 3 стихотворения. Рассказ «Трезвенник» имеет дату 26 июля 1902 г., рассказ «Командировка в Ижору» датирован 12 июля 1902 г., «Ма-

дригал», посвященный Н.С. Астафьевой, помечен датой 19 января 1902 г., очерк «Гапсаль» датирован 21 августа – 2 сентября 1900 г., стихи, посвященные Н.С. Астафьевой, снабжены датами 2 марта 1902 и 30 ноября 1902 г., рассказ о торжествах в честь 200-летия взятия Шлиссельбурга 9–12 октября 1902 г. точно не датирован, а имеет рукописную помету «1902». Можно предположить, что первая часть «Сборника № 1» была перепечатана на машинке в конце 1902 г. Возможно, что дата «1902» г. относится не ко времени создания машинописного варианта, а к датам событий, которые имели место в 1902 г. Обращает на себя внимание тот факт, что в описании обратного плавания из Шлиссельбурга в Петербург пропущены записи анекдотов. При этом на нижнем поле листа 51 читается помета: «Анекдоты см. в “Записной книжке” 1902 года». Поскольку записная книжка за 1902 г. была перепечатана на машинке автором в 1904 г., то логично предположить, что и первая часть «Сборника № 1» была отпечатана в то же время.

Вторая часть «Сборника № 1» озаглавлена «За границей (путевые наброски)». Она содержит описание заграничного путешествия, которое В.С. Савонько вместе с Н.А. Илькевичем предприняли с 25 мая по 23 июля 1906 г. Маршрут путешествия пролегал через Вену, Венецию, Милан, Геную, Марсель, Аркашон, Бордо, Париж, Кельн, Берлин и далее в Санкт-Петербург. Судя по дате 1906 г., эта часть сборника была отпечатана на машинке вскоре после возвращения в Россию и тогда же совместно с первой частью заключена в переплет.

Бросается в глаза неравномерность в распределении дневниковых записей. В дневнике за 1899 г. всего находятся 120 записей, на 11 листах, записи занимают от 2 до 5 строк, максимальный временной промежуток между записями 13 дней. Дневниковых записей за 1900 г. 80, и они занимают 12 листов, при этом временной промежуток между записями достигает максимум 8 дней. В 1901 помещена 121 запись, занимающая 17 листов. При этом надо принять во внимание, что описание поездки на Кавказ с 23 мая по 14 сентября 1901 г. составляло особую, не дошедшую до нас книгу объемом в 201 страницу (Д. 114. Л. 35). В дневнике за 1902 г. 160 записей общим объемом 30 листов. Легко заметить, что растет объем и информативность записей, теперь не редкость записи по 2 страницы и более. В 1903 г. в дневник занесено 196 записей, общим объемом 60 листов. Дневник 1904 г. составляют 163 записи, занимающие 38 листов. Хроника 1905 г. включает в себя 211 записей, объемом 73 листа. Хроника 1906 г. насчитывает 226 записей, объемом 57 листов. Дневник 1907 г. включает в себя 212 записей на 62 листах. Дневниковых записей 1908 г. насчитывается 229 на 70 листах. Наконец, в дневнике за 1909 г. – 249 записей на 97 листах. Известно, что В.С. Савонько продолжал вести дневник еще в 1919 г., подробно описав события с 1910 по 1919 гг. Остается пожалеть, что такой информативный

источник недоступен исследователям. Хочется надеяться, что остальные тома «Черной книги» когда-нибудь станут достоянием исторической науки.

74

В настоящем издании текст дневника В.С. Савонько публикуется полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. Публикация осуществляется в соответствии с действующими правилами издания исторических документов²⁴⁷. Текст приводится по нормам современной орфографии, немногочисленные описки автора исправлены без оговорок. Сохраняются стилистические особенности текста. Сокращения названий воинских частей и званий, названий военных учебных заведений, титулы членов императорской фамилии раскрыты без специальных указаний, прочие сокращения раскрыты в квадратных скобках. Пунктуация рукописи приведена к современным нормам. В необходимых случаях вставлены знаки прямой речи. Археографические примечания даны постранично, комментарии к тексту – в конце публикации.

В именной указатель включены все упоминаемые в дневниках В.С. Савонько лица (всего около 1000 персоналий).

По возможности установлены фамилия, имя, отчество полностью, годы рождения и смерти. По особой схеме приведены данные для офицеров российской императорской армии – указаны их чины (с годом присвоения или упоминания) и должности в период 1899–1909 гг. (временной охват дневников В.С. Савонько), участие в военных кампаниях данного периода (поход в Китай 1900–1901 гг., Русско-японская война). Поскольку большинство упоминаемых офицеров, как и сам В.С. Савонько, были участниками Первой мировой и Гражданской войн, указан последний чин (по возможности, с годом) в императорской армии, факт участия в Первой мировой войне, в Белом движении, в РККА, в вооруженных силах других стран, нахождение в эмиграции, подвергался ли репрессиям в послереволюционное время.

Сведения о большинстве упоминаемых офицеров представлены в полном виде, кроме случаев, когда в дневниках упомянута только фамилия офицера, из-за существования однофамильцев.

При поиске биографической информации об офицерах привлекались данные:

1. Баз данных тематических проектов:

- «Офицеры русской императорской армии» (www.ria1914.info)
- «Генералитет российской императорской армии и флота» (www.rus-general.ru)
- «Русская армия в Великой войне» (www.grwar.ru)
- «Жертвы политического террора в СССР» (www.lists.memo.ru)

²⁴⁷ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990.

2. Биографических словарей офицеров русской императорской армии:

- Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.
- Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2.

3. Списков офицеров русской императорской армии:

- Общий список офицерским чинам русской императорской армии на 1 января 1909 г. СПб., 1908.
- Список генерал-адъютантам, генерал-майорам и контр-адмиралам свиты его величества и флигель-адъютантам по старшинству: Сост. на 1908–1913. СПб., 1908–1913.
- Список генералитету по старшинству: Сост. на 1899–1916. СПб., 1899–1916.
- Список капитанам гвардейской пехоты по старшинству: Сост. на 1900–1913 гг. СПб., 1900–1913.
- Список по старшинству капитанам гвардейской, полевой, крепостной, тяжелой и местной артиллерии и есаулам казачьей артиллерии: Испр. на 1911–1913. Полтава, 1911–1913.
- Список по старшинству полковникам артиллерии: Испр. на 1910–1913. СПб., 1910–1913.
- Список по старшинству штаб-офицерам и капитанам гвардейской, полевой, казачьей и местной артиллерии на 1902, 1913 гг. СПб., 1902–1913.
- Список подполковникам по старшинству: Сост. на 1908–1914. СПб., 1908–1914.
- Список полковникам по старшинству: Сост. на 1899–1916. СПб., 1899–1916.
- Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству: Сост. на 1899–1916. СПб., 1899–1916.
- Список ротмистрам гвардейской кавалерии по старшинству: Сост. на 1899–1913 гг. СПб., 1899–1913.

4. Списков убитых, раненных и попавших в плен в кампании в Китае 1900–1901 гг., Русско-японской, Первой мировой войне.

5. Списков георгиевских кавалеров и награжденных Георгиевским оружием.

7. Списков офицеров русской императорской армии, служивших в РККА и воевавших на стороне Белого движения.

8. Списков офицеров, служивших в вооруженных силах Украины и Польши.

76

Для уточнения информации о прочих упоминаемых лицах привлекались различные тематические биографические словари: государственных деятелей, писателей, музыкальных деятелей, профессоров учебных заведений, врачей и т. д.

К настоящему изданию приложен краткий словарь терминов, в котором пояснены специальные понятия, применяемые в артиллерийском деле.

ЧЕРНАЯ КНИГА

ДНЕВНИКИ ГВАРДЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В.С. САВОНЬКО.

1899–1903

Я недолюбливаю воспоминаний, которые пишут присяжные литераторы, и предпочитаю им воспоминания обыкновенного смертного, не литераторов.

В. Буренин

L'écriture devient amusement quand on y est accoutumé.

Catherine II *

* «Писать становится удовольствием, коль скоро к тому привыкнешь» (фр.). Данная цитата – одно из замечаний Екатерины II на полях книги аббата Денины «Опыт о жизни и царствовании Фридриха II-го...». Полностью цитата выглядит следующим образом: «Le lire et l'écriture devient amusement quand on y est accoutumé» («Читать и писать становится удовольствием, коль скоро к тому привыкнешь»). См.: Исторические и автобиографические заметки Екатерины II // Русский архив. 1878. Вып. 7. С. 283–291; Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биограф. статьей и объясн. указателем Николая Барсукова, члена Археограф. комис. СПб., 1874.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет ТОЧНУЮ КОПИЮ всего того, что занесено на страницы моих записных книжек в 1899–1900–1901–1902–1903 годах под заглавием «ХРОНИКА». Все зачастую наскоро и грамматически неряшливо записанные факты и мысли воспроизведены без всяких изменений, поправок и дополнений. Это – сырой материал, набросанный под свежим впечатлением каждого пережитого дня, которому я пожелал придать лишь приличную внешность, оставив его содержание в полной неприкосновенности. В настоящем своем виде «ЧЕРНАЯ КНИГА» БЕЗУСЛОВНО не подлежит оглашению.

В. С. Савонько

1899

Из записной книжки 1899 г.

В. Савонько

1904 г.

ХРОНИКА 1899 г.

21-го января – четверг.

Прием 1-го дивизиона лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады полковником Н. В. Берниковым.

30-го января – суббота.

Заболел брюшным тифом в легкой форме и маленькое местное воспаление правого легкого. (Рапорт о болезни подан 31-го января).

19-го февраля – пятница.

Приказ по лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде № 50 (приказание № 88, п. 6) о получении Румынской медали 2 класса (в бытность портупей-юнкером Михайловского артиллерийского училища (июль месяц 1898 года)).

6 марта – суббота.

Подал рапорт о выздоровлении за № 7.

10 марта – среда.

Смотр командиром дивизиона (полковником Берниковым) старослужащих: квадрант, трубка, кобыла, притягивание, отдавание чести, револьвер.

11 марта – четверг.

Смотр командиром дивизиона (полковником Берниковым) наводчиков.

14 марта – воскресенье.

Первый день пробной мобилизации 2-й батареи лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады (укладка, ковка, фураж, аммуниция, обмундирование и проч.).

15 марта – понедельник.

2-й день мобилизации (то же).

16 марта – вторник.

3-й день мобилизации. С 9 час[ов] до 4 час[ов] дня – снаряжение, установка и перевозка боевого комплекта в огнестрельном складе (в 6 верстах от СПб.) (4 зар[ядных] ящ[ика] + 1 передок). Окончательное снаряжение для одного зарядного ящика и одного передка.

17 марта – среда.

4-й день мобилизации. С 9 часов утра – 12½ ча[сов] перевозка боевого комплекта из огнестрельного склада (5 зарядных ящиков + 1 ор[удийный] передок).

18 марта – четверг.

5-й день мобилизации. С 9 час[ов] у[тра] – 1 ч[ас] д[ня]. Перевозка боевого комплекта из огнестрельного склада (7 зар[ядных] ящ[иков] + 2 ор[удийных] передка).

19 марта – пятница.

6-й день мобилизации.

20 марта – суббота.

7-й день мобилизации. Нагрузка батареи на Николаевскую ж[елезную] д[орогу]. 1) лошадей, 2) артиллерию, 3) зарядные ящики, 4) обоз, 5) людей.

21 марта – воскресенье.

8-й день мобилизации. Смотр генералом Канищевым (начальник артиллерии Гвардейского корпуса) батареи у памятника Славы¹ в 9 час[ов] утра. После смотра нагрузка одного эшелона батареи на Николаевской ж[елезной] д[ороге].

22 марта – понедельник.

Смотр 2-й мобилизованной батареи лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады (совместно с 3-й батареей лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады) главнокомандующим великим князем Владимиром Александровичем и командиром Гвардейского корпуса великим князем Павлом Александровичем у церкви Св. Троицы (Измаил[овский] пр[оспект]) в 2 часа дня.

23 марта – вторник.

Смотр офицерской езды генералом Канищевым (начальник артиллерии Гвардейского корпуса):

- 1) господа офицеры 1-го дивизиона бригады
- 2) " 2 " "
- 3) " Гвардейского стрелкового дивизиона
- 4) " прикомандированные к бригаде
и стрелковому дивизиону.

¹ Памятник Славы, или Колонна славы – монумент, сооруженный в 1886 году перед Троицким собором, в честь победы в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Представляет собой колонну из пяти рядов трофейных пушек. В 1929 г. монумент был разобран. Восстановлен в 2003 г.

С 10 часов утра.

С 1–6 час[ов] вечера разгрузка снарядов и зарядов из зарядных ящиков в сарай «боевого комплекта» (в огнестрельном складе). 864 снаряда + 888 зарядов. 16 зарядных ящиков.

1899

83

24 марта – среда.

Смотр командиром дивизиона (полковником Берниковым) езды

1) фейерверкеров	}	[18]97 г.	от 9–11 час[ов] утра
2) ездовых			
3) –			
4) –			
5) трубачей 1-го дивизиона и вольтижировку по три человека от срока.			
- От 11¼ – 12¼ ч[асов] у[тра] смотр молодых солдат 2-й батареи.

- 1) шашечные приемы
- 2) повороты и маршировка
- 3) кобыла и притягивание
- 4) вольные движения
- 5) квадрант и трубка
- 6) словесность.

27 марта – суббота.

Смотр командующим бригадою (генерал-майор Т. М. Беляев) молодых солдат:

- 1) действия при орудиях
- 2) караульная служба

и орудийных ефрейторов – исправление материальной части артиллерии. С 9 час[ов] утра.

29 марта – понедельник.

5-я неделя великого поста, начало говения² 2-й и 1-й батареи лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады.

30 марта – вторник.

Присяга молодых солдат срока службы [18]99 года и гг. офицеров выпуска [18]98 г. (от 9 – 10 ч[асов] у[тра])

2 апреля – пятница.

5-я неделя великого поста. Конец говения (причащение) 2-й батареи лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады.

² Говение – приготовление к таинству причащения.

5 апреля – понедельник.

В огнестрельном складе СПб. округа получено мною
гранат 241
шрапнелей 230
уд[арных] трубок 241
выт[яжных] трубок 1125
С 8½ ч[асов] у[тра] – 6 час[ов] веч[ера].

10 апреля – суббота.

Ездил в огнестрельный склад СПб. округа для снаряжения 241 гранаты и 183 шрапнелей. С 8½ ч[асов] у[тра] – 4 ч[аса] дня.

13 апреля – вторник.

Ездил в огнестрельный склад для приема зарядов (485) и перевозки всех припасов в бригаду для летней практики. С 8 ч[асов] у[тра] – 5 ч[асов] в[е-
чера]. (Состязание в стрельбе из револьверов на Семеновском плацу от 10
час[ов] утра. Приказ по бригаде от 11 апреля [18]99 г. № 101, п. 5 (я не был)).

18 апреля – воскресенье.

Поздравление нижних чинов с 11 – 12 час[ов] дня. Завтрак у командира
батареи (полковника Дитерихс[а]) 12 – 1 ч[асов] дня. Визиты с 1 – 4 ч[аса]
дня (Пасха).

19 апреля – понедельник.

20 апреля – вторник.

С 2 часов дня до 2 х часов дня – дежурный по Николаевскому военно-
му госпиталю.

22 апреля – четверг.

С 12 – 2 часов дня экзамен гг. офицеров в знании
1) стрельбы (задачи, обработка ж[урнала] стр[ельбы])
2) использование мат[ериальной] части (поверка I)
3) квадрант, штангенциркуль.

Особая программа. По 2 офицера от батареи (от 2-й батареи лейб-гвар-
дии 1-й Артиллерийской бригады подпоручик Савурской и подпоручик
Плющевский-Плющик).

Комиссии:

- 1) полковник Михеев (гвардейской Конно-[артиллерийской] бригады)
– Булгаков (лейб-гвардии 2-й [Артиллерийской бригады])
– Нищенков (гвардейского Стрелкового [артиллерийского] дивизиона)

- 2) – Мейбаум (лейб-гвардии 1-й [Артиллерийской бригады])
- Кузьмин-Караваев (гвардейской Конно-[артиллерийской] бригады)
- Коленкин (лейб-гвардии 2-й [Артиллерийской бригады])

28 апреля – среда.

Парад на Марсовом поле в высочайшем присутствии. Я – командир 2-го взвода 2-й батареи лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады (в конном строю).

1899

85

30 апреля – пятница.

Выступили в лагерь в Красное Село. В 8 часов у[тра] – молебен. Я – в конном строю, командир 1-го взвода.

29 апреля – четверг.

Опрос претензий бригады при сдаче бригады вр[еменным] командующим генерал-майором Беляевым – вр[еменному] командующему (командиру 2 дивизиона бригады) полковнику Мейбаум[у]. (До прибытия вновь назначенного полковника Ляпунова) 9 час[ов] утра.

1 мая – суббота.

Назначен делопроизводителем батареи вместо подпоручика Савурского. Приказ по бригаде от 5 мая № 125 п. 5.

5 мая – среда.

Первая стрельба в лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде.

12 мая – среда.

Прием бригады (опрос претензий) полковником Ляпуновым. С 9 час[ов] у[тра].

17 мая – понедельник.

Я пристреливался на позиции у Царского валика, на 3-й боевой стрельбе всего года. Дано 18 гр[анат] + 18 шрапнелей.

19 мая – среда.

Был в охранительной цепи на стрельбе артиллерийских училищ.

29 мая – суббота.

Проверка слаженности батареи бригады (сладка) от 9 час[ов] у[тра] по особой программе комиссией из командиров дивизионов гвардейской артиллерии.

ХРОНИКА 1899 г.

31 мая – понедельник.

Высочайше разрешено мне принять и носить Румынскую медаль³.
Приказ по бригаде № 151 п. 6.

1899
86

4 июня – пятница.

На боевой стрельбе присутствовал командир Гвардейского корпуса его императорское высочество великий князь Павел Александрович (от 3 – 7 час[ов]).

9 июня – среда.

Дежурный по бригаде.

14 июня – понедельник.

К нам в батарею назначен окончивший курс в Михайловской артиллерийской академии поручик Альтфатер. Назначен завед[ующим] хоз[яйством] вместо капитана Масалитинова.

26 июня – суббота.

Состязательная стрельба от 10 час[ов] утра. Обыкновенные призы взяли: 3, 4, 5 и 1 стрелковые батареи.

28 июня – понедельник.

Умер наследник цесаревич Георгий Александрович. Траур на три месяца.

1 июля – четверг.

Я и поручик Альтфатер в присутствии командира батареи устроили состязание в стрельбе из револьверов нижним чином. Розданы три приза (вещи по 1 руб[лю] 30 коп[еек], купленные на счет офицеров 2-й батареи).

Вещи: { кошелек кожаный (1 руб[ль] 25 коп[еек])
портсигар кожаный (1 [рубль] 50 [копеек])
письменные принадлежности (1 [рубль] 10 [копеек])

3 июля – суббота.

К батарее прикомандирован камер-паж Базилевский.

6 июля – вторник.

Смотр саперных работ (я заведывал) командиром дивизиона полковником Берниковым от 11 час[ов] у[тра].

³ Юбилейная медаль, посвященная 60-летию румынского короля Карла I.

7 июля – среда.

1-й отрядный маневр 2-й батареи с Измайловским и Егерским полком. (Я не был.) От 12 час[ов] дня.

8 июля – четверг.

Стрельба с пехотой (лейб-гвардии Семеновским полком)

15 гран[ат] + 30 шр[апнелей]. От 6½ ч[асов] у[тра] – 1 часу дня. От 6 час[ов] в[ечера] объезд лагеря великим князем Владимиром Александровичем. От 8½ ча[сов] в[ечера] выступили на маневры и расположились биваком у д. Рюмки на ночь. 6 орудий нашей батареи и батальон лейб-гвардии Преображенского полка.

1899

87

9 июля – пятница.

С 9 часов утра разыгрался маневр между деревней Рюмки и мызой Шунгоровской. Противник: батальон Егерского полка и 2 орудия нашей батареи.

12 июля – понедельник.

В 6 час[ов] в[ечера] выступили на маневр и расположились биваком у д. Никулино: 8 ор[удий] нашей батареи и батареи лейб-гвардии Измайловского полка.

13 июля – вторник.

Обороняли позицию у этого бивака с 9 час[ов] утра.

Противник – лейб-гвардии Егерский полк (батарея) и 8 ор[удий] 3-й батареи.

16 июля – пятница.

Маневр с лейб-гвардии Семеновским полком у Красносельской станции. С 11 час[ов] дня (я не был) 8 ор[удий] нашей батареи.

19 июля – понедельник.

Выступление на маневр с лейб-гвардии Измайловским полком (8 ор[удий] нашей батареи) к д. Б[ольшие] Тайцы. 6 час[ов] веч[ера]. На ночь – бивак. В 12 час[ов] ночи Владимир Александрович сделал тревогу, а к 4 часам утра батарея вернулась домой 9 (я не был).

21 июля – среда.

Походное движение к Шунгоровской мызе с пехотой. 2-й сводный полк (Измайловский и Егерский). Наши 8 орудий и 16 зарядн[ых] ящиков. От 6½ ч[асов] у[тра] – 12 час[ов] дня.

Хроника 1899 г.

23 июля – пятница.

Маневр с 12½ час[ов] дня (я не был).

24 июля – суббота.

Походное движение со 2-м сводным полком (Измайл[овский] + Егерский). Наши 8 ор[удий] + 8 ор[удий] от 3-й батареи. Шли до д. Камерязи. От 6½ ч[асов] у[тра] – 1 часу дня.

26 июля – понедельник.

Состязание в езде ездовых и фейерверкеров в орудии. Присутствовали великие князья Владимир Александрович, Павел Александрович, великие княгини Мария Павловна, Елена Владимировна и все начальство. Корпусный приз взяла 4 батарея лейб-гвардии 2-й Артиллерийской бригады. Наш бригадный – взяла 4 батарея (13/10 колов). Наша батарея повалила 12 кольев. С 9 ч[асов] у[тра] до 1 ч[аса] дня. (Легким батареям дана была скидка и 13 колов сосчитали за 10. На самом деле наша батарея повалила меньше всех. Я заведывал обучением орудия.)

27 июля – вторник.

Маневр от 1 ч[аса] дня с лейб-гвардии Егерским полком. От д. Лемпелево наступал на Красное Село. Конец в 8 час[ов] вечера.

28 июля – среда.

Высочайший объезд лагеря от 6 часов вечера и «общая заря» после него.

29 июля – четверг.

Начало подвижных сборов. Выступили в 4 часа дня: 1, 2 и 3 батареи нашей бригады по военному составу, но без ящиков. Биваком расположились у д. Большие Горки, куда прибыли в 7½ ч[асов] в[ечера]. Очень хорошее место для бивака, высоко и с водопоем. Погода хорошая, но свежая. Вот состав офицеров нашего (1 го) дивизиона.

Командир дивизиона полковник Берников.
За адъютанта подпоручик Баранов.

1 батарея
полковник его высочество герцог Мекленбург-Стрелицкий
подпоручик барон Арпсгофен
подпоручик Стахович (3 батарея)
подпоручик Чуйкевич (4 батарея)

2 батарея
полковник Дитерихс
подпоручик Савонько
– Плющевский-Плющик
– Яковлев (5 батарея)
камер-паж Базилевский

1899
89

3 батарея
полковник Лехович
подпоручик Крестьянов
– Квитницкий (стрелковая [батарея])
– Фриде (6 батарея)

30 июля – пятница.

Встали в 5 часов у[тра]. Двинулись с бивака в 6½ ч[асов] у[тра] на д. Анташи, куда и прибыли к 12 часам. У этой деревни расположились биваком, войдя в отряд под начальством Кавалергардского полка генерала Николаева.

Состав отряда:

8-й сводный полк (3 финский Вазаский, 4 финский Улеаборгский, 4 Финляндский стрелковый батальон, Павловское [военное] уч[илище], Окружное пех[отное] уч[илище])

16 ор[удий] Константиновского артиллерийского училища

2 ор[удий] гвардейской Запасной батареи

1-й сводный полк (Преображенский и Семеновский) 4 батареи

Кавалергардский полк

Уральская сотня.

На завтрашний маневр 1 и 2 батареи вошли в состав главных сил. 3-я батарея – дежурная часть и авангард. Погода хорошая, светлая, солнечная. Бивак хороший, с водопоем (вода плохая), сухой.

31 июля – суббота.

Выступили на маневр с бивака в 8½ ч[асов] у[тра] и двинулись к ю[гу] от Анташи. 1 и 2 батареи (нашей бригады) и Константиновское уч[илище] пошли на полных рысях за кавалергардами и заняли позицию к ю[го]-з[ападу] от д. Малое Котино. После отбоя снялись с позиции и вернулись на свой прежний бивак к деревни Чухонские Анташи к 1 ч[асу] дня. Погода хорошая, теплая. Я от 2 х часов дня дежурный по биваку.

1 августа – воскресенье.

Дневка на биваке. К вечеру от 8 – 10½ ч[асов] пошел сильный дождик. К 11 перестал. В 11½ час[ов] ночи получено приказание сняться с бивака и следовать в обход противника, бивакирующего у д. Глядино. Ночь темная, хорошая. С бивака поднялись совершенно тихо и благополучно. ...

2 августа – понедельник.

...Выступили на шоссе и повернули на з[апад] на д. Касково. Не доходя ее свернули к с[еверу] и через д[еревни] ⁴ проходя непрерывно через почти непроходимые леса – вкруговую – дошли до д. Муховиц к 6 час[ам] у[тра]. На походе наша 2 батарея с батареями лейб-гвардии Семёновского полка составляла боковой охран[ный] отряд. Придя в деревню Муховиц, наша батарея с 1-й составила резерв. Неприятель по донесениям совершенно был обманут нашим обходом и проследовал на бивак у деревни Анташи и таким образом дал нам соединиться с нашим подкреплением, ни разу с нами не встретившись и не подозревая, где мы находимся. В 1½ дня был отбой, и мы из д. Муховиц двинулись на с. Дятлицы (к 4 часам), где и встали биваком. От 2 – 3 [часов] шел сильный дождик, остальное время погода была хорошая, но холодная. Бивак у с. Дятлицы хороший, есть водопой вблизи и хорошая вода в четвертьверсте. Начальником нашего отряда был полковник Ляпунов.

3 августа – вторник.

Выступили в 9 час[ов] утра и двинулись по шоссе на деревню Волосово. Не доходя ее заняли позицию (великолепную) и отстреливались от наступающего неприятеля со стороны Кипени. В 1 ч[ас] был отбой, а к 2-м мы расположились на новом биваке у деревни Глядино. Погода прекрасная, вода на биваке хорошая. Командир нашего отряда был генерал Транзеге.

4 августа – среда.

Выступили в 9½ час[ов] утра и двинулись через Ропшу, Ридемиллю, Чух[онское]-Высоцкое и остановились перед селом Большое Высоцкое. Наша батарея и 1-я составили главные силы и в бой мы не вступили. Во время этого привала у с. Высоцкого приехал государь император со свитой и здоровался с войсками. Подъехав к нашим батареям, государь обратился к нам – обер-офицерам – с расспросами о благополучии. После отъезда государя был дан отбой, и мы начали располагаться (2 часа дня) биваком на том же месте. (Поляна перед селом Высоцким.) Я был квартирмейстером. Вечером в 10½ час[ов] наша батарея под моей командой была назначена в дежурную

⁴ Названия пропущены.

часть с ротами лейб-гвардии Семеновского полка. Дежурная часть расположилась восточнее бивака за дорогой.

5 августа – четверг.

В 9 час[ов] у[тра] наша батарея присоединилась к прочим, и наш дивизион двинулся через д. Чух[онское]-Высоцкое, Собакино, Эртелево и, пройдя последнюю, занял позицию, где мы открыли сильный огонь. В 11½ ч[асов] был отбой в присутствии государя императора, государыни императрицы и всей свиты. К 1½ ч[асам] д[ня] мы на рысях вернулись в Красное Село к себе в лагерь на дневку.

6 августа – пятница.

Праздник всей гвардейской артиллерии. В 10 ч[асов] был отслужен молебен в среднем эшелоне бригады. По случаю 40 дней со дня смерти государя наследника цесаревича парад и всякие празднества в этот день для нас и преображенцев отменены. Перевод в гвардию прикомандированных также не был согласно общему распоряжению по войскам, что прикомандированные обязаны прослужить в части не менее года, считая не со дня его производства, а со дня его прибытия в часть. Когда год исполнится, командир части имеет право послать представление о переводе офицера в гвардию.

7 августа – суббота.

Последний день маневров. Выступили из парка в 7 час[ов] у[тра] и двинулись всем дивизионом по Кипенскому шоссе через д. Телизи на с. Высоцкое и там остановились в резерве до 2 х часов, когда нас потребовали на позицию к ю[гу] от с. Высоцкого. В 2½ час[а] был отбой маневра, в высочайшем присутствии. После него состоялся высочайший завтрак на поле для всех офицеров. Наш дивизион на рысях вернулся домой. Я на завтрак остаться не захотел и уехал с батареей. На завтраке великий князь Михаил Николаевич обратил внимание на то, что прикомандированные не переведены в гвардию 6 августа. Великий князь тотчас же сообщил об этом министру, затем государю, и моментально последовало распоряжение, чтобы был отпечатан дополнительный приказ от 6 августа с переводом всех прикомандированных к гвардейской артиллерии в гвардию. Великий князь Михаил Николаевич поручил полковнику Ляпунову поздравить нас с переводом, что он (Ляпунов) и исполнил по приезде в лагерь.

Сегодня исполнилось 25 лет службы в лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде полковника Грибунина. Его почитатели (числом около 25) – в том числе и я – поднесли ему золотой академический знак Михайловской артиллерийской академии (стоимостью около 100 рублей).

9 августа – понедельник.

Высочайший парад войскам Красносельского и Усть-Ижорского лагерей. От 11 час[ов] у[тра] у Царского валика. Я – командир 2-го взвода (в конном строю). После парада – производство в офицеры.

Конец лагеря.

Бригада наша, по распоряжению командира, остается жить в Красном [Селе] до конца месяца.

12 августа – четверг.

Дежурный по бригаде (в лагере). В городе (СПб.) был опрос претензий командующим бригадой увольняемым в запас. В 2 часа дня. Присутствовали командиры дивизионов и батарей и заведывающие хозяйством (я не был). Для несения нарядов по пожару в СПб. решено нашу (2-ю) и шестую батареи переселить в СПб.

13 августа – пятница.

В 1 час выступил я походом из Красного Села в СПб. с 4-мя орудиями и обозом. В СПб. прибыли в 7 часов вечера.

В приказе по бригаде (№ 219) отдано, что я в числе прочих офицеров назначен на обучение запасных с 20 августа в Красном Селе. Вот состав офицеров для обучения запасных.

4 батарея (лошади + орудия)
командир капитан Шульман
штабс-капитан Кавтарадзе
подпоручик Фриде
– Чернявский (освобожден)⁵
– Квитницкий
– фон Энден
поручик Трапезников

5 батарея (лошади + орудия)
командир штабс-капитан Вешняков
подпоручик Рооп (не явился по болезни)
– Стахович
– Плющевский-Плющик
– Яковлев
– Савонько
– Явид

⁵ Вместо Чернявского назначили Савурского, а Савурской подал рапорт о болезни. – Прим. В. С. Савонько.

Общее наблюдение возложено на полковника Пузырева (командир 6 батареи).

19 августа – четверг.

Прибыли запасные в г. СПб. на плац бригады. Командующий произвел разбивку их на две батареи. К нам (в 5-ю батарею) назначено 142 человека. Эти запасные утром 20 числа отправлены в лагерь, где их разбили в батареях на взводы.

20 августа – пятница.

В сегодняшнем № «Русского инвалида»⁶ появился приказ по военному ведомству от 6 августа (дополнительный) о переводе меня (и прочих прикомандированных товарищей) в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. (Приказ по бригаде от 21-го [августа] № 227.)

21 августа – суббота.

Начало занятий с запасными нижними чинами. Я обучаю 1-й взвод (36 человек).

22 августа – воскресенье.

Являлся по случаю перевода в гвардию командующему бригадой (полковнику Ляпунову), полковнику Грибунину и полковнику Пузыреву (двум последним как командиру 5 батареи и временному командиру вторым дивизионом, куда я назначен на время сбора запасных).

27 августа – пятница.

Дежурный по бригаде (я) в лагере.

31 августа – вторник.

Полковник Пузырев сделал смотр запасным:

- 1) правильность установки трубки.
- 2) – квадранта
- 3) ученье в парке.

(1½ – 3 час[а] дня)

7 сентября – вторник.

Маневр с запасными. Выступили из лагеря в 5¾ час[ов] у[тра]. Двинулись по Гатчинскому–СПб. шоссе до д. Старо-Паново (близ Лигово). От-

⁶ «Русский инвалид» – военная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге, официальная газета Военного министерства в 1862–1917 гг.

сюда началось наступление на Красное Село. Отбой был около 1 ч[аса], а к 2-м маневр закончился церемониальным маршем, который принимал генерал-лейтенант Васмунд (начальник штаба округа). Начальник нашего отряда – полковник фон Блом.

9 сентября – четверг.

От 10 час[ов] утра стрельба боевая с запасными с двух позиций. Конец стрельбы в 1 ч[ас] дня. Вечером от 7 – 8½ час[ов] в СПб., куда прибыли все запасные, была раздача им отпускных билетов и опрос претензий командующим батареей и полковником Пузыревым, после чего запасные отпущены по домам. Конец сбора запасным.

11 сентября – суббота.

Являлся полковнику Дитерихсу (командир 2 батареи) по случаю окончания сбора запасных и моего откомандирования от 5 батареи.

15 сентября – среда.

Окраска боевого комплекта в Огнестрельном складе (в 8 верстах от СПб.). С 8 час[ов] у[тра] до 6 час[ов] веч[ера] я присутствовал. Вечером производил дознание о краже в 6 батарее.

16 сентября – четверг.

Окраска боевого комплекта в огнестрельном складе. С 10 час[ов] у[тра] – 4 час[ов] в[ечера] я присутствовал.

17 сентября – пятница.

То же. Я не был. Назначен на этот учебный год в учебную команду бригады. Приказ по бригаде № 254, п. 4. Заведывающий учебной командой капитан Леман.

18 сентября – суббота.

В 10¼ час[ов] утра являлся капитану Леману как заведывающему учебной командой.

Затем уехал в Огнестрельный склад, где к 12½ ч[асам] дня покончил окраску всех снарядов.

Взял урок английского языка. С 6½ – 7½ ч[асов] у[тра] у англичанки (Hintoy), в доме подпоручика Базилевского.

25 сентября – суббота.

В 8 час[ов] у[тра] привели солдат из батареи в учебную команду. От 9 – 10½ – я их принял и переписал. Я заведываю 1-м отделением (1-я и 2-я

батареи по $8 + 8 = 16$ ч[асов]), 1 из Гвардейского летучего парка и 2 вольноопределяющихся, окончивших Императорский лицей и гимназию Евангелическо-лютеранскую. (Всего 19 человек.)

27 сентября – понедельник.

Начались занятия в учебной команде по несколько часов в день для ознакомления господ обучающихся с солдатами (диктовка, чтение, отдавание чести, осмотр вещей и т. п.).

2 октября – суббота.

От $10\frac{1}{2}$ ч[асов] у[тра] молебен в учебной команде перед началом официальных занятий. От $11\frac{1}{2}$ час[ов] я поехал с полковником Дитерихсом в огнестрельный склад, где полковник осматривал «боевой комплект», приведенный мною в порядок.

1 октября – пятница.

Сдал делопроизводство в батарею подпоручику Савурскому по случаю моего назначения в бригадную учебную команду. (Приказ по бригаде от 2 октября за № 269, п. 5.)

30 сентября – четверг.

От $9\frac{1}{2}$ час[ов] у[тра] опрос претензий командира батареи нашей батареи. От 10 ч[асов] у[тра] опрос претензий командира дивизиона нашей батареи. Оба опроса – в помещении батареи.

4 октября – понедельник.

Ветеринарный врач Канненберг выложил моего жеребца Ферона очень удачно.

17 октября – воскресенье.

От 10 часов утра молебен в большом бригадном манеже по случаю годовщины «чудесного избавления»⁷.

18 октября – понедельник.

Начало офицерской езды в нашем (1-м) дивизионе. Смену гоняет командир дивизиона полковник Берников.

⁷ 17 октября 1888 г. произошло крушение императорского поезда у станции Борки под Харьковом, при котором погибли 21 человек, были ранены более 60 и повреждена большая часть состава, но Александр III и вся императорская семья не пострадали. Спасение Александра III и его семьи официально трактовалось как чудо.

Хроника 1899 г.

19 октября – вторник.

Официальное начало занятий с господами офицерами (тактические и артиллерийские). На самом деле занятий сегодня не было, ибо никто из начальства не пришел.

20 октября – среда.

По случаю годовщины смерти императора Александра 3-го была панихида в Петропавловском соборе, на которой и я был (по наряду).

26 октября – вторник.

От 11½ час[ов] у[тра] была панихида в Сергиевском всей артиллерии соборе по умершем бывшем командире 2-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады генерал-майоре Страхове. Присутствовала вся бригада, генерал Альтфатер, генерал Щербов-Нефедович (главный начальник Управления казачьих войск) и др.

27 октября – среда.

Первый месячный обед в этом учебном году у нас в офицерском собрании бригады. Присутствовали настоящие и бывшие сослуживцы бригады. (Такие обеды бывают, как показывает название, ежемесячно.)

6 ноября – суббота.

Бал в Морском кадетском корпусе. Я был.

8 ноября – понедельник.

Бал в Михайловском артиллерийском училище. Я был.

10 ноября – среда.

Свадьба Савурского (офицер нашей батареи), на которой я был шафером (у жениха).

11 ноября – четверг.

Начало инспекторского смотра командующим бригадою (половник Ляпунов). Опрос претензий в большом манеже всей бригаде. Мы (учебная команда) от 12½ час[ов] дня (полчаса).

12 ноября – пятница.

Инспекторский смотр отложен на некоторое время.

14 ноября – воскресенье.

По случаю дня рождения государыни императрицы Марии Феодоров-

ны в большом манеже был молебен при собрании всех нижних чинов. Я (solo) присутствовал в качестве дежурного офицера.

15 ноября – понедельник.

Продолжение инспекторского смотра командующим бригадою (с перерывами). Обход учебной команды с 2 – 2¼ ч[асов] дня. Дальнейший инспекторский смотр нас (учебной команды) не касается, а потому я об нем и умолчу.

16 ноября – вторник.

Во 2-й батарее полковником Дитерихсом заведено еженедельно читать солдатам что-нибудь, иллюстрируя чтение туманными картинами⁸. К чтению привлекаются все офицеры батареи. Так, например, сегодня я прочел солдатам былинку «Илья Муромец», сокращенную и с пояснениями, необходимыми для солдат.

Тема «Илья Муромец» была указана самим полковником Дитерихсом.

17 ноября – среда.

Сегодня в нашей бригаде состоялся завтрак (в 11½ ч[асов]), на котором мы угощали двух французских офицеров: 1) артиллерии капитана 30 полка графа де-Ла-Тайль и 2) капитана барона де-Ларнаж (адъютант 5 армейского корпуса), которые проездом (для осмотра Сибирской ж[елезной] д[ороги]) остановились в СПб. и обозревают казармы русской гвардии.

23 ноября – вторник.

Состоялся в 7 часов вечера обычный «годовой обед» бригады. Присутствовало 100 человек, в том числе: великий князь Михаил Николаевич, великий князь Павел Александрович, генералы Ребиндер, Альтфатер, Егерштром, Свиньин, Оноприенко, Канищев, Мешетич, Зуев, Евреинов, Афанасович, полковник Епанчин и многие др. Обед был от Кюба⁹.

25 ноября – четверг.

Состоялся бал в [Михайловском?] артиллерийском училище, а перед ним концерт юнкеров. Присутствовали: великие князья Михаил Николаевич, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович (бывшие юнкера училищ) и весь артиллерийский «high life¹⁰» (я был).

⁸ Туманные картины (другое название – «Волшебный фонарь») – аппарат для проекции изображений.

⁹ Ресторан «Кюба» являлся одним из наиболее известных ресторанов Петербурга XIX – начала XX в., располагался по адресу: Большая Морская ул., д. 17.

¹⁰ Светское общество (англ.).

26 ноября – пятница.

Праздник 2-й батареи. От 1 ч[аса] дня молебен и затем завтрак в канцелярии. Много приглашенных – бывших офицеров нашей батареи. Было много сердечных тостов. Завтрак затянулся до 4 х часов дня. Вечером мы чествовали большим ужином (у Медведя¹¹) двух наших офицеров (2-й батареи), нас покинувших: капитана Карпинского и штабс-капитана Куприянова. Первый получил 5 батарею 2-й гренадерской артиллерийской бригады, а второй, по окончании [Михайловской] артиллерийской академии, остался там профессором. Присутствовала почти вся наша батарея (в том числе полковник Булгаков – командир дивизиона лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады) – числом человек 12. Ужин затянулся за 2 часа ночи.

29 ноября – понедельник.

В 12 часов дня была панихида в Сергиевском соборе по умершем в прошлом году штабс-капитане Пиотровском (нашей бригады). Присутствовала вся наша бригада (господа офицеры и взвод нижних чинов).

В учебной команде начались чтения для солдат с туманными картинами. Чтение и объяснения принял на себя я. Сегодня, например, я прочел о Севастопольской войне¹² с 24 картинами. Организация этих чтений будет носить более целесообразный вид, нежели они обыкновенно имеют, а именно: после чтения и во время него солдатам задаются вопросы, они (солдаты) объясняют показываемые картины, и благодаря этому я заметил громадный интерес, возбужденный в слушателях, а также соревнование между ними в запоминании фактов, фамилий деятелей и т. п. Чтение началось в 6¾ час[ов] веч[ера].

1 декабря – среда.

Сегодня был всесторонний экзамен вольноопределяющимся нашей учебной команды для получения ими прав на производство в бомбардиры. От 9 – 11 экзамен по гимнастике и пешему строю и от 1 – 3½ по уставам, материальной части и верховой езде. Экзаменовали мы – офицеры учебной команды.

5 декабря – воскресенье.

В бригадной учебной команде я рассказывал нижним чинам о введении христианства на Руси (начало истории русского государства), причем было показано 35 туманных картин. После чтения-рассказа я задавал нижним чинам вопросы и получал очень хорошие ответы по всему ими слы-

¹¹ Ресторан «Медведь» (Большая Конюшенная ул., д. 27).

¹² Крымская война 1853–1856 гг.

шанному. (6½ час[ов] в[ечера].) После чтения я подменил дежурного по бригаде штабс-капитана Петрушевского (у которого была лихорадка).

6 декабря – понедельник.

В качестве дежурного офицера присутствовал (solo) на молебне для нижних чинов в большом бригадном манеже в 8½ час[ов] у[тра]. После этого молебна пошел на молебен 1-й батареи (по случаю ее праздника), на котором между прочим присутствовал генерал Оноприенко.

1899
99

10 декабря – пятница.

Рассказывал (я) в учебной команде об Александре Невском с 19 туманными картинами. Эти лекции я связываю между собою, дабы получить непрерывную историю России «вкратце». (Идея капитана Лемана.) (От 6½ час[ов] веч[ера].)

14 декабря – вторник.

Инспекторский смотр бригады начальником артиллерии Гвардейского корпуса (генерал-лейтенант Канищев). От 10 час[ов] у[тра] опрос претензий в большом бригадном манеже. В 1 ч[ас] дня «общий» для всей бригады завтрак в офицерском собрании. После завтрака продолжение смотра.

15 декабря – среда.

В учебной команде я рассказывал об Иване Калите и Дмитрие Донском с 16 туманными картинами.

17 декабря – пятница.

Инспекторский смотр бригады начальником артиллерии Гвардейского корпуса (генерал-лейтенантом Канищевым). От 11 ч[асов] у[тра] выводка лошадей в большом бригадном манеже и т. д. В 1 ч[ас] дня «общий» для всей бригады завтрак в офицерском собрании. В 6½ ч[асов] в[ечера] я прочел в учебной команде «Волга» – описание всех городов и местечек по Волге с 42 туманными картинами.

22 декабря – среда.

Читал в учебной команде о Суворове с 22 туманными картинами. (6½ час[ов] в[ечера].)

25 декабря – суббота.

На своем дежурстве по бригаде читал в учебной команде об Иване Грозном с 24 туманными картинами. От 9 час[ов] в[ечера].

ХРОНИКА 1899 г.

29 декабря – среда.

Читал в учебной команде о Крыме с 24 туманными картинами. От 6½ час[ов] в[ечера].

31 декабря – пятница.

Читал в учебной команде о Смутном времени на Руси с 42 туманными картинами. От 6½ час[ов] в[ечера].

КОНЕЦ

Год кончился, а вместе с ним кончился и первый полный год моей «хроники». Иначе я не могу назвать эти краткие заметки. Для «мемуаров» или «записок» – они слишком малы. Но в таком «деле» (как впрочем и во всяком деле) важно начало, которое в большинстве случаев обеспечивает успех. Этот 1899-й год есть только «начало» моих будущих записок, которые я намерен вести из года в год. Нет никакого сомнения, что, имея в руках такие заметки за несколько десятков лет, они будут служить мне большим утешением под старость, а может быть (это знает только бог!), они могут заинтересовать и не одного меня, а и многих других. Я не знаю своей будущей судьбы. Может, я кончу свое земное поприще совершенно бесследно, судьба не столкнет меня ни с одним из важных общественных лиц, или сделает меня свидетелем замечательных событий, об которых я мог бы поведать миру, а может быть, я «случайно» сделаюсь и «обобщенным современником», и «обобщенным очевидцем», и тогда всякий вправе упрекнуть меня, если я дам этим событиям и лицам пройти незаметно, не осветив их на вечные времена вечным человеческим словом, занесенным на бумагу... Видите, какую скромную задачу я себе поставил: пиши изо дня в день о всем, что тебя окружает и что не заносится обыкновенно никуда, кроме как в «записки» частных лиц. Мне возражат: «Твои записки никому нужны не будут и никого интересовать не могут». На это может быть только один ответ: «А вы почему знаете?» Разве завесу будущего может кто-либо приподнять? Если бы каждый смертный писал у себя все виденное и слышанное – какой богатый материал имела бы наша история!! Конечно, половина этих записок была бы, по всей вероятности, годна лишь для растопок (как будут годны, может быть, и мои), но кто знает при начале своей жизни – с кем и с чем столкнет его судьба? Как может знать Петров... Позвольте, вот еще серьезное возражение, которое напрашивается ко мне на ум. Оно так неотвязно преследует меня, что я не мог даже окончить фразу и

спешу скорее опровергнуть его. Вот оно: «Милостивый государь! весьма возможно, что в будущем году, или лет через десять, или, одним словом, когда-нибудь вы сделаетесь сами таким лицом или случайно будете близки с таким лицом (или событием), малейшие подробности которого для нас будут ценны. Например: вы сталкиваетесь через три года с знаменитым, что ли, путешественником или поэтом и живете с ним целый год, вот тогда берите перо и пишите о нем, о его жизни мельчайшие подробности, записывайте его мысли, разговоры и т. д. Зачем же было городить разный вздор в этом (1899-м) году о событиях и предметах, никому не нужных и бесполезных!» Вот он, злостный вопрос, заранее торжествующий победу!.. Ну, нет! я найду возражение, нате, ловите его скорее и не смейте меня более смущать вашими возражениями: Во-первых, записки пишутся не только для других, но они всегда представляют величайшее удовольствие для самого себя. Это раз, во-вторых (и это самое главное), большинство из нас ни за что не примется за перо, если мы сами не приучили себя к этому. Важно во всяком деле начало (я повторяю свои вступительные слова), важно в каждом деле «раскачаться», и тогда дело пойдет как заведенная машина. Раз вы себя писать не приучили, то что бы вы замечательного ни встретили, вы никогда не возьметесь за перо, и все виденное и слышанное вами пройдет и для вас, и для всех бесследно. Даже для вас. Я знаю лиц, которые путешествовали много раз, и ни один из них не сохранил в своей голове столько подробностей и мелочей (очень важных и интересных), как я, который вел путевые записки за все свои три заграничных поездки.

Что касается «важности» вообще всяких записок, то на эту тему я мог бы сказать многое. Никто не в состоянии сказать в настоящее время о важности тех «мелочей», о которых будут судить лишь в будущем. Малейшие штрихи, обрисовывающие какую-либо замечательную личность (Толстой, Суворов, Пушкин, Лжедмитрий, Петр Великий и т. д. и т. д.), приобретают громадную ценность в настоящее время. А тогда? Тогда, может быть, и не подозревали (и даже наверное не подозревали), что о «Гришке Отрепьеве» будут писаться многие томы с страстным желанием разгадать эту личность. Если бы ближайшие люди к Отрепьеву писали тогда свои записки! Вышло бы, ей-богу, недурно! Летописец наш, пища свой «труд, завещанный от бога», вносил только «важные» события... А вот если был он вносил и всякие «неважные» события, то в настоящее время – он (если б мог воскреснуть) увидел бы, что эти неважные «тогда» события, может быть, перевернули бы весь взгляд на «начало» русской истории, и сам Нестор ужаснулся бы – какие горизонты открылись бы нам, сопоставляя опять-таки все эти неважные события... Довольно. Я хотел только вкратце объяснить мотивы, благодаря которым я начал

свою хронику, и кстати этими строками запечатлеть свое удовольствие и внутреннее удовлетворение по поводу того, что мне удалось закончить добросовестно (ничего не пропуская) мой первый год.

1 января 1900 г.
11 ч[асов] у[тра]
С.-Петербург.

1900

Из записной книжки 1900 г.

В. САВОНЬКО

1904 г.

ХРОНИКА 1900 г.

3 января – понедельник.

Состоялся ежегодный бал гвардейской артиллерии (с благотворительною целью) в залах Михайловского артиллерийского училища. Присутствовали: великий князь Михаил Николаевич, государь наследник и великий князь Михаил Александрович, великая княгиня Мария Павловна, великая княгиня Елена Владимировна и весь артиллерийский мир. С 10 часов вечера – 5 часов утра. (Я был.)

5 января – среда.

Читал в учебной команде о событии 17 октября 1888 г. с 15 туманными картинами. От 7 часов вечера.

12 января – среда.

Читал в учебной команде о Кавказе от 7 часов вечера с 43 туманными картинами.

14 января – пятница.

Читал в учебной команде о Путешествии государя наследника на Восток с 80 туманными картинами. (6½ часов вечера.)

19 января – среда.

Читал в учебной команде об Архангельском крае с 40 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

26 января – среда.

В собрании бригады состоялся обычный «месячный» обед, на котором мы между прочим чествовали полковника Мейбаума (командира 2 дивизиона), получившего 24 бригаду (от 5½ часов вечера.)

Уходящим из батареи офицерам принято у нас подносить жетоны. Рисунок жетона второй батареи был составлен гравером Кортманом по идее подпоручика Колубакина. Первый такой жетон был поднесен в 1898 г. полковнику Булгакову. В этом году такие же жетоны мы поднесли капитану Карпинскому и штабс-капитану Куприянову. Жетоны золотые и стоят по 25–30 рублей.

28 января – пятница.

Читал в учебной команде об императоре Петре Великом с 31 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

ХРОНИКА 1900 г.

4 февраля – пятница.

Читал в учебной команде об императоре Петре Великом (продолжение) с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

8 февраля – вторник.

Полковник Берников собрал сегодня в 11¼ часов всех офицеров 1-го эшелона в лагерях (1-я и 2-я батареи) для выбора распорядителя столовой на лагерь. Выбор пал на меня. Решено было вычитать ежемесячно со всех по 1 рублю и из полугодового по 5 рублей на ремонт сервировки 1-го эшелона. Об этом вычете я тотчас же написал казначею (штабс-капитану Макееву).

9 февраля – среда.

Читал в учебной команде об императрице Екатерине Великой с 30 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

11 февраля – пятница.

В 11½ часов утра в канцелярии 2-й батареи состоялась панихида по покойному шефе батареи графе Баранцове. Присутствовали все офицеры батареи во главе с командиром полковником Дитерихсом. Затем: командир дивизиона полковник Берников, полковник граф Баранцов (сын шефа), полковник Булгаков (бывший командир 2-й батареи) и все нижние чины.

От 6½ часов вечера читал в учебной команде об императоре Александре I с 35 туманными картинами.

16 февраля – среда.

Читал в учебной команде о Святой земле с 60 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

17 февраля – четверг.

Годовщина основания 1-го кадетского корпуса (основан в 1732 г.). Состоялся в здании корпуса молебен и завтрак. Было несколько высокопоставленных лиц – бывших кадет. 10–11–12–1 часов дня. (Я был.)

23 февраля – среда.

Читал в учебной команде о книгопечатании на Руси с 27 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

28 февраля – понедельник.

Состоялся обычный «месячный» обед в собрании бригады. От 5½ часов вечера. (Я был.)

1 марта – среда.

Читал в учебной команде об императоре Николае I с 20 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

4 марта – суббота.

Участвовал в комиссии по проверке отчетности сумм бригадного казначейства. 10 – 12 часов утра. Приказ по бригаде от 3 марта с. г. № 63, п. 9.

1900
107

6 марта – понедельник.

Панихида в Сергиевском всей артиллерии соборе по генерал-майоре Чаплине – бывшем офицере лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. От 11 часов утра. Присутствовали все офицеры бригады и родственники покойного.

8 марта – среда.

Читал в учебной команде об Отечественной войне с 40 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

14 марта – вторник.

Смотр верховой езды господам офицерам бригады начальником артиллерии Гвардейского корпуса – генерал-лейтенантом Канищевым. Большой манеж бригады. От 10 часов утра.

1) 1-й дивизион (я)	}	4 смены
2) 2-й дивизион		
3) Стрелковый дивизион		
4) прикомандированные		

15 марта – среда.

8½ часов утра его императорское высочество великий князь Владимир Александрович (главнокомандующий войсками гвардии) посетил нашу бригаду и обходил все занятия во всех помещениях. Нас (учебную команду) он застал в 8¾ часов утра в полном составе на занятиях в «парке» (8 орудий) у аммуничника. Великий князь здоровался с нижними чинами и расспрашивал о занятиях капитана Лемана. После обхода (двухчасового) великий князь завтракал (в 11 часов) в собрании бригады, а затем отбыл из бригады, освободив нижних чинов от занятий на сегодняшний день.

Читал в учебной команде от 7 часов вечера об императоре Александре III с 19 туманными картинами.

29 марта – среда.

Сегодня посетил нашу бригаду приехавший в Петербург болгарский военный министр полковник Паприков в сопровождении полковника Гене-

рального штаба Микулина. Министр прибыл в 9¼ часов утра и обошел все помещения бригады, присутствуя на всех происходивших занятиях. У нас в учебной команде он был уж после 11 часов, когда занятия кончились и люди были выстроены по кроватям. Из учебной команды министр прошел в музей офицерского собрания, и затем в зале состоялся завтрак, на котором присутствовали все офицеры бригады. Генерал Ляпунов (командир бригады) поднял бокал за здоровье министра – представителя родственной нам болгарской армии, а полковник Паприков пил здоровье славной лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Оба тоста были приняты очень сдержанно. К 1 часу дня завтрак был окончен, и министр вскоре после него уехал из бригады.

1 апреля – суббота.

Сегодня в 10 часов утра состоялось приведение к присяге молодых солдат срока службы [1]900 г. и офицеров выпуска [18]99 г. Я и прочие офицеры учебной команды на этой церемонии не присутствовали ввиду наших занятий в команде.

Сегодня окончился «учебный год» бригадной учебной команды. В понедельник и вторник назначены смотры ее.

3 апреля – понедельник.

Экзамен в учебной команде. От 9 часов утра – верховой езды и вольтижировки и аммуниции. Представлял поручик Алымов всю команду, а мы (заведывающие отделениями) не присутствовали. От 2 – 5 – в классе. Словесность (служебный отдел и теоретическая артиллерия). Экзаменовала комиссия из командира бригады и всех штаб-офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Были спрошены по 2 человека от каждой батареи на выбор командира бригады, все (4) вольноопределяющиеся и 2 человека (Лапин и Якимов) – кандидаты на лучших учеников команды для получения чашов. Лапин – моего отделения и батареи (1-го отделения, 2-й батареи).

4 апреля – вторник.

Экзамен в учебной команде. От 9 – 11 часов утра смотр в гимнастическом зале гимнастики. От 11 – 12 смотр в большом манеже пешего строя. Командир бригады вызывал для командования всех вольноопределяющихся и приблизительно по 2 – 3 человека от каждой батареи. От 2–3 смотр в большом манеже «учения в парке» и материяльной части. Экзаменационная комиссия та же, что и вчера. Один из всех вольноопределяющихся (Эльзингер – моего отделения), как выдающийся, произведен в фейерверкеры. Командир бригады благодарил нас за наши труды.

Конец экзамена.

Учебная команда в течение приблизительно еще одной недели остается в своем составе для отдыха.

4 апреля – вторник.

Я и прочие офицеры бригадной учебной команды освобождены от всех служебных нарядов и занятий в батареях по 16 апреля включительно. Приказ № 95, п. 4.

6 апреля – четверг.

7 неделя великого поста. Начало говения бригадной учебной команды (с 6 часов вечера) и господ офицеров этой команды (я) в Сергиевском всей артиллерии соборе.

8 апреля – суббота.

7 неделя великого поста. Конец говения бригадной учебной команды. Причащение за утренней обедней (с 5 – 8½ часов утра) (я).

9 апреля – воскресенье.

Пасха. В 10 часов утра поздравление нижних чинов в батарее. Визиты 10½ – 11½.

11 апреля – вторник.

Выписка из приказа по бригаде от 11 апреля 1900 г. за № 102, п. 3:

«...За вполне хорошую подготовку будущих фейерверкеров и за тот постоянный образцовый порядок и благоустройство, которые я находил в команде, неоднократно посещая ее в течение зимнего периода занятий, объявляю мою душевную благодарность заведывающему командой капитану Леману и его помощникам – офицерам: капитану Гартунгу, штабс-капитану Алымову, подпоручикам: Куприянову, фон Эндену и Савонько...»

Командир бригады генерал-майор Ляпунов.

12 апреля – среда.

В 1 час дня состоялся в учебной команде молебен по случаю окончания и роспуска учеников ее по батареям. После молебна капитан Леман сказал маленькую речь и приступил к раздаче наград. Серебряные часы (как лучший) получил бомбардир 2-й батареи Лапин (моего отделения). Затем в каждом отделении по одному получило 2 рубля за знание и прилежание, в каждом отделении по одному 2 рубля за гимнастику и наконец учителям-фейерверкерам по 3 рубля. От 1½ мы (офицеры команды) экзаменовали бомбардира 5 батареи на право производства в фейерверкеры. В приказе

по бригаде от 11 апреля за № 102 подтверждено, что я и прочие офицеры учебной команды должны явиться в батарее только 17 апреля.

14 апреля – пятница.

По образцу прошлого года состоялся экзамен господам офицерам бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Программа этого года несколько больше прошлогодней. Коммиссия экзаменаторов: 1) полковник Коленкин, 2) полковник Афанасьев, 3) полковник Берников, 4) полковник Нищенков, 5) полковник Булгаков и 6) полковник Ивашинцов. Присутствовали: начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Канищев, командир бригады и все штаб-офицеры. Из 2-й батареи были спрошены: 1) я и 2) подпоручик Базилевский. Решено окончивших курс Михайловской артиллерийской академии не спрашивать, а также не вызвали тех, кого спрашивали в прошлом году.

15 апреля – суббота.

Со вчерашнего вечера чувствовал головную боль. С сегодняшнего дня принужден остаться лежать в кровати. Головная боль, лихорадка, жар, горло и т. п. Так как ничего особенного, то значит то, что в этих случаях врачи называют инфлуэнцией. Срок моего гулянья оканчивается, и в воскресенье вечером я принужден был подать рапорт о болезни.

21 апреля – пятница.

Вместе с подпоручиком Плющевским в 11 часов 55 минут поехал в Красное Село, чтобы осмотреть инвентарь и посуду в нашем собрании 1 эшелона. Вечером я уже сделал необходимые закупки и dokonчил мои условия с поваром. Таким образом я фактически вступил в отправление обязанностей заведующего столовой 1-го эшелона бригады.

24 апреля – понедельник.

Парад в высочайшем присутствии на Марсовом поле с 11 часов утра. Я был на этот парад назначен в конный строй, но моя болезнь помешала мне быть на всех репетициях, почему я не был и на параде. От 2 часов дня состоялся завтрак с шампанским в нашем офицерском собрании, на котором мы угощали офицеров 23-й артиллерийской бригады во главе с их командиром полковником Ярыгиным.

25 апреля – вторник.

Выехал в 4 часа утра в Красное Село с 4 орудиями и 2 зарядными ящиками. Прибыл туда в 11 часов утра. Обрато выехал с одними лошадьми в 6 часов вечера и приехал в СПб. в 10¼ часов вечера.

27 апреля – четверг.

Наш дивизионный адъютант подпоручик Баранов получил освобождение от лагеря, и на его место временно исправляющим должность адъютанта 1-го дивизиона назначен я. Вместе с тем я принял от подпоручика Баранова заведывание и всю отчетность по школе воспитанников. (Приказ по бригаде от 27 апреля № 118, п. 10.) Одновременно с этим мне поручено принять от поручика Илькевича артель нижних чинов бригады в городе СПбурге. (Приказ по бригаде № 114, п. 10.)

28 апреля – пятница.

Батареи бригады выступили в лагерь после молебна в 8 часов утра. Я с поездом 11 часов 55 минут утра уехал в Красное Село для устройства столовой – в качестве заведывающего оной.

29 апреля – суббота.

Являлся (в СПб.) полковнику Дитерихсу (командиру батареи), полковнику Берникову (командиру дивизиона) и генералу Ляпунову (командиру бригады) по случаю моего назначения и. д. адъютанта 1-го дивизиона (11–12 часов утра).

4 мая – четверг.

Первая стрельба в лагерях в этом году. От 7 часов утра до 12 часов дня.

В 5 часов вечера я прочел всем нижним чинам бригады о Суворове в среднем эшелоне. (Приказ по бригаде от 2 мая № 123, п. 5.) (Суворовские торжества по случаю 100 лет со дня его кончины – 6 мая 1800 г.)

5 мая – пятница.

Панихида в среднем эшелоне бригады по Суворове (по случаю 100 лет со дня кончины его 6 мая [1]800 г.). Присутствовали нижние чины бригады и те офицеры, которые остались в лагерях (в том числе и я). От 10 часов утра.

16 мая – вторник.

Начал вести занятия с «разведчиками, ординарцами, охранителями и наблюдателями». Имею по 4 человека от 1, 2 и 3 батарей (всего 12). Занятия 2 раза в неделю от 7½ часов вечера. (Приказ по бригаде № 132 от 1 мая, п. 7.)

22 мая – понедельник.

Опрос претензий командиром дивизиона (полковником Берниковым) (третний¹)

1-й батарее от 7½ часов утра

¹ За треть года.

ХРОНИКА 1900 г.

2-й	—	10¾ часов утра
3-й	—	11 часов утра

2 июня – пятница.

Поверка слаженности батарей (сладка). Я как адъютант (и. д.) командира дивизиона присутствовал в комиссии на сладке всей артиллерии

От 8 часов утра до 11 – лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада

– 11 – – 1 – гвардейская Конная [бригада]

– 4 – – 7 – лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада

Дождь, начиная от 12 часов, лил все время.

3 июня – суббота.

Состоялся экзамен прикомандированным к бригаде офицерам. Это первый экзамен со времен Баумгартена. Офицеры представляли взвод в конном строю, затем ездили в смене и командовали в парке на ученье. От 8 часов утра до 11½ часов утра.

9 июня – пятница.

В 10 часов утра являлся в лагерях его высочеству герцогу Мекленбургскому, как временно назначенному командовать 1-м дивизионом вместо полковника Берникова – временно командующего бригадой.

21 июня – среда.

От 2–3 часов состязание наводчиков в 1-м дивизионе на точность и однообразие наводки.

22 июня – четверг.

От 3–4 часов смотр саперных работ в 1-м дивизионе временным командующим дивизионом (полковник герцог Мекленбургский).

24 июня – суббота.

От 9½ часов утра в присутствии великого князя Павла Александровича состоялась состязательная стрельба. В нашей бригаде фельдцейхмейстерский приз взяла 6 батарея (радиус = 7 дм).

27 июня – вторник.

В 1 час дня состоялось торжественное молебствие в гвардейском Стрелковом артиллерийском дивизионе по случаю отъезда полковника Нищенкова на восток (война с Китаем²). Молебен служил протопресвитер

² Китайский поход, или Китайская война – кампания русских войск по подавлению Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания в Китае в 1900–1901 гг.

Желобовский. После молебна был поднесен Нищенкову чудный золотой образок от нас и образок от нижних чинов гвардейского Стрелкового [артиллерийского] дивизиона. Затем было предложено шампанское.

28 июня – среда.

С этого дня до воскресенья включительно назначен лагерный перерыв. Приехав накануне в СПб., я обратил серьезное внимание на свои щеки, которые стали покрываться какой-то корой. Пришлось обратиться к врачам. Болезнь затянулась, и в воскресенье я послал рапорт о болезни за невозможностью явиться в лагерь. Сажу дома. За мое отсутствие произошло несколько событий: 4 июля – объезд Владимира Александровича, смотровая стрельба Михаила Николаевича и, наконец, 6 июля парад в присутствии государя императора и шаха персидского Музафер-Эдина. После парада государь поздравил 2 батарею гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона с походом на Дальний Восток. Дела по школе воспитанников и по столовой 1-го эшелона получаю из лагеря у себя на квартире. 14-го был объезд государя императора и заря с церемонией... Выздоровление тянется ужасно медленно. Стремлюсь поскорее покончить большие расчеты по «столовой» и дела по «школе», а там хочу проситься в отпуск, месяца на два (из них август не имеет ведь занятий и даже полсентября), чтобы поехать на какие-нибудь грязевые ванны и полечиться.

Долго ожидаемое выздоровление наконец наступило, хотя не полное. 19-го я уехал в лагерь и пробыл там до 21-го, устраивая и ликвидируя дела по столовой и школе и хлопоча себе об отпуске. 21-го состоялась езда оружий, на которой корпусный приз взяла 3 батарея (полковника Лехович) и бригадный приз 1 батарея (герцога Мекленбургского). 22-го я получил билет на 2-месячный отпуск и в тот же день уехал из лагеря, явившись по начальству. Временно исполняющим должность адъютанта и заведывающим школой назначен подпоручик Савурской.

Я предполагал ехать за границу – сделать маленькое турне, прожив предварительно в каком-нибудь курорте около месяца. Затем некоторые соображения заставили меня передумать: во-1) я обещал вернуться в СПб. к 15 сентября, во-2) перспектива ехать одному – мне, как ненавидящему одиночество, казалась не особенно завидной. Я решил ехать в Гапсаль³ – курорт, где я провел 4 летних периода в то время, когда я был в 2, 3, 4 и 6 классах корпуса. Со мной вместе согласился ехать и папа. Наведя справки, оказалось, что можно ехать лишь в пятницу или субботу, если желаешь попасть на пароход, идущий из Балтийского порта. Вот причина (хотя и не единственная), задержавшая наш выезд из Питера.

³ Гапсаль (совр. Хаапсалу) – город в Эстляндской губернии.

29 июля – суббота.

Выехали из СПб. с 12-часовым поездом на Балтийский Порт⁴ и проспали почти всю ночь в спальном вагоне. В 10 часов утра уже приехали в Ревель, где поезд стоял до 11 часов 32 минут утра.

30 июля – воскресенье.

Поезд, останавливаясь подолгу на разных станциях (Кегель⁵, Балтийский Порт), наконец доплелся до пристани. Пароход «Константин» отошел в 2½ часов и благодаря попутным волнам приехал в Гапсаль в 7 часов вечера. Дождь весь день льет как из ведра. Наняли № в отеле «Салон» – очень чистенький и, благодаря ущербу сезона, очень дешево. Несмотря на дождь, я пошел бродить по улицам и добрел до Старой гавани, где посетил нашу старую знакомую Наталью Гольмберг. Свидание было сердечное.

31 июля – понедельник.

В 12½ часов дня являлся гапсальскому уездному воинскому начальнику Соколову (подполковник). В 12 часов дня был у доктора Лозинского. Ничего, конечно, он мне сказать не мог, кроме того, что раз приехали в Гапсаль, то берите грязевые ванны. Я взял в заведении Бюля (Штюрмера бывшее)⁶ карточки на 10 грязевых ванн.

1 августа – вторник.

Начал брать грязевые ванны: по 5, затем 6, 7, 8 ведер грязи (Schlamm⁷) и по 2 ведра соли. Часы утренние: от 8 – 9 часов утра. После 10 грязевых ванн перешел на соляные ванны (по 3–4 ведра соли на ванну). Таких ванн взял тоже 10 и все купанье окончил 22 августа (2 воскресенья заведение было закрыто).

ГАПСАЛЬ. (очерк)

ПРИМЕЧАНИЕ: С небольшими изме[не]ниями отпечатано на машинке отдельным изданием. (29 страниц)⁸.

⁴ Балтийский Порт (совр. Палдиски) – портовый город в Эстляндской губернии, на берегу Финского залива.

⁵ Кегель (совр. Кейла) – город в Эстляндской губернии.

⁶ Заведение в Гапсале, предоставлявшее лечебно-оздоровительные процедуры (грязевые ванны).

⁷ Грязи (нем.).

⁸ Очерк является частью «Сборника № 1» В. С. Савонько (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Л. 17–31). Публикуется в настоящем издании.

3 сентября – воскресенье.

Выехали из Гапсала с пароходом «Константин» общества «Озилия» в 8¾ часов утра. Ветер был W⁹ и чрезвычайно сильный. Качка с места была огромная, и я сильно страдал от морской болезни. В 1¾ мы пристали к Балтийскому порту и на вокзале его (в полуверсте от пристани) ждали поезда на Ревель до 4½ часов. В Ревель приехали через ¾ часа. От Ревеля поезд должен был отойти в 8 часов 15 минут, но в нем не было спального вагона, а потому мы остались ждать поезда в 11 часов 25 минут. За это время я поехал на извозчике осматривать город, в котором не был лет 9. Ревель сильно почистился и выглядит весьма приличным городом. Мостовые, панели, освещение и пр. очень хороши. Екатериненталь с праздничной публикой и музыкой произвел великолепное впечатление. Видимо – отцы города не спят вроде наших питерских, а голова делает дело, а не «молчит», как наш мэр Мг. Лелянов.

4 сентября – понедельник.

Поезд прибыл в СПб. в 9¾ часов утра.

5 сентября – вторник.

Заходил к А. А. Савурскому, которому я перед отъездом сдал «школу» и «дивизион». От него узнал, что наш дивизионный адъютант М. В. Баранов, державший экзамен в Михайловскую артиллерийскую академию, «провалился», а потому он снова вступил в исполнение своих обязанностей, а я, таким образом, возвращаюсь в распоряжение командира 2-й батареи. Бригада в лагери (2 и 3 батареи на сборе запасных), и я пока медлю подавать рапорт о возвращении (отпуск мне кончается 22-го сентября).

10 сентября – воскресенье.

Являлся в 1 час дня командиру 2-й батареи (он же и дивизионер) полковнику Дитерихсу (не застал дома) и полковнику Берникову как командующему бригадой (не застал дома). Генерал Ляпунов, хотя и приехал, но не вступил в исполнение своих обязанностей. Явился ранее окончания срока отпуска на 12 дней.

24 сентября – воскресенье.

На этот учебный год заведывать учебной командой назначен капитан Леман, а помощниками ему – подпоручики Куприянов, Папкевич, я и Фриде. С 1-го октября мы освобождаемся от всех нарядов кроме дежурств по бригаде (Приказ по бригаде от 23 сентября № 257). В 12 часов дня являлся

⁹ West (англ.) – западный.

командиру 2-й батареи (полковнику Дитерихсу) и капитану Леману по случаю вышесказанного назначения в учебную команду.

30 сентября – суббота.

Нижние чины, назначенные в учебную команду, прибыли из батареи в «команду». У меня во взводе (1-м) 8 человек 1-й батареи, 8 человек 2-й батареи, 4 парковых (1 гвардейского Летучего артиллерийского парка). От 9 – 11 часов утра мною сделано было им поверочное испытание в диктовке, чтении и арифметике. После этого я сказал им маленькую речь, выяснив им значение команды и необходимость приложить все старания к успешному прохождению курса.

1 октября – воскресенье.

В 1 час дня состоялся молебен в помещении бригадной учебной команды перед началом занятий. Присутствовали заведывающий и офицеры команды.

2 октября – понедельник.

Начало учебных занятий в учебной команде.

4 октября – среда.

В собрании был месячный обед, на котором между прочим был поднят бокал за здоровье уходящего из бригады полковника Пузырева. От 5½ часов вечера.

16 октября – понедельник.

Началась обычная верховая езда господ офицеров, вначале без стремян и на уздечке. В нашем 1-м дивизионе по понедельникам, средам и пятницам от 11 – 12 под руководством (обучением) полковника Берникова.

17 октября – вторник.

По случаю «царского дня» в большом бригадном манеже был молебен при собрании всех господ офицеров (за исключением тех, кто был наряжен в Исаакиевский собор) и всех нижних чинов (я был). От 10 часов утра.

20 октября – пятница.

По случаю дня смерти Александра 3-го 1-й дивизион был назначен на панихиду в Петропавловский собор. Я был освобожден от этой поездки, потому что у нас в учебной команде были занятия от 10 – 11 часов утра (от 9½ часов – 10 была панихида в манеже при собрании нижних чинов и при дежурном офицере).

Вечером от 9½ – 9¾ часов на Варшавском вокзале состоялись проводы уезжающего к месту нового служения (г. Двинск¹⁰) полковника Пузырева. Провожали его более половины офицеров нашей бригады. Пили шампанское и целовались. Командир бригады и оба командира дивизионов (Берников и Афанасьев) и даже преемник Пузырева полковник Похвиснев (командир 6 батареи) блистали своим отсутствием.

8 ноября – среда.

В залах Михайловской артиллерийской академии и [Михайловского артиллерийского] училища состоялся ежегодный бал. При входе всем дамам давали очень изящные расписания танцев. Я был с 10½ до 1 часу ночи (был и великий князь Константин Константинович).

9 ноября – четверг.

День основания лейб-гвардии Артиллерийского батальона (1896). В 6 часов вечера обычный годовой торжественный обед в собрании бригады. Были почти все ныне служащие, а также и бывшие сослуживцы бригады, между прочим: Генерального штаба, профессор Академии генерал-майор Харкевич, Генерального штаба начальник штаба Жандармского корпуса генерал-майор Зуев, генерал от артиллерии Свиньин, генерал от артиллерии Егерштром, статский советник Шульман, г. Семенов, полковник Пузырев, капитан-юрист Шульман, Генерального штаба подполковник Блинов, Генерального штаба подполковник Барон Дистерло, генерал-лейтенант Дружинин, полковник Коленкин, полковник Булгаков, штабс-капитан Виланд. Был также начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Канищев. Первый тост был сказан генералом Канищевым за державного шефа бригады государя императора с пожеланием ему выздоровления (государь уже с неделю сильно болен). Ответом на тост были «Боже, царя храни» и потрясающее «ура». Далее шли тосты генерала Ляпунова, генерала Егерштрома, генерала Канищева на обычные темы. Генерал Ляпунов сообщил известие в «[Русском] инвалиде» об участии 2-й скорострельной батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона в бою и провозгласил тост за ее процветание. После обеда пошла игра в карты и беседа, затянувшая за полночь. Музыка играла до 2-х ночи.

10 ноября – пятница.

От 10 часов утра опрос претензий командиром бригады (генерал-майором Ляпуновым) в большом бригадном манеже в таком порядке:

- 1) 1-й дивизион и хор музыки

¹⁰ Двинск (совр. Даугавпилс) – город в Витебской губернии.

Хроника 1900 г.

2) 2-й дивизион

3) Стрелковая батарея, учебная команда (я) и нестроевая команда.

25 ноября – суббота.

80 годовщина Михайловской артиллерийской академии и [Михайловского] артиллерийского училища. Вечером в 8½ часов обычный ежегодный концерт юнкеров и после него бал до 5-ти часов утра. Я был до часу ночи, а затем уехал домой.

26 ноября – воскресенье.

Праздник 2-й батареи. Кроме личного состава присутствовали еще (бывшие служившие):

генерал от артиллерии Сиверс

генерал-майор Евреинов (отставной)

полковник Берников (командир 1-го дивизиона)

полковник Булгаков (командир 2-го дивизиона лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады)

полковник граф Баранцов (командир 1 дивизиона гвардейской Конной артиллерийской бригады – сын покойного нашего шефа)

капитан Масалитинов (командир 5 батареи)

полковник Потоцкий (командир 4 батареи)

капитан Фурман

капитан Бартеньев (адъютант штаба)

штабс-капитан Рерберг (адъютант бригады)

штабс-капитан Куприянов (состоит при Михайловской артиллерийской академии) и обучающиеся в академиях. Молебен, здравницы, завтрак, тосты и, наконец, поднесение жетона 2-й батареи нашему бывшему офицеру капитану Масалитинову, прослужившему в батарее 15 лет. Жетон украшен его вензелем из бриллиантов (розочек). Все торжество от 12½ – 3½. Вечером обычное положение.

30 ноября – четверг.

Первое мое чтение в учебной команде в этом учебном году. Организация чтения та же, что и раньше. Начал вкратце «историю России». Сегодня, как первое чтение – заключало в себе: основание русского государства (призвание Рюрика), первые князья до Владимира Святого и крещение Руси. Сообщение иллюстрировалось 33 туманными картинами. С 6½ часов вечера.

5 декабря – вторник.

Читал в учебной команде о нашествии татар на Россию с 16 туманными картинами. От 6½ часов вечера.

13 декабря – среда.

В 5½ часов вечера ежемесячный товарищеский обед в собрании бригады. Из гостей присутствовали (au hasard¹¹) генерал-лейтенант Беляев – наш бывший командир бригады – и полковник фон Шульман – командир батареи в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады (наш бывший офицер). Было сказано несколько тостов генералом Беляевым и полковником Берниковым г. Ляпунов не присутствовал – по капризу).

16 декабря – суббота.

Инспекторский смотр начальника артиллерии генерал-лейтенанта Канищева. Все в один день, начиная с 9½ часов утра. 1) Опрос претензий, 2) осмотр вещей, 3) выводка лошадей, 4) проверка книг и прочее. В промежутке осмотров около 12½ часов дня состоялся общий завтрак в собрании бригады.

18 декабря – понедельник.

Полугодовое испытание (неофициальное) учеников учебной команды в знании ими всего до сих пор пройденного. Сегодня от 9 – 11 [часов] установка трубок и квадранта и знание их и снарядов и от 4 – 5 материальная часть артиллерии (у меня в отделении). Нет возможности заняться гимнастикой в манеже, так как, несмотря на топку, он не нагрелся: на дворе стоят эти дни 20–25 градусов мороза (без снега).

19, 20 декабря – вторник и среда.

Продолжение испытаний в учебной команде:

- 1) по гимнастике
- 2) по пешему строю (командование)
- 3) по уставам и служебным сведениям
- 4) по грамотности

Вечером (20-го) от 6½ часов читал в учебной команде о деятельности св. Александра Невского на Руси с 20 туманными картинами.

21, 22 декабря – четверг и пятница.

Продолжение испытаний в учебной команде:

- 1) по уставам
- 2) по материальной части
- 3) по езде

Вечером от 6 часов читал в учебной команде о Куликовской битве, начав с описания деятельности Ивана Калиты и др. с туманными картинами.

¹¹ Наугад (фр.).

ХРОНИКА 1900 Г.

31 декабря – воскресенье.

Новый год встречал в доме своей тетки (двоюродной) Аделаиды Сергеевны Керстенс (Надеждинская¹², 11). Были:

- 1) Н. П. Керстенс (статский советник, доктор, столоначальник Главного военно-медицинского управления)
- 2) А. С. Керстенс (его жена)
- 3) Н. Н. Керстенс (его сестра)
- 4) папа и
- 5) я

КОНЕЦ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Закончен второй год «хроники». Сравнивая ее с прошлогодней, легко заметить, что при одинаковом почерке число страниц вышло вдвое больше! По-моему: чем больше, тем лучше. Ведь это не сочинение – следовательно, здесь не играет никакой роли ни слог, ни содержание, ни тому подобное... Здесь ведь записываются всевозможные мелкие (и крупные) события, с которыми мне приходится сталкиваться. Эта хроника – голое описание фактов. Достаточно ли пока этих голых фактов для ясного, впоследствии, припоминания данной эпохи со всеми ее перипетиями? Я думаю, что да. Впрочем, когда нужно, я сильно отступаю от простого обозначения факта, а иллюстрирую его более подробным и литературным описанием. Так было в прошлом году с описанием маневров и так, особенно в этом году, при описании моей поездки в Гапсаль. Это последнее описание сослужило мне уже некоторую службу. Мой двоюродный дядя (двоюродный брат моего отца) генерал-майор С. С. Астафьев – старик около 80 лет – написал два письма, в которых дважды повторил просьбу – сообщить ему кое-что о нашей поездке в Гапсаль. Желая доставить ему удовольствие, я раскрыл свой дневник и с небольшими изменениями целиком выписал из него – описание Гапсаля. Получилось 7 листов почтовой бумаги, исписанной моей пишущей машинкой (Munson)... Надеюсь, что моя «хроника» с каждым годом будет полнее и шире захватывать окружающие события. На этот счет у меня в голове есть уже определенные планы.

31 декабря 1900 г.

¹² Надеждинская – улица в Санкт-Петербурге. Современное название – ул. Маяковского.

1901

Из записной книжки 1901 г.

В. Савонько

1904 г.

ХРОНИКА 1901 г.

1 января – понедельник.

Вечером, часов в 8, в собрание нашей бригады (на Литейном проспекте) вошел офицер нашей 1-й батареи – штабс-капитан барон Майдель 1-й. Он был в тужурке и при оружии, и так как такая форма у нас не принята, то этим нескладно нас удивил. Почти в то же время дежурный по бригаде офицер – подпоручик Фриде – получил по телефону уведомление от командира 1-й батареи герцога Мекленбургского задержать в собрании барона Майделя елико возможно. Этим распоряжением нам сразу все стало ясно. Барон уже несколько лет подавал ясные признаки своего помешательства и, наконец, сегодня он окончательно свихнулся: он ездил, оказывается, к герцогу и убеждал его остерегаться каких-то заговоров, направленных против него и великого князя Константина Константиновича. Далее он городил совершеннейший вздор. По телефону дали знать командиру бригады, адъютанту и доктору. Через $\frac{3}{4}$ часа последний прибыл и предложил барону ехать вместе с ним к герцогу, который будто бы просил его к себе и прислал свою карету. В карете, сидя вдвоем с доктором, барон сказал: «Я знаю – вы меня везете в госпиталь». Получив утвердительный ответ, он прибавил: «Я ничего не имею против, мне давно пора полечиться». Приехав в госпиталь, он вел себя нормально, но на прощанье стал умолять доктора – передать герцогу, чтобы «он сделал так, чтобы его (Майделя) расстреляли!» «Я хочу умереть солдатом!» – прибавил он. Так пока закончился этот грустный эпизод, вырвавший из нашей среды еще одного товарища. Барон получил образование в Михайловском артиллерийском училище (3 класса) и Николаевской академии Генерального штаба (2 класса). В этот роковой день было масса и других ужасных поступков со стороны барона. Он привел каких-то извозчиков и велел их напаивать, называл в лицо герцога дон-Кихотом, но без злобы, почтительно и убежденно. Умолял его съездить ко всем великим князьям и оборудовать его дела (!?) так, чтобы его расстреляли, и многое др. Жаль барона, тем более что эта форма помешательства, говорят, безнадежна и лишь прогрессирует! Причину назвать, конечно, очень трудно, но во всяком случае ее надо искать в его сильном падении, в первый год офицерства, при чем он разбил себе голову, последствием чего была глухота на левое ухо; далее: играли роль его усиленные занятия до и во время академии, и, наконец, несчастная любовь довершила дело. Других причин – мы не знаем. Что будет дальше – увидим.

2 января – вторник.

На своем дежурстве – в 6½ часов вечера читал в учебной команде об Иоанне Грозном с туманными картинками. Вечером же я был (часов в 11) в 4 батарее, где был танцевальный вечер нижних чинов под наемный струнный

оркестр (человек 8–10). Девуц была масса, и притом очень хорошо одетые и недурненькие. Солдаты танцевали с увлечением и притом, безусловно, все модные танцы (па-де-катр, шаконь, венгерка и т. д.). Присутствовали командир 4 батареи полковник Потоцкий и господа офицеры этой батареи. Из дам – супруга г. Потоцкого и 2 его родственницы и м^{ме} Кавтарадзе. Бал закончился к часу ночи. Корректность и выдержанность на этом вечере были со стороны нижних чинов и девушек – полными.

4 января – четверг.

Читал в учебной команде о смутном времени на Руси с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

10 января – среда.

Читал в учебной команде о Петре Великом с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

17 января – среда.

Обычный ежемесячный обед в собрании нашей бригады. Кроме ныне служащих были бывшие сослуживцы: генерал-майор Кармин, Генерального штаба капитан Базаров, статский советник Шульман, репетитор Михайловской артиллерийской академии штабс-капитан Гродский и др. 5½ часов вечера. После обеда обычное распорядение общества по кружкам: 1) винтеры, 2) «траншейные» и 3) уныло бродящие и 4) уезжающие домой. «Траншейей» называется следующая обстановка: большой стол, поставленный в зале или гостиной, вокруг него садятся офицеры (штаб и обер) и пьют по большей частью одно шампанское, изредка пьют и ликеры с кофе. Во время «траншей» играет музыка (наш бригадный оркестр); репертуар назначается участниками «траншей». Сегодня оркестр чередовался с граммофоном, принадлежащим одному из наших офицеров (Е. В. Пономаревскому-Свидерскому).

18 января – четверг.

Читал в учебной команде о Петре Великом (продолжение) с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

24 января – среда.

Читал в учебной команде о Екатерине Великой с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

26 января – пятница.

На своем дежурстве читал в учебной команде о Суворове с туманными картинами. 6 часов вечера.

29 января – понедельник.

Состоялись похороны умершего несколько дней тому назад генерал-лейтенанта Баумгартена. Утром в 10 часов был вынос из его квартиры в Сергиевский собор, где было отпевание до 12 часов, а затем гроб установили на лафет 4 батареи нашей бригады и повезли на Смоленское кладбище. Присутствовали: великий князь Михаил Николаевич и Сергей Михайлович, почти в полном составе чины Главного артиллерийского управления (где последнее время служил покойный), офицеры и полубатарея Михайловского артиллерийского училища (где он был офицером и командиром батареи) и в полном составе наша бригада, так как он ею командовал до генерала Беляева. Много венков. Войска состояли из батальона лейб-гвардии Егерского полка со знаменем и музыкою и 4-х орудий 1-й его императорского величества батареи нашей бригады. Парадом командовал наш командир бригады генерал Ляпунов. Я провожал тело до Адмиралтейства, а затем повернул домой, так как было очень холодно (больше 15 градусов мороза), а я был в летнем пальто.

1 февраля – четверг.

Папа мой с 9-часовым вечерним поездом Николаевской железной дороги уехал в Тверь. Я провожал его на вокзале. В Твери он будет гостить до конца Масленицы у своего двоюродного брата отставного генерал-майора Семена Семеновича Астафьева.

2 февраля – пятница.

В 1 час дня наша бригада служила панихиду в Сергиевском всей артиллерии соборе по бывшем командире бригады генерале Баумгартене (9-й день кончины). Присутствовала вся бригада (господа офицеры).

Читал в учебной команде об императоре Александре 1-м с туманными картинами. От 6½ часов вечера.

4 февраля – воскресенье.

Приказ по бригаде № 35, п. 3:

«Вследствие представленного медицинского свидетельства освобождается от верховой езды подпоручик Савонько – в течение одной недели, т. е. по 7 февраля». У меня последние дни появились щемящие боли в сердце. Младший врач бригады лекарь Андриевич меня выслушал и прописал бром как возбуждающее к деятельности сердца. Боли не прекратились. Появилась у меня полная апатия ко всему, отсутствие аппетита (сегодня и 5 февраля я ничего в течение дня не ел), меня мучило, и чувствовалось легкое головокружение. В ночь на воскресенье (4 февраля) я почувствовал себя так плохо, что послал за доктором Элиашевым, живущим у нас в доме на соседней лестнице. Мне он

прописал порошки, и я к 3-м часам ночи заснул. Сегодня я днем чувствовал себя очень плохо и, не желая оставаться в квартире один, я послал за своей теткой Аделаидой Сергеевной Керстенс, которая вскоре приехала со своим мужем. В четверг на Масленой я предполагал ехать в Тверь (где сейчас мой папа), но теперь вместо рапорта об отпуске пришлось подать рапорт о болезни.

9 февраля – пятница.

Все эти дни я лежал в кровати. Боли в области сердца и груди были весьма значительны, но теперь, по-видимому, лучше. Кроме этого у меня сильный катар кишок, от которого доктор Керстенс (мой родственник) прописал мне воды «Ессенуки № 17». Полное отсутствие аппетита. Съедаю по необходимости 2 маленькие мясные котлетки в день.

За это время произошло несколько событий. Во-первых, во вторник, 6 февраля, в нашем собрании бригады был ежемесячный обед, обставленный весьма торжественно. На нем чествовали бывшего начальника артиллерии Гвардейского корпуса – генерал-лейтенанта Канищева. Кроме того, чествованию подверглись 3 бывших у нас в прошлом году вольноопределяющихся (четвертый живет в Юрьеве): г. Тройницкий (правовед), г. Эльзингер (лицеист) и г. Бранденбург (СПб. университета). Веселье после обеда было общее и достигло (судя по рассказам) грандиозных размеров. К сожалению, я на нем не присутствовал, а потому больше о нем распространяться не буду.

В этот же вторник произошло весьма печальное событие, о котором я узнал только сегодня: в Николаевском военном госпитале умер мой денщик Викентий Забельский от крупозного воспаления легких, после 2-х месяцев болезни. † 6 февраля 1901 года.

Мир праху твоему, честный человек! Викентий Забельский, родом поляк из Минской губернии, был назначен ко мне денщиком тотчас по выходе моем в офицеры. Он был довольно угрюмый на вид, необыкновенно самолюбив и не терпел возражений. Эти черты я заметил в нем, наблюдая его обращение с посторонними офицерами или солдатами. Что касается меня, то я смею думать, что он питал ко мне страшную привязанность. Надо было видеть, с какою ласкою он смотрел на меня, когда я посетил его в госпитале и сел к нему на кровать. «Спасибо вам, поручик, за все спасибо...» – шептали его губы. Он был очень бережлив и, вероятно, скопил достаточно деньжонок, которые он получал от меня, моего отца, порциины и особенно прошлое лето, когда он заведывал у меня столовой в лагере и получал за это жалованье. Викентий мог служить образцом честности для всякого смертного! Старанье его угодить и сделать приятное не имело границ. Притом он был очень умен и хорошо грамотен. Пути Господни неисповедимы, и если верить в то, что Господь иногда отбирает к себе лучших людей, то душа Викентия несомненно взята на небо, чтобы успокоить ее в обители Творца. Пусть эти немногие строки, обреченные, по всей вероят-

ности, на полную неизвестность, будут ему (Викентию) вместо длинных некрологов, печатаемых для людей, стоящих на высоких ступенях общественной лестницы, но не стоящих, может быть, мизинца моего деньщика!

Сегодня тело его отвезли на лафете на Николаевский вокзал, а завтра с поездом отвезут на Преображенское военное кладбище. Моя болезнь помешала мне присутствовать на похоронах, и только сегодня я попросил купить металлический венок, чтобы завтра утром возложить его на гроб.

В приказе по бригаде от 7 февраля № 38 я прочел то, что знал еще до болезни. Заведывающий учебной командой капитан Леман командирится в офицерскую Артиллерийскую школу, а на его место заведывающим командой назначен капитан Л. Ф. Гартунг.

Вчера днем меня посетил капитан Леман, объявил, что он команду сдал, и в лестных выражениях благодарил меня за все, что я для команды сделал.

Лев Федорович Гартунг навещает меня ежедневно (один раз даже 2 раза в день). Об этом замечательном и редкостном по своим душевным качествам человеке я когда-нибудь поговорю, а теперь не время. Кроме них у меня был еще мой товарищ по выпуску подпоручик Плющевский-Плющик (Лубэ, как мы его называем).

11 февраля – воскресенье.

В нашей 2-й батарее была обычная ежегодная панихида по покойном шефе батареи графе Баранцове. Я получил на нее приглашение, но очевидно быть не мог. После панихиды ко мне зашли – нашей батарее штабс-капитан Альтфатер (мы его зовем Фриц) и подпоручик Плющевский-Плющик.

13 февраля – вторник.

Папа мой утром около 10 часов возвратился из своей поездки в Тверь. Я ждал его вчера, но внезапное недомогание его задержало его на один день.

19 февраля – понедельник.

Подав рапорт о выздоровлении, я сегодня с $8\frac{3}{4}$ присутствовал на занятиях. Болезни моей *finita*¹, т. е. она не мешает мне исполнять службу. Кроме перечисленных лиц, меня навестили еще во время болезни подпоручик Савурской и подпоручик Чернявский. Л. Ф. Гартунг продолжал бывать ежедневно до 18 февраля включительно.

23 февраля – пятница.

Читал в учебной команде об Отечественной войне 1812 года с туманными картинками. 6½ часов вечера.

¹ Конец (итал.).

28 февраля – среда.

В 10 часов полковник Берников сдал, а его высочество герцог Мекленбургский принял 1-й дивизион лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Оба произвели опрос претензий. Герцог Мекленбургский сказал, нам, офицерам следующее: «Я удостоился чести получить командование родным мне дивизионом, надеюсь, что наши совместные усилия помогут нам, чтоб дивизион был на высоте своего положения». Согласно приказанию по бригаде от 27 февраля за № 148 комиссия из временно командующего бригадой полковника Берникова и полковника герцога Мекленбургского и 2-х врачей бригады свидетельствовала меня на предмет командировки на Кавказ. 2½ часа дня.

1 марта – четверг.

Его высочество герцог Мекленбург-Стрелицкий сделал мне официальный визит (как и всем офицерам 1-го дивизиона) по случаю своего назначения командиром 1-го дивизиона. На другой день я ответил визитом к его высочеству. (2 марта, 1 час дня.)

3 марта – суббота.

Целый день пролежал в кровати благодаря сильнейшей головной боли и расстройству желудка (катар).

7 марта – среда.

Читал в «учебной команде» об императоре Александре 1-м с туманными картинами с 7 часов вечера.

9 марта – пятница.

Читал в учебной команде о севастопольцах с туманными картинами с 7 часов вечера.

12 марта – понедельник.

Согласно приказу по бригаде от 10 сего марта № 69 п. 4 я участвовал в комиссии по проверке отчетности артели нижних чинов. С 11 часов утра. Председатель: полковник Масалитинов, второй член – капитан Ден.

15 марта – четверг.

Читал в учебной команде об императоре Александре 2-м с туманными картинами. От 7 часов вечера.

17 марта – суббота.

К 1 часу дня я поехал в Окружное военно-медицинское управление (Фонтанка, 90), где меня должна была свидетельствовать комиссия на пред-

мет командирования на Кавказ. Комиссия состояла из 2-х врачей (в генеральских чинах) и 1-го казачьего генерала. Все свидетельство состоялось в 1–2 минуты, ибо врачи имели уже писанное свидетельство от бригадной комиссии. «Мы признаем вас безусловным кандидатом на командировку», – сказал мне один из них: «а будет ли возможность послать – мы увидим». На этом вся процедура закончилась.

21 марта – среда.

Читал в учебной команде лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады об Александре 3-м с туманными картинами. От 7 часов вечера.

22 марта – четверг.

В 9 часов утра приехал в нашу бригаду главнокомандующий войсками его императорское высочество великий князь Владимир Александрович и прямо направился к нашей учебной команде, где мы у сараев занимались учением в парке в 8 орудий. Затем он обошел все прочие занятия в бригаде, а в половине 12-го пошел в собрание завтракать. В 12 он уехал из бригады.

23 марта – пятница.

Обычный смотр верховой езды господам офицерам. Смотрел временно командующий артиллерией гвардейского корпуса генерал Ляпунов. Начало в 10 часов утра. Сперва 1-й дивизион (представлял его высочество герцог Мекленбургский), затем 2-й дивизион (полковник Берников) и стрелковый (генерал Нищенков). Смотр кончился в половине 12-го.

Последний день занятий в учебной команде. Завтра смотр верховой езды ученикам. Я не присутствую, так как общее заведывание ездой возложено на подпоручика Папкевича.

26 марта – понедельник.

Экзамены в учебной команде.

Комиссия состоит из генералов Ляпунова и Нищенкова, всех командиров дивизиона и батарей. От 9½ часов утра до 11½ часов утра был смотр гимнастики в гимнастическом зале. От 3 часов дня до 4½ – смотр пешего строя в большом бригадном манеже.

27 марта – вторник.

Экзамены в учебной команде.

Комиссия та же, что и вчера. От 9 – 11 [часов] смотр учения в парке и материальная часть в большом манеже. От 1 – 4 [часов] в классах – служебный отдел и грамота и счисление. Конец официальным экзаменам.

Хроника 1901 г.

28 марта – среда.

7-я неделя великого поста.

Начало говения учебной команды лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады в Сергиевском всей артиллерии соборе.

Утром от 10 часов была присяга молодых солдат и офицеров [1]900 г. Я не был на ней как говеющий.

От 2 – 5 [часов] был назначен экзамен 6-ти человекам, представленным на часы первого ученика команды. Испытание состояло из 35-ти вопросов, составленных мною. Почти одинаково выдержали мой (1-й батареи) Панкратов и 1-й стрелковой батареи Точилин. Даже мой имел на один + больше. Но общественное мнение решило, что Точилин более достоин, и ему присудили «часы».

31 марта – суббота.

7-я неделя великого поста.

Конец говенья. Учебная команда и мы с нею причащались сегодня за раннюю обедню (с 5 – 8½ часов утра).

1 апреля – воскресенье.

Пасха. Визиты от 12½ – 2½ [часов].

3 апреля – вторник.

По моей инициативе был устроен сегодня экзамен учебной команде для проверки знаний учеников по русской истории, которую я им читал в году. Лучший в каждой батарее и парковый получили в хорошем коленкоровом переплете с шегреневым корешком «Настольную книгу для народа» издания комиссии народных чтений и заключающую в себе 1) подробный вечный календарь (святцы), 2) историю всеобщую и русскую, 3) географию и 4) космографию. Цена книги 1 руб. 50 коп[еек] и переплета 50 коп[еек]. Всех книг роздано 8 штук. От 1½ – 3½ часов дня. На экзамене присутствовали капитан Гартунг и я.

5 апреля – четверг.

Обычный весенний экзамен господам офицерам по особой программе. Комиссия из дивизионеров гвардейской артиллерии. Из нашей (2-й) батареи вызвали

1) штабс-капитана Альтфатера и

2) Шанявского (прикомандированного подпоручика).

От 10 – 11½ часов утра.

7 апреля – суббота.

В 9½ часов утра молебен в учебной команде по случаю окончательного отпуска учеников по батареям.

После молебна была произведена капитаном Гартунг[ом] раздача наград обучавшим фейерверкерам и лучшим ученикам. Присутствовали – офицеры учебной команды.

Конец и роспуск учебной команды.

8 апреля – воскресенье.

По случаю окончания занятий в учебной команде и моего возвращения в батарею – являлся командиру батареи (2-й) полковнику Дитерихсу (дома застал) и командиру дивизиона полковнику герцогу Мекленбургскому (дома не застал). 12 – 1 час дня.

11 апреля – среда.

Обычная годовая стрельба господ офицеров в тире на Семеновском плацу для выяснения желающих идти на призы. Подивизионно – от 10 часов утра. Я был.

14 апреля – суббота.

Выписка из приказа по бригаде от сего числа и года за № 104, п. 4: «Признавая подготовку нижних чинов, обучавшихся в учебной команде к исполнению обязанностей фейерверкера, в общем хорошою, считаю обязанностью выразить мою благодарность заведывающим командою капитану Леман и капитану Гартунг и помощникам заведывающего командой подпоручикам: Куприянову, Савонько и Фриде».

Подлинный подписал временно командующий бригадою генерал-майор Нищенков.

15 апреля – воскресенье.

Мой хронический катар не оставляет меня в покое. Почти ежедневно к вечеру болит голова. Аппетит как у годовалого ребенка и полное отсутствие стула. В субботу чувствовал себя особенно плохо, а сегодня утром не мог уже встать с постели. Сильная боль в голове, желудке и ногах. Был доктор Петлин.

17 апреля – вторник.

Сегодня я уже вышел из дому и вступил в отправление своих обязанностей. Рапорт о болезни я велел разорвать, так как он едва доплелся до дивизионной канцелярии.

20-го апреля – пятница.

Выписка из приказа по бригаде от сего числа за № 110, п. 3: «По освидетельствовании в комиссии при СПб. Окружном военно-медицинском управлении признаны подлежащими отправлению на санитарные станции,

для лечения на казенный счет, вр. командуемой мною бригады: и подпоручик Савонько – в Абастуман (станция открыта с 1-го июня по 1-е октября – лечебный курс двухмесячный). Названным гг. офицерам предписываю отправиться в означенные командировки, чтобы прибыть на станции к началу назначенного им лечебного курса и об отправлении мне донести.

Справка: приказ по войскам гвардии и округа с. г. № 23, п. 4.

Подлинный подписал
генерал-майор: Нищенков».

21 апреля – суббота.

Репетиция высочайшего парада на Марсовом поле командиром Гвардейского корпуса великим князем Павлом Александровичем.

Я – в конном строю во 2-й батарее, в 1-м взводе.

Холодно (+ 4° Р.²). Дождь.

24 апреля – вторник.

Назначенный на сегодня высочайший смотр войскам по случаю плохой погоды (снег и 0°) отменен. Тем не менее завтрак, обычно устраиваемый офицерам 23 артиллерийской бригады, состоялся у нас в собрании в 1 час дня. Генерал Ляпунов провозгласил процветание 23 бригады стаканом красного вина (!?). Генерал Ярыгин (командир 23 артиллерийской бригады) ответил стаканом белого! Некорректность нашего командира была исправлена шампанским после обеда, которое потекло рекой часов до 4-х дня. Я был.

28 апреля – суббота.

Выступил из СПб. с 4 орудиями, 1 запасным лафетом и 1 повозкой в Красное Село походом в 8 часов утра. Прибыл туда в 3 часа дня. Обратное выступил с одними лошадьми в 8½ часов вечера и переменным аллюром по шоссе дошел до петербургских казарм в 12½ часов ночи.

1 мая – вторник.

Парад на Марсовом поле в высочайшем присутствии. От 11 часов утра. Погода великолепная. Жара доходила до 30 градусов на солнце. Я находился в конном строю своей батареи – командиром 1-го взвода.

3 мая – четверг.

Бригада выступила в лагерь в 8 часов утра походом. Я походом не иду, так как уже имел командировку (28 апреля). Я уехал в лагерь с поездом в 2 часа 30 минут дня.

² 4° Р (Реомюра) = 5° С.

4 мая – пятница.

Дежурный в лагере по бригаде.

5 мая – суббота.

Начало занятий летних у нас во 2-й батарее.
(От 9 – 11 [часов] учение в парке.)

1901
133

8 мая – среда.

Первая стрельба боевая в этом году у нас в бригаде (в лагерях) у позиции близ деревни Арапокази³. Дистанция дальняя. Я в строю 2-й батареи, во 2-м взводе.

12 мая – суббота.

Я пристреливался на позиции у деревни Арапокази по 4-орудийной батарее в окопах. Дано было 18 гранат и 18 шрапнелей.

13 мая – воскресенье.

Из СПб. ездил сегодня в Сестрорецк, недавно (год) открытый курорт близ Петербурга⁴. От Летнего сада на пароходе до Новой Деревни и оттуда по Приморской железной дороге до курзала (всего 2 часа езды). Обратно вернулись домой к 12½ часам ночи. В курзале играет оркестр (симфонический) графа Шереметева⁵.

17 мая – четверг.

В 1 час дня являлся временно командующему лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой генерал-майору Нищенкову по случаю моего отъезда в командировку на Кавказ.

18 мая – пятница.

В 12 часов дня являлся командиру батареи (полковнику Дитерихсу) и командиру дивизиона (его высочеству герцогу Мекленбургскому) по случаю моего отъезда на Кавказ. С поездом 3:20 я окончательно покинул лагерь и переехал в Питер.

23 мая – среда.

В 8 часов вечера со скорым поездом Николаевской железной дороги я и папа в спальном вагоне выехали из С.-Петербурга.

³ Арапокази (фин. Aporakkasi) – деревня в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии. Другие варианты написания названия: Аропаккузи, Аропаккози.

⁴ Открытие санатория «Сестрорецкий курорт» состоялось 10 июня 1900 г.

⁵ «Общедоступные концерты для малоимущего населения» регулярно проводились оркестром, организованным графом А.Д. Шереметьевым в 1898–1917 гг.

ХРОНИКА 1901 г.

24 мая – четверг.

В 8 часов 45 минут утра приехали в Москву.

В 5 часов 20 минут – в Рязани. Стояли 30 минут.

В 8 часов 50 минут вечера – в Рязске.

В 11 часов 28 минут – в Козлове⁶. Стояли 40 минут.

25 мая – пятница.

В 4 часа 57 минут утра – в Воронеже (я спал).

В 11 часов 20 минут вечера – в Ростове-на-Дону (50 минут остановка).

26 мая – суббота.

В 1 час 10 минут – Минеральные Воды (станция).

В 10 часов 7 минут вечера – в Беслане. Здесь пересадка в другие вагоны, так как наши пошли на Баку.

Через 40 минут мы были во Владикавказе. Остановились в гостинице «Имперяль»⁷ – на Александровском проспекте.

27 мая – воскресенье.

Осматривали Владикавказ.

28 мая – понедельник.

В 6¼ часов утра выехали с почтовой станции во Владикавказе по Военно-грузинской дороге.

В 12 часов 8 минут – 12 часов 45 минут – станция Казбек.

Крестовый перевал – 4 часа 32 минуты.

В Млетах ночевка – в 6 часов 35 минут вечера.

29 мая – вторник.

В 6 часов утра выехали из Млет.

В 11½ часов – в Душете.

В Мцхете в 3 часа дня.

В Тифлисе (почтовая станция) – в 5 часов вечера.

30 мая – среда.

Осмотр Тифлиса.

31 мая – четверг.

В 10 часов утра выехали из Тифлиса на Боржом с пересадкой в Михайловке.

⁶ Козлов (совр. Мичуринск) – город в Тамбовской губ.

⁷ «Имперяль» – гостиница во Владикавказе (Александровский пр., совр. пр. Мира, д. 19). Открыта в 1896 г.

В 2 часа 50 минут в Боржоме.

В 3 часа 10 минут выехали в коляске в Абастуман и приехали в 10 часов 20 минут вечера.

1 июня – пятница.

В 12 часов дня поехал являться коменданту Абастумана. Не застал его в управлении, а видел его адъютанта поручика Резунова.

2 июня – суббота.

В 4½ часов дня я пригласил к нам в № гостиницы «Минеральные воды» лучшего доктора Абастумана – директора вод статского советника Гопадзе (грузин). Он долго меня выслушивал и выстукивал, расспрашивал о болях (которые, кстати сказать, последние дни были очень сильны) и поставил свой диагноз: по его мнению, у меня катара нет, а только слабая деятельность желудка и кишок. Главная же моя болезнь – неврастения (черт бы побрал эти глупые медицинские слова!), которую он преимущественно и будет лечить. Что будет – увидим.

7 июня – четверг.

В 12 часов дня был в комиссии врачей, где меня снова очень обстоятельно исследовал помощник д-ра Гопадзе – доктор Текутьев.

13 июня – среда.

Начал принимать горячие души (циркулярные). Продолжительность душ[а] – 2 минуты. Температура постепенно 35–26 градусов Ц[ельсия]. От 7 – 8 часов утра в главном ванном здании.

21 июня – четверг.

Температура душ изменена на 34–22 градусов Ц[ельсия]. Продолжительность – 1–минуты⁸.

30 июня – суббота.

Температура душ изменена на 34–20 градусов Ц[ельсия]. Продолжительность та же. Р = 4 пуда 12½ фунтов (мой вес).

17 июля – вторник.

Температура душ изменена на 34–18 градусов Ц[ельсия]. Продолжительность та же. Р = 4 пуда 9½ фунтов.

⁸ Так в рукописи. Вероятно, имелось в виду: «1–2 минуты».

Хроника 1901 г.

25 июля – среда.

Комиссия под председательством коменданта Абастумана полковника Юрова из всех врачей определяла, кому из господ офицеров продлить срок пребывания на курорте. Я оставлен еще на 1 месяц с таким расчетом, чтобы прибыть в СПб. к 15 сентября.

28 июля – суббота.

Температура душ изменена на 34–18 градусов Ц[ельсия]. Продолжительность 1½ – 2 минуты.

30 июля – понедельник.

Р = 4 пуда 10½ фунтов.

15 августа – среда.

Начал принимать вееро-струйчатые холодные (10–12°) души. Продолжительность 10–20 секунд.

29 августа – среда.

Комиссия из 3-х врачей под председательством д-ра Текутьева должна была меня освидетельствовать, чтобы дать право ехать на казенный счет не морем (как здесь дают), а сухим путем. Д-р Текутьев нашел, что я не настолько болен, чтобы удовлетворить мою просьбу (нужно или кровью харкать, или в сильной степени быть неврастеником), но обещал все-таки дело это уладить. 12 часов дня.

1 сентября – суббота.

Являлся коменданту м. Абастумана по случаю моего отъезда отсюда. В 12 часов дня.

2 сентября – воскресенье.

4 часа 35 минут вечера из Абастумана в коляске.

11 часов 26 минут ночи в Боржоме.

В 2 часа ночи поезд вышел из Боржома.

3 сентября – понедельник.

7 часов 45 минут утра в Тифлисе.

Осмотр выставки.

4 сентября – вторник.

В 12 часов 45 минут выехали из Тифлиса на Баку.

5 сентября – среда.

В 6 часов 45 минут утра в Баку.

В 3 часа утра из Баку на Минеральные Воды и далее.

6 сентября – четверг.

В 12 часов 5 минут дня в Минеральных Водах.

В 3 часа 45 минут дня выехали из Минеральных Вод на Москву.

1901

137

ПРИМЕЧАНИЕ: Время со 2 по 6 сентября тифлисское. С 7-го сентября – петербургское.

7 сентября – пятница.

В ночь на 7-е в 3 часа ночи у станции Каял (Ростово-Владикавказской ж. д.) паровоз с тендером нашего поезда сошел с рельсов. Дальше двинулись только в 8 часов утра.

8 сентября – суббота.

В 5 часов 22 минуты вечера в Москве с опозданием на 2 часа (3 часа поезд нагнал).

В 9 часов вечера выехали в Тверь из Москвы со скорым поездом.

В 12¼ часов ночи приехали в Тверь.

9–13 включительно – сентябрь.

Гостили в Твери у моего двоюродного дяди и крестного отца отставного генерал-майора С. С. Астафьева. Мироносицкий бульвар, дом Карпова⁹. У меня сделался карбункул во всю левую ляжку, и все пять дней я почти никуда не выходил. Был доктор Кокин. 13-го нарыв прорвался. Выехали из Твери в 12 часов 9 минут ночи со скорым поездом в СПб.

14 сентября – пятница.

Приехали в СПб. в 9 часов 30 минут утра.

ПРИМЕЧАНИЕ: Описание поездки на Кавказ, обнимающее собой период с 23 мая по 14 сентября, отпечатано на машинке отдельным изданием под заглавием: «ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ» (201 страница)¹⁰.

15 сентября – суббота.

По случаю приезда из командировки являлся командующему бригадой полковнику Берникову, командиру дивизиона его высочеству герцогу

⁹ Мироносицкий бульвар – совр. название бульвар Радищева.

¹⁰ Описание поездки на Кавказ не входит в комплекс материалов В. С. Савонько, поступивших в ОР РНБ.

Мекленбургскому и командиру батареи полковнику Дитерихсу. От 11 – 12 часов дня. Никого не застал дома.

20 сентября – четверг.

Приказ по бригаде № 248, п. 9:

«Подпоручик Савонько прикомандировывается мною к Управлению бригады для письменных занятий».

Временно командующий бригадой полковник Берников.

Дело вот в чем: по приезде сюда я почти в тот же день узнал от товарищей, что генерал Ляпунов назначает меня квартирмейстером бригады. Новость эта для меня была верхом неожиданности. Нечего и прибавлять, само по себе назначение это очень лестное и показывает доверие ко мне начальства. Но меня это сильно не устраивает. Во-1) я хочу идти на будущий год в Академию, во-2) переезд на казенную квартиру не составляет для меня благополучия, так как я живу с отцом. Таким образом, генерал лишает меня права поступить в Академию. За что? Объясняется это тем, что командир не мог остановить своего выбора ни на одном из офицеров целой бригады! У нас большой некомплект. Все заняты. В этом году все державшие экзамены офицеры в академии (Артиллерийскую, Генерального штаба и Инженерную) поступили! Итого более 10 человек! Сгоряча, уезжая в Крым, он сказал: «Я нашел!» Квартирмейстер – Савонько. Сколько возможно, я употреблю все красноречие, чтобы убедить – освободить меня от этой должности. Главное – найти заместителя. Одного я нашел – это поручик Богушевский. Трудность успеха заключается в отсутствии генерала Ляпунова. Будем надеяться.

21 сентября – пятница.

Являлся по поводу вышенаписанного назначения временно командующему бригадою полковнику Берникову. У него застал и командира 2-й батареи полковника Дитерихса. Полковник Берников обещал все сделать, чтобы избавить меня от этой должности. Много было сказано для меня лестного. Категоричное приказание г. Ляпунова не позволяет отменить вчерашнее приказание о прикомандировании. Являлся еще командиру дивизиона герцогу Мекленбургскому. Дома не застал.

25 сентября – вторник.

Праздник управления лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Так как я к нему (управлению) прикомандирован, то мне пришлось на нем участвовать. В 12½ часов в одной из комнат (канцелярии) отслужили молебен в присутствии небольшого (человек 10) штата писарей. Из офицеров были капитан Илькевич (раньше служивший казначеем), штабс-капитан Рерберг

(бригадный адъютант), поручик Матюшкин (бригадный казначей), Фриде (вновь назначенный бригадный адъютант), подпоручик Беляев (временно исполняющий должность квартирмейстера), штабс-капитан Макеев (бывший казначей) и я. Командующий бригадой полковник Берников отсутствовал по делам. После молебна капитан Илькевич поздравил писарей с праздником и выпил здоровье командира и командующего бригадой, служащих офицеров в управлении и нижних чинов. Г. Рерберг и Матюшкин пили здоровье раньше служивших офицеров в управлении и нижних чинов. На этом торжество окончилось. Для писарей было приготовлено угощение.

29 сентября – суббота.

По приезде в Петербург пришлось на другой же день (15-го) пригласить врача (д-ра Андриевича), который прописал присыпку для заживления моей раны на ноге. Едва я снял через несколько дней повязку, как у меня появился новый нарыв несколько ниже первого, и вот до сего дня я снова почти не в состоянии ходить. Даже на такие расстояния, как от нас до бригады, – я беру извозчика. Такое состояние продолжится еще много (увы!) дней.

6 октября – суббота.

Согласно приказу по бригаде я был назначен в составе комиссии для проверки всех дровяных дворов бригады. Председатель – полковник Дитерихс, члены: капитан Илькевич, поручик Богушевский и я. Наша проверка продолжалась с 10 часов утра по 4½ часов дня с перерывом около часу.

12 октября – пятница.

В 11 часов дня я получил записку явиться в собрание бригады временно командующим бригадой. Полковник Берников сообщил мне, что генерал Ляпунов ответил ему на его письмо обо мне и согласен избавить меня от должности бригадного квартирмейстера и назначить на это место другого офицера (поручика Богушевского). Приказ об откомандировании будет на днях.

Снова наложил повязку на ногу, так как появился третий нарыв на ноге.

13 октября – суббота.

Приказ по бригаде № 271, п. 3: «Подпоручика Савонько предписываю откомандировать от управления бригады во 2-ю батарею с 14 сего октября».

Подлинный подписал полковник Берников.

14 октября – воскресенье.

Являлся по случаю откомандирования меня от управления бригады временно командующему бригадой полковнику Берникову и командиру ба-

тарей (он же и временно командующий дивизионом) полковнику Дитерихс[у]. Обоих не застал дома. 12 часов дня.

15 октября – понедельник.

Первая офицерская езда в 1-м дивизионе. За отсутствием командира дивизиона смену должен был гонять полковник Потоцкий, но так как он еще не явился, то открыл езду полковник Дитерихс. Я не ездил, так как взял увольнение на 2 недели – благодаря ноге.

Приказ по бригаде № 273, п. 5: «Вследствие представленного медицинского свидетельства за № 404, подпоручик Савонько освобождается от верховой езды в течение двух недель, т. е. по 26 октября». (Моя болезнь – нарывы на левой ноге.)

16 октября – вторник.

Командир батареи объявил мне, что он поручает мне заведывание в батарее старослужащими, и кроме того приказал принять артель нижних чинов от подпоручика Шаняевского с 1-го ноября.

17 октября – среда.

Молебен в большом бригадном манеже по случаю царского дня. Присутствовали все нижние чины и господа офицеры (кроме тех, кто был назначен в Исаакиевский собор). Я был в манеже.

20-го октября – суббота.

Был на заупокойной обедне и панихиде в Петропавловском соборе по Александре 3-м. – От 10 часов утра.

26 октября – пятница.

Приказ по бригаде за № 284, п. 3. «Вследствие представленного медицинского свидетельства за № 402 подпоручик Савонько освобождается от верховой езды в течение двух недель, т. е. по 7-е будущее ноября».

Генерал-майор Ляпунов.

30 октября – вторник.

Дежурный на случай пожара.

8 ноября – четверг.

Приказ по бригаде № 297:

«Для уравниения числа офицеров подпоручик 2-й батареи Савонько переводится мною в 1-ю батарею».

Подлинный подписал генерал Ляпунов.

9 ноября – пятница.

По случаю моего перевода в 1-ю его императорского величества батарею я явился утром (часам к 10) в канцелярию батареи, где застал временно командующего батареей капитана Лемана и командира бригады генерала Ляпунова. Явился капитану Леман[у], а затем уехал являться командиру батареи и временно командующему дивизионом полковнику Потоцкому и своему старому командиру (2-й батарее) полковнику Дитерихсу. Обоих дома не застал, от 11½ – 12 часов дня. После завтрака являлся всем служащим господам офицерам 1-й батареи и визиты господам офицерам 2-й батареи.

- Был у:
- 1) штабс-капитана Макеева (адъютант Управления артиллерии)
 - 2) подпоручика фон Энден (1 батарея)
 - 3) подпоручика Базилевского (2 батарея)
 - 4) подпоручика Савурского (2 батарея)
 - 5) капитана Илькевича (2 батарея)
 - 6) поручика барона Арпсгофена (1 батарея)
 - 7) поручика Колюбакина (2 батарея)
 - 8) подпоручика Курбатова (прикомандирован к 1 батарее)
 - 9) капитана Фуфаевского (1 батарея)
 - 10) поручика Богушевского (1 батарея)
 - 11) подпоручика Шаняевского (2 батарея)

Только двух: подпоручика Шаняевского и поручика Богушевского застал дома. От 1½ – 4½ часов дня.

10 ноября – суббота.

Приказ по бригаде № 299, п. 5.

«Вследствие представленного медицинского свидетельства за № 432 подпоручик Савонько освобождается от верховой езды с 7 сего ноября в течение двух недель, т. е. по 21 ноября».

Генерал Ляпунов.

14 ноября – среда.

Был по наряду от 1-й батареи на молебне в Исаакиевском соборе (день рождения императрицы Марии Феодоровны), от 11½ – 1 часов дня.

После молебна поехал отдать визит полковнику Мусселиус – вновь назначенному командиром гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

В 1-й батарее мне было вначале поручено заведывание командой наводчиков (батареинная школа), но вчера временно командующий батареей сказал, что он поручает мне заведывание молодыми солдатами. 1-я партия новобранцев прибыла уже в понедельник 12 ноября (10 человек). Помощь-

ником моим состоит прикомандированный подпоручик Курбатов (из камер-пажей). Кроме того я на днях вступаю в исполнение обязанностей делопроизводителя батареи. В качестве будущего делопроизводителя я присутствовал все время на смотре канцелярии, произведенном командиром бригады генералом Ляпуновым от 1½ – 4½ часов дня.

15 ноября – четверг.

Дежурный на случай пожара.

Сегодня утром 2-я батарея гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона прибыла из похода на Дальний Восток. Нам, офицерам, приказано было собраться на военной платформе Николаевской железной дороги к 10 часам утра. От 10 до 11 часов утра съезжались разные начальствующие лица: товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал Альтфатер, генералы Уткевич (начальник артиллерии Гвардейского корпуса), Канищев, генерал Павловский, Зыков, Кузьмин-Караваев, великий князь Сергей Михайлович, генерал Евреинов, генерал Клейгельс, генерал Крылов (комендант), генерал Нищенков, генерал Свинын, генерал Коленкин и некоторые другие. В 11 приехал помощник командующего войсками генерал Ребиндер. Своим старческим голосом он поздравил батарею (она была выстроена вдоль платформы) и передал «спасибо» от государя. Нижние чины плохо его слышали, и ему пришлось три раза повторить и наконец самому сказать «ура», пока в ответ раздалось довольно жидкое «ура». В 11¼ приехал великий князь Михаил Николаевич. Он поздоровался с батареей и обошел ее фронт. Затем вызвали вперед всех господ офицеров и командира батареи. Великий князь благодарил их за службу и сказал, что государь поручил ему передать им еще по одной награде, и тут же в конвертиках роздал им следующие ордена. Офицерам он подал руку. Далее он обратился к городскому голове (г. Леянову) и сказал: «Исполните, что вам следует». Г. Леянов с хлебом и солью на великолепном блюде сказал полковнику Мрозовскому твердо выученную гладкую речь, на которую полковник Мрозовский ответил благодарностью за таковое внимание. Великий князь подал руку г. Леянову и велел затем вызвать нижних чинов – кавалеров военного ордена. Каждого из них он расспрашивал, за что получил Георгия. После того вся батарея с обозом, парком, заводными лошадьми и пешими взводами была пропущена церемониальным маршем в оружейной колонне. На пути к нашей бригаде тесная толпа серого люда приветствовала батарею громкими «ура». Мы на извозчиках доехали до Басковой улицы и здесь встали на правых флангах своих батарей и встретили ее снова на этой улице. На большом бригадном плацу состоялся молебен, а перед ним краткая речь попа. Помянули 3-х нижних чинов, погибших во время похода: один утонул, один умер от нарыва в мозгу и один застрелился. После молебна опять речь генерала Ля-

пунова (командира бригады). Нижние чины получили обед от города и по кружке каждый. Офицеров угощали завтраком в собрании. Между присутствующими был и генерал Церпицкий – начальник Южно-Маньчжурского отряда.

Завтрак этот был экспромтом, ибо чествование состоится в субботу. Тем не менее было шампанское и несколько тостов. Почти все разошлись к 3 часам дня. Из этой краткой записи (подробности всякий прочтет в газетах) видно, что встреча была довольно мизерная. Кроме нижних чинов лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады и представителей от Михайловского артиллерийского училища никого не было. Из офицеров были только представители стрелковой бригады. Отсутствовал даже командир корпуса. Офицеры лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады и штаб-офицеры (обер-офицеров не было) гвардейской Конно-артиллерийской бригады были как бы случайными и, вернее, пришли показаться великому князю Михаилу Николаевичу. Представитель и передатчик слов царя – генерал Ребиндер – был более чем непреставителен. Встреча на улице не может назваться грандиозной, ибо состояло из чернорабочего и серого люда.

Приказ по бригаде № 304, п. 5:

«По вступившему представлению в должность делопроизводителя 1-й батареи вместо подпоручика Богушевского с 10 сего ноября утверждается мною подпоручик Савонько...»

Подлинный подписал генерал-майор Ляпунов.

16 ноября – пятница.

Утром в 9 часов бригаду посетил военный министр и смотрел 2 батарею гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. В 12 часов состоялся обед нижних чинов 2-й гвардейской скорострельной батареи, на котором присутствовали все офицеры полностью во главе с командиром бригады. От 2 – 4¼ часов смотр временным командующим дивизионом (полковником Потоцким) учителей молодых солдат. От 1-й батареи представлял я, хотя с ними я и не занимался.

17 ноября – суббота.

От 10 часов начальник артиллерии (генерал Уткевич) производил у нас на плацу разбивку лошадей 2-й скорострельной батареи. Я присутствовал все время как дежурный офицер.

Сменившись с дежурства, я пришел домой и лег спать, приказав разбудить себя в 5 часов, так как в 6 у нас должен был состояться грандиозный обед с массой приглашенных (между прочим генерал Церпицкий, генерал Альтфатер, городской голова Лелянов, много гласных и др.) в честь 2-й

гвардейской скорострельной батарее, вернувшейся из Китая. Увы! сильнейшая головная боль и адские боли в груди приковали меня к постели, и в воскресенье вечером я отправил рапорт о болезни.

18 ноября – воскресенье.

Был у меня в 7 часов вечера профессор Георгиевский, специалист по сердцу. Его исследования не помогли ему найти точную причину моих болей.

19 ноября – понедельник.

В 5 часов вечера у меня был известный профессор Попов. Всесторонне выслушав и выстукав, он не мог определить точную причину моих болей и прописал («попробуйте, может, поможет...») несколько порошков и пилюль. Затем несколько слов о режиме (я и без того его соблюдаю), несколько противоположном, чем тот, который мне раньше советовали, а затем... «будущее покажет...»

Интересно, чем будет человек питаться, если он будет следовать всем советам. Приведу интересную табличку «советов» моих врачей и профессора Попова:

Д-р АНДРИЕВИЧ

Д-р ГОПАДЗЕ (Кавказ)

- 1) Побольше зелени и поменьше мяса
- 2) Молочные продукты для вас крайне полезны (молоко, особенно «мацони» – простокваша)
- 3) Кушайте фрукты. Преимущественно груши, или яблоки. Апельсинов избегайте.

Проф. ПОПОВ.

- 1) Избегайте всякой зелени и кушайте только мясо (преимущественно белое)
 - 2) Употребление молока вызовет у вас новые боли. Лучше не пейте, или очень немного.
 - 3) Из сладких – лучше всего компот из апельсинов. Груши в нем не должны быть.
- И т. д.

Что касается «вод», то у каждого врача есть излюбленные. Благодаря этому я пил: Эссентуки, Боржом, Эмс, Виши и др. Некоторые (д-р Гопадзе) вовсе не признают вод. Относительно температуры их – мнения расходятся. Один (д-р Керстенс) говорил: «Лучше всего пить воду холодной, а потому держите ее на окне». Профессор Попов советует: «подогревать до

температуры “тепленькой”». Я мог бы привести еще и много других интересных противоречий, в особенности если бы каждый раз записывал всю ту массу советов, которые я получал от врачей.

1 декабря – суббота.

Приказ по бригаде № 320, п. 3:

«По вступившему представлению разрешаю подпоручику Савонько, числящемуся больным, делать прогулки на открытом воздухе в течение одной недели, т. е. по 8 сего декабря».

За это время у меня два раза был доктор Посадский – главный врач барачной больницы Боткина – наш старый знакомый и доктор. Боли в груди у меня стали несколько меньше, но аппетита у меня по-прежнему нет никакого и общее самочувствие далеко не удовлетворительно. Вот почему я подал рапорт «делать прогулки на воздухе», ибо не надеюсь на свои силы сразу начать ходить на все занятия (от 9 – 4 дня).

За время болезни я пропустил очень много номеров. В самый день заболевания (17 ноября) был большой обед, на котором чествовали вернувшуюся из похода 2-ю гвардейскую скорострельную батарею. 25-го был бал в Михайловской артиллерийской академии и [Михайловском артиллерийском] училище, который я до сего времени никогда не пропускал. 26-го батарейный праздник 2-й батареи, на который я получил приглашение. Пришлось отправить телеграмму (полковнику Дитерихсу):

«Поздравляю Вас, дорогих товарищей и славную батарею с праздником. Владимир Савонько».

Кроме того, на этих днях умер один из наших офицеров – поручик Темир Галий Айтбакин. Он – киргиз, магометанин. Окончил Михайловское артиллерийское училище и вышел в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. Затем окончил очень хорошо Михайловскую артиллерийскую академию и прикомандировался к нашей бригаде в чине штабс-капитана с переводом через год поручиком в гвардию. В начале этого года он женился на дочери генерала Шейх-Али и уехал вместе с ней в Омск (или другое место – не знаю), так как здоровье его не позволяло ему оставаться в Петербурге (у него была чахотка). Несколько недель тому назад он вернулся в СПб. и сразу заболел, стремясь, как только ему будет лучше, ехать за границу на 11 месяцев. Увы! Через несколько дней он умер: туберкулез бросился на мозг. И он, и молодая вдова имели «средства», вполне их обеспечивающие. Темир Дурманович Айтбакин был прелестный господин, хороший товарищ и пользовался симпатиями всех его знавших.

Обилие праздников за время моей болезни – 21, 22, 25 (Михайловское артиллерийское училище), 26 (георгиевский) и роспуск юнкеров Михайловского артиллерийского училища позволил моему двоюродному брату пор-

тупей-юнкеру Михайловского артиллерийского училища Алексею Гришину часто бывать у нас и тем скрашивать мое сиденье дома. Кроме того, у нас две недели гостила Н. С. Астафьева, одна из дочерей моего двоюродного дяди генерала Астафьева. Но ее я видел мало, так как она с утра уезжала с моим папой осматривать достопримечательности СПб. или уходила по делам и знакомым со своею матерью Е. С. Астафьевой, тоже приехавшей сюда из Твери и жившей у своей замужней дочери Е. Балкашиной (с 17 ноября по 1 декабря).

3 декабря – понедельник.

Несмотря на то, что я рапорта о выздоровлении еще не подавал, я пошел на занятия в батарею (я еще не совсем здоров) и занимался с молодыми солдатами от 2 – 4½ часов дня.

6 декабря – четверг.

Батарейный праздник 1-й его высочества батареи. В 8¼ часов утра в канцелярии состоялся молебен. Несмотря на то, что я чувствовал себя очень плохо, я пошел на молебен. На нем присутствовали из бывших служащих: генерал Коленкин, статский советник Шульман, капитан Базаров, капитан Гродский, капитан Гартунг, 2 брата Саблер (бывшие вольноопределяющиеся), царский городской Храпов (бывший боевой фельдфебель батареи) и некоторые др. После молебна в 11 часов в Михайловском манеже высочайший парад, а после него завтрак для нас во дворце. Я же никуда не поехал по болезни и добровольно вернулся домой. К вечеру мне стало лучше, и я поехал в цирк, где две ложи заняли: его высочество герцог Мекленбург-Стрелицкий, генерал Оноприенко, полковник Потоцкий, поручик Баранов (дивизионный адъютант), капитан Фуфаевский, поручик Барон Арпсгофен, поручик Богушевский и подпоручик Курбатов. После цирка мы все поехали к «Донону»¹¹, где в двух шикарных кабинетах состоялся ужин, предложенный полковником Потоцким. К этому времени туда же (к «Донону») собрались: полковник Берников, капитан Гродский, капитан Базаров, статский советник Шульман, г. Семенов, штабс-капитан Кавтарадзе, штабс-капитан Макеев, капитан Гартунг, 2 брата Саблер[ы], подпоручик Фриде, подпоручик Шаняевский (2 батареи), генерал Ляпунов, капитан Леман, поручик фон Энден... В 2 часа ночи все разошлись.

8 декабря – суббота.

От 10 часов утра в большом бригадном манеже командир бригады (генерал Ляпунов) произвел выводку лошадей офицерских и батарейных. Присутствовали все офицеры бригады.

¹¹ Ресторан «Додон» (наб. р. Мойки, 24).

10 декабря – понедельник.

От 10 часов утра в большом бригадном манеже командир бригады (генерал Ляпунов) делал опрос претензий всей бригаде подивизионно. Я на фланге молодых солдат – как заведывающий.

От 2 часов дня командир бригады поверял денежные суммы всей бригады.

Сегодня явился в батарею барон Майдель – тот самый, о котором я писал 1-го января с. г. За это время он пробыл в госпитале и большую часть года в имении. По-видимому, он поправился, хотя ручаться за прочность исцеления, конечно, нельзя.

11 декабря – вторник.

Приказ по бригаде № 336, п. 4:

«Вследствие представленного медицинского свидетельства за № 492 подпоручик Савонько освобождается от верховой езды в течение двух недель, т. е. по 24 сего декабря».

14 декабря – пятница.

Приказание по бригаде № 1154, п. 3:

«Комиссии, назначенной для внесения в мобилизационные планы всех текущих изменений и дополнений, собраться завтра 15 сего декабря в 10 часов утра в офицерское собрание бригады. Справка: приказы по бригаде 1899 г. № 247, п. 3 и 252, п. 3. Комиссия эта состоит в настоящее время из всех делопроизводителей батареи под председательством полковника Берникова. Участвую и я (как делопроизводитель 1 его высочества батареи) в ней.

15 декабря – суббота.

От 10 часов утра до 11½ была мобилизационная комиссия (см. 14 декабря с. г.). Я был.

18 декабря – вторник.

Приказ по бригаде № 337, п. 9:

«Состоящий казенною прислугою при подпоручике 1 батареи Савонько – канонир 2-й батареи Ян Дудко переводится в 1-ю батарею».

Генерал-майор Ляпунов.

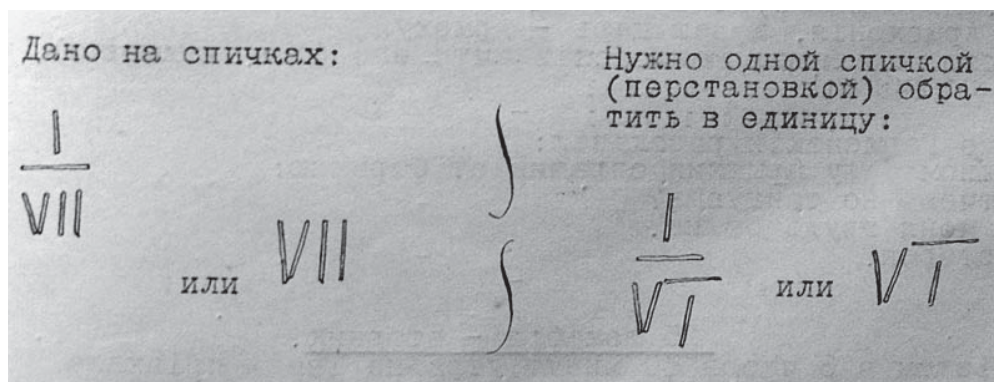
20 декабря – четверг.

На свое дежурство по бригаде я пошел полубольной. Тем не менее, я отдежурил и, сменившись на другой день (15 декабря), вернулся домой. Через несколько часов я лег в постель. Симптомы показывали

Хроника 1901 г.

1901
148

инфлуэнцу. Температура оказалась 38,3. Кроме того у меня сильнейший бронхит, от которого доктор Посадский дал мне микстуру. Я все-таки надеялся поправиться за несколько дней, а потому в понедельник и вторник послал не рапорт, а записки. Действительно инфлуэнца прошла, а бронхит стал легче, но зато опять появились мои старые боли и общее недомогание с потерей аппетита. По вечерам сильное головокружение, заставляющее ложиться в кровать. Чтение утомляет. В среду подал рапорт о болезни.

Сегодня у нас в бригаде инспекторский смотр начальника артиллерии генерал-лейтенанта Уткевича.

Рассказывают, что жена Куропаткина (военного министра) мало воспитана и однажды в обществе начала что-то есть руками. Муж ее останавливает.

— Оставь, пожалуйста, — возразила ему жена. — Я без тебя знаю, что это руками не едят. Это не шпинат (!?).

Ходит такой анекдот:

— Государь увидел сон: 3 коровы, одна толстая, другая тощая и третья слепая. Долго он думал, что это означает, и наконец зовет самого умного человека в государстве — Победоносцева (обер-прокурор святейшего Синода). Тот не знает. Тогда решил обратиться к пророку и позвал отца Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн объяснил: «Толстая корова — это Витте (министр финансов), тощая — Россия и слепая — это вы, ваше величество».

В вагоне от Тифлиса на Баку случайный знакомый г. Гавловский рассказал мне следующее:

– Однажды в Тифлисе был большой обед тамошних крезов – армян. На обеде был представитель русской прессы – г. Величко, которого армяне хотя и не любили, но боялись. После обильных возлияний публика начала шумно обсуждать политические вопросы. Заговорили о разделении России на «составные части», о необходимости ее «побить», и в частности о восстановлении «обширной» и «могущественной» Армении... Наконец Величко не выдержал:

– Господа, – громко начал он. – О чем вы спорите?! Мне известно, что в правительственных сферах уже давно решен вопрос о «самостоятельности Армении». Но только на одном условии...

– На каком, на каком? – закричала публика.

– О! На самом пустяшном: чтобы страна ваша называлась Армехония, а ваш царь – Армехуй.

Говорят, прибавил Гавловский, что его (т. е. Величко) чуть не убили!

Тот же Гавловский рассказал:

На одном балу армянин спрашивает барышню:

– Отчего не танцуешь?

– У меня грудь болит.

– Которая?

25 декабря – вторник.

С поездом в 8 часов 30 минут утра из Твери приехала к нам гостить Анна Семеновна Астафьева (Нана) – гимназистка 14–15 лет – одна из дочерей моего двоюродного дяди генерал-майора Астафьева.

29 декабря – суббота.

К 2-м часам дня я поехал в Зимний дворец для принесения поздравления ее императорскому высочеству великой княгине Ольге Александровне и ее супругу его высочеству герцогу Ольденбургскому. От каждой гвардейской части были назначены все штаб-офицеры и по одному обер-офицеру – старшему в каждом чине. Я – самый старший подпоручик во всей бригаде. Около 4-х часов пришла наша очередь поздравлять.

Высокопоставленные стояли посередине Концертного зала. Около них великие князья: Владимир Александрович и Павел Александрович. Когда я подошел поцеловать у ее высочества руку – она (т. е. рука) была совсем красная от поцелуев. Надо думать, что она даже вспухла.

Герцог всем подавал руку. Великая княгиня и дамы были в русских платьях – с вырезом.

(Справка: приказ по бригаде от 28 декабря, № 347, п. 4.)

ХРОНИКА 1901 г.

31 декабря – понедельник.

Новый год, собственно говоря, не встречал. Был дома: папа, я и моя троюродная сестра Нана Астафьева. Сидели до часу ночи.

1902

Из записной книжки 1902 г.

В. Савонько

1904 г.

ХРОНИКА 1902 г.

1 января – вторник.

К 10½ часам утра был по наряду в Зимнем дворце на высочайшем выходе, который состоялся в двенадцатом часу. Государь шел с императрицей Марией Феодоровной. Императрица Александра Феодоровна с сиамским наследным принцем. Это было довольно комично. Принц – маленький с малоинтеллигентной физиономией. Он был в военной форме с длинным палахом. Государь показался мне немного бледным. Мария Феодоровна начинает делаться сутуловатой, Александра Феодоровна, как всегда, была в красных пятнах. Она старалась приветливо улыбаться и кивала головой. Государь кланялся едва заметными кивками. Обратный выход из церкви состоялся в 1½ часа дня, после чего я поехал делать визиты. Был у:

- 1) М^{те} Потоцкой
- 2) М^{те} Фуфаевской
- 3) М^{те} Вешняковой
- 4) М^{те} Фриде (не принимала – больна)
- 5) М^{те} Дитерихс
- 6) М^{те} баронессы Арпсгофен
- 7) М^{те} Савурской
- 8) М^{те} Стахович.

От 2 до 5 часов дня. У многих, конечно, не был. Буду после. Кому было можно – разослал визитные карточки в конвертах красного креста («Вместо визита – помощь страждущему»). Мороз – более 15 градусов с сильным ветром.

2 января – среда.

Со своего дежурства по бригаде послал домой к гостящей у нас Нане Астафьевой следующее шуточное стихотворение:

Неумолимый долг служебный
Меня на сутки оторвал
От той волшебницы прелестной,
Которую я Наннинной звал!

Но не в разлуке этой горе:
Бог даст, увидимся опять...
И если б только «это» было –
Я б на судьбу не мог пенять!

Но горе в том, что Наннна рада,
Что я ушел на целый день...
И эта мысль мне сердце гложет,
Как гложет червь древесный пень!..

В. Савонько.

7 января – понедельник.

Приказ по бригаде № 7, п. 4:

«Вследствие представленного медицинского свидетельства за № 4, выданного старшим врачом, подпоручик Савонько освобождается от верховой езды в течение 2-х недель, т. е. до 18 сего января».

8 января – вторник.

Дежурный на случай пожара.

10 января – четверг.

Был назначен в числе прочих 8 офицеров нашей бригады нести орден умершего генерал-адъютанта фон Кауфмана. Прибыв к 11½ часам в церковь Козьмы и Дамьяна (Кирочная улица)¹, я узнал от плац-адъютанта, что нужно всего 6, а не 8 офицеров (бригадное наше управление по обыкновению наврало). Благодаря этому я оказался свободным. В церковь собралось много высокопоставленных лиц: почти вся царская фамилия во главе с государем. Замечательно, что государь вошел в церковь тихо, скромно. Гораздо позднее его (на полчаса) приехал великий князь Владимир Александрович. Приезд его произвел в присутствии государя порядочный шум: «Приехал великий князь! Великий князь!» Наконец последним, перед самым почти концом обедни, приехал великий князь Алексей Александрович. По-видимому, государь сильно распустил князей: уж слишком явно нарушается этикет. Дождавшись выноса гроба, я вернулся домой, очень довольный, что отделался от наряда: довольно сильный мороз – более 10 градусов.

11 января – пятница.

От 11½ часов утра командир дивизиона (полковник герцог Мекленбургский) сделал опрос претензий в дивизионе (1-м) в большом бригадном манеже. Я – на фланге молодых солдат (как обучающий).

¹ Церковь святых Косьмы и Дамиана лейб-гвардии Саперного полка, находившаяся по адресу: Кирочная ул., 28. Построена в 1876–1879 гг., закрыта в 1933 г., снесена в начале 1950-х гг.

– Ужели врозь с тобою, Нана
Пройдет весь жизненный мой путь!?
Не может быть! Меня ты любишь...
Ведь дорог я тебе...
«Ничуть!»

– Как-то раз спросил Нанет:
«Если б я был в роли мужа-с,
Плох я был бы, или нет?»
И услышал я в ответ:
«Это было б ужас, ужас!!»

Перед разлукой плачу я,
Хоть это вовсе не разумно..
И горько слышать на вопрос:
Отъезду рада ты?
«Безумно!»

В. Савонько.

ПРИМЕЧАНИЕ: «Ничуть», «ужас-ужас» и «безумно» – любимые, часто повторяемые слова Наны Астафьевой.

12 января – суббота.

Вчера вечером получил предписание от командира бригады (генерала Ляпунова) произвести дознание по делу закройщика Маиевского. В 1 час дня (сегодня) я опросил двух нижних чинов, но дознания кончить не мог, так как сам виновный находится в самовольной отлучке. (Надпись на рапорте подпоручика Матвеева № 132, 11 января 1902 года.)

Вот еще два четверостишия, которые я послал Нане Астафьевой еще в прошлом году в виде ребусов, мной самим сочиненных и нарисованных пером.

1

Вы баловень судьбы: вам боги даровали
«Безумно» много благ – и ум, и красоту...
Уж с детства похвалу как дань вы принимали –
Примите ж и мою – за счастье я почту.

2

Вот ребус снова вам с опаской посылаю,
Готовясь получить обиду я от вас:

Еще бы! Сто часов его я составляю,
А вы, шутя, разгадываете в час!!

В. Савонько.

1902
156

14 января – понедельник.

Дознание, мне порученное, я так и не мог кончить, так как виновный – Маиевский – до сих пор не возвращался из самовольной отлучки. То, что было сделано, я представил при надписи (№ 4) с объяснением причин (см. рапорты).

С 9-часовым вечерним поездом уехала из СПб. в Тверь моя троюродная сестра Нана Астафьева (см. 25 декабря 1901 года). Она прогостила у нас, таким образом, ровно 21 день. Я и папа провожали ее на вокзале.

18 января – пятница.

Сегодня в 11½ часов дня было у нас общее офицерское собрание по делам «распорядительного комитета». Как только оно кончилось, генерал Ляпунов (бывший в соседней комнате) попросил всех гг. офицеров в гостиную. Тут на столе стояла великолепная бронзово-фарфоровая китайская ваза с дивными рисунками цветов. Полковник Мрозовский сказал приблизительно следующее: «Ваше превосходительство, дорогие товарищи! Находясь в долгом и трудном китайском походе, за много тысяч верст отсюда, господа офицеры 2-й скорострельной батареи всегда считали своей заветной мечтой выразить каким-либо существенным образом свое глубокое уважение и память о дорогих товарищах лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. К сожалению, пустынная местность, по которой мы путешествовали, не давала нам возможности выполнить наше желание. Я сожалею о незначительности этого подарка, но он подкрепляется нашими горячими чувствами и т. д. ... В заключение я скажу, что пусть связь наша с бригадой будет продолжаться вечно, во все времена года, как это символически изображено на этой вазе». Генерал Ляпунов от лица всей бригады поблагодарил полковника Мрозовского и всех офицеров и врачей 2-й батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона за дар и выразил уверенность, что «связь, так прочно ныне существующая никогда не исчезнет». Затем он пожал руку полковнику Мрозовскому и всем офицерам и врачам 2-й батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

Тут же стояла и другая китайская ваза, на резном деревянном постаменте китайской работы. Ваза бронзовая (черная) с великолепными украшениями. Эта последняя была подарена Южно-маньчжурским отрядом – 2-й батарее гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, о чем свидетельствует серебряная доска с многочисленными росписями. Она (т. е. ваза) тоже будет стоять в собрании.

19 января – суббота.

МАДРИГАЛ

(Стихотворение В. Савонько)

ПРИМЕЧАНИЕ: Этот «мадригал» отпечатан на машинке и помещен в особоизданном сборнике № 1².

1902
157

21 января – понедельник.

С 12 часов дня дежурный на случай пожара.

23 января – среда.

Только что окончил одно дознание (14 января), как получил сегодня предписание командира бригады (генерала Ляпунова) № 317 – произвести новое дознание и представить его к 27-му января.

Подарив папе крест-жетон в память защиты Севастополя³, я одновременно написал следующее стихотворение белыми стихами, в русском духе:

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ.

Шли бойцы из железа и стали...
А. Апухтин⁴.

Я в кресте этом вижу двоякую цель:
Он напомнит тебе о минувшей войне,
Где сражался ты храбро за Русь!

А кроме того: он покажет тебе,
Что умеет твой сын горячо уважать
Твою честную службу бойца!

И носи ты сей крест на показ всем лю́дям:
Ибо многое есть, чем гордиться должен
Севастополя славный герой!!..

В. Савонько.

² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Л. 16–16 об. Публикуется в настоящем издании.

³ Жетон в память 35-летия обороны Севастополя. Этот крест еще называют «крест крови» или «крест железа и крови».

⁴ Цитата из стихотворения А. Н. Апухтина «Солдатская песня о Севастополе» (1869 г.).

ХРОНИКА 1902 г.

24 января – четверг.

Рассказывал молодым солдатам про события в царствование императора Александра 2 (Севастопольская война, освобождение крестьян, Кавказ, Средняя Азия, судебная реформа, Туркестанская кампания и т. д.). При этом было показано около 74 картин. От 7 – 8 часов вечера.

25 января – пятница.

В 1 час 53 минуты дня в помещении 2 участка Литейной части я опрашивал свидетеля (Григория Крестьянинова) по делу, о котором я произвожу дознание (см. 23 января). Надпись № 6.

26 января – суббота.

В 8 часов вечера был на международной рыбопромышленной выставке⁵.

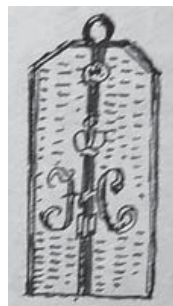
27 января – воскресенье.

Наннине Астафьевой я послал золотой жетон, изображающий подпоручичий погон с царским вензелем (который я ношу), и в письме к ней я между прочим поместил следующее стихотворение:

...Я возлагаю на него (т. е. на погон) большие надежды:

Авось твоих взор чудных глазок
На нем нечаянно блеснет,
И образ мой, хоть и в тумане
Перед тобою вдруг мелькнет...

Невольно имя «Ади» вспомнишь,
Скользнет улыбка у тебя –
И даже, может быть, помянешь
Добром ты изредка меня!

В. Савонько.

28 января – понедельник.

Участвовал в бригадной мобилизационной комиссии (вместо полковника Потоцкого). От 2 – 4½ часов дня. Председатель – полковник Берников.

⁵ Международная рыбопромышленная выставка, устраивавшаяся Императорским российским обществом рыболовства и садоводства, проходила в Санкт-Петербурге, в Михайловском манеже, с 15 января по 24 февраля 1902 г.

29 января – вторник.

Участвовал в мобилизационной бригадной комиссии. От 2 – 3½ часов дня.

30 января – среда.

Рассказывал молодым солдатам о Суворове с 22 туманными картинами. От 7 – 7½ часов вечера.

1902
159

1 февраля – пятница.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4 часов дня.

Увидя почерк мой, вы верно удивитесь...

Я долго не писал...

Апухтин⁶.

Письмо мое – упрек...

Апухтин⁷.

Вот хорошие эпитафии для письма! Ими всегда можно воспользоваться.

4 февраля – понедельник.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4 [часов].

6 февраля – среда.

Состоялся в 5½ часов вечера обычный ежемесячный обед нашей бригады. Из прежде служивших были: статский советник Николай Рудольфович Шульман, Генерального штаба капитан Базаров, генерал-майор Евреинов, капитан Гродский, полковник Булгаков.

7 февраля – четверг.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 3½ часов дня.

Читал молодым солдатам об императоре Александре 3-м. С туманными картинами (17 штук). От 7 – 7½ часов вечера.

⁶ В. С. Савонько здесь перефразирует цитату из стихотворения А. Н. Апухтина «Письмо» (1882 г.): «Увидя почерк мой, вы верно удивитесь: // Я не писала вам давно». См.: Сочинения А. Н. Апухтина: второе посмертное дополненное издание. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1896. С. 74–77.

⁷ Цитата из стихотворения А. Н. Апухтина «Ответ на письмо» (1885 г.). См.: Сочинения А. Н. Апухтина: второе посмертное дополненное издание. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1896. С. 528–529.

ХРОНИКА 1902 г.

9 февраля – суббота.

С 2-х часов дня был дежурным по Клиническому военному госпиталю. (До 2-х часов следующего дня.)

1902
160

11 февраля – понедельник.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 3½ часов дня.

13 февраля – среда.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 3½ часов дня.

Читал молодым солдатам об императоре Александре 1-м с туманными картинами. От 7¼ – 7¾ часов вечера.

15 февраля – пятница.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4¼ часов вечера.

17 февраля – воскресенье.

Был на празднике (170 годовщина) 1 кадетского корпуса. Из высокопоставленных были: великий князь Константин Константинович с семейством, генерал Ганецкий и многие др. Молебен, парад, завтрак. Тосты: за государя и всю царскую фамилию. За бывших августейших кадет (великий князь Михаил Николаевич и Владимир Александрович). Тосты кадеты принимали громовым «ура», не смолкавшим минуты 3 – 5. Наконец тосты: за военного министра (бывший кадет) и самого маленького кадета (10 лет), за самого старого кадета (генерала Савельева). Затем разъезд.

18 февраля – понедельник.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4½ часов дня.

Вчера (17 февраля) был дежурным на случай пожара.

19 февраля – вторник.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 3 часов дня.

20 февраля – среда.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 3½ часов дня.

С поездом в 9 часов вечера по Николаевской железной дороге выехали в город Тверь (я и папа). Я взял неофициальный отпуск.

21 февраля – четверг.

В 10 часов 50 минут утра приехали в город Тверь к моему двоюродному дяде генерал-майору Семену Семеновичу Астафьеву.

24 февраля – воскресенье.

С поездом 8 часов 29 минут вечера выехали из Твери в СПб.

25 февраля – понедельник.

В 8 часов 30 минут утра приехали в СПб.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4 часов дня.

Начало говения 1-й его высочества батареи, а вместе с ней говею и я (1-я неделя Великого поста). Занятий нет.

27 февраля – среда.

Читал в учебной команде о Петре Великом с туманными картинами.

2 марта – суббота.

Конец говения. Причащение у ранней обедни. От 6 – 8 часов утра в Сергиевском всей артиллерии соборе.

(стихотворение)

Посвящается Нане Астафьевой

ПРИМЕЧАНИЕ: Это стихотворение отпечатано на машинке и помещено в особо изданном сборнике № 1⁸.

Из письма к Наде и Леле А*(стафьевым)⁹ с просьбой прислать фотографическую карточку:

На письменном моем столе
Ни роз, ни лилий нет...
И вместо них хочу иметь
Из ваших глаз букет!...

В. Савонько.

4 марта – понедельник.

Получил от командира бригады предписание произвести дознание по делу о канонире Шишкине и Узольнике (4 марта № 801).

5 марта – вторник.

Ездил в 1 час дня в Николаевский военный госпиталь для снятия допроса с канонира Шишкина (см. 4 марта).

⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Л. 31 об.–32. Публикуется в настоящем издании.

⁹ Астериск вписан от руки.

6 марта – среда.

Чтение в батарее о Волге. С туманными картинами. (Вместо меня читал фейерверкер Глазков.)

1902
162

11 марта – понедельник.

Дежурный на случай пожара.

Участвовал в мобилизационной комиссии. От 2 – 4 часов дня.

14 марта – четверг.

Из Сената получена копия с высочайше утвержденного родового герба нашей фамилии.

15 марта – пятница.

В 1 час дня люди 1-й батареи были выстроены в помещении – в мундирах. К ним вышел капитан Леман (прослуживший в батарее около 20 лет и получивший ныне 8 батарею лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады) и с ними прощался. Затем вышли все мы (временно командующий батареей капитан Фуфаевский, капитан Гартунг, штабс-капитан барон Майдель, подпоручик Курбатов и я). Капитан Фуфаевский от лица чинов батареи поднес г. Леману образ с пожеланием успеха в его дальнейшей службе и передал сожаление командира батареи (полковника Потоцкого), что он не может быть по нездоровью. Затем он взял чарку водки и провозгласил здоровье Лемана. Г. Леман благодарил и пил здоровье командира, наше, фельдфебеля и всех нижних чинов. На этом торжество окончилось. Капитан Леман подарил в канцелярию великолепные настенные часы, а фельдфебелю – серебряный кубок.

16 марта – суббота.

В Петербург прибыл мобилизованный Гусарский полк и разбит по разным частям для дневки. 3-й эскадрон поставлен у нас в бригаде и довольствуется сегодня в 1-й его высочества батарее. Прибыв к нам на плац около 3-х часов, они начали располагаться, и затем все господа офицеры были приглашены к нам в собрание на завтрак. Гусары: и. д. эскадронного командира – поручик Яфимович, корнет Тиран, корнет граф Бенигсен и корнет князь Накашидзе. У нас председателем был полковник его высочество герцог Мекленбургский, 1-я батарея вся по наряду (капитан Фуфаевский, поручик барон Арпсгофен, штабс-капитан Барон Майдель, я и подпоручик Курбатов), затем желающие: штабс-капитан Петрушевский (хозяин собрания), поручик Богушевский, подпоручик Шаняевский, штабс-капитан Кавтарадзе, подпоручик Рейнталь, подпоручик Беляев, штабс-капитан Гириш, поручик Явид, подпоручик Мартюшев (дежурные), штабс-капитан Росляков, Баранов, штабс-капитан Погребняков. За завтраком герцог провозгла-

сил тост за процветание лейб-гвардии Гусарского его величества полка и присутствующих ее представителей. Поручик Яфимович – тост за процветание славной гвардейской бригады и наше. В конце завтрака герцог еще раз поднял бокал за 3-й эскадрон. Музыка играла соответствующие марши. Затем перешли в гостиную, и тут началось разливанное море шампанского вплоть до 8 часов вечера, когда я покинул собрание. Тосты, танцы, музыка и проч. без конца. Гусары, что называется, были в лоск уложены. Особенно корнет Тиран. Граф Бенигсен оказался самым крепким и до конца держался на ногах. Из наших особенно был пьян Шанявский и Явид. Герцог также был в больших градусах. Веселие было бесконечное.

17 марта – воскресенье.

Продад собственную свою верховую лошадь – гнедого мерина Ферона – генерал-майору Константину Осиповичу Кургановичу – командиру 1 бригады 24-й пехотной дивизии – за 350 рублей.

18 марта – понедельник.

С 2-х часов дня до 2-х часов следующего дня был дежурным по Клиническому военному госпиталю.

Клянусь, что в жизни никогда
Не подыму заздравный кубок
За это царство «мясников»,
Касторки и клистирных трубок!

22 марта – пятница.

Читал молодым солдатам о Севастополе с туманными картинами. От 8 часов вечера.

От 9 – 12 часов нашу бригаду посетил его императорское высочество великий князь Владимир Александрович (главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа).

25 марта – понедельник.

Дежурный по пожару.

27 марта – среда.

Смотр молодых солдат в 1-м дивизионе. Начали с 3-й батареи. В большом манеже – приемы при орудии, материальная часть, установка трубок и квадрантов. Смотрел командир дивизиона его высочество герцог Мекленбургский. Смотр сильно затянулся. 3-ю батарею смотрели с 9 – 11 часов утра. Затем нашу, 1-ю, несколько скорее. Часа полтора. Я, как заведыва-

ющий молодыми, подавал все необходимые команды. От 2-х часов в гимнастическом зале: пеший строй, словесность, караульная служба и гимнастика. Кроме герцога присутствовал генерал Ляпунов. Наша батарея едва окончила к 5-ти часам. После нас оставалась еще одна (2-я) батарея. Ляпунов, как всегда, делал замечания, зачастую противореча уставам. Герцог держал себя в замечаниях джентльменом и не пропускал похвалить за хорошее исполнение. Ляпунов же хорошего не замечал.

29 марта – пятница.

Сильная головная боль 27 марта к вечеру (к 5-ти часам) 28 марта окончилась сильным пароксизмом лихорадки с температурой около 39–40 градусов. Ввиду официальности этих дней (смотри грамотности молодых солдат, завтра – присяга, в понедельник – смотр офицерской верховой езды) я подал рапорт о болезни. Сегодня – целый день в кровати. Т=35–37,5.

В 6 часов ко мне пришел старший обучающий молодых солдат старший фейерверкер Глазков и от лица молодых солдат поднес мне образ св. Владимира в дубовом футляре. К нему приложен адрес – витиевато написанный (см. мои документы). Я просил Глазкова передать молодым солдатам мою благодарность, обещав, когда выздоровлю, лично их поблагодарить.

30 марта – суббота.

На открытом письме (*carte postale*¹⁰ в декадентском духе), изображающем пару женских ножек и поднятую юбку с целью поднять свалившиеся чулки, я написал следующее четверостишие (экспромт):

ОБЪЯСНЕНИЕ К КАРТИНКЕ:

В аллее пустынной, к несчастью,
У барышни «грех» приключился...
Как жаль, что я тут не случился:
Помочь ей – я счел бы за счастье!!

В. С.

На другом открытом письме, изображающем пару женских ножек купальщицы и пару «ножищ» беньера¹¹, я написал (экспромт):

На ножки чудные глядя,
Я вслух мечтаю (о, химера!..):

¹⁰ Почтовая карточка (фр.).

¹¹ Купальщик (фр. *baigneur*).

«Хотел бы быть, конечно, я
На месте этого baigneur'a!!»

В. С.

1 апреля – понедельник.

Артиллерии капитан Фроловский (математик) на лекции: «Современные взгляды на закон сохранения энергии» употребил между прочим следующую фразу: «...атом – этот любимец науки, у которого на критической таможне ни разу не спрашивали паспорта...» (лекция юнкерам Михайловского артиллерийского училища в посту 1902 года).

Не выхожу из дома благодаря сильному бронхиту.

Экспромт четверостишия для фотографической карточки:

Прими сию картину
На память обо мне,
Вставь в раму иль витрину
И вывесь на стене.

В. Савонько.

3 апреля – среда.

Ежемесячный обед в собрании бригады. На этот раз довольно многолюдный. Из прежде служивших: генерал Евреинов, полковник Булгаков, полковник Андреев (С. М.), Генерального штаба капитаны Тигранов и Базаров, капитан Гродский и др. В начале обеда генерал Ляпунов (командир бригады) встал и предложил выпить за процветание СПб. музыкально-драматического кружка (оно празднует 25-летний юбилей: основалось по инициативе офицера нашей бригады Кармине, и общество, памятуя это, любезно пригласило всю нашу бригаду на все 3-х дневные торжества). Затем генерал прочел телеграмму, которую он посылает сейчас от нашего имени в «кружок», обедающий сегодня в Собрании армии и флота¹². Когда обед кончился, прибыла вдруг депутация от этого кружка благодарить нас за телеграмму. Депутация: генерал Томашевич, капитан Власов, Миронов. Шампанское полилось рекой. Депутация, впрочем, скоро уехала. Большинство после обеда играло в карты (тетка, винт, фрапп, макао). Только Л. Ф. Гартунг, поймав капитана Базарова и Явида, накачивался шампанским. Это было около 12-ти. Я ушел домой.

4 апреля – четверг.

В 3½ часа дня молодые солдаты, которых я обучал (73 человека), были выстроены в своем помещении, имея на фланге фейерверкеро-учителей.

¹² Офицерское собрание армии и флота (Кирочная ул., 1 / Литейный пр., 20).

Я вышел к ним и поздоровался. Затем я поздравил их канонирами и сказал им приблизительно следующее: «Спасибо вам, братцы, за образ. Он мне показал, что вы считаете вашу службу за дело святое. Так оно и есть. Нужно радоваться и благодарить Бога, что он помог вам научиться всему тому, что вам может пригодиться для защиты Царя и родины! Спасибо за вашу службу и старание в течение всей зимы. От себя жалую вам и вашим учителям наградные деньги». Затем я лично вручил старшему обучающему 3 рубля, двум взводным фейерверкерам по 1 рублю, младшим фейерверкерам по 50 копеек. Всем прочим нижним чинам по 25 копеек я приказал раздать фейерверкеру Глазкову. Всего я израсходовал на награду 26 с чем-то рублей.

5 апреля – пятница.

С поездом 12 часов 40 минут выехал вместе с капитаном Рербергом в Старый Петергоф по Балтийской железной дороге. Там в Конно-гренадерском полку мы искали вороных лошадей, которые нам нужны... пока безрезультатно. Назад вернулись к 4 часам 40 минут дня.

9 апреля – вторник.

С поездом в 2 часа дня я выехал с капитаном Рербергом в Старый Петергоф (см. 5 апреля). Не найдя там ничего, я поехал уже один в Стрельну и смотрел там жеребца корнета графа Растопчина (мой товарищ по корпусу). В СПб. вернулся с поездом в 7 часов (из Стрельны) и был в СПб. около 8 часов вечера.

10 апреля – среда.

К открытому письму (древняя богиня – довольно безобразная):

Что за роскошь: плечи, руки,
Глазки, зубки!!! (O! belle femme¹³!!!)
За одну ее улыбку
Я... копеек 20 дам!!

В. Савонько.

11 апреля – четверг.

От 10 часов – стрельба из револьверов всем господам офицерам бригады на Семеновском стрельбище. Я был.

12 апреля – пятница.

По случаю моего отъезда в отпуск являлся между 10 и 12 часами утра – 1) командиру батареи (полковнику Потоцкому), 2) командиру дивизиона

¹³ Красавица (фр.).

(полковнику герцогу Мекленбургскому) и 3) командиру бригады (генералу Ляпунову). Двух первых дома не застал, а генерал принял.

Беседуют двое: русский и поляк. Поляк спрашивает: «Отчего, скажите пожалуйста, мы начинаем уже вырождаться, а вы вот, русские, все размножаетесь и размножаетесь!?» – «Очень просто, – отвечал русский, – вы ведь как ругаетесь? Разрази тебя господь! Уничтожь тебя мать божия! и т. д. Смотришь – один помер, другой помер... А мы? Мы говорим: е... твою м...!!! Смотришь – там родился, здесь родился – вот и прирост населению!» (слышал от Рерберга).

1902
167

Вечером с 9-часовым поездом Николаевской железной дороги я и папа выехали в г. Тверь.

13 апреля – суббота.

В 11 часов утра приехали в город Тверь. Остановились в доме двоюродного дяди генерала Астафьева (Мироносицкий бульвар, дом Карпова). Являлся (2 часа) воинскому начальнику полковнику Григоровичу. Заутреню слушали в приходской церкви Св. Иоанна Столпника.

14 апреля – воскресенье.

Св. Пасха. Делал визиты моим тверским знакомым: 1) семейство Андржеевских (Елена Павловна, Елена Клитовна и Софья Александровна), 2) m^{me} Боссе и 3) m^{me} Н. А. Астафьевой. В числе визитеров к генералу Астафьеву я видел замечательного типа: это некто г. Арёфьев. Его называют тверской Иоанн Кронштадтский. Слава его началась со времен губернаторства г. Ахлестышева¹⁴. Его пригласили помолиться, когда у губернатора заболели дети дифтеритом. Дети выздоровели, и вот... слава! Этому пройдоху приглашают повсюду и считают за счастье быть с ним знакомым. Арёфьев знаком со всею знатью. Хорошо принят у высшего духовенства. Леля Астафьева, служившая на телеграфе, рассказывает, что в день его именин к нему были телеграммы от многих министров, митрополита и массы аристократических фамилий. Сам он – невзрачный субъект, говорун и болтун, сыпавший малопонятные и ерундовые фразы. Выпив несколько рюмок водки, он при этом выпалил длинный и напыщенный тост и закончил его пением «многие лета». Замечательно, конечно, не столько существование такого «типа», как то доверие и поклонение, которое ему оказывают все слои общества, включая сюда на три четверти весьма интеллигентных людей.

¹⁴ Т. е. с 1890 года.

15 апреля – понедельник.

С поездом 1 час 18 минут ночи я выехал из Твери. Папа остался в Твери.

1902
168

16 апреля – вторник.

В 3 часа 45 минут дня приехал в г. СПб. и вечером подал рапорт о прибытии. Таким образом, из 10-дневного отпуска я воспользовался только 3 днями.

17 апреля – среда.

По случаю прибытия из отпуска являлся: 1) командиру батареи (полковник Потоцкий), 2) командиру дивизиона (герцог Мекленбургский) и 3) командиру бригады (генералу Ляпунову). Застал и был принят командиром бригады. (От 10 – 12 часов дня.)

18 апреля – четверг.

Ежегодный экзамен господам офицерам. Из 1-й батареи спросили меня (остальные младшие офицеры подали рапорт о болезни). Комиссия: полковник герцог Мекленбургский, полковник Берников и полковник Афанасьев. От 10 часов утра.

19 апреля – пятница.

Снова поехал за лошадью в Конно-гренадерский полк. Прошлый раз я уже присмотрел лошадь корнета графа Раstopчина и в принципе решил ее купить. Поехал вместе с поручиком Богушевским на бензиновом моторе – работы Фрезе. Вот некоторые данные:

9 часов 55 минут утра – Поехали от подъезда бригады (Литейный, 26)

10 часов 20 минут утра – У Нарвских ворот

10 часов 45 минут утра – У кабачка, где шоссе разветвляется на Лигово и Стрельно

11 часов 10 минут утра – У Сергиевской пустыни

11 часов 18 минут утра – Стрельна. Казармы эскадрона Конно-гренадерского полка (близ вокзала).

Итого все расстояние мы проехали в 1 час 23 минуты. В Стрельне я смотрел лошадь и позавтракал с конно-гренадерами – Булле и графом Раstopчиным. Отсюда мы захватили наших хозяев и, считая шофера, впятером поехали в Старый Петергоф.

2 часа 25 минут дня – Стрельна

2 часа 50 минут дня – Старый Петергоф. Офицерское собрание Конно-гренадерского полка.

Обратно мы совершили путь так:

Старый Петергоф	–	7 часов вечера
Стрельна	–	7 часов 30 минут вечера
Нарвские ворота	–	8 часов 23 минуты вечера
СПб. (казармы)	–	8 часов 50 минут вечера,

причем в Петербурге мы еще проехали по набережной. Дорога вполне хорошая. Только изредка – грязь.

Встречные лошади (крестьянские и ломовые) очень боятся и шарахаются в сторону. В Стрельне после полуторачасовой остановки мотор за-капризничал, и аккумулятор не давал вспышки. После получасовой с ним возни он пошел сперва очень тихо, а потом разошелся и (как я заметил) шел 24 версты в час. Иногда он шел и еще быстрее, но я не думаю, чтобы более 27 верст в час.

1902
169

20 апреля – суббота.

На общем офицерском собрании большинством 28 голосов (из 40) я выбран хозяином офицерского собрания. Комитет распорядительный состоит из следующих лиц:

полковник Фурман (командир 2 стрелковой батареи)
штабс-капитан Альтфатер (2 батареи)
капитан Демидов (1 стрелковой батареи)
капитан Росляков (6 батареи).

22 апреля – понедельник.

Первая репетиция майского парада на Марсовом поле. Смотрел начальник артиллерии (генерал Уткевич). От 12 – 2 часов дня. Я в конном строю 1-й его высочества батареи.

23 апреля – вторник.

По случаю дня тезоименитства императрицы Александры Феодоровны ездил по наряду в Исаакиевский собор на торжественное богослужение. 12 часов дня.

24 апреля – среда.

Дождик, свежо (+2° P¹⁵). Начальник артиллерии (генерал Уткевич) отменил свою репетицию парада, но наш дивизион под командой полковника герцога Мекленбургского поехал на Марсово поле (невылазная грязь) и прошелся четыре раза церемониальным маршем. Я – в конном строю. От 12 – 1 дня.

¹⁵ 2° P (Реомюра) = 1° C.

25 апреля – четверг.

Парад отменен и отложен до завтра. +4° Р¹⁶. Сыро.

В 1 час дня поехал верхом с 4 орудиями, 2 зарядными ящиками и 2 повозками на Балтийский вокзал для загрузки их на 2 платформы и один вагон. Нагрузили скоро и хорошо. Зато накладные выправлялись около 2-х часов. Вернулся обратно домой в начале 6-го вечером.

26 апреля – пятница.

От 1 – 2½ [часов] дня в помещении дежурного офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады производил дознание по делу о музыканте Агееве, Баландине и Леонове, оскорбивших подпрапорщика.

27 апреля – суббота.

Выход в лагерь. Ровно в 8 часов утра вся бригада с гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом была построена в конном строю на площади Спасо-Преображения. В присутствии командира бригады был молебен. Затем под музыку выстроились в колонну поорудийно, начиная с 1-й батареи. Начался длинный, скучный поход. Свежо, мы в пальто. Близ Лигово большой привал и завтрак, заранее приготовленный хозяином собрания Петрушевским. За Лиговом повстречался нам очень интересный субъект в оборванном костюме (тип босяка). Поравнявшись со мной, он снял картуз и проговорил: «Г-н подпоручик! Помогите... Максиму Горькому!.. Живая иллюстрация в лицах!!» В лагерь вступили в 3½ часа дня. Масса снегу. Садик у барачных 1-й батареи приходится откапывать и разбрасывать снег на дорогу. На шоссе – снег и грязь. Сыро, холодно... Людей разместили по швальням, сараям, конюшням и т. д. В палатках жить невыносимо! Я шел походом, в конном строю во 2-м взводе 1-й батареи на лошади штабс-капитана барона Майделя. В лагере поместился в своей старой комнате в бараке 2-й батареи, где жил уже три лета. С поездом 8 часов 51 минута вернулся в СПб., так как завтра воскресенье.

28 апреля – воскресенье.

Заплатил корнету графу Растопчину (Конно-гренадерского полка) 600 рублей за купленную мною у него лошадь – вороной мерин. 6 лет, завода генерала Остроградского. Зовут: Бедуин. Таким образом я фактически сделался владельцем этой лошади (род. 1896).

29 апреля – понедельник.

Лагерь. В 7 часов утра, в качестве начальника транспорта, выступил из Красного Села с лошадьми и повозками всей бригады на деревню Пори-Пи-

¹⁶ 4° Р (Реомюра) = 5° С.

ко¹⁷ (артиллерийский склад). Прибыл в 7¼ часов утра. Обрато выступил с зарядными ящиками и нагруженными подводами (21 ящик + 12 подвод) в 9½ часов утра и прибыл в «лабораторию бригады» к 10 часам утра, где сдал весь транспорт поручику барону Арпсгофен[у]. Холод... Руки и ноги коченеют. Грязь на дороге по ступицу.

Начало занятий в лагере. (Ученье в парке и отъезды и подъезды.)

Привели из Стрельны купленную мной лошадь Бедуина. В 1 час дня.

30 апреля – вторник.

1-я стрельба отдельных батарей. Позиция близ лабораторного лесу. От 9 часов утра. Я в строю 1-й батареи, во 2-м взводе. Снег с дождем. Холод... На военном поле грязь, снег и вода.

1 мая – среда.

Хорошая погода. Солнце. Ветер. Снег понемногу тает.

6 мая – понедельник.

Дежурный по бригаде офицер (я). От 9 часов утра. В качестве такового присутствовал (solo) на молебне в среднем эшелоне бригады при собрании всех нижних чинов. От 10 часов утра.

7 мая – вторник.

На военном поле временно командующий дивизионом (полковник Дитерихс) сделал 1-му дивизиону репетицию завтрашнего парада. От 10 – 11 часов утра.

8 мая – среда.

Высочайший парад на военном поле в лагерной форме в присутствии г. президента французской республики Эмиля Лубэ. Я – в конном строю: во 2-м взводе 1-й его высочества батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Лубэ объезжал войска в коляске с императрицами и великой княгиней Елизаветой Федоровной. Государь – верхом. Музыка играла «Марсельезу». Погода солнечная, но ветер свежий и сильный.

13 мая – понедельник.

Получил в батарее заведывание наводчиками и выбор новых наводчиков.

17 мая – пятница.

Я пристреливался на боевой позиции у деревни Арапокози по 4-орудийной батарее с укрытыми передками. Дано было 16 гранат и 16 шрапнелей.

¹⁷ Пори-Пико (фин. Poroja, Pikko) – деревня в Царскосельском уезде Петербургской губ.

Хроника 1902 г.

19 мая – воскресенье.

С 5 часов дня вступил на дежурство по бригаде вместо подпоручика Шанявского, который экстренно по телеграмме уехал в Петербург. См. рапорты от 19 мая.

21 мая – вторник.

Дежурный по бригаде.

24 мая – пятница.

Из письма к Наде Астафьевой на карточке, изображающей Максима Горького:

Клянусь я Горьким, Сладким, Кислым,
Что вами я всегда горжусь!...
И если клятв вам этих мало –
Еще соленым я клянусь!!!!

В. Савонько

27 мая – понедельник.

В 10 часов утра 6½ градусов по Р¹⁸. И так весь май!!!!

29 мая – среда.

Обычная ежегодноустройстваемая сладка в присутствии начальника артиллерии Гвардейского корпуса. Я на ней не был, так как взял до первого июня (на 5 дней) увольнение от езды (у меня боли в почках).

1 июня – суббота.

Герцог Альбрехт Шверинский при посещении своем Кавказа был очень доволен виденными там войсками. После смотров он обратился к присутствующим с речью на немецком языке, в которой заявил, что «солдаты такие молодцы, что лично себя он считает niedriger als der letzte Gemeine!»¹⁹ Князь Витгенштейн взялся перевести войскам эту речь и, плохо зная русский язык, выразился так: «Герцог так доволен, что считает себя ниже любого прохвоста!» (лышал от герцога Мекленбург-Стрелицкого).

2 июня – воскресенье.

Троица. Праздник измайловцев. Обычный парад в присутствии царя, царицы и великих князей. Мы тоже присутствовали с 10½ часов утра до отъезда государя. (1 час дня.)

¹⁸ 6,5° Р (Реомюра) = 8° С.

¹⁹ Ниже последнего рядового (нем.).

4 июня – вторник.

Дежурный по лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде.

6 июня – четверг.

Я – в наряде в охранительной цепи. Правая сторона поля. От позиции на Кавелахтских высотах до смычки у с. Высоцкого (верст 8). 24 поста. Выехал в 10 часов утра. Вернулся домой в 10 часов вечера. Стрельба 23 и 24 артиллерийских бригад.

1902
173

7 июня – пятница.

Вывеска в Красном Селе по дороге на военное поле:
ПРОДАЖА СИТНОВАЪ

12 июня – среда.

От 11 часов утра была поверка командиром дивизиона (полковником герцогом Мекленбургским) знаний канониров младшего срока службы. От 4-х часов дня состязание наводчиков в дивизионе (по трубе Грум-Гржимайло²⁰). Обе команды (как заведывающий) представлял я.

14 июня – пятница.

На стрельбе дивизионом (2-й дивизион) присутствовал командир Гвардейского корпуса великий князь Павел Александрович.

20 июня – четверг.

Дежурный по лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде.

22 июня – четверг.

Заведывал тылом на стрельбе 2-го дивизиона. От 7 – 8 часов утра.

Приказ по бригаде № 173, п. 8: «В изменение п. 10 приказа по бригаде с. г. за № 166 вместо штабс-капитана барона Майделя предписываю командировать 28 сего июня для участия в занятиях на Усть-Ижорском полигоне подпоручика Савонько, которому во всем остальном руководствоваться изложенным в п. 10 вышеназванного приказа».

Генерал-майор Ляпунов.

Командировка эта неприятна тем, что в июне наш дивизион был бы свободен от занятий, а тут я буду занят до конца августа. Кроме того, я не буду иметь возможность ознакомиться и принять собрание (как хозяин собрания) в начале августа. Мое назначение вызвано тем, что в бригаде аб-

²⁰ Прибор с контрольной зрительной трубой для наводки орудия системы М.Е. Грум-Гржимайло.

солютно нет другого офицера, которого можно было бы назначить вместо меня. Во многих батареях осталось всего по два офицера.

27 июня – четверг.

Состязательная стрельба артиллерии в присутствии великого князя Михаила Николаевича, Павла Александровича и других. Погода облачная, очень выгодная для наводки. У нас в бригаде призы взяли: 2, 3 и 4 батареи. Из них 2 и 4 – фельдцехмейстерские (радиус равен 9 дм). 1-я его высочества батарея сделала радиус 15 дм (наводчик Тупотилов), но приза не получила. Я на этой стрельбе командовал группой из 4-х орудий (5 и 6 батарей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и 1 и 2 батарей лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады) и исполнял все обязанности, связанные с этим назначением (отметка пробного выстрела и т. п.). От 9 – 12 часов дня. После состязания у нас в эшелоне (1-м) полилось шампанское рекой – ...до 12 часов ночи.

Приказ по бригаде от 25 июня 1902 года за № 176, п. 3: «В изменение п. 10 приказа по бригаде 15 сего июня за № 166 и от 22 сего июня за № 173 п. 8, предписываю для участия в занятиях на Усть-Ижорском полигоне подпоручику Савонько с нижними чинами отправиться не 28 июня, а 3 будущего июля, руководствуясь п. 10 приказа по бригаде от 15 июня за № 166».

1 июля – понедельник.

От 6 часов дня объезд лагеря государем императором с королем итальянским Виктором Эммануилом. Императрицы в коляске. Собравшаяся тучка разразилась адским дождем, промочившим всех насквозь. Под дождем началась и «заря с церемонией», явка вахмистров и фельдфебелей шефских частей. Во время концертного отделения дождь перестал, и самая заря прошла благополучно. Итальянский король выглядит очень невзрачным и по росту ниже нашего императора на полголовы. Кроме него был еще великий герцог Ольденбургский в русской форме (Фридрих-Август с супругой Елизаветой). Я был.

2 июля – вторник.

Парад у Царского валика на военном поле высочайший в честь итальянского короля Виктора Эммануила. Погода очень хорошая. Адская пыль совершенно окутала палатку Царского валика. Когда потянулась артиллерия, то я не видел не только государя, но и всю свиту за сплошной пыльной стеной! Бедный царь только отворачивался и тер глаза кулаком. Я – в строю (2 взводе) 1-й его высочества батареи. От 9 – 2 часов дня.

3 июля – среда.

В 9 часов утра являлся командиру дивизиона его высочеству герцогу Мекленбургскому по случаю моего отъезда в командировку на Усть-Ижорский полигон (дома не застал, герцог на стрельбе). Командир бригады и командующий батареей разрешили не являться. В 9¼ часов в среднем эшелоне я осматривал 18 человек нижних чинов, назначенных в командировку вместе со мной. С поездом 10 часов 50 минут я и нижние чины выехали из Красного Села на СПб. Из СПб. на пароходе (Шлиссельбургская пристань у Воскресенской набережной) в 6 часов вечера. В 8 часов вечера в Ижорском лагере. Начальник полигона капитан Александр объявил, что можно ехать назад, так как число нижних чинов прислано более, чем нужно.

4 июля – четверг.

Выехал из лагеря Ижорского с пароходом в 8½ часов утра («Павел») и приехал в СПб. в 10½ часов утра. Из СПб. выехал с поездом в 2 часа 30 минут и в 4 часа 15 минут вместе с нижними чинами был в Красном Селе. Итак, вся командировка (к счастью) оказалась «пуфом» с одним неприятным переездом до Ижоры и обратно.

ПРИМЕЧАНИЕ: Рассказ «КОМАНДИРОВКА В ИЖОРУ» отпечатан на машинке и помещен в особо изданном сборнике № 1. (24 страницы)²¹.

5 июля – пятница.

Являлся в лагере временно командующему 1-й батареей (капитану Фуфаевскому), командиру дивизиона его высочеству полковнику герцогу Мекленбургскому и командиру бригады (генералу Ляпунову) по случаю моего неожиданного возвращения из Ижор. Всех троих застал дома. От 10 – 10½ часов утра.

От 6 часов вечера объезд лагеря главнокомандующим великим князем Владимиром Александровичем. В 8 часов я был в Красносельском театре (императорском).

13 июля – суббота.

Состязательная езда ездовых. Присутствовали: великий князь Владимир Александрович, великий князь Павел Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великая княжна Елена Владимировна. От 9 – 12 часов дня. У нас в бригаде корпусный приз взяла 4 батарея, бригадный – 2 батарея. Наша 1-я батарея свалила только 2 кола, но приза не получила (4 и 2

²¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Л. 4–15 об. Публикуется в настоящем издании.

батарей свалили по 1 колу). Я был на этом состязании назначен стоять на участке № 10 для счета упавших кольев и прочих замечаний.

22 июля – понедельник.

У Мичуриной (артистки Императорских театров) спросили как-то: «Что находится под рубашкой каждой женщины?» Артистка сконфузилась... Вопросающий объяснил: «Три пьесы Зудермана: 1) честь, 2) родина и 3) счастье в уголке». На это Варламов (артист Императорских театров) прибавил: «Вы забыли еще – комедия Островского: Доходное место!»

Слышал от полковника Масалитинова.

26 июля – пятница.

Вчера вечером я уехал из лагеря в СПб., где в 6½ часов утра на площади Спасо-Преображения принял ездовых с 24 лошадьми (по 3 от батарей бригады) и отвел их в лейб-гвардии Финляндский полк (на Васильевском острове), где их и сдал вместе с аттестатами подполковнику Андрееву.

30 июля – вторник.

Весь день с утра прошел в адских хлопотах. Завтра выступать на маневры. Против ожидания почти все батареи идут врозь (вместо того чтобы идти подивизионно). Мы большей частью идем одни с Преображенским полком. Нужно спешно организовать свое продовольствие. Это взял на себя я. Вместо повара (на 2 дня) взят бомбардир Поляков (1-й его высочества батареи), который весь китайский поход готовил полковнику Мрозовскому.

31 июля – среда.

Маневры (общий подвижной сбор).

Ровно в 2 часа выступили из лагеря в составе 2-х батарей – 1-й его высочества и 2-й под общей командой полковника герцога Мекленбургского. Дождь как из ведра. Грязь на шоссе изрядная. По дороге обогнали Преображенский полк. В 1-й роте шел пешком государь наследник. С шоссе свернули потом на грунтовую дорогу, ведущую на село: Большое Кузьмино. На этой дороге уже грязь по ступицу. Людей (прислугу) пришлось спешить. На бивак (Большое Кузьмино) прибыли в 5 часов. Дождь перестал. Под ногами сыро и болотисто. Разбили офицерские палатки. Поляков сносно сделал котлеты с пюре и салат. Все остались довольны. Были вина, фрукты, чай и кофе. В 9 часов пошли в Преображенский полк, где начальник нашего отряда полковник Комаров сообщил диспозиции на сегодня и завтра. Объяснения давал его начальник штаба лейб-гвардии Конного полка штабс-ротмистр Булгарин. Завтра выступать ровно в 7 часов.

1 августа – четверг.

Выступили в 7 часов утра. Начальники сообщены вчера. Отряд: лейб-гвардии Преображенский полк, 1 и 2 батареи нашей бригады и сотня лейб-гвардии Казачьего его величества полка. Сперва шли очаровательным парком Царского Села, затем по Гатчинскому шоссе, но вскоре свернули на грунтовую дорогу, а там и совсем без дорог. Бой разыгрался у Царской Славянки. Разбор делал великий князь Павел Александрович (9¼ часов утра). У Царской Славянки отдыхали до часу. Публика везде скопится ради государя наследника. Жандармы и полиция начеку. Тем не менее одному старику удалось подать прошение наследнику. Тот принял. В 1 час выступили кружной, но хорошей дорогой через Павловск, Федоровский посад и т. д. Бивак был назначен у деревни Черной Речки, но там оказалось такое болото и грязь, что мы остановились биваком у деревни Райколово. С этой минуты мы вступаем под начальство его высочества полковника герцога Мекленбургского. На бивак мы пришли в 4½ – 5 часов, и т. о. сегодняшний поход нужно считать от 30 до 40 верст. В достаточной мере все утомились.

2 августа – пятница.

Уже ночью полил страшный дождь. Палатка трепетала от ветру. Пол был весь залит водой, образовав лужи. Часть моей простыни и одеяла были мокры. В 6 встали, в 7 были совершенно готовы. Начальник отряда его высочество герцог Мекленбургский здоровался с людьми. Так как мы должны были оборонять переправу (р. Ижора), то, дожидаясь донесений, выжидали на биваке. В 9 часов двинулись, и у деревни Корделево произошел бой с громадным успехом на нашей стороне. К 10 часам уже был отбой. В 11 мы вернулись на старый бивак и дожидались (пока люди пообедали) до 1 часу дня. Уже тотчас после отбоя пошел довольно сильный дождик, который вскоре перешел в такой ливень, что я буквально такого не запомню. Сильный ветер и холод (чисто октябрьская погода!!!) дополняли наше ужасное положение. Этот поток (иначе нельзя назвать как потоком) продолжался непрерывно до 4-х часов дня. Ни одной нитки не осталось сухой на мне, несмотря на мою непромокаемую накидку. Сапоги были полны водой. Кроме того, мы с ног до головы были обрызганы липкою грязью. Солдаты дрожали как в лихорадке. Грязь на дорогах такая, что колеса уходили по ступицу. Лошади проваливались по колено. Амуниция порвалась. Подковы слетели. Одно копыто оборвалось совсем. Прислуга на орудиях представляла сплошной комок грязи. Все бы ничего, если бы не было так холодно. На пути на новый бивак 2 орудия моего взвода застряли. В 4м орудии упала лошадь, за нею еще 2! Мой Бедуин едва не завяз в болоте. Наконец пришли на бивак (около 4-х часов) в деревне Ладога. Тут уже стояли семеновцы, 2 и 6 батареи бригады. Сплошное болото. Дождь продолжает лить. Зубы стучат от холода. Людям отводят сараи. Герцог вышибает семеновскую роту из сарая

(семеновцы заняли этот сарай неправильно, так как им было отведено другое помещение), и мы (все офицеры) занимаем ее для себя. Поставив в него палатки, получается очень сносное, а главное теплое помещение. Я переодеваюсь во все чистое и сухое. Китель и все белье можно выжимать. Еще бы! Мы были под проливным дождем верных 5 часов. Появляется стол, самовар, коньяк, old whisky²², портвейн и т. п. Начинается блаженство. В 8 часов нам подал обед повар Александр (наш собранский повар, путешествующий с 3-й батареей). Обед состоял из 4-х блюд с обильной закуской. В 10½ часов была получена диспозиция на завтрашний день, назначающая между прочим выступление в 6 часов утра. Я еще с утра получил поручение командира дивизиона и батареи – ехать квартирьером в Царское Село и во что бы то ни стало добыть помещение для батареи в какой-нибудь части.

3 августа – суббота.

Встал около 5 часов утра и в 5¾ в сопровождении фейерверкера Пелихова выехал верхом на Царское Село. В 8 с чем-то я был уже у казарм лейб-гвардии Кирасирского его величества полка. Единственным офицером, оставшимся здесь с нестроевой командой, оказался корнет барон Вольф. Я заставил провести себя к нему в квартиру, где денщику его пришлось разбудить. Извинившись за беспокойство и мой грязный походный вид, я объяснил, в чем дело. Сперва барон наотрез отказал, ссылаясь на недостаток помещений, но потом в конце концов отвел нашей бригаде помещения и конюшни лейб-эскадрона, а офицерам 2 комнаты (помещение канцелярии и комната командира полка). Затем я не знал, что с собой делать почти до 5-ти часов вечера (точно, когда батарея придет, я, конечно, не знал). Около 3-х пришел обоз, а около 5-ти батарея. Вечером в 6 часов обедал в Северной гостинице²³ (Некрасов, Базилевский, Курбатов и я). Небольшой дождь.

4 августа – воскресенье.

Дневка. Красное Село. Встал поздно. В 2½ часа перед дворцом репетиция парада с Преображенским полком. Командует парадом свиты его величества генерал Озеров. После парада в пятом часу я и барон Майдель обедали на даче генеральши Базилевской (мать нашего офицера). Затем ездили на велосипедах с m^{lle} Апрелевой (Н. А.) и вечером пили чай по-английски у m^{me} Базилевской. Небольшой, короткий дождь.

5 августа – понедельник.

Дневка. Царское Село. От 9 часов утра репетиция парада на дворцовой площади. Около 5-ти часов в Царском Селе сосредоточились все 6 батареи

²² Старый виски (англ.). Верное написание: whisky.

²³ «Северная гостиница» – гостиница в Царском Селе (Оранжевая ул., 9–11).

нашей бригады, и нас снова потащили на репетицию. Присутствовали: генерал Евреинов, генерал Озеров, полковник Берников и др.

6 августа – вторник.

Праздник лейб-гвардии Преображенского полка и всей гвардейской артиллерии. Ровно в 11 государь прибыл на дворцовую площадь с великим герцогом Мекленбург-Шверинским. Парад в кителях. Молебен и после него прохождение церемониальным маршем 2 раза. Проходили очень хорошо. После явки фельдфебелей вдруг объявили, что царь едет в Гусарский манеж²⁴ (где обедают солдаты-преображенцы) и будет пить чарку. Немедленно все туда поскакали. Фуфаевский, барон Майдель и я быстро организовали пробную порцию со жбаном (Потоцкого) и чаркой (Фуфаевского). Манеж заполнился офицерами и нижними чинами. Царь подошел к преображенцам и сказал: «Пью за процветание славного лейб-гвардии Преображенского полка, лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и тех частей, что празднуют сегодня свой праздник. Ура!» Генерал Озеров провозгласил здравицу царя и императриц. Затем государь направился вдоль манежа и заметил наш пробный стол. Он подошел и сказал Берникову: «Я ужепил здоровье ваше», – и затем начал расспрашивать о маневрах. Потом попробовал наши щи и сладкую кашу и изволил хвалить и благодарить фельдфебеля (Бекадорова). Затем, еще немного поговорив, отбыл из манежа. Нам подали придворные линейки, и мы помчались в большой Царскосельский дворец. В Петровском зале состоялся завтрак. Царский стол в виде буквы «П» у стены и нам на круглых столах в той же зале. Во время завтрака играл преображенский и наш оркестр (см. меню и программу). В конце царь провозгласил тост одинаковый, как и в манеже. Музыка заиграла соответствующие марши (преображенский и наш). Затем все перешли в соседние залы. Здесь с нами и преображенцами очень долго и милостиво беседовал государь и императрица Мария Феодоровна (Александра Феодоровна беременна). Напоследок государь сказал нам – артиллеристам: «Еще раз очень благодарю за славный парад! Желаю вам sprysnut' этот день, ну а переведенным (в гвардейскую артиллерию) в особенности!» (За парад царь благодарил и в манеже.) Завтрак был в 1 час, а разъезд из дворца в 3.

Вечером в 8½ часов офицеры батареи Михаила Павловича были приглашены к обеду преображенцев. Был также приглашен и командующий бригадой полковник Берников и его высочество герцог Мекленбургский. Но оба отказались: первый ссылаясь на дела, второй – на траур. Из наших офицеров отказался быть по нездоровью штабс-капитан барон Майдель (у него была история с капитаном-преображенцем Гольдгоером, и ему быть

²⁴ Манеж Гусарского его императорского величества полка в Царском Селе (Гусарская ул., 4).

было бы неудобно). Таким образом, были только: командующий батареей капитан Фуфаевский, я и подпоручик Курбатов. Обед состоялся в манеже Гусарского полка в дивном колоссальном шатре, подаренном полку великим князем Сергеем Александровичем, вывезенном им из Каира. В числе приглашенных были: великий князь Владимир Александрович, Павел Александрович, генерал-адъютант Фредерихс, принц Ольденбургский. За обедом генерал Озеров провозгласил за драгоценное здоровье державного шефа, затем императриц, наследника, Владимира и Павла Александровичей. Владимир Александрович пил здоровье лейб-гвардии Преображенского полка. После обеда появился русский хор девиц (из «Крестовского сада»²⁵), который начал Преображенским маршем, а затем непрерывно пел все модные романсы, песни и проч. Были сольные номера. Офицеры заняли места против хора и в центре их великие князья. Владимир Александрович шутил, острил и заигрывал с хористками. Шампанское в изобилии наливалось из колоссальной братины в виде корабля (дар какого-то великого князя). Некоторые хористки протанцевали канкан. Пропели «Чарочку»: Владимиру Александровичу, Павлу Александровичу, наследнику и королевичу Николаю Георгиевичу (жениху Елены Владимировны). Затем великий князь Владимир Александрович вскоре уехал. Великий князь Павел Александрович оставался еще очень долго, продолжая накачиваться шампанским. Мы – артиллеристы – сидели втроем, рядом. Вдруг наследник срывается со своего места и с бокалом в руке подходит к нам:

– Ваше здоровье, господа!

Затем, обращаясь ко мне, он говорит:

– А мы ведь с вами были вместе в училище. Представьте себе, я только сию секунду вас узнал. Вы так сильно за это время изменились. И эта борода... Вы уже три года на службе?

– Никак нет, ваше высочество, 4 года. Я в декабре поручик...

Затем наследник еще немного поговорил о маневрах и возвратился на свое место. Генерал Озеров велел хору пропеть нам: «Солдат-солдат 1-й батареи! Солдат-бомбардир». Вскоре после того мы незаметно ушли домой. Было приблизительно час ночи. Веселие продолжалось, как говорят, до рассвета. Погода солнечная, чудная.

7 августа – среда.

Встали в 5 часов утра, а ровно в 6 двинулись в поход. Бой разыгрался очень скоро в нескольких верстах от Царского в деревне Перелесино. После него мы двинулись к новому биваку в деревню Поречье (Пориц). Не доезжая до него уже дождик начал накрапывать и скоро перешел в ливень.

²⁵ «Крестовский сад» – увеселительное заведение на Крестовском острове.

Мы расположились «квартирно» по избам (около 12 часов). Наша изба оказалась довольно чистой, но страшно натопленной. Я лег спать. Проснулся я около 5-ти часов с адской головною болью, ломотою по всех членах и в лихорадке. К вечеру жар усилился и был не менее 40... Я попросил г. Фуфаевского послать за доктором Преображенского полка. Чтобы приехать ко мне (несколько шагов), мы наняли ему тележку. Тем не менее он явился только к 12 часам. С наглым видом он прежде всего спросил:

- А что же ваш доктор?
- У нас нет с собой врача, мы входим в состав полка.
- Странно! А фельдшер есть?
- Фельдшера нет...
- Удивительно!.. Как же об этом не позаботился ваш командир?
- Тут командир ни при чем... Это штаб округа нас разделил побатарейно.

И т. д.

Бессовестный эскулап (примечание 1904 г., г. Бранденбург), чувствуя, что в нем нуждаются, не пожелал меня ни осмотреть, ни даже о чем-либо расспросить. Прoceдив сквозь зубы несколько вопросов, он замолчал. Фуфаевскому удалось вытянуть от него несколько односложных, ничего не значащих ответов, и затем он уехал, раздраженный, невежливый, не принеся ровно никакой пользы. Вот вам образчик главного типа наших военных врачей.

8 августа – четверг.

Промучившись всю ночь в страшном жару, я окончательно проснулся от того шума, который кругом меня поднялся в 4 часа ночи. Все собирались уже в поход. Голова трещала. Жар был сильный. Вскоре изба опустела. Я остался один с оставленным при мне бомбардиром Поляковым. Последний нанял мне извозчика, и я в 6 часов поехал в Павловск. На вокзале я ждал около часу поезда и в 9 уже был в Петербурге. Приехав домой, я тотчас же лег в кровать. Вечером термометр показывал у меня 38,7.

9 августа – пятница.

Утром T=37,4. Сильная боль в пояснице.

«Aufgebrachten civilisten mit Kanonen machen noch nicht Soldaten aus»²⁶

Лев Гартунг про буров.

10 августа – суббота.

Температура нормальная. Маленькое недомогание. С кровати встал.

²⁶ Разгневанные штатские с оружием – еще не солдаты (нем.).

13 августа – вторник.

Подал рапорт о принятии офицерского собрания от штабс-капитана Петрушевского. Этим я фактически вступаю в отправление обязанностей хозяина офицерского собрания лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

17 августа – суббота.

Праздник лейб-гвардии Егерского полка. В Красном Селе в высочайшем присутствии. Так как наша бригада осталась до 1-го сентября в лагерях, то нам (всем офицерам) приказано было присутствовать на этом параде. Поехал накануне в лагерь из СПб. и вернулся на другой день (18-го) утром обратно в СПб. Все мои дела (как хозяина собрания) здесь, в СПб., а потому я большей частью и живу здесь.

20 августа – вторник.

В 4½ часа дня офицеры гвардии (старшие в каждом чине: в том числе и я, как старший в бригаде подпоручик) собрались во дворце великого князя Владимира Александровича для поздравления новобрачных: великую княгиню Елену Владимировну и королевича Николая Греческого. В 5 часов пришла наша очередь. Мы сперва целовали руку Елены Владимировны (она была в русском открытом платье) и затем жали руку королевичу, который был в русской форме (Невского полка) и в перчатках (достаточно грязных) на обе руки. Елена Владимировна выглядела утомленной, хотя от этого не менее интересной. Она слегка пожимала руку.

26 августа – понедельник.

В 12 часов дня и до 2-х был свидетелем по делу канонира Денисенко (1-й его высочества батареи), взломавшего 3 замка. Моя обязанность заключалась в присутствовании на осмотре места преступления военным следователем. Кроме того мне было поручено снять план помещения 1-й его высочества батареи.

31 августа – суббота.

Последовало открытие нашего офицерского собрания бригады. Я, как хозяин этого собрания, почти целый день был в собрании.

17 сентября – ?²⁷

«По вступившему представлению в должность делопроизводителя 1 батареи, вместо подпоручика Савонько, с 15 сего сентября утверждается мною подпоручик Курбатов...» Приказ по бригаде от 16 сентября 1902 года

²⁷ Так в рукописи. 17 сентября 1902 г. – вторник.

№ 249, п. 3. (Так как я хозяин собрания, то по инструкции освобождаюсь от всех занятий и нарядов, кроме дежурств по бригаде.)

1 октября – ?²⁸

Приказ по бригаде № 264, п. 6:

«В состав депутации для участия в Шлиссельбургских торжествах вместо штабс-капитана барона Майделя назначается подпоручик Савонько...»

Генерал-майор Ляпунов.

11 октября исполняется ровно 200 лет со дня взятия Нотебурга (Шлиссельбурга) Петром со своими войсками (в том числе и нашей бомбардирской ротой). (См. мой очерк-памятку.)

5 октября – суббота.

В 7½ часов вечера в помещении 1-й его высочества батареи я сделал сообщение нижним чинам по поводу исполняющегося 11 октября двухсот-летнего (200) юбилея взятия Шлиссельбурга (Нотебурга) Петром Великим. При этом было показано несколько туманных картин, относящихся к этому событию, и штук 30 картин, вообще касающихся царствования Петра Великого. Чтение мое посетили: командир батареи полковник Потоцкий, капитан Гартунг, штабс-капитан барон Майдель 1, подпоручики Курбатов, Ушаков и Наркович. См. сообщение-памятку.

7 октября – понедельник.

От 9½ часов утра опрос претензий командиром бригады в большом манеже, начиная с 1-го дивизиона. Я – на левом фланге 1-й его высочества батареи.

«[Русский] инвалид» 8 октября. К 200-ЛЕТИЮ ВЗЯТИЯ НОТЕБУРГА (Шлиссельбурга). Для присутствования на юбилейных торжествах взятия Нотебурга (ныне Шлиссельбург) 11 сего октября, от лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков и лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, как принимавших непосредственное участие в штурме крепости Нотебурга, командируются депутации в следующем составе:

лейб-гвардии ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА: полковник Гонецкий, капитан Гольдгоер 1-й, штабс-капитан Сабуров и 16 фельдфебелей и унтер-офицеров.

От лейб-гвардии СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА: генерал-майор Лангоф, капитан Карцов, штабс-капитан фон Сиверс 1-й и 16 фельдфебелей.

²⁸ Так в рукописи. 1 октября 1902 г. – вторник.

От лейб-гвардии 1-й БАТАРЕИ 1-й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ: полковник Потоцкий, капитан Гартунг, подпоручик Савонько и один фельд-фебель.

То же самое было и в «Петербургской газете».

Сегодня в первый раз состоялись обычные «офицерские занятия», но не днем, а вечером от 7 – 9 часов. Это новинка, которая большинству офицеров не нравится как «посягательство» на вечернюю свободу офицера. Чтобы скрасить эти занятия, я (в качестве хозяина собрания) обратился с просьбой к герцогу Мекленбургскому похлопотать у командира бригады о разрешении призвать вечером музыку в собрание. Командир изъявил не только согласие, но и удовольствие по этому поводу. Кроме того я устроил общий вечерний чай, в котором приняли участие 25 человек и случайно зашедшие: полковники Булгаков и Пузырев. Вечером (попозже) пришло еще много офицеров. Устроилось три столика карточной игры. Музыка играла с 8½ – 11 часов вечера. Общий чай обошелся каждому участнику в 36 копеек. До 4-х часов ночи шло оживление. Многие остались ужинать. Я уехал из собрания в 11½ часов.

8 октября – вторник.

От 2 часов дня выводка офицерских лошадей на бригадном плацу, на которой и я присутствовал. Смотрел командир бригады.

9 октября – среда.

КОМАНДИРОВКА В ШЛИССЕЛЬБУРГ НА 200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ГОРОДА.

10 октября – четверг.

ТО ЖЕ

11 октября – пятница.

ТО ЖЕ

Анекдоты:

(Л. Ф. Гартунг).

Заяц, спасаясь от преследований, попал в лисью нору и, страшно перепугавшись, прижался в угол... Осмотревшись, он заметил, что в норе, кроме маленьких лисенят, никого нет, но, не доверяя своим глазам, он робко и дрожа всем телом спрашивает: «А мама дома?» – «Мамы нет». Заяц приободрился. «А что, скоро вернется ваша мама?» – «Нет, она пошла нам за едой и вернется часа через два». У зайца совсем отлегло от сердца. Он расправил свои уши и громко проговорил: «Жаль, жаль! Так вы передайте вашей маме, что заяц ее е... приезжал!»

Беседуют два приятеля.

– Так и ты был в маскараде?

– Был.

– И в костюме?

– Да, и представь себе, у меня был прекрасный, идейный костюм. Я изображал лимбургский сыр!

– Как же так?

– Очень просто! Оделся в трико, обклеил себя оловянной бумагой, ходил по зале и вонял!..

(А. А. Ильин).

«Enfant terrible!»²⁹.

Папаша обсуждает, что бы такое подарить гувернеру маленького Коли на именины...

– Папа, подари ему голсок.

– Глупенький, зачем же мы ему подарим горшок?!

– Потому что он каждый день в маму пишет.

(Н. Н. Ляпунов).

Кухарка вылила помой за окно и по неосторожности попала на голову городского. Последний громко выругался:

– Сто хуев тебе в рот!

– Объедение!!!!...

ПРИМЕЧАНИЕ: Описание командировки в Шлиссельбург на 200-летний юбилей города под заглавием: «ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ ТОРЖЕСТВА» отпечатан на машинке и помещен в особо изданном сборнике № 1. (37 страниц)³⁰

Приложения.

(9 – 12 октября).

В Шлиссельбурге в «Новостях» прочел, что здесь в Петербурге служили по Петре I панихиду. В числе присутствующих (было написано) был и августейший командир 1 дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (герцог Мекленбургский). На это семеновец Карцов заметил:

– У нас тоже командир августейший.

– Как так?

– Август Федорович (Лангоф).

²⁹ Несносный ребенок (фр.).

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Лл. 33 об.–51 об. Публикуется в настоящем издании..

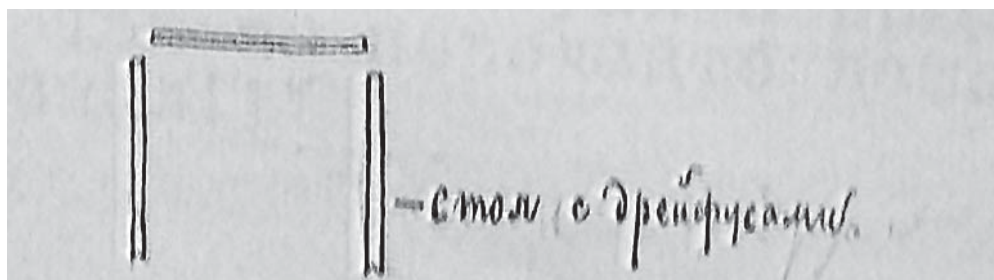
ПРИМЕЧАНИЕ: многочисленные группы, снятые в Шлиссельбурге, были выставлены фотографом Буллой на Невском. Кроме того, отпечатки их появились в «Ниве», «Живописном обозрении», «Биржевых ведомостях» и пр.

Ведь какая, в сущности, маленькая река Нева – а сколько на ней выпить можно!

(Л. Гартунг – после поездки на пароходе «Ижора» в Шлиссельбург).

15 октября – вторник.

Инспекторский смотр начальника артиллерии генерал-лейтенанта Уткевича. Опрос претензий в большом манеже 1-го дивизиона продолжался не более 10 минут, и я поспешил в собрание, где должен был состояться мой первый дебют как хозяина собрания: готовился общий так называемый смотровой завтрак (см. меню). Во время этого завтрака произошло событие, достойное внимания. В этом году к нам в бригаду вышли 3 офицера (нашей бригады), окончившие академию Михайловскую артиллерийскую и получившие штабс-капитанский чин. Таким образом они значительно перегнали своих товарищей по строю, долженствующих сидеть в поручичем чине 4 года. Они, как говорится, «оседлали» своих товарищей. Выход их в бригаду состоялся против желания многих офицеров (впрочем, у них есть

и сочувствующие им), и ясно, что присутствие этих т. н. «дрейфусов»³¹ не совсем приятно. И вот когда на правом столе сели эти три офицера: Гобято, Огоновский и Перрет – большинство молодежи во главе с капитанами Пономаревским-Свидерским 1 и Росляковым вышли из-за стола и ушли в столовую, где я им тотчас же приказал сервировать особый стол. Число ушедших доходило до 19-ти. Демонстрация эта произвела серьезное впечатление на начальство и всех присутствующих. Генерал Ляпунов подозвал меня к себе и спросил, кто и почему они ушли из-за стола. Я объяснил причину, на что он ответил: «Я так и предполагал».

³¹ Как видно из дневника В. С. Савонько, имя Альфреда Дрейфуса уже в 1902 г. стало нарицательным. Возможно, оно было синонимом слова «предатель» или «провокаатор».

Ляпунов не сочувствует этим офицерам и этой демонстрации, по-видимому, обрадовался как предлогу чтобы «их» выставить из бригады, как возбуждающих вражду и раздор. Впрочем, с другой стороны, если бы вообще Ляпунов не был «шляпой», то вряд ли три офицера могли вернуться в бригаду против «его» желания, многих офицеров (даже большинства) и при несочувствии самого начальника артиллерии и даже Михаила Николаевича. Но такова уж судьба артиллерии, в которой нет ни достаточной дисциплины, ни порядка в проведении законов и традиций в жизнь. Дело обстоит так: после преобразований во всех академиях трехгодичного курса в двухгодичный с дополнительным классом – закон объяснил эту меру следующим образом: 2 курса предназначаются для поднятия уровня образования в военной среде выпускном из академий после окончания двух курсов обратно в строй. Третий же курс предназначается исключительно для занятия технических артиллерийских должностей. И вот на практике исполняется это так: все без исключения кончают три курса и, окончив его, 90% возвращаются в строй с чином, обгоняя своих товарищей (строевых) на десяток лет. А заводы остаются без офицеров, и правительство нанимает частных технологов, платя им по 3–4 тысячи в год. Строй же получает офицеров, которые в своей академии не приобрели ни на йоту больше знаний, необходимых для строевого офицера (я говорю про Артиллерийскую академию), а напротив, отставших от строя и в особенности практической стрельбы на целых 3 года. Вместе с тем профанируется серьезный 3-годичный курс артиллерийского училища, вполне достаточный по своему объему для вполне сведущего, образованного артиллериста.

После обеда генерал Ляпунов просил всех гг. офицеров остаться в собрании. Когда начальник артиллерии ушел, мы все собрались в зале, и генерал сказал нам следующее: «Господа! Я хочу в вашем присутствии отметить поступок подпоручика Тарновского... Подпоручик Тарновский!.. и подпоручика Шанявского. Подпоручик Тарновский позволил себе переодеться в сюртук, когда все начальство и все господа офицеры находятся в мундире. Подпоручику Шанявскому разрешил командир батареи, а вот относительно вас я должен сказать, что ваше нетактичное поведение уже не раз обращало внимание начальства, и они приносили мне на вас жалобу. Я вам сознаюсь теперь, что я с болью в сердце подписал представление о вашем переводе в гвардейскую артиллерию. У нас в бригаде служат только безукоризненные гг. офицеры, какими я считаю всех без исключения, а вы далеко таковым не являетесь. Подпоручик Тарновский! Я вас предупреждаю, что еще один нетактичный поступок с вашей стороны, и я войду с представлением об исключении вас из гвардейской артиллерии».

Затем генерал обратил внимание, что многие в строю носят очень высокие крахмальные воротнички, и просил, чтобы на будущее время этого не было...

17 октября – четверг.

В 10 часов утра молебен в большом манеже при собрании всех господ офицеров и нижних чинов по случаю годовщины чудесного события.

После молебна я услышал о тех мерах, какие принял «суд общества офицеров» для удаления штабс-капитанов Огоновского, Перрета и Гобято. Об этом я поговорю еще в следующий раз.

21 октября – понедельник.

Был по наряду в Исаакиевском соборе по случаю дня восшествия на престол Николая 2-го. От 11 – 1 часу дня.

28 октября – понедельник.

По примеру прошлого разу устроен был вечером после занятий нашего дивизиона вечерний чай с музыкой.

29 октября – вторник.

Состоялось первое заседание комиссии (от 7½ – 10 часов вечера) для пересмотра и издания положения об офицерском собрании лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В этой комиссии участвую и я.

3 ноября – воскресенье.

1-й раз в жизни я – крестный отец. Крестил дочку (Ольгу) моей двоюродной сестры Ольги Павловны Севрюгиной. Обряд в квартире сотника Севрюгина (угол Гороховой и Садовой). Моя кума – Анна Павловна Афонасьева (моя двоюродная сестра). От 2½ часов дня.

22 ноября – пятница.

По наряду в Исаакиевском соборе по случаю дня рождения и именин наследника. От 11 часов дня до 1½.

26 ноября – вторник.

В 10½ часов утра в большом бригадном манеже молебен по случаю исполнившегося 50-летия назначения великого князя Михаила Николаевича фельдцейхмейстером артиллерии. Присутствовали все офицеры бригады во главе с командиром генерал-майором Ляпуновым. После молебна Ляпунов сказал нижним чинам краткую речь, в которой прояснил значение этого дня. Нижних чинов увели, и Ляпунов попросил всех нас подойти ближе...

Ляпунов: «Штабс-капитан Огоновский! (Огоновский вышел на середину.) На своем дежурстве по бригаде вы позволили себе подать мне рапорт совершенно неосновательный и необдуманый! Согласно п. 1 моих правил, приложенных к инструкции дежурного офицера, писаря имеют право спать

ночью, сняв мундир и сапоги... Неисправности в карцерах вызваны теми исправлениями, которые предприняты мною для приведения их в тот вид, который требуется уставом внутренней службы. Не вашего ума дело рассуждать и указывать мне на эти неисправности. В виду совершения вами уже вторичного преступления... э... э... проступка – я напому вам и ваш первый проступок... вы были дежурный во время общего завтрака с начальником артиллерии. Начальник артиллерии не пожелал принять вашего рапорта. Я понимаю, почему он этого не желал: он не хотел беспокоить наше общество за столом. Во власти начальника принять или не принять рапорт. И несмотря на это вы назойливо подошли к нему с рапортом и заставили начальника его выслушать, а также и рапорт поручика Беляева... За совокупность этих двух проступков я вам объявляю строгий выговор и советую на будущее время строго обдумывать, пока вы соберетесь что-либо мне писать в рапортах... Это все... Можете идти...

...Затем, господа, я приехал сегодня на молебен точка в точку... Некоторые офицеры подъезжали вместе со мной. Это непорядок. Я уже неоднократно об этом говорил. Неужели мне придется накладывать взыскания! Я бы этого не желал... Прошу господ офицеров обратить на это внимание!..

...Потом, гг. командиры батарей, я был крайне удивлен, что сегодня в строю не было ни одного офицера. Об этом не было отдано в приказе, но это само собой ясно! Это нарушает наш общий порядок... Такой день... Следовало бы, чтобы офицеры были во фронте... Я был крайне удивлен, не увидев сегодня никого во фронте...

В 12½ часов дня молебен в столовой 2-й батарее по случаю батареинного праздника. Я тоже получил на него приглашение. Из прежде служивших были:

- 1) генерал Сиверс (бывший командир)
 - 2) генерал отставной Евреинов
 - 3) полковник Булгаков (командующий 2 резервной бригадой)
 - 4) полковник Потоцкий
 - 5) – Долгов
 - 6) – Масалитинов
 - 7) – Фурман
 - 8) – Бартенев
 - 9) капитан Рерберг
 - 10) – Росляков
 - 11) штабс-капитан Колубакин
 - 12) – Куприянов
 - 13) – Дитерихс
- и др.

И командир дивизиона полковник герцог Мекленбургский. После молебна начались тосты: 1) за государя и великих князей, 2) за графа Ми-

лютина (офицера батареи – ныне фельдмаршала), 3) за командира, 4) герцога, 5) офицеров, 6) славную 2 батарею и нижних чинов, 7) ветеранов и 8) фельдфебеля Тимошенко. Затем перешли в канцелярию, где был накрыт роскошный завтрак. Играла наша музыка и хор балалаечников. Тосты за присутствующих были довольно многочисленны. Полковник Долгов в конце произнес следующее:

«Господа, я хочу сказать на следующую тему. Лично меня судьба во все время службы постоянно связывала с Николаем Николаевичем Дитерихсом и, вероятно, более, чем кого-либо из вас... Николай Николаевич поступил в 24 бригаду, и я поступил в 24 бригаду, вместе пошли в турецкий поход. Затем Николай Николаевич перешел в 1 бригаду, и я перевелся в 1 бригаду. Оба получили батареи в Варшаве. Через год Николаю Николаевичу удалось вернуться в родную часть, и я вслед за ним вернулся сюда же. Но не только это связывает нас старинной дружбой... Но и редкие душевные качества Николая Николаевича, его незлобливость, добродушие, его поистине рыцарские начала, которыми он всегда руководится. За здоровье полковника Дитерихса! Ура!» Тост был принят восторженно... Во время игры балалаечников полковник Дитерихс напомнил присутствующим, что эти балалайки куплены на средства полковника графа Баранцова – сына бывшего шефа батареи, а потому выпили за его здоровье. Присутствующие потребовали – послать ему телеграмму. Вечером большинство из нас решили быть in cogro в цирке.

В 8 часов были в цирке: 5 барьерных лож. 1) я, 2) Альтфатер, 3) Савурской, 4) Росляков, 5) Масалитинов, 6) Евреинов, 7) Базилевский, 8) Плющевский, 9) Бартенев, 10) Дитерихс, 11) Долгов, 12) Илькевич, 13) Булгаков, 14) Потоцкий, 15) герцог Мекленбургский, 16) Окерман, 17) Шталь, 18) Погребняков.

Цирк вообще не интересен. Единственный № достоин внимания – это укротительница львов m-ss Клэр Элиот. Очень хорошенькая, в декольтэ, она улыбочкой обращается со своими зверями, которые – то на нее рычат, то лижут ей руку... После цирка разошлись по домам.

27 ноября – среда.

Панихида в большом манеже бригады по павшим в бою в 1877–78 гг. нашей бригады – по случаю юбилея войны (28 ноября – день падения Плевны). Присутствовали все офицеры и все нижние чины.

Вечером в 8 часов состоялась в собрании бригады 1-я лекция капитана гвардейской артиллерии Беляева о своей заграничной командировке. Лекция очень интересна, так как близко затрагивает современную французскую полевую артиллерию с технической и тактической стороны. В антракте всем офицерам был предложен чай с сандвичами и печеньем от собра-

ния. Кроме нас были: генерал-лейтенант Иванов и генерал-майор Синицын (начальник Офицерской артиллерийской школы). Около 11-ти лекция кончилась, и лектор демонстрировал массу фотографий и чертежей.

28 ноября – четверг.

25-летие падения Плевны. Празднование юбилея войны по приказанию царя. У нас в 9½ часов торжественный молебен в большом бригадном манеже. Перед молебном генерал Ляпунов прочел приказ царя и поздравил нижних чинов с сим торжественным днем. Ура. Музыка играла гимн. После молебна нижние чины во взводных колоннах проходили церемониальным маршем мимо командира батареи.

В 11 часов торжественное молебствие в Сергиевском всей артиллерии соборе по тому же случаю. Присутствовала вся наша бригада и гвардейская Конная. Были: великий князь Михаил Николаевич, Сергей Михайлович и Андрей Владимирович и начальство (генералы Альтфатер и Уткевич). Из нижних чинов присутствовали по 10 рядов от батареи. После молебна батареи прошли мимо фельдцехмейстера церемониальным маршем по Литейной улице.

В 7 часов вечера, согласно приказу по бригаде, я прочел в большом манеже бригады при собрании всех нижних чинов о войне 1877–78 гг. и участии в ней нашей бригады. При этом – чтение богато было иллюстрировано туманными картинами, показанными дважды. На чтении моем присутствовали по одному офицеру от каждой батареи и дежурный офицер.

29 ноября – пятница.

В 8 часов вечера началась лекция капитана Беляева (вторая) в нашем собрании. Кроме тех, кто был 27-го, пришел еще генерал Уткевич. Спустя полчаса Беляев заявил, что он просит 5 минут отдыха, а там и совсем отказался читать, заявив, что очень утомился... Видно, что он себя не щадит. Лекция оборвалась.

30 ноября – суббота.

(Стихотворение)

ПРИМЕЧАНИЕ: Отпечатано на машинке и помещено в особо изданном сборнике № 1³².

2 декабря – понедельник.

Сегодня состоялось редкое в летописях бригады долгое «общее собрание». Оно длилось от 11 до 3 часов. На нем обсуждался вопрос о новых правилах офицерского собрания, и когда коснулись годового обеда, то тут-то и воз-

³² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Лл. 32 об.–33. Публикуется в настоящем издании.

никли пререкания. Полковники (кроме Дитерихса) и одна часть обер-офицеров желали фиксировать этот день навсегда и ни в каком случае годового обеда не отменять. Другая часть (преимущественно молодежь) хотели оставить в своих руках (в руках общего собрания) право отменять обед. Причина тому ясная: в этом году мы не хотели устраивать обед из-за трех штабс-капитанов, вернувшихся с чином в бригаду. Споры, споры – без конца. За обед говорили: Потоцкий, Масалитинов, Гартунг, Кавтарадзе, Петрушевский, Демидов и др. Против (т. е. относительно) Дитерихс, Пономаревский-Свидерский 1, Явид, Алымов, Богушевский, Илькевич, я и многие др. Я доказывал, что нельзя считать, что 9 ноября есть какой-то бригадный праздник. В этот день мы ни молебнов не служим, ни телеграмм не получаем, нет парада и даже не отменяются занятия. Какой же это «полковой» праздник!? Нет поэтому основания считать обед как постоянное учреждение, а следует его ежегодно баллотировать общим собранием. Впрочем, вопрос о баллотировке не прошел, но тут Алымов заявил, что нужно обед считать денежным вычетом, а потому решение требует 2/3 голосов. Его поддерживал Матюшкин. Масалитинов очень глупо заявил, что тогда и покупку стула следует баллотировать, на что я заявил, что это сравнение не годится, так как стул приобретается на средства собрания, а обед будет разложен на офицеров и непосредственно отразится на их кармане. Еще ранее Масалитинов очень неудачно и резко заявил, что обед нужно навсегда закрепить (и его цену), чтобы не было таких «фокусов», как прошлый раз... Стыдно Масалитинову не знать, что фокус заключался в протесте, весьма понятном в среде господ офицеров. Вопрос о цене за обед как постоянной величине, не прошел, и этим самым обед как бы опять провалился, так как стоит только назначить на него 1 рубль (смешную, ничтожную цену), как было в этом году, и его (т. е. обед) фактически устроить невозможно. На это Гартунг заявил, что это не беда... Определят обед в рубль – и в рубль устроить!.. Поднялся хохот, на который Гартунг заявил:

– Я не для смеха говорю, г-н полковник, – и повторил, что берется устроить годовой обед в рубль (sic!! вероятно, в греческой кухмистерской). Много и еще говорили разной разности, и в конце концов вопрос так и остался нерешенным, т. е. нужно определить генералу – есть ли это денежный вычет, на решение которого следует две трети голосов офицеров. Прочие вопросы прошли довольно гладко, если не считать вопроса о врачах, где многие – в том числе Гартунг – неясно понимали закон о врачах как временных членах офицерского собрания. Забыл еще сказать, что несколько раз пытался говорить Майдель, но именно «пытался»: выходило нескладно, глупо, пошло...

4 декабря – среда.

Ехали однажды мои знакомые на извозчике – самом обыкновенном извозчике в г. СПбурге. Возница начал жаловаться, что пришли худые

времена. Дамы на это возразили, что, Бог даст, дела поправятся. Государь заботится о крестьянах и принимает ряд мер...

– Эх-ма! (извозчик махнул рукой). Это «соска»-то наш!.. Что он сделать может!...

Дамы так и остоленели, и им пришлось переспросить, чтобы убедиться, что «соска» в устах мужика – относилось действительно к нашему царю...

6 декабря – пятница.

Произведен за выслугу лет в поручики со старшинством 8 августа.

Праздник 1-й его императорского высочества великого князя Михаила Павловича батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Еще вчера я принял горячее участие в придании праздничного и нарядного вида канцелярии и казармам. Наш обычный высочайший парад в манеже не мог, конечно, быть за отсутствием царя – и вот мы празднуем его «по-домашнему». Из собрания я дал в батарею 2 петровских пушки, которые поставили по бокам пробного стола. Затем статую Петра Великого в канцелярию и громадный портрет Петра, взятый мною напрокат от г-жи Потаповой (ателье на Невском). Кроме того, вся канцелярия была уставлена живыми цветами и пальмами. Масса флагов и драпировок дополняли убранство. Ровно в 1¼ [часа] начался молебен. Присутствовали весь наличный состав батареи и бывшие служащие: генерал от артиллерии Свиньин, генерал Коленкин, статский советник Шульман, коллежский советник Семенов, капитан Гродский и многие др. Пришел и командир бригады генерал Ляпунов. Оба герцога отсутствовали, так как должны были быть в Гатчине на поздравлении императрицы (вдовствующей). По этой причине не было и начальника артиллерии, не было генерала Оноприенко и др. После молебна накрыли столы в той же канцелярии и закусочный стол в классной. Все подошли к пробному столу, и генерал Свиньин провозгласил тост за державного шефа бригады. Генерал Ляпунов провозгласил тост за императриц и наследника. Полковник Потоцкий – временно командующий батареей до сдачи ее полковнику Леховичу – провозгласил целый ряд тостов, в которых не забыл никого, за кого можно выпить.

Богатейший завтрак был предложен Потоцким и также сопровождался целым рядом тостов. Очень хорошо сказал Лехович, отметив заслуги Потоцкого, прослужившего в бригаде 25 лет! Недурно «пустил слезу» и Потоцкий, пивший за «вечную» славу бригады. Пили за участников Турецкой кампании, за гостей, офицеров, фельдфебеля и нижних чинов. На прощанье с батареей Потоцкий принес в дар чудную чарку к ранее подаренному им же жбану. Чара эта имеет прямое отношение к только что совершившемуся торжеству 200-летия взятия Шлиссельбурга. После завтрака (см. чудное меню-карточки), окончившегося около 4-х, большинство поехали, в том

числе и я (на моторе), к Ляпунову с поздравлением по случаю дня его именин. Затем к т^{ме} Потоцкой как жене командира, которой мы, между прочим, поднесли сегодня великолепную корзину цветов.

В 11 часов вечера в ресторане «Донон» (Мойка) мы чествовали большим ужином уходящего от нас командира батареи полковника Потоцкого. Собрались: генерал Оноприенко, генерал Коленкин, его высочество герцог Мекленбургский, полковник Берников, действительный статский советник Шульман, г. Семенов, капитан Гродский, капитан Гартунг, капитан Фуфавевский, штабс-капитан барон Майдель, штабс-капитан Макеев, поручик Богушевский, барон Арпсгофен, фон Энден, Баранов, штабс-капитан Кавтарадзе, подпоручики Ушаков, Курбатов, Наркович и др.

Ужин прошел оживленно. Были тосты генерала Оноприенко, Леховича и герцога. Все три за Потоцкого. После ужина перешли в соседнюю залу. Заиграли на рояле. Шампанское продолжало обильно литься. Сам виновник события – Потоцкий – в конце концов оказался совершенно пьяным. Говорил много, откровенно, о турецкой войне, обо всем... В четвертом часу мы разъехались.

8 декабря – воскресенье.

По случаю производства в поручики – являлся командующему батареей полковнику Потоцкому, командиру дивизиона герцогу Мекленбургскому и командиру бригады генералу Ляпунову. Последнего застал дома, и он меня принял и любезно меня поздравлял. От 10¼ часов до 11½ часов утра.

9 декабря – понедельник.

На основании новых правил, выработанных нашей комиссией для собрания (в этой комиссии участвовал и я), смена должностных должна производиться с 1-го января, и вот сегодня состоялись в общем собрании офицеров новые выборы на 1903 год. Между прочим хозяином собрания избран снова я большинством 48 голосов.

10 декабря – вторник.

В 10 часов утра состоялась официальная сдача батареи великого князя Михаила Павловича полковником Потоцким и прием ее полковником Леховичем. Форма – парадная. Офицеры в строю. Гартунг и я на левом фланге. Потоцкий сделал опрос претензий нижним чинам и нам и затем, вызвав нас из строя, прочел замечательно талантливо написанный им приказ, в котором он упоминает о своем «счастье» прослужить в батарее 12 лет и прокомандовать ею 1 год 8 месяцев. Далее он указал на особое, исключительное положение батареи как преемницы петровских бомбардиров и напомнил о ряде 200-летних знаменательных юбилеев, которые были и еще предстоят (Нарва,

Шлиссельбург, основание Петербурга, Лесной, Полтава и др.) и в которых первенствующее место занимает наша бомбардирская рота. Этот прочувствованный приказ заканчивается словами царя из последней его телеграммы («Я уверен, что вы будете достойными преемниками ваших доблестных предков») (приблизительно). Пожелав затем всего хорошего людям, Потоцкий провозгласил «ура» в честь батареи Михаила Павловича, подхваченное всеми нижними чинами. Обратившись к нам – офицерам, Потоцкий благодарил за нашу службу и любовь к батарее и с каждым из нас расцеловался. Поцеловал он и фельдфебеля. После этого мы удалились, и нижние чины во главе с Бекадоровым (фельдфебель) поднесли Потоцкому икону Спасителя...

Настало время приема батареи Леховичем...

– Слушай, на кра-ул!

Лехович поздоровался и сейчас же, не обходя фронт, велел Фуфаевскому вызвать офицеров и фейерверкеров из строя – для опроса претензий. Когда мы снова вернулись в общее помещение, Лехович обратился к нижним чинам с речью:

– Ребята! Высочайшим приказом от ? ноября³³ я назначен вашим командиром. Я требую, чтобы вы отнеслись к вашей службе со всем старанием и усердием. Вы служите теперь так мало, что только при самом полном старании можно выучить в короткий срок все то, чему вас учат...

– Из проступков больше всего преследую воровство и ложь. Не дай Боже случится воровство – под суд без разговоров. За ложь буду наказывать вдвое. Сознаешься – полбеда. Не люблю пьянства. В пьяном виде человек делает то, чего никогда бы не сделал тверезый. За проступки в пьяном виде буду наказывать со всею строгостью...

Фейерверкеры! Помните, как строго наказывает закон за рукоприкладство. Не исполнил чего твой подчиненный – доложи фельдфебелю, тот скажет мне, а я уж так взыщу, что он на всю жизнь потеряет охоту послушаться... Рукоприкладством ничего не достигнешь: только себя подведешь. Кто же доведет своего начальника до того, что он ударит тебя, – я взыщу со всею строгостью и всю его службу не забуду ему, что он подвел своего товарища начальника...

Хозяйственные чины батареи! Каптенармусы, артельщик, фуражир! Ваш ближайший начальник – фельдфебель. Ни одной копейки не смей расходовать без разрешения фельдфебеля. Нужно ли купить чего – доложи фельдфебелю. Прикажет если заведывающий хозяйством – исполни и затем доложи фельдфебелю. Он должен обо всем знать. Иначе нельзя...

Фельдфебель! Я знаю твое усердие и любовь к службе. Надеюсь, что ты скоро познакомишься со всеми моими требованиями. Главное – ничего

³³ Так в рукописи. В.А. Лехович был назначен командиром 1 батареи Лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады высочайшим приказом от 14 ноября 1902 г.

не скрывать. Всегда обо всем мне докладывать: что бы ни случилось – хорошее или худое. Я должен все знать, первым и именно от тебя. Все команды на учения должны собираться вовремя, непременно при старшем со списком, подписанным заведывающим обучением. Старший должен повести команду и при входе офицера доложить, кого нет...

Ребята! На улице вести себя прилично. Всегда быть одетым по форме и правильно отдавать честь. Помни, что по тому, как ты себя ведешь на улице, судят не о тебе, а о всей части. А вы еще имеете счастье носить вензеля государя императора, и если вас кто встретит не по форме одетым – будут говорить: 1-я батарея не по форме одевается, 1-я батарея плохо отдает честь... (В частных делах нижних чинов Лехович обещал полное содействие во всех их нуждах и интересах.)

Я надеюсь, ребята, что вы постараетесь поддержать честь батареи его высочества и чтобы она действительно была во всех отношениях 1-ой батареей!!»

Затем он пригласил нас в классную комнату, где сказал: «Господа, я надеюсь, что вы поможете мне в деле командования и сродниться с вашей средою. Вне службы не будет ни начальника, ни подчиненных, а будут только старшие и младшие товарищи, как и во всякой семье. Младшие офицеры! Все, что вам нужно, – обращайтесь к старшим офицерам. Они вас научат и расскажут... Во всякой батарее есть свой порядок и свои традиции, которых вы пока еще не знаете... А главное, господа, что бы ни случилось – не дай бог худое – откровенно все сообщайте, и пусть это остается между нами и не будет выноситься из стен!...»

Меня и Гартунга затем отпустили как не находящихся в строю батареи, а прочие офицеры встали во главе своих команд для представления их командиру.

11 декабря – среда.

От 8 часов вечера в собрании состоялась 3я лекция капитана Беляева. В перерыве был чай. После лекции (11 часов вечера) офицеры 1-й батареи во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским собрались в гостиной. Здесь герцог, держа в руках золотой жетон батареи, сказал Потоцкому краткую речь и от лица всех поднес Потоцкому полковничий жетон (в виде нагрудного знака). Все выпили по бокалу шампанского. Потоцкий со всеми перецеловался...

13 декабря – пятница.

Умер генерал от артиллерии Дружинин – бывший офицер нашей бригады. В 8 часов вечера полковник Фурман и я возложили на его гроб серебряный венок (75 рублей) с артиллерийскими (бархат с красной каймой) лентами.

14 декабря – суббота.

В 11 часов в Сергиевском всей артиллерии соборе была отслужена панихида по умершем генерале от артиллерии Дружинине – бывшем нашем офицере. На панихиде присутствовали офицеры 2 дивизиона, 3 батарея и я. Остальные в нарядах.

15 декабря – воскресенье.

На своем дежурстве по бригаде, сев стремительно за стол в комнате хозяина собрания, накололся на китайский меч, хранящийся у меня в комнате (хозяина собрания) в ящике под столом. Спустя часов 5 я почувствовал сильную боль и не мог ступить ногой и ее разгибать, несмотря на то, что рана очень незначительная, хотя и глубокая. Вследствие этого я принужден был подать рапорт об освобождении от верховой езды. (16 декабря.)

17 декабря – вторник.

По поручению командира батареи полковника Леховича – от 2 часов дня, при собрании всех нижних чинов я прочел очерк деятельности нашей батареи (великого князя Михаила Павловича) под Ташкисеном 19 декабря 1877 года. Послезавтра мы справляем 25-летний юбилей этого славного боя.

18 декабря – среда.

День, как говорят писатели, полон чреватými событиями. Первый в этом году ежемесячный товарищеский обед! Могу сказать, что «такого» обеда старожилы не запомнят! Произошло так много друг на друга нагромождающихся фактов, что не знаешь, как управиться со всем этим материалом. Буду рассказывать строго по порядку, как можно подробнее.

Ровно в 5½ часов в собрание пришел командир бригады генерал Ляпунов. В тот же момент весь состав суда общества офицеров (полковник Дитерихс, капитан Илькевич, капитан Пономаревский-Свидерский 1 и капитан Росляков) подошли к старшему из полковников (Берникову) и заявили ему, что они от лица 40–45 офицеров просят его заявить генералу, чтобы последний предложил господам академикам, вернувшимся с чином (таковых трое: штабс-капитаны Гобято, Перрет и Огоновский. Из них явился на обед один только Гобято. Перрет не решился явиться, а Огоновский болен), удалиться из собрания, иначе мы все уйдем с обеда. Полковник Берников немедленно передал это генералу. Ляпунов собрал всех штаб-офицеров и заперся с ними в музее. Так прошло целых полчаса. Разговор в музее остался для меня тайной (пока, конечно; после кто-нибудь из полковников расскажет). В 6 часов, наконец, появился Дитерихс и пригласил всех сделавших это заявление пожаловать в музей. Мы вошли. Генерал облокотился о стеклянную витрину и начал говорить. Говорил он долго, слабым голосом умира-

ющего. Он и начал свою речь с предупреждения, что он совсем болен, что ему следовало бы на самом деле лежать в кровати, но что он почуял, что может что-то выйти, и пришел... Генерал умолял нас одуматься, говоря, что высшее начальство может счесть это за демонстрацию и мы можем пострадать. Мы должны пожалеть репутацию бригады. «Я вас прошу, пойдемте закусывать, пообедаемте вместе. Сделайте это для меня...»

Первый заговорил Матюшкин. Он возразил, что мы вправе были ожидать, что названные господа не явятся сами на обед, а если бы мы были уверены, что они явятся, мы бы не пришли вовсе... Много помог делу Макеев (адъютант начальника артиллерии). Он предложил – довести до сведения штабс-капитана Гобято, что его не желают иметь на обеде. Мысль Макеева поддержали. Генерал долго упирался, говоря, что он сделать этого не вправе. Беспомощно озираясь, он спросил мнение герцога. Герцог ответил, что: «Мне кажется, что передать ему в такой форме возможно!» Н. А. Илькевич тотчас же предложил редакцию: «К командиру бригады поступило заявление, что 45 человек не желают обедать вместе с вами». Поручение передать это было возложено на полковника Дитерихса. Мы медленно стали расходиться из музея. Дитерихс передал Гобято, а через секунду мы видели последнего мирно закусывающим у стола... Рядом с ним все время стоял штабс-капитан барон Майдель. Какие разговоры снова произошли между Дитерихсом и Гобято и последнего с полковником Леховичем – но Гобято к столу не вышел и уехал домой. Все мирно уселись за суп-американ. Вдруг в залу, как бомба, влетает барон Майдель, подсакивает к поручику фон Эндену и спрашивает его: «Где сидит Росляков?» И, подбежав к последнему, Майдель схватывает Рослякова за шиворот и бросает ему в лицо салфетку. С безумными навывкате глазами Майдель бессвязно говорит:

– Я вас считаю подлецом... Вы конспиратор... Я вас вызываю... – и отступив на шаг назад, еще раз громко произнес:

– Вы подлец...!

Что можно придумать неожиданнее! Все кругом растерялись... Росляков встал со своего места и пошел к генералу, сидящему в центре стола. Майдель, успевший дойти до своего места и уже сесть, снова встал и громко начал:

– Ваше превосходительство, я его...

Ляпунов поднялся... Поднялись и все мы...

– Я приказываю вам оставить собрание.

Майдель поклонился низко несколько раз и вышел вон. Ушел и Росляков. Были попытки заставить музыку не играть, но другие воздержались от этого, и обед кончился благополучно. После обеда полковник Дитерихс сейчас же опросил всех свидетелей этого дела, а затем состоялся суд общества офицеров. Музыку прогнали, и все собрание быстро разошлось. За обедом многие почти ничего не ели. Большинство из наших поехало на

квартиру к капитану Рослякову высказать ему соболезнование по поводу сумасшедшей выходки Майделя. Я принужден был оставаться в собрании до 9 часов вечера, как хозяин собрания, чтобы убедиться, что все «серебро» цело и уложено в ящики. В собрании оставались только лица, сочувствующие «дрейфусам». Это: Гартунг, Пономаревский-Свидерский 2, Петрушевский, Погребняков, Вешняков и Гродский (временный член). Все они горячо о чем-то спорили и рассуждали, но что они говорили, я, конечно, не слышал. Когда я в десятом часу приехал на квартиру Рослякова – она была полна народом – нашими офицерами. Все очень сожалели о случившемся и высказывали все признаки симпатии к Михаилу Сергеевичу. Многие, в том числе и я, остались у Рослякова ужинать до 2-х часов ночи.

19 декабря – четверг.

25-летний юбилей боя под «Ташкисеном», в котором участвовали 1 его высочества, 3 и 6 батареи бригады. К празднованию примкнули 2 батареи (Шандорник) и 5 батарея (Шандорник). В 11½ часов утра все названные батареи были построены в большом бригадном манеже. Командовал парадом полковник герцог Мекленбургский. Принимал генерал от артиллерии Свиньин. Были почетные гости: генерал Оноприенко, генерал Коленкин, генерал Нищенков, генерал Евреинов и полковник Потоцкий.

Молебен. Церемониал. Чарка. После того завтрак.

Вот тут опять произошло «велие» недоразумение. Наш командир дивизиона и командиры батареи, толком не спросив офицеров, решили сообщить общий завтрак, и по их подсчету вышло это на 55 человек. Потом к нам присоединилась 5 батарея, и это дало в общем около 70 завтракающих персон. Сообразно с этим я и отдал все распоряжения повару. Но ввиду современного отношения к «дрейфусам» как неизбежным участникам общего завтрака большинство офицеров вдруг запротестовало, и таким образом 70-персонный завтрак обратился в 30-персонный. А сегодня утром полковник Берников мне заявил, что генерал не хочет, чтобы он происходил в собрании, ибо это снова может вызвать какие-нибудь «демонстрации». «Ташкисенский» завтрак состоялся в первом часу в помещении канцелярии 1 его высочества батареи. Участвовали на нем во-1), все гости и, во-2), по несколько офицеров от каждой батареи. Дрейфусы: Гобято и Перрет на завтрак не пришли (кажется, их уговорили не приходить...), и это дало возможность участвовать тем, кто ранее не хотел. Были, конечно, тосты – за царя, участников боя, славу батарей, генерала Коленкина, взорвавшего пороховой погреб, и пр.

20 декабря – пятница.

В 10-м часу утра впервые посетил нашу бригаду командир корпуса генерал-адъютант князь Васильчиков. Он пробыл у нас, осматривая поме-

щения, до 12 часов дня. В собрании он был несколько минут и, уходя, подал всем без исключения руку.

После того весь 1-й дивизион господ офицеров собрался в канцелярии 1-й его высочества батареи, где командир дивизиона полковник герцог Мекленбургский объявил нам, что он считает наше заявление на обеде 18 декабря в высшей степени антидисциплинарным, так как мы могли не обежать, но раз пришли к обеду, то «мыть свое грязное белье перед гостями не следует». В особенности удивило герцога присутствие капитанов – этих кандидатов на батареи – и прикомандированных, которые еще не знают – будут ли они когда-либо гвардейскими артиллеристами.

В первый раз был в «Народном доме»³⁴ на представлении пьесы Крылова «1812 год».

21 декабря – суббота.

В 12 часов дня все офицеры бригады и дивизиона снова собрались по требованию командира бригады. Генерал Ляпунов сказал (приблизительно):

– Господа, суд общества офицеров разобрал печальное происшествие, случившееся с одним из наших товарищей. С решением нашего суда чести я вполне согласен и мнение его разделяю. Оскорбление, нанесенное штабс-капитаном бароном Майделем (Рослякову), никоим образом нельзя считать за совершившееся, и потому оно должно быть снято. Решение нашего суда чести, как вами самими выбранное (?), которым (?) вы доверяете, есть мнение всех офицеров бригады и гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона. Михаил Сергеевич! (Ляпунов подошел к Рослякову) Позвольте пожать вашу руку!.. Господа, я больше ничего не могу сказать.

После того генерал еще раз потряс руку Рослякову, и вслед за ним жали руку Рослякову офицеры.

25 декабря – среда.

В еврейской школе учитель спрашивает девицу:

– Назовите 5 хищных зверей.

– Один лёва и 4 тигра.

26 декабря – четверг.

В 8 часов вечера был на 1-й международной выставке костюмов в Таврическом дворце³⁵.

³⁴ Народный дом императора Николая II был открыт в 1902 г. на территории Александровского парка.

³⁵ Первая международная выставка исторических и современных костюмов и их принадлежностей проходила в Таврическом дворце в 1902–1903 гг.

27 декабря – пятница.

Армянин говорит барышне:

– В каком слове встречаются буквы Х и У?

– Фууй!..

– Я сам думал, что ХУ..., а оказывается УХО.

В 7 часов вечера был на елке в школе воспитанников лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Заведывающий ею в настоящее время поручик Явид. (Я тоже 3 месяца заведывал этой же школой.) Елка устраивается ежегодно, но до сих пор мне не приходилось как-то на ней бывать, и вот теперь я с удовольствием пошел на нее, чтобы посмотреть, как все это происходит. Обширная комната, вернее зала, школы была очищена от обычной мебели. Посередине стояла елка, украшенная сладостями, свечами и недорогими бонбоньерками. Мальчики в одном конце вместе с певчими (солдатами) и наемными певчими ожидали прихода наблюдающего за школой – полковника Берникова, чтобы начать музыкальную программу этого вечера. В противоположной стороне зала – очень много гостей: все родственники, сестры, матери, маленькие братья воспитанников... Кто в шляпках, кто в платочках. Были свеженькие веселые личики, освещенные лукавыми глазками. Большой круглый стол был сплошь покрыт подарками. Чего-чего тут не было! Явид приноровил все подарки к их собственным желаниям. Большинство пожелали иметь коньки – чуть ли не половина всех мальчиков. Каждый подарок стоит 1 рубль (хотя коньки, например, в розничной продаже стоят 1 рубль 55 копеек). Затем идут: краски, лото, кегли, инструменты, детские игры и проч. и проч. Взрослым певчим также есть подарки. Регент и вольные тоже не остались без подарков. Для них преобладают: мельхиоровые подстаканники, сахарницы, портсигары и кошельки. Фельдфебель школы – Нечитайло (он был и при мне еще фейерверкером) – получает вместо подарка 50 рублей наградных, а его жена получила изящную сахарницу. Но вот вошел Берников со своей племянницей. Из офицеров были: я, поручик Фриде, поручик Богушевский, штабс-капитан Гирш и капитан Росляков. Раньше всегда бывал командир бригады, но в этом году он по нездоровью не пришел. Берников поздоровался с мальчиками. Началось пение: «Боже, царя храни». Затем и другие песни... Мы аплодировали, а за нами и все гости – восторженные маменьки, сестренки и братишки. Когда же двое из воспитанников протанцевали русскую, сперва под пение, а потом под гармонику, – восторгам всех не было конца. Аплодировали шумно, кричали: браво и бис!... Началась раздача подарков. Раздавал полковник Берников. Мальчики подходили. Немногие только говорили: «Покорно благодарю, ваше...» (и то шепотом). Большинство же прямо брали и уходили, другие же раскланивались, как в деревенских школах. За мальчиками потянулись взрослые нижние чины. И о ужас!! И они вместо солдатского ответа кланя-

ются, как лавочники. Ни один не ответил громко и хорошо, ни один не подошел правильно и молодецкато, ни один не повернулся кругом по-солдатски. Большинство даже не благодарили. Я не поклонник немецкой муштры, но такая халатность уже граничит с полною распущенностью. Я не поклонник, чтобы солдат всегда и везде «был на службе», даже в гошпитале, даже на елке. Но совершенно забыть, забыть до смешного, что он солдат, а перед ним командир дивизиона, – это непорядок! Он уже не отвечает «так точно», он титулуется только изредка, а честь отдает нехотя, кое-как...

После раздачи подарков последовала раздача конфет в пакетах, числом 120, разложенных на длинных столах. Конфеты получили не только «школьные», но и все гости. Затем началось разбирание елки. Мальчишки готовы были истерзать ее немедленно, но на ней всего было много, и их до елки не допустили. Мы – офицеры – срывали конфеты и бонбоньерки и совали в массу протянутых к нам ручонок...

– Ваше благородие – мне яблоко, ваше благородие, вон там орехи... Хлопушку, ваше благородие, хлопушку... Ваше благородие, позвольте стеклянный шарик!..

Едва поспеваешь удовлетворять всем желаниям. Елка почти разобрана, и осталась только одна верхушка еще украшенная и нарядная. Страсти мальчишек все разгораются и разгораются. Еле удастся Явиду и фельдфебелю их сдерживать. Взрослые только для вида поддерживают порядок, а сами тоже готовы наброситься на елку... Наконец елку повалили. Что тут произошло!... Где руки, ноги, головы!? Все перемешалось в одну кучу. Потом елку поставили и... снова повалили. Крик, ура, гам, писк и вой невозможный...

Мы перешли в соседнюю комнату – канцелярию, где Явид нам предложил фрукты. Минут через 7–10 все разошлись.

31 декабря – вторник.

Был на «Фаусте» в Мариинском театре, и вот когда Фигнер спел одну арию, раздалось шипение, которое большинство старалось заглушить хлопаньем и криками «браво» и «бис». Фигнер повторил арию, и на этот раз в середине его пения поднялся свист, шипение и т. п., в свою очередь заглушаемое поклонниками неистовыми браво. Но свист был очень сильный. Фигнер с редким хладнокровием испытанного нахала кланялся с саркастической улыбкой.

Новый год не встречал. Вернулся домой в 12 часов и в половине 1-го лег спать.

1903

Из записной книжки 1903 г.

В. САВОНЬКО

1904 г.

ХРОНИКА 1903 г.

1 января – среда.

С 1½ до 4½ [часов] делал визиты. Был у:

1) М ^{те} Ляпуновой	} не принимали
2) М ^{те} Лехович	
3) М ^{те} Дитерихс	
4) М ^{те} Фриде	
5) М ^{те} Плющевский-Плющик	
6) Баронессы Арпсгофен и М ^{те} Леонард	} не прин[имали]
7) М ^{те} Керстенс	
8) М ^{те} Вешняковой	
9) Г. Васильева	} не прин[имали]
10) М ^{те} Анцыферова	
11) М ^{те} Севрюгина	
12) М ^{те} Фуфаевская	
13) М ^{те} Потоцкой	

-7°. Очень сильный ветер.

Читаю: Краснов: «По Азии»¹.

Мариинский театр: Эсмеральда: балет (Кшесинская 2, Преображенская, Павлова, Седова, Бекефи, Гердт и др.). Были: великие князья Алексей Александрович, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович.

2 января – четверг.

Читаю: «Наивные вопросы» – Щеглова².

5 января – воскресенье.

У одной тетушки был ужасный племянник: он вечно говорил в обществе какой-нибудь вздор, заставлявший краснеть и мужчин, и дам. Тетушка его укоряла, предостерегала и проч. – ничего не помогало. Собравшись однажды на один большой вечер, тетушка в особенности предупреждала племянника ничего не болтать и не рассказывать. И вот в середине вечера вдруг все гости моментально повскакали со своих мест в гостиной и выбежали вон. Переполох... Скандал!.. В центре остался один племянник с полным недоумением на лице...

– Что ты наделал? Что ты опять такое сболтнул?! – набросилась на него сконфуженная тетушка.

¹ Краснов П. Н. По Азии: Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903.

² Щеглов И. Наивные вопросы. СПб., 1903.

– Право, тетя, ничего. Я ровно ничего не говорил. Эта дама все время разговаривала. Она рассказывала, что видела сон: будто она положила палец в рот и там не оказалось зубов, а я только спросил: «Да туда ли вы, Марья Петровна, палец положили?», а они все вдруг...

Tableau³!!

6 января – понедельник.

Читаю: «Война 1877–78 г.». Записки унтер-офицера А. В.⁴

Наша знаменитая бригадная «дрейфусиада», совершенно заглохшая после последних событий (я вам не рассказывал, что произошло эти дни, – скажу как-нибудь после), вдруг вспыхнула сегодня новым грандиозным скандалом. Утром, часов в 10, в квартиру бригадного адъютанта Фриде звонят три офицера и спрашивают вестового: дома ли поручик Фриде? Вестовой отвечает, что спят.

– Все равно, разбуди и скажи, что лейтенант Гобято желает видеть по очень важному делу.

Волей-неволей Фриде пришлось подняться и выйти в кабинет, где его ожидали: штабс-капитан Гобято (нашей бригады), лейтенант Гобято (брат нашего) и штабс-капитан Давыдов (артиллерист из арсенала, на квартире которого живет Гобято). Заговорил штабс-капитан Гобято (приблизительно):

– Потрудитесь объяснить, почему вы не желали обедать со мной 18 декабря... Вы ведь тоже были в числе тех, кто подал заявление?

– Да, я был, – ответил Фриде.

– Что же вы лично имеете против меня?

– Буду говорить откровенно. Вам неизвестно, что бригада не желала вас видеть у себя с чином. Это мнение бригады, которое я вполне разделяю. Кроме того, уже 5 лет, что многие наши уважаемые товарищи отказывались от чина, чтобы не нарушать традиций бригады...

– Такой традиции в бригаде нет, ибо у нас есть Пономаревский-Свидерский, который вернулся с чином.

– Это совсем другое дело (его не предупреждали в свое время [замечание – мое]). А здесь...

– Я вам говорю, что такой поступок я называю подлостью.

– Т. е. вы находите, что вообще поступок бригады подлость, или вы мне говорите?

– Я с вами говорю!

Тогда Фриде приотворил дверь и жестом указал всем трем о выходе. Те беспрекословно удалились, не сказав более ни слова.

Кончено, о случившемся сейчас же Фриде доложил командиру бригады и полковнику Дитерихсу (председателю суда общества офицеров). Каза-

³ Картина (фр.)

⁴ Квитка А. В. Записки казачьего офицера: Война 1877–1878 года. СПб., 1903.

лось бы, что такое происшествие окончательно развязывает руки Ляпунову и заставляет его принять ряд энергичных мер. Увы! Трудно мне в двух-трех словах очертить этот трусливый характер, полный нерешительности. Когда ему предложили арестовать Гобято, чтобы подобная же история не повторилась с другими, он моментально ответил:

– Я не могу этого. Надо спросить начальника артиллерии, Альтфатера... И это командир гвардейской части!!!

Что же все-таки предпринял Ляпунов? Он прежде всего схватился за голову и воскликнул:

– Когда же я уеду в отпуск! (он намеревался уехать 16 января).

Затем тотчас же побежал к начальнику артиллерии Уткевичу, где, конечно, ничего не решил, так как, вместо того чтобы высказать свое решение и объявить свои меры, на которые он имеет право как командир гвардейской части, он нерешительно просит указаний, приказаний и распоряжений, которых ему, конечно, никто (а тем более шляповидный Уткевич) не дает. И вот Ляпунов скачет теперь к Альтфатеру (товарищу фельдцехмейстера). Зачем к Альтфатеру? Почему? Я, право, не понимаю. Какое дело Альтфатеру до строевой части! Что он может приказать Ляпунову? Ровно ничего. Он передаст только (хорошо если не в искаженном виде) все дело великому князю Михаилу Николаевичу, а тот в свою очередь никогда не отдаст никаких категоричных распоряжений, ожидая, что инициатива должна исходить от командира части и начальника артиллерии. Нужно было давно доложить командиру корпуса, великому князю Владимиру, государю. Всем еще памятен приказ императора Николая 2, коим 10 человек офицеров одного из варшавских гвардейских полков были исключены из полка, так как они поступили туда по воле начальства, но против воли товарищей. Наконец после известной вам истории барона Майделя (18 декабря) поневоле пришлось доложить командиру корпуса князю Васильчикову – бывшему лейб-гусару. О! он взглянул на дело совершенно иначе. Ему, как гусару, даже смешно показалось, как это три офицера, которым было заявлено, что их не желают в бригаде, все-таки в ней остаются! Я пари держу, что он, вероятно, не понял всю суть истории и предположил, что им еще не объявлено мнение бригады. Такой смысл имели его слова: «Пусть старший полковник предложит им уйти, и их ответ сообщите мне!» Кажется, этими словами вся история уже исчерпывалась, и мы ликovali, ожидая результатов разговоров полковника Берникова (старшего в бригаде полковника) с Гобято и Перретом (Огоновский болен).

О! tempora!⁵

Слух передает следующее: Берников им заявил, а они (Гобято и Перрет), как «крючки», а не как офицеры, начали изворачиваться, что им вовсе

⁵ О времена! (лат.)

даже не было известно, что их в бригаде не желают (О господи! Три месяца с ними не разговаривают, 5 месяцев тому назад их предупреждал полковник Дитерихс; из-за стола вышли во время завтрака и проч. и проч. Разве этого мало!?). А теперь, говорит Перрет, мы все равно оплеваны. Если уйдем в поле (полевую бригаду) – и там будут знать, что нас выгнали. На заводе тоже есть своя корпорация, которая нас будет презирать. Уж лучше мы останемся в бригаде... Все равно! Может быть, выражения были несколько иные, но во всяком случае смысл их ответа был таков, каким я его передаю. Это вполне достоверное сообщение. Вы спросите, но что же сказал Васильчиков, когда ему передали ответ дрейфусов. Наконец говорят, что все уже известно подробно генералу Васмунду (начальнику штаба округа) и великому князю Владимиру Александровичу. Да, это верно, но тут именно начинается затишье, полная неизвестность, в каком именно положении обстоит наше дело. Передавали, что Васмунд за нас, Владимир за нас, но что они ничего (sic!) поделать не могут и т. д. и т. д. Ляпунов отмалчивается и только однажды заявил, в разговоре с поручиком Явидом:

– Да, они (дрейфусы) останутся!

Конечно, мы приуныли и ждали только прихода праздников, чтобы снова обсудить – что же нам дальше делать? Нет сомнения, что во всем виноват командир бригады – его нерешительность и трусость. Насколько нерешителен и нам портил дело генерал Уткевич (начальник артиллерии), заявляющий нам, что он всей душой за нас, показывает следующий пример. Как-то раз великий князь Михаил Николаевич спросил его:

– Ну а ты, у тебя две бригады – ты за кого?

(т. е. за академиков с чином, или против).

И Уткевич ничего не ответил (рассказывал генерал Альтфатер, в присутствии которого происходил этот разговор). Самая передача всего дела постоянно искажалась. Даже Ляпунов на вопрос Михаила Николаевича: все ли у него спокойно? ответил:

– Так точно, все спокойно!

А между тем через несколько дней (18-го) разыгрывается настоящая драма. У начальства одна мечта: потушить, загасить, успокоить тех и других, помирить обещаниями, застрашать, а если не удастся – пойти на ласку, на уговоры и проч. Смело же взять ту или другую сторону и добиться своего – их выгнать или нас заставить замолчать – на это артиллерийского начальства не хватает... Генерала Альтфатера Ляпунов не застал, а потому нового ничего нет...

7 января – вторник.

Читаю: «Записки» Волконского (декабриста) изд. 2⁶.

⁶ Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1902.

Послал Нане Астафьевой открытое письмо с нотами «вальс “прошу ответ”» соч. Давингофа⁷. К этому вальсу я написал следующие слова:

Прошу ответ, его я жду...
Волнение спать мне не дает.
И мысль одна меня гнетет,
Что Нана больше не пришлет
Письма мне в новом (ах!...) году!

Прошу – меня ты пожалей...
Терпенья ждать уж больше нет...
Хоть пару строк – души привет,
Хоть пару слов, чтоб снять мой гнет,
Хоть пару букв... Скорей, скорей!!

1903
209

8 января – среда.

Ровно в 9 часов утра (согласно приказанию по бригаде) все господа штаб- и обер-офицеры бригады и дивизиона собрались в собрании, в зале. Вышел генерал Ляпунов и, поклонившись, сказал:

«Господа! О всех несогласиях и раздорах, которые возникли в вашей среде, мною было своевременно докладываемо начальнику артиллерии, товарищу фельдцехмейстера, самому генерал-фельдцехмейстеру, командиру Гвардейского корпуса. Начальнику штаба округа и главнокомандующему не было до последнего времени доложено только благодаря болезни их... Но вчера было все доложено и главнокомандующему. Главнокомандующий приказал для разбора несогласий и раздоров назначить особое доверенное лицо, которое выяснит все дело... Как это будет произведено, я еще и сам не знаю. Но до того времени – я говорю вам по поручению командира гвардейского корпуса – как та, так и другая сторона под страхом строжайшей ответственности не должна позволять себе никаких активных действий. Кто это нарушит – та или другая сторона – тот не исполнит особого приказа командира гвардейского корпуса! Вот и все, что я вам хотел сказать, господа... А теперь прошу идти на занятия. Солдаты вас уже ждут... Занятия должны идти своим чередом...»

9 января – четверг.

Поручик Богушевский читал и мне вкратце рассказал содержание того рапорта, который подал генерал Ляпунов генералу Уткевичу по делу нашей «дрейфусиады». Рапорт написан на 5-ти листах и излагает всю историю этого

⁷ Один из вальсов композитора В. Х. Давингофа.

события. Последовательно упомянуто про выход Пономаревского-Свидерского 2 с чином, но потом в течение 5 лет начальник артиллерии генерал Канищев категорически отказывал офицерам выход в бригаду с чином. Никто и не выходил, а возвратившиеся были без чина (Макеев и Альтфатер). Затем наступил этот год. Подробно рассказано, что было предпринято для их предупреждения. Характерно, что официальный опрос (весною 1902 года) дал из числа 11 штаб-офицерских голосов – 2 за академиков (Мусселиус и Потоцкий) и 9 – против (из числа этих 9 сколько потом кривили своею совестью, словом и пр.!!!). Мнения обер-офицеров: громадное большинство – против. Большую ошибку сделал генерал Уткевич, который вместо того, чтобы принять во внимание сие заявление, сказал трем академикам:

– Чтож, выходите, но устраивайтесь сами так, чтобы товарищи на вас не были в претензии...

На что академики ответили, что бригада ничего против их выхода не имеет. И вот начинаются «скандалы», о которых я подробно говорил в своем дневнике. В рапорте генерала Ляпунова интересно еще то место, где он описывает разговор старшего полковника с Гобятой и Перретом по приказанию князя Васильчикова – для выяснения их положения в бригаде. Гобято, между прочим, сказал:

– Я чувствую себя в бригаде прекрасно! (sic)

Когда генерал Альтфатер доложил великому князю Михаилу Николаевичу о Гобято, ворвавшемся в квартиру Фриде, то Михаил Николаевич воскликнул:

– Опять Гобято... Гобято, Гобято – какая дурацкая фамилия! Я его выгоню из бригады в 24 часа... Впрочем, это не решение... Я погорячился!...» (Слышал от штабс-капитана Альтфатера.)

10 января – пятница.

Был: Театр Панаевский «Обозрение Петербурга» за 1902 г.⁸

Кавказец задает загадку:

1) Отгадай: первый ходыт, второй ходыт, третий ходыт, а четвертый нэ ходыт!!! Нэ знаешь!? Мой дэти! (мои дети).

2) В каком русском слове встречается 4 еры (Ы) (и лежит под столом)? Ымыныннык!

Дополнение к анекдоту (записано 25 августа):

– Это что! А вот отгадай, в каком слове есть 5 еры! Стоит на столе и звучит сладострастно! Ага, не можешь: Быныдыктынчык!!!!

⁸ Панаевский театр – зимний театр, основанный В.А. Панаевым в Санкт-Петербурге (Адмиралтейская наб., д. 4). Существовал в 1887–1917 гг.

11 января – суббота.

В 2½ часа дня прибыл в собрание бригады генерал-майор Скарятин (начальник гвардейской Стрелковой бригады), назначенный главнокомандующим для разбора нашей «дрейфусиады» (а также, кажется, и во 2-й бригаде). Часа полтора генерал Скарятин провел с нашим генералом Ляпуновым в запертом музее, а после генерала Ляпунова в «музей» вошел штабс-капитан Перрет (дрейфус). Из собрания я ушел в 5 часов, и разговор в музее все еще продолжался (до 6 часов вечера). Что творилось там – пока мертвая тайна. Завтра, говорят, генерал Скарятин будет в собрании с 9 часов утра.

12 января – воскресенье.

Генерал Скарятин прибыл в собрание в 8½ часов утра и, запершись в музее, начал допрос со штабс-капитана Гобято. Гобято привез с собою массу бумаг. Видимо, дрейфусы приготовились основательно для своей защиты! И Перрет, и Гобято все время показания свои записывают. Разговор с Гобято продолжался до 2½ часов, т. е. непрерывно 6 часов!!! Немалый труд выпал на долю генерала Скарятин!!! Через час с небольшим генерал Скарятин снова вернулся в собрание (он уезжал на это время домой) и в 3¾ часа начал свой разговор со штабс-капитаном Огоновским, который окончил в 10½ часов вечера!!!! (Огоновский тоже все записывал.) Разговор, следовательно, продолжался 7 часов!!!! Poor Scarjatin!!!!!!⁹

13 января – понедельник.

С 10 часов утра генерал Скарятин поехал в Николаевский военный госпиталь, где в настоящий момент находится на испытании штабс-капитан барон Майдель. Там генерал пробыл, кажется, часов до 5½ вечера и, вероятно, имел разговор с врачами, а барон Майдель излагал все письменно. Вечером в 7 часов генерал прибыл к нам в собрание и вызвал к себе капитана Рослякова, капитана Пономаревского-Свидерского 2 и капитана Фуфаевского. Для ускорения – эти лица писали парами, сидя в музее и библиотеке. Часов в 10 генерал спросил поручика Богушевского (исполнявшего должность бригадного адъютанта) – кто еще здесь в собрании? Богушевский ответил, что капитан Илькевич, но что он в сюртуке. На это генерал ответил: «Ничего, все равно» и попросил Н. А. Илькевича, который так же, как и все другие, после небольшого разговора засел за письменные показания, окончив их около 12 часов ночи.

14 января – вторник.

На сегодня вызваны следующие господа офицеры:

⁹ Бедный Скарятин (англ.).

- 1) капитан Демидов
- 2) – Поном[аревский]-Свид[ерский] 1
- 3) – Гартунг
- 4) – Вешняков
- 5) штабс-капитан Крутиков
- 6) капитан Рерберг
- 7) штабс-капитан Петрушевский
- 8) капитан Смысловский
- 9) – Ден
- 10) штабс-капитан Кавтарадзе

Полям для допроса уже избрана наша большая зала с гостинной, где поставлены 4 стола и по четыре записывают свои показания. Остальные в мундирах (сам генерал Скарятин все время в мундире) бродят по собранию, ожидая своей долгой очереди.

От 10½ часов утра опрос претензий командиром дивизиона герцогом Мекленбургским (обычный третней).

Непрерывно продолжая допрос, были вызваны генералом Скарятиным еще:

- 11) штабс-капитан Макеев
- 12) – Алымов
- 13) – Гирш
- 14) – Альтфатер
- 15) – Трапезников
- 16) поручик Беляев
- 17) – Матюшкин
- 18) – Явид
- 19) – Крестьянов
- 20) – Баранов

Тут уже писали на 7 столах в зале и гостинной... Писали много. В особенности Матюшкин. Крестьянова он освободил от показаний, так как тот находился в годовом отпуске. Были вызваны и еще многие офицеры (в том числе и я), но дальше продолжать генерал был не в силах.

Последний (Матюшкин) закончил свое письмо в 2 часа ночи!!! Итого генерал с 10 часов утра почти непрерывно находился в собрании. Уезжая только на полтора часа – с 7 до половины 9-го. За это время он ничего не ест и не пьет, отказываясь даже от стакана чаю. Очевидно, последнее он делает принципиально.

15 января – среда.

К 9½ часам утра были вызваны все находящиеся в Михайловской артиллерийской академии и Академии Генерального штаба (см. список). Они писали довольно скоро. После них продолжали писать строевые офицеры.

- 1) поручик Явид (продолжал вчерашнее)
- 2) Я
- 3) Рооп
- 4) Давыдов
- 5) подпоручик Баклунг
- 6) – Шаняевский
- 7) – Жонсон
- 8) – Новогребельс

Я сел писать в 12 часов и окончил около 4 часов. Писал в зале. Перед письмом генерал Скарятин мне сказал: «Будьте любезны изложить все, что вам известно о ваших недоразумениях. Не стесняйтесь ни в чем, хотя это и пойдет великому князю. Только тогда можно узнать все дело. О слухах не пишите, – только то, что сами видели и знаете». Я мало сообщал о фактах, а на 7 полных страницах изложил свои взгляды на возврат с чином, жестоко порицая тех, которые жертвуют товарищескими отношениями из-за выгод. Мой вывод: немыслимо положение в части офицеров, вернувшихся против желания товарищей. Написал едко, резко и с огоньком. Около 5-ти генерал на сегодня закончил свой опрос...

В 9 часов вечера в первый раз был на большом придворном балу. Ровно в 9½ часов состоялся выход царя в Николаевское зало со свитой, прошедший в полонезе под звуки придворного оркестра в рубашках красных времен Александра 3. Затем общие танцы в общей зале. Ровно в 12 – ужин. Мы – гвардейские артиллеристы (преимущественно 1-я бригада) – уселись в Александровском зале под знаменитой картиной «Последний выстрел по Парижу»¹⁰, делаемый из орудия нашей батареи (батареи великого князя Михаила Павловича) в 1814 году. Государь император в мундире лейб-гусар прошел во время ужина вдоль наших столов. Мы все встали и кланялись. После ужина – разезд, хотя танцы и возобновились. Скверное впечатление производит набрасывание публики (преимущественно шитых штатских, но также и генералов и офицеров) на столы после ужина и оципывание цветов из ваз.

16 января – четверг.

Генерал Скарятин с 10 часов утра продолжал письменный допрос с нашей бригады. Докончил обер-офицеров: 1) Дурова, 2) Есимантовского, 3) Мартюшева и 4) Тарновского и затем всех штаб-офицеров бригады. Герцога он, кажется, хотел не опрашивать (не знаю почему), но тот обиделся, говоря, что ему есть что написать, и действительно, запершись в музее, что-то накатал. Воображаю, какую чепуху! После всех штаб-офицеров генерал спросил только одного прикомандированного – подпоручика Беляева 2. Он

¹⁰ Имеется в виду картина Б.П. Виллевальде «Сражение при Париже 17 марта 1813 г.» (1834 г.).

задал ему вопрос, не был ли он во главе прикомандированных для устройства сообща всех демонстраций, так сказать «клакером»¹¹ (слова Скарятин) партии. Очевидно, «дрейфусы» обвиняют нас, что мы совращали прикомандированных, что неверно, так как, например, когда прикомандированный Тимлер вышел вместе с нами из-за стола во время завтрака начальника артиллерии, то его отослали мы обратно. Завтра, говорят, уже будет доклад у великого князя Владимира Александровича и затем опрос лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады.

В 11½ часов вечера бал у С. Л. Фуфаевского. Я был.

18 января – суббота.

Давно уже хотелось мне сказать несколько слов о наших «субботних» катках в бригаде. Они начались с прошлого года (1901–[190]2), но в прошлом году я на них не бывал, а в этом сезоне бываю, а потому могу рассказать об их организации и бытовой стороне. На довольно обширном внутреннем плацу бригадного расположения с началом зимы строятся горы и устраивается каток. В прошлом году горы стояли параллельно одной из сторон плаца, а в этом году их поставили по диагонали, и раскат значительно увеличился. И горы и каток соответственно предназначаются для развлечения нижних чинов. Так оно и есть, но один раз в неделю, по субботам, можно прочесть в объявлениях приказа по бригаде: «От 2½ часов дня до 4½ часов дня на бригадном катке будет играть хор музыки бригады. В эти часы каток и горы предоставляются в распоряжение гг. офицеров». Года 3–4 тому назад наша бригада была обычной посетительницей катка и гор Таврического дворца. Там мы имели солидный запас собственных санок для спуска с гор. В настоящее время «Таврида» прекратила свое существование, и все наши сани мы взяли обратно. К санкам прибавили еще и одну большую «корзину», в которой могут поместиться до 8 человек... Надо сознаться, что каток посещается нашими офицерами в очень ограниченном количестве. Есть только небольшой кружок завсегдатаев, а распорядителем в этом году надо считать подпоручика Шанявского. Дам тоже собирается очень немного. С одной стороны, мешает петербургская погода (то 10 градусов мороза, то оттепель), с другой стороны, многим некогда. Но приезжающие обыкновенно веселятся от души. Этот спорт бодрит. Дамы и девицы непрерывно скатываются с гор, и частые, нарочно устраиваемые падения вызывают у всех молодой, звонкий смех. Накатавшись вдоволь до сумерек, гостей приглашают в «большой манеж», где к этому времени бывает накрыт стол, сервированный для thea¹² (сэндвичи, печенье, торт и пр.). Му-

¹¹ Клакер (фр. *claqueur*) – лицо, оплачиваемое или специально приглашенное в театр с целью поддержки (или провала) какого-либо спектакля либо исполнителя.

¹² Чай (англ.). Верное написание: *tea*.

зыка переходит тоже в манеж и играет любимые веселые мотивы – вроде: «Гейши», «Испанские танцы», «Вальс на волнах» и проч. Но опишу теперь наш сегодняшний «субботник». Погода дивная. 0 градусов. Ни ветра, ни снега, ни дождя. Все это давало повод предполагать, что сегодня соберется особенно много дам и девиц. И действительно: всех дам пришло на каток 16!!! Нас – хозяев – тоже было немало. Перечту au hasard¹³:

1) Капитан Вешняков с супругой и m^{lle} Рудченко
 2) Mme Ильина с дочерью
 3) Штабс-капитан Алымов с супругой и m^{lle} Вогак и еще одной барышней

4) Mme фон Энден с сестрой – m^{lle} Боткиной и еще одной барышней
 5) Подпоручик Мартюшев с сестрой и m^{lle} Гуэ
 6) Капитан Пономаревский-Свидерский 1 с супругой и m^{lle} Китч (очень хорошенькой)

7) Полковник Фурман с супругой
 8) Полковник Масалитинов
 9) Две сестры m^{lles} Ольхины
 10) Поручики Богушевский, Явид, штабс-капитан Гирш, подпоручик Беляев, Матвеев, Шаняевский с братом – морским кадетом.

Веселие царило полное... Санки едва успевали подавать наверх. Хотали, острили, шумели... Придумывали головоломные сооружения из санок и смеялись до упаду, когда вся эта «постройка» рассыпалась посередине «гор»... Наша большая корзина эффектно перевернулась, наскочив с разбега на сарай... Около 5 часов все перешли в манеж, где дамам был предложен обычный «Теа»... Угощали мадерой, чтобы «согреться», но всем и без того было жарко от бесчисленного спуска с гор... Гирш предлагал m^{me} Алымовой «освежиться». Та ответила, что уж если освежаться – то шампанским (конечно, в шутку). Мигом появился «Редерер», и заискрилось в бокалах. Явиду пришла идея протанцевать вальс в манеже. Что может быть веселее, как неподготовленный, неожиданный экспромт...

– Господа, кадрили!..

Дамы приняли предложение с восторгом. Бешеная кадрили прошла с редким оживлением. В антрактах пили шампанское. За кадрилию последовало «па-д'эспань», «па де патинер», мазурка и, наконец, «полонез», закончившийся под звуки бригадного марша. Дамы стали собираться уезжать. Явид предложил от лица всех поблагодарить дам за посещение и провозгласил в честь их «ура», покрытое звуками «туша». Mme Алымова от лица дам поблагодарила радушных хозяев за их прием. Мы брали с дам слово не забывать наши субботники и впредь.

¹³ Наугад (фр.).

19 января – воскресенье.

Читаю: «Исторические очерки и рассказы Шубинского»¹⁴.

21 января – вторник.

Чтобы понять случившееся событие, нужно довольно подробно остановиться на личности полковника Потоцкого, только что получившего 2 дивизион лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Потоцкий был самый ярый защитник академиков, вернувшихся с чином. Он плакал, бил себя в грудь, говорил речи, жестоко нападал на тех, кто бывал против – все в пользу «дрейфусов». Очевидно, что такой образ действий его, вразрез с мнением большинства бригады, не мог нам нравиться. Тем не менее подписной лист на подарок ему быстро покрылся подписями и достиг очень почтенной цифры – около 80! Причина тому весьма ясная: во-1), Потоцкий прослужил в бригаде 25 лет, и кроме того, у него бывала буквально вся бригада, пользуясь его широким гостеприимством. Эти факты перевесили то неудовольствие, которое он возбудил в последнее время своим поведением, и лист, как я сказал, покрылся сплошь подписями. Но вот Потоцкий уходит из бригады, но интригу за «дрейфусов» не оставляет. Во время месячного обеда 18 декабря он позволил себе примкнуть к нашим штаб-офицерам и подавать голос против нас, хотя и не имел на то никакого права, будучи уже только гостем. Мало того: разносится слух, что Потоцкий, представляясь военному министру, очернил нашу бригаду как общество, идущее против образования!! (sic!) Это переполнило чашу, и мнение, что следовало бы «проучить» Потоцкого, вычеркнувшись с подписного листа, стало настойчивым. Впрочем, это решение требовало непременно согласие 40–50 человек, чтобы произвело должный эффект. Срок выложенного листа приближался к концу, и надо было торопиться, и вот 5 человек бригады (полковник Фурман, поручик Богушевский, капитан Росляков, поручик Фриде и капитан Пономаревский-Свидерский 1) решили тайно уничтожить этот лист, сохранив все это в глубочайшей тайне для всех. В тот же день в 2½ часа ночи Росляков взял этот лист и спрятал его в карман. А на другой день, когда комитет потребовал подписные листы для заказа подарков, то к крайнему всех изумлению второго листа – на подарок Потоцкого – не оказалось!!!

ПРИМЕЧАНИЕ 4 мая 1903 г. Был 2-й лист пущен по батареям, и он снова покрылся подписями, так как не было никаких доказательств, обвиняющих Потоцкого в неблагоприятных поступках. А мнение – каждый может иметь свое. Потоцкий же прослужил в бригаде 25 лет!!!

¹⁴ Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы С.Н. Шубинского. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1903.

ПРИМЕЧАНИЕ 18 апреля 1905 г. Полковник Фурман – личный враг Потоцкого.

25 января – суббота.

Приказ по бригаде за № 25:

«Члену бригадного суда вверенной мне бригады поручику Роопу в этой должности окончился 6-месячный срок, а потому на основании ст. 14 кн. XXIV Свода военных постановлений 1869 г. изд. 1900 г. членом бригадного суда вместо поручика Роопа назначается мною поручик Савонько».

Генерал-майор Ляпунов.

1903
217

28 января – вторник.

Был с 9 часов вечера на малом, т. н. «концертном балу» в Зимнем дворце. На этот бал приглашаются только первые и вторые чины двора и танцуют в «концертном» зале. Народу, следовательно, очень немного. Какие дивные пальмы стояли в Николаевском и Аванзале. Целый лес пальм высотой до потолка. Много танцевали наследник, Ксения, Андрей Владимирович и другие. С Андреем Владимировичем (великий князь – Гвардейской конной артиллерии) я разговаривал около трех минут. Он спрашивал меня, в академии ли я. Я же поинтересовался узнать – вернется ли он по окончании академии обратно в строй, на что он ответил: «Конечно». Ужинали на Иорданском подъезде (см. меню и программу).

1 февраля – суббота.

Священник беседует с евреем, обращающимся в христианство.

– В Бога-отца веришь?

– Верю!!

– А в Бога-сына веришь?

– А разве старик помэр!!?

Два мужика заходят в книжную лавку и спрашивают житие св. Николы...

– А што стоит?

– 15 копеек, с пересылкой 20!

– Митюха! Кутить так кутить. Качай с пересылкой!

2 февраля – воскресенье.

Несколько дней тому назад я уволил своего денщика Яна Дудко в батарею, так как он не ужился с нашей горничной Машей, и мой отец, не желая прогнать прислугу, решил прогнать денщика... Сегодня получил от Яна письмо, которое записываю как очень оригинальный образец орфографии (Ян – поляк):

Покорнейший Государь

усердно прошу и жалею (?) Вас Ваше

Высокоблагородие откамендируйте миня
куда нибуть апайлудше я желалбы
и употребилбы своих сил служить
Увас или В Сабрание ато миня взяли
запаследняво солдата въ батарей
прошу сослезами

Ивань Дудко

Конечно, ему – лодырю – после денщичьего ничегонеделанья показалось тяжело в строю, да к тому же поляки и вообще строй не любят.

Читаю: «История русского раскола». 4 изд. К. Плотникова¹⁵.

3 февраля – понедельник.

В 11 часов весь 1-й дивизион, включая сюда и обучающихся в академиях, собрался в канцелярии 1-й его высочества батарей. Командир дивизиона полковник герцог Мекленбургский объявил нам следующее (приблизительно):

«Господа, я собрал вас по поручению командира бригады для объявления вам двух вещей. Вам всем хорошо известно, что произошло между штабс-капитаном Гобято и поручиком Фриде. Это дело было передано на обсуждение суда общества офицеров, которое ВСЕСТОРОННЕ разобрало весь инцидент и постановило, что дело может кончиться или примиреньем, или дуэлью. Примиренье не состоялось, так как штабс-капитан Гобято отказался принести извинения, поэтому была решена дуэль. Я не знаю – будет ли она или не будет, ибо примиренье может еще состояться на самом поле поединка, но во всяком случае этим вопрос совершенно исчерпывается, так как таково постановление суда общества офицеров, которое утверждено командиром части, в данном случае командиром бригады...

Другое, что я имею вам передать по приказанию командира бригады, – это что его императорское высочество главнокомандующий, разобрав смуты и раздоры в нашей бригаде, пришел к следующему решению: что всякие дальнейшие агрессивные и демонстративные действия гг. офицеров будут преследоваться со всею строгостью законов. Поэтому я должен вас предупредить, что за всякие агрессивные действия будут отвечать как гг. офицеры, так и их ближайшие начальники. Вот все, что я имел вам передать...»

Капитан ИЛЬКЕВИЧ (член суда): «Ваше высочество, разрешите сказать... Суд общества офицеров...»

ГЕРЦОГ: «Капитан Илькевич! Я должен тут вас прервать, так как я не имею права слушать, и всем присутствующим не следует знать, что говорилось в суде. Постановление сделано, и этим все кончено».

¹⁵ Плотников К. Н. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. 4-е изд., вновь испр. и доп. СПб., 1903.

Герцог поклонился, и мы стали расходиться...

Пора, наконец, связать в одно целое все то, что случилось начиная с 16 января, иначе по этому сегодняшнему отрывку ничего нельзя будет понять! Генерал Скарятин, закончив у нас в бригаде свое следствие, проделал во 2-й бригаде буквально то же самое, т. е. отобрал письменные показания буквально у всех офицеров бригады. Но характер писаний во 2-й бригаде оказался совсем другой, чем у нас. Мы положили в основу рассуждения о неблаговидности возвращения в часть из академии с чином. Во второй же бригаде к этому примешалась еще адская ненависть к командиру бригады генералу Нищенкову, и записи пестрели обвинениями против него. Отобрав показания обеих бригад, генерал Скарятин передал все дела генералу Васмунду (а не Владимиру, как он говорил). Дело затянулось, и за это время было столько самых разноречивых слухов, что, право, все их повторить нет никакой возможности. Во всяком случае дело наше погубилось благодаря тому, что последовало вмешательство Куропаткина, который рассматривает вопрос этот как бунт и протест против воли начальства и академиков (!?). За это же время разыгрывается крупное событие во 2-й бригаде. Тамошнему «дрейфусу» штабс-капитану Краббе – офицер Божерянов не подает руку. Краббе жалуется Нищенкову, и Нищенков приказывает Божерянову подать Краббе руку. После того штабс-капитан Драке (адъютант великого князя Михаила Николаевича) также не подает руку Краббе. Последний вызывает Драке на дуэль. Я нарочно не буду подробно рассказывать об этом событии, так как я не был очевидцем его, а я желаю, чтобы мои записки отличались безусловною достоверностью. Были выбраны секунданты (у Драке – штабс-капитан Альтфатер и Михайловский и у Краббе – Гобято и Конного полка Манволов), место поединка и проч. Дуэль была назначена на 1 февраля, и вот накануне ее Краббе соглашается принять от Драке извинения, которые тот и приносит ему на другой день очень торжественно при собрании всех офицеров. Снова воздерживаюсь от комментариев и подробностей, так как по слухам и разговорам я не желаю ничего записывать. Наконец давно ожидаемая резолюция великого князя появляется в той форме, что нам сегодня (3 февраля) объявил герцог. Можно себе представить, в какое недоумение и негодование она нас повергла! «Все остается по-старому», и эти три офицера, оплевавшие бригаду и оплеванные нами, остаются мирно в бригаде. Мало того: нам угрожают и, вероятно, на всю службу не забудут наш «протест», наиподлейшим образом воспользовавшись нашими письменными показаниями. С появлением этой возмутительной «резолюции» приказано вместе с тем приступить к разбору дела между Гобято и Фриде. Желания начальства ясно выразились в сегодняшней речи герцога. Они хотят, чтобы Гобято дрался с Фриде, и этим исчерпывается весь вопрос. Но вопрос этим не исчерпывается, потому что, во-1), Гобято совершил неблаговидный поступок, ворвавшись

в квартиру женатого офицера, и во-2), Гобято назвал подлым поступок всех 50 человек, не желавших с ним обедать 18 декабря. Что же делает Ляпунов? Ляпунов запрещает суду разбирать вопрос о неблагоприятности поступка Гобято, а оскорбление им Фриде трактует как частную ссору. Но Гобято сам отводит секундантов Фриде (поручиков Матюшкина и Богушевского) как причастных к оскорблению, и этим самым признается, что оскорбил в лице Фриде целую корпорацию. Несмотря на это Ляпунов стоит на своем, что это частная ссора, и дуэль исчерпывает весь вопрос. Суд по его приказанию не рассматривает вопроса о неблагоприятности поступка Гобято, и тем не менее сегодня герцог объявляет нам, что суд всесторонне рассматривал все дело. Вот почему капитан Илькевич хотел заявить, что суд ничего подобного не рассматривал, но мы видели, чем кончилась его попытка. Итак, мое резюме: это грязнейшая история, в которой Ляпунов играет самую подлую роль. По чьему приказанию, или по своей инициативе – я не знаю. Ради правды должен прибавить, что наш уважаемый председатель суда полковник Дитерихс, безукоризненный до сей минуты во всем этом деле, – вчера поддакнул генералу, что суд всесторонне рассмотрел этот вопрос. Как и следовало ожидать, все члены заявили Дитерихсу и генералу протест против этой наглой лжи, но тем не менее генерал остался при своем решении – спрятаться за суд и дуэлью Фриде с Гобято исчерпать все его неблагоприятные поступки. Что заставило Дитерихса покривить так жестоко душой – я не знаю.

В 2 часа дня во 2 дивизионе полковником Берниковым так же, как и у нас, были собраны гг. офицеры для передачи им слов командира бригады. Присутствовавший там старший член суда общества офицеров капитан Пономаревский-Свидерский 1 (как у нас Илькевич) выступил с протестом против того, что суд рассмотрел вопрос всесторонне, как об этом говорит генерал Ляпунов. Он объявил, что суд рассматривал только то, что было приказано генералом. Полковник Берников в противоположность герцогу выслушал это заявление и, кажется, довел до сведения генерала.

4 февраля – вторник.

Читаю: роман «Некуда» Лескова¹⁶.

В 3 часа дня в собрании бригады собрались все гг. штаб- и обер-офицеры бригады и дивизиона. Генерал Ляпунов сказал нам речь, длившуюся полчаса. На этот раз не буду вам повторять ее слово в слово – слишком длинно. Суть же ее в следующем:

«Главкомандующий разобрал наши дела и положил резолюцию, что все остается по-старому, т. е. академики по закону (!?) имеют право выхо-

¹⁶ «Некуда» – роман Н. С. Лескова, первая публикация: Библиотека для чтения. 1864. № 1–5; 7; 8; 10–12.

дять с чином, а потому они и будут служить в части. Великий князь сказал, что «он не пожалеет ни командира корпуса, ни начальника штаба, а уж меня (т. е. Ляпунова) и вас (т. е. нас) и говорить нечего!» Тут Ляпунов с дрожью в голосе дал понять, как его фукнул великий князь, хоть он и раньше открыто заявил, что получил от главнокомандующего «полное неодобрение» своему образу действий. Затем он упомянул, что до него доходят различные слухи о том о сем, а потому он еще раз повторяет, что суд чести по его приказанию разбирает дело Фриде и Гобято со стороны «ссоры», и что неизбежная дуэль (которую, прибавлю от себя, очевидно требует высшее начальство) совершенно исчерпывает вопрос, после чего два офицера могут сделаться даже (при благополучном исходе) «друзьями и приятелями». Наконец, в-третьих – Ляпунов посоветовал более «пылким» «охладиться» и «приказывал» как начальник и «просил как человек» воздержаться от дальнейших попыток к протесту, намекая на жестокую кару, которая в таком случае неминуемо нас постигнет. Все должно быть «тихо» и «мирно», как прежде. Предостерег он также и от лишних «разговоров» и пускания слухов, говоря, что будет докапываться до «первоисточника», в чем ему должен помочь суд общества офицеров. В заключение он просил приналечь на занятия с нижними чинами, которые (т. е. занятия) за это тревожное время неминуемо расшатались...».

Вот вам «официальная» сторона решения вопроса!!

5 февраля – среда.

В 10 часов утра в собрании бригады собрались все штаб- и обер-офицеры бригады и дивизиона в обыкновенной форме. Из гостиной вышел в залу поручик Фриде с своими двумя секундантами поручиком Федоровым и поручиком Сапожниковым, из дверей лестницы вошел в залу штабс-капитан Гобято со штабс-капитаном Бейером, Давыдовым и лейтенантом Гобято. Гобято поклонился всем офицерам, обратился лицом к Фриде, вынул записку и прочел (приблизительно):

«Событие, которое произошло 6 января между мною и вами, дало повод рассматривать его как частную ссору, что совершенно неверно. Вот почему я беру свои слова назад, и если вы удовлетворены этим заявлением, то я готов протянуть вам руку». Фриде поклонился, и оба подали и пожали друг другу руку. Затем Гобято обратился ко всем нам и громким голосом быстро проговорил, видимо, хорошо заученную фразу:

«Господа, я требую удовлетворение за оскорбление, которое мне было нанесено 18 декабря, от старшего из заявивших нежелание со мной обещать. Если этот старший – обер-офицер, я вызываю его на дуэль, если он штаб-офицер, то пусть он меня вызовет на дуэль. (Обратившись к полковнику Дитерихсу): Господин полковник, вы мне передали это заявление, а

потому прошу сообщить мне, кто именно оказался старшим...» Растерявшийся Дитерихс ответил: «Слушаюсь!»...

Гобято снова всем поклонился и вместе со своими секундантами вышел из залы. Этот вызов оказался для всех и даже для Ляпунова полной неожиданностью. Я видел, как побледнел Берников... Он растерянно забормotal что-то... Дитерихс начал говорить: «Я получил...» Прочие штаб-офицеры растерянно и испуганно молчали. Всех выручил Илькевич – этот благороднейший джентльмен. Он выдвинулся вперед и сказал: «В числе заявивших не было штаб-офицеров, а из обер-офицеров – я старший! Я принимаю вызов!» ...И больше ни полслова... Ляпунов абсолютно не знал, что следует дальше говорить и делать...

«Я сейчас поеду к начальнику штаба, командиру корпуса...» Вперед вышел капитан Смысловский. Он заявил, что он на обеде не был, но исключительно по причине нежелания с НИМИ обедать, а потому он, как старший обер-офицер, готов принять вызов Гобято, полагаясь на решение суда...

Слово Смысловского «С НИМИ» дало повод присутствующему здесь штабс-капитану Огоновскому обидеться. Он вышел вперед и начал:

«Ваше превосходительство! Я также не был на этом обеде, но исключительно по причине своей болезни. Тогда же я спросил своего командира дивизиона и старшего полковника Берникова, относится ли это оскорбление и ко мне, на что мне полковник Берников объяснил, что это оскорбление никоим образом ко мне не относится. Теперь же капитан Смысловский заявил, что он не желал обедать с нами, т. е., значит, также и со мной...» Смысловский, взволнованный и, видно, погорячившийся, начал объяснять, что он не знал хорошо всю суть происшествия и готов взять свое слово «с ними» назад. Огоновский объявил, что он полагается на решение господ офицеров – считают ли они его оскорбленным или нет. Полковник Дитерихс вышел вперед и заявил, что ему передано было заявление только относительно нежелания обедать с Гобято, а потому его – Огоновского – считать оскорбленным нельзя...

Этим невольный инцидент, вызванный так некстати Смысловским, исчерпался... Но после этого случилось еще более знаменательное событие. В то время как полковники единодушно прикрылись за спиной обер-офицеров, совершенно отказавшись от какого-либо с ними соучастия, выходит полковник Наркович, только что переведенный к нам в бригаду из лейб-гвардии 3-й, не бывший даже на этом обеде, и заявляет, что так как он по мысли совершенно согласен с выраженным протестом, то готов вызвать Гобято на дуэль!.. Какая пощечина всем прочим штаб-офицерам!!! Ляпунов совершенно смутился и начал говорить, что «Вы тут совершенно ни при чем, так как явились в бригаду только утром этого дня (18 декабря) и не были на обеде...» Наркович хотел положиться на суд общества офицеров, но Ляпунов возразил, что суд о штаб-офицере судить не может, а потому

все решение зависит от него – Ляпунова, а он находит, что Наркович непричастен к этому делу. И это заявление уладилось, и благородный порыв Нарковича, человека семейного и без средств (замечу кстати для идиотов, утверждающих, что тут все основано на академической подкладке: Наркович – академик [Михайловской] артиллерийской академии), вплел ему блестящую ветку в венок славы...

Ляпунов в третий раз повторил, что он сейчас едет к начальнику штаба и князю Васильчикову, и, поклонившись нам, убежал из собрания...

Офицеры сумрачно и медленно расходились, обсуждая событие. Почти все сходились на том, что шансы обеих сторон неравны. Нам вчера заявили, что мы ничего предпринимать не имеем права, а вот Гобято имеет право вызывать на дуэль! А его поступок с Фриде!? Гобято ошибся и поступил неправильно. Вместо того чтобы в 24 часа после обеда 18 декабря вызвать на дуэль так, как это он сделал сегодня, он оскорбляет Фриде, а теперь спохватывается, извиняется перед Фриде и исправляет свою ошибку. Да разве это можно? Оказывается, что «им» все можно. Им предоставляется право вызывать на дуэль – дуэль, которая его обелит и даже окружит его каким-то ореолом рыцаря. Несправедливо и возмутительно!! Обсуждался и инцидент Смысловского... Подпоручик Дуров горячился и говорил, что следовало тут же ему, т. е. Огоновскому, заявить, что и он, конечно, оскорблен. Но большинство с Дуровым не соглашались. Раз факта оскорбления не было – незачем его и поднимать. Но напрасно только погорячился Смысловский, благодаря чему, должен сознаться, Огоновскому удалось сыграть очень эффектную роль: Дитерихс от лица всех заявил, что мы его считаем не оскорбленным...

В 3 часа собирается суд чести в составе полковника Дитерихса, Дена, Альтфатера и Матюшкина.

9 февраля – воскресенье.

Слышал вчера от штабс-капитана Альтфатера, что два артиллерийских офицера, Васильев и Григорьев, обучающиеся в Михайловской артиллерийской академии, арестованы как деятельные участники антиправительственной пропаганды и посажены в Петропавловскую крепость. Никаких подробностей я не знаю. Надеюсь, что эти два негодяя не набросят тень на славную русскую артиллерию.

НАНЕ*)¹⁷

Просил ответ – мне нет ответа!...

Из уст твоих уж много дней

¹⁷ Астериск приписан чернилами.

Не слышу больше я привета,
Не внемлю речи я твоей...

Глупец! Зачем я верил в счастье!
Зачем? Когда весь мир так лжив!
Я б не имел тогда несчастья
Читать в ответ твое: «Ты жив?»...

10 февраля – понедельник.

В 8¾ часов утра в офицерском собрании были собраны все господа штаб- и обер-офицеры бригады и дивизиона. Из гостиной вышли капитан Илькевич и его секунданты – капитан Гартунг и Вешняков, а из дежурной комнаты поднялись наверх и вошли в залу штабс-капитан Гобято и его секунданты – штабс-капитан Бейер и поручик Давыдов... После взаимных поклонов генерал Ляпунов обратился к полковнику Дитерихсу со словами: «Полковник Дитерихс, потрудитесь прочесть решение и постановление суда общества офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, утвержденное мною». Дитерихс взял лист бумаги, оседлал нос пенсне и, запинаясь, прочел: «Суд общества офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, рассмотрев дело о вызове штабс-капитаном Гобято капитана Илькевича на дуэль как старшего из 44 человек, отказавшихся обедать вместе со штабс-капитаном Гобято, и исходя из той мысли, что здесь не было нанесено обиды, постановил, что в данном случае дуэль была бы неуместной. Подписали все члены. На подлинном подписано: “Утверждаю, командир бригады генерал-майор Ляпунов”». Затем Дитерихс обратился к штабс-капитану Гобято и уже наизусть сказал ему: «Штабс-капитан Гобято, я считаю долгом заявить, что вы были введены в заблуждение, так как я упустил передать вам во время обеда, что господа офицеры заявили, что если вы не пожелаете уйти, то они все равно останутся обедать. Мне очень жаль, что предшествующие события дали вам повод считать себя оскорбленным. Позвольте пожать вашу руку». Поддав друг другу руку, Дитерихс обратился к капитану Илькевичу: «Капитан Илькевич! Я очень жалею, что предшествующие события дали вам повод...»

И он также пожал руку Илькевичу. Затем генерал Ляпунов с кратким словом (по записке) обратился к Гобято и Илькевичу, пожал им руки и предложил протянуть друг другу руки, что и было исполнено. Тут же Гобято извинился перед Ляпуновым, что он 5 февраля вызвал на дуэль без его разрешения, на что Ляпунов ответил: «Охотно извиняю» (!!???) и присовокупил к нему малозначащее нравоучение, окончившееся похвалой! Засим Гобято и его секунданты обошли всех нас и с нами здоровались за руку.

11 февраля – вторник.

Прочел: «На дне» – Горького¹⁸.

15 февраля – суббота.

Нане*)¹⁹

Я рад, безумно рад, что снова
Письмо твое держу в руках:
Как прежде – мрачные сомненья
Уж не звучат в моих ушах!

Я думал: буду ждать отныне
Письма от Наны я вотще...
Она меня совсем не любит,
Совсем забыла и... «вообще!!»

Таким окончанием «и – ...вообще!» пестрит письмо, полученное мною от Наны Астафьевой.

22 февраля – суббота.

Говел на 1-й неделе в Сергиевском всей артиллерии соборе. 17–22 февраля. Причащался и исповедывался сегодня у ранней обедни от 5½ до 8 часов утра. После того командир батареи полковник Лехович пригласил меня и прочих офицеров батареи выпить у него стакан чаю.

У нас в собрании вечером, на дежурстве подпоручика Жонсона, был корнет Гусарского его величества полка Ней Пум – сиамец. Это товарищ сиамского принца Чакрабона, который вместе с последним воспитывался у нас в России в Пажеском его величества корпусе. Ну, разумеется, пили шампанское и ужинали. Ней Пум пьет не хуже любого русского, хотя на этот раз сдрейфовал очень скоро. В гостиной пел наш офицер поручик Крестьянов, прекрасный баритон, значительно усовершенствовавшийся после годичного обучения в Италии.

23 февраля – воскресенье.

День празднования годовщины (171) 1 кадетского корпуса был перенесен с 17 февраля (по случаю поста) на сегодняшний день. Все прошло так, как быть полагается. Ничего интересного. Был великий князь Константин

¹⁸ «На дне» – пьеса М. Горького, написанная в конце 1901 – начале 1902 г.

¹⁹ Астериск приписан чернилами.

Хроника 1903 г.

Константинович (один) в форме Пажеского корпуса. Из генералитета никого замечательного. (Я был.)

24 февраля – понедельник.

В первый раз в качестве члена бригадного суда судил канонира 6 батареи за промотание казенных вещей и оставление оружия. Перед судом я был приведен к присяге священником Сергиевского собора Солертинским. Канонира мы приговорили к 2-м годам дисциплинарного батальона.

7 марта – пятница.

В 5 часов дня, вернувшись домой к обеду, я получил закрытое письмо с французской маркой, на конверте которого стояло:

Е. В. Б.
Владимир Степанович
Савонько
Россия. Петербург
Кирочная 3
Petersbourg
Russie

Вскрыв его, я нашел, во-1), небольшую брошюру в 10 листов, формата немного пошире этого календаря, которая начиналась так:

Е. Serebriakoff. Le Desarmement²⁰
Весь сбор
в пользу политических ссыльных и заключенных
Цена 50 с.

(Издание госпожи № №)

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ПОСТОЯННОЙ АРМИИ

Затем следует самый текст, который я не переписываю, так как он слишком длинен. Суть его заключается в следующем. Армия – это страшное зло, так как она нужна не для защиты родины (sic!!!), а для «императора», желающего тиранствовать над Россией. Для защиты страны достаточно милиции, как это имеет место в Швейцарии... Если не будет армии, то император лишится власти, а вместе с тем наступит золотое время для

²⁰ Разоружение (фр.).

России, так как их (т. е. императора и народа) интересы «взаимно противоположны». «Все, что полезно народу, – то вредно императору. Русскому народу нужно развитие и обучение, а император знает, что над развитым народом нельзя абсолютно властвовать. Народу нужно уменьшение налогов, императору нужно как можно больше денег для того, чтобы содержать орды полиции и других клевретов для удержания народа в рабстве. Народу нужны больницы, школы, пути сообщения, императору – гром войн и блеск побед. Народу нужны свободные учреждения, императору нужны мелкие тираны, исполняющие его волю. Так и постоянная армия – раз она вредна народу, она уже тем самым необходима императору».

Вся брошюра заканчивается следующими бессмысленными строками:

«Россия избавится от язвы (!?) милитаризма только тогда, когда она избавится от императора, его клевретов и шайки хищников, их окружающих».

Е. Серебряков

Внизу стоит:

«Женева. Типография Группы старых народовольцев. Март 1899 год».

Кроме этой детски-наивной и в то же время нагло-возмутительной брошюры, я нашел в конверте лист бумаги, на котором в 2 столбца напечатано следующее (переписываю целиком):

К РУССКИМ ОФИЦЕРАМ.

Не в первый раз правительство требует вашего содействия в мирное время. Не в первый раз оно заставляет вас обращать оружие, врученное вам отечеством для защиты родины от внешних врагов, против ваших сограждан. Но кто этот враг, которого вы призваны укрощать? Это ваши братья, ваши сестры, ваши дети, возмущившиеся против невыносимого гнета и насилия. Университет – это убежище науки – капризною волею самодуров отдан во власть полиции, под грубый надзор озверевших жандармов. Национальная армия, в которой, по утверждению патриотов, собран цвет русского народа, армия, одна принадлежность к которой, по их уверению, представляет высокую честь, одним почерком державного пера обращена в исправительный дом, куда назначают провинившихся в виде наказания! Чуткая, свободолюбивая молодежь, оскорбленная в своих лучших чувствах, не могла равнодушно снести брошенного ей в лицо вызова. Этого нужно было ожидать. И тогда русским людям пришлось увидеть страшные вещи: правительство, заманив в засаду молодых людей, произвело зверское избиение безоружных. Даже наше задавленное, многотерпеливое общество возмутилось. Все, что осталось честного и отзывчивого, объявило себя солидарным со студентами и громко протестовало против неслы-

ханных насилий. Рабочие массы открыто присоединились к студентам в целом ряде манифестаций. Офицеры, бывшие свидетелями этой кровавой бойни, также протестовали против казацко-полицейских безобразий, некоторые офицеры были даже арестованы. Один полковник, не веривший, что казаки и полиция бьют и убивают безоружных и мирно сошедшихся людей, и своими глазами увидевший побоище, схватился за голову и побежал прочь дальше, дальше от ужасных сцен жестокости и насилия. Но уйти в сторону от разыгравшейся драмы, бежать от жизни – не значит сохранить свою чистоту и удовлетворить запросы совести. Приближаются, наконец, и для России дни, когда всякий честный человек, поглощенный до сих пор своими личными заботами и интересами, силою самих вещей превращается в гражданина! Когда как бы внезапно наступившие тревожные события заставляют его принять активное участие в судьбах своей родины. Такие события перед нами разворачиваются теперь в форме все возрастающих студенческих и массовых общественных волнений, в форме негодующих протестов и петиций со стороны лучших представителей литературы и науки. Теперь уже нельзя уйти в свою личную жизнь, нельзя скрыться от грозной действительности, нельзя уклониться от гражданского долга. И вот перед русским офицером встает тревожный и мучительный вопрос. Положение армии при всяком внутреннем переломе становится в высшей степени трагическим. По своему назначению – она на службе всей страны. Но раз нация распалась на 2 лагеря, армии неизбежно приходится стать на ту или другую сторону, ей неизбежно приходится сделать выбор – или же признать себя слепым орудием, исполнительницей массовых убийств. Мы знаем, что значительная часть офицеров давно уже примирилась с такою ролью и даже гордится ею. К подобным людям странно было бы обращаться с человеческою речью: для них существует только команда. Мы обращаемся к людям, ум и совесть которых еще не вытравлены дисциплиной, еще не проданы за ленты и звезды. Мы знаем, что их много в русской армии. Русское офицерство менее западноевропейского заражено кастовым духом, оно более сохранило человеческую душу. Оно уже выставило много героев, составляющих гордость русской истории. Ими полны летописи всего русского оппозиционного движения. Вспомните декабристов, перед славою и памятью которых преклоняются даже их враги, вспомните мучеников долга, павших в польском восстании, Потебню, Сераковского, Сливичко и других, вспомните военных героев «Народной воли»: Суханова, Ашенбреннера, Рогачева, Штромберга, Пахитова. Эти люди учат нас, как должны вы действовать в том трудном положении, в которое ставит вас конфликт между совестью и дисциплиной. Не бежать, не уходить в сторону должен гражданин, а энергично вмешаться в свалку и властно крикнуть произволу: «Стой, ни с места!» Мы обращаемся к вашему уму, к вашей

совести, к вашему чувству, русские офицеры, русские люди! На ваших глазах бьют и убивают сынов вашей родины, топчут в грязь человеческую личность и совершают возмутительные беззакония. И, может быть, многие из вас даже сами принимали участие в этих ужасных событиях. Станьте на сторону права против беззакония, дайте отпор произволу, протестуйте против насилия, совершаемого среди бела дня над вашими согражданами, вашими братьями! Мы уверены, что русское офицерство, давшее своей родине столько героев и мучеников за свободу отчизны, не останется глухо к нашему призыву и с негодованием отвергнет возлагаемую на него правительством роль убийц и палачей. Мы уверены, что воскреснут традиции славного прошлого и что вскоре наряду со студентами и рабочими мы увидим среди борцов за русскую свободу наших лучших офицеров. Долой произвол! Да здравствует свобода!»

Соединенный Комитет
Социально-революционных групп.

8 марта – суббота.

Читаю: 2 тома Фритьофа Нансена «Во мраке ночи и во льдах»²¹.

11 марта – вторник.

От 2 часов дня, как член суда, судил канонира 1 стрелковой батареи Черного по обвинению в краже белья. За недоказанностью обвинений – суд его оправдал.

1 ПРИМЕЧАНИЕ (позднее) Командир бригады не утвердил наше решение, и дело поступит в окружной суд.

2 ПРИМЕЧАНИЕ (27 марта) Окружной суд ОПРАВДАЛ этого канонира!!!

13 марта – четверг.

От 9½ часов утра смотр верховой езды господ офицеров. Смотрел генерал Ляпунов. Присутствовал генерал Уткевич (начальник артиллерии). 4 смены: 1) 1 дивизион (я), 2) 2 дивизион, 3) стрелковый дивизион и 4) прикомандированные.

ПРИМЕЧАНИЕ (позднее): И начальник артиллерии, и командир бригады особенно остались довольными ездой нашего 1 дивизиона. Герцог благодарил нас приказом по дивизиону.

15 марта – суббота.

Читаю: «5 лет в гостях у Джон-Буля». Богдановича, т. 1²².

18 марта – вторник.

Когда я пришел сегодня в мою комнату в собрание, я услышал, что наверху находится штабс-капитан барон Майдель, выпущенный из госпиталя. Но как же так? Ведь он явно ненормальный, и к тому же после его истории с капитаном Росляковым ему вряд ли удобно встречаться с последним, да и со всеми нами?! Вот тут и кроется все безобразное поведение нашего командира Ляпунова. Оказывается, что сам Ляпунов выписал Майделя из госпиталя, уступая просьбам его брата и поручика Давыдова (?!). И только выписав его, он сообразил – насколько неудобно положение Майделя в бригаде. Что же Ляпунов предпринимает? Он делает все для сумасшедшего (которого он боится) и гнет здравомыслящего (потому что тот здравомыслящий). Он просит офицеров обращаться с Майделем особенно вежливо и предупредительно, а Рослякову приказывает (!?) уехать в двухмесячный отпуск! Но где же логика? Если Майдель здоров – то его поступок не должен, да и не мог быть объяснен так, как это имело место. Если же Майдель больной – то больному не место в гвардии, да и вообще в военной службе! Как видите, это продолжение нашей «дрейфусиады», в которой сам чорт ногу сломит и в которой со стороны начальства – грязь, ложь и подлость так и висят на воздухе.

В своем месте я забыл упомянуть об одном из решений главнокомандующего по нашему делу: в 1-й и во 2-й бригаде на время (неизвестно какое) приостановлено всякое движение по назначению штаб-офицеров и генералов. Вот почему Фуфаевский, который уже должен был к Пасхе получить чин полковника и батарею (4-ю во 2-й), отставлен и уехал в артиллерийскую школу, ибо командир 4-й батареи 2-й бригады, как штаб-офицер, не имеет права (по решению Владимира Александровича) на повышение...

19 марта – среда.

От 7 часов вечера смотрел в зале Шредера²³ панораму д-ра Пясецкого «Великий Сибирский путь»²⁴ при личном объяснении автора. Надо сознаться, что рисунки исполнены бесподобно.

21 марта – пятница.

Обычная присяга молодых солдат и после нее церемониальный марш. Парад принимал полковник Берников. Адский снег и достаточно холодно.

²² Богданович Л. А. Пять лет в гостях у Джон Буля. М., 1903. Т. 1.

²³ Зал Общества любителей музыки в доходном доме К. И. Шредера (Невский пр., д. 52).

²⁴ «Великий Сибирский путь» – картина-панорама П.Я. Пясецкого, выставялась на всемирной выставке 1900 г. в Париже.

В 11½ часов состоялся впервые молебен в 1 его высочества батарее по почину полковника Леховича, по случаю окончания годовичных «зимних» занятий. После молебна полковник Лехович обратился к нижним чинам со следующей речью:

«Ребята! В течение 3-х месяцев, что я вас знаю, я встречал с вашей стороны полное усердие к службе. Результаты сказались на смотрах, которые все прошли отлично, в особенности команда молодых солдат...» и т. д. Полковник Лехович благодарил солдат за службу и выразил надежду, что они и впредь, и особенно в лагере, будут так же усердно служить. Фейерверкерам он рекомендовал все свободное время подчитывать «устав», готовясь к лагерному времени.

В 8 часов вечера в химической аудитории Михайловской артиллерийской академии и [Михайловского артиллерийского] училища состоялась лекция профессора полковника Королькова о радиі – ново-открытом веществе. Лекция носила чисто научный характер. Слушателями были почти исключительно артиллеристы. Я был.

22 марта – суббота.

Читаю: 1) К вопросу о тактике скорострельной артиллерии
2) Радий и его лучи. Перевод с немецкого.

Последствия нашей дрейфусиады:

Так как генерал подал заявление, что совместное пребывание в бригаде капитана Рослякова и штабс-капитана барона Майделя немисливо (Еще бы! Но только почему одного Рослякова? И нам всем с Майделем встречаться неудобно!), и ходатайствовал о переводе барона Майделя из бригады – великий князь Владимир Александрович положил резолюцию: «Немедленно и капитану Рослякову оставить бригаду, взяв полевую батарею». На его решение много, говорят, повлияли происки Гобято, который, будучи родственник Сипягиным, подкладывал свинью Рослякову. Вот оно, товарищество!!! Куропаткин, как «парвеню», рад оказывать услуги аристократам... Майдель, говорят, назначается в распоряжение генерала Коробкова (?) с оставлением по гвардейской артиллерии.

Итак, благодаря подлому начальству и проклятым «дрейфусам» мы лишаемся одного из лучших своих товарищей – Михаила Сергеевича Рослякова! (Пиз-тук, пизтуческо, «Тобик», Тобишка, Ольга Васильевна, Мишка.)

23 марта – воскресенье.

Читаю: Mr de Bougrelon, P. Lorrain²⁵.

²⁵ «Господин де Бугрелон», автор [Жан] Лоррен (фр.).

Хроника 1903 г.

27 марта – четверг.

В 1 час дня состоялось в канцелярии 1 его высочества батареи совещание всех господ офицеров по поводу предстоящих юбилеев. Между прочим решен был вопрос о вычетах (по 5 рублей в год) на «юбилейный» капитал. Решены были и некоторые другие вопросы.

28 марта – пятница.

Читаю: *Verité – Zola*²⁶ (в России запрещено, достал через цензурный комитет).

1 апреля – вторник.

В «Обществе ревнителей военных знаний» я смотрел панораму д-ра Пясецкого: «Турецкая война» и «Шипкинские юбилейные торжества».

4 апреля – пятница.

По случаю отъезда моего в г. Тверь на праздники (я взял официальный отпуск на 12 дней) я являлся сегодня от 10½ – 11½ часов 1) командиру дивизиона полковнику герцогу Мекленбургскому (дома не застал) и 2) командиру бригады генералу Ляпунову (командир принял). Командир батареи полковник Лехович вчера просил меня «не беспокоиться», и потому я ему не являлся.

С 6 часов вечерним поездом я и мой отец выехали в город Тверь.

5 апреля – суббота.

Приехали в город Тверь в 8 часов 40 минут утра. Прямо с вокзала мы остановились в гостинице «Центральной»²⁷ – одной из двух лучших в Твери, хотя это не мешает, конечно, чтобы и в ней водились огромные черные тараканы. В гостинице мы переночевали две ночи, а затем переехали в квартиру моего двоюродного дяди генерала Астафьева (Мироносицкий бульвар, дом Карпова). В 10 часов я пошел являться здешнему воинскому начальнику полковнику Григоровичу, которого встретил у подъезда Управления, а затем я поехал расписаться у старшего войскового начальника – генерала Голубкова (командира пехотной бригады), живущего на Секретарской ул. в доме Федорова. Последнего (генерала Голубкова) я дома не застал. Окончив официальные визиты, мы пошли к генералу Астафьеву, где были радостно встречены всей многочисленной семьей. Заутреню пасхальную слушали в полковой церкви 8 гренадерского московского пехотного полка.

²⁶ «Истина» – Золя (фр.). «Истина» – роман Э. Золя (1903).

²⁷ «Центральная» – гостиница в Твери на Трехсвятской ул.

6 апреля – воскресенье.

Я Нане как-то заявляю,
На сердце подавляя грусть:
– Сегодня я уж уезжаю!..
– Ах, уезжаешь?.. Ну и пусть!

1903
233

ПРИМЕЧАНИЕ: «Ну и пусть!» – любимое выражение Наны Астафьевой.

7 апреля – понедельник.

На 2-й день Пасхи я делал визиты:

- 1) к Владимиру Семеновичу Астафьеву с женой
- 2) к г-же Андржеевской
- 3) к г-же Бассе.

8 апреля – вторник.

Папа уехал в Петербург с 2-часовым поездом, так как у него вышли счета со стариками...

Вечером я был на детском танцевальном вечере в Дворянском собрании.

11 апреля – пятница.

С бис-скорым поездом в 6 часов 27 минут утра я с Наной выехал из Твери в Москву, куда мы и приехали через 3 часа в 9 часов 30 минут утра. Взял извозчика на целый день и поехал осматривать Москву. Нана в Москве в первый раз. Пребывание государя придало Москве особый вид. Полиция, жандармы, караулы... на каждом шагу. Убрано флагами и проч. На многие улицы экипажей не пропускают. На другие пропускают только офицеров. Осмотрели: торговые ряды, церковь Василия Блаженного (внутри), Успенский и Архангельский соборы (внутри), памятник Александру 2, храм Христа Спасителя (внутри) и много чего другого. Побывали и в знаменитой (часа 2) Третьяковской галерее, чему я очень рад, так как я и сам попал туда в первый раз. Что за шедевры здесь собраны?! Дивная, восхитительная коллекция!! Последние залы заняты современной декаденщиной. Неужели есть люди, которые видят искусство в такой картине, как «Город строят» – Рериха?... Значит, есть, коли она принята в «такую» галерею!! Жалко и обидно... Поклонились Иверской и пошли завтракать в «Большую Московскую гостиницу». Оттуда поехали к сестре Екатерины Клитовны Астафьевой – к Зинаиде Клитовне Филоматицкой. Все ее семейство сидело за самоваром – в саду Александровского коммерческого училища, где г-н Филоматицкий – помощник инспектора классов. Пробыв у них около часу, мы поехали в Лефортово, где я забросил карточку (дома не застал) моему знакомому доктору Зорину. Нечего и говорить, что мы

в течение дня не раз объехали все главные улицы Москвы и познакомились со всеми замечательными магазинами и зданиями. Напоследок мы поднялись на самый верх колокольни Ивана Великого, а затем поехали обедать в «Эрмитаж»²⁸, откуда уже прямо проехали на вокзал. С 10-часовым бис-скорым поездом мы вернулись в Тверь (в 1 час 8 минут ночи).

12 апреля – суббота.

Взял в Управлении свой отпускной билет, сделал прощальные визиты, купил «тверских» пряников и с поездом 8 часов 40 минут уехал в Питер. На вокзале меня провожали Астафьевы и Андржеевские in corpore²⁹.

13 апреля – воскресенье.

Приехал в СПб. в 8 часов 30 минут утра. От 10½ до 11½ [часов] успел явиться по начальству. Герцога Мекленбургского дома не застал, а генерала Ляпунова и полковника Леховича дома застал и у последнего сидел довольно долго.

16 апреля – среда.

2 судных дела в бригаде:

1) о фейерверкере Ляличенко и др., укравших казенное сено, и

2) о канонире Шляхтенко (мой новобранец, 1 его высочества батареи)

за неисправимо дурное поведение.

Я – член бригадного суда.

19 апреля – суббота.

От 9 часов утра судное дело о канонире Лысенко, обвинявшемся в побеге и кражах. Я – член бригадного суда.

24 апреля – четверг.

По расписанию должен быть высочайший парад, на котором и я участвую – командиром 2-го взвода 1 его высочества батареи (на 2-х репетициях я был). Но еще вчера скверная погода заставила волноваться штаб округа, и вечером загородные части были предупреждены, что парад может быть в шинелях. Сегодня в 9 часов утра, едва мы успели сесть на коней, как пришла отмена парада. + 4°, сыро, на Марсовом поле – грязь непролазная...

Бригадный адъютант заболел, на его место временно исполняющим должность назначен дивизионный адъютант, а на его место герцог временно назначил меня. И я как ни упирался (ибо я хозяин собрания и в наряды не вхожу), но пришлось подчиниться. Я в 11 часов, будучи в парадной фор-

²⁸ «Эрмитаж» – ресторан в Москве (Неглинная ул., д. 29).

²⁹ В полном составе (лат.). Правильное написание: in corpore.

ме, явился полковнику герцогу Мекленбургскому (дома не застал). Вместе с адъютантством я назначен заведывающим артелью 1 эшелона бригады.

Кстати тут же упомянуть, что я на пасхальной неделе (пока был в Твери) был выбран единогласно в заведывающие столовой 1 эшелона. Но на днях я категорично отказался от этой чести, опираясь на то, что уже однажды столовой заведывал. Вместо меня выбрали штабс-капитана Погребнякова.

1903
235

26 апреля – суббота.

Бригада наша выступила в лагерь после молебна (в 8 часов утра), совершенного на плацу Спасо-Преображения. Хотя я и исполняю должность дивизионного адъютанта, но герцог освободил меня от обязанности идти в строю, так как мне нужно было распоряжаться устройством завтрака в Лигово. С этой целью я поехал в Лигово на поезде в 10 часов утра (после молебна, на котором я присутствовал) и приехал в Лигово в 10 часов 20 минут. Там в 7 минутах ходьбы от станции есть дача, где наша бригада уже несколько лет подряд останавливается для привала. Наш повар Александр и фургон нашей бригады с провизией и посудой был уже там. Столы на 30 кувертов были накрыты в садике дачи. На солнышке припекало, но по временам дул леденящий ветер и в общем было холодно. Около 12 часов дня к привалу подошли все 3 дивизиона (в том числе и стрелковый), и офицерам был предложен завтрак из 2-х горячих блюд с обильной закуской и винами. Батареи потянулись дальше походом, а я дождался поезда в Лигово в 2 часа 49 минут и на нем покатил в Красное, где в лагере бригада уже пришла к этому времени. Новая наша столовая в 1 эшелоне еще не готова. Стругают, мажут, чешут... Я поселился в бараке 1 его высочества батареи. После прекрасных комнат 2 батареи здесь мрачно, неприветливо и грязно. Барак старый, с рваными обоями. Но офицеров в этом году слишком много: у нас в батарее 5 (а комнат всего 4), два прикомандированных поселились вместе. Во 2-й батарее тоже 5 офицеров и столько же комнат. Следовательно, свободных не имеется и выбора нет. Состав нашего эшелона следующий:

командир дивизиона, полковник герцог Мекленбургский

адъютант Баранов (пока временно исполняющий должность бригадного адъютанта)

1 ЕГО ВЫСОЧЕСТВА БАТАРЕЯ

полковник Лехович

капитан Гартунг

штабс-капитан Кавтарадзе

я

подпоручик Ушаков

– Наркович

2 БАТАРЕЯ

полковник Дитерихс

капитан Илькевич

штабс-капитан Альтфатер

подпоручик Окерман

– Шталь

Лехович и Альтфатер, кажется, потом в середине лета уедут.

27 апреля – воскресенье.

Ко мне назначен вестовым Осип Саутыч – срока службы 1903 года. Летом он исполняет одновременно и строевые обязанности.

28 апреля – понедельник.

Известно, что памятник императору Александру 2 в Москве почти никому не нравится. Об этом я уже писал в моем сочинении «На Кавказе»³⁰. Сегодня мне пришлось услышать от полковника Похвиснева маленькое стихотворение неизвестного автора, осмеявшего довольно остроумно колоннаду вокруг памятника.

Нелепого строителя
Весьма нелепый план:
Царя-Освободителя
Поставил в кегель-бан!³¹

«В купе поезда ехал немец с молодой, очаровательно хорошенькой женой. Напротив сидел корнет, не подозревавший, что это счастливые супруги. Когда дама на минуту вышла из купе, корнет рассыпался перед немцем, восхваляя красоту незнакомки. Наконец корнет воскликнул:

– Я бы дал 3000, чтобы только похлопать ее по жопке!

Немец сообразил, что эта операция, нисколько не посягающая на честь его Амальхен, в сущности чрезвычайно выгодна, и когда его благоверная вернулась в купе, они с минуту пошептались и затем объявили корнету, что мадам согласна за 3000 рублей дать похлопать себя по жопе. Немедленно была засучена юбка, известная часть тела оголилась, и корнет с восторгом начал гладить ее по атласной коже. Вдруг Амальхен спрашивает:

– Ви хотели... Но почему ви меня не хлопаете?..

– Потому что у меня нет трех тысяч!!»

(Слышал от П. А. Кавтарадзе.)

1 мая – четверг.

Отмененный 26³² высочайший парад вновь назначен на 2 мая. Гвардейской артиллерии (уже выступившей в лагерь) и загородным частям при-

³⁰ Описание поездки на Кавказ не входит в комплекс материалов В. С. Савонько, поступивших в ОР РНБ.

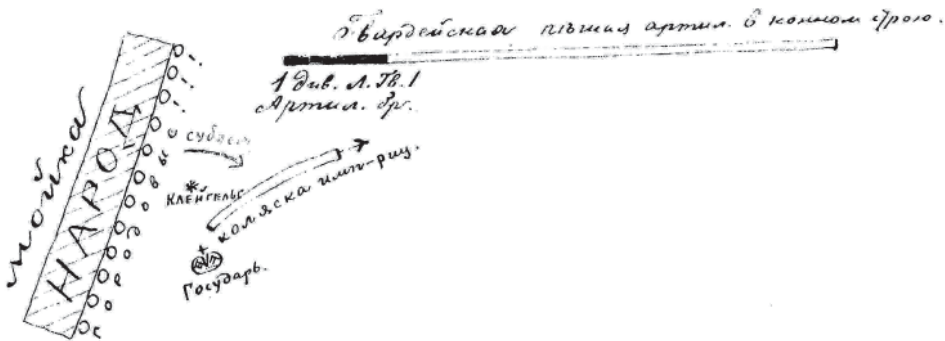
³¹ Ср.: Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1. М., 1986. С. 78.

³² По записям в дневнике парад должен был состояться 24 апреля (см. соответствующую запись).

казано выступить 1 мая. Хотя я в настоящее время и. д. дивизионного адъютанта, но меня полковник Лехович просил быть во 2 взводе батареи (его высочества), а за дивизионного адъютанта согласился быть уже уволенный в отпуск подпоручик Шанявский. Наш дивизион выступил походом из лагеря (я за дивизионного адъютанта) в 12 часов дня, и переменными аллюрами мы дошли в Петербург к своим казармам к 5½ часам дня. Тут меня по телефону сейчас же потребовал к себе во дворец герцог Мекленбургский (который походом не шел), чтобы отдать несколько распоряжений касательно завтрашнего парада.

2 мая – пятница.

Парад на Марсовом поле в высочайшем присутствии. Я – во 2 взводе 1-й его высочества батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Во время объезда государем линий войск случилось маленькое происшествие.

В тот момент, когда коляска императриц заезжала в нашу линию (а государь находился еще на этой стороне экипажа), какой-то индивидуум бросился к коляске императриц, встал на колено, снял шапку и подал Александре Федоровне просьбу, затем перекрестился и спокойно ушел прочь. Александра Федоровна спокойно и с улыбкой взяла эту просьбу. Государь, как говорят, заметно смутился и, проезжая и здороваясь с нами, был рассеян и оборачивался назад. Самое замечательное – это то, что субъекту удалось вырваться спокойно подойти из-за почти сплошной стены полицейских и из-за хвоста лошади Клейгельса. Немедленно вся полиция взбудоражилась, и на злополучное место нагнали новые толпы жандармов и городских, как будто второй проситель непременно тоже должен выйти из этого же места (и хотя государь уже далеко уехал!!!). Парад прошел хорошо. Погода свежая, но хорошая.

В 5 часов дня под командой герцога Мекленбургского наш 1-й дивизион пошел походом обратно в Красное Село. Пройдя всю мостовую – в городе и

за городом до «Красного кабачка»³³, мы двинулись по шоссе крупною рысью и с привалом у Лигово полчаса (да еще поезд нас задержал минут на 20!) мы приехали в лагерь в 10½ часов вечера, когда уже сильно стемнело. Обед нас ждал, а после него в 12 часов мы разошлись по своим баракам спать.

3 мая – суббота.

От 3-х часов дня – 1-я стрельба отдельных батарей в нашем дивизионе. В этом году впервые бригада ходит на стрельбу подивизионно, а не целиком. Я, в качестве адъютанта, поехал на позицию с герцогом в его коляске. Во 2-й батарее не обошлось без несчастия. Канонир 2-го орудия, спрыгивая с передка, при выезде на позицию, попал ногой в колесо, и ему сломало ногу ниже колена. Замечательно, что перед нашей стрельбой была стрельба гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, и на ней присутствовал наш врач – д-р Андриевич, который затем попросил полковника Берникова (временно командующего бригадой) разрешение уехать в Петербург и не быть на нашей стрельбе. Как раз и случилось вышеупомянутое несчастие, где присутствие врача было бы кстати. Канонира наскоро перевязали фельдшерá и затем увезли в Красносельский госпиталь. Стрельба 2-й батареи не перерывалась. 3-я батарея (полковник Наркович) не могла кончить стрельбу, так как полил сильнейший дождь, который вскоре заволок всю цель сплошной белой пеленой.

5 мая – понедельник.

Приказ по бригаде от 5 мая № 125, п. 7:

«Поручик Савонько прикомандировывается мною к Управлению бригады для письменных занятий».

Генерал-майор Ляпунов (?)³⁴

Это прикомандирование мое вызвано тем, что наш казначей поручик Матюшкин уезжает в отпуск и я тогда буду исполнять обязанности казначея. А пока мне дают время ознакомиться с делом.

Вместе с тем до выздоровления бригадного адъютанта поручика Фриде – я буду исполнять обязанности дивизионного адъютанта и заведывающего артелью (солдатской лавочкой) 1-го эшелона.

7 мая – среда.

Бригадный суд (председатель – капитан Ден, члены: штабс-капитан Петрушевский и я) судил 2-х канониров (Мясникова и Сердюка) 1 гвардейского летучего артиллерийского парка за кражу. 1-го мы оправдали (за

³³ «Красный кабачок» – название трактира, находившегося на 10 версте Петергофской дороги и просуществовавшего с 1713 по 1919 гг.

³⁴ Знак вопроса приписан чернилами.

неимением доказательств), а 2-го приговорили к низшей мере (на 1 месяц и 2 недели) за укрывательство краденого – в чем он сам сознался.

13 мая – вторник.

Наша 1-я его высочества батарея в составе 24 рядов выезжает сегодня в СПб. для участия в юбилейных (200 лет) торжествах г. С.-Петербурга. Выезжают и все офицеры батареи, в том числе и я, так как я буду на параде в строю, во 2-м взводе. Вчера и сегодня были уже репетиции у нас пешего строя (церемониального марша).

16 мая – пятница.

200-летний юбилей города С.-Петербурга. Только к утру были готовы все украшения. Мы собрались в казармы к 7 часам утра. Состав батареи: 24 ряда при фельдфебеле Бекадорове. Командир – полковник Лехович. В строю: 1 взвод капитан Гартунг, 2 взвод я, 3 взвод штабс-капитан Кавтарадзе и 4 взвод прикомандированный подпоручик Ушаков. В 7½ часов пришел фотограф Оцуп, постоянно снимающий в Красном Селе и преимущественно артиллерию, и снял нас на бригадном плацу: в развернутом строе и группу офицеров. В 7 часов 50 мин[ут] двинулись на Сенатскую площадь и стали тылом к Неве, рядом с ротами его величества семеновцев и преображенцев. Погода восхитительная. Ни облачка. Жара тропическая. Так как до парада было еще очень далеко, то мы (к нам еще присоединились: герцог Мекленбургский, полковник Берников, генерал Уткевич, поручик Фриде и Баранов и др.) ушли на соседний живорыбный садок, где разложили свою закуску и питье, заказанное нами накануне в паштетной Астафьева.

Вскоре началась пальба из всех судов, стоящих на Неве. Это двинулась морская процессия из домика Петра Великого. Ботик Петра на особом судне и на буксире прошел совсем близко от нас и бросил якорь у Сенатской площади. Его конвоировали паровые и гребные катера. Приблизительно в 12 с минутами потянулся крестный ход из Исаакиевской церкви на площадь. Музыка играла «Коль славен», а мы держали на-караул. Наконец прибыл государь и вся свита в колясках. Экипажи пустые без конца потянулись мимо нас по направлению к Николаевскому мосту. Государь фронт частей не обходил, а сразу вошел в шатер. Молебен с многолетием, пальбой и звоном, затем кантата, которую нам совсем не было слышно, и в заключение гимн, повторенный 2 раза при довольно восторженных криках фрачников на площади. Мы отошли вглубь набережной (несколько шагов), и начался церемониальный марш. Наша батарея проходила развернутым строем. Прошла очень хорошо. Государь благодарил.

Прошли арку и выстроились по панелям. По окончании церемониального марша государь проехал мимо нас в коляске. Мы держали «на караул»

и кричали «ура». Этим все торжество для нас закончилось, и мы пошли по домам. Надо сознаться, что эта «марка» порядком нас утомила (с 7 часов утра до 2-х часов дня). Когда я пришел домой и разделся, то на мне не оказалось ни одной нитки сухой. Курьезы: без ошибок наш штаб не обошелся. В печатном расписании парада написано, что ротой преображенцев командует наследника, хотя преображенцы и уведомили, что наследник в строю не будет. Он, конечно, и не был. А мы в расписании названы так: пешая рота (!!???) 1-й его императорского высочества великого князя Михаила Павловича батареи!!? (нужно: батарея в пешем строю). Едва успел я вернуться домой и переодеться с ног до головы (на мне не оказалось ни одной сухой нитки), как уже нужно было ехать в Михайловский манеж. За мной в 3¼ часа заехал Л. Ф. Гартунг, и мы покатили. В Михайловском манеже, занятом в эти петровские дни базаром, было приготовлено богатое угощение нижним чинам – потомкам сподвижников Петра, в том числе, конечно, и нашей батарее в. к. Михаила Павловича. Всего было заготовлено, как говорят, на 900 с чем-то человек. Нас любезно принял отставной генерал-майор Медведев – гласный думы, которому было поручено устройство этого угощения. Каждому нижнему чину полагалось: щи с 1 фунтом мяса, котлеты с макаронами, огурец, громадный мясной пирог, 1 металлическая кружка (юбилейная), 1 десяток папирос, апельсин, 1 бутылка пива и 1/200 ведра водки (полмерзавчика). Кроме того у каждого лежало печатное меню. Как видите – угощение роскошное. В манеж стали стекаться офицеры петровских частей. Из наших приехали все офицеры батареи во главе с командиром полковником Леховичем и вр. ком. бригадой полковником Берниковым. (Командир дивизиона полковник герцог Мекленбургский почему-то не считал нужным «почтить» батарею своим присутствием.) Вскоре приехал городской голова г. Лебянов – в мундире, украшенном множеством иностранных звезд. Полковник Лехович нас всех ему представил. Великий князь Владимир Александрович изъявил желание после церемонии прибавки знамен полкам 23 пехотной дивизии (во дворце в 4 часа) заехать сюда, а потому люди обедать не садились, и мы все ждали великого князя. Около 4½ он приехал. Потребовал пробный столик и, подняв чарку, провозгласил тост за государя императора. Тут мне бросилось в глаза следующее: наши гвардейцы кричали «ура» еле-еле, многие, может быть, и не кричали совсем, тогда как армейцы (в особенности кавказцы) приняли тост громовым ура, не смолкавшим несколько минут. Я это объясняю ничем иным, как избалованностью нашего солдата, уже видавшего виды. Г. Лебянов в свою очередь провозгласил тост за «главнокомандующего великого князя Владимира Александровича». Опять в ответ то же громовое ура. Затем великий князь уехал, его все проводили, затем снова вернулись, и генерал Лангоф (командир лейб-гвардии Семеновского полка и старший из присутствующ-

щих) поднял чару за городского голову г. Леянова. И его почтили громким «ура». Г. Леянов выпил здоровье «наших славных войск», созидавших город Петербург. Последнее «ура», и нижние чины, усевшись, начали свою трапезу. Все время непрерывно играл оркестр пожарной команды. В манеж никого из посторонней публики не пускали, так как город откупил его на весь день для наших солдат за 500 рублей. Каждая порция обошлась (не считая кружки) в 1 рубль 10 копеек. Эти цифры указывают, что город не скупился на достойное сего дня угощение. Генерал Медведев вместе с другим еще отставным генералом пригласил всех нас зайти в местный (в манеже) буфет, предложив что-нибудь перекусить. Были немедленно сдвинуты круглые столы, и мы уселись (преображенцы, семеновцы и наша батарея, армейцев не было). Были поданы: бутерброды (правда – засушенные), чай, пиво и откупорено масса всевозможных вин. Но никто, конечно, почти ничего не пил. Полковники и генерал Лангоф вскоре первые встали из-за стола и распрощались. Мы тоже вскоре поднялись, немного потолкались в манеже, а затем я с Л. Ф. Гартунгом еще раз поблагодарили генерала Медведева за радушный прием, получили от него по жестяной юбилейной кружке и уехали в Собрание армии и флота пообедать. Было 5½ часов дня. Там пообедали очень скромно в компании еще с нашим офицером подпоручиком Матвеевым (сейчас он в Генеральном штабе) и в 7 часов поехали в манеж, чтобы взглянуть, что там делается. На сцене шло прелестное представление: при нас выходила – певица, малороссийский танцор и труппа лапотников. Солдаты аплодировали громко, кричали «бис», но в общем вели себя превосходно, и крики продолжались всего несколько секунд, после чего сейчас же наступала тишина, и они слушали, что поется или говорится на сцене. После этого дивертисмента, говорят, была поставлена пьеса «Богдан Хмельницкий» (которую, впрочем, солдаты не дослушали, уйдя раньше конца), но нам не было времени сидеть, так как мы должны были еще поспеть в 8 часов вечера на торжественное заседание думы. К описанию его я и перехожу. Большой зал думы наполнился приглашенными. Едва мы с Гартунгом вошли, как к нам подскочил полковник Берников и с ужасом заявил, что вот армейские части подносят городу адреса и подарки, а мы «ничего»! И в тоне Берникова какой-то упрек, точно он говорил, советывал, а мы не послушались. Но дело обстояло совершенно иначе. Наша батарея ничего не решала, так как не хотела высказывать одна из всей петровской гвардии, а потому мы хотели поднести что-нибудь вместе с преображенцами и семеновцами. Это удобнее и потому, что нам – одной маленькой батарее – поднести что-либо очень ценное (в несколько тысяч) очень трудно, так как в батарее 5–8 человек, а в полку 60! Да и в прошлом году г. Шлиссельбургу мы подносили сообща (стопу). Так было условлено и теперь. Но преображенцы почему-то решили, что никаких адресов и подношений они делать

не будут. Семеновцы пришли к тому же решению. Мы не доискивались узнавать, что за причины руководили ими при таком решении, хотя наша батарея (и в особенности я) считали, что поднести подарок городу прямо необходимо. Но с другой стороны, мы могли найти себе оправдание в том, что все приглашения, угощения и подарки нам городом были известны нам только понаслышке или из газет, а официальные приглашения мы получили только накануне (загородные части, вероятно, получили приглашения раньше). Правда, город в этом, кажется, не виноват, так как его в свою очередь сильно тормозил министр внутренних дел Плеве и Главная квартира, но факт остается фактом: все приглашения мы получили только накануне. Город торжественной депутации от гвардейских петровских частей ОЖИДАЛ (как это мы увидим далее), и в отсутствие ее вышла крупная неловкость, но все же волноваться нечего: недоразумение (раз что мы постоянно живем в Петербурге) легко объяснить и ошибку нашу исправить...

Наконец почти все собрались (в том числе г. Плеве, генерал-адъютант Рихтер и др.), и г. Леянов, позвонив в колокольчик, объявил заседание (юбилейное, торжественное) открытым. Затем он встал и, засматривая в лежащий перед ним исписанный лист, сказал очень длинную речь, в которой очертил все главные моменты из жизни Петербурга, и закончил ее перечислением тех постановлений, которые сделала дума в память 200-летнего юбилея. Говорил Леянов очень тихо, так что в 4 ряду (где я сидел) уже ровно ничего не было слышно. Никакими ораторскими приемами он тоже не обладает. Просто: застенчиво передал хорошо выученный урок. Речь его была встречена молча. Вслед за тем начался ряд депутатий. Их было без конца. Все заседание длилось до ½ 12-го. В зале сделалось жарко как в бане. Мы были затянуты в парадной форме. Я не буду, конечно, вам перечислять все эти депутатии. Эти сведения легко почерпнуть из современных газет. Моя задача заключается в том, чтобы 1) излагать собственное участие в событиях и, во-2), излагать то, что наверное в печать не попадет, а в то же время имеет весьма большой интерес. Мои записки служат как бы дополнением к официальным описаниям торжеств. Они представляют собою тот разговор, какой обыкновенно возникает после какого-нибудь виденного торжества или события.

— А как тихо и плохо говорил свою речь Леянов, — скажет какой-нибудь очевидец.

Это верно, это может быть впечатление многих, но в печать это не попадет, так как торжественные дни и видная роль городского головы удерживает всех от излишних осуждений. Еще меньше правды можно ожидать при описании каких-либо военных и гражданских официальных торжеств — всего того, что касается лиц администрации, сановников, царской фамилии и проч. Ну где вы найдете, например, отчет о том, как прошли сегодня церемониальным маршем войска на Петровской площади? В газетах будет

стоять только: «Войска проходили один раз и удостоились царского спасибо». Вот и все. И всегда так: никогда иначе. А между тем я могу вам сообщить, по словам моего отца, присутствовавшего на площади, что лучшие всех прошли мы (наша батарея) – безукоризненно во всех отношениях. 2-я полурота преображенцев волновалась и подгадила. Семеновцы прошли удовлетворительно. Взводы армейцев (кавалерия и пехота) весьма недурно, даже хорошо, зато полки 23-й пехотной дивизии ниже всякой критики. Это была какая-то толпа, а не стройное войско...

Но довольно... Вернемся к думе.

Итак, газетных сведений я трогать не буду. А вот мои впечатления. Присылка депутатий носила совершенно случайный характер. Видно, что все вышло как-то экспромтом, без предварительного обдумывания. Я уже объяснил – почему это могло быть. Г. Плеве, боясь угрожаемых народных скандалов в дни юбилея, не давал ни на что разрешения до последней минуты, а разве в ОДНУ минуту можно ВСЕ сделать – сделать ту адскую работу, которая обыкновенно подготавливается чуть не за год и больше. Вот и Вена не прислала депутатии. Говорят: Вена – свинья! А вот оказывается, что Вена НЕ получила вовремя приглашения, а потому не успела снарядить депутатии. Это вдруг не делается. А дума, кажется, еще за день не знала о дне и часе своего заседания. Вдруг Плеве скажет: заседание не должно быть тогда-то, потому что это вызовет и т. д. Париж, говорят, сам запрашивал телеграммой, когда можно приехать в Питер с поздравлением. Вообще хаос вышел изрядный. Сидишь и недоумеваешь...

– Депутация от 1 кадетского корпуса!

А почему нет депутатий от 2-го, Александровского и т. д.?

– Депутация от Юрьевского университета!

А где же депутация от прочих университетов? (Петербургского тоже не было). Их нет! Есть депутация от военного ведомства, но нет депутатов от Сената, министерств и проч. От военно-учебных заведений вышел депутатом ОДИН чиновник. Неужели нельзя было командировать кого-нибудь получше? Ведь есть же генералы в распоряжении Главного начальника военно-учебных заведений?! Потом вдруг вызывающий депутатии по списку возглашает:

– Депутаты от полков. От Преображенского!

Конечно, никто не является. Ведь вы знаете, что преображенцы и мы депутатов не назначили и ничего подносить не собирались. Зачем же надо было вызывать несуществующую депутацию? Значит, список составлялся не по «заявлению», а по «предположению», что вот такой-то ДОЛЖЕН быть обязательно. Вышло довольно глупо.

Наконец пришел черед иностранцам. Первым появился депутат города Берлина. Его встретили аплодисментами уже при входе и после небольшой

речи проводили также довольно шумными аплодисментами. И вот на эстраду с трудом, поддерживаемый слегка товарищем, поднялся Девиль, депутат города Парижа. Поднялся невообразимый шум аплодисментов, выкриков «Vive la France» и проч. Долго Девиль не мог начать своей речи. Он не кланялся, не улыбался, а подбоченился правой рукой и спокойно выжидал, когда все стихнет. Француза не удивишь какой-либо демонстрацией!! (Будь то сочувственная или наоборот.) Когда, наконец, все стихло, Девиль обернулся к городскому голове с прекрасною выразительною речью, начав ее словами: «Господин городской голова и друг...» Его прерывали сочувственными выкриками «браво»... Девиль кончил... Снова буря восторгов. Хлопали и кричали без конца. Девиль опять не кланялся, не улыбался и спокойно и медленно сошел с эстрады. Эта овация, говорят, его сильно утешила, так как он обиделся, что его никто не встретил при входе в думский зал. Но, право, в такой суматохе эту оплошность головы я готов простить. А французу обижаться нечего. Его встретили чисто по-родственному и в думе, и на улице, и в особенности на обеде в корпусе (об этом я скажу завтра)...

После Девилья появилась депутация от нескольких французских городов. Овации те же...

Потянулись прочие иностранные делегации. Все говорили на своих языках. Всем аплодировали при появлении и при проходах. Большинство говорили кратко и даже очень кратко. Речь болгарина была встречена очень сочувственно, но нужно заметить, как курьез, что в ней не было упомянуто ни одним словом про юбилей Петербурга и не выражено никакого приветствия городскому управлению. Болгарин доказывал, что они – болгары – ВСЕМ обязаны русским и что без русских они, в сущности говоря, нуль. За это болгарам и хлопали... Черногорцы были в своих национальных костюмах. Он подошел к столу и сказал не более двух слов (по-черногорски). Но его проводили долго не смолкавшими громовыми аплодисментами.

За иностранцами пошли делегации русских городов. Я несколько раз порывался удрать из зала. Непрерывное чтение всякой белиберды, зачастую совершенно не относящейся к делу высокопарной белиберды! Что может быть ужаснее!

Мне было жалко Лелянова. Он смотрел на чтецов адреса и кивал головой, затем аплодировал и принимал адрес или подарок. И на смену являлся сейчас же новый чтец, очень часто плохой, который читал тихо, под нос, и читал долго, без конца... Для публики, которая его, конечно, не слушала, – это было просто мучительно. Жара достигла тропической температуры. Многие поуходили, и к концу зал очистился наполовину. Это известная всему миру «русская неделикатность». Прийти поздно и на шуметь и уйти раньше и тоже на шуметь. Так что шум передвигаемых стульев и шуршанье сапог почти не прерывалось во все время заседаний. Наконец «города» окончились, за ними

десяток еще депутатий (в том числе от караимов), и лакеи стали разносить шампанское в бокалах. Г. Плевэ поднял бокал за здоровье царя, покрытое «ура» и звуками гимна. Затем еще два тоста: г. Лебянова за «его высокопревосходительство господина министра внутренних дел» (Плевэ) и последнего за город, управление и голову (Лебянова). Кричали «ура». Конец в ½ 12 ночи. Я так устал, что бросился на извозчика и поехал домой.

17 мая – суббота.

На сегодня мне предстоял только вечером обед в 1 кадетском корпусе, устраиваемый Городским общественным управлением. В моем расписании был день до 5 часов, и я им воспользовался, чтобы совместно с П. А. Кавтарадзе перетащить весь ценный инвентарь нашего исторического музея (в бригаде) в гостиную и залу, так как нам удалось выхлопотать у генерала (командира бригады) одну комнату учебной команды под собрание. Мысль об этом зародилась у меня. Я же привел ее и в исполнение (не забывайте, что я – хозяин собрания), написав от имени комитета длиннейший и обстоятельный рапорт, в котором доказываю необходимость еще одной комнаты для офицерского собрания. Но рапорта, конечно, было недостаточно. Естественный ходатай – председатель комитета полковник Дитерихс – совершенно устранил себя от участия в этой операции. Ходатаем явился полковник Лехович (который, кстати, в очень хороших отношениях с генералом Ляпуновым), и ему мы обязаны тем, что собрание обогащается новой и очень удобной карточной комнатой. Но все это и моя сложная смета 1903 года по собранию вызывает у меня массу работы летом, но писать об этом и сообщать у меня положительно нет времени. Делá собрания – лучший источник для оценки моей деятельности как хозяина офицерского собрания лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

В 8 часов вечера за мной заехал Л. Ф. Гартунг. Мы были в городской парадной форме. Сев на извозчика, мы не могли отказать себе в удовольствии велеть ему ехать не по набережной, а свернув на новый Троицкий мост, только что вчера освященный и открытый. Движение конок, экипажей и пешеходов было на нем полное. Когда мы приблизились к его середине, то глазам нашим открылся вид на весь Каменноостровский проспект. Что за роскошь! Это дивный европейский уголок! Издалека он походит на въезд в Елисейские поля с площади Согласия! Не жалко тех миллионов, которые истрачены на оборудование этой стороны с ее новой дивной набережной!!

Здание 1 кадетского корпуса – этот старинный дворец Меншикова – для меня хорошо знаком. Я 7 лет учился в этом старейшем военно-учебном заведении и кончил его фельдфебелем со средним – ровно 12 баллов.

Гости до начала обеда обходили старинные комнаты и музей, который со времени великого князя Константина Константиновича снова возродил-

ся в редкостное хранилище драгоценных реликвий, тогда как покойный директор Верховский сперва его совсем запустил, а там и вовсе уничтожил, сложив все вещи куда-то в склад и обратив роскошную музейную залу в спектакло-танцевально-певальный шантан для жен и дочерей своих воспитателей!!! Музей еще не вполне устроен, но и теперь он уже поражает и своим богатством, и своим порядком. Видно, что над ним работают, зная, что начальство тому сочувствует. А будь наоборот – и просвещенные россияне готовы любую историческую уникацию бросить хоть в помойную яму!..

Обед на 1000 с хвостиком персон был накрыт в знаменитом «сборном» зале 1 кадетского корпуса. Столы стояли поперек, а стол с гласными и высшей администрацией и гостями города – вдоль.

Нам, офицерам, были отведены средние столы. Сервировка – безукоризненна. На столах масса цветов. Обед от Кюба. Хорошенькое меню с изображением виньетки времен Петра («Всеобщая коллежия»). При входе всем гостям раздавались изящные папки со словами вчерашней кантаты. Два хора музыки стояли в соседней зале, но слышны они были довольно плохо. Ничего особенного за обедом не случилось. Тосты начались со здравницы за государя, затем за императриц, наследника, воинство, городов и проч. Тост за французских депутатов был встречен восторженно, с требованием «Марсельезы». Ее сыграли. Затем после тоста за немцев, также покрытого аплодисментами и «ура» (хотя меньшими, чем для французов), был сыгран германский гимн. Тост за славян сопровождался «ура» и славянскими гимнами. Было много и других тостов, но всех не перечтешь. Под конец весь обед принял хаотический беспорядок. Кто сидел, кто уже встал. Уходили вразброд. Тостов не было слышно. (Да и не могло быть слышно в такой зале.) Только генерал Клейгельс сказал краткое слово в пользу городского управления и головы таким громовым голосом, что всем было слышно, а потому и тост был встречен дружным ура. Наконец обед кончился, и мы перешли в соседнюю большую залу (ротная зала), где стояли драгоценные подарки, приготовленные городом для войсковых частей. Все их с любопытством рассматривали и восхищались... Пришел г. Лелянов вместе с другими гласными, в том числе с генералом Генерального штаба (кажется, Дурново). Г. Лелянов обратился к полковнику Комарову – временно командующему Преображенским полком – и просил его принять от них на память эту братину. Братина – роскошная. Скала с орлом с массою украшений и 12 чарами на серебряном блюде. Полковник Комаров ответил небольшою речью, которая не отличалась особенною элоквенцией, но все же была покрыта аплодисментами. Затем Лелянов обратился к семеновцам, сказав, что с теми же чувствами он подносит братину и им. Генерал Лангоф выступил вперед и благодарил речью, в общем сходною с преображенцами. Говорил неважно (куда хуже, чем в Шлиссельбурге) и не мог кончить

фразы «Желаем городу дальнейшего...» Ему подсказали: «процветания», и Лангоф с трудом проговорил: «процветания». Наступил наш черед. Лелянов сказал: «1-й артиллерийской бригаде...», но его поправил генерал Генерального штаба: «1-й батарее», – и Лелянов сказал: «Виноват, 1-й батарея 1-й бригады...» Лехович – наш командир – начал громко, с тоном. Речь дышала могучим сознанием исторического значения батареи. Он указал на «особую» связь батареи с городом, так как бомбардиры были главными помощниками Петра в создании Петербурга и первым комендантом С.-Петербурга был бомбардир – поручик Меньшиков. Его пожелания городскому голове и городским деятелям носили искренний и приветливый характер. Речь Леховича была покрыта шумными аплодисментами, большими, чем Комарова и Лангофа. Все 3 братины, поднесенные гвардейским частям, совершенно одинаковы и стоят вместе 10000 рублей. Затем начались подношения армейским частям. Это – кубки, чаши, жбаны и пр. Ответов командиров я не слышал, так как мы занялись своей братиной, устанавливая ее для фотографической группы, которую захотел снять генерал Насветевич. Все подарки установили, офицеры во главе с г. Леляновым расположились вокруг, и 4 снимка со вспышкой магния были сделаны. Преображенцы почему-то решили не сниматься, отозвали своих и вышли из группы. Но почему? На кого они обиделись и кем они недовольны? Черт их знает! Это странный полк!.. Мы еще раз поблагодарили г. Лелянова, и я с Гартунгом уехали домой (10½ часов вечера).

18 мая – воскресенье.

В 2 часа дня я вместе с Л. Ф. Гартунгом заезжал с визитом к городскому голове г. Лелянову. Дома его не застали. Оставили карточки. Все наши офицеры (1 его высочества батареи) также были сегодня с визитом у него.

Сегодня же мы должны были быть приглашены в Мариинский театр на парадный спектакль. Но еще в 5–6 часов вечера никто из батареи, включая командира и управление бригады, не получили никакого извещения. Что же оказалось. Оказалось, что билеты были посланы, и даже с каким-то курьером, но они (т. е. билеты) так до нас и не дошли. И вот мы остались без театра, и я вернулся в лагерь с поездом 8 часов вечера. Вот характерное доказательство того неустройства, котор[о]е царило (может быть, невольно) в эти юбилейные дни – в думе.

19 мая – понедельник.

Какая разница между слоном и роялью?

К роялю можно приСЛОНиться, а к слону приРОЯЛиться нельзя.

Какое имя у женщины, у которой родится самый чистый ребенок?

Анна, ибо ребенок сидит 9 месяцев в Анне (в ванне).

Сдал дивизионное адъютантство и артель Баранову.

1903
248

Афоризмы герцога М. Г. Мекленбургского:

1) Наш дивизионный обоз – это какой-то пикник, на который каждый приходит со своею котлеткой (яичницей).

2) Мы (артиллерия) сделались рабами своего хозяйства!

3) Я говорю: если делить на полки – нужно все делить... Собрание разделить по-полам. Библиотеку тоже! Пушкина в один полк и Лермонтова в другой полк!..

Обновили в лагерях нашу братину – подарок города. В нее влезло 10 бутылок шампанского. Наполнили ее доверху. Кроме того подали 4 перемены круассона. Угощала наша батарея. Пригласили всю бригаду, кроме трех «дрейфусов» – Гобято, Огоновского и Перрета – и трех прикомандированных, живущих во 2 эшелоне бригады (Беляева 3, Белоусова и Бородина), ибо я в этот эшелон не заезжал, а Лехович эту молодежь не пригласил. Было весело. Пили все без конца. Первый тост Леховича за бригаду. Второй – герцога – за 1-ю батарею и ее командира, третий – за герцога. Последний вскоре уехал на поезд. Пел Крестьянов. Балалайки – Смысловский и Фриде. Балалаечники 2 и 3 батареи и песенники 1 и 2 батареи. Под конец приехал Берников. Много тостов за бригаду, батарею, Берникова, Дитерихса и друг. Танцевали: русскую, канкан и кек-уок³⁵ (я и Крестьянов). Большинство были в здоровом дрейфе. Разошлись в 12 часов ночи. Обошлось это нам – офицерам 1-й батареи – в 131 рублей 75 копеек (по 16-47).

20 мая – вторник.

Вхожу в обязанности казначея. Поехал сегодня с 7-часовым утренним поездом вместе с Н. Матюшкиным в СПб. в губернское казначейство, где приняли «жалованье» на офицеров бригады. Вернулся в лагерь к 11½ часам утра. Сторожá при начале счета и выдаче денег – крестятся.

21 мая – среда.

Я пристреливался на позиции у деревни Арапокози – первым, ибо мне нужно ехать в г. СПб. Дистанция – дальняя (Н = 45). Дано 16 гранат + 16 шрапнелей. Погода дивная. С поездом 9-54 уехал в СПб. по делам «казначей». Был в штабе округа и Государственном банке.

³⁵ Кекуок – негритянский танец под аккомпанемент банджо, гитары или мандолины.

23 мая – пятница.

«На время отпуска поручика Матюшкина вр. и. д. бригадного казначея назначается поручик Савонько. Поручику Матюшкину сдать, а поручику Савонько принять денежный ящик, книги и дела бригадного управления по казначейской части и о сдаче и приеме мне донести».

Полковник Берников
Приказ № 143, п. 4.

1903

249

25 мая – воскресенье.

Отголоски юбилейных празднеств: юбилейная гонка парусных судов на призы от города СПбурга. Наша батарея – в лице командира – получила приглашение города присутствовать в полном составе с семьями на этой гонке. К нашим услугам приготовили пароходы на В[асильевский] о[стров] близ Николаевского моста. Но этот день – день Троицы и день полкового праздника измайловцев – ежегодно заставляет нашу бригаду в полном составе быть в лагере, так как там происходит парад в высочайшем присутствии, и уже с утра выставляется непрерывная цепь солдат, окружающая издали то место, где будет находиться царь. То же самое относится к преображенцам и семеновцам. Вот почему городу было заявлено, что мы все в полном составе быть не можем, и решено было послать двух депутатов: штабс-капитана Кавтарадзе и меня. Я выехал в СПб. в пятницу вечером, затем снова приезжал в лагерь в субботу, чтобы захватить сюртук и большие сапоги. Кавтарадзе заехал за мной утром в 8½ часов. Приехали на пристань. Город нанял два парохода: «Котлин» и «Петербург». «Котлин» после гонок шел в яхт-клуб на раздачу призов, а «Петербург» возвращался в СПбург. На последнем была музыка лейб-гвардии Егерского полка. Подъехали 2 преображенца-депутата: полковник князь Трубецкой и штабс-капитан граф Игнатьев. Сперва мы хотели ехать на «Котлине», но потом передумали и перешли на «Петербург». «Пшешенцы» (преображенцы) остались на «Котлине». На «Петербурге» – порядочно народу. И наших два офицера: поручик Чернявский и поручик Плющевский-Плющик с женой. Из городских властей и тем более администрации высшей – никого. Старшим гласным является г. Бенуа, которому мы и объяснили, почему не могли быть в полном составе, да, впрочем, по-видимому, до нас равно никому не было дела. Приехали – ладно, не приехали – ну и не надо!... Двинулись только в 10. Дошли до южного маяка и бросили якорь. Тут мы встали рядом с «Котлиным» и невдалеке от судейских судов («Ижора» и «Первенец»). Гонка тоже запоздала. Вместо 11 начали в 11¾. Погода теплая. Ветер слабый. Пустили суда, я с Кавтарадзе успел за это время позавтракать в каюте, а затем в 1 час музыку перетасили на «Котлин». Почти все пассажиры тоже перешли туда, и мы двинулись по направлению к Петербургу к тому бую, у которого заворачи-

вали суда. Бросили там на время якорь, а затем снова вернулись на старое место (в 3¼ часа) к финишу. На раздачу призов мы не поехали, так как и без того «гонка» сильно затянулась, и я вернулся домой лишь к 5½ часам вечера.

26 мая – понедельник.

Сегодня розыгрыш нашего батарейного кубка и преображенцев. Поехал с поездом 10 часов утра в Старый Петергоф. На петербургском вокзале встретил подпоручика Курбатова и Ушакова. Втроем уселись в купе 1 класса. Доехали до Нового Петергофа, и, выглянув в окно, я увидел прапорщика запаса Базарова (на лето прикомандированного к 1 его высочества батарее), который зовет выходить из вагона. Два извозчика нас ожидали: мы сели и покатали на пристань. Там вместе с подъехавшими преображенцами сели в лодку, и матрос нас перевез на пристань Невского яхт-клуба. Тут уже были: полковник Лехович, капитан Гартунг, штабс-капитан Кавтарадзе и много преображенцев. В 12 часов пущены были суда. На наш кубок записались 5, но пошли 3. Никто не хотел состязаться с «Пируэтом 2» – яхточкой Коровина – богача, и яхта которого вне конкурса по своей быстроте. Яхт-клубисты называют ее «eine rennmachine³⁶», ибо на гонках она незаменима, ибо непобедима. Маленький пароходик речного яхт-клуба «Первенец» собрался следовать за лодками. Нас пригласили на него. Поехали только: Кавтарадзе и Базаров (в 1 час дня), мы же отказались – кто потому, что боялся, а я втайне мечтал прокатиться на чьей-нибудь яхте. Действительно, не успели мы немного закусить поданной холодной закуской, как г-н Бенуа пригласил нас прокатиться на яхте... Полковник Лехович отказался, Гартунг тоже, а я с восторгом согласился. Ко мне присоединился Курбатов, а потом и Ушаков. Сели с нами и 3 молодых преображенца. Яхта оказалась принадлежащей действительному статскому советнику Сытенко, вице-командору Невского яхт-клуба. Тут были еще: его сыновья – мичман и кадет – и г-н Бенуа с племянником. Бенуа сел рулевым. Яхта «Орленок», с хорошенькой каюткой, небольшая, оказалась очень быстроходной, а так как ветер сильно посвежел, то мы испытали удовольствие в полной мере (от 1½ до 2½ часов). На пути встретили несущуюся яхточку, которая оказалась известным вам «Пируэтом». Повернули обратно и вернулись как раз к «финишу». «Первенец» уже стоял на якоре. Когда яхты все вернулись, судьи ушли писать протокол, а мы тем временем приготовили наши подарки: кубок и жетон. Преображенцы тоже выложили свой кубок и жетон. Кубок их совсем простой, правда, хорошей работы Фаберже, но почти без всяких украшений, только с эмалированным преображенским флагом. Жетон их в виде флага. Наш кубок выглядит гораздо наряднее и богаче. Жетон тоже гораздо красивее. Наконец (это было уже 3½ часа) появились су-

³⁶ Гоночная машина (нем.).

дья, и г-н Мертенс начал читать протокол – сперва судов высшего класса на преображенский приз, а затем – на наш приз. Протокол заканчивался словами, что кубок дается СПб. речному яхт-клубу (оба кубка достались речному яхт-клубу), а жетон рулевому такому-то. Рулевой кланялся, брал жетон, а мы все ему аплодировали. Вручали жетоны: полковник Комаров и полковник Лехович. Когда это кончилось, г. Мертенс предложил прокричать «ура» в честь гг. офицеров – артиллеристов и преображенцев, которые так щедро поощрили общество. Раздалось дружное «ура». Кто-то выкрикивал «гип-гип» и в ответ «ура»! Стали расходиться. Мы жали яхт-клубистам руку. Часть наших поехала в Красное Село по железной дороге, а я, Кавтарадзе, Курбатов и Ушаков воспользовались предложением хозяев «Первенца» и поехали на нем в Петербург. Маленький пароходик кидало и качало, как щепку, на солидных волнах, и мы приехали в Петербург – на Крестовский остров (помещение речного яхт-клуба) только через два часа пути (в 5 часов 50 минут). Я нанял с Курбатовым извозчика, доехал до «Армии и флота», там пообедал и почти тотчас же (с 8 часов 30 мин.) уехал в Красное Село.

1 июня – воскресенье.

1) Был на выставке во дворце Летнего сада в память Петра Великого (по поводу 200-летия Петербурга). На выставке масса интересных вещей, и в том числе из нашего музея гвардейской артиллерии.

2) Был на международной фотографической выставке в залах Пассажа.

3 июня – вторник.

Приказ по бригаде № 154, п. 9:

«Бригадный казначей поручик Матюшкин....., а вр. и. д. бригадного казначея поручик Савонько рапортом от 3 сего июня за № 19 донес, что означенные суммы, дела и книги принял».

Полковник Берников.

Я фактически – казначей.

4 июня – среда.

Из письма к Нане Астафьевой:

Как только в Питер приезжаю,
Я тотчас стол свой открываю,
Открытку быстро извлекаю,
К тебе послание катаю
И с нетерпеньем ожидаю
Ответ я твой (о! дева рая!).
И лишь его я получаю,

Я жадно десять раз читаю
И от восторга нежно таю,
Письмо лобзаньем покрываю,
Любовно к сердцу прижимаю
И, наконец, в альбом вставляю...
Затем я стол свой открываю,
Открытку быстро извлекаю,
К тебе послание катаю
И.....
И т. д. до бесконечности!

6 июня – пятница.

Завтра нашим прапорщикам запаса, и в том числе 1 его высочества батареи прапорщику Базарову и 2-й батареи прапорщику Рудневу, – кончается их срок отбытия повинности. Вот почему я предложил за обедом сегодня поднять бокал за их здоровье. Командиры и офицеры согласились. За обедом после второго было разлито шампанское, и герцог Мекленбургский сказал: «Господа, я предлагаю выпить за здоровье господ прапорщиков, которые нас покидают, и пожелаем им всяких успехов». После того были вставные тосты: полковника Дитерихса за герцога, герцога за руководителей обучением прапорщиков (господа командиры батарей и капитан Гартунг). Под конец обеда встал Руднев и нескладно за себя и прапорщика Базарова благодарил всех за наше радушие.

Оба прапорщика чрезвычайно симпатичные и милые люди. Базаров был вольноопределяющимся в нашей же батарее и еще тогда прославился как дельный и образцовый служака с избытком усердия и инициативы. За это лето они подарили солдатам своей батареи кожаные мячи (футбол), а в наш сад – 2 гамака.

8 июня – воскресенье.

Осматривал подробно Императорскую публичную библиотеку. От 1 – 2 часов дня.

Вечером был в третий раз на «М^{ме} Шерри» (оп[ерет]та³⁷)³⁸.

13 июня – пятница.

За обедом распили две бутылки шампанского за отъезжающего сегодня командира батареи полковника Леховича. Бокал за него поднял герцог. Лехович отвечал.

³⁷ «Оп[ерет]та» – приписка чернилами.

³⁸ «Мадам Шерри» – оперетта Г. Феликса.

20 июня – пятница.

В первый раз раздавал сегодня жалование офицерам бригады и дивизиона (9702 рубля 33 копейки). Так как по конвертам раскладку денег помог мне сделать Богушевский, то я окончил всю работу к 3¼ часам и решил развезти деньги по эшелонам. Писаря с железным ящиком и книгами я посадил на извозчика, а сам помчался на велосипеде. Против лагеря лейб-гвардии Гренадерского полка я вдруг полетел с велосипеда и протатился по земле «кржижем» (крестом). Ехал я очень скоро. Когда я встал, я был жалок донельзя. Весь в пыли, на руках кровь, в левой ноге острая боль, левая штанина в клочьях, будто собаки рвали. Солдат-гренадер принес ушат воды и щетку. Я вычистился, обмыл руки от грязи и крови, взял извозчика и поехал догонять писаря, который не заметил моего падения. Велосипед привел меня вечером этот же солдат, которому я пожаловал 1 рубль. Прихрамываю.

21 июня – суббота.

С 9 часов утра суд над солдатом Маевским, 1 стрелковой батарее, обвинявшимся в побеге за границу. Осудили. Я – член суда. В промежутке, когда писали краткий приговор, после выбора меры наказания, я отпросился у председателя капитана Дена и пошел в приемный покой промыть вчерашние раны на руках и ноге. И вот, когда я лично ланцетом стал выковыривать остатки грязи (боли почти не было!!!), я вдруг почувствовал себя дурно, сел на табуретку и попросил валерьяновых капель. Но пока фельдшер за ними пошел, мне сделалось хуже, и я стал впадать в полное беспамятство. Прибежал доктор Андриевич, расстегнул мне платье (я уже ничего не сознавал), и на руках перетащили в приемную, где уложили на диван, раскрыв окна. Через несколько минут я чувствовал себя совсем хорошо и, одевшись, пошел в «суд» для выслушания «краткого приговора».

Ушел Михаил Сергеевич Росляков. 1 июня состоялась его свадьба в Вильне с ^{м^{ле}} Чернцовой. Вся наша бригада была приглашена, но были только поручик Богушевский и Явид – шафера. (Был еще из академии – поручик Беляев.) А мы тем временем готовили ему подарок – знак нашего к нему расположения и сочувствия к постигшей его судьбе, которая заставила его в силу его активного участия в нашей «дрейфусиаде» и отстаивания «правды» пострадать за многих и уйти из родной части. Подписной лист неофициально предлагался всем тем, которые открыто были на его стороне. Многие, может быть, также были бы не прочь ему подписаться (мне кажется, Петрушевский, Кавтарадзе), но их двойное поведение заставило организаторов воздержаться от их участия в подписи, предполагая, что их фамилии вряд ли доставили бы удовольствие капитану Рослякову. «Кто не за нас – тот против нас». Я с этим глубоко согласен. Набралось 59 подписей, что опять ясно иллюстрирует колоссальное большинство не только едино-

мышленников, но и людей, готовых отстоять свое мнение. Заказан был золотой портсигар у Кортмана (известного гравера) с камнем, монограммой (декадентской) и нашим клапаном. Портсигар вышел очень массивным и красивым. После свадьбы Росляков поехал с женой на Иматру, а сегодня он уже был обратно в Петербурге. Решено было воспользоваться именно сегодняшним днем, чтобы поднести ему портсигар. Офицеры приглашались на квартиру поручика Богушевского (бригадный дом) к 8 часам вечера. Когда я с Альтфатером около половины 8-го пришел туда, то застал «молодых» с тещей – обедающими. Вскоре начали съезжаться офицеры. Никто из полковников по разным причинам быть не мог. Перечту *au hasard*³⁹: Смысловский, Илькевич, я, Явид, Крестьянов, Пономаревский-Свидерский 1, Альтфатер, Трапезников, Богушевский, Дуров, Беляевы (двое), Ушаков, Бородин, Наркович, Барановский, Машмеер, Тимлер, Фриде, Макеев, Баранов, Колубакин, Рейнталь.

Разнесли десерт, а затем разлили шампанское. Старший из присутствующих – капитан Смысловский – обратился к Рослякову с речью, в которой напомнил о тяжелых днях этого года и о печальном исходе событий, развившихся в уходе любимого нашего товарища. В знак нашего уважения он от лица всех подносит этот небольшой подарок. Росляков взял фужер с портсигаром и начал обходить всех нас, со всеми целуясь и чокаясь. Ответ его носил сердечную теплоту, и в голосе дрожали слезы. Видимо он был тронут, растроган. Затем Смысловский обратился к *м^{ме}* Росляковой (Ольге Константиновне) и просил ее считать нашу бригаду своей родной бригадой, готовой делить с ней и радости, и горечь. Почти в тех же выражениях Смысловский обратился и к *м^{ме}* Чернцовой (теще). После того сказал еще небольшое слово капитан Пономаревский-Свидерский 1 от лица 6 батареи, назвав Рослякова «товарищем-рыцарем» и обещая «передать будущим офицерам 6 батареи память о замечательном офицере-рыцаре»... Начали сговариваться – куда ехать. Поехали большинство в «Аквариум»⁴⁰. Я вернулся домой. Нога моя побаливает.

22 июня – воскресенье.

Согласно вчерашнему решению, мы устроили в 3 эшелоне бригады в лагерях обед Рослякову и его супруге. Так как наши музыканты играют в «кабаках» и тревожить их адъютант даже и думать не смеет (хотя бы и за плату в своей же части), то мы послали Тимлера в лейб-гвардии Драгунский полк, у которого и наняли хор трубачей за 35 рублей с 7 – 1 часа ночи. Обедать сели в 7 часов. Все вышло на славу. Были: чета Росляковых, Явид,

³⁹ Наугад (фр.).

⁴⁰ «Аквариум» – увеселительный театр-сад, существовавший в 1886–1923 гг. Находился на Каменноостровском проспекте, на месте современных домов 10–12.

я, Богушевский, Барановский, Пономаревский-Свидерский 1, Илькевич, Фриде, Машмеер, Тимлер, Дуров (хозяин эшелона), Смысловский, Рейнталь, Курбатов, Трапезников. Как водится, были тосты и поцелуи. Трубачи играли бригадный марш. Перед концом обеда мы все вышли на задний дворик, где были собраны нижние чины 6 батареи (где служил М. С. Росляков). Он попрощался с ними, пожелав им быть такими же честными и хорошими людьми, за каких он всегда их знал. Затем Рослякова нижние чины качали. Росляков дал батарее 100 рублей, а капитан Пономаревский-Свидерский 1 объявил нижним чинам, что эти деньги будут капиталом, из которого нижние чины могут получать заимообразно и беспроцентно деньги на необходимые нужды. Кончили обед и перешли на террасу. Трубачи играли марш с фанфарами. Гейшу, Кармен и проч. Появилась балалайка (Фриде) и гитара (Смысловский), нашлись любители (Богушевский, Тимлер, Рейнталь) погарцевать по шоссе верхом и проч. Веселие было поистине полное и в высшей степени «культурное». Выпито всего было очень много. Отдельно подвергся чествованию Н. А. Илькевич, за которого пили как за «безупречного» человека во всех отношениях. Около 12 часов отходил из Красного поезд, и большинство поехали проводить Рослякова на вокзал. Затем некоторые вернулись в 3 эшелон, где трубачи играли до 1 часу ночи, а я с Илькевичем вернулся спать к себе в 1-й эшелон.

23 июня – понедельник.

2 батарея гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона за поход в Китай получила «отличие» на шапки. На днях была прислана грамота, а на сегодня был назначен по этому случаю церковный парад в присутствии великого князя Михаила Николаевича. Батарея выстроилась перед передней линейкой 200 пехотного полка, на левом фланге главного лагеря. Были приглашены штаб-офицеры и выше гвардейской артиллерии. Но приехало мало. Обер-офицеры нашей бригады приглашались на парад по желанию. Были только: Смысловский, Явид, Фриде и я. Из начальства князь Васильчиков (командир Гвардейского корпуса) с начальником штаба бароном Рауш-фон Траубенберг, генерал Оноприенко, генерал Уткевич (начальник артиллерии), генерал Ребиндер (за Владимира Александровича, который, кажется, на время выслан за границу), великий князь Сергей Михайлович, генерал Нищенков, генерал Кузьмин-Караваев и др. На левом фланге встали нижние чины 1 и 2 бригады, бывшие с этой батареей в кампании, вольные, запасные и нестроевые. В строю: штабс-капитан Крутиков, Алымов, Храбров и Рейнгард. Михаил Николаевич приехал на поезде и вышел на военной платформе и в тройке приехал к месту парада. Он был в мундире лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Поздоровался с людьми, обошел фронт, нам (не в строю) громко сказал «здравствуйте».

Вышел на середину и кивнул головой, приложив руку к козырьку, в сторону m^{me} Мусселиус и m^{me} Новогребельской (урожденная m^{lle} Мусселиус). Подпоручик Новогребельский поднес «грамоту», вложенную в бювар со «звездой и отличием» в углу. Полковник Фурман громко (сколько мог его пискливый голос) прочел ее перед фронтом. Михаил Николаевич сказал «ура». Прокричали «ура». Начался молебен. Михаил Николаевич вошел в шатер, за ним князь Васильчиков, генерал Ребиндер, великий князь Сергей Михайлович и генерал Уткевич. После молебна Михаил Николаевич поздравил нижних чинов с отличием и выразил надежду, что и в будущем они будут молодцами. Скомандовали к церемониальному маршу. Проходили по полубатарейно. Взводы чужих полубатарей с запасными и нестроевые – отдельно. Михаил Николаевич благодарил. Затем он поговорил немного с упомянутыми выше дамами, поздоровался снова с солдатами 200 резервного полка, которые были выстроены на своей передней линейке, задал несколько вопросов офицерам. Двинулись дальше, направляясь к лагерю. По пути обращали внимание на «кинжалы», которыми вооружены чины 1 стрелковой батареи для испытания. Поистине дурацкое оружие! – этот кинжал. Лагерь 2 стрелковой батареи богато украшен русскими и китайскими флагами, китайскими фонариками из тончайшей материи, имеющей вид целлулоида, гирляндами и широкими лентами с надписями боев и их дат, в которых принимала участие батарея. Великий князь обращал внимание и на надписи, и на фонарики и расспрашивал обо всем господ офицеров.

Нижние чины тем временем заняли места у столов, накрытых на площадке между палатками, где им был приготовлен праздничный обед. Первую чару поднял Михаил Николаевич за царя. «Ура» и гимн. Затем полковник Фурман, побуждаемый начальником артиллерии, обратился к Михаилу Николаевичу за разрешением сказать тост. Михаил Николаевич, пробуя пищу, проговорил:

– Только не за меня, за меня не смей!..

Но, так как очевидно Фурман хотел выпить именно за него, то Михаил Николаевич, как бы нехотя, проговорил:

– Только поскорей...

Затем он произвел одного бомбардира – георгиевского кавалера – в фейерверкеры (без прохождения им учебной команды) и пошел осматривать конюшню 1 стрелковой батареи, пробовал пищу 1 стрелковой батареи на кухне, по дороге поговорил с китайцем «Васькой», вывезенным батареей из похода. На кухне закурил и довольно долго разговаривал об артиллерии... Наконец он попрощался и, сев в тройку, уехал с Сергеем Михайловичем завтракать к нему (т. е. Сергею)... Я тоже сейчас же уехал, так как торопился на поезд в СПбург, куда меня призывали дела по казначейской части.

24 июня – вторник.

Из адресов на солдатских письмах⁴¹:

1) 2-ю стрелковою Батареею. Лейбъ Гвардейского артиллерийского стрелкового (?) Дивизиона.

2) Летеинио проспект. Домъ №26 нвъ строевую (в нестроевую) команду котенармусу...

3) лейгвадію

4) Артелерискую брѣгаду

5) дѣнех двухъ рублѣй

6) Евхрейтеру

7) дених

25 июня – среда.

После свадьбы Рослякова, очевидно, не приславшего билетов приглашенных трем штабс-капитанам – Гобято, Перрету и Огоновскому, последние (слыхал из достоверных источников) подали на него жалобу полковнику Берникову. Эта беспримерная наглость (ведь не обязан же Росляков приглашать непременно всю бригаду к себе на свадьбу: это не служба) была оставлена без последствий. По-моему, это не тогѳ. Говорят: Берников их просьбу или жалобу не уважил, вот здорово! Неправильно!! Тысячу раз неправильно!!! Нужно было непременно сделать выговор за неуместную жалобу, что требует и наш устав.

25 июня – четверг.

Бригадный адъютант поручик Фриде уезжает сегодня с поездом 5-30 вечера в неофициальный отпуск в Ярославскую губ., а я – раб Божий – остаюсь на все время его отпуска за бригадного адъютанта, исполняя в то же время и обязанности казначея.

30 июня – понедельник.

Лагерный перерыв назначен на 3 дня – 28, 29 и 30. Но в артиллерии этот перерыв получил, в свою очередь, тоже «перерыв». Сегодня состоялась состязательная стрельба в присутствии великого князя Михаила Николаевича. Картина – обычная. Погода солнечная, хорошая для наводки. У нас в бригаде приз обыкновенный взяли: 6 батарея и 2 батарея (14 и 14½ дм). 4 батарея с 15 дм осталась первой за флагом. 1-я его высочества батарея сделала 18½ дм (наводчик Балин). Еще за несколько дней до этого состязания я, Дуров, Альтфатер и несколько др. проектировали отпраздновать сей артиллерийский праздник в 1 или 2 эшелоне бригады, независимо, где будет приз. Решили

⁴¹ Далее орфография источника сохранена полностью.

также пригласить на этот будущий обед и всю прочую бригаду со стрелками, конечно, за исключением 3 «дрейфусов» (Гобято, Перрет и Огоновский). Я, как временно исполняющий должность бригадного адъютанта, воспользовался своим докладом временно командующему бригадой и вытребовал на этот день музыку из СПб. (на состязании она обязана играть и без того), где она обыкновенно играет в «Новом летнем театре» (бывшая «Олимпия»)⁴² на Песках⁴³. Окончательные приглашения на совместный обед делались тихо, на самом поле у Царского валика. Изъявили свое согласие буквально все из бригады, кроме одного – Льва Федоровича Гартунга, с которым мне пришлось бурно поговорить на все еще злободневную тему об «академиках с чином». Гартунг заявил, что раз «их троих» не будет, то, конечно, и он не будет, что мы устраиваем обед только потому, чтобы лишний раз «унизить» (!!?) академиков, и что этот обед вызовет новый скандал, а может быть, новые дуэли, кровь, смерть и т. п. Конечно, это не так! Совместный обед мы желаем, так как таковой экономичнее и веселее двух отдельных. К тому же «музыка» одна и делить ее нельзя. Всего желательнее устроить «общий» товарищеский обед, но присутствие 3-х «дрейфусов» исключает мысль о нем, а потому устраивается совершенно частный обед, на который собирается только избранный кружок. Слава богу, что такой кружок – оказался почти вся бригада. Из стрелков пришел только один Алымов.

Наша музыка играла от 1 – 3 [часов] в Константиновском артиллерийском училище, где завтракал великий князь Михаил Николаевич. К нам она прибыла (в 3-й эшелон) в 3½ часа. Обед начался в 2½–2¾. Как я сказал, была бригада «ин корпоро» за названными исключениями. Выпили «уйму». Кажется, около пяти дюжин шампанского и прочего в соответствии. Масса тостов, «чарочка» и проч. Были и такие тосты, как «за погибель врагов внутренних» (Масалитинов, Рейнталь). Нашу музыку герцог отпустил в 7½ часов. Тогда мы решили нанять лейб-драгун, и в 9½ часов таковые явились. Многие уже слегли и были увезены (Ушаков, Герцог (слабый дрейф)), некоторые сами уехали, кто лег спать, но к ужину (11 часов) все подбодрились, и за стол село солидное число народа. Все время нашим гостем был полковник Петр Иванович Пузырев, бывший офицер бригады (прослужил 25 лет) и теперь командующий 25 артиллерийской бригадой. Он, Дитерихс, Наркович и многие другие оставались до конца. Масалитинов зверски «блевал», перевесившись через балкон. Я вернулся в эшелон в 12 часов ночи.

3 июля – четверг.

⁴² «Новый летний театр» находился в деревянном здании на улице Некрасова (до 1918 г. – Бассейной), на участке между Фонтанной улицей и Греческим проспектом.

⁴³ Пески – исторический район Санкт-Петербурга, находится на месте нынешних Советских улиц (носивших до 1923 г. название Рождественских).

Поверка сумм бригадного казначея.

В 2 часа суд бригадный над музыкантом Тенновым. Я – член суда.

Грамматические бессмыслицы:

1) Красные (синие, желтые...) чернила

(Слово «чернила» ясно означает пишущую жидкость непременно черную)

2) Паровая (электрическая) конка.

(Слово «конка» ясно означает экипаж, запряженный конями)

3) Письменное приглашение.

(Слово «приГЛАСить» означает зов, помощью гласа, голоса)

4) Портьеры на окна.

(«портьеры» от слова porte – дверь)

5) Электрический паровоз

(Паровоз – везет паром)

7 июля – понедельник.

Объезд лагеря великим князем Владимиром Александровичем, только что возвратившимся из-за границы. Погода хорошая, но очень ветрено. Для меня впервые объезд с точки зрения бригадного адъютанта. Верхом с временно командующим полковником Берниковым. Встретили главнокомандующего на левом фланге 3 эшелона и сопровождал в свите до правого фланга преображенцев.

8 июля – вторник.

Наш обед 30-го не прошел бесследно: как и следовало ожидать, высшее начальство в лице командующего бригадой и нашего дивизионера попросту «струхнуло». Как бы из всего этого не сделали «слона»! Громадную роль при этом, я полагаю, играл Л. Ф. Гартунг, который всеконечно знал от многих, что таковая же «пирушка» предположена и в 1 эшелоне в день «призовой» езды. Повелась интрига... Начальство запугивают... Сведения, исходящие от них, украшаются вымыслом и сообщаются нам, офицерам. Но если это касается всей бригады, то почему близко к сердцу принимает один герцог, а не прочие начальники эшелонов? Ясно, что гнездо, из которого развились все эти «запрещения», свилось у нас в эшелоне (Гартунг, Кавтарадзе, Погребняков). Последовало формальное запрещение «бригадного» обеда у нас в 1 эшелоне и даже музыка (своя или чужая – все равно). Последнее сообщалось исходя от имени Берникова, но сам Берников мне сказал, что он ничего подобного не говорил. Одним словом, сам черт не разберет, в чем тут дело. И даже ЧТО именно нельзя и ЧТО можно и почему МОЖНО или нельзя – никто не знает. Все напуганы, все политикуют и дрожат за себя...

9 июля – среда.

Обычная состязательная езда в артиллерии. Я – за бригадного адъютанта. Начало в 9 часов утра. Погода хорошая, но очень холодно (по Демчинскому: сушь и жарко), накрапывает временами мелкий осенний дождь. За полчаса до конца (до 12 часов) приехал великий князь Владимир Александрович (один). Корпусный приз взяла 6 батарея нашей бригады (1 кол) и бригадный приз – 2 стрелковая батарея (2¾ кола). 1 его высочества батарея свалила 4 кола. Нашу музыку я выпросил у Берникова для 3 эшелона (где 6 батарея взяла приз), на что он охотно согласился. Итак, вот доказательство, что Берников музыку не запрещал. Там, в 3 эшелоне, я слышал, шло «веселие» до поздней ночи. Но из нас – 1 эшелона – никто не был. 1 и 2 батареи почти целиком ушли на маневры, а за мной лично был послан вестовой, которому кто-то (не знаю кто?) сказал, что я уехал в город, хотя я и шагу не сделал из лагеря. Да это и кстати: у меня болела голова, ломили ноги, и маленький жар. Видно, простудился.

11 июля – пятница.

Вернулся из неофициального отпуска бригадный адъютант поручик Фриде, и я таким образом, наконец-то, избавился от обязанностей бригадного адъютанта.

13 июля – воскресенье.

В начале июня распорядительный комитет офицерского собрания распорядился, чтобы в эшелонах бригады и дивизиона в лагерях были выложены подписные листы на подарки: подполковнику Рослякову, штабс-капитану барону Майдель 1 и Жонсону. Многие (Явид и др.) говорили, что незачем вовсе выкладывать лист сумасшедшему Майделю, из-за которого ушел наш товарищ Росляков. Но так рассуждать нельзя. Комитет «обязан» (постановление общего собрания) выкладывать лист всем без исключения уходящим офицерам из бригады. И Росляков, и Майдель официально оба ушли из бригады добровольно, а потому официально же им обоим и следует выложить лист. Это даже лучше, по-моему. Не выложи лист – и будут говорить: во-1), на каком основании комитет не выложил и во-2), кабы выложили – то наверное «все» бы подписались. А теперь по крайней мере ясно будет – подпишутся или нет. Если ему (Майделю) будут подписи... ну, значит, таково мнение этих лиц...

В настоящее время эти листы уже обошли все три эшелона (остался стрелковый эшелон). Результат: листы Рослякова и Жонсона покрыты массой подписей (на листе капитана Рослякова расписался и герцог Мекленбургский), а на листе Майделя красуются 4 подписи: Гобято, Перрет, Огоновский и Ягелович (записал Гобято). Ягеллович обучается в настоящее

время в академии. Итак, вот вам мнение бригады! Зачем же нужно было опасаться выставлять Майделю лист? Напротив: так вышло лучше и нагляднее. Вышло начистоту. Никто из бригады (кроме «дрейфусов») не задумался расписаться Рослякову и не расписаться Майделю. Кстати: наши «шаткие» люди – Гартунг, Петрушевский, Кавтарадзе, Вешняков, Погребняков и др. – не расписались ни там, ни здесь. Оно и дешевле!

14 июля – понедельник.

Высочайший объезд красносельского лагеря от 6 часов. Все – по-старому. Государь в форме семеновцев. Государыни, королева греческая Ольга, великий герцог Мекленбург-Шверинский и многие др. в свите. Погода дивная. Во время исполнения «зари» хорами гвардии (главный капельмейстер Сабателли) музыканты разошлись с барабанщиками на несколько секунд. Вышло не барзо! Неужели нельзя было лучше срепетировать! В орудийном залпе тоже вышел дефект. Его (т. е. залп) полагается производить по третьей правильно поднявшейся ракете. Сегодня третья ракета не поднялась высоко (а только на несколько сажень), а потому была немедленно пущена 4 ракета. Но у нас в 1 эшелоне полковник герцог Мекленбургский, командуя орудиями, дал залп по 3-й «неправильной» ракете. «Его» залп приняли некоторые другие эшелоны, но большинство артиллерийских эшелонов дали залп правильно – лишь по 4-й ракете. Герцог сам сознает, что он «спуздрил», но цукнуть некого: сам виноват! Воображаю, как бы он «фукнул», если бы таковой промах сделал бы кто-нибудь другой – все равно, штаб-офицер, или фейерверкер... А тут, повторяю, никто не виноват, кроме него самого. Это, я думаю, его больше всего огорчает...

Вечером, с 10 часов 45 минут поездом я уехал в СПбург.

15 июля – вторник.

Мои именины: получил поздравления:

- 1) Екатерины Клит[овны] Астафьевой
- 2) Наны Астафьевой
- 3) Нади Астафьевой
- 4) Пальтель
- 5) Керстенс
- 6) Фуфаевских
- 7) Александры Астафьевой
- 8) Севрюгиных
- 9) Васильева
- 10) Лехович
- 11) Сони Андржеевской
- 12) А. Афонасьева

Событие довольно занятное: «Приказ по 1 дивизиону лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады от 15 июля 1903 года № ...»

Дело в том, что штабс-капитан Гобято, во-1), неудачно распорядился постановкой мишеней на стрельбе, и во-2), пожаловался на Петрушевского, сделавшего ему замечание, и вот: герцог Мекленбургский посадил Гобято на гауптвахту на 7 суток! Событие, если хотите, вовсе не столь замечательное, но меня интересует вопрос: посадил ли бы герцог и другого офицера на 7 суток за те же проступки? Или же он только Гобято (как «дрейфуса», которому он не сочувствует) считает недостойным никакого снисхождения? Спешу, впрочем, пояснить. Ведь при нормальных отношениях в бригаде никто бы из офицеров не пошел бы жаловаться на своего товарища (!!) за то, что тот ему напомнил службу, и это последнее напоминание принял бы скорее с благодарностью, чем сосчитав его за оскорбление. Такое отношение только и возможно при современном положении дела и между этими 3-мя офицерами (Гобято, Огоновский, Перрет) и нами.

20 июля – воскресенье.

Был в Музее императора Николая I путей сообщения. Садовая улица, у Юсупова сада.

21 июля – понедельник.

Наша 1 его высочества великого князя Михаила Павловича батарея получила приглашение от СПб. речного яхт-клуба пожаловать всем господам офицерам батареи на их гонку и «ассамблею». К сожалению, в этот день батарея уходила с вечера на маневр, а я целый день раздавал жалованье. Была послана телеграмма яхт-клубу от батареи (от офицеров).

ПРИМЕЧАНИЕ: Все подробности можно найти в «деле» о почетном кубке батареи Михаила Павловича, хранящемся в батарее.

22 июля – вторник.

Артист Полонский в летнем театре «Буфф» (дирекция Тумпакова)⁴⁴ в обозрении «Кек-уок в лицах» поет куплеты вроде следующего («Ничем вас, петербуржцев, не удивишь!» – говорит он в предисловии):

Есть у вас и «львицы»
Есть у вас певицы
Просто так девицы,
Больницы имеете вы тоже...

⁴⁴ «Летний Буфф» – театр в Измайловском саду, репертуар состоял из легких оперетт.

Еще хотите вы чего же?!

(Записано мною приблизительно.)

Я написал следующую пародию на этот куплет на тему о наших трех штабс-капитанах (Перрет, Гобято и Огоновский).

1903
263

1

Есть у вас Бобровский,
Есть граф Разумовский,
Просто Разумовский (автор «тиары»)
Огоновского имеете вы тоже...
Еще хотите вы чего же?!

2

Есть у вас паркеты,
Есть у вас банкеты,
Даже есть кареты –
Перрета имеете вы тоже...
Еще хотите вы чего же?!

3

Есть у вас цыплята,
Есть у вас ребята,
Есть и поросята –
Гобято имеете вы тоже...
Еще хотите вы чего же?!

25 мая – пятница.

Приказ по бригаде № 206, п. 3:

«Члену бригадного суда вр. командуемой мною бригады поручику Савонько в этой должности окончился 6-месячный срок, а потому на основании ст. 14 кн. XXIV Свода военных постановлений 1869 г. изд. 1900 г. членом бригадного суда вместо поручика Савонько назначается мною штабс-капитан Гобято».

28 июля – понедельник.

Сегодня в 5 часов вечера 1-й дивизион нашей бригады под командой его высочества герцога Мекленбургского выступил на большие маневры под Псков. Я, как временно исполняющий должность бригадного казначея, на маневры не иду. Закончив в лагерях все дела по казначейской части, я с поездом 10 часов 55 минут вечера переехал на окончательное жительство в

СПбург. Завтра выступает на маневры и 2 дивизион (стрелковый дивизион выступил еще 25), и Красное Село окончательно опустело. «Управление бригады» живет в лагерях, но так как никаких приказов не выходит, то оно фактически не существует. Завтра перевозят в СПб. мои вещи. Вестовым взял себе вместо Саутыча (см. 27-го апреля), который взят в фельдшерские ученики, – Франца Бертулиса, литовца, плохо понимающего по-русски. Рейткнехт – Шихмаев (заместил Саковича).

4 августа – понедельник.

ПОЕЗДКА В ПСКОВ НА ПРАЗДНИК ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Я уже давно решил, что непременно поеду на праздник гвардейской артиллерии (6 августа) в г. Псков. Во-первых, приятно быть на «своем» празднике, лишний раз видеть государя, и во-2), меня интересовал город Псков, в котором я никогда не был, но который в качестве старинного русского города непременно представляет весьма крупный интерес для всякого. Я выехал из СПбурга вместе с Николаем Андреевичем Илькевичем (капитан 2 батареи), который должен был ехать в Псков – по предписанию от начальства – привезти серебряные трубы батареи, команду музыкантов и 57 человек и проч. С музыкантами ехал и наш капельмейстер г. Каукаль. На станции Варшавской ж. д. нам был приготовлен 1 вагон 3 класса для нижних чинов (56 мест) и купе 2 класса для капитана Илькевича и меня. Поезд отошел в 9 часов утра. Семичасовой переезд прошел довольно скоро. С полпути начался дождь, а когда мы приехали в Псков (в 4 часа 15 минут дня), он лил уже вовсю, делая и без того неказистый городок – окончательно грязным и непрезентабельным. С трудом взобравшись под верх грязного и ржавого извозчика, мы отчаянно стали подпрыгивать по булыжной мостовой, густо покрытой сплошной грязью. Воображаю, как весело маневрировать в такую погоду и по таким дорогам!! А ведь это городские дороги, а не грунтовые и проселочные. Да, впрочем, я испытал это в полной мере в прошлом году и имею понятие, во что обращаются войска после небольшого перехода. Да, вот вам и готовый образчик: навстречу медленно тянется кронштадтский пехотный батальон, еще дальше пехотное юнкерское училище... Все в грязи, усталые, многие рукой поддерживают «проклятый мешок», который, вероятно, уже немилосердно режет плечо. А намокшая скатка весит, пожалуй, вдвое. Но начальство поступает благоразумно, что не раскатывает никогда шинели. Под рубахой (которую, конечно, хоть выжми) у солдата всегда поддета фуфайка, тужурка и проч. Ему вряд ли холодно; зато, придя на бивак, у него всегда есть шинель, сравнительно сухая, которую он может развернуть и ею укрыться в палатке... С вокзала мы поехали в казармы (которые нам отвели в Пскове) не сразу. Николаю Андреевичу нужно было сперва повидать поручика Пташинского – квартирмейстера Ени-

сейского полка. Не застав его у себя на квартире, мы поехали в канцелярию полка. Там он оказался и сообщил Илькевичу, что наш 1-й дивизион ожидается в Пскове к 11 часам вечера. Каково же было наше удивление, когда мы, проехав еще несколько улиц (все время под дождем и по адской грязи), встретили верхом подпоручика Белоусова, прикомандированного к 3-й батарее. Окликнув его, мы спросили – когда приедет дивизион? и получили в ответ, что он уже приехал!! Вот приятная неожиданность! Мы погнали нашего жалкого извозца поскорее и через несколько минут остановились у дверей 1 батальона Енисейского полка – в местности, называемой поэтическим именем «Волчьи ямы», близ т. н. «Гремячих ворот» – жалкими остатками седой старины. ...Вот и наши: командующий бригадой полковник Берников, герцог Мекленбургский, Гартунг, Фриде, д-р Андриевич... Уже садятся на извозчиков (кроме герцога) и спешат ехать в гостиницу «Лондон» обедать. Неужели в таком виде? Можно подумать, что они сперва выкупались в полном одеянии, а потом ради оригинальности покатались в грязи. Китель от шнура и ремней расцвелился разными колерами! Но что делать! Голод не свой брат: дивизион выступил в 5 часов утра, а теперь 5 часов вечера. Хочется поскорее согреться рюмкой вина и пообедать. Обозы ведь когда еще придут! Через час – не раньше. А следовательно, наш повар может подать обед часам к 9, не ранее. Что тут долго думать – и названные лица поехали в «Лондон». Прочие офицеры решили подождать обоза и поскорее переодеться в сухое. Тут были: Ушаков, Наркович, Окерман, Шталь, Белоусов, Беляев (Т.). Все молодежь, прикомандированные и между ними только 2 штабс-капитана: Гобято и Перрет, с которыми все эти дни, что я здесь был, буквально никто не сказал ни одного слова. Они садились за стол рядом, тотчас вставали после окончания его и не принимали никакого участия ни в общем разговоре за столом, ни в дружеской беседе после стола за чашкою кофе и рюмкой ликера.

Приблизительно в половине седьмого я с Илькевичем тоже поехали в «Лондон». Мы застали нашу компанию уже за кофе (Берников, Гартунг, Фриде, Андриевич и полковник Генерального штаба). Кроме них было и масса других офицеров. Пришли семеновцы, армейские офицеры и пр. Кто уже успел переодеться, а кто прямо с похода, в грязных кителях. Лакеи едва успевали удовлетворять многочисленным требованиям. Поздно пришедшим уже не хватало ни супа, ни многих блюд «меню». Пскову повезло. Такого оживления, съезда блестящей государевой свиты и, наконец, самого царя он не скоро дождется вторично. После обеда я отправился на почту, где отослал несколько «открыток» с видами города Пскова (в Петербург и Тверь), а затем вернулся на квартиру-бивак. Помещение нашему дивизиону (1-му) отвели, как я уже сказал, в 1 батальоне Енисейских казарм. Тут же расположился (в нижнем этаже) и стрелковый артиллерийский дивизи-

он. Офицерам предоставили большие залы, где мы и расставили наши походные кровати (я тоже взял с собой форменный чемодан-кровать). Герцог поместился в особой небольшой комнатке, тут же на лестнице. Ровно в 9 часов у нас подали «общий обед», во время которого играла наша музыка.

Послеобеденный разговор, уснащенный массою анекдотов, которые с таким мастерством рассказывает наш доктор Андриевич, затянулся до половины 12-го, после чего наш «дортуйар» быстро заснул, растянувшись на походных кроватях.

5 августа – вторник.

Наш «дортуйар» поднялся сегодня довольно рано: уже к 8 часам большинство было совершенно готовы. Едва я проснулся, как до слуха моего долетели новые, оживленные голоса. Это были штабс-капитан Кавтарадзе, Петрушевский и подпоручик Курбатов, приехавшие, как и я, на праздник гвардейской артиллерии. Компания наша значительно увеличилась и обещала весьма веселое и оживленное времяпрепровождение. Около Гартунга образовалась небольшая кучка офицеров, о чем-то перешептывающихся. Что такое случилось? – спрашиваю. Оказывается, что солдатам 1 его высочества батареи кто-то подкинул штук 30–40 прокламаций противоправительственного содержания. Солдаты их отдали фельдфебелю Бекадорову, а последний представил их командующему батареей (капитану Гартунгу). Наведя более подробные справки, я узнал, что таковые же прокламации были подкинuty и во 2 батарею, да и вообще весь Псков, как говорят, засыпан этими прокламациями. Прикомандированный к конвою его величества князь Амилахвари рассказывал мне, что в Уланском ее величества полку пойман был солдат, раздававший прокламации. В раздаче прокламаций были уличены и солдаты 43 пехотной дивизии. За последнее сообщение я, впрочем, не ручаюсь, так как не был его очевидцем. Наш дивизион пошел к 10 часам на репетицию парада (плац отстоит от наших казарм верстах в 3½), а я воспользуюсь его отсутствием и сообщу вам содержание этих прокламаций (они все одинаковы), которое мне удалось списать тут же в Пскове.

(прокламации, раздаваемые тайно в Пскове в августе 1903 [г.])

СОЛДАТЫ!

Из фабрик, заводов, шахт, от сохи и косы взяли нас, разослали по полкам подальше от родины, обучили солдатской премудрости и вот теперь гоняют на маневрах с места на место, занимают позиции, наступают, отступают, тратят на это сотни тысяч рублей и в последний день соберут вас для приветствия царя: музыка заиграет гимн, и тысячное «ура» в честь державного вождя огласит окрестность.

А в это время по всей нашей родине то тут, то там волнуется трудящийся люд, требуя для себя прав на человеческое существование.

Волнуется крестьянин, из которого выжали все соки помещики и начальство работой, податями и повинностями, поборами и всякой прижимкой, волнуется городской рабочий, получающий нищенскую плату за свой каторжный труд и отовсюду видя бесчеловечное к себе отношение. Весь этот гнет совершается с ведома царя и при его содействии. Всех недовольных он называет «внутренними врагами», бунтовщиками и приказывает солдатам расстреливать, засекать до смерти, сажает их по тюрьмам, ссылает в Сибирь. На Обуховском заводе в Петербурге, в Костроме, Риге, Златоусте, Тифлисе, Баку, Батуме, в Ростове-на-Дону, в Харькове и Полтавской губернии и во многих местах рабочие и крестьяне подверглись такой зверской расправе. Фанагорийский полк удостоился даже царского «спасибо», харьковский губернатор за свою жестокость получил орден, а златоустовская полиция получила от царя в награду 1000 рублей.

Вот кого мы должны радостно приветствовать, кому будем кричать «ура». Наш царь не друг народа, а величайший преступник, на нем кровь убитых и засеченных тружеников, потом и кровью зарабатывающих каждый кусок хлеба!

Солдаты! Мы ведь те же рабочие и крестьяне, и неужели мы забыли, откуда пришли, куда пойдём со службы и кого оставили на родине? Сегодня мы посылаем смерть в ряды народа, в наших близких и родных, а завтра, когда снимем солдатский мундир, в нас пошлёт пулю оставшийся в полку товарищ или вновь поступивший наш брат, родственник или знакомый. Нас угнали далеко от родины, а туда послали из этого края, держат в казармах и не позволяют знакомиться с здешними жителями: они боятся, что мы откажемся стрелять, но разве трудно понять, что все трудящиеся, будь то русский, поляк, еврей, литовец, татарин, — братья между собой, а значит, и наши братья.

Городские рабочие раньше других поняли, кто их враг, и вступили в борьбу. Они — передовой отряд громадной трудящейся армии, идущей под красным знаменем, на котором написаны слова: «Долой царя, тирана народа!».

Мы были или будем в их рядах и потому не должны стрелять в своих, должны отказаться от братоубийства.

Среди офицеров, наших начальников, есть много понимающих, какое позорное дело заставляют их совершать, но они не знают, будут ли солдаты с ними заодно или против них. Но каков бы ни был начальник, целится и нажимает спуск не он, а солдат, и от нас зависит — стрелять или не стрелять.

Несомненно, в народ стреляли только непонимающие, какое преступление они совершают. Пусть знающие объяснят им их обязанности перед

родиной, и тогда крик народного негодования не будет заглушен ружейными залпами.

Товарищи-солдаты! Мы присягали защищать нашу родину, т. е. народ, мы клялись, что за него мы готовы отдать даже нашу жизнь, а царь сделал нас палачами, братоубийцами. Покажем же ему, что мы дети народа, который он вместе с богачами-хозяевами держит в цепях нужды и бесправия, что мы с живым участием относимся к его борьбе за свободу, что мы на его стороне и никогда не поднимем братоубийственную руку, мы должны протестовать против такого издевательства над нашей совестью и потому на смотре встретим царя не криками «ура», а гробовым молчаньем.

Военно-революционная организация

Август 1903 г.

Прочсть во всех ротах, эскадронах, батареях.

Так как до нашего завтрака оставалось еще порядочно времени, то я с Курбатовым пошел в центр города, зашел в единственную псковскую книжную лавку купить какой-нибудь путеводитель по Пскову, а затем сели вместе на извозчика и поехали на вокзал, так как там в книжных киосках вернее можно было найти то, что я искал.

Впрочем, путеводителя по современному Пскову я не нашел, а купил небольшую книжечку: «Прошлое города Пскова в его исторических памятниках» – далеко не совершенное издание, хотя без него в Пскове как без рук. В этой книжечке все-таки сжато сообщено все то, что разбросано по множеству всевозможных исторических и ученых сочинений.

На вокзале ожидали проезда царского поезда из Торошино в Печорский монастырь (Изборск). Вся публика была заранее тщательно удалена с дебаркадера и полотна. Остались только офицеры, жандармы, высшие железнодорожные служащие да переодетая тайная полиция в виде мирных ничего не делающих туристов. Вообще на охрану царя обращено серьезное внимание. Из Питера прислано 150 (а может быть и больше) городских, масса агентов тайной полиции, жандармов и проч. Кроме того, из жителей Пскова образована на это время так наз[ываемая] народная полиция из наиболее благонадежных граждан. Петербургские городовые резко выделяются своею молодежеско[сти]ю и чистотою обмундирования перед псковскими. Машинально, случалось, спросишь такого «стража», как пройти на такую-то улицу, и получаешь в ответ: «Не могу знать, я, ваше высокоблагородие...» – и тут только заметишь на его груди юбилейный знак петербургского городского.

Царский поезд остановился в Пскове на несколько минут. В салон к государю вошел прибывший с бивака наследник и принц Ольденбургский, затем они скоро вышли обратно, а поезд тронулся дальше. Государь, импе-

ратрица Александра Федоровна и Ольга Александровна стояли у широкого окна вагон-салона.

Был уже второй час, когда мы с Курбатовым вышли из вокзала. Дождь лил как из ведра. Мы взяли извозчика и поехали домой, твердо уверенные, что наверное опоздали к завтраку. Но оказалось, что мы успели как раз вовремя, и общая «трапеза» прошла, как и вчера, весьма оживленно. Пора, наконец, поговорить о достопримечательностях Пскова. Посетить некоторые из них я решил еще в Петербурге. К числу их принадлежит «коллекция Плюшкина». О ней я слышал от двух лиц: от В. А. Леховича и от Н. А. Илькевича. По их словам – не осмотреть ее было бы непростительно, но, с другой стороны они прибавляли, что коллекция эта в полном смысле слова «частная» и для посторонних недоступна. Все зависит от самого хозяина, госп. Плюшкина, который, будучи зачастую занят, не так-то охотно открывает свои двери любознательным туристам. Эти рассказы заставляли меня медлить свое посещение к нему и выжидать компаньонов, чтобы «обеспокоить» его огулом. Неожиданный случай помог мне заручиться «любезностью» г. Плюшкина. К концу завтрака приехал П. А. Кавтарадзе и с восторгом сообщает, что он был только что у Плюшкина, и тот сперва нехотя, а потом все-таки показал (это его обычная манера) ему свою коллекцию, но прибавил, что он в настоящее время так занят, что положительно не может более никому показывать свои сокровища.

– Кстати, Сава, – обратился ко мне Кавтарадзе, – не можешь ли ты нарисовать Плюшкину вензель Н и А... Он очень просил меня, не найду ли кого-нибудь из товарищей, которые бы набросали ему... Ну что тебе стоит!?

Я было уперся, но потом ухватился за поданную мне кем-то мысль, быстро набросал монограмму и, сунув ее в карман, вместе с Курбатовым полетел на извозчике к Плюшкину. Вход к нему – через его же мануфактурный магазин. Приказчики встретили меня словами: «Вряд ли теперь можно видеть самого: он занят и никого не принимает». Пришлось извлечь монограмму. Молодой человек, оказавшийся сыном хозяина, рассыпался в благодарностях и потащил нас наверх, где и представил своему отцу. Старик, предупрежденный сыном, встретил даже ласково. Он только вскользь заметил, что он очень занят, что другим он ни за что бы не показал и т. д. Мы начали осмотр... Старик объяснял... Мы употребили 2 часа времени... Долее задерживать его нам стало совестно... Но что значит эти два часа для такой уймы вещей, и притом совсем не систематизированных и даже зачастую не разобранных. Право, нет никакой возможности дать понятие о всем виденном. Что же собирает Плюшкин? Да ВСЕ! Так же, как и его литературный однофамилец! Но не ради наживы, а как любитель, несколько психопатический любитель, который не может видеть ни одной старинной

вещи без того, чтобы ее не купить. Что бы это ни было: ложка так ложка, монета, гравюра, письмо... чье письмо?... все равно: Суворова, Мазепы, Иннокентия и проч. Он собирает более 30 лет и, вероятно, его коллекция стоит миллиончик с хвостиком. Его знают на много верст кругом. Кому пришлось туго, он идет к Плюшкину и продает ему какую-нибудь редкость, зная, что Плюшкин не спросит – редкая она или нет, но и цену он назначает ничтожную, хотя, вероятно, бывают случаи, что он дает и большие деньги. Система покупок его настолько оригинальна и очевидно приносит такие благие результаты, что я необходимо вас с нею познакомлю...

Приходит к нему крестьянин и приносит грамоту времен Екатерины 2. Другой, может быть, и не купил бы или стал бы ее рассматривать, критиковать и проч., а Плюшкин прямо говорит: «Покупаю! Сколько хочешь?» Крестьянин заявляет: «400 рублей!» (тот, про кого мне рассказывал сам Плюшкин). Тогда Плюшкин хладнокровно говорит, что он дает ОДИН рубль и что пусть он поищет другого покупателя, и когда тот ему даст другую цену (все равно какую), то пусть он возвращается к нему, и «я дам тебе на четвертак больше» (заметьте: только на четвертак, хотя бы вещь стоила 1000 рублей!)... Крестьянин уходит, а через три дня возвращается, и грамота остается у Плюшкина, а мужик бережно прячет в кошель три рубля, прославляя Плюшкина благодетелем. А на другой день «благодетелю» тащут новые и новые лица – все новые и новые вещи... Так составлялась коллекция. Очевидно, по разным рукам много бродит всякой всячины, нужно уметь ее выудить, а система Плюшкина – покупать все без разбору – самая правильная. Он приохочивает продавца. Я убежден, что у него есть вещи, за которые он заплатил 5, 10 и даже 20 рублей, а они не стоят и одного рубля, но зато у него есть вещи, купленные им за те же 5, 10 и 20 рублей, а ему дают за них 700–800 и 1000 рублей! Таковы некоторые миниатюры с изображением каких-то исторических портретов. Каких? Плюшкин сам не знает, но приезжают знатные люди и предлагают ему за них 500 рублей, на другой день 700, 900..., но Плюшкин никому ничего не продает, только обменивается дубликатами, которых у него, впрочем, почти нет. Монеты Плюшкин собирал так же, как и вещи. Все, что ему приносили, – он покупал. Все, что мальчишки нашли в Великой и Пскове (реки) за 30 лет, – все это теперь в руках Плюшкина. Результатом явилась «нумизматическая коллекция» Плюшкина, которая считается богаче 1) эрмитажной, 2) великого князя Георгия Михайловича и 3) графа Толстого (вице-президента Академии художеств). А между тем каждая из этих коллекций считается «замечательной». Коллекция русских монет достигла у Плюшкина такой полноты, что он теперь считает только еще несколько экземпляров, которых у него нет. Но *L'appetit vient en mangeant*...⁴⁵ И Плюшкин, зн[а]я,

⁴⁵ Аппетит приходит во время еды (фр.).

где обретаются эти «уники», обхаживает владельцев, мечтая рано или поздно приобрести и эти недостающие ему монеты. В этом случае возможно, что он и сам заплатит громадные деньги. Впрочем, это не противоречит его системе. Он всегда (именно ВСЕГДА) готов дать «немного» больше того, что дают на «рынке». Но это все слова и рассуждения. Надо же сказать что-нибудь и про самую коллекцию. Это невозможно! Она подавляет количеством и разнообразием. Я могу сделать только беглый перечень, еще более беглый, чем мой собственный обзор.

Во-первых, упомянутая нумизматическая коллекция... Русские деньги от самых первых времен – в виде брусьев в 2 рубля, которые «рубili» пополам, чтобы получить один рубль. Отсюда слово «рубль». Деньги квадратные и круглые всех царствований. Даже пугачевские, хотя знатоки считают их ненастоящими, т. е. говорят, что сам Пугачев вряд ли чеканил монету. В коллекции иностранных монет еще большее разнообразие. Тут деньги кожаные, стеклянные, железные, серебряные, золотые и проч. Витрины и шкапы ломаются от их количества. Места мало, и вся коллекция страдает отсутствием системы. Если все это разложить как следует, то получился бы второй «Берлинский мюнц-кабинет». Недурна у него коллекция старинных образов. Тут столько наивного, нелепого и оригинального, что прямо глаза разбегаются. Различные изображения Страшного суда поражают обилием фантазии и вымысла, а перед некоторыми «отвлеченными» идеями христианства, перенесенными на полотно, можно только развести руками и изобразить на лице полное недоумение. Забавны изображения св. Христофора с ослиной головой. Предание говорит, что к этому святому человеку недурной наружности приставали «дамы» и он, чтобы избавиться от греха, просил бога дать ему лицо, на которое бы женщины смотрели с отвращением. И бог дал ему ослиную голову. Плюшкин говорит, что ему не удалось найти «житие этого святого осла»!

Гравюр, грамот, документов и пр. – у Плюшкина уйма. Но все это не разобрано и лежит под спудом. Какие-то профессора пытались разобрать у него всю эту коллекцию, но, истратив три дня, не привели ее в должный порядок. Да! тут нужны годы для того, чтобы придать всему этому богатству должный вид. А что станет с коллекцией после смерти Плюшкина? У него 3 сына и 1 дочь. Один сын – юрист, другой – доктор (оба в Петербурге) и 1 – торговец – при отце. И кажется, все трое не могут считать себя такими любителями-коллекционерами, как старик Плюшкин. И все собранное с любовью за 30–40 лет пойдет прахом. Прахом потому, что ни Эрмитаж, никакой частный человек не купит всю коллекцию целиком. Это не по средствам, да это и не будет разумно, ибо коллекция сбродная. И выйдет самое худшее, что можно ожидать. Коллекцию растащат по частям. Немало, я думаю, лиц ждут смерти старика. У всякого есть на примете нужная ему вещьца, на которую он метит. А жаль... Мне бы хотелось видеть эту кол-

лекцию, раз она собрана, в чудном обширном здании, вполне разобрannую и систематизировannую, доступную для публичного обозрения. И это была бы гордость города Пскова. Я бы не уступил ее столицам! И назывался бы этот музей именем Плюшкина... И слышится мне: «Да бог с вами! Откуда взять Пскову деньги на городской музей! Дай бог концы с концами сводить!» Да, бедный, жалкий город! Город, существующий тысячу с хвостиком лет и не имеющий панелей для пешеходов! Город, только несколько лет тому назад понявший, что «неловко» разрушать «старинные» здания или обращать их в склады. И до сих пор не умеющий охранить свою самую старую церковь от затопления водой...

Но вернемся к Плюшкину.

Вот книги, преимущественно церковные: дониконовского периода. Вопросник духовника с вопросами *pour faire rougir un gendarme*⁴⁶. Чайник Суворова, кубок Наполеона 1, жбан Петра Великого, гравюрный портрет Константина 1, императора и самодержца всероссийского, и пр. пр. Для нас – офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, – немало интереса представляет небольшая гравюра, изображающая бунт декабристов на Сенатской площади. Тут видна 3 батарея нашей бригады во главе с Николаем 1 и великим князем Михаилом Павловичем. На эту гравюру уже давно обратил внимание В. А. Лехович (ныне командир 1 его высочества батареи, бывший командир 3 батареи) и хотел ее выменять на весьма редкую монету Кубинской республики, но Плюшкин наотрез отказался и даже заявил, что не позволит снять с нее фотографии. Но теперь он заявил, что снять фотографию он с удовольствием разрешает...

Пора дать отдых хозяину, который видимо устал, да и торопится заняться своим делом. Мы любезно его поблагодарили, он же нам заявил, что зимой он всегда к нашим услугам и готов предоставить осмотр его коллекции хоть в течение целой недели.

Сегодня же мне удалось осмотреть и еще одну крупную достопримечательность – это так называемые Поганкины палаты. На этот раз я был с П. А. Кавтарадзе. По пути мы заехали взглянуть на братскую могилу, замечательную тем, что она не «могила». Вообще этот памятник имеет крайне смутную историю. Все сходятся в одном, что его построили только потому, что на этом месте был пустой, зря стоящий холмик. И чтобы он не стоял зря – на нем поставили памятник. Поставили тихо, так что многие и не знают о его существовании. Впрочем, место это историческое. Вблизи – Баториев пролом, через который он вошел в город. Событие это уснащено массою легенд, о которых знают даже некоторы[e] извозчики. Я не повторяю их, так как не имел времени заняться основательно этим вопросом.

⁴⁶ Заставить полицейского покраснеть (фр.).

О Поганкиных палатах существует литература и исследования. Окончательно выяснено, что это стариннейшее здание Пскова. И до царствования Николая 2 оно было занято под провиантский склад!!! Неизвестно, хорошо ли это или худо. Я думаю, что это было очень хорошо. Ибо хотя, с одной стороны, интенданты уничтожили в нем немало старинных печек, окон, крышу и проч., но, с другой стороны, само здание все же сохранилось в первоначальном, оригинальном виде. Все же прочие старинные здания Пскова, не имевшие счастья быть интендантскими складами, безжалостно разрушены, полуразрушены или капитально перестроены. Таким образом, Поганкины палаты являются некоторым образом «единственными» и к тому же характерными «палатами» богатого псковского купца – гражданина Поганкина.

Нам повезло. Поганкины палаты готовились к посещению государя, и в них никого не пускали. Мы застали там отставного генерала Ушакова, одного из видных членов археологического общества г. Пскова, и тот не только дал нам разрешение, но и сам стал давать объяснения. По возможности все восстанавливается в прежнем виде. Печи построены по найденным остаткам изразцов, потолки расписываются по старым образцам, обнаруженным под современной штукатуркой. Стиль дверей – сосновых с железными оковками – также удалось восстановить. Таким образом восстановленные палаты в настоящее время предназначены под археологический музей и художественное училище. Археологическое общество имеет целью собирать все относящееся исключительно до истории г. Пскова. Уже масса предметов расставлены в витринах в полном порядке и в строгой системе. Общество не обладает никакими средствами и живет на членские взносы, пожертвования и проч. Ясно, что только энергия ее членов могла создать из «ничего» этот уже весьма солидный музей. Честь им и слава. Приятно, что хоть в XX веке пришли к сознанию, что «седая старина» требует к себе уважения и всяческого внимания. Нужно все сохранять, беречь от разрушения, дабы грядущие поколения на живых образцах знакомились поистине со славным прошлым нашей святой Руси...

На прощанье генерал Ушаков предложил нам расписаться в книге посетителей, что мы с удовольствием и сделали.

Обед наш в казармах Енисейского полка был поздний – в 9 часов вечера. К нашей компании прибыл еще один офицер – это поручик Богушевский, приехавший из Петербурга. Дружеская беседа затянулась (как говорят корреспонденты) до полночи, после чего мы еще совершили экскурсию по ночному Пскову и вернулись домой к часу ночи.

6 августа – среда.

Шестому августу везет. Как и в прошлом году, дождь лил непрерывно все маневры, и лишь в день нашего праздника он заменялся хорошей,

солнечной погодой. Так было и в этом году. Чудная, хотя и свежая, погода. Парад в кителях. Кроме преображенцев и 1 дивизиона нашей бригады был еще и 7 драгунский Новороссийский полк. Это, очевидно, дело великого князя Владимира Александровича, так как он состоит шефом этих драгун. В этот день в окрестностях Пскова были еще и 2-й дивизион нашей бригады, лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион, т. е. почти вся гвардейская артиллерия, но на параде участвовал один только 1-й дивизион. Но почему? Это, конечно, неизвестно. Невнимание начальства или желание дать место новороссийцам, или, как объясняют многие, потому, что только один 1-й дивизион наверняка должен был стоять в Пскове 6 августа, а другие части гвардейской артиллерии по ходу маневров могли быть и сильно удалены от Пскова. Но ведь один эскадрон новороссийцев, говорят, сделал чуть не 80 верст, чтобы попасть на парад, хотя 6 августа и не их праздник, а на параде они по случаю недавнего пожалования юбилейного штандарта.

Я и другие офицеры 1 дивизиона, приехавшие из СПбурга, проходили первый раз на левом фланге батареи Михаила Павловича, а затем отошли к свите. Проходили части недурно, хотя многие роты преображенцев очень плохо и не под ногу отвечали царю. Вообще же парад носил современный отпечаток: прошли только-только, чтобы не сказать «плохо». Когда проходили в колонне, то после новороссийцев, которым играли их трубачи, пошли нестроевая рота и школа воспитанников-преображенцев, и вдруг новороссийские трубачи бросили играть и ушли. Это было неожиданностью, так как на репетиции они продолжали играть и для нестроевых преображенцев. Две эти линии, конечно, без музыки моментально расстроились и, сломав фронт, зашагали не в ногу. Хор преображенцев подхватил марш, но уже тогда, когда они миновали государя. Государь всех хвалил. После обычного приема фельдфебелей и адъютантов шефских частей мы все отправились в тут же находящийся манеж Иркутского полка (парад происходил на плацу этого полка), куда собрались все три части и встали у обеденных столов со своими пробными столиками. Вскоре в манеж вошел государь, императрица Александра Федоровна, великая княгиня Мария Павловна и великая княгиня Ольга Александровна. Генерал Озеров показал государю, где стоят пробные столы. Государь подошел к столу Преображенского полка и, взяв чару, сказал – громко, на весь манеж: «За славу и процветание лейб-гвардии Преображенского полка, гвардейской артиллерии и Новороссийского полка. Ура!» Громкое «ура» было ответом на этот тост. Генерал Озеров произнес 2 тоста: 1) «За нашего державного шефа и верховного вождя русской армии. Ура!» (громовое «ура») и 2) «За здоровье государынь императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны и государя наследника и великого князя Михаила Александровича. Ура!» Столь же громкое «ура»...

Императрица Александра Федоровна кланялась. Ни к нашему, ни к новороссийскому столу государь не подошел и вскоре вышел из манежа со всею свитой. Офицерство и начальство пошли на вокзал, кто в экипажах, кто пешком, ибо до вокзала несколько шагов, и там нас ждало 2 поезда с промежутком отбытия в полчаса. Второй поезд, на котором и ехали большинство офицеров, в том числе и я, отошел в 12 часов 45 минут и через полчаса прибыл на станцию Торошино, где уже был разбит громадный шатер с тремя длиннейшими рядами столов. Едва мы успели занять назначенные места, как прибыл и государь и обед начался.

Играли преображенцы и хор новороссийцев. Государь сидел рядом с генерал-лейтенантом Альтфатером (товарищ фельдцехмейстера) и непрерывно во все время обеда с ним разговаривал. Императрица разговаривала со своими соседями: герцогом Георгием Мекленбургским (командир лейб-гвардии Драгунского полка) и генерал-адъютантом Фридрихсом (министр [Императорского] двора). Почти в самом конце обеда государь, встав, сказал: «За процветание лейб-гвардии Преображенского полка, гвардейской артиллерии и Новороссийского полка. За ваше здоровье, господа!» Музыка играла все три марша. Государь чокнулся с генералом Альтфатером, генералом Уткевичем (начальник артиллерии Гвардейского корпуса) и генералом Озеровым. После обеда все вышли на помост между шатром и полотном дороги, и тут в течение получаса происходил обычный разговор государя с празднующими частями. Подойдя к нам, царь расспрашивал о маневрах – нет ли больных людей или помятых спин у лошадей, на что получал ответы генералов Уткевича и Оноприенко (начальник артиллерии Петербургского [военного] округа), что солдаты находятся в вожделенном здоровье, а помятых спин у лошадей вовсе нет, и они чудно выносят поход.

– Вообще, ваше императорское величество (говорил генерал Уткевич), у солдат заметно необычайно хорошее расположение духа, полное отсутствие усталости. Очевидно, новая и красивая местность производит на нашего солдата большое впечатление...

– На кого же природа не производит впечатления, – заметил государь, – разве на какого-нибудь профессора...

И обратившись к герцогу Мекленбург-Стрелицкому (командиру 1 дивизиона лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады), задал несколько вопросов относительно стоянки нашего дивизиона в Енисейских казармах в г. Пскове. Герцог, как всегда, отвечал «так точно», «никак нет» с неизменным дрожаньем рук и проч., как будто он стоит не пред русским царем, а [пред] китайским богдыханом, который велит немедленно распороть ему живот!

После разговоров государь с женой и Ольгой Александровной вошел в салон-вагон императорского поезда, который отъехал от станции на несколько десятков саженей, так как близ Торошино и расположена царская

ставка в виде упомянутого императорского поезда, в котором государь живет, спит, обедает и проч.

Вскоре подали и нам экстренный поезд, на котором мы все вернулись в Псков. К 9 часам вечера генерал Озеров пригласил 1 его высочества батарею и полковника Берникова на обед к преображенцам, а потому я счел благоразумным немного прилечь и отдохнуть до вечера.

Традиционный обед преображенцев 6 августа был на этот раз сервирован в большой зале офицерского собрания Иркутского пехотного полка. Когда мы – офицеры батареи великого князя Михаила Павловича – подъехали к подъезду, то застали уже почти всех в сборе. В дверях собрания стоял наследник и подавал всем вошедшим руку. Мне он сказал: «Здравствуйте!» У закусочного стола уже стояли великие князья Владимир Александрович и Константин Константинович. В числе строевых преображенцев – наследник, принц Ольденбургский и герцог Лейхтенбергский. Среди нас – герцог М. Г. Мекленбургский. Я сидел за столом рядом с князем Шаховским, который меня и потчевал. Были тосты за государя, командиров полка, великих князей Владимира и Константина, за нас, новороссийцев и проч. Когда пили за бомбардиров – наследник, взглянув на меня, поднял свой бокал: я поклонился. После обеда пили шампанское и ликеры. Характерно, что за обедом не было музыки, так как музыканты «устали», а были только балалаечники. После обеда, за шампанским, и вовсе не было никакой музыки. После «Чарочки» нескольким высокопоставленным лицам перешли на известную песнь «Солдат, солдат 1-й роты...» Когда выкликали № роты, все офицеры этой роты выходили на середину и осушали бокалы. Пройдя таким образом 16 рот, спели нам: «Солдат 1-й батареи, солдат-бомбардир!» Мы проделали ту же церемонию. Наши хозяева при этом огласили залу громким «ура». Так как завтра нужно было рано выступать на маневр, то весь обед шел на скорую руку, и к 12 часам гости стали прощаться. Я подошел к генералу Озерову и поблагодарил его, на что он ответил, что он «очень рад; вас, господа, нужно благодарить мне». Сидевший рядом с ним Константин Константинович тоже встал и подал мне руку. (Великий князь Владимир Александрович уехал тотчас же после обеда.) Извозчик меня ждал у подъезда, и я вернулся на нем домой. Тут я узнал, что наследник, очутившись рядом с нашим молодым офицером Нарковичем, вдруг спросил его: «Отчего у вас не было в этом году месячных и годового обеда?» Понятно смущение подпоручика Нарковича, который и не мог, конечно, объяснить истинную причину – почему мы забаллотировали в этом году обеда. Он ответил: «Не могу знать, ваше императорское высочество». Видимо, наша «забастовка» сильно волнует высшие сферы. Жаль только, что «там» все дело представлено в виде «бунта» и «протеста» против «образования» (!!??), «академий» (!?) и проч.

7 августа – четверг.

На сегодня я еще остался в Пскове с исключительной целью досмотреть те храмы, в которых я еще не успел побывать. Когда я утром открыл глаза – это был едва 6-й час утра, – то увидел обывателей камеры уже одевающимися и укладывающимися. Денщики наскоро собирали походные кровати, увязывали чемоданы и уносили вещи грузить на подводы. К 7 часам все строевые офицеры были уже на своих местах: приезжие из Петербурга уехали с каким-то ранним поездом из Пскова, и я остался вдвоем с Н. А. Илькевичем, который должен был охранять здесь серебряные трубы и кой-какое имущество батареи до царского парада 20 августа. Остался еще и капельмейстер Каукаль с хором музыки. Я решил выехать с 4½ поездом, а до того у меня было в распоряжении масса времени. Напившись кофе в гостиннице «Лондон», я направил свои стопы в Троицкий собор, одну из крупных достопримечательностей Пскова. Высота его, особенно внутри, поражает, без сомнения, всякого. К этому собору наипаче подходит название «величественный». Один иконостас чего стоит! Не мог я себе отказать в удовольствии подняться на соседнюю с церковью колокольню по головоломной, с позволения сказать, «лестнице», и оттуда открылся передо мной вид на весь небольшой город. Вот Великая с плавучим мостом, Мирожский монастырь, улицы Пскова с маленькими домиками и одиноко возвышающимся 6-этажным зданием...

– Что это такое? – спросил я сопровождавшего меня мальчика.

– Городской водопровод. А вон там – фабрика канатная, а по берегу Великой – все лесопильные заводы...

Один из берегов речки Псковы довольно живописен. Масса зелени скрадывает убогие домишки, и издали панорама приятно ласкает ваш взор. Я узнаю отсюда сверху знакомые мне здания: кадетский корпус, губернаторский и архиерейский дома, больницу, казармы, духовное училище и пр. Вот он, древний Псков! Да полно, что в нем древнего? Все эти одноэтажные дома напоминают вам времена Чичикова, а уж никак не Александра Невского. И этот Троицкий собор дважды рушился и вновь строился. А от Поганкиных палат остались только стены, даже крыша вся новая... Спустимся же скорее вниз, и мы поедem осматривать Мирожский монастырь, где есть истиннодревняя церковь, стоящая с XII столетия. Я дошел пешком до лодочной пристани близ плавучего моста и нанял лодку. Молодой красивый парень сел гребцом. Мы поплыли по Великой. Я начал было его расспрашивать, пытаюсь втянуть в разговор, но он оказался до того несловоохотливым, что я вскоре оставил свою тщетную попытку... В России об удобствах для публики не заботятся, а слово «турист» не существует у нас в лексиконе. Будь за границей Мирожская церковь – то к ней провели бы пару электрических трамваев, одну подземную дорогу и завели бы речь о постройке в ближайшем будущем воздушной. Затем, ходили бы срочные

пароходы по Великой, а в монастыре вас ожидали бы «гиды» с планами, описаниями, картами... Тут же бы приютился, вероятно, и ресторан с какой-нибудь «особенной» монастырской «кухней», о которой непременно упоминал бы «Бедекер»⁴⁷, после чего каждый англичанин счел бы своим долгом отведать ее... Но это все «БЫ»... Мирожский монастырь не за границей, а у нас в Рассее, а потому лодочник со всего размаху врезался носом в илистый берег и предложил мне вылезть из лодки прямо в воду и с камешка на камешек, проваливаясь в ил, добежать до твердой земли...

Тут у моста хлопотал какой-то монах, или послушник, уже довольно преклонных лет, с двумя рабочими. Они украшали мост флагами и зеленью. Ожидалось посещение государя. Преображенский собор Мирожского монастыря – древнейший в Пскове и замечателен тем, что на стенах его под слоем современной штукатурки были обнаружены великолепно сохранившиеся фрески, явно древнего (вероятно, византийского) письма. Я осмотрел их подробно. Они восстановлены Сусловым и дают весьма наглядное понятие о наивном веровании наших предков-христиан. Во всяком случае, как ни смешно смотреть на эту живопись, но все же она представляет весьма и весьма ценный памятник. Но вот что слышал: говорят, что во время разлива Великой церковь, которая ниже уровня реки, затопляется водой! Неужели? И неужели никак нельзя предохранить эти единственные и редчайшие фрески от медленного, но зато верного уничтожения! Там всегда сыро, говорил какой-то монах, и, конечно, фрески портятся. Не правда ли, логично? Вероятно, это от Бога! Черт возьми! Да разве нельзя загородить церковь валом от наводнений, или проложить под ней трубы, чтобы осушить местность! Или техника недостаточно могущественна для ограждения псковской святыни от гибели... Нет денег!! Но нет и желания и нет любви к родной старине, к родному искусству, к родной колыбели!..

На лодке вернулся в Псков, позавтракал в гостиннице «Лондон» с Н. А. Илькевичем и под проливным дождем вернулся в казармы, захватил с собой вещи и с г. Илькевичем же поехал на вокзал... По дороге встретили наш дивизион, уже возвращающийся с сегодняшнего маневра и в те же казармы. Я чуть было не вернулся обратно, но потом раздумал и покатил к вокзалу. На вокзал совершенно неожиданно приехал вместе с преображенцами наследник. Жандармы не успели выгнать всю публику из залы и с платформы, и порядочно народа с восторгом остались смотреть на Михаила Александровича. Я слышал, как говорили:

– Видел, видел! Я и императрицу видел, слава тебе, господи! Удалось!.. Проходя мимо меня, наследник подошел ко мне и подал руку.

В 4 часа 2 минуты поезд тронулся, а в первом часу ночи я уже разлегся на своей петербургской кровати, весьма довольный совершенной поездкой.

⁴⁷ Бедекер – путеводитель, слово это – ставшее нарицательным имя одного из самых известных издателей путеводителей, К. Бедекера (1801–1859).

Конец поездки в Псков.

14 августа – четверг.

В роли казначея мне, как это ни странно, впервые пришлось быть в главном СПб. почтамте, где выдаются денежные письма. Ни крупных вывесок, никаких ориентировочных знаков на фасаде здания. Случайный сторож указывает вам ворота. Нужно войти вовнутрь. Старинный русский двор! Тип постоялого двора: грязный, затхлый, с низенькими дворовыми постройками, грозящими развалиться. Но куда же идти? Да вот направо, в эту крохотную дверь. Да не ошибся ли я? Неужели это «почтамт» русской столицы, где на Невском есть такие дома, как Елисеева на углу Екатерининской ул.⁴⁸? Распахиваю дверь... Комната битком набита народом. Мрачно, затхло, прокопчено и... вообще черт знает что такое! Воля ваша. По-моему, нашему почтамту пора построить новое здание. Ведь это остаток такой старины, такой «клоаки», что на него и смотреть тошно, а не только там работать, и работать день-деньской, ибо кто же не знает, что это самое трудолюбивое ведомство! Кроме того, почтамт – это первое место, куда направляется всякий приезжий иностранец. Какие дивные почтамты построены за границей! Пора и нам строить новый... пора!

ПРИМЕЧАНИЕ: Его, впрочем, капитально перестраивают.

18 августа – понедельник.

И. В. Петрушевский (штабс-капитан) при назначении Плеске министром финансов (это его дальний родственник) сострил: «Раз Плеске назначили, то наверное финансы расплескаются!» Сказано это было исключительно ради каламбура.

21 августа – четверг.

Все эти дни приходилось периодически наезжать из города в лагерь, иногда на целый день с утра до позднего вечера (18 и 20). К тому меня обязывала моя казначейская должность и связанные с ней многочисленные расчеты, распределения и получение жалованья, писем и проч. в период от 15 – 23 каждого месяца. Сегодня, наконец, денежный ящик управления бригады Фриде перевез в город, а завтра переезжает и все «управление», а вместе с тем, надо думать, кончаются и мои поездки в Красное Село. Вся бригада остается в лагерях до 1 сентября. В трех батареях (2, 3 и 6) – сбор запасных: эти батареи пробудут числа до 10-го.

Громадные переделки в собрании занимают почти весь мой день. Много хлопот...

⁴⁸ Имеется в виду здание магазина купцов Елисеевых, построенное в 1902–1903 гг. на углу Невского проспекта и Екатерининской ул. (ныне Малой Садовой).

24 августа – воскресенье.

Генерал Ляпунов (командир бригады) возвратился из отпуска несколько дней тому назад. Я встретился с ним в собрании, где пока идут большие ремонтные работы. Генерал все осматривал и, видимо, был всем доволен. На другой или на третий день он поехал к генералу Альтфатеру (товарищ генерал-фельдц.), и результатом этой поездки было то, что генерала свидетельствовали врачи на предмет увольнения в отставку по болезни. Оказывается, генерал Альтфатер сообщил нашему генералу, что он не аттестован «выдающимся», а потому он в настоящее время и не получит «начальника артиллерии», и его предполагают до открытия вакансии (что предполагается не ранее августа 1904 года) прикомандировать к Главному артиллерийскому управлению. На это, по словам генерала Ляпунова, он не согласился и решил немедленно подать в отставку. Он и весною еще хотел это сделать, но генерал Альтфатер с легким сердцем пообещал ему «навверняка» должность начальника артиллерии этой осенью. Мы видели, чем завершилось это обещание. Ляпунов решил в командование пока не вступать. Но вчера он ездил к генералу Васмунду (начальник штаба округа) и, возвратившись от него, приказал немедленно отдать в приказе о своем вступлении в командование. Что за разговор произошел у него с Васмундом – генерал заявил, что это пока тайна, но что скоро все узнают ее.

Сегодня в 10 часов утра я, как вр. и. д. бригадного казначея, являлся генералу Ляпунову. У него я застал полковника Фурмана и Фриде. Генерал два раза и чрезвычайно любезно, пожимая мою руку, благодарил меня за прекрасное исполнение обязанностей казначея во время лагеря.

Затем я с поручиком Фриде (адъютантом) являлся полковнику Берникову (как сдавшему временное командование бригадой), и тут я тоже получил лестную оценку своей летней деятельности.

Поручик Матюшкин (казначей) приехал третьего дня и завтра принимает от меня все дела, книги, деньги и проч.

25 августа – понедельник.

Приказ по бригаде 24 августа № 218:

«Бригадного казначея поручика Матюшкина, прибывшего..... вр. и. д. бр. казначея поручику Савонько... сдать, а поручику Матюшкину принять: ...денежные суммы, книги и дела бригадного управления по казначейской части... и о сдаче и приеме мне донести, после чего поручику Савонько обратиться к исполнению обязанностей хозяина офицерского собрания бригады с освобождением его от несения службы в 1 батарею бригады».

Генерал Ляпунов

Сегодня от 8½ – 12½ часов утра в комнате хозяина собрания я сдал «все» дела и деньги поручику Матюшкину и фактически покончил с «казначейством».

26 августа – вторник.

Приказ по бригаде № 220,
п. 6:

«Прикомандированный к управлению бригады поручик Савонько откомандировывается обратно в 1 батарею бригады».

п. 10:

«Вр. и. д. бр. казначея поручик Савонько рапортом от 26 августа с. г. за № 20 (21) донес, что... сдал денежные суммы, хранящиеся в денежном ящике Упр[авления] бр[игады]...»

Генерал Ляпунов

27 августа – среда.

По случаю моего откомандирования от управления – являлся сегодня генералу Ляпунову (дома застал), командиру батареи полковнику Леховичу (расписался). Командир дивизиона герцог Мекленбургский имеет общее наблюдение за сбором запасных, а потому его официальная резиденция – Красное Село, куда я поеду являться завтра утром.

Генерал Ляпунов в разговоре со мной сказал: «Я ухожу, я в бригаде не остаюсь...» Слухи, следовательно, реализуются.

28 августа – четверг.

С поездом 10-45 утра ездил в Красное Село, чтобы там явиться командиру дивизиона герцогу Мекленбургскому. Явился и вернулся с поездом 3-20 дня из Красного Села. Дождь.

31 августа – воскресенье.

Последовало открытие нашего зимнего собрания (Литейный, 26). Меня, конечно, это близко касалось, как хозяина собрания. Выдающиеся «новинки» следующие:

1) Приобретена новая комната от «учебной команды», отделана заново и обращена в музей, отделенный от собрания временной деревянной решеткой.

2) В музее сооружен грандиозный дубовый щит с китайским оружием, привезенным из похода⁴⁹ 2 батареями гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (190 + 50 = 240 рублей).

3) Устроена новая карточная комната, на месте старого музея, для чего приобретено (на заказ) 4 стола карточных, крытых впервые не сукном, а линолеумом, и 16 стульев, крытых кожей, – все под красное дерево. Соответственно устроено новое, удобное электрическое освещение и пр. (около 300 + 50 = 350 рублей)

⁴⁹ Поход в Китай 1900–1901 гг.

4) В библиотеке приобретена новая (на заказ) мебель и заново отделана оттоманка (600 рублей). Устроено новое электрическое освещение, в виде висячей люстры над столом и 6 бра на шкапах. Все по особому для нас рисунку и на заказ (300 руб.).

5) В столовой куплена (на заказ) витрина для серебра (260 рублей).

Более мелких улучшений масса. О них, может быть, скажу в конце моего «года».

1 сентября – понедельник.

Из письма к Нане Астафьевой с поздравлением ее с рождением (2 сентября). (Ей исполнилось 17 лет.)

Что наши пушки и снаряды
Перед огнем твоих очей?
Что нашей армии отряды
Пред грозной силою твоей?!

Семнадцать лет! О Боже правый,
Могуч сей возраст боевой!
Вот почему в борьбе кровавой
Всегда победа за тобой.

В. Савонько.

3 сентября – среда.

Внезапно меня потребовали утром на похороны генерал-лейтенанта Бранденбурга. Пришлось в числе прочих офицеров нашей бригады (капитана Гартунга, Фуфаевского, Дена, Пономаревского-Свидерского 2, штабс-капитана Огоновского и подпоручика Баклунда) нести ордена покойного от Сергиевского собора до кладбища Александро-Невской лавры. От 11½ – 1½ часов дня. Прекрасная, солнечная погода.

5 сентября – пятница.

Был на драме Максима Горького «На дне» в театре СПб. Нового летнего театра (Бывшая Олимпия – на Бассейной). Артисты – малоизвестные, но некоторые играли весьма и весьма недурно, чтобы не сказать «хорошо». Типы: Бубнова (философа), Насти, актера, Сатина и других удались вполне. Слабее был Лука, хотя и роль его вообще очень трудная. Публика – сероватая и, по-видимому, не всегда понимала толком: смеялась там, где ничего смешного не было. Оттенков она не ловила. Правда, этого иногда не давали артисты, но знакомство с драмой Горького приходило на помощь. Публика, по-видимому, эти сцены не усвоила и не поняла...

В 1-й раз был в Железнодорожном клубе и вообще в клубе. Весь низ из двух комнат набит битком игроками, на треть военными. Два электрических вентилятора пытаются сделать воздух сносным. Играют в экартэ, на которое пришлось перейти после запрещения в клубах макао. Экартэ – та же азартная игра, но почти окончательно уничтожает возможность шулерничать. Столы разбиваются на более «крупные» и «мелкие» – по сумме денег в игре. Есть и так называемые «серебряные» столы, где играют на рубли. Большинство же играет на «золото» и «кредитные билеты» (25, 100...). Кроме 4 играющих у каждого стола масса т. н. «мазчиков». Лакеи в холщевых пиджаках удовлетворяют требованиям посетителей по части «кушаний» и «напитков» (впрочем, здесь пьют мало) и подачи «салфеток» под локти играющих за столом. Изредка лакеи выкрикивают «место», когда очищается место за столом, и за четверть часа до 2-х часов: «Через четверть часа будет штраф 30 копеек!» Затем штраф увеличивается через каждые полчаса и доходит к 5 часам до 4 рублей 90 копеек. Месячный билет стоит 5 рублей. Годовой – 20 рублей. Для вновь поступающих необходима рекомендация двух членов, но это не исполняется по отношению к гвардейским офицерам, и я лично вместе с поручиком Богушевским взяли членский билет без всякой рекомендации... В общем, «низок» Железнодорожного клуба («Железнодорожка» – на Английской набережной⁵⁰) – настоящий игорный дом.

7 сентября – воскресенье.

От 2–2½ [часов] был в Зоологическом музее с специальною целью посмотреть на мамонта, найденного в Сибири⁵¹ и которого я еще до сих пор не видел. Мамонт – небольшой. Отдельно стоит его скелет и отдельно его чучело (кажется, единственное во всем мире!!!) и в той позе (довольно глупой), в которой он был найден на берегу реки Березовки в Якутской области. На многих местах тела шерсть рыжеватая прекрасно сохранилась. Это действительно «гвоздь» нашего музея. Такой драгоценности, я думаю, позавидует любой музей Европы. Жаль только, что экземпляр невелик; он меньше по-видимому тут же находящегося индийского слона и гораздо меньше ранее имевшегося скелета мамонта. Музей снова подкрасился и подновился и внутри выглядит очень приветливо. Снаружи он остается «казенным» и «казарменным» зданием – вовсе не соответствующим своему назначению. Музеи и по внешнему виду должны отличаться от обычных зданий и импонировать своею красотою, изяществом и роскошью!.. Публики масса. Офицеры, штатские, мужики, студенты, солдаты, дети и проч. Витрины – выше всякой похвалы. Это гордость столицы! Я давно не был в музее, и посетить его доставило мне большое удовольствие.

⁵⁰ Клуб находился по адресу: Английская наб., 6, особняк Э. П. Казалета.

⁵¹ Березовский мамонт, найденный в Сибири в 1900 г., с 1903 г.

10 сентября – среда.

Читаю: Лескова – «На ножах»

Транквилл – «Жизнь 12 цезарей»

1903
284

11 сентября – четверг.

Кто ленивее: олень или женщина? Конечно, женщина! Олень носит сам свои рога, а женщина заставляет носить их мужчин!

15 сентября – понедельник.

Несколько дней тому назад комендант Кронштадтской крепостной артиллерии генерал-лейтенант Беляев (бывший наш командир бригады; я застал его в бригаде) письмом, адресованным на имя поручика Богушевского, пригласил «всех желающих» нашей бригады в Кронштадт на т. н. комендантскую стрельбу; при этом он прислал и программу стрельбы. Я был в числе желающих. Специально для нас назначенный пароход «Инженер» должен был отойти с приглашенными лицами в 8 часов утра от военной пристани у Николаевского моста⁵² (Английская набережная). Я приехал туда на извозчике вместе с Л. Ф. Гартунгом за добрых полчаса до отбытия. Кроме нас были приглашены и офицеры лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Припомню вам фамилии всех собравшихся на пароход:

(Нашей бригады и стрелкового дивизиона): я, Лехович, Похвиснев, Берников, Гартунг, Баклунд, Погребняков, Тимлер, Окерман, Ушаков, Баранов, Явид, Ден, Шульман.

2-й бригады: Нищенков (командир), Афанасьев, Осипов, Войно-Оранский, Сиверс, Шифнер, Беляев, Чебышев, Грум-Гржимайло, Головачев.

Затем: генерал Чернявский (начальник Константиновского артиллерийского училища), генерал Шкларевич и др.

С нами поехали комендантский штаб-офицер и инженер-капитан Семенов. Предполагалось вначале, что на «Инженере» может поехать великий князь Владимир Александрович, и вот почему за нами прислали еще пароход «Минер», но так как великий князь поехал на частном кронштадтском пароходе, то «Минер» вернулся в Кронштадт пустым... Свежо, но тихо. Пароходик быстро мчит нас к Кронштадту. На палубе холодно. Мы согреваемся чаем с печеньем. Изредка обогреваемся в уютной каюте. Капитан Семенов, развернув перед нами морскую карту, подробно познакомил нас с системой обороны Кронштадта. Все новые форты (Обручев, Литера А, Сестрорецкий) еще только в зачатке. Артиллерии на них нет. Пока это «бездны», куда сыпят миллионы! Не увлечение ли это? Фарватер

⁵² Первоначальное название моста – Благовещенский, с 1855 по 1918 гг. назывался Николаевским, с 1918 по 2007 г. – мост Лейтенанта Шмидта, в 2007 г. возвращено первоначальное название.

так мелок, что и без фортов, пожалуй, неприятелю не пройти. Но это дело специалистов.

Пристали к форту «Константин». Здесь крепостная пехота и артиллерия с музыкой ожидала великого князя. Наш герцог Мекленбургский со Смысловским уже были тут, приехав на пароходе из Ораниенбаума. Рассказывают, что здесь его встретили с помпой и воздаянием всех почестей, от чего «Шмерц» окончательно пришел в смущение. В 11¼ часов великий князь с комендантом генералом Беляевым подъехал на пароходе к форту. Обошел фронт и здоровался. Мы стояли «живописной группой» на левом фланге. Конечно, не были удостоены со стороны великого князя ни малейшим вниманием. Кстати упомянуть про один забавный инцидент.

Подходит к капитану Гартунгу генерал Шкларевич и, титулуя его «ваше высочество», начинает вспоминать, как он 20 лет тому назад..., но тут Гартунг его останавливает и заявляет, что он не «ваше высочество», а капитан Гартунг. Разумеется, Шкларевич сконфузился и свалил все на свою близорукость.

Форт Константин соединен с Кронштадтским островом дамбой, по которой ходит железная дорога, обслуживаемая солдатами инженерных войск. Нам подали поезд из локомотива, 3-х платформ со скамьями и 1-го крытого салон-вагона. Великий князь уселся на платформу, а вся «публика» битком заполнила все свободные места. Поезд довез нас по дамбе и «косе» до батареи «Николай-шанц». Батарея эта только что строится (грандиозные бетонные сооружения!!!), а старый вал был избран как позиция для наблюдения сегодняшнего маневра. Он начался приблизительно в половине первого. Соседняя «куртинная» батарея открыла «мортирный» огонь по барже в 5-верстном расстоянии. Ей вторила невидимая нам «промежуточная» батарея. Выстрелы были редкие. На глаз – меткость была весьма удовлетворительна, хотя баржу потопить и не удалось. Погода становилась все хуже и хуже. Вскоре стал накрапывать дождь, который шел все крещендо. Это сильно портило впечатление от стрельбы. Относясь к ней строго, критически, я не мог не заметить много шероховатостей, но все-таки как картина она имеет за собой бездну поучительного и интересного. Эффектны были залпы пехоты по неприятельскому десанту, взрыв фугасов и стрельба из пушек Канэ (6 дм), установленных на железнодорожных платформах, по бую, плавающему в 500 саженях от берега (отступающий десант). Тут уж дождь пошел вовсю, и многие, послав к черту 4-й период стрельбы (по движимым мишеням), пошли к станции дороги и спрятались в один из крытых вагонов. Вскоре сюда же пришел и великий князь, и поезд двинулся обратно на форт «Константин», где маневр закончился пехотной стрельбой по движущейся мишени и взрывом двух подводных мин. Железная дорога в третий раз предъявила нам свои услуги, и мы

на ней доехали до форта Тотлебен, где в бараке (собрании) одного из батальонов артиллерии был накрыт давно уже ожидаемый нами завтрак. И то сказать: было 3½ часа дня, а мы встали в 6! Если не считать чаю, то почти 10 часов мы ничего не имели во рту. Столы были накрыты «а-ла-фуршет» на балконе и в самом здании. Великий князь сел в зале, рядом поместилось ближайшее начальство, а дальше толпились – офицерство. Атака, в особенности на балконе, была опустошительная. Во мгновение ока – водка, вина, закуска, рыба и жаркое были уничтожены голодными гостями и хозяевами. (Впрочем, хозяйном была, кажется, «казна» – завтрак устраивала крепость.) Надо сознаться, что всего приготовленного было, конечно, более чем мало для всей публики. Ведь здесь были и пехота, и артиллерия, и моряки, и масса приглашенных. После завтрака великий князь, сопровождаемый «ура», которое радушно прокричали немного «освежившиеся» офицеры, сел в поезд (крепостной) и поехал на «Константин», откуда пароход должен был его везти, кажется, в Ораниенбаум. Я же и многие наши офицеры решили ехать в город Кронштадт с визитом к генеральше Беляевой (Марии Николаевне) – тем более что сам Беляев, кого замечал, приглашал непременно к себе на чашку чая. Вскоре нам подали другой поезд, на котором мы доехали до города, а со станции извозчик в 2 минуты довез нас до солидного «комендантского» дома, в котором весь бел[ь]этаж занят генералом.

В столовой я и Гартунг уже застали ранее нас только что приехавшего герцога Мекленбургского, подполковника генерального штаба Рубца и одну даму... Тут же я с Гартунгом решил – ехать обратно в Петербург не на казенном пароходе (когда он отходит и будет ли он – мы наверняка не знали), а на частном, который уже наверное, по словам m^{me} Беляевой, отходит в 5 часов, да к тому же на нем есть буфет, что представляло для нас немаловажный интерес, понятный и вам из только что сообщенных мною фактов. Мы распрощались с хозяйкой дома, пожали руку только что вернувшемуся генералу Беляеву и, выйдя на крыльцо, сели в коляску генерала Чижикова (начальника Кронштадтской крепостной артиллерии), кучер которого по корыстным соображениям предложил нам свои услуги. Мы не «противились злу» и домчались до пристани, отстоящей довольно далеко от комендантского дома. Заняв на пароходе отдельное купе-каюту, мы имели удовольствие видеть, что нашему благоразумному шагу последовали еще: Ден, Баранов, Явид, Баклунд и Тимлер, и наша маленькая компания превесело провела за обедом весь переезд до Петербурга. А на другой день Лев Федорович Гартунг немало был счастлив, узнав, что соблазнившиеся на казенный пароход (Берников, Похвиснев, Лехович и др.) попали в Питер едва к 10 часам вечера, да вдобавок чуть не потерпели аварию на Неве, не заметив в темноте какую-то баржу.

24 сентября – среда.

Был в собрании лейб-гвардии Измайловского полка на дежурстве штабс-капитана Колюбакина – офицера нашей бригады, кончившего Академию Генерального штаба и командующего ротой в полку.

25 сентября – четверг.

Был в музее «морском»... Образцово! Видна любовь у заведывающего! Это одна из крупнейших достопримечательностей СПбурга.

30 сентября – вторник.

К 8½ часам утра приказано было собраться в офицерском собрании бригады всем штаб- и обер- офицерам бригады в обыкновенной форме. Мы встали по стенам залы в одну шеренгу, побатарейно. Были вызваны и обучающиеся в академиях, но из них очень многие не пришли. Генерал Ляпунов не пришел. Ровно в 9 часов приехал в сопровождении адъютантов (штабс-капитан Некрасов и Макеев) наш новый начальник артиллерии гв. корпуса генерал-лейтенант Хитрово, бывший офицер и командир 4 батареи нашей же бригады. Он был в мундире «по гвардейской пешей артиллерии». Поклонившись нам сперва общим поклоном, он стал обходить линию, кланяясь и подавая руку. Командиры называли ему фамилии офицеров. Сопровождал его полковник Берников. Поравнявшись со мной и услышав от полковника Леховича фамилию «поручик Савонько», генерал Хитрово, подавая мне руку, сказал:

- Фамилия артиллерийская. Ваш отец служил в артиллерии?
- Так точно, в[аше] пр[евосходительство], в 24 артиллерийской бригаде.
- Он жив?
- Так точно, в[аше] пр[евосходительство].
- В отставке?
- Так точно.

Обойдя всю линию, генерал Хитрово попросил нас его окружить и обратился к нам с речью, которая резко делилась на две темы. Говорит он тихо, заикаясь. В первой половине – он упомянул о своих впечатлениях, которые на него произвела «полевая» артиллерия после того, как он все время отслужил в гвардии. Оказывается, что в полевой артиллерии (Киевского округа) офицеры так много работают, что служба стоит на высоте, на которой никогда не стояла гвардейская артиллерия в его время. А между тем мы – гвардейцы – пользуемся неизмеримыми сравнительно с ними преимуществами. Вот почему нам следует класть все свои силы на работу, чтобы быть достойными тех милостей, которыми мы пользуемся. Вторая половина касалась нашего «дрейфусовского» вопроса. Вчера генерал Хитрово был у великого князя Владимира Александровича, и тот ему

категорично заявил, что пока у нас в бригаде не водворится полное и мирное течение нашей жизни, «ужасная» опала (прекращение производства и движения по службе) не будет снята со штаб-офицеров 1 и 2 бригады. Затем Хитрово познакомил нас со своими взглядами на выход с чином и заявил, что подобно великому князю Владимиру Александровичу он находит, что нет ни «нравственного», ни «юридического» основания противиться закону и что наш протест является нарушением основных понятий о воинской дисциплине. Наше упорство не позволяет нашему начальству заниматься этим вопросом, ибо если в «настоящую минуту» запретить выход в строй с чином, то это будет похоже на уступку нам, что противно воинской (опять же) дисциплине! В заключение генерал просил нас восстановить в славной «бригаде» мир и тишину, чтобы он мог по совести доложить главнокомандующему, что в бригаде «все спокойно», без чего «амнистии» (мое слово) не последует.

На этом речь кончилась, и для меня осталось загадкой – в чем должна проявиться мирная жизнь бригады. Мы ведь, слава богу, и теперь не бунтуем. Все идет гладко. С «дрейфусами», правда, не разговариваем, но ведь этого уж никто не может нас заставить! Очевидно, показателем (по-моему, единственным возможным) может служить для Владимира наши товарищеские обеды. Моя догадка, я думаю, весьма правдоподобна. Вот тут-то и «закавыка». Уже в книге «заявлений» есть 18 подписей гг. офицеров о нежелании годового обеда (9 ноября). Пойдет на голосование общего собрания, и если его провалят... то Владимир изведется и скажет, что в бригаде по-прежнему «бунтуют» (глупое слово!!). Это, конечно, несправедливо, но при остроте вопроса ему – обеду – придают высокое значение как показателю нашей обычной жизни, вошедшей в свою колею. Но об этом после. Будущее покажет, и к этому вопросу придется еще вернуться.

После сво[е]й речи генерал Хитрово обходил собрание, затем все батареи и кухни и сделал выводку лошадей в большом манеже. Около 1 часу дня он завтракал у нас в собрании, а затем уехал домой.

5 октября – воскресенье.

Командир бригады генерал Ляпунов, убедившись, что две вновь открывшиеся вакансии на должность начальника артиллерии будут замещены не им, подписал сегодня утром прошение об отставке.

6 октября – понедельник.

Первые в этом сезоне вечерние офицерские занятия. От 7 – 9 часов вечера. Велись в новой карточной комнате. По прошлогоднему обычаю, я попросил на вечер музыку и устроил общий вечерний чай. Один из «дрейфусов» – штабс-капитан Перрет (Гобято в отпуску) – по окончании занятий

остался в библиотеке, тогда как весь дивизион перешел в столовую пить чай. Он так и не рискнул войти к нам, а его, конечно, особо никто не приглашал. Музыка играла: кек-уок, марш Родзянко, из оперы «[Князь] Игорь», из оперы «Пиковая дама», «Американский марш», «Палому», «Слеза мой взор туманит...», вальс: «На волнах» и проч. От 9 – 12 часов ночи. Составился и столик в макао.

13 октября – понедельник.

Годовщина рождения великого князя Михаила Николаевича, который в настоящее время в Канне, где лечится от постигшего его удара. Молебен от 10½ часов дня в большом бригадном манеже. На молебне присутствовал начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово. Он поздоровался с нижними чинами, поз[д]равил их с «годовщиной дня рождения великого князя» и пригласил нижних чинов помолиться за князя, чтобы «господь сохранил его драгоценные дни на славу России и счастье дорогого нам оружия».

После молебна все прикладывались ко кресту и здоровались за руку с г. Хитрово, после чего Берников (временно командующий бригадой) пригласил всех господ офицеров немедленно идти в офицерское собрание. Здесь он (Хитрово) нам сказал приблизительно следующее (пересказ моими словами): «С того времени, как я впервые говорил с вами, господа, о вашем вопросе, – я изучил его довольно подробно и пришел к заключению, что тут все дело в недоразумении, в неправильном понимании и злоупотреблении словом “традиции”». Затем он указал, что есть традиции даже священные (например «боевые», «подвиги»), но что в данном случае «весь» (неужели?) вопрос возник из-за выгод. Далее (тут уж совсем вышло глупо) он вставил, что теперь такое время, цивилизация, прогресс и т. п., а потому необходимо, чтобы люди с высшим образованием имели преимущество перед прочими. Какое именно преимущество – вопрос этот должно решить начальство, а никак не мы. Заключение было всеми нами ожидаемое. Он ясно дал понять, что завтра на общем собрании начальство (Владимир) ждет от нас безусловное устройство обеда (годового), и провал его будет означать, что мы упорствуем в своем стремлении по «ложному» пути, осужденному «высочайшей властью» (как видите, вопрос поставлен до чрезвычайности остро. Запрещение на производство штаб-офицеров, сделанное, как говорит Хитрово, очевидно (??) с согласия императора, тем самым указывает как бы на то, что мы ослушники императора). И провал обеда (повторяю) будет служить знаком нашего дальнейшего против-царского поведения. Что делать!?

В 2 часа экстренно собрался распорядительный комитет, в который приглашен и я. Распорядительный комитет в составе полковника Дитерихса, капитана Илькевича, капитана Рерберга и штабс-капитана Альтфатера

собрался, по обычаю, в комнате хозяина собрания. Вопросу подлежал годовой обед. Старались выставить настоящее положение дела в истинном свете. А истинный свет – оказался мрачнее тьмы. Нам говорят: баллотируйте обед, но предупреждаем, что кто скажет «нет», того фамилию запишут и доложат начальству (а начальство таковых считает за бунтовщиков). Я характеризовал такое положение равным: «Кошелек или жизнь!!». Под словом «обед» уже исчезло всякое понятие об обеде. Обед рассматривается как официальное торжество, вроде молебна, панихиды и проч. И в таком случае, по-моему, оскорбительна всякая баллотировка, на которой нам заранее говорят, что вы сказать слово «нет» можете только под страхом изгнания из бригады или другой жестокой кары. Илькевич находил, что нужно сделать уступку, покориться и согласиться на обед, но непременно единогласно, чтобы не было жертв. По правде – другого выхода нет. Сила ломит солому. Если бы вся бригада (скажем, из 50 человек 40) встали бы против обеда, то тогда еще пришлось бы считаться с массой, но так как противников обеда наберется дай бог половина, и то все молодежь, то это ровно не приведет ни к какому результату. Напротив, это покажет разьединенность бригады. Комитет пришел к следующему решению: просить вр. командующего бригадой отложить общее собрание до 15 числа. Завтра – 14-го – подготовить гг. офицеров с тем, что их ожидает в случае заявления о нежелании обеда, и способствовать единогласному решению вопроса.

14 октября – вторник.

Вчера у меня сильно заболела голова, горло и пр. Ноги ломят. Очевидно, у меня инфлуэнца, ангина или что-нибудь в этом роде. Лег в кровать вчера в 6 часов вечера и проспал до 10 часов утра, т. е. ровно 16 часов!! Голова болит по-прежнему. Несмотря на свое нездоровье, я вскочил с постели и побежал на общее собрание, так как никакой отмены не получил. А отмена, оказывается, последовала. Но я даром не пришел. От 10 – 11½ полковник Берников беседовал со штаб-офицерами в гостинной, а затем в зале, при полном собрании всех офицеров заявил нам, что в настоящее время вопрос о нашем деле стоит несколько иначе и серьезнее. Прежде отвечала вся бригада (и она отвечает), а теперь будут отвечать личности. Начальство желает, чтобы у нас был обед, и если кто выскажется против, того фамилию запишут, потребуют с него объяснение и, вероятно, тот офицер потерпит кару. Посему он – Берников – приглашает нас обсудить вопрос «серьезно» и согласиться на обед. На этом речь, в моем пересказе, кончилась.

Ясна ли вам она? Она ясна, как божий день! Начальство требует обеда, а потому было бы логично отдать в приказе: «Предписываю собраться на обед всем гг. штаб- и обер-офицерам тогда-то». Но это незаконно. Словесно приказать обедать 9 ноября – тоже незаконно. Нужно по закону: т. е. бал-

лотировать. Законно и милостиво!! Не угодно ли баллотировать вопрос об обеде за и против, но мы вас предупреждаем, что

во-1) если будет большинство «против», то решение собрания я не утвержу (слова Берникова), и

2) кто будет «против», того на цугундер, причем независимо от его объяснений, его все равно осудят и архibuзируют!!

Все это законно!! Ну, разве это не «кошелек или жизнь!» Честное предложение наших честных начальников!!!

15 октября – среда.

Общее собрание гг. офицеров бригады и дивизиона. Вопрос – быть или не быть годовому обеду. Я уже достаточно выяснил вчера, как начальство обставило это дело. «Говори ЗА, иначе все равно другое решение не будет утверждено». Кажется – ясно. Но нет! Начальству все еще хочется доказать (зачем?), что оно действует на строго законной почве. Вот почему утром до собрания я, получив записку, явился в канцелярию 1 его высочества батареи, где мне командир – полковник Лехович – объявил, что «вот ходят слухи, что обед приказано устроить, так я должен вам заявить, что он вовсе не приказан, а тут свободная баллотировка»...

Просто противно было слушать. Какое иезуитство!!..

Затем Лехович спросил меня – имею ли я что-либо против букета т^{ме} Ляпуновой, на что я ответил, что готов участвовать в подписке.

Общее собрание открыл полковник Дитерихс. Кто против обеда – предложено встать. Встали: поручик Матюшкин, подпоручик Дуров, Шанявский и Беляев (Тимофей). Поручик Матюшкин хотел заявить причину своего нежелания, но полковник Дитерихс прервал его с полуслова, заметив, что он уже заявил, что не будет выслушивать мнения, а только записывать фамилии отказавшихся. Матюшкину предложено «сесть».

Затем полковник Дитерихс объявил, что комитет назначил цену обеда 10 рублей и не желает ли кто ее повысить (ниже – нельзя по правилам). Таковых не оказалось. Фурману хотелось знать подробности обеда, но это не входит в обсуждение собрания, и потому любопытство его не было удовлетворено. Занавес! (Ибо все вместе – наша бригадная драма.)

Был в «Народном доме» на «Севастополе». Во всяком случае – это последнее слово театральной техники. Блестящая сценическая постановка.

16 октября – четверг.

Сегодня утром опять происходило совещание гг. штаб-офицеров. Все совещаются!! Как бы лучше замаскировать всю пошлость поведения начальства. Кстати: поднят вопрос о чествовании наследника по случаю 25-летия его зачисления в 1 его высочества батарею (22 ноября). Поднял

этот вопрос впервые я летом и сказал об этом полковнику Леховичу. Заговорили о возможности перенести годовой обед позже и связать его с этим празднеством. Так нет!! Хитрово приказал: обеду быть 9 ноября само по себе. А там что будет – то будет.

17 октября – пятница.

Молебен от 10 часов утра в большом бригадном манеже по случаю «крушения». Старшим присутствующим был полковник Дитерихс.

20 октября – понедельник.

Был по наряду в Петропавловском соборе на панихиде по императоре Александре III.

24 октября – пятница.

Инспекторский смотр командующим бригадой (полковником Берниковым). Опрос претензий от 9½ часов в большом бригадном манеже. Я – на левом фланге 1 его высочества батареи. И т. д.

25 октября – суббота.

Дополнительным приказом по бригаде (24 октября) я назначен членом комиссии по проверке дровяного двора бригады и отчетности по дровам. Комиссия: полковник Похвиснев, штабс-капитан Крутиков, капитан Илькевич и я. От 8½ часов утра до 1¼ дня.

27 октября – понедельник.

Продолжение инспекторского смотра командующим бригадой (полковник Берников).

28 октября – вторник.

По телефону к 2 часам дня меня потребовали к временно командующему бригадой полковнику Берникову по делам службы. Я встретил его еще на улице, и мы вместе вошли с ним в его квартиру. Полковник Берников прочел мне рапорт поручика Богушевского (нашего квартирмейстера), в котором тот по болезни просит его освободить от должности и уволить в 4-месячный отпуск (Богушевский действительно заболел воспалением (легким) кишки).

Я понял, в чем дело. Меня снова прочат в квартирмейстры. Но я уже раз отказался. Отвертелся от должности, которая мне мало нравится. Но теперь пришлось уступить... Я ясно видел, что отказываясь – не отказывайся – меня все равно назначат. Судьба! От нее не убежишь и не спрячешься!..

29 октября – среда.

Приказ по бригаде № 284, п. 9:

«Бригадный квартирмейстер поручик Богушевский увольняется... вр. исп. должность бригадного квартирмейстера назначается поручик Савонько, который прикомандировывается к Управлению бригады. Поручику Савонько теперь же принять от поручика Богушевского дровяной двор и дела Управления бригады по квартирмейстерской части».

1903
293

30 октября – четверг.

По случаю моего вчерашнего прикомандирования к управлению я являлся сегодня в 11 часов утра полковнику Берникову (временно командующий бригадой). Берников объявил, что я буду квартирмейстром и должен принять все как можно скорее. Затем я явился (дома не застал) полковнику Дитерихсу (временно командующий дивизионом) и полковнику Леховичу (командир 1 его высочества батареи). Затем пришел в Управление и здесь узнал от поручика Матюшкина истинную подкладку смены Богушевского. Оказывается – он вел дела неаккуратно, чтобы не сказать хуже, т. е. попросту не платил по счетам и растратил 5 тысяч рублей. Детально все обнаружилось после коллективной жалобы всех поставщиков. В первый момент заплатил эти деньги Ляпунов, а потом, говорят, Богушевский ему их вернул. Ляпунов, благодаря дружбе Богушевского с Ильиными (м^{ме} Ляпунова – урожденная Ильина), решил его не губить и сохранить все дело в секрете. Это, конечно, хорошо, но, по-моему, самому Богушевскому следовало бы после этого подать в запас, а он, по-видимому, об этом и не думает. Вот это более грустный факт, чем сама гнусная растрата. Такому господину не место в части. ...Богушевский всегда был одним из лучших моих товарищей. В бригаде его любили...

31 октября – пятница.

Так как я должен принимать квартирмейстерскую должность, то я попросил Берникова поскорее устроить «выборы», чтобы новый хозяин мог быть мне помощником. Я, конечно, уже более ни во что выбран быть не могу, как будущий квартирмейстер. Меня даже не было в кандидатском списке. Заместителем моим выбран подпоручик Рейнталь. На этом собрании характерно то, что нам удалось провалить заведывающего музеем г. Кавтарадзе, который считал эту должность чуть ли не наследственной своей после Потоцкого, а на самом деле он буквально НИЧЕГО для музея не делал. Выбран заведывающим музеем капитан Илькевич.

1 ноября – суббота.

Приказ по бригаде № 287, п. 8:

«Вследствие назначения поручика Савонько на должность вр. и. д. бригадного квартирмейстера, предписываю вновь избранного хозяина собрания подпоручика Рейнталь освободить от всех служебных обязанностей и занятий в батарее. Подпоручику Рейнталь теперь же приступить к принятию должности хозяина офицерского собрания от поручика Савонько. О принятии должности хозяину собрания мне донести».

Временно командующий бригадой полковник Берников.

Сегодня же с 10 часов утра и до 4-х я принял от поручика Богушевского как дела по «дровам», так и самый дровяной двор (бригадный, в «Зеленых связях»⁵³ и в бригадном доме). Должность хозяина я думаю сдать уже после годового обеда.

3 ноября – понедельник.

Утром от 9½ часов осматривал ремонтные работы этого года генерал-лейтенант Евреинов. Осмотр – самый поверхностный. Были: полковник Дитерихс, штабс-капитан Попов, поручик Богушевский и я.

В 11 часов собрался распорядительный комитет собрания. Так как меня торопят с принятием квартирмейстерской должности, то я решил, согласно приказу по бригаде, немедленно сдать все дела по собранию новому хозяину подпоручику Рейнталь. Еще вчера я закончил мою «книгу счетов» и написал рапорт с представлением денег и аванса. Член комитета – капитан Илькевич – проверил мою книгу, и комитет расписался в ней. В конце заседания в «книгу постановлений комитета» занесено следующее заявление под п. 3:

«Комитет постановил выразить благодарность поручику САВОНЬКО – с редким усердием и любовью относившемуся к обязанностям хозяина собрания и за образцовое ведение дел по всем отраслям хозяйства».

Председатель полковник Дитерихс
члены: капитан Рерберг
капитан Илькевич

В течение почти целого дня я сдавал подпоручику Рейнталь дела, серебро, инвентарь и проч. собрания, давая советы, разъяснения и указания.

ХОЗЯИН СОБРАНИЯ: 13 августа 1902 года – 3 ноября 1903 г.

⁵³ «Зеленые связи» – название дома лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (Литейный пр., д. 26)

4 ноября – вторник.

Инспекторский смотр начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово. Опрос претензий, осмотр обмундирования и амуниции, обход помещений. С 9 часов утра до 2 часов дня. После того – проверка книг. На проверке книг Управления присутствовал и я, как будущий квартирмист[р].

5 ноября – среда.

Продолжение смотра начальником артиллерии Гвардейского корпуса (генерал-лейтенант Хитрово). От 9 часов утра до 2 часов дня. Обход цейхгаузов, амуничников, сараев и выводка всех лошадей. В этом году впервые не было общих так называемых «смотровых» завтраков, устраиваемых в мое время в большой зале с винами, музыкой и проч. Общий завтрак эти два дня заменялся общим завтраком лишь для нач. артил. со штаб-офицерами (в столовой). Вино подавалось от собрания. Прочие гг. офицеры завтракали *à la carte*⁵⁴.

6 ноября – четверг.

Генерал Ляпунов вступил в командование бригадой с тем, чтобы в субботу, сдав бригаду, уехать от нас. Я не пожалею о нем, да вряд ли кто его пожалеет!! Сегодня от 9 часов до 10¼ часов утра он сдал суммы бригады полковнику Берникову. Я присутствовал при этом.

7 ноября – пятница.

Вчера играл в карты (в «тетку» по 10 копеек) у В. Л. Мальчевского и вернулся домой около 4 часов ночи. И в первый же момент пробуждения среди ночи я почувствовал сильнейшую боль в горле с полной невозможностью глотать. Левая сторона шеи вспухла, и притронуться до нее было весьма болезненно. Я попросил к себе на дом врача гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона И. М. Демидова, который, к счастью, не нашел у меня никаких злокачественных признаков (нарывов, налетов и проч.). Прописал мне компресс и смазывание йодом. Прописал еще и «солицилку». Но я ее не принимаю.

Моя болезнь совсем некстати. Мне нужно, и притом спешно, принимать квартирмистрскую часть. Кроме того, я пропускаю сегодняшнюю панихиду по офицерским чинам бригады в Сергиевском соборе. Панихида должна быть торжественной, «соборне». Она устраивается впервые за существование бригады, согласно «частным правилам», в издании которых я принимал самое горячее участие. Наконец, послезавтра будет годовая обед, на который мне вряд ли удастся попасть.

⁵⁴ По желанию (фр.).

Ляпунов окончательно сдал бригаду и завтра уезжает за границу. Объявлены ему проводы. М^{ме} Ляпуновой подносят серебряный порт-букет и цветы. Порт-букет заказывал Дитерихс: он очень некрасивый и мизерный (цена 90 рублей). Подписались на него не более 35 человек, что, конечно, для бригады немного. Хотя м^{ме} Ляпунова пользовалась заслуженной симпатией, но многие боятся, что «поднесение» м^{ме} Ляпуновой может косвенно иметь значение чествования его самого. Я понимаю тех, которые боятся этого. Много вреда принес Ляпунов во время своего командования.

Читаю: «Грани жизни» – Лугового⁵⁵.

8 ноября – суббота.

Моя опухоль шеи и горла быстро пошла на улучшение. Целый день я еще проходил в компрессе, а 9 ноября утром я уже подал рапорт о выздоровлении.

Сегодня вечером Ляпунов в штатском с супругой уехал за границу. На вокзале ей поднесли порт-букет с букетом. Было на проводах – человек 20. (Я не был.)

9 ноября – воскресенье.

Годовой бригадный обед. Событие первостепенной важности, если принять во внимание все предыдущие события. Начальство в лице нашего временно командующего полковника Берникова заметно волновалось: «А что как случится какая-нибудь шероховатость? Не все пройдет гладко!» Посторонних немного: генерал Свиньин, генерал Оноприенко, генерал Колленкин, генерал Хитрово, генерал Нищенков, генерал Гиппиус, генерал Арсеньев, генерал Евреинов, подполковник Шульман, капитан Виланд, капитан Базаров, штабс-капитан Федоров и др. Закуска в столовой. Закусили и перешли в залу. Все чин чином. Подали шампанское, и генерал Хитрово провозгласил тост за государя. Долго не смолкавшее «ура» было ответом на этот тост. Музыка играла «Боже, царя храни». Затем тост за императриц и наследника, встреченный столь же единодушно. Тост за Михаила Николаевича опять вызвал «ура»... Но вот Берников подымает бокал за «главнокомандующего великого князя Владимира Александровича». Жидкое «ура» поддерживается едва несколькими голосами. Испуганный генеральский и штаб-офицерский стол силится тоже кричать «ура», но в общем все же выходит слабо и неединодушно. По-просту говоря: паршиво.

...Обед продолжается. Но что же нет тоста за бригаду? Через хозяина – Рейнталя – напоминают об этом Дитерихсу, Берникову... Через некоторое

⁵⁵ «Грани жизни» – роман А. А. Тихонова-Лугового (1891).

время выясняется, что тостов больше не будет. «Начальство не приказало». Как? За бригаду? На годовом обеде?.. Да!!! «Есть многое на свете, чего не снилось мудрецам и т. д.»... Я лично был прямо взбешен. Чего же боится начальство? Какая вопиющая наглость и невежество – отменить тост за бригаду на официальном обеде. Право, становится совестно, что носишь «белые» канты...

Обед кончился. Составилось три столика в карты. Половина почти тотчас после обеда разошлась. Немногие пили после обеда шампанское (Гартунг, Кавтарадзе, Петрушевский). Когда собрался уезжать Свиньин, его увлекли в гостиную, и здесь собрались все, кто был к тому времени еще в собрании (человек около 30). Выпили за здоровье Свиньиного, поднеся ему выпить из кубка батареи великого князя Михаила Павловича (парусным обществом). Затем запели «Чарочку» Оноприенко, Коленкину, Евреинову и Арсеньеву. Заставили Рейнталя (как хозяина) выпить полный кубок (здоровый!!!) шампанского, и тем дело и кончилось.

10 ноября – понедельник.

Приказ по бригаде № 296, п. 7:

«По вступившему представлению бригадный квартирмейстер[р] вр. командуемой мной бригады поручик Богушевский приказом по артиллерии Гвардейского корпуса от 7 сего ноября за № 53, п. 3, отчисляется от должности бригадного квартирмейстера и поручик Савонько утверждается в этой должности.

Объявляя о вышеизложенном, предписываю:

1) Поручику Богушевскому сдать должность бригадного квартирмейстера поручику Савонько и о сдаче донести мне.

2) Поручику Савонько теперь же принять должность бригадного квартирмейстера от поручика Богушевского и о приеме мне донести.

3) Поручика Богушевского исключить из списков Управления бригады и зачислить в 1 батарею бригады.

4) Поручика Савонько зачислить в списки Управления бригады с оставлением в списках 1 батареи бригады.

5) На поручика Савонько требовать столовые деньги по должности бригадного квартирмейстера с 7 сего ноября, прекратив с того же числа требование этих денег поручику Богушевскому».

Временно командующий бригадой полковник Берников.

Раньше всегда все «управленские» числились в 1 батарее. Ляпунов же – этот злой гений бригады – надумался, что надо всех нас числить просто в списках управления, а в батареях не числить. Это явный абсурд, ибо в таком случае «управление» не имеет право носить и «отличие» на шапках,

однако его все носят, и сам Ляпунов его носил. Как бы то ни было, но Фриде, Матюшкин и Богушевский в батареях нигде не числятся. Я же просил через Фриде – непременно оставить меня в списках 1 батареи, говоря, что мы всегда можем отстоять перед начальством правильность этого назначения. Из сегодняшнего приказа видно, что Берников согласился на мое предложение и я оставлен в списках 1 батареи. Это имеет то значение, что я сохраняю при парадной форме отличие за Нарвский бой, т. е. так называемый нагрудный знак. Вензеля «Н» пришлось снять.

11 ноября – вторник.

Явился утром полковнику Берникову (временно командующему бригадой) по случаю моего назначения бригадным квартирмейстером. (Дома не застал.)

17 ноября – понедельник.

В Малом театре в ложе с четой Трапезниковых и другой супружеской парой. Второе представление «Пожар Москвы» – Карпова.

Читаю: Гегидзе: «В университете»⁵⁶.

18 ноября – вторник.

В виду того, что я по должности бригадного квартирмейстера получаю казенную квартиру, нам, конечно, пришлось хлопотать о передаче нашей квартиры кому-нибудь, так как наш контракт заключен по 1 августа 1904 года. Публиковали в газете «Новое время» 3 раза: 14, 16 и 18 ноября. Приходили человек по 5–8–10 в день – больше дамы. Почти все, уходя, говорили: «Зайдем еще вечером, можно?» – и ни одна вторично не пришла. Сегодня в 6½ часов вечера пришли два молодых человека, и один из них почти немедленно за[я]вил, что он квартиру берет за собой. Тут же он и расписался в контракте, причем он оказался князем Кульдишевым. (Кирочная 32, кв. 50.)

Наш общий товарищ Костя Трапезников (штабс-капитан 4 батареи) женился в сем году в Берлине на миллионерше Зубаловой и решил выйти в запас. Сегодня, перед его окончательным отъездом в Москву, мы решили проводить его ужином. Собралось порядочно народа: Гартунг, я, Петрушевский, Альтфатер, Матвеев, Шталь, Белоусов, Барановский, Илькевич, Вешняков, Фриде, Явид (дежурный), Снигиревский, Гуцинский, Перлик, Баранов, Рооп, Богушевский, Рейнталь (хозяин), Гирш и др.

⁵⁶ Гегидзе Б. В университете: Наброски студенческой жизни. СПб., 1903.

Юбиляра усадили в кресло... Большинство дружно намазалось. Играла музыка до двух часов ночи. Говорили тосты... Танцевали и проч.

20 ноября – четверг.

В 10½ часов вечера проводили на вокзале Костю Трапезникова с его супругой. Были: я, Долгов (командир 4 батареи), Смысловский, Барановский, Явид, Гирш, Альтфатер, Белоусов, Гущинский, Снигиревский, Бородин, Перлик, Богушевский, Фриде... М^{ме} Трапезниковой мы поднесли прекрасный букет цветов. Кто не был – прислали свои карточки. Костя уехал в Москву и, вероятно, более не вернется (как офицер бригады).

21 ноября – пятница.

23 ноября сего года исполнится 25 лет, что наследник Михаил Александрович зачислен в списки 1 его императорского высочества великого князя Михаила Павловича батареи. Еще летом, в мае месяце, я впервые заметил этот предстоящий юбилей и обратил на него внимание командира батареи полковника Леховича. Слово упало на хорошую почву, и вопрос о чествовании сего дня, благодаря Владимиру Андреевичу, не забывался ни на одну минуту. Как и перед юбилеем Петербурга, наше начальство – командующий бригадой и начальник артиллерии – палец о палец не ударили для того, чтобы помочь батарее. «Ваше дело, вас касается!» А там: если хорошо, то мы примем часть благодарностей и почестей, а если выйдет неудачно, за нами право – обвинить вас одних. Теперешнюю подготовку к названному событию я так и представляю, что это дело энергичного, неусыпного труда полковника Леховича. Ему из начальства никто не помогал. Он и в штаб ездил по сту раз, и к полковнику Дашкову (состоящему при наследнике), и к преображенцам, и по начальству и проч. Все узнавал, хлопотал, обсуживал, трудился за семерых, преодолевая общую артиллерийскую апатию ко всякой представительности, столь необходимой в славной духом армии. Его обращение к нашему досточтимому начальству окончилось вчера заявлением нашего начальника артиллерии генерал-лейтенанта Хитрово:

– Ну, я умываю руки, делайте сами, что знаете!

Очень мило! Но тогда уж лучше бы сразу это заявить, а не тормозить дело. По нынешним временам – у нас одна просьба к высшему артиллерийскому начальству: «Бога ради, не тормозите! Уж мы сами все похлопочем, поработаем, а вы хоть палки в колеса нам не вставляйте».

Полковник Лехович успел еще раз съездить в Гатчину и добиться, что наследник принимает офицеров батареи в понедельник. Слава и честь Леховичу! Сегодня он внезапно собрал нас – офицеров батареи – в канцелярию для обсуждения некоторых вопросов о «завтраке», устраиваемом нами 23 сего ноября... О последнем поговорю подробно в своем месте.

Празднование 25-летия зачисления ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА в 1 его императорского высочества великого князя Михаила Павловича батареею.

Все торжество было организовано в помещении 1-й его высочества батареи. Посередине залы перед классной комнатой был поставлен аналой со знаменитым петровским образом бомбардиров, взятым из собрания. Тут же дивное Евангелие (дар П. Потоцкого) и на подставках 2 образа – дары высочайших особ. За аркой в левой трети залы (став лицом к образу) приготовлены были «покоем» столы для предстоящего нашего завтрака, а в правой трети выстроились шпалерами низшие чины батареи. Съезд гостей начался с 12½ часов дня. Командир батареи полковник Лехович поздоровался с нижними чинами и затем сообщил нам, что «ровно 25 лет тому назад на высочайшем параде на Марсовом поле, первом параде после Турецкой войны, государь император Александр 2 изволил зачислить в списки 1 батареи его императорского высочества великого князя Михаила Павловича, только что родившегося своего внука великого князя Михаила Александровича...»

Входящие генералы и начальство здоровались с нижними чинами, поздравляли их, и затем их уводили в канцелярию, чтобы дать возможность младшим в чине здороваться с чинами. На торжество прибыли: генералы: Свиньин, Хитрово, Беляев, капитан Гродский, С. А. Базаров, капитан Базаров, генерал Коленкин, полковник Берников, генерал Оноприенко, его высочество герцог Мекленбургский, генерал Арсеньев, полковник Потоцкий, статский советник Семенов, С. В. Саблер, полковник Дитерихс, Наркович, Масалитинов, Похвиснев, фон Шульман, поручик Фриде, Явид, Баклунд.

Из этого списка видно, что были приглашены все бывшие офицеры и вольноопределяющиеся 1 его высочества батареи, а из бригады – гг. командиры батареи и адъютанты. Очень немногие из числа приглашенных (Долгов, Фурман, Некрасов, Макеев, Энден, Мусселиус и др.) по разным причинам не пришли.

Начальник артиллерии Хитрово кроме здраванья сказал нижним чинам пару слов о дне нашего сегодняшнего торжества.

В 1 час начался молебен. Служил настоятель Сергиевского собора о. Философов – плевненский герой. Пел хор наших певчих. После молебна быстро убрали аналой и внесли пробный стол с братиной и чаркой для водки. Генерал Свиньин предложил тост за государя, генерал Оноприенко за императрицу Александру Федоровну, генерал Арсеньев за императрицу Марию Федоровну, генерал Беляев за наследника и генерал Хитрово за всех высочайших особ, числящихся в батарее, – великого князя Сергея Александровича, Александра Михайловича и герцогов Мекленбургских – Георгия Георгиевича и Михаила Георгиевича. Музыка играла гимн и соответствующие марши. Затем перешли к столу, на котором уже заранее были

разложены карточки с фамилиями гостей и изящные «меню» и программа музыки. На «меню» был снимок с картины князя Максютובה, изображающей 23 ноября 1878 г. парад на Марсовом поле, на котором Александр 2 поздравил 1 батарею с зачислением в ее списки Михаила Александровича. За обедом повторились тосты те же, что и за чаркой водки. Забыл сказать, что все помещение батареи было густо декорировано флагами и материями. В зале, где завтракали, повесили, кроме того, портрет масляными красками Михаила Александровича из нашего офицерского собрания и поставили бюст Петра 1 и его пушки, взятые тоже из нашего собрания. Вокруг бюста Петра были поставлены цветы. Корзины с цветами стояли и на столах. Кроме вышесказанных тостов, были еще тосты и за бывших командиров батареи и за офицеров батареи и проч.

Кофе было предложено в канцелярии.

Наша изящная канцелярия тоже украсилась цветами. На главном столе посередине высилась братина батареи, а по бокам грандиозные канделябры (от С. Фуфаевского) и вазы с фруктами и конфетами. Радужный хозяин – Лехович – разливал из братины крюшон, а мы разносили его гостям. Другая часть офицеров батареи угощала ликерами, фруктами и проч. Общество разделилось на три группы по 3-м столам, впрочем вполне компактным. Тут уж тосты пошли неудержимо, без перерыва. Пил Лехович за «внука нашего незабвенного шефа – герцога Мекленбургского», за «старейшего офицера бригады – генерала Свинына», за «бывших командиров батареи», за «старейшего по времени зачисления в батарею – генерала Хитрово», за «участника кампании 78 года – офицера батареи полковника Берникова» и многое др. Герцог Мекленбургский поднял бокал «за славную батарею и за здоровье ее командира, офицеров и нижних чинов». Потоцкий «со слезой» заметил, что в «такие минуты» вспоминается далекое прошлое, когда после всякого важного события Петр 1 со своими бомбардирами молился у того же образа, у которого и мы сегодня молились, и затем с тем же «сердцем выпивал»; закончил он желанием славы знаменитой, старейшей батареи великого князя Михаила Павловича! После того немедленно встал генерал Беляев и заявил, что так как вспомнили о исторических событиях, то он, что-с, готов заявить, что 7 мая 1904 года исполнится 200 лет Кроншлоту, комендантом которого он имеет честь быть, и что над постройкой сей крепости трудились бомбардиры, а потому он кстати заявляет, что депутаты от батареи примут участие в предстоящих торжествах!..

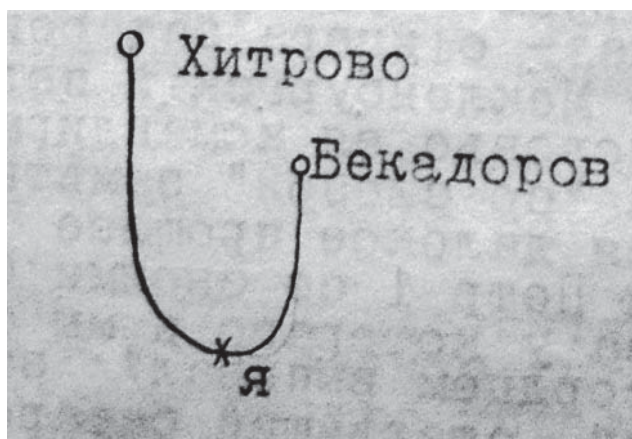
Полковник Берников предложил финальный тост за хозяев – командира и офицеров батареи, и гости стали, благодаря нас, прощаться. Лехович пожелал выпить последний бокал за посетивших нас гостей, и им закончился наш «крак». Публика стала расходиться. Когда гости ушли, мы – офицеры батареи – предложили свой домашний тост за командира (говорил С. Фу-

фаевский), столь потрудившегося для организации сего завтрака. Лехович благодарил и, в свою очередь, предложил выпить за нас и в особенности за капитана Кавтарадзе, наиболее принимавшего участие в устройстве праздника. Разъезд в 4 часа. Я еще поехал с бароном Арпсгофен с визитом к м^{те} Лехович и м^{те} Фуфаевской.

Конец.

24 ноября – понедельник.

В 10¼ утра барон Арпсгофен заехал за мной на квартиру, и мы поехали в Аничков дворец на представление государю наследнику по случаю 25-летия зачисления его в 1 его высочества батарею. В небольшом кабинете к тому времени уже собрались: начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово, полковник Берников (командующий бригадой), поручик Фриде (адъютант бригады), полковник его высочество герцог Мекленбургский, поручик Баранов, полковник Лехович, капитан Фуфаевский, капитан Гартунг, штабс-капитан Кавтарадзе, поручик Богушевский, поручик барон Арпсгофен, я, Есимантовский, Наркович и фельдфебель Бекадоров. Вскоре вошел полковник Дашков, состоящий при наследнике, и перевел нас в соседний более обширный кабинет, где мы и встали полукругом по старшинству.

Вошел наследник в нашей форме и обошел всех нас, молча подавая нам руку. Когда он подал командиру батареи руку – полковник Лехович сказал: «Позвольте, ваше императорское высочество, принести вам благодарность за высокомиловитую телеграмму, которой вы удостоили батарею великого князя Михаила Павловича».

Наследник: «Очень вам благодарен, господа, за ваши молитвы и пожелания.... (большая пауза)..... 25 лет!»! Юбилей старика!

С фельдфебелем он поздоровался: «З[д]равствуй».

Затем немного поговорил с Берниковым, Леховичем и герцогом. Спросил, сколько офицеров в батарее, много ли в академии, пришли ли уже новобранцы и сколько. Берников сообщил, что у нас в собрании есть большая картина, изображающая момент зачисления его в батарею 23 ноября 1878 года. На прощанье наследник подал руку генералу и штаб-офицерам, а нам всем поклонился, сказав: «Благодарю вас, господа».

Мы стали удаляться, кланяясь наследнику.

Еще вчера получена от наследника трогательная телеграмма в ответ на нашу (приказ по бригаде см.)

Укладываемся для завтрашнего переезда на казенную к[в]ртиру (в прямом смысле).

25 ноября – вторник.

Был на балу Михайловского артиллерийского училища. Декорации с каждым годом все улучшаются. Тут и гроты с каскадами, и зимние сады с мостиками и речками и пр. и пр. Я уехал в 1½ ночи.

С 8 часов утра стали переезжать на новую квартиру и окончили перевозку едва к 4½ часам дня. В этот день я завтракал и обедал (с отцом) у моего соседа поручика Матюшкина (с женой).

Мой адрес: Литейный пр., д. № 1, кв. 5. Телефон № 350.

26 ноября – среда.

Батарейный праздник 2 батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Я получил приглашение на него. Народу собралось очень мало: многие по обязанностям службы присутствовали сегодня на выходе в Зимнем дворце. Были: командир батареи полковник Дитерихс, капитан Илькевич, штабс-капитан Погребняков, Альфатер, подпоручики Окерман, Шталь, Гуцинский, генерал-майор Бабакин (бывший командир батареи), генерал Евреинов, полковник Фурман и Масалитинов, капитан Рерберг, студент Руднев (бывший вольноопределяющийся) и я.

Певчие опоздали... Какая халатность! Отслушали молебен. Генерал Евреинов выпил чарку за царя, цариц, наследника и Михаила Николаевича. Полковник Дитерихс после длинного и нескладного выступления – за здоровье генерал-адъютанта графа Милютина. Генерал Евреинов – за командира. Генерал Бабакин – за батарею и офицеров и пр. Кончили тосты, но тут вдруг Бабакин (в свое время от него отняли бригаду за явно ненормальное состояние) снова вернулся к «чарке» и туманную речь закончил здоровьем фельдфебеля Тимошенко.

«Уважайте его, братцы, так, как только я один умею его уважать!» (sic.)

Завтрак в канцелярии. Закуска – тартинки на подносах. Тосты за гостей, за командира и проч. Встали из-за стола и решили вечером ехать в какой-нибудь театр. Остановились на «Пассаже»... Разошлись... От 1 – 4 час[ов] дня.

Вечером (от 8¼ час[ов]) были в театре «Пассаж» на оперетке «Жульетта из Норбонны» (Северский, Ламбрек и др.). Заняли 2 ложи бенуара. Были: я, полковник Дитерихс, Илькевич, Плющевский-Плющик, Гущинский, Окерман, Базилевский и Погребняков. После театра – я, Илькевич и Колюбакин (приехавший к концу спектакля в театр) поехали ужинать к Палкину.

30 ноября – воскресенье.

От 7 – 9 часов вечера был на международной выставке «Детский мир» в Таврическом дворце. Очень интересная и поучительная выставка. Особенно богат и обстоятелен австрийский отдел. Хороши отделы: германский, голландский и др. Народу было масса.

1 декабря – понедельник.

За бригадного адъютанта поручика Фриде (уехавшего в отпуск) должен был присутствовать на разбивке новобранцев командиром Гвардейского корпуса князем Васильчиковым. От 3 – 5 часов дня.

2 декабря – вторник.

В квартире капитана Н. А. Илькевича к 7 часам вечера собрались: я, капитан Гартунг, капитан Вешняков (несколько позже), штабс-капитан Кавтарадзе и штабс-капитан Альтфатер. В двух комнатах на столах были приготовлены карты (топографические), а на маленьком столике уставы, пособия, шашки (тактические) и пр. Это – организованная капитаном Илькевичем попытка «домашней тактической игры». На первый раз руководителем игры был Л. Ф. Гартунг. Играли: я с Илькевичем против Кавтарадзе с Альтфатером. К нам потом присоединился Вешняков. Незаметно прошло 2 часа. Подали чай, варенье, торты... Потянулась беседа почти до 11 часов вечера, обсуждающая и выясняющая все недостатки сегодняшней организации и меры к их устранению. Решили собраться вторично числа 8 декабря.

3 декабря – среда.

Поверка дровяного двора. Я – бригадный квартирмейстер. Комиссия: полковник Наркович (председатель), члены: капитан Гартунг и штабс-капитан Петрушевский. От 10 час. до 1½ дня. Мороз -7°. Вчера было хуже: 11–12 ниже нуля. Но и в 7° простоять на дровяном дворе 3 часа достаточно жутко. Поверка книг была в помещении управления бригады, куда полков-

ник Наркович сейчас же вытребовал из дому полбутылки коньяку, и мы все выпили по рюмке (Гартунг, кажется, – две).

5 декабря – пятница.

Ездил в окружное инженерное управление по вопросу о дровах. От 12 – 1 дня.

1903
305

Впервые в этом году в 1 его высочества батарее решено (инициатива командира) отслужить в самом помещении батареи торжественный молебен накануне нашего праздника, так как в самый день приходится его служить слишком рано, имея в виду обычный высочайший парад. Молебен назначен в 8¼ часов вечера. Служил настоятель о. Философов. На молебен получили приглашение все бывшие офицеры и вольноопределяющиеся 1 его высочества батареи. Были: я, полковник Берников, генерал Оноприенко, генерал Коленкин, его высочество герцог Мекленбургский, полковник Потоцкий, полковник Пузырев, г. Саблер (вольноопределяющийся), г. Шульман (Коко), г. Семенов, бывший боевой фельдфебель батареи коллежский регистратор Храпов (только что получивший орден Св. Станислава 3 ст. Вместе с ним его колодка имеет 23 русских и иностранных ордена – в том числе и 3 Георгия, не считая шейных медалей) и все числящиеся в батарее (подпоручик Наркович болен). После молебна нижние чины были выстроены в помещении (офицеры батареи на фланге), и полковник Лехович прочитал перед строем только что полученный патент на серебряные часы с августейшим именем государя наследника, которые он пожаловал Бекадорову 23 ноября в память 25-летия своего зачисления в батарею. Затем полковник Берников (временно командующий) с кратким пояснительно-нескладным словом вручил эти часы фельдфебелю и пожелал ему и в будущем дослужиться до тех отличий, какие имеет Храпов. Часы Бекадоров тотчас надел. Кроме часов ему пожаловано 25 рублей. Затем мы все перешли в собрание, где в нашей уютной гостиной был сервирован «чай» с сэндвичами, печеньем, конфетами и проч. Посидели часов до 10 вечера, а там разошлись. Я со многими другими офицерами еще отправился (я – впервые) на вечер к капитану Рербергу в его роскошный собственный дом на Сергиевской ул. Домой вернулся почти к 4 часам ночи.

6 декабря – суббота.

Встал в 7 часов утра. Оделся в парадную форму и к 7¼ часов утра был уже в моей нестроевой команде, где у нас также свой маленький праздник. Пришел туда же и бывший квартирмейстер поручик Богушевский. Отец Соелертинский отслужил молебен при наших певчих. После молебна старший нестроевой Александров поднес с маленьким «словом» икону св. Бориса

поручику Богушевскому. Богушевский перецеловался с ним и со всеми нижними чинами нестроевой команды. Сегодня они пойдут на его счет в цирк. Внесли стол с водкой и закуской. Богушевский налил рюмку и выпил за здоровье «державного шефа бригады». Я выпил за здоровье государынь императриц и наследника. На этом я хотел прикончить, но по традиции Александров выпил за здоровье бывшего и настоящего квартирмейстров – Богушевского и мое. Богушевский выпил за мое здоровье. Я за здоровье Александрова и Тимофеева (вахтера офицерского дома). Богушевского по-качали. От собственного «качания» я категорично уклонился.

Перешли в батарею, и оттуда я вместе с Богушевским на прекрасном экипаже, взятом Богушевским на весь день «со двора» за 10 целковых, помчался во дворец его высочества герцога Мекленбургского, где мы по традициям всегда расписываемся в день 6 декабря. Я, Богушевский, Лехович и Фуфаевский столкнулись с герцогом в дверях. Он уже уезжал во дворец. Поехали в Михайловский манеж и приехали из первых... Манеж усыпан ровно, как ковер, красным песком. Войска понемногу собираются. Дворцовые гренадеры, гвардейские полевые жандармы, Стрелковый полк, 4-й императорской фамилии батальон, Гвардейский экипаж, 1 железнодорожный батальон, Электротехническая школа, мы, 4 конная батарея и жандармы. До приезда государя здоровался генерал Кашеррининов (командующий парадом), барон Мейендорф (временно командующий войсками). В 11 с минутами прибыл государь с Марией Федоровной (Александра Федоровна больна, говорят – ожидает... (!)), греческой королевой и проч. Государь в стрелковой форме (Стрелкового полка). Здоровался, обходя. Затем молебн, обход с окроплением. Церемониальный марш. Я, как числящийся в батарее, проходил вместе с другими на левом фланге 1 полубатареи. По уставу именно и должны проходить только числящиеся в списках части. Таковые у нас: генерал Свиный, Беляев, Оноприенко и мы (офицеры-академики, кто не в строю и др.). Между тем на левом фланге проходил также и генерал-майор Коленкин, который хотя и командовал во время оно нашей батареей, но в настоящее время в списках ее не состоит и мундира части НЕ имеет (он числится по гв. артиллерии). Шаг батареи был громадный. Свиный и Оноприенко едва вприпрыжку поспевали за ней, но генерал Коленкин положительно мешал всем, а в особенности мне, стоящему сзади него. Он отставал, семенил ногами и, конечно, ни разу не попал в ногу. Когда части проходят вторично колонной, то начальствующие лица проходить на правом фланге уже не должны. Берников и герцог не пошли, а начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово единолично снова пошел на фланге нашей батареи, конечно не придавая ей блеску своей здорово неказистой фигурой и физиономией и до смешного неуклюжим отдаванием чести. Войска были остановлены после вторичного прохождения в колоннах, и царь направился к хвосту, к сводной части жандармов, с которыми

и разговаривал довольно долго. С другими нижними чинами прочих частей государь не говорил, а только, обходя колонны, еще раз благодарил за парад. С Богушевским я помчался во дворец, куда мы снова приехали почти тотчас за государем и вошли в Николаевскую залу, где сервирован был завтрак, буквально первыми. Наше начальство, кончая полковником Леховичем, село очень высоко за царским столом. Только Хитрово, как мне показалось, был забыт, и ему приставили стул на конец стола. Что он сидел гораздо ниже полковника Леховича, в этом нет ничего удивительного. Это так и полагается, чтобы офицеры празднующих частей сидели выше посторонних приглашенных (Хитрово мундира части НЕ имеет), но, повторяю, ему был приставлен стул. Завтрак был прекрасный. Государь пил здоровье стереотипной фразой: «За славу и процветание всех частей, празднующих сегодня свои праздники. За ваше здоровье, господа!»

Музыка заиграла по «колену» всех гвардейских маршей, включая и марш нашей бригады. После того старший из присутствующих великий князь Алексей Александрович громко провозгласил здоровье государя, покрытое долго не смолкавшим громовым «ура». После завтрака перешли в соседний концертный зал, где все офицеры частей встали группами, как стояли на параде. Сперва обходила императрица Мария Федоровна. У нас разговаривала с генералом Свиным, Оноприенко, подавая руку генералам. Когда государь подошел к нашей группе – генерал Хитрово (который, как кажется, еще до сих пор не представлялся государю) выдвинулся еще больше вперед и отвесил царю низкий поклон, как бы напрашиваясь на разговор. Государь не обратил на него ни малейшего внимания и начал задавать вопросы генералу Свиному. Затем обратился к Леховичу и спросил его – вооружена ли батарея скорострельными орудиями (нет...), знакомят ли гг. офицеров с этой артиллерией (да...) и нижних чинов (нет...), причем высказал взгляд, что нижних чинов полезно и теперь уже знакомить со скорострельной артиллерией, ибо потом будет легче учить. Свой разговор с Леховичем государь закончил благодарностью ему за то, что «батарея представлялась сегодня в блестящем виде», и подал Леховичу руку.

С нашей батареей 6 декабря всегда приглашается на парад и завтрак старший врач бригады. Таковым у нас состоит г. Протасов, который, вероятно, хватил на царском завтраке на дармовщинку лишних 2 рюмки, а потому слишком громко разговаривал (и, конечно, глупости!) в концертном зале, как его и ни уговаривал капитан Гартунг. Мало того: он не нашел ничего лучшим, как заложить руки в карманы и стоять с независимым видом (правда, сзади), когда государь был близко, чем и обратил внимание дежурного флигель-адъютанта князя Орлова, который просил плац-адъютанта сообщить о сем нашему вр. ком-щему бригадой. Жаль, что Берников, кажется, приятель Протасова, да и вообще у нас всегда мирволят всем врачам,

а то следовало хорошенько проучить эскулапа. Воображаю – если бы то же самое сделал офицер! Сейчас выговор, гауптвахта и пошло...

В 3½ часа все кончилось. Из дворца поехал с визитом к т^{ме} Лехович (жене командира), куда поехали и все прочие настоящие и бывшие офицеры батареи, и там я имел случай увидеть ту роскошную корзину цветов, которую мы сегодня поднесли т^{ме} Лехович.

В 4 часа я был дома и завалился спать вплоть до 9 часов вечера.

Около 10 часов вечера за мной заехал поручик Богушевский, и мы поехали к «Донону», где по традициям у нас всегда бывает товарищеский ужин. Только раньше (герцог и Потоцкий) делали его на свой счет, а теперь мы все – участники на равных началах, и это сразу сказалось на количестве посетителей. Не было Оноприенко, Гродского, Базарова и др. Были: герцог Мекленбургский, Лехович, Берников, Арсеньев, Коленкин, Пузырев (сегодня произведенный в генералы), Потоцкий, Энден, Есимантовский, Гартунг, Фуфаевский, Богушевский, барон Арпсгофен, Баранов, Курбатов, Ушаков, Кавтарадзе, я.

За ужином был тост Арсеньева за батарею, Леховича за Берникова, Берникова за командиров бывших и настоящего, и герцога, предложившего «облить» новые награды: штабс-капитанский чин барона Арпсгофена и Св. Станислава 3 степени Баранова. Был еще тост за «молодого генерала» П. И. Пузырева.

Курбатов сел за рояль и сыграл кек-уок. Подали еще шампанского, а вместе с ним явилось желание видеть в своей среде «неземные создания». Привезти их к «Донону» являлось затруднительным (ни у кого не было знакомых...), а потому родилась мысль ехать всем в «Аквариум». Начали уговаривать герцога, который долго «упирался», а затем почти все согласились. Я с Богушевским поехали лидерами и заказали кабинет № 1. Скоро вся компания приехала в «Аквариум» (не приехали: Берников, Гартунг, Энден и Есимантовский). Позвали тапера, девочек (Софи Пти, Мицци Гауэр, Лонни и др.). Потоцкий был неистощим. Плясал, шутил, коверкал немецкий язык... Герцог хохотал как зарезанный. Генерал Пузырев немедленно обладил «дело» с приставом, и нам разрешили остаться и сверх 2-х часов ночи (с этого года после 2-х часов – все закрывается). Просидели до трех. В начале четвертого часа я был уже дома.

7 декабря – воскресенье.

Французская шарада:

Il faut être mon DERNIER pour croire que mon SECOND peut entrer dans mon PREMIER et mon tout – c'est un liqueur⁵⁷.

(cu – ra – ço)⁵⁸.

⁵⁷ Ты должен быть моим ПОСЛЕДНИМ, чтобы поверить, что мой ВТОРОЙ может войти в мой ПЕРВЫЙ, а все вместе – это ликер (фр.).

⁵⁸ Кюрасау (фр.) – название ликера.

Цирк Чинизелли: хороши слоны и велосипедисты.

9 декабря – вторник.

2-е тактическое собрание на квартире капитана Илькевича. Были: Гар-
тунг, Вешняков, Альтфатер и я. Руководил игрой капитан Илькевич. Я был
в отряде Вешнякова. От 7 – 10½ часов вечера.

1903
309

10 декабря – среда.

В 3 часа дня я в обыкновенной форме был на квартире полицеймей-
стера 1 отделения генерал-майора Вендорфа, куда он меня вызвал накануне
через полицейского чиновника. Оказывается, что он через заведывающих
хозяйством в полках и через квартирмистров собирает точные сведения –
сколько каждая войсковая часть может при наибольшем напряжении своей
хлебопекарни выпечь хлеба сверх необходимого для своих людей. Самый
запрос о сем считается настолько секретным, что он, как видите, делает-
ся лично, а не секретной бумагой. Мною лично на другой день доложено
ком-щему бригадой, и от его имени поручено заведывающему бригадной
хлебопекарней поручику Баклунду сделать надлежащие расчеты.

12 декабря – пятница.

Лично отвез генералу Вендорфу секретный рапорт (см. 10 декабря).
5½ часов дня.

В залах офицерского Собрания армии и флота состоялся бал СПбур-
гского речного яхт-клуба, на который они прислали 1 его высочества батарею
5 почетных билетов. Один из этих билетов достался на мою долю, и я в 11
часов вечера пошел взглянуть. Народу мало... Почти сплошь комерсанты
и на ¾ немцы и англичане. Офицеров – наперечет. Я потолкался с полчаса
и уехал домой.

14 декабря – воскресенье.

Сдача поручиком Богушевским и мой прием квартирмистрской долж-
ности затянулся (см. 30 октября). В двух словах всего дела не расскажешь.
Ляпунов в течение двух лет верил Богушевскому как самому себе. Богу-
шевский воспользовался этим блестяще: результаты мы знаем. Но и после
открытия недочетов Ляпунов продолжает верить Богушевскому и, уезжая,
успокаивает себя, что он сдает бригаду новому командиру в блестящем
виде. На чем же он основывается? Вот на чем:

1) Счета ВСЕ оплачены.

Затем он задает вопросы Богушевскому (и на веру принимает ответы):

а) Много ли предстоит еще нам расходов в этом году?

(Ответ Богушевского) Рублей 500–600.

б) Много ли у нас экономических дров?

(Ответ Богушевского) По смете на 2700 рублей, но на самом деле гораздо больше.

в) Много ли осталось денег в капитале на ремонт?

(Ответ Богушевского) Больше 200 рублей.

И Ляпунов торжествующе заявляет Берникову, что вот какое «богатое» наследство он оставляет командиру!!! По крайней мере тысячи на 3 дров при уже почти выполненной смете.

Что же оказывается на самом деле? Чтобы закончить смету, нужно не 500–600 рублей, а минимум 2000 рублей, и Богушевский это знал, ибо он сам выписал счетов почти на 1000 рублей – на другой же день после разговора с Ляпуновым. Дров не только нет на 3000 рублей, но еще не хватает на 2000 !!! Так что общая сумма недохвата выражается более чем в 4000 рублей! В сумме на «ремонт» оказалось тоже почти ноль. Все это мне удалось в конце концов раскрыть, и все это я изложил письменно и показал Берникову. Тот, конечно, немедленно попытался – нельзя ли этот вопрос «передернуть», «обойти» и т. д. «Скрыть» его, чтобы самому не попало, – это для Берникова казалось самым важным. Сопровождение и проверка моих расчетов состоялась у нас 12-го (Берников, Богушевский и я) и 13-го (Берников, Матюшкин и я). На этих собраниях выяснилась необходимость так или иначе, но неизбежно посмотреть в глаза действительности. Перед носом стоят неминуемые запросы: изволь кончать сметный год (а откуда взять денег?), изволь составить смету на будущий год и т. д.

Решено обо всем написать Ляпунову (в Ниццу) и ждать от него некоторых разъяснений.

Несколько слов о Богушевском. Он держит себя с поразительным самообладанием, чтобы не сказать «наглостью». Рассуждает о недостатке в 4½ тысячи как о вовсе его не касающемся. «Так было всегда и раньше, я принял еще хуже». (Но какое право он имеет так говорить!!!) Дела он за 2 года вел – хуже нельзя. Вернее: он совсем их не вел. Много дел потерял (например, деревянную книгу за 1902 год), жалование задерживалось. Было и так: 14-ти человекам он не дал по 1 рублю за 6 августа, а в раздаточном отметил о выдаче. В нестроевой команде полное отсутствие дисциплины, пьянство и проч. Все вопросы оставались нерешенными. Я никогда не видел человека, так мало знающего (или вернее вовсе не знающего) свое дело, как Богушевский.

15 декабря – понедельник.

Начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово предупредил Берникова. Он вызвал его к себе и заявил, что им замечено, что счета Богушевского оплачивались летом спустя 8 месяцев. А затем прямо

спросил: «Вы проверили дрова?» Результатом сего начала было то, что Берников рассказал Хитрово ВСЕ от А до Z. Тот был в прете[н]зии, что ему до сего времени ничего не сообщили; Берников отговаривался. Сегодня на моем докладе Берников решил назначить комиссию под председательством полковника герцога Мекленбургского и членов: полковников Леховича и Похвиснева. Им будет поручено проверить дровяную отчетность за 1902 и 1903 года, составить смету на 1904 год и закончить смету 1903 года. Хитрово заявил, что Богушев[ском]у он не позволит остаться не только в гвардейской артиллерии, но и вообще на военной службе.

17 декабря – среда.

Сегодня в два часа дня собралась в первый раз в собрании комиссия для выяснения «дел» по квартирмейстерской части. Герцог как «святой» смотрел на журнал хозяйственных оборотов и проч. Решение его было следующее: полковник Похвиснев пусть займется дровяным делом, а полковник Лехович «сметой» и денежным хозяйством. Вторично согласились собраться в понедельник. Я присутствовал при этом и давал объяснения.

22 декабря – понедельник.

В 2 часа дня вторично собиралась комиссия (см. 17 декабря) в том же составе. Сама «комиссия» в полном составе ничего не делает, а работают Лехович, Похвиснев и я порознь. «Убийственное» по небрежности ведение дел Богушевским выясняется все рельефнее и рельефнее.

Решено приступить к составлению сметы, для чего решили просчитать ВСЕ расходы за 3 года по отделам и мельчайшим категориям. Мне поручен 1902 год. Работы хватит на все праздники.

24 декабря – среда.

В 10 часов утра собрались Лехович, Похвиснев и я в частную комиссию в Управление бригады для составления сметы 1904 года по полученным за эти дни данным. Проработали до 1½ дня и дошли до 6 отдела журнала хозяйственных оборотов.

26 декабря – пятница.

Несмотря на праздник, собрались в 11 часов утра Лехович, Похвиснев и я в частную комиссию в Управление бригады. Вместо составления сметы вернулись к вопросу о дровах (что, конечно, самое важное) и проспорили опять до 1½ дня. В общем, впрочем, как ни верти, сводится к тому, что дрова проданы «вперед» и их не хватает более чем на 2000 рублей. Пришел Берников и принес письмо генерала Ляпунова из Ниццы. Как и следовало

ожидать, Ляпунов понятия не имел (а еще хвастался, что он «великолепный» хозяин) о том, что дрова продавались «вперед». Он мечет громы на Богушевского и готов заплатить все недостающее. Выяснилось, что 1902 год уже совсем запутал Богушевского. Не справляясь со сметой и ведя дела кое-как (или, вернее, вовсе не ведя их), он, чтобы закончить 1902 год, продал дров на 6400 рублей! Сама по себе эта цифра должна быть мифической. Такой экономии один год дать не может. Но и этой суммы оказалось мало: он не уплатил счетов рублей на 400 (заплатил их только в 1903 году) и еще занял из переходящей суммы 500 рублей. Ведя расходы в 1903 году тем же аллюром, он, ясно, и к концу 1903 года (к моему приему) столкнулся с тем же крупным минусом...

Кстати: генерал-лейтенант Хитрово, сидя у Альтфатера, уже заявил ему, что в 1 бригаде будет вакансия, так как Богушевский запутался в своей должности и должен будет уйти...

На днях был дополнительный приказ по артиллерии Гвардейского корпуса о проверке книг по «ремонту», и там замечено, что квартирмейстер лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады задерживал уплату счетов на 8 месяцев (после получения денег на руки).

Был на выставке металла и камня в залах Пассажа. Прекрасная и интересная во всех отношениях. Военная музыка. От 3 – 5 часов дня.

Вечером от 7 – 11 часов вечера опять была комиссия (в том же составе), которая собралась в квартире полковника Леховича. Составили смету. Получилось снова письмо от генерала Ляпунова (на имя Леховича), в котором он настоятельно просит внести всю «недохватку», а то скажут, «что Богушевский со мной делился»... Смету мы составили, но вопрос о дровах остался открытым до поездки Похвиснева в Инженерное управление. После комиссии пил чай у Леховича.

27 декабря – суббота.

Читаю: Бойезен – «Комментарий “Фауста” Гете»⁵⁹.

В первый раз в этом году (сезоне) устроились наши бригадные горы. Погода – удивительная. Все дни термометр не спускался ниже 1 – 3° мороза, и это не дает возможность устроить горы. Хотя их и поливали неоднократно, но к утру все таяло и стекало. Наконец сегодня и два дня предшествующих было 5–6° мороза. Снега же – ни чуточки. К сожалению, наш милый, но забывчивый адъютант Фриде забыл отдать в приказе по бригаде о горах, и многие не знали, что в субботу их открытие. Собралось народу очень

⁵⁹ Бойезен Г. «Фауст» Гете: Комментарий к поэме. СПб., 1899.

мало: я, полковник Лехович с супругой и дочерью, Алымов с супругой, Шанявский (по-прежнему распорядитель), Матвеев и Барановский. Музыка играла в манеже от 3-х часов дня. Там же был сервирован по обычаю «чай» с сэндвичами, мадерой, печеньем и проч. Несмотря на малочисленность, мы веселились от души. И маленькие, и «общественные» сани скатывались непрерывно. Разошлись около 5-ти часов вечера.

28 декабря – воскресенье.

От 7½ часов вечера был на базаре 42-х благотворительных обществ (соединенном) в залах Дворянского собрания.

29 декабря – понедельник.

От 9½ часов вечера собралась наша подкомиссия (Лехович, Похвиснев и я) на этот раз в квартире поковника Похвиснева, чтобы окончательно все закончить к завтрашнему дню. Инженерное управление, куда ездил Похвиснев, выяснило ему, что оно нам ничего не должно. Пришлось считаться с красноречивыми цифрами и согласиться, что дров на дровяном дворе бригады не хватает на 2014 рублей.

(Весь расчет составлен аптекарский: в пользу Ляпунова и Богушева.) Закончили смету (в предположении, что дрова налицо) 1904 года и кончили этот год с минусом в 235 рублей (приблизительно), которые хотят покрыть, взяв с батарей за «приемный покой».

Наша работа окончилась в 2 часа ночи!!!!

В 11 часов пили чай.

30 декабря – вторник.

От 10 часов утра в офицерском собрании бригады комиссия в полном составе под председательством герцога. Два часа было потрачено, чтобы «вдолбить» ему суть дела. Вопрос о покрытии не хватающих 2014 рублей остается открытым.

31 декабря – среда.

От 11 часов утра полковник Берников собирал в офицерском собрании бригады всех штаб-офицеров бригады и дивизиона и им (как я слышал) сообщил подробности дела поручика Богушевского.

В 3 часа дня я был у полковника Берникова, и он мне сообщил, что решено, что недостающие 2018⁶⁰ рублей будут покрыты Богушевским (а почему не Ляпуновым??!...) 3 января в 3 часа дня. Поручик Богушевский

⁶⁰ Так в рукописи. Ранее упоминалась сумма: 2014 р.

должен выйти в запас. Недостающие деньги по смете (340 рублей с копейками) решено взять с батарей.

Состоялись наши «горы»... Гости: m^{me} Лехович с дочерью, m^{me} Вешнякова, г. фон Энден с женой, г. Илькевич (инженер-практикант, бывший наш офицер), m^{le} Рудченко с одной барышней, штабс-капитан Алымов с женой, штабс-капитан Гирш, поручик Матвеев, Шанявский, Барановский, Дуров и я. Погода отличная: -5 градусов. Играла музыка... Чай...

Новый год встретил у себя в собрании (лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады), где был с 9 часов вечера до 2½ часов ночи. Ничего торжественного. Играли в карты на дежурстве штабс-капитана Гирша (Матвеев, Шанявский, Дуров, Юрий Андреевич Илькевич).

КОНЕЦ.

ЧЕРНАЯ КНИГА

ДНЕВНИКИ ГВАРДЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В.С. САВОНЬКО.

1904–1906

Вопросы жизни

Дневник старшего врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой.

*Пирогов**

Вот зеркало души моей в течении осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня еще приятно – пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал, а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя? ... Почему знать? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих эскизах, может быть, и другие... но это их, а не мое дело.

Карамзин

(Письма рус[ского] пут[ешественника])*

Verba volant, scripta manent***

* Цитируется заголовок дневника Н. И. Пирогова (см.: *Пирогов Н. И. Сочинения*: В 2 т. Т. 1. СПб., 1887). В цитате имеется неточность: вместо «Дневник старшего врача» В.С. Савонько пишет: «Дневник старшего врача». См. также запись от 13 декабря 1906 г.

** *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. 4-е изд. СПб., 1900. Т. 1–2.

*** Слова улетают, написанное остается (лат.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет ТОЧНУЮ КОПИЮ всего того, что занесено на страницы моих записных книжек в 1904–1905–1906 годах под заглавием «ХРОНИКА». Все зачастую наскоро и грамматически неряшливо записанные факты и мысли воспроизведены без всяких изменений, поправок и дополнений. Это – сырой материал, набросанный под свежим впечатлением каждого пережитого дня, которому я пожелал придать лишь личную внешность, оставив его содержание в полной неприкосновенности. В настоящем своем виде «ЧЕРНАЯ КНИГА», БЕЗУСЛОВНО, не подлежит оглашению.

В. С. Савонько

1904

Из записной книжки 1904 г.

В. САВОНЬКО

1905 г.

ХРОНИКА 1904 г.

1 января – четверг.

- Делал визиты: 1) Лехович с супругой
2) Похвиснев с супругой (не принимали)
3) Фриде с супр[угой]
4) Рерберг с супр[угой] (не принимали)
5) Мальчевский с супр[угой]
6) Баронесса Арпсгофен, Леонард и генерал Булгаков (не принимали)
7) Пономаревский-Свид[ерский] 1 с супр[угой] (н[е] пр[инимали])
8) Плющевский-Плющик с супр[угой]
9) Алымов с супр[угой] (не принимали)
10) Вешняков с супр[угой] (не прин[имали])
11) Фуфаевский с супр[угой]
12) Савурской с супр[угой]
13) герцог Мекленбургский (расписался)

С 2 часов дня до 4½ часов вечера. –5°. Слабый ветер. Изредка снег и изморозь. Езда исключительно на колесах. Завтракал в 1 час дня у m^{me} Керстенс (г. Керстенс, г-н Васильев (действительный статский советник), д-р Зорин и др.). Папа лежит в кровати: лихорадка, жар... уже несколько дней с перерывами.

2 января – пятница.

Михаил Георгиевич герцог Мекленбург-Стрелицкий о скорострельной пушке (после первых уроков обучения): «Нет, это слишком сложно. Это какая-то машина, у которой из всех дыр течет масло!»

3 января – суббота.

Наши субботние горы растаяли... Третьего дня выпал большой снег, а сегодня +3° тепла! Это та погода (для 3-го января), которую старожилы, конечно, не запомнят!..

Ежегодно устраиваемый бал Гвардейской артиллерии. Съезд с 10 до 12 часов ночи. Я приехал в 11 и встал на площадке лестницы в группе других офицеров, смотря на приезжающих. В половине 12-го приехал великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной. Последней поднесли букет. Затем поднялся по лестнице наследник и великий князь Андрей Владимирович. Наследник и великий князь, оба, проходя мимо меня, подали

мне руку. Затем были еще великий князь Сергей Михайлович и великий князь Константин Константинович. Последний оставался в училище до поздних часов, бродя с группой юнкеров по залам и коридорам всего здания. Я познакомился с м^{ле} Бокильон, дочерью преподавателя французского языка. Пил шампанское: я, штабс-капитан Чебышев (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), поручик Матвеев и м^{ле} Бокильон. Танцевал вальс: с м^{ле} Бокильон и с м^{ме} Фуфаевской. С бала уехал с окончанием его...

4 января – воскресенье.

О закрой свои бледные ноги!¹

И не мучь мои грезы в лоханке!

5 января – понедельник.

От 2 – 3 часов дня поручик Богушевский обещал принести те 2 тысячи, которые явно не достают в дровах (а в сущности, не хватает добрых 4½ тысячи). Но сегодня, как и несколько дней тому назад, Богушевский попросил отсрочки, ссылаясь на закрытые банки; на этот раз он назначил срок отдачи: 7-го от 2 – 3 часов дня.

6 января – вторник.

Был: на XXIV выставке картин общества акварелистов на Морской в доме Поощрения художеств².

Был: в Мариинском дворце (Государственный совет), где в одной из зал выставлена для обозрения грандиозная картина Репина – торжественное заседание Государственного совета.

7 января – среда.³

В 3 часа дня пришел в Управление бригады поручик Богушевский. Собрались: полковник Берников, я, Фриде и Матюшкин. Берников выложил мой последний расчет о движении дровяной отчетности за 1902 и 1903 года. Когда Богушевский попробовал внести поправку, был вызван полковник Похвиснев, который окончательно «разбил» все попытки к оправданию. Богушевский заявил, что он «ничего возразить не имеет». Берников предложил ему внести 2014 рублей. Это недостаток дров по сроку 1904 года. Плохая отчетность и убытки во внимание не приняты. Богушевский

¹ Моностих В. Я. Брюсова, впервые опубликованный в альманахе «Русские символы» в 1895 г.

² Здание Императорского общества поощрения художеств находилось по адресу: Большая Морская ул., 38.

³ Дата вписана от руки.

тут же внес 1864 рубля деньгами и на 150 рублей дал дровяных билетов 1903 года (10 штук). 3 – 5½ часов дня.

В 6½ часов вечера у нас дома обед (повар собрания – Николаев). Были: А. М. Васильев (действительный статский советник, воспитатель наших герцогов), д-р Керстенс с супругой, д-р Зорин (из Москвы). Сидели долго.

8 января – четверг.

Был на ужине у Васильева. Были: папа, я, д-р Керстенс с супругой, д-р Зорин, г-н Якобсон, г. Воскресенский. Последний пел под аккомпанемент г. Якобсона, выдающегося пианиста нашей консерватории. За ужином он проявил себя и как прекрасный рассказчик анекдотов. Его сценка «разговор жида (Якобсон сам из жидов) по телефону» – идеальна. Вот несколько анекдотов:

1) Купаются две еврейки.

– Ривка! Давай говорить по-французски...

– Давай.

– Ву пувé нажэ?

– Вуй же пув!

– Кель ор етиль?

– Же не се па!⁴

– Ой! Как поздно... Уж пора идти домой!!

2) Зала 3 класса, на маленькой станции. Воздух нестерпим. Несколько человек пытаются войти и тотчас же, не выдерживая, уходят...

Входит поп:

– Одначе!!! (уходит)

Помещик:

– Ей-богу! Я бы дал 3 рубля, чтобы узнать, кто так испортил воздух!

Быстро подымается еврейчик:

– Это я-с шь братом. Позвольте 6 рублей!

3) Верх самонадеянности: положить член на рельсы и предположить, что от этого произойдет крушение поезда.

9 января – пятница.

В 12 часов дня я был в управлении 3 участка Литейной части. Там меня встретил пристав подполковник*⁵⁶. Дело в том, что у конюшен 1 его

⁴ «Вы умеете плавать?» «[Вуй], умею!» «Который час?» «Не знаю» (фр. искаж.).

⁵ Астериск вписан от руки.

⁶ Вероятно, здесь было оставлено место для того, чтобы вписать имя пристава – Р. З. Сушинский (Весь СПб. за 1904 г.).

высочества батареи стоит ломовая «биржа» и командир подал рапорт, прося ее убрать, так как лошади от этого соседства хронически болеют. Вызванные к этому же часу «специалисты» опоздали на добрый час, но, наконец, все собрались (врачи, техник, архитектор) и, осмотрев «место», «накатали» акт, что во всем виноваты наши конюшни, а «биржа» ни при чем. Кстати заметили, что и навозная яма наша не удовлетворяет §§ городского положения... Ну, их к бесу! Продержали меня до 3-х часов дня. Из-за них блины пропустил в собрании!!!

10 января – суббота.

От 11 часов утра в офицерском собрании полковник Берников сообщил всем штаб-офицерам бригады о необходимом ремонте Преображенского кладбища. Я был и играл роль секретаря.

Немцы после еды говорят: «Gesegnete Mahlzeit⁷», сильно сокращая звуки...

Поручик Матвеев: Не бросай, братец, сразу пить. Знаешь, какой был случай! Однажды одно большое семейство, желая разговеться к Пасхе, купило 7 фунтов колбасы. Съев 2 фунта, они почувствовали себя дурно и остальные 5 фунтов отдали кучеру, который все это съел и при этом выпил две бутылки водки. На другой день по городу разнеслась страшная весть. Все семейство, состоящее из девяти человек, умерло в страшных мучениях... Кучер же был здоровее, чем прежде!..

12 января – понедельник.

В 2 часа дня экстренно прибыл в бригаду временно командующий бригадой полковник Берников (я в это время обходил вверенные мне мастерские) и, потребовав меня, стал распланировывать наши пл[а]цы для выкатки на них всей поршневой артиллерии, ибо с завтрашнего дня бригада начинает принимать 3-дюймовые скорострельные пушки.⁸

В 7 часов и до 9 часов я присутствовал на ознакомлении гг. офицеров 1 дивизиона с устройством замка скорострельного орудия. Был: временно командующий бригадой и начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово. Руководителей не было.

⁷ Благословенная трапеза (нем.).

⁸ Примечание 9 марта: Эти пушки бригаде отпустили без лафетов, а потому вскоре отобрали назад: нужны они на восток. Бригада снова стала поршневой. – Примечание В. С. Савонько.

13 января – вторник.

В 10½ часов утра собрались в управлении артиллерии Гвардейского корпуса полковник Берников, полковник Похвиснев, поручик Богушевский и я. Тут же были и оба адъютанта начальника артиллерии – штабс-капитаны Некрасов и Макеев. Пришел генерал Хитрово и, поздоровавшись со всеми нами, пригласил нас всех сесть. Речь его состояла в том, что он кратко изложил современное состояние дровяного дела, выразившееся в том, что к 1 января 1904 года оказался недостаток дров, тогда как в свое время, т. е. в 1902 году, дрова были приняты Богушевским от Рослякова полностью. Следовательно, дрова куда-то исчезли. На этом месте Хитрово «опускает завесу» и говорит, что он больше ничего не знает, тем более что дровяная книга 1902 года утеряна. Нельзя поэтому и в мыслях иметь, чтобы со стороны Богушевского было что-либо бросающее тень на его доброе имя и честь, а было (уже это безусловно) непростительное по небрежности отношение к вверенному ему делу... На вопрос «Так ли это?» – Богушевский ответил: «Так точно», но прибавил, что его «подкатил вахтер», который ему денег не платил, а потому он должен был изворачиваться. На это Хитрово заметил, что об этом следовало в свое время заявить командиру и что он протестует против того, чтобы Богушевский «был жертвой кого-либо»; он жертва собственного небрежного отношения к делу... Затем он еще раз повторил, что более того, «что он высказал», он не знает, а потому ради чести офицера и бригады следует воздержаться от лишних разговоров. На этом все кончилось, и мы разошлись.

15 января – четверг.

На занятиях 2 дивизиона скорострельной артиллерии был и я. От 7 – 9 часов вечера. Объясняли штабс-капитан[ы] Крутиков и Алымов. Руководствами пользуюсь: 1) официальным и 2) записками юнкера Михайловского артиллерийского училища Богаевского.

14 января – среда.

(записано по ошибке 15 января)

От 9¼ часов утра начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово обходил бригаду. Был в 1, 2, 1 стрелковой и 2 стрелковой батареях. Смотрел занятия с молодыми. В 11 часов в офицерском собрании были собраны все офицеры. Генерал Хитрово сказал нам три речи. Первая (сообщаю вкратце и приблизительно):

1) Сообщил о Богушеве почти то же, что сказал нам троим в управлении артиллерии (см. 13 января). Но еще больше «напер» на то, что у Богушева крали (!!!) вахтера. Ни о его шахер-махерствах, ни о его злостных упущениях – ни слова. Все это очень мило, но зачем же говорить с офице-

рами, заведомо сообщая им подкрашенные сведения. Лучше совсем ничего не говорить. Неправда (даже добрая) принесет зло... Слухи о Богушеве не прекратятся (а это была главная задача речи Хитрово), а усилятся. Всякий (или большинство) понимает, что «начальство» врет и что-то скрывает. Ведь «моторы» и «женщины» Богушевского известны были всей бригаде. Значит, каждый желает иметь объяснение метаморфозы Богушевского из «полунищего» в «богача». Начальству разгадка известна: не платил летом по счетам (на 6 тысяч) и заплатил их только по принуждению (не то ведь суд!). Дрова исчезли, и исчезли в таком количестве, которое устраняет кражу (мнимую) вахтеров. «Проглядеть» отсутствие почти 700 (!) саженей (на добрых 4½ тысячи) нельзя. А если знал и не доложил – по закону «соучастие»... Наглая ложь при сдаче должности, неплатеж жалованья служащим и проч. и проч. Ничего этого офицерам (большинству) не известно. Являются догадки. Одни – в большую сторону, другие – в меньшую. И те и другие – зло. Зачем Богушевского клеймить «вором», если он, может быть, и не крал (в буквальном смысле), но зачем считать его «безупречным» в нравственном отношении, когда дела его тому противоречат. Если не считаешь возможным сообщать свои открытия и догадки (не говоря про факты) – молчи. Но коли стал говорить – говори правду. Иначе офицеры вправе сказать: «Подлец Хитрово куда-то гнет!!» Эдакое проклятое время! Непременно начальство должно куда-то «гнуть»... Что-то «обдeldывать».

После этой речи я спросил Илькевича, что он думает. Он ответил, что по речи выходит, что Богушевский не виноват и «должен» остаться в бригаде. А Гартунг сказал, что скорее можно предположить, что мы все должны немедленно поехать к Богушевскому и забросить ему свои визитные карточки (как дань уважения). Одним словом, результатом речи было полное недоумение всех и вся.

2) Вторая речь зашла об «академиках». Хитрово сообщил, что он заявил главнокомандующему о полном «спокойствии» в нашей бригаде и что «прошлое» было недоразумением (хорошенькое недоразумение, нечего сказать!!!). Затем он прибавил, что не знает, выйдут или не выйдут еще академики с чином, но что он как начальник считает своим долгом всеми своими силами их поддерживать, и если ему это не удастся в полной мере, он уйдет обратно «в поле», ибо не делает разницы между гвардией и полем и... (но это уже старо!).

3) Третья речь: о подарках. Он находит «недисциплинарным» баллотировать листом подарки уходящим офицерам. Т. е. баллотировать с обязательством остальных присоединиться. Это обидно для уходящего, ибо мнения меняются, и хорошо, если у тебя есть хоть десяток друзей (о-го! вот так «семья», где из 100 человек десять друзей, а остальное недоброжелатели!!!) и т. д. Тема длинная и щекотливая...

От 4 до 5¼ часов дня был на занятиях скорострельной артиллерией в 1 его высочества батарее.

16 января – пятница.

Бал у Фуфаевских. Я был.

1904

325

17 января – суббота.

После долгого перерыва состоялись наши горы. Эта удивительная зима, без снега и со средней температурой в 0° – дала нам, наконец, сегодня –2°. Такого оживления и веселия у нас давно не было. Пришли:

я

Гирш

Шанявский с братом

Курбатов

Вешняков с супругой

Лехович с дочерью

фон Энден с супругой и 2 барышнями

Пономар[евский]-Свид[ерский] с супругой и 2 барышнями

м^{ле} Забудская с компаньонкой

г-жа Долгова с дочерью

Беляев (Иван)

Матвеев

Явид

Рейнталь

Играла музыка, чай в манеже и опять танцы экспромтом.

19 января – понедельник.

Был на Большом высочайшем балу. От 9 до 2 часов ночи.

21 января – среда.

Услышал, что на придворном балу великий князь Владимир Александрович объявил Хитрово, что он «прощает» штаб-офицеров. Последовала, так сказать, «амнистия». С сего дня опять началось «движение» в лейб-гвардии 1-й и лейб-гвардии 2-й артиллерийских бригадах. Сегодня уже состоится совещание в Главном артиллерийском управлении под председательством генерала Альфатера по вопросу о распределении вакансий бригадных, дивизионных и батареиных командиров... Наступило, наконец, движение и для нашего бригадного «стоячего» болота. Отсутствие «настоящего» командира тяжело отзывается на службе. А будущее? Будущее, я думаю, не так светло, как думают многие...

Резюме: движение по производству и назначению штаб-офицеров лейб-гвардии 1-й и лейб-гвардии 2-й артиллерийских бригад было прекращено на 1 год – с 1-го января 1903 года по январь 1904 года (точные числа мне не известны, да они и не играют никакой роли)⁹.

Приказ по бригаде № 21, п. 9:

«Поручик Богушевский рапортом от 20 января с. г. за № 1 и поручик Савонько рапортом от того же числа за № 1 донесли, что первый сдал, а второй принял должность бригадного квартирмейстера. О чем объявляю.

Полковник Берников».

Вечер (карточный) у Фриде.

24 января – суббота.

Карточный вечер у полковника Леховича. Было около 70 человек лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийских бригад, в том числе герцог Мекленбургский. Я был.

За ужином услышал следующий анекдот-загадку от m^{me} Рерберг. «Один черт говорит другому: продай мне дюжину душ (человеческих), и за каждую душу я дам тебе 1 рубль. Сколько душ он купил? (Или сколько денег он заплатил?)»

Ответ: 13. Ибо очевидно он считал чертову дюжину!

Несмотря на мороз в 12–13°, вдруг нахлынувший на Петербург, наши субботние горы прошли очень оживленно. Были:

Поном[аревский]-Свид[ерский] с женой и 2 барышнями

m^{me} Вешнякова

m^{lle} Лехович (Ольга Владимировна)

Я

Курбатов

Шанявский

Матвеев

m^{me} Долгова с дочерью

Впервые пришла на каток Mlle Опенгейм с дочерью.

27 января – вторник.

Настало время, когда брать перо в руки тяжело и хочется писать не то, что подсказывает ужасная действительность. Утренне[е] добавочное приложение к «Новому времени» возвестило Петербургу, что наши лучшие суда – броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» – подверглись нападению японских миноносцев и получили пробоины. Потря-

⁹ Примечание 12 февраля: Сведение не совсем верно. Фактически движение еще не началось и официально амнистия НЕ последовала. – Примечание В. С. Савонько.

сающее известие! Но ведь война еще не объявлена!? Азиаты показали себя азиатами.

После завтрака я пошел в сберегательную кассу, а оттуда направился в наше собрание, и уже в передней меня встретил писарь 1 батареи со словами: получил ли я записку? Я думал, что дело идет о сегодняшних занятиях по скорострельной артиллерии, но оказывается, что получилось приказание к 3¼ часам всем офицерам съезжаться в Зимний дворец к Комендантскому подъезду.

Я выехал в 2½ часа, по дороге встретил штабс-капитана Рерберга и пересел в его собственные парные сани. К подъезду дворца подъезжало и подходило непрерывная толпа военных. Народ понемногу стягивался на Александровскую площадь. Были созваны буквально все военные и чины двора из Петербурга и его окрестностей. Залы запасной половины непрерывно наполнялись народом: офицеры группировались по «частям». Мы – по обыкновению, в зале с моделью памятника Петра I. Вскоре жара стала нестерпимая. Ровно в 4 часа состоялся «выход» в церковь. По обычному церемониалу. Государь в преображенской форме, великие князья – в свитской. Все молча кланялись. В ожидании конца молебна (который был с коленопреклонением) все чуть-чуть разбрелись по зале. В окна было видно, что народу на Александровской площади стало весьма значительное количество. Слухов – масса. Но ничего положительного. Пожалуй, достоверно только одно: сейчас идет бой у Порт-Артура. Остальное – пока неизвестно. Но вот уже 4½ часа, и через минут 5–10 раздалось «ура». Это показалась голова обратного «выхода» из церкви. «Ура» все росло и росло и достигло потрясающих размеров. Потом вдруг начали кричать «тс»; на время почти все смолкло, вероятно, думали, что государь будет говорить, но он ничего не сказал. «Выход» продолжался. Громоподобное «ура» сопровождало его. Шапки и каски махали в воздухе. У наследника текли обильно слезы по щекам. Государь был бледен, но спокоен. Наши сведения – остались те же. Никто ничего не знает. Разъезд этой несметной толпы офицерства был медленный. Тысячи людей в парадной форме двигались черепашьям шагом к единственному выходу (ни ворота, ни другие подъезды не открыты). Я достал свое пальто в 5½ часов...

29 января – четверг.

Был на собрании Общества ревнителей военных знаний. Читал капитан 2 ранга Кладо о войне Японии с Россией. Животрепещущая тема собрала в зале Морского кадетского корпуса (где был доклад) около 1 тысячи народу. Доклад был в высшей степени интересным. После него секретарь общества полковник Новицкий прочитал текст телеграммы, которую общество предполагает послать государю. В ответ все присутствующие прокричали «ура».

30 января – пятница.

В 11 часов утра у нас в бригаде в большом манеже состоялся молебен по случаю объявления войны. До него – на середину фронта вышел временно-командующий бригадой полковник Берников и, скомандовав «слушай на краул», начал читать высочайший манифест. Читал он волнуясь, вот почему вместо нужных слов: самодержец и миноносцы, он прочел: «самодержавец» и «минососцы». Закончил – «ура», которое подхватили солдаты, но прокричали его троекратно. Какой дурак ввел этот обычай, заменивший собою русское, громовое, раскатистое «ура»!

После молебна Берников сказал маленькую, нескладную речь, закончив ее словами: «За здоровье царя, ура!..» Музыка заиграла гимн, во все время которого гремело уже русское «ура».

Люди были после того отпущены, а нас Берников задержал. Он предложил нам пожертвовать на нужды Красного Креста, а количество денег и способ уплаты – выработать комитету собрания... Потом кто-то посоветовал – немедленно послать 1000 рублей, а об уплате поговорить после. Я заметил, то 1000 мало и нужно послать минимум 3000, но сочувствия я не встретил (за исключением капитана Рерберга). Детали – сколько послано и куда – я сообщу дополнительно.

К сожалению, не был свидетелем, но сейчас (3 часа дня) полковник Берников рассказывал мне, что большая толпа студентов и простого народу (эту толпу я видел из окна на набережной) с флагами, распевая гимн, остановилась у наших казарм, прося музыку. Пристав поддержал просьбу студентов, и наша музыка с разрешения Берникова вышла на улицу и сыграла гимн и «Коль славен»... Офицеров встречных и солдат качают на улице. Патриотические манифестации продолжаютсся ежедневно по всей России – везде.

В 6 часов дня такая же толпа с флагами и песнями («Боже, царя храни») опять остановилась против наших казарм. Чтобы не подвергаться овациям (непрерывно связанным с «качанием»), я ушел из собрания через Баскову улицу. Дежурный офицер (подпоручик Болецкий), испросив разрешение Управления бригады по телефону, позвал нашу музыку, которая играла гимн...

Вечером дежурный офицер получил письмо от нашего казначея (поручика Матюшкина), в котором тот просит доводить до сведения гг. офицеров бригады и дивизиона, что он уже в 3–4 часа дня сдал 1000 рублей от имени общества офицеров бригады и дивизиона в распоряжение комитета, учрежденного императрицей Александрой Федоровной в Зимнем дворце. (Об этом было объявление в «Правительственном вестнике» ТОЛЬКО СЕГОДНЯ.) Деньги были сданы свитной фрейлине светлейшей княгине Орбелиани, причем она и члены комитета выразили дань уважения офицерам бригады, которые так быстро и щедро откликнулись на призыв императрицы.

31 января – суббота.

Днем к полковнику Берникову приезжал граф Гендриков и от имени императрицы Александры Федоровны благодарил общество офицеров бригады за пожертвование 1000 рублей¹⁰.

От 5 – 6 часов дня манифестанты во главе с гимназистами опять окружили подъезд нашей бригады, прося музыку, крича «ура», гимн и проч. Музыка выходила и по требованию играла: гимн, «коль славен», бригадный марш...

Вечер (карточный) у Мальчевского. Масса приглашенных. Был квартет певцов. Кончилось в 7 часов утра.

Каламбур.

Все женщины в мире делятся на 2 крупные категории: на дам и не дам. (дама, дать)

3 февраля – вторник.

В 11½ часов было общее собрание по поводу 1000 рублей, которые мы пожертвовали на нужды армии.

В начале собрания полковник Берников сообщил гг. офицерам, что граф Гендриков от имени императрицы лично передал ему благодарность бригаде за щедрое пожертвование.

Способ погашения этих 1000 рублей, в сущности, большого разногласия не встретил. Длинную речь сказал один полковник Дитерихс, который предложил вычитать не % из содержания, а на всех поровну. Это крупная разница! При % вычете полковник платит 26–30 рублей (приблизительно), а подпоручик 9 рублей; при равном вычете на каждого приходится по 15 рублей. Конечно, никто из обер-офицеров не возражал, ибо для нас это было бы неудобно (так же как и для полковника Дитерихса), а между штаб-офицерами не нашлось возражателя, хотя мне кажется, всем должно быть ясно, что % вычет из содержания был бы справедливее. Этот вопрос баллотировали, и большинство встали за вычет % из содержания. Затем решено: 1) погасить весь долг (1000 рублей) в 3 месяца и спустя 3 месяца снова собраться для возможного ассигнования новой суммы на новые нужды армии и флота.

5 февраля – четверг.

В 2 часа дня в квартире (свободной) № 2 (бывшей генерала Ляпунова) в нашем бригадном доме собрались по приглашению Управления дамы бригады для обсуждения вопроса «посильной помощи шитьем белья раненым воинам». Пока мне ничего не известно о деталях этого собрания.

Примечание 29 февраля: после того дамы собирались еще несколько раз. Результат: все дамы работают на дому: шьют и шьют...

¹⁰ После была еще и письменная благодарность от императрицы, перепечатанная у нас в копии в приказе по бригаде. 29 февраля 1904 г. – Примечание В. С. Савонько.

10 февраля – вторник.

Эти дни я занят. Нужно составлять требовательные ведомости на дрова, а это не простая штука; все следует проверить и самому обойти все наши громадные здания.

Скудость сведений с Дальнего Востока не дает обильной пищи для рассуждений, но, тем не менее, война – это почти единственная тема, которая царит среди нас, офицеров. Наша библиотека подписалась на телеграммы торгово-телеграфного агенства, покупает все выходящие днем прибавления и запаслась разнообразными картами театра военных действий. Сегодня уже появилось «заявление» человек 10 офицеров бригады, предлагающих внести 1000 рублей на нужды флота (общее собрание постановило обсудить новое пожертвование только через три месяца).

Наш младший врач, доктор Алексей Николаевич Андриевич, получил назначение быть старшим врачом санитарного поезда № 13, отправляющегося на Дальний Восток – завтра. С ним вместе едут и два фельдшера: Марцынанис и Кучковский. Могу смело утверждать, что вопрос о проводах Андриевича не возбудили ни командующий бригадой, ни председатель комитета (полковник Дитерихс), ни (тем более) адъютант (Фриде). Высказав в собрании мысль о необходимости «проводов» Андриевича, я увидел, что большинство ей сочувствует и даже, вернее, считает ее необходимой, и потому доложил Берникову. Тот тотчас же заметил, что он об этом «думал», и просил меня переговорить с адъютантом и полковником Дитерихсом. Вскоре с Фриде я пошел к Дитерихсу, и в результате в тот же день в 3 часа дня было экстренное собрание членов комитета для утверждения программы чествования. Я советовал Дитерихсу постановить комитетом выдать каждому фел[ь]дшеру по 10 рублей, но Дитерихс явился противником моей мысли (и многих других лиц), и ему удалось в комитете провалить это доброе дело..

Перехожу к проводам:

В 11½ часов утра в собрании бригады собрались все гг. офицеры и врачи бригады и дивизиона. Пришли по приглашению и большинство обучающихся в академиях. Берников назначил форму – сюртук (??). Молебен служил о. Солертинский при нашем хоре певчих в большой зале. До молебна о. Солертинский сказал слово, в котором указал, что на войне для врача также опасно, ибо зачастую от заразных болезней погибают больше, чем от «штыков и ядер», а потому мы «помолимся», чтобы все были здоровы и невредимы, а Алексей Николаевич своим врачеванием заслужил бы общую любовь и благодарность.

После молебна Берников взял в руки образ, который мы подносим Андриевичу, и сказал ему приблизительно следующее:

«Вы прослужили в бригаде 8 лет и за это время снискали общую любовь и уважение. Вам предстоит далекий, трудный путь, и мы желаем вам,

чтобы вы скорее здоровы и невредимы вернулись в родную вам бригаду. Не откажите же принять от офицеров благословение...»

Образок – серебряный, золоченый, шейный, очень хорошей работы, с эмалевой живописью и надписью на оборотной стороне.

Доктор Андриевич ответил следующее (приблизительно): «Господа, я пробыл в бригаде 8 лет и за это время сроднился с бригадой, у нас была крепкая связь, но эта связь основывалась на служебной почве. Сегодня у меня явилась с вами уже новая родственная связь. Слова бедны, чтобы выразить то, что я сейчас чувствую. Этого дня я никогда не забуду. Спасибо вам, господа; дорогие товарищи!»

Обоим фельдшерам были тут же вручены тельные кресты с надписью «От офицеров». Затем служители собрания внесли на подносах шампанское, и Берников провозгласил здоровье доктора Андриевича. Громкое, сердечное «ура» было на это ответом. Все чокались и целовались с доктором, его супругой (приглашенной на молебен) и двумя фельдшерами. Д-р Андриевич предложил тост за бригаду и дивизион.

Фельдшера снабжены бригадой в изобилии теплой одеждой (фуфайки, тулупы, носки и проч.).

Слышал такой анекдот (а propos¹¹):

Спит Бог, вдруг на земле пальба, шум...

– Что такое? – спрашивает спросонья Бог.

– Японо-китайская война!

– Аа... Только спать мешают... (Засыпает.) Опять пальба и шум пуще прежнего...

– Да что же это такое?

– Англо-бурская война!

– Черт бы их побрал... Снова разбудили... (Переворачивается на другой бок и снова засыпает.)

На земле подымается невообразимый гам и шум.

– Это, наконец, несносно! Да дадите же вы мне спать! Кто дерется?

– Русские с японцами!!...

– Русские?? Верно?

– Русские, да.

– Ах, черт возьми! Придется мне встать, да кстати уж послать за Николаем Чудотворцем. Ведь русские только на него да на меня и надеются...

11 февраля – среда.

Требовательные ведомости на дрова – то же болото. Действительность не сходится с планами и табелями. Роюсь в книгах, брожу по казармам,

¹¹ Кстати (фр.).

считаю печки – все каша. Ездил утром к капитану Попову, служащему в 1-й инженерной дистанции. В его ведении состоят наши казармы. В два дня и в два слова всего не сделаешь. Доложил Берникову всю правду – и опять комиссия!!!

Нельзя же весь век что-то требовать, сам не зная чего! Председателем назначен полковник Дитерихс, а членами я и капитан Гартунг.

В 10 часов 40 минут вечера мы провожали д-ра Андриевича на Дальний Восток. Я выехал из дому с капитаном Гартунгом несколько пораньше, чтобы успеть осмотреть санитарный поезд № 13, старшим врачом которого и назначен д-р Андриевич. Вагоны переделаны из третьеклассных в несколько дней (5–6), койки на пружинах для тяжело больных и раненых, аптека, перевязочная, кухня и проч. Все выглядит безукоризненно чистым и опрятным.

Для коменданта поезда и для врачей – купе 1 класса со столовой. Комендантом этого поезда назначен лейб-гвардии Преображенского полка полковник Гонецкий, вот почему на платформе были преображенцы (в том числе принц Ольденбургский), хотя в значительно меньшем количестве, чем наших, пришедших проводить своего врача (в том числе герцог М. Г. Мекленбургский). Были и некоторые наши бригадные дамы. После 2-го звонка все перецеловались с Андриевичем, и уезжающие вошли в вагон. С третьим звонком вся платформа огласилась отчаянными криками женщины: «Я не пущу тебя, отдайте его мне, отдайте его мне!» Это было что-то ужасное! Кричала истерично т^{ме} Гонцекая – супруга коменданта поезда. С адскими усилиями ее оторвали от мужа... Поезд тронулся... Закричали «ура», замахали шапками... Многие крестили и крестились. Крики т^{ме} Гонцекой («Не смейте меня держать, пустите меня!!!») достигли ужасающих размеров. К ней присоединились слезы некоторых присутствующих женщин и обморок какой-то дамы... А сзади большая толпа народа довольно стройно пела «Боже, царя храни» и «Спаси, господи»... Не прерывая пенья, она двигалась к выходу...

Санитарный поезд № 13 уже пробежал первую версту по пути к облегчению раненых и больных воинов славной русской армии!..

Помоги им Боже!!!!..

12 февраля – четверг.

С 9½ часов утра до 3¾ часов дня с перерывом в 1½ часа наша комиссия обошла все здания бригады, считая и отмечая на планах все печи. Работа не из легких.

13 февраля – пятница.

Подсчитав в течение всего утра наши печи и сведя их в стройную систему, согласно планам, я поехал в 3½ часа дня в 1 СПб. инженерную дис-

танцию. Сели за работу, и... все кончилось необыкновенно неожиданно: Попов просил подать в сем году нашу старую ведомость (хотя бы она была и не совсем правильной), ибо сейчас все исправить и переделать адски трудно.

16 февраля – понедельник.

9 февраля в г. Ахалцихе умер бывший наш офицер – полковник Медведовский, о котором я упоминаю в своем сочинении: «Поездка на Кавказ»¹². 2½ года тому назад – он уже выглядел жильцом не этого света. Впалые щеки, платье как на вешалке и адский удушливый кашель – обнаруживали последние градусы чахотки... Мир твоему праху!..

Завтра у нас в Сергиевском соборе будет отслужена по нем панихида в присутствии всех гг. офицеров. Кроме того в Ахалцихе будет послан от нас венок и сочувственная телеграмма его жене... Вероятно, я завтра не буду на панихиде, так как 17 – праздник 1-го к[адетского] корпуса.

В 11¼ часов состоялось общее собрание гг. штаб-офицеров. Я на нем не был и вообще не знал, для чего оно собрано. Пришедший в Управление полковник Фурман рассказал мне, в чем дело. Знаменитый в летописях бригады штабс-капитан Гобято переводится в действующую армию? Предстоит, следовательно, молебен и поднесение образа... Служить? Не служить? Подносить? Не подносить? Как? Что и почему? ...Все вопросы – непосильные для решения г. Берникова. Нужен «военный совет»!.. Что говорилось на нем – в подробностях я не знаю, но пришли к заключению, что молебен и образ – необходимы. Детали выработает «комитет»... Не хочу опережать события и пока на этом ставлю точку...

17 февраля – вторник.

Праздник 1 кадетского корпуса. Поехал на него. Из старых товарищей по выпуску встретил: графа Рошефор, Гульденбальк-де-Гийдль, Коверского, Пузыревского, Баулина, Мальчевского (дежурный адъютант у великого князя) и др.

Все по-старому...

Был великий князь Константин Константинович в форме военно-учебных заведений.

Особенно был оттенен тост директора Покатило за Куропаткина – бывшего кадета 1 [кадетского] корпуса, только что назначенного командующим Маньчжурской армией. Генерал Щербаков произнес свои стихи, по обыкновению паршивые. Но ему кричали «ура», а он, довольный, поднес их в изящном бюваре великому князю. Великий князь, по обыкновению, завтракал за

¹² Описание поездки на Кавказ не входит в комплекс материалов В. С. Савонько, поступивших в ОР РНБ.

кадетским столом, а после пошел в 4 роту и там шутил с кадетами, сыпал им на голову пепел, щипал и проч. Кадеты его обожают... Я уехал...

Был на выставке картин в Академии художеств (весенняя) и Общества передвижников (на Морской).

Наш бывший офицер 1-й бригады – ныне капитан Генерального штаба Базаров уезжает на днях в действующую армию адъютантом к генерал-квартирмейстеру армии. И вот мы в собрании устроили ему проводы. Они носили сердечный характер... Ужин начался в 11 часов. Были: Гартунг, Петрушевский (скоро ушел), Альтфатер, Федоров (бывший офицер бригады), Снигиревский, Курбатов, Кавтарадзе, Илькевич, Ден, Фриде, Плющевский-Плющик, Матвеев, Чернявский, Гирш, Шанявский, Алымов, Гродский (бывший офицер бригады), Якимович, барон Арпсгофен, Явид, Рейнталь и я...

После ужина (с шампанским), как водится, перешли в гостиную пить кофе, ликеры и опять шампанское. Придумали такую забаву: штабс-капитаны и капитаны отходили в одну сторону, а подпоручики и поручики – в другую. Хор поручиков начинал:

1) Все ли вы в добром здоровье?

Капитаны отвечали:

2) Слава Богу, мы здоровы!

Хор поручиков:

3) Можно ли нам с вами выпить?

Ответ:

4) Можно! можно, даже должно!!

После чего обе стороны подвигались комично друг на друга и выпивали. Курбатов, Фриде и Шанявский подвизались за роялем... (кек-уок и проч.).

Разошлись в 3 часа ночи...

18 февраля – среда.

Был на исторической выставке предметов искусства, открывшейся на днях в залах музея барона Штиглица. Это собрание частных коллекций нашей царской фамилии и аристократии. Выставка – верх великолепия. От 1¼ – 3 часов дня.

Какие мины были у японцев при последней атаке Порт-Артура?
– Кислые!

23 февраля – понедельник.

Экстренным предписанием начальника артиллерии Гвардейского корпуса назначен членом комиссии по выработке мер к скорейшему введению обучения солдат посадке на железные дороги. Председателем комиссии назначен лейб-гвардии Саперного батальона полковник Гештовт. В 3 часа дня

одел парадную форму и поехал ему являться на квартиру. Дома не застал. Расписался.

24 февраля – вторник.

Приказ по бригаде № 55, п. 7:

«Начальник артиллерии Гвардейского корпуса предписанием от 20 сего февраля за № 558 уведомил, что во исполнение особого приказа по округу сего года за № 3 образована комиссия под председательством лейб-гвардии Саперного батальона полковника Гештовта, на которую возложена нижеследующая разработка:

1) Способ возможно скорейшего и выгоднейшего заготовления и постройки приспособления для учебной посадки.

2) Выбор места постройки и хранение приспособлений.

3) Распределение времени пользования приспособлениями между частями.

Членом в названную комиссию назначается квартирмейстер вр. командующей мной бригады поручик Савонько, которому предписываю немедленно явиться председателю комиссии.

Полковник Берников».

1-е заседание комиссии состоялось сегодня в 2½ часа в собрании лейб-гвардии Саперного батальона, куда я был вызван по телефону. В комиссии заседают: полковник Гештовт (председатель), штабс-капитан Виноградский (квартирмейстер гвардейской Конно-артиллерийской бригады), поручик Алдаданов (квартирмейстер лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), поручик Янкулио (?) – 18 саперного батальона и я. Пошли ходить по дворам этих частей для выбора свободного места. Остановились на плацу нашей бригады впереди малого манежа – вдоль артиллерийской улицы. После сего я пригласил комиссию в наше офицерское собрание, где занесли в протокол наши постановления. Роли распределены. Мне поручена казначейская часть и прием и хранение материалов на плацу.

25 февраля – среда.

В 9 часов вечера я и Альтфатер проводили на вокзале Николаевской железной дороги нашего бывшего офицера капитана Генерального штаба Базарова на Дальний Восток – на театр военных действий. Кроме нас – никого из бригады не было: почти никто не знал наверное день его отъезда.

26 февраля – четверг.

Офицер, в заботе о здоровье денщика, дает ему рубль и говорит:

– На рубль. Употребил девку... только смотри, непременно здоровую... слышишь! Здоровую.

.....

Денщик возвращается.

– Ну что? Употребил?

– Так точно, ваше благородие.

– Здоровую?

– Такую здоровую, ваше благородие, что еле назад «рупь» отнял!!

Муж в отсутствии... Дóма осталась беременная жена, вскоре родившая ребенка. По выздоровлении телеграфирует мужу:

«Была больна, имела мальчика, теперь здорова».

Муж отвечает телеграммой:

«Был здоров, имел девочку, теперь болен».

29-го февраля – воскресенье.

Ушел из бригадного управления кандидат на классную должность Упман, прослуживший в бригаде писарем 12 лет. Мы поднесли ему сегодня золотые часы (цена 69 рублей) от генерал-майора Пузырева, полковника Берникова, капитана Фуфаевского, капитана Рерберга, поручика Матюшкина, поручика Савонько и поручика Фриде. Это временно командующий бригадой, бывшие адъютанты и настоящий состав Управления. Речь говорил генерал Пузырев. Длинно исчислял честную службу Упмана, приведшую к тому, что он заслужил полное уважение со стороны начальства. Такую же честную службу он пожелал ему и на новом поприще. Все перецеловались с Упманом.

От 12 – 12½ часов дня в помещении бригадного управления.

1 марта – понедельник.

От 8½ часов утра у нас в бригаде на месте впереди малого манежа начались земляные работы по сооружению вагонов для посадки войск (см. 24 февраля). Работают солдаты от лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийских бригад, гвардейской Конной, лейб-гвардии Саперного и 18 саперного батальона под наблюдением поручика 18 саперного батальона Янкулио. Я тоже был.

3 марта – среда.

Полковник герцог Мекленбургский (Михаил Георгиевич) на смотрах своего дивизиона спрашивает одного солдата:

– Ты какие волосы должен носить?

– Коротко остриженные, ваше высочество.

– Значит, нельзя ходить мохнатым чертом?

– Никак нет, ваше высочество!

Герцог не позволяет солдатам носить мало-мальски длинные волосы. Он всех заставляет стричься машинкой и непременно по понедельникам.

4 марта – четверг.

После известной «опалы», наложенной на лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийские бригады, сегодня в «[Русском] инвалиде» появилось первое назначение гвардейских артиллеристов. Наш временно командующий бригадой полковник Берников получил 8 артиллерийскую бригаду, а нашим командиром назначен его высочество герцог Мекленбург-Стрелицкий. Оба произведены в генералы. Есть и другие назначения (см. список офицеров).

В 11½ часов вместе с Фриде расписался у герцога Мекленбургского.

В 12 часов дня был с поздравлением у генерал-майора Берникова (дома застал).

5 марта – пятница.

Обычная присяга молодых солдат – в этом году, согласно приказу по округу, много раньше, чем всегда... Наши новые генералы: Берников, герцог и Мусселиус – все были в полковничьей форме. Был начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово.

Герцог поблагодарил меня за вчерашний визит. Мы говорили с ним на плацу и потом в собрании довольно долго о хозяйстве. Завтра в 11 часов он мне назначил свидание в квартире № 2 командира бригады (теперь пустой), чтобы обсудить, как там устроить ему кабинет, ибо он будет, конечно, жить у себя во дворце.

После присяги обычный церемониальный марш: плохо, по-моему, плохо... Кто салютует, кто, почему-то, нет (например, штабс-капитан Огоновский), полковник Шульман – в строю в полукалошах, Дитерихс (командующий парадом) заехал Берникову, а не Хитрово... и т. д.

От 2-х часов дня у меня была обычная ежемесячная поверка дровяных дворов комиссией.

6 марта – суббота.

В 11 часов герцог – уже в генеральской форме – приехал осматривать квартиру командира бригады. Он решил отделить себе три комнаты, прорубив отдельный ход для приемов, а остальные 9 комнат (?) отдать кому-нибудь из гг. штаб-офицеров.

7 марта – воскресенье.

В «[Русском] инвалиде» опубликован 2-й, еще более грандиозный «залп» производств в гвардейской пешей артиллерии (см. список офицеров). По сему случаю я был с поздравительными визитами: у Леховича, Похвиснева (расписался), Фуфаевского, Гартунга, Долгова (расписался) и Дитерихса (встретил на лестнице, расписался).

8 марта – понедельник.

2-е заседание комиссии в собрании гвардейского Саперного батальона в том же составе (см. 24 февраля).

Продал свою лошадь Бедуин[а] за 330 рублей берейтору Придворной конюшни. Из 330 рублей – 30 дал наградных нашему берейтору Пивару. Таким образом, я взял за Бедуина ровно половину того, что заплатил графу Растопчину. Бедуина продать я решил уже давно, ибо он слаб на ноги и, кроме того, кидается в сторону.

9 марта – вторник.

Панихида в Сергиевском всей артиллерии соборе по Тюрберте, бывшем офицере бригады (штатском). Умер 9 дней тому назад в С.-Петербурге. Комитет не дал знать адъютанту, а Фриде сам не догадался, и в приказе не было ни слова о назначенной панихиде (было объявление в «Новом времени», но его вовсе офицеры не обязаны читать). Этим я объясняю, что в церкви была лишь незначительная часть бригады. (Был начальник артиллерии Гвардейского корпуса.)

12 марта – пятница.

В 11 часов утра я, генерал-майор Берников, поручик Матюшкин и поручик Фриде снялись в общей группе у Штернберга (группа Управления лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады).

13 марта – суббота.

Так как вчера в приказе по бригаде (только на 9-й день!! по разным (?) соображениям г-на Берникова, желающего «сдавать» бригаду чуть ли не 2½ месяца и абсолютно не желающего спешить к «своей» 8-й бригаде) было отдано «все производство» – я, Фриде и Матюшкин (т. е. Управление) являлись его высочеству. Дома не застали. От 11½ часов дня.

15 марта – понедельник.

В 5½ часов дня привезли и поставили 1-й крытый вагон на нашем плацу.

17 марта – среда.

В 5 часов привезли к нам платформу.

Как известно, штабс-капитан Гобято уезжает на Восток (см. 16 февраля). Комитет, как это ни странно, постановил чествовать его и молебном, и образом. Не буду входить в детали этого решения. По-моему, с человеком-законником («они» вышли в бригаду с чином строго по закону и наплевав на обычаи) следует поступать по закону. А по закону никаких вычетов для подарков, подношений, чествований и проч. нельзя допускать. А комитет постановляет поднести образ от общества офицеров (которым, кстати,

это решение и неизвестно) и вычестъ с нас его стоимость. Незаконно!! Но кроме сего еще за малым дело стало (и только «начальство» этого не предвидело!). Гобято мог уклониться от подношения. Он это и сделал, и притом в достаточно оскорбительной форме для председателя комитета. Дитерихс написал ему официальное письмо на большом бланке, уведомляя о решении комитета его чество[в]ать, а Гобято ответил ему на листке из записной книжки, начав словами «Милостивый государь» и кончив «готовый к услугам» (?). Дитерихс ему вторично написал «частное» любезное письмо, Гобято вторично ответил, и оба раза кратко сообщая, что он грузится на вокзале (ему поручено везти транспорт мелинитовых бомб), скоро уезжает и времени прибыть на молебен в бригаду не имеет... А образ с «трогательной» надписью уже готов и взят от Овчинникова... Кажется, даже начальство «узрело», что оно очутилось в глупом положении... А Дитерихс счел себя оскорбленным и пожаловался Берникову, а Берников пожаловался Хитрову. Кому пожалуется Хитрово – я не знаю. И разнесут по Гвардейскому корпусу новый бригадный «скандал»... Скандал – искусственно созданный г-ном Берниковым и tutti quanti¹³... А Гобято прав!!! Таково мое мнение...

19 марта – пятница.

Выйдя в 7 часов вечера из дому, я на Невском увидел зарево пожара и, взяв извозчика, поехал туда. Горел флигель во дворе Мариинского рынка. Это был грандиознейший пожар – 2-й по величине, который я видел (лет пять тому назад я видел, как горела всю ночь т. н. Голландия – против Благовещенского собора). Газеты полны подробностями этого ужасного пожара с человеческими жертвами. Все части и резервы были вызваны на работу... Я уехал с пожара в начале 10-го, когда соседние здания были уже отстояны...

23 марта – вторник.

Время сдачи батарей, дивизионов и, наконец, бригады. Почти каждый день можно читать в приказах по бригаде прощальные благодарственные приказы. Сегодня вышел последний такой приказ, касающийся ухода самого временнокомандующего бригадой генерала Берникова. В конце приказа можно читать следующее:

«...ближайшим моим помощникам по управлению бригадой – бригадному адъютанту поручику Фриде, бригадному казначею поручику Матюшкину и бригадному квартирмейстеру поручику САВОНЬКО – приношу мою искреннюю благодарность...»

Генерал-майор Берников.

(Приказ № 83, п. 25.)

¹³ Все (ит.).

От 4 часов до 6 часов был в комиссии в лейб-гвардии Саперном батальоне (см. 24 февраля и 8 марта).

24 марта – среда.

Новая эра в жизни бригады. В 9½ часов утра в офицерском собрании состоялся прием денежного ящика Управления бригады с поверкой сумм от генерала Берникова генералом герцогом Мекленбургским. Присутствовали поручик Матюшкин, поручик Фриде и я. Затем – это был уже двенадцатый час – мы все отправились в помещение Управления бригады, где к этому времени были собраны и построены в 1-й комнате все писаря и во 2-й комнате вахтер бригадного дома, электротехник и дворники и швейцары бр. дома (нижние чины). Ге[р]цог здоровался с ними, опрашивал, нет ли жалоб, и затем говорил: «Спасибо вам за службу». После того состоялся первый доклад его высочеству адъютанта, казначея и квартирмейстера. Так как его помещение в квартире № 2 (бригадного командира) еще не готово, то пока доклады происходят в хозяйственной комнате управления бригады (до 1¼ часа дня).

В 2 часа вся бригада со стрелковым дивизионом была выстроена в колонне в бригадном манеже в парадной форме. Я – на фланге нестроевой команды. Вызваны были и все гг. офицеры, обучающиеся в академиях (приблизительно 22 человека). Командовал парадом полковник Дитерихс. Началась «сдача» бригады. Вошел генерал Берников и поздоровался с людьми («Слушай на краул!» музыка и проч.). Затем генерал Берников сказал речь, в которой повторил почти все то, что вчера было отдано им в приказе: «Я прослужил в бригаде 30 лет, сжился с ней, она была для меня моим домом, моей семьей; я поступил в нее молодым человеком 18-ти лет, а ухожу за 50, мне тяжело расставаться, но что делать, такова воля начальства... мы все служим для того, чтобы исполнять волю начальства (сик!!!!). Я уезжаю за тысячу верст, но сердцем я буду всегда с вами... что будет вас печалить, то опечалит меня, и что вас будет радовать, то будет радовать и меня...» Затем он пожелал бригаде так же славно служить, как она служила при нем «в мирной и боевой обстановке»... и чтобы 1-я бригада была всегда 1-й бригадой!!!!.

Последовал обычный церемониал опроса претензий... Когда сгруппировались гг. обер-офицеры, Берников обратился и к нам с речью. Он заявил, что «ему в жизни особенно посчастливилось: он всегда был со всеми в дружбе и его все любили, да и вообще 1-я бригада славилась своей дружкой и правильными товарищескими отношениями, а потому если кто-нибудь что-либо против него имеет, то пусть верит, что если он кого обидел, то это произошло во всяком случае с не предвзятой мысл[ь]ю обидеть – я всегда был беспристрастным – а потому он просит его простить... т. д.». Затем он со всеми перецеловался. Мы вернулись в строй, а генерал Берников еще

раз попрощался с людьми, пожелал бригаде славу и процветание и ушел со словами: «Низко вам кланяюсь...»

Начался «прием»... Герцог вошел и поздоровался: «Здорова 1-я бригада». Церемониал обычный. Разница только, что его высочество опрашивал подивизионно, отпуская затем каждый дивизион «домой». Офицеры оставались. После того как последние нижние чины удалились, герцог сказал всем офицерам речь, очень сравнительно гладко, видимо, заранее ее обдумав и выучив... Приблизительно она такова: «Господа, высочайшей волей я назначен командиром лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Я счастлив высокой честью вступить в командование старе[й]шей бригадой, тем более что мундир этой бригады я уже давно имею честь носить. Командуя здесь батареей, а потом дивизионом, я лично имел случаи убеждаться, с каким усердием гг. офицеры относились к той службе, которая им выпадала на долю. Я надеюсь, что если в мое командование возникнут какие-либо мелкие недоразумения или трения – крупные я не допускаю мысли, чтобы они могли быть, – то эти недоразумения или трения легко устраняются, если младшие офицеры всегда будут обращаться за советами к своим старшим товарищам, и, таким образом, это не будет выходить из дому на сторону, насколько то позволяет долг службы». Этим закончилась вся церемония, и герцог отправился еще опрашивать арестованных и больных.

25 марта – четверг.

На сегодняшний день в 12½ часов дня я получил приглашение от 2-й батареи присутствовать при поднесении жетона бывшему командиру 2 батареи полковнику Дитерихсу (я участвовал в подписке) и бывшему офицеру капитану Савурскому. Так как в жетоне Савурскому я не участвую, то я и уклонился от присутствования на этом чествовании, тем более что у нас в Управлении, несмотря на праздник, был доклад его высочеству с 2 часов дня и ровно до 5 часов вечера.

26 марта – пятница.

О поступке Гобято, т. е. о нежелании его присутствовать на молебне, – по приказанию начальника артиллерии приказано составить памятную записку для хранения ее в секретных делах бригады, с тем чтобы иметь ее в виду в том случае, ежели штабс-капитан Гобято пожелает когда-либо вернуться в бригаду. Эта записка на днях будет доложена герцогу.

27 марта – суббота.

У ранней обедни в Сергиевском всей артиллерии соборе исповедывался и приобщился святых тайн. 7 часов утра.

Несмотря на праздник был доклад его высочеству с 2 – 4½ часов дня.

На оборотной стороне фотографической карточки, подаренной мне В. А. Леховичем, написано:

«Схожусь с людьми не скоро, но если привязываюсь, то глубоко искренно и неизменно».

В. Лехович.

1904
342

У заутрени не был. В 8½ часов лег спать. Встал в 1½ час ночи. Поднялся наверх в помещение писарей, где посередине комнаты стоял большой стол, уставленный яствами – разговеньем. Писаря ужинали. Я поздоровался с ними, поздравил с праздником и похристосовался с моим писарем Кузнецовым, подарив ему фарфоровое яйцо от Гарраха. По дороге в собрание я встретил вахтера офицерского дома Тимофеева, похристосовался, дав ему подобное же яйцо. В собрании, кроме Шанявского, пока никого не было. Стол был накрыт. Я успел сходить в нестроевую команду, поздравить людей и похристосоваться со старшим нестроевым Александровым (яйцо). К 3 часам стала стекаться публика – большинство из Зимнего дворца. Привезли новость, что наш командир получил орден Андрея Первозванного. Забыл сказать, что я, выходя из квартиры, занес по дороге Гартунгу пару полковничьих погон в подарок (сам Гартунг был еще во дворце). За ужин сели: я, полковник Фуфаевский и Гартунг (только что произведенные), шт.-капитан Якимович, подпоручики и поручики: Шанявский, Гушчинский, Машмеер, Окерман, Снигиревский, Перлик, Дуров, Тимлер, Барановский, Мерецкий (дежурный офицер), Рейнталь, Бородин и капитан Илькевич.

Общее внимание было сосредоточено на молодых полковниках. Вскоре потребовали шампанского, и капитан Илькевич от лица zde[сь] собравшихся обер-офицеров выпил за здоровье штаб-офицеров Льва Федоровича и Сергея Леонидовича, пришедших разделить с нами наш ужин, и пожелал, чтобы и впредь процветала связь между штаб- и обер-офицерами. Фуфаевский ответил за наше здоровье... Потом я предложил тост за славу и процветание 2 и 6 батарей и их командиров и т. д. Был тост и Льва Федоровича за супругу Фуфаевского – Марью Дмитриевну. По правде сказать – такого сердечного разговенья в собрании давно не было. Большинство пило мало. Исключение составили Гартунг, Якимович и Барановский, которых я оставил в шестом часу утра уже пьяными как спаржа...

28 марта – воскресенье.

С 2½ до 4½ делал визиты, был у:

- 1) Лехович с супругой
- 2) Матюшкин с супругой
- 3) Мальчевский с супругой
- 4) Баронесса Арпсгофен и Леонард
- 5) Фуфаевский с супругой

} принимали

6) Похвиснев с супругой	}	дома не застал
7) Фриде с супругой		
8) Берников		
9) Дитерихс		
10) Гартунг		
11) Алымов с супругой		
12) Вешняков с супругой		
13) Пономаревский-Свидерский 1 с супр[угой]		
14) Рерберг с супругой		

31 марта – среда.

Герцог решил – раз в неделю по средам в 12 часов дня собирать всех штаб-офицеров бригады и чинов бригадного управления для совместных обсуждений текущих дел. Сегодня состоялось первое такое заседание, продолжавшееся почти до 2 часов дня.

1 апреля – четверг.

От 10 часов утра обход командиром бригады (герцогом Мекленбургским) помещений бригады (новые казармы, амуничники, сараи и конюшни). Я был. Обход продолжался до 1 часу дня.

От 1 часу дня я ездил по делам комиссии к полковнику Гештовту (см. 24 февраля).

От 3 – 5½ часов доклад у командира бригады.

В 2 часа дня был с ответным визитом у герцога Мекленбургского (герцог вчера делал визиты всем офицерам бригады).

2 апреля – пятница.

От 10 часов утра у меня поверка дровяных дворов бригады.

В 7 часов вечера в ресторане «Донон» в традиционном кабинете, в котором всегда собирается батарея Михаила Павловича, чествовали обедом ушедших из 1-й батареи командира полковника Леховича, полковника Гартунга и полковника Фуфаевского. Собрались бывшие и настоящие офицеры батареи – сослуживцы названных офицеров. Были: генерал-майор Коленкин, его высочество герцог Мекленбургский, капитан Гродский, капитан Кавтарадзе, капитан Пономаревский-Свидерский 1, поручик Баранов (адъютант 1 дивизиона), штабс-капитан барон Арпсгофен, поручик фон Энден, подпоручик Есимантовский, Курбатов, Ушаков, Наркович, Савонько, Лехович, Гартунг, Фуфаевский и Похвиснев (командир 1 дивизиона). Отсутствовали: Потоцкий, Берников (вероятно из жадности), командир батареи полковник Демидов (в командировке) и Макеев (по недоразумению, его забыли известить).

Когда разлили шампанское, герцог сказал первый тост за Леховича, Фуфаевского и Гартунга («...я имел честь командовать 1 дивизионом в то время, когда Владимир Андреевич командовал 1-й батареей, затем я командовал батареей и дивизионом в то время, когда Сергей Леонидович служил в батарее, и, наконец, я был младшим офицером, командиром батареи и командиром дивизиона в то время, когда Лев Федорович служил в батарее, а потому мне особенно приятно...») и поднес всем троим от нас жетоны 1 батареи при криках «ура». Первый ответил В. Лехович, по обыкновению громко, гладко, безукоризненно. Фуфаевский отвечал слабо. Лев Федорович гладко и хорошо, но мне не нравится его скороговорка и тихая, негромкая дикция, которую он иногда пускает. Герцог за обедом пил еще за гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион, 2 и 6 батареи (на что ответил Лехович и Гартунг. Фуфаевский так и не собрался ответить) и, наконец, Похвиснева – впервые находящегося в нашей среде. После обеда перешли в соседнюю комнату, приказав перетащить туда пианино. Курбатов, Наркович, Гродский и Энден усаждали наш слух звуками мелодий от кек-уока до Шопена включительно. Шампанское и ликеры («Джинжер») лились рекой. Вскоре барон и Курбатов исчезли и привезли 2-х девочек, из которых одна (Надя) разделась догола, к большому удовольствию Гартунга и всех присутствующих. Пили много. Гартунг был совсем пьян и без умолку говорил тосты. Герцог был весел, радушен и мил... Вообще вечер отличался большою сердечностью. Это прекрасно отметил в остроумной речи полковник Похвиснев. Разошлись в 2¼ часа ночи.

3 апреля – суббота.

Лехович, Фуфаевский и Гартунг в обыкновенной форме были у меня – благодарить за вчерашний обед и жетон.

5 апреля – понедельник.

Вместе с его высочеством герцогом Мекленбургским ездил в Красное Село для осмотра барака командира бригады с целью совместно определить его необходимый ремонт. От 8 – 12 часов дня. С вокзала я в его карете заехал вместе с ним в бригадный дом для осмотра квартиры № 2, а затем в 12½ часов поехал в Военно-окружное управление для допроса военным следователем Матиас (капитан) по делу об одном канонире, погрозившем кулаком в спину офицеру.

6 апреля – вторник.

Его высочество смотрел выводку лошадей 1 дивизиона и 1 стрелковой батареи от 10 – 12 часов. После того он вместе со мной осматривал баню и прачечную.

От 9 часов утра начала свою деятельность комиссия по приеме бригады от генерал-майора Берникова (осмотр амуничников, цейхгаузов, ветеринарного лазарета, обоза и проч.).

7 апреля – среда.

От 10 – 12 часов утра его высочество смотрел выводку лошадей 2 дивизиона и 2 стрелковой батарее.

8 апреля – четверг.

В 12 часов дня в офицерском собрании бригады состоялся напутственный молебен уезжающему на Дальний Восток ветеринарному врачу Вас. Ник. Сабурову. Молебен служил о. Солертинский, сказавший перед ним пару прочувственных слов. По окончании молебна его высочество командир бригады сказал Сабурову: «Я и общество офицеров – ваших сослуживцев по лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде и гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону – просим принять от нас этот образ». Образ совершенно такой же, как и поднесенный в свое время д-ру Андриевичу. Д-р Сабуров отвечал благодарностью, начав и закончив ее словами: «Весьма тронут». Разлили шампанское, и герцог провозгласил тост за Сабурова, пожелав ему «благополучно прибыть к месту служения, заслужить там такое же уважение, каким он пользуется у нас, и здоровым и невредимым вернуться в лоно бригады». Сабуров ответил тостом за бригаду.

Едва к 4-м кончился доклад у герцога, как меня вызвали в собрание гвардейских сапер[ов] в комиссию (см. 24 февраля). По окончании комиссии полковник Гештовт показал нам помещение 2 и 3 его высочества рот. Оно великолепно. Масса света и простора.

9 апреля – пятница.

От 11 часов утра его высочество произвел в гимнастическом зале выбор людей (14 человек) из числа предназначенных в этом году в нестроевую команду. После, по моему выбору, его высочество решил помещение столовой хора певчих переделать в квартиру для бригадного кузнеца Шапошникова, у которого современное помещение – в прачечной – и сыро, и холодно, так что дети его стали сильно болеть...

От 12 часов «общее собрание» гг. офицеров. Разрешили почти единогласно нашему заведывающему музеем капитану Илькевичу дополнительный расход в 550 рублей. Илькевич с необычайной энергией, знанием и вкусом стал приводить в порядок наш достаточно интересный и богатый музей, находившийся доселе в довольно хаотическом беспорядке. Создав его, Потоцкий последние годы почил на лаврах, а его преемник Кавтарадзе

в течение одного года и 4 месяцев палец о палец не ударил хотя бы для того, чтобы он понемножку не приходил в полное запустение. С выбором Илькевича закипела продуктивная работа, на которую приятно смотреть и за что мы от души должны благодарить Николая Андреевича.

На том же собрании мы решили единогласно пожертвовать 1000 рублей на флот. Но вот встает Огоновский и спрашивает – будут ли в вычете (разложенном нами на 5 месяцев) участвовать и вновь вышедшие в бригаду офицеры? Голоса «за» и «против» разделились... Появилось масса возражений, мнений и проч. ... Но все это, в сущности, было не так сложно, как казалось. Похвиснев совершенно ясно и логично установил те две точки зрения, на которые только и можно встать. Тем не менее наш председатель полковник Дитерихс так запутал вопрос, что даже для понимающих он сделался непонятным... «Позвольте, позвольте... поручик Рейнталь... нам нужно выяснить прежде всего вопрос: кто из нас действительные члены!» (???!!) Это – Дитерихс. Бóльшей чепухи я не слыхал за всю свою жизнь. Потом он вдруг рассердился, оборвал последнего из заявлявших и заявил, что вопрос решен и он больше не позволит сказать ни одного слова... Беспримерное холуйство. Вопрос вовсе не был решен, не был выяснен, его трактовка была неправильна и т. д. ... просто чепуха. При другом председателе весь этот конфликт и не имел бы даже места...

11 апреля – воскресенье.

В 12¼ часов дня поручик Матюшкин, я и поручик Фриде пришли на квартиру генерал-майора Берникова и здесь поднесли ему от нас нашу общую группу, обделанную в изящную рамку из красного дерева (см. 12 марта).

В 3 часа дня на Николаевском вокзале проводили в Ляоян ветеринарного врача нашей бригады Сабурова. Собрались больше штаб-офицеры (кроме Фуфаевского и Масалитинова), а из обер-офицеров были: я, Фриде, Илькевич, Алымов, Вешняков, Петрушевский, Перлик, Болецкий и др. Был, конечно, и наш командир герцог Мекленбургский.

13 апреля – вторник.

В 12 часов в Сергиевском всей артиллерии соборе, при собрании всех гг. офицеров бригады и дивизиона отслужена панихида по скончавшемся недавно бывшем офицере бригады генерал-лейтенанте Бобровском. В церковь прибыли вдова покойного и брат его – генерал от инфантерии сенатор Бобровский.

Был в собрании лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады на дежурстве поручика Пароменского (были: 2-й бригады: Плюцинский и прикомандированный Бокильон). Наши: я, Шанявский и Рейнталь.

16 апреля – пятница.

Вечером А. А. Фриде уехал в неофициальный отпуск, и я остался за бригадного адъютанта.

19 апреля – понедельник.

За адъютанта был на репетиции парада с его высочеством на Марсовом поле – от 12 – 1½ часов дня.

1904

347

20 апреля – вторник.

Летом 1903 года мой предшественник Б. А. Богушевский принял дрова от Лесного департамента по сроку 1905 года (на сумму 873 рубля с копейками), выдал на них расписку и никуда не записал их. Все это в конце концов выплыло наружу. Богушевский был вызван по делам службы к полковнику Похвисневу (которому герцог поручил расследовать это дело), и вот сегодня в 4 часа дня Богушевский в присутствии полковника Похвиснева, поручика Матюшкина, поручика Фриде и меня внес полностью 873 рубля 91 копейку.

22 апреля – четверг.

С поездом в 11 часов 50 минут ездил в Красное Село для осмотра работ в бараке командира бригады.

Бывший временно командующий бригадой генерал-майор Берников, при котором я начал свою службу в Управлении бригады, прислал мне свою карточку фотографическую, на обороте которой сделал надпись:

«На память хотя короткой, но тяжелой работы по принятию квартермистерской части. От благодарного Н. Берникова».

23 апреля – пятница.

Ездил по наряду в Казанский собор на молебен. Дождь как из ведра – вперемежку со снегом...

24 апреля – суббота.

В 12 часов дня был свидетелем в бригадном суде по делу о канонире 1 стрелковой батареи Щербакове, погрозившем поручику Фриде кулаком.

От 2 часов дня осмотр его высочеством в большом манеже обмундирования, оставляемого на нижних чинах оставшейся команды.

25 апреля – воскресенье.

С поездом 9 часов 30 минут вечера уехал наш бывший «старожил» бригады – генерал-майор Берников, ныне командир 8 артиллерийской бригады. Проводить его собралось немного – человек 15–17. Приехал и всегда ко[р]ректный герцог Михаил Георгиевич. Как раз к этому времени уже разлили шампанское

(в зале Варшавской железной дороги), и его высочество предложил выпить за Николая Владимировича и пожелать ему полного успеха на новом месте служения. Генерал Берников благодарил нас и заявил, что пребывание его в бригаде останется самым светлым воспоминанием всей его жизни.

С отъездом Берникова у нас в бригаде не осталось ни одного офицера бригады, совершившего с ней русско-турецкую кампанию. Правда, полковник Дитерихс – участник этой войны, но он совершил поход в рядах 24 артиллерийской бригады и уже после перехода через Балканы, в конце войны, был прикомандирован к бригаде.

26 апреля – понедельник.

От 10 часов утра до 2 часов дня в интендантском складе (ул. Глиники) принимал палатки с принадлежностями для всей бригады.

27 апреля – вторник.

Так как в 23 артиллерийской бригаде большой недостаток лошадей (она выделила одну батарею на войну по военному составу), то бригада на высочайший парад не пришла, и вместо нее – впервые – в наших казармах остановилась пришедшая на парад Офицерская артиллерийская школа – пешая и конная батареи. Часа в 2 в собрании бригады состоялся общий завтрак, на котором из бригады присутствовали желающие. В общем было накрыто в зале 2 стола. Гости сидели вперемежку с нами. Закуска была накрыта в столовой. Председательствовал наш командир бригады герцог Мекленбургский.

Командир	пешей батареи	–	полковник Дельвиг
–	конной	–	подполковник Бетхер
Офицер	пешей батареи		штабс-капитан Щеглов
–	–		капитан ? ¹⁴
–	конной	–	капитан Гоголь-Яновский (22 кон[ной?])
–	–	–	штабс-капитан Добровольский (13 кон[ной?])
–	–	–	поручик Андреев

Перед сладким герцог поднял бокал за «гостей – Офицерскую артиллерийскую школу и ее представителей». Отвечал Дельвиг: «Нам выпала судьба впервые быть гостями старейшей артиллерийской бригады. За славу и процветание лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады». После обеда – «траншея», в которой некоторое время председателем был тот же герцог. Дельвиг тотчас после обеда уехал по делам службы. Остальные гг. офицеры сделали жертвами нашего угощения.

¹⁴ Знак вопроса – приписка чернилами.

Музыка гремела, и благодаря открытым окнам в зале – на Литейном проспекте собиралась толпа любопытных. Количество офицеров понемногу растворялось, но «остатки» еще ужинали вплоть до 3 часов ночи. Командир конной батареи Бетхер выпил неимоверное количество всяких напитков – во главе с водкой.

28 апреля – среда.

В 7 часов вечера проводили третьего врача нашей бригады на Дальний Восток. Д-р Демидов назначен старшим врачом санитарного поезда имени ее величества императрицы Александры Федоровны. Программа проводов приняла стереотипный характер: молебен, тосты, шампанское, поднесение образка и «ура, ура».

29 апреля – четверг.

В 9 часов утра молебен на площади Спасо-Преображения перед выходом в лагерь. Погода хмурая. Герцог пропустил батареи церемониальным маршем, и для меня наступил новый момент: я – заведывающий всей оставшейся частью в г. С.-Петербурге. Работы масса, занят целый день...

30 апреля – пятница.

В 12½ часов дня являлся в комендантское управление коменданту генералу Крылову (как заведывающий оставшейся командой). Вместе со мной, случайно, являлся и квартирмейстер лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады поручик Борис Осипович Алдаданов. И закон, что уже два артиллериста не могут быть одинаково одеты при одинаковых обстоятельствах, подтвердился вполне. Алдаданов был в эполетах и барашковой шапке (городская парадная форма), а я в погонах, нагрудном знаке и фуражке (лагерная парадная форма). В такой разнообразной форме мы вдвоем, бок о бок, предстали перед генералом Крыловым, принявшим нас в своей квартире в тужурке. Генерал встретил, рассыпаясь в любезностях, просил на будущее время являться в кителе или сюртуке и предъявил единственную «покорнейшую» просьбу – немедленно сообщать ему о всяком – «происшествии».

В 2 часа дня в Петропавловском соборе состоялась панихида батареи великого князя Михаила Павловича у гробницы великой княгини Екатерины Михайловны по случаю десятилетия со дня ее смерти. Участниками панихиды были настоящие и бывшие офицеры батареи. Мы возложили чудной живописи и работы Владимирова образ Св. Екатерины.

Служило духовенство Сергиевского собора и певчие нашей бригады. В соборе были: генерал Оноприенко, генерал Арсеньев, генерал Коленкин, полковник Потоцкий, Лехович, Похвиснев, Демидов (командир батареи),

генерал Пузырев, полковник Фуфаевский, капитан Пономаревский-Свидерский 1, Кавтарадзе, я, подпоручик Ушаков, поручик Баранов, подпоручик Курбатов, камергер Семенов (бывший наш офицер).

Ровно в 2 прибыл его высочество герцог М. Г. Мекленбургский. Посторонних почти не было, если не считать 2-х приютов имени покойной Екатерины Михайловны. После «вечной памяти» герцог подошел к гробнице, преклонил колено и молился несколько секунд.

14 мая – пятница.

Уже две недели, как ничего не заношу в свой дневник. Причина простая: я занят целый день, занят будничной, повседневной работой. Будят меня в 7 часов утра. В 8 я уже сажусь за работу. Часам к 9–10 я прихожу в казармы, наблюдаю за ремонтом, даю указания, сам учусь и вхожу во все мелочи... Как у заведывающего оставшейся командой у меня масса административных дел, осложняемых распущенностью музыкантов и сборным составом команды (всего человек 250). Приблизительно раз в неделю я езжу в Красное Село с докладом к его высочеству. Выезжаю в 9 часов утра и возвращаюсь только вечером. Все эти 2 недели я был занят вплоть до 8–9 часов вечера. Затем ходил на пер[е]кличку, и в 10½–11 часов я уже ложился в кровать.

24 мая – понедельник.

Из письма к Нане Астафьевой (а пропо¹⁵)
(подражание сенсациям Курдюковой¹⁶)

Через день я получаю,
Вечерком во время чая
Письма Ади – багатель..
Это хуже, чем метель,

Хуже даже снега, града,
Сюбмерсьона¹⁷ Петрограда...
Даже трамблеман де терр¹⁸
Лучше Адиных «ма шер¹⁹».

¹⁵ Кстати (фр. à propos).

¹⁶ Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'э-транже. СПб., 1904. Т. 1–2.

¹⁷ Потоп (фр. submersion).

¹⁸ Землетрясение (фр. tremblement de terre).

¹⁹ Моя дорогая (фр. ma chère).

Настроенье столь неважно,
 Что кусаться вдруг отважно
 После писем (о орер!)²⁰
 Стала я – пароль д’онер²¹!..

В. С.

1904
 351

26 мая – среда.

Анекдоты:

Купеческий сынок уехал на войну. Не доезжая до Порт-Артура, он уже, всеконечно, прокутился. Предусмотрительная мамаша – переводом – выслала ему в Порт-Артур 200 рублей. Это была приятная неожиданность. Наш герой немедленно пропил из них 175, а на остальные посылает телеграмму:

«Милая мамаша, за храбрость переведен из пехоты в кавалерию. Нужна лошадь. Вышли 1000 рублей».

Мамаша отвечает:

«Деньги высылаю, но больше не хабришь, а то тебя переведут во флот, а денег на броненосец у меня нет!!»

Едет в вагоне больной армянин. За ним ухаживает мальчик. В то время, когда он подает ему пилюли, он роняет одну из них, наклоняется, чтобы поднять, и пернул.

Армянин:

«Карапет, Карапет... У тыбэ души нэт. Я умираю, а ты минэ про лубовь поешь!»

(Слышал от Любавина)

31 мая – понедельник.

Окончивший в этом году Академию Генерального штаба – штабс-капитан нашей бригады Якимович в числе прочих 25 первых учеников (Якимович кончил 8-м) командирован на днях на Восток в распоряжение наместника. Кроме того – на призыв свыше – о желающих служить в горных батареях, формируемых для отправления на театр военных действий, – откликнулось человек 10 офицеров бригады, из числа которых попали двое: подпоручики Беляев (Тимофей) и Дуров. Сегодня в лагерях всем троим названным офицерам в среднем эшелоне бригады был отслужен молебен при собрании всех офицеров, и герцог каждому вручил по образку, совершенно подобном тем, какие мы вручали врачам. Мой помощник подпоручик Рейнталь поехал на торжество в качестве хозяина собрания – я же, по делам

²⁰ О ужас (фр. о horreur).

²¹ Честное слово (фр. parole d'honneur).

службы, остался в СПб-ге и лишился возможности подробно занести эти официальные проводы наших первых однобригадцев, вступающих в ряды славной русской армии, сражающейся на Дальнем Востоке.

4 июня – пятница.

От 10 часов утра была обычная у меня поверка дров. Председатель комиссии – полковник Фуфаевский. После – мы все отправились на Фонтанку (против дома № 10), где осмотрели осиновые дрова, привезенные для нашей бригады на барке (от Лесного департамента).

5 июня – суббота.

Ездил с поездом 10 часов 35 минут утра в Красное Село поздравить его высочество герцога Мекленбургского с днем рождения. Так как сегодня стрельба 1-го дивизиона, то герцога дома не было, и я у него расписался. Вернулся с поездом 1 час 18 минут дня.

См. 31 мая.

Отъезд наших товарищей на театр войны ясно выдвинул вопрос о чествовании их обедом. Где? В каком составе? В лагерях негде, ибо мы разбиты на эшелоны. Устроить в Петербурге официальный обед – скажем, в «Армии и флоте» – опять выдвигает вопрос о необходимости привлечь и наших «симпатичных» дрейфусов гг. Огоновского, Перрета и Чуйкевича. Устроить в лагерях в одном из эшелонов – напомнило многим и в особенности Гартунгу о прошлогоднем обеде после «призовой стрельбы», когда все наше невинное торжество было обращено исключительно в демонстрацию. А тут, как на зло, лезет на память весенняя история во 2 бригаде, когда там кружок офицеров со многими полковниками провожал штабс-капитана Чебышева в годичную командировку, а на другой день командир – генерал-майор Нищенков – объявил это демонстрацией и рассовал чуть не всю публику под арест. Право, я не берусь, тем более живя здесь, в Петербурге, передать все соображения офицеров и начальства, но факт тот, что чествование в лагерях было окончательно отклонено, и Альфатер начал энергично предлагать «желающим» принять участие в «товарищеском частном» обеде в честь Якимовича, Дурова и Беляева – в одном из ресторанов. Опрос оказался, как и следовало ожидать, более чем успешным. Записалось около 40 человек, т. е. почти вся наличность лагерного состава бригады. Конечно, «дрейфусам» никто ничего не предлагал, и они были в этом вопросе опять позорно для себя обойдены и игнорированы. Без видимой причины отказался один Лев Федорович Гартунг – большой друг Якимовича, говоря, что у него «нет денег». Но ведь денег нет и у многих других. У Илькевича, Нарковича и проч. истраченные сегодня нами 16 рублей не были лишними и не необходимыми. Этой отговорке в таком деле, как проводы друга на тяжелую и опасную вой-

ну, никто не поверит. Тут, по-моему, опять выступила у Льва необъяснимая для меня его трусость перед несуществующими грозными призраками, которые он создает в своем воображении. «А вдруг и герцог, подобно Нищенкову, сочтет это за демонстрацию и посадит его под арест; – ведь, очевидно, он (Гартунг) очутится старшим из присутствующих».

Призраки оказались «дутьими». Все гораздо старшие Гартунга полковники приняли участие в обеде, а герцог по докладе о сем ему Смысловским (председатель распорядительного комитета) заметил, что и он сам с удовольствием принял бы участие в этом «товарищеском частном» обеде, не будь он командиром бригады. Присутствие командира придаст ему официальность, которая в свою очередь требует товарищеского обеда без всяких «исключений». Это полное сочувствие герцога нашему обеду создало ему большую популярность и придало тот необычайный подъем духа, в смысле товарищеского единения и связи.

Обед накануне заказал я с Рейнталем у «Контана»²². Нам были отведены две большие залы для приемной и закуской и 1 громадная зала (собственно часть ресторана – обыкновенно буфетная), где «покоем» были накрыты столы. Собрались в 7 часов вечера. Вот поименный список:

1) Похвиснев	13) Смысловский	25) Матюшкин
2) Поном[аревский]- Свидерский 1	14) Рерберг	26) Фриде
3) Кавтарадзе	15) Альтфатер	27) Савонько
4) Ушаков	16) Явид	28) Рейнталь
5) В. Наркович	17) Барановский	29) Беляев (И.)
6) Фуфаевский	18) Ден	30) Курбатов
7) Илькевич	19) Гирш	31) Руммель
8) Шталь	20) Тимлер	32) Пон[омаревский]- Свид[ерский] 2
9) Гущинский	21) Перлик	33) Папкевич
10) П. Наркович	22) Лехович	34) Алымов
11) Вешняков	23) Бородин	35) Масалитинов
12) Петрушевский	24) Крутиков	

и 3 юбиляра: Якимович, Дуров и Беляев. Все выпили и закусили честь честью. Первый тост сказал старший из присутствующих полковник Похвиснев, по обыкновению очень хорошо, пожелав успеха и проч. отъезжающим. Отвечал за всех Якимович – тоже очень хорошо. Говорили еще Лехович, Дуров, Беляев,

²² «Контан» – ресторан (наб. р. Мойки, д. 58а).

Масалитинов (отчаянно плохо). Похвиснев провозгласил тост за герцога – сегодняшнего новорожденного. Это навело наших юбиляров на мысль послать ему телеграмму, которую я тут же составил и которую Рейнталь немедленно послал.

Вот она:

Ваше высочество

Михаил Георгиевич!

Тронутые теплым вниманием со стороны дорогих сослуживцев и товарищей лейб-гвардии по 1-й артиллерийской бригаде и гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону, мы высоко поднимаем бокал за драгоценное здоровье вашего высочества – командира этой славной бригады.

Якимович. Дуров. Беляев.

С каждой минутой все становилось оживленной. Можно сказать, что более дружественного обеда трудно себе представить. Вино развязало языки, и излияния сердечных пожеланий лились рекой. Выпили 25 бутылок шампанского, перешли на кофе, и потек ликер «Джинжер». Большая часть публики досидела почти до 12 часов ночи, а затем многие поехали в Крестовский сад. Я оставался до конца, расплатился по счету (560 рублей) и вместе с Н. А. Илькевичем вернулся домой.

В этот день Якимович получил жетон 5 батареи от офицеров батареи (с массою подписей за исключением Огоновского), а Беляев от офицеров 3 батареи получил серебряную флягу.

Во время обеда были получены телеграммы от Мерецкого, Белоусова и прапорщика Яновича, не могших лично приехать на обед.

8 июня – вторник.

От 11 часов утра я участвовал в комиссии от Городской управы для осмотра всех мостовых и панелей у зданий бригады и карнизов дома «Зеленые связи». В состав комиссии вошли: гласный отставной генерал-майор Медведев, участковый архитектор, инженер капитан Попов (от 1-й СПб. инженерной дистанции) и я. Эта комиссия должна была быть вчера, но не состоялась. Акт, который она составит, повторит все то же: мостовые и панели плохи и требуют сплошной перестилки, мы же можем только ее ремонтировать, на перестилку же ее денег казна не отпускает... Конец комиссии – около 12 часов дня.

9 июня – среда.

Ездил в Красное Село с докладом к командиру бригады.

10 июня – четверг.

Комиссия под пре[д]седательством капитана Петрушевского и членов: меня и поручика Рейнталь – осматривала березовые дрова на барке для нашей бригады. От 4½ – 5 часов.

«Купец уезжает на ярмарку в Нижний Новгород и, сомневаясь в верности жены, наказывает приказчику:

– Смотри за ей, коли что заметишь – сейчас отпиши телеграммой, только не прямо словами, а как-нибудь умственно!

Через три дня купец получает телеграмму:

– Полотно подымается, сукно падает, ищут шерсть, настроение упругое, кредит 9 месяцев».

(Слышал от Лессинга.)

1904
355

12 июня – суббота.

С поездом 8 часов вечера по Николаевской железной дороге проводили отъезжающего (пока в Самару на формирование горной батареи) на Дальний Восток подпоручика Тимофея Тимофеевича Беляева. Офицеров бригады собралось около 30 во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. Были и родители г. Беляева – генерал-лейтенант Беляев с супругой. На прощанье все троекратно облобызались с г. Беляевым. Когда поезд тронулся, кто-то крикнул «ура», но подхвачено оно было чрезвычайно жидко и скоро оборвалось. Генеральша-мать плакала.

16 июня – среда.

Из письма к Нане Астафьевой:

Не на берегах прозрачной речки,
Не под нависшей веткой ели...
В углу, почти у самой печки
В широкой собственной постели...

ЧТО? КТО? О Боже правый!!
Да где же смысл в твоих стихах?
Не торопись..! Не бой кровавый!
Ответ я дам и в двух словах:
ЧТО? Лежу.
Кто? я.

ПРИМЕЧАНИЕ: В этот день я подал рапорт о болезни и слег в кровать.

17 июня – четверг.

Приказ по бригаде № 170, п. 12:

«Заболевшего 16 сего июня поручика Савонько полагать больным. На время болезни поручика Савонько временно заведывающим оставшейся частью в г. С.-Петербурге назначается мною поручик Рейнталь».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

18 июня – пятница.

Интересно привести в известность, кто из бывших офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады находится сейчас на театре военных действий. Припоминаю на память:

1) Генерального ш[т]аба генерал-майор Харкевич (генерал-квартирмейстер у командующего Маньчжурской армией, пр[ои]зведен генерал-лейтенантом)

2) подполковник Генерального штаба Базаров (его штаб-офицер для поручений)

3) полковник Андреев (С. М.) (в 1 стрелковом его величества полку)

4) генерал-майор Грибунин И. П. (командир 3 артиллерийской бригады) (эвакуирован)

5) капитан артиллерии Л. Н. Гобято – в Порт-Артуре (подполковник в плену) (Георгий)²³

6) штабс-капитан артиллерии Ясенский Р. В. (Георгий)²⁴

7) – Окунев

8) капитан артиллерии Макеев (пойдет), командир 6 горной Восточно-Сибирской батареи

9) подпоручик Дуров Б. А. (пойдет)

10) подпоручик Беляев Т. Т. (пойдет), 3 горная

11) штабс-капитан барон Майдель Б. Н. (пойдет)

12) прикомандированный к Генеральному штабу штабс-капитан Якимович (пойдет) (19 июня уехал в распоряжение адмирала Алексеева)

13) Генерального штаба капитан Коллюбакин (при штабе 1 Армейского корпуса для поручений; пойдет – 27 июля)

14) генерал-майор И. И. Мрозовский, командир 9 Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (в Инкоу) (ранен в августе, эвакуирован) (Георгий)²⁵

15) генерал-майор Севастьянов – начальник артиллерии Квантунского корпуса

16) полковник Генерального штаба Дружинин (в Приморском драгунском полку)

17) поручик запаса гвардейской артиллерии Богушевский (уехал в конце июля).

Чиновник особых поручений при князе Хилкове (министр путей сообщений) при Зела. (вернулся через месяц и снова уехал).

18) Шаняевский В. С. в 9 горную батарею.

²³ Приписано черными чернилами «ргий» в слове (Георгий).

²⁴ Слово «Георгий» приписано черными чернилами.

²⁵ Слово «Георгий» приписано черными чернилами.

- 19) Рооп А. В. (гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион) в 10 горную батарею
- 20) генерал-лейтенант Коханов. Инспектор артиллерии 2 армии
- 21) подполковник Росляков. Командир 3 батареи 29 артиллерийской бригады (эвакуирован)
- 22) генерал-майор Эрис Хан Алиев, командир 26 артиллерийской бригады (пол[учил] Георг[ия])
- 23) полковник (генерал) Потоцкий, командир 25 артиллерийской бригады
- 24) войсковой старшина князь Кантакузин (в плену)
- 25) Ратьков-Рожнов – есаул (?)
- 26) подпоручик Гущинский
- 27) штабс-капитан Плющевский-Плющик (1905)
- 28) – барон Арпсгофен (1905)
- 29) капитан Папкевич (1905)
- 30) капитан Стахович (1905)

19 июня – суббота.

В чем – в сумме – выразилась отзывчивость общества офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады к разнообразным нуждам, вызванным настоящей войной? А вот в чем:

1) Во-первых (это уже известно), мы пожертвовали из собственных средств 1000 рублей на больных и раненых воинов через склад императрицы Александры Федоровны.

2) Во-вторых (это тоже известно), мы пожертвовали из собственных средств 1000 рублей на флот через комитет наследника.

3) Каждая батарея бригады и гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона (за исключением 2 Стрелковой батареи – Фурман отказался) сшила приблизительно по 30 гимнастических рубаш (коричневого цвета из материала, присланного из склада великой княгини Марии Павловны).

4) Шили белье и проч. бригадные дамы, но сколько и как – мне пока положительно неизвестно.

5) Весною по заявлению, сделанному в «книге заявлений», и по резолюции распорядительного комитета нашего офицерского собрания – из числа книг нашей библиотеки было отобрано около 300 (по преимуществу литературного и беллетристического содержания). На каждой книге поставлен штампель «в Маньчжурскую армию», и все эти книги были отправлены с санитарным поездом имени императрицы Александры Федоровны (главный врач этого поезда – наш врач Демидов). В настоящее время получена телеграмма на[чальника] Военно-окружного управления генерал-лейтенанта Надарова:

«Командиру лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

Два ящика с книгами, принятые с поезда императрицы Александры Федоровны, переданы в сводные полевые госпитали в Харбине, в месте наибольшего сосредоточения больных офицеров. № 1846».

6) Каждая батарея (согласно высшего приказания) сшила из полотнищ палаток (солдатских) и из особого отпущенного полотна накидки с капюшонами для солдат 1 армейского корпуса. Таких плащей каждая батарея в кратчайший срок сшила приблизительно по 280 штук.

7) В офицерском собрании весной поставлена была кружка для сбора денег на «нужды армии и флота». Такая же кружка (но поменьше) есть и у нашего казначея (поручика Матюшкина).

2 июля – пятница.

Сегодня подал рапорт о выздоровлении и вышел на улицу. И то и другое не знаменует моего выздо[ро]вления. Пока лежал в кровати, меня навестили

Аль[т]фатер

Алымов (2 раза)

Рейнталь (почти ежедневно)

Матвеев

Арпсгофен

Лехович

Матюшкин

Илькевич

Баранов (по делам службы).

} в промежутке между академическими съемками

Делá не запустил. Только глазу хозяйского не было – все же нити, распоряжения и отчетность я держал в руках не выпуская.

6 июля – вторник.

На вокзале Варшавском в 7 часов вечера почти вся бригада провожала полковника Дитерихса, уезжающего принимать 33 артиллерийскую бригаду в Киеве. Я не был по болезни.

Приказ по бригаде № 189:

«...Для выбора же помещения для ремонтных лошадей в городском расположении бригады назначается мною комиссия под председательством командира гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковника Леховича, в составе членов капитана Дена и поручика Савонько...»

Командир бригады

генерал-майор герцог Мекленбургский.

7 июля – среда.

От 10¼ часов утра (хотя было назначено 11 часов утра) его высочество командир бригады ходил по казармам бригады. Как ни обращаешь его внимание – он не интересуется даже крупными ремонтными работами, не говоря про бездну мелочных, но все же существенных улучшений. Его более занимало – в какой именно батарее расположена та или другая рота 94 пехотного полка, занимающего в городе караулы и 4-й батальон которого стоит у нас в казармах... Узнав, что в большом и малом манежах есть лошади и амуниция мобилизованного штаба 1 армейского корпуса – он и туда заглянул.. Главная же и почти единственная мысль его – это как устроить на эту зиму «ремонтных» лошадей (32), которые впервые будут приведены – сверх обычного штата... Обсуждение этой темы заняло добрый час...

10 июля – суббота.

От 10 часов утра до 11¼ часов комиссия (см. 6 июля) ходила по различным помещениям бригады, соображала, вычисляла, измеряла и проч., чтобы выбрать наиболее удобное место для ремонтных лошадей бригады, при условии наименьшей затраты денег на оборудование временных конюшен. Пока остановились на выводном манеже и прилегающей к нему части офицерской конюшни.

13 июля – вторник.

В 10 часов комиссия из председателя капитана Кавтарадзе и 2 членов: меня и поручика Рейнталя (последний не явился) – осматривала барку ольховых дров. Дрова почти наполовину гнилые... Забраковали.

Днем составлял подробную смету на оборудование приспособляемого помещения для ремонтных лошадей. Работа была не из легких. Работал по поручению полковника Леховича, как член комиссии (см. 6 и 10 июля).

14 июля – среда.

После долгого перерыва был в лагерях с докладом его высочеству. Выехал с поездом 11 часов 50 минут утра. Вернулся с поездом 8 часов 43 минуты вечера из Красного Села.

16 июля – пятница.

Загадка:

Идут два господина:

Первый: «Это белая?»

Второй: «Нет, это черная».

1 «Так почему же она красная?»

2 «Потому что она зеленая!»

(Ответ: смородина.)

17 июля – суббота.

В лагерях служили напутственный молебен и подносили образ бывшему офицеру бригады капитану Генерального штаба Колюбакину. Я не был.

1904
360

Не будучи очевидцем, живя в Петербурге, я волей-неволей совершенно не иллюстрирую лагерную жизнь. Писать что-либо по рассказам и слухам или переписывать факты из приказов по бригаде – мне противно. Я пока твердо держусь правила: описывать все то, с чем я сам соприкасаюсь. Вернее: где я сам участник события. Весьма редко приходится отступать от этого правила и вскольз[ь] (как, например, сегодня) упомянуть о совершившемся событии. Это необходимо для связи. Но от деталей описания я все-таки воздерживаюсь. Что делать – не видал и молчу. В Петербурге же моя жизнь и деятельность проходят так монотонно, что этим легко объяснить почти полное отсутствие заметок почти за все лето... Ни на состязательную стрельбу, ни на езду я в Красное не ездил. А между тем в сем году наша бригада разобрала призы на удивление. На стрельбе взяли:

1	его высочества батарея	(фельдцейхмейстерский)
2	–	
4	–	(фельдцейхмейстерский 4½ дм)
5	–	(фельдцейхмейстерский)

Это что-то неслыханное. 4 приза и из них 3 фельдцейхмейстерских!!!!

А за езду:

3 батарея (0 колов и корпусный приз!!!!)

6 батарея (бригадный приз).

Итак, все 6 батарей бригады взяли призы!! Да еще как!!

Не был на «выпивке» и... замолкаю.

24 июля – суббота.

По телеграмме от его высочества ездил в Красное Село для обсуждения текущих дел.

Обедал в 3 эшелоне бригады, где обедал и только что вернувшийся из Италии наш офицер поручик Крестьянов, получивший эту командировку с целью учиться пению. Он состоял при посольстве в Риме, но жил в Неаполе. Его рассказы про современное положение дел в Италии достаточно интересны. Но наибольшее внимание мы уделили его рассказам о том, что говорят и пишут за границей про нашу войну и современное положение России. Вот резюме: в Италии нас ненавидят от души и так сильно, что жить там русскому далеко не безопасно. Ненависть достигла своего апогея после отказа нашего государя ехать в Италию. Весь итальянский народ за японцев.. Какой-то газетчик вместо обычного выкрика: «победа японцев» – закричал: «победа русских!» – и ему тотчас же всадили нож в живот. Во главе ярых противников России стоит коро-

лева Елена, бывшая черногорская княжна, воспитывавшаяся у нас в Смольном институте и облагодетельствованная нашими монархами. Она свою ненависть мотивирует тем, что Япония – это культурная страна, стремящаяся к прогрессу и борющаяся за правду (??), а «мы» – стоим на месте (варвары?). Крестьянов очень живо описал современное в Италии воровство (Нази – министр), безначалие, леность, плохую армию, безвластную полицию, тунеядство дюков и пр. и пр. Страна, по его мнению, кончает свою историю и сделается рано или поздно жертвой своих соседей (Австрия, Франция).

В лагерях тихо. Во 2-м дивизионе маневры; 1-й дивизион отдыхает. Многие разъехались.. Ночи уже темные, темные и по обыкновению холодные. Поговаривают и о скором «отбое» лагеря, ибо подвижного сбора не будет...

25 июля – воскресенье.

Из письма к Льву Федоровичу Гартунгу (командир 6 батареи) с изложением, как канонир его батареи Анцыпович, пьяный, ругал и дебошил в бригаде (в оставшейся части). То же самое я в конце письма изложил стихами:

Вчера, как только запросился
Усталый день уж на покой,
И солнцем красным озарился
Ряд туч воздушных над Невой,

В тот час (мне помнится отлично)
На двор бригадный, яко тать,
Вошел Анцыпович комично
И вензеля вдруг стал писать.

Ты понимаешь, в чем тут дело?
Был просто пьян твой канонир,
Но мы судить не будем смело:
Вино ведь и для нас кумир!

Вино в нас быстро поселяет
Блаженство чувств, как у детей...
Увы! Оно же затемняет
Рассудок у иных людей!

К числу последних, к сожаленью,
Вояка твой принадлежал,
И на укоры в поведение
Он фейерверкера ругал..

Но как? Зачем же лирой нежной
Я буду слух твой оскорблять?
Лишь вскользь заметить неизбежно,
Что он кричал: «Е... м...!»

Рассказ мой близок к окончанию...
Ночной обход поставил крест
Солдата пьяного скитанью:
Он был посажен под арест.

А утром выпущен... И снова
В виновном зрим мы наяву
Всех русских доблестей основу,
Царя и родины слугу!

Ты не карай его сурово:
В вине он, может быть, топил
Всю горечь от разлуки с кровом,
Где он родился и любил!

Прости и мне... Я с музой в дружбе
Уже давно не состою,
Рифм не держу уже на службе,
А лиру разломал свою...

В. Савонько.

27 июля – вторник.

В 8 часов вечера на Николаевском вокзале проводили уезжающего на Дальний Восток бывшего офицера бригады капитана Генерального штаба Колюбакина. Колюбакин едет в качестве офицера для особых поручений при штабе 1 Армейского корпуса, который выехал вчера (он, т. е. штаб, стоял у нас в казармах). Маневры, свободный 1-й дивизион и ожидание тревоги сегодня ночью помешали офицерам бригады прибыть в должном количестве на проводы бывшего офицера. Были: командир – его высочество герцог Мекленбургский, полковник Фуфаевский, капитан Ден, капитан Петрушевский, капитан Кавтарадзе, поручик Фриде, подпоручик Белоусов и я. Колюбакин был в пальто из солдатского сукна (так было приказано), в зелено-грязном кителе и чехле. Это экспромтом созданная форма в эту войну. Со вторым звонком мы все перецеловались. Жена Колюбакина (он женился менее года тому назад) едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться... Поезд тронулся. Толпа, сгустившаяся около нас, сочув-

ственно махала шляпами офицеру – своей формой показывающему, что он едет «на войну».

3 августа – вторник.

По вызову командира бригады – ездил в лагерь Красное Село по делам службы.

1904
363

6 августа – пятница.

Праздник всей гвардейской артиллерии. Отмена общего подвижного сбора в этом году позволила участвовать на параде всем трем бригадам и запасной батарее. Накануне ко мне заехал полковник Фуфаевский и передал поручение – «завтра утром (т. е. 6-го) отвезти букет им[п]ератрице Александре Федоровне в Петергоф, так как она на параде быть не может». Я выехал с поездом в 8 часов 10 минут утра. Букет в картонке был привезен на Балтийский вокзал мальчиком от Эйлерса. Подъехав к воротам Нового дворца (на даче ее величества Александрии, в Новом Петергофе), я вызвал дежурного офицера от Сводно-гвардейского батальона. Он вышел и просил подождать у него в дежурной комнате. Тут уже был капитан лейб-гвардии Преображенского полка Шлиттер – тоже с букетом для императрицы. Часов до 10 нам пришлось подождать, пока, наконец, нас ввели в приемную комнату дворца, затем кто-то пошел к государю, и нам вынесли ответ, что его величество просит передать букеты камердинеру императрицы (нам было известно, что императрица не принимает по болезни) и что государь приказал нас благодарить. Кое-что о букетах! Наш букет был от лица всей гвардейской артиллерии, т. е. инициатива его заказа исходила от начальника артиллерии генерал-лейтенанта Хитрово. Императрице Марии Федоровне и прочим великим княгиням (всего букетов 8, но их не хватило!!!) – все это было поручено заказать полковнику Фуфаевскому, но, очевидно, с инструкцией касательно цены. И вот результат. Букет Александре Федоровне стоил 35 рублей. Розы пунцовые были недурны, но их было мало, другие цветы портили вид, не было «панье», которое придает компактность букету, а главное – ленты!! Вместо широких бархатных (артиллерийских) лент – были хвостики узких ленточек... Бархатная, мягкая ленточка была оторочена вместо канта – витым, безобразным жгутом. Если принять во внимание, что хорошие ленты стоят 15–20 рублей, то ясно, что в 35 рублей букета заказывать нельзя было, а надо было заплатить 60–70–80 рублей; во всяком случае букет не должен быть хуже преображенского, а он был куда хуже... Бедная артиллерия!!

Мне удалось счастливо попасть на пересадочные поезда, и я к 11½ часам прибыл в Красное Село к месту парада (против преображенского лагеря). Дождь лил как из ведра уже час. Грязь непроходимая. И под этим непрерывным, косым, пронизывающим вас дождем мокнут солдаты и офи-

церы – последние в новых мундирах, шитье которых и вся амуниция постепенно приходят в негодность!.. Я решил не становиться в строй. До молебна простоял у входа какой-то пехотной палатки, а затем, после приезда царя, перешел под зеленый шатер, где стояла императрица и великие княгини и вся свита. Государь и великие князья мокли под дождем. Окропление войск водою было государем отменено. Начался церемониальный марш. Из группы великих князей отделился великий князь Алексей Александрович и с сердитой физиономией вошел под шатер. Протискавшись в середину свиты, он наклонился к кому-то из генералов (кажется, к генералу Евреинову – командиру 18 армейского корпуса) и громко пробасил:

– С позволения сказать, говно!

Это, очевидно, относилось к дождю...

Впечатление от парада, по-моему, неважно. Мокрые как курицы люди не могли выглядеть молодцами. Преображенцы, как всегда, плохо равнялись, даже сбиваясь с ноги. Наша бригада прошла лучше других. Нечто весьма карикатурное представлял полковник фон Шульман – командир 1 стрелковой батареи – в своих чуть не до щиколок спущенных шароварах. Карикатурен был и полковник Шифнер во 2-й бригаде. У них и у нас, т. е. в пешей артиллерии, – общий недостаток: разнообразие форм, в особенности шаровар. Почти ни у кого форменных, т. е. в 6 вершков в коленях. Но это не важно, лишь бы было что-нибудь определенное. А то у одного офицера широчайшие шаровары, а рядом с ним офицер в рейтузах. В особенности некрасиво это выглядело во 2-й бригаде. Там можно было видеть такую картинку. Два офицера друг за другом:

Такое же разнообразие в длине юбки мундиров, в цвете сукна и проч.

После церемониального марша артиллерия отправилась в средний эшелон нашей бригады. Эшелон был изящно и богато декорирован стараниями капитана Петрушевского. На особом возвышении стоял шатер с пробной порцией и водкой, а внизу столы с угощением для солдат. У входа в сад эшелона выстроились живописной группой все офицеры гвардейской артиллерии, во главе с генералом Хитрово, командирами бригад, дивизионов и проч. Начальство держало в руках букеты для поднесения их княгиням, но никто из дам не приехал, а подкатил в коляске один государь, который, заметив букеты, сказал, что их придется поднести у преображенцев (у преображенцев был завтрак, на который были приглашены все присутствовавшие на параде лица с царской фамилией, начальники частей, наша батарея (1-я). Я тоже получил приглашение, но не пошел). Затем государь подал руку герцогу Мекленбургскому, великому князю Сергею Михайловичу, поговорил с командиром 2 дивизиона полковником Головачевым и последовал в шатер. У пробного стола стоял фельдфебель 1 его высочества батареи Бекадоров.

Государь, зачерпнув из жбана водку, громко сказал свою стереотипную фразу: «За славу и процветание всей гвардейской артиллерии! За ваше здоровье, братцы! Ура!» Генерал-лейтенант Хитрово зарычал: «За здоровье государя императора! Урааааааа!!!!!!» и сделал движение чаркой вперед, как бы посылая «ура» в толпу солдат. Музыка заиграла гимн, заглушаемый громовым «ура» солдат и офицеров.

Второй тост был за императриц и 3-й за наследника Алексея Николаевича (говорил Хитрово, так же энергично рыча и энергично простирая чару вперед с «ура», на конце которого стоит десять «а»... (урааааааааа)).

Засим государь сказал свою вторую стереотипную фразу: «Еще раз спасибо вам за сегодняшний парад» – и, обратившись в сторону офицеров: «Господа офицеры, благодарю вас».

Поговорив немного с фельдфебелем, начальником артиллерии и нашим командиром, царь, при несмолкаемом «ура», отбыл из эшелона к преображенцам. Для меня все кончилось, а офицеры и солдаты мокли еще под дождем до 3½ часов дня, карауля на шоссе отъезд государя из преображенского лагеря, затем в 3½ им сказали, что государь уехал прямо на скачки; все разошлись, а через ¼ часа государь проехал по шоссе!!

На параде в нашей форме присутствовал его высочество герцог Георгий Георгиевич Мекленбургский (командир лейб-драгун).

9 августа – понедельник.

Встал с головной болью и лихорадкой. Утром выходил, а к 12 часам, вернувшись домой, лег в кровать... С каждым часом становилось хуже. Вечером температура была 40,2.

15 августа – воскресенье.

С 9 августа по сей день я пролежал в кровати. Инфлуэнца оказалась упорной, и температура сбавлялась по 0,2 градуса в день, несмотря на то, что я принимал по 8 гран хины. Сильно болит горло. Сегодня вышел на улицу. Невмоготу сидеть дома.

17 августа – вторник.

Должно быть, после инфлуэнцы я встал слишком рано. Вчера уже вечером я почувствовал сильную боль в спине. За ночь она прошла. Сегодня был доклад у герцога. Я кончил его около 7 часов вечера и едва дошел до квартиры. Адская боль в спине свалила меня на кровать. Я корчился как уж на сковородке.. Минутами я думал, что не вынесу этой боли... Побежали за доктором Боровиковым. Он долго меня выслушивал и т. д. Определил невралгию спины, оценил всю возможность адских болей и прописал аспирин (модное средство) с кофеином, велел смазать спину йодом и на всякий случай прописал еще мазь с хлороформом – если боли не утихнут. Боли несколько утихли часа через два и сделались сносными.

20 августа – пятница.

Боли в спине к вечеру появляются и продолжают всю ночь. Температура держится от 37,2 до 37,7... Днем самочувствие хорошее. Приходится принимать с докладами писаря и вахтеров. Вчера был занят писанием месячной отчетности по дровам. Сегодня поверка, на которой я, конечно, не буду.

22 августа – воскресенье.

Вчера к вечеру боли в спине увеличились до настоящих страданий. Температура 37,9. К утру боли легче, но не прекратились.

24 августа – вторник.

Полегчало. Снова вылез из дому. Был утром в казармах, днем с докладом.

25 августа – среда.

Приказ по бригаде № 232, п. 5:

«За генерал-фельдцейхмейстера – товарищ генерал-фельдцейхмейстера разрешил вверенной мне бригады поручику Савонько слушать лекции в Археологическом институте на правах вольнослушателя...»

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

28 августа – суббота.

Комиссия под председательством полковника Фурмана приняла сегодня первую партию дров от Лесного департамента. От 10 часов утра.

29 августа – воскресенье.

Вместе с подпоручиком Ушаковым был с визитом у действительного статского советника Покровского – директора СПб. Археологического института. В 2 часа дня.

1 сентября – среда.

С поездом в 8 часов 30 минут утра приехала в Петербург и остановилась у нас Нана Астафьева.

В 7 часов вечера подал прошение в СПб. Археологический институт о зачислении меня вольнослушателем. (Екатерининский канал, д. № 14²⁶).

3 сентября – пятница.

Обычная ежемесячная поверка дров. От 10 часов утра.

16 сентября – четверг.

С поездом 11½ часов вечера уехала в Тверь гостившая у нас Нана Астафьева.

18 сентября – суббота.

Утром в 11 часов являлся полковнику Похвисневу, вступившему во временное командование бригадой вместо герцога, уехавшего в отпуск. От 11½ часов был доклад в Управлении бригады.

Офицер нашей бригады капитан Макеев, получающий 6 горную Восточно-Сибирскую батарею, которая уже выехала на Восток, неожиданно приехал в СПб. на 2 дня. Этим воспользовались, и экстренно был назначен напутственный молебен в офицерском собрании бригады в 4 часа дня. Успело собраться человек 25. Служил о. Морев, сказавший довольно длинную речь. Подносил образок г. Похвиснев с речью, недурною по мысли. Макеев ответил: «Простите, сказать много не могу – спасибо за память, за любовь». Разнесли шампанское, и прогремело «ура».

Вечером на Николаевском вокзале в 8 часов на его проводы собралась уже почти вся бригада.

24 сентября – пятница.

В 9 часов утра комиссия под председательством полковника Масалитина смотрела барку с трехполенными дровами на Неве у дома № 18 (Орлова-Давыдова)²⁷. Рейнталь – член комиссии – по обыкновению не пришел. На этот раз он, однако, не проспал, но зато, прочитав в приказе, что барка стоит на Неве, пошел ее искать на Фонтанке и, конечно, не нашел...

²⁶ С 1923 г. канал носит имя А.С. Грибоедова.

²⁷ Современный адрес дома Д.Д. Орлова-Давыдова: наб. Кутузова, 18.

25 сентября – суббота.

Праздник Управления бригады. В 10 часов утра молебен. Были: временно командующий полковник Похвиснев, я, поручик Матюшкин и подпоручик Ушаков. Пели наши певчие. После молебна полковник Похвиснев провозгласил тосты за царя, цариц, наследника, великого князя Михаила Николаевича, Сергея Михайловича, Владимира Александровича и командира бригады герцога Мекленбургского. Поручик Матюшкин провозгласил тост за временно командующего бригадой полковника Похвиснева. Похвиснев ответил тостом за нас и писарей.

В этот же день праздник гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, на который я получил приглашение как бригадный квартирмейстер. На этом основании Матюшкин, Ушаков и я сделали утром визит полковнику Леховичу (командиру Стрелкового дивизиона), полковнику Фурману (командир 2 стрелковой батареи) и полковнику фон Шульману (коминдир 1 стрелковой батареи). Последнего дома не застали. В 1 час дня был назначен молебен в канцелярии 2 стрелковой батареи, прекрасно обставленной разными реликвиями благодаря походу в Китай в 1900–1901 году. Собрались настоящие и бывшие офицеры дивизиона, генерал-лейтенант Уткевич (бывший начальник артиллерии Гвардейского корпуса), генерал-лейтенант в отставке Кармин (бывший 1-й командир Стрелкового дивизиона), командиры дивизиона и батарей бригады и чины бригадного Управления бригады и Управления артиллерии Гвардейского корпуса (штабс-капитан Некрасов и поручик Баранов).

После молебна люди были выстроены в помещении 2 стрелковой батареи, где стоял пробный стол. Тосты:

генерал-лейтенант Уткевич	–	За верховного вождя государя императора
генерал-лейтенант Кармин	–	За императриц и за наследника
полковник Похвиснев	–	За Михаила Николаевича За Сергея Михайловича За Владимира Александрович[а] За его высочество герцога Мекленбургского
полковник Лехович	–	За начальника артиллерии генерал-лейтенанта Хитрово За бывшего начальника артиллерии Уткевича За бывшего командира 2 батареи Мрозовского, ныне раненого (на войне). За временно командующего бригадой полковника Похвиснева
полковник Похвиснев	–	За командира дивизии полковник[а] Леховича За гг. командиров батарей Стрелкового дивизиона и за гг. офицеров За нижних чинов Стрелкового дивизиона

полковник Лехович — За бывших гг. офицеров Стрелкового дивизиона
 За «славную родственную нам лейб-гвардии
 1 артиллерийскую бригаду и за ее представителей,
 почтивших нас своим присутствием»
 За непрерывное и успешное действие наших войск —
 сухопутных и морских — на Востоке

После всех тостов нижние чины кричали обычное: «ура», «ура-ура» — в довольно вялом тоне. Последний же тост был покрыт громовым, раскатыстым «ура», вылившимся, бесспорно, от чистого сердца.

В канцелярии 1й стрелковой батареи была предложена всем закуска «а ла фуршет», впрочем не стоя, а сидя. Часть денег на стол нижних чинов и гг. офицеров пожертвованы на раненых. Играла наша музыка.

3 октября – воскресенье.

Факт.

Один командир батареи – во время мобилизации – должен был дать названия более чем 50 лошадям на букву О. Затрудняясь, он наконец придумал:

- 1) О! водка!
- 2) О! Закуска!
- 3) О! Шампанское!

и т. д.

Жид на пароходе с женой заказывает чай, но не знает, как сказать: два стакана чаю, или две стакана чаю. Тогда он нашелся:

– Человек! Дайте мне три стакана чаю и один сейчас же унесите прочь.

А. М. Васильев только что вернулся из Парижа и рассказывает, что там на бульварах целый день выкрикивают фамилию японского генерала Оку, выговаривая: «О! Кю» (Кю – по-французски ж[опа]).

Тот же Васильев видел в Берлине русское стихотворение, повествующее, как наш царь отправился на небо советоваться с богом. Его не пропустил Петр. Тогда царь обратился с жалобой к своему патрону Николаю. Последний доложил о нем богу. Бог раскричался на Николая, как он смел пропустить царя.

– Да он говорит, что он твой помазанник! – оправдывался Николай.

– Все они так говорят, – закричал бог. – Врет он, я такого дурака никогда не мазал.

4 октября – понедельник.

Принят в число вольнослушателей СПб. Археологического института. Екатерининский канал, д. № 14.

Хроника 1904 г.

6 октября – среда.

Обычная ежемесячная поверка дровяных дворов.

7 октября – четверг.

Был в первый раз на лекции в СПб. Археологическом институте. Лекции 3 раза в неделю по 3 часа. По понедельникам, четвергам и субботам. Сегодня первые два профессора – Покровский и Сергеевич – не пришли, и 2 часа – от 7 – 9 – пропали даром. Третий профессор – Воронов – оказался моим старым знакомым. Только что выпущенный из университета, он поступил преподавателем истории и русского языка в 1 кадетском корпусе. Мы смеялись над ним, над его неумением читать, над его действительно неталантливymi лекциями. Здесь он прочел в течение 40 минут введение к науке «Архивоведение».

Помещение института далеко не идеальное. Тесное и грязное. Порядка в нем тоже не чересчур. Коллекции и картины содержатся небрежно, в пыли, висят криво и косо. Денег нет? Или нет любви у чиновников-профессоров, а только «штатное место с известным окладом жалованья»?..

Слушатели – самые разнообразные: священники, шпаки, курсистки, военные инженеры, жандармы, студенты, просто девицы, пограничная стража, интенданты и проч.

Одно из главных лиц – сторож Сергей Богданов, который продает книги и лимонад. Ему же я дал рубль, чтобы у меня всегда было место в аудитории.

8 октября – пятница.

В 5 часов вечера был на свадьбе бригадного писаря Управления бригады Дятлова с горничной поручика Фриде – Машей. Свадьба в Сергиевском соборе. Из офицеров были только я да поручик Ушаков (вр. и. д. адъютанта). Командующий и Матюшкин отсутствовали. В церкви я поздравил новобрачных, которые потом уехали «пировать» в помещение писарей Управления бригадой, где было сервировано «угощение».

13 октября – среда.

В 11 часов утра в бригадном манеже молебен при собрании всех гг. офицеров и нижних чинов по случаю рождения великого князя Михаила Николаевича.

16 октября – суббота.

В 10½ часов в ресторане «Контан» в той же зале, где мы летом чествовали Якимовича, Дурова и Беляева, состоялся ужин в честь Роопа и Шанявского, уезжающих на Дальний Восток в горные батареи. Вначале было решено сделать ужин в собрании. Вопрос казался поконченным, и на ужин имелась уже запись – человек в 50 – 53. Совершенно неожиданно

полковник Похвиснев (временно командующий бригадой) съездил на свидание с его высочеством – нашим командиром, живущим в Ораниенбауме и числящимся в отпуску, и привез запрещение его высочества делать ужин в собрании, так как этот ужин уже носит характер официальных проводов, а мы, как известно, не приглашаем на него т. н. «дрейфусов». Делать было нечего. Наскоро уведомили всех о перемене и о желании участвовать в ужине у «Контана». Эта перемена отразилась на количестве ужинающих, и съехало человек на 40 – 43. Из полковников были только: Лехович, Шульман (1 стрелковой батарее) и Наркович. Несмотря на то, что Шанявский – офицер 2 батареи, не приехали его же батареи капитан Погребняков и Окерман. Не был и командир 2 стрелковой батар[е]и полковник Фурман (Рооп – его батареи). Не были многие такие, которые вряд ли имели большое основание не приезжать (Масалитинов, Гирш, Алымов, Демидов и др.). Такие лица, как Демидов (командир 1 его высочества батареи) и Погребняков, сознательно пренебрегают всеми товарищескими отношениями.

Позднее приехал Крестьянов и доставил нам удовольствие свои[м] пением. Аккомпанировали Фриде и Давыдов (2 стрелковой батарее). Вино сделало свое дело: не обошлось без хорового пенья и танцев (русская: Щербов-Нефедович, Фриде, Л. Ф. Рейнгард, Перлик) и канкан: Шанявский и Крестьянов. В 2 часа ночи двинулась добрая половина в собрание, где появилось шампанское и кофе. Играли в карты до 6 часов утра.

20 октября – среда.

Маленькая «панама» опять обнаружилась в делах Управления времен Богушевского. Городская комиссия по водоснабжению подала на нас в суд за неплатеж денег (около 2500 рублей) за воду. Пришлось с головой окунуться в дела по водоснабжению с 1894 года по 1904-й. Раз 6 я был в Городской комиссии (Загородный пр., д. 24), в Казенной палате, экон[ом]-ическом обществе офицеров Гвардейского корпуса. В конце концов выяснилось: бригада считала до сего времени, что она «квита» с городом, ибо последний взнос в 1059 рублей с копейками влек за собой прощение нам 1400 рублей долга (так постановила сама комиссия по водоснабжению). И вдруг город заявляет, что он 1059 рублей не получал, а потому и 1400 рублей не прощает, а в сумме – не угодно ли в Окружной суд – и уплатить по суду 2459 рублей!.. Куда же девались эти 1059 рублей? Оказалось, что после долгих скитаний эти 1059 рублей попали в бригаду и выданы под расписку поручика Богушевского, которому в свое время (14 декабря 1902 года) генералом Ляпуновым было поручено внести в городскую комиссию. Имеется черновик препроводительной бумаги, но зато нет ни в «счетах квартирмейстера», ни в «делах» квитанции города в получении этих денег. В городских делах нашей подлинной препроводительной бумаги тоже нет,

как нет в кассовой книге 1902 года и прихода в 1059 рублей. Конечно, только сам Эмбер в миниатюре – г-н Богушевский – мог бы разъяснить нам исчезновение 1059 рублей. К сожалению, его в Петербурге не оказалось, хотя он и успел приехать с Дальнего Востока. Я был на его старой квартире (Фурштадтская, 41), где узнал его московский адрес, и попутно швейцар и дворник сообщили мне, что он остался должен за квартиру. Воспользовавшись тем, что штабс-капитан Гирш сегодня вечером уезжает в отпуск в Москву, временно командующий полковник Похвиснев вручил ему письмо к Богушевскому с вызовом его для объяснений в СПбург.

23 октября – суббота.

Капитан Илькевич записал в книжке заявлений офицерского собрания о «желательности послать подарки на [Дальний] Восток офицерам и врачам бригады, которых мы провожали». Общее собрание для решения этого вопроса не было разрешено (основываясь на том, что всякие «вычеты» незаконны). Поэтому были пущены подписные листы по батареям, которые и вернулись в руки Илькевича сегодня утром. В 11 часов утра я был вызван по телефону в собрание, так как я, Илькевич и Вешняков оказались большинством голосов выбранными в распорядители. Мы проработали с 11 до 6-ти, и в понедельник 25-го все 9 ящиков были сданы в эконом[ическую] платную доставку их адресатам. Подробный отчет обо всем составлен капитаном Илькевичем и выложен в собрании за нашими подписями для гг. офицеров. Вот краткие сведения из него:

Послано врачам: Сабурову
Демидову и
Андриевичу

Офицерам: Базарову
Якимовичу
Беляеву
Дурову
Колюбакину и
Макееву

Офицеры получили подарки ценою рублей на 20, а врачи на 10, ибо они находятся в лучших условиях и не нуждаются в теплой одежде, консервах и проч. Всего послано на 147 рублей с упаковкой. Вещи: теплые, туалетные, консервы, шоколад, какао, чай, сахар, две четвертушки коньяку из нашего погреба, письменные принадлежности и проч.

26 октября – вторник.

В 11½ часов утра при собрании всех офицеров бригады и врачей состоялся напутственный молебен в собрании бригады уезжающим на Дальний

Восток штабс-капитанам Роопу и Шанявскому с поднесением каждому по образу Спасителя.

27 октября – среда.

Анекдот.

Солдатский спектакль. После водевиля подходит унтер-офицер к офицеру-распорядителю и говорит:

– Ваше высокоблагородие, прикажите дамам в 8-й ряд сесть.

– Это почему?

– Сейчас писарь Оноприенко будет новый номер показывать: [сцать до 7-го ряда!...] ²⁸

29 октября – пятница.

С поездом 8 часов вечера уехал из С.-Петербурга штабс-капитан Шанявский. Провожала «вся» бригада. Приехал и числящийся в отпуску его высочество герцог Мекленбургский. Встав на ступеньку вагона, Шанявский, уже после того, как сердечно со всеми перецеловался, проговорил: «Спасибо за ласку»...

30 октября – суббота.

См. 20 октября.

В Москве Богушевского Гирш не нашел: говорят, что он на Байкале. Полковник Похвиснев и я все это время стремились разобраться в деле до тонкости. Мне пришлось еще раза три быть в водопроводной комиссии и пересмотреть все их дела. Затем я добился отсрочки судного дела. Чтобы окончательно убедиться в правоте города, вчера в городскую комиссию вместе со мной поехал поручик Матюшкин, и еще раз мы пересмотрели все дела. Выяснилось – судя по всем книгам, – что от бригады 1059 рублей с препроводительной бумагой не поступало. А раз так, то, значит, их «украл» Богушевский. Решили послать ему телеграмму на Байкал. Для этого я сегодня ездил в Министерство путей сообщений, ибо Богушевский мне и многим другим говорил, что он получил место ревизора на одной из железных дорог и, кроме того, «едет на днях на Байкальскую дорогу в качестве чиновника особых поручений при министре князе Хилкове». Я был в пяти отделениях министерства. Чиновники любезно пересматривали списки всех служащих в министерстве (также и вольнонаемных ревизоров), но Богушевского не нашли. В таком случае – в качестве кого он уехал на Байкал?.. И кто заплатит эти 1059 рублей???

²⁸ Часть текста зачёркнута синими чернилами.

1 ноября – понедельник.

Смотри 30 октября.

Был у мамыши Богушевского, живущей во вдовьем доме Смольного монастыря, с целью узнать адрес нашего героя. Симпатичная старушка, влюбленная в своего Борю, охотно сообщила мне адрес его. Из разговоров с ней я убедился, что она знает все дело лишь со слов самого Богушевского, который, конечно, выставил себя кругом правым и жертвой своего предшественника. Странно то, что мамаша Богушевского говорит, что сын ее с Востока не приезжал, а швейцар его квартиры говорил, что он после первой поездки вернулся в Петербург и выбыл в Москву и уже оттуда снова уехал на Байкал. Кто разберется в этой путанице?.. Я не огорчал старушку...

2 ноября – вторник.

Смотри 1 ноября.

Послал 2 телеграммы.

1

«Станция Байкал. Забайкальская железная дорога. Состоящему при старшем инспекторе Зела, поручику запаса Богушевскому.

Обнаружено: не внесено за воду 1060 рублей. Денежном журнале ваша расписка. Необходимо внести двухнедельный срок. Город подал окружной суд. Немедленный ответ.

Командующий бригадой

Полковник Похвиснев».

2

«Москва.

Пречистенский бульвар. Собственный дом. Штабс-капитану Гиршу.

Валуев приехал Москву. Передай письмо.

Владимир Савонько».

6 ноября – суббота.

Обычная ежегодная панихида по гг. офицерам бригады, убитым и умершим, в Сергиевском всей артиллерии соборе. В этом году вместо 7 ноября, ибо завтра воскресенье. От 12 часов дня. Были: бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион и начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово и отставной генерал-майор Евреинов.

7 ноября – воскресенье.

С 8-часовым вечерним поездом уехал «на войну» штабс-капитан Рооп. Мы провожали.

8 ноября – понедельник.

От 10 часов утра в большом бригадном манеже при собрании всей бригады молебен по случаю дня именин великого князя Михаила Николаевича.

Получил приглашение от командира 3 батареи полковника Нарковича участвовать на молебне по случаю праздника 3 батареи (как бригадный квартирмейстер). Утром, после молебна в манеже, сделал визит полковнику Нарковичу (дома не застал). Молебен в 1 час дня в канцелярии. Из бывших служащих были только штабс-капитан Свидерский. Был и начальник арт[и]ллерии генерал-лейтенант Хитрово. «Чарка» прошла с тостами, не выходявшими из обычных рамок. Офицерам был предложен завтрак без шампанского.

9 ноября – вторник.

См. 19 июня.

3 батареи – офицеры и нижние чины – послали через Мраморный дворец на Дальний Восток в 3 Восточно-Сибирскую горную батарею (туда, где служит офицер батареи Тимофей Беляев) 200 пакетов с теплыми вещами, чаем, сахаром и проч. – всего на сумму рублей 140. Командиру батареи и фельдфебелю посланы отдельные мешочки; офицерам тоже. Нижним чинам – одинаковые... Прекрасный поступок.

Кстати упомяну, что гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион и 5 батарея (нижние чины) в свое время отказались от улучшенного обеда в день своих праздников и жертвовали деньги на раненых. 5 батарея получила благодарность от императрицы Александры Федоровны. 4 батарея, подобно 3-й, послала подарки в 6 горную батарею... и т. д.

10 ноября – среда.

«Идиотские» загадки.

1) Не пуговица – а свистит

(свисток).

2) Как поймать одного слона?

(Поймать двух, одного привязать, а другого отпустить.)

3) Какая разница между Исаакием и воробьем?

(Исаакий – собор, а воробей – птица.)

4) Какой самый важный орган человеческого тела?

(Мошонка для яиц, ибо иначе пришлось бы носить яйца в руке.)

11 ноября – четверг.

Женатый на сестре поручика Богушевского г. Валуев полностью внес за него в водопроводную комиссию 1059 руб. Для нас, таким образом, весь инцидент исчерпан.

Хроника 1904 г.

12 ноября – пятница.

С утра головная боль. К вечеру хуже. В 6 часов вечера слег в кровать. Температура 37,5 – 38,1.

1904
376

17 ноября – среда.

Вышел на воздух.. Был с утра на обходе герцогом помещений офицерского дома, затем в большом манеже, артиллерийских сараях и проч. до 12 часов дня. Это продолжение смотров инспекторских (бригадных), начавшихся с понедельника.

19 ноября – пятница.

Смотрел только что открытый новый Суворовский музей. Здание вполне величественное, и внешность экспонатов не оставляет желать лучшего, но пока «сокровищ», по-моему, слишком мало...

25 ноября – четверг.

84-я годовщина Михайловского артиллерийского училища. Обычный ежегодный бал юнкеров заменен благотворительным литературно-музыкальным вечером в пользу семей убитых, раненых и без вести пропавших артиллеристов. Я был на нем с отцом. Все места были разобраны еще за несколько недель. Большая белая зала была битком, и жара достигала во время концерта солидных размеров. Вечер, по-моему, блестяще удался. Из помеченных на программе известных артистов не приехала только г-жа Будкевич и еще Потоцкая. Остальные были. Всех награждали громовыми аплодисментами и бисами, в особенности m^{me} Фигнер (дивно сегодня певшую), Фриде, Серебрякова, Вержбиловича (известного виолончелиста) и др. В 1-м отделении пел и наш офицер поручик Крестьянов, но он был не в голосе, а незнакомые новые романсы не производили на публику должного впечатления. Был великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной, великий князь Константин Константинович в сюртуке лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады. Из бригады были только: чета Фуфаевских, Вешняковых, я, полковник Масалитинов и подпоручики Гущинский и Снигиревский. Так же мало было и прочих строевых гвардейских артиллеристов (2-й бригады, гвардейской Конной и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона). Большинство состояло из более или менее причастных в настоящую минуту к Михайловской артиллерийской академии и [Михайловскогму артиллерийскому] училищу. Но этого, как оказалось, было достаточно для полного сбора. За программы (часть из них были рисованные акварелью, карандашом и проч.) платили от 1 рубля до 5 и более. За листок с фотографиями порт-артурской артиллерии и цифровыми данными (цена 25 копеек) я видел положенные 100 рублей и

много золотых. Продажа этих листков была дополнением к устроенной в одной из зал выставке моделей порт-артурских пушек и мортир. Владимир всем очень много аплодировал, так же как и Мария Павловна. После же выхода т^{ме} Фигнер, Владимир встал с кресла, подошел к рампе, подал ей руку и благодарил ее. Я уехал в 12 часов, еще до конца, и, к крайнему сожалению, пропустил талантливого рассказчика Мальского, который, говорят, смешил публику без конца...

26 ноября – пятница.

Праздник 2-й батареи, где я начал свою службу. В 11 часов молебен на кухне. По случаю Георгиевского праздника многих не было (во дворце – выход). Собралось очень мало.

Личный состав: полковник Фуфаевский,
капитан Илькевич,
капитан Погребняков,
подпоручик Окерман
подпоручик Гущинский
подпоручик Шталь.

Затем пришли: отставной генерал-майор Евреинов, полковник Фурман, капитан Рерберг, штабс-капитан Альтфатер, прапорщик запаса Шумахер, капитан Куприянов и я. И больше никого. Почти все отсутствующие прислали телеграммы. После молебна обычные тосты, затем завтрак в канцелярии, предложенный командиром батареи. Потоцкий (полковник, командующий 25 артиллерийской бригадой и уезжающий с ней на войну) прислал Фуфаевскому письмо, в котором он шлет батарее свой привет и приносит ей в дар квадрант, который он – Потоцкий – взял от отнятого турецкого орудия и с помощью которого наводилось 8 орудие 2-й батареи на Шандорнике (Потоцкий в Турецкую кампанию командовал 4 взводом 2-й батареи) и который Потоцкий свято хранил у себя 27 лет и теперь только, идя в бой, дарит его батарее как память о его боевом прошлом. Письмо Фуфаевский прочел вслух и провозгласил здоровье Потоцкого, но «ура» было подхвачено без воодушевления. После завтрака поехали «всей фабрикой» к т^{ме} Фуфаевской (мы ей послали букет цветов) и там снова пили шампанское. Но им и закончилось празднование 2 батареи.

27 ноября – суббота.

В какой-то немецкой газете появилась такая карикатура:

ШАРАДА

Ламздорф, Бенкендорф, Мейендорф²⁹

²⁹ Министр иностранных дел, в должности гофмаршала, и начальник собственного е. в. конвоя. – Примечание В. С. Савонько.

Красное Село, Царское Село

Мария, Ольга, Ксения³⁰

Александра, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия³¹

Николай 2

Разгадка этой шарады такая:

«Три деревни, два села, восемь девок, один я, куда девки – туда я».

28 ноября – воскресенье.

Анекдот, приписываемый, по обыкновению, Драгомирову.

«Почему Кирилл Владимирович (великий князь) не потонул при гибели “Петропавловска”?»

1) Первая версия:

«Потому что говно плавает».

2) Вторая версия:

«Где ему потонуть! Он с ранних лет проводит время в “Аквариуме”. Привык!!» («Аквариум» – Петербургский кафе-концерт.)

Удачный каламбур.

«Кто в России наибольший революционер?»

Оказывается, великий князь Алексей Александрович, ибо он часто повторяет: «À Baletta» (Abas l’Etat)³².

(Артистка Императорского Михайловского театра m^{lle} Балетта – содержанка великого князя.)

30 ноября – вторник.

Инспекторский смотр начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово. Все в один день!! Это рекорд, который побить уже невозможно. С 9 часов утра до 1 часу дня опрос претензий, обход помещений, смотр амуничников и обмундирования. Потом завтрак в офицерском собрании, общий, причем хозяин собрания Рейнталь так рассчитал количество порций, что офицерам не хватило кулебяки и 10-ти порций второго и сладкого. После завтрака так называемая «проверка сумм» – подмахиwanie бригадных и батарейных денежных журналов и кладовых, что все благополучно и окончилось часам к 4 дня.

С 9 часов утра во дворе нашего офицерского дома стали собираться городовые и околадочные числом более ста. В соседних казенных домах – то же (Техническая артиллерийская школа, например). Уйма полиции... Это судят Сазонова в Окружном суде (убийца Плеве – министра внутренних

³⁰ Вдовствующая императрица с дочерьми. – Примечание В. С. Савонько.

³¹ Императрица с дочерьми. – Примечание В. С. Савонько.

³² К Балетта (фр.), долой государство (фр., верное написание: à bas l’état).

дел). На Литейном много любопытных и разьезды конных городских, но беспорядка нет.

4 декабря – суббота.

От 9 – 11 часов утра обычная ежемесячная поверка дров.

От 11 часов наш большой манеж оживился. Здесь смотрел ремонтных лошадей бригады (и часть лошадей лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады) инспектор ремонтов кавалерии генерал-адъютант Струков. С ним прибыли еще генерал Остроградский (в форме лейб-гвардии Гродненского гусарского полка), генерал Винтулов, два полковника и ротмистр. Экспромтом прибыл инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович. Собрались: все штаб-офицеры бригады и штаб-офицеры и командующие батареями лейб-гвардии 2-й и гвардейской Конной артиллерийской бригад. Был, конечно, и начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал Хитрово. После выводки лошадей Струков обратился к окружающим с речью, в которой доказывал, что «не блестящий» ремонт вызван обстоятельствами, и просил верить, что «они» не делают различие между кавалерией и артиллерией и стараются добыть лошадей как можно лучше. Великий князь Сергей вел себя как мальчишка. Подталкивал знакомых полковников, шепча «Не верьте...», и все время ехидно смеялся. Дело в том, что первый опыт ремонта артиллерии через посредство кавалерийских комиссий не дал хорошего результата: приведенные лошади неважны и куда хуже, чем приводы, когда артиллерия ремонтировалась своим попечением. Это и высказал потом Сергей – громко – в разговоре со Струковым. По его словам, ремонт в полевой артиллерии еще хуже. Лошади – никуда не годные: просто «мужицкие».

Из манежа великий князь уехал, а прочие были приглашены нашим герцогом к завтраку в собрание. Стол был накрыт в зале, а закуска в гостиной. Экспромт создал большую неловкость. Это оказался сепаративный штаб-офицерский завтрак, в котором обер-офицеры не участвовали. Позвали музыку, загремело «ура» в ответ тостам, а рядом за закрытой дверью бродили обер-офицеры, а еще дальше – в карточной – на двух столах «шлепали» в тетку (!!!). Я не знаю, что подумали о нашей бригаде «гости».

Перед завтраком гости осматривали наш музей, а генерал-адъютанту Струкову предложено было расписаться в книге посетителей.

6 декабря – понедельник.

Праздник нестроевой команды. Наспех поп Солертинский отслужил нам молебен в 10¼ часов утра при 6-ти наших певчих. Подали стол с закуской и графином водки, и я выпил за здоровье «державного шефа бригады», «командира бригады» и «здоровье нижних чинов команды» (3 тоста). По-

сле того с моего разрешения старший нестроевой Александров выпил: «за нашего добрейшего (sic!!) и (кажется) почтеннейшего (!!) квартирмистра его высокоблагородия поручика Савонько». Затем поехал во дворец командира бригады, где по обычаю расписываются 6-го декабря все настоящие и бывшие офицеры 1-й его высочества батареи.

В 11½ часов молебен в канцелярии батареи великого князя Михаила Павловича (вместо обычного высочайшего парада в манеже, отмененного в сем году). На молебне отсутствовали командир бригады, бывший командир 1 дивизиона (полковник Похвиснев) и командир батареи (полковник Демидов), так как они были вызваны в Царское Село для поздравления государя. Не было и многих других. Вот фамилии посетивших молебен:

генерал-лейтенант Беляев	полковник Лехович	штабс-капитан фон Энден
генерал-майор Коленкин	кап. Пон[омаревский]-Свидерский 1	поручик Есимантовский
полковник Фуфаевский	капитан Кавтарадзе	подпоручик Курбатов
полковник Гартунг	штабс-капитан барон Арпсг[офен]	подпоручик Ушаков
ПРАПОРЩИКИ	Действительный статский советник Н. Шульман	подпоручик Наркович
ЗАПАСА		
Коленкин	камергер Семенов	я
Саблер	поручик Баранов (адъютант начальника артиллерии)	
Раевский	капитан Гродский	полковник Масалитинов (командир 1 дивизиона)

После молебна – чарка. Тосты были обычные. Но вот курьезы. Полковник Масалитинов (вообще не обладающий даром слова) поднял чарку за «бывших командиров батареи великого князя Михаила Павловича и в том числе за присутствующего здесь на празднике полковника Леховича». А между тем тут же рядом стоял генерал Коленкин – тоже бывший командир батареи. Вышло страшно неловко. Масалитинову заметили, и он вышел со вторичным тостом. Начальника артиллерии генерала Хитрово в ряде целого тоста за все начальство – совсем пропустили. Капитан Пономаревский-Свидерский 1 вздумал выпить за здоровье частей, празднующих сегодня свой праздник, и, что еще хуже, упомянул эти части, причем половину, конечно, пропустил (лейб-гвардии Стрелковый полк, 4 батарею гвардейской Конной [бригады], 2 батарею лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, дворцовых гренадер и проч.). Завтрак был накрыт в канцелярии (предложенный командиром батареи полковником Демидовым). Повторились почти те же тосты, что и за чаркой. Капитан Пономарев-

ский-Свидерский 1 прочел все телеграммы, которые батарея в этот день получила. (Их было много, в том числе от главнокомандующего великого князя Владимира и обоих герцогов.) В начале третьего разошлись. Я поехал с Курбатовым сделать визит командиру батарее полковнику Демидову и кстати заезжал поздравить Илькевича с производством в полковники. В бригадном доме я расписался у полковника Похвиснева, получившего сегодня Владимира на шею.

В 8 часов вечера 6 человек были в цирке (2 барьерных ложи). Полковники Масалитинов и Фуфаевский, Курбатов, Арпсгофен, я, Баранов. Задолго до конца нам пришлось уехать, чтобы успеть в 11 часов к «Донону», где по традиции был заказан ужин.

Собралось очень немного:

1) герцог Мекленбургский	10) штабс-капитан ф. Энден
2) полковник Фуфаевский	11) – барон Арпсгофен
3) действительный статский советник Шульман	12) поручик Баранов
4) полковник Масалитинов	13) – Савонько
5) – Лехович	14) подпоручик Ушаков
6) – Похвиснев	15) – Курбатов
7) капитан Гродский	16) – Наркович
8) – Пономар[евский]-Свидерский	17) полковник Демидов
9) – Кавтарадзе	

Начался ужин как будто скучно, но потом оживились. Герцог был в великолепном настроении духа... Официальные тосты были за «батарею великого князя Михаила Павловича», за «его высочество – старейшего офицера батареи», за «Похвиснева и Леховича и 15 и 22 артиллерийские бригады», за «получивших сегодня монаршую награду», за «полковника Масалитинова, впервые участвующего в нашем обществе, как вновь зачисленный в списки батареи», за «командира и гг. офицеров», за «прежде служивших в батарее». С переходом в соседнюю комнату за овальный стол – за кофе, ликеры и «шандон» – всякая натянутость исчезла. Пригласили тапера, который играл нам без умолку все известные нам мотивы (впрочем, до Шопена и Листа включительно) до 4-х часов ночи. В антрактах играл Курбатов и Наркович. Не обошлось дело и без танцев. Проканканировал Н. Шульман (Коко) и к общему восторгу полковник Похвиснев. Герцог понемногу хмелел, но до конца не терял своего веселого настроения. Конечно, были пропеты: 1) «Солдат, солдат... бомбардир», 2) «Без командира (полковников и т. д.) нам не пьется» и 3) «Можно ли нам с вами выпить». Одним словом – все то, что заставляет течь шампанское

рекой и приводит офицеров все в более и более веселое настроение. Тапера прозвали «Иван Ивановичем», и герцог стал с ним небрежно вульгарен. Говорил ему «ты», заказывал «мотивы» и подбадривал словами: «Ну, это ты врешь!!.. живей, живей, больше перцу!!.. главное, не смущайся», а затем кричал: «Ну, где твой бокал?! ...я пью твое здоровье», – и тапер, умиленный, чокался с «высочайшей» особой. Хамство в нас еще глубоко сидит, и свободная профессия не прибавляет уважения к самому себе. Тапер был очень доволен, даже польщен и очень благодарил Кавтарадзе (который ему заплатил 15 рублей) за внимание к нему... Стрелки часов бежали вперед, а герцог не чувствовал желания оканчивать «вечер». По одному стали уезжать (Коко, Гродский, Энден, позже Фуфаевский и Сви-дерский 1), но «ядро» оставалось до конца, т. е. почти до половины 6-го утра. Перед самым уходом вдруг полились анекдоты, и тут Демидов обнаружил неизвестный нам талант сносно рассказывать довольно интересные анекдоты.. Вот один из них:

Встречаются 2 еврея... Первый:

– Здравствуй, Янкель!

– Ну... я уже не Янкель, а Иван Михайлович..

– Ну и черезпочему ты теперь Иван Михайлович?

– Я завел себе банкиршково контору.

– Что же ты там делаешь?

– Ну я захожу туда утром, пишу дэбет и крэдит...

– А потом?

– Потом прихожу домой, кушаю фриштык, читаю газету...

– Потом?

– Опять иду в банкиршково кантору, пишу дэбет и крэдит...

– Дальше?

– Прихожу домой, обедаю.. После обеда ложусь на веранду...

– Ой!.. (Расходятся).

Первый встречает третьего еврея и говорит ему:

– Мовша, ты не знаешь... Янкель уже не Янкель, а Иван Михайлович!..

– Почему же он больше не Янкель?

– Пхэ! У него теперь есть банкиршково контора.

– Что же он там делает?

– Ох, много!! Он пишет дэбет и крэдит, затем фриштикает дóма, снова пишет в конторе дэбет и крэдит, затем очень хорошо обедает дома...

– Ну??.. А как поживает его Хайка?

– Хайка?!! У него нет больше Хайки!!.. У него Веранда!!!!

Другие анекдоты я запишу в другом месте.

9 декабря – четверг.

С 9½ часов утра участвовал в комиссии по осмотру ремонтных работ в казармах нашей бригады. Председатель комиссии полковник Сиверс (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). Члены: штабс-капитан Виноградский (гвардейской Конно-артиллерийской бригады), поручик Алдаданов (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и я. (Все три члена – квартирмейстры бригад.) Комиссия бегло осмотрела часть зданий, и к 10¾ часам мы вернулись в собрание, где я предложил комиссии завтрак а-ля-фуршет.

(Предписание начальника артиллерии Гвардейского корпуса.)

10 декабря – пятница.

С 1½ дня до 3½ часов дня участвовал в санитарной комиссии по осмотре помещений бригады. Председатель полковник Масалитинов (командир 1 дивизиона), члены: врачи бригады и я. Из врачей был старший врач д-р Протасов, прикомандированный д-р Захаров не был по болезни. Сегодня осмотрели все помещения старых казарм. Я – делопроизводитель комиссии.

11 декабря – суббота.

В 9½ часов утра я участвовал в комиссии по осмотре ремонтных работ в лейб-гвардии 2 артиллерийской бригаде. Председатель комиссии – полковник гвардейской Конно-артиллерийской бригады Гасприни. Члены – квартирмейстры бригад (см. 9 декабря).

В 6½ часов вечера у г-на и г-жи Фуфаевских (командира батареи 2-й) состоялся обед в честь генерала Мрозовского – командир 9 артиллерийской бригады генерал Мрозовский – участник Русско-японской войны, один из выдающихся артиллеристов, серьезно ранен в ногу шрапнельной пулей, эвакуирован в Россию, лечился в Крыму и в настоящее время вполне здоров и на днях снова едет в Маньчжурию. Были: его высочество герцог Мекленбургский, полковник Смысловский, Илькевич, Масалитинов, Гартунг, генерал Н. Забудский (профессор Михайловской артиллерийской академии), капитан Гродский, капитан Гирш и я.

13 декабря – понедельник.

От 9½ часов я участвовал в комиссии по осмотре ремонтных работ в гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Председатель комиссии полковник Наркович. Члены – квартирмейстры бригад (см. 9 декабря).

14 декабря – вторник.

Участвовал в ремонтной комиссии (см. 9 декабря). Председатель полковник Наркович, члены – квартирмейст[р]ы бригад. С 9-часовым утрен-

ним поездом поехали в Павловск. Впервые видел новый вокзал Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги⁵⁹, отделанный очень красиво в декадентском духе.

Смотрели 5 конную батарею и 6 Донскую его величества. Мороз градусов 15 с ветром... Холодно... Около 12-ти нас пригласили в маленькое собрание 5 батареи, где единственный офицер подпоручик Андерс (позже пришел еще подпоручик Лазарев) играл роль любезного хозяина, угостившего нас прекрасным завтраком, который утолил наш голод. С поездом в 1 час дня мы вернулись в СПб. Ремонтная комиссия – окончилась!

15 декабря – среда.

С 10 часов утра до 11¼ участвовал в санитарной комиссии (см. 10 декабря).

22 декабря – среда.

От 10 – 11 часов утра участвовал в комиссии при Штабе войск гвардии и Петербургского в[оенного] округа по вопросу о расширении приемных покоев частей. Председательствовал генерал; членами были врачи и заведывающие хозяйством в частях. От нашей бригады был назначен я и старший врач Протасов, но последний, конечно, опоздал и на заседание не попал (Протасов живет в Сестрорецке).

23 декабря – четверг.

На общем собрании гг. офицеров я выбран 20 голосами в делопроизводители комиссии по выработке правил вспомогательного капитала лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. На этом же собрании мы вторично выбирали заведывающего музеем, так как штабс-капитана Беляева (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона), которого мы выбрали на предыдущем собрании, герцог не утвердил. Почему он не утвердил – точно никто не знает. Можно предполагать, что потому, что Беляев Стрелкового дивизиона (хотя это глупо). Труднее предположить, что герцог недоволен тем, что мы не выбираем капитана Кавтарадзе. Но шансы Кавтарадзе на выбор очень малы. Заведуя музеем после Потоцкого, он в течение целого года не ударил пальцем о палец для заведывания музеем и даже позволил себе «выбросить» из музея на «чердак» группы французских территориальных войск в прекрасной раме со стеклом (подарок нашей бригаде с автографами офицеров) только потому, что герцог отзывался об этой группе в несочувственных словах. Такой возмутительный поступок, к сожалению, не всем известный и прошедший для Кавтарадзе «даром», – послужил, к счастью, твердым основанием

не выбирать его более в «заведывающего музеем». На прошлом собрании его записало только 7 человек, а на сегодняшнем он получил, кажется, не более трех голосов. Большинством голосов выбран штабс-капитан Крестьянов.

24 декабря³³ – пятница.

На своем дежурстве поручик Я. В. Рейнталь в собрании бригады устроил елку, небольшую елку, на которой вместо обычных пряников, картонажей или сластей висели 44 маленьких бутылочки с разнообразнейшими водками и ликерами. Рождество (хотя Рождество, конечно, совсем ни при чем) в собрании встретили: поручик Рейнталь (дежурный), полковник Гартунг, капитан Петрушевский, капитан Альтфатер, я, подпоручик Курбатов, подпоручик Снигиревский и Гуцинский.

29 декабря³⁴ – среда.

Командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский в своем дворце на Фонтанке чествовал завтраком ушедших из бригады полковника Похвиснева, полковника Леховича и полковника Дена. На завтрак были приглашены (кроме чествуемых) полковник Головачев, полковник Масалитинов, полковник Смысловский и капитан Пономаревский-Свидерский 1.

30 декабря – четверг.

Приказ по бригаде № 358, п. 6:

«...2. В комиссию для выработки правил о выдаче пособий из вспомогательного капитала председателем комиссии избран полковник Илькевич 38 голосами и членами штабс-капитан Явид 15 гол[о]сами и Матюшкин 17 голосами и делопроизводителем поручик САВОНЬКО 20 голосами...»

Заведывающим музеем – штабс-капитана Крестьянова командир бригады, так же как и Беляева, не утвердил. Новые, третьи по счету, выборы назначены на 3 января.

В 10 часов вечера на вокзале Николаевской железной дороги провожали полковника Леховича, уезжавшего к месту своего служения – в Новгород в 22 артиллерийскую бригаду. Лехович уезжал вместе с своей женой (Людмилой Борисовной) и дочерью (Ольгой Владимировной), и вот почему среди провожающих было много бригадных дам. Офицеры бригады и Стрелкового дивизиона были почти все налицо, и прово-

³³ В рукописи ошибочно записана дата: 24 сентября.

³⁴ В рукописи ошибочно записана дата: 29 сентября.

ХРОНИКА 1904 Г.

ды носили безусловно сердечный характер. Герцог опоздал, явившись только минут за 7 до отхода поезда, и благодаря этому не было подано шампанское, которое уже было заказано. В разговоре с полковником Похвисневым герцог выразил потом свое сожаление, что он невольно опоздал.

1904
386

31 декабря – пятница.

Новый год не встречал. Был дома.

1905

Из записной книжки 1905 г.

В. САВОНЬКО

1907 г.

ХРОНИКА 1905 г.

1 января – суббота.

Визитов решил не делать. Был только у г-жи Фриде (жены адъютанта, живущего со мной в одном коридоре бригадного дома) и расписался у полковника Похвиснева (бригадный дом) и у генерала Берникова, остановившегося в квартире полковника Смысловского (бригадный дом) и сделавшего третьего дня мне визит (генерал Берников командует 8 артиллерийской бригадой в Пултуске).

6 января – четверг.

Придя в собрание в 2 часа дня, я узнал от дежурного по бригаде офицера подпоручика Снигиревского, что заезжал начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово (с Крещенского парада) и велел, чтобы нижние чины 4 батареи не расходились (4 батарея нашей бригады, 4 лейб-гвардии 2-й и 1 его высочества Конной были сегодня на салютации). В чем дело? Пока только обрывки первых, весьма неприятных сведений. Во время церемонии «Иордани» в присутствии государя императора картечная (как говорил адъютант бригады поручик Фриде) пуля пробила 2 стекла окна Николаевского зала Зимнего дворца и упала в залу, где находились офицеры. Откуда она залетела? Были ли другие пули и точно ли это картечная? Все это пока не выясненные вопросы. Подозрение пало на батареи, стрелявшие у Биржи. Начальник артиллерии, генерал Ивашенцов (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), полковник князь Масальский (командующий гвардейской Конно-артиллерийской бригадой) и др. поехали осматривать боевые комплекты бригад – все ли там картечи на лицо. Больше пока ничего не знаю. Командир 4 батареи полковник Смысловский поехал, говорят, осматривать отверстия в стекле.

7 января – пятница.

Уже вчера вечером появилось в продаже правител[ь]ственное сообщение, удостоверяющее, что 6 января одним из орудий был (увы!) произведен настоящий картечный выстрел, который обсыпал Иордань и тяжело ранил одного городского. К счастью, еще вчера же почти наверное определили, что выстрел произвела не наша 4 батарея, а второе орудие 1-й его высочества батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады. (Командир – капитан Давыдов, взводный командир – штабс-капитан Карцов.)

Ответ на письмо Льва Федоровича Гартунга из Москвы на открытке с видом «Царь-пушки».

Спасибо за привет с картинкою «Царь-пушки»,
За память обо мне, не стоящем полушки,
За строчки милые товарища и друга,
Делившего со мной не раз часы досуга.

В ответ тебе я шлю благие пожеланья
С надеждою в душе: «До скорого свиданья
(Я это говорю от искреннего сердца)
В собрании родном, во “Флоте” и у Перца!!»

В. С.

8 января – суббота.

Около 11 часов утра к нам в бригаду на постой прибыл 2-й эскадрон лейб-гвардии Уланского ее величества полка из Петергофа. Прибытие его (вместе со всеми другими загородными частями, расположенными в Петергофе) находится в связи с грандиозной забастовкой рабочих в Петербурге. Сегодня, кроме одного листа «Правительственного вестника», не вышло ни одной газеты: типографии тоже забастовали. Патронный завод на Литейном проспекте против бригадного дома, где я живу, работающий по 20 часов в сутки во время настоящей войны и вырабатывающий около 1 миллиона ружейных патронов в день, – молчит... Командир прибывшего эскадрона ротмистр Споре и 2 младших офицера: поручики Самойлов и Осоргин – были приглашены в собрание, где в 1 час состоялся завтрак с шампанским (присутствовали случайно бывшие в собрании гг. офицеры бригады и вызванный по телефону командир бригады герцог Мекленбургский), а с 6 часов вечера состоялся обед в столовой (закусочный стол был накрыт в гостиной). Музыку герцог сперва разрешил, а потом запретил: ее не было. На обеде присутствовали человек 20–25 бригады – во главе с полковником Нарковичем (председатель распорядительного комитета) и Илькевичем. Когда разлили шампанское, полковник Наркович провозгласил тост за дорогих гостей и доблестный полк. Ротмистр Споре ответил тостом за гостеприимных хозяев. Между завтраком и обедом и после обеда уланы играли в карты. На круглых столиках были поданы кофе, ликеры и сигары.

Заведывающим музеем в конце концов утвердили выбранного на последнем общем собрании капитана Гирша. Надолго ли? Герцог не замедлил поймать Гирша в собрании и, проговорив: «А вот я вам хотел сказать», повел его в музей высказывать ему свои «заветные» мысли по упорядочению музея. Какой-то помпон или султан на манекене нужно переставить; в стой-

ку с шефскими значками «недурно бы прибавить банник», и наконец (и это самое главное!) – «следует завести наши седельные уборы».

Приказ по бригаде № 8, п. 4:

«Комиссии... в составе полковника Головачева, штабс-капитан[а] Матюшкина и поручика Рейнтала собраться 11 сего января в 10 часов утра в офицерском собрании бригады для составления ведомости распределения между батареями бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона имущества Управления бригады и нестроевой команды, состоящего в неприкосновенном запасе, цейхгаузах и амуничнике, требующего замены, и общей ведомости недостающего имущества. В комиссии сей присутствовать полковнику Илькевичу, штабс-капитану Огоновскому и поручику САВОНЬКО...»

Приказ по бригаде № 8, п. 27:

«Для окончательного устройства ветеринарно-фельдшерского неприкосновенного запаса управлений бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и батарей бригады и дивизиона мною назначается комиссия под председательством полковника Масалитинова и членов: полковников Фурмана и Фуфаевского, капитана Рерберга, поручика Савонько, подпоручика Шталь и ветеринарного врача коллежского ассесора Костина...»

9 января – воскресенье.

В 1 час дня я вместе с подпоручиком Ушаковым решили поехать в Эрмитаж для подробного осмотра Археологического отдела. Вид набережной и Миллионной улиц[ы] был необычный. Всюду виднелись разъезды кавалерии и пехотные патрули. Площади охранялись взводами и эскадронами. Эрмитаж оказался запертым (хотя и должен был быть открытым). На Дворцовой площади – настоящий походный бивак. Виднеются костры, у которых, приплясывая, греется пехота. Тут же кавалергарды. Дымятся походные кухни... Обоз подвозит дрова и проч. Развернувшаяся картина нас заинтересовала, и мы решили удовлетворить свое любопытство и, сколько можно, посмотреть на «беспорядки», как оказалось – беспримерные по своей грандиозности и количеству забастовавших заводов, фабрик и мастерских. Пройдя Дворцовую площадь, мы дошли до угла Невского и Адмиралтейства. Весь угол Александровского сада был занят толпой рабочих. Дальше панели, прилегающей к решетке, они не шли. Некоторые влезли на деревья (в том числе я заметил одного студента университета). Подростки и даже просто мальчишки, которых был солидный процент, повисли на самой решетке. Вся эта толпа по временам орала, свистела, шикала, выкрикивала отдельные слова, махала шапками, руками... Трудно было вначале понять –

в чем тут дело. Обстановка мало-по-малу выяснилась. Напротив угла Александровского сада, шагах в 20–30, стояла учебная команда лейб-гвардии Преображенского полка (офицеры: поручик Шульгин и Полонский). Кроме нее, на толпу находили взводы кавалергардов. И вот в момент прохода войск, или при угрожающих движениях оружием, толпа «облаивала» эти войска, обзывая их опричниками, убийцами, мерзавцами и проч. Пройдя шагов десять по Невскому, мы встретили взвод конно-гренадер, который шел во всю ширину улицы, сопровождаемый неумолкаемыми завываниями толпы, сыплющей отборные ругательства по адресу офицеров и солдат. И тут в толпе мне сразу бросились в глаза две фигуры – студент университета и гражданский инженер, приподнимавшиеся на цыпочках и с остервенением выкрикивающие ругательства. Толпа прибывала, конница их разгоняла, и нам пришлось, ради безопасности, вернуться на площадь, где мы и начали наблюдать все перипетии сдерживания толпы, занявшей угол Александровского сада против Невского проспекта. Всякий угрожающий жест роты преображенцев или кавалерийского разъезда удваивал крики. Когда кто-либо из толпы переходил границы в своих оскорблениях войск, его схватывали солдаты и уводили к дворцу. Я видел, как схватили одного рабочего, причем один солдат держал его крепко за волосы, а другой «костылял» ему в шею. Рабочий отчаянно вырывался, а толпа неистовствовала, останавливаемая штыками в своем поползновении броситься вперед. Мороз солидный. Ноги и руки основательно мерзли. Солдаты все время притоптывали на месте, стоящие в резерве – бегали взапуски и «козлили», как дети. Кавалерии хуже: она почти не сходит с коней. Офицеры и солдаты в наушниках и башлыках. Небольшие разъезды то и дело сновали взад и вперед по площади, заходя на самую панель, заставляя словом и массой лошади толпу (в этом месте почти исключительно любопытных, а не бунтующих) двигаться то вперед, то назад и не останавливаться и не стоять на месте. Когда толпа сильно напирала с Адмиралтейской улицы, эскадрон кавалерии несколько раз бросался в атаку с обнаженными палашами. Толпа, стоявшая у сада, горланила тогда до неистовства свои ругательства по адресу войск. Подобную же атаку я видел и на Певческом мосту. Вдруг усилившиеся крики заставили меня обратить все внимание на толпу, занимавшую самый угол Александровского сада (улица, идущая от Дворцового моста, и Адмиралтейская площадь). Очевидно толпа принимала все более угрожающий тон и вызывающее поведение. Усилившиеся крики, надо думать, были ответом на предупреждение о стрельбе (в этот день войска были исключительно с боевыми патронами), ибо после того сразу раздалась команды, по которым люди второй шеренги встали в интервалы первой. Все эти приготовления и в особенности вдруг раздавшийся сигнал пехотного рожка поразили ту небольшую толпу любопытных, которая стояла вокруг нас с Ушаковым.

Большинство, вероятно, были до последнего момента уверены, что будут стрелять холостыми, а о «настоящих» и не думали. Слышались возгласы: «Господи, да что же такое? Неужели в своих-то! в братьев!!» Мгновения летели... Нервные взоры толпы приковались к углу Александровского сада. Вот передние ряды бросились на колени и начали истово креститься. Крики не прекращались... Офицеры отошли за строй, быстро сняли фуражки и перекрестились. Шульгин поднял руку и опустил..

Залп, хороший выдержанный залп раздался в морозном воздухе... Почти весь первый ряд повалился... Раздался второй такой же залп.. Затем несколько одиночных выстрелов (пачками). Толпа бросилась бежать... Я не слышал более ни криков, ни стонов. Внимание мое почти сразу перенеслось на публику, окружавшую нас. В момент первого залпа крик ужаса вырвался у нее. Многие бросились бежать. Какой-то рабочий с испытанным лицом слезливо причитал:

– Помилуйте, ведь они же стояли смирно, ничего не делали...

<...>¹

Оставшиеся в живых рабочие сами подбирали мертвых и раненых, вваливая на извозчиков, которые провозили их мимо нас. Подъехали 2 лаваретные линейки и карета скорой помощи. Так как мы достаточно промерзли, то решили обогреться в швейцарской подъезда Главного штаба, куда с нами вошел примкнувший к нам отставной генерал Космаковский – знакомый Ушакова. Когда ноги наши приобрели должную теплоту, мы снова вернулись на площадь. Картина почти не изменилась, если не считать, что угол Александровского сада после кровавого урока уже не был занят толпой и преображенцы, совершив «человекоубийство», смеясь, прыгали на одной ноге и тузили друг друга, согреваясь этим домашним средством... Домой уходить не хотелось. Любопытство влекло дальше, и мы пошли под арку, на угол Невского и Морской. Это было настоящее восстание. Крики толпы не прекращались ни на одну минуту. Все сводилось к бессмысленной ругани по адресу войск и отдельных офицеров. Показаться в этот момент офицеру на Невском было немыслимо. Вон на той стороне идет драгунский офицер. Толпа преследует его свистками, ругательствами, угрозами. Сжатые кулаки подымаются вверх. Офицер, заложив руки в карманы, невозмутимо шествует вперед. Он свернул в Морскую. Вероятно, ему удалось уйти до разъездов. Но чем дальше подвигалось время, тем становилось хуже. Освистывания и угрозы начинают переходить в действие. Вот толпа гонится за юнкером-казаком, который бежит сломя голову, без шапки, с обнаженной шашкой. Студенты виднеются всюду. Они громче всех кричат, и, конечно, у них все сводится к безнаказанной ругани офицеров и солдат. Мы

¹ Часть текста заштрихована синим карандашом.

стояли у подъезда «Малоярославца». Дальше было двинуться невозможно.. Вдруг раздались 6 отчетливых залпов. Мы сделали предположение, что это на Исаакиевской площади, но, судя по извещению «Правительственного вестника», эти залпы должны были быть на Казанской площади. Вторично промерзнув, мы поднялись в ресторан «Малоярославца». Несколько штатских сообщили как новость, что сейчас на Невском в офицера выстрелил кто-то из толпы в упор из револьвера, после чего пехота дала 2 залпа у Полицейского моста² (залпы подтверждены «Правительственным вестником»). Спустившись снова вниз в швейцарскую, мы некоторое время не могли выйти на улицу. Толпа бушевала. Мимо нас бешено промчался извозчик с генералом, который судорожно за него держался. Оказывается, что в этого генерала, мирно ехавшего, запустили в голову бутылкой. Визг и крики удвоились: это конница погнала толпу, и в окне дверей швейцарской «Малоярославца»³ – со стороны улицы – показалась исступленная морда студента, кричавшего: «Отворите, отворите, спасите нас от офицеров» (?). И тут же благородно призывал толпу: «Бейте стекла!» Впрочем, многим, в том числе и мне, показалось, что студент требовал «выдачи им офицеров», т. е., вероятно, меня и Ушакова, стоявших в швейцарской, после чего швейцар ресторана уже окончательно никого не впускал в прихожую...

Отрывочные фразы, долетавшие до нас из толпы, непричастной к рабочим, делились на 2 различных категории. Кто возмущался действительными неистовствами толпы, а кто громко осуждал войска. Какая-то дама нервно говорила:

– Вы слышали, Гапона убили!.. Они стреляли в крестный ход. Рабочие сказали, что если Гапона убьют, они все до одного лягут!..

Какой-то молокосос-рабочий с налившимися кровью глазами, уже трижды замеченный мною в «тылу», все ругался:

– Еб их мать! Еб их мать!, – подразумевая под «их» – войска... А вот два мелких железнодорожных служащих искренно восклицали:

– Сволочи! Мешают честным людям работать!.. – и явно возмущались студентом, сидевшим на дереве Александровского сада и кричавшим оттуда ругательства и, конечно, первым удравшим при угрозе стрелять, оставив в первых рядах экзальтированных простаков-рабочих, думающих, что они идут за «правое» дело и не ведая, что за их спинами прикрываются «подонки» общества, для которых не существуют ни честь, ни правда, ни родина...

К 5 часам мы вернулись домой по набережной, на которой было совсем спокойно.

² Полицейский – другое название Зеленого моста, появившееся благодаря тому, что рядом с ним находилось управление городской полиции.

³ «Малоярославец» («Малый Ярославец») – ресторан, находился по адресу: Большая Морская ул., 8, работал с 1870-х гг. до 1917 г.

Вечером в 7 часов мы провожали на Варшавском вокзале командующего 15 артиллерийской бригадой полковника Похвиснева. Весь длинный путь до вокзала был совершенно спокоен. Изредка на тротуарах необычно стояли небольшие кучки разговаривающих. Только у задних ворот Обуховской больницы стояла небольшая толпа. Офицеров нашей бригады собралось порядочно. Был герцог и приехавший из Новгорода полковник Лехович. Полковник фон Шульман сообщил, что будто полковник Демидов был на Офицерской улице атакован толпой и принужден был скрыться в каком-то доме и что в него самого бросали сосульки и что-то кричали вслед... В зале 1 класса было подано шампанское, и мы чокались с m^{le} и m^{me} Похвисневыми.

Вот еще одна бытовая заметка сегодняшнего дня. Вечером я с Ушаковым ужинали в Собрании армии и флота (после генеральной репетиции любительского спектакля в пользу раненых, где участвует в опере «В грозу» наш офицер штабс-капитан Крестьянов), и нам не дали салфеток. Это фабрика, где стирается белье собрания, тоже забастовала.

10 января – понедельник.

Вчера вечером уланы ее величества (2-й эскадрон) возвратились к нам в бригаду на ночь (днем они уходили и стояли на Выборгской стороне у Клинического госпиталя). Ужинали (я не был). С утра началась лихорадочная деятельность. Писались приказы и приказания. Телефон звонил как бешеный. Одна из батарей ежедневно наряжается дежурной. Для охраны артиллерийских сараев и тревожного комплекта наряжаются дежурные взводы. Сейчас (2–3 часа дня) выходят новые распоряжения от начальника артиллерии и штабов. Нам поручается охрана ближайших районов. ...Сообщаю, что видел. В четвертом часу был на Невском; народу на панелях ходит много, но тихо. На пути от Адмиралтейства до Морской я не встретил ни одного офицера. На Дворцовой площади по-прежнему стоит конница и пехота биваком. У арки Главного штаба (на Морской) – рота преображенцев. Вечером в 6 часов я переезжал Невский, был на Казанской улице до угла Вознесенского. Электричество на последней улице не горело. В 8 часов вечера тут было темно, как у араба в душе. Газ горел. На Казанской улице заколачивали магазины, ибо рабочие и хулиганы грабят лавки. На обратном пути, переезжая Невский, видел, что начиная от Казанского собора и далее к Знаменской площади все было темно. Ни одного огонька. Все магазины закрыты из боязни разгрома. У Михайловского театра – темень. Фонари не горят... Разъезды попадают, но не часто.

11 января – вторник.

Наше собрание по вечерам имеет не совсем обычный вид. Ежедневно наряжается дежурная батарея, а потому командир и офицеры этой ба-

тарей в походной форме сидят в собрании. Кроме того, ежедневно от двух батарей назначаются дежурные пешие взводы – в прикрытие батарей. Их командиры (молодые офицеры) тоже сидят в собрании. Для охраны артиллерийских сараев также имеются дежурные взводы при офицере, которые сидят в большом манеже. На центральных улицах тихо. На Литейном проспекте некоторые магазины, впрочем весьма немногие, – заколачиваются (Черепенников, красильня Данцигер и др.). Часов в 5 вечера в собрании потухло электричество (общество Бельгийское, на Фонтанке). Потухло и у нас в бригадном доме, но ненадолго. В последнем через час, а в первом часа через 4 – 5 оно снова зажглось. Артельщик этого общества мне на другой день объяснил, что рабочие бросили было работать, но потом согласились на прибавку платы и продолжают работать. Станцию охраняет пехота. Керосин в лавочках не продают. Свечей мало.

13 января – четверг.

С утра часов до трех дня в бригаде стояли кавалергарды (полуэскадрон) при 3-х офицерах, которых я застал в собрании: двух в столовой среди массы бутылок (с ними сидел полковник Смысловский и капитан Крутиков) и одного играющего в «тетку» в карточной комнате. На улицах тихо... Небольшими кучками читают объявления министра финансов статс-секретаря Коковцева и генерала Трепова (генерал-губернатора). Слухов и толков о текущих событиях – миллион. Извозчик мне рассказывал, что за вчерашний день он выручил за день 60 копеек (обыкновенно выручается рубля 3 – 4). Самые мелкие мастерские прекратили работу – под давлением и угрозами агитирующих.

16 января – воскресенье.

Новая острота:

«Армия воюет с японцами, а гвардия с гапонцами» (Гапон – священник, вставший во главе рабочих).

18 января – вторник.

В сегодняшнем «[Русском] инвалиде» ВЫСОЧАЙШИМ приказом от 16 января 1905 года мне пожалован:

Орден Св. Станислава 3 степени (дополнительная награда по случаю рождения наследника цесаревича).

24 января – понедельник.

От 3 – 5 часов дня участвовал в комиссии по выработке положения о вспомогательном капитале (выборная комиссия – в которой я избран делопроизводителем).

25 января – вторник.

От 3 – 5 часов дня участвовал в комиссии по выработке положения о вспомогательном капитале. (См. 24 января).

В 7 часов вечера в кабинете ресторана «Контана» состоялись проводы подпоручика Гуцинского, уезжающего на Дальний Восток. На этот раз собралось очень немного. (Отчасти играет роль молодость самого Гуцинского, т. е. его лишь годичное пребывание в бригаде.) Было человек 25. Из полковников были: Головачев, Наркович, Фуфаевский (его командир батареи) и Илькевич. «Юбиляру» удалось выпить довольно основательно.

26 января – среда.

В 10¼ часов утра расписался на казенной квартире (канцелярии) его высочества командира бригады по случаю получения мной ордена Св. Станислава 3 степени. (Вчера об этом было отдано в приказе по бригаде.)

От 10½ часов утра до 12½ часов дня участвовал в комиссии по приведению в порядок ветеринарного неприкосновенного запаса. (См. 8 января.)

От 12½ часов в собрании состоялся молебен и поднесение образа подпоручику Гуцинскому. Все пр[о]изошло стереотипно, согласно заведенной герцогом машинке.

От 3 – 5 часов дня участвовал в комиссии по выработке положений о вспомогательном капитале (См. 25 января).

27 января – четверг.

От 3 – 4 часов дня участвовал в комиссии по выработке положения о вспомогательном капитале (см. 26 января).

28 января – пятница.

Участвовал в комиссии по устройству ветеринарного лазарета бригады. (см. 26 января).

29 января – суббота.

От 10 – 11½ часов утра участвовал в комиссии по передаче 5 батарец цейхгаузов и амуниционных Управления бригады. (См. 8 января).

К нам в бригаду прибыл 5-й эскадрон лейб-гвардии Драгунского п[олка]. Зловещее предзнаменование новых беспорядков! Командир эскадрона – ротмистр Мациевский; затем офицеры: Римский-Корсаков и другие... Ночевали, а наутро, оставив свои вещи, уехали...

30 января – воскресенье.

Умер наш бывший командир бригады генерал от артиллерии Скворцов, живший отставным здесь в Петербурге на Литейном пр., д. 33. Сегодня

в 1 час дня после панихиды командир бригады герцог Мекленбургский возложил на его гроб венок от бригады (венки металлический от Вержбицкого). Я и другие два чина Управления бригады – Матюшкин и Фриде – присутствовали при этом. Ежедневно наряжаются депутаты от бригады. Завтра вынос и похороны, на которых я тоже должен быть. Сегодня же в 1 час дня возложила на гроб Скворцова венок и лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада, где он командовал 6-й батареей.

31 января – понедельник.

В 9½ часов утра состоялся вынос тела генерала Скворцова из его квартиры. Обыкновенная колесница похоронного бюро стояла у подъезда. Ни лафета, ни войск. Оказывается – штаб округа отказал в наряде войск, вероятно, ссылаясь на то, что войска заняты караулами в помощь полиции. Но артиллерия свободна, и всегда можно было нарядить 6 орудий и пешие взводы. А тут штаб самовольно лишил отставного генерала от артиллерии воинских почестей!.. От нашей бригады на выносе были: его высочество герцог Мекленбургский, полковник Масалитинов, полковник Зедегольм, полковник Гартунг, штабс-капитан Явид, Огоновский, Крестьянов, я, Матюшкин и Фриде. До Невского все провожали пешком. Затем наша бригада (за исключением полковника Гартунга) вернулась обратно и к 12 часам приехала прямо в Новодевичий монастырь – почти к концу заупокойной обедни. Герцог был.

В 7 часов вечера уехал подпоручик Гуцинский с Варшавского вокзала в Саратов (пункт формирования 13 Восточно-Сибирской горной батареи). Я, к сожалению, на вокзале не был и его не провожал.

Вчера лейб-драгуны приехали ночевать, а сегодня они целый день проводят в собрании, никуда не уезжая.

4 февраля – пятница.

От 2 – 4 часов дня участвовал в мобилизационной комиссии (председатель полковник Головачев, члены: чины управления бригады).

5-й эскадрон лейб-драгун продолжает стоять у нас, занимая людьми гимнастический зал, а лошадьми малый манеж. Говорят, что они пробудут до марта!! Хороши будут наши строевые занятия!!!

Появились первые признаки, что наши подарки на Востоке получены (комиссия: Илькевич, Вешняков и я). Прислали благодарственные телеграммы подполковник Базаров и доктор Сабуров. Ждем других телеграмм...

Вечером на улицах раскупались короткие телеграммы агентства об убийстве великого князя Сергея Александровича.

5 февраля – суббота.

День панихид.

В 12¼ часов в Сергиевском всей артиллерии соборе наша бригада служила панихиду (9-й день) по бывшем командире бригады отст[авном] генерале от артиллерии Скворцове. Присутствовали все офицеры бригады и дивизиона, его высочество герцог Мекленбургский, генерал-лейтенант Хитрово, генерал-майор Ивашинцов (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), генерал-лейтенант Арсеньев, генерал-майор Евреинов и несколько офицеров лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады (?).

В 2 часа дня назначена панихида в Исаакиевском соборе по убитом великом князе Сергее Александровиче. Назначен 1-й дивизион, а потому я туда не еду, тем более что мне нужно на панихиду по графе Рошефоре – отце моего товарища и которого я только в этот четверг видел веселым и здоровым на вечере генерала фон Мунте – фон Моргенштерне.

Обычному благотворительному вечеру в пользу Михайловского учебно-воспитательного заведения в этом году не везет. Спокон века устраивался 3 января т. н. бал гвардейской артиллерии. Пришлось по случаю войны заменить его концертом, и назначили его на 22 января. Но аноним прислал начальнику артиллерии Гвардейского корпуса уведомление от имени «доброжелателя», что зал 22-го взорвут, и это заставило перенести концерт на сегодня, и вот сегодня его отменяют по случаю смерти великого князя. Вместо доходов – затраты!..

В 4 часа дня экстренно назначили панихиду в большом бригадном манеже. По телефону объявили странную форму: обыкновенную, но с шарфом. Всего на панихиду явилось 7 человек, не считая герцога и дежурного офицера. Герцог был зол как пес, негодуя про себя на то, что так мало собралось офицеров (но ведь не обязаны же все сидеть дома и ждать приказаний!..). Негодование его прежде всего вылилось на ни в чем не повинного сторожа моей нестроевой команды, которого он велел посадить на 2-е суток под арест. Потом вдруг, после панихиды, раскричался на всю бригаду – зачем кашляют.

– Не смей кашлять! Я вас всех под арест посажу! – но кашель совсем прекратиться, конечно, не мог. Тогда он еще раз грозно крикнул:

– Ну, не маши там руками!

Мое заступничество за сторожа кончилось тем, что он второго сторожа изругал и посадил на 4 суток...

В 6½ часов вечера, придя на лекции в Археологический институт, попал на четвертую панихиду по великом князе Сергее Александровиче.

Лейб-драгуны ушли из бригады (5-й эскадрон).

7 февраля – понедельник.

От 1 – 1½ я был в комиссии по устройству неприкосновенного запаса ветеринарного лазарета (см. 28 января).

Вечером выехала от нас в Москву депутация в составе полковника Демидова, подпоручика Курбатова и фельдфебеля Бекадорова. Они взяли с собой венок – серебряный, ценою в 200 рублей. Завтра выезжает герцог и адъютант поручик Фриде.

8 февраля – вторник.

От 1 – 1½ я был в комиссии по устройству неприкосновенного запаса ветеринарного лазарета (см. 7 февраля).

В сегодняшнем «[Русском] инвалиде» в официальном некрологе великого князя Сергея Александровича в числе войск, где покойный великий князь числился, КОНЕЧНО, была пропущена наша бригада, хотя в 1 его высочества батарея нашей бригады он числился с рождения, т. е. с 29 апреля 1857 года. По моей инициативе редактору газеты «Русский инвалид» послана бумага с уведомлением об этой оплошности редакции.

От 3 – 4½ участвовал в комиссии по выработке положения о вспомогательном капитале лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. (См. 27 января.)

10 февраля – четверг.

От 10 часов утра в большом манеже панихида по великому князе Сергее Александровиче. Присутствовали все нижние чины и гг. офицеры 1 дивизиона за исключением 1 батареи, гг. офицеры которой – часть в Москве, а другая часть на панихиде в Царском Селе. 2-й дивизион в Исаакиевском соборе.

12 февраля – суббота.

От 10½ часов по заказу лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады с объявлением о том в газетах в Сергиевском всей артиллерии соборе отслужена заупокойная обедня и панихида по великому князе Сергее Александровиче, который числился в списках нашей бригады. Присутствовали все гг. офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с его высочеством командиром бригады. Был также и приехавший в отпуск бывший наш офицер – командир 8 артиллерийской бригады генерал-майор Н. В. Берников.

В 2½ часа дня я был на панихиде в большом бригадном манеже (9-й день смерти великого князя). Другая половина бригады была в Исаакиевском соборе.

25 февраля – пятница.

Приказ по бригаде № 56, п. 15:

«Вследствие предписания начальника артиллерии Гвардейского корпуса от 21 сего февраля за № 593 предписываю бригадному казначею выдать

поручику Савонько 300 рублей из остатка суммы на ремонт зданий в 1904 году в награду за хорошее выполнение работ по ремонту и постепенному возобновлению казарм и за успешное ведение делопроизводства по квартирной части. Означенную сумму выписать в расход по кладовой записке и денежному журналу из суммы на ремонт казарм».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

4 марта – пятница.

Получил сегодня прокламацию под названием: «Женщины к русским офицерам» и начинающуюся так: «Господа офицеры! Нам известно, что многие из вас хвастаются своими подвигами 9, 10 и 11 января. Известны случаи, когда офицеры приказывали стрелять в детей, поднимать на штыки студентов и гордились количеством убитых...» и т. д. Прокламация литографированная на полном листе (4 страницы). Все эти дни, начиная с 9 января, Петербург буквально засыпан самыми разнообразными прокламациями. Наши командиры и офицеры получали их по несколько. Есть прокламации от «Социал-демократической партии», которая заканчивается фразами:

«Долой самодержавие»

«Долой царя-убийцу»

«Да здравствует революция»

и уверяет, что пролетариат (sic!) всех городов уже идет во главе культурного (!!?) движения в России. Есть прокламация от «Союза мыслящих офицеров», написанная так неграмотно, что позволяет сомневаться в ее достоверности. Правильную оценку большинству прокламаций дал однажды А. Суворин в своем «маленьком письме»⁴. Наша бригада, получая такие прокламации, немедленно представляет их по начальству.

6 марта – воскресенье.

Анекдот из разряда «пасквильных», но остроумный.

Николай II и Микадо. Микадо – маленький, стоит перед царем в позе провинившегося школьника. Николай кричит на него, топая ногами:

– Да как же ты смел!? Флот мой потопил, Ляоян взял, Мукден взял. Да знаешь ли, что тебе за это будет?!!

– (Виновато) Знаю... Сибирь будет. В крайнем случае Сахалин.

Только сегодня, т. е. спустя 48 дней после высочайшего приказа, я получил из Капитулы пожалованный мне орден Св. Станислава 3 степени.

Наша бригада снова посылает подарки своим товарищам на войну. Теперь прибавилось еще 2 лица: Шанявский и Рооп. Распорядителями выбра-

⁴ Имеется в виду одна из статей из цикла А. С. Суворина «Маленькие письма», публиковавшихся в газете «Новое время» с 1889 по 1908 г.

ны полковник Илькевич, капитан Вешняков и капитан Альтфатер. Подарков куплено приблизительно на 200 рублей, и отсылаются они через Мраморный дворец (великого князя Константина Константиновича).

10 марта – четверг.

Был на выставке портретов в Таврическом дворце.

12 марта – суббота.

Сегодня закончились лекции в СПб. Археологическом институте. Для меня закончился 1-й курс, 1-й год моего пребывания в этом высшем учебном заведении. Пора, следовательно, систематизировать все мои впечатления и занести их на страницы дневника. Лекции в этом академическом году начались, как я уже упоминал в своем месте, 7 октября 1904 года. Этот начальный срок занятий – совершенно случайный. Единственный представитель института, от которого большей частью черпаешь свои сведения о всех намерениях директора, – сторож Сергей Богданов – в один приятный день, когда вы в десятый раз н[а]ведываетесь в институт о дне начала занятий, наконец вам скажет:

– Завтра комитет будет. Решат, кто принят. А 1-го (октября) пожалуйста, начнутся лекции.

После такого заявления вы, конечно, с нетерпением ждете желанное 1-е, приходите на лекцию, но уже на лестнице, подымаясь во 2-й этаж, смущены унылым видом спускающихся слушателей. Комитет почему-либо не состоялся, и лекции начнутся 7-го.

– Седьмого пожалуйста, беспрерывно будут.

Сторож Богданов, получивший на чай, простирает свою любезность настолько, что вручает вам литографированное расписание лекций на 1-е полугодие. Расписание меня вполне удовлетворило. Познакомиться с недостатками выработанной институтом программы я мог только впоследствии, а пока и эти предметы, как новые и весьма интересные, возбуждали любопытство и научный интерес. Для 1-го курса лекций полагается 9 часов в неделю. По понедельникам, четвергам и субботам по 3 часа в вечер.

Но вот, наконец, и 7 октября. Я и мой товарищ по бригаде (и коллега по институту) Н. Н. Ушаков не замедлили вовремя явиться к началу лекций к 7 часам вечера. Вы думаете, что я сейчас и приступлю к описанию моего впечатления от лектора и аудитории и «гражданского» учебного заведения, в которое я впервые попал. Ведь из моего рассказа ясно, что 7 октября лекции начались, ибо в противном случае я бы прямо перешел к какому-нибудь 10, 15 и 20 октября, назвав эти числа началом занятий. Но, милостивые государи, вы забыли, что лекций ТРИ, три профессора, из которых один может явиться, а два могут не явиться (без объяснений причин). В самом деле –

чего же проще? Официально, для публики, для отчетов нашего милого народного просвещения и для славы г-на директора занятия – «правильные», «систематические» занятия – начались 7-го. Черт ли там разберет – были ли все лекции в этот день или только одна!.. Итак, 7-го сторож Сергей заявил, что г-н Покровский (директор и профессор по кафедре христианской археологии) не будут, и г-н Веселовский (древности Южной России) тоже «не будут». А «будут» г. Воронов (архивоведение). Два часа оставалось в нашем распоряжении... Воспользуюсь этим промежутком и познакомлю вас с помещением института и тем впечатлением, какое он производит на вступающего в его стены вольнослушателя.

Институт в настоящее время нанимает частное помещение в доме № 14 по Екатерининскому каналу почти у самого Казанского моста. Я не хочу критиковать величину и отделку аудитории, коридоров и канцелярий. Раз нет больших средств и институт живет буквально на гроши, нельзя требовать многого. Но есть кое-что, что подлежит критике, и притом суровой и беспощадной. Это, во-1), археологические коллекции института (музей института) и во-2), библиотека. Более жалкого зрелища, чем эти заброшенные в пыли и беспорядке черепки, сосуды, образки, монеты, книги и проч., трудно себе представить. Видно, что кто-то, когда-то этот музей создал, может быть с любовью, может быть без любви и даже, может быть, без знания дела, но от прежнего создания остались хорошие витрины, некоторые надписи, некоторый порядок... Затем все стало понемногу «разваливаться». Уже много лет никто (я это утверждаю) коллекцией этой не занимается. Если кто-нибудь унесет (утащит) с окна древнюю амфору или обломок мраморной таблицы – никто этого не заметит... Никакого научного значения в таком виде и при таком отношении к ней эта коллекция не имеет и не может иметь. Ни один профессор никогда ею в аудитории не пользуется. Самостоятельно пользоваться ею невозможно, ибо нет ни надписей, ни описей ее. Очевидно, коллекция создана «напоказ». Вот, мол, как здорово: «у института имеется собственный богатый музей древностей». Это ценное сведение и помещено в проспекте о СПб. Археологическом институте, и со стороны всем будет и должно казаться, что институт не только хорошо, но богато и научно обставлен, т. е. все эти бесполезные, пыльные витрины должны служить главной целью: доказать, что институт если не все, то почти все имеет и дает для строго научного образования своих слушателей. В конце моего очерка вы увидите, что он буквально ничего не дает для слушателей. Вот еще одно соображение относительно упомянутой коллекции. Она может иметь значение как исторический музей тех раскопок, которые производили слушатели института (совместно или самостоятельно) и принесли в дар родному институту, или вообще как собрание всевозможных предметов, непременно, впрочем, относящихся к археологии, принесенных в дар ин-

ституту. Но тогда-то и должны быть наипаче все такие предметы хранимы наиболее тщательно, помеченные – когда, кем и где эти предметы найдены и когда они принесены в дар и т. д. Но вот этого именно я и не вижу в музее института. Есть несколько грамот, рукописей и проч., принесенных в дар. На них и подписи есть. Но, вероятно, эти рукописи относятся именно к тому времени, когда музеем еще кто-то занимался, а я констатирую факт, что ТЕПЕРЬ никто более музеем не занимается, а если кто-нибудь заведует им, то заведует «по-чиновничьи», т. е. номинально, без любви к делу. Только этим и можно объяснить тот невообразимый беспорядок, какой царит в этом т. н. музее. В витрине с монетами уложено множество коробочек с монетами. Но, конечно, вы сейчас же увидите, что добрый десяток коробочек пуст. Ведь были же в них когда-нибудь монеты? Где они? Где опись всем этим вещам? На меня такой беспорядок всегда производит отчаянное впечатление. Картины висят косо, криво, рамки облупились, стекла треснуты, системы никакой: рядом с почерневшим старинным образом, писанным на скоробившейся и треснувшей доске, висит портрет академика Солнцева; на грязных обоях припилены всевозможные объявления о продающихся книгах. На шкафах среди кучи древних сосудов какие-то лампы и – все под слоем пыли! Между объявлениями о книгах, расписаниями и проч. припиливаются и всевозможные «avis⁵», касающиеся жизни института. Большей частью это объявления, что лекция такая-то не будет, хотя еще чаще профессора просто не приходят, не давая никому знать, но об этом после. Мне остается сказать два слова о библиотеке института. Она может служить наглядным доказательством, как не следует хранить книги. Стыдно сказать, что в учебном заведении, притом высшем, где читается курс архивоведения (а курс библиотековедения – ему родственный), может существовать такая библиотека. Ей заведует г-н Гусев. Когда вы в нее войдете, то первое время она покажется просто лавкой провинциального букиниста, покупающего книги на вес и продающего их за гроши, ибо все это «кровавые» романы и «переводная белиберда», не стоящая более 10 копеек за том. Вероятно, мне на будущий год придется еще вернуться к описанию института, а потому я позволю себе пока быть довольно кратким, обещая впоследствии пополнить свои заметки новыми данными и наблюдениями. Возвращаясь к самим лекциям, я повторяю, что 7-го вместо трех лекций состоялась только одна – профессора Воронова. В субботу НИКТО из профессоров не был. 9-го октября были две лекции. 14-го – 2 лекции. 18-го – 2 лекции, 23-го – одна лекция и т. д., причем во вторую субботу опять не было ни одной лекции, и наконец нам заявили (т. е. заявил сторож Сергей), что вообще до 1905 года лекций по субботам не будет, и даже вышло новое

⁵ Уведомления (фр.).

расписание, где на 1-й курс уделяли лишь понедельник и четверг. Значит, из 9 часов в неделю мы получили только 6, и то на бумаге, ибо фактически, как вы сами видели, первое время НИ РАЗУ, а впоследствии очень часто не все профессора являлись. После Нового года – лекции по субботам начались (4 часа), но аккуратность занятий, конечно, не стала лучшей. То, что позволяют себе делать профессора (или дирекция), не поддается никакому описанию. Это какая-то стихийная наглость, издевательство над интересами нашими и государства, основанное на полной безнаказанности, которая, в свою очередь, базируется на отсутствии какого-либо контроля. Институт пользуется всяким удобным случаем, чтобы придрататься и не читать лекции. Никакого расписания праздников нет... Все праздники – церковные и гражданские (например, 19 февраля) – празднуются институтом. Рождественские каникулы растягиваются до безобразия. В 1904 году последняя лекция была 13 декабря, а в 1905 году лекции возобновились 22 января!!!! Год кончился 12 марта!! 2 или 3 раза, когда я пришел на лекцию, я заставлял панихиду или молебен, которые обязательно назначаются в часы лекций. Однажды (в марте или феврале этого года) в одну из суббот после первой лекции вдруг объявили, что их больше не будет (оставалось еще три). Должен был чита[т]ь, между прочим, профессор Марков (нумизмат), которого я только что видел в зале.

– Да ведь профессор здесь! – говорю я сторожу.

Оказывается, что директор Покровский собрал какой-то совет и, конечно, с невозмутимым нахальством назначил его в часы лекций. Так, конечно, удобнее и ему и профессорам, которые и время лишнего не потеряют, и денежки казенные загребут...

Из всего сказанного ясно вытекает вопрос: да когда же вы успеете курс-то пройти? Весь курс ведь не шуточный! Живое слово специалиста-профессора важнее, чем сухая книга. На это я вам отвечу: да мы и не прошли курса. По некоторым предметам мы прослушали смешные обрывки (славянская палеография, нумизматика, дипломатика и пр.). Судите сами на основании цифр, которые я вам преподнесу. Я посещал лекции, вероятно, аккуратнее, чем любой из слушателей института. Были, конечно, и у меня пропущенные дни, но они НЕИЗБЕЖНЫ для людей служащих, каковыми являются почти все слушатели института. С этим нужно считаться. Поэтому я смело утверждаю, что прослушал максимум, что дал за год институт.

Всех лекций я прослушал 64. Из них:

Профессор	Воронов	прочитал	5 лекций
–	Веселовский	–	14 –
–	Середонин	–	8 –
–	Покровский	–	8 –
–	Платонов	–	12 –

–	Майков	–	8	–
–	Марков	–	2	–
–	Лихачев	–	3	–
–	Коринский	–	4	–

1905
406

Но и эти «несчастливые» 64 часа нельзя оставить без «но», без оговорок. Разве каждый профессор вовремя является и вовремя уходит? О! Далеко нет! Опаздывание от 5 до 10 минут – дело обычное. Некоторые зачастую уходят ранее звонка (Воронов), а сам г-н директор НИ РАЗУ за весь год не вошел на кафедру, не опоздав по крайней мере на полчаса. И ведь эти полчаса он мирно сидит в канцелярии, разговаривая со служащими, а слушатели (не мальчишки 1 класса, а люди зрелые, занимающие зачастую крупное общественное положение) уныло бродят по зале, тщетно ожидая начало лекции. Но вот по приказанию директора сторож звонит, и слушатели спешат занять места в аудитории. Все уселись, разговоры замолкли, и водворилась благоговейная тишина храма науки. Наглость Покровского позволяла ему выдерживать нас в таком положении еще минут 5–10. И это, повторяю, не случайно, а КАЖДЫЙ РАЗ, каждый раз без исключений, что могут подтвердить все слушатели 1904–1905 годов.

Набросав общий обзор, я перехожу теперь к характеристике всех профессоров, которые читали нам лекции, и именно поскольку я их узнал в то время, пока я их слушал, причем мне нет никакого дела, чем он замечателен «на стороне», а судить я его буду как лектора СПбургского Археологического института.

Профессор Воронов, как я уже упоминал, мой старый знакомый. Он преподавал и, кажется, преподает во многих кадетских корпусах – в том числе и в 1 кадетском корпусе, где я учился, – историю и словесность. В то время он выделялся среди наших учителей своим неумением «читать», неумением заинтересовать слушателей школьного возраста и возбуждал смех и насмешки над неуверенными, растерянными приемами преподавания, и притом обладая некрасивой и даже, на взгляд школьников, «идиотской» наружностью. Когда он приступил к чтению сатиры Кантемира «К уму своему», восторженно заявив перед тем, что это «величайшая в мире сатира», и начал с ужимками, щуря глаза, поистине с безобразной ноющей интонацией читать ее, в классе поднялся настоящий рев молодых повес, сознающих, что учитель читает несравненно хуже, чем любой из них... В Археологическом институте я встретил Воронова спустя верных 10 лет разлуки. Он возмужал и превратился из студента в профессора. Уверенность в своих силах и знаниях, по-видимому, возросла, но старая привычка щурить глаза, предвзвительно широко их раскрыв, и ноющая, вялая интонация голоса – остались те же. Я не сомневаюсь теперь, как, впрочем, не сомневался и ранее, что Воронов – один из весьма добросовестных и трудолюбивых лекторов.

У него проскальзывает даже желание, чтобы слушатели непременно усвоили то, что он им читает; он готов пойти навстречу каждому желанию слушателя, но у него не было умения завладеть вниманием аудитории, и этого умения он не приобрел и поныне, оставшись при своих знаниях страшно застенчивым, деликатным профессором. Он как бы всей своей наружностью, едва взойдя на кафедру, уже извиняется: «Извините, господа, что позволю себе вам читать, простите великодушно». А здесь в институте он еще прибавляет (и притом вслух): «Мой предмет, я знаю, неинтересный, скучный». Все эти качества (неуверенность, застенчивость) никогда не позволят Воронову сделаться хорошим профессором. Он не умеет «импонировать» на слушателей. Так и кажется, что то, что он «читает», – пустяк, который и я тоже знаю «не хуже его», а пожалуй, и лучше. Мальчишке-кадету казалось, что Воронов «глупее» его, а уж читает он безусловно хуже его. Слушателю института кажется, что архивоведение – глупый предмет, что Воронов его не знает, ибо «мямлит» свою лекцию, и что сообщаемые ему с кафедры сведения – ему (слушателю) известны давным-давно не хуже самого профессора. Отсюда происходит следующее. В корпусе кадеты устраивают Воронову «бенефисы», осмеивая «глупого» учителя, а в высших учебных заведениях – слушатели... не ходят на его лекции. Справедливость требует сказать, что Воронов, вероятно, предмет свой (архивоведение) изучил основательно, посетил множество знаменитых архивов, работал в них и знает русскую и иностранную литературу об этом предмете. Самый предмет «Архивоведение», по-моему, не только очень важный, но даже интересный. Лично я с удовольствием прочитал небольшой курс архивоведения, написанный самим профессором, но еще ранее, до поступления в институт, с большим интересом прочитал родственный архивоведению курс – библиотечное (устройство библиотек, соч. Хавкиной) – науку, почти совершенно неизвестную в России. Повторяю, что предмет «Архивоведение» лично для меня чрезвычайно симпатичен. Я признаю его колоссальное значение для образованного государства и глубоко проникнут той идеей, что архивисты (или архивариусы) больших архивов должны быть люди с самым широким и солидным образованием, люди громадной энергии и ума, а не «старые архивные крысы», которых назначили на этот пост только потому, что они выжили из ума и им нужно было дать спокойное «хлебное место»... И несмотря на то, что я в первый, во второй, в третий и т. д. раз шел на лекцию Воронова именно с этими мыслями, я уходил, по окончании лекций, не более проникнутый уважением к чистой науке, а скорее с боязнью, что лекции Воронова заставят меня немного умерить мое высокое мнение об архивоведении. Боже! Как умеет Воронов наводить скуку! Он повторяет свой печатный «конспект», растягивая несколько страниц на час времени. Он пережевывает одну главу, какую-нибудь пустяшную главу о «хранении

дел», по несколько раз, уныло и безнадежно медленно описывая полки для дел в Архиве Министерства иностранных дел, описывая полчаса то, что но самому прочесть в 5 минут, сидя в удобном кресле, а не в аудитории...

Чего же вам нужно, спросите вы меня? Невольно, защищая архивоведение, и порицая профессора, вы все же пришли к выводу, что предмет не из веселых: хранение дел и системы полок в архивах – как об этом ни читай – не способны наэлектризовать и воодушевить аудиторию. Вся вина Воронова в том, что у него голос и наружность не так внушительны, как бы вам этого хотелось. Нет, господа, дело совсем не в этом. И в чем тут дело, я даже вам и не скажу. Не скажу потому, что и так мои беглые заметки достигли несвойственных им размеров, а мне остается сказать еще по несколько слов о всех прочих профессорах нашего института. Вопрос же о том, каким должен быть профессор, или, точнее, какими свойствами должен он обладать, чтобы «владеть» аудиторией, – это вопрос настолько сложный, что о нем я бы мог написать целую книгу... Скажу в двух словах. Первое и неперемное условие – чтобы профессор на лекции сообщал бы то (или с теми пояснениями, опытами, объяснениями и проч.), что я не могу прочитать по книге (ибо в противном случае лучше прочесть по книге, чем сидеть на лекции, в особенности если лектор не имеет голоса)⁶. Он должен быть живым посредником между слушателями и наукой, непременно следя за последней с постоянной и неутомимой энергией. Во-вторых, помимо знаний, он должен непременно иметь хоть чуточку, хоть самую маленькую крупицу таланта, иметь, что называется, «искру Божию», без которой нельзя быть «настоящим» ученым и профессором. Вы видите, что на поставленных мною «во-1)» и «во-2)» нельзя остановиться. Нужно положения эти еще развить и дополнить, но я повторяю, что, к сожалению, я должен немедленно и безжалостно бросить перо, так как затронутый мной вопрос столь обширен, что не укладывается в рамки моего дневника, и я досажую на себя, что характеристика профессора Воронова как профессора невольно выдвинула этот вопрос на очередь – без надежды обсудить его до «конца».

ПРОФЕССОР ВЕСЕЛОВСКИЙ, число лекций которого было прослушано в максимальном количестве, а именно 14, читает уже бесспорно интересный предмет. В программе он назывался «Первобытная археология» – точнее же он называется «Древности Южной России». В институте имеется печатный конспект его лекций, изданный полковником Гертик. Веселовский мало отстает при чтении от этого конспекта и лишь изредка,

⁶ Некоторые профессора поэтому запрещают издавать и стенографировать свои лекции, чтобы студенты (юнkers в училищах) записывали за ними. Профессор математики и доктор механики Будаев одно время запрещал издавать, да и сам не издавал своих лекций (в Михайловском артиллерийском училище). Но это же вздор!!! – Примечание В. С. Савонько.

когда дело касалось мифов, знание коих необходимо, особенно при изучении вазовой живописи, он останавливался на них несколько подробнее. Я не ошибусь, если предположу, что первое впечатление от его первой лекции было далеко не важное. Я даже думаю, что оно осталось таковым и до самой последней его лекции, т. е. когда слушатели закончили свой академический год. По крайней мере, ни разу профессор Веселовский не был награжден аплодисментами, что не может, конечно, не служить одним из доказательств симпатий аудитории к лектору. Чем же, говоря простым языком, он так не понравился слушателям, которые тем не менее в изрядном количестве собирались на его лекции? Не понравился он тем, что читает лекции свои в высшей степени «сонно». Я не нахожу другого слова для характеристики его чтения. Сонно, или, если хотите, «снотворно». И наряду с этим профессор Веселовский иллюстрирует свои чтения рисунками на экране (волшебными картинками), объясняет эти рисунки, приносит изрядное количество разных предметов, добытых раскопками в Южной России, дает на просмотр книги и атласы, что все вместе взятое заставляет в конце концов признать за его лекциями некоторое и бесспорное достоинство. Уже из этих строчек вы можете видеть, как не избалованы мы вниманием к себе профессоров, задача которых и сводится, казалось бы, к полному удовлетворению всех научных запросов слушателей. Профессор Веселовский удовлетворяет тому элементарному требованию, чтобы лекция не была простым пересказом печатного и писаного конспект», но самая манера его говорить – вялым, тихим голосом умирающего, с громадными паузами между словами – эта манера, повторяю, не может нравиться аудитории. Тут сказалась громадная разница между «ученым» и «профессором». Не я открыл эту разницу, так как всем давным-давно известно, что можно быть замечательным ученым и из рук вон плохим профессором. Ведь стоит только ученому не иметь голоса, чтобы его могла слышать аудитория, и для 9/10 слушателей его лекция – пропащее время. К этому вопросу невольно я вернусь еще раз, когда скажу пару слов о профессоре Маркове – этом худшем из профессоров института, и именно как лектор, а не как ученый. К сожалению, и профессор Веселовский – очень известный и ученый археолог, с именем которого связана громкая история тигры Сантафарка, – не обладает ни одним из тех качеств, столь необходимых для профессора, желающего принести своими лекциями возможно большую пользу. Профессор Веселовский, принимая во внимание все мною вышесказанное, может быть назван до известной степени «добросовестным профессором», что в наше время уже очень много, ибо из 10 профессоров таких насчитывается едва половина, да и то при бесконечной нашей снисходительности, когда мы готовы благодарить и рукоплескать за малейший намек на энергичную и плодотворную деятельность.

О профессоре СЕРЕДОНИНЕ, читавшем нам т. н. историческую географию, многого не скажешь. Это чрезвычайно симпатичный и очень знающий профессор. Любопытно отметить следующее явление, которое на первый взгляд покажется великолепным опровержением только что высказанных мною мыслей. Дело в том, что г-н Середонин не только не обладает даром слова, но он почти косноязычен: он заикается и не выговаривает «р». Начиная фразу, он никогда ее не заканчивает и неожиданно перескакивает на новую фразу, вставляя вводные замечания, к[о]торые зачастую разрастаются в самостоятельные и длинные периоды. Одним словом, он не красноречив, т. е. не обладает даром слова, каковой я считаю существенным для профессора. А между тем я должен сознаться, что г-на Середонина «симпатичным» профессором считаю не я один, а, по-видимому, большинство слушателей института, которые, как мне приходилось слышать, отзывались и отзывались о нем всегда в самых лестных выражениях. Отсюда-то и кажется, что красноречие вовсе не так уж необходимо и аудитория не требует этого дара от лектора. Но это так только кажется. Аудитория все время, каждый миг знает этот крупный недостаток г. Середонина, тяготится этим недостатком, но, с другой стороны аудитория мирится с этим недостатком, ибо лекции г. Середонина дышат убежденностью ученого и талан[т]ливого профессора. В них, в этих лекциях, нет той «сухости», которая так присуща профессорам-чиновникам. Середонин говорит тем «живым языком», который только и должен был бы раздаваться с кафедры. Он рассуждает, цитируя Геродота, он высказывается «за и против», приводя мнение Брауна, он полемизирует с теориями Шафарика, Нидерле и Иловайского. Вот почему недостаток его речи отходит на задний план, уступая место вдумчивому и «научно-серьезному» изложению предмета, за что слушатели Археологического института всегда награждали профессора Середонина шумными аплодисментами. К сожалению, число лекций его было очень ограничено. Прочитав 1-ю лекцию 9 октября 1904 года, он прекратил свою профессию на первом курсе и снова появился на кафедре лишь в конце декабря. Благодаря этому ему удалось прочесть не более 10 лекций, что, конечно, слишком мало даже для введения в такую интересную науку, как историческая география. Наше счастье, что на книжном горизонте появилось такое великолепное пособие к его лекциям, как 1-й том «Чтений по русской истории» под редакцией профессора Довнар-Запольского. Профессор Середонин включил это сочинение в одну из групп экзаменационной программы, и уже в этом году большинство слушателей готовились к экзамену по этой книге.

Теперь я перехожу к центральной личности института – тайному советнику ПОКРОВСКОМУ – директору института и профессору по кафедре христианской археологии. Я недаром выписал полностью его чин: тайный советник!!! Зачастую на Руси эта кличка уже сама по себе говорит очень

много. Если бы я имел счастье сказать «действительный тайный советник» и кавалер ордена Св. Анны 1 степени, то, пожалуй, дальнейшая характеристика профессора Покровского еще более бы сократилась. Итак, г-н Покровский в настоящую минуту, каким он представляется мне с кафедры, прежде всего тайный советник, чиновник министерства – и чиновник в самом худшем смысле этого слова. Пожалуй, покажется странным – за что я так безжалостно нападаю на директора и профессора (не только Археологического института, но и Духовной академии), научные труды и знания которого вряд ли могут быть кем-либо оспариваемы. Уж не имею ли я против г-на Покровского зуб? Нет!! Я ровно ничего не имею против г-на Покровского как г-на Покровского (хотя он и из попов, говорит на «о», этаж произносит «етаж» и вообще «ханжа» «non plus ultra»⁷). Я даже не имею ничего против г-на Покровского как профессора, ибо все его недочеты, о которых речь будет ниже, можно объяснить тем, что в нем уже и ученый, и профессор давно умерли. Остаются старые знания, но в коже чиновника, и чиновник со «звездой». В настоящее «смутное» время изо дня в день повторяется фраза «чисто формальное отношение к делу». Что это означает – понятно всякому. Я должен подписать бумагу, поднесенную мне секретарем, поехать на заседание, к нему не приготовившись, ибо на заседании будут больше говорить о городских сплетнях («Ваше превосходительство, Алексей Петрович, вы слышали? У Витте вчера был обыск!! Масса компрометирующих бумаг»). Рассказывать анекдоты, запросы подведомственных учреждений класть под сукно или делать на них шаблонные резолюции и т. д. и т. д. Вот в чем состоит «формальное отношение к делу» и вот как представляю я себе деятельность г-на Покровского. Приехать 1–2 раза в неделю в институт в 6½ часов вечера, с деловым видом пройти в канцелярию к секретарю и секретарше (г-жа Чачкова), поговорить там 5 минут о делах института и полчаса о «животрепещущих» вопросах (зайдя однажды в канцелярию, я услышал рассуждения Покровского: «Я не понимаю – почему Засулич не продвинулся левее Тай-Цзи-Хэ!?!» По-моему, ничего удивительного, конечно, нет, что Покровский этого не понимает, ибо знание Равеннской плащаницы не дает знаний окрестностей Ялу и всей обстановки боя, не говоря уже вообще о тактике и стратегии). Затем Покровский, опоздав не менее как на полчаса, быстрыми шагами входит в аудиторию, произносит стереотипное вступление «МилОстивые государыни и милОстивые государи..!», почти залпом выпаливает в течение оставшегося получаса часть своего курса (кстати, уже давно напечатанного отдельной книгой с иллюстрациями), уснащая свою речь вполне красноречивыми и законченными красивыми оборотами и изрядным количеством латинских и итальянских

⁷ Не дальше пределов; дальше некуда (лат.).

фраз. Закончив лекцию, он так же быстро, под шум аплодисментов, убегает из аудитории и... только мы его и видели... Если бы Покровский не читал христианской археологии, мы бы, вероятно, его и совсем не видали. Да этого, пожалуй, и не было бы нужно, если бы мы чувствовали, что директор все же существует, что директор видимо управляет институтом, что директор заботится о правильном течении занятий, об удобствах слушателей, о внешнем благоустройстве института (припомните «музей» и «библиотеку») и проч. и проч. Увы! Я лично этого не чувствую. Или, вернее, я прекрасно чувствую, что директору равненько наплевать (извините за выражение!), кто и как у нас читает лекции, не манкируют ли профессора своими обязанностями, есть ли у нас все необходимые пособия, усваивают ли слушатели читаемый им курс, не «хромает» ли самая программа и постановка всего дела. Я не говорю уже о такой отдаленной и возвышенной цели, приносит ли институт вообще ту пользу для науки, какую он должен приносить, как рассадник знаний по археологии и архивоведению.

Позвольте, позвольте.. – слышу я возражение. – Вы же не станете отрицать, что институт привлек в свои стены лучших русских профессоров, светил науки, знатоков своего дела, которые могут конкурировать с иностранными знаменитостями. Профессор Платонов – известный историк. Имя Шляпкина священо для палеографа. Профессор Марков заведует нумизматическим кабинетом Эрмитажа и считается по справедливости одним из первых нумизматов в России. А профессор Коринский – молодой и талантливый ученый, а профессор Лихачев, Веселовский, да и все вообще профессора института? Кто же их привлек в институт, как не тот же директор, а следовательно, г. Покровскому и принадлежит вся слава в создании такого кадра профессоров...

– Вы кончили?

Слушайте же мои возражения... По первому я с вами вполне согласен. Я не раз и сам слышал, что наши профессора – это лучшие силы России по археологии и истории. Но ведь это все же «внешняя» сторона дела, господа! Ведь это все-таки «формальная сторона дела». Я уже заранее вас предупредил, что с этой стороны все обстоит благополучно, и не только благополучно, но и блестяще. Профессора – один восторг, библиотека, собственный богатый музей, 10 часов в неделю лекций (см. печатное расписание), курс двухгодичный и серьезный, государственный экзамен комиссией, научные экскурсии и проч. «Ведь могло же и этого не быть!» – как говорит мой приятель В. Матвеев! Профессора могли быть – сама посредственность, библиотеки могло не быть, музея тоже, от слушателей могли не требовать экзаменов (т. е. вообще знаний!!). А теперь все это есть!! Что все это есть – можно доказать печатными «правилами», «инструкциями», «программами», «положениями» и отчетами... главное отчетами. Столько-то лекций прослу-

шал каждый слушатель по палеографии, столько-то по истории, столько-то человек окончили курс блестяще с дипломом, столько-то не выдержали экзамена. Честь и слава директору. Дать ему еще одну звезду! И у нас в Рассее есть ученые археологи, нам на Европу чихать, сами не в сапог сморкаемся! Но посмотрим – нельзя ли сблизить эти две нарисованные мной картины: одна когда в институте «все» есть, и другую, когда в институте почти «ничего» нет. И что из этого получится? Получится, что в настоящем своем виде СПб. Археологический институт, в котором, по-видимому, есть все данные для образцового высшего учебного заведения, фактически низведен на учебное заведение, в котором почти ничего нет. Поясню доказательствами. В институте читают знаменитые ученые (отчего бы им и не читать? Жалованье, вероятно, хорошее!), но манкируют своими обязанностями до высшего предела, т. е. до сведения всего 2-годового курса (по числу часов) в полугодовой. Я уже говорил, что сам директор Покровский обязательно опаздывает на полчаса, следовательно, число его часов фактически следует разделить на два. Профессор Середонин вовсе не приходил все второе полугодие 1904 года. Профессор Майков уезжал за границу. Профессор Коринский начал читать лишь в конце академического года, профессор Лихачев тоже, и т. д. Но ведь это не все. Это только безусловное манкирование по совершенно необъяснимым обстоятельствам. Но нужно принять во внимание, что каждый из профессоров пропустил по крайней мере пяток лекций под благовидным предлогом (по болезни, по необходимости быть на важном заседании и пр.). И, наконец, нужно принять во внимание уже сказанное мной безобразие, выражающееся в том, что Покровский отменяет лекции, пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, т. е. празднуя все официальные, неофициальные и церковные праздники, назначая панихиды, молебны и заседания (ведь это же черт знает что такое!!!) в часы лекций и растягивая рождественские каникулы до безобразных размеров. Если к перечисленному прибавить совершенно произвольное начало академического года (непрерывно с опаздываньем) и произвольное окончание академического года (непрерывно страшно раннее), то вы получите по-истине возмутительную картину чиновничьего произвола в таком святом деле, как «учебное дело», получите ясное представление о возмутительных порядках, которые и низводят самый факт – «наличие прекрасных профессоров» – почти до нуля. Профессора есть, но мы за два года так мало согреваемся живительными лучами их знаний, что, пожалуй, многие согласятся иметь поменьше знаменитостей, но которые читали бы более аккуратно и добросовестнее. Нет спору – профессор Лихачев знаменитый археолог, но я не слушал его даже и трех часов (3 лекции не значит 3 часа: можно опоздать ведь). Все, что он нам прочел по курсу «Дипломатика», – это лишь введение в курс. Нет спору – Марков знаменитый нумизмат, но курс свой он читает

по запискам и читает так, что его невозможно понять. И всех-то лекций его было не более 5-ти. Пора же наконец называть вещи своими именами. Директор Покровский не служит по совести. Он прикрывается как щитом известными именами профессоров, программами и отчетами, а на самом деле вся его деятельность как директора не стоит ни гроша. Поспешу закончить начатые доказательства. Библиотека в институте есть, но из моего описания ясно видно – какова ее ценность с точки зрения пользования ею слушателями. (Книжное богатство ее мне неизвестно.) Музей есть, но опять-таки это «хлам», которым никто не пользуется. Это все лишь «щиты» для г. Покровского – правда, очень надежные щиты – за которыми непосвященному человеку не видать всего неприглядного безделья директора. ...

С каждой строкой я с ужасом замечаю, что заметки мои растягиваются в несвойственные им размеры. Вот и теперь: хочется сказать еще очень многое. Хочется предъявить директору еще ряд очень серьезных требований, хочется выяснить его отношение собственно к учебному делу, хочется рассказать о его ссоре и разногласии с профессорами из-за программы института, но на «хочется» – приходится отвечать: «нет места и времени», и я продолжаю заметки, стараясь быть как можно более кратким. В моих заметках о г. Покровском невольно его личность директора заслонила его личность как профессора. Пора, следовательно, сказать о Покровском как о профессоре. В сущности, я об этом уже упомянул, и очень ясно. Покровский обладает бесспорным красноречием, читает не только хорошо, но даже увлекательно... И имей мы возможность прослушать весь его курс, и, с другой стороны, следи г-н Покровский за наукой так же ревностно, как он это, вероятно, делал до «больших» чинов, мы бы вправе были сказать, что курс христианской археологии (в высшей степени интересный и поучительный курс) – проходится в институте превосходно. Теперь же мы должны только благодарить профессора Покровского, что в свое время он написал обстоятельный, солидный труд, каковой любезно продается сторожем Сергеем за 4 рубля вместо 5-ти.

Мои записки коснутся теперь личности профессора ПЛАТОНОВА, чье имя слишком хорошо известно в ученых и даже неученых кругах общества, и притом с самой лестной стороны. Если г. Платонов и не представляет собой тип идеального профессора, то во всяком случае он весьма близок к этому идеалу. Можно вместо различных доказательств просто констатировать тот факт, что его лекции посещаются всеми без исключения слушателями весьма усердно. Мало того: в институте на его лекции приходили и слушатели другого курса, и уже кончившие институт несколько лет тому назад. Как лектор – профессор Платонов бесподобен. Его речь дышит необыкновенною ясностью мысли и изложения. Вы без труда следите за развертываемой перед вами картиной. Его доводы убедительны. Его примеры чрезвычайно

ярки и рельефны. Он с необыкновенным мастерством выдвигает на первый план все самое существенное и главное, и впечатление от каждой его лекции, не говоря уже про весь курс, получается полное и вполне законченное. Можно утверждать, что такого впечатления вы не сможете получить, читая учебник, даже очень хороший, ибо вам не достанет той певучей интонации (не разобрано)⁸ и миллиона оттенков в подчеркиваниях едва уловимых деталей, которые так присущи талантливым лекциям Платонова, которые, благодаря этому, получают особую ценность в глазах всех слушателей. На его лекциях чувствуется связь между слушателями и профессором, чувствуется, что слушатели его понимают, чувствуется, что слушатели его любят, и по окончании лекции все их ощущения воплощаются во «взрыв» рукоплесканий. Это не просто «хлопки», а, как я сказал, «взрыв» хлопков, который только и бывает в том случае, когда толпа наэлектризована так или иначе.

Курс профессора Платонова в институте введен впервые в этом году, и, конечно, этому можно только радоваться. Он называется «Источники русской истории» и, так как курс этот очень обширный и обнимает такие вопросы, как начальные летописи, хронографы, мемуары, записки и проч., – то ясно, что он имеет весьма близкое отношение к задачам Археологического института. Сам же по себе курс этот настолько общеобразователен – в особенности при наличии такого выдающегося ученого, как Платонов, – что слушание его может служить предметом гордости для любого студента института. По крайней мере, если являются скептики и профаны, говорящие вам, что науки, читаемые в Археологическом институте, в сущности «скучны» и «односторонни», то стоит вам только ответить: «А лекции Платонова по истории?» – как этот же скептик и профан немедленно восклицает: «Ну да! Я не говорю про Платонова! Его действительно стоит послушать!» А слушатели института сплошь и рядом говорят: «Как жаль! Вчера не мог быть на лекции Платонова. Ужасно досадно, что пропустил». Ко всему сказанному и еще как один плюс профессора Платонова следует добавить, что он к тому же в высшей степени добросовестный профессор. Ежели он пропустил лекцию, то можно быть уверенным, что он или болен, или же фактически не мог быть по обстоятельствам, от него не зависящим. При этом г. Платонов, единственный из профессоров, заботится дать знать о невозможности прочесть лекцию, и однажды, пропустив лекцию благодаря экстренному заседанию в каком-то ученом обществе, он в следующий свой приход извинился перед аудиторией за невольную невежливость. Вот бы господину Покровскому хоть немного у него поучиться «деликатностей».

Профессор МАЙКОВ имеет задачу – выучить слушателей института читать устав, полуустав, вязь и скоропись древних русских и вообще

⁸ Так в рукописи. Вероятно, часть текста не удалось разобрать при наборе.

славянских рукописей. Следовательно, курс, читаемый г-ном Майковым, – курс т. н. археографии – чисто практический. Как же он поставлен в институте? По-моему, плохо. Во-первых, принимая во внимание все сказанное мною о неаккуратности профессоров, о громадных рождественских каникулах и проч., т. е. вообще о весьма ограниченном количестве читаемых лекций (Майкова я посетил 8 раз), – вы заранее уже знаете, что одни лекционные часы не будут достаточны для того, чтобы выучиться довольно хитрому искусству – читать древние рукописи. А раз это так, то вы вправе требовать, чтобы хоть эти-то часы принесли вам максимальную пользу, т. е. облегчили бы вам, сколько возможно, вашу самостоятельную работу на дому. Во-вторых, раз лекционные часы заведомо не могут быть достаточными для фактического усвоения курса, то институт обязан в большей или меньшей степени прийти на помощь учащемуся в его внеклассных занятиях. Разберем же подробнее, как обстоит дело в институте и что можно было бы сделать к лучшему. На лекцию г. Майков приходит с громадной охапкой листов и картонов: это фототипии, или гравюры с древних рукописей. Едва он взваливает всю массу на кафедру, как слушатели набрасываются на нее и в 5 минут расхватывают всю кучу по частям. Кто половчее (или нахальнее), забирает штук 10 рукописей; более скромный или опоздавший уносит 1–2, а то и ни одной. Если вам не повезет, то в течение целого года вам все будут попадаться одни и те же (или однородные, одного столетия) рукописи, прочитать которые очень легко, или же вы их уже изучили. Далее: допустим, что вам повезло, вы завладели 6 таблицами, спокойно уселись на стул и начали разбирать. Ясно, что вы встретите массу слов и букв, вам не понятных, которые вам не под силу дешифровать. За помощью приходится обращаться к профессору. Теперь я вас спрошу: может ли один профессор в течение не более 40–50 минут удовлетворить ответами 40, 50, иногда 70 человек? Пока вы к нему подойдете и прождете несколько минут своей очереди, затем снова вернетесь на место, пройдет уже порядочно времени, а через секунду – новое слово ставит вас в тупик, и снова нужно бежать к профессору. Первое время, благодаря такой милой системе классных занятий, невозможно прочитать более 1–2 страниц устава. И то под словом «прочитать» я разумею только механическое чтение, ибо осмысленное чтение требует, чтобы я понял и уяснил себе значения всех слов и оборотов речи. Последнее уже прямо невозможно, так как на такую роскошь (объяснения) профессор уже не в состоянии уделять ни одной секунды.

Итак, современная постановка практического курса археографии в институте неудовлетворительна. Что же нужно предпринять для лучшей организации? Я лично могу предложить очень много мер. Конечно, идеалом была бы организация небольших партий (человек по 4–5, не больше), в каждой партии давалась бы на прочтение одна рукопись, и при каждой партии

был бы свой руководитель-профессор. Когда первая рукопись прочтена и основательно усвоена, профессор дает вторую рукопись, и т. д. Рукописи выбираются типичные, разных столетий и в сумме представляют стройный научнопродуманный курс археографии. Эта идеальная организация, конечно, на практике будет отвергнута, ибо пригласить вместо одного профессора 10–15 покажется безумною роскошью. Но если одного профессора мало, а 15 иметь невозможно, то ведь это не значит, что нужно оставаться при одном профессоре. Можно ведь пригласить двух профессоров. Два профессора не много, но 2 больше одного. Вместо 50 учеников профессор будет иметь 25, что облегчит его работу вдвое. Наконец, можно иметь профессоров не одного достоинства, разных сортов, выражаясь лавочным языком. Достаточно иметь одного такого знатока и ученого, как наш профессор, прочие руководители могут быть самыми заурядными археографами, лишь бы они умели читать те рукописи, которые мы – слушатели – еще не умеем читать. Это были бы просто исполняющие должность «первых» учеников старших классов, которым иногда поручают объяснить или решить задачу малышу приготовительного класса. Таких профессоров 2-го сорта уже можно было бы иметь если не 15 человек, то по крайней мере 5, а тогда в группе число слушателей достигло бы всего 10 человек. (Необходимо заметить, что хотя на каждом курсе в институте числится 300 человек, но число посещающих лекции и кончающих институт с дипломом – в среднем нужно считать человек 50–60.)

Если такого подразделения на группы нет (как это имеет место у нас в институте), и даже при разделении на группы – все же на первых вступительных лекциях необходимо пользоваться волшебным фонарем. Этим путем сбережется масса времени. На экране появляется в большом виде снимок с древней рукописи (повторяю: непременно типичный, а не какой попадется), и профессор, с указкой в руках, медленно прочитывает слова с необходимыми объяснениями (Ах! как ценны эти объяснения, которых мы теперь лишены!), предоставляя аудитории забегать несколько вперед, прочитывать слова несколько раньше, чем он сам их прочтет. Я убежден, что при таком способе можно в один час прочесть 5–6, а потом и 10 страниц, и если запас таких рукописей будет большой, постоянно будет пересматриват[ь]ся и пополнят[ь]ся и в общем будет представлять продуманную систему обучения археографии, то польза от таких лекций будет весьма существенна и если и не выучит иного малоспособного слушателя, то значительно облегчит ему его внеклассные занятия. Так как у нас нет и такой организации, то все же в существующей нелепой системе обучения (обучения почти бесполезного) можно и должно было бы ввести некоторые существенные улучшения. Во-первых, раздача рукописей должна была бы производиться заблаговременно, а не на самой лекции, что устранило

бы беспорядок, потерю времени и ненадежность – в получении рукописей. Во-вторых, все рукописи, пускаемые в обращение между слушателями, должны были бы иметь общую нумерацию – двойную. Например, рукопись с пометкой – I–35, II–191, III–247 и т. д. Римские цифры обозначали бы группу, к которой принадлежат рукописи более или менее однотипные. К VI группе, например, принадлежали бы сербские рукописи, к IX, что ли, вязь XI и XII столетий, и т. д. Арабские цифры обозначали бы вообще № данной рукописи для ее простейшего обозначения. С введением номеров устранился то нежелательное явление, что иному слушателю в течение года все попадаются одни и те же рукописи. Устранится неведение слушателя – прочел ли я или не прочел все рукописи? С введением №№ я уже знаю, что прошлый раз я читал V группу, №№ такие-то и такие-то, а потому сегодня буду требовать для прочтения новую группу, или же, сознавая, что пятую группу я не усвоил (допусти[м], что это была трудная скоропись XIII столетия), я снова возьму ту же группу, но другие №№. Конечно, желательно иметь и опись всех рукописей, раздаваемых институтом для слушателей, затем самую коллекцию следует иметь не только богатой, постоянно ее пополняя новыми типичными образцами) но непременно все рукописи должны быть во многих экземплярах, иначе не всегда удовлетворишь требованиям слушателей, хотя можно в свою очередь дело организовать так, что все слушатели делятся помесечно или по полугодию на партии и каждая партия имеет право брать только определенные «группы» рукописей. Одним словом – всякое дело можно организовать и поставить на твердую ногу, даже без особых затрат, лишь бы была добрая воля и охота к делу, а главное, была бы любовь к делу, желание принести пользу делу, желание служить делу «не за страх, а за совесть». Этого желания у г. директора института тайного советника Покровского нет, а потому неудивительно, что никаких мер к улучшению постановки преподавания археографии в институте не принимается. Профессор Майков «нанят», курс археографии в программу включен, бессистемный, разрозненный «хлам» рукописей есть – ну, значит, дело в шляпе, и с внешней стороны все обстоит благополучно.

Меня всегда удивляло, что в институте нет даже книги заявлений, куда бы я мог записать свою претензию или соображение по поводу множества возникающих вопросов. Такая книга имеется даже в офицерских собраниях частей и уже более 20 лет, и наличие ее не служит же умалению дисциплины, субординации и проч. За мной осталось рассказать, как облегчает институт наши внеклассные занятия археографией. Да никак, в сущности. Рукописей на дом институт не дает, а в библиотеке особых коллекций и альбомов для занятий не имеется. В 1901 году институт издал палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII ст. под редакцией профессора Соболевского – очень хороший с внешней стороны альбом, стоящий 5

рублей. Но один альбом не исчерпывает всех типичных рукописей; необходимо издавать новые альбомы, и вот тут-то, говорят, замешана администрация института, которая не только сама не намеревается издавать новые снимки с рукописей, но бойкотирует у себя в стенах всякую попытку ввести более совершенные учебники, дабы не помешать распродаже альбома Соболевского. Кстати, один слушатель, обладавший, по его словам, богатой коллекцией снимков с рукописей (издания которых нынче можно видеть только в Публичной библиотеке и у архивариусов), утверждал, что альбом Соболевского содержит не самые типичные рукописи, а те, какие было легче напечатать, и что к тому же некоторые рукописи неверно датированы и озаглавлены. Оставляя совершенно в стороне все обвинения, которые я не могу доказать и которые я сообщаю только как «слух», – все же остается такое простое соображение: альбом Соболевского не может служить единственным руководством по курсу археографии. Необходимо издавать новые альбомы, более продуманные и систематизированные, и все такие издания должны быть выложены в читальне института или храниться в библиотеке, но выдаваться в читальню по первому требованию слушателя. На самом деле, как говорится, «ни того, ни другого, ни третьего». По беспечности или по корысти на грязной подкладке (как упорно об этом говорят слушатели), но новых альбомов не издается, а существующий альбом и отдельные листы снимков с рукописей нигде не выкладываются и нигде не хранятся, зане бо сама библиотека «мерзость» и запустение.

За мной осталось сказать пару слов еще о трех профессорах нашего института – профессоре Маркове (нумизмат), Лихачеве (дипломатика) и Коринском (славянская палеография). Именно – пару слов. Даже проще было бы отложить о них разговор до будущего года. Трудно делать выводы, когда все три профессора в сумме не прочли и 10 лекций. Но для законченности очерка я все же упомяну о них. Профессор Марков, говорят, – не только нумизмат, но и знаменитый нумизмат, хранитель нумизматического отдела в Эрмитаже и автор многих научных трудов (хотя некоторые научность его трудов и оспаривают, говоря, что все его исследования будут рано или поздно грандиозно опровергнуты как ложные). Массивный, с двойным или даже тройным подбородком, он грузно усаживается на кафедру, вынимает мелко исписанные листки и начинает их читать как будто вслух, но вернее про себя, откашливаясь через каждые 5 слов... Это и есть т. н. лекция профессора Маркова. Понять их невозможно, ибо $\frac{3}{4}$ слушателей не улавливают даже отдельных слов. Я не выдержал и первого часу и ушел с лекции. Сторож Сергей встретил меня словами:

– Слышали господина Маркова? Больше не придете!!

Я подтвердил, что «не приду», но пришел еще на одну лекцию и тоже ничего не понял, ибо его «бурчанье» под нос невозможно понять!

Профессор ЛИХАЧЕВ, наоборот, читает ясно, громко и гладко. К сожалению, его лекций было очень мало, и опять приходится повторить, что мы прослушали лишь (да и то дай Бог!) введение в курс, а не самый курс дипломатики, чрезвычайно интересный и любопытный. Некоторые находят, что профессор Лихачев хотя читает и хорошо, но не увлекательно, голос его монотонный и наводит на скуку. Пожалуй, доля правды в этом есть, но это уже мелочи, и, во всяком случае, подробно можно говорить об этом только в будущем году.

Наконец, приват-доцент Коринский – молодой, сравнительно, ученый, обнаружил и солидную энергию, и горячее желание действительно принести пользу своими лекциями, что было тотчас же замечено, и Коринский после 2-й своей лекции уже был награжден шумными аплодисментами. Сознавая, что его лекций слишком недостаточно (Коринский начал читать лишь с февраля этого года), он все же постарался, по возможности, дать основательное понятие о палеографии, и чтобы не оставить нас, что называется, «на полуслове», он прочел еще одну добровольную лекцию уже после официального конца академического года. Как профессор и лектор Коринский вполне хорош. Его «хрестоматия» принята в 4 университетах; на лекциях он объясняет с увлечением, толково и научно, приносит с собой книги, которые раздает слушателям на просмотр, старается перенести свое преподавание на практическую почву и вообще обнаруживает ту «порядочность» в своей «профессии», которой, увы! – не хватает у большинства профессоров. Тем более похвально его рвение, что оно без внешнего принуждения, так как мы видели, что директору Покровскому совершенно все равно, как читает тот или другой профессор. Лишь бы его имя красовалось на официальной программе!..

Покончив с нашими учителями, я pour la bonne bouche⁹ расскажу о предпринятом в институте издании стенографических лекций профессоров. Инициатором этого издания был некто г. Митрофан Белавенец – ученый-лесовод и редактор журнала «Глиноведение». Зуд издательский, по-видимому, в роду господ Белавенец. Брат его – лейтенант – издал картинки флота, весьма притом скверные. Наш Белавенец – с длинной рыжей бородой – задумал издавать упомянутые мной записки. В один приятный день он выложил в институте пространное воззвание (довольно безграмотное) о необходимости издавать печатный орган слушателей института, где бы мы могли 1) иметь те лекции, которые до сих пор не изданы, и во-2) отдел литературный, задача которого состояла бы в обмене мнений по самым существенным вопросам научной жизни института. Плата вступительная определялась в 1 рубль, издатели – сами слушатели, возможность помещать

частные объявления должна была удешевить все издание до ничтожной суммы, а при большом количестве подписчиков чуть ли не даром. Так представлялось г-ну Белавенцу все дело и так приблизительно он вещал нам с кафедры. Но вскоре встретились тернии. Просвещенная российская власть в лице цензора сенатора Зверева категорически запретила «журнал». На вопрос «почему?» – Зверев объяснил, что разрешение «нам» будет служить пре[це]дентом для просьб и других высших учебных заведений. В чем тут может быть, однако, несчастье – г-н Зверев не объяснил. Даже в военно-учебных заведениях – Михайловском и Константиновском артиллерийских училищах – издаются литературно-научные журналы под редакцией и при сотрудничестве юнкеров. Объяснения Белавенца, что «мы» люди взрослые и с общественным положением, которые пошли в институт ради науки и, конечно, в просимом журнале будем печатать только лекции да научные заметки, не подейство[в]али на блюстителя «государственной тюрьмы мысли», и журнал в полном объеме не был разрешен. Разрешили лишь издание лекций на правах рукописи.

Вскоре появилась миниатюрная с большим ртом веселая стенографистка. Она записывала за г. Середониным, Коринским, Платоновым, Шляпкиным и др. Наконец появился и первый выпуск «Исторической географии», затем второй – Маркова: «Русская нумизматика», и на этом издание сделало громадный перерыв и снова начало функционировать уже после окончания всех лекций. Я не берусь разбирать тайны издателя. Белавенец уверял, что рукописи задерживают просмотром господ профессора (это очень вероятный факт), но, с другой стороны, частная ревизия его дел обнаружила, что в типографию деньги платились неаккуратно и оттого типография задерживала последние выпуски. Во всяком случае, заманчивое желание – иметь «собственный журнал» – сильно потускнело. Вступительный «рубль» превратился вскоре в 5 рублей и грозил превратиться в 12 рублей. А уж эта цена ни с чем не сообразна. Пока мы получили только жалкие обрывки лекций, что называется «без начала и конца», причем лекции Середонина (повторяю: «обрывки лекций») мало пригодны для занятий, а, например, лекции Маркова по нумизматике вскоре вышли великолепным печатным изданием с фототипиями за 1 рубль. Отбросив это, нам останутся единственно существующее – лекции Шляпкина, но ясно, что платить за них 5–12 рублей немного роскошно, в особенности если плательщиков более 200 человек. Да за эти деньги можно напечатать сотню лекций на слоновой бумаге. По-видимому, не все слушатели аккуратно внесли эти первые 5 рублей (студенты – наверное не внесли), и, таким образом, вместо доброй 1000 в кассе всего рублей 500, а то и меньше, и вместо того чтобы удешевить первоначальную расценку, как выяснилось, на первые расходы еще не хватило рублей 60. Все это недостатки задуманной организации, навлекшие вскоре неудовольствие

большинства пайщиков. Белавенцу писались письма с требованием «явиться для объяснений» издательских шахер-махерств. Что-то доказывали, кричали, выясняли. Белавенец тоже что-то выяснял, оправдывался, горячился и т. д. и т. д. По правде сказать, я толком ничего не знаю, ибо в эти дела не вмешивался. Разговоры закончились упомянутой мной ревизией, после которой Белавенец немедленно заплатил все долги и даже внес своих еще 60 рублей. На экзаменах несколько слушателей старшего курса – не участников в издании – «потребовали» от Белавенца, чтобы он «продал» им лекции Шляпкина (т. е. самое ценное во всем издании), и когда тот, естественно, отказал им в этом, ссылаясь, что это разрознит все издание, они дружно на него напали с упреками. Ядовито и глупо доказывал свою правоту поляк-путеец, грубо и пошло городил вздор студент университета, задыхался от негодования невзрачный топограф-офицер. Тошно было слушать их доводы... Поляк-путеец и молодой студент-медик кричали, что если все издание стоит 5 рублей, то лекции Шляпкина 5:5, т. е. 1 рубль. Выходит, что если 10 томов Тургенева стоят 10 рублей, то книжный магазин «должен» по их выбору продать им любой том за 1 руб. Что книжному магазину останется 9 томов, т. е. разрозненное полное издание, – им, конечно, невдомек. Да во всех библиотеках, если вы потеряете один том из серии, то с вас вычтут за все «полное собрание». Белавенец и предлагал им заплатить за все издание, но, конечно, благородные «протестанты» нашли заявление Белавенца посягательством на их «швободу»... До чего только может дойти оскорбленное самолюбие!!..

Вот и все, что мне известно про издание «слушателей СПб. Археологического института», которое, может быть, в будущем будет солидным научным журналом, а пока лишь состоящее из одних стенографически записанных лекций.

Интересна еще организация «экзаменов» в институте, но о них я говорю уже в следующем году, а пока этими строками заканчиваю свой настоящий очерк – материал для будущей истории СПбургского Археологического института.

15 марта – вторник.

Пролежал весь день в постели. Несильная головная боль, T = около 38. Боли в почках.

—

Послал записку, ибо не мог быть на нашей бригадной панихиде по великом князе Сергее Александровиче (40-й день) в Сергиевском соборе. Сегодня же в 3 часа я должен был провожать на Николаевском вокзале доктора Керстенс с супругой (моя двоюродная тетка), уезжающих в командировку в Омск и Иркутск. И, наконец, сегодня же в 3 часа должен вернут[ь]ся с Дальнего Востока наш врач д-р Андриевич.

16 марта – среда.

С постели встаю и веду себя на правах больного.

17 марта – четверг.

Вышел на «службу»...

1905

423

18 марта – пятница.

Приказ по бригаде № 77:

п. 3

«Для рассмотрения дел Управления вверенной мне бригады (за исключением секретных), подлежащих сдаче в архив, и определения, какие дела подлежат хранению и на какой срок и какие уничтожению, а также для рассмотрения из числа дел и книг, коим истек срок хранения, начиная с ближайших к отчетному году, мною назначается комиссия под председательством командира 2 батареи полковника Фуфаевского и членов капитана Рерберга, бригадного казначея штабс-капитана Матюшкина, бригадного квартирмейстера поручика Савонько и бригадного адъютанта поручика Фриде; делопроизводителем этой комиссии назначаю поручика Ушакова....»

п. 8

«Председатель комиссии.... полковник Смысловский рапортом от 15 сего марта за № 10 донес, что комиссия под его председательством в составе капитана Вешнякова и подпоручика Снигиревского проверила документальную отчетность Управления бригады за 1904 год, причем оказалось, что таковая ведена в полном порядке с ОБРАЗЦОВОЙ АККУРАТНОСТЬЮ. Никаких неправильностей по ведению отчетности комиссией замечено не было. О вышеизложенном объявляю».

п. 17

«Вследствии развивающегося в бригаде брюшного тифа, назначается мною санитарная Комиссия под председательством полковника Масалитинова, старшего врача бригады коллежского советника Протасова, прикомандированного к бригаде врача надворного советника Захарова и поручика Савонько. Председателю комиссии представить мне протокол комиссии к 26 марта.»

Командир бригады

Генерал-майор герцог МЕКЛЕНБУРГСКИЙ.

22 марта – вторник.

От 10 часов утра участвовал в санитарной комиссии. Осмотрели старые казармы. (См. 18 марта.)

В 12½ часов дня в собрании бригады напутственный молебен уезжающим на Дальний Восток только что переведенным в Генеральный штаб бывшим офицерам бригады капитану В. П. Папкевичу и капитану Б. М. Стаховичу. Обоим были поднесены герцогом образки. Ответные речи Стаховича и Папкевича были краткие, но хорошие.

23 марта – среда.

Московский анекдот:

«Когда убили великого князя Сергея Александровича, то у места убийства стала собираться большая толпа народа... Городовые энергично разгоняли толпу. Особенно напирала какая-то старушонка: “Ах ты, господи... да дай же ты посмотреть, кого же, убили?!” ...

– Проходи, проходи, матушка, не твое дело... убили кого следует... проходи, говорят тебе!!»

От 10 часов утра участвовал в санитарной комиссии. Осмотрели новые казармы и dokonчили старые казармы. (См. 18 и 22 марта.)

24 марта – четверг.

Вечером часов в 10 какой-то субъект постучался со стороны Басковой улицы на конюшню 1-й его высочества батареи. Дневальный бросился отворять дверь, думая, что это офицер. Субъект просунул через имеющуюся здесь решетку прокламацию и скрылся. Дневальный полученную прокламацию немедленно представил дежурному... Тот доложил дежурному фейерверкеру 1-й его высочества батареи, а этот последний дежурному по бригаде офицеру – гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона подпоручику Болецкому. Прокламация на 3 полных листах, очень плохо литографированная, трактует пространно от имени рабочих «о чем они (рабочие) хотели просить (!!) царя 9 января». Тут и требования свободы стачек, слова, неприкосновенности жилищ, созыв[а] учредительного собрания, государственное страхование рабочих и проч. и проч. Прокламация помечена 10 февраля 1905 года и призывает «бороться за правое дело до конца» («по завету отца Гапона»). Есть известия, что и прочие воинские части получают в изрядном количестве такие прокламации.

27 марта – воскресенье.

Сегодня исполнилось 25 лет службы во 2 батарее нашей бригады фельдфебеля этой батареи Даниила Сергеевича Тимошенко. Накануне его высочество отдал следующий приказ по бригаде (№ 85, п. 5):

«Завтра, 27 сего марта, исполняется 25 лет службы фельдфебеля 2 батареи Тимошенко в рядах вверенной мне бригады. Фельдфебель Тимошенко в течение своей службы всегда отличался исправностью и полным

знанием в исполнении своих обязанностей, не щадя сил и здоровья, почему считаю для себя приятным долгом объявить фельдфебелю Тимошенко мое сердечное спасибо за его примерную службу».

Приказ достаточно «теплый», но похвал не чересчур. Надо сказать, что Тимошенко не пользуется в бригаде популярностью «честного» и «образцового» фельдфебеля. Напротив, он считается «жуликом», «взяточником», «продажной душой» (как назвал его при увольнении в запас фейерверкер Лапин – мой бывший первый ученик в бригадной учебной команде, за что он поплатился разжалованьем в канониры), человек, который прежде всего блюдет свои выгоды, а потом уже казенные, хотя все же Тимошенко очень дельный, умный и хитрый фельдфебель. Во всяком случае – по этой и по многим другим причинам чествование его было скромным и менее сердечное, чем прошлогоднее чествование 25-летней службы фельдфебеля 3 батареи Шубина. На юбилей Шубина я не был, а на юбилей Тимошенко я получил приглашение принять в нем участие как бывший офицер 2 батареи. На этом основании я и могу подробно рассказать, как произошло это скромное (как выражаются рецензенты) торжество. Молебен начался в 1 час дня, к каковому времени на кухне 2 батареи, украшенной флагами и материей, собрались командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский, полковник Масалитинов (командир 1 дивизиона), полковник Илькевич (командир 5 батареи), полковник Бартенев (штаба округа), капитан Погребняков, капитан Альтфатер, отставной штабс-капитан Базилевский (в форме ведомства торгового мореплавания), я, подпоручик Шталь, Окерман, Зуев (прикомандированный), капитан Рерберг и командир батареи полковник Фуфаевский. Это все настоящие и бывшие офицеры 2 батареи. Многие из бывавших раньше на праздниках теперь живут далеко от Петербурга (полковники Дитерихс, Долгов, генерал Нищенков, генерал Потоцкий, генерал Булгаков, капитан Колюбакин и др.), но многие не были по неизвестным причинам, хотя и живут здесь, в Петербурге (генерал Евреинов, капитан Савурской, полковник Фурман, капитан Куприянов, капитан Дитерихс и др.). Уже в середине молебна приехал начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово. С его приходом оправдалась примета, что два артиллерийских генерала не могут быть в ОДНОЙ форме на одном и том же торжестве. Действительно, герцог был в обыкновенной форме без ленты, а Хитрово пришел в ленте. В данном случае Хитрово был не прав: лента не полагалась. Я думаю, что если бы пришел третий генерал, то он был бы в парадной форме, или же как-нибудь еще иначе. Но ведь это мелочи? «Дело» не в форме!? А как вы думаете, японцы наблюдают или не наблюдают форму?.. После молебна началось подношение подарков юбиляру. Прежде всего был поднесен образ в киоте и с лампадой от нижних чинов 2 батареи. Образ взял в руки фейерверкер Попов и, держа его как «мальчик с образом» на свадьбе, начал держать подобающую речь.

Нечего и говорить, что речь эта была слегка витиевата, растянута, со множеством повторений по адресу «глубокоуважаемого Даниила Сергеевича» и «дорогого начальства» – «в знак чего» и подносится «настоящей образ». Тимошенко преклонил колено, сделал земной поклон и, перекрестившись, поцеловал образ, который ему поднес Попов, комично сделав реверанс, получившийся от недоконченного коленопреклонения. От бывших и настоящих офицеров батареи Тимошенко был поднесен серебряный массивный портсигар с рельефным изображением на крышке Тюренченского боя. Поднесение было поручено полковнику Бартеневу, который, по его словам, был во второй батарее, когда Тимошенко поступил в нее новобранцем. Из числа офицеров, бывших тогда в батарее, остались в живых двое – он (Бартенев) и Ильин. Закончил свою речь Бартенев тем, что высказал удовольствие поднести этот портсигар Тимошенко от бывших офицеров батареи. Это уже неверно. Портсигар поднесли не только бывшие, но и настоящие офицеры, а по речи Бартенева можно было сгоряча даже подумать, что подносит собственно он да прапорщик Ильин. За Бартеневым выступил полковник Фуфаевский и от своего имени поднес Тимошенко золотые часы с боем и секундомером. Совсем забыл сказать, что еще до поднесения подарков, тотчас после молебна, был прочитан Фуфаевским вчерашний приказ по бригаде, который я привел в начале этой заметки. После поднесения подарков внесли пробный столик с «чаркой». Начались нескладные тосты Фуфаевского, Хитрово и Масалитинова. Лучше других сказал герцог. Он пил за здоровье Тимошенко и указал, что Тимошенко может служить примером для нижних чинов: до чего может «дойти» солдат (надо понимать – до каких отличий) благодаря своей честной службе. Хитрово («Я долго наблюдал службу Тимошенко...») и Фуфаевский также пили за юбиляра. Засим пришлось вспомнить и о начальстве. Фуфаевский поднял чарку за Хитрово, заявив, что он «почтил наше семейное торжество своим присутствием», а ПОТОМУ (это «потому» прелестно!!) и нужно выпить за его здоровье. Как бы по инерции – Масалитинов, подняв чарку за командира бригады его высочество герцога Мекленбургского, также пил его здоровье, «потому что» тот посетил торжество. (А если бы не посетил?) Был тост еще (Фуфаевского) за командира 1 дивизиона полковника Масалитинова, тост герцога за батарею, тост Хитрово за командира бат[а]реи и несколько других. После первых тостов музыка играла туш. Из кухни мы все направились в квартиру Тимошенко, где было разлито шампанское и все чокались с юбиляром. Полковник Масалитинов провозгласил тост за Тимошенко, потом за его спутницу m^{me} Тимошенко (которой гости пожимали руку) и наконец рассказал, как 15 лет тому назад Тимошенко получил серебряные часы как приз за фейерверкерскую езду. Все уселись за стол: подали чай, кофе, торты и печенье. Маленькая беседа длилась около получаса. Приблизительно в половине третьего начали расходиться. В первой комнате

квартиры Тимошенко стоял самовар (никелированный), серебряный подстаканник и чайный сервиз – это подарки сверхсрочнослужащих бригады. Среди фамилий подписавшихся (фельдфебеля, фельдшер Костельцов, берейтор Пивар, вахтер Александров и др.) не было фамилии фейерверкера Рыля 1 его высочества батареи – в настоящее время старшего в ремонтной команде и летом прошлого года бывшего фельдфебелем у меня в оставшейся от лагеря части. Как говорят, он не в ладах с фельдфебелями... Вечером после 6-ти Тимошенко угощает сверхсрочнослужащих обедом у себя на квартире, на что полковник Фуфаевский дал ему от себя 50 рублей.

Перед «расхождением» полковник Масалитинов воспользовался тем, что почти все офицеры 2 батареи были в сборе, и от нашего имени поднес отставному штабс-капитану Василевскому жетон 2 батареи, в подписке на который участвовал и я.

28 марта – понедельник.

Был на лекции в Михайловской артиллерийской академии профессора полковника Королькова о беспроволочном телеграфировании. 8 часов вечера.

30 марта – среда.

В 8 часов вечера мы провожали на Николаевском вокзале уезжающих на Дальний Восток капитанов Папкевича и Стаховича. Кроме нас (собравшихся далеко не в полном составе. Его высочество герцог Мекленбургский был) провожали еще: Папкевича – лейб-гвардии Стрелковый полк (где он командовал ротой) и Стаховича – лейб-гвардии Павловский полк (где он командовал ротой) – во главе с командиром полка генерал-майором Щербачевым. Свисток – и в действующую армию покатали еще 2 офицера Генерального штаба, из которых одному (Стаховичу) – теперь в большущей мохнатой шапке и со stickом в руке – в свое время командир батареи полковник Лехович (3 батареи) не давал в самостоятельное заведывание ни одной команды, ни одного самостоятельного поручения, ибо Стахович славился тем, что непременно «напутает», наделает массу глупостей, искалечит людей и лошадей и пр. и пр.

2 апреля – суббота.

От 10 часов – присяга новобранцев, в первый раз, по приказанию герцога, на внутреннем дворе бригады, а не у большого манежа. Я не был.

3 апреля – воскресенье.

С 12-часовым поездом ездил в Красное Село для осмотра барачков Управления бригады и командира бригады. Вместе со мной ездил и полковник Илькевич (командир 5 батареи). Вернулись к 4½ часам вечера. Снегу в лагерях – сколько угодно. Пришлось карабкаться по сугробам.

Выражение С. Н. Крестьянова (штабс-капитан нашей бригады): «Ясно, как кофе» (!!??)

4 апреля – понедельник.

1905
428

В 12½ часов дня состоялось общее собрание гг. офицеров. На нем, между прочим, рассматривалось «положение о вспомогательном капитале», в разработке которого участвовал я как делопроизводитель комиссии. Положение это большинством голосов было утверждено без всяких изменений. Таким образом, у нас в бригаде (со Стрелковым дивизионом) создано крупное благотворительное дело, реальное значение которого весьма существенно. Капитал уже теперь состоит приблизительно из 2½ тысяч рублей, и из него будут выдаваться пособия нижним чинам бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, которые были ранены на войне, и семьям убитых и умерших от ран нижних чинов бригады и дивизиона. Святой почин в создании такого войскового капитала принадлежит лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде. Ее офицеры осуществили идеал начальника, который должен быть отцом для своих нижних чинов...

По утверждению капитала состоялись выборы ПЕРВОЙ комиссии для заведывания этим капиталом. Выбраны: председателем полковник Илькевич, членами: капитан Рерберг и штабс-капитан Явид, кандидатом штабс-капитан Матюшкин и делопроизводителем поручик Савонько (23 голоса).

Заявив, что «собрание закрыто», председатель полковник Головачев предложил поблагодарить комиссию за выработку настоящего положения. Раздались аплодисменты по нашему адресу (Илькевич, Матюшкин, Явид и я), довольно, впрочем, жидкие...

7 апреля – четверг.

На днях, сидя у «Перца» с Львом Федоровичем Гартунг, последний предложил мне написать четверостишие с обязательными рифмами:

Целлулоид – эллипсоид
Графин – аршин

И вот что у меня вышло:

Приказчиком служил он в фирме «Целлулоид»,
До вечера держал в руках своих аршин,
Но вечером зато вытаскивал графин
Размерами, друзья, громадный эллипсоид!

В. С.

8 апреля – пятница.

Сегодня один из наших офицеров (И. С. Вешняков) получил 2 прокламации, адресованные – одна «русским офицерам», а другая «русским солдатам» и обе подписанные «русскими людьми». Если под словом «прокламация» подразумевать непременно противоправительс[т]венное воззвание, то эти письма следует назвать «антипрокламации». В них заявляется о высоком уважении, которое лучшая часть общества питает к доблестным войскам, и умоляет не смущаться нападками некоторых, памятуя, что офицеры и солдаты должны твердо исполнять свой долг и присягу. Вечером я слышал, что такие же прокламации (в защиту самодержавия и порядка) были получены и другими частями (лейб-гвардии Семеновским полком, лейб-гвардии Гусарским полком) и что гусары уже имели случай показать ее царю.

9 апреля – суббота.

Около 5 часов вечера на Литейном проспекте можно было видеть вереницу быстро едущих извозчиков, на которых парами восседали юнкера Михайловского артиллерийского училища в шинелях внакидку и уже никому из офицеров честь не отдававши[е]. За левыми шинельными погонами у большинства были просунуты высочайший приказ о производстве их в офицеры. (В этот день дополнительный класс михайловцев и константиновцев ездили в Царское Село, где царь их поздравил офицерами.)

13 апреля – среда.

От 11 часов утра участво[в]ал в комиссии по осмотру казарм нашей бригады и составлению сметы на этот год. Председателем был полковник Илькевич, членами капитан Рерберг, военный инженер капитан Александр Аполлонович Попов и я. В сущности, комиссия только про[ш]ла, кое-что осмотрела и утвердила составленные мной предположения работ и смету.

14 апреля – четверг.

Первый почин в деле учреждения вспомогательного капитала был очень хорош. «Вместо визитов» записался 31 офицер, причем сумма пожертвованных денег равняется 62 рублям. Это уже крупный доход, который может быть 2 раза в год (на Новый год и на Пасху).

Участвовал от 1 часу дня до 1½ в комиссии по реорганизации ветеринарного лазарета (см. 8 февраля).

К нам в бригаду прибыла партия нижних чинов 23 артиллерийской бригады в количестве 125 человек. Привел их какой-то офицер, который тотчас же сдал команду дежурному по бригаде офицеру подпоручику Перлику, а сам немедленно уехал. Команда оказалась почти вся пьяной, демо-

рализованной. Герцог назначил заведывать ею штабс-капитана Крестьянова, который вскоре и прибыл в бригаду. Оказывается – начальство 23 артиллерийской бригады догадалось раздать револьверные патроны на руки всем нижним чинам. И это при условии, что все пьяны и никого не слушаются. 5 человек немедленно удрали, на другой день утром уже не хватало 8. Зашедший 18 апреля в Управление бригады штабс-капитан Крестьянов уже рассказал нам прелюбопытные вещи. Команда категорически отказывается слушаться. Один из фейерверкеров на приказание идти под арест ответил, что не пойдет (и не пошел). 6 человек канониров отказались встать «под ранец». Фейерверкера нашей бригады Банникова (6 батареи) они не слушаются и встречают криком, шумом и свистками. Штабс-капитана Крестьянова они также встретили «воем». Команду «смирно» они не приняли. Крестьянов простоял несколько минут среди кричавшей толпы (солдат!?!), которая отказывалась слушаться, заявляя, что им разрешено (?) пить и что они идут на войну, а потому не намерены «становиться под ранец», и т. д. и т. д. Помощником штабс-капитана Крестьянова назначен поручик Рейнталь.

Исповедывался и приобщался в Сергиевском всей артиллерии соборе за ранней обедней.

15 апреля – пятница.

В Петербурге раскупается 6 № «Нивы» за 1905 год. Раскупается, как говорят, нарасхват. Причина тому следующая. В этом номере помещена последняя фотографическая группа всей царской семьи фотографа Буассона и Эглера (бывший Пазетти – на Невском). После разъяснений и долгих всматриваний можно согласиться, что правее всей группы виднеется голова казненного Людовика 16 (намек на возможный конец дома Романовых), над головой гроб с венком и лентами. В складке драпри, сзади группы, очертания мертвеца, лежащего в гробу со сложенными руками (руки видны довольно хорошо). В мертвеце одни узнают великого князя Сергея Александровича, другие великого князя Алексея Александровича и, наконец, некоторые – самого государя. По-моему, скорее это великий князь Алексей Александрович. В другой складке драпри есть, говорят, еще один мертвец, но этого я уже положительно разобрать не мог. Кто был автором этой глупой и недостойной выходки? Или же это простая случайность, подобно тому, как облака, дым, складки платья и проч. приобретают иногда причудливые и реальные формы! Говорят, что тут замешан ретушер фотографии...

Нижние чины – герои 23 артиллерийской бригады – успокоились. Сегодня приезжал в 2 часа дня сам герцог, распустил их всюю, посадил непокорного фейерверкера на 20 суток под арест, а всех прочих без исключений по 2 часа под ранец. Герцог подает рапорт по начальству, но обвинения его будут касаться не нижних чинов, а лишь того офицера, который их при-

вел вчера в столь безобразном виде и тотчас же уехал. Оно и верно. Даже дисциплинированную команду оставь без надзора, и они живо обратятся в толпу. А тут еще война! Грех начальству 23 артиллерийской бригады так вести дело: это прямая подводка бедных солдат под суровый закон и расстреляние за бунт...

16 апреля – суббота.

Ездил в час дня вместе с подпоручиком Ушаковым навестить нашего бригадного адъютанта Фриде в больницу Покровской общины сестер милосердия (Вас[ислевский] остров, уг[ол] 27 линии и Большого пр.), где он только что перенес операцию – удаление отростка слепой кишки. В настоящее время Александр Алексеевич выглядит уже довольно хорошо и боли больше не чувствует.

Известно, чем кончилось грустное дело 6 января – выстрел картечью по Иордани. Давыдов, Карцев и Рот 1 сидят в Алексеевском равелине Петропавловской крепости¹⁰. Но дело не в том. Великий князь Владимир Александрович отдал приказ по округу, что он «сажает» командира 1 дивизиона гвардейской Конно-артиллерийской бригады полковника Гаспарини на 1 месяц на гауптвахту, на самом же деле он этого сделать не имел права, так как Гаспарини – командир отдельной части и «посадить» его можно только высочайшей властью. Гаспарини, говорят, подал рапорт. Взыскание не будет приведено в исполнение, чтобы не «сознаться в роковой ошибке».

17 апреля – воскресенье.

Визитов никому не делал.

День Светлого Христова воскресенья принес мне объявление в «Новом времени» о смерти моего незабвенного гувернера Павла Владимировича ПАЛЬТЕЛЬ. Это был человек таких высоких душевных качеств, каких, выражаясь банально, не каждый день встречаешь. П. В. начал со мной занятия за год до моего поступления в 1 класс кадетского корпуса, когда я уже получил всю подготовку к экзамену, требуемую программой корпуса, от моей гувернантки, не менее замечательной личности Марии Исидоровны Никифоровой. Таким образом, задача П. В. далеко не ограничивалась сухим прохождением несложных курсов русского и французского языка, арифметики и Закона Божия. Как человек в высшей степени образованный, с широким взглядом на науку, свободно владевший русским, французским, немецким и английским языком, П. В. ни минуты и не колебался считать своей главной задачей «развитие» сперва ребенка, а потом юноши, вверен-

¹⁰ На другой день, 17 апреля, вышел высочайший приказ о замене им крепости гауптвахтой с лишением только некоторых прав и преимуществ по службе. – Примечание В. С. Савонко.

ного его попечению. Ему, моему незабвенному, дорогому, любимому Павлу Вл[адимирови]чу, я обязан, что по поступлении в корпус преподаватели говорили: «О! у Савонько знаний уже на 4 класса...» Ему я обязан, что кончил курс в корпусе 1-м учеником с 12 баллами в среднем, ему я обязан блестящим прохождением курса в Михайловском артиллерийском училище. Но еще более я обязан ему за то, что он вдохнул в меня частицу своей любви к «свету знаний», к «правде» и «труду». Да не подумают, что мои скорбные строки о П. В. свелись на хвалебный гимн себе самому. Естественно, что растение, имеющее заботливый уход со стороны садовника, должно расцвести в пышный благоухающий цветок. Но не вина садовника, если кто-нибудь посторонний срежет или затопчет в грязь этот цветок. Если вы не видите во мне и ничтожной доли тех высоких качеств, которыми отличался П. В. Пальтель, то будьте уверены, что не он тому виной, ибо он был педагог в лучшем смысле этого слова, педагог по призванию, с молодости отдавший этой тяжелой профессии свои силы, ум, талант, обширные знания и свое сердце, свое полное благородства и любви сердце, переставшее биться вчера рано утром. Начав со мной занятия за год до поступления в [1 Кадетский] корпус, П. В. не терял со мной связи до самого моего поступления в училище. Одно лето мы жили с ним вместе в Гапсале, где я слушал его лекции ежедневно, а жена его (он только что женился тогда) – зубной врач – получила большую практику в Гапсале. Другое лето, уже когда я был в 6 классе корпуса, я ездил к нему в Лесной, где он жил на даче, и он читал мне лекции по аналитической геометрии, по обыкновению увлекаясь сам читаемым предметом, заботясь не о том, чтобы формула была вызубрена, а чтобы ученик «обнял», «понял» и, просветленный, полюбил бы новый предмет, как любил его он – мой дорогой учитель Павел Владимирович Пальтель. Память о нем да будет свята!

18 апреля – понедельник.

В 9 часов утра я и мой отец были на выносе тела Павла Владимировича Пальтель (Загородный пр., д. 20). После П. В. осталась жена и 11-летний сын. Умер П. В. на 59 году от роду.

В 7 часов вечера какой-то подозрительной наружности «артист» (Анфини) дал свое представление в нашем большом манеже для солдат 1 его высочества, 4, 5 и 6 батарей (командиры этих батарей изъявили согласие). Фокусы он показывал, по правде сказать, очень чисто и ловко. Второе отделение – куплеты при благосклонном участии девицы и эксперименты самой девицы, на грудь которой положили камень и били по нем[у] топорами, – было значительно слабее, но солдатам понравилось, по-видимому, больше первого, ибо «ржанье» достигло солидных размеров... Из офицеров были только дежурный по бригаде офицер подпоручик Курбатов да я.

19 апреля – вторник.

В 2 часа дня в собрании бригады в присутствии командира бригады герцога Мекленбургского и всех офицеров был молебен по случаю отъезда капитана Алымова на Дальний Восток. Капитан Н. И. Алымов едет туда не на бранное поприще, а как представитель Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса, которое уже с начала войны имеет там свои отделения. Молебен служил отец Философов. Поднесли традиционный образ. Его высочество пожелал Н. И. благополучного путешествия, а Н. И. ответил, что хотя в настоящее время он едет и не как строевой офицер, но что будет потом, ничего не известно, и если ему придется попасть в строй, он верит, что благословение бригады сохранит его так же, как сохраняло его благословение бригады в Китайскую войну и т. д. В общем сказал очень хорошо. Было шампанское.

20 апреля – среда.

С поездом 8 часов 45 минут утра командир бригады его высочество герцог Мекленбургский, капитан Гирш и я ездили в Красное Село ос[м]атривать новую ремонтную конюшню (в 3 эшелоне) и другие бараки. Погода жаркая, как в июле. Вернулись обратно к 12½ часам.

На Николаевском вокзале в 10½ часов вечера проводили Н. И. Алымова в шестимесячную командировку Э[кономического] о[бщества] о[фицеров] Г[вардейского] к[орпуса] на Дальний Восток. Провожających было не особенно много! может быть потому, что сперва час отъезда был назначен в 9 часов, а потом последовала внезапная перемена. Герцог был. Я был.

22 апреля – пятница.

На этих днях вернулся с войны один из наших бывших офицеров бригады Михаил Сергеевич Росляков, ныне командир батареи 29 артиллерийской бригады. Он эвакуирован, ибо в мукденских боях его контузили в голову, он свалился с лошади и ему переехало ноги. У правой ноги повреждена чашка, и нога не сгибается в колене. «Дешево отделался», – говорит Михаил Сергеевич.

24 апреля – воскресенье.

Несколько дней тому назад в «Новом времени» было объявлено, что от офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона поступило в пользу семейств убитых, раненых и увечных чинов Порт-Артура 197 рублей. История этого пожертвования такова. В прошлом году 9 ноября у нас, по случаю войны, годового обеда не было, и было постановлено: взамен обеда деньги на эту потребность пожертво[в]ать на одну из нужд войны. Но тут же постановить: на что

именно и сколько – сделано не было, ибо герцог запретил общему собранию делать постановления о пожертвованиях. Пожертвования, говорит герцог, по закону могут быть лишь добровольными, и общее собрание, по закону, имеет право устанавливать вычет только на нужды собрания. Это, конечно, верно. Но по обстоятельствам данного времени – совершенно исключительным – мы видим, что все войсковые части и учреждения делали постановления о процентных вычетах на и флот, или же постановляли пожертвовать единовременную сумму. Мы сами таким путем уже пожертвовали 2000 рублей (1[000] в склад императрицы Александры Федоровны и 1000 на флот). Но герцог запретил, а потому был выложен лист, на котором предоставлялось расписываться жертвователям в любой сумме на порт-артурцев. Почему именно на Порт-Артур? Говорят, что это оказалось мнением большинства по опросу в батареях, но я знаю, что многие хотели жертвовать на другое. Подписной лист испытал свою обычную судьбу. Несмотря на то, что в заголовке стояло, что это «вместо годового обеда», на нем расписалось всего несколько человек (по 8–15 рублей), и весь лист дал всего 197 рублей, которые и были сданы в «Новое время». Если все делать по букве закона, строго официально, неумело – другого результата и ждать нельзя.

25 апреля – понедельник.

От 9½ часов утра до 1½ дня принимал в вещевом складе (ул. Глинки) лагерные палатки для всей бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

Подъехав к собранию бригады и войдя в переднюю, я застал всех наших офицеров поднимающимися по лестнице. Оказывается, в бригаду приехал командир корпуса генерал-адъютант князь Васильчиков. Тут же были начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово и все наше бригадное начальство во главе с герцогом. Таким образом, я случайно приехал вовремя и мог услышать всю бессвязную речь князя, обращенную к нам в зале, предварительно заперев все двери. Бессвязную речь повторить трудно, а потому я за передачу ее и не берусь. Суть же была в следующем. Васильчиков напомнил нам о «грустной» истории Конно-артиллерийской бригады 6 января, обнаружившей тамошние недочеты в службе, а «потому» (sic) и нашей бригаде советовал исправить все недочеты (?), кои, может быть, и у нас имеются. Это раз. Вторая мысль коснулась современного «тяжелого» положения России. К счастью, 9 января артиллерия не действовала, а то «убыль» была бы больше, но Васильчиков не сомневается, что мы бы действовали прекрасно. 9 января гвардия показала себя на высоте, и великий князь Владимир Александрович доложил государю, что он «гордится такой гвардией». 9 же января убедило «бунтовщиков», что без содействия войск им ничего не добиться, а потому вся их пропаганда на-

правлена ныне в войска. Офицерам надлежит в простых словах разъяснять своим подчиненным истинное положение дел, дабы солдаты прониклись «консервативным» духом не только на службе, но и остались бы таковыми на после службы. К сожалению, в рядах «бунтовщиков» были бывшие солдаты и даже «фельдфебель», что не делает чести его бывшему начальству. Советовал вскрывать и читать письма, так как известно, что пропаганда идет отовсюду, даже на днях было получено..... противоправительственное письмо «из Владивостока одному павловскому солдату»... Вот суть его речи... Васильчиков поклонился и на прощанье подал всем нам руку.

27 апреля – среда.

В 9 часов утра молебен на Спасской площади, и вся бригада с гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом выступила в конном строю в лагерь. Командир бригады его высочество герцог Мекленбургский поехал во главе бригады верхом. Я остался (вторично) заведывающим всею оставшеюся в городе частью (приблизительно 225 человек). И. д. фельдфебеля – фейерверкер 1 стрелковой батареи Веселковский.

В 11½ часов являлся коменданту на его квартире генерал-майору Крылову по случаю назначения меня заведывающим оставшейся частью и ухода бригады в лагерь.

29 апреля – пятница.

Получил сегодня утром от издателя нашего журнала (вернее: лекций) в Археологическом институте г-на Белавенца повестку с приглашением собраться на общее собрание подписчиков журнала в институт в 6½ часов вечера. Я пришел вовремя. Кроме меня пришли еще человек 8–10. Самого г-на Белавенца не было, и он не пришел до СЕМИ, когда я ушел из института, не дождавшись «собрания». Но вот что я узнал! Помните, описывая «музей» института, я высказал предположение, что им в настоящее время никто не занимается и за ним никто не следит. Я основывал свое предположение исключительно на том внешнем беспорядке, в котором этот музей ныне обретається. Сегодня, рассматривая новую повешенную группу в институте в прекрасной, богатой раме (конечно, того выпуска, в котор[о]м был «сам» г. министр народного просвещения его превосходительство генерал Глазов), я узрел среди «симпатичных» лиц служащего персонала некоего г. Успенского. Кто он такой и какую должность занимает? Пришлось спросить сторожа Сергея. Внимание, господа!!!! Я привожу мой разговор дословно:

– Скажите, Сергей. Кто это г-н Успенский? Он служит в институте?

– Да! Числится то есть.

– Как числится?!

– Да так! Числится! Он считается заведывающим музеем, но никогда не бывает.

– Неужели!? Совсем НИКОГДА не бывает?

– Нет! За жалованьем иногда приходит... А больше не бывает...

Но ведь это же ужасно, господа!! Говорят, что нет денег на школы. Археологический институт живет на гроши, а между тем существует штатное место, оплачиваемое жалованьем, на котором можно только «числиться» и «никогда» не посещать службу!.. Я нарочно сегодня снова внимательно обзрел «музей». Не сгустил ли я краски, описывая его? Нет! Краски мои скорее слишком бледны. Вот на окне стоят картоны, на которых когда-то были прицеплены какие-то вещи, добытые раскопками. Вероятно, эти вещи были нужны, если их прикрепляли к картону. Теперь же из этих вещей осталось только 1 или 2, а остальные куда-то исчезли: лишь веревочки, которыми они были привязаны, сиротливо болтаются... А вот медные чашки навалены кучей на одном из столов. Когда-то на них были прикреплены ярлыки с надписями и номерами – может быть когда-то существовавшей описи, или каталога. Но ярлыки давно уже оборвались, и лишь веревочки сиротливо болтаются... Коробочки, в которых когда-то были монеты, теперь пусты, и лишь надписи на дне сиротливо вопиют об исчезнувшей нумизматической коллекции... Сиротство, сиротство кругом!! Когда же власть или общественное мнение покарает г-на Покровского за это сиротство!!..

Примечание 10 мая: Судя по 2-му приглашению, полученному мною, общее собрание 29 апреля СОСТОЯЛОСЬ.

1 мая – воскресенье.

Был на открытии «Павловского вокзала» вместе с Н. Н. Ушаковым. Как красив внутри новый вокзал Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги¹¹! В особенности красива электрическая арматура и мебель в новом стиле! Народу на открытии – масса, но элемент далеко не аристократический, даже не буржуазный, а просто приказчики и лавочники. Офицеров, и в особенности офицеров Гвардейского корпуса, почти не было. Не причиной ли тому, что буквально вся гвардейская пехота и вся гвардейская кавалерия в нарядах по городу на случай ожидаемых беспорядков, а гв. артиллерия уже в лагерях... Оркестр графа Шереметева под управлением г. Владимирова. Гимн «Боже, царя храни» прошел благополучно. Все стояли без шапок, за исключением одного-двух студентов. Гимн оркестр повторил 3 раза, моментально повинувшись жидким хлопкам и отдельным «бис» нашей

¹¹ Деревянное здание вокзала в Павловске было построено в 1904 году по проекту арх. С. А. Бржозовского.

космополитной публики. Во 2 отделении, когда спел Морской (артист Императорского театра) песнь Левка из «Майской ночи» Римского-Корсакова, начали вопить «автора» – героя недавнего скандала в Консерватории¹², которого так мастерски развенчал в своем великолепном «Горе от глупости» Буренин¹³.

5 мая – четверг.

От 1 часу дня обычная поверка дров комиссией.

6 мая – пятница.

Был в Павловске на «музыке». «Боже, царя храни» играли 3 раза. Все – корректно.

8 мая – воскресенье.

В газетах было объявлено, что 8 мая в 2 часа дня состоится годичный акт в СПб. Археологическом институте. Я поехал на него. Публики собралось порядочно. Все это по большей частью «выпускные» этого года, но есть и уже ранее окончившие институт, и есть и первокурсники, как я – все, как подобает, в мундирах, орденах и т. д. Приехал генерал Глазов, министр народного просвещения и действительный член института. Торжество началось молебном. Пел хор из студентов (затрапезных и долгогривых) духовной академии, но пел хорошо, в особенности «многая лета», не на обычный мотив, но как-то иначе, очень оригинально и красиво. Это «многая лета» всем очень понравилось. Многие вслух выражали свой восторг.

Генерал Глазов начал речь так: «Я очень счастлив, что на мою долю, как бывшего питомца этого высшего учебного заведения, выпало счастье...» и т. д. Глазов поведал нам, что государь император всегда с глубоким интересом следит за преуспеянием Археологического института, живо интересовался им на докладах о сем покойным покровителем института великим князем Сергеем Александровичем и вот теперь оказывает нам большую милость, даруя название «ИМПЕРАТОРСКОГО Археологического инсти-

¹² Н. А. Римский-Корсаков во время революционных событий поддержал волнения студентов и был уволен из Петербургской консерватории из-за несогласия с позицией администрации.

¹³ «Горе от глупости» – драматическая сатира В. П. Буренина, литературная пародия на «Горе от ума» А. С. Грибоедова, изданная в 1905 г. О Н. А. Римском-Корсакове Буренин пишет следующее: «А все ж граница есть для глупых слов и дел: // Однако жрец нашелся музыкальный, // Который этот перешел предел: // Увлечшись славою скандальной, // Сей ветхий муж запел депошу в лад // И от профессорства за это был уволен». См.: Буренин В. П. Горе от глупости: драматическая сатира. СПб., 1905. С. 5–9.

тута». Генерал Глазов выразил надежду, что мы оценим эту новую высочайшую милость и, как прежде, употребим все силы на служение науке на славу «нашей великой родины и ее самодержца».

Слова Глазова были встречены громом рукоплесканий и одобрения. Несколько голосов крикнули «гимн», но это единичное желание было встречено единодушно всей аудиторией, и мы все довольно стройно и торжественно пропели величавый гимн «великой» России, после чего снова с энтузиазмом прокричали «ура».

Все сели, а директор института в парадном мундире, в ленте и с треуголкой в руках вошел на кафедру и приступил к чтению «годового отчета», начав его своей традиционной скороговоркой: «милостивые государыни, милостивые государи». Было заявлено, что в отчетном году мы понесли невознаградимую утрату в лице покровителя института великого князя Сергея Александровича, но «институт не упал духом», благодаря «просвещенному покровительству» г. министра Глазова... И затем самый отчет... Ах, эти «годовые» отчеты!! Не будь их, пожалуй, дело бы выиграло. Отчет – это самообольщение, морфий, усыпляющее средство. Читаешь его или слушаешь, и непременно у тебя расплывается улыбка на лице и ты думаешь: «Боже, как все хорошо! Все продумано, успехи колоссальные, результаты удивительные, хозяйство поразительное!!» Это вроде переключки, где «Я» отвечает не каждый сам за себя, а кто-нибудь один. Сколько ни переключай – всегда будет ответ «Я», и значит, все налицо. Покровский устроил публичную переключку и сам же отвечает на вызов:

- Заботливый директор?
- Есть!
- Профессора?
- Есть!
- Лекции?
- Были!
- Практические занятия?
- Были!
- Библиотека?
- Есть!
- Музей?
- Есть!!
- и т.д.

Причем все совершенствуется. В прошлом году в библиотеке было 12500 томов, а в этом году 12600. Библиотека, следовательно, процветает. Ведь число томов могло же и уменьшиться, что было бы, не правда ли, хуже? В музей поступило несколько пожертво[в]аний и несколько приобретений института. (Об исчезнувших предметах говорить, конечно, не стоит.)

– Заведующий музеем есть?

– Есть! Г-н Успенский!!

Не верите? Посмотрите в печатном отчете. Ей-богу, там написано: «Заведующий музеем СПб. Археологического института господин Успенский».

– Да ведь он никогда не бывает?

– Это другое дело. Об этом в отчете ничего не оказано..

Даже напротив... По поручению г. министра в этом году была ревизия всех «дел» каким-то старым генералом, и все найдено в образцовом порядке...

По отчету число слушателей на лекциях колебалось от 50 до 100, причем цифра редко опускалась менее 100. А по-моему, цифра 100 – это *maximum*, что бывало на лекциях, и большей частью число слушателей было меньше 100. Конечно, выгоднее показать цифру больше, ибо, значит, интерес к лекциям большой, а это, в свою очередь, показатель талантливости и осмысленности читаемых лекций. Потом был прочитан полный список окончивших в сем году институт и финальное «слово», после которого по адресу Покровского раздались шумные аплодисменты. Покровский предложил послать приветственную телеграмму великой княгине Елизавете Федоровне (вдове великого князя Сергея Александровича), что было встречено также сочувственно с возгласами: «Просим». Актовую речь (реферат) прочел профессор Грибовский о «Церковном уставе Владимира Св.» и остановился главным образом на выяснении значения слова «зубояжина». Ему тоже аплодировали – громко и долго. Торжество закончилось около 3½ часов дня.

9 мая – понедельник.

Выражения (наречие) моего вахтера Сергея Александрова – уже 5 лет находящегося на сверхсрочной службе. (Воронежской губернии.)

- 1) Дешевше
- 2) Не хочет работать
- 3) Ширше (шире)
- 4) Скорейше
- 5) Без виду (т. е. неважно, сделано без виду: неважно сделано)
- 6) досток (досок)

11 мая – среда.

В 11½ часов дня был у коменданта генерала Крылова сообщить ему, что вчера в 6½ часов вечера какой-то штатский напал на дневального у ворот нашей бригады с ножом в руках. Штатский был пьян.

12 мая – четверг.

Петербургское «мо».

– Какая разница между Владимиром (великим князем Владимиром Александровичем) и Ноем?

– У Ноя был один Хам, а у Владимира 2 хама (великие князья Кирилл и Борис Владимировичи).

(Слышал от А. А. Фриде.)

Был в «Новом летнем театре» на Бассейной ул. на опере «Демон». Это бывшая т. н. «Олимпия», где я прикомандированным к бригаде офицером впервые услышал только что появившуюся у нас в Петербурге знаменитую оперетку «Гейша» с г-жой Кестлер в роли Мимозы. А теперь уже несколько лет подряд дирекция Кабанова и Яковлева основала здесь серьезную оперу, в которой гастролируют такие силы, как Фигнер, Шаляпин, Собинов и др. В саду в этом году (так же, как и в 1903 г.) играет наш оркестр (лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады) под управлением Франца Антоновича Каукаль. Сегодня в «Демоне» пел артист Императорской оперы Тартаков (Демон), а в роли Тамары – г-жа Кузнецова – уже, как говорят, принятая на императорскую сцену с окладом в 5000 рублей. (Зиму она пела в опере князя Церетели, в СПб. консерватории.)

14 мая – суббота.

У нас в казармах остановилась сотня 28 Донского казачьего полка на время: утром 17 они уходят на новую стоянку. Это мобилизованные полки для мирных подвигов в СПб. Людей мы поместили в Большой манеж, лошадей в офицерскую и ремонтную конюшни и ветеринарный лазарет, а 3 офицера живут в дежурной комнате офицерского собрания. По требованиям полиции несчастных казаков гоняют без отдыха. Вдруг в 3 часа ночи подымут внезапно и «лупят» на свечной завод, где приставу померещились беспорядки. «Приезжаешь (рассказывал мне есаул) – все спокойно!» И люди, и лошади – вечно усталые...

МОЯ ПЕРВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСКУРСИЯ

От Императорского Археологического института было объявлено в газетах (несколько дней тому назад), что 14 мая с поездом в 10½ часов утра отправится экскурсия окончивших в сем году курс в институте археологов на станцию Оредеж по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге для раскопок. Во главе экскурсантов будет профессор Веселовский. Предварительные изыскания и раскопки уже произведены г. Цепели (или Целепи). Хотя в газете и ясно стояло, что экскурсанты – это окончившие в сем году институт, но я все же пошел узнать у «главы» института – сторожа Сергея Богданова – в чем тут дело – и получил от него разъяснение, что «можете ехать, отчего же нельзя? Кто хочет, тот и едет» и т. д. ...

Я и записался, а на другой день записались и мои товарищи по бригаде и однокурсники по институту – капитан Вешняков и подпоручик Ушаков. Нашей же бригады подпоручик Бородин и лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады полковник Ден (бывший наш офицер), как окончившие в сем году институт, уже были записаны ранее.

В начале 11 часа я и Н. Н. Ушаков были на Царскосельском вокзале. Взяли билеты и засели в вагон 2 класса, ожидая, что подойдут наши одноклассники и мы вместе совершим путь. Вешняков и Бородин действительно скоро показались и юркнули в вагон 3 класса. Оказывается, что по традициям все экскурсанты Археологического института ездят ежегодно в отдельном вагоне 3 класса. Вагон этот отцепляют на конечной станции, и в этом же вагоне возвращаются обратно. Дабы не отставать от других, генералы и офицеры садятся тоже в вагон 3 класса, хотя и имеют право с тем же билетом ехать во втором. Один из окончивших уже институт вспоминал, как несколько лет тому назад «даже генерал Глазов» (ныне министр народного просвещения) ехал с ними в 3 классе и как это удивило одного «солдатика», зашедшего случайно в этот вагон! Пришлось и нам с Ушаковым перебраться в археологический вагон, где мы и заняли впятером 2 скамейки (Ден, Бородин, Вешняков, Ушаков и я). С нами в вагон сел и профессор Николай Иванович Веселовский, по обыкновению молчаливый, от которого едва вытягивали односложные ответы немногие наивные экскурсанты, напрасно думавшие поживиться на счет опытности и знаний известного ученого. Известный ученый таил свою опытность и свои знания про себя!.. Сел с нами и главный «организатор» поездки сторож Сергей Богданов с помощником-служителем и солидными корзинами, ящиками, самоваром и проч. В 10½ часов поезд тронулся, а в 2 часа 15 минут мы прибыли на станцию ОРЕДЕЖ. Господа археологи «высыпали» из вагона (между нами была одна дама... Без дамы невозможно!!) и зашагали по грунтовой дороге. Погода восхитительная... Солнце пекло изрядно, и в одном кителе было жарко. Нас было человек около 50, и, бросив взгляд на дорогу, можно было, судя по серым пальто, определить, что почти половина была военные (офицеры, 1 ветеринарный врач и 2 фармацевта). Прошли деревню КАШИЦА (Будковской волости, Петербургской губ.), в которой имеется низкая деревянная часовня с старинными образами и каменными крестами, затем деревню БОРШОВО, и тут у ее опушки, у самой дороги и недалеко от живописной реки Оредеж с ее красивыми озерами, показались те самые курганы, которые были целью нашей экскурсии (3 часа 10 минут дня). Упомянутый мной г. Целепи, здешний помещик и член Археологического института, уже подготовил нам один курган, дойдя до костяка (скелета), который в этих местах находится почти на горизонте земли. До начала дальнейших раскопок профессор Веселовский прочел нам маленькую

вступительную лекцию о «курганах вообще», объяснил их классификацию (собственно курганы, жальники, сопки...) и проч. Раскопки начал сам Н. И. Веселовский маленькой лопаточкой и успел, обнаружив череп, слегка его обнажить, отделив от грунта.

(Единственная дама (тихо): «Что это такое? Какой-то горшок!?»)

Цепели (громко): «Помилуйте, сударыня! Какой же это горшок! Это череп!!»

Общий смех.)

Дальнейшие раскопки продолжал какой-то юркий штатский, а роль Веселовского, передавшего ему лопаточку, на этом кончилась. Дальнейшее его пребывание было вполне бесполезно. Если бы он ушел куда-нибудь, никто бы этого, конечно, не заметил. С расспросами обращались к г. Цепели и к тем археологам, которые уже раньше производили раскопки. Во всяком случае, всю эту экскурсию нужно рассматривать так: собралась компания и сказала: «Поедьте, господа, на раскопки» – и поехали. Слава богу, что нашлись 2–3 человека, которые с этим делом знакомы: они копали, придерживаясь научных методов, а прочие глазели. Когда нехитрые приемы «научного копанья» все увидали, то дальнейший интерес сразу упал, тем более что ископаемых предметов находится очень мало, ибо северные курганы вообще бедны.

– И всем-то вы всегда недовольны, – скажут мне.

Вовсе нет! Я очень доволен... Доволен, что институт организовал эту поездку, и доволен, что я имел возможность познакомит[ь]ся (хоть начерно) с приемами раскопок, но не могу же я согласиться, что ЛУЧШЕ нельзя было, или не следовало, организовать поездку. Да прежде всего нельзя было ставить во главе г-на Веселовского, один вид которого наводит уныние. Тусклый взгляд его говорит: «Разве это курганы? Вот на юге курганы я копал... Поскорей бы спать в вагон!» Затем, сказав, что я познакомился с приемами раскопок, это не значит, что институт тут «при чем-нибудь». Институт поставил нам во главе г. Веселовского и дал метрдротелем сторожа Богданова, и больше ничего... Особые листки с графиками и рисунками скелета и вопросником для ведения журнала раскопок я случайно увидел у г. Целепи. Инструмент для измерения находимых черепов имелся случайно у одного из экскурсантов. О предварительных измерениях курганов, о необходимости фотографирования и массе прочих мелочей я знал лишь из книги Довнар-Запольского «Чтения по русской истории, т. 1». Одним словом, я повторяю, что экскурсия носила характер самостоятельного пикника. Каждый из нас вынес из нее минимум того, что может дать всякая практическая поездка или просто всякое путешествие. Я вынес из нее столько, сколько вынес в свое время, например, посещая катакомбы в Риме, даже, может быть, меньше, потому что там мне все-таки объяснял уже опытный

гид. Но всякому ясно, что это, конечно, не то же самое, как если бы я поехал осматривать катакомбы в Риме под руководством известного археолога и знатока древностей первых времен христианства. Правда, в обоих случаях можно было бы подготовиться к поездке, т. е. ознакомиться с литературой по данному вопросу, но вот в данном случае институт в лице своих профессоров даже не потрудился указать нам, где и что можно найти по вопросу о раскопках и вообще о курганах в России... Буду продолжать «хронику». Экскурсанты разделились на группы. Одна группа продолжала интересоваться раскопками 1-го кургана, другая группа обступила довольно уже глубокую вырытую могилу, из которой извлекли череп и измеряли его величину, третья группа во главе с ветеринарным врачом Вишневым приступила к разрытию еще нетронутого кургана, и, наконец, четвертая группа уже утомилась всем виденным и уныло бродила, сидела или полулежала в ожидании «закуски». А тем временем Сергей Богданов совместно с помощником и некоторыми из местных крестьян, толпой собравшихся – с бабами и ребятами – поглядеть на «могилки», уже гремел тарелками, рюмками и ножами, накрывая на стол и извлекая из своих корзин «казенную водку», коньяк, большие бутылки с красным вином и проч. Мужики, бабы и ребята с любопытством разглядывали то господ, то кости скелетов, находимые в могилах, то груды булок и колбас, возвышавшихся на столе, пересмеивались, подталкивали друг друга, острили...

– Ишь ты!.. Хотут по костям узнать, баба аль мужчина!..

– По костям не узнаешь... Не в костях сила!..

А Сергей, высоко подняв бутылку «винополии», цинично восклицал:

– Мои-то раскопки, господа, лучше!!

Голод разбирал всех... Стоило лишь первым усесться за стол (боюсь, что это были Вешняков, Ушаков и я), как и все прочие последовали благому примеру. Мест далеко хватило не всем, и с удобством уселась лишь половина. Сергей оказался очень ловким метрдотелем. Он не выложил всех своих запасов сразу, а начал с колбасы, ветчины и сыру, по потом вдруг появилась корзина с яйцами, затем редиска и масло, свежие огурцы... Вина и водки было много. В этом отношении экскурсия была организована институтом превосходно. Не тонкий ли психолог г-н Покровский? В прошлом году «копали» где-то на берегу Невы. Поехали на пароходе, на котором предварительно порядком выпили, а там на месте был «сам» директор, который потом угощал ужином и шампанским у себя на даче. В этом году шампанского не было, но водка и вино были в изобилии, а известно, что водка и вино приводят всех в прекрасное расположение духа, и будь тут налицо г. Покровский, мы неминуемо подняли бы «чару» за здоровье «уважаемого директора» и кричали бы ему «ура». Одним словом, экскурсия «пахла Русью, русским духом»...

После «закусмана» раскопки продолжались часов до 10 вечера. Нашли кой-какие вещи: серебряное кольцо, топорик, бусы, несколько монет и проч. Я съездил с Н. Н. Ушаковым в соседнюю деревню Ерышово, а потом поехали на станцию и оттуда пешком прошли в близлежащую деревню Пантелевино. Наш вагон третьего класса стоял на станции, и проходящий на Петербург поезд прицеплял его к себе около 5 часов утра. Нам пришла мысль переночевать в этой деревне и выехать из Оредежа лишь завтра утром. Отыскали свободную избу, нам постлали тюфяки, и мы, оставив пальто, вернулись на станцию ужинать. Здесь мы уж застали почти всех экскурсантов во главе с г. Целепи и наших – Дена, Бородина и Вешнякова. Последний уговорил нас ехать с ночным поездом, и мы послали за нашими пальто служителя. Заказали ужин и распили 2 бутылки шампанского. В 10½ часов подъехал к станции поезд из СПбурга, и в зал вокзала вошел великий князь Константин Константинович в австрийской синей куртке с маленькими «штатскими» орденами и в «накидке». С ним был какой-то генерал. Все встали. Великий князь сел пить чай, кивнув нам головой, затем удивленно-вопросительно посмотрел на многолюдное общество, и когда ему объяснили, что это «археологическая экскурсия», он задал несколько вопросов, после чего его вниманием завладел г. Целепи и показал ему все вещи, которые были сегодня найдены. Профессора Веселовского не было: он спал после трудов в вагоне...

Часов в 12 я завалился спать, часа в 4 ночи был разбужен необычайным концертом коров и телят, не смолкавшим ни на одну минуту, пока нас не прицепили и мы не двинулись со станции, а в 8 часов 20 минут утра мы подкатили к дебаркадеру «Царскосельской железной дороги» в СПбурге.

15 мая – воскресенье.

В 2½ часа дня был у великого князя Андрея Владимировича (Английская наб., д. 28). Дома не застал, расписался в книге.

Дело было так (окончательно выяснившееся). Великий князь – наш товарищ по выпуску 1 дополнительного курса Михайловского артиллерийского училища в 1898 году (выпуск – 35 человек) – решил пригласить к себе на завтрак всех нас, кто, конечно, в настоящее время находится в Петербурге. Список таковых составил и представил Плавский (один из 35-ти) и в этом списке пропустил меня. Завтрак у великого князя состоялся 9 мая и собрал большое количество из нашего выпуска. Кроме меня пропущен был Бойно-Родзевич (хотя последний и обучается в той же Михайловской артиллерийской академии, где и Плавский) и Петерсон (запасной бат[ареи] гвардейской Конно-артиллерийской бригады), но последний, как говорит В. Смысловский (один из 35), в списке был, а не приглашен по каким-то другим (?) причинам... На завтраке решили «ответить» великому князю

Андрею, а кстати и Кириллу Владимировичу (присутствовавшему на завтраке), обедом у Эрнеста 12 мая в 7 часов вечера. В. Смысловский обо всем меня уведомил, ручаясь, что здесь произошло печальное недоразумение, благодаря поспешности и неосновательности Плавского, но я, тем не менее, на обед ехать отказался. 12-го в 7½ часов вечера я получил по телефону от Эрнеста приглашение приехать в ресторан. Ясно, что обо мне был разговор. Это подтвердил на другой день и Смысловский, говоря, что великому князю было заявлено о моем пропуске в списке и что великий князь «сожалел» об этом и «принимал на себя часть вины в недоразумении». Но на обед я все-таки не поехал, рассматривая его как «ответ» на завтрак у Андрея. Расписаться же у него пришлось, дабы он не подумал, что я на него в претензии...

16 мая – понедельник.

Был на «Риголетто» в Новом летнем театре. Риголетто пел Тартаков.

17 мая – вторник.

Был на «Фаусте» в Новом летнем театре. Маргариту пела г-жа Кузнецова; Мефистофеля – г. Цесевич.

В 12 часов ночи, сколько можно было видеть, подавляющее на всех впечатление произвели самые последние телеграммы о полном разгроме эскадры Рождественского! Я до сих пор не заносу в свой дневник «рассуждений» о текущих событиях, о мыслях, чувствах и проч. Боюсь за размеры дневника и, кроме того, надеюсь, что верное настроение общества за все это время дадут и без меня многочисленные хроникеры и газеты. Я же стараюсь вписывать только то, что ПОЧТИ НАВЕРНОЕ НИКТО НЕ ЗАНЕСЕТ, КРОМЕ МЕНЯ....

По пути из театра домой, я видел, как у многих фонарей и у освещенных подъездов толпились группы с листками в руках... Скорее новостей!!! И вот «новости» появились, но какие! Самые мрачные предположения были светлее совершившегося ужасного события!!!..

22 мая – воскресенье.

Был от 3½ – 5 часов дня с Н. Н. Ушаковым в Ботаническом саду. Осматривал оранжереи. Из них новые, только что открытые очень комфортабельны. Посетителей порядочно.

Был на «Кармен» в Новом летнем театре. Кармен пела г-жа Дубровская.

23 мая – понедельник.

В 2 часа дня был на панихиде в Исаакиевском соборе по воинам, убитым на войне.

24 мая – вторник.

Был на «Аиде» в Новом летнем театре.

Чтобы как-нибудь не затерялось талантливое стихотворение нашего бывшего офицера бригады Рудольфа Викторовича Ясенского, я заношу его теперь, спустя несколько лет, на страницы дневника. Называется оно «Гордость» и пародирует облетевшее всю Россию шуточное стихотворение «Чем мы гордимся», приписываемое Мятлеву (1900 г.). Наша «Гордость» затрагивает не всю Россию, а лишь нашу бригаду. Считаю необходимым снабдить это стихотворение пояснительными примечаниями.

ГОРДОСТЬ

Гордятся люди всем –
И мы гордиться можем,
А кто не знает, чем,
Тому сейчас поможем.

Во-первых, белым кантом,	
Бригадным адъютантом,	1)
Без лацкана мундиром,	
Бригадным командиром,	2)
Нагрудным нашим знаком	
И Рерберговским браком;	3)
Двумя Превосходителями...	
Да ну их с прародителями!	4)
Супругою Баранова,	5)
Похабщиной Крестьянова,	
Купчихами гильдейскими,	
Гостями полицейскими,	6)
Стрелковым дивизионом,	
Беляевых миллионом,	7)
Мрозовского победами	8)
И общими обедами.	
Стрелковыми кинжалами,	9)
Бардельными скандалами,	10)
Шикарными манерами,	
Занятем с офицерами;	11)
Лохматым полотенцем,	12)
Стаховичем-младенцем,	13)
Машинкой-закурителем,	14)
Бесединым служителем,	15)

Библиотекой огромной,
 Хотя немноготомной.
 Музеем, где картинки,
 Штанишки и ботинки,
 И все в порядке строгом, –
 Печатным каталогом; 16)
 Гордимся мы магдистами – 17)
 Все больше трипперистами.
 Артемьева коровой 18)
 И Катькой Поляковой. 19)
 Разнузданностью нрава,
 Незнанием устава,
 Вином кислей лимона
 Из погреба барона; 20)
 Толпою лоботрясов
 Всех возрастов и классов.
 Гордимся мы Ромбаном, 21)
 Темиром-Гали-Ханом, 22)
 Котлетами, молодками, 23)
 Казенными пролетками, 24)
 Десятком вентиляторов 25)
 И сотней сепараторов. 26)
 Портретом фельдцейхмейстера, 27)
 Паштетами из клейстера,
 Сараями бригадными, 28)
 Солдатами нарядными.
 Дежурствами, опросами,
 Хуё-моё доносами, 29)
 Запущенным клозетом
 И собственным поэтом! 30)
 Гордимся мы дебошами,
 Резинными галошами,
 Конкурами с паденьем, 31)
 Высоким с самомненьем,
 Винтерами прекрасными,
 Попойками ужасными,
 Бильярдною игрою
 И всякой ерундою.
 Гордимся мы не даром
 Врачем-ветеринаром,
 Субботними поездками,

Вечерними повестками,
Участием в параде,
Дежурством по бригаде.
Всего же больше в свете —
Бумагою в клозете... 32)

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Штабс-капитан Рерберг, не пользовавшийся тогда популярностью и любовью.
- 2) Генерал-майор Ляпунов.
- 3) П. Ф. Рерберг женился на богатой купчихе Змиевой.
- 4) Командир гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Нищенков был произведен за поездку в Китайскую войну в генерал-майоры и оставался командиром [гвардейского] Стрелкового [артиллерийского] дивизиона до открытия бригадной вакансии. Случай — исключительный.
- 5) М. В. Баранов тоже женился на купчихе, и притом очень некрасивой.
- 6) Во время студенческих беспорядков полиция дежурила у нас на внутреннем бригадном плацу, и Ляпунов пригласил однажды всех полицейских офицеров в офицерское собрание, где их и угощали.
- 7) Иван, Николай и Тимофей Беляевы — дети генерал-лейтенанта Беляева, бывшего командира нашей бригады.
- 8) И. И. Мрозовский — командир 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, посланный умирять Китай.
- 9) Кинжалы вместо шашек испытывались в 1 стрелковой батарее.
- 10) Намек на скандал, который дошел до командира бригады благодаря анонимному письму.
- 11) Так называемые «офицерские занятия» — тактические и артиллерийские, вообще плохо поставленные.
- 12) Новое большое полотенце, заведенное в уборной офицерского собрания хозяином собрания штабс-капитаном Петрушевским.
- 13) Б. М. Стаховичу командир батареи не давал в самостоятельное заведывание ни одной команды.
- 14) Электрическая машинка-закуриватель, только что заведенная штабс-капитаном Петрушевским.
- 15) Самый толковый служитель в офицерском собрании.
- 16) Музей славился своим неустройством. Каталога не было. Значительно позже его систематизировал и привел в порядок Н. Илькевич.
- 17) Баронесса Магда Ливен, падчерица полковника Васильева, ездила верхом в нашем бригадном манеже и имела, как хорошенькая барышня, много ухажеров.
- 18) Фельдфебель 4 батареи.
- 19) Катя Полякова, знакомая Б. М. Стаховича, барышня из общества (дочь полковника),

очень хорошенькая, но вступившая на стезю «легкого» поведения. Брат ее – офицер лейб-гвардии Стрелкового полка.

20) Барона Арпсгофена. Собственно вино было из виноградников его тетки г-жи Леонард.

21) Лошадь Е. В. Пономаревского-Свидерского 1-го.

22) Штабс-капитан Айтбакин, вскоре умерший.

23) Молóдки (куры) часто входили в меню офицерского собрания.

24) Намек на полковника Масалитинова, командира 5 батареи, который завел собственный экипаж и сбрую при содействии батарейных сумм и имущества.

25) Вентиляторы в окнах офицерского собрания бригады, заведенные хозяином собрания штабс-капитаном Петрушевским.

26) И. П. Грибунин, бывший командир 5 батареи, называл некоторых офицеров «сепараторами».

27) Неважный портрет великого князя Михаила Николаевича в столовой офицерского собрания,

28) Очень плохими.

29) Капитан Леман, который ежедневно бывал у Ляпунова.

30) Автор стихотворения Р.В.Ясенский.

31) Б. А. Богушевский не раз падал с лошади на репетициях «конкура» в Михайловском манеже.

32) Последние 16 строчек прибавлены позднее и менее остроумны. Общие слова – плохо обоснованные. Последние 2 строчки фигурировали и в первоначальной редакции и после прибавки 16 строк перенесены в конец.

25 мая – среда.

В 1900 году зимой, с легкой руки штабс-капитана Петрушевского – нового тогда хозяина собрания – по вечерам дежурные по бригаде офицеры стали устраивать более или менее роскошный ужин для тех товарищей, которые их посещали (человек 10–15–20). Когда наступила очередь быть дежурным Р. В. Ясенскому (9 октября), он разослал нашей маленькой компании нижеследующее приглашение в стихах:

Когда в сем месяце, кончая день девятый,
Полдневный луч на небе догорит,
И вечер сумрачный, как серафим крылатый,
Десницею своей всю землю осенит,
Когда на улицах, пронзая мрак упорный,
Как звезды – фонари блеснут со всех сторон,
Тогда припомните, что Ваш слуга покорный
Дежурить в этот день судьбою обречен.
Увы, он угостить не может вас богато,

Лишь то, что Бог послал, разделит с вами он,
В карманах у него давно иссякло злато,
И кошелек пустой не звякнет серебром,
Но если искренность незыблемой приязни
Дороже Вам, чем ужин и вино,
Тогда Вас жду, – вплетая без боязни
В цепь дружбы новое, отрадное звено.

26 мая – четверг.

Был на «Демоне» в Новом летнем театре. Демон – Тартаков. Тамара – г-жа Дубровская.

29 мая – воскресенье.

Встречаются две молодые и красивые дамочки.

Первая. Ах, та chère, какое у тебя чудное платье. Сколько ты за него дала?

Вторая (наивно). Не помню хорошенько: два или три раза.

Каламбуры на животрепещущую тему:

Николай II спрашивает Микадо, почему на войне ему везет, а вот ему нет.

Микадо: Да потому, что у меня все есть: Ноги есть, Оки (очи) есть, да и здесь (показывая на лоб) у меня Того. А у вас этого нет, да главное и здесь (показывая на лоб) не того.

Государь посылает телеграмму Куропаткину (когда тот был еще главнокомандующим):

«Возьмите уроки у генерала Куроки».

Куропаткин отвечает:

«Да и Вам надо поучиться у Микадо».

<...>¹⁴

Был в Новом летнем театре на «Самсон и Далила». Самсон – г-н Чернов. Далила – г-жа Каренина.

31 мая – вторник.

Ездил по делам в Красное Село (по выходе бригады в лагерь – первый раз, так как два раза я имел доклад у его высочества здесь в СПбурге у него во дворце). Выехал с поездом 8-45 утра.

Вернулся – 12-24 ночи (Из Красного).

¹⁴ Часть текста зачеркнута синими чернилами.

1 июня – среда.

В газете «Биржевые ведомости» в вечернем издании в заметке «про-дернули» наши знаменитые «Зеленые связи», назвав их руинами. Эту заметку я вырезал и думаю передать в музей гвардейской артиллерии, где я предложил заведывающему музеем капитану Гиршу завести особый альбом газетных вырезок, в которых напечатано все, что либо имеющее [какое-либо] отношение к бригаде и ее офицерам.

2 июня – четверг.

Вчера вечером штабс-капитан Матюшкин – наш бывший бригадный казначей – окончательно очистил занимаемую им квартиру № 4 в офицерском доме бригады. Сегодня ее немного ремонтируют и приводят в порядок, а завтра я думаю в нее перебраться, дабы мою квартиру (№ 5) поскорее очистить для нового жильца бригадного дома подпоручика Ушакова (казначей).

3 июня – пятница.

Был в Новом летнем театре на «Искатели жемчуга», оп[ера] Бизе. Надира пел Собинов. Лейлу – г-жа Бронская-Макарова, затем г. Сокольский и г. Цесевич.

4 июня – суббота.

С 8¾ часов утра начал перетаскиваться на новую квартиру в том же доме и в том же коридоре. К 1½ дня кончил переноску... Массу времени взяла «библиотека». Еще вчера я все книги снял с полок и в порядке уложил на пол... С 3–4 часов дня в мою старую квартиру (№ 5) уже начал переезжать Н. Н. Ушаков. Мой новый адрес:

Французская набережная, д. 2, кв. 4. Телефон 350.

5 июня – воскресенье.

Ездил в Красное Село с поездом 8-45 утра поздравить нашего герцога с днем рождения. Весь эшелон (средний) был в сборе, так как у измайловцев был их обычный парад, который в этом году принимал великий князь Владимир Александрович. Герцог принимал, и я вместе с Явидом, Ушаковым и полковником Головачевым сидел у него на визите минут 20. Жара – тропическая. В мундире тяжело.

В Новом летнем театре смотрел «Пиковую Даму».

Лиза – г-жа Мелодист

Граф Томский – г-н Тартаков

Герман – г-н Чернов.

6 июня – понедельник.

Слушал в Новом летнем театре – оп[еру] «Фауст». Маргарита – г-жа Макарова-Бронская. Мефистофель – г-н Горяинов.

8 июня – среда.

В 12 часов дня ездил в Комендантское управление, куда меня вызвали «по делам службы». Комендант – генерал Крылов – принял в своем кабинете, по обыкновению рассыпаясь в любезностях. Оказывается, канонир лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады «напроказил» в Таврическом саду, но этот «типик» не принадлежит к моей «оставшейся части», а приехал из лагеря по билету в отпуск (Сиротин – 3 батареи). Таким образом, в сущности, я вызван был даром.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Евгений Онегин».

9 июня – четверг.

В лагерях служили молебны и подносили образ штабс-капитану Плющевскому-Плющик, уезжающему на войну по окончании Академии Генерального штаба (я не был).

11 июня – суббота.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Травиата».

12 июня – воскресенье.

В 12 часов дня поехал провожать на товарную станцию Ник[олаевской] железной дороги нашего доктора Андриевича, снова уезжающего на Дальний Восток в 13 санитарном поезде, который за это время подчинился и подмазался. Несмотря на то, что в приказе по бригаде было объявлено о дне и часе отъезда А. Н. Андриевича, – из бригады явилось его проводить всего 9 человек (полковники: Головачев, Гартунг, Илькевич, Наркович, Фурман, Демидов, я, подпоручик Ушаков и Дударов). Поезд отошел ровно в 1 час дня.

13 июня – понедельник.

В Новом летнем театре слушал оперу Монюшко «Галька». Ионтека пел г-н Собинов. Януша – г. Тартаков. Гальку – г-жа Мелодист.

14 июня – вторник.

Ездил по делам службы в Красное Село (поезда: 8-45 утра и 6-05 дня). В Новом летнем театре слушал оп[еру] «Африканку».

15 июня – среда.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Севильский цирюльник». Фигаро – г. Тартаков. Розина – г-жа Макарова-Бронская.

16 июня – четверг.

Был в Новом летнем театре на

1) оп[ере] «Сельская честь» и

2) оп[ере] «Паяцы»

Недда – г-жа Кузнецова

Канио – г-н Чернов

Тонио – г-н Тартаков

18 июня – суббота.

Так как я и Н. Н. Ушаков пользуемся, и довольно часто, даровыми билетами в Новом летнем театре, которые нам получает из кассы наш капельмейстер Франц Антонович Каукаль, то мы решили в «один приятный день» устроить Францу Антоновичу «обед» в отплату за его любезное для нас беспокойство. Обед состоялся сегодня в 7 часов вечера в столовой квартиры Ушакова, так как моя столовая, после окраски полов, еще не готова. Обед был из 5 блюд с винами, закуской и шампанским. Кроме того, мы поднесли Ф. А. серебряный бокал с его монограммой. В начале десятого, по окончании обеда, мы вдвоем поехали в Новый летний театр, где г. Каукалю нужно было дирижировать нашим оркестром на сцене (оп[ера] «Аида», 2 действие). Кстати я и Ушаков прослушали там 2 и 3 действия, а затем вернулись и уже в моей квартире пили кофе с бенедиктином. Обед и проч. нам обошелся около 30 рублей (по 15 рублей каждому).

19 июня – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Демон».

22 июня – среда.

Ездил на 20 минут в Госпитальный продовольственный магазин (Выборгская сторона) в качестве депутата от бригады для составления актов 1) об овсяных кулях, подлежащих починке и негодных, и 2) о десятичных весах (11 часов утра).

На Николаевском вокзале в 8 часов вечера проводили на «войну» штабс-капитан[а] Плющевского-Плющик, окончившего в сем году Академию Генерального штаба. Собрались $\frac{3}{4}$ наличного лагерного состава офицеров бригады (можно не прибавлять «и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона», ибо ни одного офицера этого дивизиона не было) во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. Был на проводах и подполковник М. С. Росляков, на несколько дней приехавший из Риги в СПб. Тут же на вокзале штабс-капитан барон Арпсгофен сообщил, что ему «удалось» выхлопотать и он тоже едет на войну. (Из окончивших в этом году Генеральный штаб назначены были на войну лишь первые 20 учени-

Хроника 1905 г.

ков. Барон кончил ниже), а потому в эту субботу будет ему молебен в лагерях, а в понедельник его провожают на Варшавский вокзал.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Фауст». Маргарита – г-жа Кузнецова.

1905

454

23 июня – четверг.

Был в «Новом летнем театре» на оп[ере] «Травиата» с уч[астием] Брагина и Кузнецовой.

24 июня – пятница.

Был с Н. Н. и С. Н. Ушаковыми в «Зоологическом музее». Хотя пятница предоставляется «исключительно» для учащихся, но пускают всех, ибо эти «все» – те ровно 2–3 посетителя, которых мы увидели. Впрочем, разве мы не учащиеся? Я и Ушаков – слушатели института, а С. Н. Ушаков (его брат) – кадет 1 московского Екатерины II корпуса. Нового я не заметил. Разве только два белых медведя (при входе, с электрическими лампами) и 2 тигра – дары князя Голицына.

25 июня – суббота.

Ездил в Красное Село по делам службы. Кстати присутствовал в 11½ часов утра на молебне штабс-капитану барону Андрею Владимировичу Арпсгофену, уезжающему на Дальний Восток. Служили в столовой среднего эшелона при собрании всех гг. офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Две речи, два тоста и шампанское. Единственное отклонение в сторону: барону поднесли образок другого фасона, чем всем прочим. Образок в виде медальона, овальный. Это сделано согласно желанию самого барона.

Сегодня получил в лагерях первую просьбу раненого бывшего фейерверкера 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона – ныне фейерверкера 25 артиллерийской бригады – лежащего в Клиническом госпитале – о пособии из нашего «вспомогательного капитала», делопроизводителем которого я состою. Наша публикация в «[Русском] инвалиде», перепечатанная в «Новом времени», уже принесла свою пользу. Фейерверкер Цасно пишет, что узнал о нашем капитале из «Нового времени». Как приятно сознавать, что можешь хоть ничтожной и скромной лептой оказать внимание и помощь нашим «серым героям», бывшим солдатам родной бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Евгений Онегин».

Татьяна – г-жа Кузнецова

Ленский – г-н Волгин (брат Л. Собинова)

Онегин – г-н Брагин.

26 июня – воскресенье.

Был в Клиническом военном госпитале (в летних бараках), где беседовал с фейерверкером Цасно, приславшим мне вчера свое прошение о пощаби. Я, как делопроизводитель комиссии, обязан заполнить справочный лист всевозможными сведениями.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Дубровский». Дубровский – г-н Бонавич (артист Московской имп[е]рат[орской] оп[еры]).

27 июня – понедельник.

В 9½ часов вечера на Варшавском вокзале проводили на Дальний Восток штабс-капитана барона Арпсгофена. Был герцог Мекленбургский и офицеры бригады. Опять не было ни одного офицера гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, хотя не было многих и из бригады, конечно, без всяких уважительных причин (Гартунг, Гирш, Рейнталь, Погребняков, Рерберг, Головачев и др.) Я был. Проводив, перешли на Балтийский вокзал, где все офицеры уехали в Красное Село с поездом 11 часов 20 минут вечера, а до этого большинство «закусили и выпили» (Альтфатер, Явид, Ушаков и др.). Я составил им компанию.

С утра начали возить материал для постройки у нас в бригаде ремонтной конюшни, выводного манежа и второго этажа над фуражным сараем. Строит военный инженер (1 СПб. инженерной дистанции) капитан Александр Аполлонович Попов – очень симпатичный и в высшей степени обязательный господин, которому бригада должна быть безусловно благодарна. Инженерный вахтер – унтер-офицер Жаров. Главный подрядчик – Кудрявцев.

29 июня – среда.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Севильский цирюльник». Фигаро – г. Тартаков, Розина – г-жа Макарова-Бронская.

1 июля – пятница.

С самым первым поездом из СПб. в 6 часов 45 минут утра я уехал в Красное Село, где в этот день должна быть состязательная стрельба из орудий – впервые в этом году по новым правилам. (Каждый наводчик делает один выстрел: всего 8 выстрелов.) Поехал к Царскому валику верхом на лошади поручика Фриде. Погода облачная, холодная. Все время грозит дождем, который, к счастью, полил лишь по нашем возвращении в лагерь. Был великий князь Сергей Михайлович. Более тяжелые условия отразились на количестве призов. У нас в бригаде взяла одна лишь 2 батарея, и то при радиусе 25 или 28. Командир батареи полковник Фуфаевский тут же на поле приглашал всех офицеров бриг[ады] «удостоить» своим посещением 1 эшелон, где, очевидно, «спрыснут» приз. После стрельбы, которая затяну-

лась до 2½ часов дня, вернулся в средний эшелон, где нас ожидал приехавший из СПбурга штабс-капитан Матюшкин – наш бывший казначей, теперь прикомандированный к штабу округа. На сегодня герцог назначил поднесение ему жетона от Управления бригады. История жетона такова. В последнее время всем уходящим из Управления бригады офицерам товарищи по совместной службе в Управлении подносили подарок: часы-будильник на письменный стол, ценою, кажется, 50–75 рублей. Бригадный адъютант Фриде (который в настоящее время в отпуску) настаивал на поднесении и на этот раз непременно часов, потому что «всегда так было, даже при Рерберге». Я же находил, что часы, не имея никакой бригадной или вообще корпоративной эмблемы, мало говорят сердцу, а потому мало пригодны как подарок от сослуживцев. Я предложил придумать особый жетон для Управления бригады (подобно тому как каждая батарея бригады имеет свой жетон и подносит их уходящим офицерам батареи) и к поднесению его непременно привлечь и командира бригады, ибо почему-то раньше командир бригады никогда в подарке чинам Управления не участвовал. Поддержку в своем предложении я нашел прежде всего в новом казначее подпоручике Ушакове, а к нам примкнули и другие. Рисунок жетона составил я: это – старый петровский нагрудный знак, на лицевой стороне которого перекрещиваются пушка и перо. Заказали у Кортмана (цена: 25 рублей). В жетоне приняли участие:

герцог М. Г. Мекленбургский

М. С. Росляков (бывший квартирмейстер)

П. Ф. Рерберг (– адъютант)

Ю. А. Явид (Ю. А. никогда в Управлении не служил, но довольно часто временно исполнял должность бригадного адъютанта, а потому просил и его принять в число «подписчиков»)

В. С. Савонько

А. А. Фриде

Н. Н. Ушаков

Жетон поднесли Матюшкину, как я сказал, сегодня в бараке у его высочества в присутствии Рерберга, Явида, Ушакова и моем. Герцог сказал краткое слово, а Матюшкин ответил краткою благодарностью. При этом распили одну бутылку шампанского. Посидели с полчаса и пошли завтракать в столовую среднего эшелона, после которого я с Ушаковым (под проливным дождем) поехали в 1 эшелон, где уже застали почти всех офицеров бригады во главе с герцогом – гостями виновника сегодняшнего торжества полковника С. Л. Фуфаевского. Герцог поднял бокал за 2 батарею, ее командира и гг. офицеров, а Фуфаевский выпил за здоровье его высочества. В. И. Масалитинов (командир 1 дивизиона) вскоре притащил свой очень хороший граммофон, который и начал непрерывно то «петь», то «играть»,

то «рассказывать анекдоты»... Между 6–7 вечера многие, в том числе и герцог, уехали, но многие еще оставались, благо шампанское, ликеры и коньяк текли в изобилии... Я с Ушаковым уехал с 8-часовым поездом в СПбург, где с вокзала поехали в Новый летний театр и попали ко 2 действию «Фауста».

3 июля – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Фра-Диаволо».

Фра-Диаволо – г-н Боначич

Церлина – г-жа Бронская-Макарова.

Choeur de carabinier.

En bon militaires,

Buvons à pleins verres:

Le vin au combat

Soutient le soldat.

Il mène à la gloire

Donne la victoire...

(Fra-Diavolo, Acte premier)

«Хор карабинеров.

Среди добрых солдат

Давайте выпьем по стаканчику.

Вино в бою,

Поддержи солдата.

Оно смешивается со славой

И дает победу»

(Пер. с французского. Рел.)

4 июля – понедельник.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Кармен». Дон Хозе – г-н Кристалли (итальянец из Милана). Эскамильо – г-н Брагин.

6 июля – среда.

От 11 часов утра была поверка дровяного двора. Комиссия: полковник Гартунг, капитан Альтфатер, подпоручик Шталь.

7 июля – четверг.

АВДОТЬЯ НАЗАРОВА. Ну, пить-то они все мастера, только дай...

ЛЕБЕДЕВ. Не велика штука пить, – пить и умеет... Нет, ты с толком выпей!..

«Иванов», драма Чехова (д. 3)

8 июля – пятница.

Слушал в Новом летнем театре оп[еру] «Миньона». Миньона – г-жа Вьяльцева, Филина – г-жа Будкевич (Императ. театров). Собинов гулял по саду Нового летнего театра в форме офицера.

9 июля – суббота.

Был в «Новом летнем театре» на оп[ере] «Риголетто».

герцог – г-н Итало Кристалли

Джилльда – г-жа Будкевич
Риголетто – г-н Сокольский

10 июля – воскресенье.

В 7½ часов вечера был на свадьбе нашего офицера В. Л. Барановского (на m^{lle} Оппенгейм, племяннице военного доктора, тайного советника, известного в СПб. гласного) в церкви Михайловского артиллерийского училища. Был его высочество – наш командир и многие (но далеко не все) офицеры бригады и 1 офицер (Болецкий) гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

Со свадьбы поехал в Новый летний театр, где слушал оперы:

- 1) «Сельская честь» и
- 2) «Паяцы» (Боначич, Кузнецова, Брагин и др.).

12 июля – вторник.

От 2 часов дня была комиссия из военных инженеров 1 СПб. дистанции полковника Сегена и капитана Попова. При перекрытии крыши нашего малого манежа и конюшни 6 батареи обнаружилось гнилые балки, а потому я и подал полтора месяца тому назад рапорт с просьбой их освидетельствовать, дабы они, заразившись примером Египетского моста, не провалились. Инженеры нашли и манеж, и конюшни «неудовлетворительными», но непосредственной опасности не узрели. Ой ли?

Вот сведения о «движении» нашей бумаги:

- 1) подписана в Управлении лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады 13 мая
- 2) в Управлении артиллерии Гвардейского корпуса
 - а) получена 15 мая
 - б) отправлена 18 мая
- 3) В штабе Гвардейского корпуса
 - а) получена 20 мая
 - б) отправлена 22 мая
- 4) В штабе округа
 - а) получена 23 мая
 - б) отправлена 8 июля
- 5) В Окружном инженерном управлении
 - а) получена 8 июля
 - б) отправлена 8 июля
- 6) В 1 СПб. инженерной дистанции получена 9 июля, и 12 назначена вышеописанная комиссия.

Таким образом, бумага пролежала лишь в Штабе округа, и притом ПОЛТОРА МЕСЯЦА (!!!!!) Полтора месяца понадобилось для того, чтобы написать полторы строчки препроводительной надписи!!! Но зато штаб

округа любезно прибавил слово «спешно». Для других!! Лучше было самому себе сказать «поспеши».

13 июля – среда.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Травиата».

Виолетта – г-жа Дж. Каприлэ (Ковенгардского театра)

Альфред – г-н Кристалли (из Милана)

Отец Альфреда – г-н Брагин.

1905

459

Наши музыканты, сыграв в саду во время 3 антракта, забрали свои «пожитки» и пошли на вокзал Балтийской дороги, чтобы ехать в Красное Село. Завтра там будет состязательная езда орудий.

14 июля – четверг.

Слушал в Новом летнем театре оп[еру] «Кармен» с г-жей Вяльцевой в роли Кармен.

В лагерях была состязательная езда. По обыкновению корпусный приз взяла наша бригада. На этот раз 3 батарея (0 колов). Корпусный приз не «выходит» из нашей бригады. Ни гвардейская Конная, ни 2 бригада не могут его от нас «отбить». Бригадный приз взяла 6 батарея. Гг. офицеры «событие сие» sprysнули во всю. (Я не был.)

15 июля – пятница.

Мои именины:

Получил поздравления от:

1) В. А. Леховича (письмо из Москвы)

2) Н. Н. Матюшкина (визитная карточка: лично)

3) Н. Н. Ушаков[а] (визитная карточка: пирог!!!)

4) Афанасьевы[х] (телеграмма из Шлиссельбурга)

5) А. С. Астафьева (телеграмма)

6) С. С. Астафьев[а] (письмо из Твери)

7) О. П. Севрюгина (письмо из Луги)

8) Я. В. Рейнталя

9) М. А. Тимлера

10) Н. П. Керстенс

11) А. С. Керстенс

12) А. П. Афонасьева (письмо из Луги)

13) В. П. Зорин[а] (открытка из Москвы).

} (телеграмма из Красного Села)

} (Илл[юстрированная] открытка из Омска)

Был в «Новом летнем театре» на оп[ере] «Черевички».

Оксана – г-жа Кузнецова

Хроника 1905 г.

Вакула – г-н Боначич
Бес – г-н Сокольский.

16 июля – суббота.

С первым из СПб. пое[з]дом (6 часов 45 минут утра) ездил в Красное Село по делам службы. Мне нужно было доложить его высочеству нужную бумагу о переделке большого манежа на счет сумм инженерного в[едомства]. Вернулся из Красного с последним поездом (12-24 ночи).

17 июля – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Черевички».

18 июля – понедельник.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] Миньона.

Миньона – г-жа Вяльцева
Филина – г-жа Будкевич.

21 июля – четверг.

18 июля скоропостижно, после 2 дней болезни умер наш бывший офицер бригады отставной штабс-капитан Владимир Владимирович Базилевский. Базилевский окончил Пажеский его величества корпус в 1899 году и летом этого года был прикомандирован ко 2 батарее нашей бригады, что я в свое время отметил в своем дневнике. Так как в это время и я служил в строю 2 батареи – еще прикомандированным офицером – выпуска лишь на 1 год ранее В. В., то естественно, что В. В. вскоре сделался моим весьма близким товарищем. С точки зрения службы в Базилевском было то, по-моему, необходимое и ценное качество, которое, увы! довольно редко встречается в офицере – даже гвардии – это ЛЮБОВЬ к части и к службе. Только тот офицер, который одушевлен любовью к поручаемому делу, приносит истинную пользу. Я не верю, что можно быть полезным офицером и гражданином без любви к тому делу, которое делаешь, и главное – без любви к части (в других случаях: к родине, семье, школе и т. д.). Итак, Базилевский этим качеством обладал. Не его вина, что в 1 год его службы, будучи малоопытным, но энергичным и заряженным ЖЕЛАНИЕМ во что бы то ни стало проявить инициативу и деятельность, он не имел руководителей, которые могли бы направить его великолепные качества на ту дорогу, которая в конце концов привела бы всю его работу к возможно блестящему результату. Его командир батареи – полковник Дитерихс – «Пуздер», как его звали, т. е. человек, способный только «спуздрить», спутать, напутать всякое дело... не мог и фактически им не руководил. Старший офицер капитан Масалитинов до того был ленив к службе, что о влиянии его на младших офицеров в смысле

строевого образования не может быть и речи. Затем: я и подпоручик Плющевский-Плющик (одного со мной выпуска) – почти те же «фендрики», как, и Базилевский, но в силу обстоятел[ь]ств оказавшиеся единственными, с кем мог Базилевский поговорить о службе и у кого он мог получить ответы на свои запросы... В. В. был не только хорошим офицером, но и хорошим товарищем и, не смотря на свое краткое пребывание в бригаде, сумел сблизиться с очень многими офицерами. До поступления в академию он выглядел вполне здоровым мужчиной, который не прочь и выпить и «погулять». Однажды летом в 1 эшелоне была устроена солидная «выпивка», экспромтом организованная по случаю приезда в лагерь Б. Б. Пиотровского – офицера 2 батареи, кончившего Михайловскую артиллерийскую академию и переведенного в 1 Гренадерскую артиллерийскую бригаду. Модным тогда словом было «лоботряс», которым окрещивали всякого любившего покутить и выпить... Молодежь вслух начала пересчитывать, кого в бригаде можно «удостоить» именем «лоботряса», а кого нет... Помню, что торжественно начали посвящать некоторых в это звание. Были причислены: Потоцкий, Илькевич и др. Между прочим и Базилевский. Тогда же его, под конец совершенно пьяного, окрестили «Куликом», и это название осталось за ним навсегда. Я проводил тогда последний день в лагерях перед отъездом на Кавказ, а потому и меня чувствовали, пили мое здоровье и хором пели:

Лоботряс!
На Кавказ!!
Лоботряс,
На Кавказ!!

Но вот Базилевский поступает в Академию Генерального штаба после страшно усидчивой подготовки к экзамену – на даче в Царском Селе, и вскоре мы уже видим как будто не самого Базилевского, а только тень его. Он похудел, облысел, осунулся до неузнаваемости... На младшем курсе он свалился с лошади, повредил, как говорят, почки или печень, а потом стал жаловаться, что у него где-то внутри завелись черви. Несмотря на болезнь, он продолжал усиленно заниматься, убивая себя непосильной работой, будучи к тому же полным неврастеником (у него всегда дрожали руки и подергивалась голова, а играя в карты, он иногда схватывал мел вместо папироски и наоборот!). На дополнительный курс он перешел чуть ли не в первом десятке, но перед первой темой подал рапорт об отчислении от академии и потом, не возвращаясь к нам в строй, вышел по болезни в отставку и поступил на службу в ведомство портов и торгового мореплавания. Около этого же времени он женился на своей двоюродной сестре m^{le} Базилевской. В последний раз я видел его на «юбилее» фельдфебеля 2 батареи Тимошенко, когда мы поднесли ему жетон от 2 батареи. И вот третьего дня, 18 июля, он внезапно слег в кровать, кровь пошла горлом,

и его не стало... 21-го тело его привезли из Царского Села, где он жил на даче. На Царскосельский вокзал для встречи гроба от бригады была назначена депутация в лице капитана Альтфатера и меня. Мы и были, но кроме нас из бригады больше никого не было. Возложили по обычаю солидный венок – металлический с лентами – от «бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона». Посторонней публики было мало: мамаша его, с которой я был знаком, юрист-полковник Ушаков (его единоутробный брат), подпоручик-преображенец (его двоюродный брат) и др. Отпевали в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры, а похоронили на Никольском кладбище. За гробом – по дороге на кладбище – я и Альтфатер не шли. В церковь – во время отпеванья – прибыли полковник Фуфаевский (командир 2 батареи), полковник Илькевич (ком. 5 батареи), штабс-капитан Явид, поручик Рейнталь, капитан 2 ранга Шателен (адъютант великого князя Алексея Александровича), фрейлина Евреинова, несколько чиновников – вероятно, ведомства торгового мореплавания...

Уж и панихида кончилась, а герцога нашего все нет, хотя он и хотел приехать. Гроб понесли на руках все наши офицеры, и как раз на полпути от церкви до могилы, запыхавшись, догнал его высочество процессию и принял участие в несении «бренного Кулика» и в прощальной «горсти земли» на крышку его последнего жилища.

Вечером я был в Новом летнем театре на оп[ере] «Пиковая дама».

22 июля – пятница.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Паяцы», после которой было «концертное отделение» с участием г-на Цесевича, г-жи Каприлэ и «несравненной» Вьяльцевой. Последняя пожала обычные для нее неистовства и восторги толпы. Занавес опускали раз 20, электричество тушили и вновь зажигали без конца... а публика все орет, стучит и хлопает, и Вьяльцева снова появляется и снова поет какой-нибудь «сердцещипательный» романс...

23 июля – суббота.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Травиата». Виолетта – Дж. Каприлэ (бенефис).

24 июля – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на опере «Дубровский».

25 июля – понедельник.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Кармен». Дон-Хозе – г-н Кристали (из Милана).

26 июля – вторник.

От 11¼ часов утра участвовал в санитарной комиссии. Председатель полковник Головачев, члены: я и доктор Соболев. Обошли помещения, кухни и хлебопекарни в старых казармах.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Черевички».

Капельмейстер г. Каукаль мне сообщил, что старший в хоре музыки, музыкант унтер-офицерского звания Громов, ему заявил от имени «всех» музыкантов, что ежели они не получают казенного жалованья, они завтра не пойдут играть в сад. Жалованье в начале июля (за май и июнь) получил на руки временно исполнявший должность бригадного адъютанта штабс-капитан Явид, но не роздал его, так как через несколько дней ожидался приезд настоящего адъютанта Фриде. Фриде числа 12 приехал, деньги и письма от Явида получил, но тоже по лености и халатности медлил раздавать. Когда ему фельдфебель Матвеев напомнил об этом – он ответил, что ему «некогда». В результате законная жалоба музыкантов, но заявленная в незаконной форме, да к тому же и с «угрозой», что уже является крупным нарушением воинской дисциплины. Если бы то же заявление было сделано музыкантами МНЕ (Каукаль не их начальник), делу пришлось бы дать ход... Увы! Печальный ход!

В лагерях в церкви 1 гвардейской пехотной дивизии в 7 часов вечера служили бригадную панихиду (9-й день) по покойном Вл. Вл. Базилевском (я не был).

28 июля – четверг.

Получил деловое письмо от подпоручика Барановского (адъютанта 2 дивизиона). Между прочим пишет, что в 7½ часов утра была в Красном Селе тревога.

В Новом летнем театре был на оп[ере] «Фауст».

29 июля – пятница.

В 7 часов вечера я и Ушаков устроили 2-й обед Ф. А. Каукаль (капельмейстер лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады). Кроме того, на этот раз мы поднесли ему 3 серебряных стаканчика с его инициалами.

30 июля – суббота.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Демон». Демон – г. Брагин.

31 июля – воскресенье.

Был в «Новом летнем театре» на оп[ере] «Пиковая дама».

2 августа – вторник.

17 июля в саду Нового летнего театра был дежурным плац-адъютантом Чугуевского полка штабс-ротмистр Гудима. Пойдя говорить по телефону,

он застал там нашего капельмейстера Ф. Каукаль, невежливо потребовал, чтобы он передал ему телефон, затем потребовал, чтобы совсем удалился из телефонной комнаты, а после разговора по телефону, когда Каукаль назвал его «штабс-капитаном», раскричался на него, говоря, что он должен называть его «господин штабс-капитан». Дело до чрезвычайности простое... Гудима, в обольщении своего офицерского достоинства, третирует капельмейстера без чина, как кантониста, забывая, что капельмейстер, во-1), человек, у которого есть самолюбие, и во-2), образованный человек – чуткий ко всякой обиде и несправедливости.. Так казалось мне, так казалось и подпоручику Ушакову, бывшему в тот день тоже в саду. Мы посоветовали Каукалю подать рапорт командиру бригады. Рапорт подан с изложением факта (сперва на имя герцога, а потом переписано по приказанию герцога на мое имя), я сделал надпись на основании моего разговора с штабс-ротмистром Гудима. Герцог сделал надпись, препровождая бумагу начальнику артиллерии генерал-лейтенанту Хитрову, причем высказал мнение, что капельмейстер вовсе не обязан был называть Гудима «г-н штабс-ротмистр», и, наконец, Хитров послал рапорт коменданту генералу Крылову... А сегодня в 11 часов дня, согласно полученному накануне предписанию, я предстал перед очю г-на Крылова в его кабинете на углу Садовой ул. и Инженерной ул. (Я подчинен коменданту как заведывающий оставшеюся частью.)

Генерал подал мне руку, посадил... но этим и кончилась его любезность. Далее он был совсем не любезен. Во-первых, он считает меня виноватым, что я об этом инциденте «не стоящем выеденного яйца», не предупредил его, а «заварил кашу», и во-2), Крылов находит, что кругом виноват наш капельмейстер, ибо он вел себя вызывающе (???). Моментами раздражение Крылова вырывалось наружу, он несколько возвышал голос, обозвал Каукаля «хамом», грозил, что он его «в бараний рог согнет», что он знает «много чего» за ним и за нашей музыкой и как-нибудь в саду «вон выгонит музыкантов» и т. д. Хорошенький образчик справедливости!!! Как, мол, смел «какой-то» капельмейстер обидеться на моего офицера... И так как Крылов, как комендант, имеет почти неограниченную власть, то, конечно, ему ничего не стоит в любой момент «придраться» к нему и как угодно... Достаточно увидеть хоть одного музыканта в расстегнутой шинели, чтобы иметь основание громко заявить: «Музыканты лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады распуценны, заведывающий ими поручик Савонько недостаточно хорошо за ними смотрит, не внушил им... и т. д. Посадить поручика Савонько на гауптвахту!»

Ну да об этом не сто́ит говорить... Грустно, что г-н Крылов не способен хладнокровно и трезво смотреть на вещи, а руководится ложным самолюбием и, увы, самодурством!!! Говоря мне «кислые» слова, он все же, 3 раза прощаясь и снова заговаривая, 3 раза подал мне руку...

4 августа – четверг.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] г. Эспозито «Каморра». Женский персонал новый: 1) Г-жа Руссау (Лида)

2) Г-жа Никитина (Пиколо).

5 августа – пятница.

В 11 часов был «по вызову» в Комендантском. Вышел ко мне капитан Х и заявил, что коменданта экстренно вызвали и он уехал, а потому, дабы меня не задерживать, он (комендант) поручил ему (капитану Х) со мной переговорить о «деле». А «дело» оказалось вздорным, и, по-видимому, самому капитану было совестно о нем говорить. Умер английский военный агент, и кому-то хочется его хоронить на лафете, – так «нет ли у вас лафета?». Лафета, конечно, у меня нет (есть «лафит»¹⁵, но я не рискнул предложить его коменданту), лошадей – ни собственных, ни казенных – тоже нет, ездовых тоже нет!.. И достать все это из лагеря тоже нельзя, ибо известно, что все артиллерийские бригады на маневрах. Таким образом, на время обратит бригаду в «Шумилова»¹⁶, как выражается наш герцог, начальству не удастся... Не беда! И на катафалке свезут Джон-Булля...

6 августа – суббота.

С поездом 8 часов 10 минут утра поехал в Петергоф, где сегодня должен был быть парад в высочайшем присутствии по случаю праздника преображенцев и всей гвардейской артиллерии. От последней в параде должна была участвовать лишь одна 1 его высочества Михаила Павловича батарея, и я, как числящийся в ее списках, получил приказ быть на параде. Накануне ко мне заехал подпоручик Курбатов и объявил, что ему и капитану Кавтарадзе (Кавтарадзе в командировке лечебной в г. Старая Русса, но временно приехал в Петербург) поручен герцогом заказ букетов для императриц, греческой королевы и великих княгинь – всего 10 букетов. Когда на параде 6 августа участвовала вся гвардейская артиллерия, букеты подносились от имени всей гвардейской артиллерии (например, в прошлом 1904 году), но когда, как это большей частью имеет место за последнее время, на параде 6 августа участвует лишь одна наша бригада, или даже один дивизион бригады, – букеты вовсе не подносились. В этом году ВПЕРВЫЕ решено поднести букеты от имени лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, и дабы не было сомнения, что это не от всей артиллерии, – на бархатных лентах внизу заказали надписи золотом: 1) 6 августа 1905 года и 2) лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

¹⁵ Лафит, или Шато Лафит – французское красное вино.

¹⁶ Шумилов – известный гробовщик в СПбурге и агент похоронных процессий. – Примечание В. С. Савонько.

Курбатову было некогда, он подождал у меня на квартире прихода Кавтарадзе, и я вместе с последним поехал к Эйлерсу (против Беккера на Невском)¹⁷ заказывать букеты. В прошлом году в этом же магазине заказывал Фуфаевский, вероятно недостаточно «основательно», ибо букеты были жидки, а ленты безобразно узкие и небрежно сделанные. Вот почему герцог хотел в этом году увеличить цены на букеты до 50 рублей штука, но потом окончательно остановился на ценах: 50 рублей за букеты для 2-х императриц и королевы греческой и по 25 рублей за прочие букеты. Оказалось, что можно оставить прежнюю цену 35 рублей за букеты для императриц и потребовать за эту цену «пышные» букеты из роз с шикарными лентами, надписями и проч. Кавтарадзе обещался только прибавить 10 процентов к общей сумме, если букеты будут хороши, и я могу засвидете[л]ьство[в]ать, что наши букеты были превосходны и несравненно лучше преображенских.

На вокзале я встретился с П. А. Кавт[а]радзе, едущим с этим же поездом с 2 садовниками от Эйлерса и 10 громадными картонами. Мы высадились в Новом Петергофе и поехали на Дворцовую площадку. Там оставили картоны у садовников, а сами на извозчике покатали в Старый Пет[е]ргоф, где в казармах лейб-гвардии Драгунского полка остановилась 1 его высочества батарея, приехавшая из Красного Села по железной дороге для участия в параде. Тут же: полковник Демидов (командир батареи), офицеры батареи: подпоручик[и] Курбатов и Наркович. Дивизионный адъютант подпоручик Руммель приехал вместе с нами, сев в Лигово. Выпили чаю в новом, еще голом, далеко не оконченном громадном собрании лейб-драгун и снова поехали на площадку, теперь уже оживленную от приезда офицеров, придворных, линейных и проч.

Парад в кителях. Погода дивная, жаркая... Среди наших: начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово, командир 37 артиллерийской бригады генерал-майор Берников, полковник Фуфаевский (временно командующий 1 дивизионом), полковник Гартунг (командир 6 батареи), капитан Пономаревский-Свидерский 1 (в строю батареи), подпоручик Ушаков, поручик Фриде (бригадный адъютант), поручик Баранов (адъютант начальника артиллерии)...

Полковнику Гартунг, капитану Кавтарадзе и мне было поручено заняться поднесением букетов «высочайшим особам женского пола». Мы и занялись... Как только подъезжала коляска с нашей жертвой, мы на нее кидались, и кто-нибудь из нас подносил «пукет» и «чмокал» подаваемую руку. На мою долю сперва пришлась великая княгиня Ксения Александровна. Я вошел в шатер и поднес букет. Она приняла и протянула руку, которую я поцеловал, сняв фуражку... Наконец прибыли и императрицы:

¹⁷ Цветочное ателье Г. Эйлерса располагалось на Невском пр., д. 30.

Марии Федоровне поднес Гартунг, греческой королеве – Кавтарадзе. Позже всех приехала императрица Александра Федоровна с дочкой Ольгой Николаевной. Я встал у коляски; правее меня преображенный офицер – тоже с букетом. Императрица под[о]шла ко мне первому и выслушала мое французское приветствие, затем протянула руку, которую я поцеловал, и потом уже приняла букет, улыбаясь и кивая головой. 3 букета из 10 остались нерозданными. Один Кавтарадзе поднес после молебна баденской принцессе (Марии Максимилиановне), второй, кажется, решили послать какой-то не приехавшей великой княгине, а третий герцог решил сам отвезти графине Карловой, супруге герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого, который был сегодня на параде в нашей форме. Молебен и церемониальный марш – как водится. Необходимо отметить лишь следующее: из числа великих князей был и великий князь Александр Михайлович – в морской форме (!!). Как известно, великий князь этот числится у нас в батарее, а следовательно, присутствуя на параде в день праздника гвардейской артиллерии, обязан был по уставу быть в форме лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Эта нетактичность, даже просто «хамство» великого князя, не говоря уже про незаконность, не имеет никакого оправдания. Наш герцог, говорят, в разговоре с Кавтарадзе тоже выразил свое удивление и негодование по этому поводу... «Что, у него денег на мундир наш не хватило, что ли?» Во всяком случае, великий князь выразил публично свое неуважение и презрение к нашей части...

При первом прохождении церемониальным маршем на левом фланге проходили: его высочество герцог Г. Г. Мекленбургский, Гартунг, Кавтарадзе, я, Фриде и Ушаков. По окончании церемониального марша государь подошел к пробному столу преображенцев, поставленному посередине плаца, и провозгласил процветание преображенцев и всех частей, празднующих сегодня свой праздник. Этот тост нам, а нижним чинам нашей батареи подавно, слышен не был. Да мы в этом тосте и не были выделены, а вошли огулом во «все» части, что «празднуют сегодня свой праздник», как будто нас на параде и не было. Тосты государя 6 августа, несмотря на их стереотипность, становятся все небрежнее по отношению к нам. 4 года тому назад он пил:

1) здоровье преображенцев, лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и всех частей и т. д.

В Пскове он сказал:

2) здоровье преображенцев, всей гвардейской артиллерии и т. д.

А сегодня просто:

3) преображенцев и всех частей....

Это мелочь, но обидная мелочь, первая песчинка того горького осадка, который остался у наших офицеров после сегодняшнего парада. Нас прямо

и непосредственно не обижали, но обида чувствовалась в том исключительном внимании и ласке, которые государь оказывал преображенцам. После тоста за царя государь обратился с речью, благодаря за парад, офицеров и нижних чинов за их «особенно тяжелую службу в этом году». И эти слова до нас не долетали, и благодарность относилась, по впечатлению, лишь к преображенским офицерам и солдатам...

Государь направился ко дворцу вместе с Владимиром Александровичем и по пути заметил наш пробный стол – впереди батареи. Он приостановился и указал на него, обращаясь к великому князю с вопросительным жестом, но великий князь резко отмахнул рукой, и государь, кивнув головой в знак согласия, продолжал путь. С разными вариациями, я убежден, жест Владимира был «прочитан» всеми присутствующими так: «Стол артиллерии? Наплевать! Не обращайтесь на него внимания! Уберут...»

Обед состоялся тут же во дворце. Всем нашим офицерам были приготовлены места за царским столом, я же сел на одном из длинных – рядом с местом, предназначенным для великого князя Михаила Александровича. Вскоре вошел государь и вся свита. Михаил Александрович сел рядом со мной, поздоровался за руку, сказав: «Не правда ли, мы с вами вместе были в карауле во дворце: вы были моим караульным фейерверкером?» И мы разговорились... Сперва об училище, немного о бригаде, об общих знакомых, два слова о музыке, легкий вздох о погибшем в Цусимском бою «Александре III» и т. д. Когда государь провозгласил тост за «процветание» частей, окончив его, как водится, «за ваше здоровье, господа», Михаил Александрович чокнулся со мной и отхлебнул немного шампанского. Эти полбокала – все, что он выпил за обедом. Вина он не пил совсем, и ему давали хлебный квас. Вместо подаваемых блюд, к которым он почти не притрагивался, негр-американец принес ему на отдельном блюде ростбиф...

По окончании обеда он попрощался со мной за руку и, уходя, сказал: «Я очень счастлив, что с вами встретился».

После короткого кофе и шоколада в соседней зале, мы встали, по обычаю, в одной из зал для «милостивых» разговоров с нами царя и царицы. Государь долго говорил с Пономаревским-Свидерским о производстве и с Крестьяновым о его пенье (эти темы проще, чем «скорострельная артиллерия»), значительно менее поговорил с командиром Демидовым, затем с Фуфаевским и Кавтарадзе, подал руку штаб-офицерам и перешел к преображенской группе. Среди последних уже были великий князь Михаил Александрович и Ольга Александровна. Последнюю занимали разговоры, вроде следующего:

ВЕЛ. КН. Этот агент.....

ПРЕОБР. Который? Француз?

ВЕЛ. КН. Да, Мулен (его фамилия).

ПРЕОБР. Вы хотите сказать Мулен руж? (Шато-кабак в Париже).

Или:

ВЕЛ. КН. Вы знаете Крестьянова? Он чудно поет!

ПРЕОБР. Чем?

ВЕЛ. КН. Как чем? Баритоном!

ПРЕОБР. Т. е. козлитоном...

ВЕЛ. КН. Ха-ха-ха! Что это такое?

ПРЕОБР. Это значит, он тянет козлом.

и т. д. в том же духе!!

Государь разговаривал с преображенцами долго, как никогда раньше. Смеялся, шутил... Потом долго благодарил за «блестящий парад». Слышно было, что государь выразился, что он «считает себя счастливым провести несколько часов в их среде», благодарил их (за что? а нас?) и затем «командира моей роты», т. е. капитана князя Оболенского 2, и «полкового адъютанта», т. е. штабс-капитана Свечина, пожаловал во флигель-адъютанты. И раньше у преображенцев были флигель-адъютанты, и раньше наших офицеров этой чести не удостаивали, но сегодня эта «демонстрация» показалась всем чересчур обидной. Ведь государь поздравил не князя Оболенского или Свечина, или вообще такого-то (имя-рек), за то-то (хотя бы за знакомство), а государь поздравил «командира моей роты» и «полкового адъютанта». А в таком случае почему же недостойн золотых аксельбантов «командир моей батареи» и «бригадный адъютант»? Александр 2 жаловал в свиту всех и вся – кого «изволит», а командиров гвардейских частей и шефских рот, бат[а]рей и эскадронов – обязательно. Александр 3 никого не жаловал, за исключением лично ему известных близких. Николай 2 поступает хуже всех. Он усвоил принцип Александра 2, но только по отношению к одним преображенцам, явно оскорбляя тут же присутствующую батарею великого князя Михаила Павловича и вообще лейб-гвардии 1 артиллерийскую бригаду.

Преображенцы, услышав, что два их офицера получили «флигель-адъютантство», тут же во дворце начали с «героями дня» целоваться, жать им руки, поздравлять... Возникший шум пришлось им же самим погасить «шиканьем». Вышла опять демонстрация, опять больно отозвавшаяся в сердцах артиллеристов. Я не записываю свое единоличное мнение – это было бы совсем не интересно и не отражало бы действительности. В данном случае я являюсь выразителем мнения и настроения почти всех наших офицеров, с которыми я говорил по этому поводу (Демидов, Кавтарадзе,

Ушаков, Наркович, Фриде). Герцог также очень недоволен сегодняшним днем. И ясно, что не «золотые аксельбанты» тому причиной. Ведь мы их не видали уже 25 лет! Ничтожный шанс получить их имеет разве один Демидов. А и молодой Наркович оскорблен не менее других, и даже чуть ли не больше всех. Зн[а]чит, есть что-то в воздухе, неуловимые иглы, которые колют ваше самолюбие, причем кажется, что иглы эти нарочно отравлены, дабы вы больнее чувствовали, а за что я должен страдать или терпеть унижения – никому неизвестно. И опять оговариваюсь. Не на нас нужно изливать новые милости, а нужно воздержаться от «ухаживанья» в нашем присутствии за преображенцами как за писаной торбой, как будто преображенцы только и свет в окне, как будто армия, да и вся Россия, только и держатся одними преображенцами, и государь спешит задобрить их, сыпля на них милости без меры... «Вы мои, а я ваш» – вот смысл поведенья царя. И еще: «Вы одни у меня, кроме вас мне не на кого надеят[ь]ся».

С поездом 4-48 я вернулся из Старого Петергофа в Петербург и вечером был в Новом летнем театре на оп[ере] «Миньон» с г-жей Вяльцевой в роли Миньоны.

7 августа – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Черевички».

9 августа – вторник.

Сегодня в «[Русском] инвалиде» есть, что начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово (бывший офицер бригады и командир нашей 4 батареи) зачислен в списки лейб-гвардии артиллерийской бригады. (Приказ от 6 августа.) Об этом событии нам было известно уже на самом параде и послужило темой для замечаний, что «вот, мол, какая высокая милость (!!)

Был в Новом летнем театре на оп[ерах]

- 1) «Сельская честь» и
- 2) «Паяцы».

10 августа – среда.

В последний раз был в 8½ часов вечера на вечерней перекличке в оставшейся от лагеря части. Завтра из лагеря приходит вся бригада, команда моя расформируется, и я снова обращаюсь только в квартирмистра. Второй год бригада возвращается из лагеря очень рано – тотчас по окончании маневров. Это непереносимое желание герцога, хотя вовсе не отвечает интересам батарей. С одной стороны – людям прожить в лагерях весь еще теплый август гораздо здоровее и «вольнее», чем в городе и в душных казармах, с другой стороны, для ремонта казарм – было бы весьма полезно продлить

время ремонта хотя бы до 1 сентября. При нашем сыром климате и краска, и штукатурка сохнут очень медленно. К счастью, в этом году, сколько я помню, ВПЕРВЫЕ у нас в казармах не стояла пехота, и это дало возможность основательно отремонтировать новые казармы (по Басковой улице) и в то же время успеть к 11 августа окончить ремонт жилых помещений в старых казармах. Крупные же работы еще в ходу (1) новый очаг в прачечной, 2) мастерские, 3) новое бетонное отхожее место у мастерских и др.). Инженерные постройки тоже еще не готовы. Второй этаж фуражного сарая закончен лишь черне, без окон, дверей, площадок и проч. Выводной манеж и ремонтная конюшня, можно считать, готовы лишь наполовину. Заново отделанная комната (гостиная) в офицерском собрании бригады с финляндской изразцовой печью, лепным потолком, новыми стенами и дубовыми окнами – не позволяет окончательно ее доделывать, так как стены и часть потолка – все еще сырые... Эта комната вместе с 2-мя финляндскими печами в бильярдной и библиотеке (тоже в этом году поставленными), может быть, послужат началом капитального ремонта нашего собрания, которое, надо сознаться, пришло в очень печальное состояние: потолки, обои и печи имеют более чем грустный вид...

16 августа – вторник.

Обычная ежемесячная комиссия для поверки дровяных дворов бригады (от 10 часов утра).

18 августа – четверг.

От 7 часов вечера в Управлении бригады участво[в]ал в мобилизационной комиссии. Председатель полковник Головачев, члены: чины Управления бригады.

19 августа – пятница.

От 12 часов дня комиссия под председательством полковника Фурмана и членов: меня и подпоручика Ушакова осматривало старое, негодное железя – для продажи его.

От 7 часов вечера до 10 часов – мобилизационная комиссия (см. 18 августа).

23 августа – вторник.

В начале июня этого года у отца сделалось, и ранее с ним бывшее, задержание мочи. И ранее в этих случаях он сам вставлял катет[е]р или буж – и болезнь проходила. На этот раз операция эта была болезненна, с выходом крови и, главное, без результата... Лето и война – две причины для почти полного отсутствия врачей. Под рукой знакомых не было. Папе сде-

лалось хуже, он слег: температура поднялась и началась лихорадка. Первый подвернувшийся врач, оказавшийся специалистом по нервным болезням, не сумел помочь. На другой день вызвали по телефону доктора Баженова из Боткинской больницы. Этот последний выпустил 12 стаканов мочи и сразу облегчил больного. Первый период болезни прошел, папа встал на ноги, даже выходил на улицу по своим делам. Побывав у доктора Баженова, он принес от него рекомендацию хирурга доктора Грекова для дальнейших советов, ибо моча без катет[е]ра не шла. Д-р Греков, у которого я был, заявил, что он «чистый хирург» и названная мной болезнь – не его специальность, и в свою очередь рекомендовал докторов Хольцова и Кребс. Папа около этого времени (после 15 июля) снова слег в постель. Я попал к Хольцову, который оказался в отпуску, и его пришлось ждать. Наконец он явился, нашел болезнь серьезной (катар мочевого пузыря и воспаление предстательной железы) и приступил к лечению. Был взят фельдшер и куплено уйма приборов: стерилизатор, банки, насосы и проч. Первые дни (с неделю) Хольцов являлся сам, потребовав за визит 10 рублей. Потом, когда приехал его «ассистент» (оба врача служат в Обуховской больнице) Граменитский, Хольцов передал пользование моего отца Граменитскому, выпросив для него по 5 рублей за визит. Так продолжалось до последних дней. Граменитский ежедневно делал папе промывки пузыря, а мочу выпускал фельдшер 3 раза в день. Граменитский уверял, что все идет прекрасно и болезнь хотя и затягивается, но идет на улучшение. Тем не менее зловещие признаки показались. Вот уже скоро 2 недели, как началась рвота. После каждого глотка молока, после одной ложки гоголь-моголя – ужасная рвота. Температура упала до 34,5 – 35,6. Упадок сил прогрессировал. Отец исхудал до неузнаваемости. Я ждал приезда доктора Посадского, нашего старого знакомого, лечившего меня с 10-летнего возраста и лечившего мою мать до дня ее смерти. Степан Васильевич Посадский – уже давно старший врач Боткинской больницы – числится это лето в отпуску и лишь наездом на один-два дня бывает в Питере. Папа ждал его с нетерпением. Наконец Посадский приехал, я сговорился с ним по телефону, и сегодня в 8 часов вечера он был у нас. После осмотра я услышал нижеследующий роковой приговор: «По-моему, нет никакой надежды. Несомненный рак, уже сильно развившийся». На мой вопрос об операции – Посадский ответил, что об операции и речи быть не может... Боже, какой ужас! Мой отец, которого я привык видеть перед собой столько лет, лежит там на кровати, страдающий, и я уже знаю, что дни его сочтены, что наука уже отказывается его лечить и пасует перед неизбежным. Я знаю, что рвоты не прекратятся, что подносимый ему гоголь-моголь или глоток чаю лишь увеличивают его страдания, что с каждым днем он будет все более и более ослабевать. Что потом? Смерть от истощения, или старческое сердце ускорит развязку... Но

пока его страдания – огромны. Он в памяти, мозг работает мучительно, он думает о чем-то... О чем? О 70-летнем прошлом, о настоящем? Вернее о настоящем, о самом будничном. Еще неделю тому назад его интересовала мирная конференция в Портсмуте. Сегодня он уже не думает о ней. «Нужно заплатить кухарке жалованье, ибо сегодня 24 августа». Денежные вопросы он еще держит в своих руках. Его кошелек под подушкой, и он сам платит доктору и фельдшеру.

Я не могу видеть его страданий!!! Каждая минута, проведенная у его кровати, превращается потом в долгие часы нервного потрясения. Кухарка наша Маша, уже 6 лет у нас служащая, плачет без конца. Она ухаживает за папой день и ночь. На совет ее – исповедываться – «может, полегчает» – отец ответил энергичным отрицательным мотаньем головы. Папа не ходил в церковь и не говел лет 15... Он не делал того, что делают многие. Но он делал то, что делают немногие. Он был безупречно честен и всю жизнь хлопотал за других и помогал другим (зачастую недостойным).

24 августа – среда.

От 2 часов дня мобилизационная комиссия. См. 19 августа.

29 августа – понедельник.

В 5 ЧАСОВ УТРА МОЙ ОТЕЦ – ОТСТАВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СТЕПАН ГЕОРГИЕВИЧ САВОНЬКО ТИХО СКОНЧАЛСЯ.

Хочешь не хочешь, а должен хлопотать...

Вызвал по телефону агента бюро с Пантелеймоновской.

Вызвал старшего в школе солдатских детей Нечитайло и сговорился относительно певчих. Написал публикацию в «Новое время». Съездил в Александро-Невскую лавру и заказал там заупокойную обедню на 31 августа и велел приготовить наш фамильный склеп, где уже под часовней покоятся мои брат и мать. В 2 часа в обыкновенной форме был на докладе у его высочества нашего командира бригады, у которого просил разрешение освободиться от занятий на два дня и, кроме того, просил герцога нарядить лафет для гроба, вместо катафалка. Герцог деликатно не принял моего служебного доклада, исполнил мои просьбы и выразил «сожаление» в постигшем меня горе. Дал телеграмму в штаб округа (подполковнику Шильдбаху) о смерти моего отца и о наряде войск. В 8 часов вечера была первая панихида. Служил о. Солертинский, диакон Петров (из Сергиевского собора), и пели певчие нашей бригады. На панихиду приехали из родных: подъяесаул Севрюгин с женой, Анна Павловна Афонасьева и г-жа фон Энгель с дочерью. Несмотря на то, что эта панихида почти домашняя и публикация будет только завтра, – мои милые и дорогие товарищи до глубины души тронули меня своим вниманием, придя в мундирах на панихиду. Были: поручи-

ки Баранов, Рейнталь, подпоручики Ушаков, Снигиревский, Барановский, Тимлер, Фриде. После панихиды поехал в Комендантское управление, так как туда, а не прямо в штаб округа, нужно было дать знать о смерти моего отца и наряде войск и проч.

От Н. А. Илькевича (дежурного в этот день по Собранию армии и флота) получил письмо:

«Дорогой Владимир Степанович, прими от меня выражения самого искреннего сочувствия в постигшем Тебя горе. Сердечно и т. д.».

Возложен венок от «любящих племянниц» (ур. Афонасьевы) – металлический.

30 августа – вторник.

На 2-часовую панихиду прибыли: г-жа Севрюгина, г-жа Афонасьева, г-жа фон Энгель с малолетнею дочерью, г-жа Богуславская с дочерью, генерал Мандражи. Из моих сослуживцев: полко[в]ник Гартунг, полковник Илькевич, капитан Кавтарадзе, капитан Альтфатер, поручик Рейнталь, подпоручик Снигиревский, подпоручик Перлик, подпоручик Ушаков, подпоручик Наркович. На гроб был возложен роскошный громадный металлический венок с надписью: «Степану Георгиевичу Савонько – от товарищей сына»... Я не в состоянии удержаться от слез от такого трогательного внимания моих товарищей...

На 8-часовой панихиде были: из Шлиссельбурга г-н Афонасьев с женой, г-н Севрюгин с женой, г-жа фон Энгель с дочерью, г-жа Афонасьева, г-жа Богуславская с дочерью. Из бригадных: полковник Демидов (командир 1 его высочества батареи) полковник Гартунг, подпоручик фон Румель, подпоручик Барановский, подпоручик Снигиревский.

На гроб возложены венки: металлические

- 1) от Афонасьевых (из Шлиссельбурга) и
- 2) от Богуславской.

Получил телеграмму от генералыши Стахович, матери бывшего нашего офицера, моего товарища по выпуску 1898 г. в бригаду – ныне капитана Генерального штаба, находящегося на театре военных действий:

«Примите выражение моего соболезнования по поводу скорбной утраты. Уверена, что сын мой с болью душевной подумает об вас, прочитав это известие».

В сегодняшнем номере (№ 10594) «Нового времени» помещен некролог моего отца. (См. Записную книгу.)

31 августа – среда.

Получил из Дудергофа телеграмму от капитана нашей бригады Вешнякова:

«Жена и я глубоко сочувствуем горю понесенной утраты».

В 9¼ часов утра началась панихида, и ровно в 9½ часов гроб поставили на лафет 1 его высочества батареи нашей бригады. Для отдания воинских почестей на набережной выстроились батальон лейб-гвардии Гренадерского полка с хором музыки и знаменем и 2 орудия от 1 его высочества батареи под командой подпоручика Курбатова. Погода дивная, летняя, солнечная.... На выносе и потом в лавре заметил: г-н Севрюгин с женой, Афонасьев с женой, г-жа Богуславская с дочерью, г-жа Афонасьева (Анна Павловна), г. Н. В. Макеев, генерал Самсонов, полковник М. И. Черкасов (24 артиллерийской бригады). Из моих товарищей и сослуживцев: полковник Головачев, полковник Илькевич, полковник Фурман, капитан Альтфатер, капитан Вешняков, капитан Кавтарадзе, полковник Фуфаевский с супругой, подпоручик фон Руммель, поручик Баранов, подпоручик Барановский, подпоручик Зуев, штабс-капитан Крестьянов, подпоручик Снигиревский, подпоручик Перлик, поручик Рейнталь, поручик Фриде, подпоручик Ушаков.

В Лавру прибыли к 11 часам. Отпевание совершилось в духовской церкви. У гроба стояли два почетных часовых – унтер-офицеры лейб-гвардии Гренадерского полка. Две подушки с орденами и боевыми медалями несли офицеры лейб-гвардии Гренадерского полка. Из церкви гроб вынесли на руках я и мои товарищи по бригаде. Похоронили в нашей семейной часовне на Никольском кладбище. При опускании гроба в склеп пехота дала три залпа.

Получил телеграмму от А. А. Куколевского – моего друга и приятеля по 1 кадетскому корпусу (теперь земский начальник):

«Всей душой разделяю твое горе».

Получил телеграмму от А. М. Васильева:

«Только сию минуту узнал о постигшем вас горе. Глубоко вам сочувствую».

1 сентября – четверг.

В сегодняшнем номере (№ 186) «Русского инвалида» помещен некролог моего отца. (См. Записную книгу.)

Получил письмо от В. А. Леховича с выражением соболезнования по поводу смерти отца.

От 9 – 11 часов утра была мобилизационная комиссия (бригадная) в офицерском собрании бригады.

От 11 – 12 часов осматривала комиссия барку с трехполенными дровами (полковник Фурман, штабс-капитан Беляев, подпоручик Дуров и я).

Часа в 4 – 5 был у меня судебный пристав, которому пришлось представить расчетную книжку моего отца и доверенность на получение долга с полковника Самсонова.

Хроника 1905 г.

3 сентября – суббота.

От 10 часов утра ежемесячная комиссия дровяная и прием дров от лесного департамента.

Получил письма с выражением соболезнования от:

С. С. Астафьева и от

А. С. Астафьевой.

1905
476

4 сентября – воскресенье.

Три последние дня делал визиты и рассылал загородные письма всем тем, кто так или иначе почтил память моего покойного отца. Из не бывших (по служебным причинам) на панихидах у отца моих товарищей по бригаде, но подписавшихся на венок, следует добавить подпоручиков Курбатова, Жиленкова и Белоусова.

6 сентября – вторник.

Получил письма с выражением соболезнования от:

1) Э. Б. Похвиснева из Одессы и

2) Наны Астафьевой.

7 сентября – среда.

Получил письмо с выражением соболезнования от

1) Наталии Гольмберг из Гапсаля.

Эти дни лично заходили ко мне с визитом:

1) Генерал Линевич (И. В.)

2) Г-жа Балкашина

3) А. М. Васильев

4) А. А. Гришин

11 сентября – воскресенье.

Получил письмо от Камиллы Эллерберг из Риги с выражением соболезнования.

13 сентября – вторник.

Получил письма с выражением соболезнования:

1) А. С. и Н. П. Керстенс из Омска

2) В. Т. Матвеева

3) Н. П. Чуйкевича. } офицеров бригады

14 сентября – среда.

В 7 часов вечера был на панихиде по умершему отставном генерале от артиллерии Мартюшове. Генерал Мартюшов служил у нас в бригаде, был

первым командиром сформированной 5 батареи и во главе ее участвовал в Турецкой кампании 1877–1878 г. Сын его – поручик Мартюшов – служит у нас же в 5 батарее и проходит в настоящее время курс наук в Михайловской артиллерийской академии. На панихиде (в колокольне Владимирского собора) были: офицеры 5 батареи во главе с полковником Илькевичем (штабс-капитаны Огоновский, Ягеллович, подпоручик Снигиревский, штабс-капитан Крестьянов, прапорщик Арнгольд). Возложили 2 венка: 1) металлический «Первому командиру – офицеры и нижние чины 5 батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады» и 2) серебряный – от лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

15 сентября – четверг.

Был на выносе тела отставного генерала от артиллерии Мартюшова (см. 14 сентября). Герцог не был, назначив своим представителем полко[в]ника Головачева. Из офицеров бригады были по наряду офицеры 5 батареи (полковник Илькевич, штабс-капитан[ы] Огоновский и Ягеллович и подпоручик Жиленков), а по доброй воле пришли только двое: я и подпоручик Курбатов. Из старых сослуживцев покойного по нашей бригаде я заметил: генерал[а] от артиллерии Сиверса, генерал-майора Зуева, отставного генерал-майора Евреинова, генерал-лейтенанта Оноприенко, действительно-го статского советника Шульмана (Николая Рудольфовича). Хотя генерал Мартюшов коренной офицер лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады и у нас в бригаде получил батарею лишь в 1873 году – не было ни депутации, ни венка от лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Отпевали и похоронили в Александро-Невской лавре.

16 сентября – пятница.

Хочу подвести итог, что дало мне летнее посещение «Олимпии» в смысле моего музыкального образования. А вот что: до этого года, т. е. до 1905 года, я слышал всего 13 опер (был на 14 оперных спектаклях):

1) Жизнь за царя	1	раз
2) Евгений Онегин	1	—
3) Дубровский	1	—
4) Пиковая дама	1	—
5) Демон	2	—
6) Миньона	1	—
7) Фауст	1	—
8) Травиата	1	—
9) Гугеноты	1	—
10) Иоланта	1	—
11) Садко	1	—

Хроника 1905 г.

12) Аида 1 —

13) Кармен 1 —

За одно это лето я был на 49 оперных спектаклях, прослушав 20 различных опер:

1905
478

1) Демон 4 раза

2) Риголетто 2 —

3) Фауст 5 —

4) Кармен 4 —

5) Аида 2 —

6) Самсон и Далила 1 —

7) Искатели жемчуга 1 —

8) Пиковая дама 3 —

9) Евгений Онегин 2 —

10) Травиата 4 —

11) Галька 1 —

12) Африканка 1 —

13) Севильский цирюльник 2 —

14) Сельская честь 3 —

15) Паяцы 4 —

16) Дубровский 2 —

17) Фра-Диаволо 2 —

18) Миньона 3 —

19) Черевички 3 —

20) Каморра 1 —

17 сентября – суббота.

В 10 часов утра проводил нашу бригаду и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион на стрельбу в д. Дятлицы. Это т. н. «осенняя» стрельба, устроенная впервые в этом году. Заведывающим оставшимися нижними чинами батарей назначен штабс-капитан Явид. Кроме него остались я (квартирмейстер), Ушаков (казначей) и Фриде (адъютант), который не поехал по болезни. В сущности, он вполне здоров, но сослался, что после весенней операции еще не прошло 6 месяцев и ему опасно садиться на лошадь...

19 сентября – понедельник.

Был в Малом театре (Лит[ературно]-худ[ожественного] общества) на пьесе Барá «Апостол» (Министр) (2-е представление).

20 сентября – вторник.

В Новом летнем театре смотрел комедию Трахтенберга «Как они бросили курить» в исполнении третьестепенных артистов... Непроходимо глупо...

21 сентября – среда.

Был на 2-часовой панихиде по умершей А. И. Анцыферовой – 82-летней старушке – матери А. М. Васильева. На панихиду приехал его высочество герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий.

22 сентября – четверг.

Был на выносе тела и отпевании г-жи Анцыферовой (см. 21 сентября).

Пеший расчет вернулся сегодня из лагеря в С.-Петербург. Завтра возвращаются батареи в конном строю.

23 сентября – пятница.

Так называемые «стихи», или «стихи с позволения сказать».

Для писаря они «даже очень чудесны»:

И ах, никто меня не любит,

И все покинули меня,

И ах, одно мне остается:

Пистолетом застрелиться.

(Из фельетона Старого Джона: «Куриные сердца»)

25 сентября – воскресенье.

Праздник нашего Управления (Управление лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады). Накануне получил билет для входа на Николаевский вокзал для встречи тела генерала Кондратенко. Но на встречу не пошел: во-1), это произойдет в 10 часов утра, а уже в 11 наш молебен в Управлении, и во-2), дождь, ужасный дождь, холодный, осенний, пронизывающий вас насквозь... Отвратительная осень 1905 года!!!!

Сегодня же праздник гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, но его отложили... кажется, до 5 октября... Так обратимся к «скромному» торжеству в Управлении лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Из бывших «штабных» никто не приехал. Полковник Илькевич (бывший казначей) и штабс-капитан Матюшкин (бывший казначей) и полковник Фуфаевский прислали телеграммы. На молебне присутствовали только мы трое: я, поручик Фриде и подпоручик Ушаков. После молебна у пробного столика с «монополькой», кавказ[с]ким портвейном, ветчиной и ко[л]басами я выпил за здоровье державного шефа бригады, за императриц, наследника и за великого князя Сергея Михайловича. Фриде выпил за командира бригады и Ушаков за бригадного писаря Дятлова и всех писарей. Для нижних чинов было приготовлено угощение и обильная выпивка в их помещении, куда мы тоже вскоре пришли. Подражая быту германской ар-

мии (см. сочинение Омштеда: «Наш полк»), мы – офицеры – уселись между нижними чинами и с полчаса закусывали и пили в их среде. Конечно, нижние чины несколько конфузились, но уже через четверть часа все понемногу освоились и смелее стали есть и пить. Разговор с нами поддерживал наш бригадный писарь Дятлов да мой квартирмистерский писарь Кузнецов, оказавшейся большим любителем оперы (еще вчера он слушал в Народном доме «Аиду» и раскритиковал тенора – в роли Радамеса)... Уходя, я подал руку Дятлову и Кузнецову.

Получил письмо с выражением соболезнования от В. П. Зорина из Москвы и от Нади Астафьевой.

28 сентября – среда.

В «Александринке» смотрел «Вишневый сад» Чехова.

Раневская г-жа Мичурина

Симеонов-Пищик г-н Варламов

Фирс г-н Медведев

Гаев г-н Далматов

Лопухин г-н Яковлев

29 сентября – четверг.

Приказ по бригаде № 266 п. 9:

«Для решения вопроса об освещении всех зданий вверенной мне бригады электричеством, при условии постройки собственной электрической станции, мною назначается комиссия под председательством полковника Масалитинова и членов: всех гг. батарейных командиров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона при делопроизводителе поручике САВОНЬКО. Комиссии начать работу с 1 октября и закончить 1 декабря текущего года.

Генерал-майор герцог МЕКЛЕНБУРГСКИЙ.

30 сентября – пятница.

В 12 часов дня накануне кончины отставного генерала от артиллерии Мартюшова (см. 4 сентября) наша бригада служила торжественную панихиду в Сергиевском всей артиллерии соборе при собрании всех гг. офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. На панихиду кроме того прибыли: товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-майор Кузьмин-Караваев, начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово, генерал-лейтенант Арсеньев (бывший командир 1 его высочества батареи нашей бригады), отставной генерал-майор Евреинов и вдова покойного с сыном – поручиком Мартюшовым.

1 октября – суббота.

Наш командир бригады его высочество герцог Мекленбургский взял двух-месячный отпуск, и во временное командование бригадой вступил командир 2 дивизиона полковник Головачев. По сему примечательному случаю явился сегодня в 11½ часов на квартире оному полковнику Головачеву, который заявил, что он будет принимать доклады ежедневно от 10 часов утра в Управлении бригады.

2 октября – воскресенье.

Был на выставке плодоводства в Михайловском манеже.

4 октября – вторник.

От 10 часов утра участвовал в комиссии ежемесячной поверки дровяных дворов бригады.

Открытие Императорского Археологического института. В 7 часов вечера должна была быть 1 лекция для старшего курса г. Воронова – архивоведение. По «обычаю» эта 1-я лекция не состоялась: Воронов не пришел...

Все помещение института отремонтировано и выглядит сравнительно с прошлым годом даже нарядно. Маленькая перетасовка картин. У портретов царя и великого князя Сергея Александровича поменяли рамы. Более шикарная «отнята» от «умершего покровителя» и предоставлена «самодержцу». В особом футляре выставлен орден Св. Анны – один из первых по изготовлению со дня его учреждения... И старые расписания лекций... Новых, по заявлению сторожа Богданова, не будет. Пари держу, что директор Покровский сегодняшней день – 4 октября – понимает не так, что «с этого момента все занятия и вообще распорядок академического года должны уже идти полным ходом, а не преодолевать в течение целого месяца летнюю инерцию покоя», а директор Покровский считает, что сегодня – 4 октября – он должен приехать в институт (он и приехал!!) и должен «начать» обсуждать программу, советоваться с администрацией и проч. и проч. То есть, безусловно, обрекать институт по крайней мере на один месяц на полную неустойчивость нормальной академической жизни. С 4 октября Покровский «налаживает» занятия, а между тем эти занятия должны быть «налажены», и притом окончательно, к вечеру 3-го, а 4-го все должно завертеться, как в хорошей машине, пущенной хорошим механиком.

Из насущных вопросов институтской жизни сегодня выплыло два:

1) Издание лекций, предпринятое в прошлом году господином Белавенцем. Для продолжения этого издания необходимо доплатить всем подписчикам до 7 рублей (мне, например, нужно уплатить 2 рубля). Деньги собирает в институте г. Каценеленбоген. («Кошачий локоть»!! Уж не жид ли?) На 16 октября в 7 часов вечера назначено общее собрание подписчиков.

2) Выбор старосты. Как это будет сделано – я себе еще не представляю. Пока все носит случайный характер. Директор Покровский позвал к себе в кабинет «кого-нибудь из 2-го курса». «Кто-нибудь» оказался военным фармацевтом. Этот фармацевт передал предложение Покровского об избрании старосты какому-то штатскому в серой визитке. Затем человек 5 начали шushукаться. Кто-то решил, что выборы нужно отложить числа до 16-го. Более предприимчивый схватил лист бумаги и каракулями написал, что «16-го состоится общее собрание для выбора старосты», и приколот бумагу к стене. Вот и вся организация выборов. Слушатели иначе поступить и не могли. Но что «иначе» поступить не могла и не должна была администрация – я с этим не согласен. Администрация совершенно «устранилась» от вмешательства в наши выборы. Это правильно, если под вмешательством понимать «давление» или какое-либо стеснение. Но это неправильно, если под вмешательством подразумевать организацию сходки и предварительную работу для облегчения выбора старосты. А то у нас даже списков нет всех слушателей. Впрочем, о чем тут толковать! Дело обстоит гораздо проще. Во-1), администрации лень навязывать себе какое бы то ни было беспокойство, во-2), администрации на все наплевать, и в-3), администрации даже выгодно, что старосту выберут «зря», а то, чего доброго, при хорошей организации выборов попадет в старосты энергичный человек, который доставит самой администрации лишние хлопоты. Староста-пешка – вот настоящий староста! А староста, который вдруг заявит, что слушатели недовольны манкированием лекций профессором Шляпкиным или недовольны плохой организацией практических занятий палеографией, – да такой староста – просто «дрянь». Да Бог с ним с таким старостой...

2-я лекция – профессора Веселовского была (О «Первобытной археологии»). Третью (профессора Шляпкина) я с Ушаковым прождал полчаса, не дождался его прихода и ушел из института.

5 октября – среда.

Сегодня состоялось в гвардейском Стрелковом артиллерийском дивизионе перенесенное с 25 сентября празднование дивизиона. Я – в числе прочих чинов бригадного управления (Ушаков и Фриде) – получил на него печатное приглашение господ командиров 1 и 2 батарей гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Молебен начался в 1 час дня – в канцелярии 2 стрелковой батареи. Из приглашенных были: генерал-лейтенант[и]т Беляев – бывший командир лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады (ныне комендант Кронштадтской крепости), генерал-лейтенант Хитрово – начальник артиллерии Гвардейского корпуса, отставной генерал-лейтенант Кармин – бывший 1-й командир вновь сформированного гвардейской Стрелковой артиллерийской дивизии – и чины управления артиллерии

Гвардейского корпуса – штабс-капитан Некрасов и поручик Баранов. После молебна – чарка с обычными тостами и завтрак в канцелярии стрелковой батареи. Разошлись в 3 часа дня.

Второй день не получаю «Нового времени», так как бастуют типографии. «Русский инвалид» и «Правительственный вестник» выходят по-прежнему.

6 октября – четверг.

Газеты все еще не выходят.

От 10 часов утра до 12 часов дня был в комиссии, которая приняла от Эренверта 10 ящиков ветеринарно-фельдшерской аптеки неприкосновенного запаса.

Ездил в частный лазарет Вейнер (7 Рождественская улица, д. 38) и от туда в Николаевский военный госпиталь к солдату В. Моховому, приславшему нам прошение о пособии. Это 2-й нижний чин, обращающийся за пособием.

8 октября – суббота.

От 11 часов утра участвовал в комиссии для составления проекта «работ по постепенному возобновлению» в казармах бригады. Проект, в сущности, я представил готовый, а члены комиссии его только одобрили, и затем мы обошли некоторые помещения казарм и конюшни. Председатель комиссии полковник Гартунг, члены: капитан Рерберг и военный инженер капитан Попов и я. После обхода полковник Гартунг, я и капитан Попов стали закусывать и завтракать и назакусались и назавтракались часов до 8 вечера, напоив инженера градусов до 100.

9 октября – воскресенье.

«У русских положительно мания строить церкви. Для школ они скупы, а на новую церковь деньги всегда найдутся».

Воспоминания полковника Ф. А. Уэллслея – британского военного атташе в России.

10 октября – понедельник.

В Севастополе умерла мать нашего офицера поручика Рейнталя, и сегодня тело ее привезли в Петербург. Многие офицеры бригады – в том числи и я – были на вокзале, а затем шли за гробом и были на отпевании в Александро-Невской лавре. Человек от 12–15 ближайших его товарищей («Ясшкэ») был венок с надписью «Е. К. Рейнталь – от сослуживцев сына». Я был в числе подписчиков на венок. (Венок от Вержбицкого, металлический, с бархатными лентами, цена 25 руб[лей].)

Был на «Норе» Ибсена в театре Пассаж (Комиссаржевской) с г-жо[й] Комиссаржевской в роли Норы.

Сегодня один из наших офицеров, подпоручик Перлик, собрался ехать в отпуск, но «доехал» лишь до вокзала, а дальше ехать – увы! – не пришлось. Николаевская железная дорога примкнула к забастовке.

11 октября – вторник.

ДЖИНЖЕРИЗМ

«В Америке распространилась новая мания вроде морфинизма, кокаинизма и т. д. – ДЖИНЖЕРИЗМ – т. е. употре[б]ление настоя имбиря или имбирного эфира. Эта мания еще скорее разрушает здоровье, нежели другие до сих пор известные, не исключая морфинизма, причем любители этого наркотика принуждены постоянно и в очень сильной степени увеличивать порции, доходя от 10 капель до $\frac{1}{8}$ литра на 1 дозу».

(Из «Биржевых ведомостей»)

Оригинальная газетная заметка! Если это ликер «Джинжер», то в Европе, в частности в России и именно у нас в бригаде, давно «дошли» не до $\frac{1}{8}$ литра, но до 1/1!!!

В шутку у нас этот ликер (любимый в бригаде) называют настойкой на обойных гвоздях!..

13 октября – четверг.

Молебен в большом манеже бригады в 10 часов утра по случаю дня рождения великого князя Михаила Николаевича. Наш переделанный и заново отделанный манеж отпраздновал сегодня свое открытие. Завтра в нем разрешено начать езду батареям. Гг. офицеры с удовольствием увидели сегодня, что манеж выиграл в своем благоустройстве раз в 10. Устроена громадная общая жога, великолепная раздевальня, уборная, новый барьер, все заново окрашено и отремонтировано. Самое же приятное это то, что весь громадный расход не лег на бригадный бюджет и отнесен на суммы Инженерного ведомства (расход равен 5000 руб.). Этой финансовой комбинации удалось достигнуть мне благодаря особой любезности инженер-капитана Попова и... и еще потому, что под написанным мною длиннейшим рапортом о неудобствах старого манежа и проч. стояла фамилия «герцог Мекленбургский». На днях будет готов и выводной манеж и ремонтная конюшня.

14 октября – пятница.

Вчера вечером была получена телеграмма, что в наши казармы прибывает один эскадрон из Царскосельского гарнизона, а сегодня с утра мы уже увидели в своих стенах лейб-эскадрон Гусарского его величества полка. Это обычные (за последнее время) вестники беспорядков. Во главе эскадрона прибыл

штабс-ротмистр Яфимович, несколько лет тому назад бывший нашим гостем во время мобилизации Гусарского полка. Его помощник – корнет Фредерикс. Со вчерашнего же дня наша бригада стала нести усиленные наряды. Один взвод сидит в большом манеже при офицере, один посылается в [Училище?] правоведения, ежедневно наряжается дежурная батарея в конном строю с прикрытием в 30 всадников от нашей же бригады, масса дежурных патрулей и проч. Собрание днем и по вечерам снова оживилось, обратясь в какой-то лагерь, подобно тому как это имело место в начале этого года (9 января).

Вечером в 7 часов я поехал в Археологический институт на лекции. На улицах полное спокойствие и столь же полное освещение. Но фонари на Литейном мосту и на Михайловской площади не горели. Подъезжая к институту, я заметил, что в окнах темно. В подъезде – человек 15 слушателей института, слабо освещенные лампой-коптилкой. Электричество погасло, и администрация с радостью (я в этом уверен!) поспешила заявить, что лекций сегодня не будет. Вскоре сам директор г-н Покровский спустился сверху и, поклонившись, весело объявил, что вот, мол, «забастовала электрическая станция, и занятий не будет». Кто-то попытался заявить, что можно бы устроить керосиновое освещение, но уважаемый директор энергично возразил, что это «невозможно», что это «не сто́ит», что «чем мы хуже других: можем и мы отдохнуть». Одним словом, тут налицо следующее: г-н Покровский и вся его шайка (да простят мне господа профессора за это название) до смерти рады, что они могут на вполне законном основании пропустить несколько дней (а Бог даст – неделю и больше!) и уж вовсе не показываться в институте... Впрочем, как мы видели, в этом чисто бюрократическом заведении и без всяких «оснований» не стесняются манкировать своими обязанностями – все, начиная от господина директора и кончая легендарным заведывающим музеем (!!??).

Возвратился в собрание, где застал многих наших офицеров и обоих гусар за обеденным столом. На столе стояли зажженные канделябры. Электричество потухло и у нас в собрании. Около 11 часов вечера оно потухло и в наших офицерских квартирах.

15 октября – суббота.

Электричество ведет себя трагикомично. С утра (часов с 11) оно зажглось и горело весь день до темноты, и часа в 4 у нас в собрании снова появились свечи и керосиновые лампы. Я нигде не был, а потому ничего не могу сообщить как очевидец. Лишь на Литейном проспекте – едва ли не самой спокойной улице во всем Петербурге – красуются в Сергиевской аптеке разбитые стекла. Это господа аптекаря, выйдя днем из аптеки, разбили камнями стекла! Побили стекла и в Спасо-Преображенской аптеке Краузе. Все магазины заколачиваются, или заставляются щитами.

16 октября – воскресенье.

В 9 часов утра чины Управления бригады (я, поручик Фриде и подпоручик Ушаков), несмотря на воскресенье, были вытребованы в Управление временно командующим бригадой полковником Головачевым. Оказывается – нужно сделать новые наряды и расчеты на случай вызова батарей по тревоге и получить из огнестрельного склада дополнительный отпуск боевых снарядов. Я лично был вызван для устройства нар в большом манеже – для отдыха дежурного взвода. Мелких распоряжений по охране бригадного дома, казарм, обеспечению провиантом и проч. – масса.

17 октября – понедельник.

В 9½ часов в большом бригадном манеже был молебен по случаю царского дня.

Электричество горит в собрании, но не горит во всех офицерских квартирах.

18 октября – вторник.

Сегодня приступили к разборке нашего знаменитого бригадного дома, носящего историческое название «Зеленые связи». На месте их (угол Надеждинской улицы и Спасской улицы) будут построены офицерские квартиры лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде и гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону... Квартиры, которых бригада ждет уже около 20 лет!!!!...

Высочайший манифест!!! Газеты, кроме официальных, не выходят. Но надо думать, что когда они выйдут, мы при дарованной свободе слова узнаем все подробности этих дней, поистине «чреватых» событиями. Расскажу вам только об одном «инциденте», свидетелем которого был я и многие мои товарищи по бригаде.

В собрании, благодаря усиленным нарядам, сидело за общим вечерним чаем в библиотеке – человек 10 офицеров, дежурным был подпоручик гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона Болецкий. Часов в 11 вечера трубач вызвал его вниз, а минут через 5 Болецкий вернулся наверх и обратился к нам со следующими словами:

«Господа, дело оказалось настолько сложным, что я не знаю, как мне поступить. Посоветуйте мне». Оказывается, что какой-то студент Петербургского университета собрал вокруг себя несколько человек и, заявив, что он пользуется дарованной свободой слова, начал порицать самодержавие и доказывать необходимость его свержения. Случившийся тут же канонир 1 стрелковой батареи возмущился подобною речью и, взяв студента за рукав, предложил ему следовать в казармы к дежурному офицеру. При этом инциденте были еще 2 служителя нашего офицерского собрания Жемчужкин и

Викентьев, а какой-то лавочник согласился быть свидетелем. Вся эта компания и предстала перед подпоручиком Болецким. Мы посоветовали вызвать полицию и передать студента полицейским. Дело казалось простым, но вышло иначе. Прибывшие два городских наотрез отказались «взять» студента, говоря, что толпа все равно «отобьет» его от них. Один из городских жаловался, что его уж сегодня побили, и даже упрасивал «отпустить» студента в «такой» день. Во всяком случае, городские просили конвой, но так как подпоручик Болецкий наотрез отказался дать конвой из нижних чинов, то начали звонить по телефону в участок с требованием «подмоги». Тем временем около подъезда нашего собрания стала собираться толпа, узнавшая, что здесь «арестован» студент, и стала звонить и ломиться в дверь. «Звон» был прекращен тем, что электрический колокольчик разъединили, стук же в двери тотчас же прекратился, как в дверях показались наши солдаты (дежурный взвод был введен в швейцарскую) с шашками и револьверами. Студент, облокотившись задом на предзеркальный столик, искусственно улыбаясь, посматривал направо и налево, заговаривая с окружающими его солдатами. Убедившись, что его не собираются здесь не только повесить, но и бить, он подбодрился и начал расхаживать по швейцарской. Для полноты рассказа я должен вернуться назад и рассказать, что мы видели из собрания еще ранее описываемого здесь инцидента. А видели мы из окон, как толпа народа, я думаю тысячи 2–3, сплошной массой, во всю ширину Литейного проспекта с его широкими панелями, – шла с песнями и красными флагами (революционными). На флагах были надписи. Я видел надпись: «8-часовой рабочий день» и «Свобода». По большей части красные флаги – это сорванные с домов национальные флаги, у которых белая и синяя материи – оборваны. В толпе были: студенты, женщины, гимназисты (вот бы выдрать их!!!) и несколько пьяных солдат (армейских нестроевых: писаря, разных складов) и матросов. Масса голов поворачивалась к нашим окнам, замечала в них головы офицеров, снимали шляпы, улыбались и шляпами манили к себе. Приблизительно через четверть часа вся эта толпа продефилировала мимо наших окон обратно. Очевидно, у Окружного суда ее не пустили дальше войска. Еще через четверть часа разыгрывается инцидент со студентом. Толпа у нашего подъезда все растет и растет. Правда – на противоположной стороне стоят по большей части просто любопытные, но стоящие у самого подъезда настроены враждебно. Являлось предположение, что слух об арестовании студента может дойти до «толпы с красными флагами», и если все эти 2–3 тысячи появятся перед нашими окнами – событие разыграется с нежелательным финалом. Первый брошенный камень в стекло или другая какая-либо угроза со стороны толпы вызовет репрессию со стороны нашей бригады. Студент, еще более осмелев от сочувствия толпы, обратился к Белецкому с советом – выпустить его, дабы не губить толпу, в

которую начнут стрелять и т. д., но получил твердый ответ, что он исполнит лишь волю своего начальства, а до толпы ему нет никакого дела. А толпа эта все увеличивалась в количестве и пробовала завести с Болецким парламентерские переговоры. Какой-то штатский сунул свою визитную карточку, которую Болецкий тут же разорвал, затем какой-то артиллерийский офицер полевой артиллерии пытался уговорить через стекло парадной двери – отпустить студента в виду враждебного настроения толпы. Очевидно, этого офицера толпа уговорила от их имени передать эти слова. Мы и сами видели, что инцидент принимает нежелательный, а главное, глупый оборот. Я и капитан Альтфатер открыто посоветовали – отпустить студента, ибо не наше право арестовывать кого бы то ни было. Но раз канонир его задержал, мы хотели передать его полиции. Полиция взять его отказалась, вызванный усиленный наряд полицейских не является. Забыл сказать, что фамилию свою студент «благородно» отказался назвать. С другой стороны, у многих шевелилось чувство, что вот, мол, «мы», воинская часть, «спасовали» перед какой-то толпой. Эту мысль резко поддерживал подпоручик Ушаков и настаивал на дальнейшем аресте студента. На самом деле нам, конечно, не трудно поставить на своем... Безоружной толпе трудно состязаться со всей артиллерийской бригадой, но возможность столкновения – раненые и убитые в толпе – вовсе не такое желательное явление. А что г-н студент и с ним 10 человек будут похваляться, что они «заставили» бригаду им уступить, то на это положительно «наплевать». Поручик Болецкий, выслушав наши мнения, решил телефонировать в бригадное управление пор. Фриде (бригадному адъютанту) для доклада временно командующему бригадой полковнику Головачеву с просьбой немедленно ответить: отпустить ли студента, или же продолжать его держать. Пока шли переговоры по телефону, были приняты меры для сохранения нашего престижа. Гусары поседлали свой эскадрон, еще один вооруженный взвод в пешем строю был введен в коридор собрания, а капитан Ал[ь]тфатер – временно командующий 2-й батареей – послал приказание разбудить людей батареи, которая в этот день была дежурной (в конном строю). Последнее распоряжение было тотчас же отменено, так как по телефону получился ответ, что полковник Головачев приказал – немедленно отпустить студента. Из окон было видно, что толпа радостно встретила его, а он благодарил ее за то, что «его освободили». Затем почти тотчас же все разошлись. Вскоре прибыл сам полковник Головачев и одновременно г-н пристав и его помощник, которым и объявили, что уже «поздно» и что арестованный выпущен. Полицейские сделали вид, что они ни при чем и что виноваты мы, которые не сумели удержать студента до их прихода. На другой день полковник Головачев был у начальника артиллерии генерал-лейтенанта Хитрово (вр. и. д. корпусного командира), который одобрил распоряжения Головачева об освобождении студента, не

делая из этого случая «кровопролитного» события. Канониру 1 стрелковой батареи выдано было 5 рублей, а Жемчужкину и Викентьеву по 2 рубля за задержание студента, причем было объяснено – почему мы этого студента выпустили.

19 октября – среда.

В 11 часов утра я и инженерный капитан Попов подписали ведомости о сдаче и приеме здания «Зеленые связи». С этого момента – это здание перешло в распоряжение Инженерного ведомства. Ведомости мы поместили 20 октября.

Получил высочайшую грамоту на пожалованный мне 16 января сего года орден Св. Станислава 3 степени (см. 18 января).

Эти дни мы положительно несем службу монахов. Молились 17-го в большом манеже, сегодня в Казанском соборе по случаю высочайшего манифеста, завтра 2 службы (!!!) – одна в Сергиевском соборе по случаю Дмитриевской субботы и в 2 часа дня в Петропавловском соборе по императоре Александре 3. 21-го, очевидно, тоже будет молебен (восшествие на престол императора Николая 2).

20 октября – четверг.

От 10 часов утра новый начальник 1 СПбургской дистанции полковник Рудницкий (заместитель полковника Васильева) осматривал казармы нашей бригады. Начал он с уже разрушаемого здания «Зеленые связи», где его поджидал капитан Попов (военный инженер) и я, затем побывали почти во всех без исключения конюшнях и зданиях бригады – вплоть до 1 часу дня, сделав таким образом верст 12. В 1 час дня я пригласил обоих инженеров к нам в собрание, где мы позавтракали. После завтрака полковник Рудницкий ушел, а капитан Попов остался сыграть со мной партию на бильярде и в винт втроем (капитан Попов, капитан Пономаревский-Свидерский 2 и я). Кофе с «Джинджером» снова фигурировало (см. 8 октября и 11 октября).

От 6 часов вечера гулял по Невскому. От Адмиралтейства до Михайловской улицы горят почти все фонари, а от Михайловской улицы – темно, как в душе негра, посаженного в темницу Василием Темным. Народу, как всегда. Разъезжают конные патрули и ходят пешие патрули.

Гусары с утра уехали из бригады – может быть, временно. В собрании получили московские газеты: «Московские ведомости» и «Русское слово» с заголовком: «18 октября – первый день свободы».

21 октября – пятница.

Около 1 часу дня после недельного перерыва у нас в бригаде зажглось электричество.

22 октября – суббота.

Остроумный каламбур:

– Говорят, что эскадра уже послана в Гельсингфорс (для подавления восстания).

– Какая эскадра? Ведь от эскадры одна «Слава» осталась.

Примечание: «Слава» – броненосец.

Вышли петербургские газеты.

24 октября – понедельник.

В 10½ часов утра пошел являться полковнику Головачеву, так как внезапно наш командир бригады его высочество герцог Мекленбургский вернулся из отпуска на 1 месяц и 10 дней ранее срока и вступил в командование бригадой.

Спускаясь с лестницы Управления бригады, встретил полковника Фурмана, командира 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, который сообщил, что объявлена мобилизация гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону для похода в Финляндию. Интересно следующее: 1 стрелковой батареей командует полковник фон Шульман – совершенный «рамоли» с куриными мозгами. Его уже обошли по производству и не дали дивизион (полковник Масалитинов моложе его по службе и уже командует дивизионом). Но по русскому обычаю Шульману дают дослуживать до пенсии. И вот результат: нужно идти в поход, а командир фактически не способен командовать. Говорят, что полковник Фурман вступит в командование дивизионом (полковник Зедергольм – командир дивизиона – в отпуске), а Шульману будет предложено подать рапорт о болезни. Возмутительно!!! Еще одна черточка: в Стрелковом дивизионе – почти все иностранные фамилии шведского и финского происхождения (в крайности немецкого), причем некоторые офицеры чистокровные шведы:

Полковник Зедергольм

– Фурман

Поручик Баклунд (сын академика)

Подпоручик Люндеквист

Полковник фон Шульман

Подпоручики Рейнгард 1 и 2

Герой дня – генерал-лейтенант князь Оболенский, которого финляндцы арестовали и который, по частным известиям, переехал на днях на броненосец «Слава». Газеты вспоминают, что этот «тип» ничем замечательным никогда не был и выдвинулся на пост финляндского генерал-губернатора за свою знаменитую порку крестьян. Этот его подвиг послужил темой для следующей остроты на юге России:

- Есть у вас шампанское Ольденбургское-сэк?
- Нет-с! Есть Оболенский сек!!

В 3 часа дня в канцелярии 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизион[а] состоялось совещание под председательством полковника Фурмана по вопросам о мобилизации. Присутствовали все офицеры гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, адъютант начальника артиллерии Гвардейского корпуса поручик Баранов, я и подпоручик Ушаков (казначей). Около половины четвертого прибыл в канцелярию командир бригады его высочество герцог Мекленбургский. Поздоровавшись, он сказал:

«Господа! Получена телеграмма о мобилизации гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона для движения его в Финляндию. Я надеюсь, господа, что вы все оправдаете то доверие, которое вам оказывает государь император».

Все молча поклонились. Около 4-х часов герцог и чины штаба ушли. В сущности, как оказалось, телеграммы о мобилизации еще нет. Это только предупреждение о ее возможности. Но часов в 11 вечера телеграмма о мобилизации 1 стрелковой батареи получена в собрании. Начало мобилизации – 7 часов утра 25 октября, и через два дня – 27 октября – поход.

27 октября – четверг.

Выступление в поход в Финляндию 1 стрелковой батареи отложили в виду затишья у соседей... Появилось предположение, что батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и вовсе никуда не пойдут... Но вдруг... Ах! В эти ужасные дни все совершается «вдруг» и «неожиданно». Часов в 9½ вечера получается телеграмма из штаба округа: мобилизованной 1 батарее гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона в 11½ часов ночи быть на Балтийском вокзале для следования в Кронштадт. В Кронштадте, как известно из газет, вспыхнул мятеж матросов... Что за суматоха поднялась в батарее!! Собраться в поход в ОДИН час – дело не легкое. Имущество, солдатские вещи, одеяла, сундуки – все наскоро валили в одну из комнат. Вновь прикомандированные люди из чужих батарей и чужой бригады (лейб-гвардии 2-й) толком ничего не знали, что и как им делать. Фельдфебель Ивко и фейерверкера совершенно сбились с толку... Офицерам батареи разослали записки, но прибыли вовремя только командующий батареей штабс-капитан Беляев и подпоручик Перлик – прикомандированный из 6 батареи бригады. Остальные догнали при выступлении. Я ушел домой в 12 часов ночи, но оказывается, что еще до 2-х часов ночи после проводов батареи на вокзал шла в казармах суматоха... Прибыл командир бригады герцог Мекленбургский, распределял снаряды и проч. Что за чудовищные слухи передавались при этом!..

28 октября – пятница.

В 11 часов вечера в Петербурге, когда я шел по Литейному пр., был необычайный по своей густоте туман. Сплошная белая пелена не позволяла видеть на 10 шагов вперед. Приблизительно через один час туман совершенно рассеялся.

1 ноября – вторник.

Ночью в 3 часа (на 2 ноября) 1 батарея гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона вернулась из Кронштадта в СПбург.

2 ноября – среда.

В 10 часов хозяин собрания капитан Д. В. Альтфатер и я поехали в Окружную пробирную палату – на Казанскую ул. Углубимся для ясности в историю. 5 апреля 1902 года (см. «Черную книгу») я и капитан Рерберг поехали в Старый Петергоф смотреть верховых лошадей в Конно-гренадерском полку. И Рербергу, и мне в то время нужно было купить вороную лошадь. Сидя в вагоне, Петр Федорович рассказал мне, что в одном из гвардейских полков (кажется, в Гродненском гусарском) офицеры стали собирать старые серебряные офицерские вещи (погоны, портупей и проч.) и потом, выплавив серебро, сделали из него братину или вообще какую-то серебряную вещь. Тогда же мы решили, что то же самое можно проделать и у нас в бригаде. 10 апреля того же 1902 года Петр Федорович записал в нашей «книге заявлений» офицерского собрания это предложение, под которым тотчас же подписался и я, а затем еще 11 офицеров бригады. Вопрос был внесен на общее собрание. Было объявлено при пр[и]казе по бригаде о том, что гг. офицеры приглашаются жертвовать старые погоны, портупей и шитье... Заведена была особая книга для записи и ящик для склада вещей. Приток пожертвований – по правде сказать, не особенно сильный – лился до сегодняшнего дня при трех хозяинах собрания: при мне, при поручике Рейнтале и капитане Альтфатере. Сегодня впервые капитан Альтфатер решил выплавить серебро из всех накопленных вещей. Мы взяли извозчика и поехали, как я сказал, в СПб. окружное пробирное управление. При нас свесили все вещи – получилось 23 фунта с золотниками. Затем мы перешли в плавильню, где рабочий при нас начал сжигать по частям наши погоны, портупей и шитье. Получив серебряные нитки, их бросили в тигли для получения жидкого серебра. Вся операция длилась до 2½ часов, и в конце концов мы получили слиток серебра весом в 13 фунтов 50 золотников. Через несколько дней на слитке поставили пробу, причем она оказалась 861/6 (погоны имеют 94 пробу). Есть и следы золота. Решено про[до]лжать сбор погон, так как полученного серебра слишком мало. (Если считать, что 1 фунт серебра стоит 15 рублей, то слиток стоит 195 рублей – ценность все же очень внушительная и собранная по грошам.)

ПРИМЕЧАНИЕ: В слитке, по разъяснению палаты, оказалось еще 13 золотников золота, и весь слиток оценен в 240 рублей.

3 ноября – четверг.

От 10 часов в Большом бригадном манеже начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово смотрел молодых лошадей, которых привел для гвардейской пешей артиллерии наш офицер капитан Гириш из Киева от ремонтной комиссии.

В 5½ часов погасло электричество в нашем офицерском доме. «Приказано» бастовать!!! Часов в 11 вечера оно снова зажглось.

4 ноября – пятница.

В 4½ часа экстренно было отдано приказание по бригаде – собраться в большом бригадном манеже для выслушания манифеста о крестьянах. Строились в манеже – по-дивизионно с наличными офицерами, в шинелях. Ровно в 4½ был готов 1 дивизион с хором музыки. Приехал герцог из Управления бригады, где ему пришлось бросить доклад, – и вышел перед середину дивизиона, держа в руках номер «Правительственного вестника». Сторож манежа младший нестроевой Бутвиловский держал около него керосиновую лампу. Его высочество, поздоровавшись, сказал, что по приказанию его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии великого князя Николая Николаевича он собрал здесь людей для прочтения им манифеста и указов Правительствующему Сенату о крестьянах, а затем он «разъяснит» им этот манифест. После того герцог скомандовал «гг. офицеры» и начал читать манифест и указы. Это было полгоря. Настоящее горе началось тогда, когда герцог начал его «разъяснять». Разъяснение заключалось в том, что он снова прочел пункты льгот, объявленных в манифесте и в указах, а «отсебятина» заключалась в том, что герцог все свел на неприкосновенность помещичьих земель как на доминирующую часть манифеста. В заключение было провозглашено «ура» в честь государя императора. То же самое было повторено и для 2-го дивизиона, и для гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона со всеми командами (я – на фланге нестроевой команды), с той лишь разницей, что манифест читал адъютант – поручик Фриде, а герцог лишь «разъяснял».

Около 5 часов к нам в бригаду пришел 3-й эскадрон лейб-гвардии Драгунского полка с 4 офицерами, которые и расположились у нас. Теперь снова должны прекратиться все занятия, так как, кроме драгун, у нас по манежам и сараям стоит еще около 150 лошадей мобилизованной 1 стрелковой батареи и лишние по мобилизации же люди. Около 7 часов вечера для лейб-драгун в нашем собрании был обед, на котором присутствовали в качестве хозяев офицеры 6 батареи во главе с полковником Гартунгом

(приказание герцога). Драгунами командует брат нашего герцога – его высочество герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий – бывший офицер нашей бригады.

5 ноября – суббота.

Был в цирке. Вместо «бастующего» электричества – он был освещен газовыми люстрами и стеариновыми свечами.

6 ноября – воскресенье.

Был в «Александринке» на пьесе Г. Зудермана «Отчий дом». Магду играла уже (увы!) старушка Савина, не желающая бросать «молодые» роли.

7 ноября – понедельник.

В 12 часов дня в Сергиевском всей артиллерии соборе отслужена панихида по всем убитым и умершим чинам лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Присутствовали все гг. офицеры лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. Был и начальник артиллерии и генерал-лейтенант Хитрово. Объявление было помещено в «[Русском] инвалиде», так как газеты, кроме официальных, не выходят.

9 ноября – среда.

В 12 часов дня в офицерском собрании были собраны все без исключения офицеры лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, носящие мундир бригады и дивизиона. Командир бригады герцог Мекленбургский сказал нам приблизительно следующее:

«Господа, я собрал вас согласно предписания начальника артиллерии Гвардейского корпуса по поводу двух писем, появившихся в газете Русь – за подписью 5 гвардейских офицеров и другое письмо за подписью “12 гвардейских офицеров”. Мне предписано представить собственноручные подписи всех гг. офицеров, носящих мундир бригады и дивизиона, в том, что они не подписывали. Эти подписи необходимы для привлечения издателя “Руси” к судебной ответственности за клевету. Я не сомневаюсь ни одной минуты, что никто из вас этих писем не писал и не подписывал, и повторяю, что отбираю ваши подписи лишь для того, что это необходимо для привлечения “Руси” к судебной ответственности».

Затем герцог прочел нам две приветственные телеграммы с Востока по случаю годовщины основания бригады (9 ноября 1796 года). Первая телеграмма от генерала Потоцкого и вторая – коллективная: от Шанявского, Дурова, Беяева (Тимофея) и Гущинского.

12 ноября – суббота.

В 12 часов ночи у нас в собрании был большой ужин, на который частным образом сошлись человек 30 товарищей для «частного» же чествования только что вернувшихся с войны: Генерального штаба подполковника Базарова, Генерального штаба капитана А. А. Якимовича и штабс-капитан[а] (причисленного к Генеральному штабу, но еще не переведенного) Плющевского-Плющика. Должен был быть еще штабс-капитан барон Арпсгофен, но почему-то не пришел. Из полковников были: полковник Демидов (командир 1 его высочества батареи), полковник Гартунг (командир 6 батареи) и полковник Илькевич (командир 5 батареи). Затем гостями были: все 5 офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, 3-й эскадрон которого до сих пор стоит у нас в бригаде, и поручик лейб-гвардии Измайловского полка Кононович, которого ввел поручик Мартюшев. Официальные тосты сказал полковник Демидов: 1) за товарищей, вернувшихся с войны, 2) за лейб-гвардии Драгунский полк и 3) за лейб-гвардии Измайловский полк. Отвечали: подполковник Базаров, командующий эскадроном лейб-гвардии Драгунского полка, поручик Кононович и капитан Якимович. Хороший тост, по обыкновению, сказал полковник Гартунг: «За весь Гвардейский корпус и за нерв армии – офицеров Генерального штаба – детей этого корпуса». Шампанское (9 бутылок) были влиты в братину батареи великого князя Михаила Павловича. После ужина перешли в гостиную (только что заново отделанную, с новой великолепной люстрой, лампами и проч.), где пили сперва кофе и ликеры, а потом снова шампанское. В третьем часу ночи вдруг появились песенники лейб-гвардии Драгунского полка, которые спели в зале несколько песен, за что получили от нас 25 рублей. Все обычные номера «выпивок» были исполнены. Пели «Солдат-солдат», «Без лейб-драгун ведь нам не пьется», «Можно ли нам с вами выпить» и новую шансонетку «Саша, мой милый Саша, ты удивительно хорош!», переделывая «Саша» на имена гостей и товарищей – «Лева», «Коля», «Эдя» и т. п. Необычным номером было только следующее: поручик Кононович (лейб-гвардии Измайловского полка) и нашей бригады Мартюшев (находящийся ныне на дополнительном курсе Михайловской артиллерийской академии) разделись до пояса и показали свои мускулы. Это настоящие атлеты – в особенности Кононович.

Я ушел около 4 часов ночи, но это не был еще конец.

13 ноября – воскресенье.

От 7 – 10 часов вечера в залах Императорского Археологического института состоялось собрание слушателей 1 и 2 курса (40 человек) по приглашению старосты нашего курса г. М. И. Белавенца. Польза от такого собрания – очевидна. Было внесено масса вопросов для улучшения постановки преподавания в институте. Красной нитью проходило следующее:

«Мы – слушатели – стремимся всеми мерами улучшить преподавание и быт института и на каждом шагу встречаем тормазы – в лице администрации профессоров». Тот профессор надул и не проредактировал лекции, этот не захотел сопровождать слушателей в архив и т. д. и т. д.

Между прочим решено было выбрать особую комиссию из 5 членов для организаций посещений музеев во главе с профессорами. Я и подпоручик Ушаков предложили свои услуги быть членами этой комиссии – и нас выбрали единогласно. Один из слушателей 1 курса предложил улучшить преподавание археографии и показывать палеографические снимки на экране. Как раз – один из способов, который я рекомендовал в своих записках. Во всяком случае, мне приятно было слышать, как все горячо заявили, что «нынешний способ преподавания археографии не выдерживает ни малейшей критики». Подробный отчет о нашем заседании занял бы несколько десятков страниц. Кажется, он появится в особых бюллетенях, которые мы решили издавать, а потому я и ограничиваюсь этой заметкой. Между прочим решено по моему предложению просить директора о заведении 1) телефона и 2) книги для заявлений.

14 ноября – понедельник.

Был по наряду в Казанском соборе по случаю дня рождения императрицы Марии Федоровны.

Современный анекдот:

Курсистка спрашивает студента:

– Вы с.-с. ?

– Нет.

– С.-р. ?

– Нет!

– Кто же вы??

– С.-п.

– ????

– Сам по себе!

ПРИМЕЧАНИЕ: С.-д. – Социал-демократ

С.-р. – Социал-революционер

Граф Витте Полусахалинский.

16 ноября – среда.

Со вчерашнего дня у нас в бригаде инспекторский смотр командиром бригады. Нечто весьма «старинное» и «отжившее», отбывание номера. Се-

годня, например, утренний осмотр обмундирования и обход помещений затянулся до 2-х часов дня. Поэтому обход сараев, конюшен и проч. начался лишь в 2½ часа, и очень скоро командир и вся свита бродила уже в совершенных потемках... В потемках осматривала сараи с артиллерией... Да, впрочем, это и не был смотр! Голый, циничный номер, который нужно отбыть, как скучную повинность....

Вечером в 8 часов в Обществе ревнителей военных знаний можно было видеть солидный процент нашей бригады. Это собрались на лекцию полковника Л. Ф. Гартунга – об унтер-офицерском вопросе. Интересная тема и интересен сам лектор, впервые выступивший публично и блеснувший красиво построенными, разумными и продуманными фразами и мыслями. Ему много аплодировали. Наши гости – лейб-драгуны – в полном составе почтили своим присутствием лекцию. После лекции – дебаты – довольно бесцветные. После дебатов наша компания села ужинать (Гартунг, Смысловский, Илькевич, Кавтарадзе, Петрушевский, Рейнталь, Снигиревский, я и барон Арпсгофен).

20 ноября – воскресенье.

Капитан гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона Н. И. Алымов, недавно вернувшийся с Дальнего Востока, куда он ездил в качестве заведывающего отделением Гв[ардейского] эконо[мического] о[бществ]а, рассказывал, что он видел «модный» дамский (!!!) брелок (надо думать, у «этих» дам):

Брелок-ребус означает следующее: «Минет», ибо в нарисованных нотах МИ – нет.

21 ноября – понедельник.

На сегодня в 8 часов вечера я, подпоручик Ушаков и поручик Рейнталь получили приглашение – в качестве будущих шаферов – присутствовать на обручении моего вахтера казарм Сергея Ефимовича Александрова с девицей Надеждой Гавриловной Сергеевой. Обручение состоялось в собственном доме матери невесты – Елизаветы Ивановны (отец невесты умер). Когда мы поднялись во второй этаж деревянного дома (д. № 39 по Каменноостровскому просп.), в зале уже служил молебен отец Иван Фи-

лософов, настоятель Сергиевского собора. Посаженым отцом должен был быть штабс-капитан Матюшкин, а его жена посаженою матерью, но Н. Н. прислал письмо, что быть не может.

Мы трое были в мундирах. Довольно обширный зал был битком набит родственниками и приглашенными. Из сослуживцев Александрова был только сверхсрочнослужащий аптечный фельдшер Т. М. Костельцов. Фельдфебель хора музыки Матвеев был не в качестве гостя, а в качестве музыканта в числе других «солистов» разных гвардейских полков, составляющих вместе «странствующую труппу» – человек в 5–7. Что же вам сказать про общество? Какое их социальное положение – догадаться не трудно. Муж сестры невесты – кладовщик Мариинского рынка, брат – штабной телеграфист, затем отставные фельдшера, приказчики и проч. Женский элемент – жены, дочери, родственники и знакомые этих приказчиков... Вы думаете, что я хочу этими строками умалить достоинство собравшегося общества. Напротив!!!! Я хочу сказать следующее: знайте же, что все это общество было корректное и в высшей степени приличное, а дамы и девицы... Не подумайте, что я увлекаюсь!! Дамы и девицы поспорили бы и своими модными платьями, и своими манерами с любым провинциальным обществом мелких чиновников и армейских офицеров. Сама невеста очень миловидная с длинными ресницами, бросающими тень на ее блестящие глазки, барышня. Ее замужняя сестра – да она в 2 минуты меня покорила! Не красотой своей, возбуждающей в мужчине желание обладать женщиной. Я не раздевал ее мысленно и не любовался вовсе ее бюстом или руками. Совсем нет!!.. Я смотрел только на ее скромное лицо, в котором мне чудилась и неземная красота, и ангельская невинность, и человеческий разум...

После молебна мы пошли здороваться. Подали руки мамаше, невесте, Александрову и Костельцову. Пожали всем тем, кто к нам подходил и протягивал руку. Наш «собранский» служитель Головин внес на подносе шампанское (вернее и. д. шампанского, ибо на вкус это была просто подсахаренная вода), и все чокались и поздравляли обрученных...

Перешли в столовую и сели за ужин. Я сидел рядом с Александровым. Рейнталь сел рядом с невестой. Ушаков рядом со мной. Визави нас фельдшер Костельцов и замужняя сестра невесты рядом с мужем... Левее Рейнталья сидела мамаша... Ужин прошел скромно... Пили в общем мало... Разговоры велись скромно, вполголоса. Изредка с «правого фланга» стучали ножом и кричали «горько», и молодые целовались. «Труппа» играла все время. После ужина начались танцы. Я открыл их вальсом с невестой. Ушаков также сделал два тура. Кто-то стал составлять столик в карты. Мы поговорили с четверть часа с окружающими нас мужчинами, а затем стали прощаться, ссылаясь, что завтра нужно рано вставать...

22 ноября – вторник.

Бригадный казначей подпоручик Ушаков с утра уехал вместе с герцогом в Стрельно в 1 гвардейский артиллерийский парк (в «сад», как у нас говорят в шутку), где начальник артиллерии генерал Хитрово производит сегодня инспекторский смотр (парки подчинены бригадам с 1 ноября сего года). Почему сие важно в-пятых? А потому, что меня запрягли исполнить на сегодня благую обязанность казначея: поехать в клоаку, т. е. виноват, в губернское казначейство, получить там 8728 рублей 45 копеек, разложить всю эту сумму по конвертам и от 3 – 4 часов дня раздать офицерам. Все это я и проделал достаточно опытной рукой, как бывший казначей – во время отпуска Матюшкина.

24 ноября – четверг.

15 ноября у нас в собрании вдруг неожиданно исчезли все газеты «крайнего» направления. Исчезли «Русь», «Биржевые ведомости», «Право», «Русское слово»... Придя вечером в собрание, я горячо возмущился против этого распоряжения в особенности потому, что предполагал это делом одного-двух человек, которые вдруг и властно лишили нас громадного материала для чтения. Под влиянием минуты я тут же, т. е. 15 ноября вечером, сделал запись в нашей книге заявления:

«Где же “Русь”, “Биржевые ведомости” и др. газеты, выписанные на наши деньги?

Поручик Савонько».

Слова «на наши деньги» – я подчеркнул. Через полчаса приходит в собрание капитан Альтфатер, и от него я узнаю, что газеты убраны по распоряжению герцога и объявление о сем вывешено на доске в библиотеке. Действительно, на доске висело объявление за подписью библиотекаря капитана Вешнякова, что газеты такие-то «изъяты по приказанию его высочества командира бригады».

От Альтфатера же я узнал, что герцог лично приказал о том полковнику Нарковичу, председателю нашего распорядительного комитета. Личное приказание герцога меняет дело, и я тут же написал, что «прошу мою запись не считать, так как из объявления и т. д. я узнал, что газеты изъяты по приказанию командира бригады».

На другой день вопрос об изъятии газет продолжал обсуждаться. Спорили, горячились... Мои выводы сводились к следующему: я ничего не имею против того, чтобы газеты крайнего направления были изъяты из нашего офицерского собрания, но нужно было обставить дело так, чтобы инициатива как бы исходила от нас. Мы просим, чтобы газеты были изъяты. На самом же деле мы получили приказ: «Не смей читать такие-то газеты!» Причем даже не комитет был инициатором этой меры, а кто-то из

гг. офицеров (говорят, капитан Пономаревский-Свидерский 1; его поддерживал Альтфатер и др.). «Шепнули» герцогу, и тот бухнул распоряжение «Изъять!!!» Выбор изъятых газет не мог сделать сам герцог, ибо он, кроме «[Русского] инвалида» и «Berliner Tagblatt», ничего не читает... Но вот собирается комитет (председатель – полковник Наркович, члены: капитан Рерберг, капитан Петрушевский и хозяин собрания капитан Альтфатер), рассматривает мою запись и кладет письменную резолюцию, что «запись по § такому-то правил не подлежит рассмотрению комитета».

А сегодня я имел разговор с самим полковником Нарковичем по поводу моей записи. Вопрос «осложнился» до неузнаваемости. В моей записи усмотрено: «искушение», «неповиновение», «непочтение», «оскорбление», «возмущение», «неуважение», «презрение» и наконец «подозрение». Подозрение усмотрено именно в словах: «на наши деньги». Т. е. надо думать, что я хотел заподозрить комитет в грабеже или воровстве! Чорт знает куда может завести оскорбленное самолюбие или самомнение!!

На длинные тирады полковника Нарковича я больше молчал. На его вопросы согласен ли я, что запись неправильна, я, конечно, ответил, что «официально я должен сказать, что она неправильна и противоречит такому-то §».

В конце концов Наркович «ОТ ЛИЦА КОМИТЕТА» предложил мне записать в этой же книге, что я (раб божий!!) сделал запись в неудобных выражениях и неправильно, а потому беру ее назад. И тогда инцидент они (!?) согласны считать оконченным и предать забвению. На категоричный вопрос – я ответил: «НЕТ!!!» Я ответил «нет» потому, что считал, что «комитет» не имел права меня судить, не имел права даже разбирать мою запись с юридической точки зрения, а должен был, заметив нарушение такого-то §, прекратить его обсуждение и предоставить председателю донести о сем герцогу с жалобой на дисциплинарный поступок, или же с требованием суда чести...

Моим отказом инцидент вырос до высоты Эйфелевой башни... Из мухи сделан слон, и весьма солидный!

25 ноября – пятница.

Сегодня опять имел разговор с полковником Нарковичем, и на этот раз я говорил много. Я высказал подробно свою точку зрения на факт изъятия газет из собрания. Тут, между прочим, обнаружилась странная мистификация. 15 ноября вечером Альтфатер категорично в присутствии еще Снигиревского и Ушакова заявил, что «комитет тут ни при чем, герцог лично приказал Нарковичу убрать газеты». П. Ф. Рерберг на другой день сказал буквально следующее: «Комитет тут ровно ни при чем». Наркович же заявил мне сегодня, что вопрос этот обсуждался «много и долго» в комитете

и затем сам Наркович лично представил его высочеству список газет, кои желательно «изъять»! Это новое для меня освещение вопроса меняет на него взгляд. Я несколько раз повторял: «Я могу еще допустить мысль, что комитет взял на себя инициативу изъять газеты, но я не мирюсь с мыслью, что один-два человека “с заднего хода” намекнули командиру части, а тот и “брякнул” свое распоряжение, которое свободно могло обидеть, да и обидело, очень много офицеров. Не дай бог – весть об этом дойдет до штатских кружков, через них дойдет до газет, и там появится заметка, что в 1-й бригаде офицерам ЗАПРЕТИЛИ читать газеты “Русь” и т. д. Ведь это был бы позор. Мы – офицеры бригады – САМИ (понимаете ли вы – САМИ) не желаем читать газеты, занимающиеся травлей гг. офицеров. Мы изгоняем эти газеты из нашего клуба, мы бойкотуем продажную прессу!! Это другое дело! Это можно “облаять”, но над этим глумиться нельзя. Неосторожность комитета привела нас именно к тому, что я лично боюсь за честь бригады... Есть у нас офицеры, которые говорят, что “Русь” и проч. следует выписывать в собрание, другие офицеры – что не следует. Но если опросить побатарейно всех офицеров, предлагая им от имени комитета, или командира части отказаться от выписки “этих” газет, то я думаю, ВСЕ ОФИЦЕРЫ единогласно примкнут к бойкоту. Тогда и только тогда мы все громко и гордо скажем: “Мы в собрании решили не выписывать газеты крайнего направления”. А теперь... А теперь недовольство деспотическим решением свыше порождает такие фразы: “Я никогда раньше не читал “Русь”, а теперь назло буду читать!” (Барановский). Точно дети 1 класса гимназии...»

Но я увлекся. Наш разговор кончился следующей фразой Нарковича: «Итак – с комитетом я считаю дело поконченным, но я оставляю за собой лично право действовать как штаб-офицер бригады».

Ну и действуй!!

В 1 час дня состоялось 1-е заседание комиссии для устройства электрического освещения в казармах (см. 29 сентября). 1-е заседание за 5 дней до конца срока. Это мог сделать только такой циник-лентяй, как наш председатель полковник Масалитинов.

26 ноября – суббота.

Праздник 2 батареи бригады. Я, как бывший офицер батареи, получил на него приглашение. В 11 часов в столовой отслужили молебен. Присутствующие: генерал-лейтенант Зуев, отставной генерал-майор Евреинов, полковник Фурман (командир 2 стрелковой батареи), полковник: Илькевич (командир 5 батареи), полковник Масалитинов (командир 1 дивизиона), подполковник Пиотровский (в форме Николаевского кавалерийского училища, где он состоит штатным преподавателем механики и артиллерии),

штабс-капитан Плющевский-Плющик, капитан Альтфатер, капитан Погребняков, подпоручик Окерман, Шталь, Жиленков и Зуев (3 батареи, одно время был пр[и]командирован ко 2 батарее, сын вышеупомянутого генерала). Подпоручик фон Руммель был в качестве адъютанта 1 дивизиона. После молебна обычная «чарка», а затем завтрак в канцелярии. После завтрака все поехали с визитом к «командирше» – т^{ме} Фуфаевской. От настоящих и бывших офицеров батареи был поднесен ей букет роз.

27 ноября – воскресенье.

В 1½ часов дня, несмотря на воскресенье, я был вызван в собрание полковником Нарковичем. 3-й разговор и, надо думать, – последний. Началось с недоразумения. Полковник Наркович заявил мне, что комитет «не согласился» на мои доводы. Позвольте!!!! Какие доводы?! Да разве я нуждаюсь в согласии или несогласии комитета, Я высказал мой взгляд на вещи, но оправдываться вовсе не намерен. Правда, я не знал, когда писал записку, как именно произошло это «мудрое» решение об изгнании газет, но факт остается фактом. Я сделал записку, и раз она сделана в книге заявления – она, следовательно, относится к комитету. Увертываться и оправдываться, что записка относится не к комитету, – я и в мыслях не имел.

На этот раз разговор не был длинен. Полковник Наркович снова предложил мне «от имени комитета» сделать записку в книге о неуместности моей первой записки и снова получил с моей стороны: «Нет!»

«Очень жаль, очень жаль...» – несколько раз повторил Петр Антонович..

Завтра суд.

После долгой забастовки почты и телеграфа получил сегодня кипу «Нового времени» и «[Русского] инвалида».

29 ноября – вторник.

В 1 час дня состоялось 2-е заседание нашей электрической комиссии (см. 29 сентября). Неожиданно для полковника Масалитинова комиссия кончилась протестом всех командиров против «вычислений» и «расчетов» председателя и требование[м] выбора «подкомиссии» для «настоящей» работы. Дело обязано на этот раз Н. А. Илькевичу, который, прочитав свой краткий расчет, составленный дома, блестяще доказал, что проекты Булгакова, Шуккерта и др., которые представил Масалитинов как ширмы своей деятельности, ни к черту не годятся, ибо они основаны на неверных данных и незнании истинных потребностей бригады. В подкомиссию избрали меня, полковника Илькевича и полковника Смысловского, и в тот же день от 7 до 9 часов вечера в квартире Смысловского мы выработали особые ведомости с графами для различных данных, которые должны нам дать ба-

тарей и команды. Мы кончили так, как при дельном (даже бездельном, но только не таком бездельном, как Масалитинов) председателе должны были начать, т. е. 2 месяца тому назад. А теперь, конечно, нужно отложить комиссию еще месяца на два.

В 1 час дня я был у инженер-капитана Попова и от него получил инструкцию о производстве годичного испытания калориферов и каминов в новом выводном манеже. Испытание начнется с 1 декабря с. г. Председатель – капитан Гирш.

30 ноября – среда.

После моего доклада его высочество, держа в руках книгу заявлений офицерского собрания и дисциплинарный устав, сказал:

«Вот я вам хотел сказать... Вы вот сделали следующее заявление...» и т. д. Затем прочел мне бесполезные §§, где говорится о «ссорах» между офицерами, но так как тут обижен штаб-офицер, то он берет дело в свои руки. Но в чем же дело? Герцог предлагает мне – не угодно ли вам принести извинения, раз что полковник Наркович считает себя оскорбленным. Я никогда не отказывался извиниться, раз что человек мной обижен. Даже если бы это был не полковник Наркович, а мой полотер. Затем Нарковичу хочется, чтобы я зачеркнул мою запись «начисто» (т. е. вернее «начерно»). И это я готов сделать. Ведь я отвергал только право комитета меня судить и отказывался исполнить комитет[ски]й ультиматум, но право Нарковича обидеться и искать удовлетворения – смешно даже оспаривать. Мой ответ будет передан полковнику Нарковичу герцогом.

1 декабря – четверг.

А сегодня нечто новое! Герцог мне заявляет, что полковник Наркович хочет меня вызвать на дуэль, так как считает себя оскорбленным, но готов принять от меня выработанную им запись – в книге заявлений! Т. е. сказка про белого бычка! Опять запись и опять по адресу всего комитета! Завтра в 9½ часов я должен дать ответ.

Завтра и поговорим об этом подробно.

Записываю имена и фамилии тех 5 офицеров лейб-драгун, которые вот уже месяц, как у нас в бригаде стоят со свои[м] эскадроном. Им отвели в полное распоряжение дежурную комнату, где они спят и проводят в бездействии целый день. По вечерам они вылезают в библиотеку, но по большей части они требуют обед, завтрак и чай к себе. Для того чтобы не стесняться – они живут на правах временных членов, без платы членского взноса, т. е. они платят за буфет, но и без того, конечно, расходы на их содержание – не маленькие. Лошади стоят в малом манеже, а люди спят в гимнастическом зале на нарах:

Штабс-ротмистр	(командующий эскадроном) Эдуард Эдуард. Генрице
—	Николай Алекс Вереха
Поручик	Алексей Михайлович Полозов («отец», как его зовут драгуны, с университетским знаком)
Корнет	Альфред Вильгельмович Генрице
—	Авенир Михайлович Здроевский.

2 декабря – пятница.

В 9½ часов утра я был у герцога в обыкновенной форме. Его высочество ввел поправку в свой вчерашний со мной разговор и заявил, что он «по забывчивости» неточно передал слова полковника Нарковича, а именно: полковник Наркович единолично требует моей записи в книге, а что капитан Рерберг и Петрушевский вполне бы ограничились одним моим извинением.

Засим я попросил разрешение прочесть свое последнее слово:

«15 ноября 1905 года я сделал в книге заявлений нижеследующую запись в форме вопроса: “Где же выписанные на наши деньги такие-то газеты?” Редакция вопроса соответствует моему мнению, что газеты, выписанные на суммы собрания и выписка коих была в свое время утверждена командиром бригады, не могли быть изъяты по желанию библиотекаря или даже комитета. Узнав же из объявления, вывешенного в библиотеке, что газеты изъяты по приказанию вашего высочества, я просил мою запись не считать, так как становилось ясным, что газеты убраны вполне законным способом – распоряжением командира части. Считаю нужным заявить, что я согласен с тем, что изъятые из собрания газеты действительно следовало убрать, так они по своему направлению являются нежелательными в офицерском собрании, и моя запись заключала лишь вопрос – на основании чьих распоряжений это было сделано? Сознаюсь, что мой вопрос, обращенный к комитету, может считаться незаконным, но я протестую против усматривания в нем даже тени какого-либо оскорбления по адресу полковника Нарковича, или не всего комитета.

Во всяком вопросе можно при желании видеть оскорбление. Ваше высочество, будучи в обер-офицерских чинах, записали однажды, что суп на официальном завтраке подан был в тарелках, а не в чашках. Можно усмотреть и в этой записи оскорбление комитета: обвинение его в незнании элементарных правил приличия, или же обвинение комитета в непростительной небрежности, следствием чего была ощутительная для всех офицеров неловкость.

Несмотря на мое категоричное заявление, что я и в мыслях не имел желая оскорбить комитет, полковник Наркович, войдя в устное и письменное обсуждение моей записи с членами комитета, предложил мне от

имени комитета сделать унижительную запись в книге заявлений, отвечающую произвольному толкованию моей первой записи.

Так как я не мог согласиться на подобную запись, тем более что она была предложена от имени комитета и притом официально, полковник Наркович мне заявил, что он прекращает со мной переговоры от имени комитета и будет действовать, как штаб-офицер, единолично.

29 ноября вы передали мне заявление полковника Нарковича, что он считает себя оскорбленным моею записью. Я заявил вашему высочеству, что записью своею не хотел никого оскорблять и по форме своей запись не носит следов оскорбления, но, тем не менее, готов принести извинения полковнику Нарковичу и даже вычеркнуть свою запись.

Мой ответ вы передали полковнику Нарковичу. Полковник Наркович, узнав от вашего высочества мой ответ, изменил свое решение, переданное 29 ноября вашим высочеством мне, и вновь предложил сделать унижительную для офицера запись в книге заявлений, и снова не от своего имени, а от имени комитета и в форме – заранее выработанной.

Эта форма трактует мою запись как желание оскорбить комитет. Я же лично, как офицер, заявил, что в этой записи я не имел в виду оскорбление и толкование моей записи одним штаб-офицером и 2-мя обер-офицерами считаю неправильным и в свою очередь оскорбительным за незаслуженное подозрение.

Если я сделаю запись – значит, я признаю наличие оскорбления комитета, т. е. признаю то, что хочется комитету, а не то, что есть в действительности. Я хотел бы знать: видите ли вы, ваше высочество, и мои сослуживцы по бригаде в этой записи оскорбление комитета или нет?

Если вы видите в этой записи оскорбление комитета, причем если видеть оскорбление, то можно видеть только тяжелое оскорбление, то даже требуемая с меня запись не смоеет с меня моего проступка, и вы, ваше высочество, и мои товарищи в лице суда общества офицеров должны будете потребовать моего удаления из бригады.

Если же в моей записи нет оскорбления, а есть только нарушение правил и форм, то вправе ли комитет требовать от офицера унижительную запись для удовлетворения своего самолюбия и вопреки моего заявления, что я никого оскорбить не хотел!

Ценя товарищеские отношения в части, я готов принести извинения полковнику Нарковичу и членам комитета за обращение к комитету в форме вопроса и неловкую фразу: «на наши деньги», чего я сделать был не вправе. Присутствие при этом извинении прочих офицеров бригады я представляю усмотрению вашего высочества.

Сделать же унижительную запись в книге заявлений по форме, выработанной комитетом, форме, которая заставляет предполагать желание с моей

стороны оскорбить кого-либо из чинов бригады моею записью от 15 ноября, – я ОТКАЗЫВАЮСЬ.

На ультиматум полковника Нарковича я отвечаю ультиматумом и прошу ваше высочество передать мой ответ полковнику Нарковичу. Если полковник Наркович будет настаивать на своем втором решении, т. е. требовать от меня запись, затрагивающую мою честь, я прошу ваше высочество принять мой рапорт об увольнении меня в отставку, что, вероятно, должно окончательно удовлетворить господина председателя распорядительного комитета».

Это мое заявление, как и следовало ожидать, привело герцога в смущение. Он попытался все объяснить моею горячностью, но из этого ничего не вышло, и я ушел из его кабинета, оставив позицию за собой и, видимо, убедив герцога, что полковник Наркович действительно «обиделся зря» и «зря закусил удила», не рассчитав, что на его требование может быть простое «нет!».

В 11 часов последовал 2 № сегодняшнего дня. Это официальный «цук» за мою запись с дисциплинарной точки зрения. Я был в мундире. Свидетели: поручик Фриде, подпоручик Ушаков, капитан Вешняков (библиотекарь), капитан Альтфатер (хозяин собрания) и полковник Масалитинов (старший в бригаде полковник) – в шюртуках. Герцог заявил, что моя запись поставила его в «неловкое положение» и что поэтому он «считает долгом сделать мне замечание», но при этом два раза повторил, что уверен и убежден, что моя запись не носит следа какого-либо оскорбления и что уверенность в этом ему придает «его личное знакомство со мной и с моей службой». Речь была, как видите, краткая и в выражениях более чем мягких, скорее любезных. Герцог подчеркнул мою вину: запись в книге без предварительной справки. Нужно было справиться у капитана Вешнякова или Альтфатера – кто велел убрать газеты, и тогда не было бы самой записи и моей оговорки. И только! А Наркович оскорблен до потери здравого смысла!!.

Часа в 4 после моего доклада герцог снова вернулся к «моему делу». Оказывается, он в это время успел посоветоваться с каким-то юридическим авторитетом, и тот ему разъяснил, во-1), что в моей «ссоре» с полковником Нарковичем он – командир бригады – играет роль суда общества офицеров, как для меня, так и для полковника Нарковича. Во-2), что запись, которую от меня требует полковник Наркович в книге заявлений, – незаконна. На основании этого герцог предложил мне написать извинительное письмо полко[в]нику Нарковичу. Да ведь это меньше того, что я готов сам был сделать. «Ценя товарищеские отношения в части, я готов принести извинения и т. д.». Я согласился на письмо. Мой ответ будет передан полковнику Нарковичу. Кстати: перед моим докладом герцог вызывал членов комитета:

капитан[а] Рерберга и капитана Петрушевского, говорил с ними и результат разговора передал мне. Капитаны Рерберг и Петрушевский заявили ему, что они не считают себя оскорбленными записью и сохраняют со мной товарищеские отношения. Благодаря этому герцог мне сказал, что инцидент с членами комитета он «считает исчерпанным».

На каком же, спрашивается, основании полковник Наркович требовал запись от имени комитета??!

3 декабря – суббота.

С 9 – 10½ поверка у меня дровяного двора, засим я отъездил в смене 2 дивизиона свой законный «час раз в неделю» и пошел в собрание завтракать. И здесь около половины 2-го произошло маленькое торжество. Наши гости – лейб-драгуны – уходят сегодня из нашей бригады и на память о себе преподнесли нам серебряный жбан с ковшом при следующем адресе, написанном на листе бумаги: «Офицеры 3 эскадрона лейб-гвардии Драгунского полка, не имея возможности лично поблагодарить гг. офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады за широкое гостеприимство и товарищеское отношение, просят принять их горячую признательность».

1905 г. 3 декабря.

Подписали 5 офицеров (см. 1 декабря).

Тотчас появилось шампанское с нашей стороны, наполнили жбан и бокалы, и бывший в собрании командир бригады герцог Мекленбургский провозгласил тост за славу лейб-гвардии Драгунского полка и благодарил их за подарок, который будет служить видимой связью нашей дружбы. Громкое «ура» наших офицеров покрыло этот тост. На него ответил командующий эскадроном штабс-ротмистр Генрице и в свою очередь выпил за здоровье нашей бригады. Его высочество прибавил еще, что «прошу верить, что вы нас несколько эти дни не стеснили и мы всегда рады дорогим гостям».

На жбане надпись:

лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде

признательный

3-й эскадрон лейб-гвардии Драгунского полка

Ноябрьские дни 1905 г.

В 2 часа я был на казенной квартире командира, где он мне сообщил, что полковник Наркович ОТКАЗЫВАЕТСЯ от своего требования и согласен на мое извинение в форме письма. Эта процедура и будет проделана завтра в 1½ дня в присутствии старших полковников бригады. Письмо, которое я передам завтра, будет гласить следующее:

«Милостивый государь Петр Антонович!

Сделав 15 ноября этого года известную вам запись в книге заявлений офицерского собрания лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, я упу-

стил из виду те последствия, которые она могла за собою повлечь. Поступок этот сделан по горячности, за что приношу вам мои извинения. Примите и пр.».

1905
508

4 декабря – воскресенье.

В 1½ дня я передал конверт с письмом его высочеству командиру бригады на его казенной квартире. Передача была в присутствии полковников Головачева и Масалитинова. Полковника Нарковича не было: он остался в приемной. Никаких слов при этом ни с чьей стороны не было. Процедура длилась при этом 10 секунд!!!..

6 декабря – вторник.

Праздник 1-й его высочества батареи нашей бригады. Так как государь не выезжает никуда из Царского Села, то и парады войскам не бывают больше в Петербурге, а части ездят для этого в Царское Село. Никто не сомневался, что и мы 6-го пойдем туда же на парад, даже было объявлено батарее, чтобы она готовилась к царскому смотру, и вдруг 4-го получилась телеграмма, что парад будет только для Гвардейского экипажа (для «самотопов», как их теперь называют), для лейб-гвардии Стрелкового полка и для лейб-гвардии 4 императорской фамилии батальона. Это уж было обидно! Опять пощечина старейшей войсковой части и предпочтение пехоте и даже морякам. Полетели от имени батареи телеграммы к бывшим служащим в батарее о молебне в канцелярии батареи, а 5-го, накануне смотра, между 3 – 5 часами дня становится известным, что парад состоится и для нашей батареи, и вообще для всех частей, кто в этот день бывал на параде. В несколько часов батареею снарядили и отправили по железной дороге в Царское Село, где она и ночевала в Офицерской артиллерийской школе. И опять полетели телеграммы к старослужащим с «отбоем» первого распоряжения. Нужно ли нам ехать, т. е. числящимся в батарее, я и подпоручик Ушаков едва узнали в начале 10 часа вечера по телефону, от герцога. Я и уже поручик (произведенный сегодня) Ушаков поехали в Царское Село с поездом в 8 часов утра. Теплая погода, стоявшая все эти дни, сменилась на сегодня морозом в 12°, и это тем более досадно, что мне пришлось ехать в летнем пальто, так как грозили парадом в шинелях. В вагоне к нам присоединился бригадный адъютант поручик Фриде. С вокзала в Царском мы прямо поехали в малый гусарский манеж, где все части были уже собраны (1 взвод Иркутского полка, 1 взвод 1-го железн[орожного] батальона, батарея великого князя Михаила Павловича, 4 батарея гвардейской Конно-артиллерийской бригады во главе со своим командиром – до невозможности глухим – полковником Деном и полуэскадрон от Отдельного корпуса жандармов). Не было Электротехнической школы, взбунтовавшейся этой осенью. Всем парадом

должен был командовать наш командир 1 батареи полковник Н. П. Демидов, который и начал вскоре «репетить» обход, здраванье, прохождение церемониальным маршем и проч. Неожиданно для многих царский смотр начался именно с нас, а не с гарнизонного экзерциргауза, где были выстроены Гвардейский экипаж, Стрелковый полк и др. И неожиданно в наш затхлый манеж прибыла и императрица Александра Федоровна с Ольгой Александровной, которые и поместились в ложе (боже, что это за ложа!!), заваленной нашими пальто и «гусарскими» метлами, лопатами и ведрами. Императрица любовалась на наш парад сзади, так как государь встал (как мы и предполагали) у барьера – насупротив ложи. Из числящихся в нашей батарее, кроме обер-офицеров, никто не приехал (были: я, штабс-капитан фон Энден, штабс-капитан барон Арпсгофен, поручик Ушаков и поручик Есимантовский), и затем встал на наш левый фланг и его высочество герцог Г. Г. Мекленбургский (командир лейб-гвардии Драгунского полка) в нашей форме. После двукратного прохождения церемониальным маршем вынесен был пробный столик нашей 1-й батареи. Государь спросил фельдфебеля Бекадорова:

– Это ваша порция?

на что получил ответ:

– Так точно, ваше императорское величество!

А государь рассматривал чарку (дар Потоцкого) и затем, зачерпнув в жбане водку, сказал:

«За славу и процветание 1 батареи Михаила Павловича, 4 батареи гв. Конно-артил. бр. и т. д. ура!»

Демидов по знаку великого князя Николая Николаевича подошел к столику и провозгласил «здравие» государя, покрытое громовым «ура» и «Боже, царя храни», и 2-й тост за императриц [и] наследника. Тут бывшая на параде наша «музыка» спуздрила и сыграла только наш марш, тогда как следовало играть еще уланский и кавалергардский. Кстати – наши музыканты были удивительно плохо одеты. Мундиры мятые, а портупей плечевые и кобуры совсем темные. Тосты Демидов произносил громко, внятно и вообще очень хорошо. Да и весь парад (командовал он царским парадом впервые) прошел очень гладко. После чарки государь сказал:

«Господа офицеры! Благодарю вас за вашу честную и самоотверженную службу в эти тяжелые дни». Затем благодарил также нижних чинов и вышел со словами: «Спасибо за смотр».

Начался парад и молебн (у нас молебна не было) в Экзерциргаузе, а мы на придворных линейках поехали прямо во дворец, где и ждали завтрака. Как особенность следует заметить – во-1) после царского тоста за празднующие части придворная музыка сыграла колена 4-х маршей: а) Гвардейского экипажа, б) стрелкового полка, в) императорских стрелков и г) гвардейской

Конной артиллерии, а нашего марша почему-то не играла, и во-2), после того за царя последовало громовое и долго-долго не смолкавшее «ура».

Обычный разговор происходил на этот раз в той же зале, где завтракали, столпившись в одном конце.

Я и большинство офицеров вернулись в СПб. с воинским поездом в 3 часа 30 минут дня из Царского Села. По дороге с вокзала сделали визит, по обычаю, его высочеству командиру бригады и полковнику Демидову. В 8 часов вечера, по обычаю, 5 человек нашей батареи были в цирке (Курбатов, Наркович, Ушаков, я и барон Арпсгофен). Опять приходится отметить, что в цирке ничего замечательного и опять те же львы, которых я вижу уже чуть ли не в 10-й раз. Только теперь их показывает г. Сет. Кстати, *m^{me}* Клер Элиот, о которой я когда-то занес в свой дневник, (услышал об этом сегодня) год тому назад была разорвана своими львами в Берлине!

В 11 часов вечера наша батарея собралась на: «товарищеский» ужин у «Дона». Увы! Собрание было редкостное по малолюдству. Всего 14 человек (1) герцог, 2) Демидов, 3) Масалитинов, 4) Фуфаевский, 5) я, 6) фон Энден, 7) Курбатов, 8) Мальчевский (впервые после ухода из бригады), 9) барон Арпсгофен, 10) Кавтарадзе, 11) Пономаревский-Свидерский 1, 12) Баранов, 13) Наркович и 14) Ушаков).

Утомление за день сказалось. А тут еще на завтра назначен утренний парад великого князя Николая Николаевича, т. е. для большинства нужно встать не позднее 7 часов утра. Мы не переходили в соседнюю комнату и закончили ужин в самом начале 3-го часа.

7 декабря – среда.

Парад великого князя Николая Николаевича, помешавший нам вчера подольше посидеть у «Дона», состоялся сегодня в 10 часов утра в Михайловском манеже. Бригада (без гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) была в конном строю, на левом фланге пешие нижние чины и гг. офицеры, не попавшие в строй, в том числе и я.

Объехав строй и поздоровавшись, великий князь сказал нижним чинам короткую речь, призывая их честно и верно исполнить свой долг. Затем было скомандовано «на-краул», и все кричали «ура» государю императору. Музыка (наша) играла «Боже, царя храни». После этого все офицеры – пешие и конные – были вызваны на правый фланг и по одиночке – гуськом («генземарш», как говорит герцог) потянулись мимо великого князя, стоявшего верхом посередине манежа. Великий князь каждому подавал руку, а его высочество наш командир бригады, стоявший верхом рядом, называл наши фамилии. Когда все офицеры перездоровались, то по приказанию великого князя мы все окружили его лошадь, и он сказал нам короткую речь, призывая нас в это тяжелое время относиться к нижним чинам «как можно

сердечнее» при «непременном соблюдении строжайшей дисциплины» – и тогда солдат пойдет всюду за вами, куда вы его поведете, а «поведете его вы туда, куда вам прикажет ваш долг и совесть».

Смотр закончился церемониальным маршем.

После нас начался парад лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады.

1905

511

12 декабря – понедельник.

Долго откладываемый смотр начальника артиллерии Гвардейского корпуса начался сегодня. Все идет не по-обычному скоро (обычна лишь бесцельность смотра!). Опрос претензий в большом манеже – меньше часа. Обход амуничников – момент. Бессмысленное «подмахиванье» денежных журналов и кладовых – $\frac{3}{4}$ часа. В 1 час дня – общий завтрак в зале, во время которого неожиданно вошел командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Ивашинцов (бывший гвардейский конно-артиллерист, т. е. один из «арендаторов» русской артиллерии, как их называют в полевой артиллерии). Инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, по воцарении своем на артиллерийский престол и захвате власти в свои руки, тотчас провел двух «конников» на места командиров гвардейских пеших бригад: 1) Ивашинцова и 2) графа Баранцова, как говорят, чтобы сообщить генералу Хитрово о каких-то политических требованиях нижних чинов лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Этого еще не доставало!!! После завтрака, после беглого осмотра артиллерийского имущества (12 минут!) – все собрались в большой манеж. Нижние чины в полном составе выстроились в батерейных колоннах – лицом к ложе.

Пришел генерал Хитрово и, окруженный офицерами бригады (мы все стояли в ложе), сказал нижним чинам горячую речь по поводу текущих событий. Подобную речь он говорил и во 2-й бригаде и так же, как там, закончил ее словами: «Могу ли я надеяться, что вы свято исполните свой долг?» – на что у нас все нижние чины громко и дружно ответили: «Постараемся, ваше превосходительство». А засим генерал Хитрово провозгласил «ура» государю императору, подхваченное поистине потрясающим «ура» нижних чинов. Наша музыка играла гимн.

Когда я в одиннадцатом часу вечера пришел в собрание от почтенного жида Лазаря Моисеевича Головчинского, тащившего мой зуб с 7 до 10 часов вечера, я получил уведомление по телефону, что в Управлении бригады есть весьма спешная и секретная бумага, а адъютант «изволят быть» в театре. Я велел бумагу прислать сюда, вскрыл конверт и немедленно разослал соответствующие распоряжения от имени командира бригады. Дело в том, что экстренно приказано иметь наготове две батареи в конном строю, готовых по первому требованию лететь усмирять революционеров. О своих распоряжениях тотчас сообщил по телефону его высочеству герцогу Ме-

кленбургскому, который скоро и сам приехал в собрание, где и сидел до двух часов ночи. Вызванные и поднятые с постели офицеры 3, 4 и 2 стрелковых батарей также явились в собрание для ночного дежурства.

14 декабря – среда.

Слух о лейб-гвардии 2 артиллерийской бригаде оказался, к счастью, неверным. Это поучительно в том отношении – до каких невероятных размеров могут доходить слухи в эти дни. Даже в нашей среде, чуждой всякой тенденциозности, в изложении фактов невольно прокрадываются неверные штрихи. Может быть, во 2-й бригаде и было кой-какое недовольство (например, фельдфебелем), но ведь это недовольство было и у нас в бригаде – во 2 батарее, о чем я как-нибудь еще скажу...

Сегодня 2-й день смотра начальника артиллерии. Обход помещений. Я на нем не был, так как в этот же день от 10½ часов утра смотрел ремонтные работы, исполненные бригадой в этом году, генералом для поручений при главнокомандующем – генерал-лейтенантом Гуро. Это – старая развалина, рамоли, уже ничего не соображающий и совершенно бесполезный, – один из многих «россейских» генералов «при» и «для». Он заглянул в малый манеж, бросил бесцветный взгляд на прачечную, скользнул мутным оком по помещению 6 батареи и через ½ часа объявил, что он очень извиняется за причиненное беспокойство и что его смотр кончился. А через полгода появятся в приказах целые страницы о произведенных им осмотрах ремонтных работ в гвардейских частях. Приказы будут сделаны с ведомостей, которые мы ему должны представлять.

С утра распространился слух, что 3 батарея немедленно куда-то командировается. Сперва говорили – «к латышам», потом – в Ревель, наконец – в Москву. Сборы были назначены короткие, и в 2 часа батарея должна была быть на вокзале. В строй были назначены капитан Вешняков и поручик Белоусов (взятый из учебной команды). Командир батареи – полковник Наркович.

Через час сделалось известным, что едут в Москву не вся батарея, а лишь один взвод. Сперва назначили со взводом одного капитана Вешнякова, а потом ему дали помощником поручика Белоусова.

В 7 часов вечера человек 15 офицеров бригады во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским провожали на товарной станции Николаевского вокзала этот взвод. В этот день отправилось в Москву 3 поезда. С первым выехало 2 батальона лейб-гвардии Семеновского полка, со вторым – взвод нашей 3-й батареи, 1 рота Семеновцев, 1 взвод конно-гренадер и отделение (или взвод) железнодорожного батальона, и, наконец, 3-й поезд повезет другие два батальона семеновского полка. В ½ часа артиллерия, обоз и лошади были погружены, и ровно в 7 поезд тронулся. Люди ехали

в третьем классе, а офицеры в 1-м. Мороз – градусов 8. Из провожавших бригадных там были г-жа Вешнякова и г-жа Алымова.

30 декабря – пятница.

Бригада поддерживает должную представительность. В Москве убиты 3 нижних чина лейб-гвардии Семеновского полка (в том числе 1 фельдфебель 3-й роты), и немедленно возникла мысль (среди молодежи не выше поручика) возложить на их могилы венок от бригады. Подпоручик Снигиревский по моей просьбе записал это предложение в книге заявлений, запись рассмотрел комитет и доложил его высочеству, а сегодня мы уже могли видеть в музее бригады выставленный прекрасный серебряный венок с бархатными лентами и двумя лавровыми зелеными ветвями. На лентах и выгравировано на самом венке: 1) ГЕРОЯМ ДОЛГА, 2) от офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и 3) выгравированы звания и фамилии убитых. Судя по газетным известиям – в Москве при перенесении тел убитых уже был возложен венок от нас – вероятно, по инициативе и заказу капитана Вешнякова.

31 декабря – суббота.

Утром вернулся из Москвы с частями лейб-гвардии Семеновского полка взвод нашей 3-й батареи под командой капитана Вешнякова и поручика Белоусова. Между прочим, наши орудия не сделали ни одного выстрела по революционерам, благодаря энергичным действиям ружейного огня семеновцев.

Новый год встретил в доме нашего офицера – капитана гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона Н. И. Алымова и его супруги – Ольги Христофоровны.

Проклятый 1905-й год кончился!!!..

1906

Из записной книжки 1906 г.

В. Савонько

1907 г.

ХРОНИКА 1906 г.

1 января – воскресенье.

Был на балете «Арлекинада» и «Талисман». Э Г-жи Преображенская, Трефилова и Павлова 2 и др. Г-да Фокин, Гердт и др.

2 января – понедельник.

На собрании гг. офицеров, бывшем в 12 часов дня, маленький инцидент, довольно редкостный вообще в гвардии. Решался вторично поставленный вопрос – об устройстве месячных обедов в сем году. На прошлом собрании вышла заминка: как решать этот вопрос: 1) большинством ли $\frac{2}{3}$ голосов, или 2) простым большинством. Голоса разделились так: 28 за обед и 17 – против. Если считать, что нужно $\frac{2}{3}$ голосов, – то обед провалился, несмотря на то, что большинство их желает. Кроме того, опять всплыла наружу казуистика: «стоит только назначить цену в 50 копеек – и обед сам собой провалится». Чтобы устранить всякие споры, командир бригады и отдал в приказе по бригаде о вторичной перебаллотировке вопроса, причем в приказе было предписано: 1) вопрос об обеде решить простым большинством голосов, а вопрос о цене – $\frac{2}{3}$ -ми, но «не ниже цены, назначенной комитетом». Такая формула уже существует у нас для годового обеда и вполне устраняет недоразумения. Но вот полковник Смысловский, считая, что простое большинство голосов противоречит «Положению о собраниях», по которому денежные вопросы решаются – голосами, заявил, что он подает особое мнение, а затем стал с соседями переговариваться, что еще можно провалить обед, назначив цену выше, например 100 рублей. Когда председатель собрания полковник Головачев пустил 1-й вопрос на баллотировку, то вышло, что большинство за обед. У хозяина собрания (старого) была спрошена цена обеда и объявлена в 3 рубля 50 копеек. Полковник Головачев спросил – не желает ли кто увеличить эту цену, и вот тут Смысловский крикнул: «100 рублей!» И в ответ на это получил строгое «асаже» от полковника Головачева, что он считает его заявление крайне неуместным и несерьезным для штаб-офицера и напомнил ему, что «мы здесь в офицерском собрании». Полковник Смысловский встал и молча выслушал это замечание, сделанное в присутствии всей бригады. Нельзя сказать, чтобы оно было незаслуженным...

3 января – вторник.

Сегодня при торжественной обстановке хоронили в Введенской церкви Семеновского полка 3-х нижних чинов, убитых в Москве. От нашей бригады с серебряным венком была депутация в составе полковника Нарковича,

капитана Кавтарадзе и подпоручика Снигиревского. Все гвардейские части прислали депутации и венки, но наш венок был единственный серебряный.

От 11 часов утра комиссия по устройству электрического освещения в бригаде.

1906

518

4 января – среда.

На одном из «частных» собраний гг. офицеров, которые пожертвовали в свое время свои серебряные вещи (офицерские) для изготовления какой-либо серебряной вещи для собрания, – избрана была комиссия для выбора и заказа такой вещи. В комиссию выбрали: 1) меня, 2) капитана Альтфатера и 3) поручика Нарковича (новый хозяин собрания). Вчера, между прочим, я и Альтфатер продали выплавленный кусок серебра Бонну (магазин: угол Садовой и Гороховой) за 256 рублей 50 копеек (по 19 рублей за фунт).

8 января – воскресенье.

День свадьбы старшего нестроевого нестроевой команды, вахтера казарм, моего главного помощника по ремонту зданий и заведывающего дровяным двором бригады – Сергея Ефимовича Александрова. Я – главный шафер. Два другие шафера: поручик Рейнталь и поручик Ушаков. Шафером я вообще пятый раз, но шафером с исполнением всех шаферских обязанностей, требуемых обычаем, я, конечно, впервые. Мои обязанности начались с 5 часов дня, когда я приехал на квартиру (в новых казармах бригады) Александрова. Отсюда вместе с ним я в карете поехал к штабс-капитану Матюшкину на его квартиру (Ковенский пер., д. 4, Матюшкин – наш бывший казначей, теперь прикомандированный к штабу округа). Штабс-капитан Матюшкин и его жена – посаженные мать и отец Александрова. Тут его благословили хлебом-солью и образом. Я подождал конца церемонии, а затем помчался в той же карете на квартиру невесты (Каменноостровский пр., д. 39), захватив по дороге в квартире Александрова картонку с букетом. В квартире родителей невесты все было готово, и я прождал всего каких-либо 5 минут. Младшая сестра невесты – 16-летняя Нюша – приколола мне голенькими ручками шаферский бантик с серебряным жетоном, и затем я, невеста, ее сестра и «мальчик» с образом «засели» в карету и покатали в Сергиевский всей артиллерии собор. На Троицком мосту я посмотрел часы: было ровно 6, т. е. тот час свадьбы, который был обозначен в пригласительных билетах, и я радовался, что свадьба начнется вовремя. Но она вовремя не началась! Но буду «размазывать» по порядку. В церковь невесту ввел под руку я. Народу – масса. Церковь освещена полным освещением. Среди наших: полковник Илькевич (командир 5 батареи), прапорщик Арнольд (5 батареи) и шаферá: поручики Ушаков и Рейнталь и штабс-капитан Матюшкин с женой. Присутствие офицеров 5 батареи объясняется просто: Александров начал свою службу в

5 батарею бригады. Он пригласил еще штабс-капитана Крестьянова, но того задержали какие-то дела. Из нижних чинов вижу всех наших фельдфебелей (за исключением фельдфебеля 4 батареи Артемьева, с которым Александров в ссоре) с чадами и домочадцами и многих моих нестроевых.

Где же поп?

А попа нет, и оный поп заявил, что он венчать не будет, пока ему не дадут «выкличку».

Так дайте же ему «выкличку»!!..

Но выкличку эту забыли дома (т. е. в доме № 39 по Каменноостровскому проспекту, или, переводя на арифметический язык, – в 4-х верстах от собора).

Поехали все-таки за выкличкой!

А тем временем Яша Рейнталь пробовал уломать старого отца Философова начать венчать. Куда там!!

– Не буду, да и только! Меня раз офицерá лейб-гвардии Егерского полка как надули!!!!

И взял да и ушел к себе на квартиру. За ним пошел фельдфебель 3 батареи Шубин уламывать его. Наконец приехал в церковь наш командир его высочество герцог Мекленбургский. Послали сказать об этом попу:

– Хоть государь! Все равно не буду венчать!

И таким-то манером невеста, жених и вся «публика» прождали один час с четвертью, т. е. до четверти восьмого, когда выкличка приехала и разрешила попу Филосову свято исполнить свой долг! Вовремя венчания пел хор наших певчих. После венца – поздравление. Герцог подал руку Александрову и его жене. Из церкви молодые, шафера и чета Матюшкиных отправились на квартиру к Александрову, где еще раз их благословили и распили по бокалу «Доуэн». Из квартиры я поехал в карете с молодыми к кухмистеру Николаеву (угол Кузнечного и Николаевской, д. 12–25), где был приготовлен обед ни более и не менее как на 125 человек!.. Вовремя обеда наш оркестр под управлением Матвеева (фельдфебеля). К столу были приглашены из наших нижних чинов: все фельдфебеля (кроме Артемьева, и кроме того не пришел Семенов), вахтер Тимофеев, бригадный писарь Дятлов, фельдшер Костельцов, оружейный мастер Александров. Курьезы: обед начался с шампанского (раньше супа и водки), и тотчас метрдотель провозгласил:

– Здоровье жениха и невесты!

Затем в продолжении обеда он же провозглашал:

– Здоровье родителей жениха и невесты!

– Здоровье дядей, теток, братцев и се[с]триц жениха и невесты!

Кто-то провозгласил тост за шаферов и шафериц, после чего последовал некоторый пере[р]ыв, а затем встал Александров и выпил за здоровье «гг. офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады!» Сей касающийся

нас тост был принят весьма сочувственно и покрыт громким «ура». Минут через 5 – я ответил следующим образом:

– Господа! (моментально все притихли). Вы знаете жениха как человека... человека прекрасного! Я знаю его больше вас. Я чту в нем верного и честного слугу царя и Родины. А потому от чистого солдатского сердца предлагаю выпить здоровье Сергея Ефимовича Александрова. Ура!

Громовое «ура» было ответом на мои слова. Чтобы избежать недомолвок, скажу, что из офицеров на обеде были только: я, поручик Ушаков и поручик Рейнталь и затем прапорщик Арнгольд. Полковник Илькевич приехал, когда уже все сели, и, увидев, что он несколько опоздал, тотчас уехал, не заходя в зал.

После обеда начались танцы: вальс, падеспань, зефир и т. п. Я протанцевал один тур вальса с моей шаферицей – Ньюшей. Ушаков и Арнгольд отплясывали более ревностно. Из фельдфебелей танцевал один Юрманов (5 батареи). Остальные разошлись по карточным столам... Мы уехали около 1 часу ночи – в разгар, или вернее, перед началом разгара веселья!

16 января – понедельник.

Сегодня, наконец, я привез от Марулина (Владимирская ул., д. № 10) серебряную братину работы знаменитого Сазикова, сделанную на деньги, выплавленные из наших офицерских погон (см. 4 января). За братину мы заплатили ровно 256 рублей 50 копеек, но, конечно, она на заказ стоила бы не менее 500 рублей.

17 января – вторник.

За завтраком в собрании – члены комиссии, которые выбрали братину (см. 4 января), наполнили ее 3-мя бутылками шампанского (Д. Альтфатер, В. Савонько и В. Наркович). Братина почти всем без исключения чрезвычайно понравилась. Все нас благодарили. Вчера и сегодня я без всяких затруднений собрал еще 15 рублей на ковшик для этой братины. Записалось 15 человек, внесших по 1 рублю. Будет надпись: «Ковшик для ковша от...»

18 января – среда.

За завтраком в собрании были блины. Репетиция «блинов», ибо Масленица еще впереди. Дружно все пили водку, налитую в ведро драгун, затем шампанское из нового ковша. Шампанское было ответом группы офицеров – комиссии (т. е. мне, Альтфатеру и Нарковичу) за хлопоты по покупке братины. (См. 4 января.) 3-му эскадрону лейб-драгун послали телеграмму, которую составил Л. Гартунг:

«Подготовка к Масленице вызвала ведро на линию. Первый тост за вечную славу 3 эскадрона, его лихого командира и гг. офицеров».

Подписи всех присутствующих.

19 января – четверг.

В собрание зашел вернувшийся из плена наш бывший офицер капитан 4 Восточно-Сибирской артиллерийской бригады Рудольф Викторович Ясенский, георгиевский кавалер, порт-артурец. О нем я не раз упоминал в своих записках, ибо Ясенский не был заурядною личностью, и бойкое его перо создало ему славу весьма талантливого поэта. Его мелодичные стихи вовремя осады Порт-Артура были перепечатаны многими газетами. Во время Русско-японской войны – пока 2 офицера из бывших однобригадцев получили «белые крестики» – Ясенский и генерал Эрис-Хан-Алиев.

«Начерно» sprыснули его возвращение после пятилетней разлуки: я, Альтфатер, Курбатов и дежурный офицер поручик Наркович.

22 января – воскресенье.

От 11 часов утра был в Эрмитаже, где до 12½ часов дня слушал лекции профессора Маркова (хранителя нумизматического кабинета Императорского Эрмитажа и профессора Императорского Археологического института) в нумизматическом кабинете, а от 1 до 2½ часов слушал лекцию и объяснения профессора Веселовского в зале «скифских древностей».

В 3 часа дня – свадьба поручика Бородина с m^{lle} Циллиакус в Михайловском артиллерийском училище.

25 января – среда.

День юбилея великого князя Михаила Николаевича. Наш командир уже несколько дней тому назад вместе с великим князем Сергеем Михайловичем, генерал-лейтенантом Хитрово и подполковником Струковым (заведывающий историческим музеем в Кронверке и составитель биографии Михаила Николаевича) уехали в Канн (Франция), где живет генерал-фельдцейхмейстер, для поздравления его. Сегодня в «[Русском] инвалиде» появился рескрипт великому князю и установлен особый нагрудный знак для ношения на левой стороне мундира и сюртука для всех артиллеристов. В том числе получаю и я. Таким образом – это мой первый знак из числа той сотни знаков, установленных в царствование императора Николая 2.

В 10 часов утра у нас в бригаде был назначен молебен в большом манеже. Потом, как водится, последовала отмена: гг. штаб- и обер-офицеры должны быть не в манеже, а в Сергиевском соборе, и не в 10, а в 10½, и не в парадной форме, а в обыкновенной (!!?). Отмена эта «не доехала» до многих офицеров бригады и, что смешнее всего, не доехала до меня, Ушакова и Снигиревского, живущих в бригадном доме. А посему часть офицеров в соборе была в обыкновенной форме, а часть – в парадной. В гвардейской конной артиллерии тоже часть офиц[е]ров была в эполетах, а часть в погонах...

27 января – пятница.

Приказ по лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде. № 27, п. 3
о внесении в мой послужной список:

«Вензелевый нагрудный знак имени его императорского высочества
Михаила Николаевича для ношения на левой стороне груди при мундире
и сюртуке».

1906
522

Очевидцем не был, но заношу «событие» по рассказу подпоручика
Снигиревского (участника события). 5 батарея чествовала сегодня утром
своего бывшего офицера – георгиевского кавалера – капитана 4 Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Ясенского. Сперва
сказал речь командир батареи полковник Илькевич, затем капитан Ясен-
ский прочел нижним чинам сообщение об осаде Порт-Артура. По отзывам
слышавших – прочел он блестяще и в высшей степени талантливо. После
сообщения – тосты, соответствующие событию, и завтрак для офиц[е]ров
с шампанским. Присутствовали ныне служащие в 5 батареи офицеры и те,
кто в батареи служил вместе с Ясенским (полковник Масалитинов, полков-
ник Демидов, капитан Погребняков). Бывшему командиру 5 батареи гене-
ралу Грибунину послана телеграмма.

1 февраля – среда.

В 12 часов вечера состоялся в собрании бригады ужин в честь быв-
шего офицера бригады гео[r]гиевского кавалера капитана Рудольфа Вик-
торовича Ясенского. Присутствовало на ужине человек 25. Старшим был
полковник Масалитинов. Затем полковник Илькевич и Гартунг. Случайно
был приехавший из Риги подполковник 29 артиллерийской бригады М. С.
Росляков (бывший офицер бригады). Тосты говорили: 1) полковник Ма-
салитинов, 2) полковник Гартунг, 3) я (за «нового певца в стане русских
воинов»), 4) Ясенский, 5) Росляков, 6) барон Арпсгофен и е) капитан Кав-
тарадзе. Шампанское было налито в братине-ковше. После ужина перешли
(впервые!) не в гостиную, а в карточную комнату, куда и был перенесен
рояль. Это было сделано в видах сохранения гостиной от возможной порчи
обоев и проч. Пальто самых твердых «могикан» (Гартунг, Альфатер и др.)
еще висели в швейцарской собрания, когда стрелки часов уже показывали
7 часов (утра!!).

2 февраля – четверг.

Приказ по бригаде от 1 февраля 1906 г. № 32, п. 11:

«Для устройства общей прачечной машины для батарей и команд бри-
гады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона назначается
мною комиссия под председательством полковника Нарковича и членов:

капитана Рерберга и штабс-капитана Беляева при делопроизводителе поручике Савонько. Результаты работ комиссии полковнику Нарковичу представить мне 8 сего февраля».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

4 февраля – суббота.

От 10 часов утра обычная поверка дровяных дворов бригады.

От 1 часу дня в Сергиевском соборе наша бригада служила панихиду по великом князе Сергее Александровиче (годовщина его убийства). На панихиду прибыл товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-майор Кузьмин-Караваев. На другой день в «[Русском] инвалиде» было напечатано, что на нашей панихиде присутствовало «много» бывших офицеров бригады. Таковых, смею заверить, не было ни одного. Маленькая «отсебятина» хроникера.

6 февраля – понедельник.

От 9½ часов «прачечная комиссия» (см. 2 февраля). Еще в субботу 4 февраля я и другие члены комиссии объездили несколько фирм для знакомства с прачечными машинами. Сегодня же мы побывали все вместе у Тильманса для совместного осмотра машины «Ниагара», а затем ездили в лазарет Конного полка, где видели ее же в работе.

8 февраля – среда.

Приказ по бригаде. № 40, п. 19 (от 9 февраля):

«Председатель общего собрания, назначенного п. 23 приказа по бригаде с. г. за № 31, полковник Головачев рапортом от 7 февраля за № 12 донес, что вопрос, поставленный на баллотировку вышеупомянутым пунктом приказа, решен следующим образом:

В составе комиссии, заведывающей вспомогательным капиталом в 1906 году, избраны:

Председатель полковник Илькевич (49 голосов)

Члены: { капитан Альтфатер (28 голосов)
штабс-капитан Явид (30 голосов)
поручик Савонько (20 голосов) – кандидат
делопроизводитель Наркович (22 голоса)

От должности делопроизводителя, в бытность коим я создал и организовал вспомогательный капитал, я еще до новых выборов отказался с целью дать возможность новому делопроизводителю ознакомиться и тем популяризовать капитал в нашей среде. Тотчас после выборов я сдал Нарковичу все «дела» и книги в особом мной спроектированном шкапу.

9 февраля – четверг.

Капитану 4 Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Ясенскому (см. 1 февраля), которого бригада в лице большинства его товарищей так радушно встретила, пришла мысль (а может быть, эту мысль внушил ему полковник Фурман, неоднократно высказывавший ее вслух) проситься о переводе к нам бригаду. Вчера он явился к герцогу и формально заявил о своей просьбе. Герцог ответил, что он спросит о желании всех офицеров бригады, и вчера же герцог поручил мне спросить офицеров Управления бригады – Фриде и Ушакова, – желают ли они возвращения в бригаду капитана Ясенского. Ответ получился отрицательный. Вероятно, многие ответят так же, ибо Р. В. ушел уже более 5 лет тому назад, еще до Китайской войны, и мотивом ухода служили его запутанные денежные дела. Сегодня герцог о просьбе Ясенского передал дивизионерам для передачи всем офицерам. Несколько дней тому назад так же было поступлено относительно перевода 25 артиллерийской бригады поручика Харитонов, о котором хлопотал генерал Потоцкий (Павел Платонович). Отзывы товарищей Харитонova по Конст[антиновскому] арт[иллерийскому] училищу были такие плохие, что ходатайство о переводе Харитонova, по-видимому, будет отклонено. Таким образом – герцог – 1-й из командиров бригады – фактически осуществляет очень важную традицию гвардии, а именно «согласие всех офицеров на перевод в свою среду нового члена».

Примечание: спустя два дня получилась бумага, что его величество приказал принимать в части войск Гвардейского корпуса офицеров лишь с согласия командира части и общества офицеров. Наконец-то!!!!

10 февраля – пятница.

От 11 часов утра в числе 20 других слушателей 2 курса Императорского Археологического института осматривал архив Святейшего Синода. Осмотр организовал наш профессор по кафедре архивоведения – г. Воронов. Весь служащий персонал архива был на лицо и давал нам объяснения.

Вечером был в Михайловском театре на «Florette et Patapon». Молодая артистка Gabriel Robinne привлекает полный театр. Мы сидели в ложе бель-этажа: я, подпоручик Снигиревский, поручик Рейнталь, подпоручик Зуев и... и m^{lle} Жилет (певица из «Аквариума»), которую Яша, неожиданно для меня, привез в театр, после обеда с ней у Контана.

14 февраля – вторник.

От 9½ часов утра комиссия «прачечная» (см. 2 февраля). Комиссия собралась, но не состоялась, ибо фирмы еще не прислали сметы.

От 11 часов утра комиссия «электрическая». Кроме гг. командиров батарей присутствовал еще г. Булгаков – студент Электротехнического института.

15 февраля – среда.

От 12¼ часов дня я в числе прочих офицеров бригады (полковников Демидова, Смысловского, Илькевича, Масалитинова, штабс-капитанов Явида и Беляева и подпоручика Тимлера) свидетельствовался в лазарете бригады на предмет увольнения меня в отпуск в этом году на 4 месяца. Комиссия состояла из самого командира бригады генерал-майора герцога Мекленбургского и двух дивизионеров – полковников Головачева и Масалитинова.

От 2 до 4½ часов дня в собрании бригады в присутствии всех гг. офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона состоялось сообщение полковника Смысловского о своем счислителе, причем опыты с ним были произведены практически. (Угломеры Фурмана и Розенберга.) На сообщении случайно присутствовал полковник Горелов (артиллерист-академик – товарищ по выпуску Смысловского).

В Собрании армии и флота обедал на дежурстве полковника Гартунга в обществе капитана барона Майделя, вернувшегося с войны (золотое оружие и Владимир 4 степени), на которой он действительно отличился. (Барон Майдель – знаменитый в нашей истории «дрейфусов» по своему столкновению с Росляковым.) Кроме Майделя был еще генерал-майор Грибунин – бывший наш офицер, которого я застал в бригаде в должности командира 5 батареи, полковник Илькевич и подпоручик Снигиревский.

18 февраля – суббота.

В первый раз был на всенощной – накануне праздника 1 кадетского корпуса (Празднование перенесено с 17 на 19). Почему я был – видно будет ниже. Простояв всенощную, я вместе с директором корпуса генерал-майором Григорьевым и 2–3 гостями (в том числе генерал-лейтенант Резвый – георгиевский кавалер) отправился в Сборное залo, где генерал здоровался с кадетами и воспитанниками школы императрицы Александры Федоровны (начальница школы – мать моего товарища по бригаде – г-жа Ушакова), затем прошли в лазарет, музей корпуса и меньшиковские комнаты. Общее впечатление – прекрасное. Образцовая чистота и порядок повсюду. По справке оказалось, что генерал Григорьев – редкостный хозяин и чрезвычайно заботливый и энергичный директор (артиллерист-академик). Музей, коим заведует подполковник Антонов, поражает своим благоустройством. Сколько чудных реликвий для истории корпуса и вообще более 150-летней эпохи существования военно-учебных заведений! И вся эта драгоценность одно время была в полном пренебрежении и даже была убрана и сложена как негодный хлам. По словам подполковника Антонова, масса вещей, рукописей, гравюр и проч., числящихся по старой описи, пропало бесследно.

Вот тут-то, познакомявшись с хранителем музея, я и предложил ему свой дар. Углубимся в историю. Когда я был фельдфебелем в корпусе, в

1894 году, умер император Александр 3. Франко-русский союз, созданный царем-миротворцем, был в апогее своей силы и популярности. И вот французы присылают 1 кадетскому корпусу искусственный цветок с 2 траурными лентами и картоном в виде трехцветного погона. На погоне надпись: «Comité du Souvenir¹». На лентах:

- 1) Fleurs de France
- 2) Deuil national 1894².

Кроме цветка корпус получил фотографическую карточку с портретом императора Александра 3 и Карно с различными мемориальными эмблемами и надписями (например: Кронштадт – Тулон). Внизу надпись: Deuil de deux nations – soeurs³.

Цветы и карточка были присланы в память кончины императора Александра 3-го с просьбой передать их первому кадету. Как фельдфебель – я их и получил. Я заказал особую витрину из орехового дерева, в кою и поместил цветок и карточку и привинтил золоченую доску с следующей надписью:

ЦВЕТЫ И ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА, ПОЛУЧЕННЫЕ 1 КАДЕТСКИМ КОРПУСОМ В 1894 г. ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III – ОТ ИМЕНИ «COMITÉ DU SOUVENIR» В ПАРИЖЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ФЕЛЬДФЕБЕЛЮ КОРПУСА.

ДАР ВЛАДИМИРА СТЕПАНОВИЧА САВОНЬКО

(Вице-фельдфебель 1 к[адетского] к[орпуса] в 1894–1895 г.)

Подполковник Антонов принял мой дар и очень благодарил за него. От него я получил составленный им краткий исторический очерк 1 кадетского корпуса.

19 февраля – воскресенье.

Был на праз[д]нике 1 Кадетского корпуса (см. 18 февраля). Из моих товарищей по выпуску очень немного:

- 1) гражданский инженер граф де Рошефор
 - 2) штабс-капитан артиллерии Гульденбалк де Гийдль
 - 3) – Понюшев
 - 4) штабс-кап[и]тан лейб-гвардии Стрелкового полка Шелковников.
- Вот и все...

21 февраля – вторник.

От 10 часов утра и до 12 «мудил» на репетиции парада на Марсовом поле – во главе пешей полубатареи 1 его высочества батареи. Как я попал в пеший строй – сейчас скажу. Долго ожидаемый парад в Царском Селе, куда

¹ Комитет памяти (фр.).

² Цветы Франции, траур (фр.).

³ Траур двух наций-сестер (фр.).

государь по очереди вызывает все гвардейские части, наконец назначен на 25 февраля. Все люди как люди, а мы как «хуй на блюде». Все части смотрелись царем «соло», а вот нас вздумали смотреть оптом. Кто тут виноват и кто тут посоветовал – сказать трудно. Говорят – сам Хитрово, а кто говорит, что великий князь Николай Николаевич, который-де не любит артиллерию. Во всяком случае, выяснилось, что 25[-го] на параде будут лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 2 артиллерийские бригады, а гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион после – вместе с гвардейской Конно-артиллерийской бригадой и артиллерийской школой. Этот «оптовый» смотр отразился на большом количестве приглашенных офицеров, и я еще неделю тому назад слышал, что меня, Ушакова, Альтфатера, Гирша и др. – не берут вовсе на парад. Как хроникер – я был этим чрезвычайно огорчен. 18 февраля Фриде (бригадный адъютант) мне окончательно передал, что на парад могут идти только я или Ушаков, т. е. кто-нибудь из нас двоих должен остаться в Управлении в СПбурге. При этом герцог присовокупил, что я, как старший, имею больше прав, чем Ушаков, но категорично никакого приказа не отдал, и я с Ушаковым решили вопрос жребием. Судьба, по обыкновению, показала мне спину. Я вытянул билетик «СПбург», а Ушаков «Царское Село». Тогда я обиделся. Обидевшись, я попросил Фриде передать герцогу о моей обиде... Переговоры через третье лицо привели к желанным результатам, и герцог согласился, что и я иду на парад. Так как «лишних» офицеров быть не должно, то я назначен в пеший строй 1 его высочества батареи, а Ушаков во 2 батарею.

Погода теплая, тает... Снег на Марсовом поле – по щиколотку. Репетицию парада производил начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово. Были 1 и 2 бригады.

23 февраля – четверг.

От 1 часа дня осматривал совместно с другими слушателями Императорского Археологического института архив Государственного Совета. Это образец архива по богатству и роскоши самого помещения.

24 февраля – пятница.

ПОЕЗДКА В ЦАРСКОЕ СЕЛО НА ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР.

Накануне в приказе по бригаде за № 54 мы прочли нижеследующее:

«Гофмаршал Императорского двора письмом с. г. за № 546 уведомил меня, что по высочайшему повелению приглашаются в пятницу 24 сего февраля к обеденному столу ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Александровском Царскосельском дворце, в 8 часов вечера, в обыкновенной форме все гг. штаб- и обер-офицеры, а также старшие врачи бригады».

Пеший батальон под командой капитана Рерберга выступил со двора казарм в 1¼ часов утра. Я – во главе 1 его высочества батареи. (Конный

строй под командой самого командира выступил часов в 8½ утра.) Придя на Царскосельский вокзал, мы заняли места в вагонах экстренного поезда и тронулись в 12¼ часов дня. С вокзала в Царском Селе мы прямо прошли на дворцовую площадку, где к этому времени, как раз, въезжали батареи лейб-гвардии 1 и 2 бригады (2 часа дня).

Начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Хитрово произвел репетицию парада и церемониального марша. Все это взяло времени до 3½ часов дня. Погода теплая (0 гр[адусов]), но идет мокрый густой снег. С площадки мы в пешем строю дошли до расположения лейб-гвардии Гусарского полка, где должны были быть приготовлены помещения для наших нижних чинов. Хор музыки и 1 его высочества батарея заняли помещение Лейб-эскадрона. Из казарм мы – офицеры – уже в придворных экипажах, которые нас ожидали, покатали обратно к Большому (Екатерининскому) дворцу, где в запасной половине для нас были приготовлены комнаты со всеми удобствами. Я занял большúю комнату вместе с Н. Н. Ушаковым. На третьей кровати, которая здесь стояла, хотел было поместиться М. А. Тимлер, приехавший на сегодняшний ужин (в параде он не участвует), но потом передумал, и я с Ушаковым ночевали вдвоем. С нами был и мой вестовой Франц Бертудис, привезший довольно солидный мой багаж с новым платьем, офицерскими вещами, бельем и проч. 1-й дивизион бригады был расположен отдельно от 2-го. В свою очередь штаб-офицеры помещались отдельно от обер-офицеров. Конечно, и 2 бригада помещалась отдельно от нас. Не переодеваясь с дороги, сняв лишь пальто и амуницию, мы спустились вниз, потом снова поднялись наверх в дворцовые залы, где для нас на круглых столах был сервирован завтрак из трех блюд (4½ часа дня). До официального обеда оставалось порядочно времени. Можно было не только переодеться и привести себя в полный порядок, но и отдохнуть. Я, впрочем, днем спать не люблю...

К 7 часам уже почти все офицеры были готовы (в обыкновенной форме при шарфах). К нашим услугам снова были приготовлены придворные экипажи, которые нас и отвезли в малый Александровский дворец, где живет царская фамилия. К 7½ часам вечера все были в сборе, и через несколько минут граф Бенкендорф ввел нас в залы, где сервирован был обед на круглых столах. Все места были расписаны заранее, и на каждом приборе лежала карточка с фамилией приглашенного (за исключением подпоручиков). Карточка с моей фамилией лежала на одном из столов в той же зале, где должны были обедать и государь с государыней. Я был последним по чину в этой зале; моложе меня поручики (начиная с Фриде и др.) и подпоручики уже обедали в соседней зале. В ожидании царской фамилии мы п[е]решли в соседнее (третье) зало и столпились в живописной группе. Сюда подали водку и канапе на подносах. Здесь же собрались немногие из числа неучастников завтрашнего парада. Перечту их: генерал-адъютант князь Дол-

горукий, дежурный флигель-адъютант полковник Гольдгоер, придворные дамы: княгиня Голицына, Нарышкина, кн. Оболенская и еще одна фрейлина, которую я не знаю. Наш командир герцог Мекленбургский еще раньше прошел во внутренние покои государя.

Но вот и наш державный шеф! Государь в нашей форме (в артиллерийском сюртуке с белыми кантами при шарфе), великий князь Михаил Александрович в форме лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады (он – 2-й шеф этой бригады), принц Ольденбургский (командир стрелков императорской фамилии), главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, г[о]сударыня императрица Александра Федоровна (на груди у императрицы на брошке висел юбилейный жетон нашей бригады – в виде клапана рукава с нашим шитьем и белым кантом), великая княгиня Ольга Александровна и великая княгиня Мария Павловна (дочка Павла Александровича). Государь поздоровался за руку с командирами бригад, дивизионов и батарей.

Сели за столы.

Государь на 1-м столе. По правую руку его наш командир, по левую – ком[андир] 2 бригады генерал-майор Ивашинцов. На этом же столе полковники Масалитинов, Демидов и др. На 2 столе императрица. По правую руку ее – великий князь Николай Николаевич, по левую – полковник Головачев (командир 2 дивизиона). На этом же столе полковники Гартунг, Наркович и др.

На 3 столе сидел великий князь Михаил Александрович. По левую руку его полковник Илькевич, затем тут же принц Ольденбургский, капитан Рерберг, Кавтарадзе и др.

На 4 столе – великая княгиня Ольга Александровна и Мария Павловна. С ними капитан Вешняков, Погребняков и др. Это был, вероятно, самый веселый и непринужденный стол в этой зале.

На 5 столе сидел я. Из дам – статс-дама Нарышкина, которую умело занимал Ю. А. Явид.

На 6 столе (последнем) сидел начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово, княгиня Голицына и др.

Остальные столы стояли уже в соседней зале...

Обед пришел к концу. Уже все съели сладкое, но шампанское большинство не пило, ожидая тоста. Впрочем, флигель-адъютант Гольдгоер говорил, что за этими ужинами государь обыкновенно тоста не говорит. Тем более было отрадно и приятно, когда государь поднялся и, держа бокал в руках, произнес следующую речь:

«Ее величество и я сердечно рады принять вас сегодня у себя. Пользуюсь случаем, чтобы выразить вам мою душевную благодарность за вашу постоянную честную и самоотверженную службу России и мне. За славу и процветание лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийских бригад. За ваше здоровье, господа!» При этом государь осушил свой бокал до дна.

Обед кончился около 9¼ часов, и мы все перешли в соседнее зало для «разговоров». Сюда же подали и кофе. Государь, императрица и великий князь Михаил Александрович долго и милостиво с нами беседовали. На долю С. Н. Крестьянова выпал длинный разговор с императрицей, а также и с государем, так как они знают его как певца, неоднократно певшего в их присутствии.

В 10¼ часов вечера все кончилось, и мы в придворных экипажах вернулись в Большой дворец, где я и Ушаков почти тотчас же легли спать.

25 февраля – суббота.

Встали в 7 часов утра. Лакеи принесли нам в комнату кофе со сливками и булками...

От 8½ часов все в тех же придворных линейках, ландо, саня[х] и проч. офицеры переехали в казармы и встали во главе своих батарей. Я – во главе 1 его высочества батареи в пешем строю. В 9 часов мы двинулись пешком на Дворцовую площадку, где начальник артиллерии генерал-лейтенант Хитрово уже нас поджидал. К 10¼ часам утра обе бригады – в конном и пешем строях – были совершенно готовы. Последовательно подъезжали и здоровались с людьми командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант князь Васильчиков, инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. В 10½ часов утра прибыл государь в нашей форме (парад был в пальто) и сел на коня. Императрица с великой княгиней Ольгой Александровной встали на среднем подъезде дворца.

Конный строй проходил два раза (шагом и рысью). Мы – пеший батальон – 1 раз (в общей батареейной колонне). Церемониальный марш и вообще парад прошли бесспорно блестяще. Обмундирование и амуниция были превосходны. Все офицеры нашей бригады имели новые оголовья, не говоря уже про почти новые пальто и офицерские вещи. Многим офицерам парад обошелся в среднем в 50–75 рублей. После цер[е]мониального марша все офицеры и фейерверкеры были вызваны вперед. Прислуга встала впереди орудий. Пешие батальоны подошли ближе, и все вместе образовало букву «П».

Царь въехал в середину и обратился к нам с речью. Наш повелитель благодарил нас за нашу службу. Он громко заявил, что «гвардейская пешая артиллерия всегда служила примером для всей русской артиллерии...»

Маленькая шероховатость вышла. Солдаты, не дождавшись конца речи, после того как царь поблагодарил их, подхватили «ура». Пришлось остановить их, и государь докончил свою речь, после чего снова загремело «ура», покрытое звуками «Боже, царя храни».

И вот наступил момент, который обрадовал до глубины души всех нас, имеющих честь и счастье служить в знаменитой петровской лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде.

Государь обратился к Хитрово и попросил вызвать к нему командира 1 батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Начальник артиллерии громко вызвал: «Командира 1-й его императорского высочества великого князя Михаила Павловича батареи». Галопом подъехал полковник Демидов, и государь поздравил его своим флигель-адъютантом, причем упомянул, что это назначение послужит связью его – царя – с лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой. Для меня – это один из счастливейших дней моей службы в бригаде. Бригада достойна этой высокой царской милости, а в данном случае жребий пал на человека, бесспорно выдающегося по своим знаниям, а следовательно, достойного гвардейского артиллериста... Этот памятный день 25 февраля искупает всю нашу горечь от 6 августа прошлого года, когда мы играли жалкую роль в сравнении с преображенцами. На этот раз мы играли первую роль, уступив «выходную» и «безгласную» роль 2-й бригаде.

После парада я пешком дошел до Гусарских казарм вместе с пешим батальоном, затем снова в придворном экипаже вернулся в Большой дворец, где нам был сервирован завтрак, переоделись и к 2½ часам были обратно в казармах для выступления вместе с пешим батальоном на вокзал. Поезд отошел в 3½ часа...

С вокзала в СПбурге я шел в строю и честно прикончил свои обязанности взводного командира, доведя батарею до самых казарм.

Около 9 часов вечера вернулся в казармы и конный строй. К этому времени в собрании бригады уже собрались я, капитан Пономаревский-Свидерский 1, штабс-капитан Баранов [и] поручик Курбатов, т. е. все имеющие и имевшие отношение к 1 его высочества батарее. Дело в том, что офицеры этой батареи решили поднести полковнику Демидову флигель-адъютантские погоны и аксельбанты. Вскоре пришли и вернувшиеся с конным строем командир бригады герцог Мекленбургский, капитан Кавтарадзе, поручик Наркович, подпоручик фон Руммель (адъютант 1 дивизиона) и другие офицеры прочих батарей (капитан Гирш, поручик Рейнталь, капитан Погребняков, капитан Петрушевский и др.). В гостиную подали шампанское, и его высочество с краткой речью вручил полковнику Демидову золотые аксельбанты (погоны немного запоздали) от имени офицеров 1 батареи. Как и следовало ожидать – полковник Демидов был так взволнован, что почти не мог говорить, и только спустя некоторое время держал ответную речь. Кричали громко и восторженно «ура» в честь Демидова, за славу бригады и ее командира, опять за Демидова, и, наконец, кончилось тостом герцога за драгоценное здоровье государя, покрытым громовым «ура». Тут же с помощью французских булавок нацепили аксельбант на Демидова, и в таком виде он сел с нами ужинать (герцог и несколько офицеров уехали домой) часов до 11 вечера.

К ужину подоспел полковник Гартунг.

Совершенно незаметно было выпито дюжина шампанского... Так закончились эти 2 знаменитых для бригады дня...

26 февраля – воскресенье.

Обращаю внимание, что сегодня в «[Русском] инвалиде» в дополнение к высочайшему приказу от 25 февраля сказано, что «государь произвел смотр лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийской бригады и что он остался ОТМЕННО доволен блестящим состоянием и т. д.». Я нарочно заглянул в старые №№ «[Русского] инвалида», чтобы посмотреть, в каких выражениях государь благодарил другие гвардейские части, и убедился, что везде было написано «весьма доволен» и лишь о вчерашнем параде сказано «отменно доволен».

Парад действительно прошел идеально. Говорят, что великий князь Николай Николаевич заметил, что лошади наши шли как в цирке. Кто-то из свиты заметил, что пехоте следует поучиться так ходить, как прошел наш пеший батальон. Свита вообще в один голос рассыпала похвалы, заявляя, что это лучший парад в Царском Селе. А вот вам и курьез. Государь был на параде в нашей форме, а лошадь ему поседлали пехотным конским снаряжением и на старом вальтрапе!! Таким образом, придворная конюшня (Гринвальд, Литвинов) проспала тот факт, что уже скоро 5 лет как пешая артиллерия имеет кавалерийское белое седло.

Накануне парада кто-то в разговоре с поручиком Курбатовым спросил: – Интересно знать – попадет ли кто в флигель-адъютанты!?

– Ну, во флигель-адъютанты не попадем, а вот в «Fliegende Blätter»⁴ попадем...

К счастью, это не оправдалось, и остроту эту могут теперь повторять офицеры лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады.

27 февраля – понедельник.

В 12½ часов дня в собрании бригады были собраны все гг. офицеры бригады (без гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона). Его высочество командир бригады обратился к нам с речью, в которой упомянул о том, что государь император дважды выразил свое удовольствие за блестящий вид, в котором представилась бригада 25 февраля: 1) при назначении полковника Демидова своим флигель-адъютантом и 2) лично ему – герцогу. В свою очередь он – герцог – считает долгом выразить нам свою искреннюю благодарность.

«Я надеюсь, что мы и впредь при совместно дружной работе будем так же блестяще представляться на смотрах своему верховному вóждю (!!? Почему не вóждю, а главное, почему не шефу!?!).

⁴ Летучие листки (нем.) – иллюстрированный журнал, издававшийся в Мюнхене с 1844 по 1944 г.

От 9½ часов утра в прачечной комиссии. (См. 14 февраля.)

28 февраля – вторник.

От 11 часов утра комиссия по устройству электрического освещения в бригаде (см. 14 февраля). Опять присутствовал г. Булгаков, привезший окончательный расчет и смету... Благодаря дороговизне – «электричество», по-видимому, провалилось.

К вечеру почувствовал недомогание. Т оказалась 37,5–37,8. Не мог поехать в институт на лекции и в 9 часов лег в постель.

1 марта – среда.

Т увеличивается: 37,9–38,8. Был доктор нашей бригады Захаров.

2 марта – четверг.

Т увеличивается – утром 39. Сильная головная боль. Днем 39,3. В 2 часа дня был доктор Степан Васильевич Посадский. В 7 часов вечера Т = 38,3. В 10½ час[ов] вечера 39.

В дополнение к 9 февраля следует же сказать, чем кончилась неосторожная просьба капитана Ясенского о возвращении его в бригаду. К сожалению, я не могу сообщить ничего достоверного. герцог облек это в тайну и, вероятно, лично послал письмо Ясенскому. Надо думать, что в письме этом был категорический отказ, ибо много офицеров выразились против возвращения Ясенского в бригаду. Фриде (бригадный адъютант) говорит, что, по словам Фурмана, уведомление об этом еще послано (!!) в стрелковый дивизион. Это совсем странно. Нет ли тут «намэка», что полковник Фурман и капитан Пономаревский-Свидерский 1 (командующий 1 стр[елковой] бат[ареи]) были главными инициаторами и ходатаями о возвращении Ясенского в бригаду!

По милому обыкновению нашей бригады ближайшие товарищи навещают больного по мере того, как узнают о его болезни. Вот почему я непременно заношу их фамилии в благодарную память о их внимании ко мне. Сегодня у меня были:

поручик Ушаков
подпоручик Снигиревский
поручик Фриде
то – соседи по коридору.

3 марта – пятница.

Т = 38,8; Т = 38,9; Т = 39,3; Т = 39.

Были: поручик Ушаков

ХРОНИКА 1906 г.

подпоручик Снигиревский
подпоручик Тимлер.

4 марта – суббота.

Т = 38,5; Т = 38,4; Т = 37,8.; Т = 37,6.

Был доктор Посадский.

Были: полковник Гартунг
полковник Илькевич
капитан Алымов.

5 марта – воскресенье.

Т = 37,5; 37,6; 37,1.

Были: полковник Гартунг
поручик Ушаков
подпоручик Снигиревский
флигель-адъютант полковник Демидов
полковник Илькевич.

Командир бригады герцог Мекленбургский у себя во дворце чествовал сегодня завтраком ушедшего из гвардейского Стрелкового Артиллерийского дивизиона в отставку генерал-майора фон Шульмана. К завтраку были приглашены все командиры дивизионов и батарей.

6 марта – понедельник.

Т = 37; Т = 37,3; Т = 37.

Были: поручик Рейнталь
капитан Альтфатер
поручик Матвеев
поручик Наркович
поручик Курбатов
поручик Ушаков
полковник Гартунг (был в 5 часов и с 7½ до 11½ часов вечера).

Был доктор Посадский. Констатировал несомненное начало выздоровления. Моя болезнь: воспаление толстых кишок. Это серьезно и потребует еще не мало дней тщательного ухода. Диета – полная: 1 яйцо всмятку и несколько ложек бульону – суточная дача.

7 марта – вторник.

Т = 36,2; Т = 36,8; Т = 36,4.

Были: полковник Гартунг
полковник Гартунг

полковник Илькевич
подпоручик Снигиревский
поручик Ушаков.

Нашу бригаду впервые посетил генерал-адъютант Зарубаев (помощник главнокомандующего).

1906
535

8 марта – среда.

Т = 36,4; Т = 36,6.

Был: поручик Ушаков
подпоручик Снигиревский.

9 марта – четверг.

Т = 36,5; Т = 36,7.

На короткие сроки встаю с кровати и пересаживаюсь к столу писать.

Были: подпоручик Тимлер
полковник Илькевич

Был доктор Посадский. Надо надеяться, что в последний раз. Я на пути к выздоровлению, хотя болезнь кишок вообще проходит медленно, и долго придется еще соблюдать осторожность в еде...

Готовлюсь к 1 экзамену в Императорском Археологическом институте – 16 марта.

10 марта – пятница.

Температура нормальная.

Был: поручик Ушаков.

11 марта – суббота.

Считая, что я выздоровел, вылез на воздух. Делами бригадного квартирмейстера (кроме личного доклада) я занимаюсь уже три дня.

Грозные события в России заставили встрепетаться и военную бюрократию, и в этом году впервые полетели спешные распоряжения «свыше» о проводах запасных достоподобным способом (запасные уволены сегодня – 11 марта). Вчера, например, впервые в большом бригадном манеже был отслужен напутственный молебен запасным, говорил речь герцог, кричали «ура» под звуки народного гимна. К сожалению, болезнь не позволила мне быть очевидцем, и я заново лишь голый факт. Это во-первых. Во-вторых, сегодня батареям было приказано сделать запасным «угощение» вовремя обеда. В-третьих, штаб округа прислал готовый печатный приказ по лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде для раздачи всем запасным. Точно такие же приказы, слово в слово, были разосланы и во все другие части гвардии. Это, конечно, глупо! Глупо потому, что можно было предложить самому коман-

диру написать напутственный приказ, а не издавать от его имени явную прокламацию. Ну, Бог им прости, не домыслили!!... Были, конечно, и ошибки. Чего проще, казалось, потребовать все приказы по всем частям и «срисовать» заголовки. Так нет! У нас пропустили «гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион», поставили «по лейб-гвардии 1» вместо «лейб-гвардии по 1-й» и подписали «герцог Мекленбург-Стрѣлицкий» через «ѣ»... Да и герцог всегда подписывается одной фамилией «Мекленбургский». В-4), прислали брошюры с манифестом 17 октября и объяснениями и в-5), прислали из Собственной его величества канцелярии портреты государя, государыни и наследника со словами государя, сказанными нам на параде 25 февраля. К сожалению, государь воспроизведен в форме лейб-гвардии Гусарского полка, а не в нашей, но в этом виновато уже наше начальство (начальник артиллерии, командир бригады), которые, по-моему, ОБЯЗАНЫ хлопотать и хлопотать, пока государь не изволит сняться в нашей форме. Но начальство считает все это пустяком, и по очень простой причине: «Для меня лично никакой выгоды в этом нет!» Все помыслы о себе и ни одной мыслишки о славе той части, мундир которой ты носишь! Получил генерал-лейтенант Хитрово в прошлом году наш мундир, и чем он ознаменовал эту высокую для себя честь? Ровно ничем!... Заказал мундир, и баста! Когда ему штабс-капитан Баранов передал наше положение о вспомогательном капитале (помощь раненым нижним чинам РОДНОЙ бригады!!!) с явным намеком, что можно пожертвовать, – он вернул «положение» со словами, что его «это не касается»...

Зашел в собрание и видел серебряную чарку, которую поднес собранию капитан Пономаревский-Свидерский 1 в день своего назначения командиром 1 стрелковой батареи. На чарке надпись: «Товарищи! За единение, честь и славу родной бригады!» Не скажу, чтобы эта надпись мне нравилась. По «нонешним» временам «товарищи» – это кличка господ из компании Носаря-Хрусталева⁵!..

12 марта – воскресенье.

Совместно с другими слушателями Императорского Археологического института обозревал иконографическую коллекцию музея Императора Александра III. Объяснения давал профессор Покровский (директор института).

16 марта – четверг.

Сдал 1-й экзамен в Императорском Археологическом институте по предмету «историческая география». Готовился по курсу: «Чтения по русской истории под редакцией Довнар-Запольского». (Всех групп 12, и можно было выбрать любую.) Экзаменатором был профессор Середонин – наш

⁵ Носарь – псевдоним П. А. Хрусталева, первого председателя Петербургского совета рабочих депутатов..

институтский лектор, а его ассистентом – профессор по кафедре архивоведения Воронов, который, впрочем, ровно никакого участия не принимал и даже часа через три ушел... Порядок ответа был решен еще месяц тому назад – записью. Я записался № 13. Так как несколько человек не пришли, то я отвечал немного раньше. Обстановка экзамена такова: начало в 7 часов вечера, затем обычный стол, крытый зеленым сукном, кресла для профессоров и ряд стульев для экзаменующихся. На стул визави профессора садится 1 №, левее его 2 №, затем 3-й и т. д. Когда экзаменующийся кончит, то следующий за ним № пересаживается на его стул, а за ним пересаживается и вся остальная цепь на одного человека... Экзамена этого боялись буквально все. Да и не даром. Профессор Середонин самый строгий из профессоров и «режет» беспощадно. Первым отвечал г. Усачев (артист Императорских театров). Отвечал неважно, задумываясь над простыми вопросами... Я с Ушаковым (казначей нашей бригады, который также держит экзамен 19 №) невольно проверяли свои познания, видя, что на все вопросы, задаваемые г. Середониным, Усачеву, мы могли бы свободно ответить. Как всегда бывает – первых спрашивали долго, но, по-моему, милостиво. Усачев выдержал, за ним выдержали еще двое, знавших, впрочем, очень хорошо. Четвертого г. Середонин уже срезал (студент-медик). По-моему, правильно, ибо он знал курс весьма плохо. Это было началом... Жертвы посыпались. Передо мной срезал еще троих. Срезал уже с ноткой раздражения, рассердившись на несколько неудачных ответов... Наконец наступила и моя очередь. 1-й вопрос, на который я ответил, был

- 1) Борьба Руси со степью в X и XI веках
- 2) Религиозные воззрения древних скифов.

На эти оба вопроса я отвечал подробным рассказом, сыпля именами, годами и географическими названиями – в общем блестяще.

3-й вопрос он задал мне о литовских племенах (это я ответил) и где каждое племя жило. Я назвал ему приблизительно бассейны рек, по которым они жили, но очертить подробно границы не мог, так как весь 3-й вопрос не входит в ту группу, которую я изучал, и относится к курсу Барсова. На этом мой экзамен кончился, Середонин закивал головой, сказал «хорошо-с» и спросил мою фамилию. Вопрос о фамилии на экзамене Середонина означает, что экзаменующийся выдержал. Дело в том, что перед профессором лежит печатный список с фамилиями запи[с]авшихся держать экзамен (кажется, человек 70–75 из 300). При начале ответа ваша фамилия профессору неизвестна, и если при конце он вас ее не спросит, значит, вы «провалялись», или точнее: как будто вы вовсе экзамена не держали. Это очень важная поблажка, с которой мы, военные, ни в корпусе, ни в училище, ни в академии не знакомы. «Провал» – это погибель, и погибель навсегда... В корпусах остаются на 2-й год в классе, из училища исключают, из акаде-

мии «отчисляют». А здесь, по-видимому, можно держать переэкзаменовку и притом чуть ли не на другой же день (каждый экзамен длится 2 вечера). Кстати: экзамены сильно затягиваются. Будучи в первых №№, я все же отвечал около 10 часов вечера. По рассказам знаю, что в прошлом году многие отвечали в 2 часа ночи и даже позже.....

«Выдержав», я остался дожидаться ответа моего товарища Ушакова, и за это продолжительное время был предметом зависти многих слушателей, коим еще предстояло впереди это испытание. С другой стороны, многие вслух называли мой ответ «идеальным» и «великолепным»...

Около 11 часов наступила очередь Ушакова. Перед ним «срезали» студента университета. Ушакова спросили славянских наречиях и об образовании славянских народностей. Начал он хорошо... Середонин, уже утомленный и изнервничавшийся, начал задавать вопросы. Первая ошибка Ушакова уже его раздражила. Он начал задавать новые и туманные вопросы, на которые хотел получить ответы – в точности именно те, которые ожидал... Не получая их, он еще более раздражился, и в результате Ушаков, знавший весьма основательно курс (я не раз с ним беседовал эти дни по нашему предмету), «провалился»...

Будет ли он завтра держать снова и можно ли это – сообщу в свое время... В прошлом году в Институте было вывешено объявление, что если кто срежется на одном экзамене, то должен держать ВСЕ экзамены снова (включая и те, кои он выдержал). Так как профессора летом уже не экзаменуют, то все переэкзаменовки относят на осень или на следующую весну. С другой стороны – экзамен Середонина – 1-й, а следовательно, переэкзаменовка не противоречит правилу, ибо этот экзамен и есть пока «все» экзамены, которые нужно передержать после провала...

В заключение должен прибавить, что по моим наблюдениям, экзамен у Середонина по исторической географии – это безусловная лотерея. Но с оговоркой. Без знаний выдержать невозможно, а со знаниями и весьма основательными можно провалиться.

19 марта – воскресенье.

Разговоры и слухи об уходе нашего начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово, приурочиваемые к Пасхе, вдруг реализовались сегодня приказом в «[Русском] инвалиде» о том, что г. Хитрово получил 6 Армейский корпус! А кто на его место – не вем....

Острота про гвардейскую конную артиллерию, которая, кажется, возникла в Царском Селе (по поводу несчастного случая на Иордани 6 января 1905 года 1 его высочества батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады):

«Есть две части: стрелки императорской фамилии и стрелки по императорской фамилии». Зло, но остроумно!

21 марта – вторник.

Получено в Управлении бригады прошение подполковника Гобято о переводе его к нам в бригаду. И при этом ссылка на высочайший приказ и на личное приказание великого князя Сергея Михайловича!!.. Что это такое? Наглое издевательство и надругание над обществом офицеров, полное презрение к корпорации, общественному мнению, или святая наивность? Так как второе недопустимо, то, значит, Гобято просто наглый циник... Гобято, Гобято!! Тот самый, который отравил существование бригаде и сделал ее притчей во языцех, тот самый Гобято, который, уезжая на Восток, преднамеренно оскорбил бригаду, отказавшись от напутственного молебна, о чем по приказанию начальника артиллерии генерал-лейтенанта Хитрово составлена памятная записка с документами (за подписью вр. командующего бригадой Берникова) и хранится в секретных делах Управления бригады... Поживем – и не то еще увидим...

Сейчас (5 часов вечера) зашел ко мне адъютант бригады поручик Фриде и сообщил, что его высочество командир бригады прочел прошение подполковника Гобято и велел написать ответ с отклонением его ходатайства. (См. 17 марта 1904 года.)

22 марта – среда.

Сдал 2-й экзамен в Императорском Археологическом институте. Христианская археология, иконография и памятники христианской архитектуры: курс в 2-х книгах самого профессора и директора института г. Покровского. Ассистентом у него был г. Веселовский, сидевший не более получаса, а затем ушедший...

Экзамен этот совершенно не похож на предыдущий (историческая география). Покровский – весьма снисходительный экзаменатор и довольствуется, если экзаменующийся обнаруживает хоть малую толику познаний и знакомство с курсом. При этом он сам все время подсказывает и разъясняет, чем сильно задерживает экзамен. До моей очереди я прослушал ответов 10. Ни одного из них нельзя назвать хорошим. Все «ковыряли», сообщая отрывочные сведения без связи; сообщали, что приходило на память. О каком-либо гладком рассказе не может быть и речи. По правде сказать, последняя роскошь достаточно трудно достигаема. Курс для полног[о] усвоения весьма не легкий. Несмотря на упомянутые мной условия экзамена – одному все-таки удалось срезаться. Студенту университета 4 курса. «Ответом» его ответ назвать нельзя. Он не сказал ни одного слова... Впрочем,

виноват, на категоричный вопрос из области русской истории (курс 4 класса корпуса) он ответил таким вздором, что все окружавшие его слушатели покраснели до корня волос... После этого г. Покровский мягко ему заявил, что «вы, вероятно, переутомились» (Еще бы! Ведь в наших университетах все эти дни «усиленно» занимаются... пропагандой!) и «я всегда к вашим услугам, когда вам будет время и когда вы получше прочтете курс».

Меня г. Покровский попросил рассказать о «фресках новгородских». Отвечал хорошо...

В дополнение к моей заметке, что экзамены сильно затягиваются, могу сообщить со слов одного драгунского штаб-ротмистра, что он лично отвечал по исторической географии в 3¼ часа ночи!!!!

23 марта – четверг.

Был у Н. А. Илькевича (командир 5 батареи), в квартире коего была им организована «военная игра». С одной стороны были: полковник Гартунг, капитан Кавтарадзе и поручик Бородин. С другой: полковник Смысловский, поручик Чернявский и подпоручик Снигиревский. Руководил полковник Илькевич. Я исполнял некоторые поручения Н. А., следя за обеими сторонами. Организация игры была блестяще задумана и выполнена хозяином.

27 марта – понедельник.

Сдал 3 экзамена в Императорском Археологическом институте. Курс состоит из 2-х частей: 1) первобытная археология и 2) древности Южной России. Слушателям предоставляется сдавать экзамен по одному из этих отделов, хотя, конечно, было бы гораздо полезнее ввести в правило: сдавать оба отдела, так как оба они очень важны и по объему вовсе не так страшны. Кончить же институт и не знать, например, о древних городах Ольвии, Пантикапеи, Херсонесе и др. – прямо совестно. Но дело обстоит еще хуже. На сегодняшнем экзамене я был свидетелем, как первый из отвечавших (г. Усачев) заявил профессору Веселовскому (ассистент профессор Середонин, ушедший через полчаса в другую комнату, куда за ним потянулись многочисленные жертвы его, срезавшиеся на его экзамене по исторической географии. Сегодня и завтра все этим жертвам назначена «переекзаменовка»), что он «готовил керченские древности», т. е. его заявление надо понимать таким образом, что из всего курса «Древностей Южной России» (лекции профессора Веселовского изданы полковником Гертиком) он готовил «только одну главу о Керчи»... и, действительно, не смущаясь, он начал рассказывать о Керчи... Второй экзаменующийся заявил, что готовил о «каменном периоде», т. е. опять одну главу из курса «О первобытном человеке». Третий – то же... Профессор слушал молча, апатично и минут через 5–7 кивал головой в знак того, что испытание окончено. Фамилию он

отмечает вперед – маленькой чертой, а по окончании ответа ничего более не пишет. Не выдержать, следовательно, нельзя... Да оно, пожалуй, и немыслимо при таком чудовищном отношении к делу. Пари держу, что найдутся слушатели, которые не шутя прочтут фактически одну только главу, и для таких господ одна из важнейших частей всего курса является столь же знакомой, как это имело место до их поступления в институт...

Но еще до моего ответа нашлись, конечно, слушатели, отнесшиеся к экзамену вполне серьезно. Г. Смелов, например, первый заявил, что он готовил «Древности Южной России», подразумевая под этим весь курс. Веселовский не понял его и повторил: «Рассказывайте», но, встретив удивленный взгляд экзаменующегося, он, наконец, сообразил и сказал: «Ах! Вы готовили весь отдел... В таком случае расскажите мне об Ольвии». Из этого я заключаю, что г. Веселовский сознательно позволяет на своем экзамене отвечать из одной какой-нибудь главы курса – по выбору самого слушателя – и, следовательно, г. Веселовский сознательно выпускает из института невежд, не имеющих даже элементарного понятия о древней археологии, и, следовательно, г. Веселовский сознательно относится к своему делу недобросовестно!.. Я лично прочел в свое время оба отдела курса и усердно посещал его лекции, как в институте, так и в Эрмитаже. Отвечать одну какую-нибудь главу из курса для меня не имело никакого смысла, так как я весь курс знал одинаково и весьма основательно. Профессор Веселовский попросил меня рассказать о Херсонесе Таврическом... Отвечал хорошо... Мой «коллега» Ушаков тоже отвечал по назначению профессора – о древних греческих вазах.

29 марта – среда.

У Н. А. Илькевича был на 2-й военной игре. Участники те же, за исключением заболевшего поручика Чернявского (см. 23 марта).

1 апреля – суббота.

Мой сосед подпоручик Снигиревский, живущий у нашего казначея поручика Ушакова («бесплатное приложение» к Управлению бригады, как называл его поручик Наркович), зашел ко мне в 11-м часу ночи (я «зубрил» в это время дипломатику) и уговорил пойти к заутрени в Сергиевский всей артиллерии собор. Стояли в алтаре, где было совершенно свободно (из наших еще полковник Гартунг и из «бывших наших» – генерал-майор Берников). После заутрени пошли в собрание, где я сидел до 5 часов утра. Дежурным был поручик Рейнталь. Кроме него: капитан Петрушевский, поручик Матвеев, капитан Альтфатер, подпоручик Зуев, поручик Наркович, подпоручик Люндеквист и подпоручик Снигиревский. В 3 часа ночи пошел на «разговенье» в нестроевую команду. Выпил «чарку» за ДЕРЖАВНОГО ШЕФА и поздравил второй – с праз[д]ником. Затем все сели, и я посидел с ними ми-

нут 15 за общим столом. Рядом со мной по правую сторону сел фейерверкер осадного артиллерийского полка (в настоящую минуту к моей команде прикомандировано 10 человек осадных артиллеристов, обучающихся здесь, в СПб., электроосветительным приборам). Этот фейерверкер по собственной инициативе (мой приход был неожиданным) встал и выпил за мое здоровье.

7 апреля – пятница.

Сдал 4-й экзамен в Императорском Археологическом институте по дипломатике. Экзамен этот самый трудный и серьезный – по своему объему и массе фамилий, названий, терминов и пр. Кроме дипломатики (вместе с [о] [с]фрагистикой и древнейшей фрагистикой – курс, прибавленный лишь в этом году) – требуется профессором неперенное знание хронологии всеобщей истории начиная от 7000 г. до Р. Х. и до наших дней и знакомство с изданиями (каталогом) императорской Археографической комиссии. Недаром на подготовку к нему было дано 10 дней, включая дни Пасхи, что лично для меня было весьма удобно, так как все эти дни я почти не был занят служебными делами... Впрочем, последние 3 дня я уже не занимался, а лишь изредка «штудировал» громадный конспект-таблицу с хронологией истории и дипломатики, висевшую у меня в моем рабочем кабинете – на стене. Профессор – доктор истории Лихачев – серьезный ученый и прекрасный профессор, которого я в прошлом году, к сожалению, слушал всего 3 раза, а в этом году – ни разу... К счастью, все его талантливые лекции изданы стенографически, причем курс, который он читал нам в 1904–1905 («Древнейшая сфрагистика»⁶), издан нашим выпуском даже роскошно – с прекрасными клише, взятыми из иностранных изданий. Ассистентом профессора Лихачева на экзамене был профессор Марков...

Особенностью этого экзамена является программа, разделенная на билеты и билеты. Но в сущности, билеты тут ровно ни при чем. Едва вы начинаете из него рассказывать, как г. Лихачев вас прерывает и задает вопрос совсем из другого билета. Таких вопросов он предлагает не менее 15 каждому, но число их доходит до 30 и более. Из числа этих вопросов половина приходится на «историю»...

Ходят рассказы, что профессор Лихачев, в случае незнания экзаменуемого, начинает глумиться над ним и позволяет себе резкие замечания... Должно быть, надо для этого обнаружить крупное незнание с курсом и историей. При мне – этого не было. Впрочем, я ответил шестым, а следовательно, прослушал только пятерых, отвечавших все весьма прилично, и, следовательно, профессору не было причины на них сердиться. Он сыпал вопросы как из рога изобилия, и, не получая на некоторые из них ответы,

⁶ Сфрагистика – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати и оттиски.

сперва «наводил» на ответ, а потом, если это не помогало, сам давал ответ. Прodelьывал все это он деликатно, ровным голосом... Повторяю: надо иметь в виду, что все 5 первых экзаменующихся отвечали почти на все его вопросы и притом отвечали хорошо.

Я вытащил билет № 20 «О пергаменте». Не успел я разинуть рта, как он мне задал вопрос 1) что древнее – папирус или пергамент? Я ответил подробно с доказательствами и ссылкой на древнейший папирус (Туринский папирус Присса за 23 века до Р. Хр.) и древнейший пергамент (данная в монастырь Chateau le Brucyère 670 года и друг.). Подробный ответ предупреждал его вопросы, так как профессор все равно бы спросил: «Какой древнейший папирус?» и т. д. Чтобы дать понятие о его вопросах, запишу те 20 вопросов, которые он мне задал и которые я сейчас припоминаю. На самом деле он задал, вероятно, не менее 25. Все они относятся или к курсу, или к истории, а потому записывать их, как это делают многие, по-моему, бессмысленно. Стоит только знать курс и всеобщую историю – и вы ответите буквально на все. Вот вопросы:

- 2) Какой в России самый древний памятник на пергаменте?
 - 3) Когда было свергнуто монгольское иго?
 - 4) Когда началось в России заимствование византийских обычаев?
 - 5) Когда была Куликовская битва?
 - 6) Назовите какого-нибудь князя на Руси в 13 столетии? Имеющего отношение к Петербургу? (Александр Невский.) В каком году?
 - 7) Что такое «картулярии»⁷?
 - 8) Что такое «formulaire»⁸?
 - 9) Подписывали ли русские цари грамоты? (На этот вопрос я ответил неверно, ибо в курсе указаний я не встретил.)
 - 10) Что такое Византийская империя?
 - 11) Когда случилось разделение Римской империи?
 - 12) Что такое Царственная книга?
 - 13) Самостоятельное ли сочинение Царственная книга?
 - 14) В каком древнем русском издании встречается французская бумага?
 - 15) Какая бумага употреблялась во Франции?
 - 16) Какие дипломатические памятники были напечатаны до Петра?
 - 17) Кто был Даниэль ван Папebroг?
 - 18) Кто был Антоний Липомани?
 - 19) Что такое кардинал?
 - 20) Назовите какого-нибудь папу? (Я назвал Инокентия 3). Чем он замечателен? Когда жил?
 - 21) Кто такой Беретников?
- И т. д.

⁷ Картулярий – сборник копий с грамот.

⁸ Формуляры (фр.).

Вопросы я записал не по порядку...

По окончании моего ответа я видел, как профессор Лихачев отметил против моей фамилии «весьма удовлетворительно» – это, кажется, высшая институтская отметка...

1906

544

10 апреля – понедельник.

Приблизительно недели полторы тому назад несколько офицеров нашей бригады (подпоручик Зуев, поручик Матвеев и поручик Рейнталь), сидя у меня в квартире, сообщили мне новость, поистине потрясающую. Неожиданность для меня была полная, так как я с начала экзаменов в институте сравнительно мало бывал в собрании, а главное, уже давно не садился в собрании за карточный стол.. Но ближе к делу!.. Впрочем, без предисловий и без пояснений «с Адама» невозможно дать верную картину события.. Что ж делать, начну с Адама..

Карточный сезон 1905–1906 года в нашем собрании ознаменовался увлечением новой игрой – вероятно, общеизвестной – покером. Чаше эту игру у нас называли джек-бот. Игра эта почти вытеснила все прочие игры (винт, «тетка»...) а макао, по просьбе председателя распорядительного комитета полковника Илькевича, вовсе было изъято. В покер стали играть многие, которые раньше и карты в рук не брали... Наиболее рьяными любителями или джекботистами сделались:

штабс-капитан	Крестьянов
подпоручик	Бутовский
поручик	Матвеев
–	Курбатов
подпоручик	Люндеквист
–	Сергиевский
капитан	Альтфатер
поручик	Наркович
–	Барановский

и много других офицеров...

Столик в покер составлялся ежедневно. Играли с небольшим «лимит[ом]» в 50 коп[еек], но тем не менее, проигрыш и выигрыш доходили до 15–20 рублей в среднем для каждого. Бывало, что проигрывали и по 40 рублей. Игра, следовательно, более походила на азартную, чем на коммерческую... Вскоре определилось – кому «везет» и кому не «везет» в эту игру. Сперва, по обыкновению, везло Васе Нарковичу, которому вообще в карты «прет», но бывало, что и он проигрывал; везло Альтфатеру, но и он в конце концов обнаружил минус при игре в покер... Люндеквист – прикомандированный к гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону офицер – проиграл, как говорили, около 200 рублей. Остальные: кто 50, кто 70. Где же тот счаст-

ливчик, который всех обыграл?! Счас[т]ливчиком оказался Сергей Николаевич Крестьянов, выигр[ыв]авший почти ежедневно и с каждым месяцем все крупнее и крупнее. Говорят, что он сам хвастался, что «наварил» в покер 500 рублей... И вот вдруг я узнаю, что играющие в карты гг. офицеры заметили, что г. Крестьянов играет «нечисто». Сбрасывая карты, он не откидывает их в сторону, а смешивает с покупкой и из многих карт подбирает себе «пары», «тройки», «ес-боты» и проч., обеспечивающие ему верный выигрыш. Когда я узнал эту новость, то дело это, по-видимому, зашло очень далеко. Не менее 15–20 человек уже знали об этом происшествии, и каждый теперь припоминал, что Крестьянов действительно играет «небрежно». Даже сегодня подпоручик фон Руммель вспомнил, что еще летом он заметил, что Крестьянов, играя в покер, неладно как-то прикупал и выбирал себе комбинации... Два офицера гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, Люндеквист (прикомандированный) и Стефанов, сговорившись, устроили тщательное наблюдение над его игрой и в результате убедились, что игру Крестьянов ведет шулернически... Вероятно, после этих опытов Стефанов и заявил капитану Альтфатеру – одному из членов суда общества офицеров – о своих наблюдениях, что подтвердили и большинство «картошлепов». Альтфатер потребовал от Стефанова более официального заявления. Это заняло некоторое время, в течение которого я даже думал, что дело, пожалуй, заглохнет, в виду серьезности такого заявления, как «штабс-капитан Крестьянов – шулер!!». Несколько дней тому назад я видел, как капитан Альтфатер разговаривал о чем-то с полковником Илькевичем (старшим членом суда, полковник Наркович в командировке – в школе), но никого ни о чем не расспрашивал.. Сегодня все выяснилось. 9 апреля, в воскресенье, его высочество вызывал к себе во дворец поручика Стефанова и подпоручика Люндеквиста, а после того приехал в бригадный дом и вызвал к себе Крестьянова, а сегодня я уже видел рапорт штабс-капитан[а] Крестьянова, в котором он просит об освидетельствовании его на предмет увольнения в отставку по расстроенному здоровью. Кто бы мог думать!!! Стоит только вникнуть, чтобы понять весь ужас его положения! Что он скажет своей жене, своим многочисленным знакомым, своим приятелям... И никакого оправдания!! Один позор, ужасный позор, презрение ото всех и на всю жизнь!!! Браунинг, браунинг, где ты!!?

11 апреля – вторник.

От 10 часов утра был обычный весенний смотр верховой езды гг. офицеров. Я не ездил, так как взял освобождение и вовремя езды всех 3-х дивизионов записывал за его высочеством – его замечания.

В 12 часов все гг. штаб и обер офицеры собрались в зале офицерского собрания. Вошел герцог, попросил нас окружить его и затем начал свою речь... Темой служило событие, о котором я вчера записал (см. 10 апреля).

Герцог назвал это событие «чрезвычайно грустным» и упомянул, что это случается впервые за те «19 лет, что он служит в бригаде, и за те 23 года, что он ее знает». Засим следовало самое изложение события. «Некоторые господа офицеры, играя в карты, заметили, что один из их партнеров играет как-то “странно”. Этот “странный” партнер оказался штабс-капитаном Крестьяновым. Некоторым господам офицерам эта странная игра только показалась, но двое из господ офицеров утверждали, что они не ошибаются в своем мнении». (Этих двух офицеров герцог в речи не назвал, но это были поручик Стефанов и подпоручик Люндеквист.) Получив такое заявление, герцог «счел своим долгом» пригласить этих двух офицеров к себе во дворец (это было 9 апреля от 10 – 11 часов утра) и, получив лично от них подтверждение того, что они заметили и видели, поехал в бригадный дом, куда и вызвал к 12 часам дня того же 9 апреля штабс-капитана Крестьянова. Крестьянову он передал о заявлении некоторых гг. офицеров об его игре и объявил ему, что он на основании этого заявления подлежит суду общества офицеров, но взамен этого он предлагает ему «другой выход», а именно подать в отставку в 24 часа. «Я предложил ему подать в отставку на том основании, что уже тогда штабс-капитан Крестьянов никогда больше не будет призван на военную службу». Штабс-капитан Крестьянов ничего не возразил его высочеству в смысле самооправдания, а лишь попросил дать ему время для приискания себе места, на что герцог ему возразил, что ему достаточно будет времени для приискания себе места, пока пойдет его представление об отставке, но что он настаивает, чтобы штабс-капитан Крестьянов подал рапорт не позже как через 24 часа, т. е. не позже 12 часов дня на другой день...

К этому времени штабс-капитан Крестьянов подал сперва рапорт о болезни и одновременно рапорт об освидетельствовании его на предмет увольнения его в отставку по болезни. Вот фактическая сторона «грустного события», записанная со слов самого командира. В заключение его высочество просил нас, чтобы это событие осталось в наших четырех стенах и не распространилось бы вне... Сам он, конечно, должен будет сообщить начальству правду, если его спросят, но это дело службы, а не частный разговор... Вторая часть его речи относилась исключительно к обер-офицерам и, как осторожно прибавил герцог, никакой связи с предыдущим событием не имеет. Герцог заметил, что у нас в собрании, играя в карты, иногда проигрывают в течение месяца несколько сот рублей, что влечет за собой долги и портит отношения, тогда как собрание должно «объединять, а не раз[ъ]единять». Бригада всегда отличалась скромным «пошибом», и офицеры жили по своим средствам, это скорее «хорошая традиция», и ее не следует терять... Если крупная игра не прекратится, то он будет вынужден совсем прекратить игру в карты, домино (!!??) и проч. (!!???). А потому он просит гг. офиц[е]ров обратить на «это» (!) внимание...

Поклон и конец.

Для всех штаб-офицеров и для многих обер-офицеров (например, Явид) речь герцога о Крестьянове была полной и громовой неожиданностью...

Вторая часть речи касается, по-моему, буквально 2–3 офицеров бригады, и обобщать было лишнее... Правда, что раньше играли в макао, о чем упомянул и герцог, прибавив, что азартные игры запрещены в собрании законом, но в макао не играют уже несколько месяцев, так что предупреждение явилось поздним и излишним. Н. А. Илькевич уже предупредил в этом отношении герцога... Крупная коммерческая игра – это все тот же злосчастный покер, но нельзя сказать, чтобы именно эта игра вводит офицера в долги. Неаккуратный офицер влезает в долги везде и во всем... Сыграет на бильярде на 1 рубль – и тот не отдает... Не заплатит за купленный ему же билет в театр... Но все это исключения, и у нас в бригаде до чрезвычайности редкие...

Можно, по-моему, спорить вообще о карточной игре. Есть ли это допустимое, терпимое и извинительное развлечение,

или

есть ли это безусловно вредное занятие и, как кто-то сказал, – «расписка в собственном банкротстве ума». Если это вредное занятие – запретить вообще всякую карточную игру в собрании. Если это допустимое развлечение, то род игры не должен служить предметом обсуждения. Если я сыграл в винт по 1:1000, проиграл 57 копеек и их не заплатил, то это гадко и мерзко. Если я проиграл в макао 200 рублей и их тотчас заплатил, то это может быть глупо, но никоим образом не преступно. А у нас любят хвастат[ь]ся: «Я в азартные игры не играю», точно это достоинство, сравнительно с игрой в винт по ¼ коп[еек] и с карточным долгом в 500 рублей. Достоинство – вовсе в карты не играть и употребить это время на самообразование или другую серьезную работу.

12 апреля – среда.

В 7 часов вечера на своей квартире (Дмитровский пер., д. 6) командир 1 [его высочества] батареи флигель-адъютант Николай Петрович Демидов устроил обед, на который были приглашены офицеры батареи:

1) полковник Пономаревский-Свидерский (ныне командир 1 стрелковой бригады)

2) капитан Кавтарадзе

3) поручик Наркович

4) поручик Есимантовский (в Мих[айловской] арт[иллерийской] академии)

5) поручик Ушаков (бриг[адный] казначей)

6) поручик Курбатов

7) я.

Я с Ушаковым уехал в 10½ часов вечера.

Сегодня же состоялась в Сергиевском соборе свадьба дочери фельдфебеля 4 батареи Артемьева (Саши) с царским околадочным П. (сватом был знаменитый Храпов). Я на свадьбе этой не был, но знаю, что среди присутствующих были: генерал-лейтенант Хитрово (командир 6 армейского корпуса), генерал-лейтенант Оноприенко, генерал-майор Долгов, действительный статский советник Шульман и все офицеры 4 батареи во главе с командующим бригадой полковником Головачевым (командир бригады его высочество герцог Мекленбургский вчера уехал в 10-дневный отпуск и на свадьбе не был).

13 апреля – четверг.

Сдал 5 экзамен в Императорском Археологическом институте по нумизматике. Готовил «Русскую нумизматику» по конспекту, изданному Гусевым. 1-й день экзамена был собственно вчера, но обед у Н. П. Демидова заставил меня перенести свой ответ на сегодня. В этот второй день экзамена уже не соблюдается почти никакой очереди между экзаменующимися; кто занял раньше место, тот и отвечает раньше. С этой целью я приехал с Ушаковым в половине седьмого и положил свой портфель на 4-е место. В начале 8-го явился профессор Марков, хранитель нумизматического кабинета Эрмитажа, и начал экзамен. Его ассистент профессор Лихачев не пришел вовсе. Вчера он пришел лишь к 10 часам; может быть, и сегодня он придет позже, но при мне, повторяю, его не было. До меня отвечали трое: первый неважно, 3-й плохо, а 2-й студент, по-моему, вовсе ничего не знал и на все 3–4 вопроса, которые ему задал профессор, он не ответил, а мямлил какой-то вздор. Несмотря на это, Марков поставил ему удовлетворительную отметку, а 2-м другим «весьма удовлетворительно». Вчера, говорят, он срезал несколько человек, и будто бы на такое решение повлияло присутствие ассистента Лихачева. Что же касается сегодняшнего дня, то следует признать, что это не экзамен, а «балаган». Меня он спросил о псковских монетах 15–16 вв. и поставил отметку «весьма удовлетворительно».

Любимая фраза Маркова после удачного или верного ответа экзаменующегося: «Вот-вот, вот именно...».

14 апреля – пятница.

В 12½ часов дня из собрания поехал на «ура» осматривать Таврический дворец, переделанный в Государственную Думу. Дело в том, что посетителей пускают исключительно по билетам, которые выдают в Зимнем дворце или Государственном Совете. У меня не было времени и охоты запастись им, а охота – осмотреть дворец – большая. Поэтому я и воспользовался предло-

жением подпоручика Снигиревского «попробовать» поехать прямо в Таврический дворец, пользуясь тем, что вчера Снигиревский был записан на билет генерала Цилиакуса, но на осмотр не попал... Впускает жандармский штабс-ротмистр (вообще полиции, сторожей, сыщиков и проч. – уйма), который попросил у нас входные билеты и на ответ, что у нас их нет, заявил, что, к сожалению, пустить не может. Но тут Снигиревский объявил, что он был вчера записан на билет № 1126 генерала Цилиакуса; шт[абс]-ротмистр отыскал этот № в книге и после того любезно дал нам обоим разрешение на осмотр... В проводники дается сторож. Наш «парламент» почти готов. Нет портрета государя за местом председателя; скамьи же, логи, трибуны и проч. – все на месте... Залы, уборные, хоры и проч. – также готовы... Дворец спешно «подбирается»: чистят, моют, стругают, красят, лакируют и пр. и пр.

15 апреля – суббота.

Часов в 12 дня в собрании бригады старший член суда общества офицеров полковник Илькевич сказал мне, чтобы я никуда не уходил, так как от 2 часов дня меня выз[о]вут в суд по делу штабс-капитана Крестьянова. Форма одежды – сюртук. Такое же приказание было отдано и многим другим офицерам (всего 15–20 человек). Всех оно крайне удивило и повергло в полное недоумение. «Дело Крестьянова» считалось уже оконченным (см. 11 апреля). Меня лично удивило еще то обстоятельство, что был вызван свидетелем я, узнавший эту новость из третьих уст и очень поздно (см. 10 апреля). Суд заседал в карточной комнате с 2 до 5¼. По очереди туда вызывались свидетели для устного допроса. Меня вызвали приблизительно около 4 часов. Я заявил, что в покер играл всего несколько раз, уже несколько месяцев вовсе не играю и лично ничего не видал, а узнал эту новость от поручика Матвеева и подпоручика Зуева. Судьи: полковник Илькевич, полковник Пономаревский-Свидерский, капитан Гирш и капитан Рерберг и капитан Альтфатер (в состав вошли два кандидата вместо полковника Нарковича и капитана Пономаревского-Свидерского, находящихся в школе).

После 5 часов выяснилось, что штабс-капитан Крестьянов взял свой рапорт об отставке обратно и просил назначить над ним суд. Командующий бригадой полковник Головачев довел об этом до сведения находящегося в отпуску герцога, и тот приказал назначить этот суд. На что надеется г. Крестьянов и не действует ли он под влиянием чьих-нибудь советов – все это пока интересная тайна. В 7 часов вечера на кв[артире] полковника Илькевича снова соберется суд для допроса штабс-капитан[а] Крестьянова.

20 апреля – четверг.

С 9 часов утра в большом манеже происходили выборы мастеровых на летнее время в нестроевую команду. Был командующий бригадой пол-

ковник Головачев, был я и командиры батарей. 1 и 2 стрелковых батарей не было, так как они с утра ушли в Царское Село. Завтра у них (вместе с гвардейской Конной артиллерией, гвардейской Запасной батареей и школой) высочайший парад.

1906

550

Назначен новый начальник артиллерии генерал-лейтенант Фан-дер-Флит – храбрый участник последней войны в качестве начальника артиллерии 1 Армейского корпуса.

Тайна, облакающая дело Крестьянова, понемногу рассеивается (см. 15 апреля). В воскресенье 16 апреля был суд, и по многим данным можно с уверенностью сказать, что суд постановил удалить Крестьянова из бригады, предложив ему подать прошение об отставке по домашним обстоятельствам. Если штабс-капитан Крестьянов на это не согласится, то его уволят в дисциплинарном порядке. Но и в первом случае положение его значительно хуже, чем было ДО суда, на который он сам почему-то напросился. Бригада, посылая его прошение по команде, приложит к делу объяснительную записку приблизительно такого содержания: «подал прошение согласно приговора суда о[бщест]ва офицеров, постановившего удалить названного обер-офицера из части», т. е. получается то, что в общежитии носит название: «волчий билет».

Получил медицинское свидетельство из комиссии при СПб. окружном военно-медицинском управлении – на предмет увольнения меня по болезни в 4-[м]есячный отпуск (от 7 апреля 1906 года № 3883). Свидетельство лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады от 15 февраля 1906 г. № 140.

21 апреля – пятница.

Сдал в Императорском Археологическом институте 6, 7, 8 экзамены!! Сразу три в один день... С 5 часов вечера до 9-ти. Ровно в 5 пришел первый профессор, г. Шляпкин – лектор русской палеографии. В зале перед аудиторией – поставили 2 стола в виде буквы «Т»; слушатели уселись за ними, а профессор начал нам раздавать фотографические снимки с древних рукописей... Экзамен письменный, и задача наша состояла во-1), в транскрипции рукописи, и во-2), в подробном описании рукописи; в заключение нужно было определить век рукописи... Шляпкин каждого входившего в зал уговаривал брать рукопись и писать, благодаря чему сегодня держали экзамен и все те, кто намеревался держать завтра, а в результате двух столов не хватило, и часть слушателей перешла в аудиторию... Многие уходили и в другие залы. Таким образом, письменная задача приняла чисто «домашний хорактер». Писали, обложившись учебниками, справочниками и широко пользуясь советами и руководствами коллег. С другой стороны, те, кто сидел за столом самого

Шляпкина (например, я), писали вполне самостоятельно и без помощи руководства. Письменные работы наши, по окончании, мы сдали профессору. Он возьмет их с собой на дом, причем обещал дней через 6–7 прислать в институт отметки за них. Говорят, что он не скупится на неудовлетворительные баллы. Но нужно отметить, что вряд ли можно хоть мало-мальски верно оценить наши познания при такой организации письменного экзамена. Устный разбор был бы в сто раз полезнее. Письменную транскрипцию можно было бы сохранить и при устном ответе: это отняло бы всего несколько минут. К 6½ часам я кончил писать и в 7 сел в очередь для держания экзамена по археографии. Профессор Майков сел на одном конце стола, а профессор Коринский (славянская палеография) – на другом конце. (К 7 часам слушателей, еще писавших в аудитории, попросили перейти в другие залы.) Профессор Майков дает одну рукопись скорописного письма и один фотографический снимок с полуустава. Пока один отвечает – двое подготавливаются. Скоропись гораздо легче, чем та, которая издана в его же атласе, а потому лично я прочел ее свободно. (Не всю, строчек 5, после чего профессор просил меня перейти к полууставу.) Полуулав я тем более прочел без запинок (тоже строчек 5). Засим г. Майков задал мне несколько вопросов о начертаниях некоторых букв и знаков в скорописи и полууставе разных столетий.

Покончив и с археографией, я вошел немедленно в очередь к Коринскому. Коринский дает рукопись из атласа Лаврова, в котором имеются снимки с болгарских рукописей (№№ 1–39) и снимки с сербских рукописей (№№ 39 – до конца). Таким образом, слушатель, получая снимок, сразу уже знает, что перед ним та или другая рукопись, и вопрос об определении рукописи отпадает. Правда, нужно суметь доказать, на основании чего я утверждаю, что рукопись болгарская или сербская, но это значительно легче – искать определенные признаки, чем разбираться в незнакомой рукописи и делать гадательные предположения за и против. Пока один отвечает, другому слушателю профессор дает снимок для подготовки.

Мне досталась сербская рукопись, обильная типичнейшими сербизмами. Сущность экзамена заключается в следующем:

- 1) Нужно суметь прочесть рукопись.
- 2) Перевести текст по-русски.
- 3) Определить век на основании палеографических признаков.
- 4) Указать сербизмы или болгаризмы, как грамматические, так и палеографические.

Все это я ответил безошибочно и получил отметку «весьма удовлетворительно» – высшую и очень редкую отметку у профессора Коринского.

В 10 часов вечера на вокзале Виндавской железной дороги провожали бывшего начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта

Хитрово. Большинство – штаб-офицеры лейб-гвардии 1-й и лейб-гвардии 2 артиллерийских бригад. Офицеров гвардейской Конной артиллерийской бригады я не заметил. Из обер-офицеров было несколько человек нашей бригады. Надо принять во внимание, что объявление об его отъезде было экстренное и вначале неверное и лишь потом исправленное (я был).

24 апреля – понедельник.

От 10 часов утра ремонтная комиссия для составления смет на этот год. Как водится, я принес вполне готовую смету, которую после небольших разговоров все подписали. Председатель: флигель-адъютант полковник Демидов, члены: капитан Альтфатер, инженер-капитан Попов, я и подпоручик Снигиревский (мой заместитель, когда я уеду в отпуск).

В 6½ часов вечера в офицерском собрании бригады обед в честь ушедшего в о[т]ставку командира 1 стрелковой батареи Александра Евгеньевича фон Шульмана. Обед этот – первое применение новых правил о чествовании уходящих из бригады офицеров. Уже давно наши шаткие правила нуждались в урегулировке, но разговоры кончались разговорами, и только, наконец, в прошлом году появились в свет новые правила, выработанные ра[с]порядительным комитетом под председательством полковника Нарковича. По этим правилам два подарка ни в каком случае не подносятся. Фон Шульман, получив подарок после назначения своего командиром батареи в Варшаву, мог по этим правилам баллотироваться лишь на обед. Выложенный лист покрылся подписями, и обед состоялся (нужно не менее $\frac{2}{3}$ голосов). Но для Шульмана было сделано маленькое исключение. Дело в том, что правилам вместе с подарком подносят и бригадный жетон, служащий как бы видимым знаком на право входа в собрание. Жетон этот утвержден всего лишь в этом году и пока никому еще не подносился. 1-й его № (образец) помещен для хранения в музей. Шульману подарок не полагался, а значит, не полагался и жетон... Чтобы не сделать его жертвой переходного применения новых правил, возникла мысль – в изъятие правил – поднести Шульману жетон. Безгранично корректный герцог, не желая нарушать правила без согласия гг. офицеров, поручил спросить всех нас о согласии на этот предмет. Никто, конечно, не был против.

Итак, обед!.. Из бывших служащих д[ействительный] с[татский] с[оветник] Шульман, камергер Семенов, полковник Ден и чествуемый генерал-майор фон Шульман. Следует упомянуть и о «дрейфусах», из которых 3 еще пока в командировках (фон Энден недавно вернулся) – Огоновский, Перрет и Ягеллович. Нестерпимая жара заставила Штаб округа разрешить кителя и чехлы ранее срока, и обед белел кителями. Открытые окна не могли освежить духоту и лишь служили проводниками для привлечения внимания прохожих звуками нашей музыки.

1-й тост герцога, вернее речь, обращенная к Шульману, с поднесением жетона и «ура» в его честь. Спустя несколько минут Шульман ответил на нее, причем благодарил и пил здоровье «лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады», не прибавив «гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона», чем, конечно, обидел «стрелочков». Вставным тостом был тост Коко Шульмана, благодарившего бригаду, которая не забывает «нас, стариков» и «приглашает в свою среду». Потом герцог с промежутками сказал еще 2 тоста: за гостей (Шульмана, Семенова и Дена) и за поручика Шанявского, кавалера Владимира 4 степени с мечами, только что сегодня появившегося снова в наших стенах после своего возвращения с войны.

После обеда «траншея» устроилась в карточной комнате, куда заблаговременно перетащили рояль. На столе стояла серебряная ладья (из офицерских вещей). Начали пить «чарочку», «солдат-солдат» и проч. Тосты за герцога сопровождались потрясающими и долго-долго не смолкавшими «ура». Казалось, что весь вечер – это чествование не Шульмана, а герцога. Музыка играла в библиотеке. Пили в карточной и библиотеке. Пили много... (4 «дрейфуса» уехали тотчас после обеда). 1/3 тоже скоро разъехалась, другая 1/3 довольно долго участвовала в «траншее», но затем незаметно испарилась, и, наконец, последняя 1/3 (называть ли фамилии? Они все те же!) твердо сидела до конца. А конец наступил в 12 часов ночи, до коего часу сидели и герцог, и юбиляр – фон Шульман. Обоих их офицеры вынесли из собрания на руках при громком «ура». Из «стрелков» остались до конца двое: Бутовский и Люндеквист, и оба были пьяны как «моржи»... Последний сгоряча провозгласил тост за «самодержавного и великого государя». Пришлось играть гимн и кричать «ура»...

Собравшаяся у наших окон публика, на 9/10 добрые хулиганы, махали шапками и тоже, заслышав гимн, кричали «ура». Некоторые офицеры бросали им деньги...

25 апреля – вторник.

В 10½ часов утра опрос претензий новым начальником артиллерии генерал-лейтенантом Фан-дер-Флитом. Бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион построились на внутреннем плацу старых казарм. Я – на фланге нестроевой команды. При опросе претензий у нас – офицеров – мы называли свои фамилии. Генерал Фан-дер-Флит, завидя академический знак, спрашивал – получил ли он чин за академию, и, узнав, например, от Альтфатера, что тот отказался от чина, горячо его благодарил за это. Поручик Матвеев не приминул тоже заявить, что он отказался от чина, хотя Матвеев окончил Генеральный штаб по 2 разряду, и никто ему чина давать не собирался. Фан-дер-Флит благодарил и Матвеева. К сожалению, в строю не было ни одного «дрейфуса». Все они в командировках, а фон Энден в бригадном наряде. Фан-дер-Флит – несомненный и яростный

противник тех, кто, портя товарищеские отношения, возвращается в строй с чином и обгоняет своих строевых сверстников...

Речь генерала Фан-дер-Флита к солдатам была коротка и шаблонна («счастлив командовать такими молодцами и надеюсь, что...» и т. д.) Закончил он «ура» в честь государя. «Ура» не ожидали, а потому никто «на краул» не командовал, и уже вовремя гимна и «ура» беспорядочно повынимали шашки «на краул»...

После парада все офицеры встали по старшинству в зале офицерского собрания. Тут фан-дер-Флит начал к нам длинную и весьма не красноречивую речь, но она была зато проста и выяснила быстро его точку зрения.

Расчленю ее так:

1) Генерал старался выяснить, что в настоящее время всем офицерам следует приложить громадные усилия на знакомство с внутренним миром солдата, дабы предохранить его от агитат[о]ров. Развивать грамотность, подымать нравственный уровень, который в деревне вообще невысок (отношение к чужой собственности)...

2) Генерал намекнул, что про пешую артиллерию (потом он поправился), вообще про гвардейскую артиллерию ходит дурная слава, что у нас интриги. Интриги генерал объясняет нашей скрытностью. Нужно делиться и спрашивать совета у старших начальников. (Из этих слов можно вывести черт знает что, но оказывается, что генерал имел в виду «дрейфусовскую историю».) Ее следует забыть, а вновь она, он надеется, никогда не повторится. Во всем виноваты генерал Ляпунов и генерал Уткевич (золотые слова!!!). Итак, «обращайтесь к вашим бат[а]рейным командирам», которых он знает и которые заслуживают всеобщего уважения...

3) наших солдат генерал все эти дни наблюдал и находит, что они дисциплинированны, хорошо отдают честь, имеют выправку и чисто одеты.

4) О превосходном ведении стрельбы и вообще строевых занятий он не сомневается. Не раз, будучи начальником артиллерии 1 Армейского корпуса, он наблюдал в 1 и 2 бригадах превосходные стрельбы.

5) Ни к селу ни к городу генерал вдруг заявил, что пажи (т. е. офицеры из пажей) тоже бывают хорошими артиллеристами и служаками, но тут же прибавил, что желательно, чтобы они отбывали третий год – курс при артиллерийском училище («чтобы быть настоящими артиллеристами») и затем, что вот и у вас «не много пажей», а вот в гвардейской Конной бригаде их будет на $\frac{2}{3}$. «Это уж как будто немножко много». (Золотые слова!!!!) На прощанье генерал еще раз подал всем руку и уехал.

Сдал 9-й экзамен в Императорском Археологическом институте – по архивоведению. Профессор Воронов; ассистент профессор Коринский. Обыкновенно у Воронова нужно знать не только его курс, но еще прочитать что-нибудь из «литературы предмета». Я заявил, что читал статью Андре-

евского об архивах, «Библиотекосведение» соч. Хавкиной и знаком с описанием документов и дел Св. Синода. Воронов попросил меня рассказать о составлении описей архивных. Отвечал хорошо.

В институте староста Хрипач выложил два подписных листа: один – относительно желания сняться в общей группе (я расписался) и другой – на подарок ^{м^{ле}} Чачковой (секретарше) и слушателю Усачеву, который составил транскрипцию скорописи. Подписываются по 50, по 75 коп[еек]. Я подписался по 1 рублю (всего 2 рубля). Позже я подписался еще на рубль на подарок старосте Хрипачу.

26 апреля – среда.

От 10 часов утра до 1 часу принимал палатки для лагеря в вещевом складе на улице Глинка.

На террасе ресторана; на Неве после обильных возлияний.

Матвеев: Феноменально хочется бросить вилку в Неву. Жалко только денег.

Шанявский: Гвардейский офицер никогда не должен скупиться на представительность (?!).

27 апреля – четверг.

Открытие Думы!!!!.. На высочайший выход не попал. Из числа поручиков герцог назначил Фриде, который моложе меня. Вероятно потому, что он адъютант... Сегодня должна была бригада выступить в лагерь, но появилась отмена, и бригада выступит 29 апреля...

Со вчерашнего дня у нас в малом манеже стоит 6-й эскадрон лейб-драгун, вызванный в СПб. к открытию Думы. Офицеров пришлось поместить в гостиной, так как дежурная комната уже более 2-х недель занята армейскими офицерами штаба 1 Армейского корпуса (пришедшие с Востока). Нижние чины этого штаба живут у нас в учебной команде (сперва они жили в гимнастическом зале). Эскадрон покинул казармы 4 мая утром...

29 апреля – суббота.

В 9 часов утра после обычного молебна на Преображенской площади вся бригада со Стрелковым дивизионом выступила в лагерь. Во главе верхом поехал герцог. Я в третий раз остался заведывающим о[с]тавшейся от лагеря командой с моим новым помощником подпоручиком Николаем Константиновичем Снигиревским. В казармах наших стоят еще: штаб 1 армейского корпуса и 6-й эскадрон лейб-гвардии Драгунского полка.

В одиннадцатом часу поехал являться коменданту. Прием у генерала Троцкого совсем не похож на прием [у] генерала Крылова. Более штаб- и обер-

офицеров, имевших какую-либо надобность в коменданте, или пришедших являться по разным случаям, были выстроены вдоль стен... Я встал на левом фланге. Вышел комендант в кителе и, обратившись к являющимся, сказал, что «главнокомандующий заметил, что многие приезжие офицеры ПОЗВОЛЯЮТ себе не отдавать друг другу чести при встречах и не принимают чести от нижних чинов. Затем многие офицеры позволяют себе бывать в театрах – в кителях». Засим комендант подходил с вопросом к каждому лично, причем «цукнул» 3–4 не по форме одетых и приказывал адъютанту записать фамилии некоторых. Руки никому не подал. Выслушав мою явку, комендант сказал: «Пожалуйста, обратите внимание, чтобы не было шатанья нижних чинов по ночам и без билетов» и спросил, сколько у меня людей и когда уйдут лейб-драгуны. После всех вопросов он любезно поклонился, но руки не подал.

В 8 часов вечера был на панихиде в покойницкой Мариинской больницы умершей Александры Семеновны Астафьевой, старшей дочери генерала Астафьева от первого брака.

30 апреля – воскресенье.

В 8½ утра был на выносе тела А. С. Астафьевой (см. 29 апреля). На вынос приехал из Твери и сам генерал Астафьев – 86-летний старик, а с ним его дочь Нана... Та Нана, о которой несуществующий читатель моей «черной книги» не раз слышал. Проводил гроб до Сената (похороны на Смоленском кладбище), а оттуда уехал в казармы по делам моей службы.

3 мая – среда.

Сдал 10-й и последний экзамен в Императорском Археологическом институте. Сдал его блестяще... По окончании моего ответа профессор сказал: «Очень хорошо-с, благодарю вас!» и поставил мне «весьма удовлетворительно». До его экзамена я имел еще удовольствие видеть список с фамилиями слушателей, работы которых по русской палеографии были признаны профессором Шляпкиным неудовлетворительными (см. 21 апреля). Всех фамилий 22! И среди них моей нет!!! (Как оказалось потом – я за свою работу получил «весьма удовлетворительно».) Но возвращаясь к 10 экзамену. Профессор – доктор права Грибовский, его ассистент – профессор Гольдштейн (читающий необязательный курс Польско-литовски[х] древностей). Предмет: русские юридические древности. Нужно было прочитать 2 толстых тома профессора Сергеевича, основательно ознакомиться со списками «Русской Правды» и в виде пособия выучить конспект Кустерского.

Заведывание оставшейся частью с выходом бригады в лагерь (см. 29 апреля) и приезд генерала Астафьева (см. 30 апр[еля]) отняли у меня массу времени, и только последние дни я почти целиком (с утра до вечера) посвящал занятиям..

Каждому экзаменуемому профессор задает 3 вопроса. Я получил: Билет № 22 (билетов не было, но есть программа, разделенная на билеты) «О смердах».

Затем:

2) Расторжимость брака по Эклоге, Прохирону, Уставу Ярослава и на практике князей.

3) Что такое московские дворяне?

На все три вопроса я ответил безошибочно и хорошо и получил лестную оценку со стороны профессора, о которой я упомянул выше.

Вместе со сдачей этого экзамена я оканчиваю курс наук в Императорском Археологическом институте со званием члена-сотрудника. Звание это дается для лиц, не получивших высшего образования, что, конечно, несправедливо для нас, окончивших 3 курса Михайловского артиллерийского училища, но об этом я поговорю подробно как-нибудь после. Замечу только, что я сделал попытку подать прошение с разъяснением этого недопонимания, но попытка кончилась банально и пошло. Простение попало в руки писцов, писцы накатали «по вчерашнему» протокол заседания, и моя просьба «отклонена». Я убедился сегодня, что директор (а профессора – члены совета – тем паче) и в глаза не видали моего прошения... Никто его не разбирал, никто его не читал. Подшили к делу – и баста!!!..

4 мая – четверг.

В прошлом году, по окончании лекций 1 курса, я занес в свой дневник мои впечатления об институте, о системе преподавания, о профессорах и проч. В этом году, по окончании лекций 2 курса, я этого не сделал. Тем не менее, крайне необходимо это сделать, во-1), для того, чтобы внести кой-какие поправки на основании новых данных и, во-2), ради статистических целей.

В 1905–1906 академическом году я прослушал 47 лекций.

Из них:

профессора	Воронова (архивоведение)	4
–	Веселовского (первобытная археология)	8
–	Середонина (историческая география)	5
–	Майкова (археология)	4
–	Грибовского (юридические древности)	5
–	Покровского (христианская археология)	6
–	Шляпкина (русская палеография)	8
–	Маркова (нумизматика)	4
–	Карпинского (славянская палеография)	3

Всего за два года моего пребывания я прослушал 111 лекций. Оба года были неблагоприятными благодаря политическим забастовкам...

Про профессоров Воронова и Веселовского я ничего не могу прибавить к моим прошлогодним заметкам. К чести их нужно отнести, что оба не отказывались (могли ведь отказаться!!) уделять свое время 1) для осмотра архивов и 2) для лекций в Эрмитаже. Организация занятий у Майкова была именно та, которую я рекомендовал в прошлом году. Нам предложили купить атлас скорописи под ред. Майкова, и в то время, когда профессор на кафедре вслух его читал, мы следили по свои[м] таблицам. Марков перенес чтение своих лекций в Эрмитаж, и вместе с этим интерес сразу повысился, и мы помирились с его кашей во рту. Г. Грибовский – блестящий и талантливый лектор. Ходить на его лекции – сущее удовольствие. Он умеет разнообразить свою речь многочисленными отступлениями в сторону вплоть до обзора текущих событий и рассказывания исторических и бытовых анекдотов. Профессор Шляпкин, несомненно, талантливый и ве[с]ьма удовлетворительный лектор. Видно, что он любит свой предмет и хочет, чтобы слушатели чему-нибудь у него научились. Это – редкостное достоинство у профессора...

Этими бесконечно краткими характеристиками я и ограничиваюсь. Акта годового в этом году, к сожалению, не будет. Вероятно, по причине шаткого положения Министерства народного просвещения (только что назначен Кауфман). Поездка назначена в этом году на «после 20 мая» – в Псков под руководством профессора Покровского. Так как в Пскове (Мирожский монастырь) я уже был, то думаю участия в этой экскурсии не принимать.

5 мая – пятница.

Вместе с Н. Н. Ушаковым заходил в Археологический институт узнать: нет ли хотя бы чернового списка с фамилиями окончивших институт. Администрация института не внушает нам доверия, и мы бы не удивились, если бы вдруг оказалось, что я или Ушаков не сдали какого-нибудь экзамена, несмотря на положительные доказательства, что экзамен нами сдан. Как раз сегодня заседание совета. Мы прошли в канцелярию к г-же Чачковой, и здесь нам предоставили лично убедиться в наших экзаменационных отметках во всех 10 списках (по числу 10 предметов).

Отметки двух сортов:

1) Удовлетворительно

2) Весьма удовлетворительно

(«неудовлетворительно заменяется отсутствием отметки»).

По 7 предметам у меня стояло «весьма удовлетворительно» и лишь по 3 – «удовлетворительно».

По: исторической географии, христианской археологии и археографии.

Историческую географию я отвечал, как известно, прекрасно, и отметку «удовлетворительно» я отношу к темпераменту г. Середонина. Не буду

спорить о христианской археологии (я знал и отвечал хорошо), но археограф несомненно покривил душой! Ведь я прочел обе рукописи не только безошибочно, но и бегло...

Годичного акта безусловно не будет: директор боится возможного скандала (!!). Нечто вроде «домашнего» акта, в тесном кругу профессоров и слушателей, состоится 11 мая в 1 час дня.

6 мая – суббота.

Запоздалый юбилей Кронштадта (крепости). Участвует в юбилее взвод нашей 1 его высочества батареи, как потомки сподвижников Петра. Я – совершенно «вне» этого события и потому умолкаю, предоставляя слово газетам и очевидцам.

11 мая – четверг.

В 1 час дня в Императорском Археологическом институте назначено было на сегодня общее собрание для выдачи дипломов окончившим институт. До этого времени наш староста предложил на обсуждение слушателей различные административные вопросы. Решено было, в какой фотографии сниматься (Рейссерт и Флиге, Морская, д. 5). Выбрана комиссия для заказа подарков г-же Чачковой и г. Усачеву. Поднят был вопрос об обеде, но все кричали, половина не слушала, и, в общем, общий обед не состоялся. Прения были прерваны приходом директора профессора Покровского, который взошел на кафедру и заявил, что он нам, во-1), прочтет протокол заседания совета от 6 мая 1906 года и, во-2), выскажет свою признательность господам слушателям. Протокол состоял в списке фамилий окончивших институт, а благодарность была мотивирована тем, что мы, несмотря на т. н. «освободительное движение», не бросили своих занятий и неуклонно шли к своей цели. При этом г. Покровский выразил свой личный взгляд, что хотя он и сочувствует молодежи, но не одобряет бросание занятий.

За эту небольшую речь Покровскому дружно все похлопали, за исключением двух грязных студентов – одного в синей рубашке, а другого в подозрительной тужурке... Из профессоров присутствовал один только Воронов. Из посторонних – какой-то неведомый отставной генерал с дамой. После того произошла мирная раздача дипломов г-жой Чачковой – в помещении канцелярии. Сегодня же успели поднести подарок старосте Хрипачу. Кувшин на подносе – хрусталь с белым металлом. Хрипачу похлопали. Надо отдать справедливость, что наш староста оказался чрезвычайно дельным и основательным господином и много потрудился для курса. Его энергия, в особенности вовремя экзаменов и после экзаменов, сопряженных с бесчисленными хлопотами, достойна удивления и подражания.

Я получил свидетельство за № 163.

Мое звание:

Член-сотрудник ИМПЕРАТОРСКОГО Археологического института.

1906
560

12 мая – пятница.

С поездом 6 часов 45 минут утра ездил в Красное Село по делам службы.

Приказ лейб-гвардии по 1 артиллерийской бригаде № 131 п. 3:

«Вследствие представленных поручиками САВОНЬКО и Ушаковым свидетельств об окончании ими ИМПЕРАТОРСКОГО Археологического института, предписываю внести в послужные списки поручиков САВОНЬКО и Ушакова:

- 1) Об окончании ими названного высшего учебного заведения и
- 2) Нагрудный серебряный знак за окончание Императорского Археологического института.

Вместе с тем разрешаю поручикам САВОНЬКО и Ушакову ношение этих знаков на правой стороне мундира, сюртука и кителя».

Командир бригады генерал-майор
герцог МЕКЛЕНБУРГСКИЙ.

13 мая – суббота.

В 8 часов вечера в Петровском кабинете «Донона» состоялся обед в честь ушедшего из 1 его высочества батареи Евгения Владимировича Пономаревского-Свидерского (ныне командир 1 стрелковой батареи). Были (редкий случай!) все записавшиеся ему на жетон.

- 1) герцог М. Г. Мекленбургский
- 2) полковник Лехович (командующий 22 артиллерийской бригадой)
- 3) полковник Гартунг
- 4) полковник Фуфаевский
- 5) штабс-капитан барон Арпсгофен (командующий 13-й ротой Измайловского полка)
- 6) штабс-капитан фон Энден
- 7) штабс-капитан Баранов
- 8) капитан Кавтарадзе
- 9) флигель-адъютант полковник Демидов
- 10) я
- 11) поручик Ушаков
- 12) поручик Курбатов
- 13) поручик Наркович
- 14) полковник Пономаревский-Свидерский
- 15) поручик Есимантовский.

Вовремя обеда герцог поднес его высочеству «традиционный наш жетон» и провозгласил его здоровье. Пономар[евский]-Свид[ерский], сильно волнуясь, отвечал... Кроме этих двух тостов – еще два:

1) За 1 стрелковую батарею и

2) За 22 артиллерийскую бригаду.

(Провозгласил герцог.)

С переходом в соседнюю залу подали ликеры, кофе и шампанское. Но пили мало. «Гисгюблер» и «Нарзан» пользовались несравненно большим вниманием... Разошлись в начале второго часу ночи.

1906

561

15 мая – понедельник.

В летнем театре «Буфф» слушал оперетку И. Штрауса «Женское сердце». (Г-жи Бауэр, Марченко-Тонни, г-да Рутковский, Грехов, Кошевский.)

Приказ по бригаде № 134, п. 9:

«Поручик Савонько, согласно медицинского свидетельства за № 140-3883, утвержденного комиссией при СПб. окружном военно-медицинском управлении, на основании ст. 666 кн. VII Св[ода] в[оенных] п[остановлений] 1869 г. изд. 1869 (???), по редакции, объявленной в приказе по В[оенному] в[едомству] 1901 г. за № 389 и ст. 676 той же книги, по редакции, объявленной в приказе по В[оенному] в[едомству] 1904 г. за № 30, увольняется в отпуск по болезни в г. СПб. и за границу, сроком на 4 месяца, с сохранением содержания. Заведывающим оставшейся от лагеря частью в г. С.-Петербурге назначается мною поручик Ушаков, а вр. и. д. бригадного квартирмейстера назначается подпоручик Снигиревский.

Об отъезде в отпуск поручику Савонько донести мне».

командир бригады генерал-майор

герцог Мекленбургский.

16 мая – вторник.

В Новом летнем театре слушал оперу «Черевички» Чайковского с Кузнецовой-Бенуа в роли Оксаны. Наш хор музыки и в этом году играет в этом саду.

18 мая – четверг.

В 2 часа дня его высочество командир бригады посетил оставшуюся от лагеря часть, обходя казармы и конюшни. В новых казармах у нас в этом году остановился 3 батальон 85 пехотного Выборгского полка. По общему впечатлению и на нашу гвардейскую мерку полк крайне распущенный в дисциплинарном отношении. В лагерях нижние чины 5 батареи заявили претензию на сверхсрочнослужащего фейерверкера Печенкина. Об этом же появилось в газете «Курьер» в виде заметки хроники. Это уже 2-й случай в 5 батарее. Еще в прошлом году в «Руси» было помещено известие, что 5

Хроника 1906 г.

батарея незаконно кормит нижних чинов рыбой. Очевидно, что в батарее есть какой-то «писака».

В Новом летнем театре слушал оп[еру] «Миньон».

Миньон – г-жа Вяльцева

Фелина – г-жа Пасхалова (артистка Импер[аторских] теа-

тров)

1906
562

19 мая – пятница.

В 5 часов дня комиссия из меня, подпоручика Снигиревского под председательством капитана Альтфатера осматривала на Фонтанке барки с дровами, предназначенными для поставки в бригаду.

20 мая – суббота.

Вместе с подпоручиком Снигиревским ездил в Красное Село по делам службы с поездом 6 час[ов] 45 мин[ут] утра. Около 11 часов утра в барак командира бригады я явился в лагерной парадной форме его высочеству:

1) по случаю сдачи должности бригадного квартирмейстера и

2) по случаю отъезда в 4-месячный отпуск.

После того – был доклад.

С поездом 5 час[ов] 15 минут дня вернулся в СПб.

21 мая – воскресенье.

Я – в отпуску. (Билет № 2813)

В Новом летнем театре слушал оперу «Травиата».

Виолетта – г-жа Кузнецова-Бенуа

Альфред – г-н Фигнер.

23 мая – вторник.

Несмотря на то, что я в отпуску, в 10 часов утра я был в казармах, куда к этому времени прибыли командующий бригадой генерал-майор герцог Мекленбургский, капитан Перский (адъютант штаба округа), поручик Ушаков и подпоручик Снигиревский. Дело в том, что в наши казармы переводят запасных маньчжурских армий (200–300 человек), и нам нужно было заняться распределением помещений (у нас уже стоит 3 батальон Выборгского пехотного полка).

24 мая – среда.

Получил сегодня из «Финляндского бюро» круговые билеты на поездку за границу.

Маршрут такой:

1) Граница ⁹	10) Местра	19) Байонна
2) Вена	11) Венеция	20) Дакс
3) Леобен	12) Верона	21) Морсё
4) С.-Михаэль	13) Милан	22) Ламот
5) Гландорф	14) Генуя	23) Аркашон
6) Виллах	15) Вентимилья	24) Бордо
7) Тарвис	16) Марсель	25) Париж
8) Понтеба	17) Сэт	26) Жюмон
9) Удине	18) Биариц	27) Аахен
28) Кельн	29) Берлин	30) Эйдкунен

1906
563

Цена: (2 класса) $\left\{ \begin{array}{l} = 125 \text{ рублей } 57 \text{ копеек} \\ = 268 \text{ марок } 20 \text{ пфеннигов} \end{array} \right.$

Получил от градоначальника заграничный паспорт № 5917.

Получил удостоверение № 556 от штаба Кронштадтской крепости на право носить нагрудный юбилейный знак в память 200-летия Кронштадтской крепости (в 1904 году) (см. 6 мая).

Эти знаки получили все офицеры, числящиеся в списках 1 его высочества батареи – преемнице бомбардиров, участвовавших в созидании Кроншлота при Великом Петре.

В Новом летнем театре слушал оперу «Аида».

Аида – г-жа Алешко

Амнерис – г-жа Вяльцева

Радамес – г-н Клементьев (Имп[ераторских] т[еатров])

Приказ по бригаде № 143, п. 7:

«Согласно правил выдачи высочайше утвержденного в 14 день января 1904 года нагрудного знака в память 200-летнего юбилея Кронштадтской крепости флигель-адъютанту полковнику Демидову, ... поручикам САВОНЬКО, ... разрешается ношение такового на левой стороне груди при мундире, сюртуке и кителе. Удостоверение на право ношения такового знака при сем препровождается: поручикам: САВОНЬКО за № 556.....»

генерал-майор герцог Мекленбургский.

25 мая – четверг.

В 10 часов 40 минут вечера со скорым поездом я и Николай Андреевич Илькевич выехали за границу по Варшавской ж[елезной] д[ороге]. На вокзале меня провожали Н. Н. Ушаков и Н. К. Снигиревский.

⁹ Пограничный населенный пункт Варшаво-Венской железной дороги, находился в Бендинском уезде Петроковской губернии, ныне – на территории Польши.

Хроника 1906 г.

26 мая – пятница.

В 9 час[ов] 15 мин[ут] утра в Двинске. Тут прицепили к нашему поезду ресторан-вагон.

В 1 час дня – в Вильне.

В 9½ час[ов] веч[ера] – в Варшаве. Дождь, сыро, холодно.

Пехотные патрули на улицах.

В 12 час[ов] ночи (с опозданием) по варшавскому времени выехали из Варшавы на Грáницу.

27 мая – суббота.

В 6 часов 10 мин[ут] утра приехали на русскую Грáницу.

Погода не улучшается: все так же сыро и холодно!

В 7 час[ов] 20 мин[ут] из Грáницы.

Через 5 минут – австрийская таможня – Шаково.

Из Шаково в 7 час[ов] 35 мин[ут] утра (по средне европ[ейскому] врем[ени]).

Все такие же допотопные, клеенчатые вагоны.

В Тшебиньи пересадка. Выехали в 8 час[ов] 20 мин[ут] утра.

В 12 час[ов] 10 мин[ут] утра в Прерау – обед в купе.

В 3 часа 40 мин[ут] в Вене.

Остановились в гостинице Кольбе на Песталоцци-Гассе (Hotel Garni), д. № 4.

Прогулка по Рингу¹⁰ и в Пратере¹¹. Ужин в Пратере (оркестр 26 пех[отного] полка имени великого князя Михаила Николаевича).

Послал письма: 1) Л. Гартунгу

2) Н. Ушакову

3) Н. Снегиревскому.

28 мая – воскресенье.

Утреннее кофе в Европейском кафе на Стефанс-Плац¹². Новые времена: из русских газет не только «Новое время», но и речь (орган к-детов).

Осмотрели внутри и прослушали с ¼ часа богослужение в Стефанскирхе.

Были в художественно-историческом музее. Естественный, к сожалению, оказался закрытым.

Обедали в одном из ресторанчиков Ринга против Бург-театра.

¹⁰ Ринг, или Рингштрассе (букв. «Кольцевая улица») – улица Вены, опоясывающая центральный район.

¹¹ Пратер – крупный парк и зона отдыха в Вене.

¹² Стефанплац (Штефанплатц) – площадь в центре Внутреннего города в Вене, на которой расположен собор святого Стефана.

Видели политическую демонстрацию у городской ратуши. Шествие с флагами.

Были на гигиенической выставке в Ротунде. Великолепная, грандиозная выставка.

Вечер провели в «Венедиг ин Вин».

Погода прекрасная.

(Сеть электрических трамваев, народное гулянье в пратере, смесь гульденов и крейцеров с кронами и хеллерами.)

1906

565

29 мая – понедельник.

С курьерским поездом в 7 час[ов] 30 мин[ут] утра выехали на Венецию (Южный вокзал).

В 11 час[ов] 50 мин[ут] С.-Михаэль. Прицепка ресторана-вагона.

В 6 час[ов] на границе Понтебба–Понтафель.

В 10 час[ов] 30 мин[ут] в Местре и через ¼ часа в Венеции. «История» с моей палкой.

В 11 час[ов] 50 мин[ут], как показывали знаменитые часы, мы уже стояли с Николаем Андреевичем на площади Марка. Облачная, безлунная ночь. Темно. Только что перестал идти дождь.

30 мая – вторник.

Гостиница «Belle-Vue et de Russie».

Осмотрели собор Св. Марка и Палаццо Дожей.

Русское консульство от 1 ч[аса] до 3 ч[асов] дня на Fond. dell Arsenale, 2169.

Арсенал.

Городской сад. Памятник 1905 г. Франческо Кверини – путешественнику.

Послал письма 4) г. Каукаль

5) г-же Камилле Эллерберг

6) Н. Ушакову

7) Н. Снигиревскому

8) Я. Рейнталь.

Прогулка по улицам Венеции к Риальто.

Прогулка в гондоле по Canale Grande.

Снова консульство русское и окончание «истории» с палкой (6¼ час[ов] вечера).

(Constantin Zezzo, Agent Consulaire Imperial de Russie a Venise) .

Обед в «Belle Vue».

Поездка на остров Лидо.

Вечером – музыка на набережной. Небольшой дождик. Зарница.

31 мая – среда.

Выставка стекла фабрики Pauly (Мурано).

Выставка кружев – Jeserum.

Завтрак в Capello Nero.

В 2 часа дня выехали на Милан.

В 7 час[ов] 45 мин[ут] вечера приехали в Милан.

Остановились в гостинице «Германия» (Villa Franzl – на Via Alfredo Carpellini 11–15).

В 8½ поехали на Всемирную выставку.

Послал письма 9) Н. Ушакову

10) Н. Снигиревскому

11) Д. Альтфатеру

12) В. Шанявскому

1 июня – четверг.

Около 12 часов осмотрели собор и поднимались до самого верха.

Были на главном почтамте (1 час дня).

Поехали в монастырь Maria delle Grazie посмотреть «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи, но по случаю праздника Св. Креста церковь оказалась запертой.

С 3 часов дня мы осматривали выставку.

(Две площади, соединенные электрической железной дорогой, павильоны Франции и Германии, военно-морские отделы великих держав, железные дороги, Каир, гарем, музыка, верблюды и ослы, нубийская деревня, картины и скульптура, павильон мира – Вер[е]щагин, картины Русско-японской войны, Болгарский павильон, Русский павильон, водяные горы, путешествие к С. Полюсу, кинематографы, панорамы и проч.)

Пассаж – кафе Biffi.

2 июня – пятница.

В 9½ часов утра выехали из Милана.

В 12 часов 5 мин[ут] самый длинный туннель на этой дороге – 10 минут езды.

В 12¾ часов дня приехали на станцию Генуя.

В 5½ часов в Вентимилье – франко-итальянской таможне и границе.

В 6½ час[ов] выехали из Вентимильи.

В 8 час[ов] веч[ера] приехали в Ниццу и остановились в гостинице «D'Interlaken et de Provence» – напротив вокзала (Avenue Durante).

До сего времени я указывал средне европейское время. В Ницце я переставил часы на парижское время.

Вечером пошли прогуляться на набережную и площадь Массены.

Послал письма: 13) Н. Ушакову
14) В. Гиршу
15) И. Петрушевскому.

3 июня – суббота.

1906

567

Ницца! Пр[о]гулка по набережной и улицам.

Рынок на набережной Пайон.

Русские магазины, пансионы и вывески.

Газеты: «Новое время», «Речь», «Двадцатый век», «Русское слово», «Вестник русских на Ривьере», «Путь».

Церковь и читальня («Новое время», «Московские ведомости» и «Вестник Русского собрания»).

Русско-английское агентство и библиотека и книжный магазин.

В 5 час[ов] поехали в Симье на электрическом трамвае (Почтамтская улица).

Зоологический сад графа Лагранжа.

Поездка в порт и подъем на Шато.

Кладбища. Памятник Герцену. Надписи:

1) Счастливы! Первые русские принесли 17 октября 1905 тебе вест о свободе.

2) Радуйся, рус[ский] великий человек, твоя страна свободна!

Мария Орбант.

ATTENDEZ UN PEU!

3) Привет борцу за свободу

4) Привет от русских курсисток!

Памятники Гарибальди и Гамбетта.

Café de la Regence (Rue de la Gare).

4 июня – воскресенье.

Были на бульваре Царевича (в память покойного наследника Николая Александровича 1865) и видели часовню и вновь строящуюся русскую церковь.

К 11 часам зашли в русскую церковь (Лоншанская улица) и простояли до конца богослужения.

В 12½ час[ов] на трамвае (площадь Массена) поехали в Монте-Карло.

Через 1½ часа приехали в Монте-Карло. Входные билеты.

Завтрак в Cafe de Paris – против казино.

Играли в рулетку. Я проиграл 125 франков, а Николай Андреевич выиграл 5 франков.

С поездом 7 час[ов] 35 мин[ут] веч[ера] вернулись в Ниццу (езды по жел[езной] дороге 40 минут).

Обедали, как и вчера, в «Hotel «Rives d'or» (ул. Тьера).

Вечером Cafe Monnot (Площадь Массены).

- Посла[л] письма: 16) Н. Снигиревскому
17) П. Зуеву
18) В. Матвееву
19) Послали поз[д]равительную телеграмму его высочеству герцогу Мекленбургскому, так как завтра его рождение.

5 июня – понедельник.

- Завтрак в «Posada sur Mer».
В 5 часов веч[ера] выехали из Ниццы.
В 10¾ час[ов] веч[ера] в Марселе. Стояли 1 час.
В 1¾ час[а] ночи в Тарасконе. Пересадка в другой поезд, так как наш пошел на Лион.
В 2 час[а] 47 мин[ут] выехали из Тараскона.

6 июня – вторник.

- В 9 часов утра приехали в Тулузу.
Пересадка в другой поезд.
Осматривали г. Тулузу: городскую ратушу (Капитоль)
2 памятника (Рикэ и Дюпюи)
музей
собор Св. Стефана (внутри)
рынок
почта и телеграф и проч.
В 1 час 15 мин[ут] дня выехали из Тулузы.
В 5 час[ов] 15 мин[ут] веч[ера] в знаменитом Лурде.
В 9 час[ов] вечера приехал в Байону. 3-я пересадка за этот переезд.
Через 10–15 минут подъехал поезд из Бордо, и через 10–15 минут мы уже были в Биарице (9½ час[ов] веч[ера]).
Остановились в гостинице «Central» (A.Bron) на ул. Гамбетта.
Послал письма: 20) Л. Гартунгу (Лурд)
21) Н. Снигиревскому
22) Н. Ушакову
23) В. Курбатову. } (Тулуза)

7 июня – среда.

- Прогулка по набережной и улицам Биарица.
Послал письма: 24) Н. Ушакову
25) Н. Снигиревскому
26) барону А. Арпсгофену
27) В. Нарковичу.

Снова прогулка по пляжу. Купанье (не мое).

Поэтическое настроение. Стихи на рифмы: 1) «волна» и «она»
2) «боги» и «ноги»

Вон там, где сверкает на пляже волна,
Я вижу – белеются женские ноги...
О! Если бы это была бы она,
Я жертву любую принес бы вам, боги!..
(В. Савонько)

1906
569

У Николая Андреевича (Илькевича) вышло так:

Купается в море она.
Я думаю горестно: боги!
Зачем я живой – не волна,
Ее обнимал бы я ноги!

На рифмы «маяк – коньяк» и «море – горе» мы придумали нечто вроде следующего:

В Биарице сидя у моря,
Глядел я на белый маяк,
И, чувствуя на сердце горе,
Пил рюмку за рюмкой коньяк!

Отлив...

Закат солнца!..

Вечером в Café Terminus olympia.

8 июня – четверг.

Прилив.

Завтрак у себя в отеле

С поездом 2 часа 15 мин[ут] выехали из Биарица.

В 5 час[ов] 35 мин[ут] в Ламоте.

Пересадка в другой поезд.

В 6 часов 20 минут приехали в Аркашон.

Наняли 2 комнаты с полным пансионом на Villa Riquet (Allée Emile Pereire et route de Moulleau).

Прогулка по дороге в «Казино на пляже».

9 июня – пятница.

1-й день в Аркашоне.

Встаем в 7–8 часов утра. Кофе (le petit déjeuner) в 8–9 часов утра. В 12 часов завтрак. В 7 часов вечера обед.

В 9 часов вечера чай (печенье «lu»).

Послал письма: 28) Н. Ушакову и Н. Снигиревскому (закрытое и заказное)

29) М. Бабковой (прислуге).

Хроника 1906 г.

1906
570

Купил купальный костюм и лохматое полотенце.

Начал купаться в море (4½ часа дня), взял месячный абонемент (22 июня – 22 июля нового стиля).

Grands Bains d'Arcachon. Boulevard de la Plage, 233 (Tonmart).

Мавританское казино (закрыто).

Наша хозяйка m^{me} Lanneluc.

Парижская газета: «Le Journal».

10 июня – суббота.

2-й день в Аркашоне.

Ville d'hiver.

Памятник Bremontier.

Promenade des Anglais (Place des Palmiers).

La Grande Dune.

Послал письма: 30) Л.Ф. Гартунгу

31) К. Эллерберг.

Костер на площади у церкви Notre Dame по случаю завтрашнего дня Иоанна Крестителя (24 июня нов. ст.). 9 час[ов] вечера. Крестики из цветов. Растаскивание костра.

11 июня – воскресенье.

3-й день в Аркашоне.

Place Thiers. Церковь Notre Dame.

Газеты воскресные: 1) L'Avenir d'Arcachon. 10 с[ентимов].

2) La Vigie Republicaine d'Arcachon. 5 с[ентимов].

Послал письма: 32) Д. Альтфатеру

33) А. Фриде.

12 июня – понедельник.

4-й день в Аркашоне.

Кладбище

Syndicat d'Initiative d'Arcachon (Guide 1906).

13 июня – вторник.

5 день в Аркашоне.

Посетили и осмотрели Ecole Saint Elme (Спальня, столовая, кухня, классы, лазарет, церковь, души и ванны).

Послал письмо: 34) Я. Рейнталь.

14 июня – среда.

6-й день в Аркашоне.

Дождь и гроза.

15 июня – четверг.

7-й день в Аркашоне.
Церковь Фердинанда.
Rade d'Eyrac.

1906
571

16 июня – пятница.

8-й день в Аркашоне.
Прогулка в Moulleau. Grand Hotel de Moulleau.
Церковь N. D. des Passes.
Пушка, пляж, санатория (2).

17 июня – суббота.

9-й день в Аркашоне.
Еврейская синагога. Надпись: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (по-французски).
Вместе с Н. А. снялся в фотографии Renaudeau (Boulevard de la Plage, 278).
Послал письмо: 35) Ю. Илькевичу.
От 6 – 7 час[ов] веч[ера] катались на парусной лодке по рейду. Я управлял.

18 июня – воскресенье.

10-й день в Аркашоне.
Церковь Notre Dame. Почти одни женщины: воспитанницы всевозможных пансионатов и школ, пожилые дамы, девицы, монашенки, подростки и масса детей. Мужчин – наперечет.
Официальное открытие сезона в Аркашоне.
Мы видели: Гимнастические упражнения двух обществ:
1) Les enfants d'Arcachon и
2) Tout pour la Patrie.
Народные игры.
Концерт муниципального оркестра и «Union Orpheonique» (хор).
Все – на площадке Мавританского казино. Тут же «лошадки», т. е. видеоизмененная рулетка. Ставки маленькие (50 сен[тимов], 1 фр[анк] и 5 фр[анков] (редко)). От 2 – 6½ час[ов] вечера.
Вечером бал в казино на пляже, на который мы не пошли.

19 июня – понедельник.

11-й день в Аркашоне.
Дождь и гроза.

ХРОНИКА 1906 г.

20 июня – вторник.

12-й день в Аркашоне.

Дождь.

1906

572

21 июня – среда.

13-й день в Аркашоне.

Cercle des etrangers (ни души!).

Газовый завод.

Cie des eaux (завод).

22 июня – четверг.

14-й день в Аркашоне.

Прогулка к Pointe de l'Aiguillon.

Панорама Теста.

23 июня – пятница.

15 день в Аркашоне.

Осматривали музей и аквариум.

Послал письмо 36) М. Д. Бабковой (прислуге).

24 июня – суббота.

16 день в Аркашоне.

25 июня – воскресенье.

17 день в Аркашоне.

Послал письмо 37) Г. Гродскому.

С 4 – 7 часов дня музыка в Казино на пляже. Оркестр из 10 человек.

Petit chevaux (ставки: 1 фр[ант], 2 фр[анка], 5 фр[анков] и редко 10 фр[анков]). Я был с 4 – 6½ час[ов] вечера.

26 июня – понедельник.

18 день в Аркашоне.

Кладбище. Памятник «солдатам, умершим за отечество» в 1870–1871 г.

Памятник д-ру Hameau

– Lamarque de Plaisance.

Послал письмо 38) М. Д. Бабковой (прислуге).

Выбрасывать «Das Kind mit dem Bade».

27 июня – вторник.

19 день в Аркашоне.

Гуляли в парке Pereire.
Послал письмо 39) Л. Ф. Гартунгу.

28 июня – среда.

20 день в Аркашоне.
Вечером в Grand Cafe.

1906
573

29 июня – четверг.

21 день в Аркашоне.

30 июня – пятница.

22 день в Аркашоне.

От 9 – 10½ часов веч[ера] муниципальная музыка на площадке Тьера. Я был. При исполнении «Марсельезы» (последний № программы) никто не встает и шляп не снимает.

1 июля – суббота.

День национального праздника французов. Празднество в течение целого дня, устроенное городским управлением. Мы видели дефилирование пожарной команды и 2-х гимнастических обществ мимо городского секретаря (и. д. мэра, которого не было) и других властей города. Гимнастические упражнения обоих гимнастических обществ (см. 18 июня). Все – на площадке Тьера от 8¾ час[ов] утра, под небольшим дождем. Затем перешли на Jetée Promenade и видели состязание пловцов и начало гонки рыбачьих лодок (les pinasses). Муниципальная музыка сыграла «Марсельезу» на «Jetée» (шляпы сняли лишь городские власти), а затем она перешла на площадку Тьера и играла в павильоне. Сильный дождик. Из послеобеденного продолжения празднеств мы видели лишь «лазанье по столбу» (mât de cocagne), устроенное на т. н. Quinconces de la Gare (2 часа дня). В 3 часа мы пошли в Мавританское казино, где в отдельном театре-балагане шло даровое представление комической оперы «Les dragons de Villars». Но зала была так набита битком, что мы отказались от мысли в нее попасть. От 4 часов «завертелись» «лошадки», которые с завтрашнего дня начинают правильно функционировать с утра до вечера в обоих казино.

В 9 часов веч[ера]. Мавританское казино и весь парк были иллюминированы бумажными фонариками и бенгальским огнем. В 10 час[ов] пришла муниципальная музыка и заиграла польку, открыв этим так наз. «народный бал». Многочисленные пары завертелись тут же на дорожках и площадках... Мы ушли в 10¼ часов.

Третья во[с]кресная аркашонская газета: «Arcachon-Journal», ц[ена] 5 с[ентимов] (все три газеты – воскресные, но выходят по субботам). (См. 11 июня.)

2 июля – воскресенье.

24 день в Аркашоне.

Утром – прогулка в Муло.

По моему счету – третье и, кажется, окончательное открытие казино и вообще сезона в Аркашоне (см. 18 июня и 25 июня). С сегодняшнего дня оба казино раскрывают свои двери для ежедневной музыки, «лошадок», театров, балов и проч. О «лошадках», «читальне» и о «театрах» я поговорю подробно в своем сочинении после моего детального знакомства с ними.

Вечером были в театре Казино и слушали оперетку «Le petit Duc» Лекока.

3 июля – понедельник.

25 день в Аркашоне.

Несмотря на все объявления, в Мавританском казино и в парке, куда мы пришли в 10 часов утра, все еще пустынно. Музыки и фантошей нет, курзал закрыт, и некоторые комнаты еще ремонтируются. «Лошадки», за неимением публики, стоят закрытыми, и все 4 крупье уныло бродили или сидели вокруг беседки. Не подождать ли четвертого открытия?

Послал письмо: 40) Я. Рейнталь.

От 5 час[ов] были на концерте в Казино на пляже (пустыня!).

4 июля – вторник.

26 день в Аркашоне.

Поднялись на обсерваторию (простая вышка), чтобы посмотреть на Аркашон с птичьего полета.

Послал письмо 41) М. Бабковой (прислуге).

От 4½ час[ов] был на концерте в Казино.

5 июля – среда.

27 день в Аркашоне.

6 июля – четверг.

28 день в Аркашоне.

От 3 часов дня был на детском балу в Казино.

7 июля – пятница.

29 день в Аркашоне.

В 3½ часа дня поехали на пароходе «Courtier du Cap» совершить прогулку по бассейну вокруг «Птичьего о-ва».

В 4 часа 15 минут в Piquey

В 4 – 40 – – Algerienne

В 5 – 30 – – Phare, где стояли полчаса.

В Аркашон вернулись в 6 часов вечера.
Вечером в Казино был на оп[еретт]ке «La Perichole».

8 июля – суббота.

30 день в Аркашоне.
Послал письмо 42) Л. Гартунгу.

1906
575

9 июля – воскресенье.

31 день в Аркашоне.
Утром ездили на моторной лодке под русским флагом (хозяин г-н Guerin) осматривать устричные парки. Лодка – «Флирт» – ходит 10–12 километров в час.

От 4½ час[ов] был на концерте в Казино.

От 9 часов веч[ера] на площади Тьера оркестр «Harmonie de Condom» дал концерт из 5 №№. Я был. Большой энтузиазм в публике произвел, по обыкновению, красивый марш «Sambre et Meuse», автором кот[о]рого является здешний капельмейстер Rauski.

10 июля – понедельник.

32 день в Аркашоне.
От 9 часов вечера были на концерте в Казино.

11 июля – вторник.

33 и последний день в Аркашоне.
От 10 часов утра видели в саду Мавританского казино «Французскую Петрушку» (Guignol).
Послал письмо 43) Н. Ушакову.
Вечером был на оп[еретт]ке «La fille de m^{me} Ango» – в Казино.

ПРИМЕЧАНИЕ: путевые заметки и очерки, относящиеся к заграничной поездке 1906 года и обнимающие собой период с 27 мая по 12 июля, не вошли в настоящую «черную книгу» и изданы отдельно¹³.

12 июля – среда.

В 9 час[ов] 20 мин[ут] утра выехали из Аркашона.
Приехали в Бордо в 10 час[ов] 45 мин[ут] утра.
Осматривали Бордо: видели: St.-Michel – церковь с колокольн[ей].
Собор St. André
Театр

¹³ Заграничную поездку 1906 года В.С. Савонько описывает в «Сборнике №1» (Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 117. Л. 52–98). Публикуется в настоящем издании.

Памятники: { Жирондистам
Гамбетта
Карно
Tourby

Биржу

Университет и проч.

В 12 час[ов] 15 мин[ут] выехали из Бордо.

В 6½ час[ов] вечера в Туре.

В 10 час[ов] 45 мин[ут] веч[ера] в Париже на Quai d'Orsay.

Hotel de Paris' Rue de la Michaudière.

Café de la Paix.

13 июля – четверг.

Утром (10 часов) в Café de la Paix.

После – осматривали Луврский музей до 2 часов дня.

Обед у «Duval» на углу Rivoli и Pyramides.

На площади Согласия сели в «метро» и поехали на «Père Lachaise».

Видели памятники: Рашель

Семейство Дрейфуса

Ротшильд

Абеляр и Элоиза (парижские Ромео и Юлия)

Шопену († 17 октября 1849 года)

Казимиру Перье (громадный монумент)

Шампольону младшему (обелиск)

Келлерману (полководец Наполеона 1)

Елизавета Демидова

Расин

Мольер

Лафонтен (с лисицей)

ДодЭ (выписаны все его сочинения)

Сара Бернард (будущая могила!)

Философ Кардек (оккультист)

Бальзаку

Историк Мишле

Художник Шаплэн

Тьеру (громадная часовня)

Сержанту Гоф (1870 год)

Феликсу Фору (французские и русские знамена)

Бодри – художник-декоратор (красивый памятник)

Генералы Lecompte et Thomas (жертвы коммунаров)

Музыканту Обер («Фра-Дьяволо»)

Мюссэ
Россини
Висконти (автор могилы Наполеона 1).

Музей Гревэн.
Café Mazarin на бульваре Монмартр.
Кафе-концерт «des Ambassadeurs» («Et puis...zut!»...).

1906
577

14 июля – пятница.

Послал письма: 44) Л. Гартунг
45) Я. Рейнталь

Café de la Paix.

До 2 часов дня были:

1) В Palais des Beaux Arts – в Елисейских полях через мост императора Александра 3 – и

2) Гробницу Наполеона 1.

Взяв омнибус, доехали до Hôtel de Ville и оттуда

3) в Notre Dame и

4) Морг.

В 2 часа дня осматривали внутри городскую ратушу (ваза императора Александра 3).

Завтракали в одном из ресторанов Севастопольского бульвара.

Осмотрели Пантеон.

Прогулка на трамвае и омнибусе по С[ен]-Жерменскому бульвару и по всем большим бульварам от Бастилии до улицы Michaudière, где находится наш отель.

Обед у «Дюваль» на итальянском бульваре.

Вечером в «Moulin Rouge» (оп[еретт]ка «Гейша», дивертисмент и танцы: кэк-уок, канкан и мачиш).

15 июля – суббота.

Встали в 6 часов утра.

В 7 часов были на Père Lachaise в крематории и видели сжигание трупов.

В 8 часов утра осмотрели Центральный парижский рынок.

До 12 часов дня были в двух музеях:

1) Люксембургском (Surtout de table «Alliance Franco-Russe)

2) Музей Клюни (крест из церкви Св. Владимира в Севастополе, пожертвованный герцогом Малаховским).

После 2-х часов были в:

1) Скульптурном музее Трокадеро,

2) Аквариуме Трокадеро.

Хроника 1906 г.

Путь: Марсово поле, бульвар С[ен]-Жермен, Бастильская площадь и площадь Vosges с памятником Людовику 13.

Магазины Лувра.

«Рабочая зала» Национальной библиотеки (5½ час[ов] вечера, ул. Ришелье).

Вечером были в двух кабачках:

1) L'Enfer и

2) du Neant.

16 июля – воскресенье.

К последнему звуку последней молитвы попали в русскую церковь (12 часов дня).

Затем почти до 4 часов дня осматривали военный музей в Доме инвалидов:

1) артиллерийский музей (портфель Меншикова)

2) Военно-исторический музей.

От 5 часов дня катались в экипаже по Булонскому лесу с остановкой в ресторане «Каскада».

Послал письма 46) Д. Альтфатеру

47) Я. Рейнталю.

17 июля – понедельник.

В 11 час[ов] утра осмотрели музей при Национальной библиотеке.

Военно-книжные магазины:

1) Henri Charles Lavauzelle (Rue Danton 10)

2) Berger Levrault et C. (Rue des Beaux Arts 5).

Вечером были на кинематографическом спектакле в театре «Folies dramatiques» (9–11½ час[ов] веч[ера]).

18 июля – вторник.

С поездом 10 час[ов] 10 мин[ут] утра выехали по ж[елезной] д[ороге] в Версаль и до 1½ час[а] дня осмотрели Большой Версальский дворец.

(Похороны Карно, Шалонский смотр Николая 2 и др.)

Завтрак в ресторане «de Londres».

После завтрака, взяв коляску, поехали осматривать:

1) Jeu de paume

2) Большой Трианон

3) Музей экипажей (карета для императора Николая 2 в 1896 году)

4) Малый Трианон

5) Дача (Hameau) Марии-Антуанетты и

6) Парк с каналами и фонтанами.

С 5-ти часовым поездом вернулись в Париж.

С поездом в 10 часов веч[ера], но с опозданием на пол часа выехали из Парижа на Берлин (Северный вокзал).

19 июля – среда.

В 1½ часа ночи на бельгийской границе.

В 5½ час[ов] ночи на германской границе.

Потерял в жизни 1 час, ибо пришлось переставить часы на 6½ часов утра.

В 8½ час[ов] у[тра] в Кельне.

Ровно в 6 часов 3 минуты вечера, согласно расписанию, приехали на Потсдамский вокзал Берлина. Наняв извозчика в знакомую мне гостиницу Aachenerhof на площади вокзала Фридрихштрассе, я не нашел ее следов, и мы остановились в гостинице «Berlinerhof» (Neustädtischer Kirchstrasse).

Вечером были в Аполло-театре.

20 июля – четверг.

До 3-х часов осмотрели:

1) Старый и Новый музеи и

2) Музей Фридриха.

Новый собор, новая ратуша и новый музей!!

Завтрак в «Английском кафе» на Унтер-ден-Линдене.

В 4 часа были в Аквариуме и оттуда вплоть до 7 часов вечера осматривали Зоологический сад. Тут же в ресторане обедали.

Вечером «молоко» в кафе «Бауэр».

21 июля – пятница.

Утром осмотрели Цейхгауз и в 12¾ час[ов] дня видели вахт-парад на Унтер-ден-Линдене.

Завтракали в «русском ресторане» «Эрмитаж» на Französische Strasse.

После завтрака были в музее народоведения и на Всемирной фотографической выставке.

В 7 часов вечера обедали в «Rathskeller».

Вечером зашли в паноптикум Кастана (Максим Горький, Матюшенко, император Николай 2, Александр 3, Куропаткин, Витте, Стессель).

Дождь после невыносимо душного и знойного дня.

Eiskafé в кафэ «Бауэр».

Послал письма: 48) Н. Ушакову

49) Н. Снегиревскому

50) М. Бабковой (прислуге)

51) Л. Гартунгу.

Итого: 51 письмо!! За исключением четырех прислуге и 4-х других... все остальные посланы товарищам по бригаде (с приветствием из-за границы).

1906
580

22 июля – суббота.

Памятники: Бисмарку, Мольтке, Роону и Siegesallée.

Были на богослужении в русской посольской церкви по случаю царского дня (именины императрицы Марии Федоровны).

(Киот для образа Николая Чудотворца в декадентском духе и такой же подсвечник.)

Осмотрели художественно-промышленный музей.

Завтрак в одном из ресторанчиков близ Подсдамского вокзала.

В 2½ часа дня под предводительством сторожа совместно с другими многочисленными любопытными осматривали новый германский Рейхстаг.

Побывали внутри собора.

Обед в «Эрмитаже» (см. 21 июля).

Вечером в кафе «Пассажа» (на Унтер-ден-Линдене).

С поездом 11 час[ов] 18 мин[ут] веч[ера] выехали из Берлина в РОССИЮ.

КОНЕЦ ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЕЗДКИ 1906 года.

БОЛЕЕ ПОДРОБНЫХ ЗАПИСОК МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПАРИЖЕ

И БЕРЛИНЕ – Я НЕ ВЕЛ. В. С.

23 июля – воскресенье.

Россия, по обыкновению, приветствовала меня дождем.

Пока наш поезд стоял в Эйткумене, началась гроза с ливнем.

В 12 часов приехали в Вержболово. Таможня и проч.

Я уехал с поездом 2 часа 50 минут (по СПб. времени).

Николай Андреевич остался дожидаться другого поезда, так как он едет в Либаву – к брату.

24 июля – понедельник.

В 8 часов 45 минут утра приехал в СПбург. Собачий холод, беспощадный, осенний дождь...

25 июля – вторник.

В 2 часа 15 минут дня положен 1-й камень для нашего будущего дома (офицерские квартиры лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады) под названием «Зеленые связи». Присутствовали: военный инженер капитан По-

пов, я и подпоручик Снигиревский. При положении камня капитан Попов, десятник и рабочие обнажили головы, а Попов, кроме того, перекрестился.

Записываю характерный факт со слов капитана Альтфатера – временно командующего 2 батареей гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. После прочтения в лагерях командиром бригады высочайшего манифеста о роспуске Государственной Думы один из офицеров спрашивает своего вестового, бывшего в строю, понял ли он, о чем читал командир, и получил ответ: «Так что, ваше высокоблагородие, через 7 лет (!!!!) нам воля (!!?) выйдет».

26 июля – среда.

С поездом 8 часов 45 минут утра ездил в Красное Село являться его высочеству – командиру бригады по случаю моего возвращения из отпуска.

27 июля – четверг.

Был в Новом летнем театре на ком[ической] опере «Цыганский барон». Баринкая пел артист Импер[аторских] театров – г-н Клементьев.

29 июля – суббота.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Аида».

30 июля – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Евгений Онегин».

31 июля – понедельник.

Получил анонимное письмо по почте (конечно, без марки и заплатил поэтому 10 коп[еек] штраф) следующего содержания: (Сохраняю орфографию)¹⁴.

Июля 29 дня
Очень ну
жное.
Ваше Высоко
благородіе у на
съ въ нѣстройной
командѣ моло
дья какъ я ви-
жу, и между ими
творится что
то тайнственное
въ сундукакъ

¹⁴ При публикации следующего фрагмента орфография источника полностью сохранена.

есть масса пи
семъ и потомъ
вродѣ какихъ
то проклома
ціи я вашъ
прошу здѣлать
у нихъ обыскъ
какъ можно
поскорее и то —
гда все выясне
тся на вружу
найдется ви —
новныи изъ ста
рыхъ солдатъ
а всѣ они опас
ныя люди не
тѣряйте вре
мени а то ето
меня возму
шаетъ до безко
нечности съ
нестроевой команды
Я М
И Б
О Р
А Г
С Б
М Ч

ПРИМЕЧАНИЕ: Инициалы не подходят под список моей команды.

2 августа – среда.

Так как поручик Ушаков уехал в лагерь для исполнения обязанностей бригадного адъютанта (поручик Фриде уехал на некоторое время в отпуск), то я вступил в исполнение обязанностей заведывающего всеми оставшимися от лагеря командами. Вчера вечером я был в первый раз на вечерней переключке и сказал солдатам речь.

В 11 часов вечера в бригаду на охрану города приехали 4 орудия 5 батареи во главе с капитаном Гирш и офицерами поручиком Шталь и подпоручиком Тихобразовым. Разместились пока в старых казармах.

Курьез, который нужно записать на память: наши бригадные певчие во главе со своим старшим Нечетайло участвовали на выносе тела убитого г. Герценштейна в Териоках. Когда появилась процессия с красными и черными флагами, наши певчие ушли... На другой день об этом было доложено фейерверкером Циммерманом поручику Ушакову (это было вовремя моего отпуска), который и наложил «вето» на певчих, а то последние все-таки хотели идти и на погребение!!!

Со дня приезда из отпуска окупился с головой в дела бригадного квартирмейстера. Работы масса. Привожу в порядок все счета, езжу по магазинам, посещаю работы и пр. и проч. Занят с утра до вечера.

5 августа – пятница.

Что произошло в бригаде за лето – такое крупное, чтоб об этом стоило записать и что до сих пор служит еще темой для толков и разговоров. Попробую припомнить по тем рассказам, которые я слышал от своих товарищей... А раз они это рассказали мне в первую голову, то значит – это и есть наиболее «животрепещущие новости». Буду краток до бесконечности:

1

Неудачная стрельба командующего 5 батареей капитана Гирша. Стрельба была «показная», в присутствии всего начальства. Скандал был полный: все точили зубы, критиковали, ругали, возмущались и т. д. Финалом был приказ по Гвардейскому корпусу, в котором генерал-адъютант Данилов назвал такую стрельбу «ПРЕСТУПНОЙ». Кто виноват? Конечно, прежде всего сам Гирш, но называют еще виновным взводного офицера поручика Шталя, а также другого офицера – подпоручика Тихобразова.

2

Стрельба нашей 4 батареи под командой капитана Рерберга по форту Константина вовремя Кронштадтского бунта, причем стрельба была чрезвычайно удачной. Фельдфебель Артемьев получил знак отличия Св. Анны с бантом и медаль «За храбрость» на Георгиевской ленте.

3

В Стрелковом дивизионе командир 1 батареи полковник Пономаревский-Свидерский 1 и командующий 2 батареей капитан Альтфатер очутились на ножах с полковником Фурманом. Надо заметить, что ранее Поном[аревский]-Свид[ерский] был закадычным другом Фурмана (а их жены – настоящие «ами»). Теперь же Евг. Вл. и слышать не хочет об этом «бандите», как многие называют Фурмана.

4

Питомец Пажеского корпуса (вспомним еще Богушевского, отчасти Курбатова, отчасти покойного Базилевского, Окунева и мног. др.) Петр Дмитриевич Зуев окончательно влез в долги и растратил казенные деньги

артели нижних чинов в лагерях (3 и 5 батарей). Было назначено следствие (председатель полковник Гартунг), и на днях, говорят, Зуева отдадут под суд общества офицеров. И несмотря на это, Зуев, по-прежнему, игрив, весел и еще вчера мило пил шампанское и чокался со всеми офицерами... Удивительное, хулиганское легкомыслие!!..

6 августа – воскресенье.

Праздник гвардейской артиллерии... Из года в год в этот день бывал царский парад если не всей бригаде, то хоть 1 дивизиону и уж в крайнем случае 1 его высочества батарее. Но в этом году парад вовсе отменили. Из-за преображенцев!!! В прошлом году преображенцы были в чести, и мы играли последнюю и жалкую роль на параде 6 августа. В этом году 1 батальон преображенцев изменил своей присяге, полк в опале, а потому «заодно» государь не делает парада и нам!!!! Парад нам делался, следовательно, только потому, что мы случайно праздновали в один день с преображенцами! Но для нас одних делать парад – слишком много чести! Все это грустно и лично меня глубоко оскорбляет как артиллериста...

По рассказам (сам я не выезжал эти дни из СПбурга) его высочество командир бригады лично ездил сегодня в Петергоф к государю и поднес императрице от бригады букет, а затем, вернувшись в лагерь к молебну, передал от имени государя поздравление бригаде.

7 августа – понедельник.

Месячная поверка дров и прием новых дров комиссией (председатель капитан Погребняков). От 10 часов утра.

Часа в 3 дня вся бригада (за исключением 1 стрелковой батареи, которая на охране в Кронштадте) вернулась в СПбург. Оставшаяся команда расформирована, и я сложил с себя звание заведывающего оставшейся частью.

В нашем собрании новая наша столовая, увеличенная, перестроенная и отделанная деревом, еще далеко не готова (дубовую панель, например, еще не начинали делать), а потому стол накрыт в зале. Бильярдная и библиотека – готовы (новые обои и потолки). Офицерская кухня – роскошная: новая плита, цементный из плит пол – все заново отремонтировано.

9 августа – среда.

Первый доклад у герцога в городе – после возвращения из лагеря. Его высочество рассказал мне всю эпопею с Зуевым. Зуев, несмотря на предупреждение, не принес денег для уплаты по счетам артели, и герцог предлагает всем нам внести за него в казну недостающие 451 рубль. Вместе с тем Зуев будет предан суду общества офицеров за то, что обманул и подвел своего товарища Гарца при приеме им артели. Кроме этих 451 руб[ля] у Зу-

ева много и других долгов: по собранию, в заемный капитал, задержанное жалование рейткнехту (какая гадость!!!), неуплаченные наградные писарю и проч. Об этих долгах герцогу официально еще ничего не известно. Вчера состоялись у нас выборы в суд общества офицеров (выбраны те же), но так как трое из числа выбранных отсутствуют (полковник Наркович, полковник Пономар[евский]-Свид[ерский] и капитан Поном[аревский]-Свид[ерский]), то завтра будут дополнительные выборы.

10 августа – четверг.

Приказ по бригаде № 220, п. 16:

«Председатель общего собрания гг. офицеров бригады полковник Фуфаевский рапортом с. г. за № 48 донес, что на состоявшемся 10 сего числа, согласно п. 8 приказа по бригаде с. г. за № 219, общем собрании временными членами в суд общества офицеров выбраны поручики Савонько (12 голосами), Чернявский (12 голосами) и Шанявский (18 голосами). Утвердив означенный выбор, объявляю вышеизложенное для сведения».

Герцог Мекленбургский.

В Новом летнем театре был на оп[ерет]ке «Гейша»,
Мимоза – г-жа Риза Нордштрём.

11 августа – пятница.

В 9 часов утра я был вызван в собрание полковником Илькевичем по делу подпоручика Зуева (см. 5 августа и 9 августа). Суду общества офицеров поручено произвести дознание. Налицо следующие члены: полковник Илькевич, капитан Рерберг, капитан Гирш, капитан Альтфатер. Пятое место занял я. Но из вызванных членов не явился капитан Рерберг (он оказался на охоте) и капитан Альтфатер (был на даче и приехал лишь в 10 часов), и потому собрались лишь 4, и в том числе вновь вызванный временный член – поручик Чернявский.

Полковник Илькевич прочел нам дознание, которое было произведено полковником Гартунгом с опросом капитана Петрушевского, подпоручиков Зуева и Гарца. Наметили – кого следует вызвать в качестве свидетелей: капитан[а] Петрушевского, поручиков Матвеева, Рейнталя, Ушакова, полковника Гартунга, подпоручиков Гарца, Щербова-Нефедовича, Перлика. Разошлись в начале 11-го. В 11½ часов командир бригады вызывает к себе в канцелярию полковника Илькевича.

В 3 часа дня суд общества офицеров (полковник Илькевич, капитан Рерберг, капитан Гирш, капитан Альтфатер и я) начали дознание по делу г. Зуева. Были вызваны свидетели:

- 1) капитан Петрушевский
- 2) поручик Матвеев

- 3) поручик Рейнталь
- 4) поручик Ушаков
- 5) подпоручик Гарц
- 6) подпоручик Щербов-Нефедович
- 7) подпоручик Перлик
- 8) поручик Белоусов.

Подпоручик Зуев письмом был вызван к 4 часам, но в 4 он не пришел, и, по словам швейцара его дома, он вернется домой лишь в 12 часов ночи. Поэтому пришлось прервать заседание и назначит[ь] продолжение на завтра в 9 часов утра. (6½ часов вечера).

Вечером был в Новом летнем театре на оп[ере] «Демон».

12 августа – суббота.

В 9 часов утра началось продолжение вчерашнего заседания суда общества офицеров (дознание) (см. 11 августа). В 2 приема был опрошен подпоручик Зуев. В 10¼ часов заседание окончилось. В 11 час[ов] весь состав суда поехал во дворец к его высочеству, где полковник Илькевич и все мы доложили о результате нашего дознания. Его высочество опросил наше мнение (начиная с меня), и мы единогласно выразили необходимость немедленного предания подпоручика Зуева суду общества офицеров. После того герцог отдал словесное приказание о предании подпоручика Зуева суду общества офицеров. Суд назначен в 2 часа дня. Одновременно с нами вызван был во дворец и командующий 3 батареей капитан Петрушевский, но он был введен в кабинет, и я его не видел...

Бесконечно характерная подробность. Вчера капитан Рерберг видел подпоручика Зуева в ресторане Крестовского острова, где он ужинал с двумя шикарными девицами. В «Кресты» он приехал после обеда у «Контана»! И это в то время, когда за него все офицеры бригады уплачивают долг в 451 рубль, не считая долга за летний стол, в заемный и ремонтный капиталы и проч. и проч.!!!!

В 2 часа дня снова собрался суд в карточной комнате – в обыкновенной форме. После предварительных переговоров введен был Зуев, и начался допрос. На все вопросы председателя – он ничего не мог сказать в свое оправдание. Держал себя сухо и официально. Уходя, поворачивался кругом строго по уставу. Ни раскаянья, ни уверений, что он заплатит, – не было. Единогласно было постановлено о его виновности и единогласно было постановлено удалить его из бригады. После того был написан мной краткий приговор, и, когда Зуев снова был позван, полковник Илькевич прочитал ему этот приговор. Все было кончено через час. После того мы еще остались на некоторое время для составления сообща докладной записки командиру бригады от имени пред-

седателя. Некоторое время заняло также частное обсуждение о роли командующего 3 батареей капитана Петрушевского. Дело в том, что подпоручик Гарц, которому Зуев не сдавал весь май и июнь артель, не мог найти защиты у Петрушевского, и вообще Петрушевский оказал попустительство Зуеву...

15 августа – вторник.

По примеру прошлого раза (см. 11 марта) в 11½ часов у[тра] в большом бригадном манеже были собраны все нижние чины, увольняемые в запас (срока службы 1903 года). Я – на фланге нестроевых. Молебен отслужил отец Философов, сказавший энергичную речь солдатам – речь, которую «сознательные» органы непременно назвали бы «черносотенной». В речи его досталось и Думе, и газетам, «из которых дай Бог чтоб одна треть была порядочной, а то все жидовские!». После молебна командир бригады герцог Мекленбургский сделал нижним чинам опрос претензий и тоже сказал им речь на тему о современных событиях. Речь его была гладкая и вообще очень хорошая. Он несколько раз благодарил солдат за службу и желал им благополучия, на что солдаты отвечали громко и дружно. За речью последовало провозглашение «ура» нашему государю, покрытое звуками гимна. Запасным и этот раз были розданы портреты их величеств со словами государя лейб-гвардии 1 и 2 артиллерийским бригадам на параде 21 апреля. Портреты бóльшего размера, но исполнены весьма плохо. В 1 его высочества батарею, кроме того, полковник Демидов от себя роздал нижним чинам фотографические снимки с той группы, которая была снята вовремя пребывания батареи в Петергофе на охране. Обед для запасных – улучшенный с водкой.

На панихиду и похороны генерала Мина наша бригада, конечно, послала депутацию (полковник Фуфаевский, капитан Кавтарадзе, капитан Петрушевский, поручик Курбатов и поручик Шанявский), а завтра на похоронах будут сам командир и все желающие гг. офицеры. Бригада возложила серебряный венок в 170 рублей – по ценности, вероятно, один из самых богатых среди венков Гвардейского корпуса.

16 августа – среда.

Вернувшийся с похорон генерала Мина бригадный адъютант поручик Фриде сообщил, что командир Гвардейского корпуса ожидает вооруженное в СПбурге восстание, а потому у нас тотчас же были сделаны распоряжения об усиленной охране казарм. Снова наряжена дежурная полубатарея со взводом в манеже. Снова поставлены дневальные у двери офицерского дома, усилены все посты и проч. и проч. Приказано «немедленно» провести звонки от всех наружных постов в караульное помещение, но я пока этого приказа не исполняю и хочу предложить командиру повесить на постах колокола. В

дополнения к многочисленным своим секретным письмам генерал-адъютант Данилов отдал сегодня на похоронах генерала Мина категорическое приказание – убивать (????) всякого агитатора, залезшего в казармы. Герцог сообщил об этом адъютанту, прибавив, что хотя он это и находит «незаконным», но что командир корпуса «берет всю ответственность на себя».

Вечером был в Новом летнем театре на оп[ере] «Риголетто». После оперы балетный дивертисмент с артисткой Моск[овских] имп[ераторских] театров: г-жей Гельцер и г-м Тихомировым.

Приказ № 226, п. 15:

Для проверки произведенной дезинфекции, согласно прик[азани]я по бригаде с. г. № 1240 и на основании прик[азан]ия по в[ойскам] гв[ардии] и округа с. г. за № 192, назначается мною комиссия под председательством полковника Гартунга и членов: поручика Савонько и и. д. старшего врача бригады кол[лежского] сов[етника] Бранденбурга. Комиссии собраться 19 августа в 10 часов утра в офицерском собрании бригады».

18 августа – пятница.

В 12 часов дня в Сергиевском соборе наша бригада служила панихиду по убитом командире лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майоре Мин[е]. Присутствовали все офицеры во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. На панихиду прибыла депутация Семеновского полка, состоявшая из 5 обер-офицеров. Кстати: начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал Фан-дер-Флит считает нашу панихиду «лишней» и «демонстративной»!!

В Новом летнем театре был на комич[еской] опере «Бокаччио».

19 августа – суббота.

От 10 часов утра была санитарная комиссия (см. 16 августа).

Из Твери получил телеграмму о смерти моего двоюродного дяди отставного генерал-майора Семена Семеновича Астафьева.

21 августа – понедельник.

В 12 часов дня наша бригада служила панихиду по умершем бывшем офицере бригады генерал-лейтенанте Харкевич[е] (бывший начальник штаба главнокомандующего Линевича). На панихиде были все гг. офицеры бригады во главе с герцогом. Был еще и генерал-майор Сухотин, которого мы видели и на нашей панихиде по генерале Мин[е]. Есть ведь любители «даровых» панихид!

При сегодняшней раздаче жалованья каждый офицер мог видеть на своем конверте следующий вычет: «На погашение долга – 7 руб[лей] 82 ко-

п[еек]». Это – долг подпоручика Зуева, или, вернее, его растрата, которую мы покрыли из своего кармана.

25 августа – среда.

Когда совершились 2 злодеяния: взрыв на даче Столыпина и убийство Мина, наша 1 стрелковая батарея находилась в отделе на охране «самотопов» в Кронштадте. А потому она самостоятельно во-1), послала телеграмму соболезнования семеновцам, и во-2), послала цветы при письме раненой m^{le} Столыпной. 1 стрелковой батареей временно командует капитан Перрет, а офицеры штабс-капитан Беляев (Иван) и подпоручик Снигиревский.

В «Новом времени» прочел, что в Люцерне умер мой дальний родственник Александр Матвеевич Васильев (дядя Саша), воспитатель наших герцогов.

В СПбург приехал из командировки в Омск доктор д[ействительный] с[татский] с[оветник] Н. П. Керстенс с женой.

Для постовой сигнализации у нас в бригаде поставлено 6 медных колоколов на постах по 22 фунта каждый (моя идея – вместо электрической сигнализации).

29 августа – вторник.

В годовой день кончины моего отца служил панихиду на его могиле в Александро-Невской лавре. 10 часов утра.

В 1 час дня уехали за границу д-р Керстенс с женой (см. 23 августа).

6 сентября – среда.

В Императорском Александринском театре видел пьесу Бейерлейна «Вечерняя зоря» (Zapfenstreich¹⁵).

7 сентября – четверг.

От директора 1 кадетского корпуса получил нижеследующее письмо (см. 18 февраля):

Милостивый государь

Владимир Степанович!

От лица Корпуса приношу Вам глубокую благодарность за пожертвованные Вами в музей корпуса цветы и фотографическую карточку, полученные Вами из Франции как вице-фельдфебелем 1 корпуса в год смерти императора Александра 3.

Прошу принять уверение в моем почтении и преданности

Ф. Григорьев.

¹⁵ Вечерняя заря (нем.)

8 сентября – пятница.

В 12 часов дня состоялась закладка нашего нового офицерского дома на месте бывшего здания «Зеленые связи» (угол Надеждинской и Спасской ул. и Манежный переулок) (см. 25 июля). Задолго до этого дня я служил посредником между инженерами и бригадой для организации предстоящего торжества. Уславливались насчет дня закладки, редактировал закладную доску, пригласил попа и певчих и проч. и проч. Важный вопрос еще заключался в том, что будет после молебна. Я хотел предложить герцогу устроить в собрании бригады общий завтрак, на который пригласить инженеров и начальника артиллерии Гвардейского корпуса. Но герцог придумал «свое» и поставил на «общее собрание» вопрос о приглашении на закладку бригадных дам, а затем их же на «чай и фрукты» в собрание. Как и следовало ожидать – вопрос этот, по традициям, был офицерами «провален», после чего обиженный герцог не захотел поставить на баллотировку новый вопрос – о завтраке «без дам», но с гостями инженерами и начальником артиллерии, а только позвал к себе трех исполняющих обязанности дивизионеров (полковников Фурмана, Гартунга и Фуфаевского) и спросил их мнение о завтраке, а полковники высказались за «нежелательность устройства завтрака». Мнение полковников получило санкцию герцога, но вовсе не отвечало желаниям большинства обер-офицеров, и мы решили организовать «собственный неофициальный завтрак», на который я и пригласил инженер-капитана Попова, строящего нам новые «Зеленые связи». Гости-инженеры были желательны потому, что за бокалом вина герцог, разговаривая с начальником инженеров, мог гораздо более выхлопотать для бригады, чем действуя официальным путем (например: флигель для сверхсрочнослужащих, 4-й этаж и др.). Вот почему я никак не мог помириться с той услугой – поистине медвежьей, – которую бригаде оказали полковники. Полковник Гартунг пошел дальше и чисто по капризу отказался быть и на «неофициальном завтраке», несмотря на свои приятельские отношения к капитану Попову. Да и вообще полковники, за исключением полковника Илькевича, остались «вне» торжества и на завтраке блистали своим отсутствием...

Место для молебна было приготовлено на 2 этаже строящегося здания. Обширная площадь – помост – позволяла свободно расположиться гостям, всем нашим офицерам и всем рабочим. По приказанию герцога я вывел на молебен в строю нестроевую команду (7 рядов) во главе с вахтерами Тимофеевым (офицерского дома) и Александровым. Из начальства прибыли начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Фан-дер-Флит, начальник инженеров округа генерал-лейтенант Оприц, его помощник генерал-майор Молчанов, начальник 1 СПб. инженерной дистанции полковник Рудницкий, военный инженер полковник Сеген, наблюдающий за постройкой военный инженер капитан Попов и его помощник местный инженер Гвоздецкий и затем все наши штаб- и обер-офицеры во главе с его

высочеством герцогом Мекленбургским. Молебен служил о. Философов и диакон Петров, а певчие – нашей бригады. Под конец молебна священник подошел к тому месту, где было приготовлено для закладной доски, и, взяв закладную доску в руки, начал вслух читать... Генералы и офицеры окружили его. На доске было выгравировано нижеследующее:

«В лето от Рождества Христова 1906-е сентября в 8 день в царствование благочестивейшего самодержавнейшего государя императора Николая Александровича, при их императорских высочествах: главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа великом князе Николае Николаевиче, генерал-инспекторе по инженерной части великом князе Петре Николаевиче, генерал-инспекторе артиллерии великом князе Сергии Михайловиче, военном министре генерал-лейтенанте Редигер, начальнике артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанте Фан-дер-Флит, начальнике инженеров округа генерал-лейтенанте Оприц, командире лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады генерал-майоре герцоге Мекленбургском, начальнике 1 СПб. инженерной дистанции военном инженере полковнике Рудницком и квартирмистре бригады поручике САВОНЬКО заложено сие здание квартир для офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, создаваемое на месте бывшего здания бригады «Зеленые связи» по чертежам и под наблюдением военного инженера капитана Попова при подрядчике акционерном обществе «Строитель»».

После прочтения присутствующее начальство стало бросать деньги в приготовленную каменную нишу. Бросали рубли и мелкую серебряную монету. Герцог положил золотой (кажется, 10 рублей). Я бросил 1 рубль. После того нишу покрыли доской, а на доску навалили каменную плиту с высеченным на ней крестом и годом (1906). Обмазав все это глиной, положили на плиту первый кирпич, дав его «пристукнуть» генералу фан-дер-Флиту с помощью закладного «молоточка»... Второй кирпич пристукнул генерал-лейтенант Оприц, третий – герцог Мекленбургский... Пятый или шестой – пристукнул я. Скоро выросла маленькая горка кирпичей. Молебен возобновился (многолетие), а тем временем рабочие высоко водрузили на шест белый деревянный крест с образком. Вокруг всего здания были устроены мостки, по которым потом прошло духовенство для окропления стен и начальство для обозрения работ. Вовремя молебна снимали группы 2 фотографа (один – г-н Оцуп – по приглашению заведывающего нашим музеем). После молебна была снята общая группа все[х] присутствующих и всех рабочих. (Только полковник Гартунг и полковник Смысловский почему-то стояли в стороне и в группу войти не пожелали.) Этим закончилась официальная часть торжества. Я сел с герцогом в его коляску и проехал до артиллерийской улицы, где герцог смотрел новый забор, который мы там поставили, а затем я вернулся обратно на постройку и вместе с капитаном Поповым поехал в собрание. В зале собрания уже был на-

крыт стол на 25 персон (наша новая столовая еще до сих пор не готова: делают в мастерских дубовую панель). За стол село 21–22 человека – все молодежь, за исключением единственного полковника Илькевича. Капитан Попов сидел рядом с ним. Когда разлили шампанское, полковник Илькевич поднял бокал за здоровье капитана Попова, «столь благожелательно» относящегося к бригаде и благодаря которому мы будем иметь офицерские квартиры. Тост был покрыт громким «ура». Далее следовали тосты: капитана Попова за бригаду, мой за капитана Попова и капитана Попова за меня как за «деятельного и энергичного квартирмейстера». Тем временем капитан Попов поднес собранию:

- 1) Закладные «молоток» и «лопаточку».
- 2) Медные монеты, найденные при раскопке «Зеленых связей».
- 3) Чугунное ядро, найденное при раскопке «Зеленых связей».

На «молотке» и «лопаточке» вырезано следующее:

«В лето от Рождества Христова 1906-е сентября в 8 день сим молотком¹⁶ заложено сие здание квартир для офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады на месте бывшего здания “Зеленые связи”».

После завтрака перешли в гостиную, где пили шампанское, налитое в наш серебряный ковш. Было около 4 часов дня. В это время в собрание явился поручик Барановский и сообщил грустную новость, что жена нашего офицера подпоручика Тимлера (он женился в конце июня этого года) скор[о]постижно скончалась...

Капитан Попов вскоре распрощался с нами, так как ему предстоял еще обед у «Контана», а я к 6 часам поехал на панихиду по г-же Тимлер. Сам Михаил Александрович находится в нервно-возбужденном состоянии, и мы – товарищи – употребили все свое влияние и усилия, чтобы несколько его успокоить в его страшном горе. На панихиде были: полковник Гартунг, я, подпоручик Снигиревский, поручик Ушаков, подпоручик Гущинский... Потом заезжали: поручик Рейнталь, Курбатов, Барановский...

9 сентября – суббота.

В 8 часов вечера был на панихиде в кв[артире] М. Тимлер[а] (см. 8 сентября). Был его высочество герцог Мекленбургский, г-жа Фуфаевская, г-жа Барановская и человек 10 наших офицеров... 6 батарея (где служит М. Тимлер) возложила от офицеров батареи металлический венок.

10 сентября – воскресенье.

В 8½ часов утра был на выносе тела г-жи Тимлер (см. 9 сентября). Старший в официальной депутации полковник Гартунг возложил от офицеров бригады роскошный металлический венок с бархатными лентами.

¹⁶ Под словами «сим молотком» проведена черта, ниже напечатано: «лопаткою».

Были на выносе: полковник Гартунг, Илькевич, Смысловский, капитан Кавтарадзе, я, поручик Ушаков, Белоусов, Барановский, Рейнталь, капитан Перрет... Я проводил процессию от квартиры Тимлера (против Академии Генерального штаба) до своего подъезда на набережной... Дождь...

12 сентября – вторник.

В 11½ часов дня наша бригада служила панихиду по умершем командире 45 артиллерийской бригады генерал-майоре Безак[е]. В этот же день наша бригада командировала депутацию с венком на похороны убитого в Варшаве командира 7 батареи лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады полковника Николаева и исполнила солидный наряд офицеров для несения орденов генерала Прокопе. Вот почему в Сергиевском соборе прибыли лишь: командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский, полковник[и] Гартунг и Масалитинов, капитан Перрет, я, поручик[и] Фриде, Ушаков и Бородин. Из посторонних были: д[ействительный] с[татский] с[оветник] Шульман (Николай Рудольфович), г-жа Потоцкая (жена Павла Платоновича) и г-жа Суховская с мужем (офицер 25 артиллерийской бригады), урожденная Безак (дочь умершего генерала).

15 сентября – пятница.

Заведывающий музеем поручик Бородин уехал в отпуск, и так как чуть не весь комитет и все заведывающие и их кандидаты тоже в отпусках и командировках, то я добровольно принял на себя обязанность заведывающего музеем бригады (по правилам – чины бригадного управления от выборных должностей освобождены). Заказал по своим чертежам доску для монет и ядра, найденных в «Зеленых связях» (см. 8 сентября).

16 сентября – суббота.

Был в Малом театре на драме «Шерлок Холмс». После театра «открыл» с Рейнталем, Снигиревским и Ушаковым зимний «Аквариум».

19 сентября – вторник.

Приказ по бригаде № 260, п. 25:

«Согласно рапорта председателя комиссии по проверке отчетности по хлебопечению за август месяц с. г. разница между вычисленным остатком муки и фактическим составляет 402 пуда 8 фунтов. Назначая комиссию под председательством полковника Гартунга и членов: поручиков САВОНЬКО и Матвеева при делопроизводителе подпоручике Бутовском, предписываю этой комиссии мне донести к 1 октября с. [г.]:

1) Когда и вследствие каких причин произошла разница между вычисленным и фактическим остатком муки на хлебопекарне.

2) Разработать вопрос о возможных мерах к приведению месячных отчетов к норме, т. е. чтобы фактический остаток муки сходился с вычисленным, и

3) Переработать месячную форму отчетности, если таковая недостаточно удовлетворительна».

Герцог Мекленбургский.

20 сентября – среда.

От 2 – 4 час[ов] дня участвовал в комиссии по проверке хлебопечения (см. 19 сентября).

22 сентября – пятница.

От 2 – 5½ час[ов] веч[ера] участвовал в комиссии по проверке хлебопечения (см. 20 сентября).

23 сентября – суббота.

Оказывается, что полки 1 гвардейской пехотной дивизии имеют особые названия, коими они окрестили друг друга. Так, например: преображенцев называют «захарами», семеновцев – «кузнецами», измайловцев – «измайльтянами» и егерей – «ворами». Только относительно названия «Захары» я имею историческую справку. Говорят, что однажды императрица Мария Федоровна, приехав в полк в день св. Захария, спросила – нет ли кого из нижних чинов – именинника? Вышел один солдат и получил в награду 10 рублей. Когда же через год – в тот же день снова приехала императрица и снова звала Захара-именинника, то вышло уже добрый десяток нижних чинов...

24 сентября – воскресенье.

От 2 – 4 часов дня участвовал в комиссии по проверке хлебопечения (см. 22 сентября).

25 сентября – понедельник.

Праздник Управления лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Впервые я вижу, что на этот праздник прибыл командир бригады. Молебен в 11½ часов утра. Были: командир бригады герцог Мекленбургский, полковник Илькевич (бывший казначей бригады), я, поручик Фриде и поручик Ушаков. Штабс-капитан Матюшкин (бывший казначей) прислал поздравительную телеграмму. Все необходимые тосты с чаркой сказал сам герцог: за державного шефа, за императриц, за наследника, за фельдцейхмейстера, за генерал-инспектора артиллерии, за главнокомандующего, за офицеров Управления (бывших и настоящих) и за нижних чинов. После него я провозгласил здоровье командира бригады.

В 1 час дня я был приглашен на молебен по случаю праздника гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Из бывших служащих в этом дивизионе были: генерал-лейтенант Кармин, генерал-майор фон Шульман, капитан Генерального штаба Папкевич, штабс-капитаны Храбров и Гнучев. Вовремя своего «залпа» тостов герцог выпил здоровье «временно командующего 2 стрелковой батареей», что было неверно, так как 2 стрелковой батареей командует ее командир – полковник Фурман, а вот 1 стрелковой батареей действительно командует капитан бригады Перрет. Не было никем выпито за здоровье нижних чинов. Все остальное прошло по обычаю...

26 сентября – вторник.

От 7 – 9 часов комиссия (см. 24 сентября).

27 сентября – среда.

От 2 – 5½ час[ов] комиссия (см. 26 сентября).

28 сентября – четверг.

От 2 – 4 часов комиссия (см. 27 сентября).

1 октября – воскресенье.

Расписался у полковника Масалитинова, вступившего в и. д. командира бригады. Герцог уехал в двухмесячный отпуск.

3 октября – вторник.

От 10 часов утра ежемесячная поверка дровяных дворов бригады.

4 октября – среда.

От 2 – 5 часов вечера хлебопекарная комиссия (см. 28 сентября).

13 октября – пятница.

По случаю рождения великого князя Михаила Николаевича наша бригада служила молебен в большом манеже. Я не был по лености: послал записку.

14 октября – суббота.

В 9½ часов утра я получил уведомление, что командир Гвардейского корпуса в казармах бригады. До сего времени я в глаза не видел генерал-адъютанта Данилова, а потому поспешил в бригаду и застал его в сопровождении нашего начальства быстро избегающим по лестнице в бригадный лазарет. В лазарете Данилов опрашивал больных, осмотрел все помещения, нашел под двумя тюфяками компрессы, а один из осмотренных тюфяков признал негодным и грязным, за что обвинил заведывающего лазаретов подпоручика

фон Руммель и врача бригады (д-р Демидов). В этот же день в 10 часов утра был назначен начальником артиллерии Гвардейского корпуса смотр выездки лошадей ремонтной команды, а потому волей-неволей генералу Данилову пришлось присутствовать на езде всех трех смен ремонтной команды.

Обход казарм поэтому сильно сократился, и к 1 часу дня он обошел лишь 2 конюшни, ветеринарный лазарет и кухни 2 дивизиона. Несмотря на позднее время, генерал Данилов пробовал пищу в 4 и 5 батареях, причем заявил, что он никогда еще такой хорошей пищи не ел и что до сего времени он во всех частях пехоты и кавалерии всегда был недоволен пищей, только у нас вполне доволен. Обоим кашеварам он дал в награду по 1 рублю. В кухнях Данилов пробыл довольно долго и интересовался мытьем посуды, холодильниками и кипяtilьниками, чайным кубом и проч. Видимо всем был очень доволен. С артиллеристами генерал-адъютант Данилов здоровается так:

«Здорово, молодцы-батареи - ЦЫ!»

В 1 час дня временно командующий бригадой полковник Масалитинов пригласил генерал-адъютанта Данилова и начальника артиллерии генерал-лейтенанта Фан-дер-Флита в собрание – закусить. Сперва зашли в наш музей, где Данилов расписался в книге посетителей, а затем перешли в зал, где был сервировал стол на 20 персон (наша столовая все еще не готова...). Вначале наше начальство во[в]се и не предполагало «угощать» генерала Данилова, но потом «экспромтом» состоялся завтрак, сперва «скромный», потом «экспромтом» же подали шампанское... а там и пошло! Первый тост был полковника Масалитинова – за командира Гвардейского корпуса – и второй его же – за начальника артиллерии. Затем говорили тосты генерал Данилов, снова полковник Масалитинов (за лейб-гвардии Егерский полк, где служил Данилов), поручик Дуров за генерала Данилова как участника боя, в котором действовал взвод артиллерии под начальством Дурова, полковника Гартунга... Была составлена, прочитана и послана телеграмма 6 Восточно-Сибирской дивизии, коей командовал генерал Данилов на войне. На столе появились наши серебряные братины, и шампанское потекло... В результате Данилов совершенно был убит нашей любезностью и гостеприимством, пил за процветание нашей бригады, превозносил артиллерию, отдельно пил здоровье поручика Дурова – своего боевого товарища – и проч. И в заключение Данилова вынесли на руках в швейцарскую!.. Тот кланялся и бормотал: «Вы меня балуете, я не стою этого», а Дуров кричал: «Мы вас любим...»

Нет розы без шипов... Не все были довольны сегодняшним днем. Стол, как я сказал, был накрыт всего лишь на 18–20 человек, и человек 10–15 остались в бильярдной и библиотеке без места, но, по-видимому, не особенно горя, что не участвуют в завтраке. Вначале даже приходилось «упрашивать», чтобы все места за столом были заняты. Но когда «скромный» завтрак обратился в «чествование» с обильной выпивкой – настрое-

ние у «заштатных» переменялось и сменялось «горькой обидой», что «нас, мол, не пригласили». Чаша горькой обиды переполнилась, когда полковник Илькевич (председатель комитета) – уже в конце завтрака – предложил офицерам, находившимся в бильярдной, «поодиночке» присоединиться к завтракающим. Капитан Пономаревский-Свидерский заявил, что «мы считаем себя обиженными», на что полковник Илькевич возразил, что «еще вопрос – кто может считать себя обиженным», намекая, вероятно, на то, что удары бильярдных шаров были слышны в зале, и звук этот нельзя было назвать приличным, раз обок шло чествование командира Гвардейского корпуса. Больше всех были «обижены» капитан Пономаревский-Свидерский, поручик Курбатов, поручик Рейнталь и др. Но ведь как просто было «смыть» обиду!!! Позвать буфетчика и велеть ему прибавить еще столько-то мест к столу!!! И мирно присоединиться к торжеству в любой момент! А не ждать особого приглашения, ибо мы не гости, а члены-хозяева. Нужно сглаживать ошибки распорядителей, а не «раздувать» их, играя престожем родной семьи и ее солидарностью.

Вечером я, капитан Пономаревский-Свидерский, поручик Курбатов, поручик Матвеев, капитан Альтфатер, поручик Дуров, подпоручик Снигиревский и ветеринарный врач Линденберг обедали в каюте немецкого торгового судна «Oberburgemeister Naken» – на Гутуевском острове. Старик Фриц под конец «утомился» до бесчувствия!!! Будучи привезен в собрание и лежа на оттоманке, он все повторял: «Дайте мне КОПА» (вместо КОТА, который, т. е. кот, где-то бродил по собранию и мяукал). Долго потом дразнили Фрица этим «копом».

16 октября – понедельник.

От 6 – 8 часов вечера был в хлебопекарной комиссии (см. 4 октября).

Это заседание было последним, так как мы получили ответ с Кавказа от бывшего заведывающего хлебопекарней поручика Дударова. Наивность его оправданий не была нами принята во внимание, и рапорт председателя будет составлен в том смысле, что недостаток муки (412 пудов 5 фун[тов]) произошел от недостаточного знакомства поручика Дударова с отчетностью и от недостаточного надзора за хлебопечением. Пока – до приезда герцога из отпуска – недостающую муку купят на деньги, взятые из графы разных капиталов. А кто пополнит эти деньги – узнаем впоследствии. (Полковник Гартунг настаивает, что должны заплатить все члены поверочных комиссий, «проморгавших» невязку отчетов.)

17 октября – вторник.

По случаю «крушения поезда» (но отнюдь не по случаю «крушения самодержавия») служили молебен в большом манеже. Я был.

18 октября – среда.

От 2 – 4 часов дня был в комиссии по составлению проекта работ по постепенному возобновлению зданий бригады в 1907 году (полковник Гартунг, капитан Петрушевский, военный инженер капитан Попов и я).

30 октября – понедельник.

На общем собрании офицеров в числе прочих вопросов был поставлен вопрос № 2 (см. приказ по бригаде № 298, п. 14) «Об установлении сотрудников заведывающего музеем, в числе 9 человек (от каждой батареи и Управления бригады – по одному) согласно предложения, сделанного в книге заявлений офицерского собрания 14 августа с. г.».

Это заявление сделал я. В нем я подробно мотивировал необходимость установления нового звания сотрудников. Предложение мое большинством голосов было принято (29 из 40).

(См. Приказ по бригаде № 305, п. 13.)

31 октября – вторник.

Был в Малом театре на новой пьесе Туношенского «Листопад».

2 ноября – четверг.

Вчера и сегодня можно было видеть в офицерском собрании полковников Нарковича, Гартунга и Фуфаевского, которые с видом заговорщиков запирались в карточную комнату. Как мне удалось узнать – это третейский суд для разбора недоразумений, возникших между полковником Фурманом и полковником Пономаревским-Свидерским (см. 5 августа).

3 ноября – пятница.

От 10 часов утра участвовал в обычной ежемесячной поверке дров (председатель полковник Наркович).

4 ноября – суббота.

От 12 часов утра участвовал в фиктивной комиссии по продаже негодного железа (председатель полковник Фуфаевский, члены: я и поручик Ушаков).

5 ноября – воскресенье.

В ночь с 4 на 5 ноября объявлена в СПбурге всеобщая перепись. Я переписывал лично бригадный офицерский дом от 11 часов утра, зарегистрировав тех, кто ночевал в ночь с 4 на 5-е. Составив для счетчика подробную ведомость, я получил следующие результаты:

У нас в офицерском доме ночевало в ночь с 4 на 5 ноября 1906 года

1) Взрослых мужчин	94	}	– 105
2) Детей мужского пола	11		
3) Взрослых женщин	47	}	– 65
4) Детей женского пола	18		

Всего 170 человек.

Ведомость ночевавших в казармах по данным батарей и команд составляет адъютант поручик Фриде.

7 ноября – вторник.

От 12 часов дня в Сергиевском соборе обычная панихида по всем умершим офицерским чинам бригады. Служило все духовенство собора. Присутствовали все офицеры бригады во главе с вр. командующим полковником Масалитиновым. Из прежде служивших в бригаде был полковник Лехович (командующий 22 артиллерийской бригадой). Мы особенно должны ценить корректность Леховича, так как он ЕДИНСТВЕННЫЙ (о позор!) из целой массы бывших наших офицеров, почтивший своим присутствием нашу «семейную» панихиду! Где все наши «мандриллы» – Оноприенко, Коленкины, Арсеньевы, Евреиновы, Пузыревы, фон Шульманы и пр. и проч., охотно являющиеся «поесть» на батарейном празднике и НИКОГДА не желающие оказать родной бригаде ни малейшего внимания. Ни один из них не явился на панихиду! НИКТО из обучающихся в академии – не явился! Никто из числящихся в списке не явился! (Арпсгофен, Плющевский и др.) Никто из массы штаб- и обер-офицеров – наших бывших товарищей – не явился (Ден, Базаров, Н. Беляев и многие др.)! Все они живут в Петербурге и все они пренебрегают родной бригадой! Это не лень, это не случайность – это врожденное непонимание войсковых традиций, непонимание, свойственное «ученым» войскам, за которое нас презирует пехота и кавалерия!!..

После панихиды все офицеры собрались в офицерском собрании, где полковник Масалитинов нам сообщил, что генерал Зуев, отец поручика Зуева, узнав о всех долгах своего сына, желает их пополнить. В числе этих долгов есть и те 451 рубль, которые были уплачены офицерами согласно их желанию (см. 12 августа и 21 августа). В виду этого без согласия офицеров не может быть решен вопрос о возврате нам этих денег, и командующий Масалитинов предложил всем офицерам высказать свое мнение гг. командирам батарей, а последним тут же передать результат голосования ему. Через минут 10 выяснилось, что большинством голосов (против 7) выражено согласие на уплату генералом Зуевым долгов своего сына.

8 ноября – среда.

Получив накануне приглашение от полковника Нарковича, я в 1 час дня был на молебне 3 батареи, по случаю ее батарейного праздника. Среди присутствующих были: нынешний состав батареи:

- 1) полковник Наркович
- 2) капитан Вешняков
- 3) капитан Петрушевский
- 4) поручик Матвеев
- 5) поручик Белоусов (в Академии Ген[ерального] штаба) и
- 6) подпоручик Гарц (прикомандированный).

Командующий бригадой полковник Масалитинов и бывшие командиры и офицеры батареи:

- 1) генерал-майор Коленкин
- 2) полковник Лехович
- 3) полковник Виланд
- 4) капитан Свидерский (Гл[авного] артил[лерийского] упр[авления])
- 5) капитан Поном[аревский]-Свидерский (5 батареи)
- 6) штабс-капитан Баранов (адъютант начальника артиллерии Гвардейского корпуса)
- 7) штабс-капитан Явид (4 батареи)

и 2 бывших вольноопределяющихся: гг. Янович и Шмеман. Из чинов Управления бригады кроме меня были еще: поручик Фриде и поручик Ушаков. После молебна в канцелярии была обычная «чарка» с тостами... В тостах не забыли никого, полковник Наркович пил здоровье командира корпуса, нач. артиллерии, всех батарей бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, частей, празднующих сегодня свой праздник (1 батарея лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады и 4 батарея гвардейской Конно-артиллерийской бригады), отца-настоятеля и лиц духовенства, бывших командиров 3 батареи и т. д. За завтраком опять были тосты, и в том числе за чинов Управления бригады, на что я от лица Фриде и Ушакова ответил коротеньким тостом...

Разошлись в 3½ часа дня.

9 ноября – четверг.

Годовщина основания лейб-гвардии артиллерийского батальона. По «удивительному» обычаю занятия идут своим чередом, и ничто не напоминает о сегодняшнем важном числе. Годовой обед отложен на неопределенное время, так как наша столовая еще далеко не готова. Только несколько дней тому назад начали ставить дубовую панель и начали оклейку обоями.

Много толков в собрании вызывает слух о принятии штабс-капитана Крестьянова вновь на службу в Главное артиллерийское управление по приказанию великого князя Сергея Михайловича (см. 20 апреля). Сам по

себе факт принятия на военную службу человека, выгнанного из части за «шулерничество», – возмутителен, но еще более возмутительны те чудовищные толки, какие ходят в Главном артиллерийском управлении и которые я знаю из двух достоверных источников: 1) подпоручику Снигиревскому рассказывал один полковник, служащий в Главном артиллерийском управлении, а Снигиревский рассказал мне, и 2) я сам слышал рассказ служащего в Главном артиллерийском управлении бывшего нашего офицера (3 батареи) капитана Свицерского. Толки эти следующие:

Великий князь отрицает виновность Крестьянова и ручается за его честность. На основании этого одни злые языки (менее осведомленные) делают глупое предположение, что Крестьянов сам ушел из бригады, в которой «вечные скандалы и нелады», другие злые и подлые языки предполагают, что бригада «завидовала» (???) Крестьянову, певшему при дворе и в высшем обществе, и потому его удалила из бригады. Чтоб объяснить решение суда, подлые языки указывают на то, что в суде общества офицеров были 2 человека (это Гирш и Альтфатер), игравшие с Крестьяновым в покер, а потому не могущие быть беспристрастными. Третьи объясняют удаление Крестьянова личным желанием герцога, который будто бы был недоволен знакомством Крестьянова с великим князем Сергеем Михайловичем. Все эти слухи настолько подлы, гадки и возмутительны, что даже повторять их противно! И всю эту грязь развел, поддерживает и размазывает сам великий князь Сергей Михайлович, сознательно порочит нашу бригаду, попирает законы, подводит царя (государь, очевидно ничего не зная, подал на каком-то концерте руку Крестьянову и выразил желание снова его видеть в эполетах!!), кривит душой и совестью и... вообще поступает подло!!..

От подлого слуха перехожу к «пикантному». Супруга нашего командира 2 батареи С. Л. Фуфаевского (т. н. Манюся-Милая) разводится со своим «Сёдженьком» и, как говорят, выходит замуж за генерала Мрозовского! Ну а какую роль играл при этом г-н Пузырев!!?

10 ноября – пятница.

В 6 часов вечера в церкви Михайловского артиллерийского училища состоялась свадьба нашего офицера И. И. Машмеера, ныне обучающегося в Академии Генерального штаба. На свадьбе присутствовало лишь человек 5 офицеров бригады (Смысловский, Ушаков, Белоусов и др.) и человек 5 – гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Такое скандально ничтожное количество можно объяснить двумя причинами: 1) нерасположением офицеров к Машмееру и заочное третирование его, как «жида» (что неверно, ибо И. И. русский и потомственный дворянин), и во-2), неудачным выбором часа свадьбы (6 часов вечера) – для большинства неудобного. Я не был – исключительно благодаря 2-й причине.

14 ноября – вторник.

Был в Александринском театре на «Свадьбе Кречинского» (2-й раз).

Кречинский — Далматов

Расплюев — Давыдов

Муромский — Варламов

Лидочка — Панчина.

По случаю царского дня играли «Боже, царя храни», после которого были аплодисменты и отдельные голоса «бис». Гимн повторили.

15 ноября – среда.

От 10 до 11 часов утра был в штабе Гвардейского корпуса в комиссии под председательством свиты его величества генерал-майора Гернгросса – по вопросу о вольнонаемных дворниках в частях Гвардейского корпуса.

Приказ по бригаде № 216, п. 13.

«В виду предстоящего окончания постройки нового здания офицерских квартир: “Зеленые связи”, мною назначается с 1 декабря сего года постоянная комиссия под председательством полковника Илькевича

членов: { 1) капитан[а] Гирша
2) штабс-капитан[а] Беляева
3) поручика Дурова и
4) подпоручика Алексеева

При делопроизводителе поручике САВОНЬКО.

Комиссии этой предстоит нижеследующая работа:

1) Устроить электрическое освещение, заключить с фирмой контракт, составить таблицу погашений предстоящего денежного займа, составить описи арматуры и проч.

2) Устроить, по возможности, ванны на тех же условиях, как и эл[е]ктрическое освещение.

3) Выработать штат вахтеров, дворников, швейцаров (вольнонаемных или из нижних чинов), определить им жалованье и, соразмерно с этим, установить вычеты с каждой квартиры.

4) Выработать частные правила о занятии квартир в офицерских домах, согласно с официальными правилами и им не противоречащие. Обсудить возможность предварительной весенней разборки квартир, соединение двух квартир в одну и проч. и проч.

5) Установить вычеты за телефон, воду и проч.

Кроме этих 4 (?) пунктов комиссия попутно может встретит[ь]ся с еще многими существенными вопросами, связанными с занятием гг. офицерами квартир в новом доме. Все вновь возникшие вопросы непременно всесторонне обсуждать в комиссии. Председателю комиссии лично докладывать

командиру бригады о ходе работ, о всех возникающих в комиссии вопросах и испрашивать разрешение на заключение контрактов, на выбор и наем должностных лиц, утверждение всевозможных правил и инструкций и проч.

Комиссия будет расформирована не ранее передачи нового дома во владение бригады, по окончательном его оборудовании и по окончательной разборке квартир гг. офицерами».

Вр. командующий бригадой полковник Масалитинов.

ПРИМЕЧАНИЕ: текст этого приказа и выбор всех лиц в комиссию сделал – я.

16 ноября – четверг.

С 2 часов дня полковник Илькевич и я были в артиллерийском складе в Кронверке (предварительно заехав в Окружное артиллерийское управление на Малой Дворянской улице), где приняли 9-фунтовое медное орудие на железном лафете с принадлежностью. Орудие это прицепили к передку 5 батареи, доставили в бригаду и водрузили в прихожей офицерского собрания (к 5 часам дня).

История гласит следующее: со времени возвращения 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона из Китайского похода в прихожей нашего собрания стояло горное орудие, захваченное у китайцев. Для этого орудия, когда я был хозяином собрания, мною была заказана дубовая подставка и бронзовая доска, а самое орудие отшлифовано и никелировано. От небрежного ухода за этим орудием никелировка частью (особенно у дульного среза) сошла, и печальный вид пушки дал кому-то идею – перетащить ее наверх в музей. Помню, что вначале я был противником этой идеи, так как прихожая собрания лишалась видного и внушительного украшения, но потом я в ра[з]говоре с Д. В. Альтфатером (тогдашним хозяином собрания) соглашался с переносом китайской пушки наверх, при условии, что на ее место поставят для украшения какое-нибудь другое орудие. Мою мысль фактически осуществил Н. А. Илькевич, сделавшись председателем распорядительного комитета. Была написана бумага с просьбой отпустить бригаде 9-фунтовое медное орудие для нашего музея, и, кроме того, Н. А. лично замолвил словечко об этом генералу Кузьмину-Караваеву (товарищ фельдцейхмейстера) и Мрозовскому (начальник артиллерии СПб. округа). Вскоре получилось желаемое разрешение, и я (в качестве добровольно заведывающего музеем, см. 15 сентября) вместе с Николаем Андреевичем поехали в Кронверк за пушкой. Таковой в складе не оказалось, и нужно было снова похлопотать, чтобы пушку отпустили из числа находящихся на вооружении крепости. И это быстро и умело устроил Н. А. Но командировка его в Кронштадт вместе с батареей задержала получку пушки, и только сегодня мы получили возможность обогатить наше собрание ценным и грандиозным приобретением.

Кстати: чиновник склада нам сообщил, что уже «идет» бумага с предписанием сдать все 9-фунтовые пушки для надобностей музея Александра 3, и опоздай немного наше ходатайство, мы бы остались без пушки.

17 ноября – пятница.

Сдал днем вернувшемуся из отпуска поручику Бородину музей, заведывание коим я принял на себя совершенно добровольно (см. 15 сентября). В эти два месяца мною совершена следующая работа, а главное, путем объявлений при приказах, путем личных просьб благоприобретено в музей несколько ценных вещей:

1) Заказал в мастерской нестроевой команды рамку для музейной арки. Эту рамку предположено было сделать еще при заведывающем музеем капитане Илькевиче, но и при Гирше, и при Бородине – проект не был осуществлен.

2) Перенес китайское орудие из прихожей в карточную комнату, дабы дать место для новой медной пушки (см. 16 ноября). Подставку переделал, обрезав углы, для помещения ее в угол комнаты.

3) Заказал по своим чертежам изящную подставку для ядра и монет, найденных при разборке «Зеленых связей» и подаренных музеем капитаном Поповым (см. 8 сентября). К этой же подставке заказал две медные доски.

4) Заказал «надпись» на крышке футляра с «молоточком и лопаточкой», подаренными музеем капитаном Поповым (см. 8 сентября).

5) Принял пожертвование капитана Альтфатера: медаль в память 100-летия лейб-гвардии артиллерийского батальона и заказал к ней медную дощечку.

6) Принял пожертвование поручика Нарковича: медаль в память 200-летия Кронштадтской крепости и заказал к ней медную дощечку.

7) Заказал медную дощечку для «образцового» жетона лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

8) Принял пожертвование Ю. А. Явида: 130 фотографических снимков псковских маневров 1903 года, заказал для них альбом и сделал собственноручно все подписи.

9) Принял пожертвование фот[о]графических снимков (готовые и в пленках) от Н. Илькевича, П. Рерберга, Т. Беляева и И. Петрушевского, Н. Демидова и И. Вешнякова и отдал все это для наклейки в особый альбом, собственноручно сделав все необходимые подписи (всего 161 снимок).

10) Принял пожертвование от штабс-капитан[а] Явида – юбилейную кружку нашей бригады.

11) Принял пожертвование от бывшего вольноопределяющегося 2 батареи нашей бригады А. Н. Мартынова: альбом артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова и заказал для него ярлык.

12) Принял пожертвование от С.Фуфаевского: свиток с процессией похорон императора Александра 1.

13) Привинтил медные дощечки (дощечки были) к пушке Беляева, шпаге Баранцова и трубкам Баумгартена.

14) Заказал у фотографа Оцуа фотографический снимок закладки «Зеленых связей».

15) Переплел мой дар в музей: каталог юбилейной выставки г. С.-Петербурга в 1903 году.

16) Принес в дар музею «открытку» с изображением фейерверкера 1 его высочества батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

17) Принес в дар музею 2 вырезки из иллюстраций, принял 1 вырезку из календаря от Ю. А. Явида и все вырезки, бывшие в музее, наклеил собственноручно в «альбом вырезок».

18 ноября – суббота.

На общем собрании гг. офицеров происходили наши годовые выборы на все должности (см. приказ по бригаде № 325, п. 24). Весь старый комитет (кроме председателя полковника Илькевича, получившего снова 41 голос) провален (Рерберг, Петрушевский и Альтфатер) за его бездеятельность, и выбраны новые: Вешняков, Явид и Чернявский. Провален заведывающий музеем поручик Бородин («майолика», как его окрестил подпоручик Снигиревский), много говоривший и хваставший, но ровно ничего не сделавший для музея. (Выбран поручик Барановский.) Впервые были произведены выборы сотрудников завед[ываю]щему музею (см. 30 октября). От Управления бригады сотрудником выбран я. На этом же собрании полковник Илькевич предложил поднести капитану Попову, строящему наши «Зеленые связи», фотографическую группу закладки в раме – в ответ на его подарки в собрание: «закладные молоточек и лопатка» и «монеты» (см. 8 сентября). На поставленный вопрос председателя (полковник Зедергольм) 1) желают ли господа офицеры баллотировать этот вопрос? – получилось единогласное «да», и на вопрос 2) желают ли сделать подношение капитану Попову? – получилось единогласное «да». Вопрос этот был внесен полковником Илькевичем по моей мысли.

20 ноября – понедельник.

Разговорились с Львом Федоровичем о «темноте» деревни...

– Да вот тебе, – говорит Лев Федорович. – Спросил я на днях новобранца – знает ли он, кто у нас император, и получил в ответ:

– Николая Федоровна!

При выдаче сегодняшнего жалованья всем офицерам вернули 7 рублей 82 коп[ейки], кои мы в свое время заплатили за поручика Зуева и кои теперь внесены генералом Зуевым (см. 21 августа и 7 ноября).

Хроника 1906 г.

1906
606

22 ноября – среда.

От 10 часов утра инспекторский смотр бригаде нашим временно командующим бригадой полковником Масалитиновым. Опрос претензий в манеже, обход кухонь и помещений и поверка сумм – все это было проделано феерически быстро... Завтра до обеда весь, с позволения сказать, смотр будет окончен!

Принес в дар нашему бригадному музею 3 ассигнации Турецкого банка кампании 1877–78 года. Ассигнации помещены в раме из красного дерева под стеклом с бронзовой дощечкой: «Турецкие бумажные деньги эпохи войны 1877–78 г. Дар В. С. Савонько».

23 ноября – четверг.

В сегодняшнем «[Русском] инвалиде» зачисляется на службу в Главное артиллерийское управление отставной штабс-капитан гвардии Крестьянов – капитаном (см. 9 ноября). Искренно поздравляю Главное артиллерийское управление!!!!!!

25 ноября – суббота.

Был на балу в Михайловском артиллерийском училище.

26 ноября – воскресенье.

Праздник 2 батареи, на который я получил приглашение. Георгиевский парад в Царском Селе, по обыкновению, не позволил многим быть на батарейном празднике. На молебне были: генерал от артиллерии Сиверс, полковники Фурман, Илькевич, Фуфаевский (командир батареи), капитан Колюбакин (Генерального штаба), штаб[с]-капитан Плющевский-Плющик (командир роты лейб-гвардии Семеновского полка), капитан Альтфатер, бывший вольноопределяющийся студент Мартынов, подпоручик Гущинский, поручик Окерман, поручик Шталь, капитан Погребняков, подпоручик Жиленков, подпоручик фон Руммель (адъютант 1 дивизиона), поручик Шаняевский и я. Бывшим офицерам 2 батареи Дитерихсу (служит на полигоне) и Куприянову (Михайловская артиллерийская академия) полковник Фуфаевский вовсе не послал приглашения за их «хамство» по отношению к батарее; не пригласил он и полковника Карпинского, которого я эти дни встречал в Петербурге, и генерала Бабакина... Зато вся «пачка» дежурных и старых, и новых (было 12 часов дня, т. е. час смены) была приглашена к завтраку: поручики Матвеев и Дуров и подпоручики Рейнгард и Сергеевский.

Завтрак был накрыт в канцелярии. Генерал Сиверс уехал до завтрака, и старшим остался полковник Фурман. Разошлись рано.

Вечером был в Новом театре (на Мойке) и смотрел пьесу какого-то жиды: «Жена министра».

Сегодня впервые нижние чины бригады (6 батарей) были в нашем бригадном музее в офицерском собрании, где им давал объяснения заведывающий музеем поручик Бородин. Присутствовал при этом полковник Гартунг и полковник Илькевич.

27 ноября – понедельник.

Получил от председателя распорядительного комитета лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады полковника Илькевича нижеследующее письмо (см. 22 ноября):

Милостивый государь
Владимир Степанович!

Распорядительный комитет приносит Вам искреннюю благодарность за принесенные Вами в дар музею бригады три турецкие ассигнации периода войны 1877–1878 гг.

Прошу принять и проч.

1 декабря – пятница.

Вечером узнал поистине потрясающую новость... Положительно наша бригада – это на первый взгляд сборище каких-то плутов, мошенников и жуликов... Богушевский, Крестьянов, Зуев... и, наконец, Кавтарадзе! Да, да... я не обмолвился! Павел Алексеевич Кавтарадзе, «Кавтарашка», как нежно величали его – его закадычные друзья Гартунг и Петрушевский. Втершись, благодаря своей пронырливости и лакейству, в компанию Потоцкого и герцога, развращенный первым до высокого подражания самому Павлу Платоновичу – «Поше», Кавтарадзе никогда не считался в среде честной молодежи ни «дельцом», ни «служакой», ни, тем более, «безупречно честным» человеком... Правда, он не считался «безупречно честным» лишь по взглядам своим, которые он менял в зависимости от взглядов «начальства»; что же касается его денежных дел, то, кажется, никто, кроме меня, серьезно его не подозревал... А странности были: во-1), безумная жажда чуть ли не десятый год подряд заведывать хозяйством батареи, сперва в 4-й, потом в 1-й. Всякий норовит поскорее сдать эту хлопотливую должность, а Кавтарадзе и не заикался никогда о желании сдать хозяйство. Припомним, что и Зуев «любезно» предлагал Гарцу за него докончить месяц, как будто им руководило желание помочь неопытному товарищу!.. Во-2), 1 батарея всегда хронически запаздывала в присылке денег в Управление бригады. И я, и казначей постоянно напоминали в приказах по бригаде – о непредставлении вовремя денег 1-й батареей. Это явление давало мне право утверждать, что в 1 батарее «кабак» и хозяйство ведется «неряшливо». Жалованье солдатам вовремя не раздается, счета вовремя не оплачиваются и пр. и пр. Когда же командир батареи полковник Демидов уехал на 3 месяца в

отпуск и Кавтарадзе остался за командира, а хозяйство сдал сперва Курбатову, а потом фон Эндену лишь фиктивно, я громко заявил, что хозяйство в 1 батарее ведется не чисто, так как «чистое» хозяйство можно сдать в несколько часов. Увы! я не знал материального положения Кавтарадзе, я думал, что он по-прежнему получает крупную субсидию от своего отца, ибо нельзя же жить с семьей на казенное жалование? Но оказывается, что никакой субсидии он давно не получает, и знай я это раньше, я бы не делал предположения лишь о «неряшливости» хозяйства, а наверное заподозрил «позаимствование» – без большой надежды вернуть в казенный ящик все, что взято, и притом в любое время. Теперь ясно, что хозяйство он не сдавал, потому что НЕ МОГ его сдать.

Перехожу к фактам, о которых мне рассказал поручик Ушаков со слов штабс-капитана фон Эндена, хорошо осведомленного в этой новой бригадной «панаме». Итак, в 1 его высочества батарее обнаружена растрата казенных денег на сумму около 7½ тысяч, и растрату эту произвел г. Кавтарадзе. Счета были не оплачены, мука продана и деньги на приход не записаны, переходящие суммы не сданы и проч. Кавтарадзе сам заявил о своей растрате, поехав к герцогу, и там у него попросил 10 тысяч. Герцог сказал, что приведет свои дела в порядок и завтра даст ответ. Завтрашний день принес Кавтарадзе – отказ. Затем, говорят, Кавтарадзе ездил к своему высокому учителю «Поше Потоцкому», но и тот ничего не дал... Чтобы поп[о]лнить денежный ящик к смотру полковника Масалитинова (см. 22 ноября), полковник Демидов вложил свои 3 тысячи рублей, тысячу с хвостиком вложил и фон Энден, «влопавшийся» в эту историю своим «фиктивным» принятием хозяйства вовремя отпуска Демидова. По поручению Демидова штабс-капитан фон Энден и поручик Курбатов ездили на квартиру к Кавтарадзе и там были свидетелями слез Павла Алексеевича. Кавтарадзе говорил, что он хотел застрелиться, но мысль о семье удержала его. Кавтарадзе просил, говорят, Демидова не препятствовать ему о переводе его в полковую¹⁷ артиллерию (мое примечание: что же такое «полевая артиллерия»? Убежище проворовавшихся гвардейцев??!!), на что Демидов будто дал Кавтарадзе срок для погашения растраты, но срок этот уже пропущен капитаном Кавтарадзе. Самого командира полковника Демидова вся эта история привела в ярость, он грозился непременно подать рапорт о предании всех суду (т. е. и Эндена, и Курбатова), кричал на всех своих офицеров и проч. Вот я занес те беспорядочные и случайные факты и слухи (впрочем, вполне достоверные), которыми со мной поделился поручик Ушаков. Далее я уже буду заносить официальный ход этого происшествия и влияние этого происшествия на нашу бригадную жизнь. Пока же об этом рассказе знает только 1 батарея, я, Ушаков и, конечно, герцог.

¹⁷ В рукописи изначально: «полквую» с правкой чернилами. Следует читать: «полевую».

2 декабря – суббота.

Утром, часов в 12, герцог (он вчера явился из отпуска и уже вчера принимал от нас доклад) вызвал меня в свою канцелярию и там сообщил мне, как старшему в Управлении бригады, о растрате Кавтарадзе. Растрату эту герцог предполагает пополнить так: (перед моим приходом был полковник Демидов, с которым он, очевидно, решал этот вопрос): 1) часть денег платят родственники Кавтарадзе (вчера у герцога был брат нашего Кавтарадзе, полковник Кавтарадзе), 2) часть уплачивают Энден и Курбатов, виновные в фиктивном приеме хозяйства, 3) часть (поровну) уплачивают герцог и Демидов, как лица, коим присвоен контроль над заведывающим хозяйством, и наконец 4) весь остаток уплачивают все офицеры бригады (ради «сплоченности» и «солидарности» части), причем на каждого офицера должно прийти по 8–10 рублей. Я должен был опросить Ушакова и Фриде о их согласии на уплату этих денег... Что касается самого г-на Кавтарадзе, то герцог мне сообщил, что «дни его сочтены в бригаде» и что он ему предложит подать рапорт в запас (в отставку нельзя, ибо в этом случае Кавтарадзе сохраняет наш мундир). Суду Кавтарадзе предан не будет, дабы во-1), не предать все дело широкой огласке и во-2), дабы не обречь семью Кавтарадзе на нищету. О переводе его в полевую артиллерию не может быть и речи. В аттестации герцог упомянет о его растрате. Когда я выходил из канцелярии герцога, по лестнице уже подымались вызванные герцогом командиры 1 и Стрелкового дивизионов (Масалитинов и Зедегольм) и вр[еменно] командующий 2 дивизионом полковник Гартунг. По окончании их разговоров я вызван был герцогом к телефону и услышал следующее (сообщаю вкратце).

Командиры дивизионов (вероятно, Гартунг?) просили герцога для сохранения «престижа» старшего офицера не раскладывать уплату денег на всех офицеров, а только на одних штаб-офицеров. Этой мерой, по мнению дивизионеров (Гартунг?), можно избежать огласки среди младших обер-офицеров (неужели можно избежать огласки?). Герцог согласился с мнением дивизионеров, отменил свое первоначальное решение и просил меня передать Ушакову и Фриде, чтобы они не распространяли о растрате. Вопрос же о желании «уплатить» – «отплатить».

Кавтарадзе был представлен к 6 декабря к ордену Св. Анны 3 степени, и ему оставалось всего три дня до получения высочайшей награды, но уже вчера полетела от Управления бригады телеграмма с просьбой вычеркнуть его из наградного списка. Вместо Кавтарадзе представлен к Станиславу поручик Чернявский.

От 10 часов утра у меня была обычная ежемесячная поверка дров.

Сегодня днем были присланы Любавиным заказанные мной для 33 офицеров именные серебряные стаканчики (прислано пока 28 стаканчи-

ков). Заказанный г. Кавтарадзе стаканчик я велел переделать на другую фамилию, так как уплата производится ежемесячными вычетами по 5 рублей и пока удержано всего 10 рублей. Эти 32 стаканчика (без стаканчика Кавтарадзе) значительно пополняют нашу витрину бригадного серебра. Мысль об именных стаканчиках родилась давно, но никто не брал на себя неблагодарную и хлопотливую обязанность вырабатывать рисунок, заказывать, собирать подписи, вычитать, уговаривать, мирить противоположные желания и капризы и проч. Видя, что дело обстоит плохо, я принял все заботы на себя, и вот сегодня блестящий вид золоченых «стопок» уже ласкает взор наших офицеров. Цена стаканчика – 25 рублей.

4 декабря – понедельник.

Ввиду недостатка офицеров в 1 его высочества батарею командир батареи полковник Демидов попросил меня участвовать на параде 6 декабря в строю. От 1 часа дня был на репетиции парада в Михайловском манеже. Я команду 1 полубатареей. Завтра утром 1 батарея уже выезжает в Царское Село, и там днем будет общая репетиция. Я на нее не поеду, так как у меня есть дела в Управлении бригады.

О растрате Кавтарадзе уже знают многие офицеры...

Впрочем, смешно было бы и думать, что можно скрыть такую солидную «панаму». Об этом знают даже писаря и фельдфебеля...

Родственники Кавтарадзе внесли по сие время 2356 рублей. Поручику Нарковичу Демидов также велел «пополнить» рублей 700... Это требование не сходится с тем расчетом, какой мне сообщил вчера герцог. Герцог о Нарковиче ничего не упоминал...

5 декабря – вторник.

Чтобы успеть на завтрашнюю утреннюю репетицию парада, я и Ушаков решили выехать в Царское Село сегодня, а так как мы знали, что нашей батарее отведено помещение во дворце, то в ожидании приятного вечернего времяпрепровождения решили взять 3-часовой поезд. Мы не ошиблись в своих расчетах. Уютное помещение во дворце нас ожидало. Рядом в комнате поместились еще утром поручики Наркович и Курбатов, а соседнюю они любезно приказали оставить для нас. Полковник Демидов уехал после репетиции в СПбург и вернулся к обеду (к 8 часам вечера), а штабс-капитан фон Энден вернулся лишь к 10 часам вечера. Поручик Есимантовский (Михайловской артиллерийской академии)... Кстати о нем: Есимантовского вызвали для участия в параде, но он сказался больным. Герцог приказал настоять на его участии в параде, и Демидов сегодня в 9 часов утра сделал ему «головомойку» у себя на квартире и завтра приказал быть ему в строю. Есимантовский во дворце не ночевал и приедет завтра утром (сегодня утром он приезжал на репетицию). Эта воспита-

тельно-дисциплинарная мера освобождала меня от участия в строю (см. 4 декабря), о чем поручик Наркович передал мне по телефону, но уже было поздно: я сам своей персоной явился в Царское и лично от него, а потом от Демидова выслушал эту новость. В 8 часов вечера в одной из зал дворца нам был подан обед – вместе с офицерами лейб-гвардии Стрелкового полка и 4 батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

6 декабря – суббота.

«РУССКИЙ ИНВАЛИД»

«За выслугу лет, со старшинством: лейб-гвардии артиллерийских бригад: 1-й: из поручиков в штабс-капитаны: САВОНЬКО, ...»

Парад нашей батареи вместе со взводом 1 железнодорожного батальона, 4 батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады, конной батареей Офицерской артиллерийской школы и отдельным корпусом жандармов – был произведен, как и в прошлом году, в Малом гусарском манеже (экзерциргаузе). Но в прошлом году парад нам был назначен почти что экспромтом, а потому не стоило и говорить о встретившихся неудобствах. Императрица, например, стояла в ложе, где были свалены в беспорядке офицерские пальто и солдатские шинели, а в углу стояли ведра, метла и проч. Но в этом году наш парад и именно в Малом гусарском манеже был назначен не менее как за 2 недели до 6 декабря, а следовательно, было много времени подумать о приведении манежа в порядок... Что же оказалось? Прежде всего, манеж недостаточно протопили, и мы буквально в нем мерзли, затем, некоторые стекла в окнах были разбиты и из окон, поэтому, дуло, и, наконец, ложа хотя и была прибрана, но по-прежнему лишена даже маленького коврика или сукна на барьер. Вот еще характерная подробность. Почти все флаги, коими был украшен манеж, были прибиты к древкам вверх ногами, т. е. цвета шли в обратном порядке: наверху красный, а внизу – белый...

На правом фланге войск стоял наш хор музыки, а парадом командовал флигель-адъютант полковник Демидов. В строю батареи находились:

в	1	взводе – поручик	Есмантовский
во	2	–	Наркович
–	3	–	Ушаков и
–	4	–	Курбатов.

Батареей командовал штабс-капитан фон Энден. Из прежде служивших прибыли на парад 5 бывших командиров нашей батареи:

- 1) генерал от артиллерии Оноприенко
- 2) генерал-лейтенант Арсеньев
- 3) генерал-майор Коленкин
- 4) генерал-майор Потоцкий и
- 5) генерал-майор Лехович.

Из числящихся в батарее встали на левом фланге батареи:
герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий
генерал-лейтенант Беляев
штабс-капитан барон Арпсгофен и
я.

Около 11 часов в манеж прибыл государь, и начался парад (царь – в форме лейб-гвардии Стрелкового полка). Наша батарея прошла, как всегда, прекрасно. Хуже других и вообще неважно прошла артиллерийская школа. Пробный стол со жбаном и чаркой – от нашей батареи. Государь выпил первую чарку за «славу и процветание всех частей, празднующих сегодня свой праздник». Полковник Демидов провозгласил 2 тоста:

За здравие его императорского величества государя императора и
2) За здравие их императорских величеств государынь императриц и государя наследника цесаревича.

Забыл сказать, что государыня императрица Александра Федоровна стояла в ложе вместе с наследником цесаревичем. Рядом с императрицей стояла великая княгиня Ольга Александровна. После «чарки» государь обратился к войскам с следующими словами:

«Господа штаб- и обер-офицеры! Благодарю вас за вашу самоотверженную службу и сегодняшний блестящий парад... и вам, братцы, за вашу честную и верную службу мое сердечное СПАСИБО!»

Уходя из манежа, государь император еще раз поблагодарил солдат за парад. Пока шел церковный парад в большом манеже (лейб-гвардии Стрелковому полку, Гвардейскому экипажу и т. д.), мы сели в придворные линейки и поехали во дворец. В отведенных нам комнатах мы привели себя в порядок, а затем прошли в Большую Александровскую залу, где был сервирован парадный обед. В 1 час он начался. После тоста за празднующие части придворный оркестр сыграл 3 марша: лейб-гвардии Стрелкового полка, Гвардейского экипажа и Конной артиллерии. Наш марш сыгран не был! Тост за царя был провозглашен великим князем Владимиром Александровичем. После обеда – обычный разговор с офицерами государя императора и обеих императриц. С экстренным поездом, на котор[о]м ехал и эмир Бухарский (эмир Бухарский и его сын были на обеде, и их обоих я хорошо видел), мы по царской ветке вернулись в СПбург. Здесь я и Ушаков – по дороге домой – сделали визит полковнику Демидову (дома не застали и расписались: моя первая подпись в чине штабс-капитана) и герцогу (расписались), а также взяли билет на ложу в цирк, дабы «убить» время до ужина...

В 8 часов вечера в цирке собрались: я, поручики Ушаков, Наркович и Курбатов. В цирке ни одного выдающегося номера: непроходимо скучно.

У «Донона» в 11 часов вечера собралось весьма многочисленное общество – бывших офицеров 1 батареи:

1) герцог Мекленбургский	11) штабс-капитан барон Арпсгофен
2) генерал от артиллерии Оноприенко	12) штабс-капитан Баранов
3) генерал-лейтенант Арсеньев	13) штабс-капитан фон Энден
4) генерал-майор Потоцкий	14) поручик Ушаков
5) генерал-майор Пузырев	15) поручик Курбатов
6) генерал-майор Лехович	16) поручик Наркович
7) полковник Демидов	17) я
8) штабс-капитан Мальчевский	18) полковник Масалитинов
9) капитан Гродский	19) генерал Коленкин
10) подполковник Базаров	20) полковник Поном[аревский]- Свидерский (Евг. Влад.).

Не было Фуфаевского, исключительно по семейным соображениям («Донон» находится в доме его бывшей тещи, где он часто бывал до своего развода с женой). Не было Шульмана, Семенова и Есимантовского. Впрочем, и это количество нужно признать весьма значительным. С половины ужина общим вниманием завладел П. П. Потоцкий своими рассказами из Японской войны (он участвовал в ней в качестве командира 25 артиллерийской бригады). Рассказы его и веселость росли с каждым бокалом шампанского. К 5 часам утра Павел Платонович был окончательно «весел», непрерывно говорил тосты, речи и ни за что не хотел уходить домой, но все были уж утомлены, и к 5 часам мы разошлись. Официальные тосты за ужином не вышли из обычных рамок: за батарею, за бывших командиров, за герцога и т. д. Не пропустил герцог случая «облить» новые производства и чокнут[ь]ся с Оноприенко, произведенным сегодня в генералы от артиллерии, с Леховичем – новоиспеченным генералом – и со мной – молодым штабс-капитаном.

7 декабря – четверг.

Расписался у командира бригады герцога Мекленбургского по случаю производства в чин штабс-капитана.

9 декабря – суббота.

В 2 часа дня был отслужен в большом манеже напутственный молебен уходящим в запас нижним чинам. Благое начинание перешло в обычай. После молебна сказал «слово» о. Философов, а после него командир бригады герцог Мекленбургский. В заключение кричали «ура» в честь государя императора. Музыка играла гимн. Завтра батареи устраивают уходящим «угощение». В моей команде уходят по жребию 2 человека (из 4-х), но один из них, Лесневский, по моему рапорту посажен сегодня герцогом на 30 суток под арест – за недобросовестное отношение к частным заказам (Лесневский – электротехник).

10 декабря – воскресенье.

Вечером в помещении 1 его высочества батареи был бал для нижних чинов. Бал из скромных... Я зашел посмотреть часов в 9 вечера... При мне танцевали мало: всего несколько человек, и за недостатком кавалеров девицы танцевали по образцу «шерочка с машерочкой». Музыка состояла из 8–10 человек наших музыкантов. На столах было приготовлено угощение.

11 декабря – понедельник.

От 2 – 4 часов вечера было 1 заседание комиссии по оборудованию здания «Зеленых явзей» (см. 15 ноября).

12 декабря – вторник.

Сегодня после завтрака совершилось торжественное переселение «столовой» в свое новое помещение в нашем офицерском собрании. Наконец-то она окончена! Не хватает лишь дверей в арке и занавесок на окнах. Часа в 4 весело запыхал камин, а в 5–6 часов вечера офицеры уже обедали в «дубовой» столовой...

13 декабря – среда.

Вот заглавие дневника знаменитого Пирогова, заглавие, которое я мог бы целиком поместить как эпиграф для своей «Черной книги» (см. эпиграфы в начале этой книги).

19 декабря – вторник.

От 2 – 4 часов дня было 2 заседание комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 11 декабря).

22 декабря – пятница.

От 9 часов утра начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Фан-дер-Флит произвел инспекторский смотр бригаде. К 2 часам дня был окончен: опрос претензий, осмотр вещей и обход казарм. В 2 часа дня в собрании была произведена проверка книг и сумм всех батарей и Управления бригады, а к 4-м весь смотр «прикончился», и генерал уехал из бригады. Вовремя проверки сумм в гостиную было подано начальнику артиллерии чай, бутерброды и печенье.

В сегодняшнем приказе по бригаде капитан Кавтарадзе увольняется по болезни в 2- месячный отпуск (см. 2 декабря). Эту «милость» герцог ему оказывает ради его семьи, но сам Кавтарадзе, по-моему, не заслуживает ни малейшего снисхождения... Исправляю кстати со слов герцога маленькую неточность, допущенную мною 1 декабря. Кавтарадзе просил у герцога не 10, а 12 тысяч. Кроме того, полковник Фурман уверяет, что за Кавтарадзе

очень просил (см. 2 декабря: просьба герцога «не разглашать» и т. д.) не столько Гартунг, сколько Зедеггольм... «Пажи как жиды – держатся друг за друга», – прибавил «честный Фурман». Я думаю, что вернее предположить, что «просили» и Гартунг, и Зедеггольм!..

24 декабря – суббота.

Числящийся больным капитан 6 батареи Перрет, как оказывается, болен очень серьезно. Замечательно, что консилиум врачей, во главе с профессором, не может определить его болезнь и называет 3 нижеследующих весьма разнородных болезней:

- 1) нарыв в мозгу,
- 2) крупозное воспаление легких и
- 3) сыпной тиф.

26 декабря – вторник.

Днем заходил посмотреть на приехавшего в СПбург русского великана Федора Махнова¹⁸. В нем росту 3 аршина 9 вершков!! Через кольцо его, снятое с пальца, свободно проходит несколько серебряных рублей.

28 декабря – четверг.

В 12¼ час[ов] дня на общем собрании офицеров решался вопрос о цене годового обеда и устраивать ли месячные обеды в 1907 году. Последний вопрос снова и безнадежно провалился даже простым большинством голосов (а требуется для установления обедов $\frac{2}{3}$ голосов). Годовой обед, который должен был быть 9 ноября, был отложен потому, что не готова была столовая (см. 9 ноября). Многими офицерами годовой обед признавался желательным непременно в самых широких размерах с участием великих князей и всего высшего начальства. Обед для представительности! Но герцог на все доводы председателя распорядительного комитета полковника Илькевича «уперся» и выразил категорическое нежелание кого-либо приглашать. Сегодня нам официально заявили, что на годовой обед будет приглашен только начальник артиллерии и, может быть, его адъютант капитан Некрасов (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). Значит, обед – для обеда! Исполнение скучного и никому не нужного номера. Назначенная комитетом цена в 10 рублей прошла единогласно... Но несколько офицеров – полковник Фурман, капитан Рерберг, полковник Зедеггольм и многие др. к нам присоединившиеся – просили председателя общего собрания полковника Головачева – ходатайствовать у командира бригады – об отмене годового обеда...

¹⁸ Федор Махнов считался самым высоким человеком в мире.

От 2 часов дня до 4½ – участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 19 декабря).

В 12¼ часов дня наша бригада служила в Сергиевском соборе панихиду по Львову – бывшем офицере бригады. Львов покинул бригаду давно: его не застал и полковник Гартунг (вып[уска] 1889), а следовательно, весь личный состав бригады (не считая его высочества, который со Львовым был в приятельских отношениях) не знает покойного.

Годовой обед «по сроку 1906 года» командир бригады «отложил» до ноября 1907 года. 9 ноября 1907 года мы будем ест[ь] 2 обеда (ибо годовой обед не подлежит отмене): 2 супа, 2 жарких, двойная порция водки и проч. Так, что ли??!! (см. 28 декабря).

31 декабря – воскресенье.

Новый год встретил у Рейнталь, [в] доме, где я бываю очень часто. За исключением меня – там все свои:

- 1) генерал-лейтенант Рейнталь – Владимир Яковлевич
- 2) Яша (Яшкэ)
- 3) генеральша Софья Владимировна Клименко
- 4) флигель-адъютант Камил Арсеньевич Бойсман
- 5) капитан Виктор Степанович Казанский с супругой Людмилой Сергеевной (Милочка)
- 6) генерал Федор Семенович Черкасов (отставной)
- 7) измайловец Виктор Валерьянович Кушелевский и многие др.

КОНЕЦ

ЧЕРНАЯ КНИГА

ДНЕВНИКИ ГВАРДЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В.С. САВОНЬКО.

1907–1909

– Кто имеет право писать свои вос-
помина-ния?

– ВСЯКИЙ! Потому что никто их
не обязан чи-тать. Для того, чтоб пи-
сать свои воспоми-на-ния, вовсе не
надобно быть ни великим му-жем, ни
знаменитым злодеем, ни извест-ным
ар-тистом, ни государственным чело-
ве-ком, – для этого достаточно быть
просто че-ловеком, иметь что-нибудь
для рассказа и не только хотеть, но и
сколько-нибудь уметь рассказать. Вся-
кая жизнь интересна; не лич-ность, так
среда...

*А. Герцен**

Книга моей жизни, никто не будет
читать ее – я пишу для самого себя.

Понсон-дю-Террайль.

«Похождение Рокамболя»
(Клуб червонных валетов)

* «Былое и думы», предисловие к четвертой части.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет ТОЧНУЮ КОПИЮ всего того, что занесено на страницы моих записных книжек в 1907–1909 годах под заглавием «ХРОНИКА».

Все зачастую наскоро и грамматически неряшливо записанные факты и мысли воспроизведены без всяких изменений, поправок и дополнений. Это – сырой материал, набросанный под свежим впечатлением каждого пережитого дня, которому я пожелал придать лишь приличную внешность, оставив его содержание в полной неприкосновенности. В настоящем своем виде «ЧЕРНАЯ КНИГА» БЕЗУСЛОВНО не подлежит оглашению.

В. С. Савонько

1907

Из записной книжки 1907 г.

В. САВОНЬКО

1910 г.

ХРОНИКА 1907 г.

3 января – среда.

От 10 часов утра обычная ежемесячная поверка дров.

4 января – четверг.

От 2 – 5 часов дня участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 28 декабря).

7 января – воскресенье.

Совокупность мелких неприятностей по части медицинской – так называемая инфлуэнца (маленький жар, головная боль, «лошадиный» насморк, горло и проч.) не оставляет меня своим вниманием уже целую неделю... Вчера инфлуэнце удалось даже заставить меня лечь на целый день в кровать, но сегодня, как и раньше, я снова на ногах и снова «при исполнении служебных обязанностей». На дворе творится что-то неладное: вот уже 2 недели как стоит мороз более 10 градусов. То 12, то 18, а сегодня термометр показывал утром 24!

9 января – вторник.

От 7 часов вечера до 10 час[ов] 45 мин[ут] участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 4 января).

13 января – суббота.

От 9 часов утра до 11½ час[ов] участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 9 января).

16 января – вторник.

2 декабря 1906 года я отметил в своем дневнике, что Любавин прислал в собрание 28 стаканчиков, заказанных мною для офицеров бригады. На самом деле часть этих стаканчиков оказалась небрежно сделанной, а потому я $\frac{2}{3}$ вернул снова в магазин и только сегодня вечером привез их обратно. Готово 28 стаканчиков. Осталось сделать еще 11. Всего записалось 40 офицеров, но одного из них (капитана Кавтарадзе) я вычеркнул и его стаканчик переделал на другую фамилию. Наша витрина для серебра благодаря этим стаканчикам выглядит нарядно и богато.

17 января – среда.

От часа дня участвовал в комиссии «Вспомогательного капитала» (я – кандидат в члены этой комиссии). Делопроизводитель этого капитала (мой

преемник) поручик «Вася» Наркович ухитрился перевернуть всю микроскопически-несложную бухгалтерию капитала, что и было занесено в «Постановления» комиссии сегодняшнего заседания.

19 января – пятница.

От до 9½ до 10 часов утра участвовал в комиссии «вспомогательного капитала» (см. 17 января) и от 10 до 12½ час. дня в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 13 января).

23 января – вторник.

Был в Народном доме на мелодраме «80 дней вокруг света» по роману Жюль Верна.

24 января – среда.

В 6 часов вечера в церкви Михайловского артиллерийского училища состоялась свадьба нашего офицера поручика В. В. Окермана. Окерман в настоящее время обучается в Академии Генерального штаба. Женился он на разведенной (по первому браку г-жа Эвальд), с которой он был и до развода в связи. Так как муж ее (штатский) не захотел взять вину на себя, то пришлось г-же Эвальд взять вину на себя, и, как говорят, именно это обстоятельство, ясно обнаруживающее связь Окермана с ней, заставило нашего командира – герцога Мекленбургского – не дать своего согласия на их брак, находя его неудобным для гвардейской части. Вот почему Окерман на днях уже подал рапорт о переводе его в 37 артиллерийскую бригаду... На свадьбе было сравнительно немного наших офицеров. Герцог был.

26 января – пятница.

От 10 – 12 часов дня участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей». (См. 19 января.)

Сегодня на внутреннем дворе наших казарм поставили большой керосино-калильный фонарь, системы «Люкс», в 750 свечей.

27 января – суббота.

Следует теперь же внести поправки в мое сообщение о растрате Кавтарадзе (см. 2 декабря).

Штаб-офицеры бригады, так же как и обер-офицеры, НЕ участвуют вовсе в покрытии этой растраты: все денежные расчеты и ликвидацию «панамы» производят лишь офицеры 1 батареи. Герцог заплатил 800 рублей. Демидов – 1500 рублей, крупную сумму внес штабс-капитан фон Энден, остальное должны уплатить Курбатов и Наркович. Наркович пока внес 300 рублей, а Курбатов

до сих пор еще ничего не внес. Точных цифр не только я, но и поименованные выше младшие офицеры батареи не знают. Кстати, фон Энден говорит, что внесенные капитаном Кавтарадзе деньги в у[п]лату части растраты (см. 4 декабря) он получил не от родственников, а от П. П. Потоцкого.

Кавтарадзе, как известно, герцог дал 2-месячный отпуск для приискания себе места. На днях в Управлении получилась бумага от Министерства земледелия с запросом о нравственных и служебных качествах Кавтарадзе. Герцог обошел вопрос о его нравственных качествах и расписал разный ненужный вздор о том, что он «питомец» Пажеского корпуса, «сын генерала», «имеет столько-то детей», «прослужил столько-то лет», «умственные способности хороши» и т. д.

Будет наш Кавтарадзе земским начальником, а то и губернатором, а вместе с тем увеличивается вероятность рождения новой «истории» в духе Лидваль-Гурко¹, а то и похуже...

29 января – понедельник.

От 10 часов утра до 12 участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 26 января).

2 февраля – пятница.

В 1 час дня крестил дочку старшего нестроевого Александрова – Марию, родившуюся 18 января. Моя кума – сестра жены А[л]ександрова – Анна Гавриловна Сергеева. Обряд происходил на квартире Александрова. Посторонних никого не было.

5 февраля – понедельник.

От 10 часов утра у меня была ежемесячная поверка дров комиссией.

6 февраля – вторник.

Приказ по бригаде № 37 п. 18:

.....4) В состав комиссии, заведывающей вспомогательным капиталом, в 1907 году избраны: председатель полковник Пономаревский-Свидерский (15 голосов), члены: капитан Альтфатер (27 голосов), штабс-капитан Явид (26 голосов) и САВОНЬКО (28 голосов) и делопроизводитель штабс-капитан Чернявский (10 голосов)...»

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

Между прочим, подсчет голосов и выборы произведены не совсем правильно. Делопроизводителя нужно выбирать «отдельно» от членов,

¹ В. И. Гурко, товарищ Министра внутренних дел, был привлечен к суду за заключение невыгодной сделки по поставке зерна с Э. Лидвалем.

большинство же членов писало попросту по 4 обер-офицерских фамилии, а если у кого и было обозначено «делопроизводитель» (например, в моем бюллетене и в некоторых других), то считавший голосá – адъютант Фриде, по незнанию правил, не обращал на это внимание и «валил всех в кучу».

Чернявского – председатель общего собрания полковник Головачев показал выбранным делопроизводителем вполне самовольно (покажи он меня – я бы подал рапорт о неправильности выборов). Полковник Илькевич от председательства в комиссии отказался перед выборами. Наши правила, по предложению комиссии, решено единогласно дополнить новыми статьями, расширяющими права просителей на пособие...

Приказание по бригаде № 153, п. 2:

«Для исправления последних изменений и поверки мобилизационных планов управления и батарей бригады назначить комиссию в составе председателя полковника Масалитинова и членов гг. командиров батарей бригады и ЧИНОВ БРИГАДНОГО УПРАВЛЕНИЯ...»

7 февраля – среда.

Вместо обычной верховой езды в манеже (мы – чины бригадного управления – ездим раз в неделю по средам со стрелковым дивизионом) наша смена (я, поручик Ушаков, штабс-капитан Фриде, поручик Болецкий и подпоручик Рейнгардт 2) во главе с полковником Зедергольмом поехали в 11¼ час[ов] на острова – по маршруту, по которому у нас в бригаде предположен «пробег» в эту субботу. Я – на Бронзе, кобыле 2 стрелковой батареи. Сделали сегодня верст 15–17. Погода хорошая: +1°Р². Вернулись в 12 часов 45 минут.

9 февраля – пятница.

Приказ по бригаде № 40, п. 17:

«Для выработки мер к ежегодному освежению походных офицерских чемоданов-кроватей и для выработки мер к постепенному освежению и улучшению всего инвентаря лагерных офицерских шатров мною назначается комиссия под председательством полковника Илькевича и членов: штабс-капитанов: Явида и САВОНЬКО при делопроизводителе поручике Дурове. Этой же комиссии обсудить вопросы о наиболее удобной и желательной походной офицерской столовой (фургон, походный самовар-двуколка и проч.)...»

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

От 10 часов утра до 11 час[ов] 45 мин[ут] участвовал в комиссии по оборуудованию «Зеленых связей» (см. 29 января).

² 1° Р (Реомюра) = 1° С.

10 февраля – суббота.

Сегодня состоялся у нас первый, может быть за всю историю бригады, пробег гг. офицеров. Главным организатором этого пробега был поручик Шанявский. Записалось на пробег 13 человек, но участвовало 12.

Вот фамилии:

- 1) полковник Зедергольм
- 2) – Демидов
- 3) – Илькевич
- 4) поручик фон Руммель
- 5) – Барановский
- 6) – Снигиревский
- 7) – Стефанов
- 8) – Болецкий
- 9) подпоручик Фон Рейнгардт
- 10) – Бутовский
- 11) – Люндеквист и
- 12) поручик Жиленков.

Первым пущен был со старта поручик фон Руммель в 11 часов 15 минут утра. На старте с флагами полковник Масалитинов и поручик Матвеев; с часами и секундомерами – полковник Масалитинов и капитан Гирш. Присутствовали почти все офицеры бригады и стрелкового дивизиона во главе с командиром бригады герцогом Мекленбургским. Погода теплая: 0 градусов. Только что выпал небольшой снег. Старт – против ворот офицерских конюшен на Артиллерийской улице. Всадники пускались через каждые две минуты – в сторону Надеждинской улицы. Дистанция пробега около 20 верст (на острове). Первым вернулся поручик фон Руммель, менее чем через 54 минуты на вполне свежей лошади, но через 1 минуту после того приехал и подпоручик Бутовский, побивший, следовательно, фон Руммеля (он был пущен вторым – через 2 минуты) ровно на одну минуту. Лошадь подпоручика Бутовского еле передвигала ноги и на артиллерийской улице, подгоняемая хлыстом, моталась из стороны в сторону. Следующими по времени были: поручик Стефанов, Болецкий и полковник Демидов. Первые двое прошли дистанцию менее одного часа, а последний в 1 час 4 секунды. Норма пробега установлена в 1½ часа. Из этой нормы вышли полковник Илькевич (1 час 34 минуты) и Люндеквист, а возвращения Барановского и Снигиревского я так и не дождался, так как должен был торопиться к докладу его высочеству в 1 час дня в Управление бригады... 1-й приз (стик с серебряной ручкой в виде обнаженной женщины, ценою 19 рублей) был присужден подпоручику Бутовскому (ад[ъ]ютант гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона), а 2-й приз (стик с простой серебряной ручкой декаданс в 9 рублей) достался поручику фон Руммелю (адъютант 1 дивизиона бригады). После пробега в собрании состоялся общий завтрак для

«записавшихся» (я не участвовал по причине доклада), окончившийся в конце концов тем, что большинство «намазались». Из посторонних был Генерально-го штаба капитан барон Арпсгофен. Играл наш оркестр музыки.

12 февраля – понедельник.

В прошлую субботу вышло экстренное приказание нашего командира бригады герцога Мекленбургского о постановке лишнего часового и дневального близ боевых комплектов бригады, а также приказание – запереть ворота, выходящие на артиллерийскую улицу. Вместе с тем было отдано, что в понедельник 12 февраля собраться на казенной квартире герцога всем командирам дивизионов, батарей и начальникам команд. Явился также и командир 1 гвардейского парка подполковник Голубцов. Я присутствовал как начальник нестроевой команды.

Герцог сообщил, что в бригаде «случился печальный инцидент», и предоставил слово полковнику Нарковичу. Наркович долго рылся в задних карманах и, наконец, извлек оттуда исписанный лист бумаги и конверт...

Суть дела в следующем:

Несколько дней тому назад к канониру 3 батареи, при выходе его из артели нижних чинов, подходит канонир 4 батареи Герус и предлагает ему поехать к «барышням». На вопрос канонира 3 батареи – находятся ли эти барышни в «публичном» доме, Герус ответил, что барышни бывают не только в публичных домах, но живут и на вольных квартирах и что с одной из таких он близко знаком, другую же он готов уступить ему. Канонир 3 батареи соблазнился предложением, и они поехали на Выборгскую сторону на Тихвинскую улицу. Когда они позвонили в какую-то квартиру, им отворила барышня, которая встретила Геруса словами: «Здравствуйте, товарищ!», а увидев канонира 3 батареи, сказала: «Здравствуйте, молодой товарищ!» После того эта барышня удалилась с Герусом, а к канониру 3 батареи вышла другая «барышня» и прямо приступила к рассказу об организации «социал-революционного комитета» и об устройстве пропаганды в войсках. По ее словам, «сознательные товарищи» имеются во всех гвардейских полках, в особенности среди старослужащих, и задача комитета состоит в том, чтобы привлечь на свою сторону молодых солдат после принятия ими присяги. Члены комитета, по преимуществу «барышни», непрерывно работают в войсках – уже с Пасхи прошлого года. Третья «барышня» этой квартиры «работает» в парке (гвардейского артиллерийского парка) – в Стрельне. Задача этой «барышни» – заставить солдат «похищать» патроны для «комитета». Пока «барышня» выкладывала канониру 3 батареи «программу социал-революционеров», кто-то громко говорил, не обращаясь к канониру, но, очевидно, предназначая свою речь именно ему: «Если кто-нибудь нас выдаст, то, конечно, нас могут схватить и посадить в тюрьмы, но за нас отомстят товарищи, и предатель лишится головы».

Тем не менее, канонир 3 батареи «выдал» «товарищей» и рассказал все командиру. Командир 3 батареи, по приказу командира дивизиона, сообщил все в охранное отделение. Охранное отделение потребовало от канонира № дома по Тихвинской улице, а так как он не знал этого номера, то ему пришлось вторично, под видом «товарища», сходить в комитет и заметить № дома. Кстати: когда этот канонир и Герус выходили из комитета, то им повстречались жандармы. Канонир 3 батареи очень испугался и спросил Геруса – как же он не боится держать квартиру вблизи дома, где живут жандармы. На это Герус возразил, что, во-1), это жандармы – железнодорожные, а во-2), именно благодаря тому, что вблизи находятся жандармы, никто и не подумает, что у них заседает комитет. После 2-го посещения «барышни» сказали канониру, что у них будет заготовлено штатское платье, в которое их будут переодевать, и в таком виде они будут нести патрульную службу на улицах, прилегающих к квартире.

Что касается нашей бригады, то, несомненно, пропаганда пустила в наши казармы свои корни. Канониры собираются на сходки, организуемые «барышнями» на Басковом переулке. Такая сходка не похожа, конечно, на многолюдную толпу, а состоит из отдельных «пар» – солдата и барышни. Последняя сходка была в пятницу на прошлой неделе – на Басковом переулке. Предполагались сходки в ветеринарном лазарете и в большом манеже (?!), но они не состоялись. Этот же канонир 3 батареи, сидя однажды под арестом (на этих днях) за игру в карты, удостоверяет, что сидящий там «политический» – канонир 6 батареи Шевелев – продолжает быть центром преступной организации, имеет сообщение с другими канонирами (арестованными и караулом) и что в его пользу канониры собирали деньги. У полковника Нарковича оказался и список нижних чинов нашей бригады, кои «замешаны» так или иначе в политическую пропаганду.

Вот он:

Фельдшер бригадного лазарета Лебедев (один из главных организаторов «пропаганды»)

В хоре музыки («вообще много», но известны фамилии четырех):

2) Шалягин

3) Юрьев

4) Черников

5) Шкнель (??) (такого нет)

В учебной команде:

6) младший фейерверкер Сучкин (2 батареи – отделенный начальник)

В ремонтной команде:

7) Егоров (3 батареи, в госпитале)

В нестроевой команде

НЕТ!!..

В 1 его высочества батарее:

8) младший фейерв[еркер] Лапшин.

Во 2 батарее:

9) канонир Боровой (из разжалованных)

В 3 батарее:

10) бомбардир Грицук

11) канонир Зиминской оба бывали на «собраниях»

12) бомбардир Молоканов

13) канонир Пахмутов

В 4 батарее:

14) бомбардир-наводчик Сидоренко

15) капитан Ломанов (??) (такого нет)

16) канонир Герус («сознательный» товарищ)

В 5 батарее:

17) 2 нижних чина (фамилии неизвестны), но «главный деятель» в отпуску (Филиппов?)

В 6 батарее:

18) Шевелев («политический»)

19) слесарь Жуковский

20) канонир Мантвилов

21) канонир Ткач (вестовой капитана Гирша)

В 1 стрелковой батарее:

(фамилии неизвестны)

Во 2 стрелковой батарее:

22) младший фейерверкер Багнюк

23) канонир Кириллов (молодой солдат)

24) канонир Софронов (?)

25) молодой солдат Абрамов

26) канонир Устинович

27) фейерверкер Шемякин

В ветеринарном лазарете:

28) ветеринарный фельдшер Пономарев (4 батареи).

В виду сообщенных сведений – герцог решил:

1) Воспретить хождение нижних чинов без оружия по Баскову переулку и артиллерийской улице.

2) Вставить стекла в окошечках карцеров.

3) Сделать внезапный обыск во всей бригаде в понедельник 19 февраля в 9½ часов утра. Об этом решении не говорить никому.

<...>³

скупают кет⁴ за гроши и перевозят к себе на родину...

18 февраля – воскресенье.

В 8 часов вечера вместе с Н. Н. Ушаковым я был на концерте и балу в 1 кадетском корпусе – по случаю 175-летнего юбилея. Мой родной корпус получил высокие царские милости: государь назначил себя шефом корпуса и дал роте его величества вензеля императора Николая 1. Все прочие кадеты получили на погоны вместо 1 К. вензель императрицы Анны Иоанновны. На концерте были: великий князь Константин Константинович с женой, Татьяной и Иоанном Константиновичами, Сергей Михайлович, принц А. П. Ольденбургский, генерал Куропаткин, Бирилев (бывший морской министр), Щербаков (стихотропатель 1 корпуса), Маслов, Нищенков, Коленкин и мн[огие] др.

20 февраля – вторник.

С неделю тому назад в «Русском инвалиде» появилось письмо в редакцию известного историографа Михаила Соколовского с призывом организовать «Военно-историческое общество». Я послал письмо г. Соколовскому, выразив сочувствие его идее и готовность участвовать в комитете по организации этого общества. Сегодня г. Соколовский был у меня на квартире и, после предварительных переговоров, пригласил на 1 заседание к себе на Вас[ильевский] остров в субботу в 8 часов вечера.

21 февраля – среда.

От 9½ часов утра во всей бригаде по экстренному приказу герцога был произведен у нижних чинов обыск (см. 12 февраля). В понедельник обыск был отменен, так как слух об открытии участников социал-революционного комитета проник в бригаду. Между прочим, один из числа поименованных в моем списке, бомбардир 4 батареи Сидоренко, сбежал из батареи. Я произвел обыск (вернее – осмотр сундуков и столиков) в нестроевой команде. Ничего преступного я не нашел. Знаю, что в 4 батарее полковник Смысловский нашел у канонира Геруса (см. 12 февраля) целый ворох нелегальной литературы. Много нижних чинов арестовано...

³ Часть текста отсутствует, лист между стр. 16 и 19 (по авторской пагинации) вырезан.

⁴ Кет – полосатая ткань из льна или конопли (В.И. Даль).

23 февраля – пятница.

От 10 до 12 часов утра участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» (см. 16 февраля).

От 12½ час[ов] до 2½ часов участвовал в мобилизационной комиссии (см. 6 февраля).

Сегодня в нашей новой дубовой столовой (в офицерском собрании) повесили 2 лосиных головы – презент полковника Фуфаевского. Одного лося Сергей Леонидович застрелил сам, другую же голову купил. Еще ранее полковника Фуфаевского подарено капитаном Рерберг и повешено два овальных щита с тетеревом и тетеркой. Великолепная традиция – дарить хоть что-нибудь в собрание своей родной части – понемногу получает в нашей бригаде должную оценку.

24 февраля – суббота.

В 2 часа дня – перед обычным докладом чинов бригадного Управления герцогу – на его квартиру (Фонтанка) (герцог, по легкому нездоровью, уже три дня не выходит из дому и принимает нас у себя во дворце) собрались все врачи бригады, заведывающий учебной командой капитан Пономаревский-Свидерский, заведывающий ремонтной командой капитан Гирш и капельмейстер Каукаль. Герцог прочел нам «секретное» письмо командира корпуса о том, что социал-революционеры в лице особого «Военного союза» (переписка этого союза захвачена при недавнем обыске в Политехническом институте) решили все усилия направить на пропаганду среди солдат и офицеров... И т. д. «Принять меры... он надеется... уверен...» и тому подобное. А кроме того, всем офицерам и чиновникам Гвардейского корпуса запрещается бывать в Думе Государственной на заседаниях (почему????!?!?!).

После наших докладов герцог, несмотря на свою простуду, поехал к 4 часам дня в бригаду – в ремонтную команду (заведывающий капитан Гирш), которая на этих днях коллективно отказалась мыть полы в своей команде.

К 8 часам я и поручик Ушаков поехали на квартиру Михаила Константиновича Соколовского (Вас[ильевский] о[стро]в, 10 линия, д. № 15) (см. 20 февраля). Тут состоялось 1-е заседание по вопросу о учреждении «О[бщест]ва военной старины». Присутствовали на заседании следующие лица:

1) М. К. Соколовский (хозяин квартиры и инициатор возникающего общества)

2) Генерального штаба генерал-лейтенант Мышлаевский (дежурный генерал)

3) генерал-лейтенант Каменский

4) полковник Генерального штаба Кияновский

5) г. Фармаковский (секретарь Императорского Археологического общества)

- 6) Капитан Жерве
 - 7) Капитан Гулевич
- } лейб-гвардии Финляндского полка
- 8) подполковник Струков, артиллерист, заведывающий артиллерийским музеем

9) есаул Железнов лейб-гвардии Уральской его величества сотни

10) поручик Заржицкий – штабс-ротмистр гвардейского Полевого жан-дармского эскадрона

11) штабс-ротмистр Саско, поручик лейб-гвардии Литовского полка

12) я

13) поручик Ушаков – лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

Председателем собрания, его руководителем и главным оратором был генерал Мышлаевский. Обсуждение вопросов закончилось к 9½ часам веч[ера], после чего к нам вышла жена Михаила Константиновича – г-жа Соколовская, и мы все перешли в столовую, где был сервирован чай. Г-жа Тира Соколовская известна в исторической литературе как исследовательница «масонства» и одна из немногих женщин имеет знак за окончание СПб. Археологического института. Следующее заседание назначено на 10 марта на квартире генерала Мышлаевского.

26 февраля – понедельник.

Вместе с Д. В. Альтфатером ездил в Благовещенский госпиталь – посетить лежащего там поручика нашей бригады Шанявского. У Ш. брюшной тиф или вроде того.

В 11 часов вечера 1 его высочества батарея чествовала ужином у «Донна» ушедшего из нашей бригады Генерального штаба капитана Андрея Владимировича Арпсгофена. На ужин собрались:

1) генерал-майор герцог Мекленбургский

2) флигель-адъютант полковник Демидов

3) капитан Гродский

4) штабс-капитан фон Энден

5) я

6) поручик Курбатов

7) – Ушаков

8) – Наркович

9) – Есимантовский

10) полковник Фуфаевский

11) – Пономаревский-Свидерский

12) подпоручик Древинг (недавно переведенный в батарею лейб-гвардии из 3 артиллерийской бригады).

Из подписавшихся на жетон барону не было генерала Леховича, Коленкина и Потоцкого и полковника Гартунга (в артиллерийской школе).

Подполковник Базаров, служивший вместе с бароном, по непонятным для меня причинам не только не был на ужине, но и не подписался на жетон. (Т. е. не ответил на письменное предложение.) В конце ужина его высочество от имени всех собравшихся поднес барону наш «традиционный знак» и провозгласил его здоровье. Разошлись поздно – в 3½ часа ночи.

28 февраля – среда.

В 10 часов утра к нам в бригаду должен был приехать командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов. Настоящая цель его приезда не была ясна даже для меня, хотя я и знал те 2 «события» или «происшествия» (о них скажу ниже), которые могли послужить для того поводом. Уже в самом начале десятого часа в большой манеж стали собираться и выстраиваться все фельдфебеля, фейерверкеры и старшие в командах, одетые в гимнастические белые рубахи. На флангах встали гг. офицеры в сюртуках. Я – на фланге начальствующих нижних чинов от Управления бригады, нестроевой команды (ст[арший] нестроевой Александров и младший нестроевой Гаврилов), хора певчих и хора музыки.

В 9½ часов пришел в манеж командир бригады герцог Мекленбургский, после чего мы прождали еще полчаса, и только в начале одиннадцатого прибыл командир Гвардейского корпуса.

Поздоровавшись с людьми своим обычным «Здорово, батарейцы!», он попросил всех гг. офицеров перейти на правый фланг. Едва мы установились на правом фланге, как Данилов попросил нас встать против своих батарей и команд, спиной и ближе к барьеру. Воцарилась тишина, и я с нетерпением стал ждать первых слов начальника, боясь проронить вступительную фразу, обращенную к нижним чинам.

– Я очень недоволен 1-й бригадой!!

Так вот зачем пожаловал к нам командир Гвардейского корпуса!! Он недоволен нашей бригадой, которая, по моему мнению, лучшая часть во всем Гвардейском корпусе!

Что же послужило причиной его недовольства? После целого ряда глупо-бессмысленных выкриков Данилова я понял, наконец, в чем дело. Командир корпуса «цукает» нас за обнаруженную «крамолу», о которой я подробно записал 12 февраля.

Я совершенно не в состоянии повторить, хоть приблизительно, речь Данилова. Повторяю, что это не была даже речь, а были отдельные выкрики, бессвязные, грубые и – увы! – бессмысленные... Слышались фразы: «Бога забыли! Черта помните: с чертом веселее!», «Продали душу своим дьяволам», «Продались жидам» (!!???) и проч. Обратившись к нам, офицерам, Данилов сказал, что «вы слишком нежничаете с ними (т. е. с нижними чинами),шкуру драть с них нужно».

Далее Данилов долго, длинно и скучно стал выделять фельдфебелей и взводных в особый строй. Вспомнив, что в 1 стрелковой батарее не было замешано ни одного нижнего чина (т. е. не было упомянуто фамилий в том списке, который представил полковник Наркович 12 февраля. Кстати: в моей нестроевой команде тоже никто не был замешан, но об этом забыли!) – Данилов громко поблагодарил фельдфебеля и взводных, а потом пожал руку полковнику Пономаревскому-Свидерскому и офицерам батареи подпоручику Сергеевскому и фон Рейнгардту (штабс-капитана Беляева не было). В самом начале «речей» Данилова я был прямо взбешен. Его тяжкие обвинения и обиды, наносимые бригаде, казались мне чудовищно несправедливыми. Его частое упоминание, что бригада «опорочена», «на бригаде лежит пятно», что «раньше» бригада была на высоте, а теперь упала, – не были для меня понятными, так как я, по совести, не считал и не считаю бригаду ни опороченной, ни запятнанной. Но тяжкие обвинения Данилова – не миф. Они сыпятся на нас все сильнее и сильнее, и к концу его речей для меня становится совершенно ясным, что тут кроется какое-то колоссальное недоразумение, что Данилов выкрикивает оскорбительные и несправедливые слова на основании каких-то сведений, более мрачных и более серьезных, чем те, кои существуют в действительности. В действительности мы знаем (см. 12 февраля), что один нижний чин увлек другого нижнего чина в революционное общество. Этот другой нижний чин не только не присоединился к преступной организации, но все это поведал своему командиру и помог раскрыть всю организацию. В результате появился список с фамилиями нижних чинов бригады, «будто бы» замешанных в политической пропаганде. Я говорю «будто бы» потому, что следствие не кончено, следствие ничего не выяснило и даже, например, выяснило, что оговоренный фейерверкер 1 его высочества батарее Лапшин ни в чем не повинен. Есть в списке несколько фамилий, которые не принадлежат вовсе чинам бригады. И вот на основании этого «шаткого» списка все «дело» докладывается Данилову так, как будто «зараза уже глубоко пустила в 1 бригаде свои корни», так что Данилов глубокомысленно замечает, «можно ли эту заразу еще искоренить»!! Случай, неизбежный в наше тревожное время, случай – подобных коему было во всех частях Гвардейского корпуса миллион (в Стрелковом полку, в Конной гвардии и проч.), возводится в ужасное происшествие только потому, что он случился в несчастной пешей артиллерии, в «ученом» роде войск, где само начальство в лице нашего командира и типичного мандриллы Фан-дер-Флита не только не защитило бригаду от несправедливых упреков, но само себя оклеветало и очернило перед начальством. Я был так наивен, я еще так молодо верил в справедливость, что в тайниках своей души я думал, что Данилов нас приедет благодарить за раскрытие этой тайной организации, за то, что наше начальство честно и благородно, ничего не скрывая, рассказало своему начальнику артиллерии и командиру корпуса

все событие и вместе с тем уже энергично «вырывало» всю заразу. Наши командиры батарей, как, например, Наркович и Илькевич, кои день-деньской сидят в своих батареях, не могут бояться, что их обвинят в недостаточном присмотре за нижними чинами. Вся бригада не может бояться, что ее обвинят в отсутствии дисциплины, в отсутствии внутреннего порядка, наконец в отсутствии правильного понимания своего служебного долга!..

Увы! Во всем этом нас обвинили!.. Данилов нам ставил в пример лейб-гвардии Стрелковый полк, где ротные командиры занимаются со своими нижними чинами, он ставил нам в пример лейб-гвардии Конный полк, где «заразу» потушили в корне, а у нас она разрослась, так как у нас нет внутреннего порядка и наши «взводные не на высоте». Бригада опозорена, бригада ошельмована!.. За что, за что?

Уже отказавшись раз от связного пересказа всего того, что произошло в манеже с 10 до 12 часов утра, я снова повторяю, что и в дальнейшем изложении не придерживаюсь строго хронологического порядка... Занесу лишь отдельные эпизоды, достойные быть увековеченными. Когда после долгой процедуры все взводные фейерверкеры были выделены и построены отдельно, генерал Данилов подошел к взводу 1 его высочества батареи, сзади которой были выстроены взводные фейерверкеры 2 и 3 батареи (т. е. весь 1 дивизион), и спросил командира 1 дивизиона полковника Масалитинова – занимается ли он с фейерверкерами, знает ли их всех и беседует ли с ними. Полковник Масалитинов ответил, что «никак нет», на что Данилов быстро возразил:

– А ведь это полагается!

Но тут вмешался герцог и объяснил, что дивизионер пользуется правами полковых командиров, и занятия с фейерверкерами ведутся батарейными командирами. После того «на линию» был вызван командир 1 его высочества батареи флигель-адъютант полковник Демидов, которому Данилов задал вопрос: «Знаете ли вы ваших фейерверкеров?» и после утвердительного ответа предложил назвать их по фамилиям. Демидов назвал. Когда же Данилов спросил – какой губернии один из фейерверкеров Демидов ответил: «Не помню», что дало повод генералу Данилову громогласно заявить, что командиры недостаточно знают своих фейерверкеров. После этого инцидента Данилов снова обратился ко всем офицерам бригады и, рекомендуя нам обратить все наше внимание на занятия со взводными фейерверкерами, пустил «шпильку», что «может быть господа артиллеристы» находят его мнение, «основанное на глубоком опыте», неправильным, что «его быт ПЕХОТНЫЙ» и к артиллерии неприменим, но и он – Данилов – поступает в своих приказаниях чрезвычайно осторожно и в тех случаях, когда он сомневается, может ли его мера быть применима к артиллерии, он всегда раньше советуется с начальником артиллерии. «Поучение» и «шпилька» закончились самовосхвалением, что «мой опыт основан на долголетней службе» и что «я служил так, как лучше нельзя!».

Во всей этой гнусной истории, разыгравшейся в манеже, был и «вставной №», звучавший диссонансом. Для того чтобы было понятно мое дальнейшее изложение, мне необходимо предпослать маленькое вступление. 20 февраля, в день открытия Государственной Думы, толпа «неучащейся молодежи» и рабочих не раз проходила по Литейному проспекту мимо окон наших казарм... Это были отдельные волны того революционного моря (болота?), которое разлилось главным образом по Шпалерной улице, близ Думы, и с которым вступили в борьбу жандармы и полиция. Среди этой толпы офицерами бригады был замечен какой-то солдат, развязно шедший с неучащимся студентом... Ими были приняты меры к его задержанию, и действительно через некоторое время этот солдат уже был приведен в швейцарскую собрания поручиком Рейнталем. Сперва было усумнились – он ли был в толпе, но при обыске (при арестовании) в карманах его нашли нелегальные газеты-прокламации и несколько стихотворений с оскорблением ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и властей. Солдат оказался из разжалованных унтер-офицеров и шел с казенным пакетом в свой полк (армейский, Петербургского округа). Спустя некоторое время в собрание бригады был приведен поручиком Барановским какой-то военный писарь, который не отдал ему честь и не имел при себе увольнительного знака. Когда дежурный по бригаде офицер поручик Матвеев расспрашивал этого писаря – последний держал себя весьма свободно, заявив, что он идет с важными бумагами к генералу Поливанову (помощник военного министра) и что если его арестуют, то «вам будет неприятность, в[аше] в[ысокоблагород]ие!». Матвеев, недолго думая, посадил его под арест, а потом вместе с задержанным ранее солдатом отправил их обоих под конвоем в комендантское управление.

Дальше идет комическая часть события, но для некоторых «мандрилл» казавшаяся трагической. Развязный писарь оказался действительно писарем Поливанова, и Поливанов прождал его прихода с «важными» бумагами до позднего вечера. Узнав по телефону из Комендантского, что его «писарь» задержан и «сидит», «его превосходительство изволил рассердиться» (как выразился герцог). Забили тревогу. Пожаловались министру Редигеру, сообщили товарищу фельдцейхмейстера Кузьмину-Караваеву и начальнику артиллерии Фан-дер-Флиту. Последний перетрусил и, как баба, начал причитывать:

«Как можно! Писаря самого Поливанова! С нужными бумагами! Ах да ох!»

Накатали запрос герцогу – почему писаря задержали, раз он назвался «писарем самого Поливанова», и как можно было отправить с конвоем «трехнашивочного», т. е. писаря явно хорошего поведения (?? писарей без нашивок не бывает!)? Герцог ответил с «юмором»: «Поведение писаря не внушало доверия», а «его развязность говорила скорее о его плохом по-

ведении. Что касается способа препровождения его в комендантское, то, к сожалению, в бригаде нет “особых карет” для отвоза задерживаемых... (эту фразу потом вычеркнули). Мы негодовали. Неужели все начальство настолько одряхлело и оподлело, что способно винить офицера за исполнение им своих прямых обязанностей (еще недавно «строжайше» подтверждалось, чтобы офицеры следили за нижними чинами на улице) только потому, что попался писарь военного бюрократа, не способного заставить ОДНОГО подчиненного ему нижнего чина быть дисциплинированным, но зато способного требовать от любого подпоручика, чтобы этот подпоручик держал в своих руках 150–200 человек!!!!

К счастью, мы ошиблись. Генерал Данилов от имени главнокомандующего великого князя Николая Николаевича поблагодарил в манеже поручика Барановского. Поручика Рейнталя в манеже не было (он был дежурным по госпиталю), и Данилов просил герцога передать Рейнталю от имени его императорского высочества – благодарность, что и было исполнено герцогом на другой день.

Этот вставной номер наводит на следующее размышление. Всегда ближайшее начальство (командир бригады и начальник артиллерии) могут повернуть всякое дело на пользу и добрую славу бригады. Стоило только начальству доложить в благоприятном смысле о поступке поручиков Барановского и Рейнталя – и в результате благодарность. И стоило только начальству доложить в неблагоприятном смысле о «крамоле», и в результате – выговор. А на самом деле ни то, ни другое события вовсе не так важны, оба события «раздуты» – одно в подвиг, другое в подлость. Пари держу, что будь у нас командир бригады умный и ловкий человек (например, Лехович) – мы бы за обнаружение крамолы получили бы не выговор, а благодарность... А теперь... Теперь «бригада покрыта позором»...

Продолжаю.

Отделив взводных фейерверкеров от младших – генерал Данилов «поговорил» с младшими, заставив их раз пять «постараться», и наконец отпустил из манежа. Взводным он намекал, что он «все знает», что среди фейерверкеров он «заметил одного» и т. д. Но вот и взводные ушли из манежа. Остались одни офицеры, кои кольцом окружили Данилова: дивизионеры и командиры батарей впереди.

«Укоры» Данилова и его «хвала» других частей мною уже отчасти переданы. Прибавлю только, что когда его несправедливые слова достигли наивысшего давления – начальник артиллерии генерал Фан-дер-Флит «впервые» вступился за бригаду, заявив, что командиров и офицеров нельзя упрекать, что они мало занимаются с фейерверкерами.

Под конец генерал Данилов пожелал «ближе» познакомиться со штаб-офицерами, а посему начал, приступив с одного из флангов, спрашивать их

фамилии. Последним стоял командир 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Фурман. Данилов заметил ему, что «вот у вас много замешанных», на что Фурман начал возражать, что «что же мне с ними делать? я их всех знаю, я об этом докладываю его высочеству и т. д.». Возражения «озлили» Данилова; он ухватился за фразу Фурмана «я не знаю, что с ними делать» и заявил, что «с такими взглядами служить нельзя», что «так мне отвечали всегда моряки: “мы не можем ничего поделаться с матросами”, с такими взглядами нужно уходить в отставку», «закон дает вам громадную власть, посадите его под арест, выпустите и опять посадите, – пусть он сгниет под арестом» и т. д. В заключение он прибавил, что если бы он был таких взглядов, то «он бы застрелился»...

Явное недоразумение, я думаю, чувствовалось всеми... Данилов укорил Фурмана, что у него «много» крамольников, а Фурман был вполне прав, заявив, что он не может же это число уменьшить, раз такое число поступило из деревень. Правда, они могут исправиться, но Фурман же и удостоверяет, что все эти «квази-крамольники» ведут себя вполне хорошо и ни в чем не замечены. В чем же вина Фурмана? Можно подумать, что Фурман пасует вообще перед возможностью держать батарею в должном порядке, но об этом речи не было... Данилов снова горячится, а Фурман снова возражает, несмотря на знаки, какие ему делает Фан-дер-Флит. Неожиданно Данилов обращается ко всем нам и спрашивает: «Может быть, вы все ТАКИХ взглядов, как полковник...», а затем обращается к герцогу и задает ему вопрос:

«Ваше высочество! Вы принимаете мою сторону или сторону полковника...»

Герцог отвечал уклончиво:

«Какие-нибудь меры нужно принять, ваше превосходительство».

Вдруг выдвигается полковник Зедергольм (командир гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) и, приложив руку к козырьку, докладывает:

– Как ближайший начальник командира 2 стрелковой батареи я должен доложить, что я вообще противоположных взглядов на службу с полковником Фурманом!

Данилов быстро поклонился Зедергольму и проговорил: «Вот благодарю вас». За эти три слова Зедергольм продал Фурмана и продал бригаду!!.. Явное недоразумение он не разъяснил, а закрепил, оставив у Данилова вечное убеждение, что в бригаде (в Стрелковом дивизионе) есть командиры, которые, как «самотопы» не понимают воинского духа и дисциплины и беспомощно слагают с себя ответственность за порядок в части!!..

Зедергольм! Твой поступок – подлость!!..

Если бы ты любил свою часть, ты бы не мог так поступить!!..

На прощанье Данилов подал нам всем руку...

1 марта – четверг.

Участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей» с 10 часов утра до 11 часов 20 минут (см. 23 февраля).

2 марта – пятница.

В 11½ часов утра в собрании бригады собрались все штаб- и обер-офицеры для выслушания «речи» нашего командира герцога Мекленбургского. Герцог заявил, что он «даст указания» в связи с теми указаниями, которые дал командир корпуса. Сущность их состоит в поднятии значения взводных фейерверкеров, которые должны быть настоящими и ответственными помощниками гг. офицеров. Гг. обер-офицеры должны чаще беседовать с нижними чинами «на произвольные темы», впрочем, избегая «политических тем». Офицеры должны «чувствовать пульс нижних чинов». Желательно, чтобы офицеры в батареях поочередно посещали казармы по вечерам и ночью. Самому командиру бригады командир корпуса указал, чтобы он практиковал следующую меру: «посылать записки дежурному офицеру или батарейному командиру, коей предписывается в определенный час проверить такой-то взвод и подробно донести о результате проверки командиру бригады».

В 10 часов утра герцог собирал в гимнастическом зале всех сверхсрочнослужащих нижних чинов бригады и говорил с ними на ту же тему, что и с нами. Дружная работа всех начальствующих чинов бригады крайне необходима для поддержания славы и чести бригады.

Следствие о нижних чинах, упомянутых в списке (см. 12 февраля), ведет полковник Пономаревский-Свидерский.

3 марта – суббота.

Вместе с Н. А. Илькевичем был на:

- 1) выставке картин Русско-японской войны (в здании Академии наук) и
- 2) на передвижной выставке (35-й) в доме Императорского Общества поощрения художеств.

4 марта – воскресенье.

К 9 часам вечера я, по обыкновению, пошел на переключку в свою нестроевую команду, а затем зашел в собрание выпить чаю. Дежурными были: штабс-капитан фон Энден и поручик Стефанов. Через некоторое время пришли в собрание полковник Смысловский (командир 4 батареи, вр[еменно] командующий 2 дивизионом) и подпоручик Перлик. В начале одиннадцатого часа прибегает трубач и сообщает, что командир Гвардейского корпуса в 4 батарее. Мы все поспешили туда и действительно увидели генерал-адъютанта Данилова, вместе с нашим командиром герцогом Мекленбургским проверяющего спящих людей батареи. Из 4 батареи Данилов прошел в ремонтную

команду, хор певчих, школу воспитанников и, наконец, ко мне – в нестроевую команду. У меня все было в образцовом порядке. После подробного осмотра и расспросов дневального по команде генерал Данилов выразил герцогу благодарность по поводу найденного им порядка в бригаде... К концу его обхода уже собралось много батарейных командиров и офицеров бригады. Прибыл и начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Фан-дер-Флит. По отъезде командира Гвардейского корпуса (в 11 часов вечера) начальник артиллерии заявил, что он очень рад, что командир корпуса лично убедился, что бригада находится в образцовом порядке, что он «болеет душой» по поводу слов командира корпуса: «бригада опорочена».

– Ничем она не опорочена! – воскликнул Фан-дер-Флит (см. 28 февраля).

Русский человек крепок задним умом! Неосторожно представив командиру корпуса какой-то фиктивно-шаткий список «подозрительных», представив его ДО дознания и следствия, начальник артиллерии хочет теперь ехать к командиру корпуса и доказать ему, что «дело» обстоит вовсе не так, что «подозрительных» всего 8 человек во всей бригаде... Эту цифру 8 раскрыло то следствие, которое производил полковник Пономаревский-Свидерский. Об организации в бригаде пропаганды ра[с]крыл не только упомянутый мной канонир 3 батареи (см. 12 февраля), но еще и канонир 4 батареи Черных. Главными деятелями были: канонир 4 батареи Герус и фельдшер Лебедев... Да! Эта «история» заставила нашу бригадную жизнь идти ускоренным темпом... «Секретных» слухов не оберешься. Мне как «летописцу» приходится осторожно и тщательно наводить все справки. Хотелось бы не писать до окончательного выяснения вопроса, но боюсь забыть или неверно передать жгучую новость, которая через 2–3 дня может смениться другою новостью, способной отодвинуть на второй план или совсем затушевать первую... Например, хоть такая новость:

Герцог решил подать рапорт об отчислении себя от командования бригадой с отъездом в 11-месячный отпуск. Уж он велел бригадному адъютанту заготовить соответствующий рапорт и дать ему завтра на подпись. Адъютант штабс-капитан Фриде передал эту новость полковнику Масалитинову. Было решено, что командиры дивизионов будут просить его высочество не подавать рапорт и тем не подвергать родную бригаду в море лживых слухов, пересудов и проч. На другой день (5 марта) командир стрелкового дивизиона полковник Зедергольм уже передавал в собрании, что герцог был очень «растроган» и согласился не подавать рапорт.

А вот и 2-я новость.

Полковник Фурман, командир 2 стрелковой батареи, подает рапорт в отставку. Это тот самый Фурман, с которым вышла летом 1906 года крупная история у полковника Пономаревского-Свидерского (командир 1 стрелковой батареи), и тот самый Фурман, которому генерал-адъютант Данилов нагово-

рил столько «кислых» слов 28 февраля. Точные мотивы, благодаря которым хотел подать рапорт командир бригады и благодаря которым подал рапорт полковник Фурман – мне не известны. Помимо «кислых слов» полковник Фурман, говорят, не аттестован на командира дивизиона... Этот факт – глубоко знаменательный, так как с внешней стороны полковник Фурман как строевой начальник – архивыдающийся! Он знает стрельбу, изобрел великолепный угломер, дивно знает хозяйство и большой работник... Но... но он не умеет ладить с офицерами и начальством, он «задира» и «пасквилянт», он «жидомор», как в домашнем быту, так и у себя в батарее. Его люди одеты хуже всех в бригаде. На пищу, освещение, отопление и проч. он тоже скуп...

5 марта – понедельник.

От 10 часов утра у меня обычная поверка дровяного двора.

6 марта – вторник.

Предварительное следствие над нижними чинами, как я сказал, вел полковник Пономаревский-Свидерский (см. 4 марта), и это следствие выявило несомненное участие в «пропаганде» 8 нижних чинов. Сегодня эти 8 человек отправлены в тюрьму. Вот фамилии их:

- 1) 3 батареи Грицук,
- 2) – Зиминский
- 3) 4 бат[а]реи Герус
- 4) 6 бат. Шевелев
- 5) – Жуковский
- 6) – Мантвилов
- 7) хора музыки Шалягин и
- 8) лазарета фельдшер Лебедев.

9 марта – пятница.

В 12¼ часов все офицеры бригады собрались в собрании, где герцог спросил нас – желаем ли мы поднести «приветствие» (адрес) Константиновскому училищу в день его столетнего юбилея, так как среди нас есть «питомники» (!?) этого училища. Конечно, все согласились. Текст адреса поручено написать полковнику Смысловскому. После общего собрания герцог пригласил в гостиную всех штаб-офицеров, адъютанта, заведывающего учебной командой и меня и прочел нам новое секретное письмо командира Гвардейского корпуса (на имя начальника артиллерии Гвардейского корпуса) (см. 24 февраля).

Мотив письма: надзор за посетителями, увольнение со двора и проч. и проч.

Вчера герцог впервые применил меру, рекомендованную ему командиром Гвардейского корпуса: он прислал собственноручное письмо дежур-

ному по бригаде поручику Рейнталю с надписью: «вскрыть в 2 часа ночи» (см. 2 марта). В письме было приказание осмотреть «такие-то взводы таких-то батарей». О всем найденном и замечаниях дежурный офицер подал подробный рапорт.

Недурной каламбур:

«Парламент наш воды еще немного потолок,
Как вдруг обрушился над Думой потолок!»

1907

641

10 марта – суббота.

Сегодня вечером на квартире у генерала Мышлаевского должно было состояться 2-е заседание членов-учредителей «О[бщест]ва военной старины» (см. 24 февраля). За двухнедельный промежуток времени «нарождающееся общество» давало о себе знать небольшими газетными статьями и письмами в редакции, появившимися в «Русском инвалиде». Первым написал капитан лейб-гвардии Финляндского полка Жерве... Так как Жерве не упомянул, где именно собиралось 1-е заседание и кто собственно инициатор общества, то М. К. Соколовский прислал в «[Русский] инвалид» поправку, что заседание происходило у него на квартире и что устав поручено разрабатывать ему – Соколовскому. На 2-ю статью, появившуюся в том же «[Русском] инвалиде» за подписью Г-ч (ротмистр Григорович), Соколовский опять возражал, подчеркивая свою «инициативу» (что, конечно, верно) в деле организации молодого общества. Кроме того, небольшая заметка среди «хроники» появилась и в «Новом времени»... Эти два «возражения» и «заметка» оказались роковыми для «единения» и «дружной работы» господ «учредителей»... Генерал Мышлаевский, как оказывается, «не перенес» «дерзость» Соколовского – считать себя инициатором возникающего общества, тогда как «сам» его превосходительство еще много лет тому назад «думал» об основании такого же общества...

Ничего не подозревавший М. К. Соколовский, между тем, деятельно готовил материал для 2-го заседания. Написал проект устава нашего общества, приложил к нему объяснительную записку и несколько справочных таблиц, отпечатал все это в 16 экземплярах (часть приложений давал переписывать и печатать на свой счет – я) и разослал участникам 1-го заседания на просмотр и исправление... Как вдруг (о Русь!!..) я получаю телефонограмму, что заседание у генерала Мышлаевского не состоится... Лечу в пятницу (9 марта) к М. К. Соколовскому на Вас[ильевский] остров (Соколовский по легкому нездоровью не выходит из дому) и узнаю от него, что генерал Мышлаевский письмом уведомил его, что он «выходит» из нашего общества. Причина – «обида» за статьи (!!?) Соколовского, в которых тот «дерзновенно» считает себя «инициатором» общества. В первую ми-

нута я вполне готов был присоединиться и поддержать Соколовского в его решении «наплевать» на «важного» генерала и обойтись без него. Можно основать общество «явочным» порядком, а не через военного министра, и все дело будет оборудовано проще и скорее, чем под «просвещенным» руководством Мышлаевского... Того же мнения держались Н. Н. Ушаков и есаул Железнов, у которого я был в субботу 10 марта. Но генерал Мышлаевский быстро переманил к себе большинство участников первого заседания. Генерал Каменский, Кияновский, Струков, Жерве – оказались на стороне Мышлаевского, и все они составили частное собрание, постановили свое особое решение... Теперь они и только они (конечно, под руководством Мышлаевского) самодержавно напишут устав, составят список «своих» учредителей, разошлют этим учредителям устав, и таким образом возникнет «Военно-историческое общество» (уже не «Общество военной старины»), основанное генералом Мышлаевским!!!!.. А бедного Соколовского почтут выбором в число мелких учредителей, имена которых не смогут затмить громкое имя Мышлаевского.

В такой именно фазе стоит пока дело «О[бщест]ва военной старины», возникшее благодаря письму Соколовского. Последний пока владеет еще теми 75 письмами сочувствующих лиц, которые откликнулись на его призыв... Передаст ли он эти письма в распоряжение г. Мышлаевского и откажется от всякой инициативы, или же будет бороться за свое главенство – покажет будущее...

11 марта – воскресенье.

Был на 1-м «конкуре» в Михайловском манеже. Выступление наших «чемпионов» было, по обыкновению, меланхоличное. Поручик фон Руммель (на лошади штабс-капитана фон Эндена) с места повалил и истоптал все препятствия, а поручик Стефанов (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) при вторичном своем выезде не взял ни одного препятствия, так как лошадь его не пошла на первый же барьер.

Из наших немного: полковник Масалитинов с m^{me} Грек, поручик Рейнталь с m^{me} Казанской (вероятно, его будущей женой после ее развода), поручик Снигиревский, подпоручик Тихобразов и друг[ие].

В ложе можно было видеть генерала Мрозовского с супругой (бывшая г-жа Фуфаевская) и с двумя генералами: Пузыревым и Забудским (Н.).

В 8 часов вечера я и Ушаков были в Императорском Археологическом институте на лекции Тиры Соколовской о Масонстве.

14 марта – среда.

С 12½ часов дня было приказано собраться в офицерском собрании всем гг. офицерам бригады для подписания «адреса» Константиновскому

артиллерийскому училищу (см. 9 марта). Герцог решил подписываться строго по старшинству чинов, что и было исполнено. Адрес мне очень нравится. На кожаной крышке поставлен вензель Петра Великого, две пушки накрест и нагрудной знак 1 его высочества батареи. К ленте из «антилопы» (черная с белыми и красными кантами) привешен наш бригадный жетон (35 рублей). Вовремя подписания адреса произошел обычный инцидент: «стрелки» (т. е. офицеры гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) в лице штабс-капитана Беляева, фон Рейнгардта и др. «обижены», что на заглавном листе адреса не упомянуто «и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион», а только «лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада». Но эта прибавка «и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион» уже давно «изгнана» герцогом из приказов, рапортов – словесных и письменных и проч. Он основывает свое требование на том, что гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион в мирное время, по точному смыслу приказа по в[оенному] в[едомству] 1897 г. о сформировании этого дивизиона, входит в состав бригады в виде 3 дивизиона. Это, конечно, «натяжка», так как Стрелковый дивизион хотя и подчинен «всецело и всемерно» командиру лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и вся переписка идет через управление бригады, но «стрелки» все же имеют свою особую форму (лиловый, а не белый кант), и перемещение из дивизионов бригады в «стрелковый» не во власти командира бригады и даже выше, а производится высочайшими приказами. Но уж такова судьба русской артиллерии!.. У нас все так организовано, что сам черт ногу сломит!.. Ведь до сих пор никто не знает: командир батареи – командир отдельной части или нет? С одной стороны, он «так», а с другой, он «не так»... И в каждом отдельном случае «начальство» может разъяснить и совсем по-иному...

В 2 часа дня член распорядительного комитета офицерского собрания капитан Вешняков и я – поехали на квартиру военного инженера капитана Попова для поднесения ему группы от бригады. Наконец-то! Вопрос о поднесении подарка капитану Попову был решен еще 4 месяца тому назад!! (см. 18 ноября 1906 года). 4 месяца «волочилось» это дело благодаря отсут[ст]вию энергии и интереса к бригаде у наших офицеров. Первый заказчик рамы и двух групп (закладка здания «Зеленые связи» 8 сентября 1906 года) – заведывающий музеем поручик Бородин – успел смениться со своей должности, и наблюдение за заказом перешло к новому заведывающему музеем поручику Барановскому. Раза 3 или 4 рама, заказанная Гофману, приносилась и снова уносилась для переделок. То серебряная надпись на верху рамы «А. А. Попову» оказывалась безобразной и требовала переделки, то нижняя серебряная доска была прибита криво, то задняя крышка, точно в самых дешевеньких рамках, была из простой желтой папки – и рама снова и снова отсылалась фирме для исправлений. За это время большинство офицеров уже позабыло –

за что именно подносится Попову эта рама с группами, и многие думали, что «за постройку “Зеленых связей”» (на самом деле в ответ за его дары в наш музей), и затем удивлялись собственной нелепой выдумке, плотно позабыв единогласное решение общего собрания 18 ноября 1906 года.

Когда рама была окончательно готова, ее показали герцогу. Новое осложнение!!!.. Никто, оказывается, не предупредил командира о решении гг. офицеров. Естественно, что он обиделся и остался недоволен той надписью, которая была выгравирована на нижней серебряной доске: «От общества офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады». Было приказано прибавить: «От командира и...». Вместе с тем герцог приказал выложить подписной лист, дабы гг. офицеры расписывались – кто именно желает подносить подарок Попову! Это «нелепое» распоряжение едва не кончилось сплошным скандалом... Подписной лист долго лежал всего с 2–3 подписями. Одни не расписывались потому, что считали, что раз общее собрание решило поднести подарок от бригады, то тут не место личным подписям и вся бригада должна участвовать в этом подарке. Этого требует честь и достоинство бригады (таково и мое мнение).

Другие, может быть, не расписывались из страха, что подписей наберется всего 5–10 и тогда вся цена рамы (50–60 рублей) будет разложена лишь на них. Большинство же не расписывались «по недоразумению», совершенно не зная, «в чем дело», «за что подносится», «кто и когда решил» и. т. д. и т. д.

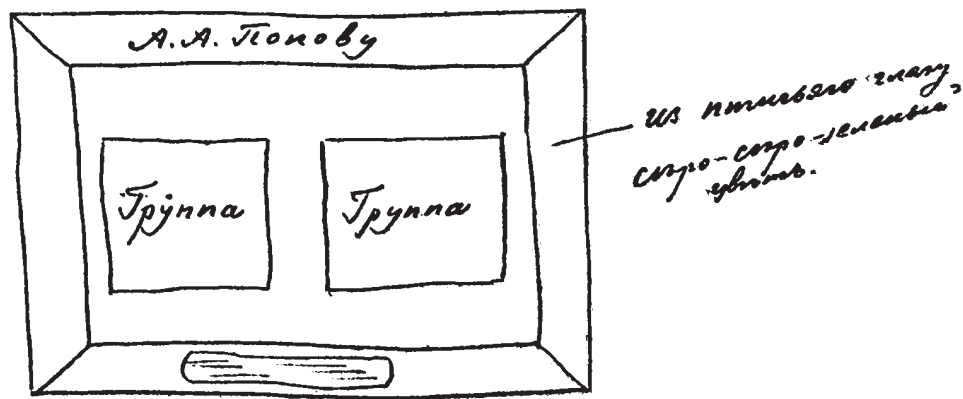
Достаточно сказать, что сам хозяин собрания поручик Дуров (впрочем, побивший рекорд в ничегонеделании на должности хозяина собрания) выложил собственноручную объяснительную записку к подписному листу, что группа подносится Попову «за постройку “Зеленых связей”» (!!??). Конечно, это «объяснение» не послужило к увеличению числа подписей. Пришлось самому Илькевичу (председателю распорядительного комитета) взять в свои руки инициативу. Он написал «настоящую» объяснительную записку и лично объяснял делопроизводителям всех батарей и другим офицерам все дело... Я тоже способствовал разъяснению всех недоразумений... Благодаря этим мерам подписной лист в несколько дней сплошь покрывался подписями.

Из всего мной рассказанного совершенно ясно, что всякие подношения от бригады лицам и учреждениям, т. е. те именно случаи, когда затронуты достоинство и представительство бригады, не могут и не должны быть организованы тем путем, каким было организовано подношение Попову. Тут необходимо вмешательство командира бригады и его властный призыв. Именно то вмешательство и призыв, какое было применено командиром бригады в деле о поднесении адреса Константиновскому училищу. Во-1), никаких дурацких подписных листов; все, вся бригада, как одна семья, решает и подносит адрес, и во-2), к делу привлекаются те лица, кои могут

принести пользу и не будучи на должностях «заведывающего музеем», «хозяина собрания» и пр. Например: текст адреса было поручено написать полковнику Смысловскому, что он и исполнил весьма удовлетворительно. Благодаря этим двум причинам задуманное подношение выполняется «скоро и хорошо». Если в конце концов подношение Попову, к счастью, окончилось «хорошо», то что касается скорости, то о ней лучше и не говорить... Прибыв на квартиру капитана Попова, капитан Вешняков сказал ему следующую речь: «Многоуважаемый Александр Аполлонович, командир и общество офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады просят вас принять эту группу о знаменательном для нас дне закладки здания офицерских квартир под названием “Зеленые связи”». Капитан Попов в ответной речи просил «передать командиру бригады и обществу офицеров», что он глубоко тронут вниманием, что его «заслуг» перед бригадой нет, что он делает все, что в его силах, и просит верить, что и в будущем он всегда будет работать сколько возможно на пользу бригады.

После взаимных расшаркиваний мы усадились в кабинете и, посидев минут 20, распили бутыл[к]у красного вина, предложенную нам капитаном Поповым.

Вот схематический рисунок рамки:

15 марта – четверг.

Сегодня окончены последние 5 стаканчиков, заказанных мною для гг. офицеров у Любавина, и сданы мною хозяину собрания поручику Дурову. С окончанием этих стаканчиков я прекращаю свою деятельность по дальнейшему приему заказов и считаю, что моя затея выполнена весьма удовлетворительно. Всего заказано и сделано 40 стаканов (в том числе 1 – герцога Мекленбургского) на сумму 1000 р[ублей] (см. 16 января).

После долгих годов, когда наш бригадный музей по невежеству или по личным и эгоистическим побуждениям Павла Потоцкого носил офици-

альное название «Музей гвардейской артиллерии», – заблистало, наконец, правильное и отрадное сердцу название «Музей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады». Эти золотые, почти в буквальном смысле слова, буквы (вызолоченное дерево) помещены на арке, обрамляющей вход в музей. Официальное ходатайство командира бригады о перемене названия – еще не удовлетворено, но, несмотря на это, я уже первый, временно заведую музеем, нарушил старую номенклатуру и поместил на фотографическом альбоме Ю. Явида надпись: «Музей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады». С моей легкой руки – все новые папки, плакаты и проч. имеют ту же надпись!.. И, наконец, крупная грандиозная вывеска!!! Слава богу!..

К 8 часам вечера поехал на торжество юбилейных поздравлений в Константиновское артиллерийское училище. Меня влекло, главным образом, любопытство – посмотреть и послушать, как наша бригадная депутация будет читать приветственный адрес училищу. (См. 14 марта.)

Но вы еще ничего не знаете о самой депутации! Дело в том, что всякий командир части постарался бы обставить посылку депутации как можно шикарнее, как то требует высокое достоинство бригады. Но у герцога всегда совершенно особое «высшее» соображение. Он хочет быть справедливым и руководится, главным образом, старшинством, вовсе не считаясь с реальной жизнью... Пришла очередь дать награду полковнику фон Шульману – он и дает ему Владимира несмотря на то, что «фон» не аттестован и заведомо негодный командир... Пришла необходимость назначить депутацию – вот он и валяет по старшинству: двух дивизионеров (полковников Масалитинова и Зедергольма), старшего командира батареи (полковника Нарковича), старшего по чину «константиновца» (капитана Огоновского) и... (тут я не догадываюсь: почему?) штабс-капитана Чернявского. Получилась депутация – хуже нельзя. Масалитинов не имеет голоса и не умеет читать, капитан Огоновский – сущий дикобраз, и все прочие – далеко не представительные. Сперва герцог хотел ехать сам во главе депутации. Это было правильное и единственно достойное решение вопроса. Но вдруг получается телеграмма, что на сегодняшний вечер у главнокомандующего назначена военная игра и герцог туда приглашен. Пришлось поневоле отказаться, но на другой же день вторая телеграмма гласит, что «военная игра» отменяется. И что же? Лентяй-герцог категорически отказывается ехать в училище, и состав депутации остается прежний. Пусть так! Но кто мешал сделать более правильный выбор депутации? Нужно было поставить во главе полковника Демидова, который, во-1), флигель-адъютант и, во-2), обладает громким и внятным голосом. Из обер-офицеров есть много представительных «Гонстантиновцев» – штабс-капитан Явид, поручики Матвеев и Барановский и др. От «стрелков» мог войти членом полковник Пономаревский-Свидерский... Но рассуждениями дела не поправить, и мне пришлось быть очевидцем, как полковник Масалитинов

невнятно и тихо и бесконечно бесцветно прочел наш адрес... Что сказать о других депутациях? Их было много, около 70. Вся церемония продолжалась 2½ часа... Необходимо отметить, что лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада поступила поистине «хамски». Командир бригады генерал Ивашинцев сказал вроде следующего: «Позвольте, ваше высочество (великий князь Сергей Михайлович), офицерам лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады – бывшим воспитанникам Константиновского артиллерийского училища – высказать приветс[т]вие своему родному училищу», после чего штабс-капитан Куликовский прочел адрес. Выходит, что все прочие офицеры лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, вышедшие из Михайловского артиллерийского училища и Пажеского корпуса, не пожелали высказать приветствие училищу, и вся лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада – гвардейская артиллерийская часть – ежегодно комплектуемая юнкерами Константиновского артиллерийского училища – не пожелала сказать приветс[т]вие юбилюру. Поистине – непроходимое недомыслие!

Гвардейская Конно-артиллерийская бригада прислала депутацию, но никакого адреса не поднесла, а полковник Гаспарини сказал приветственное слово «наизусть», закончив его «рыкающим» «ура!»... Гвардейская Запасная батарея совсем не прислала депутации. Поднесенные адреса сплошь покрыли весь громадный стол, за которым сидело высшее начальство (в том числе 2 в нашей форме – генералы от артиллерии Свинын и Оноприенко). Самым богатым адресом был, бесспорно, адрес Михайловского артиллерийского училища – весь серебряный. Наш адрес – один из самых лучших и богатых.

После «акта» я осмотрел небольшой исторический музей училища.

16 марта – пятница.

От 10 – 12 часов утра участвовал в комиссии по оборудованию здания «Зеленые связи» (см. 1 марта).

Вечером был на концерте и балу в Константиновском артиллерийском училище (100-летний юбилей). Шумный успех имел певец Смирнов – бывший воспитанник училища – и артист Озаровский (великолепно прочитал стихотворение: «Как влюбляются от сливы»). Уехал в 1¼ часов ночи.

17 марта – суббота.

В 12¼ часов дня – общее собрание офицеров бригады. Первые два вопроса – о займах собрания – прошли гладко и единогласно. 3-й вопрос – об уничтожении погребов [вин] – уже вызвал протесты на неправильность постановки вопроса в приказе по бригаде. В приказе сказано, что нужно $\frac{2}{3}$ голосов за сохранение погреба. При такой постановке вопроса, естественно, было решено за уничтожение погреба, так как голоса разделились поровну. Справедливы заявления офицеров, что раз погреб существует, то нужно $\frac{2}{3}$ голосов за его

уничтожение, а не за его сохранение. Удостоверяю этот факт, хотя я сам лично подал свой голос за уничтожение, и такая постановка вопроса была выгодна для моих единомышленников. 4-й вопрос – об утверждении изменений в параграфах «Частных правил» нашего собрания, с места вызвал горячие дебаты, перешедшие вскоре в сплошное недоразумение, спор, протесты и проч.

Неуменье полковника Масалитинова руководить собранием сказало-сь в полной мере, а его полное невежество в истории вопроса и вообще в делах собрания немедленно принесло самые печальные плоды. Поручик Шталь заявил, что нельзя баллотировать вопросы, предварительно с ними хорошенько не ознакомившись, а потому следовало бы сперва выложить все изменения в собрании или разослать их офицерам для предварительного знакомства. Тут бы полковнику Масалитинову и выяснить баллотировкой – желают ли офицеры продолжать обсуждение правил или обсуждение отложить, доложив командиру бригады о высказанном желании общего собрания. Но полковник Масалитинов продолжал ставить вопросы на баллотировку, выслушивал попутные возражения и протесты и не принимал никаких мир (да и не мог принять по своему невежеству) для полного освещения вопроса в целом. Наконец случилось то, что должно было случиться. Полковник Илькевич прочел, что один из параграфов положения меняется так: ремонтная смета должна представляться собранием в Управление бригады не 1 мая, а 1 марта, так как теперь общая смета по ремонту казарм составляется и утверждается в течение марта месяца. Пускается вопрос на баллотировку, и почти все офицеры встают за сохранение старой редакции. Так как в воздухе ясно запахло настоящей демонстрацией, то нашему «президиуму» (полковнику Масалитинову, казначею поручику Ушакову и докладчику полковнику Илькевичу) ничего не оставалось, как закрыть собрание, что полковник Масалитинов и сделал... (около 2 часов дня).

В 2 часа дня поехал в артиллерийский исторический музей. Это маленькое событие в моей жизни, так как с поездкой этой связано начало моей работы по составлению полных списков офицерских чинов бригады с 1796 года по сей день. Работу эту я уже задумал давно. Неименее полных списков бригады я считал непростительным упущением. В прошлом году, живя с Илькевичем в Аркашоне, я поделился с ним моей заветной мечтой – увидеть когда-нибудь печатное издание списков бригады. В этом году полковник Илькевич как-то в разговоре с герцогом упомянул про настоятельную необходимость иметь бригадные списки и что эту работу можно было бы поручить Савонько. Герцог об этом сообщил мне, но я заявил, что недостаток времени мешает мне принять эту работу на себя. Потом я пожалел о своем отказе, так как чувствовал, что никто не воз[ь]мет за эту кропотливую и неблагодарную работу. И вот я решился! Несколько дней тому назад (12 марта) я ездил к подполковнику Струкову (заведывающий артиллерийским музеем), и тот на-

значил мне прийти в архив музея в 2 часа – сегодня. Я получил от него бумагу (№ 59) с разрешением работать в архиве и тотчас же приступил к знакомству с описями делам Инспекторским 1796–1808 г. и шт[а]ба генерал-фельдцейхмейстера 1808–1816 гг. – откуда делал выписки тех дел, кои потом я буду брать для прочтения и выписок из архива. Работал до 4 часов дня.

18 марта – воскресенье.

Каламбур «минувшей войны»:

Куропаткин мог бы победить под Мукденом, да не знал – каким «образом». (Известно, что Куропаткина благословили на войну множеством образов.)

19 марта – понедельник.

Вместе с Н. Н. Ушаковым был на концерте в пользу инвалидов в Мариинском театре. Гимн был сыгран до концерта 5 раз и после концерта 3 раза. Особый успех имели балалайки (гусли, ложки). В ложе бель-этажа сидел наш командир бригады герцог Мекленбургский с братом и дамами (графиня Карлова).

20 марта – вторник.

3 и 6 батареи нашей бригады стреляют сегодня в Красном Селе. Это т. н. «зимняя стрельба»: в тени +7°, а на солнце вдвое... настоящая летняя погода. Командир и большинство офицеров уехали на стрельбу, а я воспользовался свободным временем и от 11 часов до 4 час[ов] дня проработал в архиве артиллерийского музея (см. 17 марта).

21 марта – среда.

От 1 часу дня до 1½ участвовал в комиссии по освежению походных чемоданов-вьюков (см. 9 февраля).

22 марта – четверг.

От 1 часа дня до 3½ часов дня работал в архиве артиллерийского музея (см. 20 марта).

23 марта – пятница.

От 11½ – до 1 часа дня участвовал в комиссии по вопросу об освежении походных чемоданов (см. 21 марта).

24 марта – суббота.

От 11½ час[ов] до 3¼ час[ов] работал в артиллерийском музее (см. 22 марта).

25 марта – воскресенье.

Вечером в большом манеже бригады состоялся кинематографический спектакль для нижних чинов. Инициатором этого представления был командир гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Зедергольм. Аппарат принадлежит Павловскому комитету попечительства о народной трезвости, где полковник Зедергольм состоит председателем. Нижним чинам бригады картины были показаны в 2 приема. От 7¾ час[ов] собрались: солдаты 1 дивизиона, 1 стрелковая батарея и учебная команда. Хор музыки был с инструментами и играл в антрактах. Было показано 7 кинематографических сцен, из которых весьма интересны 2 последние (дебют шофера и Юлия в казармах), вызывавшие дружный смех солдат. Аппарат далеко не идеальный. Некоторые картины были слабо освещены, а иногда аппарат неожиданно останавливался... После кинематографических картин было показано 45 простых световых картин – виды Японии и Китая и проч.

К 9½ часам вечера произошла смена нижних чинов, и в манеж были введены солдаты 2-го дивизиона, 2-й стрелковой батареи и всех прочих команд. Спектакль для них начали с световых картин. Что же касается кинематографических, то их показать не удалось, так как вышел весь кислород, необходимый для освещения... Спектакль не состоялся, и людей распустили. Завтра в 8½ часов вечера будет «продолжение». Из офицеров присутствовали, по-видимому, лишь те, кто назначен «по наряду» (по 1-му на батарею и команду) – все молодежь. Затем полковник Зедергольм, полковник Пономаревский-Свидерский (недолго), капитан Вешняков, капитан Гирш, я и другие... Ко 2-му отделению прибыл в манеж его высочество командир бригады.

26 марта – понедельник.

От 8½ час[ов] вечера в большом манеже был кинематографический спектакль для другой половины нижних чинов бригады (см. 25 марта). Музыки не было. Из полковников были: полковник Зедергольм и Илькевич... и около 10 человек обер-офицеров. Я был.

Наше бригадное дело о «крамоле» (см. 28 февраля) не заглохло... Идет подробное следствие... Все перипетии этого дела можно в будущем проследить по секретным делам нашей бригады... Но многое, конечно, совершается и по устным распоряжениям... Бригадный адъютант мог бы написать обстоятельную историю нашей «истории». Но адъютант наш не историк и не летописец. У меня же не хватает времени (да я и не ставил себе этой задачи!) вести летопись бригады в полном объеме: я веду только описание преимущественно тех событий, непосредственным участником которых я сам бываю. И не только бригады! В этом вся суть! Если бы я вел летопись одной бригады, я бы мог посвящать ежедневно все свое свободное время на документальное и опросное знакомство со всеми мелочами текущей жизни нашей части...

Мою же летопись вернее назвать: «Автобиография Вл. Ст. Савонько» – автобиография, составленная по очень широкой программе и отвечающая скорее историческому труду под названием: «Император такой-то и его двор».

Итак, воздерживаясь от подробностей, замечу, что «следствие» идет, и сегодня к следователю вызывали для опроса полковников Нарковича и Илькевича. До окончания следствия приостановлена и «грозная» отдача приказа по округу, в котором всему начальству бригады хотели отдать выговор...

1907
651

28 марта – среда.

В 12 часов дня командир бригады собрал в карточной комнате всех штаб-офицеров и начальников команд (я был в качестве начальника нестроевой команды). Во-1), его высочество передал нам просьбу военного следователя, ведущего наше дело (см. 26 марта), полковника Спешнева, поставить в известность всех обер-офицеров и начальствующих нижних чинов (фельдфебелей и взводных фейерверкеров) – не могут ли они дать какое-либо ценное сведение о «крамоле» в бригаде. Во-2), герцог, по приказанию командира корпуса, обратил наше внимание на статью в «Русском знамени» (ультрачерносотенный сборник) о пропаганде в войсках. №№ этой газеты были тут же розданы нам бригадным адъютантом. Это № 67 от 24 марта 1907 года. Статья написана М. Елковым и озаглавлена: «Революционеры опять взяли за развращение армии». Нужно быть весьма наивным, à la генерал-адъютант Данилов, чтобы вообразить, что эта статья навеяна случившимися фактами, а не просто авторское измышление. Дальнейшие разговоры герцога о текущих делах были прерваны приездом в собрание товарища генерал-фельдцейхмейстера генерал-лейтенанта Кузьмина-Караваева. Генерал вместе с герцогом прошел в музей бригады. Цель его приезда – лично переговорить по поводу возбужденного бригадой ходатайства, чтобы бригадные мундиры императоров перенести на вечное хранение из Сергиевского собора в наше собрание.

29 марта – четверг.

Воспользовавшись тем, что сегодня утром вся бригада находится на присяге молодых солдат, а после 12 часов начались смотры учебной команды – я поехал в артиллерийский музей и проработал в архиве с 11 часов утра до 4 часов дня (см. 24 марта).

30 марта – пятница.

От 11½ часов утра до 3½ час[ов] вечера работал в артиллерийском историческом музее (см. 29 марта).

Скандал на весь мир! Вот сегодняшний наш приказ по бригаде (№ 89, п. 3):

«Объявляю при сем в копии п. 1 приказа по войскам гвардии и Петербургского военного округа с. г. за № 12.

“Усматривая из рапортов командира Гвардейского корпуса, что лейб-гвардии в 1-й артиллерийской бригаде внутренний порядок не стоит на требуемой высоте, ставлю это на вид командиру Гвардейского корпуса, объявляю: замечание начальнику артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанту Фан-дер-Флиуту, выговор – командиру лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады генерал-майору его высочеству герцогу Мекленбург-Стрелицкому, бывшему командиру дивизиона полковнику Головачеву, командирам дивизионов – полковникам: Масалитинову, Зедергольму, командирам батарей, полковникам: флигель-адъютанту Демидову, Фуфаевскому, Нарковичу, Смысловскому, Илькевичу, Гартунгу и Фурману, а также бригадному адъютанту штабс-капитану Фриде и заведывающему лазаретом поручику фон Руммель. Пора перестать ставить меня в необходимость делать замечания по основе военного дела – внутреннему порядку в частях”».

Подписал: главнокомандующий генерал-адъютант НИКОЛАЙ.

Когда герцог у себя в канцелярии прочел этот приказ, он сказал: «милостиво» (?). Что же он ожидал? Что всех посадят на гауптвахту, или же, в угоду и на радость «левым», пропишут (цитирую слова генерала Данилова), что «вся бригада заражена» и нет надежды «вырвать и изгнать крамолу»? Этого бы еще не доставало!!!!!!...

31 марта – суббота.

От 12 до 2 часов дня работал в архиве артиллерийского исторического музея (см. 30 марта).

2 апреля – понедельник.

От 2 часов дня до 3½ часов участвовал в комиссии по распределению денег за постельную принадлежность.

(Приказ по бригаде № 83, п. 17.)

3 апреля – вторник.

От 10 часов утра у меня была обычная ежемесячная поверка дров.

Около 7 часов вечера ко мне на квартиру – неожиданный визит: приехала моя кормилица Матрена Григорьевна Курчавова – старушка около 60 лет, живущая в д. Овина, Новгородской губ., Тихвинского уезда, Сугоровской волости.

4 апреля – среда.

От 10 часов утра смотр верховой езды гг. офицеров командиром бригады (герцогом Мекленбургским) в большом манеже. Я – в смене гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (см. 7 февраля). Представлял смену полковник Пономаревский-Свидерский. Впервые в этом году на смотре гг. офицеры проделывали «рубку» и «уколы» (чучело, глина, лоза).

От 6½ часов вечера до 8 часов вечера в офицерском собрании бригады при собрании всех офицеров во главе с его высочеством командиром бригады поручиком Беляевым (Тимофей Тимофеевич, адъютант 1 дивизиона, участник Русско-японской войны в горной № 3 батарее) был прочитан доклад о действиях 3 горной Восточно-Сибирской батареи на театре войны. Доклад был очень интересен, благодаря правдивым штрихам, охарактеризовавшим некоторых начальников и полки в их истинном освещении (увы! отзывы не всегда были лестные!). Кроме карт и схем демонстрировано было горное 3 дм скорострельное орудие. Отзыв Беляева об орудии (система Перепелкина) – «вся система выше всякой похвалы».

5 апреля – четверг.

В 12 часов дня в большом манеже состоялись «проводы» уходящих в запас нижних чинов. Я – на фланге своих двух уходящих в запас нестроевых – Чукавина и Скерчинского. Молебн служил отец Николаевский, сказавший после «многолетия» довольно длинное «слово». После того командир бригады герцог Мекленбургский сделал опрос претензий, а затем произнес небольшую речь, попрощался с людьми, дважды благодарил их за службу и закончил обычным: «В честь верховного вождя русской армии и державного шефа бригады государя императора – ура!». Музыка заиграла гимн, а «ура» запасных загремело по фронту. Из манежа солдаты вышли под марш музыкантов, которые потом встали во главе колонны и прошли, играя, до ворот старых казарм!.. Завтра – увольнение в запас (1904 год).

6 апреля – пятница.

От 10 часов утра в гимнастическом зале я произвел обычный перед летом набор мастеровых из молодых солдат. В 11 часов прибыл герцог и все командиры батарей. В 12¼ часов дня в собрании бригады состоялось «общее собрание» для продолжения разбора и утверждения новых параграфов «Частных правил» об офицерском собрании (см. 17 марта). Офицеры поставили на своем: прошлое собрание было «сорвано», а на сегодняшнем почти все пункты утверждались единогласно. Те самые пункты, против которых прошлый раз вставали с протестом ¾ всех присутствующих. Но зато желание поручика Шталя, поддержанное другими офицерами, «из принципа» было исполнено, и правила мирно пролежали в библиотеке добрых две недели, причем большинство в них, вероятно, и не заглянуло.

Что касается вопроса об уничтожении погреба вин (см. 17 марта), то герцог нашел, что вопрос был поставлен правильно (я лично считаю, что безусловно неправильно!), и приказом по бригаде уничтожение погреба утверждено. Сегодня в «книге заявлений» уже появилась запись поручика

Курбатова о сохранении погреба «крепких» вин (коньяк, мадера и проч.): под этой записью расписываются очень дружно...

Вечером вместе с Н. Н. Ушаковым был на кинематографическом спектакле в залах «Пассажа».

1907

654

9 апреля – понедельник.

Крупное «бытовое» событие нашей бригады. От 12 часов дня в собрании бригады произошла предварительная разборка квартир «Литейного дома» и «Зеленых связей». Кстати: полковник Фурман, попрощавшись со своей батареей (см. 4 марта) и прокричавший всем и вся, что он подает в отставку, прислал письменное заявление (он числится в 4-х месячном отпуску), что он желает занять кв. № 16 в «Зеленых связях». Что сей сон значит?! Не пахнет ли все это «буффонадой», ибо, как выясняется, Фурман пока и не думал подавать рапорт об отставке!.. Жив курилка!!

Сегодня полковник Пономаревский-Свидерский рассказывал мне, по поводу чего был назначен третейский суд между ним и полковником Фурманом. Дело заключалось в том, что на празднике гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона в прошлом году полковник Пономаревский-Свидерский отсутствовал, и Фурман «пустил» слух, что полковник Пономаревский уехал нарочно, чтобы избежать расходов и, главное, уехал, не сделав никаких распоряжений. На самом деле все распоряжения полковник Пономаревский-Свидерский сделал и предупредил командующего батареей капитана Перрета, что он все расходы берет на себя. Это хорошо было известно Фурману, но не остановило его от клеветы. По приезде из отпуска Пономаревский-Свидерский пожелал внести свою долю расходов (60 рублей), так как командир дивизиона полковник Зедергольм и полковник Фурман разделили все расходы пополам. Узнав от Пономаревского-Свидерского, в чем дело, Зедергольм немедленно взял свою долю (30 рублей) и предложил Фурману принять от Пономаревского-Свидерского другую половину – 30 рублей. Но Фурман наотрез отказался. Тогда и был назначен третейский суд, состав которого менялся несколько раз, и последним докладчиком у герцога был полковник Зедергольм. Суд вынес резолюцию, что Фурман не прав и обязан принять 30 рублей, но и на этот раз Фурман не согласился взять деньги. Тогда вмешался герцог и будто бы заявил, что если полковник Фурман не возьмет эти деньги, то он через казначея пошлет ему те 3 рубля, на которые он наел за завтраком в день праздника Стрелкового дивизиона. Фурман тогда деньги принял. Весь рассказ остается на совести Евгения Владимировича.

К характеристике полковника Фурмана я могу рассказать следующее. В прошлом году Фурман отказался от своей казенной квартиры № 14 в нашем Литейном доме и поселился в квартире начальника артиллерии Гвардейского корпуса (генерал Фан-дер-Флит сам живет на частной квартире).

Кв. № 14 занял капитан Кавтарадзе, а после его ухода капитан Пономаревский-Свидерский. Вот тут-то выступает на сцену Фурман и заявляет, что ванна и котел в этой квартире не казенные, а его собственные и что он платил за них свои кровные деньги. Фурман предложил Пономаревскому-Свидерскому купить у него «вше» за 100 рублей – в противном случае он уберет всю установку. Пономаревский-Свидерский на сделку не согласился, и ванна была Фурманом снята. Меня как квартирмейстера заинтересовала «история» этой ванны, и я углубился в архив бригады. Оказывается, что на квартиру № 14 в свое время было отпущено на ремонт 500 или 600 рублей. По книге ремонта можно проследить, что именно было в квартире сделано. Мне казалось весьма вероятным, что часть этих денег наверное пошла на оборудование ванной комнаты, а следовательно, ванна «казенная», а не собственная. И вдруг, о счастье, я нахожу статью расхода: «уплочено водопроводчику за работы в квартире № 14 – более ста рублей». Ясно, что это ванна, ибо других водопроводных работ быть не может на такую сумму, тем более что дальше идут другие статьи расхода и тоже на «водопровод». Теперь оставалось только увидеть подлинный счет и прочесть на нем перечень водопроводных работ. Лезу в архив казначея и достаю оттуда счета за тот год. О драма! ВСЕ счета есть и в полном порядке, и только водопроводных счетов и только на кв. № 14 НЕТ. Невероятное совпадение!!!!. Расспросы и архивные справки убеждают меня, что через год после ремонта этой квартиры Фурман был председателем комиссии по проверке отчетности всего Управления и ВСЕ дела за 2 года на квартиру для проверки... Ставлю точки..... Что вы думаете об этом, читатель??!..

10 апреля – вторник.

Ездил в лагерь вместе с капитаном Петрушевским (попутчик) для осмотра барака командира бригады, каковой наш герцог собирается ремонтировать на свой счет.

Выехал в 11 ч[асов] 40 мин[ут], вернулся с поездом 3 часа 20 минут.

11 апреля – среда.

От 6½ часов вечера в собрании бригады состоялся доклад 2-го участника минувшей войны поручика Бориса Андреевича Дурова (см. 4 апреля).

Едва начал Дуров свой доклад словами: «Я имел честь участвовать в минувшей кампании в рядах 8 Восточно-Сибирской горной батареи...», как в залу вошел командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов и, поздоровавшись общим поклоном, сел в первом ряду стульев. Генерал Данилов был в сюртуке 21 Восточно-Сибирского стрелкового полка. Доклад поручика Дурова можно назвать прекрасным. Он ясно и дельно обрисовал всю боевую деятельность батареи. Особенно подробно он остановился на

бое у Кудязы (февраль 1905 года) – бое, участником которого был и генерал Данилов.. Свою лекцию (она продолжалась ровно 1 час) поручик Дуров закончил 3-мя важными выводами-мнениями:

1) О необходимости и в мирное время подчинить артиллерию пехотному начальству, в отряд которого батарея входит,

2) Необходимо упрощение угломерной стрельбы до крайних пределов и

3) Батарея должна быть в 4-х орудийном составе.

Тотчас после лекции генерал-адъютант Данилов уехал из собрания, пожав на прощанье руки штаб-офицерам и выразив сожаление, что он не был на лекции поручика Беляева. Поручика Дурова он благодарил за доклад.

14 апреля – суббота.

Сегодня состоялось торжественное перенесение мундиров государей из Сергиевского собора в наш музей. Мысль об этом уже возникла давно: кажется, впервые у Н. А. Илькевича, когда он еще в чине капитана заведывал бригадным музеем. Церемониал переноса был установлен командиром бригады, и об этом подробно было отдано накануне в особо отпечатанном приказании (от 13 апреля № 583).

Перехожу к фактическому описанию: к 1¼ часа дня в собрании бригады собрались все свободные от службы штаб- и обер-офицеры бригады в парадной форме. Мебель из карточной комнаты была вынесена, и в нее введен караул (по ряду от каждой батареи) во главе с подпоручиком Древингом и хор музыки, на правом фланге которого встал бригадный адъютант штабс-капитан Фриде. Общее командование было возложено на капитана Перрета. Из музея были вынесены 2 петровские пушки на подставках и поставлены по бокам музейных ворот, а на место пушек временно поставлены карточные столы, на которые должны были положить мундиры (витрины для них были принесены лишь к 6 часам вечера). Для встречи мундиров выстроились так: обер-офицеры шпалерами по старшинству чинов от входных дверей залы (с лестницы) и до дверей в библиотеку (я стоял в бильярдной комнате). Штаб-офицеры встали в одну шеренгу от дверей библиотеки (из бильярдной) до дверей в карточную комнату (из библиотеки) – лицом к окнам. Мундиры были привезены из Сергиевского собора в двух каретах и торжественно пронесены в музей. Впереди шел полковник Наркович с мундиром императора Николая 1, затем капитан Вешняков с мундиром Александра 2, полковник Фуфаевский с мундиром императора Александра 3 и штабс-капитан фон Энден (временно командующий 1 его высочества батареей) с мундиром великого князя Михаила Павловича (?). Мундиры лежали на особых синих подушках. За означенными лицами шел герцог, а за ним поручик Барановский, заведывающий музеем, который и получил эти мундиры от ктитора Сергиевского собора. Во все время «шествия» мундиров караул отдавал честь, а хор музыки играл бригадный марш.

После того караул с хором музыки во главе был пропущен герцогом мимо себя (в библиотеке). Церемония кончилась, и герцог предложил гг. офицерам «посмотреть» мундиры. Тотчас же я и несколько других офицеров высказали мнение, что т. н. мундир великого князя Михаила Павловича не может быть мундиром этого великого князя, а принадлежит, вероятно, императору Александру 1. Дело в том, что в «Истории гвардейской артиллерии» Потоцкого сказано, что в Сергиевском соборе хранится 5 мундиров: Александра 1, Николая 1, Александра 2, Александра 3 и великого князя Михаила Павловича. Теперь же оказывается, что в соборе имеется лишь 4 бригадных мундира и один из них лежал в витрине, на ключе которой было написано: «Великий князь Михаил Павлович». Сомнений в мундирах Николая 1, Александра 2 и Александра 3 не было, и все это дало повод думать (и так было отдано вчера в приказании), что не хватает мундира Александра 1. Но сегодня тщательный осмотр одного из мундиров привел меня к выводу, что передо мной лежит мундир императора Александра 1. Герцог также согласился, что принадлежность мундира Александру 1 имеет более шансов. Таким образом, не хватает и нет мундира великого князя Михаила Павловича. К вечеру наше предположение подтвердилось. Поручику Барановскому в соборе заявили, что «старый ктитор» просил, между прочим, передать, что мундир императора Александра 1 лежит неправильно, не в своей витрине... Ну а все-таки!.. Где же мундир великого князя Михаила Павловича? И раз его никогда не было – почему же на билетике ключа написано: «Великого князя Михаила Павловича»?! И почему Потоцкий еще в 1896 году насчитывал 5 бригадных мундиров?..

19 апреля – четверг.

День «собраний». В 12½ часов новые выборы на осень этого года, согласно новым правилам. После того – «окончательный» разбор квартир в «Литейном доме» и «Зеленых связях» и, наконец, выборы в Гв[ардейское] экономическое общество.

Курьез!.. Вот уже несколько дней, как сообщались самые достоверные сведения о предстоящих назначениях в гвардейской артиллерии. Полковник Фурман должен был получить 1 дивизион в лейб-гвардии 2 артиллерийской бригаде, а капитан Вешняков – 2 батарею в гвардейском Стрелковом артиллерийском дивизионе. Вчера я встретил начальника артиллерии Гвардейского корпуса, и он мне сказал, что на днях будет приказ о назначении Фурмана дивизионером во 2-ю бригаду. И вдруг, сегодня, неожиданно для всех в «[Русском] инвалиде» стоит, что 1 дивизион во 2 бригаде получает граф Доливо-Добровольский-Евдокимов, а Вешняков назначается командующим 9 батареей лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады в Варшаву! А г-н Фурман обойден, так как граф моложе его. Об этом «пассаже» не знал даже начальник артиллерии. Очевидно – это дело рук самого Сергея Михайловича и... других темных сил.

И. С. Вешняков очень огорчен перспективой ехать в столицу «Крулевства Польскева».

21 апреля – суббота.

У заутрени был в Сергиевском всей артиллерии соборе, а оттуда поехал разгавливаться к генералу Рейнталь (генерал и его сын – поручик Рейнталь – также были в соборе). В 2 часа 15 минут ночи я был в нестроевой команде, где на столах было приготовлено разговенье для людей. Впервые все это было обставлено весьма культурно. Я купил клеенчатую скатерть, посуду, ножи, вилки, рюмки, стаканы и проч. Первую чару я выпил за драгоценное здоровье нашего державного шефа и вторую – за здоровье нижних чинов. Старший нестроевой Александров выпил за мое здоровье. Посидев с людьми ½ часа, я ушел в собрание, где в столовой было сервировано разговенье для офицеров. К 3½ часам ночи собрались полковник Фуфаевский, капитан Альтфатер, поручик Матвеев, я, подпоручик Люндеквист, фон Рейнгардт, Стефанов, Жиленков, дежурный офицер штабс-капитан Явид, подпоручик Перлик... Полковник Фуфаевский выставил «флаконы»...

23 апреля – понедельник.

В 8½ часов вечера был на кинематографическом спектакле в доме Елисеева.

25 апреля – среда.

В 2 часа дня командир бригады герцог Мекленбургский собрал на своей казенной квартире всех командиров и командующих дивизионами и батареями (был и только что явившийся новый командир 2 дивизиона полковник Златарский). Кроме того, был я и штабс-капитан Фриде (бригадный адъютант). Герцог сообщил, что командир Гвардейского корпуса собрал на последнем «выходе» в Царскосельском дворце «род веча» из начальников дивизий (в их числе и вр. и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майор Ивашинцев) и сообщил, что «революционеры» по «имеющимся сведениям» снова намерены с удвоенными силами атаковать гвардию в целях пропаганды, а потому начальству следует обратить еще большее внимание на внутренний порядок, дисциплину и проч. и проч. В субботу предполагается царский смотр «молодых солдат» гвардии, и командир корпуса отдал словесное распоряжение о нижеследующем:

1) всех мало-мальски «подозрительных» молодых солдат в Царское Село не брать,

2) в Царском Селе у всех фейерверкеров отобрать боевые револьверные патроны и

3) перед смотром осмотреть и обыскать (!!!????!!!!) всех солдат.

Умри, Данилов!! Лучше этого ты ничего не придумаешь! В оставшейся от лагеря части Данилов приказал оставить как можно меньше людей, а для ремонтных работ вовсе никого не оставлять...

– Ну а кто же будет красить и печки класть? Или кто будет платить за наем вольных рабочих?...

Тут же герцог намекнул, что в одной из гвардейских частей произошел «нежелательный»... случай! Должно быть, действительно, неважный случай!..

1907
659

26 апреля – четверг.

От 11½ часов утра участвовал в комиссии по составлению «ремонтной сметы» на этот год. Вся комиссия была скомкана по образцу всех российских комиссий. Инженерный офицер совсем не был, а председатель и члены подписали составленную мной смету.

Вечером я был на кинематографическом спектакле в Местер-театре (Невский пр., 65).

27 апреля – пятница.

В 9 часов утра принимал палатки для лагеря в вещевом складе. Один канонир, который должен был конвоировать транспорт, заявил мне:

– А у меня «стрельбы» нет, Ваше высокоблагородие!

Под словом «стрельба» нужно подразумевать «револьвер». В первый раз слышу!!..

28 апреля – суббота.

На параде наших молодых солдат в Царском Селе я не был, но позволю себе занести несколько строк достоверных фактов.

Наша бригада прошла хорошо и заслужила всеобщие похвалы. Но оба гвардейских артиллерийских парка (1-й и 2-й, в официальном «[Русском] инвалиде» они названы «летучими» (?!?!)) сбились с ноги и прошли перед царем толпой. Ожидается «нагоняй» всем начальствующим лицам и офицерам парка. Командир 2 дивизиона полковник Златарский, не доходя до линии жалонеров, почувствовал себя дурно и впал в обморок, свалившись тут же на панели. Многие офицеры обратили внимание на его обмундирование, весьма дурно пригнанное и уродливое (громадные шаровары-море, воротнички, на палец выглядывавшие из воротника, и пр.).

29 апреля – воскресенье.

В 12 часов дня его высочество командир бригады смотрел в большом манеже людей «оставшейся от лагеря части».

Присутствовал и представлял людей – я.

30 апреля – понедельник.

Около 10 часов утра вся бригада во главе с герцогом выступила в лагерь, и я остался на четвертое лето заведывающим оставшейся от лагеря частью. Мой помощник – поручик фон Руммель, он же казначей, а потому настоящим помощником его считать нельзя.

В 11½ часов я явился СПб. коменданту генералу Троцкому. Комендант принял меня в отдельной комнате (не вместе со всеми другими офицерами) и дважды подал мне руку. «Отеческие» наставления его те же, что и в прошлом году.

1 мая – вторник.

Занялся сведения об участии нашей бригады на концерте балалаечников в высочайшем присутствии 8 апреля сего года. Сведения эти были любезно составлены для меня вольноопределяющимся 1 его высочества батареи – Раевским.

«После концерта в пользу инвалидов в сем году, на котором его императорское величество государь император не изволил присутствовать, его величеству благоугодно было прослушать игру балалаечников войск гвардии в Большом Царскосельском дворце. Подготовка хоров была поручена заведывающему обучением игре на балалайках в войсках гвардии г-ну Андрееву. Для этой цели от каждой из гвардейских частей в Царское Село были командированы хоры балал[а]ечников. В числе балал[а]ечников лейб-гвардии Измайловского полка – отбывающий в сем году воинскую повинность вольноопределяющийся ефрейторского звания Зарубин, игра которого на балалайке отличается большой техникой, был привлечен в качестве солиста, для игры в присутс[т]вии его величества. По этому поводу г-ном Андреевым был сделан доклад августейшему главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, после чего последовало высочайшее соизволение на игру Зарубина соло в присутствии государя императора, но так как аккомпаниатора на рояле и из числа нижних чинов не нашлось, то для этой цели был привлечен лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады бомбардир из вольноопределяющихся Раевский. 8 апреля в 6 часов вечера хоры балал[а]ечников были перевезены с экстренным поездом в Царское Село в Большой дворец, где всем нижним чинам было предложено угощение. В 9 часов вечера начался концерт, на который соизволили выйти их императорские величества государь император и государыня императрица Александра Федоровна. После окончания его величество милостиво беседовал с исполнявшими сольные номера вольноопределяющимися Зарубиным и Раевским, причем его величество удостоил их награждением золотыми часами с императорским гербом со словами: “Возьмите себе на память о сегодняшнем вечере”. После этого их величества удалились во внутренние покои, а хоры балалаечников с экстренным поездом отбыли в свои части».

2 мая – среда.

С поездом 11-40 часов утра поехал в лагерь по делам службы и имел доклад у его высочества командира бригады. Этот доклад тем замечателен, что на нем его высочество согласился на мое предложение о капитальном переустройстве наших карцеров и караульного помещения и в связи с этим на устройство фехтовального и гимнастического зала для гг. офицеров бригады. Затем командир бригады изъявил свое согласие на устройство тира в выводном манеже офицерской конюшни, и таким образом наша бригада – в деле поощрения физического развития офицеров и спорта – займет одно из первых мест в Гвардейском корпусе.

5 мая – суббота.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Риголетто».

7 мая – понедельник.

В Новом летнем театре был на «Гейше». Глупая публика восторженно аплодировала бессмысленно-глупым куплетам «Вун-чхи», в которых «продергивались» Грингмут, черная сотня, 129 статья и т. п.

8 мая – вторник.

Ездил в Красное Село для 2-го доклада у командира бригады.

В 2½ часа дня в бараке командира бригады состоялось поднесение жетона Управления бригады ушедшему из Управления казначею поручику Николаю Николаевичу Ушакову. На жетоне расписалось 5 человек (те, кто с ним служил в Управлении бригады):

- 1) герцог М. Г. Мекленбургский,
- 2) Н. Н. Матюшкин,
- 3) В. С. Савонько,
- 4) А. А. Фриде и
- 5) Ю. А. фон Руммель.

На «поднесении» жетона присутствовали: герцог, я, Фриде и Ушаков. Когда разлили шампанское, герцог вручил коробочку с жетоном Ушакову «на память о нашей совместной службе» и пожелал ему «дальнейших успехов». Ушаков поблагодарил и, как водится, заявил, что сегодняшний день будет для него «самым лучшим воспоминанием» в жизни.

10 мая – четверг.

Мой ответ на письмо Л. Ф. Гартунга из Двинска (полигон Офицерской артиллерийской школы), в котором он, между прочим, пишет, что «песок лезет во все щели комнат и набивается повсюду...»

Мой друг, свое я обещаю,
Конечно, должен соблюдать
И каждый раз Тебе посланье
В стихах топорных излагать,

Но чую я Твое роптанье
На злой и беспощадный рок,
Пославший новое терзанье,
Когда уж есть одно – «песок»!..

Читать стихи, песок глотаю!..
Вдвойне Тебя Бог покарал?..
И вот со страхом жду письма я:
«Чтоб черт стихи твои побрал..!»
В. С.

Был в Новом летнем театре на опере «Травиата».
Виолетта – г-жа Эйхенвальд-Донская.

11 мая – пятница.

Был в Новом летнем театре на оперетке «Бокаччио».

12 мая – суббота.

В 12 часов вечера ко мне зашел мой новый сосед бригадный казначей поручик фон Руммель и сообщил новость, что жену нашего офицера поручика Тарновского убили сегодня днем... Кто, за что и т. д. – ничего пока не известно. Андрей Васильевич Тарновский только что окончил Михайловскую артиллерийскую академию, где он пробыл 4 года (в одном классе – 2 года по болезни); в бригаду он еще не являлся и числится в командировке.

13 мая – воскресенье.

Об убийстве жены А. В. Тарновского по-прежнему ничего не известно. Убийца скрылся. На панихиде в 12 часов дня были командир 5 батареи полковник Илькевич (Тарновский числится в 5 батарее). Домашние делают предположение, что кто-то хотел убить, может быть, жену тюремного зрителя, живущего на той же лестнице. Это единственная, но вполне голословная догадка. Заметка об убийстве пока появилась в «Петербургском листке», но из нее нельзя почерпнуть никаких сведений, кроме глупых разглагольствований жалкого репортера.

В собрании армии и флота видел подарки Франции – русской армии:

1) храм Славы,

- 2) символическая скала в память Кондратенко и
- 3) драгоценная шашка.

14 мая – понедельник.

Слушал в Новом летнем театре оперу «Евгений Онегин».

1907

663

15 мая – вторник.

Сообщаю со слов поручика фон Руммель (я не был и не видел). В 12 часов дня состоялся вынос на Финляндский вокзал тела убитой г-жи Тарновской. От бригады была депутация (согласно нашим частным правилам) в составе полковника Илькевича (командира 5 батареи), штабс-капитана Ягелловича (офицер 5 батареи) и поручика фон Руммель (казначей, числится в 5 батарее). Депутация возложила от бригады венок. Кроме официальной депутации были только полковник Наркович, поручик Бородин (5 батареи) и поручик Есимантовский (товарищ Тарновского по военной академии). Зато были «коллеги» Тарновского по военной академии (т. н. Михайловской артиллерийской) – кто в кителях, кто в сюртуках... Неужели «наука» мешает соблюдать форму одежды и быть строго корректным и исполнительным военным!??

18 мая – пятница.

В Новом летнем театре слушал оперу «Кармен».

Вот так май!!.. Термометр не желает подниматься выше 5°Р⁵. Сегодня вечером +1°Р⁶. Днем был град и снежок, а в лагерях, говорят, шел форменный снег несколько дней тому назад!! И дожди, дожди...

19 мая – суббота.

Вечером слушал оперу «Травиата». Виолетта – г-жа Эйхенвальд-Донская (Новый летний театр).

20 мая – воскресенье.

От 2 – 4 часов дня был на 1-й автомобильной выставке в Михайловском манеже. Элегантнейшая выставка с элегантнейшей публикой!..

21 мая – понедельник.

В 11 часов утра комендант вызывал всех заведывающих оставшимися от лагеря частями, чтобы «преподать» нам нижеследующие ценные советы:

1) держать людей как можно строже,

2) по знаку увольнять до 9 часов вечера, а по билетам не позже 2 часов, и то лишь в крайних случаях,

⁵ 5° Р (Реомюра) = 6° С.

⁶ 1° Р (Реомюра) = 1° С.

3) следить, чтобы в казармы не проникали посторонние люди.

Все эти «ценные» советы заняли 2 минуты времени, после чего мы были отпущены «с миром». Не стоило для этого заставлять нас надевать мундиры и собирать.

В 4 часа дня был в 1 СПб. инженерной дистанции, где обсуждался вопрос о размещении третьей батареи (которую предположено сформировать) гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Вопрос обсуждался по требованию Окружного инженерного управления, а Окружное инженерное управление получило, вероятно, предписание от штаба округа... Все нужно обсудить и представить в 2 дня!! (Отчего не в 2 часа?) При этом преподают идиотские указания: «Нельзя ли 3 батарею втиснуть к нам в казармы» (на крышу, вероятно) и «что будет, если вместо двух стрелковых бат[а]рей (если их уберут из наших казарм) поставить в наших казармах 2 конные батареи из Павловска (5 и 6)?». Последняя «мысль» особенно кретинична. Не говоря уже про то, как глупо вмазать 2 чужих батареи в нашу бригаду, но никто не сообразил, что лошадей в конной батарее чуть не втрое более, чем в пешей, а следовательно, нужно строить новые конюшни (а строить их негде)...

Впечатление от такого предписания «свыше» получается следующее: все делается зря, случайно, наспех, без всякой системы, без определенного плана, неосновательно и т. д. и т. д.

Вечером слушал оп[еру] «Заза» – Леонковалло. Заза – г-жа Петровская (Новый летний театр).

23 мая – среда.

В 3-й раз ездил в Красное Село на доклад к командиру бригады. Выехал с поездом 6 часов 45 минут утра и вернулся с поездом 3 часа 20 минут из Красного Села.

Вечером в Новом летнем театре слушал оп[еру] «Заза».

Исполнители те же:

- 1) Заза – г-жа Петровская,
- 2) Г-н Дюфрен – г-н Селявин,
- 3) Каскар – г-н Сокольский,
- 4) Флорианна – г-жа Лео-Савранская и т. д.

24 апреля – четверг.

В Новом летнем театре был на «Пиковой даме».

Лиза – г-жа Алешко.

25 мая – пятница.

Вечером был вторично на выставке автомобилей (см. 20 мая). Публики масса. Прекрасный кинематограф (биофон ауксетофон)...

26 мая – суббота.

В 2 часа дня вместе с Н. Н. Ушаковым ездил осматривать минный крейсер «Генерал Кондратенко», стоящий у Троицкого моста на Неве – в числе прочих крейсеров отряда. Все эти минные крейсера построены на добровольные пожертвования, и этим объясняется и тот интерес, который к ним проявляет публика, и свободное разрешение всем без исключения посещать и осматривать крейсера. Ялики, переполненные пассажирами, то и дело подъезжают и отъезжают от судов. Офицер в дежурной форме (в новом шарфе, только что введенном в обмундирование) встречает всех у трапа, держа руку под козырек. Но простой народ даже не отвечает на приветствие и не кланяется, очевидно, по абсолютному незнакомству с понятием «вежливость». Объясняют матросы, при желании слушателей, весьма обстоятельно. Публики, и самой разнообразной, – масса. Тут мелькают офицеры, студенты, дамы, простые мужики, солдаты, элегантные штатские, простые бабы, чиновники и проч. и проч.

27 мая – воскресенье.

В Новом летнем театре слушал оп[еру] «Фауст». Маргарита – г-жа Алешко.

31 мая – четверг.

Вечером слушал в 3-й раз оп[еру] «Заза» в Новом летнем театре. Исполнители те же.

1 июня – пятница.

В объявлении при приказе по бригаде за № 153 помещено следующее: «Распорядительный комитет офицерского собрания сообщает, что штабс-капитаном Савонько передан на хранение в делах собрания отчет по заказу серебряных стопок. Желающие могут видеть отчет, для чего обратиться к хозяину офицерского собрания».

(См. 15 марта)?

2 июня – суббота.

От 10 часов утра у меня была обычная ежемесячная поверка дров.

5 июня – вторник.

Ездил в Красное Село с поездом 8 часов 45 минут утра, чтобы поздравить нашего командира бригады с днем его рождения. Герцог еще накануне уехал из лагеря, и я расписался у него в книге. Вернулся с поездом 2 часа 40 минут дня из Красного. Время, проведенное в лагерях, посвятил делам.

Наконец-то!! Отрадней для сердца офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады факт. Безличное название: «Музей гвардейской артиллерии», помещающийся у НАС в собрании, содержимый на НАШИ средства и пополняющийся и хранимый НАШИМИ ТРУДАМИ, – заменено гордым и справедливым названием «Исторический музей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады». Роковая ошибка наших предков до Потоцкого включительно – обезличивать отдельную артиллерийскую часть и давать ей нарицательное имя «артиллерия», «Гвардейская артиллерия» и т. д. – наконец-то хоть в одном только случае – исправлена.

Во всех других случаях, увы, мы еще долго будем считаться безличными... Напроказила 1 его высочества батарея гвардейской Конно-артиллерийской бригады на стрельбе 6 января – говорят: «А вы слышали? Гвардейская артиллерия стреляла в государя?»

Отличилась 3 батарея № бригады под Мукденом, и во всех реляциях можно прочесть: «Наша артиллерия действовала превосходно». А наряду с этим перечтены все пехотные части до рот и взводов включительно. У нас нет марша лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, а есть марш гвардейской Пешей артиллерии, праздник 6 августа – праздник всей гвардейской артиллерии и т. д.

С этим надо бороться, ибо каждая воинская часть должна иметь свою физиономию, свои традиции помимо общей традиции всей русской армии – беззаветная преданность царю и Родине...

9 июня – суббота.

В 10½ часов утра участвовал в комиссии по осмотру барки с трехполными дровами для нашей бригады.

10 июня – воскресенье.

В Новом летнем театре слушал оп[ерет]ку «Прекрасная Елена» в новой, необыденной обстановке. Елена – г-жа Эйхенвальд-Донская, Парис – г-н Андреев. Масса отсебятины на злободневные темы. Например:

1) Агамемнон: «У нас много ссыльных... виноват, я хотел сказать сильных». (Сцена состязаний)

2) Шарада была дана: к-д-ты (2 буквы и местоимение, целое – партия).

3) Народ просит хлеба и зрелищ!

Агамемнон: «Зрелищ мы ему дадим, ну а насчет хлеба – пусть обращаются в продовольственную компанию!»

12 июня – вторник.

В Новом летнем театре слушал оперу «Фра-дьяволо».

Фра-Дьяволо – г-н Л. В. Собинов

Церлина – г-жа Добровольская.

13 июня – среда.

В Новом летнем театре слушал оп[еру] «Фауст» (2 первые действия).
Маргарита – г-жа Михайловская.

14 июня – четверг.

С поездом 8 час[ов] 45 мин[ут] утра поехал в Красное Село по делам службы. Имея длинный доклад у командира, я был занят делами до 9½ часов вечера. Завтракал и обедал в среднем эшелоне. Вечером пошел в 3-й эшелон, где шло питье шампанского по случаю сегодняшнего назначения полковника Вешнякова командиром нашей 3-й батареи. Уехал с поездом 12 часов 24 минуты ночи. На Красносельском вокзале встретил моего бывшего скромного руководителя топографических работ на младшем курсе Михайловского артиллерийского училища (штабс-капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Рейнбот) – ныне Свиты его величества генерал-майора Рейнбота – известного московского градоначальника. Сели вместе в купе и расстались на Петербургском вокзале.

15 июня – пятница.

В Новом летнем театре слушал оп[ерет]ку «Прекрасная Елена».

16 июня – суббота.

В 11 часов комиссия из полковника Демидова и меня осматривала на р. Фонтанке барку с казенными дровами (однополенными) для бригады.

В Новом летнем театре слушал оперу «Заза».

17 июня – воскресенье.

В 3½ часа дня был на выставке «народного узория», устроенной К. Д. Далматовым (Фонтанка, д. 83). Кроме «узория» выставлены всевозможные русские древности: посуда, домашняя утварь, резной шкаф неизвестного столяра (по-моему, конца XVII-го), картины и проч. На выставке почти ни души. А жаль!.. Всякая выставка приносит пользу и служит популярным проводником в широкую массу народа научных, художественных и практичных сведений. Но выставку нужно уметь обставлять и рекламировать. Нужны наглядные диаграммы, таблицы, увеселительные приманки, опыты, популярные лекции с картинами, демонстрацией и проч. Выставка Далматова ничего этого не дает и притом помещается черт знает где – под воротами невзрачного дома на глухой Фонтанке...

19 июня – вторник.

Человек должен ко всему привыкать... Давно ли мы дрожали от холода, а теперь вдруг наступила африканская жара. В тени 26°, а на солнце 30°!! (см. 7 января).

21 июня – четверг.

В 10 часов вечера я и Н. Н. Ушаков (который живет в моей квартире с 1 мая с. г. по сдаче им казначейской должности) устроили большой ужин в честь капельмейстера нашей бригады Франца Антоновича Коукаль. В этот же вечер мы поднесли ему серебряный портсигар (Кортман оценил его в 40 рублей: мы купили по случаю за 15 рублей, портсигар выглядит новым) с надписью внутри крышки: «Многоуважаемому Францу Антоновичу Коукаль от В. С. Савонько и Н. Н. Ушакова. 1907 г.».

За земляничным крушоном «досидели» до 6 часов утра.

24 июня – воскресенье.

В 6 часов вечера на Николаевском вокзале проводил Н. Н. Ушакова, который уехал на Кавказ – в казенную командировку для лечения болезни.

26 июня – вторник.

Около 6 часов утра меня разбудил и. д. фельдфебеля оставшейся от лагеря части сверхсрочнослужащий фейерверкер 2 батареи Гашко. Из общего карцера убежал ночью (с 25-го на 26-е) арестованный канонир 2 стрелковой батареи Блажевич. Бежал он из нового помещения, которое я только что построил и отделал и куда он и его компаньон Бутусов были только вчера впервые переведены из старого общего карцера (все караульное помещение с карцерами капитально перестраивается по совершенно новому плану). Для побега Блажевич открыл форточку, выломал мюреевский щит (у него был нож!?) и отогнул одну спицу железной решетки. Чтобы спица прошла вовнутрь форточки, пришлось в раме прорезать маленький желобок... На нарах он уложил чучело. Никто ничего не слышал и никто ничего не видел.

27 июля – среда.

С поездом 8 часов 45 минут утра поехал по делам службы в Красное Село. Был с докладом у командира бригады и, между прочим, лично доложил о вчерашнем происшествии – побеге Блажевича. Еще вчера герцог назначил капитана Огоновского произвести дознание, и сегодня капитан Огоновский в Петербурге записывает показания поручика фон Руммель и нижних чинов. К вечеру капитан Огоновский вернулся в Красное Село, и я дал ему свое показание (окончив дела, я пошел обедать в 1-й эшелон).

Поздно вечером ужинал в 3-м эшелоне нашей бригады, где играла наша музыка (вчера была состязательная стрельба: призы взяла 3-я и 2 стрелковые батареи, а завтра будет состязательная езда, и потому музыка осталась жить в лагерях). Были 2 «девицы» почтенных родителей, почти

весь наличный состав офицеров 3-го эшелона и «гости» из других эшелонов (капитан Альтфатер, Генерального штаба капитан Якимович, капитан Петрушевский, поручик Жиленков, подпоручик Тихобразов)...

Я вернулся в С.-Петербург с поездом 5 час[ов] 40 минут утра (28 июня) из Дудергофа.

1907
669

28 июня – четверг.

В 2 часа дня я и поручик фон Руммель (мой помощник по заведыванию оставшейся от лагеря частью) вместе с 23 «желающими» нижними чинами оставшейся от лагеря части (нестроевая команда сюда не входит, ибо они должны работать, а хор музыки – в лагерях) посетили и подробно осмотрели Суворовский музей. Еще во вторник на этой неделе (26 июня) я лично и один был в музее и «подзубрил» мое знакомство с его реликвиями... Перечитал серьезную и легкую литературу о Суворове, имеющуюся у меня в библиотеке (5 книг), составил и отдал переписать в 4-х экземплярах краткий конспект и хронологию суворовской биографии и купил в высочайше утвержденной комиссии народных чтений брошюры «О Суворове» для раздачи солдатам.

В музее я подробно объяснил солдатам все экспонаты и попутно сообщил всевозможные сведения о Суворове. Обзор и объяснения заняли полтора часа. Под конец я дал каждому солдату книжку «О Суворове» (Изд. комиссии) с надписью: «На память о посещении Суворовского музея 28 июня 1907 года».

29 июня – пятница.

В связи с «побегом» (см. 26 июня) находится сегодняшнее посещение герцогом о[с]тавшейся от лагеря части. Прибыл он в 12 часов дня и пробыл в казармах полчаса. Герцог «внезапно» никогда не приезжает и всегда предупреждает меня заранее о дне и часе.

2 июля – понедельник.

От 10 часов утра у меня была обычная ежемесячная поверка дров.

От 1 часу дня с указателями и каталогами в руках бродил по Артиллерийскому музею, готовясь к совместному посещению этого музея с нижними чинами оставшейся от лагеря части.

5 июля – четверг.

От 1 часу дня до 3 часов дня объяснял нижним чинам о[с]тавшейся от лагеря части главнейшие достопримечательности артиллерийского исторического музея (см. 2 июля). Всего было 36 нижних чинов. Одной половине объяснял я, а другой – смотритель музея г-н Соловьянов.

6 июля – пятница.

В 10 часов утра у меня на квартире я и поручик фон Руммель от имени бригады поднесли бывшему нашему офицеру отставному капитану Н. Н. Матюшкину жетон и подарок. И то и другое было уже давным-давно готово, и уже давным-давно комитет постановил поднести подарок особой депутацией, в состав которой были назначены члены комитета – И. С. Вешняков и Н. П. Чернявский и бр[игадный] адъютант штабс-капитан Фриде. По русскому обычаю – халатно и преступно относиться ко всем «общественным» обязанностям – «депутация» в течение долгих месяцев так и не могла сговориться – поехать и поднести подарок. Потом депутация начала распадаться. Вешнякова произвели в полковники, а потому решили сократить «представителей бригады» до двух.

Но вот и Чернявский «выбывает» благодаря своему назначению – заведывать штанами в Гв[ардейском] экономическом обществе. Остается один Фриде. Я предлагаю свои услуги – заменить Чернявского (тем более что вр. и. д. хозяина собрания поручик Рейнталь передал мне на хранение подарки). Фриде делает вид, что он от этого предложения в восторге и... снова ждет у моря погоды. Т. е. ждет, что Савонько, наконец, возьмет в свои руки инициативу, узнает адрес Матюшкина, сговорится с ним о дне, месте и часе и проч. и проч. Фриде даже мне сказал как-то: «А ты еще не узнал адреса Матюшкина и не написал ему?!» Но ведь не мне поручали «подносить». Я ведь «любезно» согласился лишь заменить Чернявского... Но Фриде оказался дальновидным. Все устроилось, и ему – Фриде – не пришлось для этого пожертвовать и 5 минутами его драгоценного адъютантского времени. Я сговорился с Н. Н. Матюшкиным, в 10 часов утра он заехал ко мне, и я официально «поднес» подарки со словами: «Николай Николаевич! От имени командира и общества офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады я прошу принять этот жетон и этот подарок на память о твоей службе в бригаде. Позволь тебе пожелать, чтобы ты и в будущей своей службе пользовался бы со стороны твоих сослуживцев той любовью и уважением, какими ты по справедливости пользовался у нас в бригаде». Подарок – великолепный золотой портсигар с монограммой Н. М. и годами 1898–1906. На внутренней стороне крышки – масса подписей.

В 3 часа 40 минут в собрание бригады приезжал на несколько минут командир бригады герцог Мекленбургский. Были: я и вр. и. о. заведывающего музеем поручик Перлик. Герцог приезжал посмотреть на большой старинный портрет Петра Великого, который предполагалось купить для собрания. Идея – приобретение старинных портретов всех государей от Петра 1 до Павла 1 (с Павла 1 у нас уже давно есть) – возникла и начала осуществляться в заведывание музеем поручика Бородина. Были куплены портреты императрицы Анны Иоанновны, Петра 3 и Екатерины 1-й. Так как

портреты эти старинные и покупаются случайно у антикваров, то, конечно, все они различных размеров и в различных рамах. Это обстоятельство «страшно» огорчает нашего герцога. Он желал бы видеть в нашей зале все портреты непременно в однообразных круглых рамах. Ради «однообразия» он, пожалуй, готов был бы любой старинный портрет вынуть из старой квадратной рамы, обрезать и вставить в новую круглую раму. Высказывая свое мнение и «искреннее огорчение» – герцог все же не препятствует комитету в покупке «разнокалиберных» портретов, и часть их, как я уже сказал, мы приобрели... Вот и сегодня, стоя перед портретом Петра Великого, герцог несколько раз повторил, что он крайне огорчен «этой разнокалиберщиной», что как было бы хорошо, если бы все портреты были в круглых однообразных рамах. Портрет Петра 1 он не одобрил, но тут же прибавил, что это его личное мнение, а вопрос о покупке зависит от «комитета».

Приказ по бригаде № 188, п. 5:

«В ночь с 25 на 26 июня с. г. канонир 2 стрелковой батареи Михаил Блажевич, содержащийся при оставшейся в г. СПб. части арестованным впредь до распоряжения, в виду производящегося по делу о нем следствия, выломав мюреевский щит в форточке карцера и отогнув железную решетку в окне, бежал через окно, никем не замеченный, перепрыгнув, по-видимому, около отхожего места для семейных нижних чинов через каменную ограду на Баскову улицу. Усматривая в данном случае недосмотр, ставлю это на вид заведывающему оставшейся частью штабс-капитану Савонько, и. д. фельдфебеля взводному фейерверкеру Ивану Гашко объявляю замечание и бывшему в этот день дежурным по оставшейся части младшему фейерверкеру 3 батареи Павлу Муращенко объявляю выговор. Бывшие в этот день: караульным начальником бомбардир 3 батареи Иосиф Когут и часовым бомбардир 4 батареи Горшевский, канонир 1 его высочества батареи Филипп Соломашук и канонир 2 стрелковой батареи Федор Тищенко за невнимательное и небрежное исполнение своих прямых обязанностей арестуются мною: Когут на 4 суток простым арестом, а Горшевский, Соломашук и Тищенко на 6 суток строгим арестом каждый. Канонир 2 стрелковой батареи Бутусов за то, что, будучи арестованным в одном карцере с бежавшим канониром Блажевичем, не слышал и не видал, как бежал Блажевич, и не доложил о сем чинам караула, арестуется мною на 8 суток усиленным арестом».

Командир бригады генерал-майор
герцог Мекленбургский.

(См. 26 июня.)

Это ПЕРВЫЙ «реприманд», который я получаю за свою почти 9-летнюю службу в бригаде. Впрочем, «на вид» не считается взысканием и не заносится в журнал взысканий. Очень деликатно написал герцог, что он «усматривает недосмотр», он мог бы «усмотреть» плохой внутренний по-

рядок, неналаженную караульную службу и пр. и пр., что было бы для меня, не скрою, большой обидой, так как я все же посвящаю службе весь мой день (с отъездом Ушакова я даже перестал бывать в «Олимпии», что видно из моего дневника, а в прочих садах, Павловске, Сестрорецке, на островах и проч. я до сих пор ни разу не был...).

10 июля – вторник.

С поездом 8 часов 45 минут утра ездил в Красное Село по делам службы и вернулся с поездом 10 часов 50 минут из Красного. В Управлении артиллерии Гвардейского корпуса очень взволновались по поводу прочитанного ими приказа по нашей бригаде о побеге Блажевича (см. 6 июля). Взволновались и обиделись, что бригада не донесла о таком чрезвычайном событии по команде. Сам маститый генерал Фан-дер-Флит приезжал вчера в лагерь и без конца охал и ахал, беседуя по этому делу с адъютантом Фриде. Фриде доказал ему, что доносить о Блажевиче не следовало. Потом Флит открыл Америку, что следовало бы произвести дознание, и очень обрадовался, когда узнал, что дознание уже давно произведено. Но призрак возможного нагоняя от командира корпуса или главнокомандующего заставляет Фан-дер-Флита находить, что штабс-капитану Савонько недостаточно было «поставить на вид», а нужно было арестовать домашним арестом суток на 12. И это «наказание» он рассматривает не как «наказание», а как щит против возможного наскока высшего начальства, которому можно тогда ответить: «Вот как мы строго разделились за это происшествие». Тогда, пожалуй, и сам Флит ничем не рискует... А справедливость, а нравственная сторона вопроса, а совесть, а убеждения и проч. и проч.? Да кто это в наш век говорит о таком «вздоре»...

Рассуждения Флита пока остались рассуждениями: ни герцог, ни Фриде с ним не согласились...

12 июля – четверг.

От 1½ часа дня до 3 я водил солдат оставшейся от лагеря части осматривать Зимний дворец. Эта уже 3-я «образовательная» прогулка особенно интересовала нижних чинов. «Желающие» оказались буквально все свободные от нарядов и службы, так что сегодняшняя команда моя состояла из 50 человек. Осмотр был интересен и для меня, ибо я хорошо знаю официальную половину дворца, комнаты же императора Александра 2, Марии Александровны, Екатерины Великой, дворцовую церковь и 1 запасную половину я вижу впервые.

После длиннейшего перерыва был сегодня вместе с фон Руммель в Новом летнем театре на оп[ере] «Паяцы». После оперы балетный дивертисмент (г-жи Седова, Какшт, г-да Какшт и Кшесинский (молодой) и др.).

13 июля – пятница.

Был в Новом летнем театре на оперете «Прекрасная Елена». Елена – г-жа Гуриэлли (драматическая артистка).

15 июля – воскресенье.

В день своих именин получил поздравления от:

- 1) С. В. Клименко (открытое письмо),
- 2) М. Д. Бабковой (открытое письмо),
- 3) Н. К. Снигиревского (открытое письмо из Одессы),
- 4) Е. В. Поном[аревского]-Свиде[р]ского (письмо),
- 5) Л. Ф. Гартунга (письмо из Двинска),
- 6) А. П. Афанасьевой (письмо из Луги),
- 7) Н. А. Илькевич (телеграмма из Красного Села),
- 8) Н. Н. Ушакова (телеграмма из Ессентук),
- 9) Я. В. Рейнталь заходил поздравить лично,
- 10) В. А. Курбатов заходил поздравить лично,
- 11) В. А. Лехович (письмо из Красного Села),
- 12) А. А. Куколевский (письмо).

От 2 часов дня до 5-ти в первый раз был на скачках в Коломьягах (вместе с Ю. А. фон Руммель). Разыгрывался «Гагаринский» и «Императорский» призы.

Обедал в доме генерала Рейнталья (6 – 12 час[ов]).

16 июля – понедельник.

В Новом летнем театре был на оп[ере] «Прекрасная Елена». Елена – г-жа Кавецкая (известная артистка-полька из Варшавы).

18 июля – среда.

В Новом летнем театре был на спектакле-микст. Давали «Фауст» (3-й акт, Маргарита – г-жа Алешко), затем «grand pas d'action» из балета «Лебединое озеро» (г-жи Седова, Егорова и др. артистки и артисты Императорского театра) и, наконец, т. н. «Цыганский табор» – цыганские песни всевозможных Мани, Щуры, Зины и проч. под общим управлением Н. И. Шишкина и цыганские танцы (г-жи Егорова, Лопухова и др.).

20 июля – пятница.

От 12½ до 2½ час[ов] дня был с нижними чинами оставшейся от лагеря части (30 человек желающих) в Эрмитаже. Обошли и осмотрели все отделы, кроме нумизматического. В Петровской галерее увидели новость: первую фотографию нынешней китайской императрицы, присланную нашему императору. Фотография обрамлена роскошными китайскими материями.

21 июля – суббота.

Ездил в Красное Село по делам службы. Имел утром доклад у временно командующего бригадой полковника Масалитинова. Герцог на время своей болезни никуда из лагеря не уезжал и сидел в своем бараке. Сегодня он в первый раз уехал из Красного Села и завтра вступает в исполнение своих обязанностей. Вернулся в СПб. с поездом 2 часа 40 минут дня.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Ромео и Юлия».

Ромео – г-н Селявин (?), а

Джильета – г-жа Добровольская.

Приказ по бригаде № 203, п. 5:

«На основании приказа по военному ведомству с. г. за № 342, объявленного в газете “Русский инвалид” с. г. за № 157, разрешаю полковнику Пономаревскому-Свидерскому, капитану Пономаревскому-Свидерскому и штабс-капитану Савонько ношение на левой стороне груди при мундире и сюртуке нагрудного знака № 2 (кадетский), высочайше утвержденного в ознаменование исполнившегося 17 февраля 1907 года – 175-летия существования 1 кадетского корпуса. Означенный знак предписываю внести в послужной список названных гг. штаб- и обер-офицеров».

Вр. командующий бригадой полковник Масалитинов.

23 июля – понедельник.

1¼ часа дня – сильнейший ливень.

24 июля – вторник.

В Новом летнем театре слушал оп[еру] «Африканка».

Селика – г-жа Алешко,

Васко де Гама – г-н Зиновьев (1-й дебют),

Немоско – г-н Сокольский.

25 июля – среда.

От 11½ до 12½ час[ов] дня «проскучал» в комиссии в Николаевском военном госпитале на освидетельствовании н[ижних] ч[инов].

26 июля – четверг.

В виду особенного интереса, которое проявили нижние чины о[с]тавшейся от лагеря части при осмотре Зимнего дворца (см. 12 июля), сегодня было повторено посещение и осмотр его, причем оказалось 42 человека желающих. Тут были те, которые не были прошлый раз, и те, кто пожелал посетить дворец вторично. Я не был, но был мой помощник поручик фон Руммель.

Вечером в Новом летнем театре был на оп[ере] «Русалка» (первые 3 акта). Затем маленький балетный дивертисмент местного кордебалета (русскую танцевала г-жа Бравура) и в заключение «ряд любимых романсов г-жи Вяльцевой». «Ряд» затянулся до 12½ час[ов] ночи. Я думаю, не многие артисты в мире срывают такие безумные аплодисменты и овации, какие срывала сегодня Вяльцева. В театре буквально: «лай, хохот, пенье, свист и хлоп» слились в один непрерывный восторженный стон, который мгновенно утихал лишь на время пенья Вяльцевой, а затем снова возобновлялся с новой громоподобной силой!..

27 июля – пятница.

Состоялись похороны умершего 24 июля от кровоизлияния бывшего офицера бригады отставного генерал-майор[а] Николая Петровича Андреева. Я застал Н. П. (в 1898 году) командиром 1 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Звали его «мамуля», и славился он тем, что артистически ругался при обучении нижних чинов (например: «Что ты ползаешь как беременная вошь по мокрому хую» или «Баб еть умеете, а через кобылу прыгать не умеете е. в. м.!» и т. д.). Умер Н. П. в Райволе, а потому «депутация» от бригады присутствовала лишь на одной заупокойной обедне в Новодевичьем монастыре. Состав депутации менялся раза 3, один я оставался твердо во всех комбинациях – остальные же члены непрерывно подменялись новыми приказами по бригаде. Сперва в 3 часа ночи (с 25 на 26) я получил из лагеря телефонограмму, что в состав депутации назначены:

- 1) полковник Демидов
- 2) капитан Погребняков
- 3) штабс-капитан Савонько и
- 4) подпоручик Сергеевский.

В 1 час дня (26-го) получена 2-я телефонограмма.

Состав депутации изменен так:

- 1) полковник Пономаревский-Свидерский
- 2) капитан Алымов
- 3) штабс-капитан Савонько
- 4) подпоручик Перлик и
- 5) подпрапорщик Ивко (фельдфебель 1 стрелковой батареи).

И, наконец, 3-я телефонограмма гласит, что депутация должна состоять:

- 1) полковник Пономаревский-Свидерский
- 2) капитан Перрет
- 3) штабс-капитан Савонько и
- 4) подпоручик Бутовский
- 5) подпрапорщик Ивко.

Эта последняя депутация и прибыла на заупокойную обедню (я приехал вместе с Поном[аревским]-Свид[ерским]), но кроме того прибыл и капитан Алымов, не знавший, что его заменил капитан Перрет. Полковник Поном[аревский]-Свид[ерский], капитан Алымов и подпоручик Бутовский были в мундирах, а капитан Перрет и я в кителях при орденах, что, конечно, правильнее, так как недавно вышел приказ, что летом китель надевается вместо парадной формы. От бригады был возложен металлический венок (заказал накануне я по телефону у Вержбицкого, цена 45 рублей с бархатными лентами). 1 батарея гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона возложила самостоятельно венок из живых цветов с малиновыми лентами (генерал Андреев был первым командиром вновь сформированной 1 стрелковой батареи), ценою в 25 рублей. Был еще венок от «лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады», 1-й дивизион которой прислал депутацию из полковника Папа-Федорова и штабс-капитана Герцо-Виноградского и от 1 гренадерской артиллерийской бригады (возложил капитан этой бригады), которой командовал покойный. Из бывших сослуживцев Н. П. приехали отдать ему «последний долг» всего двое: отставной генерал-майор граф Баранцов (бывший командир лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады) и генерал-майор Мрозовский. В гробу Н. П. лежал в сюртуке (мундир оказался в складе, и его не достали). Воинские почести были выполнены новочеркасцами.

28 июля – суббота.

В Новом летнем театре слушал оперу «Фра-Дьяволо».

Фра-Дьяволо – г-н Фигнер.

После 2-го акта и в конце спектакля несколько «фигнеристок» закидали Фигнера цветами. Впрочем, и вообще недостатка в аплодисментах не было.

31 июля – вторник.

Накануне поздно вечером получил из лагеря по телефону приказание приехать сегодня в лагерь на доклад к его высочеству к 2 часам 45 минут[ам]. Герцог, оказывается, вызвал меня, чтобы дать поручение – заказать букеты для высочайших особ на 6 августа. Букеты будут поднесены от всей гвардейской артиллерии. Вернулся с поездом 8 часов 43 минуты.

1 августа – среда.

От 10½ часов утра и до 1 часу дня обходил казармы бригады и все дворы с доктором Демидовым. Это пол санитарной комиссии (доктора Демидов и Линденберг, я и поручик фон Руммель), назначенной командиром бригады для дезинфекции всего городского казарменного района – ввиду «предстоящей» холеры.

5 августа – воскресенье.

С поездом 1 час 10 минут (прибытие) вернулся в СПб. мой «сожитель» Н. Н. Ушаков с Кавказа (см. 24 июня).

6 августа – понедельник.

Праздник всей гвардейской артиллерии. Как известно (см. 31 июля), на мою долю выпал заказ букетов с лентами для высочайших особ. Герцог пожелал, чтобы букеты и ленты были бы «шикарными», не хуже того, какой бригада поднесла в прошлом году императрице. Было предположено заказать 3 букета по 50 рублей (для им[п]ератриц и греческой королевы) и 7 букетов для великих княгинь (1) Анастасия Николаевна, 2) Мария Георгиевна, 3) Ольга Александровна, 4) принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская – сестра герцога, 5) и 6) две ее падчерицы и 7) графиня Карлова – жена герцога Георгия Георгиевича Мекленбургского) по 25 рублей каждый. Все ленты должны были быть настоящие бархатные, не менее 4 вершков ширины, и на одном конце должно было быть вышито «6 августа 1907 года». На другом конце у трех лент, для императриц и королевы, – предположено было вышить «шитье» гвардейской артиллерии. Когда я, заказав по примеру прежних лет у г. Эйлерса (Невский пр., д. 30) букеты, отправился в золотошвейную Ек. Залеман (Невский пр., д. 52), то выяснилось, что цена каждой ленты с «шитьем» – 110 рублей, а без шитья 65 рублей, и весь заказ будет стоить 1100 рублей.

Так как времени до праздника оставалось очень немного, то я, недолго думая, заказал Залеман 3 ленты для императриц и королевы по 110 рублей каждая (60 – шитье, 20 – бахрома и 30 – бархат и подкладка), а затем телефонировал герцогу в лагерь, что советую для сокращения расходов заказать все прочие букеты (7 шт.) с обыкновенными бархатными лентами без всякого шитья и надписей. Разрешение получилось, и Эйлерс приготовил 3 букета по 50 рублей без лент и 7 букетов по 25 рублей с лентами. Дополнительно я получил из лагеря уведомление, что великая княгиня Ольга Александровна на параде не будет, но несколько позже мне дали знать, что на параде будет великая княгиня Ксения Александровна, так что в конце концов число букетов не изменилось и осталось равным десяти. Из С.-Петербурга я выехал вместе с Ушаковым с поездом 8 часов 45 минут утра. На вокзале меня уже ждал старший приказчик и садовник от Эйлерса, и я мог убедиться, что мои букеты своевременно едут в Красное Село. Парад – в кителях защитного цвета. Впервые приглашены наши бригадные дамы. С нами в поезде ехала т^{ме} фон Энден и т^{ме} фон Руммель. В Красном Селе я заметил т^{ме} Явид, т^{ме} Барановскую, т^{ме} Бородину, т^{ме} Зедергольм и т^{ме} Плющевскую-Плющик. С Красносельского вокзала я поехал в средний эшелон и подождал там, пока все букеты были распакованы, ленты к ним привязаны и все было в порядке

уложено на балконе офицерского барака 5 батареи. После того я пошел к месту расположения парада (против Преображенского лагеря) и застал середину молебна. В нашей форме были: великий князь Александр Михайлович (наконец-то догадался!!) и г[ерцог] Г. Г. Мекленбургский. Из бывших наших сослуживцев были: генерал Оноприенко (числится в 4 батарее), генерал Мрозовский (числится во 2 стрелковой батарее), генерал-майор Похвиснев (начальник Константиновского артиллерийского училища), отставной генерал-майор фон Шульман, камергер Семенов, генерал-майор Масалитинов (командир 2 резервной артиллерийской бригады). Церемониальным маршем бригада проходила (2 раза) хорошо. Для 1 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады играл их собственный хор трубачей (нештатный) – по-моему, не только не хуже, но лучше нашего (штатного и пешего). Участвовавшая в параде одна рота 147 пехотного Самарского полка прошла в первый раз (развернутым строем) плохо: пошли не в ногу и сломали фронт. После церемониального марша вся артиллерия (23 батареи: 6 – 1-й бригады, 6 – второй, 2 Стрелков[о]го дивизиона, 1 запасная, 5 конных и 3 – 3-й бригады) сосредоточились в среднем эшелоне бригады, богато украшенном цветами и флагами – попечением капитана И. В. Петрушевского. Впереди шатра были накрыты столы для нижних чинов всей гвардейской артиллерии. На площадке под шатром приготовили пробный стол со жбаном 1-й его высочества батареи нашей бригады и с чаркой... но вот с чаркой-то и промахнулись. Чарка «Потоцкого» хранилась зимой в витрине собрания и вместе со всем серебром была сдана на хранение в казенный ломбард. Схватились о ней поздно, накануне праздника... М те фон Энден захватила с собой собственную чарку, но от нее отказались, так как ручка представляла слишком ясную монограмму букв, ничего общего не имеющих с батареей Михаила Павловича. Пришлось удовольствоваться самой обыкновенной серебряной чаркой.

Вскоре в эшелон стали прибывать великие княгини, и им подносили букеты. Императрицы прибыли в великолепном моторе-купе. Марии Федоровне поднес букет начальник артиллерии генерал-лейтенант Фан-дер-Флит, Александре Федоровне – наш герцог. Греческой королеве должен был поднести командир гвардейской Конно-артиллерийской бригады князь Масальский, но королевы вовсе не было на параде, и букет ее был кому-то сдан для передачи. Войдя под шатер на площадку, государь выпил за здоровье всей гвардейской артиллерии, предварительно поблагодарив «бригадных, дивизионных, батарейных командиров, всех офицеров и нижних чинов» за службу и за парад. Генерал Фан-дер-Флит поднял чару за здоровье государя императора, затем «государынь императриц» и «наследника цесаревича» (3 тоста). Громовое «ура» сопровождало эти тосты. Тосты Флита были именно такие, как я их записал, – никаких имен императрицам и наследнику он не прибавлял. Новым номером был тост государя за «августейшего генерал-фельд-

цейхмейстера великого князя Михаила Николаевича». После него государь снова поблагодарил людей и под громовые раскаты «ура» уехал со своей свитой из эшелона. По дороге он задал несколько вопросов штаб-трубачу гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона Ян-Зан-Саню. У пробного столика, по обычаю, стоял фельдфебель 1 его высочества батареи подпрапорщик Бекадоров. Все офицеры тотчас же по отъезде царя сели в придворные экипажи (линейки) и поехали в Красное Село, где в «Большой палатке» был сервирован обед для всех офицеров и дам. (Преображенских дам не было: они изволят капризничать; как мне передавали, борьба черной и белой кости – коренных преображенцев и вновь «набранных» после скандала в 1 батальоне.) Вовремя обеда играл придворный оркестр и хор трубачей гвардейской Конно-артиллерийской бригады (нештатный, а наш штатный и пеший с восторгом уступил эту честь, ибо выгоднее торопиться в «Олимпию»).

После тоста царя за «лейб-гвардии Преображенский полк, всю гвардейскую артиллерию и всех частей, празднующих сегодня свой праздник» – преображенский оркестр сыграл Преображенский марш, а трубачи гвардейской Конно-артиллерийской бригады сперва наш марш, а потом свой. Никаких тостов больше не было. «Разговоры» происходили тут же в зале у главного входа. Для историографа интересно отметить их хара[к]терную особенность. Во-первых, государь ни с кем не разговаривал, т. е. не подходил ни к нам, ни к преображенцам. Опять мы страдаем из-за преображенцев. С ними, а не с нами, не хочет говорить царь (как в прошлом году им, а не нам, не хотел делать царь парад), но чтобы окончательно их не унижать – заодно не говорят и со всей гвардейской артиллерией!!!!? Но зато императрица Александра Федоровна поступила вполне демонстративно: она разговаривала с нами (капитан Петрушевский, герцог, генерал Мрозовский), с дамами, но к преображенцам вовсе не подошла... Императрица Мария Федоровна гораздо дольше говорила с нами (с Древингом, с Семеновым, со мной, с герцогом) и с дамами и очень не долго с преображенцами. Интересно отметить еще, что преображенцы с неподражаемой наглостью и навязчивостью выставили в свой первый ряд всех своих «арестантов», т. е. бывших офицеров своего опального 1-го батальона – в форме «Особого» батальона и Новочеркасского полка – и тем в высшей степени некорректно и беззастенчиво напрашивались на «амнистию». На придворной линейке я вернулся в средний эшелон бригады (2 часа 40 минут дня), где на меня неожиданно свалилось новое поручение. Так как на параде не было принцессы Саксен-Альтенбургской с падчерицами и графини Карловой, то герцог приказал оставшиеся 4 букета отнести к нему в барак, собираясь отослать их по принадлежности. Сперва он хотел послать писаря Дятлова, но тот оказался занятым, и к тому же герцог сам в душе сознавал, что послать букеты с писарем не совсем удобно. Беспокоить же меня он все не решался... Наконец он все-таки решился и,

благодаря и извиняясь, передал мне все букеты... Я вскочил на извозчика, нагрузил картонками другого извозчика и покатил на вокзал. В 3 часа 20 минут поезд отошел от Красносельской станции. В Лигове я дождался поезда из СПбурга (ровно в 4 часа), пересел в него и в 4 часа 45 минут был уже в Рамбове. Здесь меня ожидал экипаж (ландо) его высочества, и я, сев в него, быстро помчался в Китайский дворец, где живет ее высочество принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская. Обо мне доложили, и через несколько минут я был чрезвычайно любезно принят самой принцессой и ее двумя молодыми падчерицами. Всем троим я поднес букеты. Меня усадили в кресло, и с четверть часа я беседовал с ними о сегодняшнем параде, о преображенцах... После того я откланялся, сел в экипаж и поехал в Большой дворец. Графини Карловой не оказалось дома: я оставил букеты и маленькую записку и затем покатил к вокзалу, куда приехал как раз вовремя: через несколько минут поезд отошел (5 часов 25 минут) на Петербург. Следует добавить два слова о погоде: погода вовремя парада и до самого вечера была превосходная, и лишь в 9–9½ вечера в Петербурге полил дождь и тем самым позволил снова повторить следующую ходячую фразу: «Весь конец июля и до сего дня не было ни одного дня без дождя». Забыл сказать, что командир 1 его высочества батареи и временно командующий 1 дивизионом – флигель-адъютант полковник Демидов – после парада тотчас уехал в СПбург, так как у него умерла тетка, заменявшая ему его родную мать.

7 августа – вторник.

От 10½ часов утра и почти до 12 часов дня снова по дворам ходила санитарная комиссия (я, доктор Демидов и ветеринарный врач Линденберг) (см. 1 августа).

Около 10 часов вечера я был в Народной астрономической обсерватории «Русская Урания» на Марсовом поле. Смотрел Луну.

8 августа – среда.

К 11 часам утра я и поручик фон Руммель поехали на Вас[ильевский] остров (угол Среднего пр. и 3 линии) в лютеранскую церковь на отпевание тетки полковника Демидова (см. 6 августа) г-жи Емилии Шульц. После отпевания мы шли за гробом и присутствовали при погребении на Смоленском лютеранском кладбище. Из офицеров бригады, кроме нас, никого не было. Из военных я заметил отставного генерала Гук. В 1 час дня мы уехали с кладбища домой.

Был в Новом летнем театре на оперетке «Орфей в аду». Подобно «Прекрасной Елене» (см. 10 июня), «Орфей» поставлен впервые полностью и в новой, весьма красивой и богатой обстановке. Успех потому большой. Оперный ансамбль много помогает делу...

9 августа – четверг.

Мне удалось достать, благодаря любезному содействию Ф. П. Перлика, те куплеты, кои поются в Пажеском его величества корпусе выпускными пажами перед выступлением в лагеря и в последний день пребывания в стенах заведения.

1907

681

1

А кто чешется по-женски?
Это полк Преображенский.

2

Кто на куль овса похожи?
То семеновские рожки.

3

А кто курицу украл?
То измайловский капрал.

4

Кто первы воры у царя?
Это наши егеря.

5

Наша Первая бригада
Обыграть всех в карты рада.

6

Кто же главные мудонцы?
Это наши лейб-павлонцы.

7

А какой полк самый хамский?
То лейб-гвардии Финляндский.

8

Кто корявей старой бабы?
То солдат второй бригады.

9

А как третья бригада
Вечно фатом пребывала.

10

Подпирают потолки
Кавалергарды-дураки.

11

Кто в мальчишках знает толк,
Это, верно, Конный полк.

12

Кто на станции кассир,
Это желтый кирасир.

13

Как старушку соблазнить,
Надо гатчинца спросить.

14

Кто гвардейское хамье?
Это наше казачье.

15

Кто же пьяницы без меры?
Это конно-кренадеры.

16

Кто в мире первые блядуны?
Это наши лейб-драгуны.

17

На войне добились славы
Петергофские уланы.

18

Одеваются, как бары –
Это наши лейб-гусары.

19

То не вихри, ураганы –
То варшавские уланы.

20

Тащит ментик на базар —
Это гродненский гусар.

21

А кто на руку нечист?
Это конно-артиллерист.

1907

683

22

Кто играет на мелок?
Императорский стрелок.

23

Раньше был резервуаром,
А теперь стал писсуаром.

25

Кто зубрили, карьеристы —
Это все артиллеристы.

25

Остальные же полки —
Пусть к чертям идут они.

26

Все равно не перебрать,
Только горло надорвать.

Уррррраааа!

После каждого куплета поется припев:

Эх да тошно, да невозможно,
Не забудешь никогда.

Ввиду того, что в Московский и Гренадерский полки, а также в Варшавскую гвардейскую пехоту выходят пажы редко, то поэтому про них куплеты не были придуманы и в корпусе не пелись.

10 августа – пятница.

После вечерней переключки в оставшейся от лагеря части (9 часов веч[ера]) я собрал в комнате и. д. фельдфебеля 20 человек нижних чинов

и прочел им маленькую популярную лекцию о Луне, Солнце и вообще о Вселенной. После того мы отправились на Марсово поле (см. 7 августа), и там в башне «Русской Урании» каждый нижний чин смотрел в экваториал на Луну (к сожалению – полнолуние). Демонстрация закончилась лишь в 11½ часов вечера. Небо прекрасное для наблюдений. Публики очень много.

13 августа – понедельник.

Конец моего заведывания оставшейся от лагеря частью!! В 4 часа 5 минут пришел конный строй под командой полковника Златарского, и приблизительно через 1 час мой караул и все мои наружные дневальные были подменены батарейным расчетом...

Наше собрание готово наполовину. Лепная работа в зале заканчивается, вестибюль еще не окрашен. Окно с цветными стеклами готово и навешено. Дежурная комната (новая, на месте старой комнаты хозяина собрания и погреба) и комната хозяина собрания (новая, половина прежней дежурной комнаты) готовы, но пахнет еще краской. Офицерский гимнастический и фехтовальный зал еще далеко не готовы: настилают полы, а стены еще и не трогали. Дубовая столовая доделана, поставлены дубовые наличники над всеми окнами и дверями, благодаря чему столовая выглядит еще шикарнее.

Так как настоящий хозяин собрания, поручик Шаняевский, в отпуску, то временно распоряжается поручик Рейнталь, который и нанял временно поваром бывшего помощника Александра Лукича Николаева – Березникова... За первый обед в этом зимнем сезоне село порядочное количество офицеров (дежурный – капитан Альтфатер, его помощник подпоручик Манакин, я, Жиленков, Алексеев, Гирш, Перлик и др.).

16 августа – четверг.

От 10 часов утра у меня была ежемесячная поверка дровяных дворов бригады.

Вечером встретил Л. Ф. Гартунга, приехавшего из Двинска в качестве обучающегося в артиллерийской школе для представления государю императору, который сообщил мне, что государь на представлении был в нашей форме (сюртук артиллерийский с белым кантом). Представление происходило сегодня, и сегодня же Л. Ф. уехал обратно в Двинск продолжать курс в школе...

На другой лень в «[Русском] инвалиде» при описании этого события в «Хронике» было напечатано, что «государь был в артиллерийской форме». Такие невежды и кретины!! Будь царь в форме лейб-гвардии Преображенского полка – ведь не написали бы: «государь был в пехотной форме», или если бы царь был в кавалергардской форме, то написали бы «государь был в форме Кавалергардского полка», а уж никак не «государь был в кавалерийской форме». Но несчастную артиллерию – это божье войско, как звали

нас одно время семеновцы, – всегда называют оптом, и никогда не называют № части, а если и назовут, то непременно неправильно.

От 2½ часов ночи и до 4 часов ночи я и Д. В. Альтфатер были на вышке «Урания» на Марсовом поле (см. 7 августа). Небо было на редкость чистое... Такое «итальянское» небо бывает всего несколько ночей в течение целого года. Я смотрел в трубу: 1) Луну – при увеличении в 50, 160 и 400 раз, 2) Юпитер с его 4 спутниками и 3) Сатурн с его кольцом и спутником.

Посетителей много, в том числе подъехала на моторе солидная компания выпивших студентов и штатских с 2-мя шикарными «классными» дамами полусвета. Маленькая вышка на время обратилась в «кабинет» ресторана, в котором пошло острит пьяный студент и непрерывно гоготали «шпаки» и хихикали красивые «девчонки»... О mores!

19 августа – воскресенье.

Крупное художественно-историческое событие в жизни С.-Петербурга. Освящение Храма Воскресения на месте убийства Александра 2-го. Вчера я с великими предосторожностями «в собственные руки» и под расписку получил на это торжество именной билет. Все предвещало, что церемония состоится в высочайшем присутствии, хотя о приезде государя ни в газетах, ни в разговорах не было и помину. От бригады, кроме меня, были еще назначены представителями: полковник Зедергольм (за командира бригады, ибо Шмерц, по лености, не поехал), капитан Петрушевский и бригадный адъютант Фриде, который с 8 часов утра должен был стоять на пропускном посту на Конюшенной площади и удостоверять личность офицеров и нижних чинов нашей бригады... Для участия в церемониальном марше был назначен один взвод (6 рядов) от 1 его высочества батареи под командой подпоручика Древинга, который встал на временном деревянном мосту через Екатерининский канал тылом к решетке моста.

От нижних чинов бригады было несколько представителей во главе с фельдфебелем 1 его высочества батареи подпрапорщиком Бекадоровым. Вместе с полковником Зедергольмом, на его дрожках, мы подъехали к пропускному посту к 9¼ часам утра (так было приказано). До начала службы я успел бегло осмотреть собор, сень над местом убийства и проч. Государь с императрицей вошел в собор ровно в 10 часов – минута в минуту. Императрица была в андреевской ленте, что можно видеть довольно редко. Вся служба с крестным ходом и разными церемониями длилась очень долго. Вовремя общих коленопреклонений – дипломатический корпус, стоявший по левой стороне собора, близ алтаря, стоял на ногах. Забавно было видеть в первых рядах обезьяньи рожи японцев и китайца в балахоне... В общем в соборе было очень свободно, так как число приглашенных лиц было весьма ограничено. Преобладали гвардейские офицеры, и блеск разнообразных и разно-

цветных мундиров представлял весьма красивую картину. Но многие до сих пор не могут без улыбки смотреть на выдуманную Кавалерийской школой опереточно-гусарскую форму для офицеров постоянного состава. Этих квази-гусар уже окрестили в Красном Селе названием «Кавелахтские гусары» (Кавелахты – горы и деревня). Я назвал их «конюшенными гусарами», но кто-то был более резок и попросту «обругал» их «навозными гусарами».

После конца службы государь со свитой вышел из собора и направился к каменному (под стиль собора) домику на Екатерининском канале. Здесь он остановился и принял прохождение всех взводов церемониальным маршем... После того подали экипажи, и когда царская коляска тронулась, то раздалось среди офицеров «ура» – вскоре, впрочем, прекратившееся, так как коляска быстро укатила, направляясь к Марсовому полю.

Меры охраны были приняты экстраординарные. Все кругом, на далекое расстояние, было обшарено и занято полицией явной и тайной. Дно Екатерининского канала было обследовано водолазами, и по каналу плавали лодки с морскими городскими. Даже в квартирах казенных домов (например: Придворно-конюшенного ведомства) виднелись головы полицейских.

Все торжество закончилось ровно в 1½ часа дня.

20 августа – понедельник.

Кавалеристы называют великого князя Николая Николаевича, бывшего до[л]гое время инспектором кавалерии и отличавшегося своею грубостью: «Наше чудище».

Вечером вместе с капитанами Петрушевским и Альтфатер (после обеда в «Вене», где был еще и поручик Рейнталь) был на художественно-пр[о]мышленной выставке в Михайловском манеже. Выставка не готова на 2/3. Экспонаты самые разнообразные: домашняя утварь, кустарные изделия, палатка (русская) Гинтера, неизменный Абрамов с пряниками, вина, материя и обувь и проч. и проч. По количеству публики – пустыня. Пожарный оркестр и кинематограф...

23 августа – четверг.

Немножко статистики. Привожу перечень всех опер, кои видел за свою 30-летнюю жизнь, и с показанием, сколько раз я каждую оперу прослушал:

1) Жизнь за царя	1 раз
2) Гугеноты	1 –
3) Иоланта	1 –
4) Садко	1 –
5) Самсон и Далила	1 –
6) Искатели жемчуга	1 –
7) Галька	1 –

8) Каморра	1 –
9) Ромео и Юлия	1 –
10) Русалка	1 –
11) Африканка	2 раза
12) Севильский цирюльник	2 –
13) Дубровский	3 –
14) Сельская честь	3 –
15) Риголетто	4 –
16) Фра-Диаволо	4 –
17) Заза	4 –
18) Черевички	4 –
19) Евгений Онегин	5 раз
20) Пиковая дама	5 –
21) Миньона	5 –
22) Аида	5 –
23) Паяцы	5 –
24) Кармен	6 –
25) Демон	7 –
26) Фауст	8 –
27) Травиата	8 –
Итого 90 оперных спектаклей.	

27 августа – понедельник.

Бригадный старожил Василий Иванович Масалитинов уехал сегодня вечером к месту своего нового служения (Серпухов). Сперва в приказании по бригаде отдали, что он уезжает с поездом 8 час[ов] 30 мин[ут] веч[ера], а потом вышла перемена, и все желающие офицеры приглашались к 9 часам вечера в офицерское собрание бригады. К назначенному часу прибыли почти все наличные офицеры бригады (не было только: капитанов Погребнякова, Гирша, штабс-капитана Явида и подпоручика Алексеева) во главе с герцогом. С маленьким опозданием прибыл генерал-майор Масалитинов, служителя разлили шампанское, и все перешли в дубовую столовую. Держа в руке бокал, герцог сказал следующую речь:

«Господа, Василий Иванович Масалитинов прослужил в бригаде 25 лет. Я помню его прикомандированным подпоручиком, а сегодня мы провожаем его в чине генерал-майора. Столь долгая и непрерывная служба в рядах бригады не могла не послужить причиной крепкой связи Василия Ивановича с нашей бригадой. Будем надеят[ь]ся, что эта связь с его отъездом не прекратится, и пожелаем ему дальнейших успехов в его службе и жизни. За здоровье Василия Ивановича – «ура!» Все – довольно дружно и громко – кричали «ура». Ответ Василия Ивановича носил хаотический

характер. Сегодня в особенности он был некрасноречив. «Связь меня связывает», «мне тяжело расставаться с городом (???!! с Летним садом??)»...

После этой, с позволения сказать, речи, В. И. обходил всех присутствующих и со всеми целовался. К 9½ часам вечера добрая половина офицеров поехала на Николаевский вокзал – продолжать «проводы». Герцог был и на вокзале. Из «небригадных» была чета Битепаж и m^{me} Грек. Тут мы еще раз все перецеловались... Альтфатер острил, что «не нужно огорчаться отъездом Василия Ивановича, так как не далее, как послезавтра мы его снова увидим в С.-Петербурге – в Летнем саду». (Намек на то, что В. И. по своей бесконечной лени не особенно ревностно будет командовать бригадой.)

28 августа – вторник.

Вечером был на кинематографическом спектакле в «Местер-театре», где, между прочим, показывали свидание нашего государя с германским императором в Свинемюнде в этом году.

30 августа – четверг.

30 августа – день ротного праздника роты его величества 1 кадетского корпуса. Недели полторы тому назад я получил личное уведомление, что на этот день назначено поднесение бывшими кадетами 1 корпуса 1-й роте бюста императора Николая 1 в память высочайшей милости – дарования на погоны шефской роты вензелей Николая 1-го. Так как я участвовал в подписке на этот бюст и являюсь таким образом одним из «подносителей», я поехал на это скромное торжество.

Приехал к 11 часам, к самому концу обедни. Рота его величества, все служащие и весьма немногочисленные гости перешли в зало 1-й роты, где кадеты построились развернутым фронтом с кадетской музыкой во главе. Строевой рапорт принял и здоровался с ротой князь Иоанн Константинович, бывший наш кадет. Вот, по-моему, военно-дисциплинарная бессмыслица, которую вижу впервые. Корнет принимает парад в присутствии генералов!!!!.. Отслужил молебен все тот же поп Преображенский, бывший мой законоучитель; кадеты прошли церемониальным маршем мимо «корнета» и снова встали развернутым фронтом. Забыл сказать, что после многолетия и затем вечной памяти императору Николаю 1 Преображенский направился к бюсту нового памятника, с которого служитель сорвал простыню, и окропил его святой водой. Первым сказал речь директор корпуса генерал Григорьев – весьма удовлетворительно, а главное, толковую. Вторым вышел генерал-лейтенант артиллерии Осипов, который сперва прочел приветственную телеграмму от генерала Резвого, а потом тоже сказал речь (от имени старых кадет, которые сегодня подносят бюст) – но весьма плохо. Кадеты после того кричали «ура» в честь нас – старых кадет. Кстати упомянуть, что кадеты были в белых чехах, а сам директор в фуражке

с чехлом защитного цвета. Завтрак состоялся в столовой корпуса. Князь сел за первый стол кадет 1-й роты. Генерал Осипов провозгласил тост за царя и всю царскую семью, директор за великого князя Константина Константиновича и всю его семью, князь за директора, фельдфебель за ротного командира 1 его высочества роты (полковник Забелин), потом кто-то за старых кадет и проч. В 1½ часа дня князь, а за ним и я уехали из корпуса.

1 сентября – пятница.

Приказ по бригаде № 245, п. 23:

«Для предупреждения возможных заболеваний среди нижних чинов острыми желудочно-кишечными болезнями мною назначается с 1 сего сентября постоянная бригадная комиссия под председательством полковника Златарского, из членов: штабс-капитана Савонько и поручика Шанявского, при делопроизводителе коллежском советнике Демидове. Комиссии обходить все помещения казарм и дворы бригады не менее одного раза в месяц в дни и часы по усмотрению председателя комиссии, после чего председателю комиссии подробно мне доносить обо всем замеченном и о желательных улучшениях в санитарном состоянии бригады».

Командир бригады герцог Г. М. Мекленбургский.

4 сентября – вторник.

От 10 часов утра обычная ежемесячная поверка дров на бригадных дворах и осенний прием дров от Лесного департамента.

6 сентября – четверг.

Приказ по бр. № 250, п. 36:

«Для предстоящего приема здания “Зеленые связи” от Инженерного ведомства мною назначается комиссия под председательством полковника Илькевича, из членов: капитана Гирша, штабс-капитана Явида и штабс-капитана Савонько».

Командир бригады герцог Мекленбургский.

10 сентября – понедельник.

От 10 до 11½ час[ов] утра участвовал в санитарной комиссии; обошли за полтора часа одну хлебопекарню (см. 1 сентября).

11 сентября – вторник.

От 11½ часов утра был на докладе у временно командующего бригадой генерал-майора Зедергольма. Герцог уехал в месячный отпуск, а генерал Зедергольм только на днях получил 8 артиллерийскую бри[г]аду в Пултуске, но уже исключен из списков бригады. Вот почему, по-моему, генерал

Зедергольм не должен был быть назначен временным командующим как совершенно «чужой». Генерал Зедергольм принимает у себя на квартире (кв. № 12 в Литейном доме vis-à-vis моей) и на докладе усаживает нас в кресло... Он держит себя чрезвычайно любезно.

12 сентября – среда.

От 2 до 4½ час[ов] дня участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 6 сентября). Комиссия собиралась неофициально для предварительных обсуждений – перед официальным приемом дома от Инженерного ведомства. Обходили «Зеленые связи»...

13 сентября – четверг.

От 10 часов утра до 11½ часов у[тра] участвовал в санитарной комиссии (см. 10 сентября).

15 сентября – суббота.

От 11½ час[ов] утра участвовал в комиссии с инженер-капитаном Поповым, с которым осмотрел Бригадный и Батарейный переулки, кои город хочет от нас «экспроприировать». В 12 часов мы позавтракали в собрании, а после завтрака осматривали кв. № 10 (бывшую генерала Масалитинова) в Литейном доме.

В 2 часа дня я и поручик фон Руммель поехали в больницу Покровской общины (на Васильевском острове) навестить поручика Шаняевского, которому несколько дней тому назад была сделана операция (вырезание вен в паху). В этой больнице и тот же хирург (д-р Земацкий) оперировал и другого нашего офицера – Фриде, – о чем я в своем месте упоминал. Вячеслав Станиславович Шанявский выглядит прекрасно, и самочувствие его вполне удовлетворительное.

Я, подпоручики Жиленков и Алексеев и поручик Курбатов были на открытии зимнего «Аквариума».

16 сентября – воскресенье.

От 12½ до 1¾ был на совещании в квартире полковника Илькевича (я и штабс-капитан Явид) по поводу приема «Зеленых связей» и приглашения частного архитектора (см. 12 сентября).

Ходил смотреть на первые в Петербурге электрические трамваи, которые забегали от Адмиралтейства до 8 линии Васильевского острова. Вагоны удовлетворительны, но надписи слишком малы. Путешествуя за границей, я вполне оценил, как важно, чтобы на трамваях были хорошие, ясные, издалека видные надписи – куда идет тот или другой вагон. Народу толпит-

ся много: все с любопытством глазеют, а мальчишки вешаются на вагон и мешают движению. Вагоны – битком. Ходят пока очень тихо.

18 сентября – вторник.

30 лет!!!!.. Что это – пол моей жизни, или уже $\frac{3}{4}$?? Во всяком случае – это начало «склона» – быстрого, или медленного...

От 10 часов утра до $12\frac{3}{4}$ часов дня и от 2 час[ов] дня до $4\frac{1}{2}$ час[ов]. дня участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 3 сентября). Обходили и записывали все неисправности в нашем новом доме. В перерыве в собрании завтракала вся наша комиссия (см. 6 сентября) и военный инженер капитан Попов. Делопроизводство веду я, а потому и по окончании комиссии мне пришлось еще посидеть пару часов для переписки и некоторой обработки всех замечаний...

19 сентября – среда.

От 10 часов утра до $12\frac{3}{4}$ часов дня и от 2 – $3\frac{1}{2}$ часов дня участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 18 сентября).

Приказ по бригаде № 263, п. 4:

«В изменение п. 23 приказа по бригаде с. г. № 425 членами в составе постоянной бригадной комиссии мною назначаются: вместо штабс-капитана Савонько – штабс-капитан фон Рейнгартдт и вместо поручика Шанявского – поручик Наркович».

Генерал-майор Зедеггольм.

(см. 1 сентября)

Замена произошла оттого, что я почти ежедневно с утра до вечера занят приемом «Зеленых связей», а в свободные от этого дни «текущими делами», а поручик Шанявский лежит в больнице (см. 15 сентября).

21 сентября – пятница.

От 10 часов утра все члены комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 19 сентября), военный инженер капитан Попов и представитель от фирмы «Строитель» – инженер-путеец собрались в «Зеленых связях» для продолжения осмотра здания... Но тут вышло ки-про-ко. Штабс-капитан Явид отпросился у полковника Илькевича по неотложным делам в батарею, а капитан Гирш полусерьезно, полуплутиливо заметил, что ему нужно в батарею... Полковник Илькевич рассердился, заявил капитану Гиршу, что если ему нужно – он его отпускает, и отменил комиссию... Снова собрались в $1\frac{1}{2}$ час[а] дня и «ходили» до $3\frac{1}{4}$ час[ов] дня...

22 сентября – суббота.

От 10 часов утра до $12\frac{1}{2}$ час[ов] дня и от 2 до 4 участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 21 сентября).

Вечером с поручиками Снигиревским, Гущинским и подпоручиком Перлик был в «Экспресс-театре» (в Пассаже) на кинематографическом спектакле.

25 сентября – вторник.

В 9 часов утра в Управлении бригады молебен по случаю праздника нашего патрона. Накануне я получил телеграмму от нашего бригадного адъютанта штабс-капитана Фриде из Абацции: «Сердечно поз[д]равляю чинов Управления праздником». На молебен явились: я, бригадный казначей поручик фон Руммель и вр. и. д. бригадного адъютанта полковник Илькевич (бывший казначей) и поручик Ушаков (бывший казначей). Ровно в 9 пришел в Управление временно командующий бригадой генерал-майор Зедергольм.

Молебен отслужил о. Философов, пели наши певчие. После молебна генерал Зедергольм поз[д]равил нижних чинов с праздником и уж потом налил рюмку водки и провозгласил здоровье государю императору, императрицам, наследнику, великим князьям Михаилу Николаевичу и Сергею Михайловичу, командиру бригады и офицерам бригадного управления. Я выпил за здоровье временно командующего бригадой генерал-майора Зедергольма.

Как известно – в этот же день праз[д]ник гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Он прошел в этом году несколько иначе. Три причины имели на это влияние. Во-1), распустили слух, что возможен царский парад, а потому начали к нему готовить[ь]ся, а чтобы репетиции не пропали даром, решено было сделать домашний парад, во-2), в этом году исполнилось десятилетие со дня формирования гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, и в-3) настоящего командира гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (полковника Горбачевича) и настоящего командира 1 стрелковой батареи (Пономаревский-Свидерский) нет, а командующий 2 стрелковой батареей капитан Жерве только что прибыл и вступил в командование. Временно командующий гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом полковник Гартунг решил, как я сказал, сделать домашний парад, никого из бригадных офицеров на него не приглашать (!!?) и обычного завтрака не устраивать. Это решение получило санкцию временно командующего бригадой генерала Зедергольма. Мы – члены бригадного Управления – приглашения на парад не получили. Но отсутствие завтрака давало мне полную возможность объявить моим сослуживцам (Руммелю и Алексееву), что я считаю необходимым и корректным, во-1), расписаться у временно командующего гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом полковника Гартунга, и во-2), быть на параде. Это мы все трое и проделали. Молебен был в большом манеже и начался ровно в 10 часов. В строю находились: временно командующий стрелковым дивизионом полковник Гартунг, временно командующий 1 Стрелковой

батареей капитан Алымов, командующий 2 стрелковой батареей капитан Жерве, дивизионный адъютант подпоручик Бутовский и др. На молебен прибыли: начальник артиллерии генерал-лейтенант Фан-дер-Флит, временно командующий бригадой генерал Зедергольм, флигель-адъютант полковник Демидов (командир 1 его высочества батареи, бывший офицер 1 стрелковой батареи), отставной генерал-майор фон Шульман, штабс-капитан Гнучев, штабс-капитан Новогребельский, поручик Баклунд (в Михайловской артиллерийской академии) и поручик Стефанов (в Михайловской артиллерийской академии). После молебна начальник артиллерии поздравил нижних чинов с праздником, затем подали пробный стол, и начальник артиллерии провозгласил здоровье царя. Нижние чины держали на караул, а музыка играла гимн! Долго не смолкало громкое «ура»!! Начальник артиллерии также провозгласил тост за императриц и наследника, за великого князя Михаила Николаевича (сперва сказал «Михаила Александровича», а потом поправился), Сергея Михайловича («августейшего именинника») и за главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Генерал Зедергольм поднял чару за начальника артиллерии Гвардейского корпуса и за командира бригады его высочества герцога Мекленбургского, полковник Гартунг выпил за здоровье временно командующего бригадой генерала Зедергольма, за отсутствующего командира гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковника Горбачевича и за гг. генералов, штаб- и обер-офицеров, почтивших своим присутствием парад (и за фельдфебелей в должности подпрапорщиков).

Генерал Фан-дер-Флит выпил за здоровье временно командующего дивизионом, командующих батареями и офицеров дивизиона и за здоровье нижних чинов. После этого генерал Зедергольм обратился с длинной речью к нижним чинам. Хотя она и не была строго логичной и связной, но в общем ее нужно признать весьма удовлетворительной и удовлетворительно сказанной! Он напомнил людям, что сегодняшний праздник совпадает с 10-летием существования гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, и, выяснив, что слава в мирное время создается лишь упорным трудом, советовал нижним чинам употребить все усилия на упрочение и дальнейшее развитие этой славы. Закончил он весьма эффектно. Было сказано, что гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион находится, как молодая часть, в особо благоприятных условиях: она питается и развивается обок с вековой славой лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, и влиянию бригады можно приписать доблестное служение молодого Стрелкового дивизиона. Генерал Зедергольм гордится тем, что он командовал гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом! И он желает Стрелковому дивизиону дальнейшего процветания на славу нашего обожаемого царя и нашей великой Родины!

Церемониальным маршем проходили два раза. После церемониального марша генерал Фан-дер-Флит поблагодарил гг. офицеров за парад, а нижних чинов за службу в лагерях. Было без 5 минут 11 часов, и к 11½ часам мы – чины бригадного Управления – поспели обратно в Управление бригады, где, по обычаю, приняли угощение и посидели в среде писарей около ¼ часа... Я выпил за здоровье писарей, пожелал им всегда честно и добросовестно нести службу, а также пожелал им счастья и здоровья, а бригадный писарь Дятлов выпил за наше здоровье.

Забыл сказать, что на параде был командир 2 дивизиона бригады полковник Златарский (его Стрелковый дивизион не пригласил: сам пришел).

Примечание: Управление бригады в день своего праздника получило поз[д]равление (телеграммы) от капитана Рерберга (бывшего адъютанта) и от генерала Головачева (что сей сон значит!?!).

26 сентября – среда.

От 10 часов утра до 12½ час[ов] и от 2 до 4½ час[ов] участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 22 сентября).

В 5 часов вечера в обыкновенной форме ко мне зашел полковник Гартунг – поблагодарить меня за мое присутствие и поздравление в день праздника гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. С его слов занову продолжение программы вчерашнего празднества. Вечером для нижних чинов в помещении учебной команды было устроено чтение по русской истории с туманными картинками. Читал капитан Беляев (бледно). В антрактах играл наш хор музыки. После парада, как известно, офицерского завтрака не было. Было угощение нижним чинам, на котором присутствовал личный офицерский состав батарей дивизиона. Вовремя «стола» играл наш хор музыки. В 10 часов вечера офицеры Стрелкового дивизиона ужинали в Собрании армии и флота. На хорах играл наш оркестр. Всего было тринадцать человек: из прежде служивших были лишь: вр. командующий бригадой генерал Зедеггольм, флигель-адъютант полковник Демидов и штабс-капитан Гнучев (Михайловской артиллерийской академии). Музыка гремела не только «Боже, царя храни», но и «Коль славен» (в память умершего генерала Андреева).

27 сентября – четверг.

Быстрое движение, перемены, назначения, аттестации и проч. служат достаточными темами для оживленных разговоров в нашем собрании. Близится открытие вакансии на нашу шефскую батарею, и все гадают – кто будет назначен ее командиром. Летом усиленно называли капитана Рерберга, а также делали предположение, что назначат командира 1 стрелковой батареи полковника Пономаревского-Свидерского. Но уже теперь вполне выяснилось, что Рерберг 1 его высочества батареи не получит, а будет назначен командующим очеред-

ной свободной батареей, т. е. 6-й в Варшаве. Всеведущий Златарский-Серебристый уверяет, что будет назначен капитан Мясоедов – из лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, т. е. очередной заурядный капитан...

На сегодня П. Ф. Рерберг был назначен дежурным по бригаде. Несомненно – это было уже его последнее дежурство... Он устроил ужин и угощал посетивших собрание: полковника Гартунга, полковника Смысловского, меня, капитана Пономаревского-Свидерского, подпоручиков Манакина, Перлика, Тихобразова (помощник дежурного) и поручиков Ушакова и Курбатова. В начале второго большинство разошлись по домам, но ужин еще продолжался, а капитан Рерберг и не подозревал, что в типографии, где печатается «[Русский] инвалид», уже набирали его фамилию, и приказ о его назначении в Варшаву появился на другой день рано утром. Таким образом, получилось единственное в своем роде событие: 23 сентября дежурным по бригаде офицером был «командующий батареей»!!..

Судьба герцога всех интересует... Еще до отъезда его в отпуск уж прошел настойчивый слух, что его – начальником артиллерии Гвардейского корпуса не назначат. Слух этот называли вполне достоверным, впрочем, настолько же, насколько раньше говорили, что герцог наверное получает начальника артиллерии Гвардейского корпуса... Но поз[д]нейший слух начал, по-видимому, подтверждаться... Стали говорить, что герцог на днях подаст в 11-месячный отпуск, и вдруг несколько дней тому назад герцог (живущий в Ораниенбауме) отдает приказание нашему бригадному писарю Дятлову – подыскать положение об 11-месячном отпуске и написать ему рапорт или прошение... Встретившиеся недоразумения по этому поводу затянули дело... Мне известно достоверно, что в «дело» вмешался начальник артиллерии генерал Фан-дер-Флит, что он ездил к генералу Газенкампу, а потом к герцогу (это было 25 сентября), и следствием этих поездок было то, что герцог приказал написать рапорт о продлении ему отпуска до 10 декабря. Ну, а дальше что?..

29 сентября – суббота.

Накануне бригаде было дано знать, что к нам в бригаду прибудет генерал английской службы Фрэнч, путешествующий в настоящее время по России. Фрэнч – довольно неудачный участник Англо-бурской войны, про которого кто-то сложил нижеследующее четверостишие, напечатанное в журнале «Словцо»:

Поет Чемберлен,
На лире бренча:
Ты где Уоррен?
И где ты, Френч? – а?!

Сперва час его приезда в бригаду был назначена 12½ час[ов] дня. Но уже утром сегодня дали знать, что он будет лишь в 2½, а потом и это время отсрочили до 3½ час[а] дня...

В 3½ часа посольская коляска привезла гостей прямо на Большой бригадный плац, въехав в ворота между офицерскими конюшнями (на артиллерийской улице). Ожидавший их в собрании старший полковник Златарский (временно командующий бригадой генерал-майор Зедергольм уехал в неофициальный отпуск на несколько дней) вместе со всеми офицерами бригады поспешил на плац и тут представился генералу Френчу как заместитель командира бригады. С генералом Френч прибыли еще: здешний английский агент полковник Уиндгам, адъютант генерала капитан лорд Брук и состоящий при генерале полковник конной гвардии князь Белосельский-Белозерский. Разговор шел по-французски, хотя генерал и владеет им, и понимает его не совсем хорошо. На плацу была выстроена 1 его высочества батарея (4 орудия и 4 ящика), на правом фланге которой стояла музыка (она не играла). Батареей командовал флигель-адъютант полковник Демидов, а в строю находились штабс-капитан фон Энден и подпоручик Древинг. Гости и все офицеры бригады (в сюртуках с шарфом) отошли к артиллерийским сараям 4 и 6 батарей и смотрели на учение батареи. Было показано: движение батареи, несколько выездов на позицию и учение в парке. Более подробно остановились на вышке Демидова (нашего командира), которую демонстрировали в собранном и разобранном виде, и на телефонах. После учения полковник Демидов передал людям благодарность генерала, на что батарея нестройно ответила «рады стараться»... Затем все перешли к подъезду большого манежа, где стояли орудие и передок 1 стрелковой батареи (последний щитовой образец с панорамным прицелом), а на фланге их капитан Беляев (Иван) и подпоручик Сергеевский. Капитан Беляев отрапортовал генералу Френчу, а затем приступил к объяснениям на английском языке, которым он недурно владеет. В английский разговор вмешивался и флигель-адъютант полковник Демидов. После демонстрирования пушки было выражено желание осмотреть амуничник, а потому гостям и были показаны цейхгауз и амуничник 3 батареи. Из амуничника все направились в офицерское собрание бригады. В бильярдной комнате была расположена наша музыка, которая сперва сыграла английский гимн, а потом наш бригадный марш.Guests провели в музей, где им кое-что показали и объяснили, затем все расписались в книге посетителей. В столовой (зала еще не готова) был сервирован five o'clock умелой и энергичной распорядительностью заместителя хозяина собрания подпоручика Жиленкова (настоящий хозяин собрания поручик Шанявский только сегодня вышел из госпиталя после операции; вчера я вторично посетил его). Серебряный ковш был наполнен шампанским, у гостей стояли чарки, а у всех офицеров наши именные стаканчики. Сервировка (взятая

напрокат) была весьма изящная. Фрукты, торты и проч. не оставляли желать ничего лучшего. Генерала Френча посадили в центре – спиной к окнам, по бокам его сели полковники Демидов и Гартунг. Против Френча сел полковник Златарский. По левую руку полковника Златарского сидел полковник князь Белосельский-Белозерский и полковник Уиндгам. Не всем офицерам хватило места за столом, и пришлось приставить круглые столики. Первый тост провозгласил на французском языке полковник Златарский за английскую армию и ее представителя генерала Фрэнча. Вовремя тоста мы все встали, а англичане сидели. После тоста прокричали «ура», а музыка играла туш. Генерал Френч ответил тостом на французском языке (плохом) за бригаду. «Ура» – не было. Около 5 часов генерал Френч поднялся и стал прощаться со всеми офицерами за руку. То же проделали и его спутники, и затем вся «компания» уехала из бригады. Мы проводили их до швейцарской, где полковник Златарский еще раз выразил генералу Френчу одушевляющие его чувства, но Френч, по-видимому, ни черта не понял...

30 сентября – воскресенье.

От 11 часов утра до 12 часов дня участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей» (см. 26 сентября). В числе членов комиссии был приглашенный нами городской архитектор гражданский инженер граф Константин Николаевич де Рошефор (мой товарищ по 1 кадетскому корпусу).

Есть два Кузьминых-Караваевых, два брата: один – товарищ генерал-фельдцейхмейстера, а другой – бывший профессор Юридической академии и бывший член двух государственных и один из деятелей конституционно-демократической партии. Спрашивается – какая между ними разница? А вот какая:

Один: «К – Д», а другой

Д, Д – К, К (т. е. Дмитрий Дмитриевич Кузьмин-Караваев).

2 октября – вторник.

От 10 часов утра и до 11 часов утра наша комиссия по приему «Зеленых связей» (см. 30 сентября) собралась в последний раз на постройке. Мы проверяли кое-что, что было исправлено «Строителем» на основании наших замечаний. В 11 часов комиссия разошлась, а я с капитаном Поповым уединился в швейцарской на Надеждинской улице, и здесь капитан Попов излил передо мной всю свою горечь и обиду на нашу бригаду за то, что мы так подробно принимали здание и писали о всех неисправностях...

После этого г. Попов уже более не желает иметь с нами дело «по-товарищески» и будет иметь дело лишь «официально». На его длинную тираду я возразил не менее длинную отповедь, а потом, вплоть до часу дня, мы проспорили, защищая каждый свою точку зрения, впрочем в довольно

сдержанных выражениях и не возвышая голосов. Очень трудно передать вкратце – в чем все дело. Писать же подробно, с адама и день за днем, я положительно не в силах, да это и не так важно. Александр Апполлонович Попов, о котором я неоднократно отзывался в самых лестных выражениях, продолжал и поныне оказывать бригаде всевозможные любезности: он построил нам ваннные комнаты и пр. Эти «любезности» он считал вполне гарантирующими его от «официальности» приема здания. Все должно было произойти «по-товарищески», как происходит между милыми друзьями и приятелями. Пришла комиссия и спросила: «Это дом?» – «Дом!» – «Где нам расписаться?..» И дело в шляпе. Но вышло иначе. Комиссия не хотела, а главное и не могла отнестись к приему халатно, ибо о некоторых недочетах постройки знают буквально все офицеры бригады. К тому же штаб округа приказал нам «входить и в качественную оценку постройки» и он же разрешил нам пригласить частного техника. Как ни ясно все это и как ни ясно, что комиссия должна была поступить так, а не иначе, Попов с упрямством стоял на своем, что его «глубоко обидели недоверием», что комиссия «могла принять иначе» и т. д. и т. д. И разрыв!.. Полный разрыв!!!!..

Такого полного смещения (смещения до смешного!) дружбы со службой и непонимание службы (прием или поверка – оскорбление!?) я встречаю первый раз в жизни.

3 октября – среда.

От 2 до 4 часов дня участвовал в комиссии по приему «Зеленых связей». Собрались в собрании бригады и начали свое заседание тем, что, по прочтении, подписали сдаточные ведомости о приеме «Зеленых связей» (см. 2 октября). Пометили 1-м октябрем. С этого дня бригада вступила во владение новым домом офицерских квартир!!

Вечером был на «вечере» у графа Константина Николаевича де Рошефор. Коломенская, 22.

Приказ по бригаде № 277, п. 36:

«В изменение п. 4 приказа по бригаде от 19 сентября с. г. за № 263 членом в состав постоянной бригадной комиссии назначается вместо поручика Нарковича – штабс-капитан Савонько».

Временно командующий бригадой генерал-майор

Зедергольм.

(См. 19 сентября.)

Едва кончилась комиссия по приему «Зеленых связей», и меня снова «запрягли».

4 октября – четверг.

От 10 часов утра до 12½ часов была у меня ежемесячная поверка дров и прием трехполенных дров от Лесного департамента.

6 октября – суббота.

На 12 часов дня было назначено молебствие по случаю освящения нового здания офицерских квартир под названием «Зеленые связи». Вр. командующий бригадой генерал-майор Зедергольм во исполнение категорического приказа его высочества командира бригады – пригласил на этот молебен и всех дам бригады, для чего мною были заказаны пригласительные билеты с вензелем Петра Великого и разосланы всем дамам, а также полковнику Рудницкому (начальнику 1 СПб. инженерной дистанции), капитану Попову – строителю «Зеленых связей» и капитану Пригоровскому с супругой, инженерному офицеру, живущему в кв. № 13 наших «Зеленых связей». Генерал же Зедергольм лично поехал пригласить генерал-лейтенанта Оприца (начальника инженеров округа) и генерал-лейтенанта Фан-дер-Флита с супругой – начальника артиллерии Гвардейского корпуса. Затея герцога – пригласить дам – не вышла. Затею его провалили наши офицеры еще при закладке «Зеленых связей». Угощение дам после сегодняшнего молебна также было в свое время «провалено» офицерами на общем собрании. Но эта неудача не изменила твердого решения герцога, и дамы были приглашены от имени вр. командующего...

Служили молебен в угловой комнате (столовой) кв. № 16 «Зеленых связей». Квартира эта будет занята полковником фон Цур-Миленом (командир 1 дивизиона), который пока еще в бригаду не прибыл, а потому квартира свободна. Пели наши певчие – в соседней комнате. Все распоряжения были возложены и исполнены мною. На молебен прибыл начальник артиллерии генерал-лейтенант Фан-дер-Флит, полковник Рудницкий (к самому концу молебна), капитан Попов, капитан Пригоровский с супругой и все офицеры бригады – в обыкновенной форме. Из дам прибыла – ОДНА – г-жа Бородинна. Генерал Оприц не мог быть по служебным делам.

По окончании молебна все приложились ко кресту, а затем священник в сопровождении генерала Зедергольма, меня, поручика Алексеева (вр. и. д. бригадного адъютанта) и некоторых других офицеров – пошел окроплять святой водой кв. № 16 (в которой служили молебен), парадную лестницу (подъезд с Надеждинской) и весь двор. Вернувшись снова наверх, генерал Зедергольм вдруг объявил, что офицеры желают, чтобы окропили и их квартиры... Желали, положим, только двое: подпоручик Бутовский и подпоручик Перлик, причем последний даже не всерьез, а скорее просто «сошкольничал», – тем не менее священник, генерал Зедергольм и я снова пошли бродить и лазать по черным и парадным лестницам, заходя в неко-

торые открытые квартиры, вследствие чего пришлось дать попу не 5, а 10 рублей. Подпоручик Перлик, один из заваривших эту кашу, сам не пошел и даже не был при окроплении своей квартиры, чем навлек неудовольствие генерала Зедергольма, нашедшего его поступок некорректным.

Когда вся религиозная часть торжества кончилась, генерал Зедергольм стал приглашать в собрание на завтрак генерала Фан-дер-Флита (отказался, ибо должен был ехать в Главное артиллерийское управление), полковника Рудницкого (отказался) и капитана Попова (сперва отказался, потом согласился, т. е. немного «поломался»). В столовой собрания уже был накрыт стол кувертов на 25. Распоряжались: вр. и. д. хозяина собрания подпоручик Жиленков и хозяин собрания поручик Шанявский, еще окончательно не принявший собрания после своей болезни. Генерал Зедергольм сел на конце стола у камина. По левую его руку сел полковник Златарский и затем полковник Илькевич, а по правую руку инженер-капитан Попов, затем полковник Гартунг и я. Завтрак был организован неофициально, т. е. по предварительной записи «желающих». Закуска была сервирована на столе. Вначале шампанского не было и решено было его не подавать, а потому первый тост (вернее, речь) сказал генерал Зедергольм, держа рюмку с белым вином. Говорил он речь сидя, и мы все сидели. Главная мысль речи заключалась в том, что «в жизни бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона» был до сего времени «пробел» – не было офицерских квартир. Теперь они есть, и как бы ни казались они плохими, малыми или неудобными, они все же неизмеримо лучше частных и представляют для офиц[е]ров большие удобства. Удачный план квартир, их «домовитость» нужно всецело отнести на счет внимательности и забот их строителя капитана Попова. Вот почему генерал Зедергольм и предлагает выпить за здоровье строителя «Зеленых связей» Александра Аполлоновича Попова. «Ура» прокричали весьма жидко, и «ура» тотчас же оборвалось. Капитан Попов обошел весь стол кругом и со всеми чокался. Тут же уместно занести, что вовремя речи генерала на противоположном краю стола не прекращался разговор и смех. Виновными в этом оказались поручик Матвеев, поручик Шанявский, подпоручик Люндеквист и подпоручик Бутовский, за что их всех на другой день генерал Зедергольм потребовал к себе на квартиру в 11 часов утра в обыкновенной форме и там их «цукнул», после чего поручик Матвеев от имени всех 4 офицеров принес генералу Зедергольму извинение. (Накануне в собрании поручик Матвеев всем рассказывал, что он заявит Зедеру, что он будет на него жаловаться Флиту и т. д. ...)

После тоста генерала Зедергольма капитан Попов ответил, что то, что он сделал, он отнюдь не считает своей заслугой, а лишь своею обязанностью, и выпил за здоровье бригады, после чего снова обходил весь стол и чокался. Тотчас же генерал Зедергольм сорвался со своего места и ушел

из собрания (он должен был сегодня представляться начальству), а на его председательское место пересел полковник Златарский. Тосты не прекратились и были еще: полковника Златарского за «квартирмистра Владимира Степановича Савонько, работавшего параллельно с капитаном Поповым...». Тост этот был встречен весьма громким «ура», и весь стол направился ко мне чокаться. Спустя довольно большой промежуток времени тот же полковник Златарский выпил и за здоровье комиссии, оборудовавшей «Зеленые связи», и за ее председателя полковника Илькевича...

Незаметно появилось шампанское... Официальность исчезла, многие разошлись, а остальные присоединились к нашему краю, где центром были полковник Гартунг, капитан Попов и я. В бильярдную вошли музыканты, и собрание огласилось звуками бригадного марша. Капитан Попов, вначале упорно отказывавшийся пить, понемногу сдавался и наконец, под влиянием сердечных угощений Л. Ф. Гартунга, перестал упираться и напомнил собой Попова тех времен, когда мы еще не принимали «Зеленых связей» и у нас не вышло с ним серьезного конфликта, описанного мною 2 октября. Как водится, пьянее всех был подпоручик Люндеквист. На этот он, кроме того, был весьма неприятен. Лез к Попову со скучными и некорректными рассуждениями на щекотливые темы («Я швед... Умирая, я скажу, что Россию любить глупо» и т. д.), ставил стулья на стол, грубо обращался к товарищам, называл Попова – штатским, проливал вино на скатерть и проч. Поведение подпоручика Люндеквиста вызвало негодование у капитана Пономаревско-го-Свидерского (члена суда общества офицеров), и он хотел заявить о сем председателю суда... По просьбе Попова музыка играла марш лейб-гвардии Саперного батальона, и мы пили здоровье этого батальона (сам Попов, впрочем, служил в 1 железнодорожном батальоне). Наконец и Гартунгу нужно было уйти... После того капитан Попов еще оставался в собрании часов до 7 вечера, осматривал свои «дары» в музее, расписался в книге посетителей и затем уехал, обещав вечером свидеться со мной в «Аквариуме». Вечером я действительно вместе с поручиками Курбатовым, Матвеевым, подпоручиками Жиленковым и Алексеевым был в «Аквариуме» (хорошенькая Граффорд и др.), куда приехал и капитан Попов с женой. Он сел за отдельный стол, далеко от нас (мы, как всегда, у самой ramпы), и прислал мне бокал шампанского. Мы ответили двумя бокалами шампанского.

8 октября – понедельник.

Предписание начальника артиллерии Гвардейского корпуса от 7 октября 1907 года № 5150.

«Для осмотра всех произведенных в сем голу работ по ремонту и постепенному возобновлению зданий в частях вверенной мне артиллерии, расположенной в г. С.-Петербурге, мною назначается комиссия под пред-

седательством гвардейской Конно-артиллерийской бригады полковника Орановского, в составе лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады штабс-капитана Савонько, лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады штабс-капитана Алдаданова и гвардейской Конно-артиллерийской бригады поручика Лукомского. Членам комиссии собираться по распоряжению полковника Орановского. (И т. д.)

Начальник артиллерии
генерал-лейтенант Фан-дер-Флит
Старший адъютант штабс-капитан Баранов».

9 октября – вторник.

В 11½ час[ов] дня являлся командиру 1 дивизиона гвардейской Конно-артиллерийской бригады полковнику Орановскому по случаю назначения меня в комиссию по осмотру ремонтных работ (см. 8 октября). Дома не застал (казенный дом на Виленском переулке). Расписался.

Утром в Управлении бригады был у нас 1-й доклад у нового временно командующего бригадой полковника Златарского, так как генерал Зедергольм вчера окончательно покончил с бригадой и на днях уезжает в Пултук. Полковнику Златарскому я, с его разрешения, не являлся.

11 октября – четверг.

От 9 до 10 часов утра участвовал в комиссии по оборудованию «Зеленых связей».

12 октября – пятница.

От 11 часов утра до 12 участвовал в комиссии по составлению «ведомости работ по постепенному возобновлению казарм на будущий 1908 год». Председателем был полковник Вешняков, членами: военный инженер капитан Попов, я и поручик Наркович. Составленную мной ведомость прочитали, и тем дело и кончилось.

В 6 часов вечера в собрание бригады приглашались все желающее гг. офицеры – выпить прощальный бокал вина за здоровье отъезжающего генерала Зедергольма. Я на этих проводах не был (не мог быть), но знаю, что «желающих» было не менее 20–25 человек... К отходу поезда (10 часов 40 минут) я поехал на Варшавский вокзал (вместе с поручиком Жиленковым), и там, против ожидания, снова собралось довольно многочисленное общество. Приехали проводить:

1)	полковник	Горбачевич (на этих днях прибывший из Варшавы)
2)	–	Гартунг
3)	–	Илькевич

4) капитан	Крутиков
5) штабс-капитан	Савонько
6) поручик	Снигиревский
7) подпоручик	Жиленков
8) полковник	Златарский
9) подпоручик	Алексеев
10) поручик	Шаняевский
11) подпоручик	Рейнгард
12) —	Люндеквист
13) поручик	Баклунд
14) подпоручик	Стефанов
15) —	Бутовский
16) —	Сергеевский
17) доктор	Демидов
18) подпоручик	Гольдгаар
19) капитан	Жерве.

Кроме того были: начальник Константиновского артиллерийского училища генерал-майор Похвиснев и лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады (бывший офицер гвардейской Запасной батареи) штабс-капитан Кутузов.

13 октября – суббота.

День 75-летия рождения великого князя Михаила Николаевича. У нас в бригаде было назначено молебствие в большом манеже в 10 часов утра. Я на нем не был (послал в Управление бригады записку о болезни).

16 октября – вторник.

От 9½ часов утра до 12 часов дня участвовал в комиссии по осмотру ремонтных работ лейб-гвардии во 2 артиллерийской бригаде (см. 8 октября). По окончании осмотра бригадный квартирмейстер 2-й бригады пригласил всю комиссию в офицерское собрание. Квартирмейстер гвардейской Конно-артиллерийской бригады поручик Лукомский отказался, а полковник Орановский и я приняли приглашение. Стол был накрыт в отдельной небольшой комнате, и за завтрак село четверо: полковник Орановский, я, штабс-капитан Алдаданов и хозяин собрания поручик Плюцинский.

В начале 2-го часу мы откланялись.

В 2 часа дня наша бригада служила панихиду по императоре Александре 2 – на месте его убийства в храме Воскресения. Присутствовали все офицеры, причем приехал и числящийся в отпуску генерал-майор герцог Мекленбургский (день панихиды был выбран по соглашению и желанию герцога). Перед панихидой герцог и полковник Златарский возложили роскошный венок из живых хризантем и роз с лентами (белой и черной). На

одной ленте было напечатано: «Незабвенному в Бозе почивающему державному шефу бригады», а на другой: «От офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады». Из нижних чинов был по наряду один фельдфебель 4 батареи подпрапорщик Артемьев. Пели наши певчие.

18 октября – четверг.

От 9½ до 12 часов дня происходил осмотр ремонтных работ комиссией в нашей бригаде (см. 16 октября). После осмотра комиссии был предложен завтрак в нашем собрании, на котором были: полковник Орановский, штабс-капитан Алдаданов, поручик Лукомский, я, а также временно командующий бригадой полковник Златарский и хозяин собрания поручик Шанявский. Было подано шампанское и ликер.

20 октября – суббота.

От 10½ час[ов] утра до 12½ участвовал в комиссии по осмотру ремонтных работ в гвардейской Конно-артиллерийской бригаде (см. 18 октября). После осмотра членам комиссии был предложен завтрак в офицерском собрании гвардейской Конно-артиллерийской бригады – с шампанским и ликерами. Ухаживавшему за мной моему старому приятелю штабс-капитану графу Кутайсову удалось основательно меня «накачать»...

22 октября – понедельник.

От 3 до 4 часов дня осматривал весьма интересную выставку птицеводства в Михайловском манеже.

28 октября – воскресенье.

В начале первого часа дня у меня с визитом был командир 23 артиллерийской бригады генерал-майор Головачев. Генерал Головачев, бывший командир 2 дивизиона нашей бригады, оставил нашу бригаду уже сравнительно давно: 18 февраля этого года. Как водится, ему был выложен подписной лист на жетон, который (т. е. лист, а не жетон) быстро покрылся многочисленными подписями. Но летом уже многие офицеры заметили, что Головачев, уйдя из бригады, никому не сделал визитов. Так как это была правда и так как я всегда ревниво отношусь к правилам вежливости и приличия по отношению к офицерскому составу родной части, то неоднократно выражал удивление такому «хамскому» поступку генерала Головачева и говорил, что за это следует вычеркнуться с подписного листа на подарок ему... И вычеркнулся!.. За мной вычеркнулись и другие, сперва несколько человек (капитан Альтфатер, полковник Пономаревский-Свидерский 1), потом все больше и больше. В результате «подарок» провалился.

Что думало начальство – я не знаю. По обыкновению все штаб-офицеры молчали как зарезанные, и вместо правды и ясности в собрании циркулирова-

ли ложные слухи и догадки... Основываясь на фактах, можно предположить только, что герцог о «промахе» Головачева был осведомлен, о вычеркиваниях с подписного листа – также, и что так или иначе вся «история» была кем-то доведена до сведения Головачева. Последнему ничего более не оставалось, как заявить временно командующему бригадой полковнику Златарскому, что он «до сих пор не делал визитов исключительно потому, что был занят службой и всегда считал себя еще обязанным сделать эти визиты» (об этом мне лично передал полковник Златарский), и действительно, начал вскоре делать визиты... Сегодня он был у меня, и мы провели с ним в дружеской беседе минут 10...

2 ноября – пятница.

От 10 часов утра обычная ежемесячная поверка дров и прием дров от Лесного департамента.

3 ноября – суббота.

От 10½ час[ов] утра в собрании впервые собрались «сотрудники» бригадного музея для обсуждения своих вопросов. Институт «сотрудников» уже давно утвержден по моему предложению, но стоящий во главе «сотрудников» флигель-адъютант полковник Демидов, по лености, так и не собрался пригласить нас на общее заседание... Тем не менее два «сотрудника» добровольно «сотрудничали». Полковник Илькевич организовал продажу «открыток» с видами из жизни бригады, а я, как известно, веду свою летопись, которая может в будущем послужить прекрасным материалом для истории бытовой жизни бригады. Кроме того, я делаю вырезки из газет со всем относящимся к бригаде и наклеиваю эти вырезки в бригадный альбом. Ныне полковник Демидов в командировке, и Н. А. Илькевич воспользовался своим старшинством и пригласил нас на общее собрание. Были: полковник Илькевич (от 5 батареи), я (от Управления бригады), полковник Вешняков (от 3 батареи), штабс-капитан Явид (от 4 батареи) и подпоручик Сергеевский (от 1 стрелковой батареи) и заведывающий бригадным музеем поручик Матвеев.

Полковник Илькевич и я высказали свой взгляд на работу сотрудников, постановили неременную необходимость – вести официальную летопись – и поручили делать вырезки из газет: полковнику Илькевичу, штабс-капитану Яvidу и мне. Полковник Вешняков изъявил согласие составить каталог книг бригадного музея...

4 ноября – воскресенье.

В 8 часов вечера состоялась в Михайловском артиллерийском училище свадьба нашего офицера поручика Якова Владимировича Рейнталя. Со стороны жениха шаферами были: поручик Курбатов, Снигиревский и Пароменский (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), а со стороны не-

весты – я, поручик лейб-гвардии Литовского полка Корсак и подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Кушелевский. После свадьбы я поехал на квартиру генерала Рейнталь...

6 ноября – вторник.

От 10 – 12 часов утра участвовал в санитарной бригадной комиссии – под председательством полковника Горбачевича (см. 3 октября).

На докладе у временно командующего бригадой полковника Златарского (в 5 часов дня) я просил его освободить меня от должности бригадного квартирмейстера 1 января 1908 года. Я предполагаю с 1 января 1908 года воспользоваться 4-х месячным отпуском по болезни, а летом готовиться в Юридическую академию. Полковник Златарский окончательное решение вопроса на себя не принял...

7 ноября – среда.

В 12 часов в Сергиевском всей артиллерии соборе бригада служила свою обычную панихиду по всем державным капитанам и шефам и по всем умершим чинам бригады. В церкви было немного сравнительно офицеров! ибо вся 3 батарея, временно командующий бригадой полковник Златарский и адъютант Фриде в Царском Селе на репетиции высочайшего парада, который состоится завтра. Из прежде служивших, по обычаю, не было ни одного человека. Старшим был командир Стрелкового дивизиона полковник Горбачевич.

8 ноября – четверг.

Наша 3 батарея впервые участвовала в день своего праздника на высочайшем смотре в Царском Селе. Были приглашены и батарейные дамы; были г-жа Вешнякова (жена командира батареи) и г-жа Матвеева.

9 ноября – пятница.

В день основания лейб-гвардии артиллерийского батальона – начались инспекторские смотры в бригаде. Смотрит временно командующий бригадой полковник Златарский. Если я и раньше относился к смотрам скептически и тяготился ими, то смотр «братушки Златарского» хоть кого выведет из терпения. Более бессмысленного смотра трудно себе представить. Златарский сыпет без перерыва сыпучую струю бесполезных и бессвязных слов и замечаний, прикрываясь и самоупиваясь абсолютно неуловимой пользой для дела. На опросе претензий он спрашивает солдат: «Довольны ли вы начальством?», «Ну, а пищей вы довольны?» и проч. И все это с глубоко-мысленным видом, как у козла!!!.. Осмотр обмундирования – торопливая, суетливая и в то же время растянутая и совершенно неосновательная про-

цедура. Мне пришлось записывать его замечания, так как казначей поручик фон Руммель внезапно ушел из манежа, сказавшись больным. После завтрака от 2 часов я бессменно ходил за временно командующим до конца сегодняшнего смотра, т. е. до 4 час[ов] 29 минут дня. Осмотр артиллерии и обоза – столь же комическое «антре», как и осмотр обмундирования.

10 ноября – суббота.

Приказание по бригаде № 2008, п. 4:

«Для освидетельствования состояния здоровья штабс-капитана Савонько на предмет увольнения по болезни его в 4-месячный отпуск назначить комиссию под председательством полковника Вешнякова и членов капитана Чуйкевича и Беляева и младших врачей коллежских советников Демидова и Андриевича. Означенной комиссии собраться в бригадном лазарете 13 сего ноября в 11 часов утра, к каковому времени прибыть и штабс-капитану Савонько. Свидетельство о болезни вр. и. д. старшего врача представить вр. ком. бригадой немедленно».

Бригадный адъютант штабс-капитан Фриде.

13 ноября – вторник.

От 10 до 12 часов утра участвовал в санитарной бригадной комиссии (см. 6 ноября).

От 12¼ час[ов] дня (вчера была перемена времени) в помещении бригадного лазарета меня свидетельствовал д-р Демидов на предмет увольнения в 4-месячный отпуск (см. 10 ноября).

16 ноября – пятница.

От 10 часов утра комиссия, назначенная штабом округа, осматривала наши казармы и поверяла произведенные в этом году ремонтные работы. Во главе комиссии был состоящий для поручений при августейшем главнокомандующем Генерального штаба генерал-майор Ванновский, а членами: инженер-полковник Донченко, инженер-полковник Рудницкий, инженер-капитан Попов, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Свенторжецкий, доктор медицины С. С. Двукраев. С нашей стороны были: временно командующий бригадой полковник Златарский, я, подпоручик Алексеев, доктор Демидов. Сперва собрались в карточной комнате для предварительного знакомства с ведомостями, а потом осмотрели старые казармы. В 12 часов дня вся комиссия завтракала у нас в собрании, и после завтрака до 2 часов 10 минут дня (полковник Златарский после завтрака не был) осмотрели новые казармы, конюшни и манежи. Прощаясь со мной, генерал Ванновский мне заявил, что наши казармы находятся в «образцовейшем порядке».

17 ноября – суббота.

Приказ по бригаде № 322, п. 37:

«Объявляю от лица службы мою сердечную благодарность членам и делопроизводителю расформированной комиссии по оборудованию здания “Зеленые связи”: капитану Гиршу, штабс-капитанам Явиду и Савонько, поручику Беляеву и подпоручику Алексееву за их работу в течение целого года. В особенности же приношу мою душевную благодарность председателю этой комиссии полковнику Илькевичу, положившему много труда на умелое оборудование нового здания и на тщательное составление всех необходимых расчетов».

Временно командующий бригадой полковник Златарский.

Текст этой благодарности по поручению полковника составил я. Выделить полковника Илькевича я считал долгом совести, так как вся тяжесть работы легла, по-моему, следующим образом: на меня 75% всей работы, 20% на Илькевича и 5% на всех прочих членов вместе. Но я работал по должности бригадного квартирмейстера, а полковник Илькевич нес сверхштатную работу. Вот почему я отклонил выделение себя и настоял на выделении полковника Илькевича.

19 ноября – понедельник.

В 12 часов дня в Сергиевском всей артиллерии соборе бригада служила панихиду по умершем бывшем офицере бригады генерал-адъютанте генерале от артиллерии Жуковском (10 день кончины). Присутствовали все офицеры бригады во главе с временно командующим бригадой полковником Златарским. На панихиду прибыл племянник покойного генерал-адъютанта – Михаил Евгеньевич Жуковский, служащий в канцелярии совета министров.

23 ноября – пятница.

От 10 часов утра до 11 часов 20 минут участвовал в бригадной санитарной комиссии (см. 13 ноября).

26 ноября – понедельник.

Праздник 2 батареи. Я получил на него приглашение и пришел в столовую батареи в 11½ час[ов] утра. Молебен начался около 12. Служил о. Морев, пели наши певчие. Личный состав батареи: командующий капитан В. В. Пономаревский-Свидерский, капитан Погребняков, капитан Чуйкевич, поручик Шанявский (хозяин собрания), подпоручик Жиленков, штабс-капитан Плющевский-Плющик (причислен к Генеральному штабу, командует ротой лейб-гвардии в Семеновском полку), поручик Шталь (в Михайловской артиллерийской академии) и поручик Гушинский (в Николаевской академии Генерального штаба). Из бывших служащих прибыли: полковник Илькевич

(командир 5 батареи нашей бригады), капитан Альтфатер (4-й батареи), я, штабс-капитан Окерман (37 артиллерийской бригады), подполковник Пиотровский (штатный преподаватель Николаевского кавалерийского училища), подполковник Генерального штаба Колубакин (в штабе округа и войск гвардии). Кроме того, прибыл сын покойного шефа батареи отставной генерал-майор граф Баранцов (он был в штатском). Дежурным офицером был адъютант Стрелкового дивизиона подпоручик Бутовский. После молебна начались тосты. Первым говорил наш новый командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен (из Варшавы). Вот его «экзотические» тосты:

1) За верховного вождя, нашего обожаемого государя императора! (У нас принято говорить «за державного шефа», ибо царь – шеф нашей бригады).

2) За августейшую хозяйку (?) его (??) и матушку его (!) царицу.

3) За надежу (!!??) нашего – наследника цесаревича!

4) За старшего артиллериста генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича.

5) За августейшего генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича.

Наша музыка, после каждого тоста, играла то, что полагается.

Вторым сказал 2 тоста полковник Илькевич (громко и без запинок).

1) за начальника артиллерии его превосходительство генерал-лейтенанта Фан-дер-Флита и

2) за командира бригады его высочество генерал-майора герцога Мекленбургского.

Третьим начал говорить тосты капитан Пономаревский-Свидерский. От имени временно командующего бригадой генерал-майора Златарского, который сожалеет, что не может лично поз[д]равить батарею с праздником, он передал от него привет батарее и выпил за здоровье генерал-майора Златарского.

Второй тост за командира дивизиона полковника фон Цур-Милена,

3) за его сиятельство генерал-майора графа Баранцова, отец которого состоял (?) шефом 2 батареи, и

4) за бывших офицеров 2 батареи, почтивших нас своим присутствием.

На сцену снова выступил полковник фон Цур-Милен и провозгласил:

1) За временно (???!!) командующего батареей... (какой же Борис «временно», когда он просто «командующий») и

2) За «ваше здоровье, братцы!»

Банальные тосты закончил капитан Пономаревский-Свидерский, сказав 4 «здравицы»:

1) за здоровье гг. офицеров, служащих в батарее,

2) за здоровье «вашего фельдфебеля»,

3) за «ваше здоровье, братцы» и

4) За здоровье нашего священника и диакона.

К пробному столу подошел граф Баранцов и, взяв чарку в руки, начал свою речь так:

«Мне, как штатскому человеку, вовсе и не следовало бы много разговаривать перед солдатами, но, прослужив в строю артиллерии 30 лет, я смею надеяться, что мои советы не будут для вас лишними»... в дальнейшей своей бесспорно блестящей речи граф Баранцов убеждал солдат быть стойкими защитниками царя, веры православной и родины... Речь графа была принята со[л]датами громким и продолжительным «ура».

После этого все гости поднялись наверх в канцелярию батареи, где был накрыт «завтрак» для офицеров. Вовремя завтрака подпоручик Жиленков прочитал все телеграммы, кои в этот день получила 2 батарея от всех батарей бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и от всех ранее служивших в батарее, которые почему-либо не могли быть лично на празднике. Из ряда тостов снова выделился красноречивый тост графа Баранцова за командующего батареей, батарею и гг. офиц[е]ров.

После завтрака я и другие гг. офицеры поехали с визитом к т^{ме} Пономаревской-Свидерской. В ее гостиной на столике красовалась большая корзина дивных цветов, которую мы (все офицеры) отправили утром с нашими визитными карточками. т^{ме} Пономаревская предложила нам бокал шампанского. Немногие (Альтфатер, Плющевский-Плющик, Гуцинский и я) заехали еще к поручику Шанявскому (кв. № 19 в «Зеленых связях»), который радушно угостил нас кофе и пуншем, а затем мы разбрелись по домам до вечера. Вечером к 10 ³/₄ часам 11 человек собрались в кабинете № 24 «Аквариума» для проводов полковника Фуфаевского, бывшего командира 2 батареи. Собрались все те, кто служил при нем. Я, хотя и не служил при С. Л. во 2 батарее, принял участие в ужине и жетоне.

Были:	1) капитан	Понмаревский-Свидерский
	2) —	Погребняков,
	3) —	Чуйкевич,
	4) —	Альтфатер,
	5) штабс-капитан	Савонько,
	6) —	Плющевский-Плющик,
	7) поручик	Шанявский,
	8) —	Гуцинский,
	9) подпоручик	Жиленков,
	10) полковник	Илькевич и
	11) поручик	Шталь.

Перед закуской полковник Илькевич, держа в левой руке батарейный жетон и в правой бокал шампанского, сказал полковнику Фуфаевскому пр[и]ветственное слово и вручил от нашего имени этот жетон.

Разошлись поздно, в начале четвертого часа ночи.

27 ноября – вторник.

В сегодняшнем № «Разведчика» (№ 892) появилась моя заметка об «обязательном чтении» под псевдонимом «В. Черниговский». В № 894 «Разведчика» (от 11 декабря) г. И. Защук поместил маленькую заметку под тем же заглавием (с ссылкой на № 892), в которой соглашается с констатированным мной фактом – что офицеры мало читают – и предлагает меры к заведению офицерских библиотек.

29 ноября – четверг.

От 10 часов утра до 12¼ час[ов] дня участвовал в бригадной санитарной комиссии (см. 23 ноября).

2 декабря – воскресенье.

От 12 часов дня до 1 часу я снялся в фотографии Соболева (угол Литейного пр. и Пантелеймонской улицы, № 25–23) в общей группе со всей нестроевой командой. Одну группу я беру для себя, а другую подарю нестроевой команде.

3 декабря – понедельник.

Если герцог примет мою «отставку» от должности бригадного квартирмейстера (с 1 января 1908 года), то сегодня от 10 часов утра у меня была «последняя» ежемесячная поверка дровяных дворов и прием дров от Лесного департамента. В числе членов комиссии (председатель – капитан Жерве) был и мой предполагаемый преемник подпоручик Алексеев.

6 декабря – четверг.

Сегодняшним высочайшим приказом мне пожалован орден Св. Анны 3 степени. Самый орден я подучил уже вчера часов в 8 вечера.

(Приказ по бригаде от 7 декабря 1907 г. № 342 п. 9.)

Обычный праздник 1 его высочества батареи прошел в этом году совсем обычно. Прежде всего нужно отметить, что в этом году вместе с 1 его высочества батареей пошла на царский парад и 6 батарея нашей бригады, которой праздник тоже 6 декабря, но которая до сего времени никогда не участвовала на высочайшем смотре. Этот совместный парад навел меня на мысль устроить и вечером в день парада общий ужин. Мысль моя была сочувственно встречена офицерами обеих батарей, но командиры батарей (т. е. командующие, ибо полковник Демидов уже назначен командиром 2 дивизиона нашей бригады, а полковник Гартунг – командиром 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады) до самого последнего момента что-то путали и лукавили, сваливая один на другого «нежелание совместного ужина», так что затея наша чуть было не провалилась и ее едва удалось

спасти... Я вместе с Ушаковым поехал на парад сегодня с 9-часовым утренним поездом, и с вокзала в Царском Селе мы на извозчике поехали в Гусарский манеж. В манеже в этом году были собраны лишь батареи артиллерии: 1 его высочества и 6 батареи нашей бригады, 2 лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, 4 гвардейской Конно-артиллерийской бригады, гвардейская Запасная батарея и конная батарея Офицерской артиллерийской школы. 1 его высочества бат[а]реей командовал капитан Гириш, а в строю находились: штабс-капитан фон Энден, поручики Курбатов, Наркович и Древинг. На левом фланге батареи собрались: генерал от артиллерии Оноприенко, отставной генерал от артиллерии Беляев, генерал-лейтенант Коленкин, отставной генерал-лейтенант Кармин, камергер Семенов, полковник (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады) Леман, генерал-лейтенант Берников, я, поручик Ушаков и подпоручик Манакин (прикомандированный к 1 его высочества батарее). 6 батареями командовал полковник Гартунг, а в строю находились: штабс-капитан Есимонтовский, штабс-капитан Рейнталь, поручик Перлик и подпоручик Семенов (прикомандированный). Всем парадом командовал флигель-адъютант полковник Демидов. Из курьезов следует отметить, что командир корпуса генерал-адъютант Данилов поздоровался с 1 его высочества батареей, назвав ее «батарея его величества», и затем приказал, чтобы после здраванья великого князя Николая Николаевича говорить: «Чсть имеем поздравить, ваше императорское высочество». Данилову разъяснили, что Николай Николаевич сегодня не именинник, но тогда Данилов заявил, что поздравить «все равно» (?) нужно, так как вообще сегодня большой праздник – тезоименитство государя! До приезда государя я успел основательно смерзнуть, так как в манеже, по-моему, было ниже 0° (а на дворе 10–12° морозу). Государь (в форме батальона Императорской фамилии) прибыл в 10 ½ часов. После обхода и церемониального марша государь сперва поблагодарил «штаб- и обер-офицеров» за постоянную честную и верную службу и за «блестящий» парад и затем выпил (из нашего жбана и нашей чарки) за здоровье частей, празднующих сегодня свой праздник. Полковник Демидов подал команду «на-кра» («слушай» он почему-то не скомандовал), но середина фронта команду его не поняла, вообразила, что это «ура», и все начали кричать «ура». Демидов растерялся и не сразу принял меры – остановить неуместное «ура». Видно было, что государь что-то сказал, Демидов замахал рукой, и воцарилось молчанье. Снова было скомандовано «на краул», войска взяли этот прием, и Демидов провозгласил:

1) За здравие его императорского величества государя императора. Ура!
Затем:

2) За здравие их императорских величеств государынь императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны и

3) За здоровье его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

Солдаты подхватывали тосты громовым «ура». После тостов государь снова благодарил нижних чинов за «сегодняшний парад» и за «службу» и при громовом «ура», долго-долго не смолкавшем, уехал из манежа.

Я с Ушаковым сейчас же уехал (в придворной карете) во дворец, так как мороз давал себя знать, и во дворце мы ждали окончания 2-го парада (других частей).

Вовремя обеда нужно отметить, что батареи нашей бригады сидели во 2-й зале и лишь Гвардейский экипаж сидел в той же зале, где и государь. После тоста государя за «процветание» частей придворный оркестр сыграл первым номером марш Гвардейского экипажа, а затем Стрелкового полка, батальона Императорской фамилии и гвардейской Конной бригады. Наш марш опять не был сыгран. Доколе же, о господи, нас будут оскорблять «царедворцы»? (Впрочем, я знаю – доколе. Доколе не будет у нас настоящего, дельного командира бригады). Послеобеденные разговоры в этом году были особенно неудачны. Императрицы Александры Федоровны на параде не было. Императрица Мария Федоровна к нам не подходила (она не подходила и к другим частям), а государь задал лишь несколько слов капитану Гиршу, так как тот командовал сегодня батареей. Я был очень возмущен тем обстоятельством, что в первом ряду нашей бригады сплошной стеной встали: вр. командующий бригадой генерал-майор Златарский, генерал Оноприенко, генерал Беляев, генерал Берников, генерал Коленкин и несколько сзади генерал Похвиснев (начальник Константиновского артиллерийского училища). Ничего подобного нельзя видеть в других частях. Там в первых рядах всегда стоят офицеры части, а прежде служившие прячутся сзади. Кроме того, у нас на 5 действительных офицеров приходится столько же (а то и больше) старослужащих «мандрилл», а в любом полку на 50 офицеров – 1–2 старослужащих. Но и те, я говорю, прячутся сзади и в разговоры не лезут, а наши «мандриллы» становятся в 1-ю линию и, привлекая внимание царя, мешают нам поговорить со своим шефом. Оноприенко, впадающий в детство, вмешивается в разговор царя с Гиршем и дает нелепое объяснение, а затем мешает Демидову начать разговор об общем бригадном празднике. Коленкин же хронически говорит о своей пограничной страже, где он служит и до которой нам нет ровно никакого дела... Это вопиющее безобразие следует раз навсегда прекратить, но опять с грустью сознаешь, что мы бессильны что-либо сделать, пока у нас не будет умного и энергичного командира бригады. В заключение следует упомянуть, что генерал Златарский, по обыкновению, держал себя как гороховый шут, не вовремя кланялся государю и даже не вовремя протянул ему руку, так как государь подходил после стрелков не к нам, а к дворцовым гренадерам. Го-

сударь вынужден был даже сказать Златарскому, что говорит с дворцовыми гренадерами! Просто срамота – с этим идиотом-болгариным!

В Петербурге я сделал визит (расписался) лишь у одного полковника Демидова, так как герцог еще в отпуску (в Берлине), и мы решили у него не расписываться, а послать ему телеграмму. Но вечером я неожиданно узнаю, что все офицеры батареи расписались у герцога, а потому пришлось и мне с Ушаковым на другой день (7 декабря) задним числом расписаться у него во дворце – в его книге.

Вечером в 10 часов 1 и 6 батареи нашей бригады собрались на совместный ужин (1-й раз!!!) в малой столовой Собрания армии и флота!! На лестнице расположился оркестр нашей музыки, которая играла до 3 часов ночи.

Были:

1 его высочества батареи

- 1) генерал-лейтенант Арсеньев
- 2) – Коленкин
- 3) полковник Демидов
- 4) – Фуфаевский (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады)
- 5) – Гартунг (и 6 батареи)
- 6) – Пономаревский-Свидерский (1 и 6 батареи)
- 7) я
- 8) генерал-лейтенант Берников
- 9) штабс-капитан фон Энден (распорядитель ужина)
- 10) поручик Курбатов
- 11) – Древинг
- 12) – Наркович
- 13) – Ушаков
- 14) подпоручик Манакин
- 15) капитан Гирш (и 6 батареи)
- 16) полковник Леман

6 батареи

- 1) генерал-майор Похвиснев
- 2) полковник Ден (командир 4 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады)
- 3) штабс-капитан Есимонтовский (и 1 батареи)
- 4) – Рейнталь
- 5) поручик Перлик
- 6) штабс-капитан Явид
- 7) подпоручик Семенов
- 8) штабс-капитан Фриде
- 9) – Чернявский.

Первый тост провозгласил генерал Арсеньев (весьма не красноречиво) за здоровье «августейшего» (??? державного?) именинника государя императора, покрытый долго не смолкавшим «ура». Генерал Коленкин сказал сидя довольно длинную (и довольно нескладную) речь, в которой отметил, что две батареи впервые совместно празднуют свой праздник, и предложил выпить здоровье командующих – Демидова и Гартунга. Были еще тосты Гартунга и Похвиснева. ...Герцогу была послана телеграмма от имени присутствующих на ужине за подписью генерала Арсеньева (в Берлин, гостиница «Континенталь»). Кофе и ликеры перешли пить в нижний т. н. Петровский зал (где модель памятника Петру Великому). Вечер закончился тем, что штабс-капитан Чернявский и другие (Похвиснев, Фриде) рассказали уйму похабных анекдотов, приводивших в полное восхищение наших стариков-«мандрилл»: Арсеньева, Коленкина и Берникова. Дома я был около 5 часов ночи.

Сегодня же мы имели «удовольствие» узнать из «[Русского] инвалида», что командиром нашей батареи назначен офицер лейб-гвардии артиллерийской бригады Мясоедов. Все многочисленные слухи, что командиром непременно будет один из офицеров нашей же бригады (называли обоих Пономаревских-Свидерских, Вешнякова, еще ранее Рерберга), не оправдались, к моему глубокому сожалению. Назначен «чужой» офицер и притом «заурядный»... Доколе...

Впрочем, я вам объяснил, «доколе» это будет продолжаться!..

7 декабря – пятница.

В 2½ часа дня нашу бригаду посетили 2 французских офицера:
поручик Odone, d'Etat Major du 15 Corps d'armée. Marseille.

– Buchsenschutz, détaché a l'Ecole Supérieure de Guerre.

При них состоял капитан генерального штаба Марушевский. Об их прибытии нам было известно накануне, и экстренно было отдано письменное приказание показать французам 1 стрелковую батарею, а затем предложить «чай» в собрании. Желаящие гг. офицеры записывались у буфетчика. Я, конечно, как бригадный хроникер, поспешил записаться, дабы присутствовать и описать их посещение. За временно – командующего бригадой генерал Златарский назначил вместо себя полковника Гартунга, чему, конечно, все были очень довольны, так как Златарский уже давно прославился своею вопиюще нетактичностью, или, вернее сказать, – непроходимую глупостью. Кроме того: вместо варварского прононса болгарского экзотика мы имеем теперь прекрасный выговор Льва Федоровича и его несомненное красноречие. Французам показали следующее:

1) Приемы при орудии (4 орудия 1 стрелковой батареи на бригадном плацу, командовал капитан Беляев, а в строю подпоручики Сергеевский и Гольдгаар),

2) Езда в большом манеже ездовых 1 стрелковой батареи срока службы 1907 года. Там же – лихая рубка фейерверкеров.

3) Гимнастика молодых солдат 1 стрелковой батареи в гимнастическом зале на машинах и

4) Выводка лошадей – на дворе близ конюшни 1 стрелковой батареи.

Оба француза были в форме, но сверху на них были надеты меховые шубы, мехом вверх, – одним словом, типичный костюм шоферов. Полковник Гартунг давал объяснения поручику Одонь, а я завладел эльзасцем и вел с ним оживленный разговор до самого его отъезда из бригады. После описанного мною смотра мы все направились в собрание и сперва прошли в музей, где полковник Гартунг и я кое-что показали французам, а затем предложили им расписаться в книге посетителей, что они и проделали. Кроме того, обоим офицерам и капитану Марушевскому мы поднесли на память по 4 открытых письма с видами из жизни бригады (издание нашего музея). «Чай», т. е. шампанское и чай, были сервированы в дубовой столовой. Я сел рядом с эльзасцем. Первый тост сказал Лев Федорович, очень хорошо, по-французски, – за гостей и за французскую армию. Отвечал поручик Одонь. В дальнейшем было еще выпито за здоровье капитана Марушевского; капитан Марушевский выпил за «великолепную бригаду», и, наконец, полковник Пономаревский-Свидерский 1 провозгласил тост на топорном французском языке за гостей и французскую армию, причем сказал «je monte mon verre⁷». В заключение полковник Гартунг, от имени французских офицеров по-русски, передал их горячую благодарность за радушный прием и заключил свой тост французской фразой – за их здоровье. В 5 часов вечера французские гости покинули нашу бригаду.

8 декабря – суббота.

От 11 часов утра до 1 часу дня присутствовал на заседании Верховного суда по делу о сдаче Порт-Артура – в большом зале Собрания армии и флота. Билеты на эти заседания были присланы в бригаду. Я был на 9-м заседании.

Приказание по бригаде от 8 декабря 1907 года за № 2170, п. 3:

«Препроводить при сем штабс-капитану Савонько утвержденное Петербургским окружным военно-медицинским инспектором медицинское свидетельство о болезни за № 577 – 9479».

9 декабря – воскресенье.

По случаю получения высочайшей награды (см. 6 декабря) являлся в 12 часов дня генералу Златарскому на его квартире в «Зеленых связях». Застал его дома.

⁷ Я ставлю бокал (фр.).

10 декабря – понедельник.

Придя утром на доклад к временно командующему бригадой генерал-майору Златарскому, я узнал от него, что его высочество командир бригады приехал из отпуска и сегодня вступает в командование бригадой, так что у генерала Златарского – последний день доклада. Через несколько минут в комнату вошел сам Герцог в парадной форме и сейчас же сказал мне: «А вы в отпуск едете?» Я объяснил все мои планы о сдаче квартирмейстерской должности, о желании поступить в академию и проч. Герцог с Златарским удалились в соседнюю комнату и долго разговаривали о бригадных делах... По окончании моего доклада генерал Златарский поцеловался со мной и благодарил в теплых выражениях за службу.

13 декабря – четверг.

Приказ по бригаде № 348, п. 27:

«Для выработки правил по содержанию и пользованию бригадным тиром “для офицерской и солдатской стрельбы из револьверов” мною назначается комиссия под председательством полковника фон Цур-Милена и членов: полковника Илькевича и штабс-капитана Савонько».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

14 декабря – пятница.

В 12 часов дня проделана была обычная церемония по случаю увольнения в запас 2/3 нижних чинов срока службы 1905 года. Увольняемые были построены по батарейно и покомандно (я – на правом фланге нестроевой команды – семи человек) в шинелях, без оружия, в большом манеже. Молебен отслужил о. Николаевский, сказав до и после несколько теплых и душевных слов. Слова мира и любви в устах священника, по-моему, лучше действуют на сердца солдат, чем «черносотенная речь» о. Филофова или грубое красноречие о. Солертинского. После молебна командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский произвел опрос претензий, а затем обратился к ним с речью, начав ее своим обычным вступлением: «Ребята! Помните...». Помнить нужно, что «вы были гвардейскими солдатами», и в деревне служить образцом порядка и повиновения властям; газеты нужно читать с «разбором», не увлекаться разговорами с «злонамеренными людьми» и не читать «разные газетишки», старающиеся сбить солдат с толку. Конец речи опять был обычный: «В честь государя императора, нашего верховного вождя и державного шефа бригады, ура!» Музыка играла гимн, а солдаты кричали «ура». Затем, под звуки марша, батареи и команды вышли из манежа, проходя мимо герцога. Уволенный в запас мой младший нестроевой Записок (столяр, отделавший нашу дубовую столовую) получил от собрания (гг. офицеров) серебряные часы.

18 декабря – вторник.

Вчера вечером я уже почувствовал легкое недомогание и слегка повышенную температуру, горло сильно болело. Сегодня я остался лежать в постели и подал рапорт о болезни. $T = 37,7, 38,2$ и $38,4$.

В этот день меня вызвали в штаб округа от имени генерала Ванновского по вопросу о смете на «постепенное возобновление» казарм но так как очевидно, я быть не мог, то делопроизводитель комиссии штабс-капитан Свенторжецкий (см. 16 ноября) приехал ко мне на квартиру, и я, лежа в кровати, имел с ним совещание и давал указания и разъяснения с $3\frac{1}{4}$ до 4 часов дня. Вечером навестил меня сосед – казначей поручик фон Руммель.

19 декабря – среда.

$T = 37,8, 37,9, 37,5$.

Услышав о моей болезни, зашли ко мне полковник Илькевич и Гартунг. Ежедневно заходит и живущий со мной Н. Н. Ушаков. Назначенный на сегодня смотр начальником артиллерии 2 дивизиону и командам (в том числе и моей нестроевой команде) отменен, по случаю нездоровья начальника артиллерии. В понедельник (7 декабря) уже был смотр 1 дивизиону: он происходит далеко не обычно: старик Фан-дер-Флит, боясь простудиться в манеже, приказал собрать людей для опроса претензий по своим батареям, и там же происходит осмотр всех вещей. Нечего и прибавлять, что все смотрится наспех – лишь бы поскорее отбыть скучный и бесполезный №... Герцог эти дни принимает у себя во дворце, он слегка простужен.

20 декабря – четверг.

$T = 37, 37,2, 36,95$.

Температура пошла на сбавку, но боли в области живота и впечатлени опухоли заставили меня пригласить д-ра С. В. Посадского. Посадский определил сильное желудочно-кишечное расстройство и значительное увеличение печени (боль была от печени).

Были: поручик Беляев (Тимофей) и Руммель. По делам службы 2 раза заходил штабс-капитан Фриде.

21 декабря – пятница.

Утренняя температура $36,5$. Встаю. Диета – полная.

В «Русском инвалиде» в № 277 в статье г. Г. Елчанинова «Если виновны, то заслуживают снисхождения» есть такие строки: «Дай бог, чтобы было как можно более читающих и образующих себя офиц[е]ров». Но «судьям строгим» не мешает поближе ознакомиться со многим из здесь приведенного, прежде чем судить нас так властно и резко. А то ведь они

дописываются иногда до памфлетов, рассказывая, что офицеры, как дети, рассматривают только картинки в «Разведчике»!

Это – намек на мою фразу, которая действительно имеется в моей заметке об «обязательном чтении» (см. 27 ноября).

Шутник, право, г. Елчанинов!! Наша ли бригада не пополняется первыми учениками артиллерийских училищ и Пажеского корпуса, и не в нашей ли бригаде библиотека выписывает все периодические военные журналы (т. е. дает средства для чтения), а все же я утверждаю, что у нас «Разведчик» прочтут 5% офицеров, «просмотрят» 45%, а 50% – совсем не прочтут и не просмотрят...

Утром на минутку заходил Л. Ф. Гартунг, потом посидел у меня Шанявский и Матвеев. Вечером заходили Илькевич и Явид, но я спал...

22 декабря – суббота.

С постели встаю и, как вчера, работаю с утра до вечера, по своим квартирмейстерским делам; нужно «кончать год» (хотя мой друг Фриц Альтфатер и говорит, что «нечего» его кончать: год и без тебя кончится!) и вообще ликвидировать все свои служебные дела и отчеты...

В течение дня ко мне заходили: полковник Пономаревский-Свидерский 1, капитан Альтфатер и штабс-капитан Рейнталь...

Приказ по бригаде № 357, п. 6:

«Подпоручик Алексеев прикомандировывается мною к Управлению бригады для назначения с 1 января 1908 года на должность бригадного квартирмейстера. Штабс-капитану Савонько приступить к сдаче, а подпоручику Алексееву к приему дровяных дворов бригады, обоза, архива и всех дел и всего имущества по квартирмейстерской части. О сдаче и приеме мне донести».

Командир бригады генерал-майор герцог Мекленб[ургский].

23 декабря – воскресенье.

Болезнь моя явилась если и не кстати, то и не совсем не вовремя (при условии, что теперь я уже здоров). Принужденный силой обстоятельств сидеть дома, я в последние три дня, работая с утра до вечера, привел свои квартирмейстерские дела в вполне законченный вид, годный для немедленной сдачи их новому бригадному квартирмейстеру. Впрочем, работы хватит еще до самого 1 января...

Днем были: полковник Илькевич, поручик Наркович, поручик фон Руммель.

24 декабря – понедельник.

Подав утром рапорт о выздоровлении, приступил к сдаче квартирмейстерской должности подпоручику Алексееву (см. 22 декабря). От 1 часа дня до 3 часов сдал в Управлении бригады архив и некоторые дела.

28 декабря – пятница.

Часов в 5 вечера я получил литографированное приглашение от 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона «почтить своим присутствием» спектакль нижних чинов батареи. Я, конечно, с удовольствием воспользовался любезным приглашением, так как уже давно не видел солдатского спектакля и бытовая сторона праздника меня заинтересовала. Около 8 часов вечера я прибыл в канцелярию 2 стрелковой батареи. Здесь был накрыт стол с «чаем» для гостей гг. офицеров. Офицеры – все гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Из бригады был я один. (Вероятно, я был приглашен потому, что эти дни исполнял обязанности бригадного адъютанта, Фриде нездоров.) Были: командир 2 стрелковой батареи Жерве с супругой, капитан Алымов с супругой, поручик Бутовский с супругой, подпоручик Сергеевский с супругой, поручик Болецкий, командир дивизиона полковник Горбачевич, полковник Крутиков (командир 6 батареи, бывший офицер 2 стрелковой батареи), штабс-капитан Рейнгардт и дежурный офицер поручик Наркович. Командир бригады был лично приглашен полковником Жерве, но герцог сослался на нездоровье и не приехал. В соседнем с канцелярией Стрелкового дивизиона помещении стояла елка для нижних чинов, стол с чаем и сладостями для гостей нижних чинов. Тут же разместился наш оркестр музыки. Спектакль начался в начале девятого часа вечера. На сцену вышел небольшой хор певчих (и их главный устроитель и организатор «вечера» подпоручик Люндеквист – в сюртуке с эполетами) и вместе с хором музыки пропел «Боже, царя храни», повторенное дважды. Спектакль состоял из двух пьес: 1) «Вытурил» и «Медаль». Я прослушал обе... Довольно удовлетворительно играл Сморчкова (см. программу) взводный фейерверкер Толпыгин, очень типичен был лакей – канонир Иванов – и недурен г. Радикалов – канонир Хабаров. В сцене «Медаль» выделился опять тот же фейерверкер Толпыгин, но в общем эта вторая пьеса прошла слабее первой. После спектакля начался хор песенников. Я прослушал только № 1 «Малороссийское попури» и затем ушел... После хора песенников начались оживленные танцы, на которых я тоже не присутствовал.

29 декабря – суббота.

Я, полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитаны Петрушевский и Альтфатер смотрели в 3 часа дня панораму «Голгофа» (Невский проспект,

д. 100). Для панорамы выстроено во дворе дома особое каменное здание – по-моему, слишком малое, ибо «даль» слишком близка... Эту панораму я сравнивал с виденной мной панорамой в Париже «Взятие Бастилии», и я нахожу, что главный недостаток нашей панорамы заключается именно в малых размерах здания. Кроме того, на полотне осел морозный иней, и все полотно блестит, как сахарная голова. В общем же «голгофа» достойна внимания. Безумная, конечно, входная плата: 1 рубль!! За границей – за такую цену вовсе и не пошли бы...

30 декабря – воскресенье.

От 11 часов утра до 12^{3/4} час[ов] дня моя нестроевая команда вместе с ремонтной и учебной (кроме того были писаря хозяйственного отделения Управления бригады и бр. писарь Дятлов) смотрели кинематографический спектакль в «Местер-театре» (Невский пр., д. 65). Этот спектакль был заказан специально для наших нижних чинов – накануне – мной и капитаном Альтфатером (заведывающий учебной командой) – за 25 рублей. Было показано 14 картин. Из офиц[е]ров были: капитан Альтфатер, поручик Болецкий (офицер учебной команды), поручик фон Руммель (бр. казначей), капитан Гирш (заведывающий ремонтной командой, приехал в середине представления) и я.

31 декабря – понедельник.

Сегодня окончательно сдал все дела по квартирмистерской части подпоручику Алексееву и в 3 часа дня имел последний доклад у его высочества.

Приказ по бригаде № 366, п. 4:

«Бригадный квартирмистр штабс-капитан Савонько с 1 января 1908 года отчисляется мною от должности бригадного квартирмистра, и на эту должность на основании ст. 313 кн. 5 Св[ода] в[оенных] п[остановлений] 1869 г. по редакции приказа по в[оенному] в[е]домству] 1904 года за № 30 назначается мною подпоручик Алексеев. Ввиду изложенного: 1) штабс-капитан Савонько исключается мною из списков Управления бригады с оставлением в списках 1 его высочества батареи и в прикомандированию к Управлению бригады, 2) подпоручик Алексеев зачисляется мною в списки Управления бригады с оставлением в списках 4 батареи, 3) на подпоручика Алексеева требовать столовые деньги по должности бригадного квартирмистра с 1 января 1908 года, прекратив с того же числа требование этих денег штабс-капитану Савонько».

п. 5

«Предписываю с 1 января 1908 года требовать штабс-капитану Савонько столовые деньги из оклада 180 руб[лей] в год и квартирные по долж-

ности старшего офицера, прекратив с того же числа требование этих денег штабс-капитану Есимонтовскому».

п. 25

«Бригадный квартирмейстер штабс-капитан Савонько рапортом от 31 декабря за № 14 и подпоручик Алексеев рапортом от того же числа за № 95 донесли мне, что первый сдал: дровяные дворы, обоз, архив, все дела и все имущество по квартирмейстерской части, а второй все это принял. О чем объявляю».

Командир бригады генерал-майор
герцог Мекленбургский.

В 8 часов вечера я попрощался со своей нестроевой командой. Люди были построены в помещении, я сказал довольно длинную и прочувственную речь, закончив ее пожеланием «всегда и при всех обстоятельствах нести свою службу верно и честно – на радость и славу нашего обожаемого царя и нашей великой Родины». После того я трижды перецеловался со всеми.

Новый год встретил в семье генерал-лейтенанта Рейнталь.

КОНЕЦ

1908

Из записной книжки 1908 г.

В. САВОНЬКО

1912 г.

ХРОНИКА 1908 г.

1 января – вторник.

Вечером вместе с Н. Н. Ушаковым был на кинематографическом спектакле в «Эдиссон-театре» (на Конюшенной улице). Это лучший в СПб. кинематографический зал и театр... Между прочим были показаны сцены из восстания в Марокко (в 1907 году).

Сделал 2 визита: 1) генералу Рейнталь (и генеральше Клименко) и 2) штабс-капитану Рейнталь с супругой. В обоих домах оставил карточки: не принимали. Кроме того я сделал визит штабс-капитану Фриде (супруга его меня приняла) и поручику фон Руммель с супругой (оставил карточки). Это – мои прощальные визиты с чинами бригадного управления (адъютант и казначей).

2 января – среда.

По случаю сдачи должности бригадного квартирмейстера, исключения из списков Управления бригады с оставлением в списках батареи великого князя Михаила Павловича и в прикомандировании к Управлению бригады – являлся командиру бригады герцогу Мекленбургскому, командиру 1го дивизиона полковнику фон Цур-Милену и командиру 1 его высочества батареи полковнику Мясоедову. Всех троих дома не застал и расписался. Кроме того расписался у командира 2 стрелковой батареи полковника Жерве с благодарностью за его приглашение на спектакль нижних чинов батареи, на котором я был (см. 28 декабря 1907 года).

После сегодняшнего доклада у командира бригады (герцог просил меня присутствовать на докладах вместе с новым квартирмейстером) его высочество обратился ко мне со следующими словами: «Позвольте вас поблагодарить за ваши труды по квартирмейстерской части».

3 января – четверг.

В 10 часов вечера в собрании бригады в дубовой столовой состоялись проводы одного из старейших офицеров бригады полковника Льва Федоровича Гартунга. На проводы собрались почти все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Были еще: адъютант начальника артиллерии штабс-капитан Баранов и капитан Генерального штаба Плющевский-Плющик. Шампанское было разлито в наши именные серебряные стаканчики. Командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский в речи, обращенной к Л. Ф., упомянул о его 19-летней службе в бригаде и о совместной с ним службе – «сперва в 1 батарее, потом в 1 дивизионе и наконец в бригаде», пожелал ему дальнейших успехов по службе

и выразил надежду, что полковник Гартунг при своих наездах в СПб. будет посещать бригаду и тем поддержит связь с родной ему частью. Тост закончился провозглашением здоровья Л. Ф., причем все кричали «ура» довольно дружно. Л. Ф. обошел всех собравшихся, пожимая руки и с некоторыми целуясь. Ответная речь Л. Ф. была блестяще[й]. Он попросил извинения у всех тех, кому он досадил «неосторожным словом или поступком», пожелал нам всем счастья, а «славной лейб-гвардии 1 Артиллерийской бригаде и гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону вековой славы». Последняя фраза была произнесена сильно повышенным голосом. После этого тоста Л. Ф. провозгласил здоровье командира бригады, подхваченное громовым и довольно долго не смолкавшим «ура», а герцог в ответ – провозгласил «еще раз» здоровье Л. Ф. и «всех гг. офицеров». На Варшавский вокзал поехали немногие. Причина тому – отчасти очень поздний час и, затем, сегодняшний бал в Михайловском артиллерийском училище. Поезд должен был отойти в 12¼ часов ночи. Полковник Смысловский острил, что Л. Ф. такая пьяница, что уезжает в Варшаву в 12 «с четвертью» (водки). На вокзал приехали: 1) я, 2) полковник Илькевич, 3) полковник Пономаревский-Свидерский, 4) капитан Петрушевский, 5) капитан Альфатер, 6) штабс-капитан Шаняевский, 7) полковник Мясоедов, 8) капитан Перрет, 9) штабс-капитан Есимонтовский, 10) подпоручик Семенов, 11) полковник Смысловский, 12) полковник Крутиков. Из посторонних были: Главного артиллерийского управления штабс-капитан Тихоцкий (женатый на сестре полковника Смысловского) и инженер путей сообщения. Было несколько нижних чинов 6 батареи бригады – в том числе фельдфебель батареи подпрапорщик Семенов. Ровно в 12¼ поезд мед[л]енно и с трудом отошел, увозя одного из выдающихся работников нашей славной бригады.

Приказ по бригаде № 3 п. 3:

«Приказом по бригаде от 31 декабря 1907 года за № 366 штабс-капитан Савонько отчислен от должности бригадного квартирмейстера с назначением старшим офицером в 1 его высочества батарею. Штабс-капитан Савонько занимал должность бригадного квартирмейст[р]а более 4 лет и в течение всего этого времени при исполнении своих служебных обязанностей постоянно выказывал полную энергию и знание дела, стараясь одновременно вникать в интересы службы и бригады. Расставаясь ныне со штабс-капитаном Савонько как с одним из моих ближайших подчиненных по бригадному Управлению, считаю для себя приятным долгом выразить штабс-капитану Савонько от лица службы сердечную признательность за его труды на пользу бригады и уверенность, что он и на других должностях выкажет такое же ревностное отношение к своим служебным обязанностям».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

5 января – суббота.

От 10 часов утра участвовал в комиссии по поверке дровяных дворов бригады.

В 2 часа дня я и штабс-капитан Шанявский поехали на квартиру капитана Генерального штаба Юрия Николаевича Плющевского-Плющика (бывшего офицера 2 батареи нашей бригады, выпуска 1898 года) в качестве депутатов от бригады. Мы должны были поднести ему 2 жетона: от бригады и от батареи, но бригадный жетон оказался неготовым, а потому пришлось поднести один батарейный жетон. Приветственную речь мне сказать не пришлось, так как г-жа Плющевская тому помешала, и я вручил жетон «от имени офицеров 2 батареи бригады». Распили бутылку шампанского...

К 8 часам вечера я и штабс-капитан Рейнталь поехали на панихиду по умершем отставном генерал-лейтенанте Курбатове (отец нашего офицера). Генерал Курбатов жил в собственном деревянном доме на Петербургской стороне – на Полозовой улице (д. 23). Поп запоздал, и панихида началась лишь около 9 часов вечера. Из нашей бригады были еще: командир 1 его высочества батареи полковник Мясоедов, поручик Перлик и подпоручик Жиленков.

7 января – понедельник.

В 9 часов утра поехал вместе с поручиком фон Руммель на погребение отставного генерал-лейтенанта Курбатова (см. 5 января). Отпевание происходило в церкви Св. Алексея на Гейслеровской улице. Наша депутация состояла из полковника фон Цур-Милена, штабс-капитана фон Эндена и полковника Пономаревского-Свидерского 2. Кроме того, были: я, полковник флигель-адъютант Демидов (командир 2 дивизиона), поручик фон Руммель, подпоручик Алексеев, поручик Наркович (нес ордена), поручик Древинг, поручик Беляев (нес ордена), подпоручик Голубцов (нес ордена, кстати: штабс-капитан Матвеев называет его поручик Зразов), полковник Наркович (командир 2 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), подпоручик Люндеквист, подпоручик Жиленков... Путь от Полозовой улицы до Новодевичьего монастыря составил добрый десяток верст. Полковник фон Цур-Милен, Пономаревский-Свидерский 2, Демидов и я успели основательно позавтракать в гостинице «Франция» и поспели на кладбище к опусканию гроба в землю...

8 января – вторник.

От 10 часов утра участвовал в комиссии по выработке правил содержания и пользования бригадным тиром (см. 13 декабря 1907 года).

Вечером от 7½ час[ов] до 10 час[ов] вечера полковник Илькевич, я и бригадный квартирмейстер подпоручик Алексеев снова собрались и выработали и написали все правила.

Приказ по бригаде № 8 п. 3:

«Из дознания, произведенного по делу о ходе болезни прикомандированного к Управлению бригады канонира Слесорчука, выяснилось, что в оставшейся в г. С.-Петербурге части летом 1907 года не была заведена книга для медицинских осмотров нижних чинов, в которых делались отметки о медицинском осмотре. Списки эти хранились у и. д. фельдфебеля оставшейся части взводного фейерверкера Гашко и с расформированием оставшейся части не были им представлены в Управление бригады, а с уходом его в запас армии – утерялись. Следствием сего явилась невозможность проверить при встретившейся надобности, кто из нижних чинов являлся и как в этих списках отмечался осматривавшим их фельдшером. Вышеизложенное упущение ставлю на вид бывшему заведывающим (?) оставшейся частью летом 1907 года штабс-капитану Савонько».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

9 января – среда.

От 9 до 10 часов утра участвовал в комиссии «о тире» (см. 8 января).

Получил сегодня письмо от А. С. Керстенс, что ее муж д[ействительный] с[татский] с[овестник] Керстенс умер 6 декабря 1907 года.

12 января – суббота.

В 1 час дня в Сергиевском всей артиллерии соборе бригада служила панихиду по своему бывшему офицеру отставном генерал-лейтенанте Курбатове. Присутствовали все наши офицеры во главе с его высочеством герцогом Мекленбургским. На панихиду прибыли ближайшие родственники покойного: сын покойного полковник Курбатов с женой, подполковник Курбатов и капитан лейб-гвардии Московского полка Ш., женатый на дочери Курбатова. Оба сына покойного пришли не по форме одетыми: полковник был в шарфе и погонах, а подполковник был в эполетах.

14 января – понедельник.

Приказ по бригаде № 14, п. 10:

«Бригадный адъютант штабс-капитан Фриде, для участия в дворянских выборах, увольняется мною в отпуск в г. Ярославль сроком на 10 дней. На время отпуска штабс-капитана Фриде вр. и. д. бр. адъютанта назначается мною прикомандированный к Управлению бригады штабс-капитан Савонько».

Командир бригады генерал-майор герцог Мекленб[ургски]й.

15 января – вторник.

Я и Н. Н. Ушаков были на молебне и торжестве в Императорском Археологическом институте по случаю 30-летия его существования (с 8 часов вече-

ра). Мы были, как полагается, в обыкновенной форме, но несколько офицеров Российской армии, конечно, были одеты не по форме. Какой-то армейский поручик, нисколько не смущаясь, стоял до самого конца – у всех на виду – в сюртуке. Подполковник Агафонов одел почему-то сюртук с эполетами, точно он явился на бал или на обед к какой-нибудь «мондэнке». Несколько офицеров были в парадной форме... Один капитан генерального штаба был в форме, но в руках держал не шапку, а фуражку... И т. д. Такого неуважения к своей форме нет даже, вероятно, и в китайской армии!!.. Народу было много, и нам пришлось стоять... Отчет о торжестве появился в «Новом времени», и я повторять его не буду. Замечу только, что чиновник министерства Танталов прочитал письмо министра не тотчас после молебна, как стояло в газете, а в конце всех речей. Как только было упомянуто в письме имя монарха, как тотчас все встали, а после письма все хором пропели гимн и прокричали «ура».

18 января – пятница.

Вступил в отправление обязанностей бригадного ад[ъ]ютанта (см. 14 января).

24 января – четверг.

Вместе с капитаном Альтфатером был на выставке семян и машин в Михайловском манеже.

25 января – пятница.

В качестве вр. и. д. бригадного адъютанта бригады участвовал сегодня с 11 часов утра до 12½ час[ов] дня в комиссии – в Управлении артиллерии Гвардейского корпуса по поводу сформирования в лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 2 артиллерийских бригадах конного хора трубачей. Комиссия состояла из начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Фан-дер-Флита, генерала герцога Мекленбургского, генерала Леховича (командира лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), меня и адъютанта начальника артиллерии штабс-капитана Федорова. Наша мечта – иметь конный хор – может быть, и осуществится – лишь благодаря энергии генерала Леховича, причем нашей бригаде во главе с герцогом остается играть только жалкую роль, идя в хвосте 2-й бригады...

27 января – воскресенье.

Сегодня кончаются мои обязанности бригадного адъютанта (см. 18 января), так как вчера вернулся из отпуска штабс-капитан Фриде. Время моего адъютантства ознаменовалось тем, что приказы по бригаде выходили и раздавались всем офицерам от 10 до 2 часов дня. При Фриде же приказы выходят поздно вечером, иногда ночью и даже под утро!..

Днем, вместе с поручиком Ушаковым и штабс-капитаном Матвеевым, был на кинематографическом спектакле в «Экспресс-театре» – в Пассаже...

29 января – вторник.

Приказ по бригаде № 29, п. 5:

«Штабс-капитана Фриде, прибывшего 27 сего января из разрешенного ему 10-дневного отпуска ранее срока на 1 день, полагать на лицо. Штабс-капитану Савонько обратиться к исполнению прямых своих обязанностей».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

В № 901 «Разведчика» напечатана еще одна статья (г-на Анто) по поводу моей заметки об «Обязательном чтении» (№ 892). Автор этой статьи называет мою мысль «сплошной наивностью», основываясь на своем убеждении в глубочайшем невежестве современного корпуса офицеров. С «таким» корпусом офицеров, по словам г. Анто, ничего нельзя поделать, и даже силой офицеров к чтению не приохотишь. Нужно сперва обновить корпус офицеров... Как различны мнения!! То меня обвиняют в «инсинуациях» на офицеров за то, что я сказал, что офицеры мало читают, а то оказывается, что офицеры не только не читают, но даже и не способны к чтению, а моя мечта – развить в собраниях чтение – признана утопической!..

31 января – четверг.

С 12 часов дня «кладчики» начали укладывать мою мебель и к 8½ часам вечера перевезли все мои вещи на новую квартиру. В мою теперешнюю квартиру переедет после «шикарного» ремонта наш бригадный адъютант А. А. Фриде... Мой сожитель и коллега Н. Н. Ушаков на днях переезжает в кв. № 3 Литейного дома. Я же взял кв[ртиру] в 2 комнаты в «Зеленых связях» (кв. подпоручика Люндеквиста), так как числящаяся за мной квартира в «Зеленых связях» (№ 1 в 4 комнаты), по должности старшего офицера в батарее) уже давно занята поручиком Нарковичем и «выгнать» его я, конечно, не решился. Продав некоторые вещи и львиную долю отправив в человеколюбивое общество, я с остальными вещами очень мило устроился в моей новой квартире. Так как у меня не было вестового, то я первые два дня пользуюсь услугами вестового поручика Ушакова – Федора Мучницына.

Мой новый адрес: Надеждинская улица, д. 50 (или Спасская, ул. д. 4, или Манежный пер., д. № 3), кв. № 27. Телефон № 80–92 (на парадном подъезде с Надеждинской улицы).

2 февраля – суббота.

Приказ по бригаде № 33, п. 15:

«Штабс-капитан Савонько назначается мною в помощь заведывающему школой подпрапорщиков штабс-капитану Явиду по ведению занятий в названной школе».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

В 12 часов дня в канцелярии 1 его высочества батареи состоялось торжество поднесения батарейного жетона бывшему командиру 1 его высочества батареи флигель-адъютанту полковнику Демидову. На торжество прибыли:

командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский,
командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович,

командир 1 стрелковой батареи полковник Пономаревский-Свидерский 1-й

командир 1 его высочества батареи полковник Мясоедов,

офицеры батареи: капитан Гириш,

штабс-капитан фон Энден,

штабс-капитан Савонько,

поручик Наркович,

— Курбатов,

— Древинг.

Посередине канцелярии был накрыт стол с бокалами для шампанского и миндалем. Жетон поднес герцог со следующей речью: «Николай Петрович, позвольте мне, как старейшему представителю 1 его высочества батареи, поднести вам от лица всех здесь собравшихся наш традиционный жетон. Пусть он послужит вещественным знаком вашей нравственной связи с батареей, которой вы командовали 3½ года, причем вовремя вашего командования батарея всегда представлялась в блестящем виде, а в достопамятный день парада зимою 1905 года государю императору благоугодно было назначить вас своим флигель-адъютантом...» Затем герцог выразил свое удовольствие, что Н.П. пока еще служит у нас в бригаде, пожелал ему «дальнейших успехов в дальнейшей службе» и провозгласил его здоровье. Все прокричали «ура» и чокались. Полковник Демидов весьма гладко ответил тостом за здоровье его высочества, бывшего командира бат[а]реи генерала Леховича, настоящего командира батареи полковника Мясоедова и всех офиц[е]ров батареи, закончив провозглашением процветания батареи великого князя Михаила Павловича.

После того около 3¼ часов все провели в «беседе» за бокалом шампанского... Генерал Лехович выразил желание и вместе со мной и полковником Мясоедовым и Демидовым осмотрел все наше собрание, музей, гимнастический и фехтовальный офицерские залы, дежурную комнату и бригадный тир.

4 февраля – понедельник.

По случаю моего назначения помощником заведывающего школой подпрапорщиков являлся сегодня утром командиру бригады герцогу Мекленбургскому (расписался) и заведывающему школой штабс-капитану Явиду (оставил служебный билет) (см. 2 февраля).

От 2 до 5 часов дня в первый раз занимался в школе подпрапорщиков. В школе 10 человек:

- 1) Румянцев – Михайловского артиллерийского училища
- 2) Сакирка –
- 3) Аринушкин –
- 4) Анохин 1 его высочества батареи
- 5) Яхно 2 стрелковой батареи
- 6) Шаевский 3 батареи
- 7) Лебедев 4 батареи
- 8) Кухтин Константиновского артиллерийского училища
- 9) Карнацкий 1 гвардейского артиллерийского парка
- 10) Наливайко 2 стрелковой батареи.

5 января – вторник.

Приказ по бригаде № 36, п. 17:

«Для всестороннего рассмотрения вопроса об устройстве в казармах бригады телефонов между всеми батареями и другими помещениями мною назначается комиссия под председательством флигель-адъютанта полковника Демидова и членов штабс-капитана Савонько и подпоручика Алексева. Комиссии собираться по усмотрению председателя».

Генерал-майор герцог Мекленбургский.

Предписание Управления бригады № 821:

«Уведомляю, что вы назначены в распоряжение Окружного юрисконсульта д[ействительного] с[татского] с[оветника] Мравинского представителем от вверенной мне бригады по возбужденному иску СПб. городской управой о праве на землю, называемую истцом “Батарейный переулоч”».

Командир бригады герцог Мекленбургский
Бригадный квартирмейстер подпоручик Алексеев.

8 февраля – пятница.

От 1 часу дня до 4½ час[ов] участвовал вместо бригадного квартирмейстера подпоручика Алексева в комиссии по осмотру наших «Зеленых связей» – для определения годности «житья» в квартирах. Комиссия состоит из 3 военных инженеров: полковника Фримана, подполковника Ники-

форова и капитана Иванова, из нашего бригадного врача д-ра Протасова и бригадного квартирмейстера. Был и строитель дома – капитан Попов.

12 февраля – вторник.

От 1 часу до 2-х участвовал в комиссии по устройству телефонов в бригаде (см. 5 февраля).

1908

733

16 февраля – суббота.

В 11¼ час[ов] утра у нас в бригаде состоялся пробег желающих гг. офицеров – на острова (20 верст). Записалось 9 человек:

- 1) капитан Гирш,
- 2) штабс-капитан Явид,
- 3) – Шаняевский,
- 4) поручик Бутовский,
- 5) – Болецкий,
- 6) подпоручик Щербов-Нефедович,
- 7) поручик фон Руммель,
- 8) капитан Алымов,
- 9) поручик Древинг.

Главным организатором был штабс-капитан Шаняевский (хозяин собрания). Накануне им было куплено у Марулина 3 приза: 1) серебряный блокнот в 25 рублей, 2) серебряная вызолоченная кружка в 18 рублей и 3) серебряная рюмка в 5 руб[лей] 50 коп[еек]. После пробега должен был состояться общий завтрак с музыкой для желающих. На завтрак и на призы предлагалось расписываться на особом листе, вывешенном в столовой. Записалось около 40 человек. Но вдруг герцог, сам записавшийся на этот завтрак, решил, что это «увеселение», а потому устройство его подлежит решению общего собрания, и тогда завтрак обращается в «обязательный» для всех. Стеснение нашей свободы нас раздражило, и мы на вчерашнем общем собрании почти единогласно провалили «обязательный» завтрак. Вышла ожидаемая мной нелепость. Завтрак провален, но провал его не может же запретить мне и десятку другим офицерам – завтракать завтра в собрании, а раз число завтракающих будет значительно, очевидно удобнее приготовить общее меню, а не по карточке. Ясно, что общий завтрак все же должен состояться, но не как обязательный, а для желающих... Предстояло, следовательно, «доложить» и «уломать» герцога... Поехали к нему во дворец председатель общего собрания полковник Горбачевич, потом, кажется, Шаняевский, и «дело» уладилось. Общий завтрак был разрешен, но, впрочем, без музыки. Условия пробега были следующие: нужно было прийти к финишу в норму, назначенную в 1 час 25 минут. Кроме того, жюри из полковника фон Цур-Милена и ветеринарного врача д-ра Линденбергера свидетельствовало состояние

пришедшей лошади (дыхание, сухость и проч.). Состояние лошади оценивалось баллами, причем идеальное состояние отмечалось нулем, а дальше положительным числом, которое переводилось на минуты и увеличивало собой уклонение пробега от нормы. Конных жалонеров в некоторых местах по пути пробега расставил подпоручик Люндеквист.

С секундомером стоял штабс-капитан Матвеев и с часами поручик Беляев. С флагом полковник Пономаревский-Свидерский 1. Старт был на артиллерийской улице. К 11¼ часам собрались почти все офицеры бригады, во главе с герцогом. Погода прекрасная, мороз -3°. Средний ветер, грунт легкий (снег). После последнего пущенного всадника (пускались через каждые две минуты) я поехал верхом по пути пробега (на лошади штабс-капитана Фриде) и, доехав до 2-го Каменноостровского моста, повернул обратно и вернулся в казармы к 12½ часам, когда участвующие в пробеге офицеры уже стали возвращаться обратно. Ближе всех к норме оказался капитан Гирш (он ошибся всего на 9 секунд!!!), потом подпоручик Щербов-Нефедович (на одну минуту с чем-то) и наконец Шаняевский (на 1 минуту с секундами). При этом состояние лошадей было оценено: лошадь Гирша = 0, а лошади Щербова-Нефедовича и Шаняевского получили по 1.

После того все направились в столовую собрания, где в виде буквы «Т» был прекрасно сервирован завтрак с обильнейшей закуской, цветами и проч. Сделаю маленькое отступление и опишу маленькое чествование, которому я подвергся до завтрака. В гостиной собрания собрались: герцог Мекленбургский и чины бригадного Управления: штабс-капитан Фриде, поручик фон Руммель и подпоручик Алексеев. На столе стояли бокалы с разлитым в них шампанским. Герцог, держа в руках футляр с жетоном управления бригады, обратился ко мне с приветственным словом, причем назвал меня «Владимир Андреевич». Затем вручил жетон, взял бокал шампанского и провозгласил мое здоровье, офицеры дружно подхватили «ура». Я ответил так: «Я бесконечно польщен тем высоким вниманием, которое угодно было вашему высочеству и вам, дорогие сослуживцы, оказать мне как бывшему бригадному квартирмейстеру. С чувством живейшей благодарности я высоко поднимаю бокал за драгоценное здоровье вашего высочества, ваше здоровье, господа, и за славу и процветание родной нам лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады».

Возвращаясь к завтраку. 1-й тост сказал герцог, выпив за здоровье «победителей» – капитана Гирша, штабс-капитана (???) Щербова-Нефедовича (Щербов пока поручик) и штабс-капитана Шаняевского – и вручил им призы. Капитан Гирш ответил здоровьем герцога и всех офицеров. Затем герцог выпил еще за всех участников пробега и за устроителя – штабс-капитана Шаняевского. Штабс-капитан Шаняевский ответил тостом за герцога. В 4 часа все встали из-за стола.

На поднесенном мне жетоне (№ 3) расписались:
герцог Мекленбургский,
Н. Н. Матюшкин,
А. А. Фриде,
Н. Н. Ушаков,
Ю. А. фон Руммель,
П. Н. Алексеев.

1908
735

17 февраля – воскресенье.

От 2¾ час[ов] до 3¾ час[ов] делал «благодарственные визиты» всем тем, кто вчера расписался на поднесенном мне жетоне. Застал дома одного Ю. А. фон Руммель. У герцога расписался, а Матюшкину, Фриде, Алексееву и Ушакову оставил визитные карточки.

19 февраля – вторник.

Вечером вместе с подпоручиком Алексеевым был в Малом театре (театр Художественно-литературного о[бществ]а) на пьесе Острожского «Новое поколение» – пьесе из военного быта. После горячих монологов офицера князя Тверского в защиту офицерской корпорации, офицерской чести и рыцарства – публика горячо аплодирует... Отрадно!!

23 февраля – суббота.

Утром вышло письменное приказание по бригаде, что в 2 часа дня к нам в бригаду придут 2 офицера японской службы: военный агент в Петербурге подполковник Мута и подполковник Учако (или Угаки)... Приказанием отдавалось распоряжение, что и кому показывать, причем сам командир бригады герцог Мекленбургский предпочел сидеть «дома без штанов», а вместо себя назначил командира Стрелкового дивизиона полковника Горбачевича. Японцы приехали раньше 2 часов и прямо прошли на большой бригадный плац, где стояло 1 запряженное орудие от 1 стрелковой батареи под командой подпоручика Гольдгаар. Оба японских офицера были в штатском: Мута – в шинели с меховым воротником и в мягкой меховой шапке, а Учако – в пальто с барашковым воротником и в цилиндре. Когда полковник Горбачевич благодарил людей – они снимали свои шляпы и кланялись. Подпоручик Гольдгаар показал отъезды и подъезды и приемы при орудии. После того в большом манеже была показана сменная верховая езда и рубка учеников бригадной учебной команды от 1 и 4 батарей бригады (представлял поручик Белецкий), а в гимнастическом зале – вольные движения и гимнастика на машинах учеников бригадной учебной команды от 2, 5, и 6 батарей бригады (представлял штабс-капитан Матвеев). После учений начался беглый обход бригадных помещений. Объяснения давал

полковник Горбачевич и штабс-капитан Фриде. Муто говорит по-русски, а Учако только по-немецки. К последнему прицепился штабс-капитан Тарновский и пытался произносить какое-то подобие немецкого диалекта, на что Учако красноречиво мычал. Бутовский рассказывал, что наш «веселый меланхолик» Горбачевич, указывая на баню, заявил японцам, что это «помещение для больных», а проходя мимо фуражного сарая 4 и 5 батарей, сказал: «Вот баня!» Достоверность этих рассказов подвержена сомнению, но зато я сам слышал, как Горбачевич, показывая классную комнату ветеринарного лазарета, где обучаются фельдшерские ученики, вдруг перевел свое объяснение по-немецки: «Pferdeschule»! Этот вольный перевод подал повод остроить, что Горбачевич назвал тир – «Пистолетен шуле», а Тарновский назвал карточную комнату офицерского собрания: «Карт-махен-циммер»! Вот порядок беглого осмотра наших помещений:

- 1) конюшня 2 стрелковой батареи,
- 2) ветеринарный лазарет,
- 3) ремонтная конюшня (была выведена 1 лошадь),
- 4) сарай и конюшня 5 батареи,
- 5) офицерская конюшня 2 дивизиона,
- 6) конюшня 4 батареи,
- 7) кухня 4 и 5 батарей,
- 8) помещение 4 батареи,
- 9) помещение 1 его высочества батареи,
- 10) хлебопекарня,
- 11) лазарет,
- 12) учебная команда,
- 13) нестроевая команда,
- 14) амбулатория,
- 15) артель нижних чинов.

В 3¼ часа дня японцы вошли в офицерское собрание, где в столовой был сервирован чай. В бильярдной комнате стояли музыканты. Японцев провели в музей, где им предложили расписаться в книге посетителей. Оба офицера подписались по-японски и кроме того: Муто по-русски (очень хорошо), а Учако – по-немецки. В столовой сидели недолго. Полковник Горбачевич сел в центре стола, а японцы по его правую и левую руку. Рядом с Учако сел Тарновский и, весь красный, делал комичные попытки занимать его немецким разговором. Поручик Беляев, сидевший визави Муто, начал нетактичный разговор с ним об японской войне, но по моей просьбе был остановлен полковником Илькевичем... Никаких тостов, конечно, не было... (Вина вообще подано не было.) В 4¼ часа дня японцы покинули собрание...

Вечером я, капитан Петрушевский, штабс-капитан Матвеев и поручик Снигиревский были на кинематографическом спектакле в «The royale vio» –

вновь построенном деревянном театре на Марсовом поле; это, бесспорно, лучший кинематограф, какой я только видел: он совсем не мигает... Билеты, по обыкновению, были все проданы, и театр был полон...

27 февраля – среда.

От 12¼ часов дня до 12 часов 40 минут дня участвовал в комиссии по устройству телефонов в бригаде (см. 12 февраля).

2 марта – воскресенье.

От 2 до 6 часов дня был на 1 конкуре в Михайловском манеже. Из нашей бригады участвовали: № 11 на премировке лошадей поручик Древинг (Тугелла, темно-караковая кобыла, 8 лет, зав[ода] Кобыбут-Дашкевича), и № 23 на «Охотничий» приз поручик фон Руммель (Пальмира, гнедая кобыла, стар. завода графа Строганова, поручика Сергеевского). Ни приза, ни премии оба не взяли. Поручик фон Руммель даже не окончил скачку. В программе, как водится, всего 2 ошибки, и обе относятся к нашей бригаде. Во-1), вместо лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады напечатано: «лейб-гвардии артиллерийская бригада», и во-2), вместо «фон Руммель» – напечатано «фон Куммель»... Из офицеров бригады были: я, поручик Гущинский, штабс-капитан Шаняевский, штабс-капитан Рейнталь (с супругой) и подпоручик Гартц. Лошадь поручика Древинга получила бронзовую медаль.

4 марта – вторник.

От 9 до 10 часов вечера вместе с подпоручиками Жиленковым и Алексеевым был на 1-й театральной выставке, открытой в Панаевском театре. Есть несомненно интересные экспонаты, но в общем выставка бедна и не дает никакого представления об истории русского театра. Выставка не поучительна, безусловно. Выставка не систематизирована, и даже «балет» и «драма» (что между ними общего?) смешаны в общую кучу. Я обратил особое внимание (как офицер батареи великого князя Михаила Павловича) на черно-силуэтную гравюру на шелку (из коллекции г-на Бахрушина), изображающую памятник на могиле артистки Варвары Николаевны Асенковой (1817–1841) на Смоленском кладбище, близ памятника фигуры людей и между ними великий князь Михаил Павлович. Какое отношение имел наш вечный шеф к этой очаровательной ученице Сосницкого?..

5 марта – среда.

Получил письмо (№ 240) от совета Императорского Русского военно-исторического о[бщест]ва, уведомляющее меня, что я избран в число членов-сотрудников этого общества. (Квитанция в принятии членского взноса – № 137.)

7 марта – пятница.

Около 10 часов утра я получил дома случайное извещение, что у нас в казармах «ходит главнокомандующий». Я поспешил в казармы и застал момент, когда великий князь Николай Николаевич со всей свитой спускался по лестнице из лазарета. С ним были: начальник штаба округа: Свиты его величества генерал-майор Раух, командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов, адъютант великого князя полковник Орлов и адъютант командира корпуса штабс-капитан Котляревский. Тут же был и наш командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский. Великий князь был в форме лейб-гвардии Гусарского полка. По беглым сведениям, полученным мною, я узнал, что великий князь прибыл, в бригаду ровно к 9 часам утра – вместе с вышепоименованными мной лицами – на двух великолепных моторах (эти моторы стояли тут же на внутреннем дворе старых казарм) и подъехал прямо к большому манежу. В манеже он застал смену 1 стрелковой батареи, ожидавшую прихода офицера. Через минуту пришел подпоручик Гольдагар (прикомандированный) и произвел обучение смены. Затем великий князь обошел многие батареи, присутствуя на занятиях, и пробовал пищу в нескольких кухнях. Рассказывают, что пища настолько понравилась великому князю, что он спросил герцога: «Вы не видели ли во сне, ваше высочество, что я к вам приеду?»

Но возвращаясь к рассказу того, что я сам видел. Спустившись из лазарета, великий князь прошел внутренний двор и остановился в воротах старых казарм, присев на тумбу и закулив трубку. Оказывается, что он вызвал по тревоге в конном строю 2 батарею бригады и ждал ее появления на Басковой улице. Тем временем 2 стрелковая батарея выставила вдоль артиллерийской улицы непрерывную цепь охраны и несколько постов по Басковой улице. Тут же я заметил несколько сыщиков в штатском платье, которые не пропускали посторонних людей проходить мимо ворот старых казарм. Вообще вся площадь, прилегающая к воротам старых казарм, была на время изолирована от посторонней публики. 2-я батарея собиралась долго: 50 минут. Причина тому – большой расход людей во всевозможных нарядах. Пришлось подменять людей и даже, кажется, занимать недостающих в 5 батарее. Сам командир батареи полковник Пономаревский-Свидерский 2 принужден был, будучи в длинных брюках, съездить домой к Литейному мосту переодеться в походную форму и вернулся лишь минут за 5–8 до выезда батареи.

Но вот показалась голова батареи. 2 запряженных орудия со спешенной прислугой и сзади команда молодых солдат в пешем строю под командой подпоручика Жиленкова. В конном строю находился штабс-капитан Тарновский. Остановив взвод на высоте артиллерийского переулка, командир батареи скомандовал «смирно», подъехал с рапортом к его высочеству: «Ваше императорское высочество! В строю 2 батареи лейб-гвардии 1 ар-

тиллерийской бригады находятся 2 скорострельных орудия и команда молодых солдат». Великий князь пропустил взвод мимо себя шагом один раз.

После того великий князь обратился лицом ко всем офицерам, которые к этому времени уже почти в полном составе собрались вокруг него, и сказал нам приблизительно следующее:

«Гг. офицеры! Выражаю вам мою полную благодарность за все то, что я сегодня видел. Чистота, порядок, прекрасный и бодрый вид у людей, великолепная выправка... Пища, где я пробовал, бесподобная... лучше, чем нужно. Благодарю вас, господа!..»

Запыхтели моторы и выкатились на Баскову улицу. Великий князь сел в один из них вместе с полковником Орловым и быстро укатил. В моторе великого князя всегда опущены сторы (мера против покушений). Генерал-адъютант Данилов вместе с Котляревским сел в другой мотор и на прощанье, выглянув в окошко, сделал нам ручкой. О лисица!..

Дополню мою заметку сведениями, которые мне дал дежурный в этот день по бригаде подпоручик Мартынов:

В 9 часов утра великий князь в сопровождении генерала Рауха прибыл в манеж и был здесь встречен рапортом подпоручика Мартынова. В манеже шла сменная езда 1 стрелковой батареи (подпоручик Гольдгаар).

Дальнейший путь:

Малый манеж: (не было никого).

Конюшня 5 батареи,

– 4 бат[а]реи,

Занятия при орудиях 2 стрелковой батареи (командир батареи и штабс-капитан фон Рейнгардт. Сюда прибыл командир бригады и командир Гвардейского корпуса),

Казармы 5 батареи (капитан Огоновский и командир батареи),

Кухни 4 и 5 батарей (пища была не готова),

Казармы 4 батареи (люди приготавливались в церковь, капитан Чуйкевич),

Казармы 6 батареи (то же, капитан Перрет),

1 его высочества батарея (гимнастика молодых, поручик Курбатов),

Казармы 2 батареи (установка трубок, штабс-капитан Тарновский),

Казармы 1 стрелковой батареи (установка угломеров молодыми, поручик фон Рейнгардт, Устав гарнизонной службы у старослужащих – капитан Алымов),

Казармы 2 стрелковой батареи (людей не было),

Казармы 3 батареи (занятия на деревянной лошади – капитан Петрушевский, шашечные приемы с молодыми – подпоручик Берников),

Кухни 1 и 3 батареи (проба пищи),

Учебная команда (людей не было) и

Лазарет (доктора Протасов и Андриевич).

9 марта – воскр[е]сенье.

Был на 2-м конкуре в Михайловском манеже. Опять скакал поручик фон Руммель и опять весьма неудачно: состязание не кончил, запутавшись в корзине. На «рубке» нижних чинов участвовал фейерверкер 1 его высочества батареи Демиденко (в программе его фамилия не стояла). Рубил он прилично, но приза, конечно, не взял... Офицеров бригады было весьма солидное число:

- 1) полковник Вешняков (командир 3 батареи),
- 2) полковник Мясоедов (командир 1 его высочества батареи),
- 3) я,
- 4) штабс-капитан фон Энден с супругой,
- 5) – Рейнталь с супругой,
- 6) – Шаняевский,
- 7) поручик Древинг,
- 8) – Курбатов,
- 9) – Снигиревский,
- 10) подпоручик Алексеев,
- 11) – Гартц,
- 12) – Семенов (прикомандированный) и
- 13) поручик Сергеевский (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона).

10 марта – понедельник.

Из письма к Серафиме Николаевне Андрюковой (рожденной Гришиной – моей двоюродной сестре):

Я не ропщу: мечтать о счастье
Уже давно мой мозг отвык...
И после солнца вдруг ненастье
Встречать покорно я привык!..

В. С.

12 марта – среда.

От 1 часа 15 мин[ут] дня до 1 часа 45 минут дня было совещание сотрудников заведывающего музеем по поводу участия бригады в экспонатах будущего русского Военно-исторического музея. На совещании были:

- Представитель от 1 его высочества батареи: я,
–	2 –	–	штабс-капитан Шаняевский,
–	3 –	–	– Матвеев,
–	4 –	–	– Явид,
–	5 –	–	полковник Илькевич (председатель),
–	6 –	–	поручик Перлик,

–	1	стрелковой	–	Сергеевский,
–	2	–	–	подпоручик Люндеквист.

14 марта – пятница.

Накануне в 1 час ночи я получил письменное пр[и]казание по бригаде, что у нас в бригаде остановится 14 марта часть Омского пехотного полка, который прибудет в СПбетербург в 6¼ часов утра. Для встречи полка на вокзале был назначен капитан Альтфатер, затем в собрании был назначен общий завтрак и общий обед с музыкой, на который приглашались все желающие гг. офицеры. Я пришел в собрание часов в 11 утра. Омцы уже прибыли, но не ранее как около 10 часов утра, и офицеры пили чай или кофе с закусками – в столовой. В 1 час дня состоялся общий завтрак в дубовой столовой. Присутствовали все офицеры Омского полка во главе с командиром полка полковником Турбиным и человек 15–20 наших офицеров – во главе с командиром бригады герцогом Мекленбургским. Вовремя завтрака играл хор музыки. Шампанское было налито в братину-ковш. 1-й тост провозгласил герцог за Омский полк и здоровье командира и офицеров полка. Полковник Турбин ответил 2-мя тостами: сперва за здоровье командира бригады и офицеров бригады («1-й гвардейской бригады», не могут пехота и кавалерия правильно назвать нашу бригаду!!!!), а потом за процветание бригады. Второй тост герцога был за лейб-гвардии Финляндский полк, где полковник Турбин прослужил 29 лет, на что полковник Турбин ответил довольно нескладной речью за процветание «доблестной русской артиллерии» (к чему это нелепое обобщение? Мы же не пили за здоровье «русской пехоты»!?!).

Завтрак окончился лишь около 3 часов... Назначенный общий обед для всех офицеров полка был отменен и заменен неофициальным – для желающих офицеров полка и бригады. Он состоялся в 7 часов вечера под председательством полковника Илькевича (председатель Распорядительного комитета). Присутствовало 5 офицеров Омского полка и человек 7–8 наших офицеров.

15 марта – суббота.

От 12¼ часов дня до 1 часу состоялось 2-е заседание сотрудников заведывающего бригадным музеем – по поводу участия бригады в русском военно-историческом музее (см. 12 марта).

Сотрудников от гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона не было.

Утром в 9¼ часов омцы покинули наши казармы, направившись в Финляндию для охраны русской границы на замену охотничьих команд Гвардейского корпуса.

Хроника 1908 г.

16 марта – воскр[е]сенье.

На 3-м конкуре в Михайловском манеже не был. Наша бригада приняла участие в лице поручика Стефанова (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, в Михайловской артиллерийской академии) и мл[адшего] фейерверкера 6 батареи Троянова, ходившего на препятствия (рыжий конь 6 лет Потешный).

22 марта – суббота.

Был вместе с Н. Н. Ушаковым на генеральной репетиции концерта инвалидов в Мариинском театре.

23 марта – воскр[е]сенье.

Был вместе с Н. Н. Ушаковым на кинематографическом спектакле в «Экспресс-театре» (в Пассаже).

24 марта – понедельник.

Из письма к моему другу Л. Ф. Гартунгу (Варшава, командир 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады), в котором я ему сообщаю, что баллотировкой «провален» жетон нашему бывшему командиру 2 дивизиона полковнику С. Н. Златарскому (ныне генерал-майор – командир 22 артиллерийской бригады):

Я очень рад,
Что ренегат
Щелчок от части
Имел отчасти!

В. С.

29 марта – суббота.

От 10–11¼ час[ов] дня был смотр офицерской верховой езды в большом манеже. Я не ездил, так как у меня болит левая нога (воспаление сосудов). Вовремя езды 2-го и Стрелкового дивизионов я записывал замечания командира бригады герцога Мекленбургского.

От 2 часов происходило испытание гг. офицеров в стрельбе из револьверов. Впервые нам не пришлось для этого ездить на Семеновский плац, а «предварительное испытание» происходило в нашем собственном бригадном тире.

30 марта – воскр[е]сенье.

От 12 часов дня у нас в бригаде на большом бригадном плацу происходил ряд фотографических сеансов. Сперва снялась группа подпрапорщиков – выпуска 1907 года из нашей бригадной школы – вместе с командиром

бригады герцогом Мекленбургским и заведывающим школой штабс-капитаном Явид. Снимал полковник Смысловский. Потом была снята группа нижних чинов 5 батареи со всеми офицерами батареи, командиром дивизиона (2-го) фл[игель]-адъютантом полковником Демидовым и герцогом. Затем шли группы:

3) Ученики школы подпрапорщиков 1908 года. С ними снялись: ге[р]цог, Явид и я.

4) Группа нижних чинов 4 батареи со всеми офицерами и высшим начальством и

5) Общая группа учеников школы подпрапорщиков 1907 и 1908 годов, в которой я тоже принимал участие.

Последние 4 группы снимал, кроме полковника Смысловского, частный фотограф. Тут же стало известно, что завтра нашу бригаду посетит черnogорский военный министр.

Был на 5 конкуре в Михайловском манеже. Из нашей бригады были только: полковник Илькевич (командир 5 батареи) и штабс-капитан Рейнталь с женой.

31 марта – понедельник.

Черnogорский военный министр артиллерии бригадир Мартынович и бывший военный министр Черногории бригадир Вукотич в сопровождении нашего военного агента в Черногории – Генерального штаба полковника Потапова (из Михайловского артиллерийского училища) прибыли в бригаду в начале 10-го часу утра. Оба бригадира были в своей национальной форме с пистолетами за широким поясом и с нашей шашкой на нашей золотой плечевой портупее через плечо. Их встретил и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса (вместо уехавшего вчера в отпуск генерала Фан-дер-Флита) генерал-майор герцог Мекленбургский (наш командир бригады) и вр. командующий бригадой полковник Горбачевич (командир гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона). Гости прямо прошли на большой бригадный плац, тщательно вычищенный, но все еще весьма грязный от недавно стаявшего снега и льду. Тут, фронтом к большому манежу, в 4-х орудийной запряжке с ящиками (щитовая батарея) была выстроена 1 стрелковая батарея. Командовал батареей полковник Пономаревский-Свидерский 1-й. В строю: поручик Рейнгардт и подпоручик Гольдгаар. На правом фланге поместился хор музыки. Все – в парадной форме. После встречи полковник Пономаревский-Свидерский тотчас спешил и начал объяснять панорамный прицел у одного из снятых с передка орудий. Оба министра понимают по-русски, но по-русски не говорят, а по-французски говорят плохо. Герцог говорил с Мартыновичем по-французски, а Пономаревский-Свидерский 1 давал объяснения по-русски. Церемониальный марш 1 стрелковой батареи

имел место на бригадном переулке, куда и перешли высокие гости. Попутно взглянули на новую походную кухню 3 батареи, стоявшую тут же у большого манежа. После церемониального марша перешли к 8 орудийной батарее, расположенной в «парке» – у своих артиллерийских сараев. Батареей командовал полковник Смысловский, в строю: капитан Чуйкевич, штабс-капитан Явид, подпоручик Щербов-Нефедович и подпоручик Шмидт. Руководил стрельбой командир 2 дивизиона флигель-адъютант полковник Демидов. Было произведено учение в парке с применением телефона и сигнализации флагами. На левом фланге батареи была приготовлена вышка полковника Демидова и «огневые флаги» Смысловского, но их не показали. На правом фланге батареи стоял для показа зарядный ящик с полной укладкой.

В большом бригадном манеже показали сменную езду фейерверкеров 1 его высочества батареи во главе с подпрапорщиком Серегиным и сверхсрочнослужащим фейерверкером Онохиным. Представлявшему смену поручику Нарковичу удалось «провалить» весь смотр, вследствие рабского повторения тех команд, какие ему подавал полковник Мясоедов и герцог, не соображаясь с тем, можно ли в данный момент подать эту команду. Вот почему смена представилась плохо, а барьер не «брали», а «топтали» (Вася забыл даже скомандовать перед хворостяным барьером «галопом»). Плохое впечатление от езды мы надеялись исправить умелой рубкой фейерверкеров 1 его высочества батареи, но «рубка» была отменена, и в том же манеже капитан Гирш (заведывающий ремонтной командой) представил «выводку» ремонтным лошадям привода 1907 года. Из большого манежа гостей повели на конюшни 4 батареи и офицерскую 2 дивизиона, а оттуда в кухню 1 и 3 батарей бри[г]ады, где черногорцы пробовали пищу, и в помещение 1 его высочества батареи. В офицерском собрании министрам показали наш музей, причем несколько пояснительных слов по-французски сказал герцог. Обоим черногорцам и полковнику Потапову было предложено расписаться в книге посетителей, а на память о бригаде все трое получили по 5 экземпляров наших открытых писем «из жизни бригады».

Так как черног[ор]цы уже в 10½ час[ов] утра должны были быть в гвардейской Конно-артиллерийской бригаде, то в столовой было предложено только шампанское и фрукты. Шампанское наливалось в наши именные серебряные стаканчики. Министр Мартынович занял место на краю стола (спиной к камину), по правую его руку – герцог, а по левую – бригадир Вукотич. Наша музыка была расположена в бильярдной комнате. Первый тост сказал герцог по-русски за «его королевское высочество князя Николая Черногорского». Прокричали единодушно «ура», а музыка играла наш марш, ибо черногорского гимна нет (по уверению нашего капельмейстера). Отвечал министр Мартынович по-сербски (черногорское наречие), начав словами: «Господа офицеры и братья!» Он провозгласил здоровье великого

царя России и великой русской армии, что было встречено гимном «Боже, царя храни» и громким «ура». Мартынович говорил довольно длинно, в изысканных выражениях напирая на братство и славянство, но в общем не очень красноречиво и слегка запинаясь. 3-й тост снова провозгласил герцог за храбрую черногорскую армию и ее представителей, а перед их уходом сказал 4-й тост (и последний) за «наших дорогих гостей». В 10¼ часов утра наши «дорогие гости» уехали из нашего собрания.

1 апреля – вторник.

В нашем собрании бригады в одной из витрин можно видеть только что принесенную от Любавина «серебряную чару, на золотом блюде поставленную». Таковую чару, незаменимую при товарищеских «проводах», «чествованиях» и проч., уже давно решили заказать, и вот сегодня наша мечта, наконец-то, осуществилась.

Чара и блюдо сделаны на заказ по особому рисунку.

4 апреля – пятница.

От–11½ час[ов] утра состоялось в большом манеже бригады традиционное увольнение нижних чинов в запас. Молебен служил о. Морев. Я стоял на правом фланге хора музыки, так как я прикомандирован к Управлению бригады и никаких подчиненных мне нижних чинов не имею. Старшим был вр[еменно] командующий бригадой полковник Горбачевич. До молебна довольно длинную речь сказал о. Морев. Суть ее заключалась в том, что нижние чины должны всегда помнить и благодарно вспоминать о тех «хороших навыках», которым их научила военная служба: это: 1) постоянное моление Богу во всех случаях жизни, 2) твердая семейная жизнь, сплоченность и товарищество, 3) порядок и проч. После молебна сказал речь полковник Горбачевич. Начало ее я не мог расслышать, так как полковник Горбачевич говорил тихо, подойдя почти вплотную к строю (говорил, так сказать, «по-домашнему», а не то, что «сильная речь солдатам»), а всех офицеров он просил не беспокоит[ь]ся, и мы в полном беспорядке стояли у ложи манежа. Подойти ближе – было неудобно. Во всяком случае, речь полковника Горбачевича, сколько я уловил отдельные фразы, была в полном смысле бесцветна, состояла из обычных малозначащих фраз и закончилась советом: «вести себя хорошего самого конца», так как пока «они» (солдаты) носят военную форму – они подлежат военным законам. От имени лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Горбачевич пожелал солдатам «счастья, успеха в жизни и здоровья».

Речь свою герцог обычно кончал провозглашением «ура» в честь царя, а потому мы и от полковника Горбачевича ожидали того же, но Горбачевич,

кончив свою речь, велел нижним чинам уходить из манежа... Полковник Демидов подлетел к Горбачевичу и напомнил ему об этом, но Горбачевич остался при своем первом решении, и «ура» в честь нашего державного шефа – последний крик из груди уходящего в запас верноподданного гвардейца – не было!!! И не было покрыто это могучее «ура» звуками величавого, народного гимна!..

5 апреля – суббота.

После 4½-летнего перерыва в 1-й раз дежурил по бригаде.

Вечером в 12 часов ночи я угостил своих товарищей хорошим ужином с сотней устриц, вином и проч. Были:

- 1) капитан Петрушевский,
- 2) – Альтфатер,
- 3) штабс-капитан Явид,
- 4) – Матвеев,
- 5) – Шаняевский (хозяин собрания),
- 6) – Рейнталь,
- 7) поручик Курбатов,
- 8 – Снигиревский,
- 9) подпоручик Люндеквист (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона),
- 10) – Алексеев,
- 11) – Жиленков,
- 12) поручик Наркович,
- 13) подпоручик Семенов,
- 14) – Щербов-Нефедович,
- 15) поручик Бутовский (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона).

Из приглашенных мною не был только подпоручик Манакин и полковник Пономаревский-Свидерский 2, который в этот день должен был быть в гостях у капитана Некрасова... (На возвратном пути из гостей – полковник Поном[аревский]-Св[идерский] все же заехал ко мне на полчаса.) Ужин обошелся мне в 60 рублей.

7 апреля – понедельник.

Ездил (в качестве прикомандированного к бригадному Управлению в помощь бригадному квартирмейстру) вместе с бригадным квартирмейстром подпоручиком Алексеевым в Красное Село для осмотра барачков Управления бригады и приемного покоя. Поехали с поездом 11 часов 40 минут утра (из СПб.) и вернулись с поездом 5 часов 19 минут дня (из Красного Села).

9 апреля – среда.

Экзамен в школе подпрапорщиков. Так же как и в прошлом году, он происходил в учебной команде нашей бригады. Экзаменовались 14 человек: 10 обучавшихся в нашей школе (см. 4 февраля) и 4 обучавшихся в гвардейской Конно-артиллерийской бригаде (подпрапорщиков лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады не было). От 9 до 10 часов утра был назначен экзамен по русскому языку. К этому времени в команде собрались: заведывающий нашей командой штабс-капитан Явид и я (его помощник) и заведывающий школой гвардейской Конно-артиллерийской бригады есаул Самсонов (6 Донской его высочества батареи) и экзаменатор по русскому языку полковник Ивашинцов (командир 1 дивизиона гвардейской Конно-артиллерийской бригады). Полковник Ивашинцов прочитал вслух из хрестоматии сказку и предложил экзаменуемым изложить прочитанное письменно. Это упражнение и заняло время с 9 до 10 часов утра. К 10 часам утра стали собираться и прочие экзаменаторы, затем вр. командующий бригадой полковник Горбачевич и старший адъютант Управления артиллерии Гвардейского корпуса штабс-капитан Федоров. В 10 часов в команду вошел вр. и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майор герцог Мекленбургский, и тогда начался экзамен по всем прочим отделам:

полковник Виноградский (командир 2 батареи гвардейской Конной) экзаменовал по географии,

полковник фон Цур-Милен (наш командир 1 дивизиона) – по арифметике и геометрии,

капитан Альтфатер – по истории,

есаул Самсонов – по Закону Божию,

старший врач Протасов – «О человеке»,

ветеринарный врач Линденберг – «О лошади»,

полковник Пономаревский-Свидерский 2 – материальная часть и стрелька,

штабс-капитан Карцев (гвардейской Конной) – законоведение и воспитание войск.

Несколько позднее прибыл экзаменатор подполковник Генерального штаба, состоящий при штабе Гвардейского корпуса Хогондоков (георгиевский кавалер), который стал экзаменовать по общей тактике, а полковник Ивашинцов взял себе тактику артиллерии. В 12 часов дня герцог объявил перерыв, и все были приглашены к нам в собрание, где был сервирован общий завтрак на 12–15 человек. Ровно в 1 час дня экзамены возобновились. Так как экзамен по материальной части артиллерии несколько затянулся (полковник Пономаревский-Свидерский 2 занимался в воротах бригадного лазарета (амбулатория) у пушки), то экзамен по пристрелке взял на себя капитан Альтфатер. Затянулся также экзамен по арифметике и геометрии

у полковника фон Цур-Милена, и его обязанности под конец разделил полковник Виноградский.

По окончании экзамена полковник Ивашинцов списал все баллы в общий список, подсчитал средний балл, и все члены комиссии расписались на списке. Штабс-капитан Федоров прочитал нижним чинам результаты экзаменов, после чего герцог сказал: «Значит, вы вот все выдержали... спасибо вам, молодцы!»

Конец: 3 часа 10 минут дня.

1-м выдержал фейе[р]веркер 1 его высочества батареи нашей бригады Анохин (48/9 в среднем). Последним – фельдфебель Константиновского артиллерийского училища – Кухтин.

11 апреля – пятница.

Вчера вечером умер генерал Линевиц – в доме № 27 по Литейному проспекту, как раз визави казарм нашей бригады, под квартирой, которую уже много лет подряд занимают родители нашего офицера капитана Альтфатера. Сегодня, вовремя вечерней панихиды (9 часов вечера), 2 стрелковая батарея возложила на его гроб металлический венок с бархатными лентами и малиновым кантом и с надписью: «Горячо любимому и незабвенному боевому начальнику генерал-адъютанту Николаю Петровичу Линевицу – 2 батарея гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона». Дело в том, что эта батарея вовремя Китайской войны находилась под начальством почившего генерала. Венок был возложен депутацией, в состав которой вошли: командир 2 стрелковой батареи полковник Жерве и офицеры батареи: штабс-капитан фон Рей[н]гардт, поручик Болецкий и подпоручик Люндквист.

12 апреля – суббота.

Похороны генерала Линевица (см. 11 апреля) продефилировали мимо офицерского собрания нашей бригады. Гроб был установлен на лафет 1 стрелковой батареи, а в наряде была 2 стрелковая батарея.

В 8 часов вечера был на панихиде по г-же Мальчевской (Екатерина Алексеевна, жена бывшего нашего офицера Владимира Леоновича, ныне адъютанта при главном начальнике военно-учебных заведений). Е. А. отправилась вчера под вечер, выпив стакан сулемы, и скончалась через три часа в страшных мучениях. На утренней панихиде были – нашей бригады: капитан Альтфатер, а на вечерней: я, полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Алымов, капитан Гирш; штабс-капитан Явид (с женой), как ближайший друг Мальчевского – принял на себя все хлопоты.

У заутрени был в Сергиевском всей артиллерии соборе. Из нашей бригады были еще: полковник Смысловский с женой, штабс-капитан Рейнталь,

поручик Снигиревский и подпоручик Семенов (пришедший в обыкновенной форме вместо парадной).

Пасхальную ночь провел в доме штабс-капитана Рейнталя и его супруги Л. С. Рейнталь. Кроме меня были: флигель-адъютант капитан 2 ранга Бойсман, поручик Снигиревский и штабс-капитан Широков (обучающийся в Инженерной академии).

13 апреля – воскресенье.

Никаких визитов не делал, а ездил (вторично) навестить в Биржевой больнице (угол 24 линии Вас[ильевского] острова и Большого проспекта) выздоравливающего там после операции генерал-лейтенанта В. Я. Рейнталя.

14 апреля – понедельник.

Утром был на отпевании в Преображенском соборе тела г-жи Мальцевской (см. 12 апреля). Народу масса. Из нашей бригады: я, капитан Альтфатер, Гирш, Алымов, штабс-капитан Баранов, Фриде, Шаняевский, Явид. Проводил гроб до Невского (12 часов дня), ибо с 12 часов дня – дежурный на случай пожара.

17 апреля – четверг.

От 8 часов вечера был на кинематографическом спектакле в театре «Royal vio» на Марсовом поле.

18 апреля – пятница.

От 10 часов утра до 11½ часов утра участвовал в комиссии по составлению сметы на ремонтные работы в казармах бригады на этот год. Проект сметы был предварительно составлен мной.

19 апреля – суббота.

Вечером вместе с подпоручиком Алексеевым и Щербовым-Нефедовичем был на кинематографическом спектакле в Эдиссоновском театре. (На Конюшенной улице.)

21 апреля – понедельник.

В ночь на сегодняшнее число – в 1 час 50 минут ночи умер фельдфебель 3 батареи нашей бригады подпрапорщик Алексей Васильевич Шубин. Он прослужил в бригаде лет 30 и уже давно страдал чахоткой, которая в последнее время уже почти не позволяла ему служить в строю. Командиры 3 батареи, щадя его здоровье, уже не брали его ни на маневры, ни на ученья... Последние два года серьезно поднимался вопрос о том, чтобы Шубину сдать должность строевого фельдфебеля и дать ему какую-нибудь

нестроевую должность в бригаде. То хотели его назначить надзирателем больных, то фельдфебелем хора музыки, то, наконец, вахтером «Зеленых связей». Против последнего назначения я, как бригадный квартирмейстер, был решительно против, так как считал, что в новых «Зеленых связях» нужен молодой, энергичный вахтер, а не больной человек, к тому же столь высокого звания, как подпрапорщик. Вопрос о последнем назначении отпал, и Шубин снова остался в строю 3 батареи. Он умер на посту, пролежав перед смертью в кровати всего несколько дней... И в последние минуты бредил о казенных шинелях – показатель его постоянных забот и самоотверженных трудов на пользу родной батареи и родной бригады. Мир его праху!

На 2-часовой панихиде я не был, так как «общее собрание» офицеров, назначенное в 12½ часов дня, затянулось и я не мог успеть – переодеться в обыкновенную форму.

В 8 часов вечера был на вечерней панихиде по умершем фельдфебеле 3 батареи Шубине. Панихида происходила на квартире покойного – в старых казармах. Перед панихидой временно командующий 3 батареей капитан Петрушевский возложил 2 венка: 1) «Дорогому фельдфебелю Алексею Васильевичу Шубину – от офицеров и нижних чинов 3 батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады» и 2) «Доблестному фельдфебелю А. В. Шубину – от искренно любящего командира батареи» (командир батареи полковник Вешняков в отпуску, и ему капитан Петрушевский послал телеграмму о смерти и о венке, возлагаемом от его имени). Венок от всей бригады также был готов к 8 часам вечера, но никто его не возложил, так как никто не знал – будет ли на панихиде вр. командующий бригадой (полковник Горбачевич) и нет ли вообще какого-либо распоряжения – кому и когда возлагать этот венок. Все три венка – металлические. Батарейные поменьше, бригадный большой. На панихиде были: 2 бывшие командира 3 батареи: генерал-майор Лехович (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и полковник Наркович (командир 2 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), я, капитан Гирш, полковник Пономаревский-Свидерский 2, штабс-капитан Ягеллович и офицеры 3 батареи: капитан Петрушевский (временно командующий батареей), штабс-капитан Есимонтовский, подпоручик Гартц, подпоручик Берников, поручик Белоусов (в Академии Генерального штаба). Панихиду служил причт Сергиевского собора, а пели наши певчие.

22 апреля – вторник.

В 9 часов утра был на выносе тела фельдфебеля Шубина. Сперва была отслужена панихида на его квартире. На панихиде были: я, генерал Похвиснев, генерал Лехович с супругой, штабс-капитан Баранов и офицеры 3 батареи бригады. Прикомандированный к гвардейскому Стрелковому артиллерийскому дивизиону подпоручик Мартынов возложил венок от «чинов 1

батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона». Кроме того, я заметил венки от «семьи бывшего командира генерала Леховича». После панихиды гроб с телом на руках понесли в Сергиевский собор. Впереди шло духовенство и нижние чины с венками, а за гробом шла публика и затем взвод нижних чинов 3 батареи бригады. На пути к процессии и в собор прибыли:

полковник Наркович с супругой,
полковник Смысловский,
полковник Пономаревский-Свидерский 2,
штабс-капитан Матвеев (офицер 3 батареи),
полковник Пономаревский-Свидерский 1-й и
подпоручик Тихобразов.

В соборе гроб поставили на катафалк, у левой стенки (от входа), где он и будет стоять до 1½ часа дня. Необходимо сейчас же отметить, что до сего времени ни на одной панихиде и на выносе не были: вр[еменно] команду-ющий бригадой полковник Горбачевич и командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен. Герцог Мекленбургский был на первой панихиде в 2 часа дня 21 апреля. Возмутительное отношение к приличию и к бригаде господ Горбачевича и фон Цур-Милена глубоко меня оскорбляет и возмущает. Благодаря таким начальникам, которые открыто попирают все добрые традиции войсковой части, у нас в бригаде, к сожалению, уже давно образовалось плотное ядро офицеров, которые в свою очередь даже не понимают – почему, для чего и зачем, например, нужно быть на панихиде фельдфебеля, прослужившего верой и правдой 30 лет в бригаде!

В 12 часов 45 минут дня бригада служила панихиду в Сергиевском соборе по умершем на днях бывшем офицере бригады полковнике Александре Ивановиче Лемане. А. И. был в последнее время командиром 1 дивизиона в Варшаве лейб-гвардии в 3 артиллерийской бригаде. Умер он внезапно, о чем телеграммой сообщил полковник Гартунг на имя полковника Смысловского. Я лично застал полковника Лемана у нас в бригаде капитаном, был его помощником (1½ года) в Учебной команде, а затем служил с ним вместе в 1 его высочества батареи, о моем переводе в которую – из 2 батареи – Леман усиленно хлопотал у командира бригады генерала Ляпунова. Прослужил А. И. в бригаде (одно время он состоял адъютантом у товарища генерал-фельдцейхмейстера Софиано) лет 20, а ушел из нее, проклинаемый общественным мнением, так как Леман последние 2 года неосторожно сделался главным советником и доносителем у командира бригады Ляпунова. Громадное большинство офицеров вовсе не расписались у него на подписном листе на подарок, не расписался и я, но, тем не менее, отношения мои к нему сохранились вполне дружественными. Панихиду служил о. Николаевский, пели наши певчие. На панихиде были все гг. офицеры бригады и Стрелкового дивизиона во главе с временно командующим бригадой полковником Горбачевичем и вр. и.

д. начальника артиллерии генерал-майором герцогом Мекленбургским. Кроме того прибыли: действительный с[татский] с[оветник] Шульман (Н. Р.), камергер Семенов, полковник Рерберг (командир 6 батареи лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады), бывший фельдфебель 1 его высочества батареи Храпов (он был и на выносе тела Шубина), генерал-майор Юрлов (Главного артиллерийского управления). После панихиды по Лемане тотчас же началось отпевание тела Шубина – в левом малом приделе. Для прибывших на панихиду по Лемане – смерть Шубина была полною неожиданностью, и все трое бывших наших однобригадцев остались на отпевании Шубина. На отпевании присутств[о]вали все офицеры бригады и Стрелкового дивизиона, все наши фельдфебеля и многие сверхсрочнослужащие, родственники Шубина, много фельдфебелей лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады и проч. Отпевание совершилось чрезвычайно быстро и ровно, в 1½ часа дня гроб уже был установлен на лафет при звуках нашего оркестра и с отданием воинских почестей взводом 3 батареи под командой подпоручика Берникова. К перечисленным мною ранее того венкам – прибавился еще один металлический от бывших командиров 3 батареи – генералов: Нищенкова, Коленкина, Леховича и полковника Нарковича – «незаменимому и самоотверженному слуге царя А. В. Шубину». Наш бригадный венок был возложен герцогом Мекленбургским и полковником Горбачевичем тотчас после отпевания.

За гробом пошли в таком порядке: тотчас за лафетом и сбоку его – фельдфебеля, сверхсрочнослужащие и родственники и знакомые покойного, затем все мы (офицеры бригады и дивизиона), за нами депутации от всех батарей бригады и дивизиона – в строю под общей командой фейерверкера 6 батареи Зимина и, наконец, хор музыки, а за ним взвод 3 батареи под командой подпоручика Берникова. Перед подъездом офицерского собрания нашей бригады лафет с гробом остановился, и была отслужена лития. Большинство офицеров провожали до Невского проспекта, потом понемногу офицеры стали разъезжаться и около угла Гороховой улицы и Загородного проспекта уже оставались весьма немногие. Некоторые полковники и герцог Мекленбургский дошли пешком до Загородного проспекта, а потом уехали, так как им нужно было поспеть на поздравление великой княгини Марии Павловны в Зимний дворец. За гробом шла г-жа Наркович – супруга полковника Нарковича. Хоронят Шубина на Митрофаньевском кладбище, до которого гроб будут провожать, вероятно, одни офицеры 3 батареи. Я с Альфатером дошел до Гороховой улицы, а потом сел на извозчика и уехал домой. Холодно. Шел небольшой снег.

26 апреля – суббота.

Утром расписался у временно командующего бригадой полковника Горбачевича по поводу моего назначения заведывающим оставшейся от лагеря частью. Дома не застал, ибо полковник Горбачевич уехал в Царское

Село на высочайший парад молодым солдатам. Кстати упомянуть, что наша бригада прошла церемониальным маршем превосходно.

Приказ по бригаде от 26 апреля 117 №, п. 10:

«п. 3) В состав Распорядительного комитета и на другие должности избраны лица согласно следующего списка:

2. Заведывающим музеем штабс-капитан Савонько... и т. д.

Могу прибавить, что избран на эту должность 36 голосами. Я же, конечно, избран и в число сотрудников заведывающего музеем от 1 его высочества батареи.

28 апреля – понедельник.

В 9 часов утра на Спасской площади был отслужен обычный молебен по случаю выступления бригады в лагерь. До молебна, в 8³/₄ часов утра, временно командующий бригадой полковник Горбачевич счел нужным собрать нестроевую команду и сказать ей небольшую речь о необходимости «не разбалтываться» и вести себя хорошо. Правда, речь эта предназначалась не для одной нестроевой команды, а еще для музыкантов, певчих и оставшейся от лагеря части. Но ни тех, ни других, ни третьих не было, ибо нелепо назначенный час (за четверть часа до молебна) не позволил им собраться. Вот почему речь полковника Горбачевича была неуместна по двум причинам: во-1), потому что Горбачевич оттенил переход от строевой зимней службы к летней – нестроевой, что неприменимо к нестроевой команде, и во-2), наибольший процент проступков за прежние года всегда давали хор музыки и оставшаяся часть, а нестроевая команда вела себя последние два года очень хорошо, и не было причины им одним «внушать» и «грозить».

После молебна бригада и Стрелковый дивизион прошли церемониальным маршем мимо временно командующего бригадой, направляясь по дороге в Красное Село. Я остался заведывающим всею оставшейся от лагеря частью и командами.

В 11¹/₂ часов дня являлся коменданту генералу Троцкому на его квартире.

29 апреля – вторник.

Курьезы, бесконечные курьезы, которые до сих пор сплошь да рядом творятся у нас на Руси!.. Сегодня вышло дополнение к приказу по бригаде от 17 апреля 1908 года за № 108, в котором объявляется горячая благодарность фельдфебелю 3 батареи подпрапорщику Шубину, уволенному от службы п. 1 приказа по бригаде за № 107. Благодарность человеку – уже неделю лежащему в земле и никуда не уходившему со службы. Все это делается на Руси для того, чтобы получить большую пенсию семейству. Все это знают, все это делают и все это находят вполне нормальным.

30 апреля – среда.

В 6–7 часов вечера ездил навестить в Благовещенском госпитале нашего офицера штабс-капитана Рейнталя, который поступил туда с целью вырезать себе через несколько дней отросток слепой кишки. Глупый отросток то и дело воспаляется, а потом отрезается. В том же Благовещенском госпитале находится еще и поручик Древинг (1 его высочества батареи), уже поправившийся после воспаления отростка (операцию ему не делали), и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона поручик Болецкий с брюшным тифом – в очень сильной степени.

5 мая – понедельник.

От 9 часов утра участвовал в комиссии по поверке дровяных дворов бригады. В 11 часов хотел приехать в оставшуюся часть командир бригады герцог Мекленбургский (недавно вступивший в командование, ибо генерал Фан-дер-Флит, получив новое назначение, вернулся из отпуска и вступил в исполнение обязанностей начальника артиллерии Гвардейского корпуса), но не приехал, дав знать заранее о том по телефону.

6 мая – вторник.

Впервые по моей инициативе был отслужен в оставшейся от лагеря части молебен по случаю дня рождения государя императора. Если бы была хорошая погода, то молебен должен был быть на внутреннем плацу старых казарм, но так как со вчерашнего вечера идет непрерывный дождь, то молебен состоялся в большом бригадном манеже. Ровно в 9 часов утра я вошел в манеж. В строю находились: оставшаяся от лагеря часть и нестроевая команда, на правом фланге хор музыки с инструментами, у аналой – певчие в кафтанах. При моем входе подпоручик Алексеев (бригадный квартирмейстер и мой помощник) скомандовал «слушай на краул», а музыка заиграла встречу. Я отмахнул музыке и поздоровался сперва с ними, а потом со строем. Молебен служил о. Николаевский – этот симпатичнейший священник Сергиевского собора – вместе с диаконом. После молебна унесли аналой и проч. и внесли пробный столик с бутылкой водки и 2 рюмками. Я налил полрюмки... Подпоручик Алексеев скомандовал «слушай на краул», и я провозгласил:

1) За здоровье нашего державного шефа, его императорского величества государя императора. Ура!

Музыка заиграла «Боже, царя храни», и манеж огласился громким «ура» нижних чинов.

Когда я налил вторую рюмку водки, подпоручик Алексеев скомандовал «на плечо», а я провозгласил:

2) За здоровье их императорских величеств государынь императриц: Александры Федоровны и Марии Федоровны и его императорского высо-

чества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Ура!

Музыка сыграла 3 колена соответствующих маршей, а люди снова кричали «ура».

Церемония кончилась, и я поблагодарил музыкантов и певчих, приказав в то же время уводить людей из манежа.

8 мая – четверг.

Был в «Олимпии» (наша музыка и в этом году здесь играет) на русской оперетке «Под золотым дождем» (музыка Петрова, как говорят – офицера). Роль Евгении исполнила г-жа Пионтовская, а роль Шуры – г-жа Потопчина. Г-жа Потопчина – это г-жа Мартюшева, супруга нашего бывшего офицера бригады (он женился по уходе из бригады) Льва Владимировича Мартюшева, ныне капитана морской артиллерии. Васю Лапина играл небезызвестный Рутковский.

Приказ по бригаде № 129, п. 7:

«Прикомандированный к Управлению бригады штабс-капитан Савонько откомандировывается мною в 1 его высочества батарею».

Командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский.

10 мая – суббота.

Приказ по бригаде № 131, п. 15:

«Для освидетельствования сапог, отпущенных 5 батарее бригады по сроку с. г. интендан[т]ством, назначается мною комиссия под председательством командира 4 батареи полковника Смысловского и членов штабс-капитана Савонько и поручика фон Руммель. Присутствовать командиру и заведывающему хозяйством названной батареи. Комиссии собраться в понедельник 12 сего мая в помещении 5 батареи в г. С.-Петербурге в 10 часов утра. Об оказавшемся составить акт, который председателю комиссии представить мне».

Командир бригады генерал-майор герцог Мекленбургский.

Вместе с Н. Снигиревским был в «Буффе» на музыкальной мозаике «Ночь любви» (Шувалова, Полонский и проч.).

12 мая – понедельник.

От 10 часов утра я участвовал в комиссии по браковке сапог, отпущенных интендантством 5 батарее (см. 10 мая). Были: полковник Смысловский, Илькевич, штабс-капитан Ягеллович, я и поручик фон Руммель. Как раз эти дни интендантство в «[Русском] инвалиде» (см., например, 14 мая) силится доказать и доказывает, блестяще на бумаге, что интендантские сапоги вообще прекрасные и на улучшение их обращено полное внимание. Статьи

противников (например, Меньшикова: «Волшебные сапоги») блестяще опровергаются. Все делается так, что товар и сапог могут быть лишь идеальных качеств... Что же мы сегодня узрели? А узрели мы то, что все горячие обвинения интендантства в заготовке плохих и негодных сапог – ничто в сравнении с действительностью. Присланные в 5 батарею сапоги не могут даже называться «сапогами». Это – негодный хлам. Сшиты не по утвержденным размерам, из скверного товару, с дырами, уж протертые, с отваливающимися подошвами, наскоро сшитые простой бечевкой, а не дратвой, и т. д. и т. д. Небрежность интендантства доходит до того, что оно отпустило 5 батарею несколько пар сапог из числа тех, которые в свое время были присланы из части и ПРИНЯТЫ интендантством как НЕГОДНЫЕ. Небрежность ли? Не воровство ли? И то, и другое... я в этом не сомневаюсь ни одной минуты!!..

После комиссии я тотчас же собрался ехать в лагерь, но еще утром получил извещение по телефону, что командир бригады герцог Мекленбургский приедет в оставшуюся от лагеря часть в 11 часов утра. Пришлось отложить отъезд в Красное Село до следующего поезда... Герцог обошел все наши команды и помещения, а затем обошел и все роты 2 батальона 96 пехотного Омского полка, расположенные у нас в новых казармах – в помещениях 4 и 6 батарей. Командир батальона подполковник Барановский для встречи герцога выстроил всех людей своего батальона по кроватям. Герцог здоровался с людьми... Обход герцога продолжался до 12¼ часов дня, что дало мне возможность попасть на поезд, отходящий в Красное Село в 1 час 10 минут дня (я уже с утра был в обыкновенной (парадной) лагерной форме – в мундире). С вокзала в Красном я поехал в 1 эшелон бригады, где расписался у командира 1 дивизиона полковника фон Цур-Милена и командира 1 его высочества батареи полковника Мясоедова (обоих дома не застал) по случаю моего откомандирования от Управления бригады (см. 8 мая). Герцог разрешил мне ему не являться... Из 1 эшелона я поехал во 2 эшелон и около 5 часов дня был у герцога, обратившись к нему с просьбой – разрешить мне баллотироваться в члены совета О[бщест]ва ревнителей военных знаний для занятия должности казначея общества. Герцог разрешил. В пояснение 2-х последних строк я должен сказать несколько слов. Однажды, в двадцатых числах марта сего года, в собрание заходит полковник Смысловский и, увидев меня за карточным столом, спрашивает: «Хочешь получать в месяц 50 рублей?» Я ответил, что «вообще хочу», но желал бы знать, за что. Оказалось, что полковник Смысловский от имени Совета О[бщест]ва ревнителей военных знаний предлагает мне занять должность казначея о[бщест]ва, так как их казначей полковник Болотов, бывший им с о[с]нования общества, уходит... Я не дал окончательного ответа, но, по размышлении, написал письмо Смысловскому, что согласен. Официально моя фамилия будет предложена от имени Совета на баллотировку общего собрания, какового до сих пор не было, хотя оно и должно было быть в марте месяце. Военная вежли-

вость требовала, чтобы я осведомил герцога о предстоящей баллотировке и испросил его разрешение. Для предварительного знакомства с должностью меня пригласили участвовать в годовой ревизионной комиссии, которую назначили на 27 апреля, но она не состоялась и была отложена до 14 мая. 13 мая я получил письмо, что комиссия откладывается и переносится на 17 мая.

К 6 часам вечера я снова был в 1 эшелоне бригады и в 6 часов вместе с командиром 1 его высочества батареи полковником Мясоедовым пошел в собрание лейб-гвардии Преображенского полка, где должна была состояться соединенная комиссия по поводу празднования осенью сего года 200-летнего юбилея победы у д. Лесной. Это уже 2-е заседание. 1-е еще было весной в СПбурге. Я на него был приглашен, но не попал. В шесть – комиссия не состоялась, так как председатель ее и большинство членов еще не вернулись со стрельбы, и мы прождали вплоть до 7 часов, когда офицеры-преображенцы стали понемногу собираться, но тут наступило время обеда, и мы все должны были принять предложение хозяев – отобедать вместе с ними. Старшим из присутствующих хозяев был полковник флигель-адъютант Гольдгоер. Он сел в центре стола (в виде буквы «П»), а вокруг него, с боков, визави сгруппировались гости – члены комиссии вперемежку с хозяевами... Я сидел между капитаном графом Литке и штабс-капитаном Шереметевым. После обеда заседание комиссии открылось в верхней библиотеке собрания. Председатель комиссии полковник флигель-адъютант Голь[д]гоер. Затем были:

полковник лейб-гвардии Семеновского п. Лоде,
полковник 1 его высочества батареи Мясоедов,
капитан лейб-гвардии Преображенского полка Козакевич,

– граф Литке,

штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка (полковой адъютант),

я,

штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка Шереметев,
поручик 12 Астраханского гренадерского полка Базилей (обучающийся в Военно-юридической академии).

На этом заседании были решены следующие вопросы (сообщаю вкратце):

1) Поместить в хронике «[Русского] инвалида» объявление, что части, принимавшие участие в бою под д. Лесной, должны обратиться к нашей комиссии (дело в том, что нам в точности не известно, какие именно полки преимущественно происходят от тех, кои принимали участие в этом бою).

2) Поставить на поле битвы памятник в виде скалы с орлом и доской и для предварительных справок командировать на место штабс-капитана Шереметева.

3) Накануне битвы предположено отслужить панихиду в Петропавловском соборе по Петре 1, а в день битвы – молебен в Исаакиевском соборе

(если не будет высочайшего парада в Царском Селе). Преображенцы предлагали отслужить молебен в Преображенском соборе, но полковник Лоде предложил Исаакиевский собор, и баллотировкой его предложение прошло.

4) Обед для офицеров в собрании Преображенского полка и для нижних чинов – где-нибудь в большом помещении...

Вопрос об обеде вызвал ряд замечаний, любезных протестов и недоразумений и остался не совсем выясненным... Справившись с часами и узнав, что комиссия на сегодня покончила все вопросы, я попрощался со всеми и уехал из Красного с поездом 10 часов 50 минут вечера. Теперь пойдут дела «семейные». Тотчас после обеда у преображенцев я почувствовал, что я дрожу лихорадочною дрожью... С каждой минутой дрожь увеличивалась и увеличивалась, и увеличивался и жар. К концу заседания я был совершенно болен и поэтому, не заходя в столовую 1 эшелона, поспешил на вокзал, сел в поезд и на головном извозчике в СПбурге умчался до дому. В 12 ночи я был дома, лег в постель и смерил тем[п]ературу. Термометр показал 39 градусов. Кошмар и боли в кишках...

13 мая – вторник.

Ночь провел плохо, но под утро значительно стало легче, и температура упала до [3]7,7... Днем [3]7,5 и вечером [3]7,9. Был доктор Посадский.

Заходили: поручик Снигиревский,

– Ушаков (недавно срезавшийся в Юридической академии на переходном экзамене по гражданскому праву),
подпоручик Алексеев.

14 мая – среда.

Т = 36,8 и т. д. нормальная.

Были: поручик Снигиревский и Дуров.

От Шереметева (лейб-гвардии Преображенского полка) слышал, что будто Резцов – городской голова СПбурга – поднес шведскому королю Густаву 5 адрес, на крышке которого, между прочим, был изображен соединенный герб Швеции и Норвегии (???). Неужели это факт!!?

15 мая – четверг.

Встал с кровати и был утром в казармах.

16 мая – пятница.

Несколько дней тому назад мне окончательно сделалось совестно, что я до сих пор не был ни на одном заседании Государственной Думы. Правда, «умный» командир Гвардейского корпуса Данилов в свое время запретил (конечно, секретным письмом на имя командира) бывать офицерам в Думе,

но теперь, я думаю, даже и Данилов не решится настаивать на столь нелепом своем запрещении. Сегодня я и подпоручик Алексеев пошли добывать себе входные билеты. Гвардейская форма помогла нам избежать нудные предварительные записи (по субботам) и проч. волокиту, и один из думских приставов, князь Вяземский, сообщил о нашей просьбе заведывающему охраной дворца полковнику барону Остен-Сакену, и тот выдал нам 2 входных билета на заседание Думы в понедельник 19 мая.

Был в «Олимпии» на опер[е]тке «Диктатор» («Pfungsten in Florenz¹», старая оперетта Цибульки). Роль Фра-Бомбарда исполнил Северский.

17 мая – суббота.

От 7 часов вечера присутствовал, по приглашению, на заседании ревизионной комиссии О[бщест]ва ревнителей военных знаний.

Были: председатель генерал-лейтенант Курганович,

члены: генерал-майор Апухтин,

полковник пограничной стражи Ушаков,

чины общества: подполковник Генерального штаба Головин (старый секретарь)

капитан Генерального штаба Балтийский (новый секретарь),

полковник лейб-гвардии Павловского полка Болотов (казначей),

капитан Иванов (помощник секретаря)

(См. 12 мая.)

Тотчас после окончания поверки полковник Болотов хотел сдать мне все дела о[бщест]ва по казначейской части, но я уперся и отказался, т. к., во-1), не уверен в своем здоровье, которое может потребовать на днях операционного лечения (кишка), и во-2), в июле я предполагаю ехать на Кавказ (если меня не зарежут вовремя операции). Все дела принял пока секретарь Балтийский.

После окончания комиссии (в 9½ часов вечера) я вместе с поручиком Снигиревским поехал на строительную выставку. О выставке говорить пока нельзя: ее почти что нет – настолько все еще не готово. Мы прослушали 3-е отделение оркестра графа Шереметева.

18 мая – воскресенье.

Был на юбилейной выставке цветов в Михайловском манеже.

19 мая – понедельник.

От 8 часов вечера до 12¾ часов ночи был на заседании Государственной Думы (см. 16 мая). Все заседание было посвящено делу депутата Косорото-

¹ Пятидесятница во Флоренции (нем.).

Хроника 1908 г.

ва... Слышал речи депутатов Маклакова (ка-дет), Маркова 2, Пуришкевича, барона Мейендорфа, Косоротова, министра юстиции и многих других.

22 мая – четверг.

В Новом летнем театре прослушал знаменитую оперетку «Веселая вдова» Легара. Анну Главари (вдова) играла г-жа Пионтковская.

23 мая – пятница.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Под золотым дождем» (2-е действие) и на «Цыганских песнях в лицах» (Северский и Раисова).

24 мая – суббота.

В 9 часов утра крыши – сплошь покрыты снегом!...
Термометр показывает +1° градус!

25 мая – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оперетке «Прекрасная Елена». Елена – г-жа Пионтковская, а Парис – г-н Северский. На сцене (в 1 действии) наш бригадный хор музыки – в костюмах. (Когда же прекратят эти отхожие промыслы!!!?)

27 мая – вторник.

Был вторично на строительной выставке (см. 17 мая). Об осмотре киосков по-прежнему не может быть и речи: выставка далеко еще не готова. Прослушал (вместе с поручиком Гущинским) 3 отделения оркестра графа Шереметева (в новом концертном зале выставки).

29 мая – четверг.

Был в Новом летнем театре на первом представлении только что написанной новой оперетке (музыка Герсона) – «Сказки Андерсена». Принцессу играла г-жа Потопчина, птичницу Баббету – г-жа Тамара.

1 июня – воскр[е]сенье.

Был вечером на кинематографическом спектакле в «Royal Vio» на Марсовом поле. 3 картины представляли исключительный интерес:

- 1) Ревельское свидание государя с английским королем (самое свидание, впрочем, не было снято),
- 2) Бой быков в Испании и бой быка с тигром (тигр был убит быком),
- 3) Испытание нового грузового мотора в Алжире (мотор ходит по горам, болоту, сыпучим пескам, проходит реки и каналы и проч.). Тут же были показаны новые моторные лодки, движущиеся с невероятной быстротой.

Вообще же программа очень интересная.

3 июня – вторник.

Видел впервые женщину-газетчицу, продававшую у Летнего сада новую вечернюю газету «Вечер».

1908
761

4 июня – среда.

Был в Новом летнем театре на оп[ерет]ке «Птички певчие». Периколла – г-жа Тамара. Пикило – г-н Северский.

5 июня – четверг.

Ездил в Красное Село поздравить нашего командира бригады его высочество герцога Мекленбургского с днем его рождения. Расписался, так как герцог (и. о. начальника артиллерии Гвардейского корпуса) уехал на дивизионную стрельбу 2 дивизиона нашей бригады. Жара!!!

6 июня – пятница.

Приказ по бригаде № 158, п. 5:

«Председатель распорядительного комитета бригады полковник Илькевич рапортом сего года за № 2011 донес, что штабс-капитаны Савонько и Матвеев донесли: первый о приеме и второй о сдаче музея бригады.

Об изложенном объявляю для сведения».

Временно командующий бригадой полковник Горбачевич.

(см. 26 апреля.)

В сущности, я должен вступить в исправление этих своих обязанностей только 15 октября, но назначение штабс-капитан[а] Матвеева в Константиновское артиллерийское училище и отсутствие кандидата поручика Перлика (он в отпуску) заставило меня принять заведывание музеем. Музей в настоящее время убран бумагой и запечатан, а потому я ограничился тем, что принял от Матвеева приходо-расходную книгу и деньги (расписка моя на 129 рублей 80 коп[еек] – 28 мая 1908 года).

8 июня – воскресенье.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Прекрасная Елена».

Елена – г-жа Пионтковская,

Парис – г-н Северский.

9 июня – понедельник.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Веселая вдова».

Ганна Главари – г-жа Пионтковская,

Граф Данило – г-н Рутковский.

10 июня – вторник.

Был в Новом летнем театре на оп[ере] «Модель» (Зуппе).

Стелла – г-жа Потопчина (Мартюшева),

Николло – г-н Рутковский,

Колетта (прачка) – г-жа Пионтовская.

12 июня – четверг.

Был в Новом летнем театре на оп[ерет]ке «Гейша».

Мимоза – г-жа Пионтовская,

Ферфакс – г-н Северский.

13 июня – пятница.

Приказ по бригаде № 165, п. 20:

«Председатель частного собрания гг. офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, состоящих пайщиками Гв[ардейского] экономического о[бществ]а, назначенного п. 11 приказа по бригаде с. г. за № 156, полковник фон Цур-Милен рапортом от 7 сего июня за № 91 донес, что кандидатом в члены правления Гв[ардейского] экономического о[бществ]а от бригады вместо штабс-капитана Матвеева избран штабс-капитан Савонько. В собрании участвовало всего штаб-офицеров 15 человек. Решение частного собрания утверждаю».

Временно командующий бригадой полковник Горбачевич.

Этот выбор произошел совершенно неожиданно и помимо моего желанья. Я лично всегда являлся противником того, чтобы гвардейские офицеры отрывались от строя для «торговли в лавочке», а потому и не мог бы по совести согласиться на этот выбор. К счастью, в Гв[ардейском] экономическом обществе меня успокоили, что бригадный выбор – это фикция: если я не пожелаю, то правление никогда меня не изберет в свои члены.

14 июня – суббота.

Был в 3-й раз на международной выставке (см. 27 мая). На этот раз я и подпоручик Алексеев довольно подробно осмотрели те павильоны и киоски, которые уже готовы и открыты для обозрения (не менее трети киосков еще не готовы). Выставка в высшей степени интересна и поучительна.

18 июня – среда.

По дороге в Николаевский военный госпиталь (где я изредка, в качестве заведывающего оставшейся от лагеря частью, присутствую при освидетельствовании наших больных нижних чинов) зашел (11 часов утра) в Суворовский музей, где выставлены все проекты Русского военно-исто-

рического музея. 1-ю премию получил академик-архитектор В. А. Покровский, и, пожалуй, вполне заслуженно. Его проект самый грандиозный (целый городок-кремль) и хорошо разработанный. Присуждение 2-й премии архитектору М. М. Перетятковичу для меня непонятно; по внешнему виду – ничего замечательного. 3-я премия досталась архитектору З. Я. Леви – вероятно, за конструктивные данные; постройка выглядит легкой и довольно изящной. Вне премии остался проект под девизом «С нами Бог», очень мне понравившийся, которому я бы дал 2-ю и даже 1 премию. Здание крупное, очень красивое, а план прекрасно продуман и соображен. Надо думать, что судьи не покривили душой и нашли в этом проекте какие-нибудь технические дефекты. Остальные проекты – весьма слабые. Всего 21 на всю Россию!

21 июня – суббота.

По прошлогодним примерам я (на этот раз вместе с квартирмейстером подпоручиком П. Н. Алексеевым) угостил обедом нашего капельмейстера Ф. А. Каукаль. Обед был на троих в кабинете «Армии и флота» (под «орлом») в 4 часа дня. За обедом я поднес Францу Антоновичу (от нас двоих) золотые запонки (4½ золотника). Вечером были на глупейшей и вздорной оперетке-мозаика «Шалости Мефистофеля». Продолжили ужином у открытой сцены.

26 июня – четверг.

Впервые в «Аквариуме» (в железном летнем театре) видел дивные живые картины из древней жизни, которых изображали нагие натурщики и натурщицы. Я согласен вполне, что прекрасное обнаженное тело девушек действительно не возбуждает похоть, а доставляет лишь эстетическое удовольствие.

27 июня – пятница.

Ездил в Красное Село. Не по делам службы, а как «увеселительная поездка» в 1 эшелон (я, поручик Снигиревский, Гущинский и Дуров). Впрочем, заходил в Управление бригады по делам к вр. и. д. адъютанта поручику фон Руммель и полковнику Илькевичу, которому я передал свое духовное завещание, составленное на его имя...

28 июня – суббота.

Ездил с поручиком Снигиревским и Гучинским в Сестрорецк. Обедали и прослушали 2 отделения музыки под управлением г. Сук (свадебный марш Мендельсона, лезгинка из «Демона» и арию Полины из «Пиковой дамы»), которую пропела г-жа Куткова. Последняя пела много на бис.

29 июня – воскр[е]сенье.

Когда я был последний раз в лагерях (см. 27 июня), то я узнал, что представителем от батареи на ежегодную гонку 29 июня назначен прикомандированный к 1-й его высочества батарее подпоручик Манакин. Я тотчас же согласился вместе с ним ехать на парусную гонку, и он сегодня зашел за мной на мою квартиру в 7½ часов утра. Мы сели на извозчика и поехали в СПб. речной яхт-клуб на Крестовском острове. С нами был наш серебряный кубок в деревянном футляре и жетон. Серебряная дощечка на судно не была готова. В яхт-клубе мы вместе с гоночной комиссией сели на пароход «Первенец» и поплыли к Петергофу (в начала десятого часа утра), таща за собой на буксире 5 парусных лодок, 1 моторную лодку и 1 лодку (летучий старт). Вот почему мы шли весьма тихим ходом и пришли к Петергофу часа через 2½ – 2¾, т. е. в 12 часов дня, когда, впрочем, и была назначена гонка. В расстоянии сотни саженой от Купеческой пристани «Первенец» остановился. На лодке скоро причалили и высадились и представители лейб-гвардии Преображенского полка: капитан Козакевич и капитан граф Литке. Оба они почему-то были в парадной летней форме, т. е. в кителях при шарфе, орденах и нагрудном знаке. Мы же были просто в кителях, что, конечно, вернее... Началась гонка (см. программу), и так как суда должны были вернуться к старту лишь через 2–3 часа, то я с подпоручиком Манакиным сел в моторную лодку и съехал на берег. В Новом Петергофе мы пошли пешком на Кадетскую улицу, где на даче Торговой школы живет наш офицер поручик Ушаков (он вторично готовится в Юридическую академию). Ушаков на мое предложение пожелал также поехать на «Первенец», и мы втроем вернулись на Купеческую пристань. Здесь к нам подъехала лодка от Петергофского клуба, и мы благополучно доплыли до яхтклубского парохода. Вскоре забелели паруса приближающихся лодок... Сперва вернулись 3 лодки, состязавшиеся на Преображенский кубок, потом вернулись и наши лодки, причем 1-й приз, как и в прошлом году, взяла «Денеб» братьев Н. и Д. Маршаловых. Таким образом, кубок снова и в 6-й раз остался в СПбургском речном яхт-клубе. Сперва капитан Козакевич, а потом и я передали с кратким словом кубки и жетоны старшему из присутствовавших членов (ему 76 лет, и все его называют «папаша»), так как победителя Преображенского кубка (г. Бергмана) вовсе не было, а победитель нашего кубка еще лавировал на своем судне. Кубки наполнили крюшоном, и «папаша» пил за Преображенский полк и нашу батарею. Мы в свою очередь выпили за процветание СПб. речного яхт-клуба, командора, вице-командора, всех членов клуба и сегодняшних победителей. Г-н Маршалов и его брат вскоре привязали свою лодку на буксир к «Первенцу», а сами вошли на пароход, и я лично передал ему и наш жетон. Оба преображенских офицера и поручик Ушаков после того сели в моторную лодку и поплыли к берегу... Им кричали «ура»... А мы остались

на пароходе и на нем же вернулись на Крестовский остров. Следует прибавить, что вовремя пути – туда и обратно – нас довольно радушно угощали водкой, пивом, винами, закусками, завтраком и проч., а в промежутке нам подавали кофе с ромом и коньяком и пунш... Погода пасмурная, но вполне сносная. Изредка накрапывал (весьма недолго) небольшой дождик, нисколько не помешавший гонке... На обратном пути «Маркизова лужа» разволновалась, и наш пароход изрядно качало, так что раза два-три все стаканы и бутылки летели со звоном на пол, и скатерть вскоре приняла все оттенки напитков... В «Зеленые связи» я добрался едва к 7 часам вечера...

Вечером был со Снигиревским в «Буффе» на оперетке «Вице-адмирал» и «Княгиня-Цыганка» (последняя – вздор).

30 июня – понедельник.

Приказ по бригаде № 182, п. 3:

«Штабс-капитан Савонько согласно медицинского свидетельства с. г. за № 1275, на основании ст.ст. 689 и 698 кн. VII Св[ода] в[оенных] п[о]становлений] 1869 г. изд. 2 увольняется по болезни в отпуск во все города Российской империи и за границу сроком на 4 месяца с сохранением содержания. Об отъезде в отпуск штабс-капитану Савонько донести мне.

п. 4

За отъездом в отпуск штабс-капитана Савонько заведывающим оставшейся от лагеря части в г. СПбурге с 1 июля сего года мною назначается поручик фон Руммель».

Временно командующий бригадой полковник Горбачевич.

1 июля – вторник.

Ездил в Красное Село с поездом 1 час 10 минут являться по случаю сдачи оставшейся от лагеря части и отъезда в 4-месячный отпуск. Временно командующий бригадой полковник Горбачевич разрешил ему не являться, а полковнику фон Цур-Милену (командир 1 дивизиона) и полковнику Мясоедову (командиру 1 его высочества батареи) я явился в 1 эшелоне бригады. Там же я ужинал и пил чай; уехал с поездом 10 часов 50 минут вечера... Около 12 часов ночи в СПбурге полил такой ливень, который может быть назван редчайшим в летописях погоды нашей столицы... С вокзала я ехал скорее по руслу реки, чем по улицам... Сильнейшая гроза в отдалении...

2 июля – среда.

Я снова пускаюсь в путешествие: на этот раз по серьезному требованию со стороны своего здоровья... Боли в кишках достигли этим летом своего апогея (см. 12 мая). Резать или не резать свой отросток слепой кишки? Я решил выяснить этот вопрос в течение этого лета, предварительно

выдержав в течение 1 месяца режим и курсовое лечение, дабы убедиться, что у меня боли от органического недостатка, а не от хронического катара. Впрочем, к черту медицину!!!! Пока я жив и ноги меня несут, а голова способна работать – я не брошу своей «Черной книги» и постараюсь и в эту поездку «на воды» занести свои путевые и курортные впечатления, обращая свое внимание на все то, что достигнет моего слуха или появится в поле моего зрения. На этот раз я заранее уверен, что не дам вам «описания» моей поездки на Кавказ – «описания», годного для чтения и даже для печати... Я буду только по-прежнему вести свой дневник, но, конечно, буду вести его подробно, а главное, я не буду стесняться ни формой изложения, ни разоблачением тех грустных фактов, свидетелем которых мне придется быть... Ведь «Черная книга» оглашению не подлежит... Это книга моей совести, и человек, который ее прочтет уже после моей смерти, не вправе будет на меня сердиться, так как я не разглашал при жизни содержание своих мемуаров...

Но все же дадим заглавие нашему «путевому дневнику», начинающемуся с сегодняшнего дня и сегодняшним числом. Какое? «Поездка на Кавказ»? Но так я уже озаглавил свою первую поездку в Закавказье – в Абас-Туман. Для отличия я дам другое заглавие... Например: «Пятигорская группа на Кавказе»... Итак, я приступаю:

ПЯТИГОРСКАЯ ГРУППА на Кавказе.

(Дневник 2-й поездки на Кавказ. 1908 г.)

Из СПбурга я выехал с 8-часовым скорым поездом... По обыкновению я и не подумал брать билет заблаговременно в Центральной кассе, а взял его на Николаевском вокзале за 1 час до отхода поезда. Пассажиров оказалось вовсе не так много... Уж не новый ли тариф, введенный со вчерашнего дня, уменьшил их количество? В 9½ часов вечера поезд подошел к Любани, а в 11 часов 10 минут вечера мы были в Вишере, и на этой станции я выпил последний стакан чаю, после чего вернулся в свое спальное купе и завалился спать.

3 июля – четверг.

Встал в 7 часов и в «Клинах» выпил утреннее кофе... В 8 часов 40 минут я приехал в Москву... Расписание поездов все то же, что было и 10 лет тому назад, а потому я знал, что в Москве у меня будет часа 3–4 свободных, которыми я и воспользуюсь для беглого осмотра города. Электрический трамвай!.. Вот истинный благодетель человечества!.. Я вижу его в Москве впервые, и так как я им воспользовался, чтобы доехать до Лубянской площади, то могу

высказать свое впечатление о нем. В общем – он удовлетворителен, ходит достаточно быстро и, кажется, не имеет бесполезных контролеров, которые, как надоедливые мухи, беспокоят вас в Петербурге – на наших трамваях. Публика очень серая: все мужики да бабы – с узлами, корзинками и проч. Вагоны – битком... сеть разработана, по-моему, удачно... Но пора сказать и о Москве!.. Для пытливого наблюдателя каждый год приносит что-нибудь новое, а я не был в Москве уже несколько лет... Во-первых, я констатирую факт, что к Москве я подъезжал с громадным удовольствием... Вот это настоящий, родной, русский город! Раньше я этого чувства не испытывал... А теперь вдруг я почувство[в]ал некоторое волнение при виде нашей «златоглавой» старой столицы. К тому же я почувствовал уважение к Москве как центру промышленного московского района. Богатейший город!.. В своем благоустройстве он с успехом может и должен конкурировать не только с Петербургом, но и с заграничными столицами. Но вот я въехал в самый центр Москвы. Никогда до сих пор мне так ярко не бросилась в глаза эта чудовищная смесь «Европы» с «Азией». С одной стороны высится 8-этажный дом, прекрасные дома Перлова и гостиница «Метрополь» с площадью, обделанной чисто по-европейски, – с другой стороны: варварская мостовая, ужасные панели, одноэтажные лачуги и проч. Часть Тверской улицы замощена образцово и напоминает улицу Вены или Парижа, а площадь у памятника Александру 2 – это деревенская, а не городская площадь, а бульвар на Красной площади – это бульвар заштатного уездного города или бедного села...

С Лубянской площади пошел в Кремль, где отыскал памятник, поставленный 5 гренадерским пехотным полком на месте убийства великого князя Се[р]гея Александровича (который числился в списках нашей бригады). Памятник – крест, очень красивый, исполненный по рисунку Васнецова. И опять: художественный памятник, Царь-пушка, старинные храмы и дворцы, а булыжная мостовая способна искалечить вам ноги и портит вам все настроение. Когда же русские города поймут, что они должны взять в свои руки и давать обывателю в образцовом виде нижеследующее: мостовые, панели, канализацию, водопровод, освещение, ассенизацию, больницы и проч. Иначе – это не город, а поселок или деревня. Москва – большая деревня! Старо, но верно!..

Ровно в 12 часов я выехал со скорым поездом из Москвы. За этот день проезда я могу только отметить те станции, на которые я выходил и где наш поезд стоял довольно долго. Вот они:

- В 1¼ – в Фаустове (5 минут),
- в 2½ – в Голутвине (10 минут),
- в 4 часа – в Рязани (25 минут). Здесь я пообедал.
- В 7¼ час[ов] в Рязске (16 минут),

в 10 часов вечера в Козлове (20 минут). После Козлова я вскоре улегся спать на своем спальном месте... День промелькнул почти незаметно. У меня был собеседник – какой-то штатский...

1908

768

4 июня – пятница.

Встал в 7 часов утра и утреннее кофе пил в купе (с нами едет ресторан-вагон и буфет). Поезд мчался по Воронежской губернии. На этот раз я внимательно смотрел в окно вагона и с удовольствием любовался на обширнейшие поля, обработанные и засеянные... то и дело мелькали громадные села и деревни, иногда тянувшиеся на несколько верст и состоящие из белых, чистеньких домиков (мазанков); иногда крытых железною крышею. Мельницы (ветряные) встречались непрерывно, и их можно было считать десятками и сотнями. Вдруг до слуха моего долетели крики рабочих, работавших на соседнем железнодорожном пути... Сперва я не расслышал, что именно они кричали, но потом убедился, что они кричат одно только слово: «Газету!» Через некоторое время – другая толпа, состоявшая из одних молодых девушек, неистово кричала: «Газету, газету!» А вот и мальчишка-карапуз – всего лет 5–6 – и тот кричит, надрываясь: «Газе-е-е-ту!» До самого Кавказа, вплоть по всей железнодорожной линии – сто́ит вам только увидеть в окне поезда какого-либо рабочего – девушку или ребенка – вы непременно услышите громкий и веселый крик: «Газет, газет, газет»... Кричащих детей – подавляющее большинство. Взрослые попадают по пути редко. Конечно, я был в полном недоумении и не знал, что подумать. Некоторый свет пролил мой штатский собеседник. Он уверяет, что [к] крику «Газет» рабочих приучили социал-революционеры, которые садились в последний вагон поезда и выбрасывали рабочим кипы прокламаций и крайних левых газет... Теперь рабочие кричат уже по традиции, может быть, употребляя газету на «цыгарки», а пассажиры охотно бросают им прочитанные газеты, которые те и поднимают... А мальчишки и девчонки? А мальчишки и девчонки из этого обычая устроили себе новую забаву и неумолчно провожают все поезда пискливыми и уже немного хриплыми голосами: «Га-зет, га-зет».

Погода дивная, жаркая... В 12 часов мы были в Чертково, и отсюда уже началась Область войска Донского. Кстати заметить, что на этой станции, так же как и на предшествующих, я заметил на столах такое количество мух, какое вряд ли можно увидеть в более культурных местах. Вам подают блюдецко с сахаром, и на сахаре преспокойно сидит не менее 10–15 мух. Ваша булка сплошь покрыта мухами; в соуснике со сметаной плавают три мухи... Едва мне подали чай – в него тотчас же свалились 2 мухи... Скатерть положительно была сплошь покрыта мухами. Никаких мухоловок или современной «бумаги от мух» нет и помину. Это настоящий рай для мух!!!!.. Я не

мог удержаться, чтобы не укорить буфетчика и посоветовать ему выписать из города «смерть мухам»... Но он покачал головой и, по-видимому, не поверил, что от мух есть средства... Область войска Донского сразу изменила панораму из окна поезда. Черноземные поля постепенно сменились степями, и виды скоро потеряли всю свою прелесть... Оставим поэтому сельские виды и поговорим совсем о другом. Поговорим о поведении наших офицеров, которые абсолютно не привыкли стесняться нигде и ни в чем, а что касается соблюдения формы и чинопочитания, то об этом и говорить не стоит: ни того, ни другого нет и в помине. Мои строчки имеют ценность именно потому, что я совсем не собираюсь говорить голословно и рассуждать и размазывать с чужих слов. Я просто запишу сейчас голые факты, которых я был свидетель сегодня. В Москве сел в поезд подполковник пехоты с цифрой 56 на погонах. Уже на Рязанском вокзале я обратил на него внимание, так как он в высшей степени небрежно мне откозырнул, а главное, за ним шли три нижних чина его полка, которые поразительно развязно держали себя с ним, стояли перед ним, скрестив на груди руки по-наполеоновски (это рядовой – перед батальонным командиром!!!!), и никому из проходящих офицеров не отдавали честь. Когда поезд тронулся, солдаты кланялись и что-то бормотали подполковнику (может быть, очень сердечно и мило со стороны штатского), но рук к козырьку не прикладывали... Вот этот-то подполковник на одной из станций купил у разносчицы (каждый поезд в массе встречают деревенские бабы и дети, продающие куриц, яйца, ягоды, молоко, квас, огурцы и проч.) жареную курицу и тут же на вокзале стал ее грызть зубами, как собака... Конечно, он тотчас же обратил на себя внимание всех штатских и дам (поезд скорый: 1 и 2 классы), которые и смеялись над ним, и в то же время возмущались. Я знаю это потому, что мой сосед мне передал, что он слышал, как 2–3 штатских громко говорили, что подполковник неприлично себя держит и срамит офицерский мундир. То же самое говорили и другие пассажиры. Один штабс-капитан с неформенным накладным вензелем «Е. С.» на погонах на каждой станции бегал с чайником (и чайник-то «хамский», какой имеет одна прислуга) в 3-й класс, брал там кипяток и бегом возвращался в вагон, где пил чай с леденцами и ситным... Я не смеюсь над беднотой армейского офицера, которого правительство держит в черном теле и платит ему жалованье чистильщика сапог или метельщика улиц... Я сообщаю только факт и прошу подумать – насколько вид этого офицера жалок и внушает не уважение, а презрение общества... Но каково было мое удивление, когда вдруг я увидел, что один подпоручик 28 Восточно-Сибирского полка вдруг вместо кителя одел простую рабочую блузу без погон и подпоясался простым кожаным ремнем. В таком виде он не только выходил на все станции, но даже сидел весь вечер в ресторан-вагоне. Потом я узнал, что он уже подал в запас (вероятно, выгнали), но для публики – это перео-

девание офицера в штатское, и притом наполовину (брюки он носил военные, но неформенные, со штрипками и рваные), производило удивительное впечатление. Вы видели? Неужели это возможно? – спрашивали меня. Что я мог им сказать???? Незадолго до приезда в Новочеркасск соседом моим очутился на время подполковник 11 Донского казачьего полка. Сперва он молчал, но потом вдруг обратился ко мне с вопросом:

– Вы из Петербурга? Ну, что у вас говорят о прибавке жалованья? Скоро ли?

Я удовлетворил его любопытство, насколько мог. После моих слов подполковник снова заговорил, быстро, со злобой:

– Неужели «они» там думают, что если жалованья не прибавят, то кто-нибудь останется на службе... Вот у нас два ушли: один в политехникум, другой в штатские... Все уйдем. И жалованье прибавят – все равно уйдем.. Вы слышали? В Турции-то войска уже бунтуют... В горы, говорят, ушли... (он помолчал несколько минут и вздохнул). Гор у нас нет, вот что: все степь, некуда уйти...

Настало длинное молчание.

Я не верил своим ушам! И это говорит казачий подполковник! Я не удивлялся, что он был озлоблен, и удивился бы, если бы он на свою службу и на всю свою неприглядную жизнь смотрел бы весело и с надеждой. Но я не ждал этой откровенности и, сознаюсь, не ожидал такой ненависти к «ним» (как он часто повторял) в этом старом слугаке...

Молчанье снова прервалось его вопросом:

– А где же теперь государь?

Я ответил, что когда уезжал, то государь был еще в шхерах...

Казачий подполковник желчно засмеялся:

– Что же он там делает? «Русалку» ищет, или дно вымеряет?

Эта грубость меня шокировала, и я сухо оборвал разговор. Но через четверть часа подполковник снова заговорил и ни с того ни с сего рассказал мне, как бунтовало Оре[н]бургское казачье войско. В один приятный день казаки заявили своим офицерам, что им надоело нести охранную службу и они завтра уходят домой. Что же делает начальство? А начальство в лице генерала барона Таубе приезжает к казакам, приветливо здоровается с ними (казаки ему ответили, а своим командирам не отвечали на приветствие) и вдруг спрашивает: «А вас еще не распустили по домам? Это недоразумение. Я давно уже послал телеграмму о том, чтобы вас распустили». Сыграв эту маленькую комедию, генерал Таубе послал телеграмму министру, и пришло приказание: отпустить казаков на 1 месяц на полевые работы, но казаки не обратили внимание на срок и заявили, что больше на службу не явятся: и не явились... Все кончилось мирно и тихо!.. Какой же отсюда вывод? Я делаю такой вывод. Казаки распущены, и это войско ненадежно. Их задаривают деньгами и водкой,

и они «за царя» грабят и бьют жидов, но в один приятный день они начнут грабить и бить русских и даже своих офицеров... Хорошо дисциплинированное, регулярное войско, конечно, неизмеримо выше для современного государства. По приказу начальника дисциплинированное войско будет делать только то, что ему прикажут, а не то, что ему кажется желательным и приятным... Разжигать же страсти войск – преступно и опасно!.. Казачество – это пережиток, и ему пора уступить место регулярным войскам.

Припоминаю еще одного поручика, который, не довольствуясь вагонной уборной, решил вымыться по-солдатски под каким-то водопроводным краном на станции. Я увидел его после того, как он вымылся: он бежал по станции с мокрым лицом, в расстегнутом кителе и с полотенцем в руках. Волосы были мокрые и торчали во все стороны. Сам он весело и глупо улыбался, очевидно довольный своей выдумкой! Хороша картина!!! Но это все цветочки, но вот и ягодки...

Некоторые из поименованных офицеров пили на каждой станции водку, а один подпоручик 2 Восточно-Сибирского саперного батальона в конце концов напился до потери чувства приличия. Сидя в ресторан-вагоне, он слишком громко разговаривал и курил без спросу, чем навлек неудовольствие окружного генерал-квартирмейстера Московского военного округа генерал-майора Янушевского. Последний вызвал его к себе запиской в вагон 1 класса. Подпоручик явился без шашки и вступил в излишние, пьяные рассуждения. Генерал на него кричал и спросил, где он служит. Фамилию его он не спросил. Все это я рассказываю со слов самого подпоручика, который после этого инцидента обратился вдруг ко мне с просьбой посоветовать, «что ему делать с генералом». Я, конечно, ему разъяснил (это подпоручику, кончившему Павловское военное училище!), что он с генералом ничего сделать не может, что генерал имел право сделать ему замечание и что ему следует теперь успокоиться и отдохнуть... Но пьяного уговорить трудно; подпоручик чуть не со слезами умолял меня пройти в вагон-ресторан и выслушать его исповедь и дать ему совет... Я сгруппировался и пошел с ним... Я был свидетелем, как офицер ломал из себя шута горохового, как он заплетающимся языком в сотый раз рассказывал всем штатским и дамам, как «мерзавец-генерал» его подтянул, что эта «сволочь» убила в нем все лучшее, что он «жаждет труда», а «подлец-генерал» его оскорбил... Затем он вынимал шашку и грозил размозжить голову «прохвосту-генералу». Я был свидетелем, как он грязно объяснялся из-за счета с лакеями и как лакеи его презирали и не подавали ему больше пива, так что за него требовали его менее пьяные товарищи-офицеры... Я не мог оставить его и его товарищей, так как чувствовал, что в самые критические моменты я все же его сдерживал... Но с каждой минутой становилось все хуже. Его товарищ – подпоручик 28 Восточно-Сибирского стрелкового полка – заявил, что он

был участник «революционной офицерской организации и теперь выхолит в запас, чтобы продолжать свою «милую» деятельность... Этот «фрукт» подзуживал своего пьяного собутыльника и говорил ему:

– Вот видите, я вам говорил, что на военной службе честные и порядочные люди служить не могут. Всякая сволочь вроде этого генерала (ах, как я ненавижу этих подлецов) вас оскорбляет и ломает вашу молодую жизнь!!!!

И пьяный подпоручик-сапер снова с пафосом кричал на весь вагон:

– Он во мне все убил. Я зарублю эту скотину, если она войдет сейчас в вагон.

– Ха-ха-ха! – смеялся офицер-революционер. – Жаль, что он мне не сделал замечание. Я бы его отбрил, каналью! Небось, ко мне не полезет! На войне я не видел ни одного генерала: вся эта сволочь попрыталась, а тут – он впереди... Я презираю всех этих гадин-генералов...

В конце концов пришлось сапера отпаивать сельтерской с бромом... Он немного успокоился и перешел в тот пошлый пьяный тон, который я ненавижу и который глубоко унижает человеческое достоинство. Он начал сюсюкать, хвастать, что знаком с великим князем Петром Николаевичем и кончил 3 курса какого-то гражданского учебного заведения, и, наконец, предложил какому-то штатскому, что он ему споет «Гай-да-тройка» – лучше, чем Вяльцева.

– Ей-богу! Вы мне больше дадите, чем давали за Вяльцеву.

Штатский (оказавшийся из купцов) делал вежливую физиономию и не раздражал пьяного офицера... Какая гнусная, возмутительная сцена!!!!

Из описанного вы поймете, сколько мне нужно было усилий, такта и выдержки, чтобы в конце концов уговорить их уйти из вагона-ресторана к себе в купе...

К счастью, в Ростове они и вовсе покинули поезд, и на станции я был свидетелем, как храбрый сапер, собиравшийся рубить генерала, униженно стоял навытяжку и 5 минут держал руку под козырек, вымаливая у генерала прощение... А жаль, что генерал не знал о их поведении в его отсутствие.

В 9½ часов вечера была значительная остановка в Ростове, где я успел пообедать, а около 11 часов вечера я лег спать.

5 июля – суббота.

Встал в 8 часов утра.

В 10¾ часов утра мы приехали на ст. Минеральные воды. Полчаса остановки, пересадка в летние вагоны, отъезд в 1¼ часов, и в 12¼ я уже был в Пятигорске. Багаж свой я пока оставил в багажной, маленькую сумку сдал швейцару, а сам сел на электрический трамвай и поехал в центр города – на верхний бульвар – и, недолго думая, нанял небольшую комнату в меблированном доме наследников Ходжаевых на Церковной улице близ

собора, т. е. в самом центре города (кв. № 9). В этом году наплыв публики в Пятигорск значительно меньше, чем обыкновенно и, в особенности, чем в прошлом году, когда не хватало для приезжих ни квартир, ни воды... Вот почему цены на квартиры несколько ниже обыкновенных и жизнь на курорте не так страшна по своей дороговизне. Первый день прошел в некоторых хлопотах и покупках... Зашел в Управление вод и получил сезонный билет № 4856 (цена 5 рублей).

Зашел на почту и записал свой адрес. Тут я встретил 3-х казаков, которые сидели за столом и писали. Двое взглянули на меня и не подумали даже приподняться и преспокойно продолжали писать... Я подошел к ним и обратился к одному из них, спрашивая – на действительной ли он службе? Казак ответил утвердительно, прибавив, что он Кубанского войска, но стоял передо мной, растопырив ноги на аршин и не прикладывая руки к папахе. Он так тупо на меня смотрел, что я ясно видел, что он не понимает – чем именно я недоволен. Сидели они тихо, скромно, никого не обижали, а писали письма родителям. А тут «чужой» офицер – не казак – лезет с какими-то непонятными замечаниями. И это войско!!! В дальнейшем я убедился, что не только эти три казака, но и вообще все здешние казаки отдают честь редко и плохо...

6 июля – воскресенье.

В 10½ час[ов] утра явился в Управление воинского начальника – на Графской улице. Коменданта не было, и я передал свой билет одному из и. д. его адъютантов.

7 июля – понедельник.

Вчера был целый вечер дождь, и сегодня с 8 часов утра идет дождик... Это «скюшно» и напоминает мне наш дождливый Петербург...

Хотите знать, чем отличается русский курорт от заграничного? На эту тему, вы скажете, можно написать сотню страниц. Можно сравнить дороговизну жизни, благоустройство городов, климат и лечебные средства, образ жизни курортных гостей и пр. и пр. Совершенно верно. Но я задал вопрос с затаенной целью ответить на него одним только примерным фактом. Мне ежедневно подают 2 раза в день самовар в мою комнату. К самовару полагается чайник, стакан, блюдечко и ложка... Ложка от Фраже... Ах, жаль, что я не могу ее вам показать!!! От серебра ничего не осталось, и она вся сплошь медная. Сплошная медь – мятая и изгрызанная. Такую ложку вам ни за что не подадут ни в немецком, ни во французском курорте. Подать такую ложку – осрамить свой «отель», свою «виллу», «хаус»...

На сегодняшний вечер в театре Лермонтовской галереи был назначен спектакль «Лес» Островского. Каково было мое удивление, когда я прочел

на афише, что цены местам назначены следующие: первые 10 рядов 60 копеек, а остальные по 40 копеек. Вот это «культурно», подумал я! Превосходная, классическая пьеса и доступные всем цены. Но перед самым спектаклем в бочку меда влили (не ложку, а целое ведро) дегтю. За афишу взяли 15 коп[еек]. Забавная цена по сравнению с ценой 1-го ряда!!..

Большинство артистов играли весьма удовлетворительно, а г. Флоровский (Аркадий Счастливцев) – очень хорошо.

Театр был полон...

Познакомился с ротмистром 3 запасного кавалерийского полка Николаем Ивановичем Андрюковым – женатым на моей двоюродной сестре Серафиме Николаевне Гришиной.

8 июля – вторник.

Так как занятая мной комната (№ 9) оказалась слишком душной, то я тотчас же, как только освободилась лучшая квартира (это было сегодня), перешел в новую комнату (№ 32) – во 2 этаже того же дома (см. 5 июля). Теперь у меня прелестный вид из окна на правый берег реки Подкумки с горой Юцей и на дивный белоснежный Эльбрус.

9 июля – среда.

Сегодня от 11 – 12 часов дня я был у профессора-хирурга Иосифа Францевича Земацкого, имеющего здесь свою хирургическую лечебницу (Суворовский проспект, д. Веселицкой). Г-н Земацкий имеет некоторое отношение к нашей бригаде: он делал операцию нашему бригадному адъютанту А. А. Фриде (удаление отростка слепой кишки) и штабс-капитану Шанявскому (вены), о чем я записал в своем месте в дневнике. У г. Земацкого я был в СПб. до своего отъезда на Кавказ. Профессор нашел сегодня, что мой отросток слепой кишки прогрессивно ухудшается и операция настоятельно необходима. В настоящем положении «вы, во-1), калека, и во-2), вы находитесь ежеминутно на волосок от смерти». В сущности, операцию нужно делать немедленно, но так как Земацкий в начале августа покидает Пятигорск, то я решил делать операцию в СПбурге. Пока же лечусь терапевтически: грязи и воды («Ессентуки»).

10 июля – четверг.

Капельмейстер здешнего оркестра – г-н Рутин – периодически устраивает плебисцит (так он сам называет), дабы узнать любимые пьесы публики. Сегодня, например, вечерний концерт состоял из десяти пьес, избранных путем «3-го плебисцита». Из числа этих пьес ровно половина принадлежала русским композиторам (Глинка, Чайковский, Балакирев, Мусоргский). Все это, конечно, очень хорошо, но жаль, что «плебисцит» организован довольно примитивно. К столбу, где висит программа, привязана простая картонка со

щелкой, на крышке картонки лежат в очень ограниченном количестве билетики, куда публике и представляется записывать любимые пьесы. Карандаша нет. Будь ящик посolidнее, с четкой, хорошей надписью, будь рядом стол с блокнотом и карандашом – и «плебисцит» был бы, наверное, полнее и удачнее, а самая идея плебисцита заслуживала бы полного одобрения и подражания. Не следу[е]т только, по-моему, назначать программу музыки целиком из выбранных публикой пьес, а в другие дни – целиком из пьес по выбору капельмейстера. Было бы остроумнее и лучше, если бы ежедневно в программу включались бы половина или треть пьес по выбору публики. Остальные пьесы – это вкус и выбор капельмейстера-музыканта, который должен знакомить публику с музыкальными шедеврами разных направлений...

11 июля – пятница.

Утром до 12 часов дня пошел пешком к т. н. «Провалу». Сам по себе провал весьма замечателен и интересен. Серное озеро, по-моему, не голубое (как пишут все путеводители), а сине-зеленое. Осмотрев провал внутри, я поднялся наверх в гору... Место провала огорожено колючей изгородью, но жаль, что к нему не разработана какая-либо дорожка или лестница. Приходится карабкаться с некоторою опасностью для своих брюк и сапог...

Дорога от центра Пятигорска к «Провалу» меня восхитила! Вот где будущее вполне культурное дачное место! Прокладывается новое, вполне благоустроенное шоссе... Масса красивых дач и несколько санаторий уже теперь оживляют эту дорогу...

Обратно я вернулся на электрическом трамвае, который пробегает все расстояние – до Дворянской улицы – в 10 минут...

12 июля – суббота.

В П[я]тигорске поливают улицы чуть не целый день, а пыль все же изрядная. На это есть две причины, хронические для всех русских городов. Первая причина: плохие дороги и мостовые, и вторая причина: плохая уборка дорог и мостовых. Я помню, как в Аркашоне (Франция) делали шоссе... Оно было великолепно утрамбовано, и ему была придана рациональная профиль, и, кроме того, сверху щебень залили смолой. Получилась поверхность вроде асфальтовой. Здесь же шоссе – ниже всякой критики. На сравнительно приличной мостовой (из плитняка) – много мусору и мелкого песку, а потому и мостовая еще больше пылит, чем шоссе... А главное, нет хорошей канализации! Что это за город (и даже курорт!), в котором роль канализации играют открытые канавы по бокам улицы. Это годно для проезжего шоссе, а не для густо населенного места. Забавно читать здешние газеты (например, «Пятигорское эхо»). На все справедливые жалобы, что нет канализации, что на группах – антисанитария, что не хватает ванн, что

плохое освещение и т. д. – начальством дается один ответ: «Нет денег! Все это мы видим и знаем, но нет денег!!» Куда же деваются все деньги!?

1908
776

Вечером был в театре на 1-й гастрولي известной Л. Б. Яворской. Дана была «Женщина» («Erdgeist²» – Ф. Ведекинда). Успех Яворской был ниже среднего. Я не удивляюсь. Пьеса – сама посредственность и декадентски-неправдивая. Яворская – рискованные туалеты, неприятный голос и лишь изредка – хорошая игра... Даже с окончанием пьесы – хлопков наперечет...

О театральных нравах: начало: «ровно 7¾» – обратилось в 8¼ час[ов], а антракты длились до бесконечности...

13 июля – воскресенье.

Кинематографов здесь несколько. Все они усиленно себя рекламируют, и по вечерам, вовремя музыки, постоянно раздаются публике программы разных «первоклассных» электро- и гранд-электро-театров. На одной из таких программ в конце напечатано:

В заключение

выход директора театра К. Я. Абрамовича, благодарящего публику за посещение.

Трогательный и интересный номер!!!!

С 12 часов дня у Николаевского цветника открылась лотерея-аллегри на постройку глазной лечебницы имени д-ра Пеунова. С 12-ти же часов дня, часа 1½–2 играла музыка 3 Кубанского пластунского батальона. Смотрю я на нее и глазам не верю: часть нижних чинов в шароварах с кантом, а часть без канта. Подозвал одного казака и спрашиваю его о причине сего явления. Вот ответ:

– А это кто как желает. Кто хочет с кантом, а кто хочет – без канта. Нам это не возбраняется. Кто как хочет.

Но один казак, по-видимому, пожелал еще большего: у него шаровары были не черные, как у всех, а светло-синие. Жаль, что не красные! Красные – еще красивее!!..

Вечером от 5½ – 7½ состоялся симфонический концерт в память Римского-Корсакова. Об этом событии было объявлено еще накануне, причем Римский-Корсаков был назван «великим русским композитором». Сегодня общие программы не вывешивались, а были отпечатаны особые программы с преувеличенно-восторженной биографией покойного композитора, которые продавались сторожами по 10 копеек. Успеху вечера помешал дождик. Вовремя исполнения программы часть публики не раз покидала свои места и уходила в галерею, а перед последним номером прилил такой ливень, что вся публика бросилась бежать, и концерт прекратился. Тем не менее, нужно отме-

² Земной дух (нем.).

тить его полный успех. Перед концертом музыканты и вся публика встали, и была сыграна какая-то молитва («Слава» из «Царской невесты»). На эстраде, на столике был выставлен небольшой портрет г. Римского-Корсакова, украшенный зеленью и несколькими розами. Солисты на виолончели и корнете (песнь Леля) имели большой успех. Песнь Леля была повторена. Вообще я с удовольствием констатирую, что местная публика (преимущественно туземцы, а не приезжие) глубоко интересуются музыкой и весьма внимательно ее слушают. Русские композиторы пользуются большим успехом (это ясно видно из «плебисцитов», см. 10 июля). Мусоргского «Ночь на Лысой горе» – один из любимейших музыкальных номеров пятигорских обитателей...

15 июля – вторник.

В Пятигорске есть тюрьма, охраняемая весьма сильно цепью часовых-пластунов. При приближении офицера часовой берет ружье по уставу «на плечо», останавливается на месте и по приемам поворачивается лицом к тюрьме и спиной к проходящему офицеру и стоит смирно, пока офицер не пройдет... Что город, то норов!..

В день своих именин получил поздравления:

- 1) Н. Н. Ушакова (из Нового Петергофа),
- 2) Н. А. Илькевича (из Красного Села),
- 3) Л. Ф. Гартунга (из Рембертова),
- 4) В. Н. Нарковича (из Красного Села),
- 5) Я. В. Рейнталь (из имения Тумазаны Витебской губ.) и
- 6) П. Н. Алексеева (из СПб.).

16 июля – среда.

В 8 часов 5 минут утра сел на трамвай и доехал до разъе[з]да «Машука». В 8 часов 10 минут начал восхождение на гору Машук (3258 футов) и через 1 час 20 минут был на ее вершине (9 часов 30 минут утра). С пути открывались дивные виды, но на вершине меня застигли облака, и весь горизонт скрылся из моих глаз. Сильный ветер. В балагане я выпил чаю и перелистал лежавшую на столе книгу с надписью:

КНИГА НА ЗАПИСКУ ВПЕЧАТЛЕНИЙ горы Машука.

Не трудно догадаться, что эта книга испещрена глупостями и пошлостями и сильно смахивает на «жалобную книгу», описанную А. Чеховым. Вот на выдержку насколько записей (орфографию сохраняю):

Хроника 1908 г.

1908
778

«9 июля. Вершина Машука поразила мой взор, я был полон восторгом, природа чудо создала, сидя на вершине мой взор остановился на Николаевском цветнике который переполнен меселинами и Гелиогабалами, остальные больны.

А. Григорьев».

«Не исключая и писавшего».

«10 июля. Была на вершине Машука. Воздух освежил меня своей прохладой. Высота приблизила меня к небесам. Вид на подошву Машука с его построениями порастил меня своим ничтожеством. О человек! Как ты ничтожен и вовремя велик!?

Гимназистка Нина Архангельская».

«Тоже ничтожество».

«Глыбоко вымогаюсь и теми кто высушается машухом, ничиво таково особенного, в Рассее лучи

Спотыкалов Фома и
Алеша Ляликовы».

«а мне и Ляле очень нравится назло всем».

«Просил бы не писать глупостей на столь замечательной горе.
1908 г. 13 июля. К...»

«Нахально дорого взяли за пиво испорченное, кислое 25 коп[еек] за бутылку, которая в городе стоит 7 (семь) копеек
Доктор».

«В этой книге читал много глупостей». (Подпись)

«Глупец тот, который писал глупостей но в тысяча раз глупее тот, которых их читал».

«На склонах Машука водится много любопытных и милых зверков» (Подпись).

и т. д.

На обратном пути видел памятник на могиле знаменитого альпиниста А. В. Пастухова (ум. 1899). Барельеф его на обелиске уже отломан... И

весь памятник исписан фамилиями идиотов-туристов, которые увековечили свое невежество и варварство не только карандашом, но и красками. Так что прежде всего бросаются в глаза красные и синие фамилии каких-то неведомых Ивановых и Карапетовых, а потом уже скромная, черная надпись «Пастухов».

С вершины пустился в обратный путь в 10 часов 10 минут и через 40 минут (10 часов 50 минут) был на «разъезде Машука», где сел на трамвай и вернулся в город.

17 июля – четверг.

Был на Пятигорском кладбище. Джером-Джером подсмеивается над любителями посещать кладбища, рассматривать памятники и читать на них надписи. Я не считаю себя «любителем» кладбищенских прогулок, но в незнакомом городе почти всегда посещаю кладбища наравне с другими городскими достопримечательностями... Пятигорское православное кладбище ничем не отличается от наших русских кладбищ: оно запущено, не распланировано, могилы в полном беспорядке нагромождены бок о бок, м[н]огие памятники и кресты пришли в разрушение, покосились и даже валяются на земле... Случайно набрел на место, где первоначально был похоронен Лермонтов. Место это огорожено деревянной решеткой, выложено плитным полом, и на нем стоит маленький обелиск с соответствующей надписью и датой. Все вместе приходит, мало-помалу, в некоторое разрушение, а «народная тропа» к нему безусловно заросла. Православное духовенство, не получив мзды, ни за что не позаботится о могиле великого человека и «даром» ни за что не отслужит на ней панихиду... Также случайно заметил небольшой памятник здешнему окулисту и филантропу доктору Пеуну... И его памятник когда-нибудь сровняется с землей, а православное духовенство по-прежнему будет только льстить и угождать тем, кто больше отвалит денег...

Сидя на балконе ресторана «Казенной гостиницы», вдруг увидел идущего у «цветника» генерал-майора Владимира Андреевича Леховича (бывшего командира 1 его высочества батареи лейб-гвардии артиллерийской бригады, ныне командира лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). После моего обеда – я его отыскал на бульваре, мы сердечно обнялись и в «Бристол» за бутылкой шампанского (В. А. обедал) просидели до 2½ часов дня, после чего я его проводил до вокзала, где В. А. сел на поезд в Ессентуки.

Из рассказов его стоит отметить два:

1) Его разговор с нашим бывшим командиром бригады герцогом Мекленбургским, причем герцог подтвердил, что он «сильно обижен командиром корпуса» (генерал Данилов, история с нашей мнимой «крамолой») и потому «отказался» быть начальником артиллерии Гвардейского корпуса.

По-видимому, прибавляет В. А., герцогу все же очень тяжело уходить из гвардии, и он заметил при разговоре слезу в глазах герцога.

2) В. А. Лехович представлялся великому князю Михаилу Николаевичу, приехавшему в Россию из Канн на лето. Между прочим великий князь обратил внимание на форму В. А. (В. А. был в новой форме). В. А. ответил:

– Это форма императора Александра 2, которую нам вернули.

Тогда великий князь взял в руки фуражку В. А. защитного цвета и прибавил:

– Ну, положим, такой гадости при Александре 2 не было!

22 июля – вторник.

Так как сегодня «Царский день», то к 10½ часам утра я облачился в лагерную парадную форму с шарфом, шашкой, орденами и батарейным нагрудным знаком и отправился в здешний православный собор. Застал конец обедни... После меня к молебну пришли в церковь: генерал-лейтенант Генерального штаба, генерал-майор Генерального штаба, несколько казачьих офицеров местных войск, подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка – все в подобающей парадной лагерной форме. Но таких «корректных» лиц было счетом человек 5–8. Такое же приблизительно, количество военных лиц пришли преспокойно в кителях без шарфа и шашки, в длинных брюках и с палочками в руках!!.. В числе этих офицеров был и капитан лейб-гвардии Егерского полка, который, впрочем, обратил и раньше на себя всеобщее внимание своим удивительно поношенным обмундированием. Господа эти нисколько не «стушевались» и не чувствовали себя неловко и, по окончании многолетия, очень развязно, с палочками в руках, потянулись прикладываться ко кресту – почти тотчас за генералами в лентах и за нами... Вся остальная масса офицерства и генералитета, которыми кишит Пятигорск, вовсе не сочла нужным быть на молебне в день именин матери своего державного вождя и предпочла слоняться до 12 часов по аллеям цветника...

Публика в церкви была почти исключительно самая серая. Вдоль всего среднего прохода стояли через каждые 2 шага городовые в шашках и с револьверами – одетые в высшей степени грязно и настоящими оборванцами...

После молебна оба генерала подошли ко мне, поздоровались за руку и «милостиво» со мной поговорили (причина: моя гвардейская форма).

Ровно в 12 часов в «Цветнике» музыка заиграла «Боже, царя храни». Все встали и сняли шляпы, офицеры приложили руку к козырьку. После гимна раздалось 2 хлопка, которые тотчас же и оборвались; никто этих двух «патриотов» не поддержал, и гимн повторен не был.

С поездом 12 часов 20 минут я и мой знакомый капитан 92 пехотного Печерского полка Николай Константинович Яницкий поехали в Железноводск. В 12 часов 55 минут мы были на станции Бештау и здесь пересели в небольшой

поезд, курсирующий по 5-верстной ветке от Бештау до Железноводска. В 1 час 18 минут мы тронулись и в 1 час 36 минут были на станции Железноводск. Дорога безусловно живописна, так как тянется все время среди леса и непрерывно поднимается в гору... Паровоз расположен сзади и толкает вагоны вперед...

В Железноводске мы обедали в «Казенной гостинице», гуляли по парку, слушали музыку в Пушкинской галерее и с поездом 7 часов 14 минут вечера выехали из Железноводска. На этот раз мы ехали под гору и доехали до Бештау в 11 минут (7 часов 25 минут). Из Бештау поезд вышел в 8 часов 5 минут, и в 8 часов 40 минут мы были в Пятигорске.

В Железноводске безусловно нет достопримечательностей, если не считать камня в 1700 пудов, упавшего в 1892 году с Железной горы, и вновь строящейся грандиозной каменной дачи эмира Бухарского...

23 июля – среда.

Вечером в 6 часов вместе с капитаном Яницким (см. 22 июля) пошел пешком к месту дуэли Лермонтова у подошвы Машука. Место это распланировано и обсажено живою изгородью, но выглядит безусловно запущенным, несмотря на то, что здесь имеется домик сторожа... О памятнике говорить не стоит. Он – «временный» (увы, уже несколько лет) и состоит из оштукатуренного пьедестала и гипсового бюста поэта: все выбелено... Самая площадка, безусловно, очень живописна, и с нее открывается прелестный вид на Бештау, Верблюд-гору, Железную... Особая вывеска гласит, что у сторожа имеется книга, в которой просят расписываться всех тех, кто посетит это место. Я, конечно, любопытствовал взглянуть на эту книгу... Неужели и в ней (как на горе Машук, см. 16 июля) люди не удержались от пошлостей и глупостей!!!! Книга начата 14 мая 1908 года и содержит очень много росписей. Большей частью: одна строчка «Посетил место дуэли Лермонтова, тогда-то, такой-то». Остальные записи по содержанию можно разделить на 3 категории:

1) Высказывается радость по поводу посещения места дуэли и выражается благоговейное уважение к великому поэту.

2) Высказывается возмущение по поводу того, что на месте дуэли стоит такой «мизерный» и ничтожный памятник. Россия называется «великой», но «неблагодарной». Один священник дает мысль, что можно было бы иллюстрировать событие поединка показом пистолетов того времени, портретами участников дуэли и секундантов и проч. и проч. Конечно, можно! Иностранцы сумели бы оборудовать такое «историческое место» как следует, и в таком виде оно представляло бы наивысший интерес.

Наконец, 3) Высказывается «глубокое возмущение» по поводу «варварской дуэли»; дуэль предается анафеме и нагромождается туча «жалких» и «гражданских» слов. Авторами последней серии являются главным об-

разом студенты, народные учителя и священники (в более мирном тоне). «Идиотские» записи встречаются, к счастью, весьма редко, но все же встречаются. Приведу на выдержку несколько наиболее характерных записей:

1908
782

«Я всегда буду ратовать против дуэли как средства защитить свою честь, ибо, помимо других соображений, благодаря ей сложил безвременно голову не один гениальный человек, которому не мало обязано человечество в своем прогрессивном развитии».

Студент Гавриил Гамаев.

«Мы прошли кругом Машука и потому у меня, т. е. господина Карманского, впечатление такое, как бы скорее добраться домой к обеду».

Иван Карманский

(сверху – над словами «т. е. господина Карманского» кто-то написал: «ОСЕЛ»).

«Дуэль как средство разрешения вопросов, касающихся людской чести, в настоящее время, несомненно, тесно связана с милитаризмом, который как ржавчина, как гнилая тля, разъедает общество. И что бы ни говорили, ни писали против дуэли, она будет существовать до тех пор, пока будет существ[о]вать милитаризм. Больше света, больше просвещения в массы – это единственный путь к облагораживанию человеческой природы и искоренению предрассудков... и т. д.»

4 июня. М. Беляев.

«Если бы я была мужчина и мне пришлось бы защищать свою честь, то я выбрала бы ТОЛЬКО этот благородный способ сосчитаться со своим противником».

4 июня. Софья Балинская.

«Посетил 10 июня 1908 г. Если бы я была женщина, то призналась бы к тебе в любви».

Белов.

Кроме русских записей есть записи на иностранных языках: на местных, на языке сартов, на финском (д-р Йокинен), на чешском, на французском, на немецком и др. С финского и с сартского языков переведено на русский господином Романовым, и из перевода видно, что оба иностранца отдают дань своего восхищения и удивления пред великим русским поэтом. Доктор Йокинен утверждает, что финская молодежь много читает Лермонтова. Чех преклоняется перед «великим славянским поэтом».

От памятника Лермонтову мы пошли по дороге, ведущей вокруг подошвы Машука, по направлению к Перкальскому роднику и далее к «Провалу». Перкальский родник («Перкалка», как его здесь называют) – источник чистой и вкусной воды, которую я не без удовольствия выпил. От «Перкалки» до «Провала» около 3-х верст... Мы шли все время по хорошей проезжей дороге, надеясь, что именно она приведет нас куда следует. Впрочем, одно время мы не были уверены, что идем по верному пути, тем более что уже с 7½ часов стало сильно темнеть, и в нескольких шагах уже ничего не было видно. К счастью, по дороге встретился «указатель», который успокоил нас относительно верного направления, и мы снова зашагали вперед... Но вот и огоньки «Провала». Из темного лесу, из абсолютной вечерней тишины мы сразу ощутились на освещенной площадке кафе, внутри которого гремел небольшой оркестр из мужчин и девиц. Столики на веранде, в кафе и на площадке были заняты публикой. Мы потребовали молока, бутербродов и пирожных и с удовольствием отдохнули после длинной дороги... Когда оркестр кончил (рояль, одна скрипка, 1 флейта, 1 пикколо, 1 гитара и 3 мандолины), на эстраду вышел певец и спел «Качели» (Легара) и еще что-то – весьма недурно... На площадке же расположилось трио «туземных музыкантов» (т. н. «сазандари») – 2 армянина и 1 перс. Перс бил в большой бубен, один армянин играл на «хар» – нечто в роде мандолины, а другой на «чаманча» – похожей на скрипку (при игре держится как виолончель). Кроме того, один армянин пел сильным, довольно красивым, но не обработанным голосом!

– Луны нет! – вздохнул мой спутник...

Но и без луны было достаточно поэтично, и этот тихий прохладный вечер – на склоне задумчивого Машука – мог даже испортить пьяный военный чиновник, пристававший к девицам из оркестра...

Домой вернулись трамваем.

24 июля – четверг.

Читальня в Пятигорске почти не оставляет желать лучшего, что касается газет и журналов. Их выписывается более 50 номеров. Из русских газет имеются всех направлений – от «Русского знамени» до «Речи». Есть иностранные – французские и немецкие – газеты, а также иностранные иллюстрированные журналы... Что же касается помещения, то оно весьма неудовлетворительно. И площадь комнаты, и количество мебели слишком недостаточны. В читальне жарко, тесно и неудобно...

28 июля – понедельник.

Осмотрел снаружи домик и сад, в котором жил 4 года (с 1837 по 1841 г.) М. Лермонтов. Дом находится в частном владении г-на Георгиевского, который в нем и живет. В саду сохранились старая акация и ореховое дере-

во – времен поэта. Этот дом довольно подробно описан в «Новом времени» в июне этого года г. Розановым, и желающие могут отыскать этот номер... Могу только прибавить, что жаль, что дом находится в частных, а не в городских руках, что в нем не устроен музей (хотя бы из фотографических снимков со всех предметов, хранящихся в других музеях...), или бесплатная читальня имени творца «Демона» и т. д. Жаль, что дом не доступен для свободного и постоянного его осмотра, что он рискует быть в один приятный день перестроенным, или даже разрушенным... (а то и сгоревшим, как дом Пушкина). Все, что город сделал, – это вставил в стену дома небольшую черную мраморную доску с надписью, что здесь жил Лермонтов, но так как дом находится во дворе, то эта доска очень мало говорит для широких слоев населения, не купивших печатного путеводителя по Пятигорску...

23 июля сего года исполнилось ровно 1 год, как здесь, в Пятигорске, в Николаевском цветнике был убит бывший одесский генерал-губернатор генерал-майор Константин Адамович Карангозов. В этот день (23 июля 1908 года) был освящен памятник на его могиле на Пятигорском кладбище. Об этом я узнал на другой день из местных газет, а сегодня я видел этот памятник – из черного мрамора, на котором высечены, между прочим, следующие стихи:

Не умер витязь наш!.. В лучах тепла и света
Вознесся дух его в обитель божества,
И будет памятью о нем вся Русь согрета,
И вьет ему венок народная молва.
Не умер он! Внесла его в скрижали века
Рука истории словами: «Ты – борец
За веру, за царя, за Русь, за “человека” –
Которого являл Ты чистый образец!..»

29 июля – вторник.

Ездил в Ессентуки. Выехал из Пятигорска с поездом 12 часов 20 минут дня и в 12 часов 50 минут приехал в Ессентуки... Почти весь день провел в обществе В. А. Леховича, живущего здесь в роскошной санатории «Азау» (см. 17 июля). В этой же санатории живет и г-жа Данилова – супруга нашего командира Гвардейского корпуса – генерал-адъютанта Данилова.

Из Ессентуков выехал с поездом 7 часов вечера.

30 июля – среда.

По случаю «царского дня» был на молебне в соборе. На этот раз (см. 22 июля) из сотни (1½–2) генералов, штаб- и обер-офицеров, которые ежеднев-

но, как мухи, облепляют все дорожки и скамейки Николаевского цветника, пришли на молебен в парадной (лагерной) форме – 2 человека: я и один подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка. Я не считаю еще 2–3 генералов и полковников, которые явились в длинных брюках и с палочками в руках и которые сделали бы лучше, если бы тоже не явились. Молебен служили на площади перед собором. К молебну прибыли те же 2 генерала, что были и 22 июля: командир 2 Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенант Шуваев и начальник штаба корпуса генерал-майор Баратов. Кроме того, были офицеры 3 пластунского батальона Кубанского войска и офицеры Терского войска (от полков 1 Горско-Моздокского и 1 Сунженско-Владикавказского), нижние чины, которые стояли во фронте с ружьями (кубанцы) и шашками (терцы). После молебна генерал Шуваев принял строевой рапорт и обошел, здороваясь, войска. Выйдя затем на середину, он поздравил казаков с «высокопраздничным днем рождения наследника цесаревича – атамана всех казачьих войск» – и после ответа казаков провозгласил: «За здоровье (?) его императорского величества государя императора, государынь императриц, наследника цесаревича и всего царствующего дома – ура!» Казаки начали кричать короткое и непрерывное: «Ура, ура, ура, ура...» Кричали монотонно, тихо, некрасиво – точно собачий лай старой и ленивой дворняги. Музыка играла «Боже, царя храни». Вовремя нее генерал Шуваев вдруг вообразил себя не командиром корпуса, принимающим церковный парад, а городовым и закричал куда-то в пространство: «Шапки долой!» Народ (самый серый), стоявший за цепью городских и глазевший на церемонию, этого окрика не слышал, а слышали немногие, стоявшие сзади генерала, и на них этот нелепый окрик, вероятно, произвел престранное впечатление. Точно можно полицейскими мерами и хамским требованием заставить толпу уважать Россию и благоговеть перед нашим национальным гимном!.. Лучше бы генерал Шуваев сам не сделал двух промахов: 1) обыкновенно говорят «за здравие», а не «за здоровье», и во-2), тост за царя произносят отдельно, а за императриц и наследника вместе. После противного «бледного» «ура» – казаки перестроились для церемониального марша и прошли мимо командира корпуса. Из шероховатостей следует заметить: капельмейстер дирижировал с палочкой (!?), стоял спиной к генералу (лицом к музыке) и расставив ноги на пол-аршина. Казаки проходили плохо, а когда один из казаков прошел совсем не в ногу, то командир батальона (полковник) сорвался с места (сбоку и сзади генерала), покинул свой «пост» и с сжатыми кулаками, со злобой в лице и бормоча: «Ах ты, вот я тебя...», ринулся за взводом – на глазах всей публики... Генерал благодарил проходивших казаков, на что те отвечали из рук вон плохо... В 12 часов перед концертом (посвященным, кстати, произведением Глинки) в «Цветнике» оркестр исполнил гимн. По окончании его не было ни одного аплодисмента...

31 июля – четверг.

Еще 29 августа, когда я ездил в Ессентуки, я чувствовал себя не совсем хорошо... В ночь с 30 на 31 – я окончательно занемог: сильное расстройство желудка и боли живота. Аппетит совершенно пропал, а общая слабость и недомогание достигли небывалых у меня размеров. Сегодня встал с трудом, не ел целый день ничего и часов в 5–6 лег в кровать... Позывы к рвоте...

1 августа – пятница.

С трудом встал к 10 часам утра, чтобы зайти к д-ру Козловскому – ассистенту профессора Земацкого (сам г. Земацкий уже уехал в СПб. См. 9 июля). Это путешествие стоило мне невероятных усилий, и я подолгу присаживался в пути на скамейках, чтобы не впасть в обморочное состояние. Вернувшись домой, я не мог сам раздеться и почти замертво свалился на кровать... Температура эти дни колеблется от 37,1 до 37,3...

Вечером был доктор Козловский и долго сидел у меня, развлекая меня разговорами. $T = 37,5$.

2 августа – суббота.

О вставании с кровати и речи быть не может. Страшная слабость, недомогание и боли в кишках. Сегодня я предполагал ехать в Кисловодск с поездом 12 часов 20 минут, о чем я заранее условился с В. А. Леховичем, и он должен был присоединиться ко мне в Ессентуках (см. 29 июля). В Кисловодске на собственной даче живет офицер нашей бригады капитан Иван Васильевич Петрушевский (Ваня Петрушов), и с ним я тоже списался и обещал дать ему знать о дне и часе своего приезда. Увы! Болезнь все расстроила! Уже написанное письмо Петрушевскому я не послал, а В. А. Леховичу послал письмо о том, что заболел и ехать не могу.

Днем был доктор Козловский. Болезнь моя серьезная и требует почти полного голодания, ледяных компрессов, порошков с опиумом и проч. $T = 37,4$.

3 августа – воскр[е]сенье.

Утром было похоже на некоторое улучшение... $T = 36,9$, но днем плохое самочувствие и температура снова вернула мне архигрустное настроение... 5–6 августа я собирался уехать в СПб., а теперь боюсь, что болезнь задержит меня на неопределенное время. Д-р Козловский по-прежнему навещает меня ежедневно.

Вечером $T = 37,5$.

4 августа – понедельник.

Без перемены... Днем зашел ко мне В. А. Лехович (см. 2 августа), специально для меня приехавший из Ессентуков. Вечером – рвота.

Когда я являлся в Пятигорске воинскому начальнику (см. 6 июля), то мне в глаза бросился длинный приказ этого «стража», отданный 1 мая с. г. и состоящий из множества пунктов. Приказ этот раздавался всем тем офицерам, кои приезжали на «группы» на казенный счет (а таких – большинство), а также и всем желающим офицерам... Приказ этот можно назвать «мудрым» и «строгим»... Он предусматривает буквально все то, чего нельзя делать и что делать следует всякому благовоспитанному офицеру. Нельзя ходить не по форме одетым, «строжайше» воспрещается иметь китель одного цвета, а чехол на фуражке – другого (ссылка на приказ по В[оенному] в[едомству]), запрещается ходить с палкой и со стиком, подтверждается к неуклонному исполнению «взаимное отдавание чести». Отставные не забыты: им тоже «строжайше» и «неуклонно» предписывается соблюдать форму и проч. Одним словом, приказ (как и все без исключения приказы на Руси) показывает, что начальник: во-1), отечески печется об офицерах, кои, очевидно, правил приличия и чинопочитания не знают, и во-2), что начальник строг и неумолим в своих служебных требованиях. Поэтому я несколько не удивился, прочитав этот «пошлый» приказ, и еще менее удивился, увидав за месяц моего пребывания в Пятигорске, что буквально ни один пункт этого приказа не исполняется офицерами, а самому воинскому начальнику в высокой степени на это наплевать и он не способен настоять на своих законных требованиях даже по отношению к кадетам, юнкерам и солдатам, а не только к офицерам...

Для иллюстрации всего сказанного я приведу примеры тех вопиющих отступлений от формы, которых я был здесь свидетелем, причем предупреждаю, что такие «вольности», как ношение стрипок и шпор, ношение накладных вензелей и цифр вместо шитых, ношение кителей и чехлов на фуражках – не одного цвета и пр. и проч., я не принимаю во внимание, так как эти «вольности» позволяют себе буквально почти все генералы, штаб- и обер-офицеры русской армии.

1) Подполковник действительной службы (погоны гладкие) носил серую тужурку, но со стоячим красным воротником.

2) Строевой обер-офицер армейской пехоты носил темно-синий вицмундир несуществующего образца – с боковыми карманами.

3) Подполковник носил черную накидку.

4) Один подполко[в]ник действительной службы ежедневно носил траур на левом рукаве.

5) 1 подполковник носил на кителе погоны – с пальто (прямоугольник).

6) 1 отставной подполковник носил серо-черные шаровары без канта.

7) Штабс-капитан 27 Восточно-Сибирского стрелкового полка (гео[р]гиевский кавалер) носил голубые брюки.

8) 1 штабс-ротмистр Пограничной стражи холил в кителе без пуговиц – на крючках,

9) 1 казачий офицер носил плечевую портупею под кителем.

10) 1 подполковник армейской пехоты носил рубаху, подпоясанную кушаком (старого образца), а 1 обер-офицер носил такую же рубаху, но подпоясанную серебряным шарфом.

11) Студент-медик носил китель из серого сукна, причем воротник был обшит красным кантом.

12) Обер-офицер пешей артиллерии (сзади 4 пуговицы) носил синие рейтузы.

13) Полковник 3 артиллерийской бригады носил черную накидку с серым воротником.

14) 1 подполковник имел на погонах не шитья, а металлические звездочки.

15) 1 отставной подполковник носил китель с отложным воротником.

16) 1 штабс-капитан пришел к карманам кителя большие форменные пуговицы (медные).

17) Жандармский генерал действительной службы ходил по парку на музыке в закатанных по щиколотку брюках, причем обнаруживал ботинки со шнурками.

18) Встречались двубортные кителя защитного цвета. Это еще понятно: могли перекрасить, но зато я видел у нескольких офицеров одnobортный китель нового образца – из белой рогожки (??!).

К этой крошке из форм нужно прибавить наглое злоупотребление офицерской формой почти всеми чиновниками. Не только полицейские чины (низшие), но и артиллерийские, интендантские и проч. чиновники носят широкие офицерские погоны и офицерскую кокарду на околыше.

5 августа – среда.

То же. Температура от 37,95 до 37,1.

6 августа – среда.

Самочувствие несколько лучше, но Т утром = 37,15! (больше, чем вчера вечером).

Послал телеграмму в бригаду с поздравлением (праздник всей гвардейской артиллерии). Содержание телеграммы:

«Красное Село. Командующему лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой. Приношу сердечное поздравление вам, господам офицерам праздником. Савонько».

Послал также поздравительную телеграмму генералу Леховичу в Ессентуки (от него я получил поздравление закрытым письмом).

7 августа – четверг.

Утром самочувствие лучше, и решил встать с кровати... К 10 часам утра не без труда доплелся до квартиры д-ра Козловского (см. 1 августа) и вручил ему «мзду» за его ежедневные визиты ко мне... Слабость моих сил меня огорчала, но, тем не менее, я в 1 час дня поехал на вокзал – узнать о возможности получить плацкарту (спальное место) до Москвы. Официально в кассе мне заявили, что записываться на спальное место скорого поезда нужно за 7 дней, т. е. сейчас можно записаться только на 14 августа. Я обратился тогда к начальнику станции, и сей российский муж в высшей степени любезно оказал мне полное содействие. Он предложил мне ехать сегодня, так как на сегодня еще есть свободное место, которое он будет держать для меня до 5 часов вечера. На 8 и 9 августа безусловно все места заняты... Что делать? Отложить до 11-го. А вдруг опять заболеешь и останешься снова один, как пес, в 4-х стенах ходжаевской комнаты... Ехать сегодня?! А Кисловодск? Уехать, не выдав этого первого в России курорта!!.. Я колебался недолго. Вырвавшись из когтей болезни, я безумно захотел – скорее, скорее ехать домой, в Питер, в родную бригаду... Вернувшись с вокзала домой, я начал укладываться, написал необходимые письма В. А. Леховичу, Петрушевскому и в Управление воинского начальника, закупил несколько подарков бригадным товарищам и в 5 часов 15 минут уже сидел в вагоне местной Минераловодской ветки, которая через час довезла меня до ст. Минеральные воды, где я пересел в скорый № 1 поезд. Тут я переставил часы на петербургское время и, выгадав изрядное количество времени, уже в 5 часов 50 минут вечера тронулся в дальнейший путь... Хлопоты меня утомили, и я очень рано улегся спать...

8 августа – пятница.

В 6 часов утра наш поезд пришел в Ростов. К этому времени я уже был на ногах. Смеренная, моя температура оказалась в 1-й раз близкой к нормальной (36,7)... Впрочем, и без температуры я мог заключить, что мне лучше, так как чувствовал себя почти совсем бодрым...

По-прежнему питаюсь лишь чаем да куриным бульоном (в поездном ресторане-вагоне).

9 августа – суббота.

В 6½ часов приехали в Козлов, и им начался мой день... Ночью – в 1½ – пришлось проснуться, так как в Воронеже была солидная смена пассажира и весь вагон на время превратился в какой-то шумный базар... Но вскоре все успокоилось...

Наш поезд значительно опаздывает. Одно время он опаздывал до полутора часов!! Это – хроническая болезнь Русских железных дорог. И ведь

нет НИКАКИХ причин для опаздывания. Нет ни заносов, ни размывов, ни ремонта пути... До Москвы поезд успел несколько нагнать, и в Москву мы прибыли с опозданием минут на 30–40 (в 5 часов 15 минут дня).

В 7 часов вечера я выехал из Москвы на Петербург.

1908

790

10 августа – воскр[е]сенье.

Ночью было очень холодно... Я мерз под своим теплым одеялом, лежа в спальном купе... Утро было сырое и холодное... Снова, неизменно Петербург встречает меня холодной, осенней и дождливой погодой... Невольно я вспоминаю об идущих маневрах, на которых находится и наша бригада. Погода им не благоприятствует!!..

В 8½ часов утра наш поезд подкатил к петербургскому вокзалу Николаевской ж[елезной] д[ороги].

Мой багаж, оказывается, не прибыл... Что за оказия!! Но меня успокаивают, говоря, что это обычное явление: в Москве не успевают перевезти багаж с Рязанского вокзала на Петербургский... Действительно, я получил свой сундук только на другой день утром...

11 августа – понедельник.

Бригада еще на маневрах... В Петербурге из офиц[е]ров бригады живут чины бригадного управления (поручик фон Руммель, подпоручик Алексеев и иногда наезжает штабс-капитан Фриде, который на маневры не пошел) и штабс-капитан Шаняевский, наш хозяин собрания, который по горло занят устройством собрания, так как уже 17 августа состоится прощальный обед его высочеству герцогу Мекленбургскому. Приезжал также в СПбербург и зашел ко мне на квартиру полковник Илькевич, который остался заведывающим оставшимися от маневра людьми (между прочим: учебная команда и проч.). Отбой будет 14-го, но бригада возвращается в СПббург 16-го августа. Тогда же я думаю явиться по случаю возвращения из отпуска, так как пока являться некому, и я числюсь в отпуску. Тем не менее уже с сегодняшнего дня я фактически вступил в заведывание музеем (см. 6 июня) и с 8 часов утра ежедневно привожу его в порядок. Два служителя моют, чистят и перетирают вещи и проч. с утра до вечера. Грязи и беспорядка – вдоволь. Последний заведывающий – штабс-капитан Матвеев – до цинизма ничего не делал и все запустил до состояния, весьма близкого к полному развалу. За 40 дней моего отсутствия, в сущности, в бригаде ничего замечательного не случилось. Могу из письма Н. А. Илькевича ко мне (в Пятигорск) сообщить кое-что о прощании герцога с бригадой. Это было 21 июля в Красном Селе:

«...Герцог прощался с бригадой, для чего все батареи были выстроены в среднем эшелоне впереди парка, лицом к палаткам, левым флангом к шоссе. Герцог приехал из Красного, принял рапорт дежурного офицера, затем вместе

с Горбачевичем (вр. командующий бригадой) обошел бригаду, здороваясь, затем стал против середины и сказал несколько прочувственных слов, которые мы накануне прочли в приказе по бригаде (№ 202, п. 3, кстати: приказ весьма “бледный”), но без упоминания фамилий. Нижние чины ответили на благодарность: “рады стараться”, офицеры приложили руку к козырькам. Затем герцог предложил прокричать “ура” государю императору и отельное “ура” в честь бригады со «входящим в ее состав Стрелковым дивизионом». После этих “ура” офицеры и сверхсрочные нижние чины были вызваны на правый фланг, и герцог обошел всех офицеров, благодаря каждого и отдельно благодаря всех сверхсрочных. Наконец, обращаясь к нижним чинам: “Благодарю вас еще раз!” – “Рады стараться, ваше высочество” – “Прощайте, ребята!” – “Счастливого пути, ваше высочество. Ура!” Все бегом выстроились вдоль шоссе и громким «ура» проводили уехавшего бывшего командира. Все было гладко, прилично, честь честью, хотя и весьма быстро: в 10 часов он приехал и в 10½ он уехал. В этот же день в 1 час дня он должен был завтракать у нас в среднем эшелоне. Приглашать его я ездил в воскресенье, 20-го, в Ораниенбаум, где был любезно принят (показал часть дворца, церковь, домик Петра 3, прокатил по парку и довез до вокзала). Завтрак предполагался эшелонный, с тем, что к концу подойдут из других эшелонов желающие выпить бокал шампанского в честь гостя. Завтрак вышел удачный, а еще удачнее его продолжение, так как собрались все офицеры бригады без исключения (виноват, не был Руммель и Алексеев по каким-то причинам). Были тосты, “Чарочка”, “Солдат-солдат” и т. п. К 6 часам “гость”» был “готов” окончательно, так что совершенно было невозможно его задерживать. Он быстро попрощался, целуясь с каждым, забрал в руки шапку и шашку и решительно направился к коляске. “Ура”, марш, по пути подхватили на руки и усадили в экипаж. Покинутое офицерство “побеседовало” еще часа 2 в среднем эшелоне, затем перекочевало в третий и ра[з]брелось по домам уже к ночи. Забыл сказать, что до завтрака офицеры среднего эшелона снялись с герцогом, а затем, когда все собрались, тогда снялись вторично, уже всей бригадой (наличной, конечно!)» (Н. А. Илькевич).

6 августа прошло в этом году в Красном Селе по-прошлогоднему, но под проливным дождем. В красносельской палатке, после обеда, государь разговаривал с нашим новым командиром генерал-майором Головачевым, который пока еще не вступал в командование и только приехал на праздник...

Из более мелких новостей следует упомянуть, что штабс-капитан Шанявский был посажен главнокомандующим на 14 дней на «губу» только за то, что его лошадь на церемониальном марше на высочайшем параде осадил назад.

Подпоручик Голубцов – 25 артиллерийской бригады – прикомандированный к нашей бригаде (сын подполковника Голубцова (1 гвардейско-

го артиллерийского парка)) до сих пор не переведен в гвардию, хотя его сверстники по прикомандированию уже переведены. Говорят, что его не аттестовал полковник Крутиков (командир 6 батареи), так как Голубцов – «шляпа» (это безусловно!!!) и службой не интересуется. За мое пребывание в бригаде – это 2-й случай (впрочем, Голубцов пока еще не откомандирован).

Затем отчислен от Академии Генерального штаба поручик Тимлер, но он хлопочет снова о поступлении в нее... Вот и все, если не считать миллион слухов, рассказов и проч., о которых – я воздержусь.

13 августа – среда.

Был на только что открывшейся в Михайловском манеже международной мебельной выставке (художественно-промышленная выставка). Выставка – бесподобна. Великолепны отделы Германии, Австрии и Швеции.

15 августа – пятница.

Сегодня сделалось известным (передавали по телефону из лагеря), что обед в честь герцога, назначенный на 17 августа (см. 11 августа), не состоится, так как у герцога умер какой-то его родственник и он внезапно выехал за границу. Вот так фунт! А обед уже заказан у Пивато, меню отпечатаны на 17-е и пр. и пр. Пивато заявил, что уже провизия закуплена и, вероятно, мы – офицеры – от этой перемены потерпим рублей 200 убытку...

Вечером видел в Новом летнем театре оп[ерет]ку «Бедный Ионафан». Участвовали лучшие силы (Пионтковская, Тамара и Рутковский).

16 августа – суббота

В 4 часа дня из лагеря прибыл конный строй бригады и стрелкового дивизиона под командой полковника Илькевича, и таким образом зимний сезон 1908–1909 года – начался.

В этом году наше офицерское собрание к приходу бригады из лагеря вполне готово и выглядит уютно и комфортабельно. Зала вполне готова, навешены новые сторы на окна залы, бильярдной и библиотеки, музей приведен к внешнему порядку (см. 11 августа), в столовой на столе – цветы, серебро уже расставлено в витринах и проч. и проч. Этому поразительному благоустройству собрание обязано тем, что уже завтра должен был быть парадный обед в честь герцога, а вследствие этого хозяин собрания штабс-капитан Шанявский и я, как заведывающий музеем, поспешили все приготовить к сегодняшнему дню... В 5–6 часов много офицеров бригады обедало в столовой... Радужный и энергичный хозяин собрания В. С. Шанявский справедливо мог похвастаться прекрасной сервировкой стола, новым «паетентованным» кофейником и вполне налаженной кухней.

17 августа – воскресенье.

По случаю возвращения из отпуска (официально 13 августа, т. е. в отпуску я был 45 дней и приехал на 2½ месяца раньше срока) являлся временно командующему бригадой полковнику Горбачевичу, командиру 1 дивизиона полковнику фон Цур-Милену и командиру 1 его высочества батарее полковнику Мясоедову. Первых двух застал дома.

(Приказ по бригаде от 21 августа с. г. № 234, п. 5.)

18 августа – понедельник.

Начал службу в 1 его высочества батарее... С 8 часов утра пришел в батарею (никого, ибо занятий нет). Днем ездил принимать овес из Госпитального магазина. Почтенное занятие!!!

19 августа – вторник.

Состоялся прием бригады новым бригадным командиром генерал-майором Алексем Дмитриевичем Головачевым. Таким образом, для бригады снова наступает новая эра... Какая? Es liegt eine Schlier drüber, как говорят немцы... В 10 часов утра в большом манеже построился в линии взводных колонн – 1 дивизион бригады, имея на фланге хор музыки. Я – на фланге батареи – командиром 1-й полубатареи. До прибытия командира произвел опрос претензий вр. командующий бригадой полковник Горбачевич. После него появился командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен. Надеюсь, что в последний раз мы были свидетелями того «кабака» и «безалаберности», которую развел в бригаде за свое командование полковник Горбачевич.

«Основ» – он потрясти, конечно, не мог, но командование со слов адъютанта, лишь стереотипными приказами, без авторитетности и без большого здравого смысла – успело принести солидный урожай плохих плодов...

Форма одежды: кителя, в шарфах, орденах и в фуражках с бархатным околышем. Генерал Головачев был в той же форме и с нагрудным знаком (1 его высочества батареи – Нарвский), что является новостью для простых смертных командиров бригады. Ни Ляпунов, ни Беляев нагрудных знаков не носили...

С рапортом встретил командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен. После опроса претензий генерал Головачев обратился к дивизиону со следующей, приблизительно, речью:

«Вступая в командование бригадой, считаю своим прямым долгом предупредить всех нижних чинов о необходимости свято соблюдать присягу и честно и верно служить государю и Отечеству. Всякий солдат должен сам себя соблюдать, а начальствующие из нижних чинов должны предупреждать и оберегать тех нижних чинов, которые свихнулись с доброго пути. Требования бывшего командира бригады его высочества мне хорошо известны, и я ни на йоту от них не отступлю. Если найдется в батарее

скверный солдат, я не пожалею его, а хорошего солдата всегда поддержу и выручу... Поняли ли вы меня, братцы?»

На последний вопрос солдаты ответили: «Так точно, ваше превосходительство!» В начале речи несколько человек солдат кашлянуло, и генерал Головачев, прервав речь, сказал: «Не кашлять!»

После 1 дивизиона начался прием 2 дивизиона и затем Стрелкового. И другим дивизионам генерал Головачев говорил речи, несколько отличающиеся от речи, обращенной к 1 дивизиону. Так как существенного ничего сказано не было, то я ограничиваюсь приведенною мною речью, вполне достаточной для общей характеристики всех речей. Посла опроса всей бригады генерал Головачев пришел в собрание, где к этому времени в зале собрались все офицеры. Перед речью генерал Головачев всем нам поклонился. Начав речь словом «господа», генерал Головачев, обращаясь к младшим офицерам, просил их «сердечно, но и строго относиться к нижним чинам и основательно знать свой взвод», а гг. батарейных и дивизионных командиров просил обратить внимание, чтобы «его слова не пропали даром» и его требования были бы исполнены. Затем генерал Головачев обещал офицерам полное содействие и помощь во всех их нуждах, но в свою очередь просил нас «беречь» его... Вовремя речи он два раза повторил: «славная» и «всем нам дорогая бригада»...

Официальная часть приема бригады этим кончилась, и генерал Головачев через некоторое время уже завтракал в дубовой столовой нашего собрания...

21 августа – четверг.

На сегодня было назначено то, что, обыкновенно, проделывается всеми новыми командирами. Смотр амуничников, артиллерии, обход сараев, конюшен, кухонь и помещений. Так как это касалось 1 дивизиона, то я присутствовал на этом смотре... Амуничники и цехгаузы были осмотрены весьма бегло с беглыми и мало основательными замечаниями – впрочем, весьма любезными и походившими на салонный разговор... Обход сараев и конюшен был «прорезан»... Обход кухонь и помещений – «молниеносный».

25 августа – понедельник.

Утром бригадный адъютант А. А. Фриде запросил по телефону дворец его высочества герцога Мекленбургского – может ли герцог принять чинов бригадного Управления – и получил ответ, что его высочество будет нас ждать в 1 час дня. Дело шло о поднесении жетона бригадного Управления нашему бывшему командиру бригады. Ровно к часу во дворец на Фонтанку собрались: я (бывший квартирмейстер), штабс-капитан Фриде (бригадный адъютант), поручик Ушаков (бывший казначей), поручик фон Руммель

(казначей) и подпоручик Алексеев (квартирмейстер). Мы были в парадной лагерьной форме: в кителях, в шарфах, при орденах... Я и Ушаков в Нарвских нагрудных знаках. Герцог нас встретил в передней и проводил в гостиную; тут мы встали полукругом, и я тотчас же обратился к его высочеству со следующей краткою речью (дословно):

«Ваше высочество!

Мои товарищи и я, имевшие счастье служить в Управлении бригады в то время, когда вы стояли во главе его, почтительнейше просим ваше высочество удостоить нас принятием на память этого жетона, как знак нашей безграничной к вам преданности, любви и уважения».

Герцог взял от меня коробку с жетоном и ответил длинною весьма сердечною речью. Встречались такие выражения: «я приношу вам мою сердечную благодарность», «я глубоко ценю вашу ко мне дружбу» и т. д. Герцог подчеркнул нашу ревностную службу в Управлении бригады, заявил, что «время пребывания» его в Управлении бригады и совместная служба с нами будет служить для него всегда самым приятным воспоминанием. Под конец речи он заметно волновался и закончил речь благодарностью, после чего обошел всех нас, пожимая нам руку. На несколько минут мы присели в гостиной, но вскоре герцог сорвался с места и проговорил:

«Господа, может быть, вам угодно закусить...»

С этими словами он распахнул дверь в соседнюю комнату, где был накрыт обеденный круглый стол на 7 кувертов (герцог ждал еще Е. К. Смысловского) и закусочный стол с водкой и закусками.

Под конец обеда герцог поднял бокал с шампанским за наше здоровье с пожеланием нам успехов в жизни, а я ответил здоровьем хозяина. Кофе с «вишневкой» было подано в гостиную. Перед кофе герцог предложил нам взглянуть на ту вещь, которую он приготовил в подарок для офицерского собрания. Дело в том, что свой подарок герцог хотел передать командиру бригады генерал-майору Головачеву, но г. Головачев уехал в Гатчину; затем – председателю распорядительного комитета полковнику Илькевичу, но Илькевич уже несколько дней с утра до вечера сидит в Военно-окружном суде – в качестве временного члена суда. Тогда герцог решил вручить эту вещь через нашего казначея поручика фон Руммель. Мы все вошли в кабинет, и тут на столе стоял прелестный сюрту-де-табль из трех отдельных вещей с надписью на средней вазе: «Дорогим сослуживцам лейб-гвардии по 1-й артиллерийской бригаде на память от герцога М. Г. Мекленбургского. 1908 год». После того мы попрощались и поблагодарили герцога за его радушный прием, а герцог взаимно благодарил нас за жетон... Я предложил герцогу доставить его подарок – сюрту – в наше собрание, на что герцог, по-видимому, охотно согласился. Сюрту уложили в большой ящик и послали за извозчиками. Пока мы ждали извозчиков в прихожей, герцог все время был с нами до самого на-

шего отъезда. Тут я обратился к герцогу с просьбой, чтобы он дал нам свою фотографическую карточку, а А. А. Фриде попросил карточки и для писарей Управления бригады... Герцог изъявил свое полное согласие...

3½ часа дня...

Ящик с сюрту был установлен на отдельного извозчика, и мы привезли его в собрание, где сдали хозяину собрания штабс-капитану Шанявскому. Наши добродушные остроты, что герцог подарит собранию «вещицу» в виде маленькой фарфоровой собачки, не оправдались, и собрание обогатилось художественной и ценной вещью...

В 7½ часов вечера состоялся обед в честь его высочества герцога Мекленбургского. Записалось на обед человек 70 (все наличные офицеры бригады и несколько человек бывших офицеров бригады). Обеденный стол был накрыт «покоем» (в нашей большой Петровской зале). Закусочный стол (в виде буквы «Т») – в дубовой столовой. На обеденном столе был поставлен новый (подарок герцога) сюрту-де-табль и много хрустальных ваз с живыми цветами. Цветы были разбросаны и по всей скатерти. Вообще вся сервировка стола почти не оставляла желать лучшего. На закусочном столе – посередине – было уложено большое плато из живых цветов с инициалами герцога: М. Г. Обед был от Пивато, и прислуживали у стола татры и наши собранские служителя. Оркестр (в рубашках) был расположен в бильярдной комнате... Форма одежды – китель...

Герцог был встречен в собрании звуками нашего бригадного марша. Он обошел всех собравшихся, здороваясь за руку. Поздоровался и с музыкантами.

Места за столом были расписаны, и на каждом приборе лежал билетик с фамилией. Для герцога в центре стола было приготовлено красное кресло (из карточной комнаты). Первый тост был произнесен командиром бригады генералом Головачевым – увы! весьма плохо. Начал он с заявления, что его высочество провел в бригаде много времени и что служба его представляет единичный случай – пробыть в одной и той же бригаде на всех должностях и затем командовать ею. Уход герцога из бригады генерал Головачев объяснил «силой необходимости», но просил его высочество «верить», что он навсегда останется в нашей среде... При поднесении с этими словами герцогу нашего бригадного жетона генерал Головачев назвал его почему-то «маленьким», а затем желал намекнуть, что герцогу готовится еще и подарок, который пока не готов, наговорил сплошной набор слов, вроде: «Сожалею, что обстоятельства (?) не позволили нам устроить наши (!) дела как следует...» и т. д. В общем, невозможно было понять, что речь идет о неготовом подарке.

«Ура» в честь герцога было подхвачено весьма дружно и гремело в зале несколько минут... Ответный тост герцога был длинный. Начал он с благодарности за тот прием и «привет», который ему оказали, он конста-

тировал факт, что за всю его службу он всегда встречал со стороны своих подчиненных и сослуживцев «сердечное» к нему отношение... Нашу бригаду герцог назвал «скромной» и заявил, что он счастлив продолжать носить наш мундир и потому и впредь будет интересоваться нашею службой и жизнью... Закончил он свой тост за «здоровье, славу, процветание и благоденствие» бригады, ее командира, гг. офицеров и нижних чинов!!

После сих слов герцог обошел все столы, чокаясь с нами. Выпив бокал до дна, герцог его разбил (отломалась ножка).

3-й тост сказал полковник Горбачевич. Тост был коротенький – за герцога как за человека, представляющего чистый идеал справедливости и служебного долга. На этот тост офицеры опять ответили потрясающим «ура».

4-й тост снова сказал г. Головачев и опять весьма плохо, так как в словах его нет прежде всего большого смысла. Прошлый раз генералу Головачеву сказали, что ему следует намекнуть в своей речи о готовящемся подарке герцогу, но из его «намек» ровно ничего не вышло. Теперь генералу Головачеву сказали, что ему пора поблагодарить герцога за его подарок собранию (сюрту-де-табль), а у Головачева это вышло так: «Сейчас мы пили за его высочество как за бывшего командира бригады. Теперь же выпьем как за нашего вечного, дорогого сослуживца (?!...)» Понятное недоумение всех: «Где же тут благодарность за подарок?» – вдруг рассеивается заявлением г. Головачева: «А также (!!!) поблагодарим (а может быть и выпьем – не помню) за подарок, который он нам сделал».

5-й тост герцога был вкратце следующий: «Я сказал, что имею честь считать себя офицером бригады, а потому позволю себе выпить за здоровье бывших офицеров бригады». Этот тост относился к присутствующим на обеде отставному генерал-майору фон Шульману, полковнику Фуфаевскому (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), подполковнику Генерального штаба Колюбакину и капитану Морской артиллерии Мартюшеву.

6-й тост не утерпел сказать полковник фон Цур-Милен. Со свойственной ему витиеватостью, но, впрочем, вполне гладко, он выпил за герцога, который создал ту атмосферу, в которой «расцвело священное чувство товарищества».

7-й тост сказал герцог за «старших своих товарищей»: за бывшего при нем дивизионера генерала Головачева и за нынешних командиров дивизионов. Этот тост был покрыт довольно жидким «ура».

8-й тост был генерала Головачева – за герцога и

9-й тост герцога за «врачей бригады, положивших много труда на пользу бригады».

Это был последний тост. Умело составленная музыкальная программа исчерпалась, а потому музыканты сыграли сперва вставной номер, а потом в залу вошли 4 фанфариста и сыграли «марш с фанфарами».

После обеда герцог прошел в музей, где ему было предложено расписаться в книге почетных посетителей. Пока шла беседа в музее – столы в зале успели убрать, в залу перешла музыка, а в гостиной окончательно было приготовлено для т. н. «траншей», т. е. для, выражаясь грубо, «попойки». Из серебряных вещей на стол была поставлена братина-ковш, куда сперва налили крюшон, а потом наполнили чистым шампанским, и серебряная чарка на золотом блюде – впервые фигурирующая на официальном обеде. Кроме того, на стол было перенесено то плато из живых цветов, которое стояло на закусочном столе в столовой. Описывать ли «траншею»? Тостов было без конца... В герцога влили неимоверное количество шампанского, пользуясь для этого всеми существующими «припевами». Была и «Паулина» (кто виноват?), и кек-уок (Люндеквист, Манакин, Гольдгаар и др.), и канкан (Шаняевский и Фриде), и проч. и проч. Герцог порывался несколько раз уйти, но ему кричали «просим, просим», и он покорно снова садился на диван и снова пил... Наконец в половине третьего ночи он решительно встал и стал со всеми прощаться... Его подхватили на руки и вынесли на руках в переднюю под гром музыки и «ура» и в передней качали. Дав ему одеться в пальто, его снова подхватили на руки и на руках с криками «ура» усадили в коляску, всполошив мирных обитателей и прохожих Литейного проспекта... Музыкантам за игру герцог дал 50 рублей. На кителе у герцога висели 2 жетона: 1) бригадный и 2) Управления бригады, который мы ему поднесли утром.

27 августа – среда.

От 11 – 12½ часов утра в канцелярии 1 его высочества батареи собралось общее собрание офицеров батареи под председательством командира батареи полковника Мясоедова. Были: капитан Гирш (заведывающий ремонтной командой), я, поручик Наркович, поручик Курбатов, поручик Ушаков и подпоручик Манакин. Обсуждению подлежал составленный мной проект о «капитале имени его высочества герцога Мекленбургского». Несколько дней тому назад я узнал, а затем сам командир батареи мне со[о]общил, что он предполагает возбудить вопрос о чествовании ушедшего из бригады герцога Мекленбургского – батареей Михаила Павловича. Предполагалось устроить обед и сняться в общей группе. Я явился противником и того, и другого. Сепаратный обед одной батарее, после того, как мы только что приняли участие в общем бригадном обеде (см. 25 августа), казался мне и нелепым, и нетактичным. Фотографическая группа из офицеров, никогда не служивших с герцогом в одной батарее, – вызвала мое справедливое недоумение.

Взамен этих предположений я составил вышеупомянутый проект о «капитале имени его высочества». Я считал, что этот капитал, как ВЕЧНЫЙ, лучше всего увековечит среди нижних чинов память о пребывании в бата-

рее герцога и явится достойным чествованием нашего бывшего офицера и командира. Мой проект вполне одобрил полковник Мясоедов, а сегодня на общем собрании он был единогласно принят, а затем мы развили и подробно наметили все §§ положения, после чего я к 4 часам дня окончательно составил и проредактировал «Положение о капитале его высочества». Теперь остается испросить согласие герцога утверждения начальника артиллерии, и наша батарея обогатится новым капиталом, из которого наиболее достойные нижние чины будут получать заслуженную ими награду.

Я радуюсь, что инициатором всего вышеизложенного был я и тем принес некоторую пользу дорогой мне 1 его высочества батарее.

29 августа – пятница.

В №№ 133–134 (соединенный №) «Офицерской жизни» от 25 августа 1908 года появилась моя статья «Гвардия и армия», написанная мною по поводу статьи «Разные взгляды», помещенной в №№ 120–121 той же «Офицерской жизни». В этой статье я являюсь сторонником сравнения прав гвардии с армией и выступаю противником г. гр[афа] А. Д. (Краснова), защищающего наши старые привилегии. Статья написана под псевдонимом «В. Черниговский». Статья моя появилась с выпуском некоторых, как выразился почтенный редактор подполковник П. И. Измestьев, «особо острых мест»...

31 августа – воскресенье.

Был на открытии балетных спектаклей в Мариинском театре. Шел балет «Ручей» с г-жей Преображенской в заглавной роли. Я сидел в ложе бельэтажа (№ 19) вместе с полковником Мясоедовым (ком. 1 его высочества батареи), штабс-капитаном Шанявским, поручиком Ушаковым и подпоручиками Алексеевым и Люндеквистом. Все мы были в новых мундирах времен Александра 2. Лично я одел этот мундир в первый раз. (Введены они были 6 декабря прошлого года.)

2 сентября – вторник.

В 10 часов утра начался прием нашей бригады новым (и. д.) начальником артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майором Павлом Платоновичем Потоцким, нашим бывшим бригадным офицером и командиром 4 и 1 его высочества батарей, прослужившим в бригаде 25 лет...

Прием (т.е. опрос претензий) должен был быть на внутреннем плацу старых казарм – всей бригаде со стрелковым дивизионом – вместе. Но непрерывный дождь заставил генерала Потоцкого сделать опрос претензий подивизионно в большом бригадном манеже. Мы были в походной форме – в кителях, при шарфе и в Нарвских нагрудных знаках, при револьве-

рах... Я – за командира 1 его высочества батареи, так как наш командир полковник Мясоедов исполнял на параде обязанности командира 1 дивизиона. В строю 1 его высочества батареи – один поручик Наркович. Генерал Потоцкий обошел все линии взводных колонн, затем произвел обычный опрос претензий, и когда мы снова встали в строй, он неожиданно спросил меня (как командира 1 его высочества батареи) – есть ли у нас в батарее «орудийный расчет». Я ответил, что нет. Тот же вопрос был задан командующему 2 батареей (капитану Альтфатеру) и командующему 3 батареей – армии капитану Буяковичу (прикомандированный офицер). И они ответили «нет», на что генерал Потоцкий заметил, что следует всегда иметь готовый орудийный расчет, хотя бы по 3 № на орудие. Этим опросом кончилась вся церемония приема 1 дивизиона. Никаких речей не было... После опроса был беглый обход кухонь, помещений и конюшен. При обходе 2 стрелковой батареи я был очевидцем следующего забавно-грустного случая: совершенно неожиданно для всех Потоцкий схватывает первого попавшегося ему на дороге солдата и, показывая ему на большой портрет Суворова, спрашивает его: «Ну-ка – кто это такой?» Солдат несколько секунд тупо смотрит на портрет полководца и вдруг выпаливает: «Государыня императрица».

Табло!!..

Около часу дня в собрании бригады состоялся общий завтрак для всех офицеров с новым начальником артиллерии во главе. Столы были накрыты «покоем» в Петровском зале. На столах, по обычаю, стояли живые цветы. Закуска и водка были поданы на столе: отдельного закусочного стола не было; шампанского не было. Вовремя завтрака играл оркестр музыки, и вставным номером были «фанфары». Перед концом завтрака командир бригады генерал Головачев выпил за здоровье генерала Потоцкого – за «старого бомбардира», возвратившегося к нам в бригаду, а генерал Потоцкий выразил уверенность, что «общими дружными усилиями» нам удастся поддержать бригаду на должной высоте и славе. Оба тоста были дружно встречены «ура». После тоста генерала Головачева музыканты сыграли марш 4 батареи, соч[инения] Мейбаума (бывшего командира 2 дивизиона нашей бригады), а после тоста – лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, соч[инения] герцога Г. Г. Мекленбургского. После завтрака генерал Потоцкий расписался в книге посетителей в музее нашей бригады и затем уехал из собрания, благодаря нас за прием...

Вечером у нас в бригаде в хоре певчих (солдат 2 стрелковой батареи) один солдат заболел настоящей азиатской холерой. Это первый случай за мое пребывание в бригаде. Говорят, что и раньше холера не проникала к нам в казармы. А теперь проникла... Заболел он часов в 7–8 вечера. Едва к 10 часам вечера удалось добыть нашего единственного врача д-ра Андрее-

вича (Протасов в отпуску, а Демидов в командировке). В Николаевском госпитале, куда повезли больного, – не приняли, и только к 11 часам он нашел приют в Семеновском госпитале... Через несколько дней он умер.

3 сентября – среда.

В № 932 «Разведчика» от 2 сентября 1908 года помещена моя маленькая заметка под заглавием «Флаг вместо покрова», в которой я предлагаю покрывать гроб военно-служащего не покровом, а национальным военным флагом.

Заметка подписана моим псевдонимом «В. Черниговский».

От 2 часов дня участвовал в комиссии по осмотру потолков в «Зеленых связях». Вышло крупное недоразумение. После известной катастрофы в Кавалергардских казармах полковник Илькевич подал рапорт о необходимости технического осмотра «Зеленых связей», так как наш дом строился тем же жидовским обществом «Строитель». Это ходатайство было, оказывается, отклонено, и инженеры решили освидетельствовать только потолки (?!?!). Все найдено восхи[ти]тельным (!). В комиссии были: инженеры полковник Сеген, капитан Иванов (строитель обвалившейся Кавалергардской казармы), капитан Попов (строитель нашего дома), я и подпоручик Алексеев (бригадный квартирмейстер). Кроме того присутствовали: капитан Гирш и капитан Явид. После обхода мы все подписались под актом, составленным у меня на квартире.

5 сентября – пятница.

Если я не отмечу в своем дневнике нижеследующего факта, то он так и пропадет для будущих офицеров бригады. Характеристика настоящих офицеров потеряет несколько штрихов, а вся вообще бытовая картина бригады немного побледнеет. Полковник Смысловский, бывший командир нашей 4 батареи и получивший этим летом новое назначение – командира 1 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады, отказался от товарищеского подарка и жетона от бригады. Равным образом он не пожелал принять жетона, обеда и образа (от нижних чинов) от 4 батареи... Его мотивы – в точности не известны. Намекают, что он не хочет видеть росписи на подарке т. н. «дрейфусов», но лично я отнюдь не предполагаю, чтобы Е. К. Смысловский действовал строго сознательно и строго по убеждению... Его убеждения всегда были довольно шатки и несерьезны. Его главное убеждение: не забывать о себе и поменьше думать о других и в особенности о бригаде и товарищах...

ПРИМЕЧАНИЕ 21 СЕНТЯБРЯ: Полковник Илькевич мне передавал (председатель распорядительного комитета), что он в свое время получил от Смысловского письмо с просьбой не выкладывать ему подписного листа на подарок, на что комитет весьма любезно ответил, что бригада желала бы почтить его долгое пребывание в бригаде и,

кроме того, желательно знать причины – почему он отказывается от подарка. Письменного ответа о «причинах» полковник Смысловский не дал, но в разговоре с Илькевичем сказал, что он не считает себя вправе принимать подарок от бригады, так как он не чувствует никакой связи с ней, что он «разошелся» с бригадой и не знает многих офицеров даже по фамилиям (!!!????) и, кроме того, даже его сослуживцы и товарищи его чем-то обидели (?!). В числе этих «обидчиков» между прочим назвал Л. Ф. Гартунга – его старого приятеля. Другие фамилии мне неизвестны. А все-таки «темна вода в облацех»!

7 сентября – воскресенье.

Около 1 часу дня присутствовал (в летней парадной форме) при приводе к присяге в Сергиевском всей артиллерии соборе вольноопределяющегося 1 его высочества батареи канонира Бориса Никитина. Судьба этого господина не совсем обычная. Он окончил Тифлисский кадетский корпус, а затем Институт путей сообщения и 1 год прослужил на Северо-Западной железной дороге в чине коллежского секретаря. Военскую повинность он отбывать не обязан и поступил к нам по собственному желанию, мечтая сдать экзамен при артиллерийском училище на офицера и служить у нас же в бригаде. Он сын командира 1 Армейского корпуса – генерала Никитина – порт-артурского героя.

Был на кинематографическом спектакле в «Экспресс-театре» в Пассаже. Вот полицейское фарисейство! Сегодня «постный» день, все увеселения и всякая музыка запрещены, но «кинемо» разрешены – с условием, что программа будет исключительно «спортивная» (хорошо, что не божественная!). Так и было объявлено на экране – большими буквами. Так и было исполнено, но... за маленькими исключениями. Например, такой сюжет: двое играют в шахматы, и пока «муж» думает – «друг дома» бежит к его жене, целует ее и даже уводит домой – для более интересного времяпровождения. Это спорт? Конечно, ответит русская полиция, п[о]лучившая взятку. В программе же стоит: «Спортивный конкурс шахматистов». Жалкая комедия!!!!!!

9 сентября – вторник.

Сегодняшний день, может быть, последний в моей жизни. Моя болезнь – аппендицит (воспаление червеобразного отростка слепой кишки) – настоятельно потребовала хирургического вмешательства. Из моего дневника ясно видно, что я за всю жизнь, главным образом, заболел (на весьма короткое время) почти исключител[ь]но «животом». Терапевт д-р С. В. Посадский не признавал у меня ни разу аппендицита. Только 15 мая он впервые бросил фразу: «Вам бы следовало посоветоваться с хирургом». Я начал навещать известного хирурга профессора Иосифа Францевича Земацкого и мало-по-малу совершенно убедился в полной необходимости операции (удаление червеобразного отростка слепой кишки). Кое-что об этом я заносил в своем дневнике (см. 2 июля, 9 июля и 31 июля). Последний припадок на Кавказе (см. 31

июля) – последнее властное предостережение: «не медлить с операцией». Я решился и не медлил. Я ждал только открытия больницы Покровской общины сестер милосердия, где оперирует профессор Земацкий. Сегодня она открылась, и я – один из первых больных... (Одновременно со мной поступил еще один больной: итого два.) Больница выглядит еще не готовой. Верхний этаж еще и вовсе не готов. Всюду чистят, моют, прибирают...

Я выехал из дому в 9½ часов утра и на двух электрических трамваях (№№ 10 и 4) быстро доехал до «Общины» (Вас[ильевский] остров, Большой пр., д. 77. Телефоны: 21011 и 23734). В начале 12-го часа приехал профессор Земацкий, около 12 он вместе с доктором Мартыновым осмотрел меня и назначил операцию на завтрашнее утро...

Что день грядущий мне готовит?

Я помещаюсь в отдельной комнате с платой по 40 рублей за 2 недели. За операцию профессор Земацкий взял с меня 250 рублей, включая в эту плату и гонорар его ассистентам...

День прошел среди приготовлений к операции. Швейцар выбрил мне весь живот, затем я принял ванну и поставил себе клизму. Вечером пришел д-р Мартынов, осматривал меня и записал кучу сведений в особый лист.

Вечером же получил телеграмму:

«Вспоминаем, желаем благополучного окончания и скорого возвращения».

Альтфатер,

Шанявский,

Алексеев,

Ушаков.

Милые товарищи!!!

10 сентября – среда.

Ночь провел превосходно. Я думал, что ожидание операции не позволит мне крепко спать, но я спал как сурок!

Утром – снова клизма и измерение температуры. Моя нормальная температура – 36,55.

11 часов 47 минут... Меня позвали в операционную...

<...>

Жив курилка!! А посему занесу факты и впечатления. Хлороформировал меня д-р Александр Васильевич Мартынов. Теперь дают смесь хлороформа с кислородом, и благодаря этому хлороформу идет гораздо меньше, чем прежде. На меня пошло, как говорят, 18 гран (цифра средняя), а раньше нужно было давать гран 40–50. Одновременно с хлороформированием д-р Войцех Пржмыславович Козловский начал мыть мой живот щеткой и проч.

Состояние под действием хлороформа распадается на 3 периода. 1-й период: медленное усыпление, состояние скорее приятное, чем неприятное, я все слышал и чувствовал, что делали и говорили, сознание почти полное, мог сам говорить, сладкая истома. Переход ко 2-му периоду совершился незаметно. 2-й период – крайне неприятный. Страшный шум в ушах со звоном, мысль еще работает. Лично я думал: «Вот оно – потеря сознания, гипноз... Громадное нравственное страдание, если так страдать будут “там” и “вечно”, то я теперь понимаю весь этот ужас... Полная беспомощность. Полное и ясное сознание беспомощности и отсутствия “выхода” из этого состояния». Но, к счастью, выход из этого состояния наступил, и весьма скоро, и я перешел в 3-й период – полную нирвану...

Пробуждение было мгновенное, приятное. Мысль сразу стала вполне ясной. Тотчас же я услышал симпатичный голос профессора Земацкого: «Ну-с, операция кончена, все хорошо». Но на самом деле кончено было не совсем, так как я проснулся слишком рано и д-р Козловский доканчивал зашивку живота. Эти минуты испортили все мое настроение. Я кричал и требовал хлороформа и морфия. Но когда все кончилось и меня забинтовали, я почувство[в]ал себя в превосходном состоянии духа. Самочувствие – великолепное... Когда меня уложили в постель, было около 1 часу дня. В начале сильно побаливал живот, через 2–3 часа сильная боль прекратилась и перешла в сносную, часов с 5–6 вечера появилась мучительная рвота (последствие хлороформа), отдававшаяся ужасными болями в животе. Пить мне не давали, а давали только лизать мокрую ложку. Вспрыснули морфий, но он не произвел никакого действия. Температура – 36,8.

При операции были еще 2 врача: 1) Лимановский и 2) Михайлов (держал мой пульс).

11 сентября – четверг.

Ночь с 10 на 11 провел мучительную. Лежать на спине было больно и нестерпимо. Вою ночь и все утро тошнило и рвало. Температура – 37–37,1.

2 раза в день навещает врач больницы д-р Мартынов. Сегодня был у меня и профессор Земацкий. С 6 часов вечера опять появилась тошнота и рвота.

12 сентября – пятница.

Ночь с 11 на 12 провел, как предыдущую, почти без сна. Небольшое облегчение дал мне профессор Земацкий, разрешив лежать и на боку. Терпеть дольше – лежать все время на спине – я больше не мог. Самочувствие неважное, тошнота и изредка рвота. Принимал кокаин. Т. 36,8–36,6.

В № 933 «Разведчика» от 9 сентября 1908 года в «Обзоре печати» упомянутая моя статья о «Гвардии и армии» (см. 29 августа). Вступление к ней гласит: «В № 133 и 134 “Офицерской жизни” г. В. Черниговский обсуждает наболевший у нас вопрос “о гвардии и армии”. Полемизируя с гр[афом] А. Д., отстаивавшим

права в “Русском инвалиде”, г. Черниговский говорит...», затем мелким шрифтом выписана большая часть моей заметки. Никаких комментариев нет.

13 сентября – суббота.

Ночь с 12 на 13 провел лучше предыдущих, но о хорошем сне и речи быть не может. Спишь – вернее забываешься – кошмарным сном на полчаса – самое большое. В 12 часов ночи (с 12 на 13) была рвота, но потом тошнота прошла. Утром самочувствие немного лучше. Т = 36,5 – 36,75. Пока никого не принимаю, так как все меня утомляет. Товарищи по бригаде узнают обо мне по телефону. Вчера был подпоручик Люндеквист, но я его не принял, так как чувствовал себя совсем плохо. Заходил на минуту профессор Земацкий: нашел, что все идет хорошо.

1908
805

14 сентября – воскресенье.

Т = в 7 часов утра – 36,55 (вполне нормальная). Ночь провел сносно, самочувствие удовлетворительное, тошнота совершенно прошла. Так как на запросы товарищей о моем здоровье (по телефону) я сказал, что мне лучше и меня можно видеть, то уже сегодня ко мне заезжали:

полковник Мясоедов (мой командир батареи),
– Илькевич,
подпоручик Алексеев,
– Жиленков и
– Щербов-Нефедович.

Вечером Т – 36,8.

15 сентября – понедельник.

Ночь проспал хотя и урывками, но в общем весьма прилично. Т – 36,2.

Сегодня в первый раз выпил чашечку бульона и ел кисель. Днем у меня были Ушаков и Шанявский. Последний привез мне живые цветы.

Вечером Т – 36,7.

Самочувствие хорошее. Читал целый день («Исповедь» М. Горького и др.).

Афоризмы

Да ведь не в прадеде сила, а в правде, и вчера – уже не воротится, тогда как завтра – наверное будет!

Что есть монах? Человек, к[о]торый хочет спрятать от людей мерзость свою, боясь силы ее.

Эх, милый, кабы нашего брата, живого человека, да не извела в давнее время православная церковь – не то бы теперь было в русской земле (странник Иегудиил).

Хроника 1908 г.

(«Исповедь» М. Горького, т. 23 «Знания»)

16 сентября – вторник.

Т – 36,2 – 36,15.

17 сентября – среда.

Т – 36,4.

Посетили меня двое: поручик В. Н. Наркович и вахтер «Зеленых связей» старший нестроевой Ляненко.

18 сентября – четверг.

Часов в 12 дня профессор Земацкий снял с меня швы, или, выражаясь проще, вытянул из моего живота 8 ниток. Операция – пустяшная и происходила в постели.

Т – 36,5–37,15.

Были: штабс-капитан Чернявский,
поручик Курбатов,
поручик Ушаков (вторично),
штабс-капитан Шанявский (вторично) и
поручик Бутовский.

Сегодня мне исполнился 31 год.

19 сентября – пятница.

Температура – 36,9. Поставили клизму, но тем не мене[e] к вечеру температура повысилась до 37,7.

На ночь принял слабительное.

20 сентября – суббота.

В 5 часов утра сильно прослабило, но тем не менее смиренная после того температура показала уже весьма высокую цифру – 38,15. Д-р Мартынов осмотрел мою рану и определил подкожный нарыв, который необходимо будет вскрыть, но в 12 часов приехал профессор Земацкий, снова тщательно меня осмотрел и решил, что под швами, конечно, есть несомненный нарыв, но можно ограничиться компрессами и разрезать кожу не надо. Таким приговором он пока меня сильно утешил, так как сама по себе неприятная операция в свою очередь сильно затягивает полное выздоровление, а главное – полное заживление раны.

Днем меня навестили: полковник Смысловский (делающий, кстати, визиты прощальные перед окончательным своим отъездом в Варшаву) и капитан Альтфатер.

Т – 37,5.

21 сентября – воскресенье.

Т – 36,85.

Были: поручик Болецкий,
полко[в]ник Илькевич (вторично) и
штабс-капитан Фриде.

Вечером Т опять вскочила на 38,15...

22 сентября – понедельник.

Т – 37,4.

После 11 часов часа полтора меня знобило, голова тяжелая и горячая, самочувствие неудовлетворительное, жажда и полное нежелание читать (все эти дни я читал с утра до вечера). Рана болит. Около 3 часов пришел ко мне профессор Земацкий, осмотрел и на этот раз решил сделать надрез в коже (см. 20 сентября). Вспрыснули мне кокаин, закрыли глаза полотенцем, сделали нужный разрез и выпустили десертную ложку гнойной крови. Вся операция почти безболезненная.

Неважное самочувствие продолжалось все же весь день, а Т вечером дала наибольшую (пока) цифру за мою болезнь – 38,4.

23 сентября – вторник.

Т – 37–37,2.

Вчерашняя операция (см. 22 сентября) повела за собой ежедневную перевязку с выпуском гнойной крови и проч., а это в свою очередь неизбежно отодвигает день окончательного моего выздоровления. О минимальном сроке болезни – 3 недели (т.е. о выходе из больницы 1 октября) уже и думать не стоит. Нужно считать за счастье, если я не просижу здесь более одного месяца, т.е. выйду 7–9 октября.

Навестили меня двое: поручик фон Руммель и
– Ушаков (в третий раз).

На ночь принял слабительное.

24 сентября – среда.

Т = 36,2–36,4.

Были у меня: капитан Петрушевский,
поручик Курбатов (вторично),
подпоручик Мартынов (племянник здешнего хирурга
А. В. Мартынова) и
поручик Наркович (вторично).

Хроника 1908 г.

25 сентября – четверг.

Т = 36,2–36,2.

Сегодняшний день был весьма богат посетителями и даже посетительницами. Бригада положительно меня балует.

Были: г-жа Ушакова (мать нашего офицера),
полковник Пономаревский-Свидерский 2 с супругой (привезли живые цветы),
капитан Явид с супругой (привезли живые цветы),
подпоручик Манакин,
полковник Вешняков (привез живые цветы),
штабс-капитан Шаняевский (в третий раз).

В день праздника Управления бригады послал на имя штабс-капитана Фриде (бригадного адъютанта) телеграмму:

«Сердечно поздравляю тебя, господ офицеров и писарей Управления бригады с праздником».

Савонько.

26 сентября – пятница.

Т = 36,1–36,45.

Были: подпоручик Алексеев (вторично),
– Щербов-Нефедович (вторично),
поручик Перлик и
– Древинг.

27 сентября – суббота.

Т = 36,05–36,5.

Сегодня в первый раз при утренней уборке моей комнаты меня вынесли не на носилках (как это имело место все эти дни), а выкатили на катальном кресле, на которое я с некоторою помощью сам сел...

Посетил меня Н. Н. Ушаков (в 4-й раз).

На ночь принял слабительное.

28 сентября – воскресенье.

Т = 36–36,4.

Сегодня знаменательный день 200-летнего юбилея нашей победы над шведами под деревней Лесной. 1 его высочества батарея нашей бригады, как преемница Бомбардирской роты Преображенского полка, принимает самое деятельное участие в этом юбилее. Увы и ах! Моя болезнь лишила меня возможности быть участником всех торжеств и очевидцем юбилейных празднеств. Тем не менее, с помощью сослуживцев по батарее я себе-

ру для нашего бригадного музея все, что будет касаться до этого юбилея, а в свой дневник я занесу впоследствии все те факты, которые не должны пропасть для нашей «бытовой» истории бригады. На имя командующего батареей капитана фон Энден (командир батареи полковник Мясоедов и капитан Гирш уехали в д. Лесную на открытие памятника) послал следующую телеграмму:

«Сердечно поздравляю вас, господ офицеров и нижних чинов с двухсотлетним юбилеем славной победы наших предков – бомбардиров над шведами под Лесной».

Савонько.

В первый раз часа 3 просидел в кресле. Дренаж (резиновая трубка) из живота вынули, но рана побаливает. Изрядная слабость.

29 сентября – понедельник.

Т = 36,15–36,7

До обеда взял ванну в 30° (10 минут).

Вот режим Покровской больницы. День начинается с 6–7 часов утра. В это время больному приносят термометр для измерения его утренней температуры. Затем дают умываться, чай и, если можно, больного выносят в другую комнату, а ванну убирают и освежают. До обеда (чаще всего в 10–11 часов утра) совершает свой утренний обход д-р Мартынов. В 12 часов обед из 3 блюд, по воскресеньям и праздникам к супу дают большой пирожок (почти пирог), а в будни – ситный и черный хлеб. Ситный дается и к чаю. В 4 часа – чай. В 5 – вечернее измерение температуры и в 7 часов вечера – ужин из тех же блюд, что были и на обеде, но без 1-го (т.е. без супа). Чаще всего между 7 и 8 часами вечера – вечерний обход д-ра Мартынова, но иногда (редко) он по вечерам и не бывает. В 8–9 часов вечера больные уже спят. Профессор Земацкий приезжает по понедельникам, средам и субботам, а также в дни операций и на другой день после своих операций. В общем, он бывает в больнице почти ежедневно и хоть на минуту заходит к своим пациентам. Белье (постельное и носильное) меняют два раза в неделю и, если нужно, чаще... В общем содержание и уход вполне удовлетворительные, и я лично вполне ими доволен.

30 сентября – вторник.

36,2–36,55

До обеда взял ванну (29°, 15 минут).

Посетили меня: поручик Барановский,
– Снигиревский,
– Гущинский.

На ночь принял слабительное.

ХРОНИКА 1908 г.

1 октября – среда.

Т = 36–36,3

Днем сидел в кресле и даже немного прошелся по коридору. Сегодня здешняя больница празднует свой престольный праздник (Покров), но этот день ничем не отразился на нас – больных... Не будь календаря – я бы и не знал, что сегодня больница – именинница!..

2 октября – четверг.

Т = 36–36,3.

Днем я подвергся маленькой операции, ничего общего не имеющей с аппендицитом... Еще в Пятигорске – в июле – у меня на пальце левой руки появилось маленькое сосудистое воспаление у ногтя. Я не обратил на него внимания, но потом с пальцем становилось все хуже и хуже, и уже в Петербурге я стал ежедневно ходить на перевязку в наш лазарет. Наши врачи называли мой нарыв ногтеодом, воспалением сосудов и проч. Два раза мне срезали гнойник, но палец не проходил, а скорее ухудшался. Здесь в больнице профессор Земацкий попробовал полечить его терапевтически: мне делали ванны для левой кисти и ежедневно перевязывали палец. Без перемены! Сегодня д-р Мартынов принял радикальные меры: под кокаином он выжег мне раскаленной иглой всю набухшую кровью шишку до кости...

В полдень был у меня капитан Альтфатер (вторично), а вечером поручик Ушаков (в 5-й раз).

3 октября – пятница.

Т = 36,1–36,4. В 11 часов утра – ванна.

Цитаты:

Для умного, наблюдательного человека путешествие полезнее многих десятков хороших книг.

Д. Писарев. (История развития европейской мысли)

Воришек бьют за те самые проступки, которые сходят с рук вора.

Д. Писарев

4 октября – суббота.

Т = 36,35–36,5. Ванна и слабительное.

5 октября – воскресенье.

Т = 36–36,5. Ванна.

Посетили и по долгу сидели у меня:
полковник Илькевич (в 3-й раз) и
поручик Ушаков (в 6-й раз)

6 октября – понедельник.

Т = 36,1–36,35. Ванна.

1908

811

Вечером были: поручик Снигиревский (вторично) и
– Наркович (в третий раз).

7 октября – вторник.

Т = 36,35–36,75. Ванна и слабительное.

8 октября – среда.

Т = 36,3–36,75.

9 октября – четверг.

Т = 36,3–36,5. Ванна.

Сегодня – ровно 1 месяц (30 дней), что я вступил под гостеприимный кров Покровской больницы. Рана моя еще гноится и побаливает. Но последние 5 дней я уже довольно свободно разгуливаю по коридору и днем на кровать не ложусь. Этот месяц прошел почти незаметно: чтение и частые посещения дорогих товарищей были тому главной причиной. Я прочел за это время около 25 книг (Герцен, Гарин, Гете, Писарев, Горький, Маркевич и др.) и набросал довольно длинную статью об отставных и «нестроевых» офицерах...

10 октября – пятница.

Т = 36, 15–36,7.

11 октября – суббота.

Т = 36,3–36,6. Ванна и слабительное.

Посетил меня поручик Перлик (вторично).

12 октября – воскр[е]сенье.

Т = 36,3.

Вот итог посещения меня моими товарищами по бригаде:

- 1) полковник Илькевич (3 раза),
- 2) – Мясоедов,
- 3) – Смысловский,
- 4) – Вешняков,

- 5) капитан Альтфатер (2 раза),
- 6) – Петрушевский,
- 7) полковник Пономаревский-Свидерский 2,
- 8) капитан Явид,
- 9) штабс-капитан Шанявский (3 раза),
- 10) – Чернявский,
- 11) – Фриде,
- 12) поручик Ушаков (6 раз),
- 13) – Наркович (3 раза),
- 14) – Курбатов (2 раза),
- 15) – Бутовский,
- 16) – Болецкий,
- 17) – фон Руммель,
- 18) – Древинг,
- 19) – Перлик (2 раза),
- 20) – Барановский,
- 21) – Снигиревский (2 раза),
- 22) – Гуцинский,
- 23) подпоручик Люндеквист,
- 24) – Алексеев (2 раза),
- 25) – Жиленков,
- 26) – Щербов-Нефедович (2 раза),
- 27) – Мартынов,
- 28) – Манакин.

Кроме того, были 3 дамы:

- 1) г-жа Ушакова,
- 2) – Пономаревская-Свидерская и
- 3) – Явид

и вахтер «Зеленых связей» – Ляненко.

Итого: 28 офицеров бригады,
3 дамы (бригадные) и
1 нижний чин.

Так как многие офицеры были по несколько раз, то на этих 28 офицеров приходится всего 45 посещений. Эта цифра красноречиво свидетельствует о высоких душевных качествах офицеров нашей бригады.

А вот итог моим расходам на операцию и лечение:

Профессору Земацкому	250	руб.
За 33 дня – комната –	89	руб.
Сестрам наградные	15	руб.
За наркоз	3	руб.

Чайные двум служителям 3 руб.

Итого: 360 рублей.

А если прибавить сюда плату за визиты врачам (Земацкому и Козловскому) ДО операции и прочие мелкие расходы, то весь аппендицит въехал мне в добрые 400 рублей!..

1908
813

В 11 часов утра я покинул Покровскую больницу. Рана моя еще не зажила, боль все еще чувствуется, но профессор и д-р Мартынов находят, что я могу обойтись без госпитального лечения... Вместе с тем я прекращаю бюллетени о моем здоровье.

13 октября – понедельник.

Сегодня день рождения великого князя Михаила Николаевича. В этот день всегда у нас служили молебен и занятий не производили. Еще вчера многие офицеры напоминали об этом в Управление бригады, но – ... тщетно. Утром все занятия в бригаде производились, и только в 10 часов утра Управление бригады удосужилось дать знать по телефону, что сегодня «праздник и занятий не производить». А молебен проморгали вчистую. Я с утра был на занятиях в батарее (я буду заведывать молодыми солдатами).

Обыкновенно после такой серь[е]зной операции, как та, которую я перенес, офицеры берут отпуск на 2–4 месяца (Фриде, Рейнталь), но я прошу только в рапорте освободить меня на 2 месяца от нарядов (я не могу бегать по лестницам и стягивать рану револьверным ремнем) и на 6 месяцев от верховой езды, гимнастики и фехтования.

16 октября – четверг.

Приказ по бригаде № 290, п. 9:

«Штабс-капитана Савонько, выздоровевшего и прибывшего 12 сего октября из больницы Покровской общины сестер милосердия, полагать налицо. Названный обер-офицер, согласно представленного им медицинского свидетельства за № 54, освобождается мною от всех нарядов по службе в течение 2 месяцев, т.е. по 11 декабря с. г. включительно, и от верховой езды, гимнастики и фехтования в течение 6 месяцев, т. е. по 12 апреля 1909 года. Вместе с сим разрешаю названному обер-офицеру не присутствовать вовремя офицерской езды в ложе манежа».

Командир бригады генерал-майор Головачев.

1 сентября этого года состоялось в бригаде поднесение образа сверхсрочнослужащими нижними чинами бригады бывшему командиру его вы-

сочеству герцогу М. Г. Мекленбургскому. Так как никто из гг. офицеров при этом событии не присутствовал, то я обратился к нашему бригадному писарю Дятлову, чтобы он изложил мне письменно «все событие». Привожу его сочинение полностью – без всяких поправок:

«По получении бывшим командиром лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады генерал-майором, ныне генерал-лейтенантом его высочеством герцогом М. Г. Мекленбург-Стрелицким нового назначения, между сверхсрочнослужащими нижними чинами лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и 1 гвардейского артиллерийского парка возникла мысль поднести его высочеству образ, на что было испрошено соизволение его высочества и затем была открыта подписка. На собранные деньги в сумме около 90 рублей в магазине Морозова был заказан серебряный образ-складень с изображением ликов Спасителя, св. архистратига Михаила и св. великомученика и победоносца Георгия, с надписью на обратной стороне: “Бывшему командиру лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады генерал-лейтенанту его высочеству герцогу Михаилу Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому от сверхсрочнослужащих нижних чинов лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и 1 гвардейского артиллерийского парка”. 1 сентября с. г. в 12 часов дня сверхсрочнослужащие нижние чины – подпрапорщики: Бекадоров, Попов, Шаевский, Артемьев, Юрманов, Семенов, Пыжов, фельдфебель Матвеев, бригадные писаря Дятлов и Александров, надзиратель больных Нечитайло, фейерверкер Анохин, подпрапорщик Серегин, фейерверкеры: Гашко, Лукин, Зимин, Очередько, Наливайко и Яхно, фельдшера Костельцев и Янович, ст[арший] нестроевой Тимофеев, бригадный кузнец Шапошников и подпрапорщик Ларченко – в мундирах, при оружии – для поднесения образа собрались во дворце его высочества и построились в гостиной. Войдя в гостиную, его высочество поздоровался со сверхсрочнослужащими, и вслед за ответом на приветствие, подпрапорщик Артемьев преподнес его высочеству хлеб-соль и образ со следующими словами: “Ваше высочество! Сверхсрочнослужащие нижние чины лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и 1 гвардейского артиллерийского парка, проникнутые чувством глубокой благодарности, почтительнейше просят вас принять от них благословение, которое да хранит вас от всех бед и несчастий во всей вашей жизни”. Его высочество, приняв хлеб-соль и образ, изволили обратиться к сверхсрочнослужащим приблизительно со следующими словами: “Благодарю вас, братцы, за образ, которым вы меня благоволили (?), он будет мне постоянным напоминанием о совместной многолетней моей с вами службе в рядах родной лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, мундир которой я и теперь имею честь носить. Я рад еще видеть вас всех и еще раз поблаго-

дарить за вашу верную службу. Ваша постоянно усердная и честная служба всегда служила всем нижним чинам лучшим примером честного и добро-совестного исполнения долга перед царем и Отечеством. Надеюсь, братцы, что вы и впредь будете так же честно и усердно нести царскую службу на славу дорогой нам лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Я не прощаюсь с вами, братцы, а говорю “до свидания”, так как надеюсь видаться с вами и впредь при моих посещениях бригады. Еще раз благодарю вас за службу”. Поблагодарив за службу, его высочество предложил всем нижним чинам закусить. Стол был накрыт в подвальном помещении в людской комнате. Угощение состояло из столовой водки, пирогов, начиненных мясом, рыбою и вареньем, бутербродов с икрой, ветчиной, колбасой, сыром и проч., и затем был предложен чай с печеньем. К столу изволил прибыть его высочество и пил за здоровье державного шефа бригады и за славу и процветание ее, гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и 1 гвардейского артиллерийского парка, а также за здоровье сверхсрочнослужащих, на что сверхсрочнослужащие отвечали дружным “ура”. Здесь же его высочество удостоил расспросами подпрапорщика Серегина относительно его в юнкерское училище, вспомнил отсутствующих, как например подпрапорщика Ивко (был болен), справился о фамилиях недавно зачисленных на сверхсрочную службу и проч. и затем его высочество, еще раз поблагодарив за службу и попрощавшись, изволил отбыть к себе».

(Сообщил Дятлов).

Для ясности и во избежание недоразумений считаю нужным сообщить – какие именно должности занимают сверхсрочнослужащие, упоминаемые в рассказе Дятлова:

подпрапорщик Бекадоров фельдфебель 1 его высочества батареи,

–	Попов	–	2	батареи,
–	Шаевский	–	3	–
–	Артемьев	–	4	–
–	Юрманов	–	5	–
–	Семенов	–	6	–
–	Ивко	–	1	стрелковой батареи,
–	Пыжов	–	2	–

фельдфебель Матвеев хора музыки,

бригадный писарь Дятлов бригадный писарь,

– Александров вахтер казарм,

надзиратель больных Нечитайло старший в школе солдатских детей,

фейерверкер Анохин взводный 1 его высочества батареи,

подпрапорщик Серегин – –

фейерверкер Гашко – 2 батареи,

– Лукин – 4 –

–	Зимин	– 6	–
–	Очередько	– 1	стрелковой батареи,
–	Наливайко	– 2	–
			(старший в ремонтной команде),
–	Яхно	–	2 стрелковой батареи,
фельдшер	Костельцев	–	аптечный фельдшер,
–	Янович	–	фельдшер,
старший нестроевой	Тимофеев		вахтер Литейного дома,
бригадный кузнец	Шапошников		бригадный кузнец,
подпрапорщик	Ларченко		1 гвардейский артиллерийский парк,

17 октября – пятница.

В соединенном номере «Офицерской жизни» (№№ 139–140) от 13 октября с. г. помещена моя статья: «О суде общества офицеров», написанная мной на Кавказе по поводу статьи полковника фон Бюнтинга, ратующего в «Русском инвалиде» за отмену выборного суда. Я стою за выборный суд. Статья подписана моим псевдонимом «В. Черниговский».

Днем вместе с поручиком Снигиревским осматривал новую подводную лодку «Почтовый», стоящую у пристани великого князя Алексея Александровича у Николаевского моста. Лодка эта системы инженера Джевецкого, построена в СПб. на народные деньги. Масса офицеров и юнкеров осматривают эту лодку, а потому внутри, где и без того тесно, ибо вся внутренность заставлена машинами, приборами, резервуарами и проч. – форменная «ходынка». Пришлось снять пальто и шашку, чтобы влезать и вылезать через люки... Холодно!..

Был с визитом у генерал-майора Александра Владимировича Жиркевича (юрист Виленского округа), потомка Жиркевича, служившего в лейб-гвардии артиллерийской бригаде в 1812 г. Генерал Жиркевич прислал в наш музей вещи (пули и проч.), найденные им на поле битвы под Лесной. Генерал остановился в «Бель-Вю». Дома я его, к сожалению, не застал.

19 октября – воскр[е]сенье.

От 10 – 12 часов дня наш бригадный музей подробно осматривал генерал-майор Александр Владимирович Жиркевич со своим сыном – гардемарин Морского кадетского корпуса (см. 17 октября).

Днем делал в обыкновенной форме визиты всем тем, кто посетил меня в больнице (см. 12 октября), а также моему спасителю – профессору Земацкому.

20 октября – понедельник.

В 12 часов дня у нас в собрании завтракала комиссия из 1) генерал-майора Леховича (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады),

2) полковника Ивашинцова (командир 1 дивизиона гвардейской Конно-артиллерийской бригады), 3) полковника фон Цур-Милена (командир 1 дивизиона нашей бригады), 4) полковника Фуфаевского (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), 5) полковника Дена (командир 4 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), 6) полковника Беляева (командир 2 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и 7) подполковника Краевского (корпусного интенданта Гвардейского корпуса). Эта комиссия поверяет пробную мобилизацию 2 стрелковой батареи. Назначили, собственно, мобилизацию 1 стрелковой батареи, но вчера там случилось подозрительное по холере заболевание, и последовала упомянутая мной перемена. На завтраке присутствовал командир бригады генерал-майор Головачев.

22 октября – среда.

В 1 час дня сделал визит (расписался) его высочеству герцогу Мекленбургскому, так как вчера я получил от него его фотографическую карточку с автографом.

Праздник 4 батареи нашей бригады. Впервые батарейный праздник у нас в бригаде прошел без всякого завтрака в канцелярии батареи. Это – следствие распоряжения и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майора Потоцкого, запретившего устраивать «завтраки» и «закуски» в день батарейных праздников. Мы – офицеры – добиваемся уже какой год, чтобы у нас был установлен один общий бригадный праздник 9 ноября (день основания лейб-гвардии артиллерийского батальона) и чтобы в этот день нас приглашали всей бригадой на высочайший парад. Вот почему распоряжение Потоцкого встречает даже некотор[о]е сочувствие, как шаг к исполнению нашего плана, заключающегося в следующих 4 пунктах:

- 1) установление общего бригадного праздника в день 9 ноября,
 - 2) установление общего старшинства для всей бригады (т.е. с 1683 года),
 - 3) распространить ношение Нарвского нагрудного знака на всех офицеров бригады.
- 4) утвердить новый бригадный марш (теперь у нас есть марш не бригадный, а всей гвардейской пешей артиллерии!!?).

23 октября – четверг.

В 12 часов дня я, герцог М. Г. Мекленбургский, штабс-капитан Фриде, поручик фон Руммель, поручик Ушаков и подпоручик Алексеев (бывшие и настоящие чины бригадного Управления, служившие при герцог[е], кроме отставного капитана Матюшкина) снялись в общей группе у фотографа «Ренц и Шрадер» на Морской ул. Герцог, я и Ушаков имели жетоны Управления бригады – в петлице.

25 октября – суббота.

По случаю т. н. «Дмитриевской субботы» в 10 часов утра все офицеры (кроме 2 стрелковой батареи) и команды нижних чинов присутствовали на панихиде в Сергиевском соборе. Командира бригады генерала Головачева, командира 1 дивизиона полковника фон Цур-Милена и др. не было, так как сегодня походное движение стрелковой батареи (см. 20 октября) и начальство и члены комиссии на нем присутствуют...

26 октября – воскресенье.

Продолжал делать визиты всем тем, кто меня посетил в больнице (см. 19 октября).

30 октября – четверг.

Вчера экстренно было назначено на сегодня общее собрание гг. офицеров (12¼ часов дня). Решался крупный бытовой вопрос об обеде и завтраке 9 ноября. Годовой обед 9 ноября мы уже привыкли проваливать, провалился он и сегодня. Но зато вместо обеда было предложено устроить завтрак с тем, чтобы на него пригласить «даром» (т.е. в качестве гостей) всех прежде служивших в бригаде. Как известно (см. 22 октября) – есть тенденция уничтожить батарейные праздники, и в 4 батареях, кроме молебна, ничего не было. По-видимому, «старослужащие» этим обиделись и поехали завтракать в Северную гостиницу (с ними был и генерал Головачев). Не желая порывать связи со старослужащими (хотя многие из них недостойны, чтобы за ними ухаживали), мы хотим 9 ноября этого года «почтить» их даровым завтраком (вместо «даровых» батарейных завтраков), поставить их в известность о новом порядке вещей (т.е. о возможности установить один общий бригадный праздник вместо батарейных) и приучить «публику» к нашему знаменательному в жизни бригады дню – 9 ноября. Вот почему этот завтрак, несмотря на его большую цену (15 рублей) и несмотря на то, что в этом году не удастся еще пригласить великих князей и высшее начальство, прошел солидным большинством голосов. На этот же завтрак хотели еще пригласить бывших наших вольноопределяющихся, но на баллотировке этот вопрос не прошел.

31 октября – пятница.

Давно уж я не участвовал в различных «смотре» в качестве «представляющего». Сегодня от 9 часов утра командир 1 дивизиона (полковник фон Цур-Милен) производил смотр учителям молодых солдат (дядькам), которых обучаю я. Началось со «словесности» в классе. Спрашивал я – сведения из гарнизонного устава. Потом один из учителей разобрал револьвер и вдвоем с другим учителем рассказ[а]л о чистке, уходе и об осмотре револьвера. В 10¾ часов утра начался смотр у орудий, выкаченных у артил-

лерий[с]ких сараев 2 батареи. Сперва опрашивали 2 батарею, потом 3-ю и, наконец, 1 его высочества. «Дядьки» встали за номеров, и я прокомандовал примерную стрельбу сперва по видимой, а потом по невидимой цели. Затем командир дивизиона спросил 2–3 дядек из материальной части. Смотр кончился, и мы, промерзнув, пришли в 12 часов дня в собрание (-5°).

Смотр очень похож на общепринятый «балаган». Начальник сам не тверд во всех «премудростях», а потому круг его вопросов ограничен до микроскопичности. Но эти крупинки «начальственных» вопросов не блещут остроумием. С одной стороны – это вопросы, которые не должны знать инструкторы молодых солдат (т.е. это не из курса молодых солдат, например: детали люльки), а с другой стороны – это, большей частью, «общие места», на которые не только солдату, но и офицеру ответить затруднительно, ибо эти вопросы допускают миллион гаданий и сотню решений. По «словесности», как мы видели, командир дивизиона вовсе не задавал вопросов, предоставив всю инициативу мне... Дядек у меня 10, старший – подпрапорщик Серегин (мой бывший новобранец).

1 ноября – суббота.

От 11 часов утра до 1 часу дня – окончание вчерашнего смотра (см. 31 октября). Смотр происходил в гимнастическом зале, сперва по гимнастике, а потом по пешему строю. Гимнастика показывалась новая, т. н. «гусарская», т.е. выработанная в прошлом сезоне в гимнастической команде при лейб-гвардии Гусарском его высочества полку. Полковник фон Цур-Милен видел ее, конечно, в первый раз. Команды подавали дядьки. Пеший строй состоял, главным образом, из нуднейшего проделывания примерного обучения стойке дядьками новобранцев. Встречались такие перлы начальнического остроумия: «Ты из новобранца должен приготовить такого молодца, чтобы баба, увидев его, тут же и ускалась!» В общем – все непроходимо бессмысленно, добродушно и слабо. Неважными (чтобы не сказать хуже) дивизионерами наградила нас лейб-гвардии 3 артиллерийская бригада (фон Цур-Милен, Златарский, Горбачевич)... Закончился смотр шашечными приемами и маршировкой. Все найдено «прекрасным»...

2 ноября – воскресенье.

Вместе с поручиком Дуровым – вечером – навестил в Мариинской больнице (на Литейном прос[п]екте) поручика Бородина, которому хирург Троянов дней 10 тому назад оперировал грыжу. (Поручик Бородин, 5 батареи, обучается в Александровской военно-[ю]ридической академии.)

7 ноября – пятница.

В 12¼ часов в Сергиевском соборе была отслужена при собрании всех офицеров бригады обычная панихида по «державным капитанам Бомбар-

дирской роты, августейшему шефу лейб-гвардии артиллерийского батальона, державным шефам лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и по всем умершим чинам роты, батальона и бригады». Из старослужащих, как водится, были весьма немногие: 1) и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майор Потоцкий, 2) командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович, 3) отставной генерал-майор Евреинов и 4) командир 2 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады полковник Наркович. Кроме того, на панихиду прибыл командир лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады генерал-майор Шрейдер, прибывший в СПб. во главе депутации от бригады по случаю 50-летия службы лейб-гвардии в 3 артиллерийской бригаде великого князя Константина Константиновича.

В приказе по артиллерии Гвардейского корпуса за № 84 появилось подробное описание проверки всех хозяйственных книг управлений и батарей артиллерийских бригад Гвардейского корпуса за 1907 год, т.е. еще за то время, когда я был бригадным квартирмейстром. Вот некоторые выписки из этого приказа, касающиеся лично меня:

1) «**ВООБЩЕ** журнал хозяйственных оборотов по наружному виду велся очень аккуратно и по установленной форме»,

2) «**ВООБЩЕ** книга авансовых счетов велась в большом порядке»,

3) «Оправдательные документы велись бывшим бригадным квартирмейстром штабс-капитаном Савонько в образцовом порядке. Все счета разбиты на несколько групп и подшиты в отдельных обертках, все счета пронумерованы, на каждом счете сделана отметка о том, что этот счет бригадным квартирмейстром проверен, в каждом счете подробно указано, куда истрачены материалы или другие хозяйственные предметы, переименованные в счете».

Подписал генерал-майор Потоцкий.

8 ноября – суббота.

День похорон великого князя Алексея Александровича. Оттепель сменилась порядочным морозом. Наша бригада, по обыкновению, принимает исключительное участие в печальном торжестве: сводная батарея из 4 орудий 1 его высочества батареи и 4 орудий 4 батареи, под командой полковника Мясоедова, составляет «воинскую почеть» и она же дает «залп». Все остальные батареи бригады и стрелкового дивизиона стояли шпалерами близ Инженерного замка. Замечательно, что нашу музыку штаб корпуса назначил сперва идти во главе конного строя сводной батареи. Мы долго смеялись над этим, ибо, как известно, «пеший конному не товарищ». Наконец, штабу корпуса разъяснили, что у нас музыка «пешая» (а они, вероятно, думали, что у нас «хор трубачей»), и под утро сегодняшнего дня музыке было приказано встать на правом фланге пешего расчета. Я, как освобожденный от всех нарядов (см. 16 октября), не

участвовал ни в конном, ни в пешем строю и хотя и мог встать на левом фланге какой-либо батареи, но предпочел остаться дома...

До дня похорон командир бригады генерал Головачев писанным приказанием запретил всем офицерам бригады посещать театры, увеселения и проч. Вот характерная разница с герцогом Мекленбургским! Когда убили великого князя Сергея Александровича, то для нас это событие было весьма близким сердцу, так как покойный великий князь числился в наших списках, и мы служили по нем бригадные панихиды и проч. И тем не менее, герцог не «приказывал», а через дивизионеров «просил» нас не бывать эти дни в театрах и проч. Такие вещи именно не приказывают, а просят... ибо нужно предполагать, что сами офицеры понимают, что таково требование приличия, и отдать приказание – значит, во-1), открыто не верить в чувство приличия у офицеров, и во-2), задеть их самолюбие. И то, и другое вполне избежал герцог, а своей цели достиг так же успешно, как и Головачев... В этот день «пропал» праздник 3 батареи и молебен по случаю именин великого князя Михаила Николаевича.

9 ноября – воскр[е]сенье.

Все наши предположения насчет 9 ноября (день основания лейб-гвардии артиллерийского батальона) разлетелись прахом из-за смерти великого князя Алексея Александровича. Сегодня 9-й день его кончины, и, конечно, ни о каком параде и завтраке не может быть и речи: всем приглашенным послали «отбой» (см. 30 октября). Можно смело сказать, что «историческому 9 ноября» не везет!!!

Сегодня я «докончил» визиты всем тем, кто меня посетил в больнице (см. 26 октября).

В дополнение ко вчерашней заметке о похоронах Алексея Александровича (см. 8 ноября) сообщаю со слов участников конного строя, что государь на обратном пути из собора проехал мимо нашей сводной батареи (1 и 4 батареи нашей бригады), высунулся из окна своей кареты и громко поздоровался с людьми. А начальство (генерал Потоцкий) хотело поскорее спровадить батарею домой какими-то кружными путями и лишить всех офицеров и солдат счастья слышать приветствие своего державного шефа! Жалкое артиллерийское начальство!!..

10 ноября – понедельник.

Сегодня состоялась первая разбивка новобранцев, и ко мне в батарею (1 его высочества) прибыло к 5 часам вечера 3 человека. Таким образом, я поканчиваю с обучением «учителей молодых солдат» и приступаю наднях к обучению самих молодых солдат. Дай бог приготовить из них честных, верных, знающих и бравых слуг царя и Родины!!..

11 ноября – вторник.

От 9 часов утра в большом бригадном манеже состоялся опрос претензий командиром бригады генерал-майором Головачевым. Это – продолжение инспекторского смотра его высочества батареи. Есть в этом смотре одно «новшество», которое необходимо отметить. В каждой батарее генерал Головачев приказал вызвать вперед один какой-либо взвод и затем стал задавать вопросы командиру этого взвода (офицеру). У нас был вызван сперва 2-й взвод (поручика Древинга), но так как «маркиз» Древинг явился на смотр в сюртуке и быстро уехал обратно домой, то 2-й взвод заменили 4-м, и на вопросы командира бригады отвечал подпоручик Манакин. Приведу несколько командирских вопросов:

- 1) Сколько у вас людей во взводе?
- 2) Сколько людей в командировке? Кто и в каких командировках?
- 3) Сколько женатых? Сколько ездовых? Сколько бомбардиров? Фейерверкеров?
- 4) Кто у вас самый лучший и надежный нижний чин по поведению?

У нас подпоручик Манакин на последний вопрос ответил уклончиво и только по настоянию генерала Головачева назвал фамилию бомбардира Сурина. Вероятно, в других батареях были и категоричные ответы, так как, например, в 5 батарее одного такого «лучшего» генерал Головачев тут же произвел в бомбардиры. Это, конечно, оригинально и, может быть, довольно популярно для автора, но с другой стороны такие «милостивые производства» приличны более крупным начальникам вроде командующих войсками, фельдцейхмейстеру, государю. Мелкие же начальники должны быть лишь строго справедливы в оценке своих подчиненных...

От 1 – 2 часов дня я был на допросе у военного следователя полковника Петрова по делу о краже сапог 3 батареи – 27 июня этого года (в оставшейся от лагеря части, коей я был заведывающим). От 2 до 3 часов дня я вместе с поручиком Снигиревским осматривал ледакол «Ермак», стоящий на Неве против 14 линии Васильевского острова.

16 ноября – воскр[е]сенье.

Выписка из приказа по 1 дивизиону лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады № 48:

«31 октября и 1 ноября сего года мною была произведена проверка подготовки учителей молодых солдат батарей вверенного мне дивизиона. Обращение с револьверами и разборка их усвоены хорошо, при сем лучшими при проверке знаний разборки револьверов и особенно твердое знание уставов обнаружили учителя молодых солдат 1 его высочества батареи. Стойка, повороты, шашечные приемы и маршировка – везде хороши, особенно же хорошо по пешему строю представились учителя молодых солдат 1 его высочества батареи...

Полковник фон Цур-Милен

Учителей этих обучал я (см. 13 октября, 31 октября и 1 ноября).

18 ноября – вторник.

Приказ № 324, п. 9:

«Председатель общего собрания гг. штаб- и обер-офицеров..... донес, что..... 1) кандидатом в члены правления Гв[ардейского] экономическо-го о[бщест]ва вместо отказавшегося штабс-капитана САВОНЬКО избран штабс-капитан Шанявский 40 голосами...»

Генерал-майор Головачев.

(см. 13 июня.)

22 ноября – суббота.

Приказ по бригаде № 327, п. 4:

«Членом бригадного суда, на основании ст. 14 кн. XXIV Св[ода] в[о-енных] п[остановлений] 1869 г. изд. 1900 г., вместо штабс-капитана фон Рейнгард[т]а 1 мною назначается штабс-капитан Савонько».

Генерал-майор Головачев.

Членом суда я назначаюсь уже вторично.

В 11½ часов утра в 1 его высочества батарее состоялось общее собрание гг. офицеров батареи для решения вопроса – где и как устраивать 6 декабря обычный обед 1 батареи. К великому огорчению командира батареи – полковника Мясоедова, – этот традиционный обед был почти единогласно провален («за» обед высказался один капитан фон Энден). Проваливали мы его по двум причинам: 1) раз в бригаде появилась тенденция – установить общий бригадный праздник, то незачем нам праздновать отдельным обедом свой батарейный праздник (бойкот сепаратистам) и 2) последние обеды 1 батареи далеко не отличались большим воодушевлением и стоили очень дорого. Уж, конечно, не г-ну Мясоедову объединить всех старослужащих, когда он не может объединить даже личный состав батареи (бойкот Мясоедова).

26 ноября – среда.

Новинка в бригаде!.. Георгиевский парад в высочайшем присутствии отменили, и вместо него у нас в бригаде состоялся свой домашний парад. Сегодня же праздник 2 батареи бригады, на который и я получил приглашение как бывший офицер этой батареи. Батарейный молебен был назначен в 11½ часов утра, но поздно вечером получилось литографированное приказание по бригаде с назначением в эти же часы обще-бригадного молебна. К 11½ часам утра вся бригада со Стрелковым дивизионом была выстроена в большом бригадном манеже. 2-ю батарею выделили и поставили на правом фланге всей бригады. Молодые солдаты на параде и молебне не участвовали,

за исключением молодых солдат 2 батареи. Я встал на левом фланге 1 его высочества батареи, так как в строю было всего 2 взвода (капитан фон Энден и поручик Наркович). Из старослуживых 2 батареи прибыло всего 3 человека: генерал-майор Масалитинов (кстати: вот нелепо!! Командир артиллерийской бригады и в красном воротнике, и в фуражке с красным околышем!!!!..), Генерального штаба подполковник Колюбакин и подполковник Савурской. Кроме того, пришел и бывший солдат 2 батареи – георгиевский кавалер (4 и 3 степени) Симонас (Семенов), уже 28 лет служащий при великом князе Михаиле Николаевиче. Симонас был со 2-й батареей в Турецкой кампании во взводе у Потоцкого (ныне и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса). Перед молебном о Николаевский сказал длинную речь, описав жизнь св. Георгия Победоносца. Еще ранее командир бригады генерал Головачев поздравил 2 батарею с ее праздником, а затем поздравил «всех» с «нашим военным праздником» и провозгласил «ура» в честь (!!) доблестного (?) св. Георгия Победоносца. После молебна командир бригады генерал-майор Головачев провозгласил: «во здравие» государя императора «ура», покрытое кликами солдат и «Боже, царя храни», затем «во здравие» императриц и наследника цесаревича» и, наконец, «бывших и настоящих георгиевских кавалеров бригады». Торжество закончилось церемониальным маршем, причем фельдфебель 2 стрелковой батареи Пыжов (георгиевский кавалер) и бывший солдат 2 батареи бригады Симонас были поставлены рядом с командиром бригады и смотрели на парад. Тут же уместно упомянуть и о промахе, содеянном нашим бригадным Управлением. На парад вовсе не был приглашен наш бригадный чиновник классный технический мастер М. М. Шикунин – кавалер 2-х солдатских георгиевских крестов, заработанных им в Порт-Артуре.

«Общепригодный» праздник кончился, и я обращаюсь к празднеству 2 батареи. Для нас – приглашенных гостей – он выразился в том, что в канцелярии батареи нам предложили по бокалу шампанского. Здесь собралось, во-1), начальство:

- а) командир бригады генерал-майор Головачев,
- б) командир 1 дивизиона, полковник фон Цур-Милен,
- в) бригадный адъютант штабс-капитан Фриде и
- г) вр. и. д. адъютанта 1 дивизиона поручик Ушаков.

Во-2), бывшие служащие в батарее:

- а) генерал-майор Масалитинов,
- б) подполковник Колюбакин,
- г) подполковник Савурской,
- д) я,
- е) капитан Чуйкевич (4 батареи),
- ж) капитан Погребняков (командующий 4 батареями),
- з) полковник Илькевич (командир 5 батареи),

и) подпоручик Манакин (был прикомандирован к батарее летом),
и в-3), личный состав батареи:

- а) командир батареи полковник Поном[аревский]-Свидерский 2,
- б) капитан Альтфатер,
- в) штабс-капитан Тарновский,
- г) — Шаняевский,
- д) подпоручик Жиленков,
- е) — Жолтановский,
- ж) — Фалеев,
- з) поручик Гущинский (Николаевская академия Генерального штаба),
- и) — Шталь (Михайловская артиллерийская академия).

1-й тост сказал командир бригады за батарею, ее командира и офицеров; затем генерал Масалитинов нескладно обругал «некоторые части» и противопоставил им «славную 2 батарею»; полковник Пономаревский-Свидерский 2 пил за всех тех, кто удостоил батарейный праздник своим присутствием. Около 1 часу дня все окончилось, и я с капитаном Альтфатером, в числе прочих офицеров батареи, поехал с визитом к Евдокии Николаевне Пономаревской-Свидерской, которой мы еще утром послали большую корзину цветов. Полковник Пономаревский-Свидерский еще накануне просил через капитана Альтфатера – не подносить его жене цветов, но организатор подношения «граф» Шаняевский заявил Борису, что его просьба не «встретила сочувствия», и корзина была поднесена!... т^{те} Борис предложила нам шампанское, и устами полковника Илькевича мы «пили за отца-командира и мать-командишу». К 2-м часам дня я и Альтфатер уже были в отдельном кабинете ресторана «Вена» – на улице Гоголя.

Здесь собрались:

- 1) полковник Пономаревский-Свидерский 2,
- 2) капитан Погребняков,
- 3) полковник Илькевич,
- 4) капитан Альтфатер,
- 5) штабс-капитан Тарновский,
- 6) я,
- 7) штабс-капитан Шаняевский,
- 8) подпоручик Жиленков,
- 9) подпоручик Фалеев,
- 10) подпоручик Жолтановский,
- 11) поручик Шталь и
- 12) поручик Гущинский.

Завтрак прошел весьма оживленно и носил безусловно сердечный и непринужденный характер. Разошлись в 7 часов вечера.

Сегодня же я должен был в 5 часов вечера ехать вместе с полковником Мясоедовым подносить его высочеству герцогу Мекленбургскому (М. Г.)

медаль в память 200-летия битвы при д. Лесной. Завтрак в «Вене» мне в том помешал, и вместо меня ездил с Мясоедовым капитан фон Энден.

Самое подношение произошло, по словам фон Эндена, вполне бесцветно...

1908

826

27 ноября – четверг.

В 9 часов утра начался в бригаде инспекторский смотр начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майора Потоцкого. Я во главе своих «молодых солдат» 1 его высочества батареи. Новинкой в смотре можно назвать то, что и Потоцкий (см. 11 ноября) требовал от взводных командиров (офицеров и фейерверкеров) твердое знание людей своего взвода, а также требовал от командиров батарей постоянный оружейный расчет, причем знание вызванных сегодня людей он поверял на другой день – при пушке. (см. 2 сентября.)

28 ноября – пятница.

В 11 часов утра я и полковник Мясоедов ездили во дворец его высочества герцога Георгия Георгиевича Мекленбургского, где полковник Мясоедов поднес ему от имени батареи медаль в память 200-летия битвы при д. Лесной. Его высочество благодарил в лице нас батарею и заявил, что он всегда глубоко ценит всякое внимание, оказываемое ему батареей. Принял он нас в сюртуке (и весьма старом) лейб-гвардии Драгунского полка, хотя, по-моему, ему следовало одеть форму нашей бригады. Сидели мы у него довольно долго, причем он развлекал нас своими воспоминаниями о «разводах» и «церемониях» в царствование императора Александра 2 и проч.

1 декабря – понедельник.

Согласно приказанию по бригаде, присутствовал от 9 – 11 часов утра (в качестве заведывающего молодыми солдатами батареи) на смотре бригадной учебной команды. Это 1-я учебная команда, собранная не осенью, а летом – 1 июня. Сегодня нам показали: 1) пеший строй, а затем командиры батарей поверяли в своих батареях знание револьверов и караульную службу. Записываю анекдот-факт. В 1 батарею гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона командир батареи допытывается у одного из учеников (будущего фейерверкера!) – узнаёт ли он в лицо государя, и получает весьма утвердительный ответ, что «узнаю, ваше высокоблагородие!».

– Как же ты узнаешь, если он вот сейчас войдет в манеж?

– Так, что он в короне будет!!!!..

В 11¼ часов утра состоялось очень интересное общее собрание гг. офицеров бригады. Общее собрание было назначено экстренно, главным образом благодаря тому, что капитан Явид увидал в магазине Гв[ардейского]

э[кономического] о[бщест]ва модель скорострельной пушки образца 1902 года, которую продавали за 250 руб[лей]. Пушку эту мы решили купить для музея. Затем мы положили начало бригадному спортивному обществу, уничтожили легендарно-комический капитал «на организацию бесед» с нижними чинами, кои должны были вестись полковником Масалитиновым и, конечно, ни разу не велись, и т. д.

2 декабря – вторник.

Сегодня учебная команда показала нам (см. 1 декабря) гимнастику, причем вольные движения были проделаны под музыку (согласно наставлению, выработанному в лейб-гвардии Гусарском полку). Это очень эффектное и красивое зрелище, хотя не все нижние чины выказали обладание слухом. Гимнастика на машинах окончательно показала, что эта «новая гимнастика» развивает людей и что на нее, главным образом, было обращено внимание в учебной команде. По крайней мере, смотр стрельбы (учение в парке) и проверка знаний по материальной части (так же как вчерашний «револьвер») обнаружили довольно плохое знание у учеников бригадной учебной команды. Оговариваясь: ученики дали все, что могли дать, принимая во внимание 3 факта:

- 1) недостаточное время обучения,
- 2) обширность и новизна (гимнастика) курса и
- 3) слабый уровень развития наших людей.

(Например: у нас в батарее 5 человек не могли разделить 500 на 100, и у них выходило: 20, 200, 50 и т.д.)

На других смотрах я не присутствовал.

Форменный дождик!!!!

В 11¼ часов утра в офицерском со[б]рании бригады собрались все штаб- и обер-офицеры бригады и Стрелкового дивизиона. Командир бригады (генерал-майор Головачев) сказал нам речи:

1) Он рассказал нам о «печальном» инциденте лейб-гвардии в Семеновском полку. 2 офицера Семеновского полка по просьбе какого-то корреспондента сообщили ему текст телеграммы, присланной полку от государя в день полкового праздника (21 ноября). При этом телеграмма была искажена (?) с прибавкой массы милостивых слов, выделяющих Семеновский полк перед другими частями. Вчера главнокомандующий собрал всех начальников отдельных частей и, рассказав им всю историю, заявил, что после такого пассажа он, начальник 1 гвардейской пехотной дивизии, командир Гвардейского корпуса, командир 1 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии и командир Семеновского полка подали в отставку, но что государь по неизреченной своей милости изволил не принять их отставку и надорвал все рапорта. На основании всего вышеизложенного генерал Головачев предупреждает нас, чтобы мы остереглись

давать корреспондентам какие-либо сведения, в особенности не тщательно проверенные, и каждый раз должны это делать с ведома командира части.

2) Он рассказал нам, что главнокомандующий, посетив лейб-гвардии Измайловский полк, нашел, что заведывающие молодыми солдатами не знали своих людей. Он требует, чтобы офицеры знали досконально людей своей команды, и если его требования не будут исполнены, то он примет более «крутые» меры. Он выразил также желание, чтобы офицеры, обучающие людей, могли бы служить для них примером и в делании гимнастики. Генерал Головачев заметил при этом, что «хотя это сразу и трудно», но нужно начать работать, «дабы пойти навстречу желаниям главнокомандующего».

3) Он предложил командирам батарей выработать побатарейно желаемое изменение в форме обмундирования лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, так как проектируется дать особое отличие тем частям, кои принимали участие в Полтавском бою (27 июня 1709 – 1909 гг.). Об этом я поговорю еще особо – поподробнее.

3 декабря – среда.

От 1 до 3 часов дня в канцелярии батареи (1 его высочества) нашей бригады состоялось довольно бурное заседание под председательством командира батареи (полковника Мясоедова). Сперва решили вопрос, кому из нижних чинов дать 6 декабря часы, жертвуемые ежегодно бывшим нашим офицером Е. В. Пономаревским-Свидерским 1 (полковник, командир 1 стрелковой батареи). Выбрали ездового – бомбардира Лебедева. Следующий вопрос – дебаты относительно новой формы обмундирования по случаю предстоящего юбилея Полтавской битвы (см. 2 декабря). Вот подробности этого вопроса. Разработкой программы о праздновании 200-летия со дня битвы под Полтавой 27 июня 1909 года занято Императорское Военно-историческое общество. Еще летом этого года, когда я почти ежедневно работал в архиве артиллерийского музея, я видел черновой проект этой программы. Предполагалось, между прочим, установить какое-нибудь новое отличие в форме одежды для тех частей войск, кои принимали участие в этой славной победе. В настоящее время в дальнейших работах И[мператорского Военно]-и[сторического] о[бщест]ва, по-видимому, видное участие принимает наш начальник артиллерии генерал-майор П. П. Потоцкий. Несколько недель тому назад он уже заявил кому-то из офицеров бригады (кажется, Курбатову), чтобы батарея Михаила Павловича подумала – что именно она желает изменить в своей форме одежды. Вполне естественно, что в головах членов И[мператорского Военно]-и[сторического] о[бщест]ва созрело решение изменить форму не для всей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, а только для одной 1 его высочества батареи, так как одна наша батарея имеет старшинство с 1683 года и она одна принимала участие в По[л]тавской битве. Так было всегда

до сих пор. Но в данном случае – вопрос сразу обострился. Пока дело шло о каком-либо нагрудном знаке – это было неважное отличие от всех прочих батарей бригады. Теперь же заговорили о крупной перемене в форме одежды, и большинство офицеров бригады горячо стали обсуждать вопрос – допустимо ли изменение формы для одной батареи, входящей в состав этой бригады. Я лично твердо занял позицию отстаивания интересов ВСЕЙ бригады, а не одной только нашей б[а]тареи, так как изменение формы одежды одной только батареи вызывает рознь не только нижних чинов, но и офицеров. Вместе с другими офицерами бригады я стал проповедывать о необходимости просить изменения формы для ВСЕЙ бригады, а отнюдь не для одной только 1-й батареи. Я шел дальше и заявил, что если всей бригаде формы не дадут, то не надо и для 1 батареи, ибо неудобно выделяться одной батареей из всей бригады. В последнем случае я совершенно разошелся со всеми своими сослуживцами по батарее, которые готовы были просить форму для всей бригады, но в случае отказа – настаивали на необходимости перемены формы и для одной 1 его высочества батареи. Самым ярым (и неосновательным) сепаратистом оказался мой жалкий командир батареи полковник Мясоедов. Под натиском общественного мнения он несколько сдал в своих первоначальных сепаратистических наклонностях, но сегодня в батарее он опять сказал речь (как всегда – скверную), в которой обвинял кого-то (вероятно, меня) в желании «унизить» (??!!) и «свести на нет» (???!!!!) батарею великого князя Михаила Павловича!!! Тем не менее наша проповедь и горячие дебаты не прошли даром. Выяснилось, что командир бригады – за изменение формы одежды для ВСЕЙ бригады, а начальник артиллерии – за изменение формы для одной 1 его высочества батареи. Мы добились, что 2 декабря генерал Головачев поручил разработку формы не одной 1 его высочества батарее, а всей бригаде. Что будет дальше – неизвестно. Сегодня, как я сказал, у нас в батарее возобновился горячий спор «за» и «против». Я был один против всех. Но победа оказалась почти на моей стороне. Ибо хотя единогласно (без моего голоса) и прошло мнение офицеров батареи, что батарея не отказывается от формы одежды для одной только батареи, но все согласились на том, что в этом случае батарея будет просить самое ничтожное изменение (например, нагрудный знак и т. п.), а крупное изменение формы желательно для всей бригады.

Впрочем, в рапорте и этих деталей не будет. Отвечая на категорический приказ генерала Головачева, мы просто ответим о желательных изменениях в форме одежды лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. И точка!!..

4 декабря – четверг.

Заносу «слух»... «Говорят», что в 3 батарее лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады 26 ноября случилось нечто вроде бунта. Солдаты перебили стекла, выгнали фельдфебеля, обругали дежурного офицера... Все держится

в секрете и тайне. Бунт связывают с именем подпрапорщика Рыля, которого выгнали из нашей бригады, потом выгнали из 22 артиллерийской бригады... У Рыля – невозможно-тяжелый характер. Командир 3 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады отличается «слабостью» (жопа!!..).

1908

830

6 декабря – суббота.

Праздник 1 его высочества батареи нашей бригады. Уж более двух недель, как было известно, что парада царского в этот день не будет, так как не кончился еще 40-дневный период после смерти великого князя Алексея Александровича. В 11 часов утра в большом бригадном манеже состоялся общий бригадный молебен, причем на фланге построений встали батареи и команды, празднующие сегодня свой праздник (1 его высочества и 6 батареи, хор музыки и нестроевая команда). Я стоял на правом фланге своих молодых солдат (прибыло уже 48 человек, налицо 43). Генерал Головачев здоровался с людьми и поздравил 1 и 6 батареи и нестроевую команду с праздником. Хор музыки он сперва пропустил и поздравил его потом. Кстати: он здоровается с музыкантами: «Здорово, трубачи», хотя наш хор музыки еще и не переформирован в конный хор трубачей. Затем он поздравил всю бригаду с высокотожественным днем тезоименитства государя императора и провозгласил «ура». Музыка играла гимн, а люди, держа шашки на караул, кричали «ура».

Молебен отслужил о. Философов (один, без диакона). В манеж из старослужащих прибыли: генерал от артиллерии Свинын (в нашей форме), полковник Ден (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и камер-юнкер Хитрово (бывший вольноопределяющийся 2 батареи). После молебна генерал Свинын здоровался с людьми; снова играла музыка «Боже, царя храни» и люди кричали «ура»... Затем все батареи и команды перестроились к церемониальному маршу. Мои молодые солдаты (так же как и молодые 6 батареи; других молодых солдат не было) встали в 4 шеренги правее генерала Свинына, принимавшего парад. В 11 часов 50 минут в нашей канцелярии (1 его высочества батареи) состоялся 2-й молебен, который отслужил тот же о. Философов. Из прежде служивших в 1 его высочества батарее на молебен прибыли:

генерал-лейтенант Арсеньев,
генерал-майор Лехович (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады),
генерал-лейтенант Берников,
генерал от артиллерии Оноприенко,
полковник Фуфаевский,
подполковник Генерального штаба Базаров,
полковник Вешняков,
штабс-капитан Есимонтовский,
флигель-адъютант полковник Демидов,

бывший вольноопред[еляющийся] г. Раевский 2-й, а также командир бригады генерал Головачев, бригадный адъютант штабс-капитан Фриде и адъютант начальника артиллерии штабс-капитан Баранов.

Нижние чины также стояли в канцелярии, а молодые солдаты в классной комнате. После молебна о. Философов окропил все помещение батареи святой водой. Люди выстроились шпалерами в помещении батареи перед классной комнатой (во второй шеренге молодые солдаты). К ним вышли все генералы и офицеры, и были произнесены следующие тосты («Во здравие», ибо никакой водки, ни чарок не было. Водка запрещена у нас в бригаде):

1) генерал Оноприенко – за государя императора (музыка играла гимн и «ура»),

2) генерал Арсеньев – за императриц и наследника цесаревича (3 колена маршей),

3) генерал Берников – за великих князей, числящихся в батарее: а) Александра Михайловича и б) Михаила Александровича,

4) генерал Лехович – за обоих герцогов,

5) полковник Мясоедов – за «их высокопревосходительств, превосходительств, штаб- и обер-офицеров – гостей»,

6) командир бригады: «За славную 1 его высочества батарею, ее командира и офицеров!»

Этим тосты было кончились, но потом спохватились, поймали за фалды генерала Оноприенко, и он провозгласил тост за нижних чинов. Перешли в канцелярию. Здесь был к тому времени приготовлен стол, на котором стояла наша братина (подарок г. С.-Петербурга), бокалы с шампанским и миндаль. Шампанское было предложено от полковника Мясоедова (на его счет). Едва мы вошли в канцелярию, как Мясоедов суетливо схватил бокал и пробормотал: «За здоровье государя императора» – на что и последовало «ура» двух-трех голосов. Вообще полковник Мясоедов выказал себя весьма неспособным организатором какого-либо праздника. Он теряется, суетится, все забывает, прячется за спинами других, боится генералов и командира, скомкивает всякое торжество, пропускает лучшие номера праздника (например: почему-то не поднесли часов бомбардиру Лебедеву. См. 3 декабря) и т.д. и т.д. Поведение (жалкое) полковника Мясоедова, его растерянность и недомыслие обращали на себя всеобщее внимание. Он не умеет угощать, не умеет импонировать, выглядит не хозяином батареи, а последней спицей в колеснице, и оттого – он обречен навсегда «проваливать» всякое дело, какое ему только будет поручено.

Как известно, мы отказались от вечернего ужина со старослужащими, но тут возник вопрос – не позавтракать ли нам у «Контана» запросто в своей кампании. Опросы желающих сделал капитан фон Энден; кабинет заказал Древинг, и дело было облажено. До этого завтрака я и Ушаков сделали визиты: его высочеству герцогу М. Г. Мекленбургскому (он был в Царском

Селе), полковнику Мясоедову, флигель-адъютанту полковнику Демидову и полковнику Петрушевскому, только что произведенному в полковники. Никого дома не застали. Около 3-х часов у «Контана» собрались:

- 1) флигель-адъютант полковник Демидов,
- 2) полковник Вешняков,
- 3) полковник Мясоедов,
- 4) я,
- 5) капитан фон Энден,
- 6) поручик Курбатов,
- 7) поручик Наркович,
- 8) поручик Древинг,
- 9) подпоручик Манакин.

Из наличного состава офицеров отказался (!!??) быть капитан Гирш и не приехал поручик Ушаков. Завтрак прошел довольно оживленно и мило. Около 6 часов вечера все разъехались, за исключением полковника Мясоедова, меня, Древинга и Манакина, которые перешли в общий зал и сидели почти до 10 часов вечера (пьян был один Мясоедов, говорил неприлично громко, хвастался и врал...).

Вечером: я, полковник Мясоедов, поручик Ушаков, поручик Наркович, поручик Курбатов и подпоручик Манакин были в «Аквариуме» в общей зале. А наверху – в кабинете – виднелись головы гг. офицеров славной 6 батареи бригады!..

День кончился!!!!..

7 декабря – воскр[е]сенье.

«История» (см. 4 декабря) в 3 батарее лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады предана некоторой гласности и объявлена в приказе по 2 бригаде (от 4 декабря 1908 года). Вот что значит ловкий и деятельный командир! (генерал Лехович). И командир корпуса, и сам главнокомандующий не только не рассердились на него, но даже «удивились», что генерал Лехович так хорошо распорядился и «ничего не скрыл» (!? – ой-ли?). Генерал Потоцкий передавал (я сам слышал), что главнокомандующий велел ему (Потоцкому) «поблагодарить» Леховича за его прекрасные распоряжения. А помните нашу «бригадную историю»??!..

8 декабря – понедельник.

В 8 часов вечера в помещении Управления артиллерии Гвардейского корпуса я принял участие в комиссии по выработке желательных отличий в форме одежды для тех частей гвардии, кои принимали участие в Полтавском бою (см. 3 декабря). Сперва в эту комиссию был назначен один полковник фон Цур-Миллен, но назначение такого «турка» всполошило многих офицеров бригады, и бр.

адъютант Фриде предложил генералу Головачеву назначить меня – в помощь фон Цур-Милену. Генерал же Потоцкий, в свою очередь, заявил, что форма будет дана лишь одной 1 его высочества батарее, а потому нужен представитель не от бригады, а от батареи. Полковник фон Цур-Милен послал за командиром батареи полковником Мясоедовым, но так как того, по обыкновению, не оказалось дома, то в комиссию проехал капитан фон Энден. Кроме нас троих были еще: полковник лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка Мордвинов (адъютант великого князя Михаила Александровича), ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, капитан лейб-гвардии Преображенского полка (граф Литке) и капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Председатель комиссии генерал-майор Потоцкий познакомил нас с предложенной И[мператорским] русским военно-историческим о[бщест]вом программой празднования Полтавского юбилея. Детали вырабатывает особая большая комиссия под председательством генерала Бильдерлинга.

Определенное и твердое решение привез один граф Литке. Преображенцы просят вернуть им их старые петровские гренадерки. Кроме того, наша батарея и вся наша бригада также разработала желательные изменения в форме одежды.

Кирасиры согласились с нами о желательности иметь петровский шарф с кистями и петровский палаш и прибавили еще медные шпоры!!!!.. Интерес и задача наши заключались не в этом. Нам нужно было убедить и «угговорить» Потоцкого, что давать одной батарее форму нельзя, а нужно дать ее ВСЕЙ бригаде. Но, несмотря на все доводы и убеждения, которые высказали ему полковник фон Цур-Милен, капитан фон Энден и я, – Потоцкий с нами не согласился и заявил, что просить форму для бригады он не будет, так как это против «его совести» (?!!), против «истории» (?) и..... (вы не поверите!!!!!!) против лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады!!!!!! лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада обидится, и «должна обидеться», если 1-й бригаде дадут новую форму, а ей – нет!

– «А 2, 3, 4, 5 и 6 батареи нашей бригады не могут обидеться, если 1-й батарее ТОЙ ЖЕ бригады дадут особую форму?

Потоцкий: «Нет!!!!»

Спорили и после комиссии – вплоть до 10 ³/₄ часов вечера и так и не убедили Потоцкого... Никто, как свой! Бедная артиллерия!!!!..

9 декабря – вторник.

В 11½ часов утра все нижние чины 1 его высочества батареи были собраны в одно помещение. Предстояла церемония поднесения бомбардиру Лебедеву часов имени полковника Е. В. Пономаревского-Свидерского 1 (см. 3 декабря). Часы хотели поднести еще 6 декабря, но командир батареи полковник Мясоедов «испугался» генералов и начальства, и церемонию отложили... На словах – он хотел ее «организовать» и «обставить» возможно торжественнее,

хотел написать «приказ по батарее» и проч., но на самом деле (по обыкновению) ровно ничего не сделал. Самая церемония состояла в следующем. Люди выстроились в 2 шеренги и встали лицом к лицу, образовав коридор (шпалерами). В середине построения столпились все офицеры – в полном беспорядке, причем все были в фуражках, а капитан Гирш – без фуражки. Выскочил полковник Мясоедов и пробурчал себе под нос, что он прочтет «письмо полковника Пономаревского-Свидерского». Письмо – старое, написанное 2 года тому назад. Без всяких объяснений он тут же начал скороговоркой, под нос, тихо и запинаясь читать это письмо... Никто, конечно, ничего не слышал и ничего не понял. Затем вызвал Лебедева, передал ему часы, и той же скороговоркой и под нос полковник Мясоедов предложил прокричать «ура» в честь полковника Пономаревского-Свидерского. И убежал в канцелярию!..

Да! На командира он не похож!!!!..

От 6¾ до 8½ часов вечера я объяснял в нашем бригадном музее уходящим в запас солдатам 3 батареи наши сокровища. Присутствовал командир 3 батареи полковник Вешняков.

От 9 часов вечера я рассказывал молодым солдатам вкратце и популярно «В 80 дней вокруг света», причем был показан глобус. Завтра вся батарея идет в Народный дом – смотреть эту феерию.

10 декабря – среда.

В начале 11-го часа утра в казармы бригады прибыл и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майор Потоцкий и произвел тревогу в его высочества, 6 и 1 стрелковых батареях. Батареи через 18–20 минут выехали на большой плац в конном строю (4 орудия). На плацу генерал Потоцкий вызвал по тревоге 4 батарею бригады, которая выехала в конном строю через 13 минут (при одном офицере капитане Явид).

В 12 часов дня в большом бригадном манеже состоялся обычный молебен и проводы нижних чинов в запас. Я – на фланге 1 его высочества батареи. Генерал Головачев сказал солдатам речь и раза 3 благодарил их за службу. Впервые были розданы всем солдатам листки с портретами царя, царицы и наследника с напутственными словами (изд. 3 Авдеева). Сказал «слово» и о. Философов, служивший молебен. Нижние чины прикладывались ко кресту, а потом были пропущены церемониальным маршем в манеже под музыку, которая потом вышла из манежа и стала во главе батарей, расходившихся по своим помещениям.

11 декабря – четверг.

Приказ по бригаде № 346, п. 19:

«Для осмотра кв. № 8 Литейного дома и проверки правильности счетов по ремонту этой квартиры, представленных подрядчиками, назначается мною комиссия под председательством полковника Горбачевича и членов: штабс-капитана Савонько и поручика Алексеева. Комиссии собираться по усмотрению председателя. О дне осмотра квартиры председателю комиссии войти в соглашение с полковником фон Цур-Миленом».

Генерал-майор Головачев.

От 9½ до 11¼ часов утра участвовал в бригадном суде по делу фельдшера Семенова, обвинявшегося в побеге со службы. Приговорили к 2½ месяцам тюрьмы (см. 22 ноября). Наши заседания суда, со времени постройки мной фехтовально-гимнастического зала для гг. офицеров, происходят в одной из этих зал. Перед судом – я дал присягу, приведенную о. Философовым.

СПб. речной яхт-клуб, коему мы ежегодно выдаем жетон и переходящий кубок 1 его высочества батареи (см. 29 июня), прислал 1 его высочества батареи нашей бригады 5 почетных билетов для входа на бал, устраиваемый ими сегодня в зале офицерского Собрания армии и флота. Были: командир батареи полковник Мясоедов, капитан Гирш, я, поручик Ушаков и поручик Наркович. Все – в обыкновенной форме, в новых мундирах (Александра 2). Я и Ушаков ужинали до 3-х часов ночи. Никто, конечно, не танцевал.

12 декабря – пятница.

После долгого перерыва снова дежурил по бригаде (см. 5 апреля). (см. 16 октября.) На этот раз я пригласил ближайших своих товарищей на обед в 6 часов вечера: полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Явид, капитан Альтфатер, поручик Снигиревский и поручик Ушаков. Кроме того, случайно были на моем обеде: полковник Погребняков, поручик Курбатов, поручик Жиленков, и после обеда подошли: поручик Наркович и поручик Люндеквист. Ели, а главное, пили (5½ бутылок водки, 1 громадный «Джин[д]жер» и полбутылки коньяку) до 12 часов, после чего мои гости сели играть в карты. Обед обошелся мне в 31 рубль 50 копеек.

13 декабря – суббота.

Утром, часов в 10, приезжал в бригаду на занятия и. д. начальника артиллерии генерал-майор Потоцкий (я кончал дежурство и ходил за ним до 12 часов дня; мороз ни с того ни с сего – 12 градусов и вьюга, режущая лицо). Потоцкий мне сообщил, что главнокомандующий категорически отказал какое-либо изменение в форме одежды для петровских частей, участвовавших под Полтавой (см. 8 декабря). Слава богу! Не будет, значит, такого идиотизма, что одна батарея нашей единой бригады ходила бы в кивере или гренадерке, а все остальные офицеры и нижние чины бригады – в касках!!

15 декабря – понедельник.

От 12¼ до 1¼ дня в собрании бригады были собраны все гг. офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Держал речь майор Головачев. Давно мы не слышали столь доброжелательного и джентльменского разговора с нами, какой имел место сегодня. Дело шло о прикомандировании к бригаде поручика 23 артиллерийской бригады Невдачина. Нас, по обычаю, спросили – желаем ли мы его в бригаде. Большинство в 1 и во 2 дивизионах ответили «нет». Гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион ответил «да». Генерал Головачев уже послал бумагу о его прикомандировании, как вдруг полковник Пономаревский-Свидерский 1 (командир 1 стрелковой батареи) подает рапорт, что Невдачина не желает вся бригада. Генерал Головачев выясняет массу недоразумений. Он не спрашивает – «желаем» мы или «не желаем» Невдачина, он просто собирает у нас сведения, и если скверных сведений о Невдачине нет, то командир бригады вправе сам лично согласиться на его перевод. Я согласен, что у нас в бригаде уже давно эти опросы порождают мильон недоразумений. Но, право, мы – обер-офицеры – в них неповинны!! Ведь это на ли турки-дивизионеры, вроде фон Цур-Милена и Горбачевича, вечно все путают, забывают, неправильно докладывают, пропускают сроки и т.п. Командир бригады предложил высказаться – что и кто имеет против Невдачина, и тогда он поступит своими правами, и его не примут. Увы! Никто ничего серьезного сказать не мог. Говорят, что Невдачин раньше просился в бригаду и ему отказали, но и самый факт отказа подвержен сомнению. Невдачин – сын попа: это раздражает многих. Но Невдачин – потомственный дворянин. Генерал Головачев не находит причины – отказывать ему за его происхождение...

Второй вопрос – о группе бригадной вместе с его высочеством.

Вечером вместе с Н. К. Снигиревским был на кинематографическом спектакле в заурядная. Гвоздь – парфорсная охота нашей офицерской кавалерийской школы, но снимки бледны и мало интересны. «Дело» знаменитой г-жи Стенэль представлено мало-значущими эпизодами и совсем неинтересны...

16 декабря – вторник.

От 7 до 8 часов вечера я читал лекцию в нашей 1 его высочества батарее о поэме Пушкина «Полтава». Было показано 13 туманных картин. После чтения и моих объяснений я задавал молодым солдатам вопросы по содержанию лекции.

17 декабря – среда.

По приказанию командира бригады генерала Головачева все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона экстренно собра-

лись в офицерском собрании бригады. Генерал Головачев сообщил нам, что он собрал нас по «весьма печальному для меня случаю». Этот печальный случай состоял в том, что он сегодня утром зашел в собрание бригады и увидел в карточной комнате 3 стола – сплошь исписанных мелом. Судя по записям, играли в макао, а судя по количеству исписанных столов – играли всю ночь. Генерал Головачев спросил дежурного по бригаде офицера – прикомандированного к бригаде подпоручика Фалеева (2 батареи) – играл ли он? и получил ответ, что «да», и на следующий вопрос командира сообщил – кто именно принимал участие в игре. Фамилий игравших генерал не назвал, но упомянул, что в числе играющих были не только самые младшие офицеры, но и поручик, который должен был бы знать правила офицерских собраний. Тут же генерал прочел нам эти правила, запрещающие азартные игры в офицерских собраниях. Затем генерал Головачев нам заявил, что сперва он хотел арестовать подпоручика Фалеева, но в виду его «чистосердечного сознания» (!!?) и заявления, что он «правил не знал» (тысяча вопросительных знаков???...), он его прощает, и на этот раз все дело считается поконченным. В будущем же генерал Головачев просил твердо соблюдать правила, причем заявил, что он привык «доверять офицерам», ловить их не будет, но если его доверие не оправдается, то такой офицер «сам подпишет себе приговор» – оставить службу в той бригаде, «в которой я команду».

Играли в макао: поручик Люндеквист, поручик Жиленков, подпоручик Фалеев и подпоручик Манакин. Кроме того, «мазал» – подпоручик Голубцов. «Шлепали» всю ночь.

18 декабря – четверг.

По моему приглашению к нам в собрание зашел наш бывший офицер (5 и 6 батарей) поручик в отставке Николай Николаевич Жонсон, которого я встретил в Гв[ардейском] эконо[мическом] обществе. Жонсон только что закончил свой курс обучения пенью и 27 декабря выступает в консерватории в опере «Севильский цирюльник». Его псевдоним – «МАРО». Смысл этого псевдонима такой: Жонсон получает пенсию и субсидию от великого князя Михаила Александровича, и «Маро» суть начальные буквы: «М.А.РО–манов»... Я угостил его обедом и вином...

20 декабря – суббота.

От 9½ часов утра до 11 часов утра участвовал в комиссии по осмотре квартиры № 8 полковника фон Цур-Милена в Литейном доме бригады (см. 11 декабря).

В 12½ часов дня я и бригадный адъютант штабс-капитан Фриде поехали во дворец к его высочеству герцогу М. Г. Мекленбургскому для поднесения ему нашей управленской группы в раме (см. 23 октября). Рама была заказана у Ва-

сильева (фабричный магазин) из красного дерева с бронзовыми украшениями и серебряной вызолоченной доской. На доске надпись: «Его высочеству герцогу М. Г. Мекленбургскому от В. С. Савонько, А. А. Фриде, Н. Н. Ушакова, Ю. А. фон Руммель и П. Н. Алексеева. 1908». Войдя в гостиную, я поставил раму (цена 20 рублей) на круглый стол. Мы были в «новых» мундирах (обыкновенная форма). Через минуту к нам вышел герцог и поздоровался с нами. Я сказал ему: «Ваше высочество! 23 октября этого года вы оказали чинам бригадного управления особую честь, снявшись с нами в общей фотографической группе. Глубоко ценя это высокое для нас внимание, мы просим ваше высочество принять от нас на память эту группу как знак нашей глубокой к вам признательности». Герцог пожал нам руки и ответил речью, в которой, между прочим, упомянул, что время нашего пребывания в Управлении бригады отличалось особою тяжелою работою (война и смута) и что мы все время работали «вдвойне». Затем он просил нас «верить», что группа эта будет для него «ценным и приятным воспоминанием» нашей совместной службы в Управлении бригады. Присев затем на несколько минут, мы вскоре перешли в столовую, где втроем пообедали. Под конец обеда герцог поднял бокал за наше здоровье, а я – за его. Кофе и наливку мы пили в гостиной и оживленно беседовали ровно до 2 часов дня.

Ночью от 1 – 2 сильная невралгическая боль в спине и груди (кольцо). Температура достигла днем 37,6. Тем не менее я пробыл на ногах до 7½ часов вечера, после чего лег в кровать.

21 декабря – воскресенье.

Утром Т = 37,7...

Днем был д-р Посадский (С. В.). Нашел инфлуэнцу. Кроме того, у меня несомненный бронхит. Подал рапорт о болезни, ибо завтра я должен был бы участвовать в бригадном суде и проч.

Не видя меня в собрании – обычного посетителя, – другой обычный посетитель Н. К. Снигиревский заходил ко мне и сидел до 5 часов вечера. Был также с визитом Н. Н. Жонсон (см. 18 декабря). Сидел также до 5 часов вечера. Разговор, естественно, вертелся около его первого дебюта в Консерватории утром 27 декабря, на каковой спектакль уже записалось человек 25 нашей бригады. Да! Жонсон находится в исключительных условиях! Без средств – он щедро субсидируется конторой великого князя Михаила Александровича, ни в чем ему не отказывающей. Сперва он брал уроки пения у известного итальянца Карелли в Неаполе (у него же брал уроки и другой наш офицер, С. Н. Крестьянов), потом он, под предлогом лечиться от бронхита, уехал в Египет. Там «случайно» у нашего посланника встретился с великим князем Борисом Владимировичем, и последний предложил ему бросить Италию и ехать доучиваться в Париж. Списались с великим князем Михаилом

Александровичем, и «контора» стала выплачивать безумный гонорар знаменитому Решке (по 40 рублей за полчаса, всего 5000 франков). Подчеркнутое мной слово «случай» не следует понимать буквально. В семье Жонсонов «случаи» куются мамашей нашего Н. Н., про которую говорят, что для нее нет ничего невозможного и что она достигает всего того, что захочет. Это совершенно верно. Я знаю Жонсона по Михайловскому артиллерийскому училищу. Как юнкер, в особенности в строевом отношении, он был ниже всякой критики. Тем не менее, командир батареи «архистроевик» Петраков был совершенно окружен мамашей Жонсона и относился к юнкеру Жонсону явно пристрастно. Когда был назначен юнкерский караул в Зимний дворец, то на правом фланге караула встал «часовой» великий князь Андрей Владимирович. Чтобы составить ему «пару», естественно было взять правофлангового во 2-й шеренге, но Петраков поставил к великому князю в затылок Жонсона – по росту чуть не головой ниже Андрея Владимировича. Я помню, что такое распоряжение страшно удивило всех юнкеров, и мы смеялись над честолюбием Жонсона. Что все это выхлопотала г-жа Жонсон – мы не сомневались. Теперь ясно, что во всем этом нет и тени «пустого» честолюбия! Тут все рассчитано как по нотам. Завязанные «связи» не развязываются, а сугубо поддерживаются. Когда появился в Михайловском артиллерийском училище великий князь Михаил Александрович, то атака была направлена на него. Насколько она оказалась удачной – вы видите из моих строк. Жонсон в течение 5 лет прожил и учился в таких условиях, в каких могут только самые богатые люди! Теперь предстоит ответить на вопрос: «Сделался ли Н.Н. Жонсон знаменитым певцом, каким он только и хочет себя видеть, или же он, à la Крестьянов, сведется на роль салонного певца!» Поживем, увидим...

22 декабря – понедельник.

Утром Т = 37,5... Кашель и проч.
Заходил навестить Н. Н. Ушаков.

23 декабря – вторник.

Инфлуенца неприятна своим упорством и неопределенностью. Т = 37.
Кашель душит по-прежнему.

24 декабря – среда.

Т = спустилась до 36,8... В 6 часов вечера я вышел на улицу и в собрании написал рапорт о выздоровлении.

25 декабря – четверг.

Вечером вместе с Гуцинским был в кинематографе «Royal Star». Совершенно неожиданно программа оказалась «полицейско-постной», т. е. были показаны

только «спортивные картины»! Я попадаюсь вторично!! Но кто мог ожидать, что и 25 декабря «грех» смотреть на обыкновенный кинематограф. Музыки тоже не было. Между прочими номерами была показана состязательная езда нашей артиллерии в Красном Селе. К сожалению – лента ниже всякой критики: рисунка совсем не видно. Бездна старых №№, которые я уже видел по несколько раз.

26 декабря – пятница.

В этом году у нас на праздниках в бригаде новинка. Прежде каждая батарея отдельно устраивала для своих людей какое-либо развлечение: водила в кинемо, народный дом, цирк, устраивала домашние спектакли, елку, танцы и проч. В этом году командир бригады поставил все дело на новую ногу, причем в программу вложено (скрытно) два вполне определенных требования: 1) однообразие всей бригады со Стрелковым дивизионом и 2) непрерывность увеселений с утра до вечера и ежедневно в течение всех праздников (28, 27 и 28). Последнее требование, по-видимому, опирается на желание начальства – «занять и утомить» нижних чинов в стенах казарм настолько, чтобы у них не было желания уходить в отпуск, шляться по улице и напиваться. Сознаюсь, что этот иезуитический мотив мне не нравится. А дисциплина и воспитание!? Разве это менее надежное оружие, чем «миндальничанье» и «задабривание»? Нет! Это единственное средство к поддержанию добропорядочного поведения людей, ибо в противном случае стоит только (по мнению начальства!!) НЕ сделать развлечения и НЕ занять людей – и люди все напьются и проч.!! К счастью нашей армии, мнение начальства расходится с действительностью, и если признать нужным увеселения для нижних чинов, то отнюдь не по тем мотивам, какие скрытно лелеют такие ослы, как генерал-адъютант Данилов...

Опишу сегодняшний праздник в большом бригадном манеже. На нем были все нижние чины бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (желающие), включая и молодых солдат. Было много и офицеров. Главным распорядителем был полковник фон Цур-Милен, а его помощником подпоручик Фалеев.

Началось с лазанья на шест (столб), водруженный посередине манежа. Лазая (любители) по порядку №№ батарей, первым долез лишь солдат 1 стрелковой батареи Стешаков, заслуживший аплодисменты всех нижних чинов. Впрочем, без жульства не обошлось: он взял с собой песку в кармане! Нашелся и второй солдат (2 стрелковой батареи Мигаль), который долез до верху. Но всего – два, и оба гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Интересен был бег в мешках. Бежали побатарейно, по несколько человек в каждой батарее. Эффектно пробежал вице-фейерверкер 1 его высочества батареи Павлов, который, добежав первым до старта, повернулся в мешке по уставу и приложил руку к головному убору. Возбудила у нижних чинов интерес и французская борьба, причем некоторые нижние чины, безусловно, обнаружили знание обычных

приемов борцов (например, 1 его высочества батареи бомбардир Белецкий). Много смеху вызвала т. н. «конная» борьба. Один нижний чин садился верхом на другого, затем так же устраивалась другая пара, и сидящие верхом старались повалить друг друга, схватившись для этого правыми руками.

Перетяжка каната происходила побатарейно (по 10 человек с каждой стороны). Тянулись 1 его высочества с 4-й, 2 с 5, 3 с 6-й и 1 стр. со 2-й стр. Победили: 4, 5, 3 и 1 стр.

Последним № были так наз[ываемые] «слоны». Это, по-моему, неудачный и неинтересный номер. А главное, многие нижние чины не знали, в чем дело и что нужно делать. Нужно построить пирамиду из 6 человек в 3 ряда (3, 2 и 1) и обойти вокруг манежа как можно скорее, не рассыпавшись. За скоростью следят по секундомеру. Затем началась раздача призов. Это все – незатейливые предметы «солдатского сундучка» стоимостью в 20–30 копеек. Перочинные ножи, рамки, портсигары, кошельки, шашки, почтовая бумага, кисти для бритья, зеркальцы, сапожные щетки, головные щеточки и проч. Призов масса, и раздавались они весьма широко. Праздник продолжался с 1 часу дня до 4-х. Все время присутствовал командир бригады генерал-майор Головачев, На устроенной сцене (завтра будет фокусник и проч.) играли балалаечники в красных рубахах (а почему не в форме!??) и шипел граммофон 2-й батареи, то заливаясь Вяльцевой, то рассказывая анекдот о жиде у телефона. Впрочем, никто не слушал этот граммофон. Была бы уместна музыка, но наши музыканты изволят играть на катке, ибо там дают водку и деньги, а у нас не дают... За-втрашнее дневное «увеселение» мне придется пропустить, ибо я буду в театре, а воскресное развлечение постараюсь также занести на эти страницы.

27 декабря – суббота.

Состоялся первый дебют в опере нашего бывшего офицера Николая Николаевича Жонсона (Маро) (см. 21 декабря). Бригада «почтила» спектакль своим присутствием и выслала изрядное количество своих представителей. Были:

полковник Мясоедов,
полковник Вешняков с женой,
полковник Крутиков с женой (в ложе),
я,
полковник Илькевич,
полковник Пономаревский-Свидерский 2,
капитан Явид,
штабс-капитан Шаняевский,
штабс-капитан Беляев (Тимофей),
поручик Снигиревский,
подпоручик Шмидт,
подпоручик Семенов,

полковник Петрушевский (лейб-гвардии 2 артиллерийский бригады),
штабс-капитан Фриде,
штабс-капитан Рейнталь,
штабс-капитан Есимонтовский,
поручик Алексеев,
подпоручик Фалеев,
подпоручик Нестеров.

Выход Маро был встречен аплодисментами. В Литерной ложе сидел великий князь Борис Владимирович. Шел «Севильский цирюльник» (от 1 – 4 часов дня). Общее мнение: пение и игра г. Маро – полное убожество. Голос симпатичный, но маленький настолько, что кажется, что певец не поет, а только разевает рот. В «Новом времени» впоследствии я читал рецензию, что г. Маро «понравился публике». И только... Во всяком случае мы его, несомненно, поддержали своими пристрастными хлопками...

28 декабря – воскр[е]се[н]ье.

Сегодня от 1 – 4 часов дня я присутствовал на различных «увеселениях», происходящих у нас в большом манеже, для солдат (см. 26 декабря). Тут был и фокусник, клоун с дрессированными собачками и малолетним гимнастом Павликом, ряженные из солдат, из них же рассказчик анекдотов и танцор, балалаечники, песенники и т.п.

В общем, по-моему, было весьма плохо...

В 7 часов начался спектакль, представленный солдатами 2 стрелковой батареи, причем главным режиссером и суфлером был поручик Люндеквист. Дали 3 пьесы: 1) «Жена напрокат», 2) «Приемный день у адвоката» и 3) «Медаль». Последнюю шутку уже раз давали во 2 стрелковой батарее. После спектакля (около 10 часов вечера) начались танцы под наш оркестр, который играл в манеже с 7 часов вечера.

Днем присутствовал[и] командир бригады генерал-майор Головачев и порядочное количество штаб- и обер-офицеров. Вчера – программа развлечений была буквально такая же, как и сегодня: это полное повторение для второй половины бригады со Стрелковым дивизионом.

31 декабря – среда.

Новый год встретил, по обыкновению, в доме генерал-лейтенанта Владимира Яковлевича Рейнталья. Были: штабс-капитан Рейнталь с супругой, г-жа Григорьева с дочерью, генеральша Софья Владимировна Клименко, генеральша Линден и один офицер.

1909

Из записной книжки 1909 г.

В. Савонько

1913 г.

ХРОНИКА 1909 г.

3 января – суббота.

Был в кинематографе «Royal Star» на Марсовом поле. Единственный интерес представляли снимки землетрясения в Мессине (уборка раненых, раскопки и проч.). На полотне фигурировали и наши матросы...

4 января – воскр[е]сенье.

На дежурстве штабс-капитана Т. Т. Беляева у нас в собрании был английский офицер капитан 1 полка Гуркосов (в Индии)¹ Бертвуд. Г. Бертвуд уже 2 месяца живет в СПб. для изучения русского языка.

6 января – вторник.

По-видимому, высшее начальство желает «занять» нижних чинов по праздникам во что бы то ни стало. Сегодня, например, приказано отслужить в частях молебны с водосвятием и пропустить людей церемониальным маршем. У нас в бригаде эта церемония началась в 11½ часов утра. Парадом командовал полковник Горбачевич (командир гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона). Я встал на левом фланге 1 его высочества батареи. Как водится, нашелся хоть один офицер, пришедший не по форме. На этот раз это был не капитан Гирш, а полковник Погребняков, позабывший одеть лацкан. Вообще, как заметил полковник Пономаревский-Свидерский 2, отсутствие герцога уже начинает сказываться. Нижние чины некоторых батарей понемногу отпускают себе волосы и выглядят лохматыми, а гг. офицеры очень свободно относятся к форме одежды. Поручик Ушаков, например, занимая должность адъютанта 1 дивизиона, преспокойно носит царские вензеля на погонях, не имея на то ровно никакого права. К началу молебна прибыл командир бригады генерал-майор Головачев. Молебен служил о. Николаевский, сказавши до и после молебна «слово» (увы! довольно длинное). Когда погружали крест в фарфоровую миску с отварной водой, музыка, по приказанию генерала Головачева, заиграла «Коль славен». Певчие продолжали тем временем петь свое, и так как музыка им мешала, то вышла какофония. После молебна генерал Головачев поздравил батареи с праздником Богоявления и пропустил их повзводно церемониальным маршем.

7 января – среда.

Сегодня штабс-капитан фон Рейнгард 1 (2 стрелковой батареи) открыл серию сообщений для офицеров бригады. Читал он 50 минут о Боксерском

¹ 1-й Гуркхский стрелковый полк, позднее 1-й собственный короля Георга V (Малаунский) полк, старейшая британская воинская часть, комплектуемая непальцами, ныне в составе индийской армии.

восстании 190[0]–1901 года. Это, без сомнения, ученическая лекция, в которой никто ничего нового не почерпнул. Такая лекция была бы незаменима для прапорщиков или для кадет младшего класса. Для нас же – это почти потерянное время. Читает штабс-капитан Рейнгард 1 тихо и неясно. На лекции присутствовали командир бригады генерал-майор Головачев и все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (от 12 часов 40 мин[ут] до 1 часу 30 минут).

8 января – четверг.

От 10½ часов утра я участвовал в совещании генерал-майора Головачева с комитетом офицерского собрания (были: полковник Вешняков и капитан Явид) по поводу посланного мной рапорта (как заведывающего музеем) о расширении нашего бригадного музея. После долгих «уговоров» – командир бригады, по-видимому, готов исполнить мою просьбу.

9 января – пятница.

От 7¼ часов вечера до 8 часов вечера рассказывал нижним чинам 1 его высочества батареи о Суворове. При этом было показано мною много туманных картин. На моем сообщении присутствовал командир батареи.

10 января – суббота.

День похорон отца нашего товарища Дмитрия Васильевича Альтфатера (Фрица) – генерал-лейтенанта в отставке Василия Егоровича Альтфатера. Он умер скоропостижно 8 января утром, и вызванный из батареи капитан Альтфатер уже не застал его в живых. В тот же день я принял на себя запись тех офицеров, кои пожелали участвовать в венке на гроб генерала, и в тот же день я заказал венок у Вержбицкого, ценою в 38 рублей. На бархатных лентах надпись: 1) «Генерал-лейтенанту Василию Егоровичу Альтфатер», 2), «От товарищей и сослуживцев сына по лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде». Этот венок был возложен сегодня около 11 часов утра полковником Илькевичем, полковником Пономаревским-Свидерским 2 и др. До сегодняшнего дня никаких панихид не было. В начале 12-го часа дня состоялся вынос тела из квартиры (Литейный пр., д. 27) – vis-a-vis казарм нашей бригады. Воинские почести были оказаны батальоном лейб-гвардии Преображенского полка со знаменем и 2-мя орудиями 6 батареи нашей бригады под командой подпоручика Семенова. Гроб был поставлен на лафет 2 батареи нашей бригады. До сегодняшнего дня на венок записалось 35 человек нашей бригады. Не менее этого числа офицеров нашей бригады присутствовали и на выносе тела. Был и командир бригады генерал-майор Головачев. Кроме того, я заметил: командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович, штабс-капитан Драке, полковник Фуфаевский, подполковник Гене-

рального штаба Базаров и друг. Было небольшое количество чинов артиллерийского ведомства и порядочное количество рабочих Арсенала и Орудийного завода, где служил покойный Василий Егорович. Похоронили генерала Альтфатера на Волковом лютеранском кладбище. Я, полковник Пономаревский-Свидерский 2, генерал Головачев, капитан Явид, полковник Илькевич, штабс-капитан Фриде, штабс-капитан Шанявский, поручик Снигиревский, поручик Ушаков и полковник Вешняков дошли пешком до самого кладбища. Пастор сказал по-немецки последнюю молитву, и гроб опустили в могилу, после чего раздались (с запозданием) залпы ружей и орудий. Тем временем какой-то рабочий (из бывших подчиненных покойного) созвал своих товарищей, и человек 10–15 довольно стройно пропели нашу православную «Вечную память». Это было весьма трогательно, тем более, что после того я слышал, как рабочие громко хвалили покойного генерала и говорили, что такого начальника «дай бог всякому!». Вечная ему память!

Забыл сказать, что ордена покойного несли офицеры нашей 2 батареи (прикомандированные) подпоручики Фалеев и Жолтановский.

11 января – воскресенье.

От 1 часу дня до 2½ часов дня показывал и объяснял своим молодым солдатам (1 его высочества батареи) Суворовский музей. (См. 9 января.)

12 января – понедельник.

В 1 час дня был на панихиде в Сергиевском всей артиллерии соборе, которую заказала семья Пономаревских-Свидерских в полугодовой день смерти их отца. Кроме меня – на панихиду прибыли: полковник Вешняков (командир 3 батареи), капитан Явид, капитан Альтфатер, капитан Чуйкевич, полковник Илькевич, поручик Снигиревский, генерал-майор Лехович (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), поручик Сергеевский (?) и несколько генералов, штаб- и обер-офицеров – чинов Главного артиллерийского управления, причем все без исключения были, конечно, в сюртуках!.. Не могут же «умные» артиллеристы снисходить до соблюдения формы!!.. А тогда – зачем они ее вообще носят??

14 января – среда.

2-я лекция в нашем собрании (см. 7 января). На этот раз читал капитан Алымов о Бое при Шахэ. Удовлетворительно, бледно, длинно (1 час 10 минут), скучно и довольно бессистемно!..

16 января – пятница.

От 10¼ часов утра (с опозданием на четверть часа) у нас в батарее (1 его высочества) происходил опрос претензий командиром 1 дивизиона

полковником фон Цур-Миленом. Я стоял на фланге моих молодых солдат. Хотя полковник фон Цур-Милен абсолютно никогда в батареях дивизиона не бывает и службой вовсе не занимается, но и он захотел быть не хуже других «умных» начальников, а потому задавал офицерам – командирам взводов различные вопросы, долженствовавшие показать, что взводный офицер «знает» своих людей. Особенно игрив такой вопрос: «Кого вы можете назначить кашеваром?» Ответ требуется моментальный и обоснованный на кулинарных способностях названного вами нижнего чина и т. д. Переспросив всех четырех взводных офицеров (капитана фон Эндена, поручика Нарковича, поручика Древинга и подпоручика Манакина), полковник фон Цур-Милен, подойдя к молодым солдатам, задал мне следующие вопросы:

- 1) Сколько у вас эстонцев, латышей?
- 2) Сколько у вас католиков?
- 3) Перечтите мне всех поляков по фамилиям.
- 4) Чем они занимались до службы?
- 5) Сколько у вас ремесленников?
- 6) Есть ли у вас старообрядцы?

и т. д.

На все вопросы я давал ему точные ответы.

В 12½ часов дня в Сергиевском всей артиллерии соборе капитан Альтфатер заказал православную панихиду по своему отцу (9-й день, см. 10 января). Были: я, полковник Пономаревский-Свидерский 1, полковник Пономаревский-Свидерский 2 с супругой, капитан Явид, капитан Мальчевский (бывший офицер нашей бригады) и поручик Алексеев.

17 января – суббота.

В 12 часов дня вступил на дежурство по бригаде.

В 6½ часов вечера рассказывал в 1 его высочества батарее о флоте (краткая история и типы современных судов). Прекрасные картины для волшебного фонаря я достал в комиссии для народных чтений, брошюры же не оказалось, и я составил себе конспект по «Энциклопедическому словарю»² и по Кладу (печатные его лекции в Обществе ревнителей военных знаний)³.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 41 т. СПб., 1890–1907.

³ Клад Н.Л. Бой на море: [Конспект]. [СПб., 1900]; Клад Н.Л. Боевые средства современного флота: [Конспект]. [СПб., 1900]; Клад Н.Л. Значение морской силы. [СПб., 1900]; Клад Н.Л. Бой флота с береговыми укреплениями: Разбор некоторых вопросов на основании опытов стрельбы: [Конспект]. [СПб., 1903].

18 января – воскр[е]сенье.

Сменившись с дежурства, я тотчас же вместе с поручиком Снигиревским и Алексеевым поехал в Морской музей, куда к этому времени пришли и мои молодые солдаты (см. 17 января). В музее мы пробыли до звонка – до 3 часов дня. Большинство объяснений – и притом весьма интересных – давал солдатам Н. К. Снигиревский, блеснувший весьма основательным знанием нашего флота...

21 января – среда.

3-я лекция в нашем собрании (см. 14 января). Читал капитан фон Энден: «Потери от артиллерийского огня». Лекция – коротенькая (40 минут), бессвязная и детски-наивная.

25 января – воскр[е]сенье.

В 11½ часов утра лично повел молодых солдат 1 его высочества батареи в Зоологический музей, где и пробыл с ними до 2¼ часов дня. Накануне (в субботу) я дал им краткое понятие о частях света, о климатических поясах и о распределении всех животных, птиц и рыб на земном шаре... В музее, кроме нашей батареи, были еще: 3-я батарея лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, Финляндцы, гвардейские и флотские матросы, разные приюты и много «средней» публики...

26 января – понедельник.

В качестве члена бригадного суда (председатель – капитан Перрет, члены: я и поручик Курбатов) судили от 9½ часов утра канонира 6 батареи Кучерявого за побег и промотание вещей и оружия... Присудили к 3 годам дисциплинарного батальона.

28 января – среда.

В 11¼ часов утра в нашем большом бригадном манеже была отслужена панихида (40-й день смерти) по «всемирно-чтимому» Иоанне Кронштадтском. Накануне в приказе было предписано: собрать для слушания всех нижних чинов и быть всем гг. офицерам в обыкновенной форме. Боже! Что мы сегодня увидели! Большинство было в больших сапогах и при шарфе. Меньшинство было в длинных брюках и без шарфа. Несколько человек оделись совсем несообразно: в больших сапогах и без шарфа (такой формы, безусловно, нет). Командир и офицеры 5 батареи были при револьверах. После панихиды (служил о. Николаевский с диаконом, а «тянули» остатки расформированного хора певчих). Генерал Головачев «цукнул» нижних чинов за то, что они плохо стоят вовремя богослужения, и заметил, что «благопристойность» – первое качество всякого солдата. По правде сказать, не

столько нижние чины, сколько мы – гг. офицеры – удивительно плохо и даже неприлично ведем себя вовремя панихид и молебнов. Разговариваем, смеемся, спорим и т. д. Неважный пример для солдат!!..

От 12½ часов мы имели несчастье слушать «лекцию» штабс-капитана Есимантовского о пулеметах (см. 21 января, 4-я лекция). Это в полном смысле слова бездарное чтение и притом в буквальном смысле слова, так как Есимантовский не рассказывал, а читал по писанному. Промучив нас около часу, он прикончил свое мямление, но после него вдруг «выскочил» полковник Крутиков (командир 6 батареи) и начал рассказывать об эпизодах Китайской войны, в которой он принимал участие со 2-й стрелковой батареей. Связи с лекцией Есимантовского не было никакой, хотя в его рассказе и фигурировал пулеметный взвод подпоручика Новогребельского. Тем не менее его рассказ, как рассказ умного человека, да еще участника события, нас заинтересовал и немного вознаграждал за бесталанную лекцию штабс-капитана Есимантовского. Жаль, что чтение лекций вообще не поручено тем лицам, коим есть что читать, а поручено тем, кто их отбывает как скучный и нудный номер....

В 4½ часа дня дворники «Зеленых связей» начали перетаскивать мои вещи из кв[артир]ы № 27 в новую квартиру (№ 17), только что освобожденную полковником Петрушевским. Большинство вещей уже было перенесено уже к 6½ часам вечера, и ночевал я эту ночь уже на новом «пепелище». Квартира эта зачислена лично за мной (как за старшим офицером), состоит из 4-х комнат и ванны и выходит окнами на Надеждинскую улицу. Подъезд – также с Надеждинской улицы.

29 января – четверг.

Приехал в СПб. муж моей кузины ротмистр 3 Кавалерийского запасного полка Николай Иванович Андрюков (я упоминал о нем в прошлом году, так как я встретился с ним на Кавказе). Вчера он зашел ко мне в казармы, а сегодня в 4½ часа вечера он был у меня... В 6 часов вечера я угостил его обедом у нас в собрании. Было подано шампанское и ликеры.

30 января – пятница.

Я опять на «ролях». Женится подпрапорщик нашей (1 его высочества) батареи Николай Логинович Серегин, и я приглашен старшим шафером. В 5 часов 20 минут ко мне на квартиру зашел подпрапорщик Серегин, и я вместе с ним спустился по той же лестнице в квартиру капитана нашей батареи фон Эндена, где он и его жена благословили жениха. После того Серегин с фон Энденом уехали в церковь (Сергиевский всей артиллерии собор), а через десяток минут карета вернулась обратно, и я с «букетом жениха» и с собственной коробкой конфет (3 фунта, для шафериц) поехал на квартиру невесты (Александра Еме-

льяновна Сайко). Она – дочь вахмистра 2-го эскадрона СПб. жандармского дивизиона и жила с отцом в казармах дивизиона (Кирочная ул., д. 15). Тут я присутствовал вовремя благословения невесты жандармским офицером и женой другого жандармского офицера, а затем с невестой и с «мальчиком с образом» поехал в собор. Венчал о. Николаевский. Кроме меня шаферами жениха были поручик Курбатов и подпоручик Манакин. В соборе были: его высочество герцог М. Г. Мекленбургский, генерал Головачев (командир бригады), полковник Мясоедов (командир нашей батареи), поручик Ушаков и поручик Наркович. После венчания обер-офицеры поехали на квартиру вахмистра (отца невесты), где мы выпили по бокалу шампанского. Играли дивизионные трубачи. Тотчас после «бокала» я уехал, не дожидаясь приглашения на ужин... в 8 часов вечера. Прочие офицеры нашей батареи остались ужинать и еще после ужина пили шампанское в офицерском собрании жандармского дивизиона...

31 января – суббота.

Сегодня должен был состояться «пробег» гг. офицеров и после него общий завтрак. Одно из условий – это чтобы мороз был не более 10 градусов. Вчерашняя погода сулила успех пробегу, ибо вдруг потеплело и вечером было не более 6 градусов мороза. Но сегодня утром термометр показывал 12, и пробег не состоялся. Зато в 12 часов дня состоялся общий завтрак – «блины», за который село около 40 человек офицеров – во главе с командиром бригады генералом Головачевым. Вовремя завтрака и после него (часов до 3–3½) играл наш хор трубачей. После завтрака составилось 4 стола «картошлепов» (винт, бридж и покер).

3 февраля – вторник.

Состоялся отложенный «пробег» (см. 31 января). Он начался в 11 часов утра, а так как у меня утренние занятия с молодыми солдатами продолжались до 12 часов дня, то я пропустил пускание ездовых со старта (у ворот наших старых казарм). В пробеге приняли участие 9 офицеров:

- 1) поручик фон Руммель (бригадный казначей),
- 2) поручик Болецкий (1 стрелковой батареи),
- 3) поручик Бутовский (адъютант гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона),
- 5) капитан Явид (4 батареи),
- 6) штабс-капитан Рейнгард 1 (2 стрелковой батареи),
- 7) поручик Перлик (6 батареи),
- 8) прикомандированный подпоручик Нестеров (6 батареи) и
- 9) подпоручик Миллер.

«Любителями» поехали верхом генерал Головачев, капитан Буякович, подпоручик Тарасов, полковник Вешняков. Весь пробег равнялся 45–48

верстам. Норма пробега была определена в 3 часа 30 минут, поворот у ст. Раздельной (Сестрорецкой ж[елезной] д[ороги]), где всадников встречал председатель нашей спортивной комиссии полковник Пономаревский-Свидерский 1 (командир 1 стрелковой батареи) и выдавал им билетики за свою подписью. Тепло... 0 градусов. Накануне выпал обильный снег. Около 1½ часов дня стали возвращаться участники пробега обратно, и я мог лично при этом присутствовать. У старта официальным счетчиком времени стоял член спортивной комиссии полковник Пономаревский-Свидерский 2, а помощником его был поручик Снигиревский. Наибольшую резвость показал поручик Бутовский на своей лошади, пройдя все расстояние в

2 часа 25 минут 48 секунд

При этом и он, и его лошадь выглядели свежими и бодрыми. Вторым был поручик фон Руммель, прошедший в

2 часа 30 минут 42 секунды

Он ездил на лошади Зибель штабс-капитана Рейнталя, которая пришла на старт сильно утомленная, еле волоча ноги. Сам поручик фон Руммель выглядел бледным, страшно утомленным и с сильною дрожью во всех членах. Третье место досталось штабс-капитану фон Рейнгарду (2 часа 34 минуты 29 секунд). Четвертым прибыл капитан Явид (2 часа 41 минута 10 секунд). Последним прибыл поручик Перлик, и без места подпоручик Шмидт. Теперь два слова о призах. Их покупал поручик фон Руммель, и как только я их увидел, то тотчас же высказал свое мнение, что эти призы годны для нижних чинов «швейцаров», «дворников», «мещан» и т.д., но отнюдь не для офицеров. Офицеру можно дать: кубки, чары, стики и т.д. А Руммель купил: 1) серебряный подстаканник, 2) закусочные ножи и вилки (дутого серебра) и 3) отвратительные серебряные рюмки. Через день 2 последних приза переменили на серебряную чару и на портсигар (плохой), но подстаканник остался и давал повод острить, что взявшего 1-й приз мы будем поздравлять «С подстаканником»! Кроме того председатель комиссии полковник Пономаревский-Свидерский 1 даст еще первому призу – серебряную кружку с надписью: «Приз Ромбана». Ромбан – это старая кляча с громадной дозой перца, служащая своему владельцу с подпоручичьего чина. В честь этой клячи и учрежден названный приз полковником Пономаревским-Свидерским 1. Почтенный и благородный порыв председателя комиссии испорчен нелепой и смешной идеей – увековечить столь неудачным способом свою лошадь!! Вместе с призами будут выданы победителям и жетоны.

4 февраля – среда.

На своем дежурстве по бригаде принимал гостя – полковника Дмитрия Петровича Струкова, небезызвестного в исторических кружках. Он заведует нашим знаменитым артиллерийским историческим музеем (в Кронверке) и состоит секретарем Императорского Русского военно-исторического общества. Струкову я показал наш бригадный музей, а затем предложил ему «чай» и бокал шампанского. Дмитрий Петрович сообщил нам печальную новость: около 6 часов вечера скончался великий князь Владимир Александрович – один из образованнейших людей нашего времени.

6 февраля – пятница.

В 11 часов наша бригада служила панихиду по великом князе Владимире Александровиче (см. 4 февраля и «Новое время») в Сергиевском всей артиллерии соборе. Присутствовали все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона по главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым. После панихиды я и капитан Н. П. Чуйкевич поехали расписаться у великого князя Андрея Владимировича (наш товарищ по выпуску из Михайловского артиллерийского училища) по случаю постигшего его горя. Между 4 и 5 часам[и] дня в нашу бригаду прибыли одна батарея 22 артиллерийской бригады и 1 батарея 37 артиллерийской бригады. Обе – в пешем строю. Батареи эти вызваны в СПб. для участия в церемонии перевезения тела великого князя Владимира Александровича. Офицеров 22 и 37 артиллерийских бригад встретил председатель распорядительного комитета полковник Вешняков и хозяин нашего собрания штабс-капитан Шанявский. Гостям было предложено закусить, а затем пообедать. Полковник Вешняков перед обедом уехал, и старшим хозяином остался капитан Альфатер. За стол сели: командир батареи 22 артиллерийской бригады подполковник Попов и командир батареи 37 артиллерийской бригады подполковник Жданко и 4 обер-офицера; затем я, дежурные – подпоручики Коренев и Тарасов (по пожару) и подпоручик Фалеев. Были: вина и ликер (джинжер), шампанского не было. В 7 часов вечера все встали из-за стола.

Как водится, наша бригада принимает выдающееся участие в похоронах почившего великого князя. В конном строю идет сводная батарея (8 орудий) гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона под командой полковника Пономаревского-Свидерского 1, а лафет для гроба наряжен от нашей 1 его высочества батареи. Сегодня в 10 часов утра командир бригады лично осматривал запряжку этого лафета. Фейерверкером назначен сверхсрочнослужащий взводный фейерверкер Анохин; ездовые: бомбардиры Лебедев, Тарахтий и Архипов. Лебедев и Архипов имеют серебряные часы, и чтобы не испортить «вид» – дали одеть часы и Анохину

и Тарахтию. Остроумно, но одобрить это маленькое «жульство» нельзя... Днем этот лафет вызывался для репетиции в распоряжение придворно-конюшенного ведомства. В день погребения (8 февраля) салютовать будет 1 его высочества батарея нашей бригады.

9 февраля – понедельник.

От 10 часов утра до 1½ часа дня – в качестве члена бригадного суда – судил бомбардира 5 батареи Зякина и канонира 6 батареи Долгова по обвинению в растрате казенных денег и имущества в солдатской артели. Председатель суда – капитан Перрет, члены: я и поручик Снигиревский.

15 февраля – воскресенье.

По обыкновению был в Михайловском манеже на 1-м концерте. Из офицеров нашей бригады было немного:

капитан фон Энден,
штабс-капитан Рейнталь с супругой,
поручик Ушаков,
поручик Снигиревский,
прикомандированные: подпоручики Фалеев и Нестеров.

На премировке лошадей ездил на лошади г. Кобытут-Дашкевича (Goldream, рыжий жеребец, 4 лет) поручик Древинг (1 его высочества батареи).

17 февраля – вторник.

В 12 часов дня мне пришлось поехать в манеж Офицерской кавалерийской школы, чтобы присутствовать на «рубке» нашего нижнего чина фейерверкера 1 его высочества батареи Черепнина. Езда и рубка в батарее находятся в ведении поручика Нарковича, но сегодня почти вся бригада уехала на маневры под Павловск, где фигурируют 4 и 6 батареи нашей бригады и батареи лейб-гвардии 2 и гвардейской Конно-артиллерийской бригад. Завтра – боевая стрельба, а послезавтра – обратное походное движение в СПбург. По приказу «все без исключения» офицеры бригады должны завтра быть на стрельбе, но словесно приказано остаться всем заведывающим молодыми солдатами и несколькими другим. Остался, следовательно, и я. К счастью для маневрирующих – погода теплая, несколько градусов мороза при довольно сильном ветре...

Приказ по бригаде № 48, п. 19:

«5) В состав комиссии, заведывающей Вспомогательным капиталом, в 1909 году избраны: председатель – полковник Пономаревский-Свидерский 2 (33 голосами), членами: капитан Альтфатер (38 голосами), фон Энден (20 голосами), Явид (45 голосами) и штабс-капитан Савонько (18 голосами)...

20 февраля – пятница.

Приказ по бригаде № 51, п. 9:

«Ввиду некоторых неудобств, вызываемых существующими частными правилами для занятия офицерами бригады казенных квартир в Литейном доме и Зеленых связях, а так же записи об этом в “Книге заявлений” офицерского собрания, мною назначается для пересмотра этих правил комиссия в составе председателя полковника Илькевича и членов: капитана фон Эндена, штабс-капитана Савонько, поручика Бутовского, подпоручика Семенова, при делопроизводителе поручике Алексееве. Комиссии собраться по усмотрению председателя».

Генерал-майор Головачев.

21 февраля – суббота.

В 1 час дня в нашем большом манеже состоялось состязание в прыжках через препятствия для гг. офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. О самом состязании можно сказать лишь два слова, ну а о «гостях», посетивших наше состязание, придется поговорить весьма подробно. Сперва о состязании. Всех №№ было 12, а так как поручик фон Руммель скакал на четырех лошадях, то всего участвующих офицеров было 9. Были: корзина, ров, плетень – все, что полагается. У препятствий стояли судьи: полковник Вешняков, полковник Пономаревский-Свидерский 2, поручик Ушаков и подпоручик Гольдгаар. Чем-то распорядился подпоручик Шмидт. У печки, близ выводного манежа, был устроен высокий помост, на котором восседали: командир бригады генерал-майор Головачев и председатель спортивной комиссии полковник Пономаревский-Свидерский 1, который для сего торжественного случая был в рейтузах, высоких сапогах и со стиком в руках. Устроители не забыли: колокола, номеров на рукавах наездников, №№ (баллы) у солдат, стоящих у препятствий, и т. д. Т.е. совсем как у настоящих кавалеристов. В общем скакали гг. офицеры плохо. Лучше других скакал поручик фон Руммель и подпоручик Нестеров. Позорно плохо ездил капитан фон Энден, очень плох был поручик Перлик и довольно комичен и плох штабс-капитан Шанявский. На этот раз весьма неудачно ездил поручик Стефанов и, начав хорошо, сплосховал под конец подпоручик Миллер. Весьма удовлетворителен был подпоручик Тихонравов. Призов было 3, и все их «забрал» поручик фон Руммель. 1-й приз взяла лошадь капитана Явида, 2-й и 3-й призы взяли лошади самого Руммеля.

Теперь о «гостях».

Вся ложа манежа была «украшена» нашими бригадными (вернее «дивизионными») дамами. Как? Неужели бригада изменила своим традициям и устроила «празднество» с дамами? Отнюдь нет!!! Все это было устроено единолично генерал-майором Головачевым – по несомненным науськива-

ниям штабс-капитана Фриде и поручика фон Руммеля, жены которых уже давно мечтают (?) пролезть в наше офицерское собрание. Вообще дамы любопытны и нахальны не в меру. Зная, что бригада не особенно желает их посещений, они решили действовать «нахрапом», и их благоверные мужья, боясь грозного «башмака», энергично повели атаку, дабы добиться своего. Как видите, наши бригадные суфражистки восторжествовали. Но каким путем? Путем презрения к интересам гг. офицеров бригады, путем казуистики, что генерал Головачев может и имеет право приглашать в манеж кого угодно, ибо манеж – не офицерское собрание. Нечего и говорить, что это безусловно неверно. Этого не сознают только те, кто нарочно желает «передернуть». В манеж генерал Головачев может приглашать кого угодно, но только в пустой, а не тогда, когда там происходит состязание нашего общества, в котором все офицеры – плательщики и равные участники. Таким образом, кучка офицеров (увы! значительная) наплевала, ради своих тайных желаний, на интересы всей бригады и заставила генерала Головачева совершить незаконный поступок. Я и многие другие офицеры бригады вóвремя заметили этот наглый и бесцеремонный поход на наши права и потребовали «общее собрание» для баллотировки вопроса – приглашать или не приглашать дам на состязания. Но мужья «суфражисток» завопили, что «общее собрание» – это оскорбление для бригадных дам, и «общее собрание» было сорвано – очевидно, благодаря тем же Фриде или Руммелю, которые воспользовались, ради интересов своих жен, своею близостью к командиру бригады. Роль шляпы и пантофельсхельда сыграл также и председатель спортивного общества полковник Пономаревский-Свидерский 1, который обязан был вовремя доложить командиру бригады – об истинном положении дела и не допустить недалекого Головачева совершить неловкий и незаконный шаг. Но шаг этот был совершен, и сегодня наша ложа наполнилась бригадными и дивизионными «суфражистками», которые «назло» нам пришли в манеж... Я заметил следующих дам: г-жи фон Руммель, Фриде, фон Энден, фон Рейнгард 2, Бутовская, Чуйкевич (Пуся), Горбачевич, Алымова, Баклунд, Наркович и др. Мало того: Головачев, никому не говоря ни слова (т.е. скрыв от офицеров бригады), послал приглашения лейб-гвардии во 2 артиллерийскую бригаду и гвардейскую Конную. Последняя, конечно, наплевала на приглашение, а из 2-й бригады приехали: генерал-майор Лехович с дочерью, полковник Фуфаевский, полковник Петрушевский и поручик Бокильон. Мало того: (!!) «суфражистки» потянули за собой своих «родственников». Были: ротмистр лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Федоров (брат г-жи Горбачевич), был отставной полковник фон Рейнгард (отец наших), была какая-то старуха и еще черт знает кто! Таким образом, были гости, которых не звали хозяева. Ибо хозяева – мы, а звал Головачев. Нечего и говорить, что я и многие другие офицеры были крайне

возмущены всем происшедшим. Особенно негодовали полковник Пономаревский-Свидерский 2 и капитан Явид. 1-й ушел тотчас же из манежа, как только кончилась езда, и в ложу не заходил, а капитан Явид совсем не пришел на состязание. Мы решили этого дела так не оставлять и «накатать» заявление в книгу заявлений офицерского собрания.

На состязании присутствовали: начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майор Потоцкий, который и раздавал призы и жетоны за сегодняшнее состязание и за прошлый пробег. Маленькая подробность: когда я пришел в манеж, там играл наш хор трубачей. Увидев дам, я обозлился и тотчас же сказал Головачеву, что музыка неуместна, так как не прошло еще 40 дней со дня смерти великого князя Владимира Александровича: музыку тотчас убрали...

После раздачи призов я тотчас же ушел и, к сожалению, не был очевидцем последующего. Оказывается, были вызваны нижние чины – по одному от каждой батареи – и их заставили брать те же препятствия. От имени генерала Головачева и генерала Потоцкого все участники получили по 2 рубля, а первые три получили, кроме того: 5, 3 и 2 рубля. 1-й приз взяла 6 батарея, 2-й – 5-я и 3-й – наша 1 его высочества батарея (фейерверкер Щелкунов на Очакове).

22 февраля – воскресенье.

Был на конкуре в Михайловском манеже. Была «рубка» нижних чинов, на которой рубил и наш фейерверкер (1 его высочества батареи) Черепнин. 17 февраля я лично отвез в канцелярию Офицерской кавалерийской школы сведения – кто и какой части будет рубить. Нет-таки! В программе было написано: «1 батареи лейб-гвардии артиллерийской бригады» (1-й – пропустили, что за ослы!!!!) А вместо «Черепнин» стояло «Черинан». Рубил Черепнин превосходно и был, по-моему, не дальше пятого. Призы получили двое первых: Офицерская артиллерийская школа и желтый кирасир.

Из нашей бригады были: я, полковник Мясоедов, поручик Снигиревский, штабс-капитан Рейнталь с супругой, поручик Курбатов, поручик Алексеев, поручик Тимлер и штабс-капитан Рейнгард (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона).

23 февраля – понедельник.

В «Книге заявлений» нашего офицерского собрания появилась длиннейшая запись полковника Пономаревского-Свидерского 2 о незаконности приглашения гостей на наши спортивные состязания без решения общего собрания (см. 21 февраля). В окончательной редакции записи принимали участие капитан Явид и я. Предварительно были заслушаны указания полковника Илькевича.

25 февраля – среда.

Когда по окончании утренних занятий с молодыми солдатами (11 часов утра) я вошел в офицерское собрание, то узнал, что командир бригады генерал Головачев находится в карточной комнате вместе со штаб-офицерами бригады и там обсуждает запись полковника Пономаревского-Свидерского 2 о нашем «спортивном обществе» (см. 23 февраля). По слухам уже стало известно, что генерал «накален» до бешенства, кричал, что это «скоп» и нарушение дисциплины и т.д. Когда кончилось совещание, я со слов полковника Пономаревского-Свидерского 2 узнал следующее: генерал действительно был взбешен и разразился фейерверком нелепых слов и угроз, но вскоре получил «асаже» от Бориса Владимировича и «успокоился». К сожалению, я, как не очевидец, не могу записать всех разговоров, но думаю, что полковники Пономаревский-Свидерский 2 и Илькевич, по обыкновению, говорили дельно и вразумительно. Но генерал Головачев, тем не менее, начал опрашивать поименно всех штаб-офицеров – считают ли они эту запись законной, допустимой и т.д. Увы! Наши штаб-офицеры оказались в большинстве весьма «лакееобразны». Только полковник Илькевич и полковник Пономаревский-Свидерский 2 твердо о[т]стаивали интересы общества офицеров. Полковник фон Цур-Милен и Демидов ответили нерешительно, но все же считали, что запись сделать было можно. Полковник Вешняков также считал запись вполне возможной. Зато полковник Мясоедов (увы! мой жалкий командир), полковник Погребняков, полковник Крутиков и полковник Пономаревский-Свидерский 1 поспешили заявить, что они считают запись незаконной и, следовательно, вполне согласны с его превосходительством. Полковник Пон[о]маревский-Свидерский 1 к тому же считает себя обиженным как председатель спортивной комиссии, хотя, конечно, обижен не он, а мы, ибо будь он «на высоте» – он бы не допустил того беззакония и тех «домашних» распоряжений, какие имели место 21 февраля. Описанный «опрос», естественно, обидел полковника Пономаревского-Свидерского 2, не допускающего мысли, что его действия могут судиться другими штаб-офицерами, и свою обиду высказал генералу Головачеву. Последнему ничего более не оставалось, как принести ему извинения за неудачную постановку вопроса.

После общего собрания штаб-офицеров – полковник Пономаревский-Свидерский 2 и капитан Явид (члены распорядительного комитета) дружно и энергично напали на полковника Вешнякова (председателя распорядительного комитета) за то, что он позволил себе показать книгу заявлений командиру бригады – без разбора и обсуждения всем комитетом. Вешняков слабо защищался, оправдывался тем, что в книге было 15 подписей, что считается достаточным для доклада вопроса командиру бригады. Мы же настаивали, что было бы эффективнее, если бы в книге

было еще более подписей, а для этого нужно было задержать доклад командиру. До показа – всех подписей было 23, а затем еще подписалось 4 (в том числе 2 полковника: Пономаревский-Свидерский 2 и Илькевич и 3 капитана: Явид, Альтфатер и Беляев). Через некоторое время полковник Пономаревский-Свидерский 2 снова был вызван к командиру бригады, и они вдвоем заперлись в гостиной собрания... Тайна!..

Около 1 часу дня началось сообщение штабс-капитана Рейнталя об окопах по опыту Русско-японской войны. Это – довольно удачный экстракт из книги полковника Голенкина (изд. 1907 года), но читал Яша не эффективно, монотонно и сонливо. Закончил он свое сообщение (в 1½ часа дня) указом Петра 1 Военной коллегии, в котором великий царь приказывает всем офицерам изучать военное искусство.

27 февраля – пятница.

В 8 часов вечера я был на 1-й лекции по тактике «Охранение», которую прочел профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор Данилов. До сего времени я не заносил на страницы своего дневника все те многочисленные лекции, которые я прослушиваю ежегодно в различных обществах и аудиториях. Так как моя «Черная книга» прежде всего – моя автобиография, то такое упущение нельзя не считать весьма крупным. Чего-чего я не переслушал за 10 лет моего офицерства в «Обществе ревнителей военных знаний», в «Императорском Русском военно-историческом обществе», в аудитории Михайловской артиллерийской академии и многих других местах! С сегодняшнего дня я не буду пропускать – отмечать мои посещения всевозможных лекций.

На лекцию генерала Данилова собралось громадное количество слушателей, так что небольшой «зал Михаила Ивановича Драгомирова» не мог усадить всех желающих, и половина слушателей жалась в кучу, не имея мест. Наша бригада была представлена весьма обильно. Я заметил: полковника Илькевича, капитана Альтфатера, поручиков Снигиревского, Алексеева, Ушакова, фон Руммеля, полковников Мясоедова, Пономаревского-Свидерского 2, капитана Явида, штабс-капитанов Тарновского, Рейнгагарда 1, поручиков Нарковича, Бутовского, Щербов-Нефедовича, Перлика, подпоручика Манакина... Был также и его высочество герцог Михаил Георгиевич Мекленбургский (начальник артиллерии 1 Армейского корпуса).

28 февраля – суббота.

С 12 часов дня до 1½ часов дня участвовал в комиссии по пересмотру правил занятия квартир в «Литейном доме» и «Зеленых связях» (см. 20 февраля).

1 марта – воскр[е]сенье.

От 10 часов утра и почти до 1 часу дня водил и показывал своим молодым солдатам (1 его высочества батарее) Императорский Эрмитаж. Вчера я специально ездил в Эрмитаж, чтобы испросить разрешение на показ солдатам Петровской и Романовской галерей, так как в настоящее время эти галереи почти абсолютно недоступны для обозрения. За исключением скифского отдела и нумизматического кабинета солдаты осмотрели весь Эрмитаж, и везде нам оказывали особое внимание... Кроме меня были еще капитан фон Энден с сыном и поручик Снигиревский.

На этот раз Петровская и Романовская галереи поразили меня своею запущенностью и грязью. Они требуют самого капитального ремонта. Из новостей: модель Буддийского храма «Лёлён», поднесенная калмыками нашему государю 25 ноября 1908 года. Кроме того: много табакерок и серебряной и золотой утвари, поступившие после смерти великого князя Алексея Александровича. Часть этих вещей, за неимением места, нагромождена в витрине Потемкинского павлина.

2 марта – понедельник.

«История» с конкурсом и «записью» в книге заявлений (см. 25 февраля), по-видимому, кончилась ничем. Генерал Головачев взял свои слова обратно и даже признал, что он был не прав, приглашая «гостей» на наши спортивные упражнения. Но это наружное и кажущееся «ничем» и есть все то, что нам было нужно. Можно надеяться, что «впредь» ни дам, ни гостей – никто без нашего согласия приглашать не будет. Число подписей в книге заявлений под записью Пономаревского-Свидерского 2 – достигло 34-х.

3 марта – вторник.

Сегодня около 2 часов дня в собрание привезли подарок, заказанный комитетом от нашего имени его высочеству герцогу М. Г. Мекленбургскому. Все хлопоты по заказу нес, главным образом, капитан Явид, и благодаря ему подарок вышел на славу. На массивной мраморной скале стоит великолепная серебряная модель нашей скорострельной пушки (обр[азца] 1902 года), а внизу – трубач. В ту же скалу вделаны часы и наложены: вензель Петра Великого, герцогская корона, Нарвский нагрудный знак и все надписи и года. Мраморная скала в свою очередь покоится на солидном мраморном постаменте с серебряными ножками и колонками, в который вделан музыкальный ящик, играющий марш гвардейской артиллерии. Подарок этот предполагали поднести герцогу в субботу на 3-й неделе поста (28 февраля), но потом перенесли на 6 неделю, так как не прошло еще 40 дней со дня смерти великого князя Владимира Александровича, и трубачи не могут играть в собрании. А пока подарок помещен в наш музей и выставлен на высоком столе для осмотра гг. офицерами бригады.

4 марта – среда.

От 12½ часов дня и до 1¾ часа в нашем офицерском собрании было сделано сообщение капитаном лейб-гвардии Саперного батальона Брилеви́чем на тему о роли инженерных войск и современной полевой войне. Капитан Брилеви́ч был в обыкновенной форме (в мундире при орденах). Сообщение его отличалось солидною содержательностью и полным знанием дела. Как лектор – он очень хорош, и его сообщение было награждено нами аплодисментами. Всем нам были розданы литографированные им программы.

5 марта – четверг.

Только вчера днем распространился слух, что одна из батарей бригады снова выступает на зимнюю стрельбу, на этот раз с пехотой, и уже сегодня утром 2-я батарея выступила в поход – в Павловск. Занову это событие потому, что сперва была назначена на стрельбу не 2 батарея, а 1 его высочества, но наш «убогий» командир полковник Мясо́едов (кстати сказать, пьяный второй день) заявил, что его батарея не может ехать, так как у нас плох (!!??) конский состав... Плох не конский состав, а единственно командир батареи, жалкий алкоголик и неврастеник!..

От 9½ до 10½ часов утра участвовал в бригадном суде по делу о бомбардире 5 батареи Оводе, растратившем 30 руб[лей] казенных денег (см. 9 февраля).

Вечером от 8 часов был на блестящей лекции в «О[бщест]ве ревнителей военных знаний» (Собрание армии и флота). Читал на французском языке вице-президент французского Аэро-клуба г. Эсно-Пельтри на тему: «Современные управляемые аэростаты и аэропланы». Из нашей бригады на лекции были: полковник Вешняков, подпоручик Тихобразов, Миллер, полковник Мясо́едов.

7 марта – суббота.

От 12 до 2 часов дня участвовал в комиссии по просмотру правил занятия квартир в наших офицерских домах (см. 28 февраля).

8 марта – воскр[е]сенье.

От 12 часов дня водил и объяснял своим молодым солдатам (1 его высочества батареи) Русский музей императора Александра 3.

Утром во дворец покойного великого князя Владимира Александровича были вызваны те нижние чины нашей 1 его высочества батареи, которые везли лафет с гробом почившего князя (см. 6 февраля, взводный фейерверкер Анохин и ездовые: Лебедев, Тарахтий и Архипов). Все четверо получили из рук великой княгини Марии Павловны серебряные часы (от Буре) и

по 25 рублей. На часах внутри крышки вырезано: «Такому-то от ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны», а снаружи крышки вензель В. А. под великокняжеской короной. 25 р[ублей] были вложены в конверт с черной рамкой и с надписью «кому». При пожаловании этих наград присутствовал командир батареи полковник Мясоедов. Впоследствии было прислано еще 125 рублей для раздачи прочим нижним чинам батареи, участвовавшим в перенесении гроба и проч.

9 марта – понедельник.

5-я неделя великого поста. На этой неделе говеет 1-й дивизион нашей бригады, а следовательно, и наша 1 его высочества батарея, а следовательно, и мои молодые солдаты, а следовательно, и я.

Часов в 11 утра меня вызвал по телефону к себе на квартиру флигель-адъютант полковник Демидов (командир 2 дивизиона нашей бригады)... «Заварилось» дело, в котором я принимаю некоторое участие, а потому необходимо занести его на страницы «дневника» – подробно и точно. 21 февраля я был вместе с поручиком Алексеевым (бригадный квартирмейстер), поручиком Жиленковым (2 батареи) и подпоручиком Фалеевым (прикомандированный ко 2 батарее) в «Аквариуме». Этот кафе-шантан – увы! – посещается мною весьма часто. Представление уже кончилось, даже румыны перестали пикировать, и был уже чуть не четвертый час ночи. Жиленков и Фалеев вышли из-за стола и куда-то исчезли. Я остался вдвоем с Алексеевым. Вдруг вижу, что «администрация» «Аквариума» – разные Заплаткины, Гусевы и Дохтуровы – опрометью бегут к выходу. Делаю предположение, что где-нибудь «скандалчик», на что Алексеев мне говорит: «Уж не Фалеев ли наш скандалит». «Почему Фалеев?» – спрашиваю я. Тем не менее мы направились к выходу, и тут я увидел (увы!) Фалеева с оборванным погоном, окруженного большой толпой штатских. Я вошел в контору... Все волновались, кричали... Пристав, подполковник – успокоил толпу и начал допрос. Несколько штатских показали в общих чертах одно и то же: г-н офицер «пристал» к двум барышням, предлагая им «ехать с ним». Барышни оказались сестрами «шпака», и тот вступился за них... Г-н офицер тогда крикнул лакеям «убрать штатских, дать этим мерзавцам пальто». Затем была выхвачена шашка, но на Фалеева набросились, отняли шашку, кто-то кричал: «Бей офицера», но налетели блюстители порядка и Фалеева благополучно увели в контору. Как видите – сцена довольно безобразная, в которой Фалеев играл неважную роль. Он был, конечно, пьян, но это не оправдание... Не умеешь пить – не пей вовсе!.. Какой-то свидетель-штатский особенно горячился. Он довольно резко описал сцену поведения г-на поручика и первый показал, что Фалеев назвал штатских «мерзавцами».

Вовремя этого допроса Фалеев пытался раза два вставить слово (кстати: довольно неудачное), но пристав и я его останавливали. Я решил предупредить его «пьяное» объяснение, могущее его окончательно погубить и осрамить нашу бригаду, а потому, по окончании допроса штатских, обратился к ним с маленькою речью. Я заявил им, что нахожусь в этой конторе потому, что хотя не был свидетелем всего происшедшего, но, во-1), подпоручик Фалеев сидел с нами за одним столом, и во-2), он прикомандирован к той бригаде, в которой я имею честь служить. Из всего мной услышанного я усматриваю, что мой товарищ ошибся, приняв двух барышень – сестер одного из штатских – за здешних служащих артисток, и невольно их обидел. Я ни минуты не сомневаюсь, что мой товарищ подпоручик Фалеев охотно извинится за свою невольную ошибку. Фалеев сказал: «Слушаюсь», заявил, что это его искреннее желание и он с удовольствием извинится. Моментально откуда-то появились 2 тощие девицы, и Фалеев принес им свои извинения. Все штатские моментально преобразились. Они впали в телячий восторг, кричали, что это «благородно», «все кончено»... Наиболее горланивший «шпак» бросился жать руку мне и Фалееву и чуть не клялся в любви... Другой шпак, в шубе мехом вверх, заявил, что он член СПб. речного яхт-клуба, а потому питает нежные чувства вообще ко всем офицерам лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, которые ежегодно жалуют им такой «чудный кубок» и жетон... От составления какого-либо протокола все наотрез отказались. Через минуту все штатские уже ушли из конторы. Тем временем по телефону был вызван дежурный комендантский адъютант, и мы остались его ожидать. Вскоре он приехал... Капитан Васильев выслушал рассказ пристава и мой, а затем встал и, обратясь ко мне, сказал: «Позвольте мне, как носящему погоны, поблагодарить вас за то, что благодаря вам дело кончилось именно так, а не иначе. Со своей стороны я считаю, что все происшедшее окончательно ликвидировано». Мы попрощались и уехали...

На другой день я рассказал обо всем этом своему командиру (полковнику Мясоедову), а Фалеев – своему (полковнику Пономаревскому-Свидерскому 2). Потом мне пришлось вторично рассказать то же самое полковнику Пономаревскому-Свидерскому 2. В настоящее время такие скандалы (весьма обычные еще так недавно) находят у нас в бригаде самое строгое осуждение. Во всех устах – до подпоручика включительно – некорректное поведение офицера в публичном месте не находит никаких оправданий. Полковник Пономаревский-Свидерский 2 «фукнул» всю Фалеева, обещал в следующий раз отчислить от бригады и сообщил обо всем командиру дивизиона полковнику фон Цур-Милену. Лично я получил две горячие благодарности: от командира 2 батареи и командира 1 дивизиона – за то, что своим вмешательством спас честь бригады и Фалеева: не было ни протокола, ни комендантского рапорта, ни (главное!!!) «газетной заметки». Все

мы считали «дело» канувшим в Лету, но на днях прибыла в бригаду бумага от градоначальника, в которой описывается все происшествие с прибавкой, что протокола не было, а все это сообщается «для сведения». В сущности, эта бумага ничего не меняет в обстановке. Вполне естественно, что полиция пожелала, чтобы поступок офицера был известен его начальству. Но временно командующий бригадой полковник Горбачевич взволновался до «чертиков» и чуть было не наделал кучу глупостей (генерал Головачев уехал на 2 недели в отпуск). К счастью, его вовремя остановили, и все дело останется «открытым» до приезда генерала Головачева. А пока поручено произвести «расследование» полковнику Демидову. Вот почему я и был вызван сегодня по телефону к нему на квартиру. До меня был там подпоручик Фалеев, а затем я дал письменное показание. В общем, я изложил то же самое, что написано и здесь, но короче и в более мягких тонах. На другой день я узнал, что полковник Горбачевич «со страху» все же доложил генералу Потоцкому и описанное «расследование» есть следствие этого доклада.

От 8 часов вечера был на лекциях, прочитанных в офицерском собрании лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. По заведенному порядку на этих лекциях должны присутствовать все без исключения офицеры гвардейской артиллерии. И сегодня были: наша бригада и гвардейская Конная. Был также и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал Потоцкий и командир лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады генерал-майор Шрейдер. Сперва читал полковник Беляев об организации практических и боевых стрельб батарей, дивизионов и бригад. Это был жалкий лепет кретина. К счастью, он читал так тихо, что половина его не расслышала... Зато 2-я лекция штабс-капитана Драке (бригадный адъютант) об Австро-Венгрии (обзор Восточного театра в стратегическом и статистическом отношениях: вооруженные силы, организация и дислокация в настоящее время) была в высшей степени интересна. Драке читал весьма сжато, почти «конспективно», но ясно, громко и веско. Он блеснул прекрасными географическими, топографическими и дислокационными картами, выставил рисунки форм одежды и чертеж винтовки, дал цифровые таблицы и проч. Равным образом мы услышали много «последних новостей», добытых Драке из различных источников, берущих свое начало от наших военных агентов.

10 марта – вторник.

По приглашению командира 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады полковника Петрушевского (бывшего офицера нашей бригады) и всех офицеров этой батареи (капитанов Некрасова и Куликовского, штабс-капитанов Пароменского и Плюцинского и подпоручика фон Вольского) я, полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Альтфатер, по-

ручки Снигиревский и Курбатов поехали с 2-часовым поездом в г. Кронштадт, где временно стоит эта батарея по случаю постройки новых казарм в СПбурге. От Ораниенбаума до Кронштадта я ехал в казенных санях и на казенных лошадях 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады вместе с полковником Пономаревским-Свидерским 2 и его супругой (которую мы завезли к г-же Некрасовой) и капитаном Альтфатер. В 6 часов вечера мы обильно пообедали в Морском собрании, которое я вижу впервые. На обеде, кроме перечисленных лиц, были ещё: генерал-майор Макеев (бывший наш офицер, командир Кронштадтской крепостной артиллерийской бригады) и Докучаев (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). В 2 часа ночи я и поручик Снигиревский покинули Собрание и поехали ночевать в «Петербургскую гостиницу».

11 марта – среда.

Встали (см. 10 марта) часов в 8 утра, переехали по льду на «вейке» в Ораниенбаум и с 10-часовым поездом вернулись в СПбург.

«Вечер сообщений» в нашем офицерском собрании, на котором должны были присутствовать все офицеры гвардейской артиллерии. С утра в собрании было заметно сильное оживление среди прислуги собрания: чистили, мыли, расставляли столы, стулья и проч. Для Петровской залы пришлось взять стулья напрокат (8 дюжин), столы для чая поставили в столовой так: посередине большой стол в виде буквы «Т» и у двух крайних окон еще 2 стола. На всех столах стояли живые цветы в больших стеклянных бокалах. К вечернему чаю было заказано: торты с вензелями Петра Великого, сэндвичи, печенье и проч. Подарок его высочеству был вынесен на этот день из музея в карточную комнату (см. 3 марта). Музей и библиотека были приведены (по внешности) в «идеальный» порядок. Около 8 часов вечера начался съезд офицеров лейб-гвардии 2-й и гвардейской Конной артиллерийских бригад. Прибыл также и начальник артиллерии (и. д.) Гвардейского корпуса генерал Потоцкий. Первым читал полковник Лукашевич (начальник Красносельского полигона) о стрельбе дивизиона. Гвоздь его чтения – это демонстрирование угломера-линейки и объяснение угломерного плана. К сожалению, полковник Лукашевич читал весьма неталантливо, малопонятно и неубедительно. Несмотря на частую ссылку на авторитет «боевого артиллерииста подполковника Гобято» – все его указания и способы стрельбы на версту пахли кабинетными измышлениями нестроевого и тупого ученого. В перерыв все гости были приглашены в столовую, где к этому времени был сервирован «чай». После перерыва началось 2-е сообщение полковника Мясоедова (командира 1 его высочества батареи нашей бригады) – «Обзор стрельбы Офицерской артиллерийской школы в 1908

году». Это было обычное его «бормотанье», из которого нельзя уловить не только нить его мыслей, но и вообще какую-либо путную мысль. Известно, что полковник Мясоедов способен «провалить» любое торжество, едва он выступит в качестве «оратора», которому нужно сказать хотя бы два слова. «Провалил» он сегодня и свое сообщение. К счастью, оно было короткое, и после него тотчас же начал говорить третий лектор, полковник Радкевич – командир 2 гвардейского артиллерийского парка. Читал он об организации парков и, несмотря на свой хриплый и сиплый голос, безусловно был лучшим № за этот вечер. Дело в том, что Радкевич не мудрил, а попросту – откачал в полчаса несколько страниц из Лобко, или другой какой-либо справочной книжки, и делу конец. Все было ясно и определено. В заключение следует сказать, что после «чая» все без исключения обер-офицеры гвардейской Конно-артиллерийской бригады и много обер-офицеров лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады покинули наше собрание, и две последние лекции протекли при наполовину пустом зале.

12 марта – четверг.

От 2 до 3 часов с особого разрешения полковника Струкова я показывал моим молодым солдатам (1 его высочества батарее; за теснотою помещения было всего 35 человек) наш исторический артиллерийский музей в Кронверке. Объяснения давал: одной половине – помощник полковника Струкова штабс-капитан Айвазов, а другой – смотритель Соловьянов. С нами были поручик Снигиревский и Алексеев. После музея мы втроем пошли осматривать новую усыпальницу царского дома и могилы великих князей Владимира и Алексея Александровичей.

13 марта – пятница.

К 8½ часам вечера поехал вместе с поручиком Курбатовым в «Благородное собрание», где О[бщест]во псковичей давало новую оперетку «Прелестная Фраскитта» соч[инения] г. А. Д. Иванова. Спектаклем заведывал подполковник А. Курбатов – брат нашего. Вот почему билеты на него распространял у нас в бригаде В. А. Курбатов. Из нашей бригады были: полковник Погребняков, капитан Чуйкевич с супругой, поручик Тимлер с супругой, поручик фон Руммель с супругой, подпоручики Фалеев, Нестеров, Тихобразов... Музыка, либретто, тем более артисты – все вместе заставили меня «убежать» из залы тотчас же по окончании 1-го действия...

14 марта – суббота.

За ранней обедней 1-й дивизион нашей бригады причастился св[ятых] тайн (см. 9 марта). Был и я. Как всегда бывает, накануне несколько человек спрашивало в собрании: «В какой форме полагается быть у причастия?»

– В обыкновенной.

Кто-то прибавил:

– И наверное, хоть один офицер придет в парадной.

Так и есть! На этот раз в парадной форме был капитан Буякович (прикомандированный к 3 батарее).

1909

867

Часа в 4 дня, когда я мирно сидел в собрании бригады, получилось из Управления бригады по телефону приказание – немедленно собрать всех молодых солдат и устроить им репетицию церемониального марша, так как в понедельник им будет делать смотр главнокомандующий. Присутствовать – всем заведывающим молодыми солдатами. Я, как был в длинных брюках, пошел на большой бригадный плац и тут до 6 часов вечера присутствовал на «репетиции», которую производил (конечно, безалаберно) полковник Горбачевич (командир гвардейского Стрелкового артиллерийского д[и]визиона). Оттепель, а потому плац – сплошное болото из тающего снега и льду. Является, конечно, загадкой – к чему понадобился этот скороспелый, внезапный и бесполезный для дела «смотр» церемониального марша (?), когда курс обучения молодых солдат еще не окончен и смотры предстоят лишь на Фоминой неделе?

15 марта – воскресенье.

Несмотря на воскресенье, пришлось утром «репетить» шашечные приемы, ломку фронта и прочее. На плац согнали добрую сотню солдат-метельщиков, но из болота трудно сделать совершенно сухой плац... и болото осталось болотом.

В 4 часа дня на этом болоте собралась вся наша бригада со Стрелковым дивизионом (молодые солдаты) и молодые солдаты лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Я – во главе моих молодых солдат и в то же время командую 1-й полубатареей (1 его высочества батарея, 32½ ряда) 1-й сводной батареи (из 1 его высочества и 2-й батарей бригады), которою командует капитан фон Энден. Всем «батальоном» бригады и стр[елкового]. дивизиона командует полковник Жерве (командир 2 стрелковой батареи), а у него адъютантом поручик Бутовский. Парадом гвардейской артиллерии командует наш командир бригады генерал-майор Головачев. Он был сегодня верхом. Верхом был и и. д. начальника артиллерии генерал-майор Потоцкий. Мы проходили бесконечное число раз всевозможными колоннами – до несущей колонны по отделениям включительно. Приходилось иногда по щиколотку быть в воде или вязнуть в снегу по колено. «Репетиция» кончилась лишь в 5½ часов вечера, после чего все присутствующие, т. е. все командиры дивизионов и батарей обеих бригад и все заведывающие молодыми солдатами обеих бригад во главе с генералами Потоцким, Леховичем и Головачевым, направились в собрание, где гостям был предложен чай и

«сласти», и тем временем (по прибытии адъютанта Управления артиллерии Гвардейского корпуса штабс-капитана Федорова) нам сообщили все распоряжения и подробности насчет завтрашнего смотра.

1909
868

16 марта – понедельник.

Часов в 5–6 утра лишь принесли приказание: смотр отложен... (см. 15 марта).

В 11½ часов утра в офицерском собрании бригады все гг. офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона собрались. До этого часа было собрание одних гг. офицеров. Командир бригады генерал-майор Головачев заявил нам, что он нас собрал по двум вопросам. 1-й вопрос касался известного инцидента с подпоручиком Фалеевым (см. 9 марта). Г. Головачев назвал его поступок «в общественном месте» – «некорректным» и прибавил: «К счастью, тут был также старший офицер штабс-капитан Савонько, который благодаря своему такту и своей выдержке спас честь бригады и подпоручика Фалеева от большой неприятности, так как он мог лишиться военного мундира! От лица моего и всех нас – позвольте вас поблагодарить!» Я поклонился... Затем генерал дал несколько советов «младшим офицерам соразмерять свои силы в употреблении спиртных напитков» и заявил, что на подпоручика Фалеева он наложит взыскание «за некорректное поведение в общественном месте».

2-й вопрос касался опять-таки хорошо известной записи о «конкуре» (см. 2 марта). Речь генерала Головачева была не совсем связанная, но из нее все-таки ясно было видно, что генерал был введен в полное заблуждение председателем спортивной комиссии полковником Пономаревским-Свидерским 1, который доложил ему от имени комиссии то, что на самом деле комиссия не решала.

Генерал сознался, что запись изменила всю обстановку, так как выяснилось, что громадное большинство гг. офицеров – против приглашения гостей. Но тем не менее генерал считает, что такие записи не следует делать в «книге заявлений». В общем же вся речь генерала носила мягкий и примирительный характер, дышала джентльменством и окончательно рассеяла все недоразумения, которые породил бестактный Пономаревский-Свидерский 1. Недаром его брат – полковник Пономаревский-Свидерский 2 в самый день конкурса заявил: «Во всей этой истории виноват больше всех мой брат». Это – святая истина.

Хочется занести на страницы моего дневника один похвальный поступок солдат 1 его высочества батареи нашей бригады. Числа 20 августа прошлого года был уволен на родину бомбардир Матвеев, который заболел

туберкулезом стопы и почти лишился ноги. В начале этого марта заведывающий хозяйством нашей батареи капитан фон Энден хотел выдать всем солдатам т.н. «хлебные деньги», но писарь Сурин ему заявил, что нижние чины просят – этих денег им не выдавать, а послать их бомбардиру Матвеенку. Несколько солдат от себя еще прибавили, и общая сумма денег достигла 25 рублей, которые и были отправлены на родину Матвеенку. Нельзя не приветствовать этот симпатичный акт истинного товарищества!!..

С 8 часов вечера «вечер сообщений» в офицерском собрании гвардейской Конно-артиллерийской бригады, на котором присутствовали все офицеры гвардейской артиллерии во главе с генерал-майором Потоцким. Первым читал полковник Ивашинцов (командир 2 дивизиона гвардейской Конной) о тактике конной артиллерии (полчаса), вторым – капитан Шарпантье (лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады) о пулеметах и третьим – полковник князь Эристов (командир 1 его высочества батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады) – об организации артиллерийских маневров. Между 2 и 3 сообщениями был перерыв, вовремя которого нам был предложен «чай». За теснотой помещения пили чай стоя, ибо залы в гвардейской Конной нет, аудитория была устроена в их большой столовой, а «чай» накрыли в гостиной и крохотной библиотеке. В последней комнате сидело «высшее» начальство.

17 марта – вторник.

От 9½ часов утра (с перерывом) до 12¼ часов дня судил в качестве члена бригадного суда бомбардира 6 батареи Наплеху по обвинению в краже сапог. За недоказанностью – мы оправдали подсудимого (см. 5 марта).

От 12½ часов дня до 12¾ часов дня участвовал в комиссии по пересмотру правил занятия казенных квартир. Прочитали окончательный рапорт председателя и расписались на вновь переработанных правилах (см. 7 марта).

21 марта – суббота.

Сегодня в 2 часа дня состоялось торжественное поднесение подарка бывшему нашему командиру его высочеству герцогу Михаилу Георгиевичу Мекленбургскому (см. 3 марта). В нашей дубовой столовой были накрыты: большой стол в виде буквы «Т» и еще 3 стола у окон: два побольше и один маленький. На столах, по обычаю, были поставлены вазы с цветами... В «сюрту де табль» были уложены фрукты, а в братины (в память 200-летия СПб. и ковш) налит крюшон. Перед каждым прибором были поставлены наши именные серебряные стаканчики, а перед бархатным креслом герцога (в центре большого стола), кроме того, серебряная чара на золотом блюде. Предполагаемый «чай» состоял главным образом из шампанского,

а затем – из кофе с ликерами плюс: торты, сэндвичи, печенье... В бильярдной комнате разместились трубачи. К нашему ужасу бригадный адъютант вывел их в весьма поношенных мундирах старого образца и без шпор, которые, впрочем, еще до сих пор не куплены. К 2 часам собрались почти все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с нашим командиром генерал-майором Головачевым. Форма одежды была назначена: сюртук (мундир). Из прежде служивших пришли: и. д. начальника артиллерии генерал-майор Потоцкий, командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович, полковник Виланд, полковник Гродский (Михайловского артиллерийского училища), генерал-майор Макеев (командир Кронштад[т]ской крепостной артиллерийской бригады), подполковник Савурской (адъютант Пажеского его величества корпуса), штабс-капитан Новогребельский (Михайловского артиллерийского училища), полковник Петрушевский (командир 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), полковник Ден (командир 4 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), подполковник Колубакин (Генерального штаба), капитан Свицерский (Главного артиллерийского управления) и штабс-капитан Беляев (Николай, Михайловского артиллерийского училища). Ровно в 2 часа прибыл его высочество герцог Мекленбургский и был встречен маршем сочинения его брата – герцога Георгия Мекленбургского. Дело в том, что этот марш мы уже послали на утверждение вместо марша гвардейской пешей артиллерии. После того все направились в столовую и заняли места за столами. Против середины стены, противоположной окнам, на высоком столе, задрапированном зеленым сукном, стоял подарок герцогу. Приветственную речь сказал генерал-майор Потоцкий. От имени 125 сослуживцев (таково количество подписавшихся на подарок) он просил герцога принять этот подарок как знак той любви, которой он был окружен в бригаде. Громкое, продолжительное «ура» ответом на этот тост. Герцог ответил «душевною благодарностью за этот знак (“новый”, – прибавил он) внимания, который вам было угодно мне оказать» и снова подчеркнул свою связь с бригадой, в которой он «имеет счастье числит[ь]ся с малолетства».

Засим началось «питье». Так как принято непременно накачать всякого юбиляра и вообще всех гостей, то вскоре началась «Чарочка», затем «Без высочества» и «Без генералов нам не пьется», «Солдат-солдат первой батареи», «Можно ли нам с вами выпить», причем герцога снова заставили одного пить – к общей нашей потехе и т.д. После порядочной выпивки был объявлен перерыв. В это время всем гостям было предложено расписаться в почетной книге посетителей нашего бригадного музея (не расписались двое: Ден и Виланд, успевшие уже уехать из собрания), и, кстати, все могли видеть только что оконченный манекен бомбардира, одетого в форму императора Александра 3. В это же приблизительно время произошло 2

забавных номера. Во-первых, генерал Головачев распорядился немедленно купить шпоры для трубачей, и герцог торжественно раздал их всем трубачам, причем все они тотчас их и надели. Второй номер состоял в следующем: все офицеры собрались в зале и там построились побатарейно, во главе встал командир бригады с адъютантом, за ним командир дивизиона с адъютантом и т. д. На правом фланге 1 батареи – генерал Потоцкий, на левом – генерал Лехович и т. д., т. е. пародия на настоящий церемониальный марш. Герцог встал в бильярдной и «принимал парад», держа руку у «пустой» головы и блаженно улыбаясь. Пройдя шагом, захотелось пройти «рысью», а пробежав под музыку рысью, захотелось пройти «галопом», что тоже проделали. А затем снова... пить! Вторично пошла «Чарочка» и проч., причем когда пили побатарейно, то оказалось, что больше всего офицеров осталось (к этому времени уже многие «удрали» из собрания) в 1 его высочества, во 2 и в 4 батареях. У нас не было только капитана фон Эндена, во 2-й штабс-капитана Тарновского, а в 4 полковника Погребнякова. В результате герцог окончательно «намок», но, по обыкновению, держался бодро и крепко и лишь не чувствовал желания встать с своего кресла... Таким образом мы досидели до 5 часов вечера, когда, наконец, герцог поднялся и мы вынесли его на руках до швейцарской, причем трубачи вышли на Литейный проспект, произведя некоторый переполох на этой мирной улице... Капитан Явид и я тотчас тщательно уложили подарок в ящик и лично отвезли его к герцогу во дворец, где сдали его лакею Лиминовичу.

23 марта – понедельник.

В 12 часов дня вступил на дежурство по бригаде. В 8 часов вечера в нашем собрании состоялись 3 лекции для офицеров гвардейской артиллерии, причем вся их организация была совершенно подобной 11 марта. Я – по обязанности дежурного – встречал рапортом командира бригады (генерал-майора Головачева) и и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса (генерал-майора Потоцкого). Первым читал полковник Илькевич (командир 5 батареи нашей бригады) на тему: «Южное побережье Финского залива в стратегическом и тактическом отношениях», вторым – полковник Виноградский (командир 2 батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады) о боевом употреблении артиллерии по опыту Русско-японской войны и третьим – флигель-адъютант полковник Демидов (командир 2 дивизиона нашей бригады) о тяжелой артиллерии (мортиры и гаубицы). После первой лекции был «чай» в дубовой столовой. Сообщения сильно затянулись, и разъезд был почти в 12 часов ночи.

В Кронштадте сухопутные войска острят, что буквы Б. Ф. (Балтийский флот) на погонах матросов означают: «Бывший флот».

Полковник Фуфаевский (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) с удовольствием задает загадку: «Начинается на букву Х, болтается влево и вправо, иногда стоит».

Отгадка: Хомяков (председатель Государственной Думы).

25 марта – среда.

«Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо это понимать, а не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. На войне надо заботиться о тактике, а не о гуманности...»

Гр. Нидор из «Жертвы войны»

Н. П. Вольнского.

26 марта – четверг.

От 9½ до 10½ часов утра судил писаря Главного артиллерийского управления по обвинению в самовольных отлучках и пьянстве. Присудили к 4 месяцам тюрьмы (см. 17 марта).

Вечером показывал и объяснял 12 молодым солдатам наш бригадный исторический музей.

28 марта – суббота.

Заутреню прослушал в алтаре Сергиевского всей артиллерии собора. Из нашей бригады там были только двое: командир бригады генерал-майор Головачев и штабс-капитан Рейнталь, у которого я и «разгавливался».

1 апреля – среда.

Несколько дней тому назад умер мой молодой солдат (1 его высочества батареи) Заикин – от туберкулеза легких, как официально уведомил о том Николаевский госпиталь, а на самом деле бог весть от чего, тем более что в госпиталь он был отправлен в качестве тифозного больного. Сегодня состоялись его похороны. Я приехал к часовне-покойницкой Николаевского госпиталя (на Ярославской улице) к 7 часам 50 мин[утам] утра... Никого еще не было, кроме бомбардира Секачева, принесшего мундир на покойного. В 8 часов приехал лафет под командой фейерверкера Нецветаева и пришел взвод в пешем строю под командой фейерверкера Гайденко. Минут через 5 прибыл и подпоручик Манакин, назначенный официальным представителем от батареи. Еще минут через 10 показался и командир батареи полковник Мясоедов, а за ним шел солдат с коробкой с венком. Венок – небольшой, металлический, с черной и белой лентами и с надписями: 1) «Молодому солдату Василию Заикину», 2) «От командира и офицеров батареи его императорского великого князя Михаила Павловича». Наконец прибыл

поп, и вместе со старым гнусавым дьячком «отваляли» заупокойную панихиду. Затем гроб вынесли и поставили на лафет...

Я сел на извозчика и поехал в казармы, дабы успеть к началу (9 часов утра) строевых занятий с молодыми солдатами.

Ни с того ни с сего вчера вечером назначили на сегодня репетицию высочайшего парада молодым солдатам; должна была прийти лейб-гвардии 2 артиллерийская бригада. Но сегодня сделалось известным, что вторая бригада не придет, и в 3 часа дня на большом плацу выстроились молодые солдаты одной нашей бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Плац представлял одну сплошную грязь и воду, перед которой болото 15 марта уже представлялось заманчивым оазисом. Я – на фланге молодых солдат 1 его высочества батареи. Сводным «батальоном» по-прежнему командует полковник Жерве, но сегодня был и новый «чин» – командир сводного «полка» (?) из обеих бригад – полковник флигель-адъютант Демидов. Церемониальным маршем прошли всего три раза, и затем ушли домой, но за эти полчаса (3–3½) наши сапоги набрали по полведра воды, а пальто забросались грязью. Был генерал-майор Головачев... Назначенный на сегодня смотр верховой езды молодым солдатам (от 3 до 4 часов дня) (обучал поручик Наркович) отменили!.. Я говорил, что смотр нужно было сделать на Страстной неделе, а теперь то то, то другое – будет мешать нашим смотрам.

2 апреля – четверг.

Начались смотры молодых солдат!.. Для меня – это важный момент в службе! Не потому, что скажет и заметит начальство, а мне самому интересно знать, чего я достиг в обучении по сравнению с другими батареями 1 дивизиона. В 9 часов утра в гимнастическом зале начался смотр первого строя 2 батареи; представлял подпоручик Жолтановский, вместо заболевшего подпоручика Жиленкова. После 2-й батареи начался смотр моим молодым солдатам. Уже после нескольких поворотов генерал Головачев, присутствовавший на смотрах, громко поблагодарил моих молодых солдат... После пешего строя (повороты, шашечные приемы, вздваивание рядов и маршировка) полковник фон Цур-Милен спрашивал нижних чинов караульную службу. По окончании смотра начался разбор. Командир дивизиона наговорил массу лестного о моих солдатах, обратил внимание на полную дисциплину в строю, на выправку, на молодцеватость и проч. и закончил свой отзыв, что 1 его высочества батарея вообще представилась «блестяще». Командир бригады также сделал свои замечания, обратив внимание, что «шаг» был слишком частый (150 в минуту) и нога у некоторых людей ставилась слишком прямой.

В 2 часа дня командир дивизиона поверял у молодых солдат 1) установку угломеров, 2) установку трубок и 3) прикладку из револьверов. Началось с 3 батареи, затем наша (1 его высочества) и, наконец, 2-я.

В 4 часа экспромтом был произведен смотр верховой езды молодым солдатам 1 его высочества и 2-й батареи вместо вчерашнего дня (см. 1 марта). Но это касается уже не меня, а поручика Нарковича.

Завтра смотр утренний отменяется по случаю приезда японского принца к нам в бригаду.

3 апреля – пятница.

В 10 часов утра нашу бригаду посетил японский принц Куни, приехавший в придворной коляске со своей свитой и состоящим при нем подполковником Генерального штаба Одинцовым. Принц – настоящий карлик, каких показывают за деньги, и скорее это обезьяна, чем человек. Свита его состоит из военного агента в СПбурге полковника Хагино, помощника военного агента в СПб. подполковника Одариги и адъютанта принца – полковника Курита. Все 4 японца одеты в вполне однообразный костюм – сплошное «хаки»: мундир, пальто, штаны и фуражка; лишь на воротнике мундира имеется красный клапан, да узкий околыш фуражки – красный. На пальто принца имелся меховой воротник, а на груди его красовалась наша Андреевская звезда, пожалованная ему третьего дня государем императором.

Экипажи принца и свиты подъехали к подъезду большого манежа, где принца встретил рапортом дежурный по бригаде офицер подпоручик Гольдгаар (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона), а затем начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий и командир бригады генерал-майор Головачев. Все вошли в ложу манежа, где принца представили всем штаб-офицерам. Принц и его адъютант говорят только по-немецки, агент же и его помощник довольно свободно владеют русским языком. В манеже к этому времени была выстроена смена гг. офицеров 2 дивизиона, коей и была произведена сменная езда командиром дивизиона полковником флигель-адъютантом Демидовым. Все представляющие и представляющиеся были в мундирах при шарфах, а присутствующие в сюртуках, при шарфах. Засим в манеж въехали фейерверкера 1 его высочества батареи, коим произвел сменную езду поручик Наркович, а затем в манеже расставили приборы для рубки, и нижние чины блеснули весьма приличной рубкой. По окончании ее смена была выстроена фронтом к ложе, и генерал Головачев сказал нижним чинам, что «его высочество вас благодарит», на что солдаты ответили: «Рады стараться, ваше императорское высочество».

Из манежа направились на большой плац, где была построена 3 батарея в конном строю (4 орудия). Батареей командовал полковник Вешняков, а в строю находились капитан Буякович и штабс-капитан Есимонтовский. Было показа-

но немое конное ученье, подъезды и отъезды, затем прошли церемониальным маршем и под конец ринулись галопом на принца и остановились в нескольких шагах от него. Принц и их поблагодарил через генерала Головачева.

С плаца принца и свиту повезли в экипажах в гимнастический зал, где в 4 шеренгах уже была выстроена команда для гимнастики. Команда – сборная из учеников учебной команды 1908 года, т.е. так называемые в общежитии вице-фейерверкеры, а потому все были в шпорах. В соседней половине стоял хор трубачей, а капельмейстер г-н Каукаль взгромоздился на высокий табурет-стол. Принц, свита и все мы встали на горке, откуда прекрасно виден весь зал. На самой высшей ступени горки стоял лихой фейерверкер 5 батареи Тарасов, показывавший гимнастические движения. Гимнастикой «командовал» штабс-капитан Чернявский. Впрочем, он ничего не командовал. Он только вполголоса говорил Тарасову «начи-най», тот показывал сложное гимнастическое упражнение, затем по знаку капельмейстера трубачи начинали играть, и все «вице», как один человек, проделывали красивые «сокольские» упражнения, согласно «гусарскому» проекту гимнастики. Это было очень красивое зрелище. Еще эффектнее было, когда вся команда «рассыпалась» по машинам и под музыку начали лихо прыгать через кобылу, сперва обыкновенным способом, а потом через голову. Тем временем другие люди лазали по шестам, ворочались на турниках и проч.

Из гимнастического зала принца и свиту повезли в ворота старых казарм, где их высадили и привели на кухню 1 его высочества батареи. Здесь принц пробовал нашу пищу, а затем все поднялись наверх, прошли сперва в канцелярию 1 его высочества батареи, а затем через помещение 1 его высочества батареи – в офицерское собрание.

Было 11½ часов дня.

В собрании, по обычаю, показ[а]ли наш музей, причем все гости расписались в книге посетителей, и им на память были выданы по одной «почтовой карточке» издания нашего музея. Немного покурили в карточной комнате, а затем все были приглашены к закусочному столу, накрытому в дубовой столовой. Трубачи играли в бильярдной. Стол был сервирован в Петровской зале, шампанское было подано в наших именных серебряных стаканчиках. Тост сказал Головачев: «За здор[о]вье нашего высокого гостя его императорского высочества принца Куни». Военный агент Хагино перевел этот тост по-японски. Потоцкий крикнул «ура», и мы прокричали один раз «ура». Трубачи сыграли туш. После того принц Куни сказал тост по-японски, причем запинаясь на каждом полуслове. ...Форменная обезьяна!.. Тот же полковник Хагино перевел нам этот тост по-русски: «Принц сердечно благодарит лейб-гвардии 1 артиллерийскую бригаду за прием, он счастлив, что посетил столь старую бригаду, существующую с петровских времен, и пьет за здоровье всех офицеров лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады». Принц крикнул

«ура», и трубачи сыграли наш марш (герцога Г. Г. Мекленбургского). В 1 час 20 минут принц Куни со свитой отбыл из нашего собрания.

В 3 часа дня состоялся смотр командиром 1 дивизиона (полковник фон Цур-Милен) гимнастики наших молодых солдат в гимнастическом зале (см. 2 апреля). Сперва смотрел 3 батарею, потом 2-ю и, наконец, 1-ю. Я показал сперва вольные движения, а потом гимнастику на машинах... Хорошо!..

4 апреля – суббота.

От 9 часов утра на большом плацу бригады командир 1 дивизиона (полковник фон Цур-Милен) делал смотр молодым солдатам – ученье в парке и материальная часть. Сперва 3 батарея, потом 1 его высочества и 2-я. Моих молодых солдат он благодарил 2 раза. Этим кончились смотры молодых солдат.

От 12½ до 1½ часов дня объяснял молодым солдатам важность и значение военной службы и присяги.

В 3 часа дня состоялась «присяга» молодым солдатам бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Впервые она происходит не на плацу, а в большом манеже, что, конечно, гораздо лучше. Старослужащих и конного строя не было. Поставлены лишь 8 орудий без передков, хоботами к стене с зеркалом. Жаль, однако, что на «присяге» впервые не присутствовали все офицеры бригады, а лишь гг. штаб-офицеры и мы – заведывающие молодыми солдатами. «Присяга» – это бригадное торжество и праздник! Я – на фланге молодых солдат 1 его высочества батареи. Всем парадом командовал полковник Погребняков (командир 4 батареи). Порядок «присяги» был такой:

- 1) встреча (марш герцога Г. Г. Мекленбургского),
- 2) речь командира бригады генерала Головачева о важности присяги,
- 3) чтение бригадным адъютантом (штабс-капитан Фриде) статей закона о важных нарушениях присяги и о пожаловании знака отличия военного ордена,
- 4) речь священника о. Николаевского о святости присяги и самая присяга,
- 5) молебен с многолетием, после чего генерал Головачев командовал: «Слушай на-караул» и провозгласил здравие государя императора, покрытое «ура» и звуками гимна наших трубачей. После того батареи были повернуты «напра-во», «ряды взвдвой», и в колонне вздвоенными рядами мы прошли церемониальным маршем мимо командира бригады. Когда мы снова вернулись в большой манеж, генерал Головачев поблагодарил всех заведывавших молодыми солдатами за те прекрасные результаты, которых мы достигли в обучении молодых солдат.

5 апреля – воскресенье.

Вечером вместе с Н. Н. Ушаковым был на кинематографическом спектакле в «Фоли-Берже» в Пассаже. Новая дирекция имеет плохой фонарь, а потому все картины слишком темны.

7 апреля – вторник.

От 10 до 12 часов утра участвовал в комиссии по поверке дровяных дворов бригады (председатель полковник Погребняков, второй член: подпоручик Мартынов).

От 12 до 1 часу дня участвовал вместо капитана фон Эндена в комиссии, заведывающей вспомогательным капиталом лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады (см. 17 (февраля)).

От 2 до 2½ часов дня участвовал в комиссии по поверке денежных сумм батареи (1 его высочества) за март.

Вечером вместе с поручиком Ушаковым был на кинематографическом спектакле в «Royal Star» на Марсовом поле.

8 апреля – среда.

Экстренно в 3 часа дня была назначена репетиция молодых солдат на Марсовом поле. Я – на фланге моих молодых солдат 1 его высочества батареи. «Мудили» до 4¾ часов дня. Грязь снизу и снег сверху (см. 1 апреля).

От 7½ до 8½ часов вечера рассказывал нижним чинам 1 его высочества батареи об Осаде Севастополя, причем было показано много туманных картин. На моем сообщении присутствовали: командир батареи полковник Мясоедов и поручик Наркович.

9 апреля – четверг.

Утром вышло письменное приказание, что в 2½ часа дня на Марсовом поле командир Гвардейского корпуса произведет смотр молодым солдатам лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 2 артиллерийских бригад и лейб-гвардии Павловскому полку. Все промежуточные инстанции обозначают час сбора на четверть часа раньше, а потому в 1½ мы были уже готовы в батарее, а 1¾ двинулись на Марсово поле и в 2 были на поле (см. 8 апреля). Одна половина поля – ближайшая к Летнему саду – сравнительно сухая, а другая половина, примыкающая к Павловским казармам, – сплошная липкая и глубокая грязь, из которой трудно вытаскивать ноги. Нам, конечно, было приказано построиться в грязи. Встали сперва тылом к казармам, потом

выяснилось, что Павловский полк будет стоять лицом к Инженерному замку, и одновременно артиллерийское начальство узнало, что смотр не в 2½, а в 3, и когда мы простояли уже добрых полчаса – павловцы лишь начали высылать своих линейных. Чтобы занять время, все начальство: начальник артиллерии Гвардейского корпуса, командиры бригад, командир 2 дивизиона и командир 2 стрелковой батареи – ровняли и переставляли нас с места на место. Тем временем командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов проехал на извозчике и скрылся в «Панораме Рубо» (только что открытой на Марсовом поле), и вышел он оттуда ровно в 3 часа дня. При обходе фронта он делал замечания, что у одного немного завалено плечо, у другого – низка кисть с шашкой, а у третьего – голова повернута не на ¾, а на 7/8!!!! Засим начался церемониальный марш! Для обеих бригад играл наш хор трубачей. Командир корпуса потребовал от нас громадный шаг, для чего наставлял: «подымать выше ногу». Прошли раз, два, три, четыре... Командир корпуса устал стоять и сел верхом на лошадь штаб-трубача 2 дивизиона нашей бригады. Сидеть куда удобнее!!!! И мы прошли еще раз 10 церемониальным маршем!!!!

Я – во главе 1 его высочества батареи. Смотр кончился ровно в 5 часов вечера.

10 апреля – пятница.

В 7 часов вечера по моему приглашению наш бригадный музей посетил Михаил Константинович Соколовский, небезызвестный в исторической литературе рецензент и историограф.

11 апреля – суббота.

Наше начальство от излишней преданности и усердия решило делать репетицию церемониального марша ежедневно (!!!!!) от 2 до 3 часов дня. Вот уж заставь... и т.д.! (см. 9 апреля). Впрочем, сегодня никто не сомневался, что репетиции не будет, так как по субботам пос[л]еобеденных занятий не бывает. Но в час дня по телефону передали приказание – произвести репетицию, и мы снова бесплодно маршировали по Марсову полю от 2 до 3 часов дня.

Никто из начальства, конечно, не побеспокоился, и нам предоставили «учиться» самим... Самым старшим был по[л]ковник Жерве – командующий батальоном.

14 апреля – вторник.

От 3 до 4 часов «репетили» на Марсовом поле вместе с лейб-гвардии 2 артиллерийской бригадой в присутствии начальника артиллерии генерал-лейтенанта Потоцкого. Погода жаркая, мы были в одних мундирах (см.

11 апреля). Я был за командира вместо капитана фон Эндена) 1-й сводной бат[а]реи (1 его высочества и 2-[й]).

Сегодня происходили наши «годовые» выборы. Я снова выбран в заведывающие музеем и при этом из 58 голосов я получил 57! На этом же собрании неофициально решили чествовать в этом году старшего герцога по случаю 50-летия его зачисления в списки бригады. В свое время я возбуждал этот вопрос и предложил свой проект – почти целиком одобренный распорядительным комитетом...

(См. приказ по бригаде от 19 апр. № 189.)

15 апреля – среда.

От 9½ часов утра участвовал в бригадном суде по делу о краже сапог канониром Чугуевым (2 стрелковая батарея). Присудили к 3 месяцам тюрьмы. Было 3 перерыва, и Суд кончился в четвертом часу дня (см. 26 марта).

17 апреля – пятница.

Сегодня и в среду (15 апреля) на этой неделе командир бригады генерал-майор Головачев организовал у нас в собрании двухстороннюю тактическую игру. В среду я почти не присутствовал при игре, так как занят был в бригадном суде, сегодня же я был и очевидцем, и внимательным наблюдателем. Да! Нам еще далеко до настоящей, хорошо организованной тактической игры! Вместо нее сплошной кабак, так как почти никто ничего не знает и мало чем интересуется. Один отряд (2-й дивизион бригады и 2 стрелковая батарея) под начальством полковника Илькевича (командир 5 батареи) заседал в карточной комнате, а другой отряд (северный, 1-й дивизион бригады и 1 стрелковая батарея) под начальством полковника Пономаревского-Свидерского 1 (командир 1 стрелковой батареи) заседал в гостиной. Я был – в северном отряде. Наши турки-дивизионеры играли роль посредников и старательно все перепутывали. Особенно «пуздрил» полковник фон Цур-Милен, непрерывно дававший неверные сведения. Все прочие офицеры тщательно распределили между собою роли, но в общем почти никто ничего не делал, руководство было слабое, и «игра» затянулась в среду до 4 часов дня (с 12¼), а сегодня до 3½ часов дня... В заключение генерал Головачев объяснил нам весь ход игры (тема современная: немецкий десант близ С.-Петербурга) и обещал на будущий год – более рациональную постановку занятий. Давно пора! Но заранее можно сказать, что молодежь не заинтересуешь, если во главе стоят такие патентованные в тактическом отношении ослы, как Горбачевич, фон Цур-Милен, Мясоедов, Погребняков и проч. и проч. Дайте авторитетного и знающего руководителя, дайте авторитетного и знающего начальника отряда, авторитетных и знающих посредников – и я ручаюсь, что никто из гг. офицеров не найдет тактическую игру скучным и бесцельным занятием!!...

18 апреля – суббота.

Вышел приказ по 1 дивизиону нашей бригады (от 15 апреля 1909 года № 19) о результатах смотров молодых солдат (см. 2 апреля). Как ни сглаживает командир дивизиона полковник фон Цур-Милен оценку всех трех батарей дивизиона, но, тем не менее, в приказе ясно видно, что 1-м номером стоят мои молодые солдаты (1 его высочества батареи), затем 2-я батарея, и хуже всех 3-я батарея (капитан Буякович, прикомандированный за окончание [Михайловской] артиллерийской академии). Вот отдельные выражения из этого приказа, касающиеся 1-й его высочества батареи, т.е. тех молодых солдат, коих я обучал:

«Пеший строй. 1 батарея... Равнение как по фронту, так и в затылок отличное. В строю полная тишина; при остановках и после поворотов не было никаких шевелений. В общем впечатление от пешего строя – блестящее» (во 2-й батарее – очень хорошее, а в 3-й – никакого).

«Гимнастика. 1 батарея. Общее впечатление – блестящее» (во 2-й батарее – блестящее и в 3-й «очень хорошее»).

«Орудийный расчет. 1 батарея, приемы делали очень хорошо» (во 2-й батарее «хорошо» и в 3-й батарее «хорошо»).

И т. д.

В заключение всем командирам батарей и всем заведывающим молодыми солдатами (в том числе и мне) объявлена благодарность.

В 2 часа дня все гг. офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с его высочеством герцогом Георгием Георгиевичем Мекленбург-Стрелицким (см. 14 апреля) снялись в парадных мундирах в общей группе в фотографии Ренц-Шрадера на Морской. Согласно постановлению комитета, одобренного общим собранием гг. офицеров бригады, – к участию в группе были привлечены все те, кто числится в списках бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и носит наш мундир. Были: его высочество герцог Михаил Георгиевич Мекленбургский, генерал от артиллерии Свинын (член Государственного Совета), генерал-лейтенант Потоцкий (начальник артиллерии Гвардейского корпуса), генерал-лейтенант Мрозовский (числится во 2 стрелковой батарее, начальник 1 гвардейской пехотной дивизии). Генерал-лейтенанта Хитрово нет в Петербурге, а генерал от артиллерии Оноприенко болен, а потому они и не могли участвовать в группе. Предполагается вставить отсутствующих в виде медальонов по краям паспарту. Ателье Ренца оказалось слишком малым для такой грандиозной группы, как наша, и фотограф употребил невероятные усилия, чтобы втиснуть нас в те пределы, в коих – на самом деле – было места лишь на половину всех снимавшихся.

20 апреля – понедельник.

От 2½ до 4½ часов дня «учились» на Марсовом поле ходить церемониальным маршем (см. 14 апреля). Как бы только не «переучиться»? Ведь ходила же до сих пор наша бригада на всех высочайших церковных парадах весьма и весьма прилично, однако такого количества репетиций и «старожилы не запомнят»!! Впрочем, сегодня командир бригады генерал-майор Головачев «учил» не столько нас, сколько нашего командующего батальоном полковника Жерве, у которого – с позволения сказать лошадь – выделявала все, кроме «заезда»! Как можно такую «жопу» назначать на высочайший парад молодым солдатам лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады!!!!..

От 7 до 8½ часов вечера рассказывал нижним чинам 1 его высочества батареи о нашей Полтавской победе с показом световых картин на экране. На сообщении присутствовал командир батареи полковник Мясоедов и подпоручик Манакин.

21 апреля – вторник.

После годичного (приблизительно) перерыва, связанного с дооперационным и послеоперационным периодами, впервые сел сегодня на лошадь и ездил на Марсово поле (лошадь поручика фон Руммель). Оперированное место все еще весьма чувствительно...

В 11 часов утра был в 3 батарее на панихиде по бывшем фельдфебеле батареи – подпрапорщике Шубине. Хотя об этой панихиде и было объявлено в приказе по бригаде, но кроме меня, не было НИКОГО. Ни дивизионера 1 дивизиона, ни командира бригады, ни бывших офицеров 3 батареи... Никого! Был: личный состав батареи: временно командующий батареей капитан Бужак (полковник Вешняков уехал в Сочи), штабс-капитан Есимонтовский, подпоручики Берников, Гартц и Тарасов. Панихиду служил о. Филосов.

От 1½ до 3 была репетиция церемониального марша на Марсовом поле (см. 20 апреля). Опять никто из начальства не был, и мы «зря» ходили мимо бездарного Жерве, лошадь которого окончательно ему сегодня не повиновалась!..

Даже солдаты уже не могут удержаться от смеха при всех командах полковника Жерве, который произносит их почти всегда неправильно и не-впопад! Жалкая личность!..

Отголосок «истории» с нашим конкурсом (см. 16 марта).

Помните, что полковник Пономаревский-Свидерский 1 доложил генералу Головачеву, что в спортивной комиссии все члены, за исключением одного (полковника Пономаревского-Свидерского 2), высказались за приглашение

гостей на наш конкур. Тогда же подпоручик Шмидт (член комиссии) говорил нам, что его лично полковник Поном[аревский]-Св[и]дерский 1 не опрашивал и, таким образом, он не мог говорить ни «за», ни «против». Прошло более месяца, и как-то вдруг это заявление Шмидта дошло до Поном[аревского]-Свидерского 1. Со свойственной ему необдуманной горячностью Женька немедленно поставил вопрос ребром – «или я лжец, или он лжец...» и т. д. Затем он наговорил массу дерзостей Шмидту, но встретил с его стороны утверждение, что, действительно, его – Шмидта – никто ни о чем не спрашивал. Тогда Поном[аревский]-Свидерский 1 окончательно взбесился, кричал 20 апреля в зале что-то Руммелю и Погребнякову (командир 4 батареи, где числится Шмидт) и, наконец, пожаловался генералу Головачеву. Сегодня «дело» это уже разбирал и полковник Демидов (командир 2 дивизиона), и полковник Илькевич (председатель суда общества офицеров)... Мне, конечно, не известно в точности – кто и что говорил, но в конце концов – щекотливый вопрос «кто же лжец?» (по-моему – Поном[аревский]-Свидерский 1) сам же Пономаревский «замаял» и высказал претензию лишь на то, что подпоручик Шмидт разговаривал с ним «некорректно», а потому он требует от него извинения. «У сильного всегда бессильный виноват». Когда штаб-офицер неосновательно кричит на обер-офицера, а обер-офицер основательно ему возражает, то виноват обер-офицер, и Шмидту, конечно, придется извиниться...

22 апреля – среда.

От 3 до 4 часов дня была репетиция церемониального марша на Марсовом поле (см. 21 апреля).

В 8 часов вечера нижние чины 1 его высочества батареи были в Народном доме на исторической хронике «Петр Великий». На этот спектакль людей повели по случаю предстоящего 200-летнего юбилея Полтавской битвы (см. 20 апреля). Из офицеров батареи были: полковник Мясоедов, я, поручик Ушаков и поручик Древинг. Кроме того, был командир бригады генерал-майор Головачев. В антрактах я посещал нижних чинов и разяснял им и только что показанное, и то, что предстоит увидеть в следующих действиях... Самая «хроника» превосходна: великолепно изображена Полтавская битва, панорама Невы и буря на море и др.

После спектакля я с Ушаковым поехали ужинать в «Аквариум», где к нам присоединились генерал Головачев и полковник Мясоедов, и «скромный» ужин превратился в «нескромный»...

23 апреля – четверг.

Купил лошадь у поручика фон Руммель (бр[игадный] казначей) за 400 рублей. Аттестат, выданный заводчиком, гласит следующее: «Конь “Сту-

арт” (Стюарт?) вороной с белыми отметками от кровного жеребца “Кан-кан”, мать местной породы, ему три года».

Барон Берх.

Им. Ухилх (?)⁴ 6 октября 1908 года.

1909

883

25 апреля – суббота.

Вчера на дежурстве по бригаде к вечеру чувствовал себя совсем плохо: болела голова, небольшой озноб и жар. Пришлось даже принять 10 гран хины. Тем не менее с 3½ часов ночи я все время был на ногах, так как с плаца уезжали транспорты (в 4½ и 5 часов утра) с огнестрельными припасами в Красное Село, и я их провожал...

Утром сегодня полегчало, и уже с 2½ часов дня и до 4½ часов дня я снова «шагал» по Марсову полю. Вместо полковника Демидова теперь командует сам генерал Головачев, остальное начальство – без перемены. Вместе с нами сегодня репетили: 2-я бригада и разные «крепаки» и «склады» г. С. Петербурга: с ружьями и шашками и вовсе без всякого оружия...

Утром до 12 часов батареи бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона посетили панораму «Севастополь» на Марсовом поле. К сожалению, будучи дежурным, я не мог быть вместе со своею батареею.

26 апреля – воскресенье.

В 2 часа дня все молодые солдаты бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона были выстроены вдоль Басковой улицы. На правом фланге – хор трубачей бригады. Я – на фланге молодых солдат 1 его высочества батареи, все в шинелях. Ровно в 2 мы двинулись в путь под командой полковника Жерве (командир 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) по дороге к Царскосельскому вокзалу. Тут для нас и для других частей гвардейской артиллерии был приготовлен экстренный воинский поезд. Каждая батарея поместилась в отдельный вагон 3 класса. В 3½ часа поезд тронулся, а в 4¼ часов дня мы были в Царском Селе. С вокзала мы пошли походным порядком, причем здесь, как и в городе Петербурге, наши трубачи почти непрерывно играли марши. Проходя мимо к[а]зарм лейб-гвардии 4 стрелковой императорской фамилии батальона, трубачи играли их марш... И на следующий день, каждый раз, что мы проходили мимо императорских стрелков, – наши трубачи играли их марш... Нижних чинов нашей бригады, а также нижних чинов лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады разместили в Большом гусарском манеже (экзерцирхауз).

⁴ Так в рукописи.

Люди довольствовались из походной кухни своей батареей, а спали на соломе, добытой в Офицерской артиллерийской школе. Когда все распоряжения были закончены, все гг. офицеры уехали в Большой дворец, за исключением подпоручика Неелова, оставшегося в манеже, в качестве дежурного по бригаде офицера. Вот офицерский состав завтрашнего парада:

командир батальона – полковник Жерве (командир 2 стрелковой батареи),
адъютант – поручик Бутовский (сегодня не был),
командир 1 св[одной] батареи – капитан фон Энден (сегодня не был),
командир 1 его высочества батареи – я,
командир 2 батареи – поручик Жиленков,
командир 2 сводной батареи – капитан Чуйкевич (сегодня не был),
командир 3 батареи – капитан Буякович,
командир 4 батареи – поручик Щербов-Нефедович,
командир 3 сводной батареи – штабс-капитан Чернявский,
командир 5 батареи – подпоручик Неелов,
командир 6 батареи – поручик Перлик,
командир 4 сводной батареи – капитан Беляев (Иван),
командир 1 стрелковой батареи – поручик Болецкий,
командир 2 стрелковой батареи – поручик Люндеквист.

В Большой дворец мы приехали в 6½ часов вечера и заняли приготовленные для нас комнаты. Общая дверь из коридора вела в 4 отдельные комнаты: 2 наверху и 2 внизу. Низ заняли: поручики Жиленков и Щербов-Нефедович, а верх – я и поручик Люндеквист. В 7 часов вечера нам подали в одной из зал дворца обед (зал, где висят картины: коронация императора Александра 2, открытие памятника тысячелетия России в Новгороде, присяга наследника Александра Александровича и др.). К 9 часам вечера я и другие офицеры бригады и дивизиона пошли пешком в Гусарский манеж, где присутствовали на вечерней переключке и молитве своих нижних чинов. Около 10 часов вечера все пили чай, а потом я лег спать, так как у меня сильно болела голова и был маленький жар (гриппозное состояние).

27 апреля – понедельник.

Встали в 7–7½ часов утра, напились чаю и на придворных линейках переехали в Гусарский манеж. Погода дивная, солнечная. Тем не менее с утра было отдано распоряжение, что парад будет в шинелях, что являлось весьма кстати, так как временами дует весьма холодный ветерок. Для меня же, окончательно простуженного, это было полным благодеянием. К 9 часам утра в тот же манеж начали прибывать все те гг. офицеры, которые не шли вчера походом. Приехал и командир бригады генерал-майор Головачев со своим адъютантом штабс-капитаном Фриде. В этом году, к счастью, не было прошлогоднего дурацкого и унижительного (и, конечно, секретного) предписания

«пьяного дурака» Данилова – осматривать карманы молодых солдат. Тем не менее этот вопрос не был вовсе обойден, так как вышло распоряжение, чтобы в карманах молодых солдат не держать никаких предметов. Я объяснил молодым солдатам, что всякая вещь «оттопыривает» карман, что некрасиво, и приказал все платки, щеточки и проч. переложить в карманы шаровар. Затем я их опросил об исполнении моего приказания, но, конечно, никого не щупал и не обыскивал. Таким образом поступали, вероятно, и все другие офицеры. Для объезда царя мы выстроились вдоль дороги, ведущей на плац дворца. Тут много курьеза вызвал наш хор трубачей. Сперва его поставили, как следует по уставу, на правом фланге нашей бригады (мы стояли подивизионно, во взводных колоннах). Но вдруг мимо проехал начальник штаба Гвардейского корпуса генерал Мориц и нашел, что трубачами нашими нужно «закрыть дырку», и велел передвинуть их под углом вправо. На такое нелепое требование генерал Головачев ничего не возразил и ответил: «Слушаюсь ваше превосходительство». Но так как после такого передвижения получилась явная уставная нелепость, то хор начали двигать то вправо, то влево, то назад, то вперед, и двигали его так добрых полчаса. Одно время наш бригадный хор совсем чуть было не угнали от нашей бригады. Под конец его все же поставили на другую дорогу, на левый фланг каких-то артиллерийских складов или парков. Мы окончательно возмутились, набодрили полковника флигель-адъютанта Демидова и снова пристали к генералу Головачеву, чтобы наш хор был попросту поставлен по уставу – на правом фланге нашей бригады. В результате хор снова придвинули к нам, но поставили его под углом в 45° к нашей бригаде!!! Объезд начался в 11 часов утра, а до этого времени с нами здоровался командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов («Здорово, батарейцы 1-й бригады»). Кстати: в этом году он ничего не говорил солдатам, а в прошлом году он спрашивал их: «Какой у нас сегодня праздник?», и надо было отвечать: «Я впервые увижу государя императора»...

Здоровался также помощник главнокомандующего генерал Газенкампф.

Высочайший объезд (государь был в форме гусар) длился недолго, но зато церемониальный марш, благодаря массе войск, был бесконечен... Наша бригада прошла идеально. Это засвидетельствовал генерал Лехович (он был за начальника артиллерии Гвардейского корпуса), генерал Головачев и многие присутствовавшие на параде. Моя 1 его высочества батарея прошла, как один человек!

После конца церемониального марша люди ушли в манеж под командой одного офицера – поручика Щербова-Нефедовича, а мы все вернулись на Дворцовый плац, где после парада государь сказал нам следующее:

«Господа, благодарю вас за труды по обучению молодых солдат, которые представились мне сегодня блестяще. Это показывает вашу преданность службе

и мне. Мне особенно приятно видеть, что за последние 3 года я замечаю все большие и большие успехи. Еще раз благодарю вас, господа, за вашу службу».

После того государь уехал, а мы, как были в походной форме в пальто, пошли во дворец, где в Большом зале нам был предложен завтрак а-ля-фуршет. По распоряжению полковника Жерве в каждой сводной батарее должен был остаться всего один младший офицер (в нашей 1 его высочества батарее – поручик Жиленков), а все прочие офицеры могут тотчас ехать в СПб. Таким образом, я мог уехать, но я добровольно остался с батареей. До обеда я посетил манеж (свою батарею), в 6½ часов мы обедали во дворце, в 7½ я двинулся походом из манежа на вокзал, где нам к 8 часам 50 минут веч[ера] был приготовлен экстренный поезд. В 9½ часов вечера мы были на петербургском вокзале, а в 10½ – в казармах. Голова снова болит, и снова жарок. Парад сошел блестяще, а порядок у нас в 1 его высочества батарее был образцовый!..

28 апреля – вторник.

В 8 часов вечера на 9-м годичном собрании О[бщест]ва ревнителей военных знаний я выбран в казначеи общества.

29 апреля – среда.

Почти весь день занят уборкой нашего бригадного музея. Ввиду предстоящего ремонта карточной комнаты, а также возможного переноса на место ее – гостиной, я перенес весь инвентарь музея в гостиную и принял меры к надежной охране всего исторически-ценного имущества. Сегодня же наш музей, петровский образ св. Николая Чудотворца и петровские пушки снимал корреспондент «Нового времени» г-н Глыбовский для помещения снимков в названную газету по случаю предстоящего Полтавского юбилея. Г-н Глыбовский явился к нам по собственному почину, привлеченный небольшой заметкой в хронике, которую я вчера отправил в «Новое время».

ПРИМЕЧАНИЕ: Снимки потом были помещены не в «Новом времени», а в «Родине» и в «Ниве» – с текстом, написанным мною.

30 апреля – четверг.

В 9 часов утра вся бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион построились в конном строю в виде буквы «П» на площади Спасо-Преображенского собора. На правом фланге 1 его высочества батареи впервые встали хор трубачей бригады в конном строю. Я явился лишь проводить бригаду, так как в строю батареи пошли командир батареи полковник Мясоедов, поручик Древинг и подпоручик Манакин. Ровно в 9 часов

появился на коне командир бригады генерал-майор Головачев, начался молебен, который служил о. Философов с диаконом. После молебна бригада и Стрелковый дивизион, имея во главе конный хор трубачей, двинулись в лагерь... После ухода бригады в лагерь я занялся укладкой собственных вещей, а затем окончательно «устроил» музей (см. 29 апреля), запер его и запечатал музейной печатью.

С поездом 4 часа 45 минут дня я уехал в Красное Село...

Новая жизнь!!! Лагерь!..

1909
887

1 мая – пятница.

От 9 часов утра попробовал командир батареи (полковник Мясоедов) сделать учение в парке, но адский ветер с дождем заставил нас прекратить занятия через 40 минут. Ветер положительно сваливает с ног!.. Холодно.

2 мая – суббота.

1-я стрельба в этом сезоне. Стреляли 1 и 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона; стрельба ранняя. Я встал в 4 часа утра и в 5 поехал верхом к деревне Арапокази (самая дальняя позиция на Красносельском полигоне). На этой стрельбе присутствовали молодые солдаты 1 дивизиона, и я объяснял своим бывшим «молодым» – «перелеты», «недолеты», «высокие и нормальные разрывы», перенос огня и проч. Погода холодная, но хорошая, солнечная... На стрельбе этой не было начальства, так как наш командир бригады с 10 часов утра и до 5 часов вечера сидел в комиссии – в библиотеке Петербургского офицерского собрания – по вопросу о споре города СПб. с нами насчет Батарейного переулка. Свидетелями с нашей стороны были: командир бригады, полковник Илькевич, бригадный квартирмейстер поручик Алексеев, подпрапорщики Семенов (фельдфебель 6 батареи) и Артемьев фельдфебель 4 батареи), военный инженер капитан Попов, юрисконсульт Мравинский (д[ействительный] с[татский] с[оветник]) и др. Опрос свидетелей ведет судебная власть СПб. окружного суда.

4 мая – понедельник.

2-я стрельба в нашей бригаде. Стрелял 2-й дивизион; это тоже т.н. (см. 2 мая) «показная» стрельба, на которую приводили молодых солдат и на которой снова должны были присутствовать все гг. офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Стрельба от 11½ часов утра. Я выехал верхом вместе с полковником Мясоедовым (командир 1 его высочества батареи) в 9 часов утра. На этот раз все начальство в сборе: начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий и командир бригады генерал-майор Головачев. Все офицеры должны наблюдать и записывать свои наблюдения, а затем командир бригады, после

доклада и разбора стрельбы стрелявшим командиром батареи и командиром дивизиона, – «вытягивает» кого-нибудь из гг. офицеров и приказывает доложить свои замечания и наблюдения. Как ни верти – получается несомненная критика действий штаб-офицера, и этот «номер» большинство сочло неудачным.

5 мая – вторник.

Наша стрельба!! Стрельба 1 дивизиона. Для меня – это первая стрельба по возобновлению (после четырехлетнего перерыва и, безусловно, 1-я стрельба со скорострельными пушками, так как в последний раз я стрелял при поршневых орудиях). Стрельба поздняя – от 4 часов дня. 1 его высочества батарея, в составе 1 дивизиона, выступила в 1½ часов дня. Я – в конном строю (4 орудия с ящиками) во 2 взводе. Кроме меня, в строю капитан фон Энден. Мы же были на взводах и на позиции. Позиция та же (у Арапокози), что 2 и 4 мая. Погода стоит без перемены: холодная, изредка моросит. По окончании нашей стрельбы я повел 1 его высочества батарею под своей командой домой.

8 мая – пятница.

В № 167 «Офицерской жизни» от 2 (15) мая 1909 года помещена моя статья «Старшинство артиллерийских бригад». Я ратую за то, чтобы артиллерийские бригады имели бы общекорпусное старшинство, а не старшинство побатарейно, как это имеет место в настоящее время.

9 мая – суббота.

Офицерская стрельба 1 дивизиона. Выступили в 9½ часов утра в составе дивизиона. Во главе шла 2 батарея, затем 3-я и в хвосте наша 1 его высочества батарея; шли в том порядке, как будем стрелять. Я в конном строю, в 1 взводе. Перед выходом на Военное поле я остался за командира дивизиона и повел его, согласно указаниям разведчиков, на подготовительную позицию. В 11½ часов утра началась стрельба. Начал капитан Альтфатер, кроме него во 2 батарею стрелял штабс-капитан Тарновский, в 3 батарею стрелял капитан Буякович (прикомандированный) и подпоручик Тарасов (прикомандированный), у нас в батарею стреляли капитан фон Энден и я. Я получил задачу от начальника артиллерии генерал-лейтенанта Потоцкого – подготовиться по неприятельской цепи в окопах – к предстоящей атаке пехоты. Наблюдал с передка, на котором была установлена вышка полковника Демидова. Выпустил 24 патрона. После офицерских стрельб в каждой батарею стреляли нижние чины: у нас в батарею (1 его высочества) стрелял фельдфебель подпрапорщик Бекадоров и взводный фейерверкер Бугров. После всех стрельб был «разбор»... Холод адский, изредка падали крупинки снега или града. Позиция (маскированная) к з[ападу] от лаборатории.

12 мая – вторник.

Днем офицеры 1 дивизиона (в том числе и я) присутствовали на стрельбе гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона.

14 мая – четверг.

Участвовал в церковном параде 1 гвардейской пехотной дивизии по случаю Дня коронации. Наша бригада с гвардейским Стрелковым артиллерийским дивизионом вывела по 24 ряда от каждой батареи при одном офицере на батарею (от 1 его высочества батареи – я) под общей командой полковника Пономаревского-Свидерского 1 (командир 1 стрелковой батареи). Парад в кителях. Полки 1-й дивизии и мы построились в виде буквы «П» вокруг своей церкви. Всем парадом командовал полковник лейб-гвардии Семеновского полка Вансович (кстати сказать: он моложе по чину и службе полковника Поном[аревского]-Свидерского 1), а принимал парад командир того же полка генерал-майор Кульнев (после генерала Шильдера – это 2-й командир из бывших «воспитателей», а потому преображенцы называют семеновцев – Семеновский кадетский корпус). Вместо всеми ожидаемого скучного и длинного богослужения – все окончилось быстро и скоро. В 10 часов утра пришел Кульнев, обошел фронт (почему-то музыканты пехоты «встречу» не играли, и «встречу» играл один наш хор трубачей), затем провозгласил здоровье царя, цариц и наследника (и опять «Боже, царя храни» играли одни наши трубачи), а потом пропустил нас церемониальным маршем – один раз.

15 мая – пятница.

Сегодня в 10 часов утра состоялся обычный за последние 3 года экзамен гг. офицерам. Вызвали по одному офицеру от каждой батареи гвардейской артиллерии. Список с фамилиями таковых был вскрыт Управлением бригады лишь в 9 часов вечера вчера. От нашей батареи отвечал поручик Древинг. Что касается меня, то я с утра уехал в СПбург по делам бригадного музея (архивные справки и «Полтава») и по своим собственным... Со времени выхода в лагерь я был в городе всего один раз (1 день) и в будущем думаю продолжать «сидеть» безвыездно в лагерях и, наслаждаясь воскресным отдыхом, в то же время почитать военную литературу... Сегодня, впрочем, было не до чтения!

За обедом полковник Мясоедов, я, поручик Снигиревский, подпоручики Манакин и Жолтановский освежили запас ликеров нашего первого эшелона и затем потребовали трубачей и этим положили начало «концертному сезону» в лагерях.

16 мая – суббота.

С 12 часов дня – дежурный по бригаде. К большому моему удовольствию – все должностные из нашей бригады. Дежурный по войскам – коман-

дир 3 батареи (вр. и. д. командира 1 дивизиона) полковник Вешняков, а дежурный по артиллерии – командир 2 стрелковой батареи полковник Жерве. Сегодня – третий день, в который можно сказать, что у нас лето, а не поздняя осень.

До 12 часов (с 8 часов утра) успел быть на конном учении нашей 1 его высочества батареи. После долгого (5-летнего) перерыва – это опять-таки 1-е конное учение, на котором я участвую.

18 мая – понедельник.

В № 169 «Офицерской жизни» от 16 (29) мая с. г. помещена статья г. Соколовского (М.) под заглавием «Музей лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады». В этой хвалебной для нашей бригады статье имеются, между прочим, следующие строки:

«...В настоящее время заведывание им находится в опытных руках штабс-капитана Савонько, страстно преданного любимому им делу и уделяющего по несколько часов на приведение его в порядок...»

«...Честь и слава заведывающему прекрасным музеем. Дай бог, чтобы энергия этого молодого, но уже опытного деятеля не ослабела и не встретила каких-нибудь внешних препятствий и трений, без которых, к сожалению, не обходится ни одно хорошее дело...»

19 мая – вторник.

С 12 часов дня вступил на дежурство по бригаде (старший дежурный). Мой помощник – подпоручик Тарасов.

21 мая – четверг.

Приказ по бригаде № 141, п. 10:

«Членом бригадного суда, на основании ст. 14 кн. 22 Св[ода] в[оенных] п[остановлений] 1869 г. изд. 1900 г. вместо штабс-капитана Савонько мною назначается штабс-капитан Чернявский».

Командир бригады
генерал-майор Головачев.

22 мая – пятница.

3-я стрельба нашей (1 его высочества) батареи. Стреляли: поручик Древинг, подпоручик Манакин и фейерверкера: Щелкунов и Кутольвас. На стрельбе присутствовали «пехотные» генералы, но не было «артиллерийских». Все наше начальств[о] уехало в СПб. на репетицию парада у памятника императора Александра 3, открываемого завтра. Наша бригада в числе немногих шефских частей (гвардейский Стрелковый артиллерийский диви-

зион в параде не участвует) участвует в параде в составе сводной батареи из 32 рядов. Офицерами назначены капитаны: Альтфатер, фон Энден, Перрет и Явид. За фельдфебеля назначили подпрапорщика фельдфебеля 4 батареи Артемьева. Я этим возмутил[с]я, так как считаю, что надо было назначить фельдфебеля нашей (1 его высочества) батареи Бекадорова, у которого на погонах имеется вензель императора Александра 3. Но на перемену приказания генерал Головачев не согласился, и Артемьев остался. Так было вчера на репетиции церемониального марша перед 2-м эшелоном. А сегодня уже вышло новое приказание, что в строю должны быть за взводных фейерверкеров вообще все подпрапорщики и сверхсрочнослужащие. Таким образом, в нашей батарее пошли на парад подпрапорщики Бекадоров и Серегин. Сводной батареей командует флигель-адъютант полковник Демидов. Весь этот «наряд» уехал сегодня в СПб. и на стрельбе 1 дивизиона (от 1 – 8) не был. Я командовал батареей на всех 4-х стрельбах. Перед боевой позицией я занимал «примерную» позицию за Кавелахтскими высотами для показа «пехоте». Парад помешал также и экзамену по тактике гг. офицерам, который должен был быть сегодня.

23 мая – суббота.

Открытие памятника императору Александру 3. Увы! Назначение капитанов в строй и неприглашение штаб- и обер-офицеров гвардии для присутствия (приглашены лишь командир бригады генерал Головачев и бригадный ад[ъ]ютант (и. д.) Ушаков) лишают меня возможности быть очевидцем события, увековечивающего память в бозе почивающего шефа лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

По делам музея и для заказа рамки к подносимой герцогу Г. Г. Мекленбургскому бригадной группе ездил в СПбург.

Был с капитаном Альтфатером на выставке «новейших изобретений» в Михайловском манеже.

24 мая – воскресенье.

Переночевав у себя на квартире, я с поездом 10 часов 10 минут утра вернулся в Красное Село. По дороге на Балтийский вокзал я заехал на Знаменскую площадь посмотреть на новый памятник императору Александру 3 (см. 23 мая). У памятника толпится много простого народу, и все удивляются огромным сапожищам царя, открытой пасти лошади, «смазанной» бороде государя и прочим «шедеврам» скульптора-декадента (Паоло Трубецкой). У подножия памятника венки из живых цветов от преображенцев, семеновцев, егерей, сапер и проч. Одним словом, все части, где шефом был император Александр 3, возложили венки, и лишь наша бригада по непонятному скудоумию генерала Головачева не возложила венка.

А ведь я два дня подряд долбил всех и вся о необходимости заказать венки и во всяком случае быть осведомленным – возлагают ли венки прочие гвардейские части... Но моим словам не вняли ни командир бригады, ни гт. штаб-офицеры, ни и. д. бригадного адъютанта! (поручик Ушаков).

25 мая – понедельник.

По случаю Царского дня снова был парад 1 гвардейской пехотной дивизии, и снова в строю 1 его высочества батареи шел я, так как я единственный «оригинал» в батарее, не уезжающий по праздникам в СПбург (см. 14 мая). Церемония парада была несколько иной, чем 14 мая. Парадом командовал флигель-адъютант лейб-гвардии Преображенского полка Гольдгоер, а принимал парад начальник 1 гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант Мрозовский. Сводной нашей бригадой (вместе со Стрелковым дивизионом) командовал полковник Жерве (командир 2 стрелковой батареи). На парад прибыла еще сотня атаманцев со своими трубами. В начале одиннадцатого часу (с опозданием минут на 10–15) приехал генерал Мрозовский, здоровался с частями и поздравил их с праздником. Через несколько минут из церкви 1 гвардейской пехотной дивизии вышло духовенство и отслужило чрезвычайно коротенький молебен с многолетием царскому дому. После того генерал Мрозовский провозгласил «ура» «самодержавному вождю» и «ура» в честь императрицы Александры Федоровны. Церемониальным маршем прошли по полубатарейно. Я – за командира 1 его высочества батареи. Конец в 11¼ ч[асов] утра.

30 мая – суббота.

Был дежурным по левой охранительной цепи во 2-й очереди (позиция у дд. Аропокази – Новопурск). Выехал утром в 7½ часов утра, а вернулся домой в 10½ часов вечера. Итого на коне и без пищи – 15 часов! Один из самых тяжелых нарядов в лагерях...

1 июня – понедельник.

Встали в 3 часа ночи, в 4 двинулись всем дивизионом (1 дивизион) на стрельбу, и в 7 часов утра 1 его высочества батарея открыла огонь на позиции у д. Новопурска. Я – в строю батареи. В этот день наш командир батареи полковник Мясоедов стрелял, между прочим, по движущемуся поезду и... не попал в него ни одной пули. На «разборе» генерал Головачев сказал ему несколько «кислых» слов, и в результате «Мясоедик» часа в 3–4 дня (предварительно, конечно, выпив) подал рапорт о болезни... Мальчишеская демонстрация, дабы не участвовать завтра на стрельбе. Уже вечером он сам испугался своей выходк[и] и начал притворяться, что он действительно болен...

2 июня – вторник.

Снова стрельба нашего дивизиона и нашей батареи (1 его высочества). Полковник Мясоедов на стрельбу не поехал (см. 1 июня) и, будучи совершенно здоровым, остался сидеть в бараке.

Стрелял капитан фон Энден, а старшим офицером на батарее был я. Стрельба была весьма удачная.

После стрельбы (это было уже часа 3 дня) наш эшелон (1-й) предполагал в этот день и час поднять флаг на только что сооруженную мачту. Флаг – черный с красным вензелем Петра Великого, а внизу – бронзовые пушки. Все хлопоты по заказу флага и постановке мачты принял на себя штабс-капитан Тарновский. В 3 часа мы с горечью узнали, что наши трубачи играют во втором эшелоне, куда командир бригады пригласил пехотных генералов, прикомандированных к нашей бригаде для изучения артиллерии, и едва ли будут сегодня свободны. Чуть было не расстроилось все торжество. Но за обедом мы снова послали за трубачами, и командир бригады ответил, что они освободятся и будут присланы к нам в 5–5¼ часов вечера. Таким образом, «церемониал поднятия флага» состоялся от 5½ до 6 часов вечера и состоял в следующем:

Из столовой офицерской флаг за 4 конца несли: я, поручик Ушаков, штабс-капитан Тарновский и подпоручик Жолтановский. Флаг громадный: 4 аршина длины и 3 аршина ширины. Впереди нас шел хор трубачей, за нами – все офицеры 1 эшелона при шашках. У мачты – вдоль боковых линеек – были выстроены нижние чины 1 его высочества и 2 батарей, у самой мачты стояли фельдфебеля 1 его высочества и 2 батарей: Бекадоров и Гашко. Зацепив флаг, его начали медленно поднимать кверху, и с начала подъема трубачи заиграли бригадный марш. Когда флаг дотянулся до самого верха, из парка 1 его высочества и 2 батарей раздался орудийный салют в 21 выстрел (в строю в парке стояли подпоручик[и] Манакин и Фалеев). Нижним чинам дали чай и по 1 фунту ситного, а офицеры вернулись в столовую, где подано было шампанское и ликеры. Так как полковник фон Цур-Милен (командир 1 дивизиона) удалился в свой барак (на т.н. «Урусовские курсы»), то все тосты провозгласил полковник Пономаревский-Свидерский 2. Первый тост за бригаду, второй за «строителя» – штабс-капитана Тарновского, за поручика Курбатова, давшего для мачты провололочные канаты из числа мишенных (Курбатов состоит в мишенном комитете), за «инициатора» – штабс-капитана Савонько, за помощников Тарновского – фельдфебелей 1 и 2 батарей. Последние были вызваны в столовую, им дали по бокалу шампанского, и все с ними чокались и их целовали. Затем депутат от 2 батареи (капитан Альтфатер) и все офицеры 1 его высочества батареи отправились в барак полковника Мясоедова – навестить мнимого больного. Николай Александрович был тронут таким вниманием, выставил уйму шампанского и быстро напился. К ужину (к 10½ часам в[ечера]) его уговорили даже вы-

йти в столовую, и таким образом «демонстрация», напоминающая «кукиш в кармане», — окончилась...

4 июня – четверг.

Ни с того, ни с сего командир дивизиона (полковник фон Цур-Милен) назначил на сегодня с 9 часов утра смотр канонирам младшего срока службы. Во-1), смотр полагается производить не ранее 1 июля, а во-2), полковник Цур и его адъютант поручик Ушаков, по-видимому, и не подозревали о существовании официального положения об обучении канониров младшего срока службы, а потому смотрели гимнастику и учение в парке, т.е. то, что смотреть отнюдь не полагается. Что касается словесности, то командир дивизиона задавал все вопросы из «курса молодых солдат» и не задал ни одного вопроса из курса «канониров»... На смотрю солдат 1 его высочества батареи представлял я.

От 12 часов дня – дежурный по бригаде.

5 июня – пятница.

В день рождения его высочества герцога М. Г. Мекленбургского ездил в 12 часов дня (сменившись с дежурства, см. 4 июня) к нему во дворец (Красное Село) расписаться.

8 июня – понедельник.

Ездил в СПбург по делам службы (был в Главном штабе, где Генерального штаба генерал Беляев сообщил мне, что военный министр разрешил нашей 1 его высочества батарее взять в г. Полтаву – хор трубачей бригады).

Осмотрел панораму «Севастополь» на Марсовом поле.

К 10 часам вечера все гг. офицеры гвардейской артиллерии собрались на Царском Валике, близ которого произошла «ночная» стрельба трех батарей: нашей 3-й (полковник Вешняков), второй лейб-гвардии 2-й и 4-й конной. «Ночь» не слишком темная, но зрелище стреляющих орудий и шрапнельных разрывов все же весьма эффектное. Домой вернулись к 12 часам ночи...

9 июня – вторник.

Стрельба гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона совместно с гвардейской Запасной батареей (дивизионная стрельба). На стрельбах «стрелков» – офицеры 1 дивизиона обязаны присутствовать. Я же, кроме того, исполнял обязанности «посредника» при командире 2 батареи гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона (полковнике Жерве) и записывал все его приказания и команды. От 9½ часов утра.

Вечером в 7 часов было собрание всех офицеров бригады под председательством генерала Головачева по вопросу о завтрашней стрельбе 1 дивизиона.

зиона в составе военного времени (показная стрельба с пехотой для пехоты и пехотных генералов). После совещания генерал Головачев предложил нам обсудить вопрос о возложении от всей бригады (без Стрелкового дивизиона) венков в Полтаве, так как полки возлагают серебряные венки, а наш комитет и командир бригады хотели возложить – лавровые. При обсуждении вопроса штабс-капитан Беляев (Тимофей) сделал попытку сказать вообще «против» участия бригады в венках (на основании того, что в торжествах участвует одна 1 его высочества батарея), но одиночный голос его «замер», и вопрос о венках прошел единогласно. «Против» серебряных венков высказался капитан Огоновский и Энден, но когда вопрос почти единогласно (без 2-х голосов) прошел – собрание единодушно и единогласно вотировало 1000 рублей на заказ и покупку 3-х серебряных венков.

10 июня – среда.

Стрельба 1 дивизиона нашей бригады по военному составу. Утром в 5½ часов я уже был верхом в 3 эшелоне бригады, где по шоссе вытянулись зарядные ящики и запряжки лейб-гвардии от 2 артиллерийской бригады, и распределил их по нашим 3-м батареям. В 6¼ мы выступили из парка и пошли на дер. Пикколово, где соединились с полками 2-й бригады 2 гвардейской пехотной дивизии (начальник отряда, генерал свиты Бакулин).

Позиция – близ Кавелахт. Я – в 1 взводе в строю. После стрельбы командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов благодарил батарейцев за отличную стрельбу.

11 июня – четверг.

В 7½ часов вечера состоялся объезд лагеря главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Погода стоит дивная...

12 июня – пятница.

Состязательная стрельба!.. Я был на «ролях». В этом году состязались опять по новым правилам, и роль «групповых» офицеров была весьма ответственная и сложная. Я был назначен в 4-й эшелон в группу подполковника 22 артиллерийской бригады Хоматьяно и непосредственно наблюдал за орудием 5 батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады. Кроме меня, в группе были еще: капитан Стогов (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и штабс-капитан Шкапский (22 артиллерийской бригады). «Новые правила» затянули состязание до 3 часов дня. Самый «большой» начальник был начальник артиллерии лагерного сбора (начальник артиллерии 1 Армейского корпуса) его высочество герцог М. Г. Мекленбургский. Он объезжал войска, раздавал призы и принимал церемониальный марш. Впервые можно было видеть все три хора трубачей (нашей бригады,

лейб-гвардии 2-й и гвардейской Конной) – в конном строю. Наши трубачи стояли на правом фланге артиллерийских училищ. Призы взяли 3 и 5 батареи нашей бригады, а посему вся «выпивка» сосредоточилась в среднем эшелоне бригады, куда после своих обедов подтянулись и прочие 2 эшелона. Погода на редкость – дивная...

13 июня – суббота.

На мою долю выпало быть свидетелем и участником такого крупного все-российского события, как 200-летний юбилей Полтавского боя. Как заведывающий историческим музеем нашей бригады, я неустанно собираю буквально все, что только так или иначе касается юбилея. Газеты, брошюры, юбилейные платки и открытки и проч. и проч. – все находит место в моем портфеле, а затем будет систематизировано и представит богатейший отдел Полтавы в музее родной бригады. Опыт я уже имею: с помощью Н. Н. Ушакова я уже собрал всю литературу о Лесной, и эта коллекция была очень сочувственно отмечена в № 169 «Офицерской жизни» (см. 18 мая). Ныне мне предстоит более тяжелая, но зато во много раз более интересная задача – иллюстрировать юбилей Полтавской виктории и участие в нем нашей 1 его высочества батареи. «Черная же книга» по-прежнему отразит на себе мои личные впечатления, коснется в значительной степени меня самого, а главное, опишет то, что обыкновенно в официальных и даже полуофициальных заметках не появляется, так как это считается или «неважным», или же «секретным», или же «неудобным»... Итак, буду писать то, что вижу, что слышу, что есть на самом деле, без прикрас, так как у меня один только свидетель и слушатель – это моя совесть...

Грузиться батарея начала приблизительно с 6 часов вечера. К этому времени наш поезд был составлен и подан к товарной станции Красного Села. Вот состав нашего поезда: 4 вагона 4 класса для солдат, 1 вагон-микст (1 и 2 классов) для офицеров, два крытых конских вагона, 3 платформы, 2 крытых – для багажа и 1 крытый для солдатской походной кухни. Вагоны 4 класса – совершенно новые, С[еверо]-З[ападной] ж[елезной] д[ороги], т.н. «переселенческие», каждый вагон рассчитан на 40 спальных мест. Наш фельдфебель называет их «богатыми». Это верно; единственный упрек: плохое отхожее место: без стульчака и воды. Наш офицерский микст рассчитан на 20 спальных мест, нас же всего 12 человек. Мы распределились так:

№ 1 (двухспальное купе) капельмейстер Франц Антонович Каукаль. В этом же купе сложены 4 колоссальных венка в картонах, возлагаемых в Полтаве бригадой (см. 9 июня).

№ 2 (4-спальное купе) я, поручик Древинг и поручик Наркович.

№ 3 (4-спальное купе) поручик Ушаков и поручик Курбатов. В этом же купе едут серебряные георгиевские трубы батареи и петровский образ из нашего офицерского собрания.

№ 4 (4-спальное купе) полковник Мясоедов и капитан Гирш (прибыл из Офицерской артиллерийской школы).

№ 5 (2-спальное купе) командир бригады, генерал-майор Головачев.

№ 6 (4-спальное купе) капитан фон Энден, штабс-капитан Фриде (бригадный адъютант) и подпоручик Манакин.

В конские вагоны поставили 14 наших батарейных лошадей; на открытых платформах: 2 ландо, взятых нами напрокат, 1 коляску командира бригады, 2 форменных батарейных повозки, 1 офицерскую походную кухню и 1 фургон: «офицерская столовая лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады».

Часам к 8 вечера были уже погружены, а к 9–10 часам вечера на товарной станции уже собрались все офицеры батареи во главе с командиром бригады генералом Головачевым. К этому же времени прибыли и все люди батареи, имея во главе трубачей. Вскоре прибыл проводить нас командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович, полковник Петрушевский (командир 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады) и полковник Илькевич (командир 5 батареи нашей бригады). Еще через несколько минут появился начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий. Мы в это время были заняты рассаживанием людей по вагонам. По приказанию генерала Потоцкого людей снова вывели на платформу и построили в полубатарейной колонне с хором трубачей на фланге. Начальник артиллерии обратился к ним с речью. Суть ее в том, что генерал напомнил людям – насколько они должны быть счастливы, что им выпало на долю участвовать в 200-летнем юбилее славной Полтавской победы, и выразил надежду, что они своим поведением не осрамят славу родной батареи – преемницы петровских бомбардиров. На всякий случай он прибавил, что если кто «осрамит», то пощады ему не будет...

После речи к нижним чинам генерал Потоцкий обратился и к нам с небольшим словом и поведал, что ходят слухи, что в Полтаве готовится покушение на государя, а потому нужно как можно ближе и внимательнее быть с нижними чинами, не допускать их до сношений с агитаторами и пр. и пр. Одним словом – «начальство», как видите, приняло «все меры», а – остальное (!!) – уже зависит от нас...

После того все немногочисленные провожавшие вскоре уехали, а мы занялись организационной работой, проверяли списки по вагонам и проч. и проч. Я, между прочим, получил особое поручение: «принять» (!?) поезд от начальника Красносельской станции и расписался в сем на «акте». А когда я окончил обходить вагоны, считать фонари и осматривать брезенты, то стрелки часов уже показывали 12½ часов ночи. Я еще поужинал на вокзале, потом бродил по платформе и часа в 2 ночи, наконец, лег спать. В 3 часа 45 минут ночи наш поезд двинулся на Гатчину, но этот момент я благополучно проспал. Когда на другой день я встал, то наш поезд уже (не думайте

«мчался»!) – «полз» по другой дороге, а именно по Царскосельской.

14 июня – воскресенье.

1-я большая станция, на которой остановился наш поезд, – Оредеж. Мне знакома эта местность, так как когда-то я участвовал здесь в археологических раскопках. Мы прибыли на Оредеж в самом начале первого часа и простояли до 2 часов 20 минут дня. Людям дали здесь обедать (из нашей походной кухни), лошадей выводили «гулять», офицеры «кушали» на станции. Трубачей вывели на платформу, и они к большому удовольствию всей публики сыграли несколько вещиц (между прочим, «Ой-ра» с пением). Вскоре вся платформа наполнилась живописной группой обывателей, среди которых множество детей. Прелестная девочка, лет 9–10, с черными вьющимися кудрями выделялась своим хорошеньким личиком, и ее вскоре все заметили и начали угощать конфетами, а она, после того как хор ушел с платформы, куда-то исчезла и затем вернулась с букетом ландышей, который поднесла генералу Головачеву. Генерал подарил ей коробку конфет, ребенок конфузился, отказывался, наконец сказал «мерси», и ее голенькие ножки сделали прелестный книксен. Сев в вагон, трубачи продолжали играть до самого отхода нашего поезда...

С этой станции (Оредеж) и до следующей остановки (ст. Батецкая) я и Н. Н. Ушаков ехали на паровозе...

На станцию Дно мы по расписанию должны были приехать в 7 часов 40 минут, но неожиданно приехали ровно в 6½ часов вечера. Здесь люди ужинали и пили чай, лошади снова выводились на прогулку и водопой, а мы (офицеры) пообедали за своим табль-д'отом, который мы заказали по телеграфу из Оредежа. Вовремя нашего обеда играл хор трубачей, потом их распустили отдохнуть и ужинать, а затем они снова собрались на игру. Одновременно свободные люди повысыпали из вагонов и пели хоровые песни и плясали под гармонику канонира Тимофеева. Все это собрало полную платформу Дна народом, разряженного по-праздничному. В 9 часов 12 минут вечера подошел петербургский поезд, и наши трубачи встретили его бригадным маршем (герцога), а затем сыграли еще 2–3 пьесы и после ухода поезда были распущены генералом Головачевым, который их поблагодарил за игру.

Кроме батареи и хора трубачей с нами в поезде едет 2 вольных: куцер генерала Головачева и повар, только что нами нанятый. В пути, как вы видели, мы довольствуемся на вокзалах, и повар взят для Полтавы. Всей продовольственной частью и вообще всем нашим собранием заведует подпоручик Манакин. Ежедневно наряжается «дежурный офицер» (неофициальный), и, кроме того, 4 вагона расписаны по 4 офицерам: капитан фон Энден наблюдает за 1-м вагоном, я – за вторым, поручик Древинг – за 3-м

и подпоручик Манакин за 4-м. Погода стоит прекрасная, умеренно жаркая. Со ст. Дно поезд тронулся в 10 часов вечера.

15 июня – понедельник.

Вместо 9 часов 35 минут, как то следовало по расписанию, наш поезд прибыл на станцию Ново-Сокольники в 5½ часов у[тра], т.е. на 4 часа раньше, и простояли до 11 часов 5 минут у[тра], что дало возможность дать пообедать людям, выводить лошадей и проч. Офицеры – кто завтракал, кто пил утренний кофе или чай, а кто продолжал преблагородно «дрыхать» в купе. За 5 минут до отхода поезда трубач Плоский сыграл «сбор», а затем все трубачи сыграли марш, а когда поезд медленно тронулся – заиграли мелодичный вальс («Лесная сказка»). На этот раз на вокзале, благодаря будничному дню и раннему времени, – никого, кроме должностных лиц.

А вот и железнодорожный анекдот, рассказанный поручиком Древинг: какой поезд любят дамы? Оказывается – товарный: он, во-1), красный, длинный, медленно ходит и долго стоит.

В 5½ часов вечера мы прибыли в Витебск. Опять гораздо раньше, чем по расписанию (нужно было в 8 часов 20 минут вечера). Так как здесь мы стоим добрых 6 часов, то все офицеры немедленно по приходе поезда устремились в город – осмотреть его и сделать кой-какие покупки. Я нанял вместе с В. Н. Нарковичем извозчика и велел ему везти нас по главным улицам и показать все достопримечательности. Увы! Таковых в Витебске я не нашел! На вопрос о путеводителе по Витебску – приказчик книжного магазина сделал большие глаза и заявил, что «такого не имеется». Пришлось верить свою судьбу извозчику, который подвез нас к Николаевскому кафедральному собору, который мы и осмотрели внутри. Как водится, и священник, и сторожа, к которым я обращался, заявляли мне, что они «ничего не знают» и что у них ничего «замечательного нет». «Церковный музей», о котором гласила вывеска, оказался запертым, и поп пренебрежительно заметил, что «в нем ничего нет и там случилась покража» (!!??). Впрочем, в церкви я сам заметил несколько знамен саперных дружин Витебского ополчения, пожалованных в 1855 году. Усп[е]нский собор оказался запертым, и сторожа, как говорят, никогда в сторожке нет, а потому нам ничего более не оставалось, как пройти в соседний сквер и оттуда, с высокого берега Двины, полюбоваться на живописный город! Ах, эти русские губернские и уездные города! Все вы на один манер. Масса лишних церквей, губернаторский дом, суд, тюрьма, архиерейский дом и семинария... а затем – жалкие одноэтажные дома, грязные магазины, варварская мостовая, первобытные панели, архаические фонари, полное отсутствие канализации и т.п. В Витебске есть однопутный электрический трамвай и паршивые извозчики. По презрительному выражению станционного жандарма, с которым разго-

варивал наш фельдфебель, – «Витебск жидовский город, в котором жид на жиде сидит, а потому он и внимания не стоит!» Кто же, впрочем, не знает, что «нет пророка в своем отечестве» и что, наверное, не только жандарм, но и сам губернатор не знает – есть ли в Витебске что-нибудь достопримечательное или действительно в нем «ровно ничего нет»... Возвращаясь на вокзал, мы заехали еще в одну церковь – это Благовещенскую (ныне единоверческая), которую, по преданию, основала княгиня Ольга. Наружные двери нам открыл сторож, но затем оказалась еще одна внутренняя стеклянная дверь, ключ от которой был у священника, а потому я и не мог рассмотреть поближе висящие на стене старинные образа.

В 8 часов вечера на станции состоялся общий обед по особому заказу, на котором и присутствовала вся наша кампания (за исключением капитана Гирша!). Вовремя обеда и после обеда вплоть до 9½ часов вечера на платформе под окнами ресторана играли наши трубачи. К сожалению, на вокзале, кроме нас, почти никого из публики не было. После обеда генерал Головачев, я, Фриде и Наркович сделали попытку пройти в Витебский сад «Летний», но он оказался закрытым, и мы вернулись назад на станцию... Тем временем нижние чины, поужинав и покончив с уборкой, выводкой и чисткой лошадей, собрались на путевом дворе, противоположном 2-й платформе (вход на платформу был воспрещен и охранялся дневальными) и устроили сперва пение и пляску, а потом игры: 1) «бью третьего» и 2) «стенка на стенку». Пока мы ехали в поезде, часа в 4 дня, пролился обильный летний дождик, и теперь вечером – прохладная погода, без зноя и пыли... Витебск наш поезд покинул в 12 часов 15 минут ночи.

16 июня – вторник.

Проснулся я около 10 часов утра, когда наш проезд уже стоял на станции Могилев. По платформе ходили офицеры и солдаты 3 Нарвского пехотного полка, рота которого присоединилась к нашему поезду ночью в Орше. Из Могилева мы двинулись дальше в 11 часов 15 минут утра.

Вскоре полил сильный дождик, затем гроза, и с такой погодой мы доехали до ст. Быхов, где ни на минуту не прекращающийся ливень испортил почти двухчасовую остановку. Тем не менее на этой станции люди обедали, бегая поодиночке к вагону с кухней. Из Быхова мы выехали в 2 часа 45 минут дня. К приходу нашего поезда в Рогачев (4 часа 15 минут дня) погода разгулялась и дала возможность нижним чинам вовремя часовой остановки повысыпать из вагонов и устроить хоровое пение, чередуясь с трубачами, игравшими в своем вагоне. Нашему примеру последовали и нарвцы, также составившие хор песенников. В 6 часов 10 минут вечера мы приехали в Жлобин – самую большую остановку нашего пути. В нашем распоряжении был весь вечер и вся ночь до 5 часов утра.

Распорядились мы им так: часов в 7 был общий обед на станции, время которого играл хор трубачей. Затем трубачей отпустили ужинать, а я, Древинг, Ушаков и Курбатов сели на дрезину и поехали к Днепру. Проехав Днепровский железнодорожный мост, мы вернулись обратно. Тем временем трубачи снова собрались на станции в ожидании двух пассажирских поездов из СПбурга. Каждый поезд мы встречали бригадным маршем (герцога), а затем играли вальс («Лесная сказка»), мазурку, «парагвай» и проч., к немалому удовольствию нескольких миловидных пассажирок 1 и 2 классов, которые при отходе поезда уже мило нам улыбались и кивали своими хорошенькими головками...

Около 10 часов вечера большинство собрались снова в буфете, где пили кофе и легкий крюшон, которым нас угостил генерал Головачев. Около 11 все разошлись по купе...

17 июня – среда.

Встал я поздно, а потому и пропустил осмотреть интересный в историческом отношении Гомель, в котором наш поезд стоял с 9 часов утра до 10 часов 50 минут. До вечера не было больших остановок, и лишь в 7 часов 45 минут вечера мы прибыли в Бахмач-Роменский, где к нашему поезду присоединился эскадрон 1 уланского С.-П[е]тербургского полка. Обед был нами заказан ранее по телеграмме, и часов в 8 мы сели за стол – на вокзале. Вскоре трубачи, поужинав, расположились под окнами столовой и заиграли наш марш. Еще через некоторое время в зал вошел командир Уланского полка со всеми своими офицерами, и начались взаимные представления. Командир полка сел рядом с нашим командиром бригады, а гг. офицеры на левом фланге нашего стола. Вовремя сладкого, по нашему распоряжению, подали 3 бутылки шампанского, и генерал Головачев поднял бокал за славу и процветание 1 СПб. уланского полка. Трубачи сыграли Уланский марш. Командир полка ответил тостом за «славную 1-ю гвардейскую батарею» (!!!). Трубачи сыграли наш марш, а уланы прокричали «ура».

18 июня – четверг.

Утром, восстав от сна, я первое, что увидел, – это прелестный памятник-бюст Гоголю на ст. Миргород (10½ час[ов] у[тра]).

Вот прекрасная идея! Что бы – если бы на всех станциях стояли бюсты самых знаменитых граждан данного города или местечка. Это была бы недурная, поучительная галерея для всех путешествующих по России!..

Долгих остановок за сегодняшний день не было, и мы в 3 часа 45 минут дня подъехали к станции Полтава – цели нашего путешествия. Началась разгрузка!.. Дежурный в этот день – подпоручик Манакин. Я сдал те вещи, кои принял в Красном Селе под расписку (брезенты, фонари, ко-

новязи и проч. См. 13 июня)... Разгрузка, наем подвод и проч. затянулись до 5½ часов вечера, после чего оставшиеся люди под командой поручика Древинга и имея во главе хор трубачей, двинулись строем в лагерь, а я, полковник Мясоедов, капитан фон Энден и подпоручик Манакин пошли на вокзал – пообедать. На вокзале тем временем кончили обедать все остальные офицеры батареи, а также командир бригады и адъютант. По их словам, в наше отсутствие уланы потребовали шампанское и пили здоровье «бомбардиров» (см. 17 июня). В 6½ часов вечера я, Мясоедов, фон Энден и Манакин сели в наше ландо (мы взяли с собой из СПбурга 2 ландо за 140 рублей напрокат) и поехали в лагерь, отстоящий от станции в верстах двух. Лагерь преображенцев уже выглядел вполне благоустроенным, широкая передняя линейка проведена, разбит их дивный каирский шатер и проч. Но где же наш бивак, который, как мы слышали в Красном Селе, должен быть на правом фланге преображенцев? Да, он действительно на правом фланге преображенцев, но... но не на одной с ним линии, а уступом назад, и впереди нашего лагеря имеется роща, хотя и невысокая, но все же абсолютно закрывающая наш лагерь со стороны царской ставки и дороги от этой ставки до преображенского шатра.

Линии солдатских палаток и самые палатки уже были разбиты попечением местного начальства, и нам оставалось только распределить офицерские и хозяйственные палатки, разбить коновязь и проч. Нечего и говорить, что все мы были огорчены и обижены тем, что нас поставили «уступом назад». Правда, что семеновцы расположены в доброй версте от царской ставки, а ингерманландцы далеко позади преображенцев, но все же наша батарея вправе была рассчитывать, что ее никто не обидит и воздаст ей должное! Увы!

Преображенцам захотелось быть единственными приближенными царя, и наше «уступом назад» – несомненное дело их рук. На другой день я случайно встретился с одним офицером 9 артиллерийской бригады, и он мне сообщил, что именно он разбивал наши биваки и что «преображенцы настаивали, чтобы нас поместить не в одну линию с ними, а уступом назад».

Едва мы приехали, как генерал Головачев передал нам приглашение преображенцев – прийти к ним на обед. Только что описанное мною наше настроение, а кстати и потому, что мы только что пообедали на станции, заставили нас наотрез отказаться от «лестного» приглашения, и на обед преображенцев пошли лишь командир бригады, командир батареи и штабс-капитан Фриде. В начале 11-го часа ночи полковник Мясоедов, я, поручики Курбатов и Наркович – в ландо – поехали в г. Полтаву с целью помыться в бане, но баня оказалась запертой, и мы вернулись обратно в лагерь. Как

н[и] было темно, но я успел рассмотреть симпатичные бульвары Полтавы, и этот город в саду – мне как-то сразу понравился и полюбился... Но об этом завтра!..

19 июня – пятница.

Сегодняшний день я посвятил городу Полтаве и делам, связанным с моим заведыванием нашим бригадным музеем... Часов в 10 утра полковник Мясоедов, я, капитан фон Энден и штабс-капитан Фриде – в ландо – поехали в город. Н. А. Мясоедов был в лагерной парадной форме, так как ехал являться начальнику гарнизона, начальнику штаба 10 Армейского корпуса и др. Меня выпустили из ландо в центре города, и я пошел бродить по разным книжным магазинам и типографиям, ища всевозможные издания, появившиеся в свет ко дню 200-летнего юбилея Полтавской победы. Зашел в редакции двух местных газет: «Полтавского вестника» и «Полтавского голоса», подписался в обеих на июнь месяц и в последнюю газету дал заметку о прибытии нашей батареи в Полтаву. Успел побывать в бане и затем пошел к полтавскому земскому дому (Петровская площадь) – осмотреть тамошний музей. Как водится, я застал всех и вся в хлопотах и работе. Чистят, моют, красят, белят, наскоро устанавливают витрины и проч. Музей уже был закрыт для публики, но я послал свою официальную карточку, и через минуту ко мне выбежал почтенный Михаил Александрович Ольховский – заведывающий музеем – и с видимым удовольствием согласился быть моим чичероне. Пришлось основательно познакомиться и терпеливо выслушать все объяснения немного психопатического, но страстно преданного своему делу знатока и любителя. Я осмотрел отделы: 1) археологический, 2) педагогический (музей), 3) сельскохозяйственный, 4) этнографический и 5) международный (смешанный отдел). Музей переживает еще младенческий возраст (он основан в 1891 году), но и этот возраст подает громадные надежды, и я вышел из музея с чувством полного нравственного удовлетворения, т. е. с таким чувством, с каким обыкновенно я выходил из заграничных музеев...

Часа в 4 дня я посетил Ивана Францовича Павловского, историка – преподавателя здешнего кадетского корпуса и известного ревнителя полтавской старины. Я не был с ним знаком лично, и имя его было мне известно лишь по его печатным трудам. Павловский живет в собственном доме на Константиновской улице. Он встретил меня весьма радушно, и мы поговорили с ним на балконе около часу. Его энергии Полтава обязана новым музеем близ Шведской могилы, куда он меня и пригласил завтра утром для детального его осмотра.

Что теперь сказать о самой Полтаве. Вчерашнее «ночное» впечатление не было ошибочным. Мне и сегодня Полтава очень понравилась. У этого

города есть уже крупные «зачатки» – быть настоящим европейским городом и притом еще обладать великолепной зеленью буквально на всех улицах. Правда, Полтаву еще нельзя назвать европейским городом – в полном смысле этого слова, но зато Полтава «похожа» на европейский город, а такие города, как Витебск да Тверь, по-моему, и не пахнут «Европой»! Из памятников я пока осмотрел вблизи один только памятник Котляревскому...

На всех улицах заметно необычайное оживление. Буквально все дома и заборы красятся, проводятся совершенно новые панели, возводятся новые изгороди, планируются и заново устраиваются скверы и пр. и проч. Даже внутри частных домов – хозяева и квартиранты красят и моют полы, оклеивают новыми обоями и проч. Полтава готовится к юбилейному торжеству на славу, и отраднo видеть эту кипучую деятельность, преобразовывающую, как все русские города, запущенную Полтаву – в опрятную и внешне благоустроенную губернскую столицу.

Теперь два слова о нашем биваке. Когда командир батареи полковник Мясоедов являлся генералу Клембовскому (начальник штаба 10 Армейского корпуса), он заявил ему претензию на наш «уступ назад», на что генерал ответил, что он «ничего не имеет против», чтобы мы стояли на одной линии с преображенцами, но что владелица земли (вдова известного профессора Склифасовского) ни за что не соглашается на вырубку кустов и что если мы «уговорим» г-жу Склифасовскую, то он «разрешает нам продвинуться вперед». Легенду о «жадности и неуступчивости» г-жи Склифасовской мы слышали еще вчера и именно от преображенцев. Нечего и говорить, что эта неуступчивость им весьма на руку, тем более что при желании они могли потесниться и дать место нам в районе чистой поляны. Но сегодня о «жадности» г-жи Склифасовской я услышал из уст г-на Павловского, укорявшего ее за то, что она будто бы навезла на свою пустошь навоз, чтобы затем продать эту пустошь как пахотную землю – когда последняя понадобится под музей, или церковь, близ Шведской могилы. Вечером после обеда, часов в 9 вечера, наш командир батареи полковник Мясоедов и поручик Маркович поехали к этой легендарной помещице г-же Склифасовской – «уламливать» ее насчет кустов. По-видимому, почтенная владелица вовсе не оказалась столь непреклонной, как о том нам говорили, и появилась надежда, что мы, вопреки желанию своих знатных соседей, перейдем на самое почетное место всего бивака. Завтра все решится...

От 6½ до 7½ часов дня у нас была своя домашняя репетиция церемониального марша.

20 июня – суббота.

Утром, когда я пришел в нашу столовую-шатер пить чай, я застал там арендатора г-жи Склифасовской, который уже изъявил полное согласие на

вырубку рощи и корчевание корней, мешавших нам передвинуться вперед. Итак, наше желание осуществлено, и сегодня наш лагерь будет переставляться на новое место. Работа гигантская: нужно срубить громадные дубовые пни, провести дороги и проч. В 11 часов утра все офицеры, за исключением капитана фон Эндена, поехали к Шведской (вернее, к «братской») могиле, где сегодня должен был состояться чин освящения перестроенного и заново отделанного храма во имя св. Самсония. В храм мы только заглянули, чтобы полюбоваться на его прелестный иконостас и стенную роспись, а затем я все внимание обратил на внутренность братской могилы, в коей ныне (в 1907 году) устроен храм во имя св. св. Петра и Павла. Здесь именно хранятся теперь те образа, кои пожертвовали в 1895 голу «петровские части», и здесь же висят доски с перечислением частей, участвовавших в Полтавском бою. Отрадно было видеть и наш (нашей 1-й его высочества батареи) образ св. Николая Чудотворца с подобающей надписью на доске. Название нашей батареи обозначено на 1-й доске, внизу, причем надпись идет полукругом ∪ : «Бомбардирская рота (лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада)». Новый музей, о котором мне вчера много рассказывал г-н Павловский, еще совершенно не готов. Внутри стоят малярные лестницы, ящики и проч., а стены еще не просохли от свежей краски. По виду – это сарай, не блещущий красотой и с фасада. О содержании его, как видите, еще рано говорить...

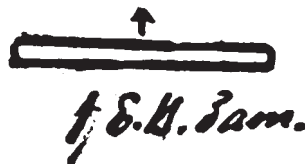
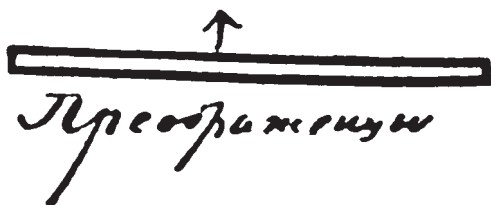
Тем временем полковник Мясоедов, генерал Головачев, а затем и все мы получили разновременно от имени преосвященного (епископа Иоанна) приглашение – пожаловать к нему на трапезу. Под разными предложениями часть из нас уклонилась от этой чести, и в конце концов на завтраке были: генерал Головачев, полковник Мясоедов, капитан Гирш, поручик Ушаков и штабс-капитан Фриде. Но все же поименованные мною лица были единственными гвардейцами, принявшими приглашение архиерея (да и в храме, по правде сказать, ни преображенцев, ни семеновцев я не видел), а потому «бомбардиры» подверглись особому вниманию и почету. Я же и прочие офицеры батареи уже сели было в ландо, чтобы еще до окончания богослужения уехать домой, но в это время к нам подошел полковник Мясоедов и предложил познакомить нас г-жей Склифасовской, владельницей той земли, на которой мы стоим биваком, и которая разрешила нам вырубить рощу. Мы все подошли к ручке и оживленно беседовали с г-жей Склифасовской не менее п[о]лучаса... Молебен кончился, все «знатные» прихожане и часть наших офицеров потянулись к архиерейскому дому, а я, поручики Древинг, Курбатов, Манакин и Наркович вернулись на бивак – завтракать.

После завтрака я, поручики Древинг, Наркович и Курбатов поехали в город – каждый по своим делам (я по делам бригадного музея). В 3½ часа дня разразилась гроза и настоящий южный ливень. Мы только что перед тем зашли в кондитерскую на Мало-Петровской улице – съесть мороженое,

но выйти уже не могли. С каждой минутой становилось все хуже и хуже. Отсутствие канализации немедленно сказалось: улицы обратились в реки, черноземная почва моментально обратилась в липкую грязь, из которой трудно вытаскивать ноги... Симпатичная Полтава сразу обратилась в нечто до того некультурное, что мне стало стыдно за те похвалы, какие я ей расточал в первые дни. Часа через 3/4 мы, наконец, выбрались из кондитерской, балансируя по двум доскам, изображавшим мост через широкую и бурную реку, и поехали домой!!.. Куракинская улица – сплошная река. Грунтовые дороги совершенно размыло, и грязь сразу стала по щиколотку. Наш бивак представлял довольно печальное зрелище. Потоки вод чуть не залили все палатки и были остановлены плотиной, устроенной трубами. Я застал солдат с засученными штанами и голыми ногами, работающими над спасением нашего бивака. В таком же виде щеголял и капитан Гирш.

21 июня – воскресенье.

Мы думали, что вся предъюбилейная горячка начнется с понедельника, но она началась сегодня. В 8½ часов утра в Сампсониевском храме началась заупокойная обедня по заказу петровских частей: Преображенского, Семеновского и Ингерманландского полков и нашей батареи. От полков были назначены по роте, а от нашей батареи – 1 взвод. Мы послали взвод в 16 рядов под командой поручика Курбатова. Я поехал в ландо вместе с полковником Мясоедовым и капитаном фон Энденом. Значительно позже (к началу панихиды) приехали еще: поручик Ушаков, капитан Гирш, поручик Древинг. Был также и командир бригады генерал-майор Головачев и адъютант штабс-капитан Фриде. Мы были в странной, по-моему, форме: в лагерной парадной, без траура. После заупокойной обедни людей вывели из церкви и построили так: мы (наша батарея) на самом лучшем месте – лицом к памятнику и спиной к церкви, преображенцы слева, семеновцы сзади и ингерманландцы справа.

На правом фланге пехоты стояли хоры музыки, а у нас – хор трубачей. Духовенство Преображенского и Семеновского полков вошло на верх холма вместе с хорами певчих этих же полков, и началась торжественная панихида. После нее все 4 части прошли церемониальным маршем мимо генерал-майора Зайончковского (командир 1 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии). Наша батарея прошла по отделениям, причем во главе шел хор трубачей, игравший впервые для церемониального марша – марш герцога Г. Г. Мекленбургского. Этим торжество окончилось. Пока шла заупокойная обедня, я успел съездить с капитаном фон Энденом к памятнику, который русское правительство поставило павшим шведам. Музей у Шведской могилы – по-прежнему пустой сарай...

После солдатского обеда, а нашего – завтрака люди и офицеры принялись за устройство лагеря. Предстояло снова перенести на новое место столовый шатер, перенести все офицерские палатки, провести переднюю линейку и проч. и проч. Одним словом, работы впереди бездна, так как наш лагерь пока еще находится в первобытном состоянии. Вдруг приносят приказание: в 2 часа командир 10 Армейского корпуса (генерал-лейтенант Жилинский) произведет репетицию высочайшего парада. Побросали все работы и стали одеваться. В строй встали: в 1 взводе капитан Гирш, во 2-м – я, в 3-м капитан фон Энден, в 4-м подпоручик Манакин. Сперва нами было решено, что в строю будут те офицеры, кои сейчас находятся в строю батареи. Но поручик Древинг сам отказался быть в строю, желая заняться фотографией, и вместо него встал в строй капитан Гирш. На место парада мы прибыли (поле Полтавского боя) к 3-м часам дня и простояли в ожидании начальства не более и не менее, как до 5¼ часов дня!!!. Между прочим, нашим местом в общем построении войск мы крайне недовольны и обижены. Нас поставили на левом фланге всей пехоты, тогда как мы рассчитывали стоять не только 3-м номером за семеновцами, но даже впереди преображенцев (хотя последнему я не сочувствовал). Неприятно еще то, что мы стоим на том флесе I , который должен по приезде царя уходить за первую линию левого фаса, а потом по проезде царя скорым шагом вступать в свою линию. В 6¼ часов вечера мы вернулись в лагерь и вечер посвятили деятельной работе по устройству лагеря на новом – уже безусловно почетном – месте.

Все эти дни на нашем биваке в полном нашем распоряжении находятся 3–4 ординарца-казака 16 Донского полка, которых мы и посылаем по служебным делам. Сегодня наш генерал на лошади казака ездил на репетицию. Кроме того, вчера командиру бригады и командиру батареи представлялся поручик 9 артиллерийской бригады Петр Васильевич Станиславский, назначенный служить нам в качестве «гида» по Полтаве. До сего времени услугами его мы не пользовались.

Пропустил записать, что перед панихидой на братской могиле семеновцы возложили венок. Кроме частей, о которых я упомянул, на панихиде

были еще офицеры Конного полка и синих кирасир. Желтых кирасир не было. Замечательно, что желтые кирасиры почему-то не прибыли и на репетицию сегодняшнего парада, и их место в общей линии осталось пустым. Среди офицеров Конного полка – князь Иоанн Константинович.

Вечером на нашем биваке установили высокий столб и повесили на нем великолепный керосино-калильный фонарь.

22 июня – понедельник.

Утром я ездил в город по делам музея и вернулся на бивак в начале 1-го часу дня, а в 12 часов 50 минут дня к нам на бивак верхом со свитой приехал командующий войсками Киевского военного округа генерал от артиллерии, генерал-адъютант Иванов. Люди были вызваны «все на линию», а мы построились на фланге батареи. Генерал Иванов задал генералу Головачеву и полковнику Мясоедову несколько вопросов, а затем проехал по нашему биваку и на прощанье подал нам всем руку...

Заносу солдатскую остроту. Дневальные у соседей-преображенцев очень часто кричат различные приказания, например, вроде следующего: «Позвать ротных писарей в полковую канцелярию за при – ка-а-а-за-а-а-ни-ем!» Наши солдаты смеются над этими криками, передаваемыми десятками голосов по всему лагерю, и вот однажды кто-то имитирует, лежа в палатке: «Послать хохлов со всех полков в преображенскую артель за ква-а-а-а-сом!!»

В 3 часа дня мы выступили на общую репетицию на то же место, что и вчера. Опять бесцельно простояли полтора часа, ибо объезд начался в 4½ часа дня. На этот раз парад принимал генерал-адъютант Иванов. На бивак вернулись в 5 часов 45 минут дня. Кстати: когда мы проходим по мосту, мимо лагеря лейб-гвардии Семеновского полка, наши трубачи играют Семеновский марш, но проходя мимо самого носа преображенцев и по территории их лагеря, мы или ничего не играем, или играем свой марш. Маленькое мщение, санкционированное самим генералом Головачевым.

Погода все время грозила ливнем. Тяжелые, свинцовы[е] тучи уже нависали над нашими головами, но все обошлось благополучно, и мы наслаждались сравнительно прохладной погодой.

В 7 часов вечера – у нас общий обед, на котором, по приглашению генерала Головачева, присутствовал командир 9 артиллерийской бригады (кв[артируются в] г. Полтава) генерал-майор князь Кантакузен, бывший офицер нашей бригады и батареи. Конечно, появилась на столе закуска, водка, затем шампанское, ликеры и коньяк. Играли трубачи и под вечер пел хор песенников нашей батареи. Князь оказался первоклассным выпивохой, до самого отъезда держался «на высоте», хотя и выпил, без сомнения, больше всех. Как всегда, пьяным оказался один полковник, Мясоедов,

причем он ко всем приставал, говорил глупости и проч., а генерал Головачев и князь (по-видимому, быстро его раскусивший) беззастенчиво над ним подтрунивали и его вышучивали к большому удовольствию всех нас. Снова приходится повторить: М[я]соедов – жалкий алкоголик и неврастеник – буквально ни к чему не способный!..

С чествованием князя Кантакузена совпало торжество поднятия нашего флага (взятого нами из 1-го эшелона, см. 2 июня) на высокую мачту, сооруженную сегодня же впереди нашей передн[е]й линейки. Все хлопоты и распоряжения по устройству мачты принял на себя поручик Древинг.

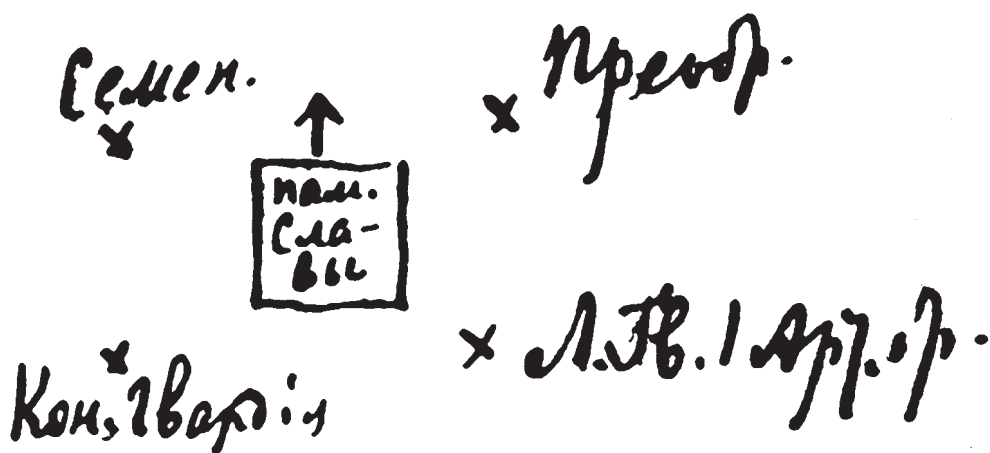
Церемония поднятия флага состоялась около 8¾ часов вечера, причем трубачи играли марш герцога, а нижние чины кричали «ура». Наши трубачи несколько раз играли Семеновский марш, хотя семеновцы стоят от нас в версте, а преображенцы бок о бок. Ровно в 12 часов ночи князь уехал, и мы разошлись по палаткам.

23 июня – вторник.

Утром от 9 до 10 часов у нас была своя домашняя репетиция церемониального марша в районе нашего лагеря. Через полчаса капитан Гирш, я, поручик Древинг и капельмейстер г. Каукаль в ландо поехали к месту купанья нижних чинов, которые уже ушли туда под командой подпоручика Манакина. В экипаже мы доехали до села Яковцы, а затем спустились пешком вниз по крутому обрыву к р. Ворскле. Чудный вид открывается с высоты этого обрыва! Залитые солнцем поля, с разбросанными то там, то сям хуторами, и стройные красивые тополя невольно приковывают ваш взор и заставляют вас восхищаться всей живописной местностью. Купанье (уже не первое) доставляет нашим людям видимое удовольствие. Шутки и смех так и стоят в воздухе...

В 3½ часа дня была назначена репетиция парада у памятника Славы в г. Полтаве. Наша батарея выступила в 2½ часа дня под командой капитана Гирша. В строю: капитан фон Энден, я (3-й взвод), поручик Курбатов и подпоручик Манакин. Ровно в 3½ часа мы были у Александровского сада, а затем вошли в сквер и встали на свое место, левее всей пехоты, в колонне по отделениям. На нашем правом фланге встал наш хор трубачей. В начале 5-го часу войска обошел генерал-лейтенант Жилинский (командир 10 Армейского корпуса) и здоровался с ними. Затем 2 раза была проделана репетиция: «на молитву», «отбой», «принос и относ знамен» и, наконец, дефилирование войсковых делегаций к подножию памятника для возложения венков. От нашей бригады делегация следующая: командир бригады генерал-майор Головачев, командир батареи полковник Мясоєдов и бригадный адъютант штабс-капитан Фриде. Батарейных венков не будет, так как генерал Головачев окончательно запретил их возлагать, имея в виду, что венки

возлагает вся бригада. Сегодня мы уже отменили наш заказ батарейных венков из живых цветов, а заказанные нами в Петербурге ленты – «пропадают». Не отнести ли их на счет жалкого Мясоедова, не сумевшего до самой последней минуты узнать толком: можно или нельзя их возлагать!!.. Прodelана была также репетиция постановки почетных часовых по четырем углам памятника. Часовые стоят от следующих четырех частей: от Преображенского полка, от Семеновского полка, от нашей батареи и от Конной гвардии. Вот чертеж:

В 5 часов кончилась репетиция, а в 5½ часов наша бат[а]рея двинулась из сквера обратно в лагерь, причем мы прошли мимо генерала Жилинского. Трубаچی были оставлены в сквере для репетиции музыкальной программы. Обратно батарею отвел один капитан Гирш, а прочие офицеры были освобождены и вышли из строя. Я воспользовался этим разрешением и пошел вместе с поручиком Курбатовым в город, где мне удалось сделать несколько новых покупок для нашего бригадного музея (я собираю весь материал, иллюстрирующий знаменательный Полтавский юбилей). Погода жаркая, но не очень, так как небо облачное.

24 июня – среда.

В 8¼ часов утра наша батарея выступила с бивака к полю у Шведской могилы – на репетицию парада. Здешнее начальство, как видно из моих записок, чрезвычайно аккуратное: оно собирает войска не менее как за 1–3 часа до начала. Таким образом, на большой жаре войска томятся совершенно бесцельно и без всякой пользы для дела. И для вреда для здоровья солдат, так как я заметил солидный процент солдат, получивших, по-видимому, солнечный удар. У нас в батарее такое несчастье случилось пока только с

одним нижним чином – Фоменко – вчера на репетиции у памятника Славы. Он уже на пути к полному выздоровлению.

Парад принимал генерал-адъютант Иванов, начавший свой объезд в 10 часов утра. Из «шероховатостей» нужно отметить, что наши трубачи ухитрились три раза «напуздрить» и получить «цук». Вчера у памятника Славы наши трубачи начали слишком рано «отбой» (раньше преображенских барабанщиков), а сегодня они, наоборот, продолжали «дуть» бригадный марш в то время, когда уже все другие хоры давно перестали играть. В обоих случаях – приезжал офицер Генерального штаба и делал замечания от имени командующего парадом. Наконец, вовремя сегодняшнего церемониального марша наши трубачи ушли после прохождения 1-й полубатарей 9 артиллерийской бригады и оставили таким образом 2-ю полубатарейю этой бригады без музыки. (Наши трубачи играют для нас и для 9 артиллерийской бригады.)

После нашего завтрака, часа в 3 дня, я уехал в город по делам бригадного музея и между прочим осмотрел внутри полтавский земский дом. Это – крупная достопримечательность не только Полтавы, но и России. Такого роскошного земского дома не встретишь ни в каком другом городе.

Когда я вернулся на бивак (к 6 часам вечера), то застал у нас начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Потоцкого (он приехал в качестве представителя Императорского Русского военно-исторического общества). Генерал Потоцкий у нас пообедал. После обеда (в 7¼ час[ов] вечера) нижние чины были построены на передней линейке, и к ним вышел генерал Потоцкий. Поздоровавшись, он поздравил людей с благополучным прибытием. Выразил радость, что они участвуют в праздновании славной Полтавской битвы, напомнил им слова Петра 1 перед битвой: «А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия». Наконец, генерал Потоцкий сказал, что «по свидетельству вашего начальства, вы до сих пор вели себя образцово», и выразил уверенность, что они будут вести себя превосходно во все время торжеств. После этого генерал Потоцкий покинул наш бивак. В 8 часов вечера все наши офицеры (кроме дежурного – поручика Нарковича) поехали в т.н. «Городской сад», где офицеры Полтавского гарнизона (во главе с начальником гарнизона – генералом Доможировым) устроили банкет в честь всех прибывших в Полтаву войск. У ворот нас встретили местные полки, и нам пришлось пожать по крайней мере сотню рук. Весь большой сад был уставлен накрытыми столами и несколькими киосками, в которых было: пиво, вино, пунш и проч. На закрытой веранде был сервирован «чай». На одном из столов стояли сыры. В общем – угощение имело безусловный характер «открытых буфетов», причем каждый из нас мог в любое время подходить и садиться у любого стола и есть и пить все, что ему угодно. Таким образом, о каком-либо порядке, или о «речах», и речи быть не может. Любезными устроителями не была забыта и увеселительная часть. Из Харь-

кова был выписан русский «хор девиц», который и открыл «дивертисмент» на особой эстраде. После хора были неизменные маллороссы, какой-то певец и др. Если к этому прибавить, что во всех углах сада гремела военная музыка, то этим я и могу закончить описание «вечера». В частности могу прибавить, что полковник Мясоедов ухитрился напиться, и я и капитан фон Энден поспешили увезти его домой около 12 часов ночи.

25 июня – четверг.

День некоторого отдыха... от репетиций. Утром, до нашего завтрака, мне удалось съездить на братскую могилу, где я вместе с Н. Н. Ушаковым переговорил с о. настоятелем относительно нашего образа св. Николая Чудотворца, где и как ему находиться на предстоящих торжествах. Затем я осмотрел музей, который уже выглядит почти вполне готовым. Одна из стен занята, между прочим, «дарами» Павла Платоновича Потоцкого, абсолютно ничем не замечательными, но зато среди них есть печатные снимки с нашего образа, что безусловно радует сердце всякого «бомбардира».

В 4½ часа дня 2-й взвод нашей батареи под командой поручика Курбатова пошел навстречу крестному ходу, идущему сегодня из города на братскую могилу. Впереди взвода пошла наша петровская икона св. Николая Чудотворца, которую понесли фейерверкера Черепнин и Анпилогов, а у них ассистенты – Кононов и Кирпачук. При иконе состоял поручик Ушаков и Наркович. Ушаков пошел прямо из лагеря, а Наркович догнал икону уже в крестном ходу. Я из любопытства также пошел вместе со взводом и иконой. Из лагеря мы двинулись по дороге в город и, не доходя до железнодорожного перекрестка, скосили путь через рельсы и вошли в крестный ход, который к этому времени поравнялся с нами. В 5½ часов крестный ход остановился у памятника, поставленного русским правительством павшим в бою шведам. Здесь служили панихиду, войска держали «на караул», а преображенская музыка играла Преображенский марш. Придя на братскую могилу, я устроил вместе с Ушаковым наш образ на особый аналой в церкви, а затем поднялся на братскую могилу, где увидел наш венок, который тем временем успела возложить наша депутация из генерала Головачева, полковника Мясоедова, капитана Гирша и штабс-капитана Фриде. Эта же депутация возложила лавровый венок и на могилу шведов – несколько позднее, чем там отслужили панихиду. Наш серебряный венок на братскую могилу выглядит весьма изящным и ценным. Безусловно выделяется из всех венков – это серебряная ветвь на серебряной доске – приношение семеновцев. Что касается лаврового венка нашей бригады, то это, пожалуй, маленькая промашка нашей бригады, так как большинство венков – серебряные.

Когда я вернулся в лагерь, я застал у нас гостей, приглашенных вчера на «рауте» нашими молодыми офицерами. Это были: Кирасирского его величе-

ства полка поручик Корвин и корнет князь Девлет-Кильдеев и Кирасирского ее величества полка поручик Плешков. Кроме того, приехал наш командир 2 дивизиона полковник Демидов, приехавший в свитском поезде. Он был в флигель-адъютантской форме. Вскоре подали обед, за которым гостям был предложен крушон, а после обеда – ликер. Около 9 часов вечера все встали из-за стола и прослушали нашу обычную зарю с церемонией. В это время неожиданно к нам приехали оба герцога Мекленбургских: Михаил и Георгий. Оба – в нашей форме. Распущенных после окончания переклички людей снова построили, и герцог Михаил Георгиевич с ними поздоровался. Тотчас подали в шатер шампанское, и генерал Головачев провозгласил здравицу их высочествам, встреченную долго не смолкавшим «ура». Затем мы быстро организовали «Чарочку», «Без генералов нам не пьется» и «Можно ли нам с вами выпить». Ответный тост, с разрешения Михаила Георгиевича, держал Георгий Георгиевич. Он в сердечных выражениях благодарил нас за прием и пил здоровье нашей бригады и батареи. Трубаچی играли все время. Часов в 10½ вечера Георгий Георгиевич решительно поднялся с места, и оба брата уехали. Их провожал марш трубачей и наше громовое «ура». Мясоедов напился.

26 июня – пятница.

Начало торжеств! Погода дивная, жаркая, солнечная... Довольно сильный ветер несколько умеряет зной. Из лагеря мы выступили в 8½ часов утра. Проходя вдоль преображенского лагеря, наши трубачи впервые сыграли Преображенский марш. Оркестр преображенцев ответил нам нашим маршем. До приезда царя мы встали не так, как на репетиции, а иначе: средний фас не ушел за крайние фасы, а составил продолжение этих фасов. Трубы наших трубачей впервые обмотаны новыми георгиевскими лентами. В 8¼ часов войска объехал генерал-адъютант Иванов. С нами он здоровался так:

- 1) Здоровы, братцы!
 - 2) С началом ваших празднеств поздравляю.
 - 3) Желаю представиться, как всегда, молодцами царю!
- Слова «как всегда» он, видимо, говорил только гвардии.

В 10¼ часов государь в коляске проехал мимо нас – из царской ставки на братскую могилу. В 11 часов начался объезд войск. Государь был в защитной фуражке, несмотря на то, что все мы были с цветными околышами. Подъехав к нам, государь громко сказал:

«Здорово, бомбардирская рота!»

Со взрывом восторга ответили солдаты на милостивое приветствие своего державного шефа, и понеслось громовое «ура». У капитана фон Эндена брызнули от радости слезы... Все были очарованы историческим приветствием царя... Тотчас после объезда государь верхом уехал на царскую ставку, провожаемый долго не смолкавшими криками «ура» войск и звука-

ми гимна. На обратном пути в лагерь, когда наша батарея проходила мимо царской ставки, на платформе стоял государь и отдал нам честь...

До 5 часов вечера мы отдыхали, а к 5½ часам вечера преображенцы, семеновцы, ингерманландцы и наша батарея выстроились шпалерами вдоль Зенковского тракта, по пути следования государя из ставки к братской могиле. На этот раз мы стояли между семеновцами и ингерманландцами. В строю были: я, поручики Ушаков, Наркович и подпоручик Манакин. Командовал батареей капитан Гирш. При батарее был хор трубачей. Ждали мы очень долго, так как государь проехал в коляске лишь в 8 часов 10 минут вечера. После того мы должны были перейти на другую дорогу – ждать обратного проезда государя, но его величество пожелал, чтобы мы шли домой, и мы вернулись в лагерь как раз к вечерней переключке и заре. Вечером наш лагерь был иллюминирован фонариками. Погода ветреная.

27 июня – суббота.

Рано утром, когда мы проснулись, шел довольно сильный дождик... Но небо не было безотрадным и предвещало если не хорошую, то во всяком случае переменную погоду. К счастью, действительность даже превзошла наши ожидания. Дождик еще раза два-три накрапывал по несколько минут, но уже с 9 часов на землю не упало больше ни одной капли дождя. В то же время небо оставалось облачным, скрывало солнце и тем самым значительно умеряло зной. Одним словом, такую именно погоду можно было заказать, и лучшей в конце июня на юге России и быть не может. Прибавьте к этому, что утренний дождь прибил пыль, и вы получите для парада то, что немцы называют «Kaiserwetter». В 8½ часов утра наша батарея была вполне готовой к выступлению. Груды всех офицеров и нижних чинов уже были украшены только что пожалованными государем императором медалями. Придя на поле, мы встали по продолжению 3-го фаса. В 9¼ часов проехал государь в коляске. Войскам приказано было «ура» не кричать, но публика у трибун встречала царя громовым «ура». Кстати, я заметил, что трибуны далеко не полны. Или цены на них «аховые», или же пускали публику с громадным разбором. После проезда царя мы тотчас же заняли свое место в среднем фесе, которым командовал наш командир бригады генерал-майор Головачев. В 9 часов 35 минут войска объехал генерал-адъютант Иванов, здоровался с ними и поздравлял «с праздником и с медалями». В 10 часов 18 минут кончился молебен. Наш петровский образ держали перед самим государем поручики Ушаков и Наркович. Вовремя объезда войск государь снова поздоровался с нами: «Здорово, бомбардирская рота!».

Церемониальным маршем, по свидетельству очевидцев, наша батарея прошла великолепно, равнение было идеальное. Оба наших герцога почему-то не пожелали пройти на левом фланге батареи. Наши свободные от наряда офи-

церы тоже на левом фланге не проходили: им не позволил генерал Головачев (!?). После церемониального марша мы, не останавливаясь, пошли в город к памятнику Славы. Это была тяжелая «марка». Пот градом лил со всех лиц. У нижних чинов – рубахи хоть выжми! И это – при отсутствии палящего солнца!! Положительно, мы бы не выдержали этот поход при солнечной погоде. «Кайзерветтер» нас спас!.. У памятника Славы мы отдохнули. Тенистый сад давал некоторую прохладу, наша походная кухня с водой утолила всем жажду. В 1½ часов дня начался молебен – еще до приезда государя. Вовремя молебна вдруг полились громовые звуки какого-то бравурного марша: это проходили с музыкой кадеты. Едва их остановили!.. В 2 часа 15 минут раздалось громовое «ура»: все ближе, ближе... Это войска, стоящие шпалерами по Куракинской улице, и народ за ними приветствовали самодержца. В присутствии государя состоялось возложение венков на памятник всевозможными депутациями. Наша депутация – генерал Головачев, полковник Мясоедов и штабс-капитан Фриде – возложили от бригады венок тотчас после Семеновцев. Наш венок – серебряный на большом бархатном щите и с вензелем Петра 1 посередине. На серебряных лентах выгравировано: «Императору Петру Великому победителю в Полтавской баталии, и его славным сподвижникам. 1709 27/VI 1909. Лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада». Пока дефилировала бесконечная лента депутатов, соединенный хор музыкантов лейб-гвардии Семеновского полка и трубачей нашей бригады играл кантату «Славься» и проч. У памятника стояли часовые от преображенцев, семеновцев, нашей батареи и Конной гвардии. Государь был в кителе Семеновского полка. У нас в строю стояли только капитан фон Энден и я (капитан Гирш командовал батареей). Прочие младшие офицеры батареи предпочли вовсе не идти в строю походом и даже не встали в строй вовремя молебна, а встали в Свите. Полковника Мясоедова буквально никто не слушается, и каждый делает что хочет. Поручик Древинг, которому категорически было приказано отвести батарею обратно с парада, нашел, что это «глупо», и преспокойно ушел в корпус на обед. Поэтому нам, старшим офицерам, пришлось идти снова в строю почти до Куракинской улицы, и уже там мы вышли из строя, чтобы попасть на царский обед. Таковой состоялся в здании. Полтавского кадетского корпуса около 3 часов дня. Из наших не было одного подпоручика Манакина, оставшегося на биваке. Государь, высшее военное и гражданское начальство обедали в средней зале, а в боковых – для всех остальных – были накрыты столы а-ля-фуршет. Мы все так устали, что стоять у столов было положител[ь]но несносно, и лично у меня не было никакой охоты есть. Всех интересовал вопрос, будет ли после царского обеда обычный «разговор» с офицерами, так как этот «разговор» и представляет наибольший интерес дня. Но уже в середине обеда выяснилось, что никакого «разговора» не будет, а что государь тотчас же после обеда уезжает из корпуса. Тогда весь интерес высочайшего обеда сразу упал, так как мы не были свидетелями поли-

тического тоста государя, и нам оставалось лишь уныло бродить по коридорам корпуса или же сидеть на его широких подоконниках. Наконец, обед кончился. Все направились к выходу... Вдруг лакей государя выкрикает: «Командира Преображенского полка... командира Семеновского полка!..» Боже! Ясно, что их вызывает царь для высокой милости – пожаловать в свиту... Еще кого? «Командира Ингерманландского полка!» У офицеров этого полка разливается радостная улыбка. Их полк не забыт и отличен государем! Я начинаю волноваться... Неужели забыты «петровские бомбардиры» и государь не осчастливит их зачислением в свиту генерала Головачева или не пожалует флигель-адъютанта полковнику Мясоедову? Правда, я сам неоднократно говорил, что Мясоедова положительно нельзя назначить флигель-адъютантом. Он напьется на первом же дежурстве у государя, он в полном смысле – обезьяна и непредставителен до полного и смешного ничтожества. Кроме того, он «нуль» в служебном отношении. С начала юбилейных дней (не говоря уже о днях до юбилея) он пальцем не шевельнул на пользу батареи. Все делали офицеры, фельдфебель и солдаты. Если он во что-либо вмешивался, то это – или было глупым, или неисполнимым. Он только мешал... Все это голая правда, и я не только не сгустил красок, но даю честное слово, что характеристика его еще слишком для него любезная. Итак: Мясоедов, по-моему, не мог быть кандидатом на царскую милость, но ведь остается еще генерал Головачев – человек средних достоинств[в] и недостатков, каких много перебивало в Свите...

Волнение в толпе все растет... Снова выходит лакей и зовет командира Московского полка. Какого «Московского»? Пехотного, кавалерийского? Никто не знает... Оказывается, драгунского – князя Енгальчева... Генерал Головачев скрылся в подъезде корпуса, и мы мечтаем, что он уже вызван. Наверху на балконе безостановочно гремит «Боже, царя храни», офицеры и публика за оградой сквера бесконечно кричат «ура» и требуют повторения гимна, а мы ждем, ждем, ждем... Но вот выходит генерал Головачев... Все становится ясным. Круглые навывкат, едва сдерживаемое волнение, деланая улыбка. Все кончено! «Бомбардиры» обойдены. «Первейшая Российской империи гвардия» – снова занимает последнее место и не удостоивается царского внимания. Но почему мы вправе были ожидать золотых аксельбантов для своих командиров?! Они и не могли быть даны, утешаем мы себя! Генерал Головачев почти ни при чем, так как бригада не была в полном составе, а Мясоедов – да мы сами в душе знаем, что Мясоедова нельзя отличать... Это была бы величайшая несправедливость судьбы. Но горечь обиды все же обливает наши сердца, и настроение у всех офицеров более чем подавленное, мы ходим как убитые... Курбатов резко говорит: «Получили пощечину»...

После отъезда государя все офицеры батареи во главе с полковником Мясоедовым поехали на Архиерейскую улицу, где оба наших герцога наняли на время своего пребывания в Полтаве большой особняк. Сегодня – канун 50-лет-

него юбилея герцога Г. Г. Мекленбургского (день его зачисления к нам в бригаду), и так как сегодня вечером оба герцога уже уезжают из Полтавы, то мы решили поздравить его с сим торжественным днем здесь. Герцогов дома не было, так как они, а также генерал Головачев, уехали из корпуса на царскую ставку – провожать царя из Полтавы. Мы просидели таким образом до 7 часов вечера, когда, наконец, приехал сперва генерал Головачев, а минут через 5 вошли и оба герцога – в форме нашей бригады. Генерал Головачев приветствовал Георгия Георгиевича с днем его юбилея, а герцог ответил в сердечных выражениях за наше к нему внимание и заявил, что он, «пока будет жив», никогда не потеряет связи с бригадой и в частности с батареей. Затем он предложил выпить но бокалу шампанского за «славу и процветание лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и в частности 1 батареи». В это время в залу вошел приехавший также с вокзала генерал-лейтенант Потоцкий и, поздравив герцога, провозгласил его здоровье. Прокричали «ура». Герцог ответил тостом за наше здоровье, а вслед за тем генерал Головачев выпил за графиню Карлову и все его семейство. На этот тост герцог провозгласил: «За здоровье всех тех, кто вам дорог...»

Домой мы вернулись в 8 часов вечера. За поздним нашим обедом были трубачи и шампанское, так как штабс-капитан Фриде (конечно, невпопад) пригласил к столу адъютанта 9 артиллерийской бригады поручика Хорошихина... Но ни гость, ни звуки фанфар, ни вино (впрочем, никто ничего и не пил) не могли рассеять нашей грусти, и обед сильно смахивал на похороны. Мясоедов молчал все время как зарезанный, а у генерала Головачева все выходило искусственно и ненатурально. У меня сильно разболелась голова, и я около 10 часов вечера лег в кровать. Вскоре разошлись и трубачи, и лагерь затих... Не то, не то... Корень зла – Мясоедов...

28 июня – воскресенье.

Окончание официальных торжеств дало нам возможность отдохнуть и выспаться. Но утро не принесло бодрого духа, и все по-прежнему выглядят сумрачными. Медали получены, надежды некоторых не сбылись, и большинство уже смотрит «в лес» – поскорее бы уехать подальше от батареи и «службы», в коей в настоящее время уже нет личного интереса. Больше ведь нечего получать!! Прежде всего уехал Наркович – в Гунтербург – и вместе с ним бригадный адъютант Фриде. Отъезд последнего в особенности следует отметить. Во-1), он не исполнил единственной своей обязанности – это позаботиться о своевременном возложении венков от всей бригады. Наш серебряный венок на памятник Келену «до сих пор» не возложен!!!! Мы – единственные в своем роде! Во-2), нас в лагере ждет высочайший объезд (6-го) и 7-го высочайший парад, а следовательно, бригадному адъютанту не лишнее приехать хоть 6 утром для надлежащих распоряжений. Как А. А. заведует хором трубачей в Полтаве – известно из моего дневника.

Около 1 часа дня генерал Головачев приказал построить батарею на передней линейке. Все офицеры батареи во главе с командиром батареи встали на правом фланге. Генерал Головачев поздоровался с людьми и несколько раз поблагодарил за блестящий парад и безукоризненное поведение, в чем, прибавил он, он и не сомневался. Затем он поблагодарил нижних чинов и от имени командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Иванова. Командиру батареи и нам, обер-офицерам, он пожал руки и также нас благодарил... В 12 часов приехал фотограф Харлаб (Александровская улица, дом Собина) и снял пока 3 группы: 1) лагерь, общий вид, 2) группу всех солдат и 3) хор трубачей.

В 1 час дня в Кадетском корпусе был акт, на который наша батарея получила приглашение, но из батареи на него поехали только двое: подпоручик Манакин и поручик Древинг. Я не был. Вместо этого я поехал в город Полтаву вместе с полковником Мясоедовым и капитаном фон Энден. Последние двое были в парадной лагерной форме, так как собирались возложить (с опозданием!) венок на памятник Келену. Как и следовало ожидать, венок уже не удалось возложить, так как все венки убрали и караул, их охранявший, убран еще вчера...

В 7 часов вечера снова пришел фотограф Харлаб и сообщил, что лагерь вышел довольно удачно, но зато группы солдат и трубачей вовсе не вышли, по причине сильного ветра и яркого солнца. Мы дождались 8 часов вечера, когда солнце почти закатилось и ветер значительно стих, и снова сняли следующие группы: 1) хор трубачей, 2) лагерь (вид на мачту), 3) группу нижних чинов и 4) группу офицеров.

В десятом часу я и затем все офицеры поехали на раут, устроенный городом в здании театра. «Раут» произвел на меня самое лучшее впечатление. Богатая сервировка открытых буфетов и радушие городских деятелей не оставляли желать ничего большего. Мне пришлось беседовать со многими здешними деятелями, и все в один голос восхищались приветливостью государя, с восторгом отзывались о виде и выправке гвардейских войск и искренно радовались приезду обожаемого монарха. Но в то же время всех огорчают многочисленные аресты, какие были произведены в городе, так как причины ареста были в большинстве случаев совершенно неосновательными. Излишние стеснения народу, чинимые петербургской полицией и жандармерией, также вызывали справедливые и грустные сожаления верноподданных граждан Полтавы. После раута, часов в 11 вечера я, капитан Гирш и капитан фон Энден поехали на бал, устроенный в стенах Полтавского кадетского ко[р]пуса. Мы потолкались там 1–1½ часа среди юных и оживленных институток и не менее оживленных представительниц полтавских дам и девиц, а затем уехали домой в лагерь и в 1 час ночи были уже у себя на биваке. Оба наших командира (генерал Головачев и полковник Мясоедов) на рауте и бале отсут-

ствовали (совестно!...). В этот день семеновцы приглашали нашу батарею к себе на «соколиную гимнастику», но так как в лагерях никого не было, то пошли только двое: Манакин и Древинг, которые и были предметом оваций наших добрых соседей – семеновцев.

29 июня – понедельник.

Рано утром с бивака окончательно уехал генерал Головачев... Он возвращается в Красное Село самостоятельно. В 9½ часов утра наша батарея отправилась на братскую могилу, где «лагерный отряд» (преображенцы, семеновцы, ингерманландцы и наша батарея) служит сегодня заупокойную обедню (с 8½ часов утра, 20 человек от батареи под командой поручика Древинга) по императоре Петре Великом по случаю дня его именин. В строю: капитан Гирш, капитан фон Энден, я и поручик Древинг. Построились мы так, как строились 21 июня, т.е. мы заняли самое лучшее место – впереди памятника. На нашем правом фланге построился наш хор трубачей (капельмейстера не было). Парадом командовал Свиты его величества генерал-майор Кульнев (командир Семеновского полка). После панихиды все 4 части прошли мимо генерала Кульнева церемониальным маршем – в колонне (пехота по отделениям, а мы повзводно). На панихиде был начальник артиллерии генерал-лейтенант Потоцкий – сегодняшний именинник. Мы шли после семеновцев...

К 3 часам дня генерал-лейтенант Потоцкий пригласил всех нас в Дворянский сад – обедать. Были, следовательно: полковник Мясоедов, капитаны Гирш, Энден, я, поручики Курбатов, Ушаков и Древинг и капельмейстер Каукаль. Подпоручик Манакин остался дежурить на биваке. Кроме нас, на обед был приглашен генерал-майор князь Кантакузен. К 3 часам мы послали в сад наш хор трубачей. Каково же было наше удивление, когда генерал Потоцкий нам заявил, что в саду Дворянского депутатского собрания, сданном в аренду Полтавскому клубу, строжайше запрещено играть музыке и что до сих пор не удалось ни Потоцкому, ни князю (члену клуба) «уговорить» старшин – дать нужное нам разрешение. «Уговоры» и «упрашивания», однако, все же кончились благополучно, и нашему хору разрешили играть... В общем обед прошел довольно оживленно. Тосты за батарею и бригаду чередовались с тостами за «именинника» и за офицеров. Сперва мы даже не вставали, чтобы не чокаться и не производить «скандала» в саду... Трубачи тоже играли только «серьезные» номера. Но уже через час-полтора трубачи перешли на легкий жанр – «Ой-ра», «Парагвай», «Веселая вдова», «танец апашей» («Держись – начинается!!») и т.д. Затем – фанфары и непрерывный бригадный марш – новый и старый, который мы уже выслушивали стоя, в благоговейном молчании. В отдалении за одним из столиков сидели три штатских. Один из них каждый раз при звуке нашего марша поднимался из-за стола и стоял навтыяжку до тех пор, пока не

смолкали звуки. Оказалось, что это бывший наш вольноопределяющийся (4 батареи) Случевский, ушедший в этом году перед лагерем со службы по болезни. Поручик Курбатов, как вывший его «учитель», хорошо знал его, подошел к нему, и в результате мы пригласили его завтра к нам обедать. Другой столик занижала небольшая компания, среди которой были, между прочим, капитан Ингерманландского полка и дама. Капитан этот вдруг подбегает к князю и что-то шепчет ему на ухо. Князь показывает на Потоцкого. Оказывается, капитан просит, чтобы трубачи сыграли «матчиш» (!!!?!); Потоцкий ответил уклончиво, и мы сделали выдержку в полчаса, после чего, из уважения к даме, сыграли ей «матчиш».

Сегодняшний день стоил Павлу Платоновичу порядочно. Утром он дал 25 рублей на угощение нижним чинам бат[а]реи. За обедом он дал 50 рублей на ленты к фанфарам и после обеда 50 рублей наградные трубачам. Прибавьте к этому самый обед и угощение трубачам... Разошлись мы в 8 часов вечера, так как генерал Потоцкий уезжает сегодня вечером из Полтавы.

Одно ландо поехало по наплавлению к биваку, а другое – наше, в котором сидели: я, капитан Гирш, капитан фон Энден и поручик Ушаков, поехали сделать маленькое турне по городу, дабы осмотреть то, что мы еще ни разу не видели. Прежде всего мы осмотрели памятник доблестному коменданту Келену, сооруженный и открытый в этом году. Затем мы поехали к старому памятнику, сооруженному еще в 1849 году на том месте, где Петр I «покоился от трудов». Тут же рядом оказалась знаменитая петровская церковь Спаса, заключенная в каменный футляр. Долго мы искали сторожа, наконец нашли солдата Елецкого полка, который и отпер и показал нам этот древний храм.

Бесспорно – резной деревянный иконостас заслуживает самого полного внимания, и я был очень доволен, что удалось его увидеть. Отсюда мы прошли пешком в Успенский кафедральный собор, который также оказался закрытым, но нам удалось добыть сторожа, который пришел, по-видимому, с псаломщиком: церковь отперли, осветили электричеством и дали нам возможность ее осмотреть. Когда мы уже садились в ландо, капитан Гирш заметил г-на Терского с женой, урожденной Склифасовской (дочь помещицы, оказавшей нам услугу), подошел к ним (он познакомился с ними на обеде у архиерея, на который я не пошел), познакомил всех нас и от имени батареи пригласил ее с мужем – обедать к нам на бивак завтра в 7 часов вечера. Такое же приглашение мы просили передать и ее мамаше. Когда мы вернулись на бивак, оказалось, что полковник Мясоедов, поручики Курбатов и Древинг поехали сдавать наш серебряный венок, который мы должны были возложить на памятник Келену. Венок пришлось сдать настоятелю Сампсониевского храма, так как там именно временно сложены все венки впредь до их размещения в музее у братской могилы. Вот надпись на этом венке: «Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келену и славным защитникам

города. 1709–1909. Лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада». Поздно вечером бивак окончательно покинули капитан Гирш и подпоручик Манакин. Первый торопился в Офицерскую артиллерийскую школу, а второй, судя по его уверениям, едет к своей невесте. Компания наша все уменьшается.

1909

921

30 июня – вторник.

Время с 10½ часов утра и до 4½ часов дня я провел в г. Полтаве, где деятельно д[о]канчивал все покупки, связанные с собиранием «юбилейной» коллекции для нашего бригадного музея. За эти 6 часов я успел только на короткое время забежать в т. н. естественно-исторический музей и бегло его осмотреть. «Естественный» он называется неверно. В музее 3 небольшие залы: 1) историческая, 2) этнографическая и 3) церковная. В каждой из них можно найти в высшей степени любопытные экспонаты, в особенности в церковном отделе, где почтенное имя Скаржинской снова встречается на каждом шагу...

В начале 8-го часа вечера наш бивак оживился приглашенными нами гостями. Приехала г-жа Софья Александровна Склифасовская, г-н Виктор Александрович Терский с своей очаровательной женой – Тамарой Николаевной (ур[ожденная] Слифасовская), г-н Случевский – Николай Владимирович (бывший вольноопределяющийся нашей 4 батареи) и командир 9 артиллерийской бригады Михаил Михайлович князь Кантакузен – бывший офицер нашей батареи. При приезде дам им поднесли букеты – г-же Склифасовской – полковник Мясоедов и г-же Терской – капитан фон Энден. Трубаچی встретили их бригадным маршем. Весь обед организовал поручик Ушаков – наш новый и энергичный хозяин столовой, заменивший подпоручика Манакина. В двух вазах (купленных Древингом и Энденом для себя на кустарном базаре в земском доме) стояли букеты из полевых цветов, а на скатерти были рассыпаны живые цветы. Бока скатерти также были затканы живыми цветами. Закуска была сервирована на отдельном закусочном столе. Обед прошел весьма оживленно и мило. Я был в этот день дежурным (наблюдающим) по биваку, а потому в 9 часов вечера выходил из-за стола на переключку и зарю с церемонией. Часов около 11 вечера дамы нас покинули. Затем уехал г-н Случевский и, наконец, часов в 12 ночи уехал князь Кантакузен.

1 июля – среда.

С утра бивак наш стал укладываться... Грузили подводы, и понемногу вещи и все имущество батареи перевозилось на вокзал. В 6 часов вечера я и капельмейстер Каукаль уехали на вокзал, куда вскоре приехали и все офицеры батареи во главе с командиром батареи. Поезд нам подали к товарной платформе в 8 часов вечера, и люди начали грузиться... Я лег спать в купе вагона приблизительно в 2 часа ночи. Поезд тронулся лишь в седьмом часу утра (2 июля). Прощай, Полтава!!..

2 июля – четверг.

Едем домой!.. Компания наша значительно уменьшилась, а потому мы совершенно иначе разместились в нашем вагоне-микст. 1-е купе осталось за Ф. А. Каукаль, 2-е купе мы отвели под «столовую», где мы собираемся пить чай, 3-е купе занял поручик Древинг, 4-е купе – я и капитан фон Энден, 5 купе – полковник Мясоедов и 6 купе – поручики Ушаков и Курбатов.

Сегодня с 12 часов дня я дежурный по поезду. В 2 часа дня мы приехали на ст. Ромодань, где поезд стоял до 4 часов 35 минут дня. Люди здесь обедали... Кой-кто из офицеров здесь закусывал. Трубаچی играли на платформе около часу. С нами пока едут те же войсковые части, что ехали и «туда». Тот же эскадрон Уланского пехотного полка. Но и у них офицеры сильно «растаяли» – в особенн[о]сти у улан. Погода великолепная и скорее прохладная, чем жаркая...

Около 9 часов вечера, когда уже стало совсем темно, мы приехали в Ромны, где простояли 40 минут. За это время мы успели пообедать за табль-д'отом, заказанным нами по телеграфу. Ночью часа в 2–3 я вставал в Бахмачах, где от нашего поезда отцепили улан.

3 июля – пятница.

Утренний чай в нашей столовой-купе мы пили вовремя остановки на станции Тереховка (с 10 часов утра до 11 часов 10 минут утра), где нижние чины успели за это время пообедать... В 12 часов 55 минут дня мы приехали в Гомель. Счастливый случай позволяет мне поехать осмотреть знаменитый в этом городе замок, принадлежащий графине Паскевич. Я сговорился с поручиками Ушаковым и Курбатовым, и мы втроем в парной коляске поехали в город, главная улица которой – Разумовская – привела нас к воротам замка. Старик-привратник охотно вызвался показать нам весь парк, тем более что ближайшая к городу половина предоставляется графиней 2 раза в неделю в распоряжение здешнего пожарного общества, которое в свою очередь пускает публику за плату в 12 коп[еек]. Но осмотр одного только парка, конечно, не мог меня удовлетворить... Я мечтал осмотреть самый дворец и спросил привратника – от кого зависит необходимое разрешение. Увы, старик своим ответом лишил моих спутников последней надежды. Графиня только что уехала за границу и перед отъездом вновь подтвердила, чтобы никого не допускали к осмотру ее жилища. Но я еще далеко не потерял надежду. Я вручил свою служебно-визитную карточку привратнику и приказал ее отнести главному дворецкому с просьбой – допустить нас к осмотру. Через несколько минут привратник вернулся и не то удивленно, не то радостно заявил, что дворецкий просит нас сперва осмотреть парк, а затем он покажет нам самый дворец! Такое «милостивое» разрешение удвоило любезность сторожа, и он повел нас показывать нам здешние сокровища. Мы начали с наружного ос-

мотра часовни, поставленной над склепом, в котором ныне покоятся все члены фамилии Паскевичей. Здесь лежит и прах фельдмаршала, перенесенный из Ивангорода, где он был первоначально похоронен...

– А это что за здание?

Это дворцовая электрическая станция, освещающая весь парк и замок...

Парк содержится образцово.. Недаром, говорят, его содержание стоит 12 тысяч. Мы застали момент, когда уже все цветы из дворцовой оранжереи повысадили в парк, и нашему взору представились дивные газоны, среди которых возвышались живописные клумбы причудливо-разнообразных цветов. Кстати, интересна клумба у самого входа в парк. Это календарь из цветов. Сегодня он показывает 3 июля 1909 года, а завтра садовник аккуратно заменит цифру 3 «четверкой» и т. д. Бесконечно живописен уютный грот, обращенный своей открытой стороной к р. Сожу... Вид на эту реку настолько привлекателен, что как-то не хочется верить, что этот волшебный уголок находится бок о бок с почти деревенски-первобытными, грязными или пыльными улицами жидовского Гомеля!!.. Вот небольшой бронзовый памятник-бюст знаменитому фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу Эриванскому. А несколько поодаль белеет мраморный бюст императрицы Елизаветы Петровны, напоминающий вам, что это великолепное имение некогда принадлежало Разумовскому. Наконец мы приблизились к самой главной достопримечательности парка. Я имею в виду дивную конную статую князя Иосифа Понятовского – произведение знаменитого Торвальдсена. Эта статуя была пожалована в 1833 году императором Николаем 1 «генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Ивану Федоровичу Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому». Много ли русских знают, что в центре России находится такое высокохудожественное сокровище! По бокам памятника – на высоких пьедесталах высятся 2 большие турецкие пушки, взятые при осаде Карса 23 июня 1828 года. Эти пушки также подарены фельдмаршалу императором Николаем 1. Тут, у этих безмолвных свидетелей нашей славной войны с Турцией, к нам присоединился полковник Мясоедов, и мы вчетвером отправились к главному входу во дворец, дабы начать его внутренний осмотр. Я не могу считать себя новичком в деле осмотров всевозможных царских и королевских дворцов во многих столицах и городах России и Европы. Но сознаюсь, что гомельский дворец Паскевичей занимает едва ли не первое среди них место. Такое мое мнение я основываю вот на чем. В громадном большинстве дворцов жилые, интимные комнаты обставлены по большей части весьма скромно и далеко не поражают ваш взор. Парадные же комнаты, в которых, главным образом, и сосредоточены художественные и исторические редкости, по большей части весьма запущены, так как положительно не хватает средств – всегда содержать их в образцовом порядке и благоустройстве. Еще одно маленькое замечание: дворцы

– не музеи, а потому в них редко можно встретить какую-либо систематизацию, сопутствуемую обыкновенными подписями, историческими датами и проч. Вот почему услуги придворных лакеев-гидов являются при осмотре дворцов необходимыми. Но эти услуги вряд ли могут считаться научно авторитетными, и избежать их было бы несравненно приятнее. Гомельский дворец именно и поразил меня отсутствием всех перечисленных недостатков, обычных для дворцов верховной власти. Почти весь гомельский дворец (за исключением нескольких комнат покойного фельдмаршала – в башне) – жилой и является в буквальном смысле слова частной квартирой графини Паскевич. Тем не менее все без исключения комнаты и залы, включая спальню, будуары, кабинеты, столовую и проч., обставлены с изысканною роскошью. Каждая вещь – художественное произведение. Каждое кресло, столик, ваза и пр. – шедевр, которым можно любоваться. При этом я снова должен подчеркнуть необычайный, образцовый во всем порядок и замечательный уход за всеми без исключения вещами. Все выглядит совершенно новым или же идеально сохранившимся и идеально реставрированным. Вместе с тем гомельский дворец Паскевичей – обширный и богатейший музей эпохи царствования императора Николая 1-го, и как таковой он поражает своим порядком и заботливою сохранностью всех реликвий, связанных с жизнью и деятельностью знаменитого князя Варшавского. Куда ни взглянешь – всюду чудные и драгоценные подарки императора Николая 1 (замечательные вазы с военно-историческими картинами), папы Пия 7, прусского короля Фридриха-Вильгельма 4, великого князя Михаила Павловича, персидского шаха, польского короля Станислава Августа и многих других. Исторические портреты, картины, альбомы, медали и проч. нужно считать сотнями. Все это – лучших мастеров, по большей части жалованные и представляют в настоящее время редчайшие уники. Великолепна мраморная сидящая статуя императора Николая 1, работы Рауха... В башне дворца помещаются кабинет, бильярдная, спальня и проч. покойного фельдмаршала, где все сохраняется в том виде, как это было при его жизни. Верхние этажи башни заняты под богатейшую библиотеку, и, кроме того, один из этажей сосредотачивает в себе много батальных картин, походную палатку Николая 1, несколько военных трофеев и проч. Библиотека носит тот же образцовый характер, какой присущ всему замку. Я заметил карточный каталог, фолианты систематического каталога, много изданий и проч. Мы поднялись до самого верха башни, где громадный механизм управляет 4-мя башенными часами, и здесь с балкончиков полюбовались на долину реки Сожа и на весь город, имеющий в своей черте такую жемчужину, как этот дивный замок Паскевичей!.. Как ни бегло осматривали мы все достопримечательности дворца, но время, которое мы имели в своем распоряжении, уже иссякло, а потому, пробежав через парадную залу, галерею с зимним садом и еще несколько богато

убранных комнат, мы поблагодарили управляющего дворцом, сунули в руку лакею 1 рубль и, сев на своих извозчиков, покатали к вокзалу...

В 3 часа мы пообедали на весьма приличном гомельском вокзале, причем наши трубачи играли у нас под окнами, а ровно в 4 часа поезд тронулся в дальнейшей путь... В 8 часов 15 минут вечера мы переехали по железнодорожному мосту через Днепр и еще через четверть часа остановились на запасном пути станции Жлобин. Здесь нам предстояла продолжительная остановка – вплоть до 4½ часов ночи. Часов до 10½ – 11 вечера мы бродили по станции, затем ужинали, слушали наших трубачей, игравших на перроне, и затем разошлись по своим купе. Заснул я приблизительно в 12½ часов ночи.

4 июля – суббота.

Утреннее, как всегда позднее, вставанье офицеров застало нас на продолжительной стоянке в г. Могилеве, откуда наш поезд вышел в 11 часов 25 минут утра... В 2 часа 20 минут дня мы приехали на ст. Орша-Товарная. До пассажирской станции оставалось еще версты 1½–2, и туда наш поезд не шел. А так как вся остановка исчислялась в с лишком 2 часа, то мы дождались скорого поезда, который подошел в 2 часа 40 минут, и на нем доехали до ст. Орша (вокзал). В этот именно момент хлынул настоящий ливень, продолжавшийся буквально 1–2 минуты, не более, и снова мы наслаждались по-прежнему дивной, прохладной погодой. В упомянутом мною скором поезде уехал от нас еще один офицер – капитан фон Энден, и я, таким образом, остался один в своем первоклассном купе. В 3 часа 30 минут дня к ст. Орша подошел другой скорый поезд – в обратном направлении – и мы на нем вернулись к себе на ст. Орша-Товарная. В 4 часа 30 минут дня наш поезд отправился в дальнейший путь. Теперь наша батарея едет «соло», так как здесь от нас отделилась рота Нарвского пехотного полка. От 8 до 10 часов вечера – стоянка в Витебске и общий обед на вокзале.

5 июля – воскресенье.

Больших остановок до самого вечера не было. Воскресный день сразу дает себя знать большой толпой нарядных крестьянок и парней, зачастую подвыпивших – на всех остановках. Они с любопытством собираются у солдатских вагонов и слушают наших трубачей, которые играют на всех станциях (в вагоне), где поезд стоит более 15 минут... Солдаты же щеголяют перед «деревней» песнями, пляской, гармоникой и даже «борьбой»... В Дно мы приехали в 6 часов 30 минут вечера и стояли до 8 часов вечера, что дало нам возможность пообедать и освежить запас «сыщинской» литературы, буквально наводнившей наш вагон. Даже я – не любитель этого рода литературы – прочел несколько книжек из походов Шерлока Холмса, Нат Пинкертон и Ник Картера...

6 июля – понедельник.

Последний день путешествия!.. Лично для меня – пребывание в вагоне, как туда, так и обратно, прошло совершенно незаметно, и я не прочь путешествовать таким образом еще хоть месяц... Встал в 7 часов утра, в то время, когда поезд наш стоял на ст. Семрино. Вот она, наша родная петербургская погода! Прохладно, даже холодно, небо в тучах, изредка моросит поганенький дождик... Из Семрина двинулись лишь в 8½ часов утра и ровно в 10½ часов утра подкатили к Красному Селу, как то и полагалось по расписанию. На вокзале нас встретили: вр. командующий бригадой полковник Горбачевич, предполагавший, что с нами вместе едет и командир бригады генерал Головачев. Вместе с полковником Горбачевичем был и вр. и. д. бригадного адъютанта поручик Снигиревский. Людей выстрои[л]и на платформе, и полковник Горбачевич, поздоровавшись с ними, поздравил их с благополучным возвращением. Тут же на платформе был и командир 1 Армейского корпуса генерал-лейтенант Никитин – отец нашего вольноопределяющегося. Ему предложили поздороваться с людьми. Он был этим тронут и громко сказал: «Здравствуйте, славные питомцы петровских бомбардиров!» и затем снова благодарил командиров за «оказанную ему большую честь». Разгрузка прошла быстро... В 11½ часов дня я был уже в эшелоне.

После обеда в 1½ часа дня наша батарея построилась у палаток. На правом ее фланге встали: я, поручик Древинг и поручик Курбатов. Полковник Мясоедов поблагодарил нижних чинов за «блестящий смотр, блестящее поведение, как в Полтаве, так и в пути», и выразил надежду, что «бомбардирская рота» всегда будет таковой и впредь. Нас – офицеров – полковник Мясоедов облобызал...

Вечером, в обычные 6 часов, начался высочайший объезд лагеря вместе с датским королем Фредериком 8. В экипажах – масса высочайших особ: обе наши императрицы, греческая королева Ольга, датская королева и мн[огие] др. После объезда – зря с церемонией. Вот замеченные мной особенности: фанфары почти всех частей стояли впереди соединенного оркестра и блистали красивыми и разнообразными флажками. Явки фельдфебелей шефских частей не было. Вообще «зря» была немного «скомкана». Два номера из музыкальной программы было выпущено. После общего было еще несколько частичных залпов, донесшихся откуда-то издалека и спустя большой промежуток времени. Пора ограничиться залпами ближайших к царской ставке артиллерийских частей, ибо ракеты сегодня были весьма плохо видны (слишком светло). Дежурным по войскам был полковник Гартунг, прибывший из Варшавы в Красное Село во главе дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады.

7 июля – вторник.

Высочайший парад на военном поле в присутствии датского короля Фредерика 8. Я – в конном строю, командиром 1 взвода, т.е. при прохождении

церемониальным маршем на меня равняются все офицеры 1 дивизиона, и я проезжаю ближе всех к государю. Во 2 взводе – поручик Наркович. В пешем строю пошел поручик Курбатов. Всей бригадой в пешем строю командовал капитан фон Энден, а у него за адъютанта поручик Древинг. Выступил наш 1 дивизион очень рано, в 7¼ часов утра, так как по дороге к нашему месту построения мы проделали несколько раз «церемониальный марш» – шагом и рысью. Ведь наша 1 его высочества батарея ни разу не была на репетиции! Пока мы «репетили», грозовые тучи становились все мрачнее и мрачнее и все больше нависали над нашими головами. Наконец около 9 часов хлынул дождь, а затем – бешеный град. Лошади ежились от боли... Стоять лицом к граду не было никакой возможности, все повернулись спиной, но и затылку было так чувствительно от крупных и твердых градин, что почти все люди защищали его рукой. Через несколько минут мы уже вымокли совершенно, а вымокнув, начали дрожать от холода, и по всей линии пешей артиллерии видны были «выбрасывания рук» – домашнее средство для согревания. Объезд войск царем и королем начался в начале одиннадцатого часа, и к этому времени выглянуло солнце, и погода на некоторое время разгулялась.

Объезд был длинный и долгий, наши трубачи стояли на правом фланге нашей (1 его высочества) батареи в конном строю и играли Датский гимн. Церемониальным маршем мы проходили рысью...

Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, остался, по-видимому, недоволен равнением нашего конного строя при объезде и сделал о том замечание генералу Головачеву, а так как и накануне при объезде лагеря генерал Головачев получил замечание от великого князя за то, что он вывел школу солдатских детей в белых рубашках, а не защитного цвета, то он вообще был сегодня зол и неводержан. Обругал громко и неприлично полковника фон Цур-Милена (командира 1 дивизиона), обругал своего адъютанта штабс-капитана Фриде («ваши трубачи ни к черту не годятся!») и т. д.

Поручик Древинг неостроумно поехал на своей лошади, которая дурит и он с ней не справляется, и наш «Маркиз» произвел даже переполох среди королей, принцесс и княгинь – при объезде, а вовремя церемониального марша лошадь его занесла (после уже прохождения). У нас в конном строю у поручика Нарковича в самый критический момент оборвался подбородный ремень. В общем же 1 дивизион прошел весьма прилично, а 2-й дивизион – очень хорошо.

Пеший строй прошел хорошо. До чего мы становимся мучениками неустановившейся и путаной формы, показывает следующий факт. Вчера – уже ночью – выходит подробное приказание о сегодняшнем высочайшем параде. И между прочим приказано, чтобы ремешки у фуражек нижних чинов были бы не сверху, а внутренние. Надо заметить, что ремешки сверху – это форма, и в таких именно фуражках уже ходят люди нашей 1 его высочества

батареи. И вот ночью вся батарея режет ремешки и выпарывает пуговицы, портя, таким образом, свои фуражки. Офицерам было приказано «ремешков на фуражках не спускать». Так для чего же эти ремешки? Пока мы стояли, на поле было отдано 4 противоречивых приказа («опускать», «не опускать», «поднять» и «не смей опускать») и, наконец, окончательно мы проходили и стояли в строю с опущенными ремешками. Положительно, сам черт ногу сломит в таких пустяках, которые должны быть ясны, точны и определены...

10 июля – пятница.

Мои товарищи по бригаде просят меня занести в мою «Черную книгу» следующий любопытный документ. Это – приказание по бригаде от 9 июля сего года за № 1179. Как известно – все письменные приказания по бригаде уничтожаются уж в следующем году, и таким образом бесследно исчезает в памяти потомства масса весьма интересных «служебных» и в особенности «бытовых» фактов. Вы знаете (см. 7 июля), что великий князь Николай Николаевич на последнем смотре остался недоволен равнением нашей бригады. И вот генерал Головачев отдает вышеупомянутое письменное приказание – впредь более тщательно разбивать линию лошадей и орудий и кроме того (hear, hear!) брать линейным камешки (!!) в карман и ставить их на то место, где до команды «линейные на свои места» стояли колышки. Несомненно – боевая подготовка лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады от этого значительно выиграет!!!.

От 3 часов дня нашей бригаде произвел смотр начальник 1 гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант Мрозовский (бывший наш офицер). Он задал генералу Головачеву две тактические задачи и на разборе несомненно дал ему в «дупу» за неостроумное и неправильное их решение. Таковы рассказы участников этого смотра. Я же в строю не был и очевидцем не был.

11 июля – суббота.

С 9 часов утра – дежурный по бригаде. Мой помощник – подпоручик Неелов.

14 июля – вторник.

Утром состоялась состязательная езда... Я на ней не был и в лагерях занимался обучением нижних чинов стрельбе из револьверов... В начале первого часа возвратились офицеры и сообщили радостную новость: бригадный приз взяла наша 1 его высочества батарея. Вот так неожиданность! «Полтава» помешала нам заняться подготовкой к состязанию как следует, и наше орудие ездило на ипподром ОДИН раз!! Но несмотря на такую удачу – офицеры 1 эшелона вернулись домой злые. Оказывается, генерал Потоцкий отдал корпусный приз Варшавской 3-й батарее гвардейской Конно-артилле-

рийской бригады, на что она, в сущности, права не имеет. Ведь не участвовал же в состязании 3 дивизион лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады!! Кроме того, генерал Потоцкий утвердил такие несправедливые правила, которые явно выгодны для конников. Если бы не эти правила и если бы не чужая 3 батарея гвардейской Конно-артиллерийской бригады – корпусный приз должны были бы взять мы (1 его высочества), а наш бригадный – 6 батарея. Теперь же 6 батарея осталась вовсе без приза. Все эти факты вызвали на самом ипподроме резкие протесты со стороны командиров обоих пеших бригад и породило горячие споры в присутствии самого начальника артиллерии Гвардейского корпуса. Орудие наше состояло из следующих лиц:

- 1) взводный фейерверкер – Щелкунов,
- 2) ездовой 1 уноса – Левашов,
- 3) – 2 – Машкин и
- 4) – коренной Растопчинов.

Свалили они 14 колов.

К моменту приезда призового орудия наш лагерь украсился флагами. Командира и офицеров люди качали, за исключением меня (я по обыкновению уклонился). Но вот случай! В офицерской столовой – полное отсутствие «выпивки»! Она отложена «до завтра» (!?), так как генерал Головачев «запретил» (!!!!!) сегодня всякое празднество по случаю панихиды по П. А. Нарковиче (см. ниже). Конечно, 1–2 бутылки шампанского не могли бы идти в счет, но лакей в душе – полковник Мясоедов, руководимый к тому же беспримерной жадностью и скупостью (да кстати, у него и денег вообще не водится), охотно подчинился столь неуместному распоряжению нашего командира бригады. Положительно становится стыдно служить в 1 его высочества батарее.

В 5 часов дня в церкви 1 гвардейской пехотной дивизии состоялась по нашему заказу панихида по безвременно скончавшемуся нашем бывшем товарище-рыцаре командире 35 артиллерийской бригады генерал-майоре Петре Антоновиче Нарковиче. На панихиде присутствовали все офицеры в полном составе нашей бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым, нижние чины 3 батареи нашей бригады (генерал Наркович командовал этой батареей), офицеры лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады (преимущественно 5 батареи) во главе с командиром бригады генерал-майором Леховичем и офицеры 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады во главе с полковником Гартунгом. Кроме того, на панихиде были: начальник артиллерии Гвардейского ко[r]пуса генерал-лейтенант Потоцкий и командир 22 артиллерийской бригады генерал-майор Златарский. На панихиде пели солдаты и воспитанники школы солдатских детей нашей бригады.

За вечерним ужином (около 7 часов вечера) полковник Мясоедов неожиданно пригласил весь эшелон к себе в барак «выпить по бокалу шампан-

ского». Я пришел довольно поздно, последним (около 10 часов вечера), и застал всех в сборе. Сидели за большим столом, занявшим почти всю комнату командирского барака, и пили: шампанское, ликеры и кофе... Стояли 2 коробки с печеньем... Оживления почти не было, скорее – общая усталость... Разошлись в двенадцатом часу.

15 июля – среда.

День моих именин... Получил поздравительную телеграмму от В. А. Леховича (генерал-майор, командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). Л. Ф. Гартунг (командир 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады) лично ко мне заезжал поздравить меня с днем ангела. Я в это время (от 2 до 4 часов дня) занят был ознакомлением нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка с артиллерией. По окончании занятий – я поехал в авангардный лагерь с ответным визитом к полковнику Гартунгу и пригласил его к нам в эшелон. Днем, вовремя нашего обеда, я выставил пару бутылок шампанского. За ужином, как я сказал, был полковник Гартунг. Вечер, следовательно, обратился в его чествование. Играл хор трубачей. Позже пришли: полковники Вешняков и Илькевич, штабс-капитан Рейнталь, поручики Гущинский, Перлик, Снигиревский и фон Руммель. Все меня поздравляли и даже принесли розы. В начале десятого часа неожиданно приехал начальник артиллерии генерал-лейтенант Потоцкий и передал нам, что генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич просил передать его поклон лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде и 1 батарее нашей бригады. Люди были вызваны на переднюю линейку, и командир дивизиона полковник фон Цур-Милен, передав им слова великого князя, провозгласил «ура» в честь генерал-фельдцейхмейстера. Полковник Мясоедов отдельно передал людям 1 его высочества батарее привет великого князя, и мы снова прокричали в честь него «ура». После того мы все вернулись в столовую, где продолжалось «питие» с речами и тостами. Сперва уехал генерал Потоцкий, а около 1 часу ночи – полковник Гартунг.

Прислал поздравление еще М. А. Тимлер (наш офицер, из Боржома, где он прикомандирован по климатическим условиям к Тенгинскому пехотному полку) и А. П. Афонасьева из Луги.

16 июля – четверг.

Снова дежурный по бригаде (с 9 часов утра). Дежурство мое лишает меня некоторого удовольствия быть сегодня на обеде у семеновцев, к какому приглашены все офицеры 1 его высочества батарее. В 8 часов вечера на него отправились: полковник Мясоедов, капитан фон Энден, поручики Ушаков, Курбатов, Древинг и подпоручик Манакин. Не пошел поручик

Наркович. Был также и бригадный адъютант штабс-капитан Фриде. Нечего и говорить, что все без исключения «напились, как звери» и еще на другой день представляли весьма «печальное зрелище».

17 июля – пятница.

Бесконечное число раз откладываемый «опрос претензий» 1 дивизиона состоялся, наконец, сегодня в 12½ часов дня на передней линейке 1 эшелона. После «опроса» командир дивизиона полковник фон Цур-Милен, «воспользовавшись случаем», поблагодарил всех людей «за прекрасную службу и поведение».

В 1 час дня в столовой среднего эшелона под председательством полковника фон Цур-Милена состоялось общее собрание гг. офицеров, на котором мы большинством (свыше 2/3) голосов решили чествовать ужином всех офицеров 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады и нижних чинов 7 батареи этой бригады, которая в свое время была сформирована из числа нижних чинов 5 батареи нашей бригады. Первоначально предполагали чествовать и офицеров только 7 батареи, но общее собрание, как видите, нашло это неудобным.

21 июля – вторник.

Наш командир батареи полковник Николай Александрович Мясоедов уехал сегодня в неофициальный отпуск. Надо сознаться, что его отъезд был встречен всеми офицерами батареи с большой радостью.

22 июля – среда.

По обычаю, царский день был отпразднован церковным парадом, на котором, опять-таки по обычаю, был в строю я. От каждой батареи было назначено по 12 рядов. На этот раз при нашей бригаде (6 батарей без гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) трубачей не было. На правом фланге парада 1 гвардейской пехотной дивизии стоял один небольшой хор музыки лейб-гвардии Егерского полка. Парад принимал командир лейб-гвардии Егерского полка генерал-майор Яблочкин, а командовал парадом капитан того же полка – Москов. Нашей бригадой командовал полковник Погребняков. Молебен отслужили «на воздухе» перед церковью. Диакон вовремя многолетия врал немилосердно. Вместо «Александры Федоровны» он упомянул «Марию Александровну» (!!?) и затем вспомнил о «княжне» Марии Павловне, хотя последняя уже давно замужем за шведским принцем... После молебна генерал Яблочкин провозгласил 4 «ура», 1) за царя, 2) за именинницу, 3) за императрицу Александру Федоровну и 4) за наследника и всю царскую семью. В заключение мы прошли церемониальным маршем побатарейно.

25 июля – суббота.

Участвовал на маневре в качестве артиллерийского посредника при 3 сводной батарее артиллерийской бригады в составе военного времени (8 орудий щитовой артиллерии 1 его высочества батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады под командой полковника Аккермана). Выехал с 2 ординарцами в 8 часов утра на сборный пункт всех посредников и всего начальства Северного отряда – перекресток шоссе – Лигово – Красное и полотно железной дороги (за Павловской слободой). Старший артиллерийский посредник в нашем отряде генерал-майор Головачев (командир нашей бригады).

Отбой – ровно в 1 час дня. Разбора маневра, к сожалению, не было. Погода – превосходная.

27 июля – понедельник.

В 10 часов утра состоялось состязание гг. офицеров из револьверов, устроенное нашим спортивным обществом.

Так как я был на своих батарейных занятиях с 8 часов утра до 11 часов дня (стрельба из револьверов нижних чинов), то и не мог присутствовать на этом состязании. Вот результаты: 1-й приз взял, конечно, поручик фон Руммель (кв. 42), второй – поручик Перлик и 3-й – штабс-капитан Чернявский (кв. 136). Еще 2 офицера попали по 7 пуль: подпоручик Манакин (кв. 477) и подпоручик Нестеров (403). Остальные имели «промах»: полковник Вешняков, подпоручик Голубцов и подпоручик Тихонравов. Были, кроме жетонов, призы: серебряная пивная кружка (со стеклом) и 2 серебряные фляги. Я горячий противник этих «хамских» призов и вообще всяких «вещественных» призов. Нужно завести хорошие серебряные вещи (чары, жбаны, кубки, ковши и проч.) и на них вырезывать фамилии победителей, а самые вещи хранить в офицерском собрании. Такие «переходящие» призы несравненно более почетны и в гораздо большей степени отвечают представительству гвардейской части! В серьезном спортивном обществе – никто не нуждается в материальных поощрениях, а тем более в ультра-мещанских вещах...

29 июля – среда.

Утром распространилась неприятная новость: поручик Жиленков, занимаясь с отделением учебной команды стрельбой из револьверов, подстрелил нижнего чина лейб-гвардии Семеновского полка. К счастью, рана в ногу оказалась пустяшной, и солдат, вероятно, скоро выздоровеет. Уже на другой день утром командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов сам лично в бараке нашего командира генерала Головачева производил дознание и опрашивал поручика Жиленкова... «Жилкину» пока что обещана «казенная квартира».

(см. 17 июля.)

Прием 7 батареи лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады. Уже в 6 часов вечера я пошел во 2 эшелон бригады – посмотреть, как там все приготовлено и готовится для встречи дорогих гостей. Обед для нижних чинов устраивался попечением гг. командиров 3 и 5 батарей нашей бригады при ближайшем сотрудничестве подпоручиков Тарасова (3 батареи) и Неелова (5 батареи). Столовая 3–5 батарей (под общей крышей) уже была украшена материей и флагами. На столах было следующее угощение (на каждого): большой пирог с начинкой, бумажный пакет со всевозможными сладостями (1½ фун.), 1 бутылка пива, красное бессарабское вино по расчету 1 бутылка на 4 человека, свежие щи со сметаной и рисовая каша. Для каждого нижнего чина была отдельная чашка и ложка (металлическая), причем последнюю он мог взять с собой в подарок.

Главная аллея, ведущая от шоссе к столовой, также была украшена всевозможными флагами. Тут же, специально для этого дня, был поставлен калильный фонарь, который освещал бивак 1 его высочества батареи в Полтаве. Ровно в 7 часов 10 минут вечера пришла 7 батарея лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады и была встречена маршем гвардейской артиллерии, который сыграли наши трубачи, расположенные близ столовой. После марша гвардейской артиллерии трубачи тотчас сыграли наш мар[ш] (герцога Г. Мекленбургского)... увы, до сих пор еще не утвержденный. Гости-солдаты заняли места за столом. Среди них были и наши солдаты-фейерверкеры – по несколько человек от каждой батареи, игравшие роль хозяев. Вместе с 7 батареей прибыл ее командир полковник Скерский и офицеры этой батареи. Как только все заняли свои места, командир бригады генерал Головачев обратился к ним с речью, в которой напомнил солдатам, что 14 лет тому назад (в 1895 году) 7 батарея была сформирована из лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады, причем жребий пал на 5 батарею, из рядов которой пошел на формирование 7 батареи целиком 1-й взвод. Затем генерал Головачев приветствовал людей и выразил удовольствие – видеть их и принимать их в качестве дорогих гостей. В общем генерал Головачев сказал весьма гладко и хорошо. Отвечал полковник Скерский (командир 7 батареи лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады). Громко, содержательно, но, к сожалению, от волнения у него цифры не попадают на свои места, а потому прекрасная речь портится такими фразами, как «за славу 5 батареи лейб-гвардии 3 Артил. бригады» (вместо лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады) и т.д. После этих двух речей командир скомандовал: «трубачи на молитву», пропели молитву, затем «отбой», люди уселись, и наши хозяева-фейерверкеры начали разносить вкусные, горячие щи. Когда всем разлили, генерал Головачев скомандовал «встать» и провозгласил здравицу за государя императора, начав ненужным сравнением, что «мы только что по-

молились небесному отцу», а теперь «вспомним о земном отце». Трубачи заиграли гимн, а люди громко кричали «ура». Вовремя гимна в столовую прибыл командир 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады полковник Гартунг.

Официальная часть торжества этим кончилась, и нижние чины могли теперь спокойно предаться чревоугодию, которому вполне способствовало обильное и вкусное угощение. Во все время обеда непрерывно играли трубачи. В небольших антрактах слышна была своеобразная музыка любительского «трио» из гармониста, одного с бубнами и одного на самодельных, оригинальных цимбалах (все – нижние чины 5 батареи нашей бригады).

Около 9 часов вечера приехал начальник артиллерии генерал-лейтенант Потоцкий. Он прошел к столовой...

Нижние чины уже отобедали и стояли толпой, развлекаясь пеньем, разговорами, слушаньем граммофона и проч. Генерал Потоцкий вошел в «круг», поздоровался с ними и, обращаясь к ним с речью, высказал свое удовольствие, что, во-1), видит их, и во-2), что много наслышан о их прекрасном поведении и учении. После генерала Потоцкого последовал еще ряд тостов: генерала Головачева (за полковника Илькевича), полковника Илькевича за фельдфебеля лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады Громова и полковника Скерского, и, наконец, фельдфебель 7 батареи лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады (кстати сказать, бывший солдат 5 батареи лейб-гвардии 1 Артиллерийской бригады, в 1895 году он, будучи взводным фейерверкером 5 батареи нашей бригады, пошел вместе с 1-м взводом батареи в Варшаву) Громов сказал длинную, нескладную и витиеватую речь, которую закончил здоровьем «всех вождей русской армии» и во главе их «за государя императора».

В 9 часов вечера начался «съезд» офицеров 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады. Вот полный список наших гостей:

1) полковник Гартунг, 2) полковник Скерский, 3) полковник Федоров, 4) полковник Руднев, 5) капитан Трейчке, 6) штабс-капитан Третьяков, 7) штабс-капитан Горев, 8) штабс-капитан Бобрищев, 9) штабс-капитан Абрамовский, 10) поручик Чиж, 11) подпоручик Лавровский, 12) подпоручик Мурзин, 13) подпоручик Митрисевич (?), 14) подпоручик Гершельман.

Обед был организован попечением поручика Н. Н. Ушакова. Готовил наш старый повар А. Л. Николаев. 3 стола были накрыты в столовой 2 эшелона: 2 в самом помещении и 1 на балконе. В садике близ столовой был разбит наш шатер (тот, который мы брали с собой в Полтаву), и в нем была организована закуска. С началом обеда из этого шатра быстро убрали все столы, и в шатре разместились наши трубачи. Сзади столовой, близ кухни, был разбит еще один шатер и несколько палаток – для надобностей повара и служителей собрания. За обедом было произнесено 4 тоста: 1-й тост сказал генерал Головачев за гостей, 2-й – полковник Гартунг (за нас, – на этот раз Лев Федорович

сказал далеко не гладко и во всяком случае не блеснул какой-либо красивой фразой или удачно-оригинальной мыслью, вообще «Лев» был сегодня «не в ударе»), генерал Потоцкий (за лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 3 и за их «единение») и полковник Скерский на историческую тему о возникновении 7 батареи 3 бригады из 5 батареи 1 бригады. И на этот раз у полковника Скерского цифры не всегда удачно попадали на свои места, и точно так же, как и в столовой нижних чинов, его речь слишком изобиловала нужными сравнениями 5 батареи нашей бригады с «родительницей» и всей лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады – с «бабушкой». 5-й запоздалый тост был снова генерала Головачева – за «начальника всех трех бригад» – генерала Потоцкого. Обед закончился в начале первого часа ночи, и, встав из-за стола, гости моментально разъехались (некоторые «фендрики» на балконе уже раньше срока были увезены, так как успели «нализаться» до предела). Сигнал к «побегу» подал Л. Ф. Гартунг, и за ним последовали все его «подчиненные». Никакой «траншеи», никакой «чарочки» и проч. не было...

30 июля – четверг.

Сегодня я должен был ехать представителем от 1 его высочества батареи на парусную гонку СПб. речного яхт-клуба на наш переходящий кубок (в этом году гонка вместо обычного 29 июня состоялась 30 июля. Причина – полтавские торжества, на которых были и мы, и преображенцы). Но вчера вечером было получено экстренное приказание, что дивизионеры и старшие в каждом чине обер-офицеры приглашаются на богослужение 30 сего июля в высочайшем присутствии. Так как я старший в бригаде штабс-капитан, то это лестное приглашение касалось меня. Я отказался ехать на гонки и сдал кубок, жетон и дощечку на яхту поручику Курбатову, который и был сегодня нашим представителем. Утром сегодня получилось новое приказание: обедня в высочайшем присутствии отменяется. Я мог бы поспеть на гонку, но предпочел выспаться и, кроме того, решил поехать вечером на высочайший смотр гимнастики – к правдивому описанию которого я и перехожу.

В 4½ часа я и поручик Наркович поехали на извозчике на военное поле к Царскому Валику. Здесь уже были собраны 3 отдельные части: сводная часть из людей Гвардейского корпуса, весь лейб-гвардии Конно-гренадерский корпус и весь лейб-гвардии С.-Петербургский полк (из Варшавы) в походном снаряжении, со знаменем и проч. Ровно в 6 часов вечера показалась вереница роскошных автомобилей. Приехал государь с государынями и прочие «особы». Сперва показал «соколиную» гимнастику Гвардейский корпус. В каждой части впереди своей линии стоял офицер и проделывал те же упражнения, что и нижние чины. У нас в бригаде был поручик Жиленков. Вместо палок и ружей – офицеры манипулировали с отстегнутой от португепи шашкой. Кроме офицеров для каждой части был один офицер для всех сразу. Это – офицер лейб-гвардии

Стрелкового полка Соколов, стоявший на особом возвышении впереди всех: проделывал он все упражнения безукоризненно чисто. Конно-гренадерская гимнастика в общем вполне схожа с гимнастикой предыдущего номера. Но зато «петербуржцы» удивили всех. Во-1), они проделали все с ранцами и патронными сумками, во-2), впереди солдат стояли все офицеры и проделывали те же упражнения (впрочем, в большинстве – более легкие, чем наши), в-3), после «вольных» движений они показывали «балетные» или «феерические» фигуры, причем сигналы для перестроений подавались фанфарами... Зрелище было бесспорно красивое, но сердце сжималось от сознания всей бесполезности этих «кундштюков». Я слышал, как некоторые генералы говорили: «Интересно знать, сколько разведок и проч. съели эти упражнения!!» Это – святая истина. У нас в бригаде за 2 месяца курса учебной команды почти ничего не пройдено, так как все время «ухлопано» на «соколиные» упражнения под музыку, которыми «лукавые царедворцы» тешат царя, утаивая от него весь тот вред, какой вносят за собой эти «кондитерские» номера...

В 6¾ часов вечера вся эта гимнастика окончилась, и царь со свитой уехали. Холодный, насквозь пронизывающий дождь лил почти во все время смотра. Видимо, и природа плачет при виде того, как мы «используем» опыт «войны»!!

Несколько недель тому назад командир бригады генерал Головачев на словах сказал, что в конце июля он произведет экзамен всем хорам песенников в бригаде, стрелковом дивизионе и учебной команде и выдаст лучшим 3 приза (из своих средств): 1-й – 25 рублей, 2-й – 15 рублей и 3-й – 10 рублей. Большинство батарей приняли это к сведению и начали усиленно готовиться к экзамену. Особенно приналег 2-й эшелон. 3 и 5 батареи и учебная команда занимались почти ежедневно под руководством регента из воспитанников школы солдатских детей (канонира Игнатьева). Наша 1 его высочества батарея, в лице безучастного решительно ко всему полковника Мясоедова, совершенно пренебрегла предстоящим состязанием и совершенно к нему не готовилась. Наконец вчера стало известным, что состязание состоится 30 июля вечером. На обеде в лейб-гвардии 3 артиллерийской бригаде генерал Потоцкий передал генералу Головачеву 25 рублей и просил установить еще один приз. Таким образом вышло 4 приза (первые два по 25 рублей). Вчера же от 3 до 4 часов дня я собрал всех свободных от службы людей нашей батареи, сообщил им о предстоящем состязании и велел «про-репетить» те три песни (одну военную, одну народную и одну плясовую), кои полагалось петь по программе (по выбору самих батарей). Оказалось, что люди до сих пор не остановились на точной программе. Кто предлагает какую-то «Коробочку», кто «Сени-сени» с довольно сомнительными словами, и т.д. Я заявил, что теперь думать уже некогда, нужно окончательно

остановиться на каких-нибудь трех песнях и их прорепетить. Остановились на «Полтаве» («Было дело под Полтавой» – военная песнь), 2) «Что за песни, что за песни распевает наша Русь» (народная песня) и 3) «Во поле березынька стояла» (плясовая). Сегодня перед моим отъездом на военное поле (я остался за командующего батареей, так как капитан фон Энден уехал из Красного Села) я снова собрал всех свободных людей и приказал им окончательно пропеть «начисто» выбранные мной три песни. Пропели... Для большей «представительности» я поручил подпрапорщику Серегину достать у знакомых фельдфебелей Преображенского полка бунчук, что он (т.е. Серегин, а не бунчук) удачно и исполнил. С бунчуком, да с присвистом канонира Шпилевого – плясовая вышла совсем недурно! Кроме того, я дал совет нижним чинам, как нужно становиться для пенья (полукругом, а не сплошным кольцом), и велел фельдфебелю дать людям чистые гимнастические рубашки и рейтузы. Вот и вся наша «подготовка» к «экзамену»!..

Состязание началось в 7½ часов вечера. Судьями были командиры дивизионов и батарей (или временно командующие) и по одному офицеру от каждой батареи по назначению своих командиров. Кроме того, судьей был заведывающий учебной командой. От нашей 1 его высочества батареи судьями были: я (временно командующий батареей) и поручик Древинг. Собрались песенники на внутреннем плацу 5 батареи – в среднем эшелоне. Председателем комиссии был сам генерал Головачев, а делопроизводителем – бригадный адъютант штабс-капитан Фриде. Сперва вытянули жребий – в каком порядке петь. Наша батарея вытянула № 4. «Хороший номер!» – сказал подпрапорщик Бекадоров...

Нам были розданы листки для постановки баллов. Система – пятибалльная. За каждую из 3-х песен – свой балл. Сперва все батареи и учебная команда пропели по одной военной песне, затем все по одной народной и закончили плясовой с пляской... Не успел я прийти на плац, как мне сообщили, что нижние чины 1 его высочества батареи будут петь «народную песню» не «Что за песни...», а каких-то «Комариков»...

– Ну, бог с вами, – сказал я, – пойте, что хотите, лишь бы было хорошо!

Не буду подражать моему почтенному коллеге Тургеневу и описывать пенье всех батарей. Я не знаток хорового пенья, сужу о нем в общих чертах и смотрю на военных песенников с утилитарной точки зрения. Пенье должно быть «бодрящее», слова хорошие и ясные, вид у певцов должен быть «солдатский»: бравый и лихой. Боже избави, чтобы пенье смахивало на что-нибудь «фабричное» или «бурлацкое»... Мы – солдаты, и пенье должно быть специфически-солдатское! Исходя из этого, я ставил баллы строго, и если пенье не подходило под мою мерку – я ставил «0», чем разобидел глупого Пономаревского-Свидерского 1. Уже после первой песни, пропетой нашей 1 его величества батареей, я заметил то впечатление, какое

люди произвели на всех... Бодрый вид, дружное пенье всей батареи (мы вывели 49 человек – это максимум, не считая учебной команды, которая могла вывести всех людей без исключения), недурной запевала – старший писарь Сурин, правильное разделение хора по голосам, чистый полукруг, дающий возможность улавливать слушателям все звуки и проч. не могли пройти незамеченными и без должного одобрения. 2-я наша песня «Комарики» произвела неожиданный фурор. Смешные, безобидные слова вызвали веселый, неудержимый хохот всех присутствующих – офицеров и солдат. Многие помирали от смеху...

– «Песня достигла своей цели, – сказал я громко, все смеются!..»

Плясовая с бунчуком и откуда-то раздобытым бубном прошла блестяще...

Состязание кончилось, и штабс-капитан Фриде стал подсчитывать баллы. Наибольшее количество баллов получила 1 его высочества батарея – 215 баллов! Следующая за батареей учебная команда – 182 балла, т.е. на 33 балла меньше! 5 и 6 батареи получили баллы поровну и лишь на несколько баллов меньше учебной команды. Таким образом, 1 его высочества батарея по оценке полутора десятков беспристрастных судей оказалась буквально вне конкурса (я и поручик Древинг своей батарее баллов не ставили). Мы получили, таким образом, 1-й приз генерала Потоцкого – 25 рублей, кои должны быть израсходованы на покупку музыкальных инструментов для хора песенников. Нечего и говорить, что я был в восторге. Состязание это показало, во-1), что наша 1 его высочества батарея всегда умела петь, и притом поет вся батарея, а не маленький хор «певчих», что с военной точки зрения именно и важно. Репертуар наших песен громадный, и почти все песни поются одинаково хорошо, так как «Комарики» были выбраны буквально за час, много два, до начала состязания. Во-2), это состязание лишний раз показало выправку и дисциплину нашей батареи, вызвавшие искреннее восхищение у многих офицеров (например, штабс-капитан Рейнталь). Итак: 1-й приз взяли мы, 2-й – учебная команда, 3-й – 5 батарея и 4-й – 6 батарея. Могу еще прибавить, что хуже всех, позорно плохо пела 1 стрелковая батарея. Очень неважно пела и 3 батарея, несмотря на усиленную подготовку. Кроме того, 3 батарея вывела уж слишком незначительное количество «песенников»... По окончании состязания генерал Головачев объявил всем хорам результат состязания, поблагодарил всех песенников и велел выдать им на его счет по 1 фунту ситного.

31 июля – пятница.

Участвовал на ночном маневре в качестве артиллерийского посредника. В 10 часов утра я, мои ординарцы – фейерверкер из воль[н]оопределяющихся Никитин и взводный фейерверкер Кутольвас – и подвода с вещами, фуражом и проч. выехали из нашего эшелона в 3-й, где ко мне присоединил-

ся полковник Погребняков (старший артиллерийский посредник) со своими ординарцами и телефонной двуколкой. В 10¾ часов мы выехали из 3 эшелона на д. Хеймози, куда и прибыли в 12 часов 15 минут дня (вместо 12 часов, как было приказано). Но оказалось, что мы прибыли еще слишком рано. На сборном пункте не было ни начальника отряда, ни старшего посредника... В общем, мы – посредники – бесцельно проболтались до 6 часов вечера. Не больше часу заняло у нас ознакомление с задачей, а остальное время мы просидели в шатре-столовой 22-й артиллерийской бригады, где нас угостили обедом. Я назначен посредником при 2-й сводной батарее этой бригады, а подпоручик Тихобразов – при 1-й. В 6 часов 10 минут мы снялись с бивака, и через полчаса обе батареи встали на закрытую позицию у д. Капорской. Дождь уже давно лил, но к этому времени он сделался нестерпимо сильным, холодным и резким и окончательно безнадежным – в смысле своего прекращения. Тем не менее, пришлось простоять под этим дождем и по щиколо[т] ку в грязи и воде вплоть до 1 часу ночи, когда, наконец, мы услышали «отбой». Ах эти ночные бои и маневры! Знает ли начальство, разъезжающее в моторах и тройках, что терпят войска, когда в двух шагах ровно ничего не видно, когда под ногами или болото, или невылазная грязь, а на теле уже давно нет ни одной сухой нитки... Я не спорю против не[о]бходимости – приносить в жертву богу войны человеческие жизни и их здоровье (в эту ночь я нажил страшный насморк и бронхит), но надо же войти в шкуру «строевого» офицера и солдата и не смешивать их с квази-военными людьми, бродящими по Невскому проспекту или Летнему саду в резиновых калошах, а ночью спокойно спящих в теплых постелях. А у нас не только смешивают «настоящих» офицеров с «ненастоящими», но еще дают все преимущества именно «ненастоящим». «А суточные лагерные деньги!» – воскликнет негодующий генерал-чиновник, сидя в кресле у камина. Да, ваше превосходительство! Я получаю 30 рублей сверх того, что получает нестроевой офицер. Но на эти деньги я уже купил: призмальный бинокль в 55 рублей, полевую сумку, карты, планшет, компас и проч., новое оголовье к высочайшему смотру с датским королем, непромокаемые сапоги, теплые подштанники, шведскую куртку, десяток новых уставов и книг, попону для верховой лошади, электрический фонарь, десяток полевых книжек, непромокаемый плащ, походную кровать и проч. и проч. За это же время я сносил пару рейтуз, 3 кителя, уйму перчаток, пару сапог, 2 фуражки и т. д. и т. д. Знакомы вам эти расходы, г-да чиновники в военных погонах?... А представительство? Высочайшие парады и обеды, смотры, празднества, подношения и проч.?

Домой с маневра я вернулся около 3½ часов ночи...

2 августа – воскресенье.

С 9 часов утра – дежурный по бригаде.

3 августа – понедельник.

Снова ночной маневр... На этот раз я был в строю 1 его высочества батареи, старшим офицером, командиром 1 полубатареи. С нами вместе в составе 1 дивизиона была и 2 батарея под командой капитана Альтфатера. Наша батарея была под командой капитана фон Эндена. Выступили в 1 час 30 минут дня по Царскосельскому шоссе и в 5 часов дня остановились на биваке у ст. Александровка по Варшавской ж[елезной] д[ороге]. Около 8 часов вечера я получил приказание – вместе со своей полубатареей войти в состав авангарда и поступить в распоряжение полковника лейб-гвардии Измайловского полка Никифораки. Командиром 2 взвода был у меня подпоручик 3 батареи Тарасов. Я выбрал позицию между д. Сузи и д. Большое Викколово. На этом маневре с обеих сторон были прожектора. Наш начальник отряда – генерал Николенко (сапер) – оказался форменной «жопой». Вместо 6 часов сторожевое охранение стали выставлять лишь в 8 часов вечера. Диспозиция вовремя готова не была, рекогносцировки местности не было, связи никакой не было... Вообще маневр оказался для меня поучительным по своим отрицательным примерам... В этом отношении маневр оказался полной противоположностью ночного маневра 31 июля (см. 31 июля), на котором я кое-чему научился, так как армейская пехота и 22 артиллерийская бригада действовали прекрасно. Противным отрядом (сегодня) командовал наш командир бригады генерал-майор Головачев. На этом маневре я впервые видел прекрасные приборы Микулина для ночной сигнализации по системе Морзе. Отбой был дан в 12½ часов ночи. Вернулись домой около 3 часов ночи. Погода днем – прекрасная. Ночью – неизменный холод и сырой, насквозь пронизывающий воздух. Густой туман и адская сырость... Ночью мы узнали печальную новость: вернулся из неофициального отпуска наш командир батареи полковник Мясоедов (см. 21 июля).

4 августа – вторник.

По случаю предстоящего 6 августа высочайшего парада – от 3 – 4 часов дня бригада (без гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона) производила репетицию церемониального марша у церкви 1 гвардейской пехотной дивизии. Я – в строю 1 его высочества батареи командиром полубатареи.

5 августа – среда.

Ровно в 6 часов утра я повел нашу 1 его высочества батарею на вокзал Красного Села для следования в г. Гатчино. К 6½ часам утра туда же прибыли в пешем строю: 2 батарея бригады, 3 батарея, 2 стрелковая батарея и оставшиеся от маневров люди 4, 5 и 6 батарей. Начальником эшелона был вр. командующий 2 батареей капитан Альтфатер. Кроме меня, офицеры: 3 батареи под-

поручик Тарасов и 2 стрелковой батареи подпоручик Тихонравов. Воинский поезд был уже совсем готов и состоял из вагонов 4 класса для нижних чинов (те самые, в которых наши люди ездили в Полтаву) и одного вагона 2 класса для офицеров. В одной половине вагона поместились мы, а в другой – сверхсрочнослужащие нижние чины – фельдфебеля. В 7½ часов поезд тронулся, и в 8¼ часов утра мы подошли к станции Гатчино. Здесь мы построились в общую колонну и, имея во главе хор трубачей, двинулись на противоположный конец города – к казармам 23 артиллерийской бригады, куда и прибыли в 9 часов утра. Для 1, 2, 3, 2 стрелковой батарей и хора трубачей были отведены помещения 3 и 5 батарей 23 артиллерийской бригады, а команды 4, 5 и 6 батарей отправились на бивак маневрирующего 2-го дивизиона бригады, расположенный на военном поле близ Балтийского вокзала. Нам, офицерам, отведено было помещение в Управлении 23 артиллерийской бригады.

В 12 часов 40 минут мы выступили из казарм на общую репетицию парада, назначенную в 2 часа дня. К этому времени уже прибыли в Гатчино все начальство и все офицеры 1 дивизиона и 2 стрелковой батареи, кои завтра участвуют в параде. Парад «репетил» командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов. Долго, вплоть до 3 часов дня, он все выравнивал построение фасов и делал различные ненужные и глупые замечания и затянул репетицию до 4 часов 40 минут дня. Лишь к 5 часам 30 минут дня мы вернулись в казармы 23 артиллерийской бригады.

Большинство офицеров, в том числе и я, «питались» на Варшавском вокзале. Вечером попали в здешний кинематограф, оказавшийся весьма недурным и битком набитым офицерами Гвардейского корпуса, кои вели себя весьма непринужденно и шумно...

6 августа – четверг.

Гатчина – моя родина. Я родился в ней 18 сентября 1877 года, в год войны, когда мой покойный отец командовал 6 батареей 24 артиллерийской бригады и вместе с бригадой находился на театре военных действий... В Гатчине я провел мои детские годы вплоть до 5–6-летнего возраста и с тех пор в ней не был. Но я был прямо поражен, как в моей памяти с необычайною ясностью восстанавливались многочисленные мелкие факты, связанные с тем или другим зданием или местом родного города. Собор, колонна, мосты, ограда, дома – казались такими знакомыми, близкими, как будто я на них смотрел часто – не далее как в этом году... А я на них смотрел своими детскими глазами четверть века тому назад!!..

В 8¼ часов утра 1 дивизион и 2 стрелковая батарея двинулись из казарм 23 артиллерийской бригады по проспекту императора Павла 1, направляясь к месту парада. В строю нашей батареи были: в 1 взводе капитан фон Энден, во

2-м – поручик Наркович (ночевал эту ночь в Красном Селе и приехал утром сегодня), в 3-м – я и в 4-м поручик Древинг (ночевал на биваке 2 дивизиона и присоединился к нам на поле). Погода дивная: солнечная и умеренно теплая. За бригадного адъютанта был поручик Ушаков, а за дивизионного адъютанта подпоручик Манакин. Так как генерал Потоцкий командовал всем парадом, то за начальника артиллерии Гвардейского ко[р]пуса был командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майор Лехович. На параде участвовала почти вся гвардейская артиллерия, включая 3-й дивизион лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады и исключая 1, 2 и 6 батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады и нашу 1 стрелковую батарею, маневрирующую где-то далеко от Гатчины. В ожидании государя, как водится, обходили и здоровались начальствующие лица. Командир корпуса, дойдя до нашей линии, поздоровался с «молодцами-батарейцами 1-й бригады», а затем начал громко: «Поздравляю вас с вашим бригад... пр...», но осекся и громко спросил: «Впрочем, не бригадным, а как там у вас называется» – и поправился: «С праздником всей гвардейской артиллерии!» Я не очень обвиняю г-на Данилова. Несомненно, он мог и должен знать – кто и что празднует, но, с другой стороны, нельзя не сознаться, что у нас в артиллерии все как-то не «по-людски». У всех праздник частей, а у нас или «батарейные», или уж какие-то «всероссийские». Давно пора покончить с этой нелепой организацией.

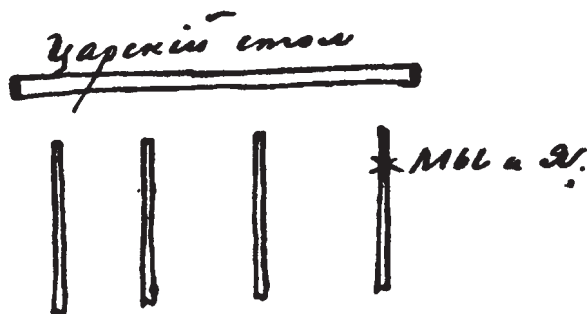
Парад начался без нескольких минут в 11 часов утра. Государь был неизменно в преображенской форме с только что утвержденным новым нагрудным знаком Преображенского полка (Андреевский крест, головкинский проект знака за Полтаву). Парад протек в общем обычно. Необходимо отметить следующие характерные особенности. Во-1), мы проходили не по полубатарейно, как бы то, по-моему, следовало (пехота проходила поротно), а побатарейно. От этого наша линия фронта вышла непомерно длинной и, без сомнения, затруднила нашу задачу – хорошо пройти мимо державного шефа церемониальным маршем. Несмотря на горячие протесты нашего артиллерийского начальства, командир Гвардейского корпуса упрямо настоял на своем и заставил нас пройти побатарейно. К счастью, по отзыву всех видевших, вся гвардейская пешая артиллерия прошла образцово... выше всяких похвал!.. Но вышел «казус». Государь пропустил нашу батарею мимо себя и не поблагодарил, так как думал, что это только 1 полубатарея (государь обычно благодарит обе полубатареи вместе), потом, увидев вторую батарею без вензелей, государь спохватился и спросил: «Какая это батарея? Разве проходят не по полубатарейно?» Все это – мелочи, но весьма характерные: у нас не любят, не знают и не уважают устава. Всякий начальник придумывает свой устав и импровизирует каждый новый смотр, парад и проч. Генерал-адъютант Данилов идет в этом отношении во главе. Ему приписывают фразу, сказанную им после того, как кто-то указал ему на устав... «Какой там

установ!!!» Во-2), не было пробного стола как мебели, а на середину построения (после парада) вышли 2 фельдфебеля шефских частей: т.е. фельдфебель преображенцев и фельдфебель 1 батареи нашей бригады Бекадоров. Преображенец подал на блюде царю жбан с вином и чаркой, а Бекадоров хлеб-соль. Наше блюдо – деревянное, резное. Его купил наш бригадный квартирмейстер поручик Алексеев всего лишь накануне, так как накануне лишь было решено проделать этот номер, кстати сказать, пропущенный в описании парада и в «[Русском] инвалиде», и в «Новом времени». Солонка – тоже деревянная, резная в русском стиле. Что касается букетов высочайшим особам, то в этом году я не принимал в заказе их никакого участия. Все сделал поручик Алексеев. От имени гвардейской артиллерии было заказано 5 букетов по 40 и по 25 рублей с бархатными лентами, но без всяких дорогих шитий. Из числа этих букетов поднесены были на параде только 2: королеве эллинов Ольге (поднес полковник Илькевич) и великой княжне Анастасии Николаевне (поднес офицер лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады). Остальные три букета отправлены отсутствовавшим на параде: императрице Александре Федоровне и двум старшим дочерям государя (Ольге и Татьяне).

Весь парад закончили в 12½ часов дня. Нам пришлось немного подождать, пока государь говорил речь вновь произведенным сегодня в офицеры юнкерам, а затем на придворных линейках мы поехали на площадку Гатчинского дворца, где 3 дивных, громадных шатра, составленных вместе, образовали великолепное помещение для высочайшего обеда.

Несмотря на огромное количество приглашенных к столу, места для обер-офицеров нашей бригады были одни из самых лучших (штаб-офицеры сидели за царским столом).

Вот чертеж:

Обед начался в 1¼ час[ов] дня. Среди присутствующих можно было видеть английского офицера Гамильтона – автора известной книги о Японской войне. Тост был единственный: государь выпил за «Славу и процветание частей, празднующих свой праздник» с обычной прибавкой: «за ваше здоровье, господа». Преображенский хор музыки сыграл: Преображенский марш,

марш С.-Петербургского полка и марш самарцев, а наши трубачи сыграли марш гвардейской пешей артиллерии. Марш гвардейской конной артиллерии сыгран не был, так как государь поторопился сесть. Кстати сказать, наши трубачи играли за обедом весьма недурно, и генерал Головачев дал от себя солистам по 5 рублей (трубачу Плосскому и др.). По окончании обеда все перешли «на воздух» на площадку у самого дворца и стали группироваться по «частям» для обычных «разговоров» с государем. Окончательно встали так:

Сперва офицеры лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 2 артиллерийских бригад перемешались все в общую кучу. Полковники лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады преспокойно встали на самый правый фланг (Сиверс, Беляев, Фуфаевский), но затем, к счастью, их попросили отмежеваться и всем встать на свои места. Лишь один генерал Лехович, как и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса, остался на нашем правом фланге. Государь начал разговор с петербуржцев, затем перешел к нам и беседовал с генералами Потоцким, Леховичем и Головачевым.

Государь был в очень хорошем настроении духа, шутил, смеялся и, по времени, простоял с нами едва ли не больше всех. За эту «беседу» было сделано большое дело.

Командир бригады доложил государю, что он подает рапорт о том, чтобы в бригадах установить отдельные бригадные праздники вместо теперешних «батареиных» и «гвардейской артиллерии», так как только такой нормальный порядок позволит всем бригадам в равной степени иметь счастье – участвовать на высочайших парадах (сегодня, например, не было 1 стрелковой батареи, а в прежние годы зачастую был на параде один дивизион нашей бригады, а иногда и одна 1 его высочества батарея). Прибавлю от себя, что ТОЛЬКО при установлении бригадных праздников мы достигнем полного единения ВСЕЙ бригады, получим возможность иметь постоянную связь со старослужащими, а кроме того, получим надежду чаще видеть царя в нашей форме, сниматься в общей с царем группе и т.д. Государь император вполне согласился с доводами командиров бригад и заявил, чтобы «подавали рапорт...». Когда вопрос этот (по-моему, величайшей важности) будет близок к своему разрешению, я постараюсь дать подробную его историю, так как в обсуждении его я всегда принимал самое горячее уча-

стие... Когда государь отошел к другим частям – генерал Головачев начал озабочиваться судьбой нашего офицера поручика Жиленкова (см. 29 июля), который третьего дня был посажен на 10 суток на гауптвахту за неосторожную стрельбу из револьверов взвода учебной команды. Дело в том, что генерал-адъютант Данилов уже давно обещал просить 6 августа – освободить «узника». Теперь генерал Головачев напомнил об этом г. Данилову, тот передал великому князю Николаю Николаевичу, и через несколько минут последовала «амнистия». В тот же день генерал-адъютант Данилов поехал в Красное Село и сам лично выпустил поручика Жиленкова из-под ареста, сказав при этом: «Государь император поз[д]равляет вас с праздником, собирайте ваши вещи!» И Жилкин уже вечером сегодняшнего дня прикатил на гатчинский бивак 2 дивизиона, где, по-видимому, изрядно спрыснул свое освобождение... Еще утром вся наша батарея получила приглашение на обед в Преображенский полк. Я хотел уклониться от этой чести, но получил настойчивое приказание командира батареи – быть на этом обеде.

Обед состоялся в шатре Преображенского полка, установленном в большом манеже Кирасирского ее величества полка. На обеде были: генерал-лейтенант Потоцкий, генерал-майор Головачев, генерал-майор Лехович, полковник Мясоедов, капитан фон Энден, я, поручики Ушаков, Наркович, Древинг и подпоручик Манакин. Из высочайших особ были: великие князья Николай Николаевич и Константин Константинович.

Закусывать начали ровно в 7 часов вечера. За обедом после тоста «за родных бомбардиров» отвечал генерал-лейтенант Потоцкий «от имени всей гвардейской артиллерии» за «первейшую гвардию – преображенцев». После обеда началась «траншея». Я принимал в ней минимальное участие и «передергивал» в нужную минуту, подливая в шампанское нарзан. Преображенские номера, в общем, схожи с нашими. Те же «Чарочка», «Солдат-солдат» и т. д. За кого пьют – те выходят на середину, выстраиваются в одну шеренгу, выпивают бокалы до дна и уходят на свое место. Великий князь Николай Николаевич пьет положительно без меры, но держится крепко. В общем, к 10 часам все были в солидных градусах. Наши не отставали: генерал Головачев, полковник Мясоедов и др. были несомненно пьяны. Тем не менее в 11 часов мы энергично выпили «последний» бокал и разошлись. Я вместе с поручиком Нарковичем сел на 11-часовой поезд и уехал в Красное Село, так как не участвую вовсе на подвижном сборе и буду жить в лагерях.

На другой день я узнал про дальнейшие подвиги наших командиров. Генерал Головачев «проследовал» на бивак и там продолжал пить, плясал и пел, говорил патриотические речи людям и пр. ... в общем, до 3 часов ночи. Что касается полковника Мясоедова, то этот франт где-то пропадал до следующего дня и объявился, наконец, с разбитой и расцарапанной рожей. По его словам, он сидел у преображенцев «до конца» (часов до 6 утра), а потом «больше ни-

чего не помнит». Воображаю, где он был и что делал!!!! Но драма заключается в том, что г. Мясоедов в пьяном виде (а пьян он уже после 5 рюмок) говорит всегда невероятный вздор, бахвалится, как Хлестаков, и врет, как сивый мерин. Пьяным языком он рассказывает обыкновенно, что он «побил вчера морду генералу Потоцкому», «перевернул вверх ногами генерала Головачева», «не подал руки Сергею Михайловичу» и т. д. Затем он хвастается, что «подтянул батарею», держит в руках «всех офицеров», и мимоходом замечает, что его офицеры «дрянь», ругательски ругает всех и вся и пр. и проч. Я сам десятки раз слышал эти его гнусные разглагольствования и могу себе представить, сколь он уронил себя в глазах посторонних, а также и нашу бедную батарею, в рядах которой служит этот полусума[с]шедший алкоголик и неврастеник! На другой день, не заезжая на бивак, полковник Мясоедов подал рапорт о болезни и преспокойно укатил в Петербург. Я понимаю: с «мордой», сплошь заклеенной пластырями, показываться совестно, но и заболеть и уклониться от маневров (г. Мясоедов назначен на все маневры старшим посредником) по причине безудержного пьянства – тоже должно быть совестно.

13 августа – четверг.

Неожиданно, одним днем раньше, дан был сегодня «отбой», и поздно вечером маневрирующие войска, а в том числе и наш 2 дивизион бригады, вернулись в Красное Село.

14 августа – пятница.

Утром, около 9 часов, ко мне в барак постучался капитан Альтфатер и объявил, что я назначен депутатом на похороны умершего бывшего офицера бригады отставного генерал-лейтенанта Дельсаля. О смерти Владимира Петровича мне только что сообщил капитан фон Энден, прочитавший объявление в «Новом времени». Старшим членом депутации назначен полковник фон Цур-Милен, но так как его, по обыкновению, в лагерях не оказалось, то ему дали знать по телефону в С.-Петербург. Наскоро облачившись в лагерную парадную форму, я и капитан Альтфатер поехали на вокзал и с поездом 9 часов 55 минут утра покатили в Питер – в Новодевичий монастырь...

Генерала Дельсаля я застал в 1898 году – в год моего выхода из училища в бригаду – командиром 1 дивизиона нашей бригады. Это был тип старого начальника: грубоватый, глуповатый, хамоватый и вообще ни к черту не годный. Он ничего не знал, дела не делал, да и не умел его делать, и все свое призвание не на шутку понимал в том смысле, что нужно «подтягивать» молодежь и «цукать» солдат. Да иск[л]ючительно за пустяки. Меня, например, он с места цукнул за то, что я с ним разговаривал в пенсне (!!!?). Очевидно, такого осла в наше время уже не сыскать... Когда г. Дельсаль поверял знания наводчиков, то все сводилось к тому, у какой батареи лучше вычищены на

шинелях пуговицы. Смотр «молодых солдат» состоял, главным образом, в осмотре портянок. Мир твоему праху, старый начальник! Ты не ведал, что творил, и в душе ты глубоко был убежден, что свято исполняешь свой долг!!..

К воротам Новодевичьего кладбища я и капитан Альтфатер подъехали на трамвае, как раз в тот момент, когда дроги с прахом покойного нашего сослуживца в них заворачивали. С нами вместе приехали также 3 нижних чина 5 батареи нашей бригады. Это депутаты, так как Дельсаль командовал 5 батареей нашей бригады. Тут же мы застали и полковника фон Цур-Милена, и таким образом вся наша маленькая депутация была в сборе. Никого больше из бригады не было. Не было венка. Все это легко объясняется тем, что объявление о смерти Дельсаля напечатали только сегодня, и, конечно, никто и ничего к сроку поспеть не могло... Пока шло длинное и скучное отпевание, я пошел бродить по кладбищу. Сознаюсь, что я делаю это здесь впервые, а потому не удивительно, что я впервые увидел несколько весьма достопримечательных памятников, поставленных на могилах не менее достопримечательных людей... Вот оригинальный памятник известному герою Бакланову. Я не нахожу его красивым, а главное, для широкой публики – слишком неясно – кому именно поставлена эта скала с буркой, папахой и знаменитым Баклановским знаком... Недурен памятник актеру Самойлову, и весьма заботливо содержится памятник известному доктору Сергею Петровичу Боткину. А вот и два памятника, имеющих отношение к нашей бригаде: во-1), небольшой мраморный крест «командиру лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады Свиты его величества генерал-майору Стрижевскому»; за крестом, в футляре, висит венок от офицеров бригады. Какой простенький и даже невзрачный – сравнительно с теми, какие мы заказываем теперь!.. Да! В смысле роскоши и представительности наша бригада шагнула вперед гигантскими шагами! Во-2), небольшая усыпальница графа Баранцова – бывшего шефа 2 батареи нашей бригады. У самых входных ворот стоит прекрасный памятник Некрасову. Уже издали я узнал знакомый мне профиль поэта-гражданина.. «Сейте разумное...» – написано на памятнике. По углам памятника оригинальные венки, составляющие с ним одно целое. Венок от казанских студентов, от «русских женщин»... К концу заупокойной обедни и началу панихиды мы вернулись в церковь... Присутствующих наперечет: вдова и дочь покойного, несколько дам, генерал Дельсаль – командир лейб-гвардии 2 Стрелкового батальона (племянник покойного), камергер Ренненкампф и военный врач, вот и все... Так кончилась его сорокалетняя служба!!..

15 августа – суббота.

Приказ по бригаде № 216, п. 11:

«Штаб округа предписанием с. г. за № 15431 уведомил, что осенью текущего года будет произведена военно-повозочная перепись в Петербургской губернии. Для производства переписи от бригады назначаю штабс-ка-

питанов Савонько и фон Рейнгарда 1. Копии с предписания штаба округа в батарее для сведения при сем препровождаются. Инструкции и проекты наставления для производства переписи штабс-капитанам Савонько и фон Ренгарду 1 будут высланы дополнительно.

п. 12

Заведывающим артелью нижних чинов назначаю штабс-капитана Савонько, которому принять от поручика Ушакова по описи имущество артели нижних чинов бригады.

О сдаче и приеме мне донести.

п. 13

Штабс-капитану Савонько открыть бригадную солдатскую лавку 19 сего августа. Батареем назначить расторопных и вполне надежных нижних чинов: буфетчиком от 1 стрелковой батареи, а его помощником одного от 2 стрелковой батареи.

Означенным нижним чинам явиться штабс-капитану Савонько 18 сего августа в 11 часов утра в помещение солдатской лавки. О назначенных нижних чинах мне донести».

Командир бригады генерал-майор Головачев.

17 августа – понедельник.

Приказ по бригаде № 218:

«Объявление

20 июня с.г. ВЫСОЧАЙШЕ утвержден нагрудный знак лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады для ношения на левой стороне груди всем гг. офицерам и нижним чинам, носившим и носящим мундир бригады. Мастер Львов (улица Гоголя, д. № 19, кв. 9, во дворе) по соглашению с бригадой изготавливает знаки (бронзовый крест и серебряный щит) по цене 1) 4 рубля за офицерский знак и 2) 30 копеек за солдатский знак. Образец знака можно видеть у заведывающего бригадным музеем штабс-капитана Савонько. О времени, когда означенный знак можно будет начать носить, будет объявлено дополнительно. Заказывать же знаки следует теперь же».

У нас в эшелоне (1-м) вовремя обеда (12 часов дня) был произведенный 13 августа бывший вольноопределяющийся 1 его высочества батареи Никитин. Никитин вышел в 22 артиллерийскую бригаду и уже прикомандирован к 6 батарее нашей бригады. По сему случаю офицеры 1 его высочества батареи «выставили» 2 бутылки шампанского, и полковник фон Цур-Милен провозгласил здоровье в «цветистых» выражениях. Подпоручик Никитин выпил наше здоровье.

Днем принял хозяйство в 1 его высочества батарею от заведывающего хозяйством капитана фон Эндена, уезжающего в месячный отпуск.

В 3 часа дня отправил свои вещи в С.-Петербург, а сам окончательно покинул лагерь и переехал в Петербург с поездом 11 часов 35 минут вечера. Наш 1 дивизион завтра возвращается в город, а я должен в СПб. принимать артель (см. 15 августа), устраивать музей и проч.

21 августа – пятница.

В 11 часов утра в Сергиевском всей артиллерии соборе в присутствии всех офицеров бригады (без гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона, который до 25 числа в лагерях) состоялась панихида по бывшем офицере бригады отставном генерал-лейтенанте Дельсаль (см. 14 августа). Вчера особая депутация (полковник Мясоедов) возложила на его могилу венок от бригады. На панихиде были: вдова и дочери покойного, генерал-майор Дельсаль (племянник покойного), камергер Ренненкампф, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Шульман, начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Кузьмин-Караваев, полковник Гартунг (командир 3 дивизиона лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады).

22 августа – суббота.

Умерла старуха-мать нашего бывшего офицера полковника Петрушевского, ныне командира 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Сегодня в 9½ часов утра тело ее было перевезено на Николаевский вокзал – платформу № 8 – из Кисловодска. На вокзале были: я и полковник Гартунг (командир 3 дивизиона лейб-гвардии артиллерийской бригады). Мы возложили венок из живых цветов с лентами (1) «глубокоуважаемой Ю. И. Петрушевской», 2) «друзья сына»). Венок заказал я – за 14 рублей; участвовали в нем 7 человек нашей бригады, кои в свое время пользовались его гостеприимством, бывая на его холостых ужинах (1) я, 2) полковник Гартунг, 3) капитан Альтфатер, 4) штабс-капитан Шанявский, 5) поручик Ушаков, 6) поручик Курбатов и 7) поручик Снигиревский). Похоронили г-жу Петрушевскую на Новодевичьем кладбище. Весь путь до него прошли пешком я и полковник Гартунг. На Невском к нам присоединился штабс-капитан Шанявский, а близ Технологического – поручик Курбатов. К панихиде прибыли: полковники Илькевич, Погребняков, Вешняков, капитан Чуйкевич с супругой, капитан Альтфатер, поручик Снигиревский, Ушаков, подпоручик Фалеев. Была г-жа Потоцкая – супруга начальника артиллерии Гвардейского корпуса. Из офицеров лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады было значительно меньше: полковник Гладков, капитан Куликовский, штабс-капитан Пароменский, подпоручик Иелита-фон Вольский.

Как и прошлый раз (см. 14 августа), длинная служба позволила мне снова побродить по кладбищу, и я покончил свое знакомство с его наибо-

лее замечательными памятниками. Прекрасная беломраморная усыпальница Плеве – свирепого министра внутренних дел, очень хороший памятник Аполлону Николаевичу Майкову, ограда из пушек на могиле генерала Канищева, бывшего начальника артиллерии Гвардейского корпуса, при котором я начал свою службу в бригаде.

Вечером я и Ушаков были на открытии кинематографа «Royal Star», перешедшего в этом сезоне в залу «Пассажа».

23 августа – воскресенье.

Днем осматривал довольно подробно «Российско-шведскую выставку спорта» – в Михайловском манеже.

27 августа – четверг.

Большой «парламентский» день для меня и... для полковника Мясоеда. На общем собрании гг. офицеров – в суд общества офицеров 16 головами выбран я и «провален» полковник Мясоедов, выбранный в суд, по непонятному для меня недоразумению, в прошлом году... Ошибка, наконец, исправлена, и «негодный» с позором изгнан!..

29 августа – суббота.

Приказ по бригаде № 230, п. 7:

«Вследствие приказа по 1 гвардейской пехотной дивизии от 22 сего августа за № 125 объявляю, что полевая поездка со строевыми офицерами назначена с 5 по 15 августа сего года (?? 5 и 15 сентября?). Руководство поездкой возложено на генерал-майора Зайончковского.

В состав участников поездки войдут: генерал-майор Яблочкин, полковник фон Эттер и не менее 2-х штаб- и 4-х обер-офицеров от каждого полка и артиллерийской бригады. От вверенной мне бригады в полевую поездку мною назначаются: полковник[и] Вешняков и Мясоедов, капитан Альфатер и штабс-капитаны Савонько, Есимонтовский и Рейнталь».

Командир бригады генерал-майор Головачев.

Заведывание батарейным хозяйством, солдатская артель, музей, полевая поездка и военно-повозочная перепись!!!! И все в один месяц одновременно! «Немножко много».

30 августа – воскресенье.

Утром между 9 и 10 часами меня вызвал по телефону командир бригады генерал-майор Головачев к себе на квартиру. Там он мне сообщил, что он получил приглашение прислать депутацию от бригады в г. Фридрихсгам (Финляндия) для присутствования на открытии памятника в память 100-ле-

тия со дня присоединения Финляндии к России. Число депутатов ограничено тремя офицерами, и генерал предполагает, во-1), поехать самому, затем назначить одного штаб-офицера, а из обер-офицеров наметил меня. Я, конечно, с удовольствием согласился на такую интересную командировку, но... (проклятое «но»!!). А моя полевая поездка!? (см. 29 августа). Чуть не половина офицеров в отпуску, старших офицеров нет, моя «п[о]левая» поездка неизбежна, и Фридрихсгамские торжества мне улыбнулись!.. А жаль!!!

Приказ по бригаде № 231, п. 10:

«Председатель общего собрания гг. офицеров бригады и стрелкового дивизиона полковник фон Цур-Милен рапортом от 27 сего августа за № 130 донес, что на состоявшемся 27 сего августа, согласно п. 6 приказа по бригаде с. г. за № 223 общем собрании в состав суда общества офицеров избраны: полковники: Илькевич, Пономаревский-Свидерский 1, Вешняков, Пономаревский-Свидерский 2, капитаны Альтфатер и Гирш и штабс-капитан Савонько. Утверждая означенный выбор, предписываю полковнику Илькевичу, как старшему, быть председательствующим, а капитану Гиршу и штабс-капитану Савонько, как младшим в чинах, быть кандидатами».

Генерал-майор Головачев.

Тут, конечно, вкрались обычные «шутки» Управления бригады. Младшие в чинах я и Альтфатер, а отнюдь не Гирш; завтра, очевидно, появится столь обычное «вкралась опечатка». А на самом деле – небрежное редактирование приказов и, в данном случае, плохое знание офицеров.

31 августа – понедельник.

По случаю моего предстоящего отъезда на полевую поездку (см. 29 августа) сдал, согласно экстренного приказа по бригаде, бригадную артель подпоручику Шмидту. Батарейным хозяйством продолжаю заведывать.

6 сентября – воскресенье.

Сегодня окончательно готово (правда, вчерне) новое большое помещение для нашего бригадного музея, куда я и перетащил сегодня все шкапы, вещи, витрины и проч., сложенные до сего времени в гостиной (ныне картонная комната). Для музея, следовательно, наступила новая эра. Он может значительно расширяться, так как вместо одной небольшой комнаты он состоит теперь из двух комнат, из которых новая комната – вдвое больше старой. В 1-й комнате будут собраны те вещи, кои связаны с именем великого князя Михаила Павловича. Эта комната – «мемориальная» (мысль Н. Н. Ушакова). Вторая комната – собственно бригадный музей. Наконец, третья комната предназначена для архивного отделения музея железною дверью.

8 сентября – вторник.

Вышло, наконец, письменное приказание по бригаде № 1519, по которому не я еду на военно-повозочную перепись (см. 15 августа). Для меня уже давно было ясно, что «перепись» и моя «военно-полевая поездка» несовместимы, так как насакивают одна на другую. Наконец мне удалось додолбить Управление бригады, и «оно» прислало мне извещение, что «вы не едете». Кто же едет? Сегодня и этот вопрос разрешился: едет вместо меня капитан Явид, а вместо штабс-капитана Рейнгарда – поручик Перлик... На другой день, впрочем, вместо Перлика уже назначили поручика Снигиревского.

9 сентября – среда.

Началась полевая поездка, в которой принимаю участие и я (см. 29 августа). Для меня – это впервые. Собственно «поездки», а тем более «полевой», сегодня еще не было. Сегодня мы только собрались в офицерском собрании лейб-гвардии Егерского полка (на Рузовской улице), где нам раздали карты и полевые книжки и проч. Главный руководитель – генерал Герцык, но его не было, а был генерал Зайончковский. У нас в отряде – измайловцы и егеря, а от нашей бригады – полковник Мясоедов (посредник), я (командир 1 батареи) и штабс-капитан Рейнталь (командир 2 батареи). Пока начальник отряда (полковник Орловский) и начальники авангарда и разъездов и др. писали всевозможные диспозиции, я занялся осмотром офицерского собрания егерей и их полкового музея. Музей имеет более чем жалкий вид. Это – крохотная комнатка, загороженная шкафами, в которых стоят манекены, – вот и все. Остальное – небольшой хлам, наваленный на столе и в витрине. Пока в таком именно виде музей не может называться музеем, и до настоящего полкового музея ему еще очень далеко.

Собрались мы в собрании егерей в 9 часов утра, а около 12 часов дня – большинство уже разошлось. Я и штабс-капитан Рейнталь остались позавтракать и ушли в начале 2-го часу дня.

10 сентября – четверг.

В приказе по бригаде № 242, в п. 5 объявлено, что я в числе прочих чинов 1 его высочества батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады награжден медалью в память двухсотлетия Полтавской победы (см. 27 июня).

1-й выезд в поле (см. 9 сентября). К 9 часам утра я и штабс-капитан Рейнталь на трамвае доехали до Московской заставы (Триумфальная арка), где был назначен сборный пункт всей нашей партии... У заставы нас ожидали наши кони и ординарцы. Меня ждала моя лошадь Стюарт и конный ординарец 1 его высочества батареи вице-фейерверкер Секачев. В 9½ часов все сели верхом и по Царскосельскому шоссе двинулись вперед...

До перекрестка дорог («Четыре руки») – простая прогулка верхом. Погода дивная, теплая, солнечная. Офицеры острят, что «погоде 21 год!». Почему? Потому что – она «совершенно летняя!». На перекрестке небольшой привал и легкая закуска бутербродами из корзинки егерей. Так как я предназначался изображать командира полубатареи, назначенной в авангард, то отсюда поехал вперед и поступил в распоряжение начальника авангарда полковника лейб-гвардии Измайловского полка Швецова. Пройдя перекресток шоссе с железной дорогой (между Средней Рогатской колонией и Каменкой), начальник штаба 1 гвардейской пехотной дивизии полковник Христиани дал полковнику Швецову указание, что два снаряда попали в авангард, и с этого момента мы развернули наши силы (мнимые, обозначенные т. н. «петрушками») и начали наступать далее в боевом порядке. Я выбрал позицию вправо от шоссе и занял ее своими 4-мя орудиями (12 часов дня). В 12 часов 15 минут я открыл огонь по Подгорному Пулкову. Вскоре ко мне присоединились остальные 12 орудий нашего отряда... В 12 часов 30 минут я получил приказание – переменить позицию, потом это приказание «кассировали», и я до конца игры оставался на своей первой позиции. В 2 часа дня у подошвы горы Пулково состоялся разбор «задачи». Сперва высказались посредники: штабс-капитан лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады Гаслер (причисленный к Генеральному штабу) полковник Христиани и полковник Мясоедов (командир 1 его высочества батареи нашей бригады, старший артиллерийский посредник) и, наконец, «сам» генерал-майор Герцык (командир 2 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии) – руководитель маневра. В общем сегодняшняя полевая поездка была для меня весьма поучительна. Скорее – это был маневр с обозначенным противником, а уж никак не «решение задачи в поле». Нет общих совещаний, рассуждений – ... мало дельных указаний со стороны руководителей и полное отсутствие серьезной организации... Снова появилась небольшая закуска и чай (а также водка и пиво) из егерской корзины, а тем временем почти над нашими головами летали 2 наших дирижабля «Лебедь» и «Учебный». Не только в бинокль, но и простым глазом все хорошо было видно, и так как лично я вижу дирижабль впервые, то столь интересное зрелище доставило мне (в утешение) немалое удовольствие... «Руководители» и «посредники» вскоре после разбора уехали, а вся наша партия, получив задачу на завтра, осталась в поле, и я еще добрых 2 часа объезжал окрестности Пулково, выбирая позиции, объехал подступы, чертил панораму и проч. Затем верхом я и штабс-капитан Рейнталь поехали на ст. Александрово Варшавской ж[елезной] д[ороги] и с поездом 5 часов 5 минут вернулись в СПб. Эта вечерняя работа, в сущности, должна была быть исполнена завтра, а потому завтра мы совершенно свободны и никуда не едем... Наши лошади и наши ординарцы все эти дни живут в Кирасирском полку (в нестроевой команде) в Царском Селе.

12 сентября – суббота.

2-й выезд в поле (см. 10 сентября). Вся партия выехала из С.-Петербурга с поездом в 8 часов утра по Варшавской ж[елезной] д[ороге] и высадилась на ст. Александровка. Здесь нас ожидали наши лошади, приведенные из Кирасирских казарм, и мы, сев верхом, поехали к Пулково. Я изображаю командира 1 батареи и в то же время начальника артиллерии (у нас в отряде 2 батареи). Свою батарею я поместил на позиции западнее Пулковской обсерватории на правом участке нашей оборонительной позиции (начальник участка – полковник Швецов). В 10½ часов утра приехало «начальство» (полковник Мясоедов, генерал Герцык, генерал Яблочкин, полковник Христиани, штабс-капитан Гаслер), и мы вплоть до 2 часов дня объезжали все 3 участка нашей «обороны».

Около 2-х часов состоялся «разбор» исполненной нами задачи (я делал доклад по артиллерийской части), затем легкий «закусман» (2–3 бутерброда или пирожка), и затем на рысях я и штабс-капитан Рейнталь поспели на ст. Александровку к поезду, отходящему в СПб. ровно в 3 часа дня.

Сегодняшняя полевая работа была несравненно более «продуктивной», чем предыдущая. Сегодня уже смело можно говорить, что она принесла мне некоторую пользу... «Письменная» часть выразилась в том, что я представил: 1) кроки позиций, 2) панораму и 3) 2 письменных приказа: начальника артиллерии и командира 1 батареи...

Погода по-прежнему великолепная.

13 сентября – воскресенье.

С поездом 9 часов утра я и штабс-капитан Рейнталь поехали в Царское Село, здесь мы пересели на извозчика и доехали до казарм лейб-гвардии Кирасирского его величества полка. Около 10 часов утра мы сели на наших коней и отправились на рекогносцировку местности в районе: Царское Село, Попова и Павловск (прошли верст 15). Это – подготовительная работа для предстоящего завтра составления диспозиции на атаку неприятеля, расположенного у Царской Славянки. Около 1 часу дня мы были на вокзале Павловска и с поездом ровно в 1 час дня вернулись в СПб. Погода вначале хмурая и свежая, начинал даже моросить небольшой дождик, но скоро заблестало солнце, и погода снова – прекрасная. Но как только мы сели в вагоны – полил настоящий дождь, для нас уже вполне безвредный.

15 сентября – вторник.

К 9 часам утра я и штабс-капитан Рейнталь поехали в собрание лейб-гвардии Егерского полка, где вся наша партия собралась для обсуждения задачи на атаку (см. 13 сентября). Я сделал доклад и высказал свое соображение на основании нашей рекогносцировки на местности 13 сентября. Этим 10-минутным докладом с передачей моих письменных легенд и крок,

в сущности, и кончилась моя сегодняшняя миссия, но нас продержали совершенно бесцельно вплоть до 12 часов дня. Никого из начальства не было.

16 сентября – среда.

4-й и последний выезд в поле. К 9 часам утра на Царскосельском вокзале собрались обе партии 1 гвардейской пехотной дивизии во главе с генералами: Зайончковским, Герцык и Яблочкиным. Все вместе доехали до Царского Села, и здесь высадились наша партия (Северный отряд) и все руководители и посредники. Сели на наших коней и доехали до казарм императорских стрелков. Тут – руководитель полевой поездки генерал Зайончковский дал несколько новых сведений о противнике, сообразно чему наш начальник отряда полковник Орловский изменил свою первоначальную диспозицию, и вся наша кавалькада разъехалась по назначению. Я командовал артиллерией авангарда (4 орудия) и занял позицию у деревни Красная Слободка, начертил панораму и кроку, определил мертвое пространство и т.п., и этим моя роль кончилась. Снова «поездка» обращалась в маневр с обозначенным противником, т. е. поучительность ее далеко не была одинакова для всех участников. Я бросил свою позицию и уехал к голове авангарда – следить за ходом боя. Но и тут – малая осведомленность и ноль поучительности. Приблизительно в 12½ часов дня послышались далекие звуки рожка. Как будто отбой... Посредник-семеновец поехал проверять, и скоро ординарец сообщил, что действительно дан отбой. Я поехал в г. Павловск. В бильярдной пристройке ресторана Ласки (против вокзала) собрались все без исключения участники поездки. Шел разбор... Дельные замечания дали: генерал Зайончковский, полковник Генерального штаба Добрышин, генерал Яблочкин и полковник Вешняков (командир 3 батареи нашей бригады). Полный разбор всей поездки дал полковник Христиани. В заключение генерал Зайончковский заявил, что вполне удовлетворен всем виденным и должен отметить большой интерес и энергию, какую проявили все участники поездки.

Погода на финише подгуляла. Холодно и холодный дождик. Конец «полевой» поездки.

17 сентября – четверг.

В 4 часа дня сдал хозяйство 1 его высочества батареи приехавшему из отпуска капитану фон Эндену (см. 17 августа). Таким образом, я заведывал хозяйством ровно один месяц: с 17 августа по 17 сентября.

21 сентября – понедельник.

Снова наше собрание накопило серебряные офицерские вещи для выплавки из них серебра. Как и 4 года тому назад (см. 4 января 1906 года и 2 ноября 1905 года), я принимаю участие в выплавке и сегодня вместе с хо-

зьяном офицерского собрания поручиком Ушаковым поехал в лабораторию Министерства финансов (на Казанской улице), где с 11 часов утра и вплоть до 5½ часов вечера выплавляли наши погоны, воротники, портупей и проч. Общий вес вещей до выплавки выразился в сумме 32 фунта 75 золотников, а после выплавки получился слиток в 17 фунтов 63 золотника. Точные данные о его составе будут объявлены на днях. В период выплавки в лаборатории, кроме меня, перебивали: поручик Ушаков, поручик Наркович, поручик Курбатов, полковник Вешняков, поручик Снигиревский и капитан Явид.

Вечером был в кинематографе «Royal Star» в Пассаже.

23 сентября – среда.

С 12 часов дня – дежурный по бригаде офицер.

24 сентября – четверг.

Я не записал в своей «Черной книге» о маленьком «происшествии», которое случилось со мной 14 сентября, часов в 11 вечера. Я был еще в собрании и собирался ужинать с товарищами, как вдруг почувствовал сильнейшую боль в кишках. Я бросился в уборную, и там боли настолько усилились, что я минутами терял сознание. Товарищи вызвали фельдшера, а потом и нашего доктора Демидова, который нашел у меня сильные завалы и прописал микстуру. Пролежав в дежурной комнате с полчаса, я вернулся домой и лег спать... На другой день, как известно, я продолжал свою службу – полевую поездку. Таким образом, я не обратил внимания на острое расстройство своего желудка и продолжал вести прежний неумеренный образ жизни. Сегодня, в ночь на 25 сентября, эта моя опрометчивость сказалась. В 1 час ночи я почувствовал снова сильнейшие боли в кишках... Они не утихали ни на одну секунду, а скорее прогрессировали. Я терпел до 3-х часов ночи, когда решился позвать нашего бригадного врача – д-ра Андриевича, живущего в «Зеленых связях»... Все его распоряжения безусловно показывали серьезность моей болезни. У меня даже явилась мысль – не заболел ли я холерой. По телефону был вызван из бригады фельдшер Мазуров... Меня обложили горячими бутылками, поставили горчичник и начали питать всевозможными облатками... Тем не менее, я испытывал несколько не утихающую боль (спазмы) вплоть до 8–9 часов утра (всю ночь). Д-р Андриевич просидел у моей постели до 5 часов утра. Когда он ушел, у меня началась сильнейшая рвота...

25 сентября – пятница.

Весь день пролежал в кровати. Температура с 37,4 упала вечером до 36,8, и к вечеру я чувствовал себя довольно сносно. Ничего не ем. Утром подал рапорт о болезни, и так как он прошел через дивизионного адъютанта поручика Ушакова, то мои добрые друзья – Ушаков и Снигиревский – немедленно меня

посетили. На левой стороне их кителей красовался наш родной бригадный знак – знак лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Государь император уже утвердил его давно – 29 июня, но официальное уведомление о сем получено бригадой всего несколько дней тому назад!! Так как я считаю себя главным деятелем по разработке проекта этого знака и принял на себя буквально все немалые хлопоты, чтобы довести задуманное мной дело до конца (я единолично проектировал правила награждения этим знаком и единолично разработал детали рисунка и составил точное описание знака; я же единолично составил черновики всех бумаг, заказывал рисунки и проч.), то, не дожидаясь упомянутого официального уведомления, я поместил[л] в приказе по бригаде (с разрешения командира бригады генерала Головачева) объявление (см. 17 августа) и одновременно вошел в сношение с мастером Львовым, дабы он изготовил, во-1), образцовый знак, и во-2), начал готовить стальные штампы для валового заказа. Опять-таки я энергично работал на свой риск и страх, так как созывать общее собрание и проч. было некогда. Действительность показала, что я был прав. Дней 5 тому назад в приказе по бригаде, наконец, появилось, что бригадный знак утвержден и его можно носить с «сего числа». А у Львова еще не было ни одного готового знака! Я строго браковал все мельчайшие дефекты в штампах и добился, наконец, того, что знак вышел великолепно. Ждать, впрочем, пришлось недолго. По словам Ушакова, уже сегодня Львов принес в собрание первые изготовленные им знаки, а завтра он пришлет не менее 30 штук!.. Итак, наша бригада имеет свой собственный знак как форму одежды, и, уйдя в отставку, офицер и солдат сохраняют на всю жизнь видимую связь с родной петровской бригадой. Из всех многочисленных знаков, какие у меня есть, я больше всего ценю этот бригадный знак и единственно этот знак всегда буду носить при всех формах одежды.

Кстати сказать, одновременно объявлено, что утвержден и юбилейный знак нашей 1-й высочества батареи, в утверждении составлении проекта которого принимал горячее участие поручик Древинг.

Сегодня праздник Управления бригады, и я собирался в 9 часов утра быть на молебне, но... болезнь тому помешала.

26 сентября – суббота.

До 6 часов вечера я пролежал в кровати... За это время меня любезно посетил капитан фон Энден. В 6 часов я встал, оделся и пошел в собрание, где съел несколько ложек бульону и манной каши. Язык – белый, как белая тряпка... Придется умерить свою «неумеренность».

29 сентября – вторник.

Сегодня в «[Русском] инвалиде» можно было прочесть, что «гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона капитан Беляев назначается

делопроизводителем канцелярии Управления генерал-инспектора артиллерии с зачислением по полевой пешей артиллерии подполковником». Занесу «историю» его ухода кратко, дабы не впасть в какую-либо погрешность, весьма возможную в данном деле. Капитан Беляев подал рапорт о браке-сочетании на дочери какого-то (кажется) не то купца, не то «гражданина». Суд общества офицеров впервые, согласно новому закону, собрался на обсуждение «пристойности» брака. Отнесся ли суд внимательно и безукоризненно-добросовестно к столь важному для строевой корпорации делу – вопрос спорный. Надо думать, что суд принял все зависящие меры, опросил, как говорят, знакомых невесты (между прочим г-жу Горбачевич и г-жу Бутовскую) и нашел, что брак «приемлем». Беляев женился... Но вскоре офицеры гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона узнали в жене своего товарища «что-то знакомое», и до нашего слуха (летом этого года в лагерях) дошло, что г-жа Беляева не более и не менее как дочь «шакала» Михайловского артиллерийского училища, т. е. папа ее торгует юнкерам «булки на два канта» и обсчитывает на вяземских пряниках. Снова собрался суд. Тут дело становится для широкой публики совсем темным. Кто говорит, что капитан Беляев сам не подозревал (?) – кто отец его невесты, так как невеста порвала с отцом всякую связь. «Стрелки» утверждают, что Беляев прекрасно все знал и бывал у будущего тестя в гостях. В последнем случае капитан Беляев является пред судом о[бщест]ва офицеров несомненным обманщиком и за одну эту недостойную офицера мистификацию подлежит «остракизму». Но фактически суд отнесся весьма благодушно, принял, по-видимому, за чистую монету «удивление» капитана Беляева, когда ему сообщили, что его жена – дочь «шакала», и вполне удовлетворился, когда капитан Беляев «добровольно» заявил, что он уходит из рядов гвардейской артиллерии... Вот и все... Кстати сказать, что ДО этого брака Беляев ухитрился быть женатым (церковным, но неофициально) на какой-то кухарке и слух об этом проник в бригаду только тогда, когда его первая жена умерла. Гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион ликует об его уходе, так как Беляев последнее время не пользовался их симпатиями...

30 сентября – среда.

С 12 часов дня – дежурный лейб-гвардии по 1-й артиллерийской бригаде. Эти дни я занят развешиванием картин и оборудованием музея в его новом помещении (см. 6 сентября). И сегодня я целый день «возился» у «себя в музее», руководя работами... За моим «чаем» (торты, икра, печенье и проч.) было много офицеров, играли в карты, а потом часть офицеров остались до 2-х часов ночи ужинать. С 25 сентября я соблюдаю диету, а потому на этом ужине только присутствовал и ничего не ел. Часов в 11–12 вечера я почувствовал признаки боли под ложечкой и тошноту, и затем все разразилось

сильнейшим поносом. Около 2-х часов ночи начались сильные боли в области живота и кишок – полное повторение картины 24 сентября. Я чувствовал себя настолько плохо, что хотел смениться с дежурства, но так как «под рукой» не было заместителя, то я остался «на посту», лег в дежурной комнате на кровать и положил себе на живот – горячий резиновый мешок...

1 октября – четверг.

С раннего утра с трудом продолжаю дежурство. Голова тяжелая, недомогание и маленький озноб... С 11 часов пришлось быть свидетелем празднования 5-й батареей бригады своего батарейного праздника. Как ни тяжело было мне выдержать «эту марку», я не был недоволен этим случаем, так как это дало мне возможность занести описание празднования одного из наших батарейных праздников, как это имеет место в настоящее время – в ожидании бригадного праздника 9 или 19 ноября. В 5 батарею я пришел в 10½ часов утра. Помещение убрано флагами и материей. Люди в новых мундирах с лацканами выстроены все вместе в одной из камер. Мастер Львов, изготавливающий для нашей бригады нагрудные бригадные знаки, не мог изготовить для всех солдат 5 батареи к 1 октября нагрудные знаки, и таковые красовались лишь на мундирах фельдфебеля и фейерверкеров. Нашивочные 5 батареи явились, таким образом, первыми нижними чинами, которые одели новое резкое отличие чинов лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В строю 5 батареи – ничтожное количество офицеров. Батареей временно командует капитан Огоновский (он же заведывающий учебной командой), так как полковник Илькевич в отпуску. Офицер – один: подпоручик Неелов. Поручик Снигиревский числится в командировке на «обозной переписи», подпоручик Коренев болен, подпоручик Миллер лежит где-то в отпуску со сломанными обеими ногами, и капитан Ягеллович – в командировке за ремонтными лошадьми. Вскоре стали собираться бывшие офицеры 5 батареи: полковник Пономаревский-Свидерский 2 (командир 2 батареи), полковник Ден (лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), полковник Дурново (Павловского военного училища), капитан Якимович (Генерального штаба), капитан Явид (4 батареи). Кроме того были: командир 2 дивизиона флигель-адъютант полковник Демидов, поручик Снигиревский (офицер батареи), поручик Бородин (в Военно-юридической академии) и поручик фон Руммель (бригадный казначей и вр. и. д. бригадного адъютанта). Три офицера были в киверах: Огоновский, Руммель и Неелов, остальные – в фуражках. В 11 часов пришел временно командующий бригадой полковник Горбачевич, которого я встретил рапортом.

Порядок торжества был такой: полковник Горбачевич поздоровался с людьми и поздравил их с праздником; люди и все гости перешли в батарейную канцелярию, где перед образом был отслужен молебен, после молебна

люди снова перешли в камеру, где уже был приготовлен пробный стол с чарками и вином (водки не было). Первый тост сказал полковник Горбачевич за государя императора, затем он же за 1) императриц, 2) наследника, 3) великого князя Михаила Николаевича, 4) великого князя Сергея Михайловича и 5) великого князя Николая Николаевича. Полковник Демидов провозгласил тост за начальника артиллерии и командира бригады, а капитан Огоновский за временно командующего бригадой. Затем были еще тосты: за прежде служивших в батарее, за батарею, ее фельдфебеля и людей. Полковник Пономаревский-Свидерский 2 выпил за временно командующего батареей и за офицеров батареи. На этом и кончилось все торжество. Полковник Горбачевич ушел, а я, как дежурный офицер, ушел вместе с ним и ра[с]прощался на углу Литейного проспекта и артиллерийского переулка. Было 12 часов дня, и я вскоре, сменившись с дежурства, ушел домой...

Голова болела все сильнее и сильнее... Дома я взял теплую ванну и лег в кровать. Голова уже трещала вовсю. Смеренная температура оказалась 38,3. Поздно вечером у меня был мой доктор Посадский, приковавший меня к кровати до субботы, когда он обещал снова ко мне заехать.

2 октября – пятница.

Температура 36,5 и 36,6.

Лежу в кровати, читаю и ничего не ем.

3 октября – суббота.

Около 5 часов вечера у меня вторично был д-р Посадский (см. 1 октября) и разрешил мне встать с кровати. Надолго ли?

4 октября – воскресенье.

Утром получил даровой билет для входа в места арены, устроенной на выставке Спорта в Михайловском манеже (см. 23 августа). Билеты эти для раздачи офицерам и нижним чинам бригады присланы от имени генерал-адъютанта барона Мейендорфа – председателя выставочного комитета. Сегодня в 2 часа дня впервые должны были показывать свою «шведскую гимнастику» 25 офицеров, специально для этого приехавших из Швеции. Я, конечно, с удовольствием воспользовался столь любезным приглашением и к 2 часам дня уже был в Михайловском манеже. Все места трибун и 3 ряда стульев и кресел на самой арене были сплошь и исключительно заняты генералитетом, офицерством, юнкерами, кадетами и солдатами. Посторонней публики не было. В ложе сидел[и] великий князь Константин Константинович и военный министр генерал от кавалерии Сухомлинов. Начало гимнастики запоздало, и генерал-адъютант Мейендорф пригласил нас сесть лишь в 2¼ часа дня. Перед гимнастикой полковник Полторацкий

(постоянно пишущий в «[Русском] инвалиде» о Швеции) «с разрешения полковника Балка» (известного шведского спортсмена, тут же сидевшего) познакомил нас с предстоящей программой шведской гимнастики, представляющей основной шведский урок, практикуемый повсеместно в Швеции. После этого краткого реферата на арену вышли шведские офицеры, одетые в белые гимнастические костюмы, и проделали в течение с лишком часа всевозможные вольные движения, бег и гимнастику на машинах. Им, конечно, все горячо аплодировали. По окончании гимнастики шведы 4 раза прокричали «ура», а музыка сыграла шведский народный гимн.

Вечером был в кинематографе театра «Эдиссон» на Конюшенной улице.

7 октября – среда.

В 1 час дня у нас в бригаде состоялось общее собрание гг. офицеров. Записать о нем следует по двум причинам. Во-1), оно очень характерно в бытовом отношении, и во-2), собрание это собиралось не приказом по бригаде, а письменным приказанием на имя и. д. председателя распорядительного комитета. Следовательно, если я не запишу его в свою «Черную книгу», то оно пропадет для истории бригады. Какие же вопросы мы решили на нем?

1) Единогласно решили не устраивать в сем году годового обеда. Причины тому: 1) предстоит большой обед старшему герцогу и 2) если старослужащие поднесут нам братину, то предстоит обед старослужащим, и таким образом – три больших обеда в один год – слишком много,

2) Назначили обед старшему герцогу на 21 ноября и определили максимальную цену на обед – 15 рублей («против» встал один капитан Гирш). Вся остальная организационная часть поручена комитету,

3) Решили поднести золотые бригадные знаки всем высочайшим особам, носящим и носившим (великий князь Михаил Михайлович) наш мундир, и фельдмаршалу графу Милютину. (Единогласно, за исключением одного поручика фон Руммеля, вставшего «против»),

4) Единогласно решили устраивать в сем году месячные обеды. Знаменательный факт!! Эти месячные обеды вновь утверждаются после долгого, многолетнего перерыва, начавшегося со времен «дрейфусарской» бригадной истории. До баллотировки мы думали, что месячные обеды опять не пройдут или пройдут незначительным большинством голосов. Вот почему перед баллотировкой говорили речи в защиту обедов – полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Явид и я. Единогласно постановили – определить цену месячного обеда в 3 рубля.

5) Единогласно (за исключением подпоручика Манакина) постановили передать комитету все полномочия по покупке серебряной вещи на деньги, полученные от выплавки наших офицерских вещей (см. 21 сентября).

9 октября – пятница.

От 1½ до 3½ часов дня участвовал в комиссии по составлению проекта на т. н. «постепенное возобновление казарм» на 1910 год. Председатель – полковник Погребняков, члены: капитан Попов (1 инженерной дистанции), я и поручик Алексеев.

12 октября – понедельник.

1-я офицерская езда в 1 дивизионе в этом учебном году. Производит езду командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен. Я ездил. (от 11½ до 12 часов дня.)

Вечером был в кинематографе «Мулен Руж» на Невском проспекте.

13 октября – вторник.

По случаю дня рождения великого князя Михаила Николаевича – занятый нет. В 10 часов утра в большом бригадном манеже был отслужен молебен (о. Николаевский с диаконом) в присутствии командира бригады генерал-майора Головачева, всех офицеров бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона и нижних чинов. Все офицеры на этот раз, несмотря на парадную форму, были в фуражках, так как вышло распоряжение округа, чтобы киверов пока не носить! (Через несколько дней, впрочем, разрешили носить кивера вне строя.) (Зачем же их тогда заказывали!?). Нижние чины оделись неодинаково. Некоторые батареи были в лацканах, другие – без. В этом, как всегда, виновато строевое отделение Управления бригады, не способное отдать ясное приказание и к тому же отменяющее его по несколько раз. После молебна генерал Головачев скомандовал: «Слушай на краул!» и провозгласил «здравие, благоденствие и долголетие государя императора». Трубаچی сыграли гимн, а нижние чины прокричали «ура». Скомандовав затем «на плечо», командир бригады провозгласил «здравие» императрицам и наследнику и, наконец, «обожжаемому» фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу. После того все батареи взвдвоенными рядами прошли церемониальным маршем мимо командира бригады (10 часов 45 минут).

После церемонии генерал Головачев завел сперва разговор о предполагаемом в будущем году лагерном сборе во Владимирском лагере, а затем сообщил нам, что командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, генерал-майор Лехович официальным письмом от имени старослуживых нашей бригады, уведомил его, что «старослужащие» намерены поднести офицерскому собранию бригады подарок и просят назначить день – когда бы это могло иметь место. Сегодня генерал Головачев поедет для личных переговоров к генералу Леховичу, а затем нам предстоит обсудить, когда и как принять этот лестный для нас подарок. По слухам, старослужащие не хотели бы, чтобы мы им отвечали дорогостоящим обедом.

15 октября – четверг.

В 11 часов утра в собрании бригады собраны были все гг. штаб- и обер-офицеры бригады и дивизиона. Генерал Головачев сообщил нам, во-1), что 13 октября он послал от имени бригады поздравительную телеграмму в Канн его высочеству великому князю Михаилу Николаевичу, и прочел нам ответ великого князя. Во-2), генерал Головачев заявил, что он ездил к командиру лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады генерал-майору Леховичу (см. 13 октября) и тот ему от имени старослужащих бригады сообщил, что старослуживые желали бы поднести нам подарок (серебряную вещь) на одном из наших товарищеских обедов, т.е. не желали бы, чтобы поднесение братины вызвало бы в свою очередь разорительный для нас «ответ». Таковое желание старослужащих, конечно, вполне джентльменское. К этому – старослужащие прибавляют, что они думали поднести в день 9 ноября, предполагая, что у нас в этот день будет годовой обед. Передавая этот свой разговор с генералом Леховичем, генерал Головачев предложил нам собраться се[й]час на общее собрание под председательством полковника Горбачевича и решить вопрос о приеме братины... Генерал Головачев удалился, а мы приступили к обсуждению вопроса. ЕДИНОГЛАСНО было решено следующее: устроить 9 ноября ежемесячный товарищеский обед (вместо октябрьского), на который пригласить всех старослужащих с платой по 3 рубля (см. 7 октября). Но так как на этом обеде будет нам поднесен подарок, то подать шампанское и фрукты (на обыкновенных месячных обедах шампанского не бывает), причем весь дополнительный расход – в неограниченном количестве – принять на счет лишь действительных членов собрания, т.е. лишь на наш счет – без старослужащих. На «джентльменство» старослужащих мы единодушно и единогласно отвечаем широким русским гостеприимством, не жалея денег на «представительство».

В 1 час дня я участвовал в заседании суда общества офицеров бригады (полковники Вешняков и Пономаревский-Свидерский 2, я и капитан Гириш, остальные члены – в отпуску) по вопросу о пристойности предстоящего брака штабс-капитана Тарновского с девицей Троцкой-Сенютович. На сбор сведений дано время до понедельника.

16 октября – пятница.

Бригадная новость... или, вернее, «новость» в бригаде. До сего времени в бригаде существовали два рода «офицерских занятий» – 1) верховая езда (см. 12 октября) и 2) тактика и артиллерия. В этом году впервые введены еще «офицерская гимнастика» (о ней я скажу после) и «офицерская стрельба из револьверов». Стрельба будет происходить один раз в неделю (в 1 дивизионе – по пятницам) в нашем бригадном тире (кстати сказать, построенном мною и по моей инициативе). Сегодня и состоялась такая первая

стрельба в нашем 1 дивизионе бригады. Руководил командир дивизиона полковник фон Цур-Милен. Каждый офицер выпустил по 7 пуль в маленькую мишень (неформенную, прежнего образца). Я попал 2 пули из 7-ми.

17 октября – суббота.

Был по наряду в Исаакиевском соборе по случаю царского дня. Несколько дней тому назад было распоряжение киверов не носить (см. 13 октября) и, как водится, через несколько дней вышло новое распоряжение: кивера носить можно, но вне строя. Поэтому все офицеры были в соборе в киверах. Но... за исключением пешей артиллерии, т.е. лейб-гвардии 1 и лейб-гвардии 2 артиллерийских бригад, кои были в фуражках. Так приказало наше начальство, а ... почему..., да, вероятно, потому, чтобы, по обычаю, не походить на обыкновенных людей, делающих все вовремя и кстати...

18 октября – воскресенье.

Приказ по бригаде № 280, п. 4:

«Вследствие предписания начальника артиллерии Гвардейского корпуса с. г. за № 6566, предписываю полковнику Горбачевичу и штаб-капитану САВОНЬКО произвести 20 сего октября от 10½ часов утра осмотр амуничников и цейхгаузов и поверку неприкосновенного запаса 1-го гвардейского артиллерийского парка и о результатах осмотра донести мне. Литеры на проезд в м. Стрельно получить в Управлении бригады».

Командир бригады генерал-майор Головачев.

19 октября – понедельник.

Около 1 часу дня состоялось 2-е совещание суда общества офицеров по вопросу о пристойности предстоящего брака штабс-капитана Тарновского (см. 15 октября). Окончательно решение не постановлено, так как ожидаются сведения от подпоручика Жолтановского, который лежит в Николаевском госпитале (шанклот). В 5 часов вечера я ездил в Николаевский госпиталь к подпоручику Жолтановскому. Так как существенных сведений я от него не получил, то брак признан пристойным.

20 октября – вторник.

Во исполнение предписания начальника артиллерии Гвардейского корпуса (см. 18 октября) я и полковник Горбачевич выехали сегодня с поездом в 10 часов утра в Стрельну. На вокзале в Стрельне нас встретил фейерверкер 1 гвардейского артиллерийского парка и доложил, что за нами прислан экипаж. Мы сели в присланный экипаж. На козлах – несомненный солдат, одетый в кучерскую одежду, что составляет грубое нарушение нашего устава. Стрельна – всего в полчаса езды от столицы, а уж провинциализм вкупе с беззакон-

нием сразу бьет в глаза!! До «парка» 5 минут езды... В казармах нас встретил командир 1 гвардейского артиллерийского парка подполковник Голубцов (отец нашего офицера, оба – типичные «жопы»). Осмотр начали с подробной ревизии сарая с «неприкосновенным» запасом, а затем сравнительно бегло осмотрели амуничники. В общем все имущество хранится весьма аккуратно, и мы сделали лишь несколько существенных замечаний (плохое хранение фуражек, неаккуратное хранение медицинского запаса, мятые кобуры и карманы у седел, неудовлетворительные козлы для седел). После «осмотра» подполковник Голубцов пригласил нас в т.н. «собрание» – выпить стакан чаю. «Стакан чаю» состоял из водки, русских вин, колбасы, сыру и холодной ветчины... Незатейливо закусив, мы простились с хозяевами (командиры, офицеры и чиновники 1 и 2 гвардейских артиллерийских парков) и в том же «казенном» экипаже доехали до вокзала (1 час 26 минут дня).

21 октября – среда.

На сегодня было назначено поднесение подарков и поз[д]равление герцога Георгия Георгиевича Мекленбургского по случаю 50-летия зачисления его в списки бригады (см. 18 апреля и 27 июня). Вчера снеслись с герцогом по телефону и окончательно выяснили, что свидание состоится в Ораниенбауме, а выедем мы из Петербурга с поездом 10 часов утра. Нет сомнения, что генерал Головачев выбрал бы лично депутацию из числа старших штаб-офицеров, и тогда в Ораниенбаум поехали бы полковники фон Цур-Милен, Горбачевич, Погребняков и т. п., которые, во-1), не принимали равно никакого участия в сложной организации и хлопотах по чествованию знаменательного юбилея, и во-2), даже не интересовались – как и что делает комитет, а потому, я убежден, толком не знают ни всей уже выполненной программы, ни, тем более, что еще нужно выполнить, дабы, с одной стороны, поддержать должное представительство части, и с другой стороны – извлечь некоторые выгоды для своей родной бригады. Надо прибавить, что и сам генерал Головачев любит повторять фразу: «Знаю, знаю», но на самом [деле] ничего не знает, относится ко всему легкомысленно и через минуту забывает все то, о чем только что говорил. Его, следовательно, самого следует руководить, ему следует ежеминутно все подсказывать и зачастую исправлять его неверные фразы, которые он «ляпает» без всякого видимого смущения. Вот почему председатель комитета полковник Вешняков предложил генералу Головачеву – депутацию из членов комитета как принимавших участие в организации юбилея, из хозяина собрания поручика Снигиревского, на которого ляжет вся тяжесть предстоящего 21 устройства обеда, а также и много других хлопот, и, наконец, меня как инициатора празднования этого юбилея, а также принимавшего самое деятельное участие в выборе и заказе рамы, серебряных украшений, выборе паспарту,

рассылке приглашений и проч. и проч. Генерал на это предложение хотел что-то слабо возразить, но моментально согласился, и «депутация» была назначена соглас[н]о предложения полковника Вешнякова.

Итак, к 10 часам утра на Балтийском вокзале собрались: генерал-майор Головачев, полковник Вешняков, полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Явид, штабс-капитан Савонько и поручик Снигиревский. Все были в обыкновенной форме, при орденах, в мундирах и с киверами на головах. Лично я, да и многие другие, одели кивер впервые. С собой мы везли: бригадную группу, обделанную в раму, громадный букет из живых цветов, 2 бригадных нагрудных знака и 1 бригадный жетон. Раму для группы сделала рамочная фабрика Васильева за 160 рублей; рама из серого клена и покрыта серебряными украшениями (герцогская корона, цифра «L», вензель Петра 1 с пушками; года: 1859 и 1909 и громадная серебряная доска со всеми фамилиями). Так как собрать всех числящихся в бригаде в один день для снятия группы оказалось невозможным, то поневоле пришлось на паспарту наклеить 9 отдельных медальонов. Тем не менее «группа» все же не может считаться полною. Не хватает трех лиц, числящихся в списках бригады. Нет фельдмаршала графа Милютина, которого мы решили не беспокоить, нет штабс-капитана Матвеева (прикомандированного к Константиновскому артиллерийскому училищу) и старшего врача Протасова (прикомандированного к заводу военно-врачебных заведений) – явно уклонившихся от участия в группе. В общем, рама с группой производит грандиозное и красивое впечатление. Букет заказал «Снигирь» у Фрейндлиха за 30 рублей, и к нему завязаны широкие бархатные ленты с красным и белым кантами. На одном конце ленты золотом вышито наше бригадное «шитье», а на другом даты: 19 28/VI 09 – день юбилея герцога. Нагрудные бригадные знаки – оба золотые и сделаны Львовым по цене около 40 рублей за штуку (см. 7 октября). Знаки вложены в футляры из белого полированного дерева с серебряной дощечкой и надписью: «Его высочеству герцогу Георгию (Михаилу) Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому. Лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада». Бригадный жетон ничем не отличается от жетонов, подносимых нами уходящим из бригады офицерам, и вложен в обычный футляр.

На петербургском Балтийском вокзале мы встретились с герцогом Михаилом Георгиевичем Мекленбургским, который с этим же поездом ехал из СПбурга в Ораниенбаум и, конечно, был хорошо осведомлен о цели нашей поездки. Когда заговорили о киверах, то герцог сказал: «Когда надет кивер, то чувствуешь, что у тебя на голове сидит какой-то дьявол». Это верно. Более нелепого, некрасивого, непрактичного и неудобного головного убора – трудно было придумать. Скажу более: мне кажется, что носить такой кивер – унижительно... 2-й звонок!!.. Мы все сели в вагон 1 класса, и в 10 часов поезд тронулся. Туманная, сырая погода... Моросит дождик, то переставая, то усиливаясь. Грязно, промозгло... Картонка с букетом настолько велика, что

не влезла ни в один вагон, и ее поставили на одной из площадок под охраной кондуктора. У вокзала в Ораниенбауме нас ждало 3 герцогских экипажа. В 1-м из них сел герцог Михаил Георгиевич и пригласил сесть с собой генерала Головачева и полковников Вешнякова и Пономаревского-Свидерского. Во второй экипаж сели капитан Явид, я и поручик Снигиревский. В 3-й экипаж поставили нашу раму и картонку с букетом. Приехав во дворец, мы прошли сперва на половину герцога Михаила Георгиевича и здесь в одной из маленьких комнат поднесли ему наш золотой бригадный знак в описанной мной выше коробке. Поднесение это было решено произвести именно сегодня потому, чтобы младшему герцогу не показалось обидным, что его забыли, так как о решении нашем – поднести знаки всем высочайшим особам – ему, конечно, не могло быть известным. Герцог, по-видимому, был очень тронут нашим подарком, благодарил нас, пожал еще раз всем руки и тотчас же снял с мундира купленный им самим бригадный знак и нацепил наш – золотой. После того в соседней комнате нам предложили «чай», и тем временем герцог переоделся из парадной формы – в обыкновенную (при орденах) и затем предложил нам пройти в дворцовую церковь к молебну (сегодня – царский день). Мы, конечно, изъявили согласие и через двор прошли в т.н. «большую церковь» (есть еще «малая»). На самом деле она очень небольшая. С правой стороны у ней есть ложа с тяжелыми шелковыми занавесями и балюстрадой. В ложе ковер, два золоченых кресла с шелковой обивкой и небольшой столик. Когда мы вошли в церковь (со стороны внутреннего входа в ложу) – в ложе уже стоял старший герцог в обыкновенной форме нашей бригады. Младший герцог и генерал Головачев вошли в самую ложу, а все остальные остановились в «притворе» у ступенек, ведущих в ложу. В церкви молящихся совсем мало: по-видимому, это все здешняя дворовая прислуга и никого посторонних. Пел женский хор одного из приютов. По окончании молебна мы все приложились к кресту и поздоровались с юбиляром. Вернувшись на половину Михаила Георгиевича, мы отправили раму вперед, букет взял в руки полковник Вешняков, и все вместе двинулись на половину старшего герцога. В небольшой гостиной нас встретил Георгий Георгиевич и представил своей семье: графине Карловой, трем дочерям и сестре графини. После минутных приветс[т]вий генерал Головачев сейчас же обратился к старшему герцогу с речью, поздравил его с 50-летием зачисления в списки бригады и просил принять на память нашу бригадную группу и наш бригадный жетон. Георгий Георгиевич заявил, что он «глубоко тронут» и «бесконечно гордится» тем, что начал службу в лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде и в «частности в 1 батарее этой бригады», и просил передать всем офицерам бригады его сердечную благодарность. После Головачева выступил полковник Вешняков и с мале[н]ьким «словом» поднес супруге герцога – графине Карловой – букет из красных и белых роз. Третьим номером был Борис По-

номаревский, который поднес от «чинов бригады» золотой бригадный знак (такой же, как и Михаилу Георгиевичу). Фраз[а] «от чинов бригады» была понята герцогом так, что это от «нижних чинов», и поэтому в ответной речи он неожиданно заявил, что «внимание от нижних чинов меня особенно тронуло». Пришлось потом рассеять это маленькое недоразумение. Вскоре нас пригласили к обеденному столу. За стол сели: оба герцога, графиня Карлова, ее сестра, три дочери, все мы, англичанка и француженка. Я сидел с краю, рядом со старшей дочерью Катериной, с которой оживленно и пробеседовал во все время обеда. Первый тост сказал старший герцог «за здоровье государя императора», второй – он же, за «бригаду», и третий – генерал Головачев, за «его высочество герцога Георгия Георгиевича», причем мы прокричали «ура». Забыл сказать, что у графини была надета брошка в виде батарейного Нарвского нагрудного знака (1 его высочества батареи). После обеда мы снова перешли в гостиную, пили здесь кофе и беседовали довольно долго, причем графиня показывала мне свой маленький архив, старинные книги, рукописи и проч. В третьем часу мы все поднялись и стали прощаться. Оба герцога весьма любезно провожали нас до самого подъезда, куда нам подали два ландо. Из Ораниенбаума поезд от[о]шел в 2 часа 36 минут.

23 октября – пятница.

Кинематограф называют обыкновенно «живой фотографией». Я бы лучше назвал его «живой книгой». Я не имею, например, никакой возможности – за недостатком времени – поехать в Гатчино на полеты Леганье – на аэроплане. В былое время к моим услугам было бы лишь описание этого полета (книги, газеты), да 2–3 фотографических снимка, изображающих лишь отдельные (без всякой связи) моменты полета. В настоящее время мы имеем возможность видеть на экране полное повторение (описание в лицах) нашего гатчинского «дня авиатики» и получить вполне наглядное представление о птичьих попытках Леганье... Вечером я был в маленьком, популярном в Петербурге кинематографическом театре «Мулен Руж» и, между прочим, смотрел «Полет Леганье на аэроплане в Гатчине».

24 октября – суббота.

Так называемая Дмитриевская суббота – поминовение всех воинов, на поле брани живот свой положивших. В 10 часов утра в Сергиевском соборе была панихида, на которой присутствовали нижние чины всех батарей бригады и Стрелкового дивизиона, а также все офицеры во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым. Пока кто-то хлопочет и ратует за уменьшение праздничных (праздных) дней в России, мы с помощью Божьей и высшего начальства понемногу их увеличиваем. В этом году, например, впервые мы «праздновали» Казанскую божью мать (22 октября).

Возьмем последние 10 дней:

13-го праздновали (рождение Михаила Николаевича!)

17-го праздновали (крушение!!),

20-го праздновали (панихида в день смерти Александра 3),

21-го праздновали (восшествие на престол государя),

22-го праздновали (Казанская божья мать) и

24-го праздновали (Дмитриевская суббота – панихида).

Итого – из 10 дней 6 дней прогула. А так как за эти же дни не менее 2-х «караулов», вовремя которых заняты нарядом почти все люди батареи, да еще прибавить один воскресный день, то на долю занятий остается один день!!!! (из ДЕСЯТИ), в который вам и предоставляется пройти, например, треть курса молодых солдат – с «дядьками» (т.е. с будущими «учителями»!). А дядьки эти – ни в зуб!!!! Плотно перезабыли все уставы, стрельбу, материальную часть, револьвер и проч.

В Петербург неожиданно приехала моя самая близкая родственница – двоюродная сестра (дочь родного брата моей матери) Сима Андрюкова (урожденная Гришина) (см. 29 января). Остановилась в № 120 Северной гостиницы. Провел с ней весь день с 1 часу дня до 1 часу ночи; обедал у «Контана».

25 октября – воскресенье.

Вечером с кузиной Симой (см. 24 октября) был на кинематографическом спектакле в Пассаже (Рояль Стар). Апплодировали двум картинам: гимнастике лейб-гвардии С.-Петербургского полка в Красном Селе (см. 30 июля) и пожару Рима во времена Нерона.

26 октября – понедельник.

От 2 до 3 часов участвовал в заседании суда общества офицеров бригады по вопросу о пристойности брака подпоручика Шмидта с вдовой гвардии поручика Мандерштерна (ур. Селиванова). Были: председательствующий полковник Илькевич и члены: полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Гирш и я. Признали брак пристойным. После этого Николай Андреевич прочел нам письмо, которое он уже давно получил от Ивана Тимофеевича Беляева (ныне подполковника, см. 29 сентября). Беляев пишет, что он проверил то, что ему сообщил суд (т.е., что его тесть – «шакал» Михайловского артиллерийского училища), и убедился, что это правда. Он твердо заявляет, что сам находит, что такое родство неподходящее для бригадного общества, и подтверждает, что он отнюдь не вводил суд в обман, так как обрелся в полном неведении. Чтобы искупить свою невольную вину – он уже сам немедленно подал рапорт о переводе из гвардии. Вот и все... Официально – наивное неведение, а на самом деле – бог весть. Но суд посмотрел так: если Беляев не «рыпается» и если уходит, то не стоит и поднимать вопроса

о возможном обмане суда... Вот если бы Беляев заявил, что не желает уходить, так как суд уже разрешил ему брак, то тогда можно было бы возбудить вопрос о том, что Беляев как гвардейский офицер ОБЯЗАН был быть осведомленным о родителях своей невесты и чистосердечно все рассказать суду...

1909

970

27 октября – вторник.

Хочу описать 2-е новшество в нашей бригаде (см. 16 октября). Это – офицерская гимнастика 2 раза в неделю. Сегодня наш 1 дивизион собрался на гимнастику вторично, но 1-й раз я не был (20 октября), так как ездил в Стрельну (см. 20 октября), а потому вкратце опишу сегодняшний «урок». Полковник фон Цур-Милен (командир 1 дивизиона) пришел с опозданием... Сперва мы начали с т. н. «вольных движений». Все офицеры встали в одну шеренгу, рассчитались «на два» и «на месте» и перестроились в 2 разомкнутые шеренги. Сам полковник фон Цур-Милен встал на правом фланге и делал упражнения вместе с нами. Командовал поручик Наркович (прошлый раз подпоручик Жиленков) по «гусарскому» уставу. Командовал плохо... В общем упражнения велись не очень стройно, и недостаточно соблюдалась дисциплина в строю. После «вольных движений» перешли на «машины». На них каждый офицер делал что хотел, а некоторые и вовсе ничего не делали. Посему следует признать, что гимнастические офицерские занятия пока еще не налажены. Но и за почин – слава богу!! Пора поддерживать в офицерах не только верховую езду, но и все остальные виды здорового спорта. Два офицера: капитан Гирш и подпоручик Манакин фехтовались...

В 3 часа дня по телефону меня вызвал к себе на квартиру командир бригады генерал Головачев и сообщил, что он получил секретное предписание – представить от бригады одного кандидата на должность делопроизводителя проектируемой строительной комиссии для спешной постройки казарм в Финляндии (согласно новой секретной дислокации). Генерал предполагает назначить меня и спросил мое согласие. Я отвечал уклончиво, так как положительно неизвестно – где, когда и сколько я буду работать. Бросать строй на 2–3 года я бы не желал. На 1 год – куда ни шло! Представление кандидатов от бригады не исчерпывает вопроса. Из всех кандидатов (по 1 от каждой гвардейской части) командир Гвардейского корпуса выберет только 4-х. Пока, значит, дело писано вилами по воде.

Только сегодня, т.е. спустя 35 дней, хозяин собрания (поручик Снигиревский) привез из лаборатории Министерства торговли серебряный слиток (см. 21 сентября). Дело в том, что первый слиток оказался неоднородным по составу, и его переливали несколько раз, прежде чем взять из него «пробу». Результатом этих операций оказалось то, что слиток окончательно весит не 17 фун[тов] 63 золотника, а 16 фунтов 11 золотников. Проба оказалась, против ожидания, весьма низкой. Ведь наши погоны считаются 94

пробы, а потому первый наш слиток имел пробу выше 84. А этот слиток имеет пробу $S = 857$ (в тысячных долях), т.е. приблизительно $82\frac{1}{2}$ по обычному счету. Золота оказалось приблизительно по 1 золотнику на каждый фунт серебра $3 = 010$). Пока этот слиток выставлен для обозрения в витрине дубовой столовой собрания.

30 октября – пятница.

От 9 часов утра состоялся смотр учителей молодых солдат в 1 дивизионе. Учителей 1 его высочества батареи представляю я. От 9 до $9\frac{1}{2}$ часов утра полковник фон Цур-Милен экзаменовал у меня т. н. «словесность» и «револьвер». Экзамены нашего дивизиона довольно оригинальны. Так как он сам ровно ничего не знает и к тому же ленив до полного игнорирования службы, то он сам не задает вопросов, а поручает их задавать – офицерам. Нечего и говорить, что весь смотр сводится таким образом к настоящему отбыванию номера и по существу – лишь бесполезная трата дорогого (см. 24 октября) времени. От $10\frac{1}{2}$ часов утра Цур смотрел «приемы у орудий» и «материальную часть». И опять сам лично он не задал ни одного вопроса... Послеобеденный смотр он перенес на понедельник. Должно быть, «устал» от столь необычайных для него трудов.

Со скорым поездом в 11 часов вечера моя кузина Сима Андрюкова (см. 24 октября) уехала в Москву. Я провожал ее на Николаевском вокзале.

31 октября – суббота.

Поручик Снигиревский (хозяин собрания) и я продали сегодня Бонну (угол Садовой и Гороховой) слиток серебра, принадлежащий нашему офицерскому собранию (см. 27 октября). Бонн дал по 15 рублей за фунт, и всего мы получили 242 рубля. По правде сказать, мы ожидали большей суммы, но нужно принять во внимание 2 неблагоприятных обстоятельства по сравнению с тем, что было несколько лет тому назад (при нашей первой выплавке). Во-1), проба оказалась весьма низкой (82 с небольшим), и во-2), серебро страшно упало в цене. Фунт серебра стоит всего $11-11\frac{1}{2}$ рублей. 15 рублей за фунт мы получили благодаря присутствию в слитке чистого золота.

В 8 часов вечера в карточной комнате офицерского Собрания армии и флота был на собрании Разряда полковых и корабельных историй Императорского Русского военно-исторического общества (председатель – наш начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий). Прослушал рефераты Г. С. Габаева («О способах ознаменования столетней годовщины священной памяти 12 года»), Н. П. Волынского («Краткое выяснение неточностей хронологии гвардейских кирасир»), генерала Беклемишева о флоте в 1812 году и несколько слов генерала Драке о плохом состоянии некоторых полковых архивов.

1 ноября – воскресенье.

Был я в маленьком «кинемом» «Мулен Руж».

2 ноября – понедельник.

От 10 до 11 часов утра был смотр учителей молодых солдат командиром 1 дивизиона полковником фон Цур-Миленом (см. 30 октября). Стоит ли долго распространяться – какой это был «смотр»! Достаточно обратить внимание на следующее. Смотрели 3 батареи порознь, каждую батарею следовало экзаменировать по 1) пешему строю и по 2) гимнастке (соколиная и на машинах). И на все про все было истрачено не более 50 минут!! Гнусное отбывание номера!..

В «Офицерской жизни» от 24 октября с. г. за № 192 помещена моя статья под заглавием «Новый устав внутренней службы», в которой я критически разбираю это новое детище комитета по образованию войск. Статья подписана моим псевдонимом: «В.Черниговский».

4 ноября – среда.

Новое бригадное «дело». Молодой подпоручик Георгий Павлович Фалеев, только что в этом году надевший мундир нашей бригады, уже имеет все шансы – снять его в наикратчайший срок. Я уже давно «слышал» про г. Фалеева, а последнее время довольно детально был осведомлен о всех денежных аферах этого нового «хулигана» в офицерском мундире, но не заносил слухи и даже факты в свой дневник, так как был уверен, что рано или поздно мне представится случай описать все событие документально точно и подробно. Так оно и случилось. Сегодня я получил официальное уведомление от председателя суда общества офицеров – прибыть в офицерское собрание в 9 часов утра для заседания по делу г. Фалеева. В сущности я шестой (запасный) член суда (капитан Альтфатер в отпуску), но так как одного из членов суда – полковника Пономаревского-Свидерского 2 – предполагается «отвести» (он – главный обвинитель Фалеева), то я и вошел в «кворум» суда и принял участие в дознании. Итак, в 9 часов утра собрались следующие лица: полковник Илькевич (председательствующий), полковник Пономаревский-Свидерский 1, полковник Вешняков, полковник Пономаревский-Свидерский 2, капитан Гирш и я. Основанием к производству дознания послужил длиннейший рапорт командира 2 батареи полковника Пономаревского-Свидерского 2 от 29 октября за № 29. Сегодняшнее заседание началось с того, что Пономаревский 2 довольно подробно рассказал нам о растрате г-ном Фалеевым казенных денег, причем в денежном ящике батареи до сих пор не хватает около 300 рублей. Попутно Пономаревский 2 рассказал нам и о всех шахер-махерствах Фалеева по части займов денег, фиктивных счетов и проч. После этого почти часового доклада начался вызов свидетелей поодиночке. Мы заседали в карточной комнате – в домашней форме...

Первым был вызван поручик Ушаков. Суть его показаний сводится к следующему. Когда 1 его высочества батарея уезжала в Полтаву – г. Ушаков сдал солдатскую лавочку 1 эшелона г-ну Фалееву и притом передал ему некоторую сумму денег для сдачи их бригадному казначею. По возвращении нашей батареи из Полтавы Ушаков узнал, что эти деньги до сих пор казначею не сданы. После довольно долгих напоминаний г. Фалеев сдал Ушакову дневную выручку за время своего заведывания, а прежние деньги фиктивно сдал поручику фон Руммель (бригадному казначею) и принес Ушакову расписку. На самом деле Руммель согласился на уплату этих денег в рассрочку. Это первое «небрежное» отношение к казенным деньгам тогда же сделалось известным мне и многим другим офицерам и впервые показало нам, что за «птица» г-н Фалеев. Но, конечно, единственный случай не был обобщен, а дальнейшие «частные» подвиги Фалеева нам известны не были... 2-й свидетель, подпоручик Жолтановский, дал длинное и интересное показание, так как именно он ссужал чаще всего деньгами Фалеева, знал все его денежные дела проч. В момент первой растраты Фалеева (лавочки) Жолтановский дал ему из собственных средств около 200 рублей. Потом г. Жолтановский дал ему 470 рублей из казенных денег (он заведывал в это время батарейным хозяйством) с тем, что Фалеев принесет ему взамен оплаченный счет мясоторговца Воронина. Фалеев из 470 рублей уплатил Воронину 50 рублей, а 420 рублей взял себе, уговорив Воронина написать на батарейном счете, что он получил все деньги сполна. Дальше все катится, как по наклонной плоскости. Фалеев должен, Жолтановский ссужает ему деньги под вексель и большие проценты от имени каких-то жидов, затем снова (!?) дает ему 420 рублей казенных денег для уплаты по 2-му счету Воронина, который Фалеев преспокойно не платит, и т.д. Допрос Жолтановского ведется весьма тщательно, причем для выяснения всех денежных дел – поручику Жолтановскому задается масса вопросов – в особенности со стороны полковника Пономаревского-Свидерского 2. Заметно волнение у г. Жолтановского и иногда небольшая невязка с теми показаниями, какие он давал раньше Пономаревскому 2. Кое о чем он умолчал, по-видимому, умышленно. Впервые нам делается известным, что Фалеев вел в клубах крупную карточную игру (макао) (клубы: фотографов-любителей, финансовый и экономистов), иногда выигрывал, а иногда проигрывал. Проигравшись, Фалеев занимал деньги у кассира клуба, но – вовремя ему этих денег не отдавал и по настоящее время не отдал довольно крупную сумму (до 200 рублей), выдав взамен векселя. Этот «клубный» инцидент г. Жолтановский почему-то также принял к сердцу и, по его словам, ездил «улаживать» дело с кассиром...

Поручик Жиленков (3-й свидетель) давал показания осторожно, неохотно, что-то скрывал, так что приходилось вытягивать от него показания. Существенное только то, что Фалеев обратился к нему с просьбой, чтобы Жи-

ленков устроил ему заем в 1000 рублей. «Жилкин» пообещал познакомить Фалеева с «дядюшкой», но «дело» не устроилось. На мой вопрос – Жиленков ответил, что Фалеев ему ничего не должен, а накануне Жиленков мне говорил, что ему Фалеев должен 200 рублей. Несомненно, Жиленков врет, так как этих денег у него и быть не может. Вообще показания Жиленкова произвели впечатление чего-то недоговоренного и далеко не чистосердечного. Участие Жиленкова в судьбе Фалеева представляется подозрительно-загадочным.

4-м был опрошен подпоручик Нестеров. Показания Нестерова любопытны тем, что он был ближайшим приятелем Фалеева (он его товарищ по корпусу и училищу). Выяснились подробности клубной игры Фалеева, где бывал и Нестеров. Окончательно выяснилось, что большинство офицеров бригады все же считали Фалеева со средствами, правда, не собственными, но получающим их от своего родного брата (штабс-капитан Главного артиллерийского управления) в значительном количестве. Зачастую у Фалеева в кошельке бывало много денег, и отсутствие денег [он] объяснял лишь кратковременной нуждой – впредь до новой, крупной получки. Личные счета Нестерова с Фалеевым (кроме мелких) сводятся к тому, что однажды Нестеров проиграл Фалееву 200 рублей в макао и этих денег ему не заплатил. Но зато Нестеров поручился на двух векселях Фалеева в 200 и 300 рублей, и если Фалеев их не уплатит, то Нестеров в итоге будет 300 рублей внакладе.

Показанием Нестерова мы закончили 1-ю половину дознания (было 12 часов дня), и полковник Илькевич объявил перерыв до 3 часов дня.

В 3 часа мы снова собрались, и опрос продолжался...

Поручик фон Руммель, наш бригадный казначей, рассказал нам, что г. Фалеев действительно не мог сдать ему казенных артельных денег и что он ему выдал по его просьбе фиктивную расписку в получении этих денег. Но затем вскоре Фалеев часть своего долга внес, а остальной долг Руммель погасил ежемесячными вычетами из его содержания. Показания подпоручика Тихонравова во многом напоминают показания подпоручика Нестерова, так как, по его словам, он принадлежал к «этой компании». Поэтому мы снова слышали о клубной игре Фалеева, о «макао» в лагерях, когда не только Нестеров, но и Тихонравов проиграл Фалееву 100 рублей на мелок, и о кутежах в ресторанах и садах. В настоящее время подпоручик Тихонравов никаких денежных счетов с Фалеевым не имеет...

Поручик Снигиревский ничего нового не внес, так как никаких дел с Фалеевым не имел, а все знал лишь по слухам от других.

Подпоручик Тарасов «зарезал» своим показанием Фалеева. В противоположность Тихонравову, cedившему свои показания сквозь зубы, ибо, по-видимому, он боялся или «выдать» друга, или замешать свою особу, Тарасов давал показания просто, открыто – как было. Дело с Фалеевым Тарасов вообще не имел, но в самое последнее время Фалеев увидел 75 рублей,

кои тот должен был заплатить по счету одного купца. Он заявил, что едет к этому самому купцу и поэтому может заплатить и за Тарасова. Тот дал ему деньги, а на другой день узнал, что Фалеев деньги его потратил и по счету не заплатил. Тем не менее Тарасов по просьбе Фалеева дал ему еще 60 рублей, так как Фалеев дал слово, что вернет ему всю сумму через несколько дней. Таким образом, Фалеев явно надул Тарасова, так как тот, по его словам, безусловно верил Фалееву и до последнего считал его человеком со средствами и лишь временно находящимся в затруднительном положении.

Поручик Перлик мог только сообщить, что однажды летом Фалеев попросил у него большую сумму денег в долг, а когда Перлик заявил, что у него таких денег нет, то Фалеев предложил ему дать «из казенных», на что получил должный отпор от поручика Перлика.

На этом мы прекратили допрос свидетелей и приступили к допросу самого «героя» – подпоручика Фалеева. В общем он подтвердил почти все, что про него показали его сослуживцы. Конечно, он смягчал все свои «трюки» и делал вид, что в худшем случае он слегка поступал «легкомысленно». Оправданием он считает то, что брат его временно очутился без денег, а потому он не получил тех 1–3000 рублей, кои ему были обещаны. Таким образом, он просто жертва несчастного случая. Как только он получит деньги, он тотчас уплатит батарейному ящику, Жолтановскому и другим. Но факты ему противоречат... До сдачи батарейного ящика штабс-капитану Тарновскому у Фалеева на руках было до 1000 рублей выигранных в клубе денег. Однако он никому ничего не уплатил, а часть этих денег проиграл, а часть прокутил в «Фарсе» и «Аквариуме» с артисткою Антоновой (по его хвастливым словам в собрании, он 11 дней подряд был в «Фарсе» и «Аквариуме»). Грязными строчками в его показании были те тяжелые обвинения, кои он возвел на подпоручика Жолтановского. По его словам, Жолтановский дал ему деньги под большие проценты, т.е. занимался ростовщичеством, и его «жиды», от имени которых говорил Жолтановский, – люди мифические. Затем он показал, что Жолтановский, так же как и он, совершил аферу со счетом Воронина, т.е. потребовал от него фиктивную расписку, а денег ему не уплатил, и что на «поверке» сумм был неоплаченный счет Жолтановского, который (т.е. счет) он скрыл от председателя комиссии штабс-капитана Буюковича. В заключение полковник Пономаревский-Свидерский 2 спросил Фалеева – думает ли он уплатить долг Тарасову, на что Фалеев заявил, что у него деньги есть и сегодня он Тарасову все уплатит. О своем долге Неелову (45 рублей) Фалеев скрыл (мы узнали об этом позже).

В 6½ часов вечера заседание сегодня окончилось.

5 ноября – четверг.

В 10 часов утра заседание суда о[бщест]ва офицеров возобновилось (см. 4 ноября). Вторично был учинен допрос подпоручику Жолтановскому.

Необходимо было выяснить некоторые вопросы, кои разногласно были освещены им и подпоручиком Фалеевым. Кроме того, надлежало, по возможности, проверить заявление г. Фалеева о неблагоприятных поступках г. Жолтановского. Допрашивали г. Жолтановского весьма подробно, особенно много спрашивал полковник Пономаревский-Свидерский 2. На этот раз подпоручик Жолтановский отвечал довольно убедительно, не путался в фактах и сравнительно мало волновался. Все обвинения Фалеева не подтвердились. Но лично у меня осталось убеждение, что поведение подпоручика Жолтановского далеко нельзя считать безукоризненно джентльменским, и, играя роль доброго гения Фалеева, он отчасти был и его злым гением, запутывая его в многочисленных денежных комбинациях. Тем не менее приходится считать, что ничего позорящего мундир подпоручик Жолтановский не совершил, а его ссуды из казенного ящика составляют служебный проступок, за который ему, вероятно, и попадет от его батареиногo командира. После допроса подпоручика Жолтановского мы обсудили еще раз все пункты обвинения против Фалеева и через полчаса в домашней форме отправились на квартиру командира бригады генерал-майора Головачева, где полковник Илькевич в нашем присутствии устно доложил весь добытый нами следственный материал. О необходимости предать Фалеева офицерскому суду было ясно всем, а потому генерал даже не голосовал этого вопроса. Зато полковник Пон[о]маревский-Свидерский 2 резко спросил генерала – кто же заплатит в денежный ящик недостающие 300 рублей? Вопрос этот имел целью доказать необходимость предания Фалеева еще Окружному суду – за растрату казенных денег. Как ни ясно, что Фалеева надо бы предать Окружному суду, все же нужно признать, что репутация бригады сильно от этого пострадает, так как обычно «такие дела» общему суду не предаются... Поэтому пока решен вопрос так: предложить Фалееву или его брату пополнить растрату, и если он на это не согласится, то дать ход рапорту полковника Пономаревского-Свидерского 2 о предании Фалеева Окружному суду.

Получив словесное приказание командира бригады, полковник Илькевич назначил на 4 часа дня судебное заседание. К 4 часам дня в собрании собрались те же гг. штаб- и обер-офицеры – в обыкновенной форме (в мундирах, при орденах). Столы были приготовлены в карточной комнате.

Сперва собрались 5 членов без меня, а я оставался в библиотеке. Минут через 5 меня пригласили в комнату заседания. Без меня процедура состояла в том, что полковник Пономаревский-Свидерский 2 попросил об отводе его, и суд в письменном особом постановлении уважил просьбу полковника Пономаревского-Свидерского 2 и постановил – устранить его из числа судей. Таким образом, я занял место за судейским столом. Заседание суда началось с того, что полковник Илькевич формулировал пункты обвинения. Вот они приблизительно:

1) Фалеев обвиняется в том, что, нуждаясь в деньгах, главным образом для игры в карты и кутежей, брал их заимообразно у товарищей и не всегда отдавал их в срок. 2) Входил в сделки с поставщиками и кассиром клуба. 3) Брал деньги у товарищей для уплаты по счетам (случаи с Жолтановским и Тарасовым), но уплату не производил, чем ставил своих товарищей в необходимость платить за него. 4) Возвел обвинение против своего товарища (Жолтановского) в ростовщичестве и обмане комиссии (при проверке батарейных сумм) без ясных на то доказательств и что не подтвердилось. 5) Заявил суду (вчера), что уплатит деньги подпоручику Тарасову, но их не уплатил.

После того я вызвал Фалеева из дежурной комнаты, где он находился, и сей муж предстал перед судилищем. Полковник Илькевич порознь прочел ему обвинительные пункты, на что Фалеев нового почти ничего не сказал и в общем согласился со всем, детски оправдываясь лишь в немногих деталях обстоятельств. В заключение он мог лишь подтвердить, что считает себя во всем виноватым, но просит принять во внимание, что растрата совершена им не в бытность заведывающим батарейным хозяйством, а значительно раньше. Заявление это бесполезно потому, что наш суд отнюдь не затрагивает вопроса о растрате, так как это нам не подсудно, а рассматривает лишь его некрасивые поступки как офицера (не уголовного характера). После ухода Фалеева началось обсуждение виновности Фалеева по всем пунктам. Почти все пункты обвинения были признаны нами единогласно позорящими мундир, а потому г. Фалеев был единогласно признан виновным. Оставалось выбрать меру взыскания: 1) удаление из бригады или 2) внушение. Капитан Гирш высказался за внушение (!!?!?!?!); все остальные – за удаление. Таким образом, большинством голосов (4 против одного) постановили удалить Фалеева из бригады. Приговор был тут же полковником Илькевичем написан, затем снова я позвал Фалеева, мы все встали, и полковник Илькевич прочел ему приговор. После слов «следуют подписи» – Илькевич прибавил: «Потрудитесь оставить офицерское собрание!»

Фалеев удалился. Финита!

До 6½ часов мы еще оставались в карточной, пока Илькевич писал рапорт и секретный доклад с изложением всех пунктов обвинения.

7 ноября – суббота.

В 12 часов дня в Сергиевском всей артиллерии соборе наша бригада служила панихиду по своим державным капитанам Бомбардирской роты, по великом князе Михаиле Павловиче, по державным шефам бригады и по всем умершим офицерским чинам бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Присутствовали в обыкновенной форме все офицеры бригады и дивизиона во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым. Небольшая часть офицеров была с киверами, остальные

с фуражками (однообразия же в русской пешей артиллерии, по-видимо[м] у, и быть не может). Старослуживых по-прежнему мало. Были: генерал от артиллерии Оноприенко, генерал-майор Лехович (командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), полковник Фуфаевский (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады), полковник Петрушевский (командир 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). Далеко не все офицеры нашей бригады были, обучающиеся в академиях. Были только: штабс-капитан Дуров (Николаевская военная академия), поручик Барановский (Николаевская военная академия) и поручик Рейнгардт (гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион, в Михайловской артиллерийской академии). Остальные – не «почтили» панихиду своим присутствием.

8 ноября – воскресенье.

День именин великого князя Михаила Николаевича, но, тем не менее, у нас в бригаде почему-то не было ни молебна, ни парада... Очевидно (единственно[е], что я могу предположить), Управление бригады посмотрело в прошлый год и узрело, что и в прошлом году ничего не было. Но в прошлом году 8 ноября были похороны великого князя Алексея Александровича, а потому вполне естественно, что молебен не мог состояться. Ну а в этом году!?

9 ноября – понедельник.

День формирования лейб-гвардии артиллерийского батальона, день начала самостоятельной жизни (совершенствования!) русской гвардейской артиллерии! Пока вопрос об общем бригадном празднике все еще висит в воздухе, но, тем не менее, желательно было бы уже и теперь устраивать 9 ноября общий бригадный молебен, домашний парад и проч. Подготавливать почву и внедрить в сердца всех офицеров и солдат важность и значение исторического дня 9 ноября... Увы! Управление бригады с мифическим адъютантом не понимает этой простой истины, и сегодняшний день протекает как настоящие будни. Утром – занятия, после обеда – занятия...

После долгого, долгого перерыва – 1-й ежемесячный товарищеский обед в стенах нашего офицерского собрания. Старослуживых записалось такое большое количество, что в Петровском зале поместились далеко не все, и в карточной комнате был накрыт еще один стол в виде буквы «Г». С утра хозяин собрания поручик Снигиревский проявлял адскую деятельность по сложной организации столь большого обеда. Пришлось принять некоторое участие и мне. Во-первых, я усиленно был занят в своем музее, чтобы к 9 ноября придать ему безукоризненный вид образцового порядка. Затем я перенес вчера в новое помещение архива все книги и дела, хранившиеся в шкапах музея, во-2), я помогал Снигирию в составлении проекта рассаживания

всех лиц за стол и давал некоторые советы, основанные как на личном опыте, так и на основании моего знакомства со многими большими обедами у нас в собрании. Обед сегодняшний – «месячный» лишь по названию. Правда, он состоит лишь из 3 блюд и цена его (официальная) – 3 рубля. Но так как на сегодня было назначено поднесение братины от старослужащих, то мы решили уже на свой счет (без участия старослужащих) подать к столу шампанское и устроить после обеда «траншею». Сервировка стола имела следующие особенности: цветов не было. Из серебра был поставлен лишь сюртуде-табль с фруктами. Меню впервые было напечатано не по-французски, а по-русски (что я от души приветствую). У каждого прибора лежал билетик с написанной фамилией (т.е. места были заранее расписаны) и положено было столовое серебро – именное – соответственно билету. Т. е. каждый офицер ел своим именным ножом, вилок, ложкой и проч. В зале столы были поставлены в виде буквы «П». Я сидел в зале. Трубачи играли в бильярдной. Закусочный стол в виде буквы «Т» был накрыт в дубовой столовой. Офицеры бригады и дивизиона, а также все старослужащие стали съезжаться уже с 6 часов (обед был назначен в 6½ часов). Все старослужащие были в сюртуках, хотя разрешено было быть и в кителях. Лишь немногие были в мундирах. Офицеры бригады были – наполовину – в кителях и сюртуках. Бесконечно приятно было видеть, с каким удовольствием старослуживые осматривали наше собрание, столь сильно украсившееся за последние годы. Новое большое помещение музея и образцовый в нем порядок вызвали большие похвалы всех старослужащих. Взаимные встречи старослуживых носили бесспорно сердечный характер. Лобызались, вспоминали юные годы, и в каждом их слове чувствовалась благодарная память к родной бригаде, где они провели лучшее время своей службы и жизни. Не жалко ни денег, ни трудов, чтобы иметь счастье видеть это единение – залог истинного товарищества, способного на подвиги как в мирное, так и в военное время.

Тем временем лакей генерала Леховича уже привез в собрание ящик с братиной, и братина была поставлена на особо приготовленный стол в гостиной собрания. К 6 часам 45 минутам вечера собрались все. Из двух герцогов приехал только один – Михаил Георгиевич, а старший герцог не приехал по нездоровью. До начала обеда все без исключения собрались в гостиной, причем мы встали в одной ее половине – ближе к окнам, а другую половину заняли старослужащие. Между двумя этими группами стоял упомянутый мной стол с серебряной братиной. Приветственную речь от старослужащих сказал генерал от артиллерии Оноприенко. Говорил он весьма недурно. Историческое основание к поднесению братины было сформулировано так: на празднике гвардейской артиллерии 6 августа было доложено его величеству о желательности отменить общий праздник гвардейской артиллерии и утвердить отдельные бригадные праздники. Лейб-гвардии 1

артиллерийская бригада выбрала для себя день 9 ноября. Государь император милостиво разрешил войти об этом с ходатайством. В память именно этого события у старослуживых и возникла мысль – поднести нам братину. На самом деле все это было не так. Правдивая история гласит так: уже много лет я и многие мои товарищи по бригаде возмущались тем, что ни в день 200-летия 1 его высочества батареи, ни в день 100-летия лейб-гвардии артиллерийского батальона, ни по какому-либо другому случаю – старослуживые ни разу не почтили бригаду ни малейшим знаком внимания. Тем более это казалось обидным, что другие гв[ардейские] части в дни своих юбилеев всегда получали какой-либо презент старослужащих. И вот однажды, сидя в столовой с капитаном Петрушевским, я ему говорю: «Иван Васильевич, сегодня ты офицер нашей бригады и вместе со мной согласен, что грустно не иметь подарка от старослужащих: будто никогда не было, нет и не будет связи между теми, кто носит и носил мундир нашей славной бригады. Через несколько дней ты получаешь батарею во 2 бригаде и обращаешься в “старослужащего”. Что бы тебе начать пропаганду между старослужащими – о поднесении нам какой-либо серебряной вещи!» Слова мои упали на добрую почву. Иван Васильевич Петрушевский, получив 5 батарею лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады, написал письмо в Варшаву к полковнику Гартунгу с предложением начать сбор денег на подарок бригаде от старослужащих. Нечего и говорить, что Лев Федорович Гартунг охотно согласился на предложение Петрушевского, но, по-видимому, взять на себя хлопоты по сбору денег, т.е. встать во главе старослужащих, – он не согласился. Недоставало, следовательно, энергичного, аккуратного, авторитетного и лояльного со всеми человека, способного осуществить благую мысль Петрушевского. К счастью для нашей бригады, такой человек нашелся. Это – генерал-майор Владимир Андреевич Лехович – командир лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Он встал во главе организационного комитета и выбрал себе в помощники своих сослуживцев по бригаде (бывших офицеров нашей бригады) – полковников Фуфаевского, Дена и Петрушевского. Все это произошло отнюдь не позже начала этого года, т.е. во всяком случае ДО 6 августа, т.е. до возникновения вопроса об отдельных бригадных праздниках, а следовательно, 1-е событие (поднесение братины) было лишь искусственно пристегнуто к позднему 2-му событию (9 ноября).

Впрочем, в своей речи генерал Оноприенко разошелся даже с генералом Леховичем, который в письмах к старослужащим говорит, что мысль о поднесении подарка возникла у старослужащих на проводах младшего герцога. Как бы то ни было, но дальше генерал Оноприенко совершенно правильно заявил, что мысль эта встретила единогласный и единодушный отклик в сердцах всех старослужащих, что показывает их горячую любовь к родной бригаде. Закончил свою речь генерал Оноприенко пожеланием счастья

и процветания славной лейб-гвардии 1 артиллерийской бригаде. Ура! Герцог Мекленбургский передвинул братину по столу в нашу сторону, что знаменовало «передачу». Генерал Головачев сделал вид, что ее «принял», и затем в ответной речи горячо благодарил старослужащих за подарок и заявил, что он будет вечно нам напоминать – как служили в бригаде наши предшественники, и мы будем им подражать, стараясь поддержать славу родной бригады. В заключение снова «ура» в честь старослужащих, которое мы поддерживали долгими и громовыми раскатами. Начало обеда ознаменовалось тем, что по предложению генерала Оноприенко мы все хором пропели «Очи всех...». Как курьез – это то, что у нас в зале не оказалось образа, и мне вспомнилась сцена из «Плодов просвещения», где мужики, войдя в барский дом, ищут икону и, не найдя ее, крестятся на лестницу. Мы же если и не крестились, то во всяком случае смотрели на портрет императрицы Екатерины Великой.

Главные тосты были следующие:

1) Тост генерала Головачева за старослужащих, покрытый громовым, долго не смолкавшим «ура».

2) Тост генерала Оноприенко за отсутствующего герцога Г. Г. Мекленбургского.

3) Тост генерала Головачева за отсутствующего фельдмаршала графа Милютину.

После того раздались голоса: «Послать телеграмму». Генерал подошел ко мне и попросил составить пару телеграмм: старшему герцогу и Милютину. Я тут же быстро набросал их, дал переписать библиотекарю Пилецкому и вручил их генералу Головачеву.

Затем генералу Головачеву напомнили, что из числа подписавшихся на подарок один уж умер – это генерал-майор Наркович, а потому желательно почтить его память вставанием. Генерал сначала было уперся, но потом сказал на эту тему речь, и мы все благоговейно встали... Трубацы сыграли «Коль славен».

Недурна речь-тост генерала Чернявского – за нынешний состав бригады, которому он пожелал через 50 лет быть столь же здоровыми, как и старым сослуживцам, и испытать то же радушное гостеприимство, которое испытывают старики. Его высочество герцог М. Г. Мекленбургский выпил за здоровье командира бригады.

Генерал Головачев провозгласил тост за старейшего офицера бригады – генерал-майора Пешкова. Г-н Бирюков поведал нам, что он только что был в Варшаве и видел самого большого и самого маленького офицера бригады – полковника Гартунга и полковника Смысловского – и от них обоих передает нам горячий привет. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Н. Р. Шульман выпил за здоровье хозяина собрания поручика Снигиревского, и Снигирь, вызванный в зал, конфузливо ра[с]кланивался. Камергер Семенов

поднял бокал за самого младшего офицера бригады. Из карточной комнаты появились двое: подпоручик Никитин и подпоручик Семенов. Никитин самый младший, принимая во внимание и прикомандированных к бригаде, а Семенов – самый младший из числа носящих мундир бригады. Было и еще несколько тостов... По окончании обеда снова пропели молитву.

Вовремя обеда играли не только трубачи, но и хор балалаечников гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Впрочем, балалаечники были плохо слышны. «Траншея» была устроена в гостиной. Тут новая братина старослужащих была наполнена чистым шампанским и стояли наши именные серебряные стаканчики. Сюда же поставили и серебряную чару на золотом блюде. В библиотеке стояли еще 2 братины (дар города Петербурга и ковш), но наполнены они были крюшоном. Трубачей скоро перевели из бильярдной в комнату великого князя Михаила Павловича (музей), но играли они мало, так как с места началась «Чарочка», «Солдат-солдат» и проч. Потешно долго уговаривали выпить чару до дна генерала Чернявского. Он прямо заявил: «Разве вы не знаете, что меня переупрямить нельзя». Однако его все-таки переупрямили, и он выпил вино залпом. Выпито, конечно, было много. По отчету хозяина собрания – более 40 бутылок одного шампанского, 4 четверти одного вина для крюшона и проч. Неудивительно, что под конец веселие закончилось танцами самого генерала Головачева, канканом подполковника Баумгарта, штабс-капитана Шанявского, подпоручика Гольдгара и подпоручика Потоцкого (прикомандированного). Еще через некоторое время перешли в залу и здесь опять проделали парад, впервые проделанный на проводах М. Г. Мекленбургского. Герцог принимал «парад», держа руку у «пустой» головы, а мы по-батареино проходили мимо него – то шагом, то рысью, то галопом, невероятно кривляясь и помирая со смеху. «Солидные» люди (вернее, «не» солидные) составили в карточной 5 столов и шлепали в винт, бридж и покер. В общем все кончилось очень рано, и полный разъезд гостей закончился к полночи. Герцога вынесли на руках, и трубачи выходили на улицу. «Качали» также генерала Потоцкого и генерала Головачева. Все находили, что вечер удался на славу. Было сердечно и мило. Связь со старослужащими снова возобновлена, и в гораздо большей степени, чем это было когда-либо раньше. Связь дружно заплелась с обеих сторон. Мы подумали о старослужащих и разослали им всем «удостоверения» на право ношения наших нагрудных знаков, а старослужащие поднесли нам художественную братину ценою в 800 рублей. Я внутренне горжусь тем, что играл большую роль в этом начинании, клонящемся к представительству родной мне бригады. Что бригадный нагрудный знак – дело моих рук – вы знаете, но и в деле поднесения братины я принимал несомненное участие. Я послал Петрушевскому полный список старослужащих с подробными их адресами (списка не было, пришлось порядочно поработать, чтобы его составить) и

все лето периодически наводил справки о тех или других лицах – по просьбе «комитета». Я же послал генералу Леховичу капитанский Нарвский знак как модель для украшения братины. Наконец, фирма Любавина воспользовалась моей идеей о форме братины, когда я одно время хотел ей заказать братину в «пандан» к нашим именным стаканчикам. Сохранились у Любавина и 2 хрустальных чаши, заказанные для моего проекта, и эти 2 чаши пошли теперь (одна запасная) для той братины, которую мы имели удовольствие получить сегодня в подарок. Хотя я громко не говорю о своем участии во всех этих начинаниях, но, вероятно, это для многих не секрет, и полковник Пономаревский-Свидерский 2 сказал мне сегодня следующее: «На 75 процентов мы обязаны тебе, что получили братину». Я безмерно рад, если на мою долю приходится хоть полпроцента, а все остальное я с восторгом и благодарностью отдаю энергичному Владимиру Андреевичу Леховичу и инициатору-старослужащему И. В. Петрушевскому. Отдадим также дань справедливой благодарности хозяину собрания поручику Снигиревскому, положившему много вдумчивого труда на прекрасную организацию обеда, «траншеи» и проч. Я рад, но не подумайте, что я радуюсь 800-рублевой братине, которая, кстати, мне и не принадлежит. Я радуюсь тому, что наличие этой братины знаменует собой крепкую духом воинскую часть, так как в плохих частях не может быть крепкой товарищеской связи бывших и настоящих однополчан, а эти последние не пылают к своей части священным огнем горячей любви, уважения и преклонения...

Вот полный список старослужащих бригады, посетивших наш сегодняшний обед:

- 1) генерал от артиллерии Оноприенко
- 2) — Свинын
- 3) генерал-лейтенант герцог Мекленбургский
- 4) д[ействительный] с[татский] с[оветник] Беляев
- 5) генерал-лейтенант Коленкин
- 6) д[ействительный] с[татский] с[оветник] Шульман
- 7) полковник фон Шульман
- 8) полковник барон Дистерло
- 9) генерал-лейтенант Мрозовский
- 10) полко[в]ник Бартенев
- 11) С. И. Бирюков
- 12) от[ставной] генерал-майор фон Шульман
- 13) камергер Семенов
- 14) полковник Виланд
- 15) генерал-лейтенант Мейбаум
- 16) генерал-майор Похвиснев

- 17) — Лехович
- 18) — Масалитинов
- 19) полковник Гродский
- 20) полковник Рерберг
- 21) генерал-лейтенант Потоцкий
- 22) подполковник Базаров
- 23) подполковник Колюбакин
- 24) генерал-лейтенант Кармин
- 25) — Чернявский
- 26) подполковник Баумгарт
- 27) генерал-майор Пешков
- 28) полковник Петрушевский
- 29) подполковник Пиотровский
- 30) капитан Стахович
- 31) капитан Яковлев
- 32) — Беляев
- 33) — Заркевич
- 34) полковник Дурново
- 35) капитан Гнучев
- 36) капитан Федоров
- 37) — Якимович
- 38) полковник Ден
- 39) капитан Мартюшев
- 40) подполковник Савурской
- 41) полковник Фуфаевский
- 42) генерал-лейтенант Берников
- 43) капитан Свицерский

Как видите, цифра весьма почтенная и для нас весьма и весьма утешительная...

11 ноября – среда.

Началась «комедия», именуемая инспекторским смотром командира бригады. В 9 часов утра в большом бригадном манеже наш 1 дивизион с хором трубачей на правом фланге открыл «опрос претензий». После опроса был осмотр наручных мундиров и шинелей. Послеобеденное продолжение смотра, как водится, пришлось отменить, так как в это время всегда подворачивается какое-нибудь обстоятельство, мешающее его течению. На этот раз подвернулось «аттестационное совещание», на котором обязательно присутствовать командиру бригады...

В 11½ часов утра по словесному приказанию командира бригады в Петровском зале офицерского собрания собрались все штаб- и обер-офицеры бри-

гады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Темой для речи генерала послужил подпоручик Фалеев. Генерал Головачев сообщил собранию главные проступки Фалеева, упомянул о крупной карточной игре Фалеева в разных клубах и заявил, что во всем этом отчасти виноваты его товарищи. Намек на то, что 2 офицера (Тихонравов и Нестеров) также играли в клубах, что составляет нарушение приказа по Гвардейскому корпусу и по бригаде. В заключение генерал Головачев сообщил, что сегодня в 7 часов вечера истекает срок для Фалеева, во-1), для подачи прошения об отставке, и во-2), для пополнения растраты (300 рублей) из батарейного денежного ящика. Ни того, ни другого Фалеев пока не исполнил. Положительно надо думать, что он или дегенерат, или о двух головах, или в полном смысле слова – мошенник. Кстати, вчера обнаружилось, что Фалеев не заплатил еще по одному счету 2 батареи (Жигалова). Затем появились слухи о его займах у какого-то крестьянина и т.д. Даже по приблизительному подсчету нам только известных долгов – общая сумма его «займов без отдачи» достигает более 2000 рублей!! Из молодых, да ранний!

Вечером был на лекции полковника Д. Д. Сергиевского в О[бщест]ве ревнителей военных знаний, прочитавшего историю краха нашей эмиритальной кассы и проект нового налога на несчастных офицеров русской армии. Наемный лектор делал вид, что все обстоит благополучно и дефицит в 150 миллионов – дело вполне естественное. После перерыва все ждали возражений и прений, о которых возвестил генерал Скугаревский, но, как и следовало ожидать, ни возражения, ни прения не были допущены.

12 ноября – четверг.

С утра – продолжение смотров командира бригады (см. 11 ноября), в которых я не принимаю ровно никакого участия. В собрании стало уже известным, что вчера не только к 7, но и к 9 часам вечера подпоручик Фалеев не пополнил своей растраты. Рапорт об увольнении от службы он тоже не подавал! Около 9 часов вечера он, по-видимому, хотел видеть командира бригады, дабы, как он заявил, подать рапорт (но рапорт, как известно, подается по команде), но так как командира бригады не было дома – он уехал... Относительно денег он заявил, что у него «денег нет». Это, впрочем, не мешает ему кутить с Антоновой...

Часов в 12 дня председатель суда общества офицеров полковник Илькевич собрал членов суда (меня, полковника Вешнякова, полковников Пономаревского-Свидерского 1 и 2) (капитана Гирша не было) и частным образом спросил нас – какого мы взгляда держимся относительно женитьбы, например, на дочери диакона. Вопрос поставлен принципиально. Полковник Вешняков высказался «за», а все остальные категорически «против» такого брака в среде бригады. Основанием для такого опроса послужило,

очевидно, следующее. Кто-то из наших офицеров хочет жениться на дочери диакона и зондирует почву, прежде чем рискнуть поставить этот вопрос на официальную баллотировку суда общества офицеров. Тайну свою он доверил полковнику Илькевичу... Мне же она абсолютна неизвестна...

Позднее я узнал, что это подпоручик Неелов (5 батареи).

13 ноября – пятница.

Последний день инспекторских смотров командира бригады (см. 12 ноября). Мне лично пришлось быть только от 9 часов утра – не более получаса, пока происходила выводка наших офицерских лошадей, а затем я вернулся в казармы, где у меня обучаются 8 человек новобранцев.

Вечером, в 8 часов, был на собрании Разряда полковых и корабельных историй, на котором прослушал 2 реферата: г-на Н. А. Энгельгардта «Военные мундиры императора Павла 1» и г-на Зезюлинского: «Бой русских со шведами под с. Добрым 29 августа 1708 года». Реферат Н. Беклемишева не состоялся. Сами по себе небольшие рефераты вызвали горячие прения, разросшиеся до в высшей степени интересной полемики по поводу загадочной личности императора Павла 1. 2-й реферат также вызвал прения, и наше заседание затянулось до 11½ часов вечера. В этом собрании демонстрировалась, между прочим, редкостная уника нашего бригадного музея: «Сведения о гатчинских войсках» и рисунки и планы к ним. Экземпляры, полученные генерал-лейтенантом Н. Кутлубицким от императора Николая 1. По просьбе председателя – генерал-лейтенанта Потоцкого – эти экземпляры принес из музея я.

14 ноября – суббота.

Тема простая: царский день, необходимо отслужить молебен при собрании офицеров и нижних чинов в большом бригадном манеже. Есть уставы, инструкции и проч. Следовательно, никаких недоразумений быть не может. А между тем я был свидетелем невероятнейшей чепухи, созданной нашим «милейшим» бригадным адъютантом штабс-капитаном Фриде и полковником Пономаревским-Свидерским 1.

Штабс-капитан Фриде отдал в приказе по бригаде, что на молебне быть в строю по одному офицеру на батарею (в 1 его высочества батарее в строю был я), а «старшим» быть полковнику Крутикову, которому пропустить батареи церемониальным маршем по окончании молебна. Пока все ясно, но черт, по обычаю, пошутил над Фриде и заставил его приписать в приказе: на молебне быть всем свободным от службы штаб- и обер-офицерам. Ясно, что как только в манеж вошел половник Пономаревский-Свидерский 1 – полковник Крутиков предоставил первое место ему как старшему. Иначе и быть не могло, а Управление предписало, в сущности: «на параде быть

старшим – младшему» (!!??), что – нелепо! Кроме того, раз есть «принимающий» парад, то должен быть и «представляющий» (т.е. командующий) парад, а совместить в одном лице то и другое, как делает Фриде, недопустимо. Итак, экспромтом полковник Пономаревский-Свидерский 1 оказался старшим и после молебна наделал ряд глупостей. Вот они:

1) Провозгласил здравицу императрице Марии Федоровне и при этом скомандовал «слушай на краул». Всякую здравицу нужно начинать с царя, и пропустить здравицу царю – не принято. Когда провозглашают здравицу императриц и прочих членов царской семьи – шашки держат «на плечо», а не «на краул». Трубаچی, по приказанию жопы Матвеева, играли сдуру Уланский марш, вместо Кавалергардского.

2) Церемониальным маршем батареи были пропущены повзводно и без вынутых шашек (!!).

3) Трубачей полковник Поном[аревский]-Свид[ерский] 1 называл почему-то «музыкантами».

Кстати заметить, что на молебен почти все офицеры явились с опозданием на 5–15 минут. Старая истина: нет «палки» – и тотчас все распускаются...

Подпоручик Тарасов первый и единственный явился в новой поясной портупее. Боже! Какая гадость! Когда же военное ведомство прекратит свои эк[с]перименты с формой и прекратит свое издевательство над несчастными офицерами пехоты и пешей артиллерии. Дурацкие колпаки-кивера, поясная портупья (при одновременном существовании еще двух портупей: плечевой и походной), 2 сорта перчаток, глупейшие украшения на уродливой шашке, бесполезные лацкана и проч. и проч. Поистине, терпеливо наше офицерство!!!!..

16 ноября – понедельник.

В 11½ часов утра состоялось общее собрание гг. офицеров и чиновников бригады и дивизиона для обсуждения вопроса о пополнении 150-миллионного дефицита эмиральной кассы (см. 11 ноября). «Новое время» правильно заметило, что офицерам предлагается вопрос: «Что хотите? – 1) платить? или не получать?» Несомненно, ни того, ни другого. Тем не менее нам предлагают выбрать один из 3-х способов «покрытия дефицита по оборотам эмиральной кассы» и, по-видимому, считают, что не может быть четвертого способа, более желательного для всей массы офицерства. Другими словами: «изволь согласиться на одно из трех наших условий». Выбор небольшой и малопривлекательный. Все равно как если бы тебя спросили: «За какое место ты желаешь быть повешенным». Ответить, что я вовсе не хочу быть повешенным (даже за яйца) – нельзя... Такой способ «обсуждения» вопроса и «голосование» – новое издевательство над нашей армией! Какая наглость, например, предложить первые два способа (для покрытия чьих-то грехов и в надежде, что лет через 10 дефицит снова будет миллионов 200! Какая, спрашивается,

гарантия, что его не будет!? Ровно никакой! Ни о тщательной ревизии, ни о проекте каких-либо реформ в Управлении кассы и слуху нет!!):

1) Мы согласны сохранить вам все пенсии (вами заслуженные), но только в том случае, если вы дадите брать с себя еще $6\frac{1}{4}$ процентов на содержание.

2) Не хотите давать вас грабить – пустим по миру вас, ваших жен, вдов и сирот...

Третий способ – совсем глупый: обкладывать вычетами экономические общества (?!), награды, пособия (!!??), прогоны и проч. и в результате все-таки сократить несколько пенсию. Очевидно, наша бригада не могла согласиться баллотировать ни за один из этих способов. Мы не скрываем, что нас могут заставить это сделать, но до полученного категорического приказа мы не могли отказать себе в удовольствии – выразить протест против беспримерной наглости военных заправил. После ряда резких речей (говорил я, капитан Явид, капитан Алымов и др.) председатель полковник Горбачевич по нашему настоянию ставил на баллотировку вопросы так:

1) кто ЗА 1-й способ – прошу встать (встали трое: полковник Пономаревский-Свидерский 1, капитан Огоновский и классный фельдшер Хохряков),

2) Кто ЗА второй способ – прошу встать (никто не встал),

3) Кто ЗА 3-й способ – прошу встать (встал один капитан Гирш).

Таким образом, почти единогласно бригада провалила все 3 грабительских способа, предложенных Военным советом.

Дело г. Фалеева все еще не может исчерпаться (см. 12 ноября). Рапорт об увольнении от службы он подал, но денег в ящик 2 батареи так и не пополнил. Но этого мало. Нуждаясь в деньгах на свою страсть – Антонову или еще куда-нибудь – Фалеев становится форменным мошенником и вымогателем. На днях он был уличен в подделке подписи подпоручика Нестерова на векселе. К сожалению, этот вексель ему удалось скрыть. Затем он снова обманным образом занял денег у подпоручика Тарасова. А вчера или третьего дня он явился на квартиру подпоручика Жолтановского и грозил ему судом за то, что тот имеет его расписок больше, чем тот ему должен. Таким же судом он грозит и Тарасову (!!??) и чуть ли не всем своим товарищам, не раз его выручавшим. Беспримерная наглость и подлость!! По слухам, Фалеев ходил к генералу Головачеву с жалобой на своих товарищей, и вот сегодня снова на квартиру к генералу Головачеву вызывался по этому делу полковник Илькевич и Пономаревский-Свидерский 2... Черт знает что такое!!!

17 ноября – вторник.

Уже вчера вечером вышло экстренное приказание по бригаде – собраться сегодня в $8\frac{1}{4}$ часов утра на общее собрание под председательством полков-

ника Горбачевича для новой баллотировки по вопросу о крахе эмиритальной кассы, но при условии, чтобы общая сумма голосов, поданных за каждый из трех способов, будет равна количеству голосующих членов (см. 16 ноября). Мы, конечно, вполне ожидали этот «приемчик» со стороны начальства, а потому это приказание лично меня нисколько не удивило. Перед начальством голосования командир бригады генерал-майор Головачев сообщил нам, что им получено письмо от командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Данилова, в котором тот сообщает, что в одной из частей Гвардейского корпуса снова обнаружена пропаганда среди нижних чинов. Виновный солдат бежал, но переписка его захвачена и показывает, что и в других частях неблагополучно. А потому... Ну, как водится, «принять самые строгие меры» и проч. У нас в бригаде снова будут введены помощники дежурных офицеров (т.е. два дежурных в день) и снова командир бригады будет ежедневно посылать особое приказание – осмотреть в такой-то час такую-то батарею, команду и проч. Т.е. то, что уже практиковал герцог М. Г. Мекленбургский. Затем генерал Головачев сделал нам «устное разъяснение», что наше предстоящее голосование не имеет решающего значения, а лишь послужит указанием для Военного совета... Одним словом, Военному совету угодно поиграть с нами в голосование, но в строго определенных рамках, дабы, избави бог, не пришла бы кому идея – не согласиться с воровским мнением сытых генералов. Голосование происходило поименное. Я подал голос за 2-й способ (т.е. не давать правительству новых вычетов, так как считаю, что лет через 10–20 снова будет крах, а пенсии уменьшить не рискнут, так как это вызовет в о[бщест]ве бурю негодования). Большинство подало за 2-й способ. Немного меньше голосов – за 1-й способ и лишь несколько человек – за 3-й.

В начале 10 часа приехал в казармы командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант Данилов. Я был на занятиях с молодыми солдатами, а потому не мог быть свидетелем его обхода и замечаний. После занятий (в 12-том часу дня) я застал Данилова уже в караульном помещении, и затем он прошел в офицерский фехтовально-гимнастический зал. Прощаясь, он передал полковнику Горбачевичу (генерал Головачев уехал в 1 гвардейский артиллерийский парк), что «в общем нашел все в порядке, а мелкие мои замечания – несущественны» (в приказе по корпусу потом было сказано, что бригада найдена в «большом порядке»).

С 12 часов дня – дежурный по бригаде.

18 ноября – среда.

В 12 часов дня окончил свое дежурство по бригаде. В последний раз я отдежурил в одиночестве. Меня сменили уже 2 дежурных (см. 17 ноября). Вчера вечером я уже получил секретное предписание № 1, которое меня обязывало подробно осмотреть: 1) 1 его высочества батарею, 2) ремонтную ко-

манду и 3) ветеринарный лазарет в 1 час ночи. А ночью снова снег и метель, так что я бродил по улицам и дворам, проваливаясь на пол-аршина в сугробы.

1909
990

Фалеев, Фалеев и Фалеев... (см. 15 ноября). Нерешительность, боязнь и преступная снисходительность командира бригады грозят окончиться скандалом, большим, чем мы все ожидаем... Вместо того чтобы предать Фалеева Окружному суду, как на том настаивает полковник Пономаревский-Свидерский 2, Генерал его только «пугает», а, заметив такую тактику, Фалеев, говорят, сам попросил командира бригады – предать его суду, грозя, что на суде он выставит подпоручика Жолтановского в истинном свете. Сегодня – полное подтверждение этих слухов. Фалеев чуть не силой ворвался сегодня в 7 часов утра на квартиру Тарасова и, между прочим, заявил ему, что он подает рапорт с требованием о предании его – Фалеева – суду... Очевидно, Фалеев на что-то рассчитывает. «Запугать», «вымотать деньгу у Жолтановского», «напакостить» товарищам или еще что-нибудь – вот пока смутные догадки, мало, впрочем, вероятные... «Грязная» личность»!..

19 ноября – четверг.

На верховой сменной езде в большом манеже лошадь моя, прыгнув через соломенный барьер, свалилась наземь. Упал вместе с нею и я, причем Стюарт придавил всем своим телом мою правую ногу. В общем – довольно благополучно...

Из письма к Симе Андрюковой:

Ступить не в силах я ногою...
Костыль иметь мне суждено!
Ну что за важность, ведь душою
Уже хромаю я давно!..

20 ноября – пятница.

В 11¼ часов утра в Сергиевском всей артиллерии соборе была отслужена панихида по скончавшемся 17 ноября командиру 6 армейского корпуса генерале от артиллерии Николае Михайловиче Хитрово. Покойный носил наш мундир, так как числился в списках 4 батареи бригады. Я не застал Н. М. в бригаде, но зато хорошо помню его в должности начальника артиллерии Гвардейского корпуса, и на страницах своего дневника я, конечно, не раз о нем упоминал. На панихиде присутствовали все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым. Кроме того, присутствовала 1-я полубатарея 4 батареи под командой подпоручика Го-

лубцова. Из старослужащих были: начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий (одет не по форме: в Нарвском нагрудном знаке и, кроме того, согласно только что объявленного приказа по Гвардейскому корпусу, раз есть строй нижних чинов в фуражках, то и присутствующие офицеры должны быть в фуражках, а не киверах; Павел Платонович был в кивере, хотя, конечно, мог и не знать, что будут нижние чины). Генерал от артиллерии Оноприенко и подполковник Баумгарт (39 артиллерийской бригады). Кроме того временно командующий лейб-гвардии 2 артиллерийской бригадой генерал-майор Лехович командировал на нашу панихиду обширную депутацию, преимущественно из штаб-офицеров, так как Хитрово был начальником артиллерии Гвардейского корпуса. Были: полковники: Фуфаевский, Ден, Петрушевский, Беляев, Сиверс, Войно-Оранский, капитан Андреевский и бригадный адъютант лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады подпоручик Кузминский. Из старослужащих был еще отставной генерал Дружинин, известный герой Русско-японской войны и талантливый военный писатель. До сего времени он никогда и ни при каких обстоятельствах не посещал нашу бригаду и по слухам, даже не ценил свою службу в пешей артиллерии.

21 ноября – суббота.

Парадный обед в стенах нашего собрания в честь его высочества герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (см. 21 октября). Как я и ожидал, из старослужащих записалось на этот обед сравнительно немного, а потому хозяину собрания поручику Снигиревскому удалось всех разместить в зале за одним общим столом в виде буквы «П».

Вот список старослуживых, бывших на обеде:

- 1) его высочество герцог М. Г. Мекленбургский,
- 2) генерал от артиллерии Свиньин,
- 3) генерал от артиллерии Оноприенко,
- 4) генерал-лейтенант Коленкин,
- 5) генерал-майор Златарский (командир 22 артиллерийской бригады),
- 6) генерал-майор фон Шульман (отставной),
- 7) генерал-майор Пешков (отставной),
- 8) полковник Дурново,
- 9) капитан Свидерский,
- 10) полковник Фуфаевский (командир 1 дивизиона лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады)
- 11) полковник Петрушевский (командир 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады)
- 12) подполковник Баумгарт (командир 6 батареи 39 артиллерийской бригады).

Был, конечно, и начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант[н]т Потоцкий. Большинство присутствующих на обеде было в сюртуках и лишь немногие – в мундирах. Особенности сервировки стола следующие: из серебра был поставлен один лишь сюрту-де-табль (подарок М. Г. Мекленбургского). В простых стеклянных вазах были поставлены букеты из живых цветов. У каждого прибора стоял, кроме обычного хрусталя, – именной серебряный стаканчик. У кого нет собственного именного стаканчика, тот получил чей-нибудь чужой – из числа бывших офицеров бригады. Как и на прошлой обеде (см. 9 ноября), у каждого лежал его именной столовый (или десертный) серебряный сервиз.

К 6¼ часам уже все офицеры бригады и стрелкового дивизиона, а также все старослужащие были уже в сборе. За четверть часа до начала обеда приехал и младший герцог, которому генерал Головачев предоставил поздороваться с трубачами, стоявшими в бильярдной комнате. В 6½ часов в залу собрания вошел сам юбиляр его высочество герцог Георгий Георгиевич Мекленбургский в сюртуке нашей бригады. Хор трубачей встретил его новым бригадным маршем (сочинения юбиляра). С трубачами старший герцог также поздоровался. Вскоре все были пр[и]глашены «закусить». Закусочный стол в виде буквы «Т» был богато сервирован в дубовой столовой. Великолепный лангуст, превосходная свежая икра, дивные устрицы и проч. делали честь нашему известному повару-артисту Александру Лукичу Николаеву. Самый обед был ве[с]ьма длинный, так как меню – весьма обширное. Трубачи успели за это время сыграть всю свою печатную программу и кроме того сыграли много номеров сверх программы. Превосходно, как всегда, играл соло на кларнете сверхсрочнослужащий трубач Плосский. Тосты были следующие (записываю в порядке их произнесения):

1) Плохой тост генерала Головачева за его высочество герцога Г. Г. Мекленбургского, причем генерал Головачев ошибся, что 50-летний юбилей герцога исполнился 28 августа (?!), и после довольно громких поправок некоторых офицеров поправился «28 июня»). После этого тоста раздалось громкое «ура», и все присутствующие потянулись чокаться с герцогом.

2) Ответный тост старшего герцога был длинный, похожий на обыкновенный разговор, но от этого безусловно выигравший в своей сердечности. Он дважды повторил, что «имел честь», «имел большую честь» служить лейб-гвардии в 1 артиллерийской бригаде, и заверил нас, что у него, как и у всей его фамилии, есть органическая потребность принадлежать и любить какую-нибудь часть и что такой частью является для него 1 лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада. Выпив за наше здоровье, он обошел весь стол, чокаясь со всеми присутствующими.

3) Генерал Оноприенко произнес тост в качестве бывшего командира 1 его высочества батареи, под начальством которого служил его высочество,

и удостоверил, что достойный внук нашего шефа Михаила Павловича являлся всегда образцом примерной, ревностной и строго дисциплинированной службы, отличаясь вместе с тем высокою нравственностью и служебным тактом. Вот почему генерал Оноприенко «с восторгом» пьет здоровье его высочества.

4) Генерал-лейтенант Потоцкий, как всегда, пустился в историю. Он заявил, что его высочество связан с бригадой не только своею службой, но и историей. Его высочество – внук незабвенного великого князя Михаила Павловича, коего супруга и дочь всегда внимательно и милостиво относились к бригаде, причем последняя посвятила своих обоих сыновей нашей бригаде. Бокал свой генерал Потоцкий поднял за представителей покойного шефа – герцогов Георгия и Михаила Георгиевичей, за герцогиню Елену Георгиевну и всю их семью!

5) Генерал Головачев прочел вслух телеграммы нескольких старослужащих, кои заявляли, что быть на обеде не могут, но просят принести их поздравления его высочеству (от Берникова, Грибунина, Пузырева, Мрозовского, Дитерихса, Масалитинова, Григорьева, Мейснера, Шелковникова и Арсеньева).

6) Герцог Г. Г. Мекленбургский поднял бокал за «бывших моих сослуживцев» и «за бывших офицеров бригады, почтивших меня своим присутствием на обеде и приславших телеграммы».

В это время генерал Головачев приказал бригадному адъютанту штабс-капитану Фриде составить и отправить 2 телеграммы: 1) одну графине Карловой в Ораниенбаум и 2) другую – герцогине Саксен-Альтенбургской Елене Георгиевне – за границу.

7) Генерал Головачев провозгласил здоровье и процветание лейб-гвардии Семеновского полка и Пограничной стражи, кои сегодня празднуют свои праздники.

Трубачи сыграли марш лейб-гвардии Семеновского полка; этот тост был знаком внимания к генералу от артиллерии Свиныну (бывшему начальнику Пограничной стражи) и генерал-лейтенанту Коленкину (помощнику начальника Пограничной стражи).

8) Генерал-лейтенант Коленкин от имени Пограничной стражи принес благодарность бригаде и выпил за ее здоровье.

После обеда оба герцога и высшие начальники и многие офицеры прошли в наш музей, где с любопытством и вниманием осматривали многие альбомы, картины, манекены и проч.

Перед осмотром музея случилось маленькое кипроко⁵. Перегорели где-то провода, и электричество погасло во всем музее. В комнате велико-

⁵ Неразбериха, от лат. qui pro quo.

го князя Михаила Павловича так и не удалось его зажечь, и комната была освещена двумя канделябрами, а собственно музей и архив вскоре были освещены пущенным током. В «книге посетителей» предложено было расписаться одному юбиляру – герцогу Г. Г. Мекленбургскому.

Из музея большинство перешли в бильярдную, где старшие уселись на диване и слушали наших трубачей. Старший герцог, как большой знаток музыки, сам заказывал некоторые номера и внимательно их слушал. Тем временем в большом зале тщательно все убрали и вновь сервировали на столе в виде буквы «Г» для т.н. «траншеи». На столе стояли все наши братины, кубки и жбаны, и в них было налито шампанское и крюшон. Шампанское подавалось и в бутылках. Стояли фрукты, миндаль, кофе, ликеры, сыры и проч. Зал был прекрасно освежен, и как только все было готово – все перешли в него. Решено было не «наваливаться» на герцога, а потому были всего 2 «чарочки»: 1) первая старшему герцогу и 2) вторая – обоим вместе («Нам без высочеств не пьется»). Не забыт был и знаменитый «парад», причем младший герцог с особым удовольствием скакал козлом мимо своего старшего брата, который внес маленькую новость, – он благодарил за прохождение побатарейно, и мы громко орали: «Рады стараться, ваше высочество».

Около 12 часов ночи старший герцог со всеми попрощался, его вынесли с громким «ура» до экипажа, а трубачи повысыпали на Литейный проспект и непрерывно играли марш. Младший герцог оставался еще $\frac{3}{4}$ часа, и ему пришлось выпить немало «чарок», так как публика под конец увлеклась этим варварским способом напавать человека. Полились тосты: генерал Потоцкий со слезой заметил, что «нам, прослужившим в бригаде четверть века и более» приятно видеть это единение. Потом он же выпил за самого младшего офицера (подпоручика Никитина), а генерал Оноприенко выпил за кашевара (т.е. хозяина собрания). Снигиря тотчас приволокли и вкатили в него 3 чарки. Трубачи же сыграли ему: «Чижик, чижик, где ты был...» Генерал Головачев снова выпил за старослужащих и т.д. Но рекорд тостов побил нагрузившийся подполковник Баумгарт. Он непрерывно вскакивал со своего места и говорил к счастью короткие, но неизменно глупые тосты: «за серую шинель, которая нами руководит» (?), «за наших жен, которые нас одухотворяют» и прочий вздор... Когда заиграли адский галоп, все заставили Фриде протанцевать канкан, а герцог тем временем сорвался со своего места и побежал дирижировать хором. Продирижировав, он решительно стал прощаться и в 12 $\frac{3}{4}$ часов ночи покинул собрание. Его, конечно, тоже вынесли на руках, и трубачи неизменно выходили на Литейную улицу – пугать ночных прохожих и хулиганов. Всякая выпивка с его отъездом прекратилась, но зато составились 2 столика в карты – в винт и покер (до 4 $\frac{1}{2}$ часов ночи). После обеда старший герцог передал генералу Головачеву, что он приглашает всех офицеров бригады и всех тех, кто

сегодня был на обеде или прислал телеграммы, к себе во дворец (СПб.) на обед – 8 декабря.

22 ноября – воскресенье.

Гром среди зимы не так бы поразил нашу бригаду, как сегодняшнее потрясающее известие. После вчерашнего (см. 21 ноября) чествования – герцог Г. Г. Мекленбургский вернулся – веселый и довольный – к себе во дворец, но вскоре почувствовал легкое стеснение в груди, лег в кровать и через час скончался от паралича сердца!.. Ровно в 2 часа дня вся наша бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион собрались в церкви Троицкого подворья (у Аничкина моста), где соборне была отслужена панихида, заказанная семьей герцога. Среди нас был и начальник артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Потоцкий. К 2 часам обширная церковь наполнилась молящимися. Впереди всех у самого аналоя молилась семья покойного герцога. В церковь прибыли: великая княгиня Мария Павловна с великим князем Андреем Владимировичем, великий князь Константин Константинович с супругой и детьми и великий князь Дмитрий Константинович.

Наш герцог (Михаил Георгиевич) пришел в церковь уже почти к концу панихиды. До нее у него был генерал Головачев и выразил ему соболезнование от имени бригады. Тем не менее после панихиды мы зашли все расписаться у графини Карловой и герцога М. Г. Мекленбургского. В церкви, кроме нашей бригады, было еще много офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, коим командовал покойный герцог.

Согласно приказанию по бригаде, к 7¼ часам вечера все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с командиром бригады генералом Головачевым собрались во дворец его высочества на Фонтанке. Небольшая зала, вторая от входа, вскоре наполнилась массою лиц, пришедших на вечернюю лютеранскую панихиду. Кроме нашей бригады были еще офицеры лейб-гвардии Драгунского и лейб-гвардии Конно-гренадерского полков во главе со своими командирами. Были дамы лейб-гвардии Драгунского полка. Из высокопоставленных были: великий князь Сергей Михайлович, великая княгиня Мария Павловна, великий князь Андрей Владимирович (я с ним здоровался за руку) и др. В зале мы простояли вплоть до 8 часов вечера, а потом все стали понемногу расходиться. Оказалось, что лютеранская панихида была для нас «мифической», и мы ее не слышали. До панихиды наша бригада в лице депутации, состоящей из генерала Головачева и полковников фон Цур-Милена, флигель-адъютанта Демидова, Вешнякова и Пономаревского-Свидерского 1 возложила на гроб громадный, роскошный венок из живых цветов с бархатными лентами и надписью: «Незабвенному и горячо любимому его

высочеству герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому – лейб-гвардии 1 артиллерийская бригада и гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион». Перед уходом из дворца я протискался сквозь толпу в комнату, где лежал покойник. Комната (спальня) малюсенькая, и чуть не половину ее занимает широкая двухспальная кровать (из двух отдельных частей), на одной половине которой лежал герцог в рубашке, под одеялом, закрывавшим его тело до груди. Голова подвязана бинтом (чтобы не отваливалась челюсть). В 8½ часов вечера (с опозданием) в церкви Троицкого подворья (рядом) началась вечерняя православная панихида, и вся публика перекочевала на нее. Из бывших наших старослужащих я заметил: начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Потоцкого, генерал-майоров Похвиснева и Леховича, генерала от артиллерии Свинына, д[ействительного] с[татского] с[оветника] Беляева, подполковника Колюбакина...

23 ноября – понедельник.

В 8 ³/₄ часов утра состоялось в бригаде общее собрание гг. офицеров, в начале которого генерал Головачев словесно сообщил нам, что нам предстоит решить вопрос о способе почтить память усопшего герцога Мекленбургского. Председатель собрания полковник Горбачевич предложил высказать свои соображения председателю распорядительного комитета полковнику Вешнякову. Полковник Вешняков доложил следующее: вчера был возложен, как бы временно, венок из живых цветов (цена 80 рублей), кроме того предполагено возложить венок серебряный, ценою от 250 до 300 руб[лей], и отменить декабрьский месячный обед (до истечения 40 дней). Никто ничего не возразил, и предложение комитета единогласно было принято. Само собою разумеется, что до 9 дня никто из офицеров бригады не будет посещать театры, балы и проч.

В 1½ часа дня по заказу нашей бригады в церкви Троицкого подворья была отслужена панихида по герцоге Г. Г. Мекленбургском. Служил архимандрит Кронид соборне, а пели певчие нашей бригады (строевые нижние чины).

На панихиде присутствовали все офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с командиром бригады генералом Головачевым. Из старослужащих бригады я заметил: генерала от артиллерии Свинына (член Государственного Совета), генерал-лейтенанта Арсеньева, генерал-лейтенанта Мрозовского (начальник 1 гвардейской пехотной дивизии), генерала от артиллерии Оноприенко (член Александровского комитета о раненых), отставной генерал-майор фон Шульман, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Шульман (Собственная его величества канцелярия), генерал-лейтенант Коленкин (помощник начальника Пограничной стражи). Из дам я заметил: г-жу Беляеву (супруга нашего бывше-

го командира бригады, ныне д[ействительного] с[татского] с[оветника]) и г-жу Фриде (супруга бригадного адъютанта). В 2 часа кончилась наша панихида, и через несколько минут началась панихида по заказу семьи покойного герцога. К этому времени церковь битком набилась публикой. Из членов императорской фамилии были: великая княгиня Мария Павловна, великий князь Константин Константинович с супругой, дочерью Татьяной Константиновной и сыном – Иоанном Константиновичем, великий князь Сергей Михайлович, великий князь Димитрий Константинович, герцог М. Г. Мекленбургский и семья покойного герцога (графиня Карлова с тремя дочерьми). Наша бригада оставалась и на эту панихиду.

В 7¼ часов вечера вся наша бригада снова собралась во дворце покойного герцога – на лютеранскую панихиду. Тело герцога уже перенесли в зал, и он, одетый в мундир лейб-гвардии Драгунского полка, покоился на широкой деревянной кровати, сплошь уставленной цветами – серебряными и из живых цветов. В ногах полукругом расположены на металлических подставках подушки с орденами. По сторонам – почетные часовые офицеры и нижние чины от нашей бригады, 1 Стрелкового его высочества батальона, лейб-гвардии Драгунского и лейб-гвардии Конно-гренадерского полков. Пока мы были во дворце – на часах стояли штабс-капитаны Шаняевский и Беляев, затем их сменили подпоручики Тихобразов и Семенов. Фейерверкера от 1 его высочества батареи: Гайдено и Бугров, затем Белецкий и Кузьмин. Вовремя сегодняшней вечерней панихиды должно было состояться возложение нашего второго венка от бригады, серебряного, заказанного сегодня утром комитетом у Морозова (Милютины ряды) за 300 рублей. Но венок еще не был прислан из мастерской, где гравировали надпись. Тем временем депутация от нашей бригады, лейб-гвардии 2-й (генерал Лехович, полковник Фуфаевский, полковник Войно-Оранский и бригадный адъютант поручик Кузьминский) и гвардейской Конной (генерал Орановский, полковник Ивашинцов, штабс-капитан Кирпичев) возложили большой венок из живых цветов и с бархатными лентами: «Его высочеству герцогу Г. Г. Мекленбургскому – гвардейская артиллерия». Этот венок привел многих наших офицеров в понятное удивление и негодование. От нас – офицеров – подносят венок, а между тем никто не спрашивал нас о нашем согласии. Пора прекратить эту вопиющую бесцеремонность! Наша бригада, ради представительности, не жалеет буквально бешеных денег. На венки в Полтаву мы ассигновали до 1000 рублей, припомним венки генералу Мину (лейб-гвардии Семеновского полка), солдатам лейб-гвардии Семеновского полка, полковнику Николаеву (лейб-гвардии 3 артиллерийской бригады), наконец, 2 венка герцогу на сумму 400 рублей и мн. др. Но все это делается ради престижа родной части. А тут подносят венок от несуществующей (ни

строевой, ни тактической) единицы – от ВСЕЙ гвардейской артиллерии. Замечательно, что в этом нелепом «объединении» участвует, по-видимому, и наша бригада, хотя мы имеем особую тесную связь с герцогом, а 2-я бригада и гвардейская Конная ничего общего с ним не имеют. Бессмысленное объединение необъединяемого! Наше объединение заключается в общем начальнике артиллерии, и, конечно, генерал-лейтенанту Потоцкому и следует приписать несчастную мысль – подносить венок от гвардейской артиллерии – и тем по-прежнему и еще раз обезличивать самостоятельные, отдельные бригады, имеющие свои особые традиции, историю и проч. Самовольное поднесение венка от всей артиллерии является со стороны Потоцкого и глубоко незаконным поступком, так как распоряжаться нашими деньгами он не имеет права, а отнести венок на казенные суммы – более чем предосудительно...

Панихида окончилась, все разошлись и по-вчерашнему переключались в Троицкое подворье на 8-часовую православную панихиду. Осталась одна наша бригада, ожидая с нетерпением серебряного венка. В 8 часов вечера ушла из дворца и графиня Карлова с детьми. Проходя мимо нас, она сказала: «Господа, я вам так благодарна, так благодарна...» Наконец, в девятом часу прибыл венок, и генерал Головачев, полковник фон Цур-Милен, полковник Вешняков и штабс-капитан Фриде установили его в зале. Венок бесспорно лучше всех: очень большой, слегка модернизированный, оксиде, на прямоугольном бархатном щите, окаймленном красными и белыми кантами. На оригинальных серебряных лентах гравированная надпись – та же, что и на нашем первом венке из живых цветов. На панихиду в Троицкое подворье я не пошел.

24 ноября – вторник.

Перевозение тела герцога Г. Г. Мекленбургского из дворца на Балтийский вокзал и далее в Ораниенбаум. Я – в строю 1 его высочества батареи, а потому сравнительно мало что видел. В 10½ часов утра наша батарея (4 орудия) уже была совершенно готова и стояла на Басковой улице. Во главе батареи встал командир батареи полковник Мясоедов, в 1 взводе капитан фон Энден и во 2 взводе – я. Мороз – 1–2 градуса. Мы двинулись по Литейному проспекту, затем по Невскому пр., переехали Аничков мост, свернули на Фонтанку, переехали Чернышев мост и вытянулись по Фонтанке головой к Невскому проспекту в оружейной колонне. Впереди нас встали 2 эскадрона лейб-драгун, а впереди их против дворца герцога – 2 эскадрона конно-гренадер со штандартом и хором трубачей. Стояли мы так вплоть до 1 часу дня, когда, наконец, гроб вынесли, установили на катафалк и процессия тронулась. Вся процессия прошла мимо нашей батареи. Вид лошадей, покрытых черными попонами, напугал моего Стюарта, и он бросился

в сторону, потеснив фейерверкера Бугрова, но через секунду я заставил его встать на место. Ордена покойного герцога несли, между прочим, и наши офицеры: полковники: Вешняков, Крутиков, Жерве и Пономаревский-Свидерский 2, а у них ассистенты: штабс-капитаны Буякович и Рейнталь, поручики Курбатов и Бутовский. К Балтийскому вокзалу мы подошли к 1¼ часов дня и здесь еще раз вынули шашки, когда гроб снимали с колесницы. А затем наша батарея шагом вернулась в казармы (2½ часа дня). За гробом шли все офицеры нашей бригады. Часть из них вернулась с Балтийского вокзала домой, а часть уехала в Ораниенбаум. Могу еще записать то, что видел. Весь путь по Фонтанке и по Измайловскому пр[оспекту] был освещен электричеством, а самые столбы и фонари затянуты черным и белым флером и украшены траурными флагами. Венки везли на трех колесницах. Наш серебряный венок я заметил на 3-й колеснице – спереди.

Оказывается, что я был пророком, когда писал свою заметку о Фалееве (см. 18 ноября). В бригаду пришло извещение, что в 4 часа утра 22 ноября Фалеев ворвался с каким-то артиллерийским поручиком к «Контану», там стрелял в зеркало, грозил стрелять в администрацию, затем удрал на извозчике... Настигнутый французами от «Контана», он набил морду обоим гражданам французской республики, сам получил тумака, от которого упал на панель, и в конце концов был «залопан» приставом на квартире какой-то проститутки. И все это делается под флагом: «Офицера лейб-гвардии 1 Артиллерийской бригады»!!! А г. Головачев, по-прежнему, только «собирается его арестовать». Что ж! Подождем, пока Фалеев кого-нибудь убьет! О продолжающихся его мелких жульствах (например: неплатеж извозчику 6 рублей) я уже не записываю.

25 ноября – среда.

День похорон его высочества герцога Г. Г. Мекленбургского. Участвовала вся наша бригада в полном составе. Переезд всех лиц в Ораниенбаум (в том числе и высочайшие особы) совершился в экстренном поезде, отошедшем из СПб. в 9 часов 45 минут утра. В 10½ часов мы приехали в Ораниенбаум, и с вокзала я (вместе с поручиком Снигиревским) на чухонских санках доехал до дворца. Так как до панихиды оставалось еще много времени, то нам предложили «закусить». Богатейшая закуска и холодные блюда были предложены в парадных залах дворца – а-ля-фуршет. Какой-то штатский громко заявил, что его высочество не может лично прибыть, так как встречает высочайших особ, и просит «откушать». «Откушав», вся публика пешком прошла в лютеранскую дворцовую церковь, которая вскоре битком набилась блестящими военными мундирами, придворными фраками и черными дамскими туалетами. Так как сидеть внизу удалось лишь

почти одним дамам да высочайшим особам, а вся остальная знать уже толпилась в проходах, то я предпочел пройти на хоры, где занял чудное место впереди, откуда мне все было видно как на ладони. 1-й ряд справа заняла семья герцога: графиня Карлова, три ее дочери и сын – Борис. 1-й и 2-й ряды слева заняли: великий князь Дмитрий Константинович, великая княгиня Елизавета Маврикиевна, княжна Татьяна Константиновна, великий князь Андрей Владимирович, великий князь Николай Николаевич, великий князь Сергей Михайлович, князь Иоанн Константинович и великая княгиня Мария Павловна. 2-й ряд справа занял герцог М. Г. Мекленбургский, герцогиня Елена Георгиевна и др. В 1-м ряду осталось одно свободное место, которое вскоре после начала «органа» занял прибывший из-за границы наследный принц Мекленбург-Стрелицкий. Вовремя богослужения у гроба стояли почетные часовые – офицеры и нижние чины всех тех частей, где числился покойный герцог. От нашей бригады сперва стояли штабс-капитаны Шанявский и Беляев, а затем их сменили поручик Бутовский и подпоручик Тихобразов. Прощанье семьи герцога с телом покойного было долгое и трогательное. Графиня много раз его крестила и целовала, гладила его волосы, целовала руки. Герцог Михаил Георгиевич также довольно долго молился и поцеловал покойного брата в лоб, обе щеки и в руку. С катафалка гроб сняли и понесли из церкви: великие князья, герцог, генерал Головачев, почти все наши штаб-офицеры, штабс-капитан Шанявский, Явид, Фриде... Потом, по пути следования к могиле, – офицеры по несколько раз менялись и чередовались с другими. Могила была приготовлена тут же в парке, под одним из деревьев. 6 эскадронов лейб-драгун в конном строю и 1 Стрелковый его величества батальон отдавали воинские почести. Когда цинковый футляр в дубовом гробу начали запаивать – раздались орудийные залпы (это 5 Конная батарея, по обычаю «конников», начала стрелять не вовремя). Маленький дождик... Это Ораниенбаум плачет по своему высокому попечителю.

Мир праху бывшего офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады! После похорон в тех же залах дворца снова был предложен завтрак а-ля-фуршет. Так как времени было много, я и некоторые другие офицеры (капитан Альтфатер и поручик Снигиревский) решили, несмотря на придворные экипажи, прогуляться пешком до вокзала. В 3 часа дня к перрону был подан экстренный поезд, на котором большинство нашей бригады и вернулись в С.-Петербург. Вчера вся гвардейская артиллерия, по приказанию главнокомандующего, была в фуражках, а сегодня мы все уж были в парадных киверах (с кутасом и султаном). Из старослужащих бригады я заметил немногих: генерал-лейтенанта Берникова (начальник артиллерии 18 Армейского корпуса), камергера Семенова и подполковника Колюбакина (Генерального штаба) и полковника Виланда.

26 ноября – четверг.

Георгиевский праздник! В 9 часов утра у нас в большом манеже состоялся молебен. Служил о. Николаевский с диаконом, пел хор певчих – снова в кафтанах. От каждой батареи было выведено 20 рядов. Наша (1 его высочества) – единственная в мундирах без пуговиц. В строю два офицера: в 1-м взводе капитан Гирш и во 2 взводе – я. Все в фуражках. На молебне, тотчас за генералом Головачевым, встали наши «кавалеры»: классный технический мастер Шикунин (имеющий два знака отличия за Порт-Артур), фельдфебель 2 стрелковой батареи подпрапорщик Пыжов (1 знак отличия за Китайскую войну) и фельдфебель 4 батареи подпрапорщик Артемьев (медаль за храбрость за подавление мятежа в Кронштадте). После молебна генерал Головачев сам скомандовал «на краул», вынул шашку и провозгласил «во славу, здравие и благоденствие нашего обожаемого шефа государя императора».

Полились звуки «Боже, царя» и загремело «ура» солдат.

Затем генерал Головачев вкратце напомнил солдатам значение Георгиевского креста и провозгласил «ура» в честь здесь присутствующих георгиевских кавалеров и всех кавалеров, ранее служивших в бригаде. Затем все батареи были повернуты направо, вдвоили ряды, и мы прошли церемониальным маршем (без вынутых шашек). Последними прошли почему-то молодые солдаты 6 батареи, хотя молодым солдатам быть не полагалось, и прочих батарей не было. Это несомненный беспорядок и попустительство генерала Головачева.

Праздник 2 батареи бригады. Я получил на него приглашение как бывший офицер этой батареи. Молебен состоялся в 12 часов дня в столовой этой батареи. Из начальства были: командир 1 дивизиона полковник фон Цур-Милен и командир бригады генерал-майор Головачев. Из старослужащих: подполковник Генерального штаба Колюбакин, подполковник Савурской (адъютант Пажеского корпуса) и подполковник Пиотровский (штатный преподаватель Николаевского кавалерийского училища), полковник Илькевич (5 батареи) и я. За молебном отличились и диакон, и священник (о. Николаевский). Диакон «запустил» «вечную память» среди молебна, тогда как обыкновенно это бывает после многолетия царскому дому, а о. Николаевский убил всех нас страшно длинным «словом», в котором призывал нас против Государственной Думы, которая «ставит православие на одну доску с магометанством и язычеством», затем огулом заявил, что все секты потворствуют чувственности, а «баптисты» верят только в Христа, а добрых дел не признают (!?). Одни словом, вся его глупейшая речь была смесью самого низкого сорта «черносотенства» с «обскурантизмом» средних веков! Такие «проповеди» могут только окончательно подорвать и без

того неважный престиж церкви. А солдаты, конечно, ни слова не поняли из его галиматии. После молебна – «чарочка» наверху – в помещении, где выстроились все нижние чины и хор трубачей. «Чарочка», т.е. все тосты, не вышли из рамок, обыденных в этих случаях. После «чарочки» в канцелярии всем офицерам было предложено по бокалу шампанского, после чего все ныне и прежде служившие в батарее отправились на квартиру Пономаревского-Свидерского 2, где он и его жена снова предложили нам шампанское.

29 ноября – воскресенье.

Получил «Свидетельство» от 17 ноября 1909 года за № 1874 на пожалование медали в память юбилея, 200-летия Полтавской победы. Подпись председателя комиссии – генерала от кавалерии Бильдерлинга.

30 ноября – понедельник.

9-й день смерти его высочества герцога Г. Г. Мекленбургского (см. 25 ноября). По заказу нашей бригады в Сергиевском всей артиллерии соборе в 11¾ часов утра была отслужена панихида. Присутствовали офицеры бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым (часть офицеров была на заупокойной обедне и панихиде в Троицком подворье). Присутствовала полубатарея (16 рядов) от 1 его высочества батареи под моей командой. Из старослужащих был один полковник Петрушевский (командир 5 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады). Служил о. Николаевский с диаконом. Пели наши певчие.

1 декабря – вторник.

В 9½ часов утра, в то время, когда я занимался с молодыми солдатами, внезапно пришло приказание командира бригады – вести всех молодых в гимнастический зал. Пришли. Там шел смотр нашей бригадной учебной команды, и генералу захотелось показать молодым, как делают «старики». Устроен был форменный «лимонад» для втирания очков... Прыгали на кобылу через голову, кружились на турниках, прыгали с шестом чуть не на двухсаженную высоту и проч. Потом молодые всех 8 батарей, имея впереди хор трубачей, прошли в большой манеж, где учебная команда им показала вольные движения под музыку (соколиная гимнастика), по окончании которой молодые под ту же музыку разошлись по своим помещениям, пройдя мимо командира бригады, стоявшего на подъезде большого манежа. Против такого показа ничего нельзя возразить, мысль скорее удачная и заслуживает внимания, но жаль, что генерал сам увлекается этим «лимонадом» и пресерьезно воображает, что это-то и есть настоящая гимнастика. Об одиночной выправке, об одиночном развитии бойца, а также об инструкторских талан-

тах будущего фейерверкера – генерал Головачев и не помышляет. Была бы красивая картина – в духе феерии Зоологического сада, и он счастлив, как младенец!..

4 декабря – пятница.

От 9 до 11 часов утра участвовал в комиссии по поверке дровяных дворов бригады. Председатель комиссии полковник Пономаревский-Свидерский 1, а члены: я и подпоручик Неелов.

1909
1003

5 декабря – суббота.

В 11 часов утра в Сергиевском всей артиллерии соборе состоялась панихида по покойном начальнике артиллерии Гвардейского корпуса генерале от артиллерии Хитрово. Панихиду заказало Управление артиллерии Гвардейского корпуса (т.е. генерал-лейтенант Потоцкий), и вчера в «Новом времени» появилось о том объявление от имени командиров, штаб- и обер-офицеров частей «гвардейской артиллерии». Опять (см. 23 ноября) генерал Потоцкий, не спрашивая нас, орудует нашим именем. Говорят, что за венок герцогу с офицеров не будет вычтено, а расход отнесут на казенные суммы (это, конечно, тоже здорово!?!), но и помимо этого я не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь мог что-либо делать моим именем или от моего имени и не считать нужным даже предупредить о том, не говоря уже о предварительном испрошении согласия.

На панихиде были командиры, штаб- и обер-офицеры лейб-гвардии 1, лейб-гвардии 2, гвардейской Конной артиллерийской бригад, 1 и 2 гвардейских артиллерийских парков во главе с начальником артиллерии генерал-лейтенантом Потоцким. Были: генерал-лейтенант Арсеньев, генерал-лейтенант Кузьмин-Караваев (начальник Главного артиллерийского управления) и г-жа Вешнякова (супруга нашего полковника, командира 3 батареи). Из нижних чинов были: все подпрапорщики гвардейской артиллерии и полубатарея от нашей 4 батареи под командой подпоручика Потоцкого. Тут же в соборе был выставлен для обозрения венок, посылаемый на могилу Хитрово от имени гвардейской артиллерии. Венок – серебряный, очень изящный, в дубовом футляре.

6 декабря – воскресенье.

По обычаю, установленному генералом Головачевым и «милейшим» бригадным адъютантом штабс-капитаном Фриде, – все бригадные молебны назначаются теперь в 9 часов утра, и таким образом праздничный день, когда можно было бы выспаться, пропадает. Во всех батареях есть, конечно, младшие офицеры, которые и несут этот наряд. Но у нас в 1 его высочества батареи, где младших офицеров совершенно распустил полковник Мясо-

едов, я – один из старших офицеров бригады – непрерывно наряжаюсь в строй (см. 14 мая, 25 мая, 22 июля, 14 ноября). У подпоручика Манакина, по его словам, болит нога, и он не может носить сапог, другой говорит, что он не может, вероятно, носить перчаток, капитан Гирш слишком «важен», капитан фон Энден «заведует хозяйством» и т.д. Сегодня я снова в строю 1 его высочества батареи. Всем парадом должен был командовать капитан Ягеллович, но несмотря на то, что «принимающий парад» полковник Пономаревский-Свидерский 1 опоздал на 10–15 минут – капитан Ягеллович опоздал еще больше, и я, как старший, принял на себя командование парадом. Пономаревский-Свидерский порывисто обходил ряды солдат и здоровался все невпопад. 3 батарею принимал за 2-ю, 6-ю за 5-ю, молодых за старых и проч. и проч. Наша батарея (1 его высочества) впервые одела сегодня наш юбилейный знак (в память 225-летия существования [я] батареи). Молебен служил о. Николаевский с диаконом (8 минут!!). После молебна – здравица. Так как парадом командовал я, то все команды поданы мной были правильно, и я еще заранее предупредил полковника Пономаревского-Свидерского 1 – что надо делать и говорить. Тем не менее, Женька вдруг провозгласил «здоровье» «августейшего» (!!?) именинника. Потом прошли церемониальным маршем – повзводно. Молодые солдаты всех бат[а]рей стояли в шинелях вдоль барьера.

Уже в манеже стало известным, что умер великий князь Михаил Николаевич – один из последних неограниченных владык-князей, признававших только свою волю и произвол. Мы далеко еще от того блаженного времени, когда великие князья совершенно сойдут со сцены и избавят русскую армию от своего вредного влияния – самодуров и сатрапов.

Молебен по случаю батарейного праздника (1 его высочества) назначен был в 12 часов дня и состоялся с опозданием на полчаса, так как ждали командира бригады генерала Головачева, бывшего перед тем на молебне 6 батареи. Наша канцелярия и смежные с ней комнаты обильно декорированы флагами, большая часть которых украшала наш полтавский бивак. На аналое был установлен образ Петра Великого, взятый из офицерского собрания. Молодые солдаты были одеты в мундиры старого образца без поясов. Из старослужащих 1 его высочества батареи прибыли:

- 1) генерал от артиллерии Свиньин,
- 2) генерал от артиллерии Оноприенко,
- 3) генерал-лейтенант Арсеньев,
- 4) генерал-лейтенант Коленкин,
- 5) генерал-лейтенант Берников,
- 6) полковник Гродский,
- 7) полковник Базаров,

8) генерал-майор Лехович (в обыкновенной форме, с панихиды по великому князе Михаиле Николаевиче, с большим опозданием),

9) полковник Демидов,

10) полковник Пономаревский-Свидерский 1,

11) штабс-капитан Есимонтовский,

12) штабс-капитан Фриде,

13) поручик фон Руммель (казначей),

14) поручик Алексеев (квартирмейстер),

15) подпоручик Тарасов

(адъютант 1 дивизиона).

Числятся в 1 его высочества
батарея

1909
1005

Командир дивизиона полковник фон Цур-Милен, командир бригады и личный состав бат[а]реи во главе с командиром батареи полковником Мясоедовым.

Молебен отслужил о. Николаевский, который не утерпел, чтобы не сказать «слово», (см. 26 ноября), нелепое по изложению, в котором неудачно упомянул о «некоем начальнике-лютеранине», запретившем в осажденном Севастополе проносить икону по его позиции. Это – отрицательный пример – в назидание воинам, кои должны быть глубоковерующими и побеждать иконами (например: Куропаткин в последнюю войну; примечание – мое). «Чарочка» была приготовлена в помещении батареи (жбан и чарка Потоцкого, белое вино). Первый тост сказал генерал Свинын за государя, второй генерал Оноприенко – за императриц и наследника, генерал Арсеньев за инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича, генерал Коленкин за главнокомандующего и генерал Берников за великого князя Александра Михайловича (пропустили великого князя Михаила Александровича, кстати, приславшего нам сегодня поздравительную телеграмму). Потом следовали тосты генерала Головачева и полковника Мясоедова за герцога Михаила Георгиевича, за начальника артиллерии, за командира бригады, за командира батареи, за офицеров и т.д. Пропустили здоровье командира дивизиона. Для нижних чинов – никакой поучительности и ни малейшего воспитательного значения. «Ура, ура..» и только «ура». Музыка гремит марши, люди орут, а толку никакого. Залп тостов для отбытия номера и больше ничего. После тостов – трубачей тотчас отпустили по случаю смерти великого князя Михаила Николаевича. На столе стояла братина города Петербурга, наши именные серебряные стаканчики, вазы с фруктами и конфетами. Все сели за стол, и гостям было предложено шампанское (Абрау-Дюрсо)... Несколько малозначащих тостов. Я прочел все телеграммы, кои батарея получила сегодня, и командир батареи пил здоровье частей и всех тех, кто их прислал.

Через час почти все разошлись. Командир бригады генерал Головачев «поставил на вид» (громко в присутствии всех нас) полковнику Мясоедову,

что было подано, кроме шампанского, фрукты и конфеты. В этот день я и поручик Ушаков по обычаю сделали визиты герцогу М. Г. Мекленбургскому, командиру батареи полковнику Мясоедову и бывшим командирам батареи генералу Леховичу и полковнику Демидову. Генерала Леховича и его супругу застали дома и на визите видели бывшего нашего командира бригады генерала Ляпунова – элегантного штатского.

7 декабря – понедельник.

В 11 часов утра командир батареи полковник Мясоедов велел собрать всю батарею и перед фронтом прочел все те многочисленные телеграммы, кои наша батарея получила вчера (см. 6 декабря). Как водится, читал он отвратительно, монотонно, без всяких пояснений, а потому и не «воспитательно». После чтения телеграммы великого князя Михаила Александровича и М. Г. Мекленбургского солдаты по приглашению командира прокричали «ура». «Ура» прокричали также и в честь «всех частей» и «всех лиц», удостоивших нас своими поз[д]равительными телеграммами.

В 11½ часов утра интересное общее собрание в офицерском собрании бригады. Повод – запись подпоручика Манакина в книге заявлений. Эту запись продиктовал Манакину я, а потому я и являюсь главным инициатором возбужденного сегодня вопроса. Председательствовать должен был полковник фон Цур-Милен, но так как он уехал на панихиду во дворец великого князя Михаила Николаевича, то председательство принял на себя флигель-адъютант полковник Демидов. Вот в чем суть дела. Я был всегда против того, чтобы победителям в различных спортивных состязаниях давали бы, кроме жетона, еще какую-нибудь серебряную вещь. Для бригады – это пропащие деньги, а для истории не остается ровно никаких следов. Поэтому я советовал завести т. н. «переходящие» кубки, на которых вырезать лишь фамилии, а победителю давать лишь жетон.

Мнений и прений на общем собрании было порядочно, но в конце концов вопрос, по-моему, был решен вполне рационально. Призы победителям отменить, завести кубок в 350 рублей, причем 200 рублей взять из бригадного серебряного капитала, а 150 рублей из спортивного. Такое решение – удар для нашего главного «спортсмена» фон Руммеля, который горячо стоял за то, чтобы победитель (т.е. именно он) получал призы не только в виде серебра, но, например, седла и проч. Протестовал и поручик Бутовский – тоже «победитель», но «фуксовый».

8 декабря – вторник.

В 12 часов дня все молодые солдаты бригады и гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона были собраны в большом бригадном

манеже (я – на фланге молодых солдат 1 его высочества батареи), где генерал Головачев наглядно поверял рост, подбор мастеровых и проч. всех поступивших в бригаду новобранцев. Снова отмечаю один из немногих, но несомненных плюсов нашего командира бригады: он заботливо выбирает новобранцев и очень внимательно относится к своим обязанностям на всех разбивках. Результаты – налицо. Новобранцы прошлого и этого года, по отзывам многих офицеров и командиров батарей, много лучше новобранцев прежних годов. Уравнение инородцев, католиков, мастеровых и проч. генерал Головачев стремится производить между батареями также вполне добросовестно и справедливо.

1909
1007

Был в кинематографе «Рояль Стар» в Пассаже. Интересна картина: похороны маркиза Ито, парад 6 августа с. г. в Гатчино (артиллерия на ленту не попала), состязание аэропланов и проч. Из моих записок видно, что я большой любитель «кинемо» и посещаю их весьма часто... О многих моих посещениях я далее не заносу в дневник, так как маленькие театрики, где я бываю не менее одного раза в неделю, приходится считать уже не спектаклем, а таким же обычным и полезным развлечением, как прогулка, осмотр, магазинов и проч.

9 декабря – среда.

В 9½ часов вечера был по наряду на панихиде по великом князе Михаиле Николаевиче в церкви его дворца. У нас в бригаде составлен особый наряд, и ежедневно днем в 12 часов и вечером в 8½ часов несколько штаб- и обер-офицеров присутствуют на этих дворцовых панихидах. Моя очередь и была сегодня. Церковь маленькая и, очевидно по жадности, не освещается, так что все прису[т]ствующие стоят почти в абсолютной темноте.

10 декабря – четверг.

В 11 часов в большом бригадном манеже состоялся молебен для уходящих в запас солдат бригады срока службы 1907 года. Я на молебен не пошел, так как занят был с молодыми солдатами и, кроме того, в начале 12-го ушел домой, дабы переодеться на дежурство по бригаде (с 12 часов дня). Помощник у меня – подпоручик Неелов.

11 декабря – пятница.

В 12 часов дня панихида по великом князе Михаиле Николаевиче, заказанная артиллерией Гвардейского корпуса. На ней должны присутствовать все штаб- и обер-офицеры бригады и 24 ряда нижних чинов от всех батарей бригады и дивизиона под командой капитана Явида. Я не пошел, так как в 12 часов только что сменился с дежурства по бригаде (см. 10 декабря).

12 декабря – суббота.

В 8 часов вечера был на совместном собрании разрядов военной археологии и археографии и полковых и корабельных историй Императорского Русского военно-исторического общества. Текущие дела и 2 реферата (А. А. Миллера «Последние раскопки Танаиса» и М. К. Соколовского: «Об архивах уездных воинских начальников») с длиннейшими прениями затянули заседание до 11 часов вечера. Раскопки А. А. Миллера из ряда вон выходящие. Он работал по поручению И[мператорского] Р[усского] археологического о[бщества], а следовательно, все найденное поступит в Эрмитаж. К сожалению, там так тесно (Скифский отдел), что нельзя сказать – будут ли демонстрированные нам сегодня предметы выставлены в Эрмитаже для широкой публики или же их сложат в подвалах.

15 декабря – воскресенье.

С 12 часов дня – дежурный по бригаде. Мой помощник – подпоручик Тихонравов (гвардейского Стрелкового артиллерийского дивизиона).

15 декабря – вторник.

Вторично был на панихиде по великому князе Михаиле Николаевиче в его дворце (см. 9 декабря). Наряд теперь уменьшен, и ежедневно наряжается по 3 офицера на утреннюю панихиду и по 3 офицера на вечернюю. Я был на вечерней панихиде в 8½ часов вечера.

16 декабря – среда.

Был в Обществе ревнителей военных знаний. Прослушал 2 лекции: 1) подпоручика 15 конно-артиллерийской батареи В. Ф. Гельгара, демонстрировавшего свой фотографический аппарат «Разведчик», и 2) подполковника в отставке Н. И. Волкова о «войсковом кинематографе», причем были показаны кинематографические снимки военного сюжета и лента автора: «Стрельба полевой гаубицы» (русской).

17 декабря – четверг.

Инспекторский смотр начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Потоцкого. Смотр идет на всех парах. В 9 часов утра опрос претензий в большом манеже подивизионно. Я – на фланге молодых солдат (по списку 71 человек) 1 его высочества батареи. После «опроса» – обходы. Цейхгауз, по заведенному Потоцким обычаю, поверяла комиссия из штабс-капитана лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады Евреинова и поручика гвардейской Конно-артиллерийской бригады Андерса. Эти «фендрики» нашли, что в 6 батарее «нет порядка», а «амуниция неудовлетворительная». В 1 и 2 стрелковых батареях амуниция также найдена ими неу-

довлетворительной. Такая «аттестация» вызвала бурю. После всех обходов в залу собрания притащили амуницию, и все спорили, горячились, критиковали и проч. После завтрака – проверка сумм. В общем, генерал Потоцкий заявил, что все он нашел в блестящем порядке.

1909
1009

19 декабря – суббота.

В 12 часов дня под председательством генерал-майора Головачева состоялось общее собрание гг. офицеров, на котором решены были следующие вопросы:

1) Единогласно решено возложить[ь] венок на гробницу великого князя Михаила Николаевича. Венок уж вчера купил поручик Снигиревский за 80 рублей (серебряный, в ломбарде, и вчера же я и он у Вержбицкого заказали надписи, бархатный щит с кантами и широкой георгиевской лентой, идущей из угла в угол).

2) Решили, согласно моему предложению, образовать запасный фонд музейного капитала, причем постановили: а) установить новый единовременный вычет (8 рублей) на музей от переводимых в бригаду гг. офицеров, б) отчислять в запасный фонд весь валовой доход от продажи музейных открыток и в) присоединять к запасному капиталу музея проценты с этого капитала.

Предложение же повысить членский взнос на музей с 25 коп[еек] до 50 копеек не прошло по недостатку одного голоса (нужно было 2/3 голосов). Затем поручик Бутовский прочитал новую редакцию о призах спортивного общества бригады (см. 7 декабря). Ту же редакцию, но более ясно изложил председатель спортивной комиссии полковник Илькевич, и собрание постановило – выложить эту новую редакцию для детального с ней ознакомления. Кубок с чарками был вчера куплен Снигиревским в столичном ломбарде (на Владимирской улице) за 280 рублей (работа Грачева), а сегодня капитан Гирш угощал из него крюшоном.

Вечером большая кампания ужинала у Ю. А. и М. Я. Явид.

Здесь с капитаном Гиршем снова случился (уже в 3-й раз на наших глазах) сильнейший сердечн[ы]й припадок, положительно грозивший жизни Владимира Викторовича. Полковник Пономаревский-Свидерский 2 бросился к телефону и вызвал д-ра Андриевича (наш бригадный врач). Д-р Андриевич ответил: «Я утомлен (в бригаде он занят 1–2 часа в день!!) и приехать не могу». О таком поступке бригадного врача полковник Пономаревский-Свидерский 2 доложил на другой день командиру бригады.

20 декабря – воскресенье.

В 1 час дня в большом бригадном манеже, согласно свыше полученного приказания, отслужена панихида по «всенародно чтимом» (!?) отце

Иоанне Кронштадтском. Присутствовали все гг. офицеры и нижние чины бригады и дивизиона во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым. Служил панихиду о. Философов с диаконом, пели наши певчие. Ни с того ни с сего командир бригады, а за ним все нижние чины и часть офицеров (половина) опустилась в манеже (!?) на колени вовремя пения «вечной памяти». После панихиды генерал Головачев отвел в сторону всех командиров батарей и преподал им «строжайшее» наставление, чтобы завтра на похоронах великого князя Михаила Николаевича все люди были одеты «безукоризненно». Затем генерал, не стесняясь присутствием всех обер-офицеров, форменным образом распек командиров батарей за то, что они при размещении прибывших вчера и сегодня в нашу бригаду чужих частей (22 и 37 артиллерийской бригады и 1 и 2 Кронштадтские крепостные полки) «не пошли ему на встречу» и выказали полное нежелание – разместить и поухаживать за гостями. Вопрос заключался в том, что «стрелки» не хотели довольствоваться, ссылаясь на свою малую кухню. В общем, виноват все тот же генерал Головачев, ничего не знающий, страшно «слабый», не обладающий никакими организационными способностями, легкомысленный (форменный «мальчишка») и неосновательный. Такой же и его адъютант (плюс очень глупый и без всякой памяти). Положительно, генерал Головачев может хвастаться, что он «способен устроить в 5 минут какой угодно скандал, где угодно и во всякое время дня и ночи»!! Прибавив к этому частое отсутствие такта – и вот вам портрет командира лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

В собрании в 2 часа дня завтракали офицеры 1 и 2 Кронштадтских крепостных полков и 1 подпоручик 37 артиллерийской бригады. «Общие» завтраки, обеды и проч. командиром бригады отклонены, по случаю траура.

21 декабря – понедельник.

Участвовал в похоронах великого князя Михаила Николаевича. Вся бригада и Стрелковый дивизион стояли шпалерами по Садовой улице. В конный строй был назначен всего 1 взвод 1 его высочества батареи, и командиром этого взвода был я. Наш конный взвод вошел в состав сводной пешей батареи (другой взвод от 4 батареи лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады под командой штабс-капитана Евреинова) (всего 4 орудия) под командой полковника Мясоедова. Командир бригады и почти все штаб-офицеры да несколько обер-офицеров были назначены нести ордена. От нашей же бригады был еще назначен хор трубачей, ставший во главе пешей артиллерии, т.е. артиллерийских училищ. Таким образом, вся бригада в наряде, за исключением тех довольно многочисленных офицеров, кои вечно освобождены то от езды, то от «занятий на воздухе» и т.д. Наш конный взвод (при нем фельдфебель подпрапорщик Бекадоров и орудийные фейер-

веркера: подпрапорщик Серегин и сверхсрочный фейерверкер Щелкунов) выступил из казарм в 7½ часов утра. Еще совсем темно. Тепло, так как 1 градус выше нуля. Но идет мокрый снег, который вскоре заменяется редким дождичком, и, наконец, снова сыпет снег, но такими огромными хлопьями, что я редко такие и видел. Этот снег, пополам с дождем, окончательно испортил погоду и парализовал все преимущество одного градуса тепла. Перчатки мои дважды промокали насквозь, образуя холодный, ледяной компресс. Пальто с башлыком насквозь промокло, промокла фуфайка и тельная рубашка. Насквозь промокли также рейтузы, сапоги, 2 пары носков и подштанники. Наш взвод в составе пешей батареи встал на Знаменской площади – на линии памятника – лицом к вокзалу, и перед моими глазами продефилировала вся процессия. Когда гроб на лафете поравнялся со мной, было приблизительно 9¼ часов утра. Снег валил вовсю... Я жадно смотрел на царя и глазам своим не верил... На похоронах фельдцейхмейстера, т.е. шефа всей артиллерии, государь был в кавалерийской форме!!! В форме конно-гренадер! Большого оскорбления нельзя было нанести артиллеристам. Накануне мы гадали – будет ли царь в форме лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады или гвардейской Конной, и не сомневались, что «конники» восторжествуют, но предположить, что государь вовсе не оденет артиллерийской формы, – этого даже и я не ожидал, хотя уже давно привык к тому, что у нас в России в фаворе только кавалеристы да конно-артиллеристы, а пехоту и пешую артиллерию всячески унижают. Дальнейшее мое участие в церемонии было довольно грустное. Мы ползли в хвосте процессии сперва по Невскому, потом по Садовой и Марсовому полю – всюду мимо шпалерами расставленных войск, затем переехали Троицкий мост и тут, выйдя из процессии, на рысях доехали до Сампсониевского моста и затем снова шагом через Выборгскую сторону и Литейный мост вернулись домой. Было 12 часов дня. Вымокли и промерзли мы основательно. Я поспешил домой – переодеться с ног до головы. В собрании много завтракающих. Офицеры 22 и 37 артиллерийских бригад и 1 и 2 Кронштадтских артиллерийских полков. Прибавлено 2 стола и заказано 2 общих блюда. Но все это лишь небольшая часть бригады и гостей, «общего завтрака» официально нет, и налицо только те, кто хотел и мог быть (см. 20 декабря).

22 декабря – вторник.

В 5 часов дня панихида в Петропавловском соборе у гроба великого князя Михаила Николаевича, заказанная начальником артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенантом Потоцким от имени артиллерии Гвардейского корпуса. На этой панихиде присутствовали все командиры, штаб- и обер-офицеры всех трех бригад артиллерии Гвардейского корпуса. Из нижних чинов нашей бригады были: все подпрапорщики и по одному

фейерверкеру, бомбардиру и канониру от каждой батареи. Пели наши певчие – в кафтанах. После панихиды артиллерии Гвардейского корпуса началась панихида по заказу Михайловской артиллерийской академии и обеих артиллерийских училищ и окончилась ровно в 6 часов вечера. В 6 часов вечера началась наша бригадная панихида. К этому времени в соборе стало немного свободнее, и все наши штаб- и обер-офицеры во главе с командиром бригады генерал-майором Головачевым сгруппировались у подножия балдахина. Наши нижние чины встали тотчас позади нас. В начале седьмого часа прибыл его высочество герцог Михаил Георгиевич Мекленбургский и встал рядом с Головачевым. После панихиды генерал Головачев возложил от бригады серебряный венок на бархатном щите (георгиев[с]кая лента, идущая из угла в угол, стоимостью в 105 рублей) (см. 19 декабря). После того все кланялись праху великого князя. Покойный фельдцейхмейстер – в мундире гвардейской Конной артиллерии – лежит в дубовом гробу, как живой, даже более красивый, чем живой; он весь утопает в гробу, который сверху заделан стеклом. На дубовой крыше гроба (стоящей у входа в церковь) приделана накрест шашка фельдмаршала, украшенная алмазами, и барашковая шапка (?? старый головной убор!!) гвардейской Конной артиллерии.

23 декабря – среда.

Получил из Управления бригады «Удостоверение» за № 120 на право ношения нагрудного знака лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

26 декабря – суббота.

Сегодня в 2 часа дня должны начаться у нас в большом бригадном манеже «праздничные представления» для нижних чинов бригады и дивизиона. Организация их поручена особой комиссии под председательством полковника фон Цур-Милена. Нечего и говорить, что этот почтенный дивизионер занялся больше красноречием, чем делом, и предоставил все своим помощникам (без всяких общих указаний и директив), а также и естественному (беспорядочному) течению дел... Будут какие-то рассказчики и балалаечники из нижних чинов, будет кинемо, клоуны и проч. дребедень. Я глубоко возмущаюсь всей этой затеей. В Петербурге есть возможность повести солдат в Народный дом, где ему покажут такие образцовые высокопатриотические пьесы, как «Петр Великий», «Кашей», или «80 тысяч лье под водой», «В 80 дней вокруг света»... Затем, в Петербурге есть образцовые кинемо-театры с богатейшим выбором картин самого разнообразного содержания. Есть «Панорама Севастополя», есть «Цирк» и проч. Вместо задачи – развить вкус и хорошие инстинкты у солдата, начальство опускается до уровня кабацко-ярморочной деревни и преподносит ему сальных

клоунов и разухабистую гармонику. Сегодня днем отсутствует даже наш хор трубачей, играющий на катке!! А балалаечники, по слухам, снова будут играть не в своей гвардейской форме, а в красных рубахах, как будто солдатский балал[а]ечный хор, дисциплинированный и подтянутый, не так представителен, как хулиганский хор каких-то фабричных, моментально теряющих воинский вид и выправку.

С утра я, конечно, собирался провести весь день в манеже, дабы быть очевидцем этих гуляний. Слегка возвышенная температура (37), ломота в руках и ногах и тяжелая голова не остановили меня. Но уже с часа дня я почувствовал недомогание и острую боль (кольцеобразно) на высоте груди, что и заставило меня вернуться домой и лечь в кровать.

К вечеру кольцевая боль прекратилась, а температура 37,2.

27 декабря – воскресенье.

Встать с постели не могу, а потому и сегодняшнее повторение спектакля для нижних чинов в нашем большом бригадном манеже приходится, к сожалению, пропустить. Температура 37,1. Тяжелая голова, язык обложен, ноги ломят.

Вечером T = 37,2.

28 декабря – понедельник.

Температура 36,5, но самочувствие неудовлетворительное.

Язык сильно обложен...

29 декабря – вторник.

Как водится, нет худа без добра... Болезнь (конечно, не очень серьезная) позволяет за все время лежания в кровати проглотить уйму книг и тем самым освежить или пополнить свой литературный багаж. А то, занятый службой, музеем, лекциями и общественной жизнью, едва успеваешь прочитывать 2–3 газеты в день («Русский инвалид», «Новое время» и «Петербургская газета»), а также следить за всеми многочисленными военными и общими журналами и библиографическими изданиями, кои выписываются библиотекой нашего офицерского собрания. За мою настоящую болезнь я вновь перечел бессмертные произведения графа Льва Толстого: 1) «Крейцера соната», 2) «Смерть Ивана Ильича», 3) «Власть тьмы» (я еще кадетом видел эту драму 2 раза на сцене) и 4) «Плоды просвещения» (видел в «Александринке»). Затем прочел игривую книжку: «Comment elles se donnent» J. Marni и «Венеру в мехах» Захер-Мазоха. А со вчерашнего дня душу Понсон-дю-Террайля «Похождения Рокамболя» и нахожу, что такие произведения уже не могут в наш век доставить истинного наслаждения!

31 декабря – четверг.

Только сегодня мое самочувствие вполне удовлетворительно, а вчера первый день весь день была нормальная температура, но боли в кишках еще давали себя знать. По-прежнему ничего не ем, кроме нескольких ложек бульону и одного яйца всмятку. В 2 часа дня бригада слушает в Сергиевском соборе панихиду по герцоге Г. Г. Мекленбургском, так как сегодня 40-й день его смерти. До панихиды ко мне зашел капитан Альтфатер в обыкновенной форме, и мы побеседовали с ним полчаса о текущих делах... В 4 часа дня я оделся и вышел из дому в собрание, чем и определяю момент своего официального выздоровления.

Новый год встретил в доме члена Военного с[о]вета генерала от артиллерии Рейнталя. Были: генеральша Софья Владимировна Клименко, штабс-капитан Рейнталь с супругой, генеральша Елизавета Васильевна Линден, флигель-адъютант капитан 2 ранга Бойсман, штабс-капитан Широков с супругой – Маргаритой Ивановной, m^{lle} Григорьева и др. У генерала обычай – в день Нового года он каждый раз на прибор кладет всем подарки. В этом году я получил календарь Березовского (отрывной).

КОНЕЦ

6 апреля 1913 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТРЕЗВЕННИК

Мы ехали вдвоем – я и мой товарищ – на красносельском ваньке из лагеря на дачу к нашим общим знакомым. Дождь лил как из ведра. И так как он льет уже целую неделю, то на дорогах стоит невылазная грязь. Чтобы не остаться, при возвращении назад, без экипажа, мы предупредили нашего возницу, что он должен приехать за нами в половине первого.

– Слушаюсь; приеду, – отвечал он. Затем, помолчав немного, прибавил: – Чаю напьюсь... Как раз успею, а там и приеду за вами.

– Смотри, не опоздай только, – сказал мой спутник. – А то ты, вместо чаю, водки выпьешь и прозеваешь время...

– Или перекувырнишь нас на дороге, – заметил я.

– Зачем водку? Я водку не пью. Вот скоро уж полгода будет, как я ее и в рот не беру. Срок мне 4 го августа будет...

– Какой срок? – удивился я.

– Срок в «трезвости»... Трезвенник я.

– Так ты, значит, член общества трезвости?

– Вот-вот... Полгода уже не пью. Да, слава Богу, скоро конец будет. Немного до четвертого осталось.

– А выпить, небось, хочется?

– Вестимо хочется. Да я недолго пить буду... Так... Несколько дней. А там опять запишусь в общество.

– Так зачем же ты эти несколько дней будешь пить?

– Ах, господи! Да как же не выпить! Ведь я «ее» не много выпью. Посмотреть только, какой вкус у ей стал... Не скисла ли?

Мы рассмеялись. Несколько секунд длилось молчание.

– А что, – снова начал я, – ты все это время так и не пьешь? Или выпивал, может быть?

– Ни-ни... Ни капли. Как можно! Ведь я клятву давал.

– Какую клятву?

– А как же! Мы все клятву даем. В обществе-то. Перед святым крестом и евангелием клянемся. Святому Николе клянемся. Во как! Это, значит, грех на душу взять – коли выпить. Клятву значит преступить...

Опять наступило маленькое молчание. До дачи оставалось еще порядочно. Извозчик, видимо, ждал с моей стороны новых расспросов.

– А ведь сознайся, – сказал я, – не пить-то лучше?

– Как можно, – весело ответил извозчик. – Куды лучше!

– А на себе самом ты это чувствуешь? – спросил мой спутник.

– Как же не чувствовать! Чувствую. Перво-на-перво – прогулу нет. И деньги сохраннее. Как-ни-как, а чтоб выпить – нужно по крайности рубль в сутки.

– Как рубль? – оба разом воскликнули мы. – Ведь это 30 рублей в месяц!

– А как же! Тридцать и есть.

– Да ведь жить-то на что-нибудь надо?

– А как же! нужно. Как хошь, так и живи. Оно, конечно, трудно. А без водки все это можно. Главное – прогулу нет. А как загуляешь – так, почи-тай, рубля на четыре кажные сутки убытку.

– Вот видишь, как плохо пить.

– Да... Дай Бог трезвенникам здоровья... Спасибо им. Сколько народу спасли! Ведь какие пьяницы были! А теперь держатся. Я-то еще ничего. Пропивал только – что было. А ведь многие-то – все в кабак несли. И белье тащут, и сапоги, и одежду какую... Ух! какие пьяницы были...

– Значит, отучаются от пьянства?

– Да... Сперва на полгода запишутся... Потом на год, а потом и навсегда. Я вот тоже посмотрю. Смогу без общества устоять – не буду записываться, а то – так на год махну. Снова запишусь.

– Много платить приходится?

– Ннннет, шесть гривен за полгода заплатил. По гривеннику в месяц.

– А кто учредители?

– А вот Горбунов, дай Бог ему здоровья... Дилехтор он здешней фабрики. Потом отец Николай.

– Это в очках который?

– Вот-вот. Чудный человек, дай Бог ему здоровья. Многих наставил, могу сказать.

– Тебе сколько же лет? – спросил мой спутник.

– Мне-то? 34.

– Э! Да ты моложе меня. Мне 35. А я думал, что тебе за сорок.

– Что вы, барин? Нешто по моей «карточке» это видно?

Проехали железную дорогу. Поднялись немного вверх по шоссе и свернули направо. Ухабы сильнее давали себя чувствовать. Пролетка так и трещала под моим тяжелым спутником.

– Смотри, осторожней, – заметил он, – рессоры не сломай.

– Ничего, не ломаются.

– Это твоя пролетка?

– Моя... Вот пить перестал и пролетку справил. Новый передок поставил. Сбрую всю новую купил. А пил бы – ни в жисть не справить! Все в кабак снес бы!

– А жены-то ваши, поди, как радуются, что пить вы бросили.

– Ух ты! – захохотал извозчик. – Как не рады! А уж как! Трррр... та-та... Прежде, бывало, как пьяным придешь, только и ругается... Ногой тебя пихнет, коли полезешь. А теперь... Обнимает тебя.. Голубчик мой, говорит...

И он снова захохотал... Показались каменные ворота, и мы въехали во двор дачи...

КОМАНДИРОВКА В ИЖОРУ

3-го июля в 9 часов утра нижние чины в числе 18-ти человек были собраны в среднем эшелоне бригады. В рваных мундирах, нечищенных сапогах, грязных бескозырках и портупелях – они имели удручающий вид... Я начал поверять их по списку... Несмотря на точно отданный приказ, – обмундирование было выдано в самом разнообразном количестве. Кто имел два, кто три мундира... Число револьверных патронов колебалось от 6-ти до 14-ти... Наконец солдатские вещи были уложены на подводы...

– А вы пообедали? – спросил я.

– Так точно... Никак нет.....

Пришлось опрашивать каждого в отдельности. Некоторые батареи накормили своих людей, другие нет. Во 2-й стрелковой батарее оказалось что-то непонятное: из двух человек – один пообедал, другой – нет... Я отдал необходимые распоряжения...

Фейерверкер 4-й батареи опоздал минут на двадцать... Спрашиваю канонира его батареи – скоро ли он придет?

– А?

– Это что за «А»? С ума сошел так отвечать офицеру?

Вообще дисциплина жалкая. Но не нужно понимать мои слова в том смысле, что канониры наши могут не послушаться отданного им приказа и не исполнить его. Отнюдь нет... Но внешний вид, выправка – это что-то ужасное. Разговаривая с офицером, он размахивает руками, дрыгает ногой и вообще стоит перед вами как любой разбитной лавочник. Выйти не спросясь из строя, начать разговаривать после команды «смирно» или даже засунуть руку в карман он не считает за какой-либо проступок и очень удивлен, когда вы делаете ему замечание...

Я выразил надежду, что они на глазах чужих частей – в Ижоре покажут себя молодцами (господи! при всем желании они не могут быть «молодцами»!) и не осрамят своей бригады... Тут же я им посоветовал принять несколько воинский вид, предупредив, что не буду позволять им распускаться... Кто-то крикнул: «Постараемся, ваше...», некоторые подхватили, большинство молчали, опустив голову... Вышло что-то очень нестройное и жалкое...

В половине двенадцатого я был на вокзале... В литере А, выданной мне Управлением бригады, не оказалось отметки о багаже нижних чинов... Кассир не знал, что делать... Позвали старшего... Тот очень любезно предложил мне самому проставить цифру пудов...

Но вот уж свистит поезд... Люди неумело и неловко тащут свои пожитки к багажному вагону... Хотя у меня в команде двое фейерверкеров, но ни одному из них не пришло в голову, что нужно заранее поднести вещи к тому месту, где обыкновенно останавливается вагон... Приходится самому

обо всем думать и, мало того, еще раз десять повторить, чтобы не перепутали... Начав перетаскивать вещи за четверть часа до прихода поезда, они все-таки вовремя не успели... Начальник станции горячится и подбадривает солдат:

– Скорей, скорей, ребята!

Наконец все вещи нагружены, и солдаты толпой бегут к 3-му классу... Звонки, свисток, и отсталые уже на ходу вскакивают на подножку... Я наблюдаю с платформы за последним из них, и едва он влез, сам на ходу вскакиваю в вагон...

– Хорошо, если подводы не опоздают, – говорю я своему соседу – Н. А. Илькевичу... А то мы не успеем к двухчасовому пароходу... Да, впрочем, этого не может быть! Во-первых, о высылке подвод из Управления было отдано в приказе по бригаде, и, наконец, я сам заходил два раза к Богушевскому и лично его об этом просил...

На Балтийском вокзале зову фейерверкера и говорю:

– Сейчас же нагрузить вещи на подводы... Пошли кого-нибудь их разыскать... И вези на Воскресенскую пристань.

– Слушаюсь, ваше высок-бродие.

– Если почему-либо подводы не высланы, сейчас же телефонируй в бригаду... Понял?

– Так точно, ваше высок-бродие, понял.

Сам я вместе с Николаем Андреевичем сажусь на извозчика и еду домой... Мне достаточно времени, чтобы успеть позавтракать...

В половине второго я уже на пристани... Ни души! Я жду до двух... Шлиссельбургский пароход пристает и уходит... Нечего делать! Возвращаюсь назад и по дороге встречаю своего вестового Яна Дудко вместе с другим канониром из моей же команды...

– Где же возы и люди?

Оказывается, что подводы не были высланы вовремя... Пришлось телефонировать в бригаду... Впрочем, Дудко сам хорошо не знал – какие результаты получились от переговоров по телефону, но это не помешало ему с уверенностью заявить, что подводы в настоящую минуту уже высланы... Тем не менее я отправляюсь в Управление излить свое негодование перед Богушевским по поводу его неисправности... Запыхавшись от проклятой лестницы, я раздраженно спрашиваю кухарку – дома ли барин?

– Барина дома нету... – и при этом я ощущаю острый запах винного перегара.

– Ну так передайте барину, что я ему очень, очень благодарен за подводу! Так и передайте!

Опять возвращаюсь домой и через два часа снова на пристани... Уже издали я вижу, что нет и признака моей команды... Дудко и канонир сидят на скамеечке.

– Да где же, черт возьми, подводы?

– Еще не приехали, ваше высокоблагородие.

И эта идиотская улыбка на лице Дудко!

– Отчего ты без галстука? Опять оборванцем оделся!!..

– Ва-ва-ва-ше вы-со-со...

Оборачиваюсь назад и вижу перед собой писаря Управления бригады...

– Ты что?

– Я, Ва-ва-ва-ше вы-со-со-ко-блародье, от по-по-пору-чика Бо-бо-бо-гу-шевско-ко-го... При-ка-ка-ка-зали вам пе-передать, что подводы си-си-час посланы, а людей мож-но си-си-си-час отправлять...

Извольте понять такую галиматью!!

Я окончательно взбесился...

– Каких людей? Откуда я тебе возьму людей?! Я тебя спрашиваю, откуда я возьму людей?! Они битых 4 часа ждут на вокзале подводу, которую вы должны были выслать и не выслали!

Опять начинается: «По-по-по-ручик Бо-бо-бо-гу-шевский...» и т. д.

Одним словом, подводы послать забыли, и они посланы только полчаса тому назад, а потому дай бог, чтобы вещи попали к 6-часовому пароходу.

– Дома поручик Богушевский?

– До-до-ма, ваше вы-со-со-ко-бродие.

Да! Он был дома и премило сидел в кожаном кресле...

– Голубчик, извини, я записал вот сюда в этот календарь и вдруг... Как это я забыл! Не понимаю... Сознайся – ты здорово накалился?

Конечно, я сильно накалился! С утра я не могу уехать в Ижору!..

В половине 8-го я в третий раз поехал на пристань... На этот раз все канониры были уже в сборе. И тут же разгружают их вещи... (как это подводы и теперь не опоздали – я до сих пор удивляюсь!) Впрочем, совсем без греха не обошлось: вместо 2-х подвод выслали только одну, а так как вещей очень много – то пришлось нанять ломовика...

– Ваше высок-бродие! наших вещей не хотят принимать на пароход.

Этого еще не доставало! Бегу к кассе...

– Отчего вы наших вещей не принимаете на пароход?

– Я ничего не говорил...

– Кто же говорил?

– Я не знаю.

Солдаты указывают на какую-то бороду.

– Это вы говорите, что вещи нельзя отправлять?

– Так точно! На этом пароходе нельзя-с, а только можно на следующем, в 8 часов который пойдет... Этот уж шибко нагружен... Больше нельзя...

1022 Что вы будете делать! Я приказываю трем человекам при фейерверкере остаться с вещами, а всей команде велю ехать на этом пароходе... Тут же на пристани толпятся артиллеристы 23-й бригады – жертвы той же командировки в Ижору. Во главе их – офицер, поручик Денисьев – мой коллега по училищу... Вдвоем куда интереснее! Мы решили ехать сейчас же, чтобы засветло узнать – где нам приготовлено место для жилья (никто из нас понятия не имел об Ижорском лагере)...

Двухчасовое путешествие вверх по Неве не может не доставить удовольствия. Широкая водная гладь приятно ласкает ваш взор. Правда, берега не усеяны ни очаровательными виллами, ни грозными замками. Шикарные отели или коттеджи также не попадаются... Вы видите только непрерывную цепь заводов, заводов без конца (в особенности на левом берегу). Но и вид заводов – этих мрачных гигантов – может навести вас на приятные размышления о нашей возрастающей промышленности, если только случайно бросившийся вам в глаза рабочий – не изменит вдруг резко нить ваших радужных мыслей и не заставит вас воссоздать всю ту ужасающую обстановку, в которой находится наш русский фабричный... После более чем 12-часового рабочего дня в душной и вредной для здоровья атмосфере, с разбитыми нервами и болью в мускулах – что найдет он у себя дома? Какой-нибудь жалкий угол, насквозь пропитанный человеческими миазмами от кучи голодных ребятишек...

Долой мрачные картины! Посмотрим лучше с вами на эти гордо возвышающиеся купола Невской лавры. Россия не бедна, если может созидать и поддерживать такие монастыри! И как преступно полагать, что Богу может быть угодна жизнь этих монахов – жирных и откормленных, владеющих миллионами трудовых русских денег, которые копятяся с какою-то непонятною алчностью для того только, чтобы в один приятный день истратить ничтожную часть их (пустяки: какие-нибудь 500–900 тысяч) на новую раку, или образ из чистого золота! Монастырь – это русский паразит, высасывающий деньги из народа и никогда, ни при каких обстоятельствах не возвращающий ему и сотой доли того, что он от него получил... Случится ли у нас в Петербурге большой пожар, или разъяренная Нева затопит бедную Гавань – Александро-Невская лавра не пошлет потерпевшим ни одной копейки, той самой копейки, которую, может быть, она только что вчера получила от них... Монастырь принимает, но не отдает... Монастырь принимает для Бога (sic! точно Бог нуждается в государственной ренте, или хлебных амбарах петербургской Лавры!), и

людям отдавать то, что отдано Богу, не полагается... В Петербурге тысячи умалишенных погибают от недостатка мест в больницах, и лавра, уделив лишь сотую долю своих «гниющих» богатств, могла бы построить несколько новых больниц... Но монахи предпочитают копить деньги и только в крайнем случае тратят их на сооружение новых образов, церквей, часовен (новых источников дохода!), хотя последних и так слишком много... Злато – это единственный кумир, которому поклоняются монахи. Даже христианские почести умершим обратились в простую денежную сделку. Если бы Архимед, Шекспир или Пастер были бы погребены в Александро-Невской лавре и некому было бы платить по 5 рублей за их могилы – последние непременно исчезли бы с лица земли, и монахи по собственному почину никогда бы не отслужили ни одной панихиды «задаром»... Вор-миллионер, построивший новую церковь или отваливший «куш» на «братию», пользуется, обыкновенно, наибольшим почетом среди наших «священнослужителей»...

Господи, как я уклонился в сторону! Заговорить о монастырях и монахах в очерке, описывающем командировку в Ижору, по меньшей мере непростительно... И я даю вам слово, что подобное отступление уже больше не повторится...

Пароход пристал к предпоследней станции – Николаевке. Следующая – уже лагерь. Я спускаюсь с палубы вниз и приказываю нижним чинам встать ближе к трапу...

С момента высадки начинается ряд весьма оригинальных неожиданностей и всевозможных недоразумений. Можно подумать, что мы приехали не в лагерь, куда ежегодно в течение многих лет командируют артиллеристов для 2-месячных занятий, а куда-нибудь в Африку, где все местные жители пришли в неописанное изумление, увидев среди себя откуда-то появившихся белокожих... Но лучше я буду продолжать рассказ по порядку...

– Куда идти? (Эту фразу, вероятно, не раз повторял Стэнли, и вот вам первое доказательство в пользу моего смелого сравнения.)

– Куда идти?

Первый попавшийся солдатик 37-й артиллерийской бригады показывает нам дорогу... Идти нужно все прямо, по 1-й линейке лагеря – на самый левый фланг. Извозчиков здесь нет, и волей-неволей вы должны идти пешком. Команда вздвоила ряды и зашагала... Прошли мимо уютно-расположенного лагеря Инженерного училища, затем гвардейских сапер, артиллерийской школы и т. д. ... Линейка кончилась и уперлась в какую-то дорогу, к ней перпендикулярную, которая в свою очередь тянется куда-то бесконечно далеко... Люди ушли вперед и, никого не спрашивая, лупят уже по шоссе...

– Сто-о-ой! – кричу я и решаюсь навести кой-какие справки... На глаза попадается нашивочный солдат с буквою П на погонах. Очевидно, «Полигон» – соображаю я, т. е. как раз то, что мне нужно...

– Здесь живут прикомандированные к полигону?

– Так точно, здесь.

– Где же палатки для людей, или бараки?

– Палаток никак нет, ваше благородие. Их нужно получить на полигоне, принести сюда и поставить...

Предстоит, следовательно, еще часа 3–4 работы, пока нижние чины, усталые и голодные, могут лечь спать... Полигон отстоит от лагеря в полутора верстах, и только там, по словам нашивочного, мне все могут разъяснить и рассказать, а что он лично ничего не знает и никаких распоряжений насчет нас не получал... Там же на полигоне живет и мой будущий непосредственный начальник – капитан Александер... Нам (т.е. мне и поручику Денисьеву) ничего более не оставалось, как, не теряя ни минуты времени, поскорее идти на полигон – явиться Александеру, а людям получить палатки – и, вернувшись назад, устраивать лагерь – жалкий лагерь, о котором я боялся даже и думать... На местах, предназначенных для палаток, не было почти никакого подобия валиков. Все разрыто, запущено и поросло травой...

– Кстати, – предлагает Денисьев, – не посмотрим ли мы на наше будущее помещение.

В самом деле, это любопытно. Тот же «нашивочный» ведет нас к заднему барaku и вводит нас вовнутрь. Более грязного, более отвратительного помещения – я никогда не видал. Сальные лохмотья обоев вызывают тошноту. На полу такая куча мусору и грязи, что нужно неделю, чтобы все это отчистить. Грязные стекла маленьких окон едва пропускают дневной свет в эту берлогу...

Но размышлять было некогда, а изливать свое негодование было бы бесполезно, и мы поспешили за нашими командами – на полигон... На полдороге (о счастье!) нам попался навстречу извозчик (колпинский; в Ижоре, повторяю, извозчиков нет), и мы благополучно доехали до полигона...

Канониры как дети, увидевшие новую игрушку, с любопытством окружили медные и современные осадные орудия и начали их разглядывать со всех сторон...

Двухэтажное деревянное здание вмещало в себе, по-видимому, управление, канцелярию и квартиры служащих. На наш зов выбежал писарь и, видимо, был крайне удивлен – зачем он мог нам понадобит[ь]ся?

– Капитан Александер дома?

Конечно, его дома не оказалось. Он уехал в Колпино и должен был вернуться к 8-ми (теперь уже почти 9-ть), но почему-то не вернулся. Это

«почему-то» непременно случилось тогда, когда он нам был до крайности нужен... Пришлось задать писарю несколько вопросов, но он с места обнаружил такое полное незнание всего того, что нам было необходимо узнать, что мы решили послать за двумя обер-фейерверкерами – кандидатами на классную должность... От кандидатов как ближайших помощников начальника полигона и его исполнительных органов мы вправе уже были ожидать всех необходимых указаний и разъяснений... Увы! Я жестоко ошибся! Как хотел бы я суметь восстановить весь тот разговор, который произошел между мной и одним из кандидатов... Попробую.

– Нам нужны две подводы для перевозки вещей и нижних чинов с пристани в лагерь. Вещи прибывают в 10 часов.

– Подводы-то есть, а вот лошадей совсем нет... Машка захворала, Грозный захромал, а Любезный... что с Любезным?

Любезный оказывается в самовольной отлучке.

– Да ведь вещи-то перевезти надо? (Я стараюсь говорить спокойно)

– Как-нибудь перевезете... Можно на руках.

Я начинаю доказывать, что люди перенести всех вещей на руках не могут (более 50-ти пудов!), что они еще не ели с утра, что им нужно еще ставить палатки черт знает сколько часов и т. д. и т. д.

Слово «палатки» наводит кандидата на новые размышления. Как бы вскользь он замечает, что и палаток не на чем довести до лагеря, да, кажется, и самих палаток не хватит...

– Скажите пожалуйста, вероятно полигон существует только первый месяц и командированы сюда люди тоже в первый раз – оттого ничего не приготовлено и не соображено. Я вас спрашиваю...

По лицу кандидата скользнула насмешливая улыбка.

Я взбесился.

– Потрудитесь не дрыгать ногой, когда я с вами разговариваю! И немедленно пошлите за капитаном Александером – если вы сами ничего не знаете...

Положительно я потерял полфунта крови за эту командировку. Как я был наивен, когда предполагал, что приеду сюда часа в 4 дня, люди устроятся на своем новом месте, а вечером пойдут в 37 бригаду ужинать; все наши аттестаты написаны на эту бригаду.

– Однако, – говорю я Денисьеву, – надо предупредить 37-ю бригаду, что мы приехали. По-видимому, никому ничего не известно. Об ужине нечего и думать... Хорошо, если завтра дадут обедать...

– Эй, кто-нибудь!

На пороге появляется писарь. После 2–3-х фраз – истинное положение дела выясняется еще рельефнее...

Оказывается, что даже канцелярии вовсе не известно, что мы должны были приехать... Мы, можно сказать, явились «нахрапом» и только обеспокоили их... 37-я бригада тоже ничего не знает, и если даже ее и предупредить сегодня... (– «Сегодня предупредить никак нельзя, потому что нет аттестатов...» – «Да у меня аттестаты в чемодане, чертова ты кукла! В том самом чемодане, которого не могут привезти ваши проклятые подводы, потому что Машка забеременела, а Любезный взбесился!...»)... то завтра все равно обеда не будет, так как мясо они покупают где-то – не то в Колпине, не то в Питере, одним словом – дней на 5 вперед... Это уже черт знает что такое! Не могут же люди не есть все это время!..

Фальшиво пропели 9 человек команды три вечерних молитвы (это, с позволения сказать, вечерняя заря!)... Прошло еще полчаса, а Александр не едет... Люди моей команды уныло разбрелись по двору... Некоторые сидят на платформах из-под пушек; немногие еще рассматривают орудия... Я отправляюсь – поторопить с приготовлением палаток, чтобы можно было поскорее отослать нижних чинов в лагерь ставить их на места... Кроме того – мне нужно было во что бы то ни стало – достать свои вещи с пристани, так как солдаты могли еще разостлать на ночь свои шинели и на них улечься, а я вряд ли мог с тою же целью употребить свое новенькое офицерское пальто. Сюрпризы следовали за сюрпризами. Единственная подвода, которую нам мог предоставить полигон, – оказалась жалкой двуколкой, на которой с трудом могли уместиться два маленьких сундука... Не знаю – к какому решению я бы пришел (мне ведь еще раньше говорили, что и частную подводу теперь достать нельзя, так как уже поздно), как вдруг до слуха моего долетел стук колес по мостовой, и на двор въехала казенная бричка, из которой легко и грациозно выскочил сам г. Александр. Я быстро натянул перчатки на обе руки и, приложив руку к козырьку, подошел к нему с рапортом:

– Г-н капитан, лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады подпоручик Савонько с командой нижних чинов на полигон прибыл.

То же самое проделал и г-н Денисьев... Александр подал нам руку и заговорил:

– Сколько у вас людей с собой?

– 18.

– А у вас?

– Тоже 18.

– Это замечательно! Вот уже который год я прошу присылать мне по 18-ти человек от 2-х корпусов, а мне присылают от 3-х, да кроме того у меня уже есть 18 человек от кронштадтской крепостной артиллерии... Ведь у меня даже нет палаток для вас... Вот что: поезжайте обратно (эти последние слова относились ко мне). Я сейчас напишу бумагу вашему командиру, а

вам выдам предложение на проезд... (Он улыбнулся.) Я уж тут останусь с полевыми артиллеристами, а вас – гвардейца – отправлю домой...

В душе я ликовал... Я не смел верить своему счастью. Так мне не придется жить здесь целых два месяца, в каком-то вонючем бараке, ходить на скучные и бесцельные занятия за 2 версты, а потом возвращаться назад и обедать в какой-нибудь чужой части... Наружно я не выдал, конечно, ничем своей радости и сухо ответил:

– Слушаюсь, г-н капитан... Разрешите отдать распоряжения моему фейерверкеру.

– Пожалуйста.

Я кликнул своего старшего:

– Палаток не брать... Переночевать в лагере в одном из пустых барак-ков... Вещи оставить на пристани под надзором дневальных, организовав смену через каждые три часа... Люди могут напиться чаю и купить себе закусок в лавочке саперного бат[а]льона... Вот тебе деньги... Завтра с 8-часовым пароходом мы уезжаем в Петербург... Встать в 6 часов утра... Меня разбудить в 6¼ ...

И я снова вернулся к Александру... Денисьев расспрашивал его о занятиях, образе жизни и проч.

– Прошу, господа, ко мне наверх...

Мы поднялись во второй этаж деревянного дома – квартиру г-на Александра. Тут я пробыл с полчаса, пока были готовы нужные бумаги, а затем я попрощался с г-м Александром, и мы с Денисьевым пошли в Общее собрание Ижорского лагеря, где поужинали, а часов в 12 я уже растянулся на полу барака – на матрасе, который мне принес мой вестовой с парохода...

Рано утром я уже был на пристани... Тут меня ждала новая маленькая неприятность. Одна из моих корзин не отыскивалась... Денщик стал припоминать и наконец объявил, что она, вероятно, осталась вчера на пароходе «Трувор»... Нечего и говорить, что Дудко был кругом виноват: сохранить 4 вещи, которые были ему поручены, не такая уж хитрость... Но с другой стороны, и пароходная администрация заслуживает с[а]мого строгого порицания... Пароходы останавливаются у пристани чуть ли не на несколько секунд, и вот в это короткое время извольте-ка высадить 19 человек, у которых у каждого в руках по 2 тяжелых вещи.. Люди торопятся переносить багаж... Матросы кричат и, начав им помогать, еще более увеличивают неизбежную давку и толкотню... Многие сундуки нижних чинов оказались с проломленными стенками, так как матросы для скорости выбрасывали их на пристань... В этой-то суматохе и затерялась моя злополучная корзина...

Вскоре, пыхтя и вспенивая воду, подошел пароход, и мы благополучно

Приложения

1028

доехали до Петербурга... Здесь на воскресенской пристани я сделал заявление о моем пропавшем багаже, и в тот же день в 4 часа дня мой отец получил мою корзину обратно... Я же вместе с нижними чинами отправился в Красное Село с поездом 3 часа 10 минут... В лагере мне пришлось чуть ли не 20 раз повторять одно и то же: как и почему я был так скоро откомандирован обратно в бригаду...

Все то хорошо, что хорошо кончается, а эта командировка окончилась более чем хорошо!

12 июля 1902 года.
Красное Село.

МАДРИГАЛ

Мадригал – собственно пастушеская песня, или стихотворение; так же называют небольшое лирическое стихотворение в 4–16 строчек (обыкновенно 3 куплета) шуточного характера из деревенской жизни; в более широком смысле – всякое небольшое любовное стихотворение.

Словарь Ф. Павленкова.

Брожу ли я вдоль улиц шумных...

Пушкин.

Сижу ли днем я в кабинете,
Иль по Морской гуляю я,
Вхожу ль в казармы на рассвете –
Лишь о тебе мечта моя!..

Я вспоминаю дни блаженства:
Под кровлей жили мы одной...
И образ твой (верх совершенства!)
Стоит живым передо мной!..

Пройдут годá... Твой образ, Нана,
Все ж будет предо мной стоять,
И в сердце сделанная рана
Навек останется зиять!..

19 января 1902 г.
СПб.

ГАПСАЛЬ

(очерк)

Я не был в Гапсале семь лет. С тех пор он мало изменился: те же маленькие дачки на узких кривых улицах и та же мирная патриархальная жизнь остзейских немцев. Но есть новые здания, недавно лишь построенные. Во-первых, «курзал» – довольно большая и очень высокая зала, окруженная со всех сторон крытою галереей. Построен «курзал» на «большом променаде», вдаваясь всем своим корпусом в море. Сторона галереи, обращенная к морю, служит читальней. Из русских газет вы имеете один экземпляр «Нового времени» и один экземпляр «Новостей». Нечего и говорить, что этих двух нумеров слишком мало для двух-трех тысяч гостей. Мы приехали в августе, почти в конце сезона, и то – до 10-го числа почти никогда нельзя было достать газету свободной. Кроме того, нередко публика уносит для прочтения газету с собой, а к двум часам дня она исчезает уже безвозвратно. Правда, есть аншлаги, что «просят газет из читальной не выносить», но ведь аншлаг сам по себе, а поведение российской публики само по себе, и у нас никогда ни одно оповещение в точности не исполняется.

Другая для меня новинка в Гапсале – места для «lawn-tennis'а» (число 3), устроенные внутри «руин». Надо сознаться, что по своему местоположению эти места великолепны. Они лежат в естественной долине, окруженной со всех сторон высокими склонами, на которых к тому же растут могучие деревья, дающие превосходную тень. Плата за пользование «lawn tennis'ом», по-моему, невелика: всего 20 копеек в час, причем можно и не иметь собственной «ракеты», а получать «казенную».

Насколько «lawn tennis» здесь, в Гапсале, привился, ясно видно из того, что до самого конца сезона, когда оставалось всего несколько семейств, «места» были заняты почти весь день... В середине же лета, в разгар сезона, я полагаю, они брались с боя...

Третья новинка... Впрочем, pardon, больше новинок нет. Остальное все по-старому... Ах да! (чуть было не забыл!). Приготовили место для постройки санатории, но самой санатории строить не будут, так как нет средств, и компания предпринимателей уже расстроилась... Не верит публика в наши целебные места!

На другой же день по приезде отыскиались у меня знакомые. Это семейство Куколевских, состоящее из вдовы артиллерийского полковника (сослуживца моего отца), ее двух дочерей и сына – кадета 7-го класса корпуса... Кадета я научил играть в «tennis», [п]риобретя в его лице моего первого гапсальского партнера... С ним же и с одною из его сестер мы совершили прогулку на парусной лодке в Пулапе – таможенный кордон, отстоящий

верстах в 7 от Гапсалья. В Пулапе, косе, сильно вдающейся в море, стоит казарма, в которой живет офицер и несколько нижних чинов пограничной стражи. Здесь тоже имеется для меня новинка: небольшой мраморный памятник, сооруженный в воспоминание посещения этого места государем Александром 3 с супругой – в бытнос[т]ь его наследником. Гапсальские badegäst'ы посещают Пулапейский лес (так же как и другие леса: Паралеп и Вальдшлесхен) с благою целью подышать свежим воздухом и провести несколько часов (иногда и целый день) на лоне природы. С собой забирается небольшая провизия – самовар можно достать на месте, – и хлопоты по устройству пикника всецело этим ограничиваются...

В Паралеп можно попасть только по сухому пути – в коляске или на велосипеде. Конечно, я не замедлил туда съездить, чтобы убедиться – все ли там стоит на месте и именно так, как это было 7 лет тому назад. Оказывается – не совсем так. Харчевня оказалась заколоченной, и весь ее скарб – столы, посуда, самовары, кегли и проч. – продается с молотка. «Большой» Паралеп прогорел, и центром притягивания публики сделался «Маленький» Паралеп, который в мое время посещался очень мало.

Недалеко от Паралепа, при выходе из города, построен местным клубом небольшой, но достаточно благоустроенный велодром... Можете себе представить, что в Гапсале очень много любителей-велосипедистов, и клуб их (отделение Петербургского) насчитывает более сотни постоянных членов. Особенно много здесь катающихся здесь дам и девиц – добродетельных жен и дочерей здешней цеховой интеллигенции.

Познакомился я еще с отставным артиллерийским генералом Бауманом – участником Турецкой войны 1877–78 гг., о которой он очень любил поговорить. Генерал командовал батареей под Плевной, имел очень близкое сношение со Скобелевым и Куропаткиным, и надо сознаться – рассказы его всегда доставляли мне немало удовольствия. Бауман уже пятый год подряд приезжает сюда, глубоко убежденный в той пользе, которую ему приносит Гапсаль. По его словам, он раньше почти совсем не ходил, а теперь довольно свободно разгуливает по променаду...

Приятное знакомство приобрел я также в лице штабс-капитана нашей бригады Тигранова. Он уже два года тому назад кончил курс геодезического отделения Генерального штаба и в настоящее время прикомандирован к Пулковской обсерватории для практических занятий. Вот почему я знал его только понаслышке, но это не помешало нам при первой же встрече на променаде вежливо раскланяться и разговориться, как будто мы уже были век знакомы... Пулковская обсерватория командировала Тигранова в Гапсаль для сложной астрономической работы, которой он и был занят почти ежедневно до глубокой ночи, и за все время только два раза появился на утренней музыке от 12-ти до 2-х часов дня... Впрочем, один раз мы съездили с

ним на велосипедах в Паралеп, но этим и ограничилось все его знакомство с Гапсалем, а 20-го августа он уже уехал обратно в Пулково...

Август месяц – это время для отъезда публики из курорта. Многие даже уезжают в конце июля, но большинство – в августе между 1-м и 10-м числом, так что каждый уходящий пароход уносит десятки семейств. До 15-го августа остаются очень немногие, а после 25-го, я полагаю, местные жители будут смотреть на оставшихся как на каких-то оригиналов...

Я написал уже несколько страниц, а о погоде не сказал еще ни слова. Приехали мы под проливным дождем. Кругом было мрачно и сыро. На другой день, к 12-ти часам, небо прояснилось, заблестало солнце, и вплоть до 10-го августа оно грело нас так, как впору ему греть только где-нибудь в Крыму или Италии. Температура воды достигла maximum'a чуть ли не за все лето – 18–19 и даже 20 градусов. После десятого погода несколько переменилась. Стал изредка дуть холодный северный ветер, и снова зачастили дожди. Впрочем, дожди были летние, приятные, всего на несколько часов, а затем снова становилось светло и ясно. И так до 20-го... Сегодня 21-е: ветер северный и необыкновенно холодный и сильный. Публика боится нос показать. Даже в тужурке и осеннем пальто все-таки пробирает дрожь... Бррр...

Теперь остается сказать несколько слов о развлечениях. Их немного, так как они требуют присутствия публики, а публика все уезжает да уезжает. Говорят, что летом, в июне и июле, было очень много всяких «спектаклей» и «базаров», но я их не застал, а потому поговорю о тех, которые были в августе...

Во-первых, 2-го августа состоялся любительский спектакль, вызванный обстоятельствами. Умер фотограф Гаак (и мы снимались у него семь лет тому назад, и до сих пор его работа висит у нас в квартире), оставив жену с массой малолетних ребятишек. Здешняя старожилка – г-жа Игнациус – приняла хлопоты по продаже билетов, и последние были быстро разобраны. Горбун Гаак пользовался всеобщую любовью...

Артисты-любители играли гладко. Старались и утрировали вовсю. Адмирал выглядел сверхбурбоном, девицы – сверхкокотками и т. д. (последняя фраза посвящается Ницше, только что умершему). В антрактах те же артисты рассказывали публике анекдоты, иногда весьма неудачные, но аплодисменты были от этого не меньше. После театра, как и подобает в провинции, состоялись танцы, от которых я поспешил удрать, так как видел, как точили на меня зубы местные дирижеры-заправилы. В дверях[х] им удалось меня настигнуть и с жаром доказать, что я, как гвардеец, даже не имею права отказываться от танцев... Тем не менее, я все-таки отказался!..

Спустя несколько дней в «руинах» состоялся бенефис местного оркестра, именуемого почему-то «купальным». Бенефис удался как нельзя луч-

ше. Публики было очень много, продажа конфетти шла на славу, так что все дорожки были сплошь усыпаны ими. Баталия приняла с сумерками, а тем более с темнотой, грандиозные размеры. Бросались все: знакомые и незнакомые. Некоторые наиболее в[е]сельные дамы и кавалеры выстроились в одну шеренгу и обсыпали проходящих залпами, по команде. Хохот, веселие и непринужденность – были полными...

После бенефиса «купального» оркестра – объявил свой бенефис «пожарный» духовой оркестр, составленный из любителей гапсальского вольного пожарного общества. Программа увеселений буквально ничем не отличалась от только что описанной, т.е. состояла из музыкальных номеров, а в антрактах – конфетти. Но публики было очень мало, да и те, кто были, – все больше местные аборигены, свои люди – от которых не разживешься. Конфетти почти не продавались, и я ушел после первого же отделения, так как сама музыка не стоит даже того, чтобы о ней упоминали...

То же пожарное общество устроило два раза «большое гулянье» на променаде. Приманкой должны были служить: музыка с 7-ми до 11-ти часов вечера, бумажные фонарики, развешанные по берегу, и несколько ракет (по большей части неудачных) попеременно с бураками – уже безусловно неудачными... Обязательной платы за вход на такое гулянье не полагается, а принимаются добровольные двугривенные (и больше), которые в общей сумме составляют порядочный куш, далеко превосходящий грошовые расходы пожарных заправил...

16-го и 20-го числа приезжий шарлатан показывал в зале гостиницы «Салон» кинематограф Люмьера... Дня за три до представления он расклеил по городу громадные афиши, в которых на 3-х языках (русском, немецком и эстонском) в комично-важных выражениях восхвалялось изобретение «живой фотографии». Затем до сведения публики доводилось, что картины будут показаны при «участии» изве[с]тного престижитатора (с медалями!), равного которому еще в России не было. Он (было написано) представит публике «тайны спиритического миража и общение с современными духами»! На самом деле «участие» этого фокусника, по-видимому, заключалось только в том, что он распаковал ящик с аппаратом и показывал картины на экране с тем успехом, какого легко мог достигнуть и несравненно менее «знаменитый» человек. Да и вообще вся обширная реклама была сплошным враньем и надувательством. Картины «в натуральную величину» оказались очень небольшими, плохо освещенными и сильно мигающими. Аппарат недостаточно быстро вертелся, и кроме того, на каждом шагу являлась какая-либо задержка или даже полная остановка. После первых шести картин был объявлен антракт в 15 минут, продолжавшийся минут 25! Вот почему показ 20 картин затянулся на два часа, и большинство публики было очень довольное, когда все кончилось. Впрочем, коренные гапсальцы, видевшие

кинематограф первый раз в жизни, приходили в бурный восторг, и зал гремел рукоплесканиями... Не лишена интереса и та программа картин, которая была предложена публике. Вот, например, заглавие 18-й картины:

— «Появляется сильно бушующее море, на горизонте показываются лодки, матросы спускаются к берегу и видно, как они за недостатком воды выпрыгивают из лодки на берег и продолжают ход пешком, притом стреляют из пушек, ружей и производят в действие все оружия. Между прочими видами их сцен представляются еще много других интересных сюжетов из жизни во всех ее видах!»

Через три дня было назначено «по желанию публики» 2-е представление кинематографа. Я не пошел, но люди сведущие рассказывали, что «знаменитый престижитатор» пьянствовал все эти дни в Паралепе (вероятно, в обществе современных духов), и вот почему аппарат его уже окончательно ему не повиновался, и более интеллигентная публика уходила после первых же картин. Буржуазия же была довольна по-прежнему и рукоплескала...

* * *

Итак, с 1-го августа, как я имел уже случай упомянуть, дачники начали разъезжаться из Гапсаля, и курорт постепенно изо дня в день все более и более пустел. Присутствуя при его «агонии» (простите за это выражение, но как же иначе можно назвать странное на взгляд превращение многолюдного города в совершеннейшую пустыню!), я могу очень точно определить действительные границы сезона, по крайней мере для этого года. Надеюсь, впрочем, что выводы мои, по всей вероятности, будут пригодны и для следующих годов.

Кто хочет оставить память по Гапсалью как по курорту в достаточной мере оживленному, тот должен уехать из него к 10-му августа и никак не позже. Позже вы уже будете поражены солидной переменной, происшедшей вдруг в обыденной жизни Гапсаля. Местные жители толпой начинают выплывать на большой променад, тогда как раньше они довольно тщательно скрывались по домам...

Второй срок для отъезда — непостоянный: он зависит от музыкантов. Обыкновенно оркестр играет до 20–25 августа. Как бы ни было незначительно количество оставшихся дачников, а все же ежедневно в часы музыки (от 12 до 2 и от 7 до 9) большинство приходит на променад, и маленький «пляж» покрывается пестрой толпой, которая или сидит на скамейках, или прогуливается взад и вперед... В этом году музыка закончила свой сезон 23-го. Холодная погода заставила ее играть в курзале. Репертуар был назначен изысканный. Публике преподнесли несколько сольных номеров и духовой квартет. В заключение «Боже, царя храни», повторенное несколько

раз. Курзал был набит битком и не мог вместить всех желающих. Каждый счел своим долгом присутствовать на прощальном вечере «купального» оркестра, даже и те, кто раньше никогда не бывал (таковы – многие эстонки в платочках...). После отъезда музыки – резкая перемена. Гапсаль из курорта превращается в «уездный» (фи!) город!.. Уже нет более сборного места, где бы вы могли встречаться со своими знакомыми, и, наконец, прибавилось лишних четыре часа, которых вы не знаете куда девать!..

Третий срок – тоже переменный и зависит от расписания Рижского пароходства, поддерживающего прямое сообщение с Петербургом. Обыкновенно – это последние числа августа, когда большинству учащихся нужно восвояси. В этом году последний рижский пароход отошел 27-го, и следовательно, 27-е явилось последним, крайним сроком для отъезжающих из Гапсаля. Хотя музыка не играет вот уже 4 дня, хотя во всем городе и без того осталось всего 5–10 семейств, а все же 27-е число снова и очень резко изменило физиономию Гапсаля!.. Он как-то сразу «затих»... Да! Я не могу иначе выразиться: именно «затих»! Бродите хоть целый день по променаду или по улицам – вы не услышите более ни оживленного голоса, ни веселого смеха. Кругом остались одни лишь мелкие, сухие дельцы, занятые своей скучной, повседневной работой. Дачи заколачиваются, некоторые лавки пр[е]кращают торговлю, число экипажей уменьшается с каждым днем... Город готовится заснуть на всю зиму, как медведь в берлоге, и снова высунет свою голову лишь с первыми признаками будущей весны...

27-го августа уехал и мой знакомый генерал Бауман со своей дочерью, с которой я последнее время почти ежедневно играл в «tennis». Я поехал провожать их на пристань Новой гавани. Пароход сильно запоздал благодаря дувшему все эти дни жестокому норду. Чтобы выиграть немного во времени, пассажирам предложили занять место на небольшом парходике «Progress», который, таща за собой лайбу с пассажирскими вещами, должен был выйти в море – навстречу рижскому пароходу... Ровно в 7 часов вечера «Progress» отвалил от пристани и, прыгая на волнах, стал быстро уменьшаться в наших глазах, пока не превратился в одну дымящуюся точку... Но вскоре и она почти исчезла с горизонта... Вернемтесь, господа, в опустевший город, которому ничего более не осталось, как поскорее погрузиться в свою спячку на всю зиму!..

Sic transit...

Чтобы вас немного развеселить, позвольте вам рассказать один интересный случай, происшедший здесь того же 27-го числа...

Около 11-ти часов утра я вышел из гостиницы «Салон», направляясь в «руины» – играть в lawn-tennis. Проходя через старинные каменные ворота, я невольно обратил внимание на свежее объявление, написанное пером на

обыкновенной писчей бумаге. Заглавие было английское и означало в переводе следующее:

ЭДИСОНОВСКОЕ ОБЩЕСТВО!
ВЕЛИЧАЙШЕЕ И ВЕЛИКОЛЕПНЕЙШЕЕ МИРОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!

1036

Дальнейший текст был написан по-немецки. Прочитав его, я немедленно решил – списать вечером всю афишу полностью, настолько она была курьезна и оригинальна, но по причинам, о которых я скажу немного ниже, мне это не удалось, а потому я могу только вкратце передать вам смысл этого единственного в своем роде объявления. Слушайте же!..

У Эдиссона – замечательнейшего и гениальнейшего ученого и изобретателя (все эпитеты исключительно в превосходной степени), обогатившего мир своими открытиями (следует перечисление всех открытий), – был «первый» ученик – mister Scott (или Klops, к сожалению, я безнадежно забыл фамилию) – не менее замечательный и гениальный и в свою очередь адский благодетель человеческого рода. Ему именно принадлежит честь изобретения электромагнитной железной дороги... Вышеназванное общество возымело самое горячее желание облагодетельствовать город Гапсаль (ибо и в нем «живут люди», прибавляет автор афиши), а потому оно предлагает жителям построить электромагнитную железную дорогу («чудо искусства», «величайшее изобретение века»!!!..) – построить скоро и дешево. По окончании постройки город сразу делается промышленным и богатым, и каждый обыватель будет почти что миллионером...

После такого ясного и точновысказанного предложения следует воззвание (я привожу его почти дословно):

«Высокоблагородные жители, граждане и гражданки города Гапсалья! Соберитесь сегодня, 27-го, в воскресенье, в половине пятого вечера на променаде – и мы обсудим с вами всесторонне этот важный вопрос! Ввиду большой торжественности этого дня и в честь гениального изобретателя этой дороги предлагается жителям города Гапсалья украсить свои дома флагами!!!»

Секретарь общества: m^г X.

Каково? Право, я до сих пор не знаю – выдумка ли это какого-нибудь бездельника, или же действительно серьезное предложение? Предложение – чисто американское! Mister X., очевидно, был уверен, что достаточно расклеить 3 таких объявления (два были вывешены на променаде) – и толпа мирных граждан соберется на площади, а он (m^г X.) влезет на крышу и будет оттуда горячо отстаивать свой проект! Неужели свободный янки никогда не слышал, что у нас есть полиция, в которую ему следовало обратиться,

а уже полиция решит (через несколько месяцев) – можно или нельзя дать на обсуждение проект дороги, и притом уж никак не «народному собранию» (Воображаю!.. Бедняга Х. предполагал, что тысячи жителей будут в восторге махать шляпами и кричать: хотим железную дорогу, хотим!!), а вполне законным выборным – думе, которая тоже продержит все дело под сукном несколько месяцев, а затем, а затем, я думаю, проект будет безусловно отвергнут, так как Гапсаль уверен, что железную дорогу ему обязано построить правительство...

Объявления Эдисоновского общества были расклеены только утром 27-го, т.е. всего за несколько часов до собрания, и так как днем местные жители сидят обыкновенно дома, то прочитали объявление только немногие из оставшихся дачников, да чиновники, случайно завернувшие со службы на променад. Впрочем, как я убедился в разговоре с одним из них, они абсолютно не придали никакого значения всему написанному... Ровно в половине пятого на променаде (где должно было состояться громадное «народное» собрание) бродило всего несколько пар – преимущественно те запоздалые дачники, которые уезжали в этот день с 7-часовым вечерним пароходом...

Вдруг как метеор пробежал по променаду старик-городовой... пробежал и скрылся... А через минуту я уже убедился, что появление его было для меня роковым: он сорвал и уничтожил все объявления эдисоновского общества!..

Так закончилось «блестящее» предложение, имевшее благое намерение сделать из Гапсалья «цветущий и богатейший в мире город»!

Хотите познакомиться с эстонскими мотивами, их народными песнями? Извольте... Вышел я однажды погулять на променад часа в 4 пополудни... Погода была мрачная, холодная... Вижу – вдали, на пристани, копошатся два человечка – и узнаю в одном из них своего знакомого г. И... Другой – оказался его младшим братом. Я подошел ближе, и мы раскланялись.

– Хотите с нами ехать на веслах?

– Куда?

– Куда-нибудь... Ну хоть в Новую гавань!

Признаться, я не любитель катанья на веслах (это не то что под парусами!), но когда делать нечего – отчего не согласиться. Мы сели в лодку и поплыли...

Обогнули крайний гапсальский «Holm» и вышли в море... Ветер подул резкий, волны окачивали лодку с носу и быстро вымочили нас с головы до пят... Приходилось ехать против ветра, грести было тяжело, и мы решили добраться до видневшихся вдали рыбацких лодок, прицепиться к ним и отдохнуть... Расстояние до них оказалось не менее версты... В двух лод-

ках сидели 6 эстонцев и удили рыбу... Это были, конечно, любители, а не профессионалы... Старшему из них было лет 17–20, остальные – мальчики школьного возраста.

– Много поймали?

– Да, много, – ответил старший из них.

– Можно к вам прицепиться?

Вместо ответа ближайший мальчуган схватил нашу веревку и старательно привязал ее к своей корме... Мы начали глазеть на поплавки, буддыхающиеся по могучим волнам, но при нас клевало мало, и за четверть часа поймали всего две рыбы: окуня да плотву... Мальчики больше молчали. Только изредка старший из них что-то говорил по-эстонски – веселым, смеющимся голосом, а остальные в ответ только улыбались или смеялись... Но вот один из них начал тихо мурлыкать, потом несколько громче, ему подтянул второй, и наконец третий уже громко и ясно запел:

– Та-ра-ра-бумбия!.. Сидел на тумбе я...

Вот вам и эстонская народная песня!..

* * *

Пишу накануне отъезда: завтра пароход «Константин» увезет нас в Балтийский порт, а оттуда железная дорога домчит до Петербурга. Пора проститься с Гапсалем... В нем так скучно эти дни, что я боюсь окончательно испортить вам настроение... Все, что случилось за август месяц, – я добросовестно вам поведал и, пожалуй, уже ничего более прибавить не могу... Впрочем, я вам, кажется, ни слова не сказал о новой русской церкви на кладбище... Сперва хотели там построить только часовню, но потом, поразмыслив, начали строить церковь: вышла очень ма-а-аленькая, простенькая, но в то же время снаружи очень хорошенькая церковь... 30-го августа – ее храмовой праздник, и на кладбище была служба, окончившаяся торжественным крестным ходом вокруг церкви...

В заключение моего очерка я непременно должен сообщить вам имена моих гапсальских знакомых. Совершенно умолчать о них – свыше моих сил... Как именно возникло это знакомство – я сейчас расскажу и для последовательности начну с Адама (если бы я писал для печати, то сказал бы: «начну ab ovo»)...

Первый раз, когда мы (отец, мать и я) приехали в Гапсаль, мы наняли дачу против так называемой «Старой гавани» – в доме наследников Гольмберга (Holmberg). Наследниками оказались две девицы – увы, уже пожилые – Наталия и Эмилия. Старшая из них – Наталия, более образованная и более начитанная, жила одно время в Петербурге и отличалась очень сдержанным, корректным характером... Эмилия имела манеры не-

сравненно более разухабистые, говорила громко и, разговаривая, размахивала руками. Вид она имела внушительный, и силе ее позавидовал бы не один мужчина. Вообще она производила впечатление хорошей деревенской (или, если хотите, помещичьей) хозяйки. Поставить самовар, сварить обед, сходить в платочке на базар, затем, вернувшись, моментально переодеться и явиться в гостиную поговорить о политике – для нее ровно ничего не стоило. Обе сестры занимались вязаньем (здесь в Гапсале все немки вяжут) платков и фуфаяк, которые затем продавались *badegäst*'ам. Они не были одиночками: в доме у них жила их 12-летняя племянница *Camilla*, которая и сделалась моей спутницей и детским товарищем в течение тех четырех сезонов, что мы жили в Гапсале. Камилла была старше меня на один год, но выглядела она совсем ребенком и значительно моложе своих лет. Вот и теперь – ей уже почти 24 года, а на вид можно дать не более 16–17. Трудно сравнивать ее с нашими петербургскими барышнями. Камилла была очень сильна для своих лет и как девочка; гребла на лодке превосходно, бегала отлично и бесстрашно пускалась со мною во все мои поездки на парусах в море! С нею мы играли в крокет, строили в саду деревянный домик, долженствовавший служить для нас маленькой дачкой, играли в кегли и проч. Да! Время пролетело незаметно: десять лет промчались как один год, и теперь остается только вспоминать о счастливом детстве... Была ли Камилла красива? Нет, строго рассуждая, ее нельзя назвать красивой. Но личико ее отличалось большою привлекательностью, плутоватые глазки бегали как у пойманного зайчика, затем свежие здоровые щеки (каких не встретишь в Питере!) и задорно вздернутый носик. Камилла, как я сказал, приходилась хозяйкам племянницей. Ее отец – почтенный столяр *Ellerberg* – с женой и дочерьми (сестрами Камиллы: Эльзой, Идой и Эрной) – жил здесь же в Гапсале. Старшие сестры – Эльза и Ида – нередко тоже принимали участие в наших экскурсиях, играх и забавах... Не могу пройти молчанием и об Ирме Кнох, дочери одного купца из Пернова, очень хорошенькой девочки, гостившей два сезона у наших хозяек...

И вот теперь, спустя 7 лет разлуки, когда я в первый же день приезда пошел к своим старым друзьям, я увидел снова те же добрые лица, дышащие искренним ко мне расположением... Прибавились и новые знакомые: замужняя сестра Наталии Егоровны Гольмберг – г-жа Енгельберг, переехавшая на житье из Пернова в Гапсаль, две ее дочери – Элла и Хульда – и сестра Ирмы Кнох – Роза Кнох... Как видите, цветник местных барышень в достаточной степени велик. И смею вас уверить, что я испытывал величайшее наслаждение среди этих симпатичных для меня людей... Сколько расспросов!.. Сколько воспоминаний!.. Я вырос на их глазах и остался для них тем же «*lieber Wolodja*», каким был 10 лет тому назад... И сколько теплых и искренних слов было посвящено моей покойной матери («*Frau*

Generalin»), которую они все так любили!.. Сколько интересных мелочей мог бы я занести на эти страницы, но сейчас нет времени, и я счастлив, что успел записать хотя одни только имена – имена, с которыми у меня связаны самые светлые воспоминания...

1040 А сколько внимания сказалось в том «вечере», который нам устроила Наталия Гольмберг. Вся их почтенная родня была в сборе. Ухаживаньям не было конца.. Даже вкратце невозможно передать тот оживленный разговор, который мы имели в течение нескольких часов... Все их интересует, так как, несмотря на их начитанность и образованность, они мало что видели и дальше Пернова обыкновенно никуда не ездили. Камилла даже не видела до сих пор настоящей железной дороги...

Мы не остались в долгу и 1-го августа устроили в свою очередь в «Салоне» – five o'clock tea, на который пригласили всех упомянутых мною лиц...

Это было уже почти накануне отъезда... Увидимся ли опять и скоро ли?.. Гапсаль не за горами! Бог даст, увидимся снова...

А все-таки жаль, что я не писал дневника мальчишкой! Я бы, пожалуй, немало забавного мог вам рассказать... Теперь поздно... Теперь я занес только то, что случилось за этот август месяц, а так как все события исчерпаны уже до дна, то я складываю оружие и заявляю читателю, что мои очерки Гапсаля окончены и я не прибавлю больше ни одного слова, хотя в голове моей так и теснятся старые воспоминания о детских днях, настойчиво просясь наружу...

Авось я о них еще вспомню, а пока довольно!

КОНЕЦ

21 августа – 2 сентября 1900 г.
г. Гапсаль.

* * *

Пусть не любишь стихов ты, пусть будет
чужда

Тебе муза моя безотрадно плакучая.

А. Апухтин.

Я тревожить боюсь свою лиру,
Не дотронусь до струн я рукой:
Моя лира заплачет так горько,
Зазвучат мои струны слезой!..

И кругом я не вижу просвета,
И надежды на будущность нет...
И под нервной рукой моей струны
Мне рыдание несут лишь в ответ.

Но среди этой скорби и грусти
Луч божественный вспых предо мной,
И тот луч осветил мне надежду
Провести эту Пасху с тобой...

Не лишай же меня утешенья:
Без него не под силу мне жить!
И на Пасху своим посещеньем
Поспеш ты меня оживить!..

2 марта 1902 г.
г. С. Петербург.

* * *

Гостями зала уж полна...
Вокруг меня царит веселье.
Лишь я один, как схимник в келье,
Стою угрюмый у окна.

Вдруг слышу голос неземной:
– «Поведай, что тебя волнует?
Иль, может, страсть в тебе бушует?
Иль недоволен ты судьбой?

Мне душу ты свою открой,
И я ручаюсь головою,
Что злато, честь...» – «Ах! Суетною
Прельстить не можешь ерундой!

Уж лучше жизнь мою бери!!...»
Я от того лишь так скучаю,
Что уж давно не получаю

От Наны писем из Твери!

30 ноября 1902 года
г. С.-Петербург.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ ТОРЖЕСТВА

К 200-летию взятия Нотебурга. Для присутствования на юбилейных торжествах взятия Нотебурга (ныне Шлиссельбурга), 11-го сего октября от лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков и лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, как принимавших непосредственное участие в штурме крепости Нотебурга, командуются депутации в следующем составе:

лейб-гвардии преображенского полка: полковник Гонецкий, капитан Гольдгоер 1-й, штабс-капитан Сабуров и 16 фельдфебелей и унтер-офицеров.

лейб-гвардии Семеновского полка: генерал-майор Лангоф, капитан Карцов, штабс-капитан фон Сиверс 1-й и 16 фельдфебелей.

лейб-гвардии 1-й батальона: полковник Потоцкий, капитан Гартунг, подпоручик Савонько и один фельдфебель.

(«Русский инвалид» 8 октября).

Лев Федорович Гартунг заехал за мной в половине девятого. Я уже был совершенно готов, мы сели на извозчика, моего денщика Дудко с нашими вещами посадили на другого и поехали к пристани Смольного монастыря, где нас должен был (согласно телеграммы штаба округа) ожидать пароход «Ижора» под военным флагом – для доставки всей депутации в г. Шлиссельбург. Мы приехали на пристань слишком рано, первыми, но вскоре начали подтягиваться и другие члены депутации. Приехал и наш генерал Ляпунов, который все еще сомневался – ехать ли ему или не ехать, ибо, с одной стороны, он не входил в число депутатов, с другой же стороны, штаб намекает, что присутствие на торжествах Главнокомандующего отчасти обязывает его к этой поездке. В конце концов Ляпунов решил ехать...

Наша маленькая компания была уже почти в сборе. Не хватало одного семеновца – штабс-капитана Сиверса, но наконец и он приехал, и пароход около 10-ти часов утра тронулся в путь, шлепая своими огромными колесами.

Пароход «Ижора», в сущности говоря, не военный, т. е. он редко ходит под настоящим военным флагом, а обыкновенно под так называемым «портовым»¹, и находится под командой штурманского офицера. Но на поездку

¹ Синий с якорем. – Примечание В. С. Савонько.

в Шлиссельбург «Ижоре» дали военный флаг и особого командира – лейтенанта Константина Александровича Панферова, сумевшего очень быстро завоевать наши симпатии... Кстати, необходимо снова перечислить весь наш кружок, так как он оказался несколько иным, чем был пропечатан в «[Русском] инвалиде».

1044

лейб-гвардии Преображенского полка	полковник	Палибин
—	капитан	Гольдгоер
—	штабс-капитан	Сабуров
лейб-гвардии Семеновского полка	генерал-майор	Лангоф
—	капитан	Карцов
—	штабс-капитан	фон Сиверс
батальона МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА	полковник	Потоцкий
—	капитан	Гартунг
—	подпоручик	Савонько
лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады	генерал-майор	Ляпунов

Едва генерал Ляпунов подошел к трапу, как раздался свисток. Свистком приветствуют у моряков всех офицеров, входящих на судно. Кроме того выстраивается обыкновенно команда матросов, которая отдает установленную честь. Но как жаль, что в наших сухопутных уставах (хотя бы, например, в уставе внутренней службы) ровно ничего не говорится о морских обычаях. Вот и Ляпунов (конечно, исключительно по незнанию) не снял фуражки при входе на судно, что безусловно полагается.

Не успели мы отойти от пристани и полверсты и уютно расположиться в кают-компании – на палубе было слишком холодно (-3°), – как унтер-офицер в сопровождении лейтенанта внес на подносе пробную порцию щей и ломти хлеба. Это тоже морской обычай – угощать пробной порцией старшего из присутствующих на судне лиц... Оба генерала (Лангоф и Ляпунов) взаимно начали уступать друг другу первенство в пробе пищи.

– Николай Николаевич, не угодно ли!

– Нет, отчего же?!

– Да сделайте одолжение, я успею потом...

– Помилуйте, Август Федорович, вы глава депутации, а я так только...

Наконец кто-то из них с решительным видом взял ложку и начал есть щи. Каждый из присутствующих проделал поочередно то же самое, и каюта огласилась похвалами по адресу кашевара.

Вскоре компания разделилась на несколько кружков. Запасливые преображенцы захватили с собой доску ломберного стола и, разложив ее у себя на коленях, сели играть в безик. Некоторые, не боясь леденящего холоду и

резкого ветра, поминутно выбегали на палубу. Я же и еще несколько офицеров воспользовались беседой с симпатичным лейтенантом, чтобы пополнить или освежить в своей памяти наши скудные сведения о морской службе и морских обычаях. Панферов охотно разъяснял нам, что такое – «узлы», «склянки» и «бак», делился своими впечатлениями, вынесенными им из его кругосветных путешествий, знакомил нас с духом и дисциплиной матросов и проч. Тем временем бойкий матросик, получивший почему-то с самого начала своей службы прозвание «Фунт», накрывал на стол, устанавливая его многочисленными закусками, винами и водкой. Водка, впрочем, была нам предложена еще в самом начале пути.

Завтрак прошел довольно оживленно, и я не могу лишить себя удовольствия записать один анекдот, или вернее факт, рассказанный генералом Ляпуновым со слов одного очевидца.

«Дело было в Костромской губернии. К доктору приходит молодой человек, ведя за собой старика с явными признаками алкоголика. Последний, приблизившись к доктору, вдруг начинает боязливо пятиться назад. Молодой человек говорит:

– Константин Васильевич! Прошу вас обратить ваше медицинское внимание на моего папашу!

– Что же с вашим папашей?

– Они изволят “небрежно” обращаться с водкой.

– Да что, он проливает ее, что ли?

– Никак нет! А они изволят ее в день по “четверти” кушать, а “ежного” при этом совсем не употребляют!»

Близость невских порогов заставила нас из любопытства подняться на палубу (или, как мы острили: «просвистали себя наверх»²) и полюбоваться в этом месте действительно необычайно сильным, неудержимым течением. Лоцман, нанятый из числа служащих в компании «Шлиссельбургского пароходства», попросил прибавить ходу до максимального предела, но тем не менее мы продолжали двигаться вперед черепашьям шагом, даже почти незаметным на глаз. Наконец пороги благополучно были пройдены, и лейтенант, спустившись с «рубки», проговорил, обращаясь к нам:

– Еле-еле прошли. Еще бы на пол-узла меньше ходу, и мы бы не вытянули!

– Что же мы бы тогда делали?

– Подождали бы «Озерного» («Озерный» – пароход, конвоирующий великокняжескую «Онегу»), и тот бы нам помог...

Вообще же «Ижора», построенная в Англии в 1861 году, – очень старое и слабосильное судно, делающее в час [н]е более 8-ми узлов, тогда как

² «Свистать всех наверх» – морская команда. – Примечание В. С. Савонько.

частные пароходы на Неве обладают скоростью в 15 узлов. Вот почему последние ходят от Петербурга до Шлиссельбурга (притом с массою остановок) только 4 часа, а мы без всяких остановок шли 6½ часов!..

1046 Едва мы успели пристать к набережной Шлиссельбурга, как на наш пароход взошел какой-то штатский с длинными лохматыми усами и в широкополой шляпе. Низко кланяясь, он объявил, что он депутат от города и назначен в распоряжение господ офицеров. Генерал Лангоф протянул ему руку, и мы все поочередно с ним поздоровались. Тут же мы узнали от него, что нам отведено помещение в гостинице «Орешек»...

На набережно[й] толпились представители города и местной администрации. Взаимно представившись друг другу, мы все вместе перешли «шлюзы» и очутились на другой стороне канала, где должен был пристать пароход «Онега» с великим князем Владимиром Александровичем. Не более как через ½–¾ часа «Онега» показалась в виду, и все встречающие начали принимать некоторый порядок. Наши нижние чины (16 фельдфебелей Преображенского полка, 16 фельдфебелей Семеновского полка, наш фельдфебель Бекадоров и матросы Гвардейского экипажа) выстроились в одну шеренгу, а на их правом фланге встали мы – войсковая депутация. Среди местной администрации были: вице-губернатор ген[е]рал Косач, городской голова Терешенков, уездный предводитель дворянства камергер Ильин, исправник и т. д.

Встреча была как подобает. Голова поднес хлеб-соль на деревянном блюде, великий князь поздоровался за руку с высшим начальством и тотчас же вернулся к себе на пароход, куда – к обеду – он пригласил старших начальников. Мы же пошли через «шлюзы» на «Ижору», чтобы там захватить свои вещи, и затем направились через площадь в гостиницу «Орешек», предводительствуемые депутатом от города – г. Онуфриевым.

Не знаю, какой вид имеет «Орешек» в обычное время, но теперь, предоставленный на эти дни целиком в наше распоряжение, он уже за несколько дней до нашего приезда был тщательно вычищен, проветрен и даже оклеен новыми обоями. Предстояло разобраться в комнатах, и тут чуть было не произошло недоразумения, так как штаб корпуса прислал городу неверные сведения о членах депутации. Все комнаты оказались заранее расписанными по фамилиям, но, к нашему удивлению, в официальном списке (который нам показал Онуфриев) вовсе была пропущена наша батарея, а с другой стороны, были проставлены фамилии каких-то есаулов, подполковник и проч. – вовсе не принадлежащих к составу депутатий. По счастью, число комнат в гостинице оказалось вполне достаточным, да к тому же, как и следовало ожидать, никто, кроме офицеров наших трех частей (Преображенского и Семеновского полков и батареи Михаила Павловича), и не претендовал на их занятие, а нашим генералам (Ляпунову и Лангофу) были предоставлены

апартаменты на здешней ситценабивной фабрике. Потоцкий, Гартунг и я заняли комнату № 1-й, лучшую и наибольшую во всей гостинице, единодушно решив, что втроем будет «куда веселее!»...

Приближалось время обеда, и вместе с тем нам нужно было решить – чье из полученных нами приглашений следует принять. Приглашений было три: лейтенант Панферов снова нам напомнил, что на «Ижоре» ежедневно к нашим услугам готовится обед и завтрак... В то же время депутат Онуфриев объявил, что гостиница «Орешек» находится в полном нашем распоряжении на все 4 дня и что во всякую минуту мы можем требовать все, что нам угодно – *gratis*, а в час дня и 7 вечера ежедневно готов завтрак и обед. И наконец, явившийся к нам в гостиницу молодой чиновник, состоящий для поручений при вице-губернаторе – г. Кнорре, – просил нас от имени управляющих фабрикой приехать обедать на фабрику. Сговорившись с преобразенцами и семеновцами, мы решили принять последнее предложение.

К подъезду были поданы тройки, и мы лихо помчались загород, рассекая морозный воздух.

На Шлиссельбургской ситценабивной фабрике я был лет 14 тому назад, еще до поступления своего в кадетский корпус. Она очень старинная, существующая, кажется, со времен Екатерины Великой, уступившей англичанам землю безвозмездно, но с тем условием, чтобы при фабрике был выстроен каменный флигель с апартаментами, в которых могла бы остановиться царская фамилия. Эта повинность обратилась со временем в обычай, и до настоящего времени фабрика гостеприимно отводит помещение приезжим, и не только высочайшим особам, но и губернатору, его чиновникам, старшим войсковым начальникам, как, например, в данном случае нашим генералам – Ляпунову и Лангофу. Для последних, надо думать, и был приготовлен этот обед, но так как генералы были приглашены к великокняжескому столу, то управляющие решили пригласить нас.

Мы вошли в уютные, очень мило обставленные старинною мебелью комнаты, с гравюрами по стенам... Кнорре чувствовал себя здесь как дома. Объявив, что хозяева сейчас выйдут, он в ожидании их начал нам показывать все комнаты до спальни и уборной включительно. Минут через 10 появились хозяева: мистер Уатсон, ни слова не понимающий по-русски и очень плохо по-французски, и мистер Гибсон – недурно владеющий русским языком. Аккуратные, прилизанные молодые англичане корректно с нами поздоровались и пригласили в столовую, где были уже накрыты два стола: закусочный и обеденный. Прислуживали две горничные в чистеньких платьях с передниками. Обед отличался очень хорошей кухней, а красные и белые вина можно назвать прекрасными. Трапеза наша затянулась часов до 10 вечера, после чего мы еще с полчаса потолкались в гостиной, куда к этому времени вернулись наши генералы с «Онеги», расписались

здесь же в фабричной книге посетителей и затем, поблагодарив хозяев, сели в тройки и вернулись к себе в гостиницу.

**10 октября
четверг.**

1048 Сегодняшний день – день молитв по храбрым воинам петровской гвардии, убитым вовремя штурма Нотебурга...

Встали мы довольно рано, так как единственный наш слуга – мой денщик Ян Дудко – едва поспевал удовлетворять многочисленным требованиям и приказаниям Гартунга и нашим. Даже чаю мы не успели выпить и в 9¼ часов утра сели в тройку, уже давно ожидавшую нас у подъезда гостиницы. Путь наш лежал на Преображенское кладбище, находящееся за городом, на холме, где 200 лет тому назад была первая позиция наших войск. Большинство убитых солдат, вероятно, тут и похоронено, хотя официальная «братская» могила находится не здесь, а в крепости. В настоящее время на этом месте стоит церковь, не лишенная крупных достопримечательностей, но желающих с ними познакомиться я отсылаю к только что напечатанной брошюре Флоринского, трактующей очень обстоятельно о достопримечательностях города Шлиссельбурга вообще.

Без четверти десять прибыл в церковь великий князь Владимир Александрович, и служба тотчас же началась. После первой же молитвы все присутствующие были приятно поражены, услышав чудное, трогательное пение хора, в среде которого особенно красиво выделялось женское сопрано. Оказывается, что Шлиссельбург по всей справедливости может считаться вполне музыкальным городом. Здесь зародилось чуть ли не первое в России «общество любителей пения», процветающее под руководством знающего и опытного регента. Общество это исполняет пока только духовные песни, но уже с этого года оно намерено перейти и к светскому пению. По окончании панихиды великий князь быстрыми шагами пошел на клирос и изъявил регенту и певчим – состоящим преимущественно из девиц – свое полное удовольствие.

Едва мы вышли из церкви, как Булла – известный петербургский фотограф – попросил у великого князя пять минут времени и снял нас в общей группе. Булла выехал из Петербурга вместе с нами на пароходе «Ижора» и оставался в Шлиссельбурге все эти дни, сняв громадное количество групп и видов.

Обратный путь с кладбища мы совершили на небольшом, но замечательно изящном и комфортабельном пароходике «Окружной», принадлежащем Министерству путей сообщения и предоставленном на юбилейные дни войсковой депутации.

В нашем распоряжении было как раз столько врем[е]ни, чтобы успеть позавтракать в «Орешке» (наши генералы и полковники приглашались

каждый раз к столу великого князя на «Онеге») и снова быть готовым[и] к отъезду в крепость на том же пароходе «Окружной», ожидавшем нас у пристани к половине второго. Быстро рассекая волны и к тому же вниз по течению, мы в какие-нибудь четверть часа доехали до знаменитого островка, на котором в былое время стояла почти неприступная крепость Нотебург, а ныне находится таинственная и столь же неприступная (и даже гораздо в большей степени) тюрьма для политических преступников.

В ожидании приезда великого князя мы – офицеры и наши фельдфебеля – выстроились вдоль небольшой дороги, а местное начальство собралось на самой пристани, где был выставлен почетный караул и ординарцы от здешнего жандармского управления. Тут мне пришлось впервые увидеть солдат в кавалерийском снаряжении и с ружьями в руках. Это здешние «пешие» жандармы, несущие свою ответственную караульную службу. Очень много между ними сверхсрочнослужащих, и вот почему во дворах крепости вы можете видеть массу женщин и кучу играющей детворы. Жалованье жандармы получают весьма солидное: простой рядовой (по жребию) получает рублей сто в год, а сверхсрочные 30–50 рублей в месяц. Служба офицеров также очень хорошо оплачивается, но вряд ли это может вознаградить их за их каторжную, ответственную, а главное, неприятную службу.

К 2 часам прибыл к крепости на крохотном катере великий князь со свитой, и мы всей толпой направились в церковь, при входе в которую князь был встречен с крестом и водою. Панихиду служил местный протоиерей о. Флоринский, перу которого принадлежит упомянутая мною брошюра о Шлиссельбурге. Священник, чтущий старину и понимающий всю драгоценность старинных реликвий, – к сожалению, большая редкость. В особенности они боятся опеки разных ученых археологических и исторических комиссий, которые непременно накладывают свою руку на различные древности, во избежание окончательного их уничтожения в руках невежественных попов. Священник Флоринский представляет редкое исключение. Он с любовью описывает знаменитое «евангелие времен царя Федора Алексеевича», «крест с мощами» и другие предметы, подаренные церкви великим Петром. Это действительно редчайшие святыни, которыми вправе гордиться крепостная церковь. Престарелый, с дрожащими руками протоиерей трогательно отслужил панихиду, а затем вместе с крестным ходом мы направились к «братской могиле», где до начала литии генерал Лангоф возложил к подножию золоченого креста роскошный серебряный венок с образом от наших трех частей с полковыми лентами (красная, синяя и бархатная). Серебряный же венок возложил на могилу и адмирал Абаза, командир Гвардейского экипажа, депутация от которого также прибыла на празднество по приказанию штаба округа. В присылке этой последней депутации вышло, по-моему, маленькое недоразумение, так как, по словам

П. Потоцкого, ни в одном из сочинений и документов о взятии Нотебурга не упоминается об участии т.н. «гребечкой команды» – родоначальницы гвардейского экипажа.

Пение «вечной памяти» вызвало слезы на глазах фельдфебелей...

1050 И я мысленно перенесся в те далекие времена, когда беззаветные петровские гвардейцы не пощадили своих голов за «веру, царя и отечество»...

И я понял слезы фельдфебелей, стараясь незаметно смахнуть с глаз две крупные капли...

Присутствующие офицеры с любопытством кидали взоры на двухэтажное кирпичное здание с железными решетками в окнах, в котором содержатся преступники. Кто-то уверял, что он совершенно ясно видел в окне человеческую голову. Кто этот несчастный? Как давно томится уж он в этой мрачной тюрьме и не сойдет ли он раньше с ума, прежде чем избавительница-смерть прекратит его земные страдания?!

Последние печальные аккорды молитв расплылись в морозном воздухе, и великий князь, а за ним и все мы пошли осматривать казармы жандармов и небольшую домовую церковь, в стене которой вделана старинная медаль, выбитая по случаю взятия Нотебурга русскими войсками.

Затем предполагалось, что из крепости великий князь поедет осматривать частный пороховой завод, находящийся на противоположном берегу, но, по-видимому, он сильно промерз, а потому мы все вернулись обратно в город, где до 7 часов вечера в «Орешке» мы имели полную возможность отдохнуть и даже выспаться.

Ровно к 7 часам наша маленькая компания снова собралась в столовой «Орешка» к обеду, где на этот раз были еще: г. Онуфриев, ротмистр пограничной стражи («зеленый капитан», как мы его почему-то прозвали), предводитель Ильин, исправник, земский начальник и прочая местная администрация. Большинство из них сильно налегло на водку, и к концу обеда разговор стал весьма оживленным. Я уже заранее решил – тотчас после обеда съездить на часок к одному здешнему почтовому чиновнику, г. Афанасьеву, а потому незаметно встал из-за стола и велел крикнуть себе извозчика. Но, увы, последние исчезают в Шлиссельбурге уже к 5 часам дня, и половой заявил, что в настоящую минуту достать возницу совершенно невозможно. Любезный Онуфриев, заметив мой уход и узнав от полового, в чем дело, – сейчас же взял на себя все хлопоты и повел дело так энергично, что через четверть часа откуда-то появились дрожки и остановились перед крыльцом к моим услугам. Я велел везти себя на Екатерининский канал, дом 8, что в достаточной мере далеко от «Орешка». У Афанасьева, живущего со своей матерью, я просидел часа полтора, а затем вернулся к нам в номер, где застал полковника Потоцкого, объявившего мне, что все ушли в клуб, но

что они вскоре возвратятся назад. Действительно, минут через 30 все наши вернулись обратно. Мы потребовали себе чай в номер, и им закончился наш второй день пребывания в Шлиссельбурге, если не считать еще наши нескончаемые разговоры в кровати до поздней ночи.

**11 октября
пятница.**

1051

Утро встретило нас солнечными лучами, которые, впрочем, побаловали нас очень недолго, и серые неприветливые тучи вскоре заволокли все небо. Церковная служба, назначенная накануне в 10 часов утра, началась по желанию великого князя одним часом раньше. Служил Нарвский епископ Иннокентий, еще далеко не старый человек. Пели два хора: архиерейский из Александро-Невской лавры и местный – так сильно понравившийся всем нам вчера. Перед молебном Иннокентий обратился к присутствующим с небольшою речью, в которой постарался изложить многовековую историю города Орешка, переименованного впоследствии сперва в Нотебург, а затем в Шлиссельбург. Было совершенно ясно, что владыка почерпнул все свои сведения из брошюры о. Флоринского, разбавив ее собственными рассуждениями, благодаря чему точность исторических фактов в значительной степени поколебалась. Особенно неуместны были его уверения, что крепость Нотебург была взята «не военной доблестью и искусством, а единою помощью Божьею». Комический оттенок носила следующая его фраза: «И вот на месте иноверческого, шведского города Нотебурга возник новый русский город – Шлюссельбург. А этот последний положил начало и другому русскому городу Петерс-бургу...» Как нарочно – Шлиссельбург и Петербург Иннокентий произносил, как настоящий василеостровский немец. Нельзя пройти молчанием и крайнюю нетерпимость господина Иннокентия к лютеранству, выразившуюся в тех резких выражениях, какими он порицал в своей проповеди иноверческих завоевателей русского Орешка.

Не дожидаясь конца молебна, вся наша депутация вышла из церкви и направилась в управу, помещающуюся как раз напротив собора. Здесь уже все было готово для предстоящего завтрака. В самой большой зале столы были накрыты в виде буквы «П». Центральное место предназначалось для великого князя, а затем для нас – депутатов и высшей администрации города. В следующей по величине комнате была сервирована закуска на одном длинном и широком столе, который буквально ломился от массы разнообразных блюд. В соседней с ней комнате приготовили богатое угощение для наших фельдфебелей.

Городские власти и гласные уже начали обнаруживать заметное волнение в ожидании предстоящей торжественной минуты. Член управы – штатский доктор – суетился больше других, неистово размахивая руками...

Присутствующие с любопытством рассматривали лежащий тут же на столе серебряный бювар с адресом, подносимым государю императору. Наш презент городу – роскошная серебряная стопа – покоилась в футляре и была пока секретом для всех присутствующих.

Но вот колокольный звон возвестил конец обедни, и великий князь направился из церкви в управу... Волнение доктора достигло крайних пределов.

– Да где же голова?

Городской голова, седой почтенный старик, действительно куда-то пропал. Великий князь уже перешел порог, а головы все нет! Доктор в отчаянии окончательно превратил свои руки в мельничные крылья и с дрожью в голосе шептал своим со[с]едам:

– Я говорил вам... я говорил вам, что он...

Все охают, пожимают плечами, ругают голову, или ядовито улыбаются, предвкушая маленькое недоразумение. Наконец голову привели. Терешенков, не обращая почти никакого внимания на те советы, которые ему в последнюю секунду преподают, задыхаясь от волнения, доктор, земский начальник и многие другие, – спокойно встал у стола в ожидании прихода великого князя, который тем временем удалился в соседние комнаты.

Вряд ли голова на самом деле был так спокоен, как это казалось снаружи. Как человек простой и малообразованный, хотя по-видимому и не глупый, он невольно должен был испытывать нешуточное волнение и от присутствия великого князя и гостей, и в особенности от той первенствующей роли, которую ему предстояло сыграть. К тому же я вряд ли ошибусь, если сделаю предположение, что в Шлиссельбурге, как, вероятно, и во многих других русских городах, все городские заправила друг с другом на ножах и готовы каждую минуту подложить своему товарищу свинью.

Городское самоуправление, дворянство и земство – это лебедь, рак и щука из крыловской басни. Я не затрудню читателей общими рассуждениями и повторяю, что буду иметь в виду исключительно шлиссельбургское общество, каким оно мне показалось по моим мимолетным наблюдениям. В самом деле: по-видимому, здешний городской голова действовал при организации этого торжества почти самостоятельно, без посторонней помощи. Да и от кого ему было ожидать этой помощи!? Уж не от этого же высокоумного доктора, который в настоящую минуту кричит за всех, негодуя на «мужичье». Или от предводителя образованного дворянства Ильина, который ехидничает и вышучивает «серую необразованность» головы, не сумевшего устроить празднество, хотя сам Ильин и все вообще дворянство палец о палец не ударило, чтобы хоть чем-нибудь ознаменовать 200-летний юбилей города, сыгравшего столь важную роль в жизни России? Нет, уж тут не до дружной работы! Лишь бы только не помешали!..

Но вернемся к рассказу.

Великий князь вошел в комнату и остановился в ожидании. Голова помялся еще несколько секунд и, наконец, запинаясь и путаясь, проговорил:

– От имени города приветствую вас, ваше высочество, и вас, господа, почтивших нас в день 200-летнего юбилея города Шлиссельбурга.

Так как он замолчал и далее, по-видимому, ничего более сказать не собиравшись, то вперед выступил генерал Лангоф и сказал очень хорошую речь, в которой он, во-первых: выяснил важное значение завоевания Ш[л]иссельбурга, во-вторых, доказал первенствующую роль гвардии во взятии этого города и, наконец, установил на основании этих двух положений тесную связь между городом и петровской гвардией, в особенности при праздновании настоящего юбилея. «В ознаменование этой связи, – прибавил Лангоф, – мы подносим городу эту стопу, на которой вкратце можно прочесть почти всю историю взятия Шлиссельбурга».

Впечатление, произведенное видом красивого и ценного подарка, было на всех достаточно сильное. Голова окончательно смутился и не знал, что отвечать. Наконец он собрался с духом и проговорил:

– Позвольте мне.. (тут Владимир вставил басом: «говорите») ...благодарить вас и... вас, ваше высочество, и за это я низко вам кланяюсь...

Все поклонились, и таким образом первая половина торжества была благополучно окончена.

– Эту чашу поставить передо мной, – сказал великий князь, – я буду из нее пить за город.

Мы перешли к столу.

Голова сел против великого князя. Рядом с последним посадили с одной стороны архиерея Иннокентия, с другой – (почему-то) начальника путей сообщения Петербургского округа. Не буду вам повторять тосты и речи: они были сообщены в газетах. Гораздо интереснее поведать, что едва мы сели за стол, как лакеи начали разливать шампанское. Ну вот вам и доказательство, что никто не захотел прийти на помощь голове и объяснить ему, что завтрак начинают с бульона, а не с шампанского. Зато какой получился прекрасный повод для новых глумлений, которые я слышал со всех сторон! Пришлось вмешаться вице-губернатору и генералу Евреинову. Шампанское отставили, но так как это нарушило уже заранее приготовленный порядок, то прошло добрых полчаса, пока, наконец, подали бульон в чашках. А за это время проголодавшиеся гости успели съесть почти весь свой хлеб, или, как сострил Гартунг, «всю свою подстилку». Немало иронических замечаний вызвала также приписка в конце печатного меню: «кухмистер Терехов».

Голова, долженствовавший произнести «тосту» за наследника (по заранее составленному, написанному и утвержденному великим князем списку), запутался в трех словах и скомкал всю фразу в какую-то ерунду. Перед концом обеда великий князь налил в нашу стопу вина и сказал очень нескладную речь,

в которой, между прочим, пожелал городу «еще во многом усовершенствоваться». Вышло так, что в настоящее время город в достаточной мере скверен.

Благодаря плохой организации и неумелой прислуге «кухмистра Терехова» завтрак затянулся до двух часов, и мы тотчас после него отправились провожать великого князя на пароход, на котором он немедленно и уехал в Ижору, откуда он решил уже ехать далее на тройке... Погода совсем испортилась. Снег валил вовсю. Холодный и сильный ветер задул необычайно резко. Начиналась метель... Но на набережной все же собралась порядочная толпа, которая громким «ура» проводила пароход великого князя.

Ежась от холоду, публика стала расходиться по домам. В три часа было назначено народное гулянье с «бегом в мешках», «каруселями», «призами», «фейерверком» и т. п. Дурная погода лишила нас возможности присутствовать на этом празднике, и мы просидели в гостинице, набираясь сил на предстоящий нам вечером «блестящий» бал в управе...

В 7 часов мы in cogroге пообедали в гостинице.

Бал в залах управы был редкостным по многолюдству. Говорят, что эти дни в Петербург летели телеграммы такого содержания: «Приезжайте на бал, масса гвардейцев». Нет никакого сомнения, что наше присутс[т]вие в блестящих мундирах произвело должное впечатление. После первого вальса под звуки маленького жидовского оркестра – Потоцкий организовал полонез, в котор[о]м мы все без исключения прошлись с местными дамами. Генералы и полковники не отставали от молодежи и танцевали почти весь вечер. Вообще же оживление было полное. В одной из комнат шла игра в карты – безик и винт, но столь невинная игра, как мне объяснил один здешний старожил, продолжается только до известного часа, а там начнутся уже азартные игры (преимущественно «девятый вал»), оканчивающиеся сотнями рублей (и как водится – без отдачи). Закуска была сервирована не менее богато, чем днем, но так как я чувствовал себя сильно утомленным, то ушел в 2 часа ночи. Большинство наших оставалось до четырех.

**12 октября
суббота.**

Час отъезда из Шлиссельбурга назначил генерал Лангоф: 10 часов утра. Пароход «Ижора» приветливо пыхтел у пристани, ожидая нас к себе на борт. Чистое голубое небо и теплая солнечная погода невольно располагали нас к веселому настроению. Фельдфебеля наши, по-видимому, также были веселы. Уже не раз на наши вопросы они отвечали, что чрезвычайно всем довольны и что помещение, которое им отвели, и угощение выше всякой похвалы. Честь и слава городу, сумевшему со своим скромным бюджете-

том (тысяч 35) так широко, чисто по-русски оказать гостеприимство потомкам славной петровской гвардии.

А вот и сам голова в мундире и треуголке, любезно пришедший нас проводить. Пришел и г-н Онуфриев со своим братом, а с ними жандармский подполковник. Все мы еще раз горячо поблагодарили г. Терешенкова за его любезный прием... Терешенков мило улыбался и с своей стороны не знал, в каких выражениях поблагодарить нас за приезд.

– Очень благодарен, что почтили... Эдакая, если позволите сказать, шикарная депутация...

Пароходный свисток прервал его излияния... Последние рукопожатия, и через минуту колеса задвигались...

«Ура!» – пронеслось по набережной, довольно густо покрытой народом. В ответ раздалось громкое «ура» наших фельдфебелей, и с обеих сторон восторженно замахали шапками...

Пароход медленно повернул свой нос и пошел полным ходом. Это было новым сигналом к еще более могучему «ура»...

Голова махал треуголкой, Онуфриев шляпой... Мы кланялись, кланялись без конца...

– Господа, кофейку!

Это голос нашего хозяина – лейтенанта Панферова... Но с палубы не хочется уходить. После таких морозных дней – наступившая вдруг теплынь явилась приятной неожиданностью. Мы с удовольствием любовались на белые стены и башни старинной твердыни, одиноко стоящие на маленьком острове. И в эту минуту она не казалась мне мрачной тюрьмой, а напротив – величественным памятником, живо напоминающим всем о великих подвигах великого царя и его доблестных соратников!..

Обратный путь несколько не походил на путь из Петербурга. Сильное течение Невы удваивало быстроту хода нашего судна, и мы менее чем в 3½ часа доехали до дому. Да и это-то время сильно сократилось благодаря завтраку, за которым не прерывался хохот всей нашей маленькой, но веселой компании. К числу ее членов нужно добавить еще двух: это известный уже вам предводитель Ильин и лейтенант гвардейского экипажа – Вейсс, чрезвычайно симпатичный молодой человек...

Кто-то вспомнил о понравившемся всем анекдоте генерала Ляпунова «о небрежном обращении с водкой». Ильин и Вейсс еще не слышали его, а потому все начали просить Ляпунова снова нам его рассказать. Это послужило сигналом к целому ряду других анекдотов, по большей части весьма скоромных, рассказанных к общему нашему удовольствию...

Л.Гартунг долго упирался, но наконец уступил просьбам и начал³:

³ Анекдоты см. в «Записной книжке» 1902 года. – Примечание В. С. Савонько.

Приложения

<...>

Общий взрыв хохота наградил рассказчика, и Гартунг начал новый анекдот*:

<...>

Ильин воодушевился и начал так*:

<...>

После Ил[ь]ина вниманием всех снова завладел Ляпунов*:

<...>

Было и еще рассказано немало анекдотов, но я о них умолчу, так как в противном случае те страницы, на которых они будут изложены, превзойдут числом те немногие строки, которые я посвятил описанию достопамятного юбилея города Шлиссельбурга.

– Свистать всех наверх!..

Команда выстроилась на палубе, и генерал Лангоф поблагодарил лихих матросиков за их службу в эти четыре дня.

Около 2-х часов дня я уже был дома.

КОНЕЦ

1902 год.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

(ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ)

1906 год

Для умного, наблюдательного человека путешествие полезнее многих десятков хороших книг.

Д. Писарев («Истор[ическое] развитие европейской мысли»).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вена... Я должен вас предупредить, что в Вене я в третий раз. Это очень важно. От этого факта зависит буквально ВСЕ характер моих путевых записок... Да я думаю – не только у меня, но и у всякого, кто ведет дневник своих путешествий. Позвольте вам пояснить примером из моей практики. В 1895 году я совершил свое первое заграничное путешествие, и Вена была первым заграничным городом, в котором я остановился. Впечатление от новизны – было потрясающее! Дома, мостовые, экипажи, омнибусы, кафе – все возбуждало мое удивление и восторг. Помню, что я писал именно в этом духе: «Здесь все, по-видимому, не так, как у нас». Венские извозчики совсем не похожи на наших питерских «ванек», венские мостовые и панели совсем не похожи на наши корявые дорожки вперемежку с варварским булыжником, омнибусы вовсе не похожи на наши «ноевы ковчеги» и пр. и проч. С тех пор прошло 11 лет!! Уже во 2-й свой приезд в Вену (в 1898 году) я почти ничего не занес на страницы своей записной книжки. Да и что писать?! Нового я ничего не заметил, а мостовые, Пратер, омнибусы и извозчики остались все теми же... Говорить о них – это значит повторяться. Вот тут будет уместно снова выяснить мой основной взгляд на путевые записки (я как-то уже писал об этом). Дело в том, что записки эти должны непременно отражать ваше личное впечатление о виденном, или, выражаясь проще, вы должны записать то, что вас наиболее поразило и удивило. Писать только то, что само просится под перо. В этом – существенное о[т]личие моих записок от записок присяжного репортера, или вообще: записок, которые пишутся добровольно и без предвзятой цели, от записок, которые пишутся по обязанности, по заказу, или заранее их предназначая для печати, для потомства и т. д. Полная безыскусственность – вот, по-моему, главное достоинство всяких записок. Эта безыскусственность и отсутствие какой-либо предвзятой цели (мои записки осуждены на полную

неизвестность!) были причиной тому, что на страницы первого своего сочинения «За-границей. 1895 г.» я излил весь свой восторг и преклонение перед столицей Вены. Не стеснясь в выражениях и не боясь показаться сентиментальным, я восхищался «всею и всею», ибо таково было настроение 17-летнего юноши, только что окончившего среднюю школу. Настроение в 1898 году было совсем иное! Я въехал в Вену в качестве опытного путешественника, совершившего уже три заграничных поездки. Мне казалось, и не без основания, что удивляться и восхищаться уже больше нечем. Смешно приходило в телячий восторг от какой-то Вены, когда уже видел Берлин, Рим и Париж! В это путешествие я не занес почти ничего о Вене...

И вот я снова путешествую – в 4-й раз – и в третий раз въезжаю в Вену... Жаждет ли моя душа откровенности, хочу ли я зарисовать на бумаге свои наблюдения, и не будет ли это искусственное «сочинение на заданную тему»? Может быть, я просто заставляю себя написать что-нибудь, уступая своей привычке вести дневник?! Ведь уже в 1898 году я не нашел ничего достойного для бумаги!.. О, нет!! После последнего моего путешествия за границу прошло 8 лет!! Это немаленький промежуток времени. Политические и общественные события шли с бешеной быстротой... Бытовые условия жизни также изменились... Лично я, несомненно, стал опытнее, и центры моих интересов значительно переместились... Итак, я приступаю!..

ЧАСТЬ 1-я

ВЕНА

Я положительно преклоняюсь перед немцами! Только немцы могут завести в городе тот порядок, чистоту и комфорт, какой царит в Вене. Я нарочно поверял свое впечатление почти на каждом шагу. Уж не увлекаюсь ли я и не преувеличиваю ли?! Да нет! Куда ни бросишь взгляд – везде видна заботливая рука немца.

Электрические трамваи в Вене меня положительно привели в восхищение. Пожалуй, вам покажется странным, чем же, собственно, я восхищаюсь. Ведь и во многих других городах Западной Европы, и у нас в России (например, в Киеве, даже в Твери) давно ходят электрические трамваи и притом гораздо раньше, чем в Вене; по крайней мере лично я не видел их еще в 1898 году. Совершенно верно. Но недостаточно только устроить трамвай, а нужно знать еще – КАК его устроить и как лучше наладить его движение. Так устроить и так наладить, чтобы всем было удобно и чтобы сообщение на нем было непременно скорое. Всего этого венцы, по-моему,

достигли в полной мере. Сеть трамваев чрезвычайно разнообразна, а система круговых путей позволяет чуть ли не с любого места попадать на все главные улицы и площади. Вагоны останавливаются только на определенных местах остановок. Это, по-моему, не только хорошее, но и блестящее решение вопроса. Благодаря этому трамвай от станции до станции идет с громадной быстротой, тогда как, например, в Милане трамвай останавливается для любого пассажира, желающего сесть или выйти из вагона, а потому поневоле он, во-1), тихо ходит, и во-2), теряет массу времени на остановки. На Кертнерринге вагоны подлетают к местам остановок ежеминутно и даже чаще, почти наскакивая друг на друга, почти моментально останавливаются, забирают и выпускают пассажиров и с места полным ходом мчатся дальше – во все концы города. Нам пришлось пропустить 4–5 вагонов, пока подъехал тот, который был нам нужен, и на все это потребовалось всего несколько минут. Самые вагоны прекрасной конструкции, чистенькие и бесшумные. О значении быстрых, удобных и дешевых путей сообщения в большом городе нечего и говорить. Это понимают все, кроме петербургских гласных. Насколько противно залезть в петербургскую конку – известно каждому. Многие офицеры, юнкера, штатские и дамы считают неприличным ездить в конках. Я лично не садился в петербургскую конку уже лет десять. Не садился потому, что петербургская конка обладает ни одним из тех удобств, о каких я только что упоминал. Петербургская сеть совершенно не сообразна и построена зря. Круговых путей нет. Вокзалы не связаны ни с центром, ни с окраинами, ни между собой. Центры не связаны с окраинами и т. д. Для того чтобы попасть от дома, где я живу (Литейный пр., д. № 1), на Балтийский вокзал, я должен переменить 2 конки, заплатить 12 копеек (30 сантимов!), истратить не менее одного часу времени, и при этом сидеть в грязном и дребезжащем вагоне между грязной публикой! Получается сообщение: медленное, неудобное и дорогое. Устранить грязную публику очень просто: для этого нужно все вагоны разделить на 2 класса, а поезда с несколькими вагонами иметь разных классов. На основании всего сказанного станет вполне понятным, почему в Вене буквально все жители пользуются трамваями, а экипажи служат лишь для прогулок, а у нас в Петербурге чуть ли не 25000 извозчиков и масса собственных экипажей. В Вене смешно сесть на извозчика, когда есть трамвай. Это все равно что ездить на почтовых, имея железную дорогу. У нас в Петербурге смешно сесть в конку, когда есть лишние 40–50 копеек, чтобы взять извозчика!..

Кто был в Вене, тот знает, что такое венский Пратер! О Пратере обыкновенно отзываются с восторгом и называют его знаменитым. Я готов вместе со всеми воспеть ему хвалу, но вместе с тем постараюсь выяснить – в чем же успех Пратера и почему у нас в Петербурге нет своего Пратера.

Я начал свои записки с сравнения наших «конок» с венскими трамваями. Вид Пратера снова заставляет меня прибегнуть к сравнениям. Вероятно, и дальше в моих записках я постоянно буду обращать свой взор на нашу многострадальную матушку Россию и болеть сердцем по поводу того, что мы почему-то не умеем разумно устраивать свою жизнь...

Так почему же у нас нет своего Пратера?

Если под словом «Пратер» вы подразумеваете лишь парк с его тенистыми аллеями и пахучим воздухом, то я должен вам заметить, что наши «острова» по своему местоположению, красоте и морскому воздуху несравненно лучше Пратера. Если же под Пратером вы будете подразумевать не только парк в его первобытном виде, но и совокупность всех его построек, то вот тут и выступает колоссальная разница между ним и нашими «островами». Наши острова предназначены только для избранной публики, т.е. с одной стороны для денежной аристократии и с другой стороны для кокоток – содержанок той же аристокр[а]тии. Не только для простонародья, не только для мелких служащих и чиновников, но и для людей со средним достатком – «острова», как огромный резервуар воздуха, как «лоно природы», как дивная прогулка – почти недоступны. Составилось убеждение, что на острова прилично поехать только в собственном экипаже или на моторе. Да и как иначе поедешь? Наши извозчики действительно непрезентабельны, и их на стрелку в известные часы не пускают; трамвая до стрелки нет, пароходы ходят лишь до Крестовского о[стро]ва и по вечерам всегда переполнены, а главное, дорожки для гулянья узкие, и все экипажи и пешеходы вертятся на каком-то пятачке. Путь до стрелки невыносим. Каменноостровский проспект узок, пыльный, и шоссе почти всегда неисправно. Дотащившись так или иначе до стрелки и потеряв уже на это добрый час времени, вы на самой стрелке буквально не знаете, что делать. Негде присесть, музыки нет, кафе нет... Я подразумеваю, что ничего этого нет для обыкновенного смертного. Потому что если я имел счастье родиться сыном еврейского банкира, русского князя или американского посла, то нет ничего приятнее и легче, как приехать в собственном великолепном ландо на стрелку, выпить на «барже» стакан лимонаду за полтинник и затем поужинать у Фелисьена или Эрнеста под звуки румынских скрипок и свистулек. Совершенно другую картину видим мы в венском Пратере. Венский Пратер доступен для всякого венца, к какому бы классу он ни принадлежал и сколько бы хеллеров у него ни звенело в кармане. В этом кроется вся симпатичность Пратера. Он – народный в полном смысле этого слова, т.е. для богатых и бедных, знатных и незнатных, генералов и солдат. Я был в Пратере в первый же вечер по приезде в Вену и пошел туда же на другой день – в воскресенье. Народу было масса. Казалось, все население Вены собралось на гулянье. Я не видел ни одного пьяного, я не слышал ни одного громкого спора или

даже просто громкого разговора. Почти все кафе были переполнены, в особенности те, где играла музыка. Сотни маленьких столиков рассчитаны на сотни гостей, которые потребуют всего 1–2 кружки пива. Нигде более я не встречал, чтобы так внимательно слушали музыку, как в Вене. После сыгранной пьесы непременно аплодируют, зачастую восторженно, и после этих аплодисментов капельмейстер непременно играет что-нибудь «на бис» (хотя «бис» и не кричат). К Пратеру ведут несколько путей электрических трамваев, которые быстро привозят многочисленных пассажиров со всех концов города. Знаменитое, как бы филиальное, отделение Пратера «Wenedig in Wien», которое мне тоже хорошо знакомо, окончательно покорило мое сердце и навсегда! В Wenedig'е жизнь и веселье бьют ключом. «Венедиг» – это почти образец «разумного удовольствия». В «Венедиге» можно повеселиться и повеселить своих детей от 5- до 15-летнего возраста. В «Венедиге» может приятно провести время и 70-летний старик. И опять-таки это заведение доступно по цене всем и каждому. Музыка гремит во всех углах: и в ресторанах, и на площадях и на улочках. Громадные военные оркестры чередуются с небольшими квинтетами штатских и маленькими дамскими оркестриками. Известное «гигантское колесо», оперетка, фар, живая фотография, просто фотография, катанье на лодках (посередине пруда, на барже – особый оркестр!!) и пр. и проч. служат разнообразными и многочисленными приманками для публики.

Боже! Отчего же у нас (только у нас!), едва построили Народный дом, как он уже ознаменовался солдатскими скандалами и наплывом публичных женщин. Сад-Буфф известен скандалами офицеров и штатских и еще большим наплывом проституток. В «Аполло» – ежедневные скандалы с мордобитиями!.. Неужели мы никогда не будем таким же культурным народом, как немцы, и никогда не сумеем устроить свою жизнь дешево и приятно, а главное, без традиционных «историй»? Надо же, наконец, понять, что платить на чай лакею 10–15 рублей, платить за кресло на Шаляпина, или на Вяльцеву 100 рублей, за стакан чаю 30 копеек (почти 1 франк!), за обед у «Медведя» с вином 30 рублей и проч. и проч. – не только глупо, но почти преступно. Пора, наконец, нам – публике – потребовать зап[а]дноевропейский комфорт, одинаковый для всех классов населения и доступный по цене каждому. Пора, наконец, благоразумной части публики начать борьбу с «Кит Китычами» – дух которых сидит еще во многих русских офицерах и штатских – и безжалостно требовать составления протокола за всякое малейшее нарушение т. н. «общественной тишины и спокойствия».

Австрийские солдаты – на улице – производят прекрасное впечатление. Я поражаюсь чистотой их одежды, несмотря на то, что у многих штаны светло-серого цвета, а мундиры светло-голубые, т.е. те и другие – чрезвычайно

маркие. Солдаты пользуются на улице той разумной свободой, которую я от души желаю русскому солдату. Они могут курить на улице, посещать кафе, ездить в экипажах и конках (внутри). Все эти – даже не льготы, а общечеловеческие права – нужно как можно скорее дать и нижним чинам нашей армии, но при неперменном условии, чтобы дисциплина при этом не пострадала и чтобы солдат вел себя не только прилично, но и с достоинством, и с достоинством же исполнял свои обязанности по отношению к офицерам. Такое именно поведение я по своим наблюдениям и констатирую у австрийских солдат в Вене! В кафе и на улице – австрийский солдат всегда приличен, скромен и преисправно отдает честь офицерам и унтер-офицерам. Друг другу они честь не отдают. К сожалению нужно сознаться, что наш солдат – даже в столице – ведет себя на улице гораздо «разухабистее», несмотря на то, что он буквально на каждом шагу встречается с офицером, и несмотря на то, что он опутан десятками самых строгих параграфов устава: не класть рук в карманы, не курить, избегать сборища, не ездить внутри конок и проч. и проч. ... Кстати я тут же занесу свои наблюдения над итальянскими и французскими солдатами. Их нельзя и сравнивать с австрийскими! Итальянские солдаты отдают офицерам честь чрезвычайно небрежно. На Piazza S-t Marco в Венеции я видел, как навстречу офицеру шли 3 нижних чина. Два из них отдали небрежно честь, не вынув левой руки из кармана, а третий и вовсе не отдал честь и, пройдя мимо, рассмеялся, подмигнув в сторону офицера: видимо, он был доволен и гордился своим пренебрежительным отношением к начальнику. Итальянский офицер в свою очередь не принял чести, т.е. просто «стушевался», тогда как австрийские офицеры принимают от солдат честь чрезвычайно аккуратно. Французские офицеры встречаются на улице чрезвычайно редко, так как они по большей части носят штатское платье, а потому я очень мало видел – как им отдают честь солдаты. Своим унтер-офицерам французские со[л]даты отдают честь чрезвычайно плохо, что иллюстрируется даже на открытых письмах в виде серии: 1) одание чести генералу, 2) капитану, 3) субалтерн-офицеру и 4) капралу. Капралу – на рисунке – солдат едва прикладывает руку к козырьку и при этом снисходительно-глупо улыбается. Такие «открытки» я видел во многих магазинах Ниццы. Но особенность французских солдат – это их одежда. Я встречал солдат не только грязно и небрежно одетых, но почти постоянно без оружия и нередко в расстегнутых мундирах. Видно, что они привыкли не стесняться. Если жарко – можно и вовсе скинуть мундир и остаться в одной рубашке, как это сделает всякий крестьянин или буржуа. Помимо этого – французский солдат произвел на меня плохое впечатление полным отсутствием выправки. Это – граждане в мундирах, а не солдаты регулярной армии. Не дай бог, если мы реформируем свою армию (а реформы нужны!) и сделаем ее похожей на французскую, а не на немецкую!!

Я считаю, что ради одной «Гигиенической выставки», о которой я сейчас скажу несколько слов, стоило поехать в Вену. Эта выставка не только интересна, но она несомненно поучительна и притом поучительна для всякого человека, независимо от его профессии, и поучительна даже при беглом ее осмотре, каковой несомненно сделал я за недостатком времени. Так как я не собираюсь давать о ней отчета и не могу даже перечислить главнейшие ее отделы, за неимением под рукой каталога, то, конечно, является чрезвычайно трудным дать вам понятие о всей обширности и важности экспонатов, которые мы видели. Колоссально разнообразным является отдел устройства человеческого жилья, т.е. меблировка комнат, устройство кухонь, ванн, уборных, лазаретов, продуктовых лавок и проч. Тут – роскошь отделки соперничает с гигиеническими требованиями и сливается в одно гармонически-целое. Колоссальным является отдел военно-санитарный: всевозможные лазаретные линейки, походные лазареты, снаряжения санитаров, походные аптеки, носилки, санитарные вагоны и проч. Вот бы куда командировать хоть нескольких наших врачей или начальников военных госпиталей! Да полно!! Знают ли у нас в Петербурге, что такая выставка открыта в Вене! Русско-японская война кончилась, все двуколки и повозки можно распродать; на службе мирного времени оставить те же варварские рыдваны, а с новой войной спешно покупать втридорога новый санитарный обоз и оправдываться, что «война застала нас врасплох!»...

Несомненный интерес возбудила во мне машина для стирания пыли с ковров, портьер и мягкой мебели. Слово «стирать» я употребил неверно. Машина именно не стирает, а «вбирает» в себя пыль. Машина «ест», или, как мы выразились, «лопает» пыль. При таком способе нет разлета пыли по комнате, что, конечно, имеет важное значение для здоровья человека. Есть громадные машины для гигиенической уборки улиц, для вентиляции всевозможных помещений и проч. и пр. Гигиеническая выставка занимает обширное здание, т.н. «Ротунду» вместе с прилегающими к ней дворами. Ротунда находится загородом, в самом конце Пратера, и, конечно, связана электрическим трамваем со всеми концами города. Самый центр Ротунды – обширная круглая зала – отведена под место для гулянья. Здесь играет музыка, а кругом расположены многочисленные кафе и киоски. В день, когда мы были на выставке (это было воскресенье), она была битком набита публикой, а в самой ротунде столики кафе были сплошь заняты. Нам с трудом удалось достать себе пару мест и освежиться знаменитым венским эйс-кофе!

В Вене деньгами служат кроны и хеллеры. Я не был с ними знаком, так как еще в 1898 году монетной единицей Австрии был гульден, разделенный на 100 крейцеров. Но что же получилось на самом деле? Оказывается, что венцы продолжают в большинстве случаев считать на гульдене и крейце-

ры, а потому при расплате приходится все помножать вдвое, так как крона вдвое меньше гульдена. Не скажу, чтобы это было удобно, в особенности для иностранца, тем более что иногда кто-нибудь из торговцев, или в кафе ведет счет на кроны, и всякий раз приходится спрашивать: чего? гульденов, или крон? крейцеров или хеллеров? Уже вскоре после переезда русской границы, когда в Одерберге нужно заказывать у обер-кондуктора обед в купе, я был удивлен тем, что кондуктор спросил меня – в какую цену я желаю обед: «Zu 1 Gulden 20, oder zu 2 Gulden?» В Вене – в гостинице расценка комнат была также сделана на гульден. Наконец, в перчаточном магазине, где мы покупали перчатки, приказчица нам заявила, что они стоят «sechzig», не прибавив, чего! Оказывается, что 60 крейцеров, т.е. на самом деле 1 крона 20 хеллеров, согласно официальной монетной единице. Потом я окончательно убедился, что большинство жителей продолжает считать на гульден, хотя во всех официальных расписаниях, в «меню», на входных и проездных билетах и проч. расценка сделана на кроны и хеллеры. Впрочем, и в «меню» встречается нередко та-же двойственность. В одном из ресторанов Пратера в прейскуранте были проставлены цены в гульденах, а в «Венедиг-ин-вин» – счет велся на кроны!..

Такова сила традиции и привычки!!!!..

Ну, а еще что вы видели, спросите вы меня? Неужели вы не были в музеях, церквах и дворцах, а ограничились лишь Пратером и ездой в конках? Прежде чем ответить на ваш вопрос, я должен буду напомнить, что мы приехали в Вену 27 мая в 4 часа дня, а 29 мая рано утром уже выехали из Вены. Таким образом, в нашем распоряжении был всего один день, так как после четырех часов уже все музеи закрыты. Тем не менее этот единственный день мы использовали, по-моему, вовсю. Я уже упомянул о нашем посещении гигиенической выставки и «Венеди[г]-ин-Вин», что имело место именно 28 мая – в воскр[е]сенье (27-го вечером мы были в Пратере и кроме того совершили прогулку вдоль всего Ринга).

Утром, выпив кофе в Европейском кафе (кроме «Нового времени» нам дали еще «Речь» – орган К-Д партии нашей Думы), мы зашли на четверть часа в знаменитый Стефанс-кирхе, где шло богослужение. Посещая католические храмы Австрии, Италии и Франции, я все более и более убеждаюсь, что в церковь ходят по традиции, может быть из страха перед будущим, может быть для препровождения времени, но отнюдь не для серьезной молитвы. Куда ни бросишь взгляд – всюду видишь рассеянные лица, взор которых блуждает по костюмам и шляпкам нарядных прихожан! Едва начнешь пристально рассматривать такую особу, и она вдруг поймает ваш взгляд – кончено! – непринужденная поза тотчас исчезает! Она быстро отвертывается, вздымает глаза кверху и начинает растерянно перелистывать свой мо-

литвенник... Но кто окончательно приводит меня в грустное настроение, так это дети, в особенности дети пансионеров и школ, которые становятся на колени, шепчут что-то по молитвеннику, складывают неестественно руки и проч. и проч... на личиках же их отражается одна-единственная мысль: да скоро ли конец?! Их место не здесь!!! Их место – в поле, в садах, на лужайках... Не молитвенник им нужно дать в руки, а крокет, ракету от лаун-тенниса, весло или мячик!..

Но вернемся к нашему пребыванию в Вене. После Стефанс-кирхе мы пошли осматривать музеи. Увы! Естественный оказался запертым, и мы осмотрели один лишь Исторический. Впрочем, этот музей, конечно, наиболее интересный и самый замечательный. И опять я готов сравнивать и краснеть за свою родину. Отчего у нас в Петербурге нет таких зданий!? Положим, Эрмитаж, внутри, достаточно приличен. Музей Александра 3 – тоже, но с чем никак нельзя помириться, так это со зданием Зоологического музея... Снаружи – это настоящая казарма, а не музей...

Вот и все, что я хотел и что я счел нужным занести о моем пребывании в Вене. Правда, мой компаньон Н. А. И. вправе сказать, что я пропустил отметить, что мы видели политическую демонстрацию у Городской ратуши. Совершенно верно. Но что же я могу сказать! Мне не известно в подробностях – кто и какие партии, за что или по какому поводу демонстрировали. Судить о том по надписям на флагах – совершенно невозможно, так как на них были по большей части лишь патриотические надписи общего содержания. Такие демонстрации происходят, вероятно, нередко, ибо скопление нескольких тысяч человек, речи ораторов на площади и шествия – с флагами – не вызвали никакого усиленного наряда полиции. Это не к чести полиции, а к чести самих демонстрантов и всей публики, которые вели себя безукоризненно и, конечно, в своих речах не призывали ни к насилиям, ни к ниспровержению трона, не пели революционных песен и не выкидывали красных флагов...

В заключение позволю себе выразить солидарность с теми, кто называет венский Ринг – гордостью венца. Это верно! Такими зданиями, как венский Рейхсрат, музеи, театры, ратуша и университет, не только можно, но и должно гордиться!

ВЕНЕЦИЯ

В Венецию я попадаю в третий раз, а известный путь от Вены до Венеции через Земмеринг совершаю вторично. Казалось бы, что этот факт по необходимости сократит мои записки до минимума и заставит ограничиться лишь простым упоминанием, что мы выехали из Вены рано утром и поздно вечером приехали в Венецию и остановились в гостинице «Belle Vue»

на Piazza St.-Marco, гостинице, мне хорошо известной, но которую я нашел заново отремонтированной и с новой прибавкой на вывеске: «Belle Vue et de Russie». Но судьба решила дело иначе и, послав на мою голову весьма неприятную историю, заставляет меня рассказать о ней как можно подробнее.

Дело заключается в том, что меня обвинили не более и не менее как в воровстве, или, выражаясь деликатно, в присвоении чужой собственности. Но буду рассказывать по порядку. Из Петербурга я взял с собой кавказскую палку, купленную мной лично в Абастумане. Пойдя с этой палкой в уборную поезда и поставив ее в угол, я по выходе из уборной забыл ее там и без палки вернулся в купе. При остановке поезда на одной из итальянских станций – какой, я совершенно не помню – я и Н. А. вышли погулять на платформу, и тут я вдруг увидел, что три каких-то железнодорож[о]жных служащих с любопытством рассматривают мою палку, которую держал в руках один из них. Я тотчас подошел к этой группе и заявил, что это палка моя. Кондуктор беспрекословно мне ее отдал и прибавил, что палку нашли в уборной. После станции Местры, т.е. всего за четверть часа до приезда в Венецию, ко мне подходит какой-то штатский, ехавший с нами в одном вагоне, и по-немецки спрашивает меня – говорю ли я по-итальянски? Я ответил, что не говорю, но ЗАТО (как выражаются в иностранных учебниках) знаю немецкий язык. Тогда штатский по-немецки начал свою речь. Я не буду вам ее передавать дословно. Во-первых, это было бы слишком длинно, и во-вторых, я кое-что уже забыл из нее. Гораздо будет лучше, и понятнее, если я передам ее в сокращенном пересказе:

– Палка эта вам принадлежит?

– Да, мне!

– А я имею самые положительные доказательства, что палка вам не принадлежит. Кто-то из пассажиров, не знаю кто, ее забыл в уборной. Мой знакомый ее там нашел и передал кондуктору для предъявления в бюро. Вы увидели ее у кондуктора и взяли ее себе. Я вам советую ее возвратить, иначе я сделаю заявление администрации в Венеции.

Возмущенный этой наглою речью, я пытался несколько раз прервать его, но штатский не унимался, и мне, наконец, пришлось возвысить голос и решительно потребовать, чтобы он меня выслушал. Тогда он замолчал, и я ему твердо заявил, что «палка эта моя, что он может заявлять что угодно и кому угодно и что я палку никому не отдам». При этом я прибавил, что у меня есть свидетель, что эту палку я везу из Петербурга. Штатский не вразумился и стоял на своем, что он имеет миллион доказательств от очевидцев, что палка эта не моя и что он сам лично не видел ее у меня в руках, когда я сел в вагон в Вене. Обратившись к Н. А., я рассказал ему вкратце все то, что наговорил мне штатский, и при этом вставил фразу, что «он позволил себе обвинить меня в воровстве».

Штатский понял эту фразу, сказанную мной по-русски, и горячо стал доказывать, что о воровстве нет речи, что он этого не говорил, а что он соблюдает интересы того пассажира, который забыл эту палку в уборной, а потому палка должна быть предъявлена в бюро станции, куда он меня и приглашает. Я, конечно, согласился отправиться с ним в бюро и выяснить все дело. В самый первый момент я глубоко был убежден, что имею дело с несомненным мазуриком и шантажистом. Что моя оригинальная кавказская палка всем им понравилась – я не сомневаюсь. Кто-то из его компании уже спрашивал меня на ломаном немецком языке, откуда у меня эта палка, и прибавил, что он готов дать за нее 15 крон, если я соглашусь ее продать. Затеяв эту историю, они надеялись напугать меня угрозами и просто отнять палку, или же, предъявив начальнику станции, через несколько дней заявить на нее претензию как на свою собственную, забытую ими в вагоне, подкрепив свое заявление лжесвидетельскими показаниями. Так, повторяю, казалось мне в самом начале, но вскоре мое первое убеждение поколебалось, и я стал лучшего мнения о моем «мазурике»...

Но продолжаю рассказ.

В Венеции штатский тотчас же поймал какого-то железнодорожного служащего и полицейского и рассказал им вою историю с палкой по-итальянски. Те сочувственно кивали головой и, по-видимому, не сомневались, что я настоящий железнодорожный воришка. Затем мы все вместе направились в комнату начальника станции. По дороге какой-то доброжелатель (неужели это был свидетель моего штатского?) обратился ко мне по-немецки со следующей фразой: «Не позволяйте им говорить по-итальянски, пусть говорят на том языке, который вы понимаете». Я, конечно, воспользовался этим советом и в комнате начальника станции потребовал, чтобы разговор велся или по-немецки, или по-французски. Решили говорить по-французски и послали за начальником станции. Тем временем штатский назвал свою фамилию и дал свой адрес сидящему перед ним чиновнику. Настал момент вынуть и наши визитные карточки: мою и Н. А. При взгляде на них чиновник остолбенел и тотчас же спросил штатского: «знает ли он, что он имеет дело с офицерами?» Штатский был поражен... Вскоре вошел начальник станции и обратился с допросом к штатскому. Тот рассказал ему все то, что вам уже известно, но прибавил два важных замечания: 1) что он и его свидетель громко в моем присутствии спрашивали, чья это палка, и что я слышал их вопрос и ничего не ответил, и 2) что он сейчас узнал, что господа – офицеры, а потому, конечно, он не сомневается, что палка принадлежит мне, и его заявление было сделано исключительно для того, чтобы оградить интересы того пассажира, который случайно мог забыть свою палку в уборной. Рассказ штатского произвел какое-то впечатление как на начальника, так и на толпившихся около него мелких служащих.

Один из числа последних пытался даже что-то говорить, явно, впрочем, не в мою пользу, и так как ему собирались отвечать и вообще начал разгораться беспорядочный обмен мыслей, я потребовал у начальника, чтобы сперва выслушали меня, а потом бы разговаривали. Все замолчали, и я начал так:

– Я – поручик лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. Палка эта принадлежит мне! Я забыл ее в уборной, а потом на одной из станций увидел ее в руках кондуктора и потребовал ее у него, причем кондуктор беспрекословно мне ее возвратил. Вопросов господ – кому принадлежит эта палка, я не слышал, иначе, конечно, я бы заявил, что палка эта принадлежит мне.

Мелкий служащий опять что-то хотел вставить, но ему не дали говорить, и начальник станции заявил, что после всего мной сказанного он ни минуты не сомневается, что палка эта моя, но что его долг заставляет удерживать ее на несколько дней в конторе с тем, что если никто из пассажиров не заявит на нее претензии, он мне ее вернет. Но тут снова начал говорить штатский... Я не узнал его... Он громко заявил, что «раз господа офицеры заявляют, что палка их, то значит палка их! Он советует тотчас вернуть палку мне, а не удерживать ее ни одного дня в конторе». «Если вы поступите иначе, – прибавил он, – то да будет вам известно, что это не я вам посоветовал так сделать. Я советую вернуть палку господам офицерам. Это мое мнение!». Начальник станции в ответ забормотал настоящие извинения. Он снова, в третий раз, прибавил, что не сомневается, что палка принадлежит господам офицерам, но что он по долгу службы обязан охранять интересы пассажиров...

Я прервал его на полуслове и заметил, что раз никто уже более не сомневается в принадлежности этой палки мне, то я готов оставить ее в конторе на один день, и спросил, когда я могу зайти за ней завтра. Начальник станции ответил, что в любое время после 12-ти, и на этом кончилась первая половина моей истории с палкой.

Въезд наш в Венецию совершился, таким образом, при окончательно испорченном настроении духа. К тому же ночь была мрачная, безлунная, дождь только что перестал идти, а каналы, казалось, воняли нестерпимо...

Я мысленно припоминал тот восторг, каким я пылал 11 лет тому назад при первом моем въезде в Венецию... Но я и не жалею вовсе, что перестал восхищаться кривыми каналами, облезлыми домами и дурацкими гондолами. Зато я более чем когда-либо ценю весь историко-художественный интерес дивных венецианских St.-Marco и Palazzo Ducale и более чем когда-либо верю, что именно эти постройки, а не оригинальность города, привлекают к себе толпы туристов.

На другое утро по приезде в Венецию я окончательно решил, что сам лично за палкой я не поеду, а предварительно все расскажу русскому консулу и попрошу, чтобы за палкой был послан человек от его имени. На решение мое повлияли следующие соображения. А вдруг мой вчерашний

штатский кривил душой и сегодня утром начальник станции получит телеграмму от одного из его соучастников следующего содержания: «Я забыл палку в вагоне, такую-то...» Для меня будет ясно, что это дело рук мошеннической шайки, но для начальника станции предстанет неразрешимая задача, и я все равно принужден буду обратиться к защите консула. Но даже и в том случае, если штатский такой телеграммы не пришлет, все же будет лучше, если начальник станции узнает, что я обращался к консулу с претензией на оскорбление (в сущности, меня оскорбили, хотя и невольно...), нанесенное мне итальянским подданным. Во всяком случае, обратиться к консулу требовала и мудрость и осторожность, так как я решил, что палку свою ни за что не отдам, и если мне ее не вернут, то я буду жаловаться вышней инстанции... По сведениям, данным нам в гостинице, русское консульство открыто с 1 до 3-х дня и помещается на Fond. dell Arsenale, 2169. Туда мы и направились. На наш звонок нам открыла дверь горничная-итальянка, не говорящая ни слова ни на одном языке, кроме своего родного, но смесь франко-итальянских слов, наконец, дала нам понять, что консул в отпуску, а г. вице-консул прибудет лишь в 1½ час[а] дня. Впечатление от вида русского консульства было отчаянное. Приемной нет, и нам пришлось ожидать более получаса в передней. Неаккуратность вице-консула также немало нас раздражала. Зачем же писать, что прием от 1 – 3, когда он заведомо приходит ежедневно только к 2-м! И, наконец, в-третьих, я считаю неприличным держать в русском консульстве горничную, не говорящую не только по-русски, но даже по-француз[с]ки. Я убежден, что ничего подобного не могло бы быть в английском консульстве. Наверное там прислуга – англичане, или, по крайней мере, говорящие по-английски. О! Будь я англичанином, я не был бы в таком кислом настроении, как сейчас. Я был бы убежден, что английское консульство встретит меня как своего родного и употребит все меры, чтобы защитить мои интересы как подданного Великой Британии. А тут? Что за господин – этот вице-консул? Вероятно, не русский и, может быть, как и прислуга, говорит только по-итальянски? Во всяком случае я готовился быть настойчивым и не просить, а требовать содействия... Наконец вице-консул позвонил, вошел в переднюю и пригласил нас подняться наверх в кабинет. По виду – это был уже старик, весьма симпатичной наружности, итальянец, вовсе не говорящий по-русски и свободно, но не всегда правильно владеющий французским языком. Он сам уселся в кресло и пригласил нас сесть. Я назвал свою фамилию и подробно рассказал всю вчерашнюю историю. Когда я кончил свой рассказ, вице-консул попросил у меня мой паспорт... (Визитную карточку я вручил ему еще при начале моего рассказа). Наступил интересный момент... Что скажет этот представитель Российской империи!.. Он начал весьма нерешительно, бессвязно, слабым, тихим голосом. Казалось, он растерялся.

– Консула нет... он в отпуску... я не вправе вмешиваться в распоряжения начальника станции...

1070 На мое предложение – послать от его имени посыльного за моей палкой, – вице-консул печально ответил, что ему «некого послать»... Очевидно, ему не было ясно, что именно заставило меня обратиться к нему, и он боялся впутать себя в грязную историю. Я быстро выяснил ему мою точку зрения и горячо стал ему доказывать, что он обязан оказать мне содействие по следующим причинам:

«Я жертва или недоразумения, или шантажа. Я требую немедленного возвращения палки из принципа, так как сама палка стóит гроши, и если я позволю кому-нибудь без протеста с моей стороны отнять ее у меня – значит, я молчаливо соглашусь, что эту палку я в вагоне присвоил, что она не моя и что я – вор! Ставя вопрос на эту почву, я предупреждаю, что я этого дела не оставлю и буду жаловаться послу и своему начальству. Палка должна быть мне возвращена во что бы то ни стало и как можно скорее!»

Слова мои, по-видимому, проняли вице-консула.. Он понял, что от нас не отвертишься, и вдруг решительно заявил:

– Вот что! Я сам сейчас поеду на станцию и привезу вам палку!

Мне оставалось только поблагодарить его и осведомиться, когда я могу его снова видеть. Он назначил 6¼ часов веч[ера]. – здесь же в консульстве, и мы расстались. В указанное время я и Н. А. снова очутились в темной, маленькой передней. На этот раз нам пришлось ждать всего несколько секунд, и ровно в 6¼ консул позвонил у подъезда. Как только он вошел, я сразу же заметил, что у него вместе с зонтиком зажата в руке и моя кавказская палка. Мы поднялись наверх, и там он вручил мне палку, попросив расписаться на листке бумаги, что «я получил эту палку из русского консульства, палку, забытую мной в вагоне и отданную на сохранение начальнику станции». Когда я вручил ему эту расписку, причем приписал и свой петербургский адрес, вице-консул окончательно повеселел, сообщил, что мою палку оценили в несколько десятков франков, и очень удивился, что ее настоящая цена – рубль 3 на Кавказе и рубль 2 в Петербурге. Поговорив еще несколько минут о текущих событиях в России, мы дружески расстались с г. Constantini Zeggio и, напутствуемые его пожеланиями, покинули русское консульство.

Вот я снова на площади Св. Марка! Что же новенького? Да нет прежде всего знаменитой Кампанильи, на которую я взбирался 11 лет тому назад. На ее месте строят новую, и место постройки огорожено деревянным забором. Все уцелевшие обломки старой башни тщательно сложены во дворе Дворца Дожей. Часть из них пойдет снова в работу и займет подобающее место в новой башне, другая часть – менее сохранившаяся – послужит лишь моделями для новых украшений, так как вся новая Кампанилья бу-

дет, конечно, точной копией старой. Катастрофа с Кампанилей заставила встрепнуться венецианских властей и принять ряд серьезных мер, дабы та же история не повторилась с собором Св. Марка и Дворцом Дожей. В соборе под весь первый свод подведены громадные деревянные арки с массивными железными скрепами. Такие же подпорки я заметил и в других частях собора. Я не знаю – временные они или же собор признан настолько ненадежной постройкой, что подпорки эти останутся навсегда. Впервые я поднялся на верхние галереи собора и на крышу его. Что тут за дивная мозаика и как она великолепно сохранилась! Обилие золота придает всем картинам удивительную свежесть и блеск. Кажется, что эта мозаика сделана вчера, а не несколько столетий тому назад. Впрочем, древняя позолота, в особенности в Венеции, вообще отличается необычайной прочностью, так как материалом служило золото весьма высокой пробы. Палаццо Дожей реставрируется внутри весьма основательно. В самой большой зале (Зала пятисот) картины убраны со стен, а стены заделываются новым кирпичом, на них накладываются скрепы, подводятся балки и проч. Боюсь, что заодно подновят, подкрасят и полакируют вообще всю старинную отделку дворца, и профаны-туристы будут хлопать глазами и восторгаться каким-нибудь деревянным резным потолком, сделанным синьором Макарони в 1906 году!!.. И теперь ведь есть несколько плафонов, писанных современными нам художниками, но следует оговориться, что гиды каждый раз добросовестно предупреждают вас об этом, поясняя, что настоящие «античные» плафоны увезены Наполеоном!..

Так как мой спутник Н. А. пр[и]ехал в Венецию впервые, то пришлось, конечно, сделать и посмотреть все то, что обыкновенно продельвается и смотрится в Венеции. Мы побывали в Арсенале, в городском саду с его прекрасным памятником Гарибальди и с новым памятником, поставленным лишь в прошлом 1905 году, – Франческо Кверини – полярному путешественнику. Совершили прогулку пешком к Риальто, проехали в гондоле по всему Canale Grande, а вечером съездили на Лидо в курзал. Я не узнал этот прелестный островок! Сезон купаний еще, по-видимому, не наступил, и мы были единственными любопытными – в этот еще далеко не поздний час, – нарушившими спячку курзальной прислуги. Впрочем, рядом с курзалом в великолепном отеле слышалась музыка и пение, и на широкой веранде, сквозь листву тенистой аллеи, мелькали женские силуэты в светлых и нарядных костюмах...

Когда мы вернулись в город, то набер[е]жная была полна гуляющей публикой, собравшейся послушать музыку, расположившуюся невдалеке от величественно-прелестного памятника Виктору-Эммануилу.

Уже давно темные тучи собрались на горизонте... Зарница чередовалась с лучами электрического прожектора, зажженного на одном из воен-

ных судов... Наконец стал накрапывать маленький дождик, и вся публика, а вместе с нею и мы поспешно стали расходиться по домам...

На другой день все утро было еще в нашем распорядении, и мы им воспользовались, чтобы осмотреть фабрику (собственно магазин) венецианского хрусталя и венецианских кружев (Jeserum). Последнее не доставило мне ровно никакого удовольствия, так как в кружевах я ровно ничего не понимаю.. Что же касается выставки стеклянных изделий, то тут невольно начинаешь восторгаться и восхищаться всему, что вам показывают и на что обращают ваше внимание. Магазин Pauly (самая фабрика находится в Мурано), вероятно, один из самых богатых и роскошных, и кроме стекла фирма славится еще всевозможными изделиями из резного дерева... Или я раньше не обращал должного внимания, или же искусство действительно прогрессирует с каждым годом, но только венецианские сервизы из стекла действительно являются чем-то вроде восьмого чуда света – по красоте и тонкости работы! Этому можно поверить, если принять во внимание, что большинство самых дорогих сервизов делаются в единственном экземпляре, по особому рисунку и притом в течении[е] нескольких месяцев!.. Получается не только вещь для повседневного употребления, а некий шедевр, который следует лишь поставить в витрину и на него любоваться!.. Показанная нам конторская книга с фамилиями русских покупателей убедила нас, какую массу заказов выполнил магазин для наших соотечественников из одного лишь Петербурга. Увы! После нашего посещения в этой книге не прибавилось ни одной новой строчки, так как даже мелкие вещицы из венецианской мозаики мы успели купить накануне в других магазинах...

В 2 часа дня мы выехали на Милан.

МИЛАН

Милан, куда мы приехали часов в 8 вечера 31 мая, мог бы послужить целью всей заграничной поездки текущего года. В Милане – уж более месяца как открыта Всемирная выставка, и я думаю, никто не станет отрицать, что побывать на ней в высшей степени заманчиво, а знакомство с экспонатами, даже поверхностное, несомненно расширит ваш кругозор в сфере современной индустрии...

Вот почему мы в тот же вечер поехали на выставку, а на другой день снова были на ней – с 3 часов дня. Выставка занимает 2 громадные площади, связанные между собой электрической железной дорогой на виадуках. Вся увеселительная часть и большинство киосков сосредоточены на ближайшей к городу площади, все же главнейшие отделы и павильоны построены на второй площади, хотя и на 1-й площади немало выставочных зданий и павильонов. На этой же 1-й площади должен был быть и русский павильон. Мне

хочется поскорее сказать о нем несколько слов, хочется поскорее высказать свою досаду и негодование на наших, к сожалению мне неизвестных, заправил, которым и на этот раз удалось осрамить Россию перед лицом Западной Европы. Посудите сами. Павильоны всех промышленных наций уже готовы. Даже Болгария, крохотная Болгария, которую мы же освободили от рабства, имеет свой павильон, вполне готовый, построенный на весьма видном месте. Было бы лучше, если бы мы по той или другой причине вовсе бы отказались от участия на выставке; но нет, наш павильон строится, но он далеко не готов, и все экспонаты еще лежат запакрованными в ящиках. Почему же ВСЕ успели, а мы НЕ успели!? Затем необходимо высказать мое мнение и о месте, на котором строится павильон, и о самом павильоне. Место, по-моему, отвратительное. Общее впечатление такое, что когда все устроились, тогда пришли русские варвары и начали просить, чтобы и им уделили место, и выставочная администрация, показав им свободную площадку у одного из боковых входов и вдали от главных зданий, сказала:

– С вас и этого места будет довольно!..

Такова, повторяю, не фактическая сторона вопроса, которую я не знаю, а таково мое личное впечатление – русского очевидца.

Самый павильон я бы назвал «жалким». Лучшего слова я не могу для него придумать. Тот идиот, который его спроектировал, воображал, вероятно, что это и есть настоящий русский стиль. Смею его уверить, что это стиль декадентско-голландский, идиотски-голландский, или декадентски-идиотский, но только не русский, и эта птица наверху нелепой вышки – может быть ворона, может быть киви-киви, но не русский орел!.. Итак, русского отдела пока еще нет, и моя мечта – осмотреть его, – к сожалению, не осуществилась.

В противоположность России – Франция и Германия представлены на выставке чрезвычайно богато. Экспонаты их разбросаны по всем отделам выставки, но кроме того, оба названные государства имеют еще колоссальные собственные павильоны. Громадный павильон имеет Бельгия, и солидные отделы занимают Венгрия (сельско-хозяйственные машины) и Англия (морской отдел). Этими строчками мне бы следовало, в сущности, и закончить свое описание выставки, так как то время, которое мы истратили на осмотр выставки, слишком ничтожно, чтобы иметь смелость не только судить о выставке, но даже просто высказывать свое впечатление. Мы просто «пробежали» через все многочисленные отделы и павильоны, останавливаясь лишь там, где было какое-нибудь great attraction. К числу таковых несомненно принадлежали внушительные экспонаты Круппа, железнодорожный отдел, в котором, по-моему, немцы – вне всякой конкуренции, военно-морские отделы Англии и Италии, машинный павильон,

картинные и скульптурные галереи итальянской школы и, наконец, «Павильон мира». Этим именем назван сравнительно небольшой круглый павильон, в котором собраны всевозможные диаграммы и картины, иллюстрирующие развитие пропаганды идеи всеобщего мира. Развешаны портреты выдающихся поборников мира и основателей всевозможных лиг и наряду с ними – картины «ужасов войны» – включительно до снимков последней Русско-японской войны. На одном из столов я заметил папку с гравюрами знаменитых верещагинских картин. Замечательно, что нет портрета Николая 2 – инициатора 1-й Гаагской конференции мира. При входе в этот павильон какая-то дама (несомненно, последовательница Берты Суттнер) вручает вам листок с речью, напечатанной по-итальянски и начинающейся фразой: «Добро пожаловать в наш павильон мира, о чужеземец!!» Это – вольный перевод, но весьма близкий к подлиннику. Как всякая иностранная выставка (в противоположность нашей Нижегородской, потерпевшей полный материальный крах!), Миланская выставка изобилует всевозможными увеселительными «приманками», столь необходимыми для привлечения публики на территорию выставки. Все крупные павильоны и отделы закрываются в 6–7 часов вечера, но публика отнюдь не расходится по домам... Вся масса ее переезжает по электрической железной дороге со 2-й площадки на 1-ю, пополняется новыми волнами из города, и вечером, вплоть до 12-го часа ночи, оживление царит на выставке не только не меньше, чем днем, а скорее больше. Устроенный почти в центре выставки город Каир с нубийской деревней и ее чернокожими обитателями, гарем, танцы, музыка и фокусы – все это привлекает толпы народа. Есть и знакомые мне водяные горы, которые в Париже почему-то называли «Montagne russe», в Лейпциге – просто водяные горы, а здесь носящие названия «Тобога»; построена панорама Иерусалима, сооружена грандиозная воздушная карусель, разбросаны там и сям кинематографы и пр. и пр. В дополнение к сказанному следует прибавить, что имеется и специальное роскошное здание, предназначенное для концертов и заседаний.

Этими сведениями я заканчиваю свои воспоминания о выставке и перехожу к рассказу, как мы провели всю первую половину нашего «миланского дня».

В Милане, как и в Венеции, Н. А. И. был впервые, а потому осмотреть собор и подняться на его верхушку представлялось крайней необходимостью. Мы это и проделали с помощью официального гида, поймавшего нас внутри собора. Из его слов я убедился, что в течение 11 лет ничего не изменилось, да и не могло измениться, в рассказе гида. Слово в слово те же фразы, что я слышал в 1895 году. Порядок осмотра тот же: общие рассуждения, пол и потолок, затем правая сторона собора, подъем наверх и левая сторона

собора! Забрались мы до самого верха (так высоко я раньше не подымался), и тут я воочию убедился, что собор все еще достраивается, так как на некоторых крышах только что устанавливают новый «мраморный огород». А если принять во внимание, что еще в сотнях пустых ниш и на лестницах можно поставить мраморные статуи и ста[т]уэтки, то ясно будет, что собор при желании НИКОГДА не будет достроен и гиды будут вечно иметь удовольствие говорить, что «собор начали строить в 1389 году и..... (колоссальная пауза) и... до сих пор он не окончен!!!!»

Дальнейшая наша попытка по части осмотра достопримечательностей Милана оказалась неудачной, и я не на шутку был этим огорчен. Дело в том, что я непременно хотел видеть знаменитое творение Леонардо да Винчи «Тайную вечерю», писанную им на стене монастыря Марии «della Grazia». Когда же после долгих скитаний (проклятый кондуктор электрического трамвая не там нас высадил) мы отыскивали этот монастырь, то оказалось, что по случаю сегодняшнего праздника Св. Креста церковь закрыта и попасть в нее ни под каким видом нельзя, так как нет ключа!..

НИЦЦА

Переезд от Милана до Ниццы, продолжавшийся 10½ часов, нельзя назвать утомительным, так как дорога до Генуи в достаточной мере живописна, а от Генуи, по берегу моря, – прямо прелестна. Не доезжая Генуи находится самый длинный туннель на этой дороге, в котором мы ехали ровно 10 минут. На пограничной франко-итальянской станции и таможене Вентимильи мы стояли целый час, а после того уже мчались по французской территории. Эта перемена не представляет никакой резкой разницы. Французские вагоны так же возмутительно плохи и допотопны, как и те итальянские, в которых мы ехали от Милана. Внешний вид станций и облик и обмундирование поездной прислуги также весьма схожи. Нет никакой существенной разницы и в железнодорожных порядках, т.е. и в Италии, и во Франции на железных дорогах господствует умеренная халатность и внешняя небрежность к своим обязанностям. Кондуктора почти совсем не проверяют билетов в поездах, а визируют их лишь при входе или выходе со станции, да и эта последняя мера выполняется не всегда аккуратно. Факт тот, что у меня и у Н. А. остались не простриженными и не вырванными многие билеты из купонной книжки круговых билетов, и мы могли бы с ними вторично проехать по тем же железнодорожным линиям...

Путь от Генуи до Ниццы я недаром назвал прелестным. Достаточно вам назвать такие прославленные климатические станции, как С[ан]-Ремо и Ментона, чтобы вы поверили, что природа Ривьеры действительн[о] дала нам не один, а целую и непрерывную цепь дивных видов по обеим сторо-

нам пути. Наш поезд все время извивался змеей, непрерывно проскакивая через маленькие и довольно длинные туннели, то приближаясь вплотную до моря, то несколько удаляясь от него, но ни на минуту не теряя его из виду – эту восхитительную водную гладь, с слегка посеребренной поверхностью на сине-зеленом фоне, без берегов, казалось, – беспредельную!!..

В 8 часов вечера мы приехали в Ниццу и остановились в отеле «Inter-laken» vis-a-vis вокзала...

Ницца! Город цветов, город карнавала, la ville des fous, как назвал ее Коппэ! Оправдаешь ли ты в моих глазах тот восторженный гимн, который поют тебе все путешественники? Я вижу тебя впервые и спешу осмотреть тебя как можно подробнее и столь же подробно занести свои впечатления на эти страницы. Я люблю обращать внимание на все: и на трамваи, и на магазины, и на отели, и на мостовые, и на кафе, на городские сады, почтамы и проч. и проч. По возможности я стараюсь, чтобы ни одна мелочь не ускользнула из моих глаз.

– Да ладно, – торопите вы меня; – говорите же скорей: довольны вы Ниццей или нет?

– О, да, да! Я от Ниццы в восторге! Этот город имеет все права называться настоящим культурно-европейским благоустроенным городом, и в то же время он имеет счастье еще лежать в этой дивной «бухте ангелов» под сенью восхитительной южной растительности!..

Но довольно предисловий, и приступим лучше к описанию того, что я лично видел в течение трех куцых дней (на 2-й день мы уезжали в Монте-Карло, а на 3-й в 5 часов вечера уехали в Биарриц) нашего пребывания в Ницце.

Прежде всего замечу, что в Ницце существует довольно обширная русская колония, а потому русский не чувствует себя здесь одиноким и глаз его то там, то сям встречает русскую вывеску, русскую надпись, магазин... Наконец, есть русская церковь, читальня, русский книжный магазин, даже гимназия и проч. Но не буду пересчитывать все то, что здесь есть русского. Это вы легко найдете в любом путеводителе, а вот лучше послушайте, как именно устроена только что упомянутая мною читальня. Посетить ее нам, конечно, было любопытно, и, узнав, что читальня «при» церкви, Н. А. храбро позвонил у дверей церковного сторожа, а когда эта операция оказалась безрезультатной, то Н. А. сам отворил калитку, проник на церковный дворик и через минуту вернулся обратно, зовя меня... Читальня, как оказалось, помещается в нижнем этаже самой церкви, где помещаются и квартиры духовенства. Как водится везде за границей, нас встретил сторож-француз, не говорящий по-русски (хотите держать пари, что сторож английской церкви – или англичанин, или, по крайней мере, говорит по-английски, а сторож

немецкой кирки уж наверное немец!). Сторож этот заявил, что он сейчас вызовет хозяина читальни, и действительно к нам вышел диакон, который заявил, что абонемент стоит 3 франка, но что если мы пришли на 1 раз прочесть только газеты, то «пожалуйста».

Из моих слов можно подумать, что мы пока еще стоим в передней и в самую читальню еще не вошли. Да нет же! Мы уже стоим в самой читальне. Это небольшая комната, по стенам которой стоят крайне убогие книжные шкапы, а посередине и у окна – простые некрашенные столы, ничем не прикрытые... На столах «богатый» ассортимент газет. Выбирайте любую!!! «Новое время», «Московские ведомости» и «Вестник Русского собрания». Так как два последние издания пригодны лишь для любителя, то остается одно лишь «Новое время», и в таком случае – не слишком ли громкое название: «Русская читальня»? Такие ведь читальни имеются у каждого культурного обывателя города СПбурга, т.е. ОДНА газета и передняя со столом (русская читальня Ниццы удивительно похожа на переднюю!!). А потому будет, пожалуй, вернее, если я скажу, что в Ницце русской читальни нет, а зато диакон, или священник, или оба вместе, выписывают две газеты и один журнал «истиннорусских людей» и, прочитав их, за деньги отдают на прочтение другим, благодаря чему успешно выручают затраченную на выписку сумму.

В церкви мы были в воскресенье (4 июля) вовремя богослужения. Пришли почти к самому концу, но после нас вошли еще человек 5, и общая цифра посетителей (я не рискую сказать молельщиков) достигла 20–25 человек. Хор певчих, по-моему, недурной, но уж слишком маленький; иконостас очень красивый, резного дерева, а сама церковь выглядит приветливо и уютно и, вероятно, вполне достаточна для всех православных Ниццы, а тем не менее, на бульваре Царевича строится новая большая русская церковь.

Бульвар Царевич назван так в память покойного нашего наследника Николая Александровича, умершего в 1865 году в Ницце. Вещественным памятником служит пока часовня, которую мы осмотрели снаружи, но уже в 1903 году заложена церковь, которая пока еще строится, для чего огорожено громадное место-парк – в стороне от шоссе. Какой-то рабочий открыл нам калитку, и я уныло обошел кругом массивной постройки из белых тесаных камней. Пройдет еще несколько лет, затратится еще несколько десятков, а может быть и сотен тысяч, и эти белые стены увенчаются красивыми разноцветными куполами, пристроятся крыльца с точеными колонками, привезут мраморный или деревянный иконостас и утварь, пожертвуют богатейшую ризницу, и запоют попы ту же обедню перед тем же количеством православных, что поют и теперь в Лоншанской церкви! Зачем же эта безумная и бесполезная трата! Неужели не нашлось честных и мыслящих людей, которые посоветовали бы почтить память наследника не постройкой новой

церкви, а устройством какой-либо санатории для русских с великолепной читальней и библиотекой, гимнастическим залом и проч. ... Я размышлял и начал строить различные предположения, рассказывая их вслух Н. А.

– Можно было бы устроить санаторию для чахоточных! Хоть 10 кроватей: 2 для офицеров, 2 для военных врачей, 2 для студентов университета, 2 для сельских учителей и учительниц и 2 для интеллигентных женщин, живущих трудом. Можно было бы так организовать и поставить дело, что пансионеры занимались бы каким-нибудь письменным или же другим интеллигентным трудом, необременительным для их здоровья, и тем самым зарабатывали бы себе карманные деньги, уделяя известный процент в фонд санатории...

– И жили бы в санатории те же священники, или их знакомые и родственники – вполне здоровые, – прервал меня Н. А.

– Господи! Значит, у нас совсем нет честных и порядочных людей. При таком «безлюдье», на которое жалуются нынче все, действительно невозможно и не под силу единичным людям создать ни одного благотворительного или вообще общепольного дела: лихие супостаты извратят ваше доброе намерение, и задуманное доброе дело будет служить лишь источником соблазна и разврата... Ах, как все это грустно, господа!..

Если пренебречь т. н. «русской читальней», о которой я вам дал истинное понятие, то все же русский в Ницце не будет обречен на книжный и журнальный голод. Против Лоншанской русской церкви я видел русско-английское агентство, библиотеку и русский книжный магазин; во многих уличных киосках можно также найти некоторые русские газеты, а в каком-то аген[т]стве на Avenue de la gare я нашел не только «Новое время», но и «Речь», «Двадцатый век», «Русское слово», «Путь» и, наконец, местную газету «Вестник русских на Ривьере», издаваемую на русском языке, со списками приезжающих русских и поляков. Видел я и русский магазин, несколько русских (я думаю, вернее – жидовских?) аптек, вывеску русского врача и проч.

Если все мною перечисленное все еще ничего не говорит вашему русскому сердцу, то не угодно ли вам последовать с нами вместе на кладбище, и я вам покажу могилу русского писателя – Герцена! Да! Этот великий человек похоронен здесь, в Ницце. Кладбище мы собирались осмотреть в свое время, но попали на него случайно, после того как посетили порт, а оттуда поднялись на т.н. «Шато», откуда вдруг перед нами и открылись бело-мраморные кресты и памятники кладбищ. Сперва мы прошли мимо небольших ворот, ведущих на еврейское кладбище, а потом показались и главные ворота с домиком сторожей – напротив. Я спросил подвернувшегося нам сторожа-городового – открыто ли еще кладбище? Он ответил с сильным итальянским акцентом, что открыто, и пересчитал те 3 памятника, ко-

торые следует отыскать: Гарибальди, Гамбетта и «шелебр екривян рушь»... Я подсказал ему – «Герцен», и он, улыбаясь, закивал головой, повторяя:

– Херчен, Херчен...

Русское кладбище занимает довольно большой четырехугольник и по внешнему виду довольно резко отличается от иностранных кладбищ. Нет того порядка и нет той массы цветов, чем характеризуются кладбища католиков и протестантов. Памятник Герцену – бронзовая статуя его на мраморном пьедестале – приютился в углу этого четырехугольника. Белый мрамор был испещрен сравнительно свежими и немногочисленными карандашными надписями. Вот некоторые из них:

1079

1) Счастливы! Первые русские принесли 17 октября 1905 г. тебе весть о свободе.

2) Радуйся, рус. великий человек, твоя страна свободна! Мария Орбант. Под этой надписью внизу приписано по-французски:

ATTENDEZ UN PEU!

3) Привет борцу за свободу

4) Привет от русских курсисток!

Прочие надписи – в этом же роде, или же просто – росписи.

Памятник Гамбетта – это большая деревянная пирамида, сплошь увешанная металлическими венками. Есть ли под этой пирамидой памятник и какой он на вид – я не знаю.

Памятник Гарибальди мы искали подольше, так как две цветочницы, возившиеся у какой-то клумбы, оказались итальянками, и мы поняли их объяснения только приблизительно. Во всяком случае я искал нечто величественное и грандиозное, что соответствовало бы величию этого знаменитого человека, родившегося в Ницце! Но памятник оказался простой мраморной, немного потемневшей плитой, скромно приютившейся у стены, а в головах вертикально поставлена новая мраморная плита – благоговейная память французского города Ниццы о самом «знаменитом Niçois».

Теперь поговорим немного о самом городе. Вся набережная Ниццы – великолепна. Я ни в одном городе не встречал и, вероятно, больше не встречу такого обилия шикарных гостиниц, как здесь. Несомненно, все рассчитано не только на громадный наплыв публики, но и на публику очень богатую, которая специально приезжает, чтобы повеселиться и посорить деньгами. Кстати следует заметить, что в настоящее время в Ницце не сезон. Это сразу заметно, так как многие отели и даже магазины наглухо закрыты и откроются только зимой. Приезжей публики совсем нет, и днем улицы выглядят пустынными. Зато вечером тенистое Avenue de la gare своим оживлением несколько напоминает вам парижский бульвар, так как во многих кафе играют небольшие дамские и мужские оркестры, собира-

ющие массу публики вокруг своих столиков на широких панелях. Такое же оживление царит и в кафе на площади Массена, лучшей площади Ниццы с прекрасным памятником в память присоединения Ниццы к Франции, возвышающимся среди пальм общественного сада. Известный полководец Массена – уроженец Ниццы, и ему также поставлен прекрасный памятник в одном из скверов недалеко от рынка и речки Пайоны, где ниццские прачки моют и будут вечно мыть белье вопреки всем требованиям гигиены и даже простой чистоплотности.

Интересно пройти также по узеньким улицам и переулкам старого города, столь не похожего на современные «авеню» и «бульвары»... Из загородных наших поездок следует упомянуть про Зоологический сад графа Лагранжа и про порт. Но о нашем посещении порта я уже сказал раньше и могу только прибавить, что близ него стоит небольшой бюст бывшего президента республики – Карно. О Зоологическом же саде следует кое-что отметить. Главная его достопримечательность, на что сугубо указывают и сами жители Ниццы, – это то, что он «частный», т.е. возник на средства частного лица, а именно графа Лагранжа, п[а]мятник которому (очень неважный памятник) стоит в этом саду. Тут же имеется еще доска с фамилиями других частных лиц, кои содействовали своими пожертвованиями обогащению Зоологического сада. Если отнять эту симпатичную сторону дела, то сам Зоологический сад является по виду очень запущенным, а коллекция зверей весьма бедной. Чахлые львы, тигры и медведи, не говоря уже про мелких зверей и птиц, заключены в скверные клетки, которые убираются не только плохо, но зачастую, вероятно, и совсем не убираются. Впрочем, теперь «не сезон», а вообще на Ривьере, да и в других курортах Франции, как мы убедились впоследствии, жители начинают чиститься и прибираться лишь к сезону, а в остальное время года такая роскошь, как поливка и чистка улиц, зажигание уличных фонарей и проч., может выполняться и не в полной мере!

Еще больший интерес представила, конечно, наша загородная поездка в Монте-Карло, но о ней позвольте поговорить в следующей главе, а пока, чтобы исполнить свое обещание, я должен упомянуть, что трамвайное движение в Ницце выше всяких похвал и значительно облегчает сообщение со всеми частями города, а следовательно, и облегчает туристу – знакомство с ними!..

МОНТЕ-КАРЛО

Из Ниццы в Монте-Карло можно поехать или на электрическом трамвае, отходящем с площади Массена, или же по железной дороге. Мы решили использовать и тот, и другой способы передвижения: туда поехать на трамвае, а обратно в поезде. Хотя трамвай ходит не менее полутора часов,

но зато мы ожидали, что продолжительность времени искупится, вероятно, новыми и привлекательными видами. Действительность скорее превзошла, чем оправдала наши ожидания. Трамвай то взбирался на высокую гору, оставляя море с его узкой береговой полосой, занятой железнодорожной линией, где-то далеко внизу, то внезапно спускался вниз, осторожно извиваясь, как уж, и, спустившись, мчался по самому берегу; потом снова понемногу отдалялся от залитых солнцем волн Средиземного моря и, ворвавшись в какое-нибудь населенное местечко или город, останавливался у станции, обрамленной густою зеленью и цветами. После станции мы обыкновенно снова поднимались в гору и затем снова спускались, причем мимо окон нашего вагона мелькали все новые и новые виды, которые легко могут показаться однообразными при описании их и которые на самом деле столь разнообразны, что глаз никогда не может утомиться их созерцанием и открывает все новые и новые увлекающие вас красоты! Иногда подъем бывал настолько крутой, что я приходил в изумление, что здесь проложены простые, а не зубчатые рельсы. И с какою легкостью преодолевает электрический трамвай эти подъемы! Вот только визг колес на крутых поворотах может неприятно действовать на нервы, но этот недостаток так легко, по-моему, устранить смазыванием рельс, что я удивляюсь, как до этого не додумалась компания трамваев. На полпути до Монте-Карло наш поезд неожиданно очутился визави другого поезда, шедшего нам навстречу по тем же рельсам. Пришлось возвратиться несколько назад, к разъезду, и дальнейший путь продолжался беспрепятственно, если не считать, что у самого Монте-Карло мы снова чуть не столкнулись со встречным поездом, но на этот раз задержки не произошло, так как не мы, а они благородно ретировались и уступили нам дорогу. Но вот мы и в Монте-Карло! Это по истине райский уголок земного шара! Мать-природа не обиделась, что этот уголок люди заняли игорным домом, и продолжает щедро сыпать свои дары, давая жизнь чудной растительности и обливая все плато живительным солнцем и лаская его берега бархатными волнами темно-синего моря!

Казино – великолепное, очень красивое сооружение. Со стороны моря к нему примыкает обширная площадка, а с противоположной стороны разбит сквер, вокруг которого расположены шикарные отели, рестораны и кафе. Мы решил[и] взять сперва входные билеты, дабы воспользоваться уборными казино и счистить с себя дорожную пыль, а потом уже позавтракать в одном из здешних ресторанов...

Когда я подал в бюро казино свою визитную карточку, мне сухо заявили: – Но этого недостаточно! Нужен какой-нибудь документ!

Увы! И я, и Н. А. оставили свои паспорта в Ницце. Н. А. уверял, что он что-то слышал и вообще предполагал, что здесь не требуется от посетителей паспорт; что же касается меня, то я твердо был уверен, что вход – платный

и никакими формальностями не обставлен. Впрочем, я скоро нашелся. Я вынул свое русское удостоверение по железным дорогам, а затем купонную книжку круговых билетов, на которых была проставлена моя фамилия... Этот последний документ оказался весьма действительным, и нам беспрепятственно выдали бесплатный входной билет, годный на целый день.

После завтрака в Café de Paris мы вступили, наконец, под сень гостеприимного «cercle des étrangers».

Вот он – всемирно известный игорный дом, в котором непрерывно звенит золото и серебро, переливаясь густой и широкой рекой из карманов иностранцев в казну монашеского князя... Лишь изредка мелкие брызги и еще реже небольшие ручейки попадают случайно в карманы игроков. И каждый входящий сюда мечтает быть этим счастливецом, ловит эти золотые брызги, иногда жадно подставляет руки под золотую струйку ручейка, но счастье, как солнце, скрывается с горизонта, золотые брызги испаряются, а ручейки сливаются с густой и широкой рекой, которая по-прежнему и безостановочно переливается из карманов иностранцев в казну монашеского князя!..

Несомненно, если все ваше внимание будет сосредоточено на типах играющих, то вы немало интересных наблюдений можете сделать за время вашего пребывания в казино. Но в моем распоряжении было слишком мало для этого времени. Достаточно и того, что я успел познакомиться с общей картиной и обстановкой игры, уловил все характерные фразы, жесты и приемы крупные и общий серый фон игроков, без ярких бликов отдельных лиц. Впрочем, когда я и Н. А. сели играть за один из столов рулетки, то одна из играющих дам не могла не обратить мое особое внимание. Она была премиленькая в своем кокетливом сереньком платье и с крохотным кружевным платочком в руках, которым она ежеминутно вытирала свое разгоревшееся от волнения лицо. Перед ней лежал ридикюль и столбики монет; она ставила через крупные – то 20, то 10, то 5 франков – все на один и тот же номер – 36! Рулетка вертелась, шарик в сотый раз пускался в свой неугомонный бег, крупные беспрестанно выкрикивал различные номера, но злополучный 36 № все не выходил. Барынька вздыхала, молитвенно подымала глаза к небу, снова обмахивалась крохотным кружевным платочком и снова ставила все на тот же «противный» 36 №... Наконец он вышел! Боже! Как она обрадовалась. Глазки засверкали как угольки, она не могла удержаться от широкой улыбки, осветившей ее приветливое личико... Нет, нужно поделиться своей радостью... наконец нужно объяснить свою радость; да, она это сделает... И ее звонкий голосок, в котором слышались и веселые, и плачущие нотки, кому-то стал объяснять по-немецки, что этот «36 № уже стоит ей 600 франков и что вот, наконец, он вернул половину»...

Но счастливая минута прошла, ех-счастливица по-прежнему ставила на 36 №, а 36 № по-прежнему выходил очень и очень редко. Золотые и

серебряные стопочки таяли, ридикюль несколько раз отворялся, бумажки менялись на «la monnaie s.v.p.», и, когда мы покидали гостеприимный зал «cercle des étrangers» – наша немочка, по-видимому, была снова в крупном проигрыше, но с прежним упорством и надеждой во взоре продолжала ставить на злополучный 36 №...

Обратно в Ниццу, как я уже сказал, мы вернулись по железной дороге уже знакомой нам дорогой – по берегу моря.

1083

БИАРРИЦ

Из Ниццы мы выехали с 5-часовым вечерним поездом. По объяснениям справочной железнодорожной конторы и по железнодорожному гиду, который мы там же рассмотрели, это самый удобный поезд на Биарриц, и все же он весьма скверный на самом деле, так как нам предстояло несколько пересадок и днем, и ночью. Как это ни странно, но прямого сообщения из Ниццы до Биаррица не существует. Благодаря этому обстоятельству нам пришлось около 2 часов ночи слезать в Терасконе, так как наш поезд пошел на Лион, а в Тулузе, куда мы приехали на другой день в 9 часов утра, остановка для пересадки длилась 4½ часа. Мы воспользовались этим временем и совершили небольшую прогулку по городу. Тулуза – большой торговый город, и знакомство с ним не лишено интереса. Я занес в свой дневник, что мы видели городскую ратушу, называемую почему-то «Капитоль», музей, рынок, почту и телеграф, 2 памятника: Дюпони и Рике. (Вот совпадение! Через несколько дней мы остановились в Аркашоне в пансионе «Рике» и поразили нашу хозяйку тем, что знаем – кто такой был Рике и чем он был знаменит!) и, наконец, собор Св. Стефана, который мы осмотрели не только снаружи, но и внутри.

В Байонне – в 9 часов вечера – мы в третий раз за этот переезд совершили пересадку, но зато через 10–15 минут уже были в Биаррице на вокзале. Наше намерение – остановиться в какой-нибудь гостинице по нашему выбору и непременно близ вокзала – оказалось неосуществимым, так как вокзал находится далеко за городом, а потому нам ничего более не оставалось делать, как сесть в омнибус какого-нибудь отеля и предоставить инициативу судьбе. Судьба же пожелала, чтобы мы сделались гостями весьма комфортабельной гостиницы «Central», расположенной на улице Гамбетта. Начав описание Ниццы с громкого заявления, что я от нее в восторге, я позволю себе начать описание Биаррица с заявления, что Биарриц мне совсем не понравился. А не понравился он мне потому, что я ждал от него гораздо большего, и ждать этого я был вправе, так как Биарриц пользуется всемирной славой самого модного и элегантного курорта в Европе.

На какие же недостатки укажете вы в защиту вашего мнения, спросите вы меня. А вот на какие: Во-1), в Биаррице очень мало растительности, в

особенности на набережной. Отели и виллы зачастую высятся среди почти голого песка без малейшего признака не только небольшого садика, но даже цветника, во-2), в Биаррице совсем не видно шикарных отелей и кафе; казино – по крайней мере снаружи – далеко не казистое здание, в-3), вместо каменных или асфальтовых панелей – в Биаррице насыпаны панели из гравия, что совсем неприятно для ходьбы, портит обувь и пыльно, в-4), Биарриц состоит из кривых и пыльных улиц, то поднимающихся в гору, то спускающихся под гору. Трамвайного движения нет, за исключением грязного паровика, поддерживающего сообщение с Байонной, и в-5), дивный пляж невелик, а главное (по моим мимолетным наблюдениям), я сильно сомневаюсь, чтобы условия купанья (кабины, белье и проч.) были обставлены с тою доступною роскошью, которая должна была бы быть в этом прославленном курорте. Из всего мною сказанного нельзя, конечно, сделать вывод, что Биарриц ни к черту не годится. Я, кажется, довольно ясно намекнул, что к Биаррицу нельзя прилагать обычную мерку, а его следует критиковать со всею строгостью, так как именно здесь rendez-vous всех знатных и богатых путешественников... Именно имея в виду ежегодный наплыв сюда богатой публики, я рассчитывал увидеть последнее слово европейски благоустроенного и безумно роскошного курорта, или же, по крайней мере, – безукоризненно восхитительную по своей природе приморскую береговую полосу. Может быть, что именно это ожидание, а может быть и то обстоятельство, что в Биарриц мы приехали уже после нашего пребывания в очаровательной Ницце, но только Биарриц отнюдь не завладел моим сердцем... Но почему же все-таки Биарриц так знаменит? Ведь есть же на это причины? Ах, боже мой, конечно есть! И я нисколько не затруднюсь объяснить вам весь успех Биаррица: он зиждется на его пляже. Я назвал этот пляж дивным и слов своих назад не беру. Пляж, действительно, дивный – на редкость!.. Правда, найдутся и в других местах такие же пляжи (хотя бы у нас в Либаве и Сестрорецке), но Биарриц имеет то неоспоримое преимущество, что к своему пляжу он добавляет благодатнейший климат и равномерно-комнатную температуру воды. Если взять сочетание этих трех условий: 1) климат, 2) температура воды и 3) пляж, то, пожалуй, Биарриц – несомненная европейская «уника». Мое несчастье заключалось в том, что я ждал кроме этих трех условий еще и несколько других, о которых я упомянул выше, и согласитесь сами, что все «мои» условия вполне в руках городских заправил...

Курортов с хорошим климатом и хорошим купаньем – множество, а хороших пляжей – очень мало. Но хороший пляж – вовсе не так нужен для купанья, можно ведь купаться в купальнях и с мостков. Но хороший пляж – заманчивая роскошь для всех светских и богатых дам и девиц, которым нужен не самый процесс купанья, а важна обстановка купанья и выставка купальных костюмов. Для последней цели Биарриц незаменим, и вот почему

он сделался модным курортом, но отнюдь не для больных, а исключительно для здоровых людей. Надо думать, что эти здоровые и богатые люди приезжают в Биарриц ненадолго. Останов[ив]шись в гостинице на несколько дней, они успевают покупаться всего 1–2 раза, а вечер непременно посвящается концерту или опере с участием какой-нибудь заезжей знаменитости. Для таких лиц – не нужны семейно-уютные виллы, обрамленные зеленью, не нужны читальни в казино и курзале, не нужны трамваи и широкие панели...

Биарриц – это наша петербургская «Стрелка», но только «Стрелка с купаньем и с концертами». На Стрелке не живут, а только «приезжают» – ненадолго, к закату солнца. В Биаррице тоже не живут и тоже лишь приезжают сюда ненадолго в сезон купаний. На Стрелке приятно побыть (неприменно в собственном экипаже) не более 2–3 часов потом станет скучно. В Биаррице приятно побыть не более 2–3 дней (неприменно в шикарном туалете)... потом станет скучно. На Стрелке – закат солнца – только предлог для выставки своих ту[а]летов – в определенный час дня. В Биаррице – пляж – только предлог для выставки свои купальных костюмов – в определенные дни года. Но и закат солнца, и пляж одинаково достойны восхищения, а потому и то и другое служит великолепным оправданием для посещения как Стрелки, так и Биаррица...

– Поезжайте на Стрелку! Знаете, там закат солнца – это нечто восхитительное...

– Поезжайте в Биарриц! Знаете, там пляж – это нечто восхитительное... И все едут...

Мы были в Ницце в несезонное время, но Ницца осталась Ниццей и без нарядной толпы знатных иностранцев. В Биаррице тоже не сезон, и Биарриц выглядит захудалым и заброшенным городом. Только несколько громадных и пустых отелей напоминают вам, что город замер лишь временно, что он ждет лишь «сезона», и тогда пестрая и нарядная толпа «монда» оживит и переродит все его бесцветное существо. Биарриц без публики следовало бы назвать как-нибудь иначе, так как сезонная публика – это душа (дух) Биаррица, т.е. главная составная часть всякого тела, которое мы называем живым, а не мертвым.

Что вам сказать еще про Биарриц?

Передать ли вам то, что шептали мне в часы прилива набегающие волны, когда я сидел на береговых камнях, и поведать вам всю прелесть виденного мной солнечного заката!? Нет!! Я не стану больше распространяться о Биаррице, так как боюсь, что мое поэтическое настроение отзовется на этой книге, которую вы с негодованием уже собираетесь швырнуть под диван... А между тем она может еще вам пригодиться, если вы хотите узнать неприкрашенную правду об Аркашоне, куда мы направили свой путь и где мы прожили 33 дня.

Сознаюсь, что в Аркашон я въезжал со страхом и трепетом. А что если он окажется вдруг настолько скверным и скучным городом, что прожить в нем один месяц, как мы решили, будет скорее тяжелым подвигом с нашей стороны, чем приятным и полезным времяпрепровождением? На наплыв публики, а следовательно на курортное оживление с постоянными вечерами, праздниками, пикниками и проч., я и не рассчитывал. Я знал, что июнь и даже июль еще не «сезон». Но я все же мечтал, что благоустроенный европейский курорт должен же иметь хотя бы сносную читальню с русскими и иностранными газетами (как образец я все вспоминаю немецкий Эмс) и ежедневную музыку где-нибудь в парке, общественном саду или казино. К сожалению, мои мечты не осуществились, и это обстоятельство, казалось бы, должно было окончательно вооружить меня против Аркашона. Но нет, я спокойно помирился на той мысли, что Аркашон – это почти тот же Биарриц, но только в миниатюре, а потому мне и не следует ждать от него тех скромных, но существенных удобств, какие имеются в тех курортах, где в сезонное время не только веселятся, но и лечатся или просто ведут правильный образ жизни и соблюдают известный режим. В Аркашон, впрочем, несомненно, приезжают и полечиться, т.е. подышать его хорошим воздухом и покупаться в его соленой воде, но для этого сорта больных нужны исключительно шумные удовольствия, нужны театры, концерты, *petits-chèvaux*, охота и пр. и пр. Все эти развлечения, я не сомневаюсь, и будут иметь место в Аркашоне в самый разгар сезона, т.е. в августе месяце (нов. ст.), но зато в остальные 11 месяцев нет и самых элементарных признаков благоустроенного курорта. Это не вина Аркашона, так как Аркашон, конечно, дает только то, что от него требует приезжая публика.

После этого небольшого вступления мне бы следовало тотчас же приступить к подробному описанию Аркашона, попутно поделиться с вами о нравах и обычаях здешних жителей и рассказать вам о всех тех празднествах и событиях, свидетелем или участником коих я был. Но, дав в 1902 году подробное и довольно удачное описание Абастумана (Кавказ), где я прожил более 3 месяцев, я чувствую на этот раз непонятное бессилие перед предстоящей мне задачей. Можно предвидеть, что если я пожелаю дать действительно верное и «систематическое» описание Аркашона, то моя работа займет не менее нескольких сот страниц, каковое количество отнюдь не отвечает моим планам и намерениям. Вот почему я решил ограничиться теми краткими записками, которые я постоянно веду в моей записной книжке (т.н. «Черная книга»), а в настоящем сочинении я дам лишь несколько кратких очерков и рассказов, написанных мною в самом Аркашоне под влиянием тех или иных событий, свидетелем коих я лично был...

1. КУПАНЬЕ

Если вам будут говорить, что в Аркашоне дивный пляж, – не верьте. Вовремя прилива он заливадается водой (за исключением крохотной береговой полосы против казино), а в часы отлива – он зачастую покрыт сплошной зеленью и грязью. Эту зелень и грязь в некоторых местах собирают, но такая чистка приносит пользу далеко не в полной мере, и пляж остается все же грязным. На дне попадаются острые камни, раковины и сучья и, наконец, во многих местах бассейна близ берега проложены всевозможные городские трубы, поросшие какими-то колючими растениями, наступить на которые ногой в высшей степени неприятно. Порезав себе палец на другой же день купанья, я немедленно купил себе пару купальных ботинок, и эта покупка красноречиво свидетельствует о довольно крупном недостатке аркашонского купанья... Шикарных и благоустроенных кабинок для купанья в Аркашоне – нет. Все «купальные заведения» на один образец: крохотная конура для раздевания и больше ничего. За особую плату вам дают купальный костюм, полотенце размером с носовой платок и чан с водой для мытья ног. Из кабинок вы на виду всей публики, зачастую в изобилии находящейся на купальной террасе, на «жете-променаде» или вообще на берегу, под взорами глазающих на вас женщин и мужчин спускаетесь по каменным ступеням в воду и затем можете плавать хоть по всему бассейну Аркашона, так как никаких загорожек или веревок вообще не существует.

Оказывается – нужно быть очень осторожным в часы начавшегося отлива. Именно в это время, когда была самая высокая вода, я бросился в соленые волны, поплыл и в несколько секунд уже был довольно далеко от берега. Повернув назад, я взял направление на стоявшую на якоре зеленую лодку и, как мне показалось, поплыл чрезвычайно быстро, подгоняемый попутными волнами. Но зеленая лодка, как жар-птица, не давалась в руки, и расстояние до нее оставалось все то же. Я удвоил усилия, но к удивлению своему вдруг заметил, что не только не подвигаюсь вперед, а скорее плыву назад... Выбившись из сил, я круто повернул назад и почти моментально достиг другой лодки, качавшейся далеко позади меня. Уцепившись за нее, я отдохнул несколько минут, а затем поплыл прямо к берегу. Оказывается, я бесплодно боролся с сильным течением только что начавшегося отлива.

2. ЛЕС

В противоположность Биаррицу – Аркашон утопает в зелени. Почти каждая вилла окружена более или менее обширным и тенистым садом, а виллы т.н. «Зимнего города» расположены по большей части среди соснового леса, который тотчас за городом становится густым и дивно пахучим.

И вся эта вечно зеленая чаща не была создана природой, а явилась плодом трудов одного человека, знаменитого Бремонтье, предпринявшего засадку дюн соснами и тем прекратившего дальнейшее пересыпание огромных песчаных гор. Дух Бремонтье, несомненно, живет в каждом истинном аркашонце. С его легкой руки – весь Аркашон, построенный на дюнах, окутался такою зеленью, как будто бы его почва состоит не из морского песку, а из чернозема.

Сосновый лес – это, по-моему, одно из крупнейших достоинств Аркашона. Сочетание чистого морского воздуха с смолистым воздухом леса должно, несомненно, благотворно действовать на слабогрудых больных.

Кстати, здесь в Аркашоне я впервые видел, как собирают смолу с деревьев. Особым полукруглым топором вырубает в сосне неглубокий желоб, по которому и стекает смола в глиняный горшок, укрепленный на этом же желобе. Способ прикрепления горшка весьма прост: снизу вбивается под него гвоздь, а сверху горшок придерживается железным лотком, один конец которого загоняется в дерево. Все инструменты, которые при этом употребляются, можно видеть в музее г. Аркашона, о котором я впоследствии скажу несколько слов. Смола – драгоценный продукт, даваемый природой, и здесь в Аркашоне – это, вероятно один из крупных источников дохода. Но отчего же я никогда не видел подобной утилизации наших обширных сосновых лесов для собирания смолы? Игнорируем ли мы эту отрасль добываемой промышленности, или же мы еще не додумались до нее??...

3. Музеи

Народ, интересующийся своим прошлым и сознательно относящийся ко всему его окружающему, называется культурным народом. Так как французы, вне всякого сомнения, принадлежат к народам культурным, то я несколько не удивился, что в Аркашоне имеется аквариум и музей, находящиеся в заведывании «société scientifique d'Arcachon». Крохотный аквариум, состоящий всего из одного коридора, тем не менее в высшей степени интересен, так как в бассейне Аркашона водятся такие оригинальные экземпляры, как морские коньки, ланцеты, крабы, морские звезды, спруты и проч. В музее же собрано все то, что связано с историей и промышленностью родного города. Так как Аркашон торгует главным образом устрицами, то не удивительно, что «история устрицы» и «устрицеводство» – один из самых богатых отделов музея, представляющий, конечно, громадный интерес не только для аркашонца, но и для всякого приезжего... Столь же подробно представлен и «смоляной промысел», о котором я упомянул в предыдущей главе. Кроме этих отделов – в музее имеются экспонаты, относящиеся к зоологии, этнографии и археологии Аркашона. Исторический отдел музея

состоит из карт, рельефных планов, портретов и гравюр, развешанных по стенам. Обширная библиотека оказалась запертой, и я поэтому не мог ее обозреть. В заключение следует упомянуть, что тут же в музее на моделях можно видеть ту остроумную систему, какую применил Бремонтье при засаживании дюн соснами...

1089

4. День Иоанна Крестителя

Каюсь в своем необразовании: я думал, что зажигание костров накануне Ивана Купала – это чисто русский обычай. Каково же было мое удивление, когда я увидел 23 июня (нов. ст.) громадную кучу сучьев на церковной площади Notre Dame D'Arca[s]hon. Эту кучу зажгли около 9 часов вечера, после торжественной церковной службы – к общему удовольствию всех присутствующих, как взрослых, так и детей. Я застал момент, когда громадный костер уже догорал. Но пламя все еще было очень сильно, и налетавший по временам ветер разбрасывал во все стороны миллионы искр, которые заставляли часть публики с визгом и хохотом бросаться в сторону, подальше от костра!.. Под конец началось растаскивание костра. Каждый из присутствующих счел своим долгом вытащить еще пылающую ветку или кусок дерева и затем бережно тащил этот факел домой, стараясь, чтобы он не потух по дороге.

Да! Религиозные и народные обычаи еще живы во французской буржуазии, но и религия, и обычаи сделались, по-видимому, уделом лишь женщин и детей. Загляните вместе со мной в любое воскресенье или праздник в католический храм Аркашона. Мужчин вы можете пересчитать по пальцам. Зато все многочисленные стулья почти сплошь заняты старыми и молодыми женщинами, затем воспитанницами всевозможных пансионов, приютов и школ и, наконец, маленькими детьми. Но и среди детей преобладают девочки, а не мальчики...

5. Муло

В нескольких километрах от Аркашона, на берегу того же бассейна, лежит «местечко» Moulleau. В Муло имеется церковь «Notre-Dame des Passes», Grand Hotel de Moulleau с террасой кафе-ресторана и кабинками для купанья и несколько хорошеньких вилл, окруженных, как и в Аркашоне, тенистыми садами. Как только я впервые посетил это местечко – я сразу же высказал удивление – почему курорт Аркашон не возник именно здесь, или, наоборот, почему Муло не сделалось «Reine de Sud-Est», или, наконец, почему Муло не слился с Аркашоном в одно целое, как слились уже давным-давно – Ville d'Hiver, Ville d'Été и [V]ille d'Automne. Так как

этого не случилось, то «Царицей» побережья остался Аркашон, а Муло до сих пор – скорее небольшая деревушка, чем курорт. Чем же, однако, Муло лучше Аркашона и какими достоинствами он меня пленил? Да прежде всего – своим пляжем! Пляж не заливается водой, как в Аркашоне, а по размерам своим он длиннее аркашонского (перед казино) раз в десять. Я сделал было предположение, что пляж недостаточно покатый (вода в этот день была очень высока), а потому опасен при купанье детей. Это предположение подтвердила мне и хозяйка нашего пансиона в Аркашоне, но второе мое посещение Муло убедило меня, что пляж не только не крутой, а, напротив, весьма пологий и понижается к морю довольно равномерно. Второе крупное достоинство Муло – это то, что все местечко расположено в чаще соснового леса, пока еще не вырубленного и который совсем близко подходит к берегу моря. В Аркашоне же сосновый лес начинается довольно далеко от морского берега, а *Ville d'Été* и совсем лишен тех великолепных сосен, которые пока еще в изобилии встречаются в *Ville d'Hiver*. Таким образом Муло на небольшом пространстве соединяет в себе достоинства аркашонского «Летнего города» (море) и аркашонского «Зимнего города» (лес) и присоединяет еще к этому весьма недурной пляж. К тому же и купальные кабинки «Гранд-Отеля» показались мне гораздо более благоустроенными, чем все частные кабинки в Аркашоне. Тем не менее, по воле судьбы не Муло, а Аркашон сделался купальным и курортным центром, а потому все местные жители считают своею обязанностью, защищая Аркашон, доказывать, что климат, воздух, пляж и проч. в Муло далеко не безупречны. Впрочем, можно держать пари, что не пройдет и десяти лет, как Муло все же завоюет себе обширный круг «сезонных гостей» и, может быть, даже затмит славу своего знатного соседа. Лучшим же решением вопроса было бы, по-моему, включение Муло в территорию Аркашона, связав эти два города подвесной электрической железной дорогой. Пока не поздно – в Муло еще возможно устроить великолепную набережную, именно то, что так недостает Аркашону, так как виллы «Летнего города» понастроены у самого берега моря и их каменные террасы спускаются прямо в воду...

6. Лошадки

Рулетка – зло. Держать рулетку – безнравственно. Ни одно правительство не считает себя вправе – обыгрывать своих подданных, поощряя в них вместе с тем страсть к азартной игре. Вот почему рулетка существует лишь в «игрушечном государстве» Монако, т.е. как бы на нейтральной почве, так как вход в казино коренным жителям княжества безусловно воспрещен. Но обыгрывать публику так заманчиво и так выгодно, что человечество быстро изобрело новую «благородную» игру, вполне заменяющую «безнравствен-

ную» рулетку. Я говорю про «petit-cheveaux», служащие здесь, в Аркашоне, чуть ли не главной приманкой для посетителей обеих казино (Casino de la Plage et Casino de la Forêt). Несомненно – эти «лошадки» приносят громадный доход хозяевам казино... Не знаю, какой вид имели «petits-cheveaux» в самом начале своего появления на Божий свет из рук изобретателя. Несомненно, это были так или иначе скачущие лошадки, причем выигрывала та из них, которая раньше других достигала линии старта. Несомненно также, что ставки были вначале маленькие, а главное, постоянные. Игра предназначалась скорее для детей, чем для взрослых, а о каком-либо азарте не могло быть и речи... Но с каждым годом «лошадки» все видоизменяются и «совершенствуются», и вот, наконец, передо мной «настоящие» petit cheveaux, без всякого признака каких-либо лошадок, но зато бесконечно похожие на обыкновенную рулетку в Монте-Карло. Существенная разница заключается лишь в том, что рулетка имеет 36 №, а «лошадки» всего лишь 8, ставки же не превышают 5–10 франков. Последнее обстоятельство не позволяет, конечно, проиграть в лошадки за один раз несколько десятков тысяч, как это имеет место в Монако, но зато та же мелкая ставка и свободный вход в казино – способствуют привлечению к игре всех слоев населения, не исключая трудящийся и беднейший его классы. Я лично наблюдал в Аркашоне, как два неказистых солдата «просаживали» в эти лошадки свои деньги. Франковики и пятифранковики таяли один за другим, и скоро все монеты перешли в кассу крупье. Тогда солдат дрожащими руками, озираясь по сторонам взглядом недоверчивого крестьянина, вытащил из-за пазухи скомканную, грязную бумажку в 100 франков и небрежно бросил ее крупье для размена. Сознаюсь, что игра этих двух солдат произвела на меня тяжелое впечатление, и я был очень доволен, когда они, наконец, забастовали и ушли от стола... А что вы скажете про игру детей 10-летнего возраста, иногда под руководством своих матерей, или про игру тех же матерей, держащих своих детей у рулеточного стола и не пускающих их играть на пляже, в лесу, на воздухе. Все эти сцены я наблюдал ежедневно, и вы можете вместе со мной назвать «лошадки» столь же безнравственной игрой, как и настоящую рулетку!..

7. НАДУВАТЕЛЬСТВО

Необходимо отметить весьма характерную черту аркашонцев, так как незнание этой черты порождает для всякого туриста целый ряд более или менее крупных недоразумений. Черта эта весьма несимпатичная и называется, выражаясь деликатно, «преувеличиванием», а выражаясь менее деликатно, но зато более правильно, – надувательством. Только продолжительное пребывание в Аркашоне поможет вам правильно учитывать все ре-

кламные объявления, и тогда вы узнаете, что «блестящий симфонический оркестр из 30 человек» на самом деле состоит из 15 заурядных музыкантов, а «грандиозный смотр пожарной дружины в их новых мундирах» – это десяток мужиков, одетых в грязные куртки, которых городской мэр – в люстриновом пиджаке и желтых перчатках – пропустил однажды мимо себя на каком-то празднике... Если на афише напечатано, что концерт начнется в 4 часа, а кончится в 6, а число №№ в программе стоит 8, то это нисколько не мешает на самом деле выкидывать каждый раз из программы 2–3 № и благодаря этому – начинать музыку немного позднее, а кончать – на полчаса раньше. Как бы ясно ни было обозначено на афише, что кресло в театре стоит 2 франка 50, вы нисколько не гарантированы от того, что в один приятный день с вас возьмут в кассе 3 франка... Неожиданные поборы, правда, весьма мелкие, вас ожидают повсюду, но замечательно, что все это продлевается под вывеской «entrée libre». В этом и заключается система «заманивания» публики... В одном из объявлений пароходного общества, которое настоятельно рекомендует публике совершить прогулку по Аркашонскому бассейну вокруг птичьего острова, стоит крупным шрифтом: цена билета 1 франк 15 сантимов. Никаких других цен в объявлениях этого пароходного общества я не встречал, но когда я, уже сидя на пароходке, спросил – сколько стоит билет, мне ответили – 2 франка и выдали проездной билет на эту именно сумму! Таких примеров я бы мог еще привести очень много, но думаю, что и перечисленных мною вполне достаточно. Остается сказать два слова о самом крупном надувательстве. Открытие сезона, возвещенное колоссальной рекламной афишей и назначенное на 1 июля, оказалось просто пустым звуком, так как и после 1-го июля ничего не изменилось в жизни Аркашона, и оба казино были по-прежнему закрыты. О последних, впрочем, в афишах благоразумно умалчивалось, и лишь после «открытия» снова появились огромные плакаты, возвещавшие, что открытие обеих казино последует 8-го июля. Восьмого, действительно, в казино на пляже днем играла музыка, но 9-го казино снова закрылось, и на мои расспросы мне разъяснили, что это «открытие» было только «так», а официально казино откроется 15-го! Наступило 15-е. Казино на пляже гостепри[и]мно распахнуло свои двери, но Мавританское казино в лесу, несмотря на все объявления, по-прежнему стоит запертым, и в некоторых его комнатах еще производится ремонт. Оно заперто и по-сейчас, т. е. 22 июля, когда я пишу эти строки... Таким образом, всякий иностранец, который желает в Аркашоне не только пожить, но и повеселиться, будет очень наивен, если поверит печатному слову местных газет, путеводителей и объявлений и придет сюда раньше 1 августа. Впрочем, настоящие иностранцы приезжают в Аркашон, по-видимому, весьма редко. Его гости – это большей частью свои же французики из Бордо и других соседних городов. Ну а «свои», надо думать,

уже привыкли к слащавому и преувеличенному тону французской прессы и французских объявлений... Ничтожным наплывом иностранцев я объясняю то обстоятельство, что в читальне казино имеются одни лишь французские газеты и журналы. Ах эта читальня! Уже через несколько дней после открытия казино – она обратилась в какое-то складочное место ненужного бумажного хлама. Разрозненные №№ журналов валяются вперемежку с рванными газетами, объявлениями и засаленными справочниками... Видимо – библиотечное дело не налажено, и к нему не лежит сердце здешних заправил. Небось – «лошадки» уже давным-давно налажены, несмотря на то, что по будням играющей публики совсем мало, и зачастую крупье, тщетно сзывая звонком игроков, даже не снимали сукна с рулеточных столов. Но чуть только явится игрок – и к его услугам великолепно организованные «лошадки». Увы! Если явится любитель чтения – он не найдет в Аркашоне богатой и благоустроенной читальни!..

ЧАСТЬ 2-я

БОРДО – ПАРИЖ – БЕРЛИН

Прощай, прощай, Аркашон!.. Несмотря на твои недостатки, я все же полюбил тебя и буду всегда с удовольствием вспоминать о том времени, которое я здесь прожил... И милый образ твоих некоторых обитательниц, которых я встречал почти ежедневно, хотя и мельком, еще долго будет мерещит[ь]ся моему воображению... Шаловливый грызунчик и твоя подруга – заметите ли вы завтра, что ваш молчаливый друг уже не проходит в обычные часы мимо ваших окон. Красавица Симонь – обратишь ли ты внимание, что я не пришел в час прилива купаться в соленых волнах Аркашонской бухты... Коляска быстро мчит нас по дороге к вокзалу, светлые мысли сменяются дорожными заботами, а когда, наконец, мы уселись в купе, то мой мозг уже заработал в направлении предстоящих событий, нашего приезда в Бордо, затем в Париж!.. Такова судьба всех путешественников. Быстро сменяющиеся впечатления поневоле изгоняют в новом месте воспоминания о недавно пережитом, и только спустя очень долгое время, когда вы снова сидите в своем петербургском кабинете, вы начинаете разбираться во всех ваших впечатлениях и приводите их в одно стройное целое... Скорее мне перо и бумагу! Я закончил первую часть этой книги в Аркашоне. Вторую часть, в которой я должен был поделиться с вами о нашем пребывании в Париже и Берлине, я решил написать по возвращении из-за границы домой. Ах, господа, никогда не следует откладывать ни одного даже пустяшного дела. Стоит только отложить – и уже много шансов на то, что вы его вовсе не исполните. Сознаюсь, что такая судьба ожидала и вторую

Приложения

1094

часть моих настоящих записок. Уже несколько раз я порывался доказывать себе, что 2-ю часть и писать не стоит: все равно время упущено, самые мелкие подробности уже забыты, Париж и Берлин я посещаю не впервые; одним словом, можно вполне удовольствоваться, что 1 часть благополучно закончена, а краткий перечень всего виденного в Париже и Берлине занесен на страницы дневника. К счастью для меня (и, пожалуй, к несчастью того случайного читателя, которому может попасть в руки эта книга), мои колебания были мною же побеждены, и я засел за письмо... Те добрые полгода, что протекли со времени описываемых мною событий, конечно, сильно повлияют на мое сочинение. Я буду чрезвычайно краток и, пропуская мелочи, постараюсь рельефнее выдвинуть все то, что произвело на меня наибольшее впечатление...

(Рукопись не окончена)

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

№ (номер) – официальное название солдата оружейного расчета, поскольку каждому в расчете присвоен порядковый номер, который определяет действия солдата при орудии.

Аммуничник – место хранения конской упряжи артиллерийской батареи.

Бивак – полевое расположение войск без палаток.

Вольные движения – гимнастические упражнения.

Вольтижировка – гимнастические упражнения на лошади, идущей по кругу шагом или галопом, важная часть подготовки всадника.

Выводка лошади – производится для осмотра ее во всех отношениях. Выводка практикуется во всех конных частях, у любителей лошадей, заводчиков и барышников, а также на выставках перед экспертами или аукционом.

Выложить (жеребца) – кастрировать.

Вытяжная трубка – приспособление для производства выстрела из орудия в виде жестяной трубки, начиненной воспламеняющимся составом, со вставленной в нее проволоочной теркой. При выдергивании терки состав воспламенялся и сообщал огонь пороховому заряду.

Граната – разрывной снаряд весом меньше 1 пуда (16,4 кг). Для орудий образца 1877 г. применялись чугунные гранаты. Для орудий образца 1902 г. применялись стальные гранаты. Взрыватели гранат могли устанавливаться на осколочное или фугасное действие. = В огнестрельном складе СПб. округа получено мною: гранат 241, шрапнелей 230, уд. трубок 241, выт. трубок 1125.

Ездовой – солдат артиллерии, управляющий лошадьми, тянущими орудие или зарядный ящик. Ездовой сидит на левой лошади каждой запряженной пары лошадей.

Запасные – зд.: солдаты, состоящие в запасе и призванные на учебные сборы.

Квадрант – зд.: приспособление для вертикальной наводки орудия в виде металлического сегмента в четверть круга с нанесенной шкалой и с жидкостным уровнем (ватерпасом).

Кобыла – спортивный снаряд (конь), зд.: прыжки через кобылу. = Смотр командиром дивизиона (полк. Берниковым) старослужащих: квадрант, трубка, кобыла, притягивание, отдавание чести, револьвер.

Летучий парк – тыловая часть, предназначенная для подвоза боеприпасов к артиллерийским батареям и для замены поврежденно материальной части.

Общая заря – торжественный ритуал, включавший исполнение государственного гимна и ряда особых мелодий, молитву и вечернюю поверку. Проводилась в военных лагерях вечером.

Парк – зд.: место хранения материальной части артиллерии – орудий, передков, зарядных ящиков.

Подпрапорщик – категория военнослужащих, промежуточная между офицерами и нижними чинами. Соответствует званию прапорщика современной российской армии.

Приемы при орудии – действия орудийного расчета при орудии по приведению его в боевое или походное положение, заряданию, наводке, стрельбе.

Притягивание – подтягивание, спортивное упражнение. = Смотр командиром дивизиона (полк. Берниковым) старослужащих: квадрант, трубка, кобыла, притягивание, отдание чести, револьвер.

Пробная мобилизация – зд.: тренировка по приведению воинской части в штаты военного времени (связана с получением людского и конского пополнения, вооружения, боеприпасов, имущества).

Сладка – зд.: проверка слаженности действий расчетов артиллерийской батареи

Словесность – совокупность теоретических знаний, требовавшихся от солдата в русской армии.

Смена – зд.: группа совместно обучающихся верховой езде.

Спрос претензий (опрос претензий) – обязательный элемент смотров, сдачи и приема воинских частей командирами. Опрос нижних чинов с целью выяснить, нет ли у них жалоб.

Трубка (дистанционная трубка) – взрыватель для шрапнели, приспособление, обеспечивающее взрыв снаряда на определенном расстоянии от орудия; умение установить трубку для разрыва снаряда на заданной дистанции. = Смотр командиром дивизиона (полк. Берниковым) старослужащих: квадрант, трубка, кобыла, притягивание, отдание чести, револьвер.

Ударная трубка – взрыватель. Приспособление, обеспечивающее взрыв снаряда при падении = В огнестрельном складе СПб. округа получено мною: гранат 241, шрапнелей 230, уд. трубок 241, выт. трубок 1125.

Фейерверкер – артиллерийский унтер-офицер.

Царский валик – искусственная насыпь на Военном поле у Красного села, сооруженная, чтобы император и его свита могли бы с высоты осматривать все поле, где происходили ежегодные учения гвардии. Сохранился до настоящего времени.

Шашечные приемы – уставные движения с шашкой. Русские артиллеристы до 1907 г. были вооружены укороченной шашкой и револьвером.

Шрапнель – снаряд, начиненный круглыми свинцовыми пулями. На заданном расстоянии от орудия шрапнель взрывалась, выбрасывая вперед сноп пуль. Наиболее эффективный боеприпас для поражения открытой живой силы противника. = В огнестрельном складе СПб. округа получено мною: гранат 241, шрапнелей 230, уд. трубок 241, выт. трубок 1125.

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов, рядовой 2-й стрелковой батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628
- Абрамов Иван Спиридонович (1874–1960), этнограф, коллекционер пряников 686
- Абрамович Константин Яковлевич, директор электробиографа «Гранд-Электро» в Пятигорске 776
- Абрамовский Святослав Николаевич (1876–1948), подпоручик (1899), штабс-капитан (1909) 3-й л.-гв. артиллерийской бригады 934
- Агафонов Кронид Кронидович (1859 – после 1916), ротмистр (1899), участник русско-японской войны, подполковник (1906), полковник (1914), военный историк, автор статей по скаковому спорту 729
- Агеев, нижний чин (музыкант), л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 170
- Айвазов Георгий Владимирович (1880–?), штабс-капитан (на 1909), помощник директора артиллерийского музея Д.П. Струкова, капитан 17-й конно-артиллерийской батареи, участник Белого движения, в эмиграции 866
- Айтбакин Тимур Галлий (Дурманович), штабс-капитан л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 145, 449
- Айтбакина, супруга Т.Г. Айтбакина 145
- Акерман (Аккерман), фон Александр Федорович (1871 – после 1940), капитан (1901), полковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции, автор истории л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 932
- Алдаданов Борис Осипович (Иосифович) (1875–1962), поручик (1901), штабс-капитан (1909), полковник (1915) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 335, 349, 383, 702–704,
- Александр Николай Михайлович (1869 – после 1916), штабс-капитан гв. (1897), капитан гв. (1901), полковник (1907), начальник Ижорского полигона, преподаватель Александровского военного училища 175, 1024–1027
- Александр I (1777–1825), император России (1801–1825) 106, 125, 128, 160, 605, 657
- Александр II (1818–1881), император России (1855–1881) 128, 158, 233, 236, 300, 301, 469, 656, 657, 672, 685, 703, 767, 780, 799, 826, 835
- Александр III (1845–1894), император России (1881–1894) 95, 96, 107, 116, 129, 140, 159, 213, 292, 469, 489, 526, 536, 577, 579, 589, 604, 656, 657, 884, 890, 891, 969, 1031, 1065
- Александр Невский (1221–1263), князь 99, 119, 277, 543, 861, 870
- Александров, оружейный мастер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 519
- Александров Сергей Ефимович, старший нестроевой (писарь) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, вахтер казарм 305, 306, 342, 380, 427, 439, 497, 498, 518–520, 590, 623, 632, 658, 814, 815
- Александрова Мария Сергеевна (1907–?), дочь С.Е. Александрова 623
- Алексеев Евгений Иванович (1843–1917), генерал-адъютант (1901), адмирал (1903), участник русско-японской войны 356

Алексеев Платон Николаевич (1882–1952), подпоручик (1905), поручик (1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны, генерал-майор РККА (1940) 602, 684, 687, 690, 692, 699, 701, 703, 707, 708, 711, 719–722, 727, 732, 734, 735, 740, 746, 749, 754, 758, 759, 762, 763, 777, 790, 791, 795, 799, 803, 805, 808, 812, 817, 835, 838, 842, 848, 849, 855, 857, 859, 862, 866, 887, 943, 962, 1005

Алешко, певица, актриса Нового летнего театра 563, 664, 665, 673, 674

Алиев Эрис хан Султан Гирей (1855–1920), полковник (1895), генерал-майор (1903), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1907), генерал от артиллерии (1914), участник Первой мировой войны, верховный правитель Чечни в Гражданскую войну 357, 521, 1103

Алымов Николай Ильич (1872 – после 1932), поручик (1897), штабс-капитан (1900), участник похода в Китай 1900–1901 гг., капитан (1904), полковник (1909), участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917), в эмиграции 108, 109, 192, 212, 215, 255, 258, 313, 314, 319, 323, 334, 343, 346, 353, 358, 371, 433, 497, 513, 534, 675, 676, 693, 720, 733, 739, 748, 749, 847, 988

Алымова Ольга Христофоровна, супруга Н.И. Алымова 215, 513, 720, 856

Альтфатер Василий Егорович (1842–1909), генерал-лейтенант (1893) 96, 97, 142, 143, 191, 207, 208, 210, 254, 257, 275, 280, 325

Альтфатер Дмитрий Васильевич («Фриц») (1874–1931), поручик

(1898), штабс-капитан (1900), капитан (1904), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 86, 127, 130, 169, 190, 210, 212, 219, 223, 235, 236, 254, 289, 299, 303, 304, 309, 312, 334, 335, 352, 353, 358, 377, 385, 402, 425, 455, 457, 462, 474, 475, 488, 492, 499, 500, 502, 506, 518, 520–523, 527, 534, 541, 544, 545, 549, 552, 553, 562, 566, 570, 578, 581, 583, 585, 597, 601, 603–606, 623, 631, 658, 669, 684–686, 688, 704, 709, 710, 719–721, 726, 729, 741, 746–748, 752, 800, 803, 806, 810, 812, 825, 835, 846–848, 853, 854, 859, 864, 865, 888, 891, 893, 940, 946, 947, 949–951, 972, 1000, 1014

Амилахвари Гиви Иванович (1874–1943), князь, поручик (1899), штабс-ротмистр (1903), участник русско-японской войны, ротмистр (1907), участник Первой мировой войны, генерал-майор, в эмиграции 266

Андерс Александр-Валериан Карлович (1880–1938), подпоручик (1901), поручик (1903), штабс-капитан (1907), капитан (1908), полковник (1915) 23-й конно-артиллерийской батареи, комдив РККА (1937), репрессирован 384, 1008

Андерсен Ханс Кристиан (1805–1875), датский писатель-сказочник 760

Андреев, поручик конной батареи Офицерской артиллерийской школы 348

Андреев, актер Нового летнего театра 666

Андреев Василий Васильевич (1861–1918), музыкант, композитор, организатор оркестра народных инструментов 660

- Андреев Михаил Никанорович (1867 – после 1917), подполковник (1895), полковник (1904), генерал-майор (1912), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 176
- Андреев Николай Петрович (1855–1907), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник (1895), генерал-майор (1903) 675, 676, 694
- Андреев Сергей Михайлович (1859–1925), полковник (1899), генерал-майор (1913) 356
- Андреевский Валериан Валерианович (1875–после 1931), поручик (1899), штабс-капитан (1903), капитан (1907) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1911), участник Первой мировой войны 991
- Андреевский Иван Ефимович (1831–1891), писатель, историк, архивист 554, 555
- Андржеевская Елена Клитовна, знакомая В.С. Савонько из Твери 167
- Андржеевская Елена Павловна, знакомая В.С. Савонько из Твери 167
- Андржеевская (в замуж. Глазова) Софья Александровна, супруга В.В. Глазова, невестка генерала В.Г. Глазова 167, 261
- Андриевич Алексей Николаевич, доктор медицины, врач л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны (старший врач санитарного поезда № 13) 125, 139, 238, 253, 265, 266, 330–332, 345, 372, 422, 452, 707, 739, 956, 1009
- Андрюков Николай Иванович, ротмистр 3-го запасного кавалерийского полка (на 1909), подполковник (на 1914), участник Первой мировой войны, супруг С.Н. Андрюковой 774, 850
- Андрюкова (урожд. Гришина) Серафима Николаевна, двоюродная сестра В.С. Савонько 740, 774, 969, 971, 990
- Анна Иоанновна (1693–1740), императрица 629
- Анохин, сверхсрочнослужащий, подпрапорщик, взводный фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 732, 748, 814, 815, 853, 861
- Анпилогов, фейерверкер 2-го взвода л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 912
- Анто, корреспондент журнала «Разведчик» 730
- Антонов А. Н., подполковник (на 1906), заведующий Музеем 1-го Кадетского корпуса 525, 526
- Антонова, артистка 975, 985, 988
- Анфини, фокусник 432
- Анцыпович, канонир 6–1 батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 361
- Анцыферова А. И. (1823?–1905), мать А.М. Васильева 205, 479
- Апрелева Н. А., знакомая В.С. Савонько 178
- Апухтин Александр Николаевич (1862–1928), полковник (1897), участник русско-японской войны, генерал-майор (1905), генерал-лейтенант (1914), в РККА 157, 159, 759, 1041
- Арефьев, целитель в Твери 167
- Аринушкин, подпрапорщик Михайловского артиллерийского училища 732
- Арнольд, прапорщик (на 1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 520
- Арпсгофен Андрей Владимирович (1875–1932), барон, поручик (1899), штабс-капитан гв. (1903), участник русско-японской войны, участник

- Первой мировой войны, генерал-майор (1917), участник Белого движения, в эмиграции 88, 141, 146, 162, 171, 194, 205, 302, 308, 334, 343, 357, 358, 380, 381, 449, 453–455, 495, 497, 509, 510, 522, 560, 568, 599, 612, 613, 626, 631
- Арпсгофен, баронесса 153, 319, 342
- Арсеньев Дмитрий Гаврилович (1840–1912), генерал-лейтенант (1896), генерал от артиллерии (1909), на гражданской службе (с 1897) 296, 297, 300, 308, 349, 399, 480, 599, 611, 613, 714, 715, 830, 831, 993, 996, 1003–1005
- Артемьев, фельдфебель 4-й батареи, подпрапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 447, 519, 548, 583, 704, 814, 815, 887, 891, 1001
- Артемьева Александра, дочь фельдфебеля Артемьева 548
- Архангельская Нина, гимназистка 778
- Архипов, бомбардир, ездовой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 853, 861
- Асенкова Варвара Александровна (1817–1841), актриса 737
- Астафьев Владимир Семенович (1865–1918), поручик (1893), штабс-капитан (1900), капитан (1901) 8-го гренадерского Московского полка, участник русско-японской войны, полковник (1916), участник Первой мировой войны, сын С.С. и Е.С. Астафьевых, троюродный брат В.С. Савонько 233
- Астафьев Л. К., владелец паштетной в Петербурге (Литейный пр., 43) 239
- Астафьев Семен Семенович (?-1904), генерал-майор в отставке, двоюродный дядя В.С. Савонько 120, 125, 137, 146, 149, 160, 167, 232, 459, 476, 556, 558
- Астафьева Александра Семеновна (?–1906), дочь С.С. Астафьева, троюродная сестра В.С. Савонько 261, 459, 476, 556
- Астафьева Анна Семеновна (Нана) (1886–1957), дочь С. С. и Е.С. Астафьевых, троюродная сестра В.С. Савонько, его жена с 1917 г. 149, 150, 153, 155, 156, 158, 161, 209, 223, 225, 233, 251, 261, 282, 350, 355, 367, 476, 556, 1029
- Астафьева Екатерина Клитовна, знакомая В.С. Савонько 233, 261
- Астафьева Е. С., супруга С.С. Астафьева 146
- Астафьева (в замуж. Балкашина) Е. Семеновна, дочь С.С. и Е.С. Астафьевых, троюродная сестра В.С. Савонько 146, 476
- Астафьева Леля, знакомая В.С. Савонько 167
- Астафьева Надежда Семеновна, дочь С.С. и Е.С. Астафьевых, троюродная сестра В.С. Савонько 146, 172, 261, 480
- Афанасьев Владимир Дмитриевич (1853 – после 1917), полковник (1895), генерал-майор (1904), генерал-лейтенант (1907) 110, 117, 284
- Афанасьев, почтовый чиновник в Шлиссельбурге 1050
- Афанасьева Анна Павловна, двоюродная сестра В.С. Савонько 188, 673
- Аффанасович – см. Аффанасович В.К. или Аффанасович К. К.
- Аффанасович Виктор Константинович (1846–1908), генерал-майор (1895), генерал-лейтенант (1902), председатель Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 97

Аффанасофич Каэтан Каэтанович (1854 – после 1914), полковник (1894), генерал-майор (1903), генерал-лейтенант (1911) 97

Ахлестышев Павел Дмитриевич (1845–1933), вице-губернатор Московской губернии, губернатор Тверской губернии 167

Ашенбреннер Михаил Юльевич (1842–1926), революционер, народоволец 228

Бабакин Александр Феофилактович (1848 – после 1932), полковник (1890), генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1904) 303, 606

Бабкова М. В., прислуга В.С. Савонько 569, 572, 574, 579, 673

Багнюк, младший фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Баженов, врач из Боткинской больницы 472

Базаров Павел Александрович (1871 – 1948), поручик (1898), штабс-капитан гв. (1900), капитан ГШ (1900), подполковник (1904), полковник (1909), генерал-майор (1917), участник Белого движения, в эмиграции 124, 146, 159, 165, 250, 296, 300, 308, 334, 335, 356, 372, 398, 495, 599, 613, 632, 830, 847, 984, 1004

Базаров С. А., генерал 300

Базаров, прапорщик запаса, прикомандированный к 1-й батарее л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 252

Базилевская, вдова генерала В.Н. Базилевского, мать В.В. Базилевского 178

Базилевская, супруга В.В. Базилевского 461

Базилевский Владимир Владимирович (1879–1905), подпоручик,

штабс-капитан г.-гв. Егерского полка 86, 89, 94, 110, 141, 178, 190, 304, 425, 460, 461, 463, 583

Базилев Борис Петрович (? – после 1917), поручик, штабс-капитан (на 1909) 12-го Астраханского Гренадерского полка 757

Баклунд Яльмар Оскарович (1877–1960), подпоручик (1899), поручик (1903), штабс-капитан (1909), полковник (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 282, 284, 286, 300, 309, 490, 693, 703, 856

Бакулин Владимир Дмитриевич (1857–1913), полковник (1897), генерал-майор (1905), генерал-майор Свиты (1906) 895

Баландин, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 170

Балин, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 257

Балинская София, туристка на г. Машук 782

Балк, шведский полковник, спортсмен 961

Балкашина – см. Астафьева Е. С.

Балтийский (Андреев) Александр Алексеевич (1870–1939), поручик (1897), штабс-капитан (1901), подполковник (1908), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 759

Банников, фейерверкер 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 430

Бар Герман (1863–1934), австрийский драматург 478

Баранов Михаил Валерианович (1878–1937), штабс-капитан (1909), генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 88, 111, 115, 146, 162, 194, 212,

- 235, 239, 248, 254, 284, 286, 298, 302, 308, 350, 358, 368, 380, 381, 446, 448, 466, 474, 475, 483, 491, 510, 531, 536, 560, 600, 613, 702, 725, 749, 750, 831
- Барановская, супруга В.Л. Барановского 592, 677
- Барановский Владимир Львович (1882 – после 1931), подпоручик гв (1902), поручик гв (1905), штабс-капитан гв. (1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор, участник Первой мировой войны 254, 255, 298, 299, 313, 314, 342, 343, 353, 458, 463, 474, 475, 501, 544, 592, 593, 605, 625, 635, 636, 643, 646, 656, 657, 809, 812, 978
- Баранцов Михаил Александрович (1857–1921), граф, полковник (1895), генерал-майор (1903), генерал от артиллерии (1916), участник Первой мировой войны, в эмиграции 106, 118, 127, 190, 511, 604, 605, 676, 709, 710, 756, 947, 978
- Баратов Николай Николаевич (1865–1932), есаул (1891), полковник (1900), участник русско-японской войны, генерал-майор (1906), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 785
- Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917), историк 537
- Бартнев Сергей Николаевич (1875–1942), поручик (1899), штабс-капитан (1903), капитан (1908), подполковник (1913), участник Первой мировой войны, в РККА 189, 190, 425, 426, 983
- Баулин, товарищ В.С. Савонько по 1-му Кадетскому корпусу 333
- Бауман, отставной артиллерийский генерал 1031, 1035
- Баумгарт Николай Николаевич, подполковник (на 1909) 39-й артиллерийской бригады 982, 984, 991, 994
- Баумгартен Александр Трофимович (1843–1901), генерал-лейтенант (1897), выдающийся русский артиллерист, автор работ по артиллерии 112, 125, 605
- Бауэр, актриса театра «Буфф» 561
- Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929), коллекционер 737
- Безак, генерал-майор, командир 45-й артиллерийской бригады 593
- Бейер Анатолий Аполлонович (1875–1938), поручик (1898), штабс-капитан (1901), штабс-капитан гв. (1904), капитан гв. (1908), полковник (1913), участник Белого движения, в эмиграции 221, 224
- Бейерлейн Франц Адам (1871–1949), немецкий писатель, драматург 589
- Бекадоров, подпрапорщик, фельдфебель 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 179, 195, 239, 266, 302, 305, 365, 400, 509, 679, 685, 814, 815, 888, 891, 893, 937, 943, 1010, 1046
- Бекефи Альфред Федорович (1843–1925), артист балета, солист Мариинского театра (1883–1905) 205
- Беккер, владелец магазина на Невском пр. 466
- Беклемишев Николай Николаевич (1857 – после 1926), капитан 2 ранга (1904), генерал-майор по адмиралтейству (1905), гидрограф, писатель, издатель журнала «Море», член Императорского русского военно-исторического общества 971, 986
- Белавенец Митрофан Иванович (1874–?), ученый-лесовод, инженер лесного хозяйства, редактор журнала

- «Глиноведение», в эмиграции 420–422, 481, 495
- Белавенец Петр Иванович (1873–1932), лейтенант (1901), участник русско-японской войны, капитан 1 ранга (1917) 420
- Белецкий, бомбардир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 487, 841, 997
- Белов, турист на г. Машук 782
- Белосельский-Белозерский Сергей Константинович (1867–1951), князь, адъютант вел. кн. Владимира Александровича (1896–1906), штабс-ротмистр (1899), ротмистр (1902), полковник (1904), генерал-лейтенант (1916), участник Первой мировой войны, в эмиграции 696, 697
- Белоусов Александр Сергеевич (1881–1915), подпоручик гв. (1902), поручик гв. (1905), штабс-капитан гв. (1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1902–1911), участник Первой мировой войны 248, 265, 298, 299, 354, 362, 476, 512, 513, 586, 593, 600, 601, 750
- Беляев Иван Тимофеевич (1875–1957), поручик (1899), штабс-капитан (1903), капитан (1907), генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 254, 325, 353, 354, 446, 448, 475, 491, 523, 525, 589, 602, 643, 694, 696, 707, 715, 884, 957, 958, 969, 970, 984
- Беляев М., турист на г. Машук 782
- Беляев Михаил Тимофеевич (1869–1951), штабс-капитан (1895), капитан (1900), полковник (1904), генерал-майор (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 190, 191, 196, 782, 817, 864, 944, 991
- Беляев Николай Тимофеевич (1879–1955), штабс-капитан (1905), полковник (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции, химик-металлург 446, 448, 599, 870, 1000
- Беляев Тимофей Михайлович (1843–1915), действительный тайный советник (1908), генерал-лейтенант (1899), генерал от артиллерии (1911) 83, 85, 119, 125, 284, 285, 286, 291, 300, 301, 306, 355, 380, 448, 482, 605, 612, 633, 712, 713, 793, 894, 895, 983, 996, 997
- Беляев Тимофей Тимофеевич (1880–1918), штабс-капитан (1909), полковник (1916) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны 139, 162, 189, 212, 213, 215, 248, 253, 254, 265, 351, 352, 355, 356, 370, 372, 375, 384, 385, 446, 448, 494, 604, 653, 656, 708, 718, 734, 736, 841, 845, 859
- Беляева Мария Николаевна, супруга Н.Т. Беляева 286, 355, 958, 996
- Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), обер-гофмаршал 377
- Беннигсен Адам Павлович (1882–1946), граф, корнет л.-гв. Гусарского полка, в прикомандировании к л.-гв. Конному полку (1914), участник Первой мировой войны, в эмиграции 162, 163
- Бенуа Николай Леонтьевич (1813–1898), архитектор, гласный Петербургской городской Думы 249, 250
- Бергман, яхтсмен 764
- Бередников Яков Иванович (1793–1854), историк и археограф 543
- Березников, повар 684

- Берников Николай Владимирович (1853–1932), полковник (1895) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1904), генерал-лейтенант (1907), участник Первой мировой войны 81, 83, 86, 88, 95, 106, 110, 111, 112, 115, 116, 118, 128, 129, 137–139, 146, 147, 158, 168, 179, 194, 197, 201, 207, 220, 222, 230, 238–241, 248, 249, 251, 257, 259, 260, 265, 276, 280, 284, 286, 287, 289–303, 305–308, 310, 311, 313, 320, 322, 323, 326, 328–333, 335–340, 343, 345–348, 389, 400, 466, 539, 541, 712–715, 739, 750, 752, 830, 831, 881, 984, 993, 1000, 1004, 1005, 1095, 1096
- Бертвуд, английский офицер, капитан 1 гуркхского стрелкового полка (Великобритания) 845
- Бертулис Франц, вестовой В.С. Савонько 264, 528
- Берх, барон 883
- Бетхер, подполковник (на 1904), командир конной батареи Офицерской артиллерийской школы 348, 349
- Бизе Жорж (1838–1875), французский композитор 451
- Бильдерлинг Александр Александрович (1846 – 1912), барон, генерал-лейтенант (1892), генерал от кавалерии (1901), участник русско-японской войны, председатель комиссии по празднованию 200-летия Полтавского юбилея 833, 1002
- Бирюков С. И., бывший офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 981, 983
- Битепаж, знакомые В.С. Савонько 688
- Блажевич, канонир 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 668, 671, 672
- Блинов Николай Андреевич (1866 – после 1916), подполковник ГШ (на 1899), полковник ГШ 117
- Блом, фон, полковник (на 1899) 94
- Бобрищев Ардалион Александрович (1879–1940), штабс-капитан 3-й гв. артиллерийской бригады (1909), полковник (1915), участник Первой мировой войны, полковник РККА (1936), репрессирован 934
- Бобровский (?-1904), генерал-лейтенант, офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 346
- Бобровский Борис Павлович (1868 – 1919), капитан (1895), подполковник (1900), полковник (1904), участник русско-японской войны, генерал-майор (1911), участник Первой мировой войны, офицер украинской армии 263
- Бобровский Павел Осипович (1832 – 1905), начальник Военно-юридической академии (с 1875), генерал от инфантерии (1896), сенатор (1897–1905), военный историк 346
- Богаевский, юнкер Михайловского артиллерийского училища (на 1904) 323
- Богданов Сергей, сторож Археологического института 370, 402, 404, 436, 440–443, 481
- Богданович Лев Алексеевич (1860 – не ранее 1903), писатель 230
- Богуславская, знакомая В.С. Савонько 474, 475
- Богушевская, мать Б.А. Богушевского 374
- Богушевский Борис Александрович, подпоручик (1895), поручик (1901) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны 138, 139, 141, 143, 146, 162, 168,

- 192, 194, 201, 209, 211, 215, 216, 220, 253, 254, 255, 273, 283, 284, 292–294, 297–299, 302, 305–313, 320, 323, 324, 326, 347, 356, 371–375, 449, 583, 607, 1020, 1021
- Божемянов, офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 219
- Бойезен Яльмар (1848–1895), норвежско-американский писатель 312
- Бойно-Родзевич Виталий Павлович (1877–1930), подпоручик (1896), поручик (1900), штабс-капитан (1904), капитан (1906), полковник (1915), в РККА, репрессирован 444
- Бойсман Камилло Арсеньевич (1864–1913), флигель-адъютант (1899), капитан 2 ранга (1904), капитан 1 ранга (1910) 616, 749, 1014
- Бокильон, дочь преподавателя французского языка К.И. Бокильона 320
- Бокильон Вячеслав Константинович (1881–1969), поручик (на 1909), полковник л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, участник Белого движения, в эмиграции 320, 346, 856
- Болецкий Константин Богуславович (1881–1925), подпоручик гв. (1903), поручик (1906) гв. стрелкового артиллерийского дивизиона (1903–1914), подполковник (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 328, 346, 424, 458, 486–488, 624, 625, 720, 721, 733, 735, 748, 754, 807, 812, 851, 884
- Болотов Николай Андреевич (1863 – после 1916), капитан (1899), полковник (1904) л.-гв. Павловского полка, председатель правления гв. экономического общества (с 1903), генерал-майор (1916) 756, 759
- Боначич Антон Петрович (1878–1933), оперный певец, композитор и вокальный педагог, артист московской императорской оперы (1905–1921) 455, 457, 458, 460
- Бонн, владелец ювелирного магазина на углу Гороховой и Садовой улиц 518, 971
- Боровиков, врач 356
- Боровой, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628
- Бородин Аркадий Владимирович (1881–1932), подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, подполковник (1917), историк, правовед, профессор Петроградского университета, репрессирован 248, 254, 299, 342, 353, 441, 444, 521, 540, 593, 604, 605, 607, 643, 663, 670, 819, 959
- Бородина (урожд. Циллиакус), супруга А.В. Бородина 521, 677, 699
- Боссе (Бассе), знакомая В.С. Савонько из Твери 167, 233
- Боткина, сестра г-жи фон Энден 215
- Бравура, танцовщица 675
- Брагин (Брагинский) Александр Михайлович (1881–1955), оперный певец и артист оперетты (баритон), педагог вокала, солист Мариинского и Большого театров 454, 457–459, 463
- Бранденбург, коллежский советник, и. д. старшего врача л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 181, 588
- Бранденбург, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 126
- Бранденбург Николай Ефимович (1839–1903), генерал-лейтенант (1896), археолог, военный историк, заведующий Артиллерийским историческим музеем в Петербурге (1872–1903) 282

Браун 410

Брилевич Александр Александрович (1877—), подпоручик гв. (1898), поручик (1901), штабс-капитан гв. (1904), участник русско-японской войны, капитан гв. (1908), подполковник (1908), полковник (1912), участник Первой мировой войны, в РККА 861

Бронская-Макарова (урожд. баронесса фон Гаке) Евгения Адольфовна (1882–1953), артистка оперы, камерная певица и педагог 451, 452, 455, 457

Брук, лорд, капитан, адъютант английского генерала Д. Фрэнча 696

Буассон Федор Генрихович (1858–1946), фотограф 430

Бугров, взводный фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 888, 997, 999

Будаев Николай Сергеевич (1833–1903), математик, профессор Петербургского университета, преподаватель в Михайловском артиллерийском училище (с 1863) 408

Будкевич Мария (Ванда) Яковлевна (1869–1943), оперная и концертная певица 376, 457, 458, 460

Булгаков, студент Электротехнического института 524, 533

Булгаков Павел Ильич (1856–1932), полковник (1895), генерал-майор (1903), генерал-лейтенант (1907), генерал от артиллерии (1914), участник Первой мировой войны 84, 105, 106, 110, 117, 118, 159, 165, 184, 189, 190, 319, 425, 502, 524, 533

Булгарин Фаддей Болеславич (1874–1913), поручик гв. (1899), штабс-ротмистр гв. (1902), подполковник (1907), полковник (1911) 176

Булла Карл Карлович (1858–1929), фотограф, владелец фотоателье 186, 1048

Булле, офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка 168

Буренин Виктор Петрович (1841 – 1926), журналист, член редакции газеты «Новое время» 77, 437

Бутвиловский, младший нестроевой 493

Бутовская, супруга В.Е. Бутовского 958

Бутовский Владимир Евгеньевич (1884 – после 1932), офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, поручик (на 1909), полковник (1916), в эмиграции 544, 553, 593, 625, 675, 676, 693, 699, 700, 703, 709, 720, 733, 736, 746, 806, 812, 851, 852, 855, 856, 859, 867, 884, 999, 1000, 1009

Бутусов, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 668, 671

Буякович Михаил Евгеньевич (? – 1919), капитан (1909), полковник (1916), участник Первой мировой войны, офицер украинской армии 800, 851, 867, 874, 880, 881, 884, 888, 975, 999

Бюнтинг Алексей Георгиевич, фон (1866–1930), ротмистр гв. (1899), полковник (1904) л.-гв. Конного полка, участник русско-японской войны, генерал-майор (1912), участник Первой мировой войны, в эмиграции 816

Бюхсенщютц (Buchsenschutz), французский лейтенант, прикомандированный к Высшей военной школе Франции, позднее майор, заместитель начальника французской военной миссии в России генерала Жакена 715

- Валуев, свояк Б.А. Богушевского 374, 375
- Ванновский Борис Петрович (1860 – после 1917), полковник (1895), генерал-майор (1903), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1912) 708, 718
- Вансович Николай Афанасьевич (1862-после 1916), штабс-капитан (1897), капитан (1900), полковник (1906), командир л.-гв. Егерского полка (с 1906), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны 889
- Варламов Константин Александрович (1848–1915), актер 176, 480, 602
- Василевский, штабс-капитан л.-гв. 1-й артиллерийской бригады в отставке 427
- Васильев Александр Матвеевич (? – 1907), действительный статский советник, воспитатель герцогов Мекленбургских, родственник В.С. Савонько 261, 319, 321, 369, 475, 476, 479, 589
- Васильев Я., владелец фабрики картонных рам в Петербурге 966
- Васильев, офицер Михайловской артиллерийской академии, посаженный в Петропавловскую крепость 223
- Васильев, капитан (на 1909), дежурный адъютант коменданта Санкт-Петербурга 863
- Васильев, полковник (на 1904) 448, 489
- Васильева, супруга офицера 205
- Васильчиков Сергей Илларионович (1849 – 1926), князь, генерал-лейтенант (1899), командир Гвардейского корпуса (1902 – 1906), генерал-адъютант (1902), генерал от кавалерии (1910), в эмиграции 199, 207, 208, 210, 223, 255, 256, 304, 434, 435, 530
- Васмунд Георгий Робертович (1840 – 1904), генерал-лейтенант (1896), начальник штаба Петербургского ВО (1898–1904), ближайший сподвижник вел. кн. Владимира Александровича 94, 208, 219, 280
- Ведекинд Франк (1864–1918), немецкий поэт, драматург 776
- Вейнер Петр Петрович (1879–1931), общественный деятель 483
- Вейсс, лейтенант Гвардейского экипажа 1055
- Величко Василий Львович (1860–1904), поэт, публицист 149
- Вендорф Оскар Игнатьевич (1849–1929), полковник (1895), полицеймейстер Санкт-Петербургской столичной полиции (1895–1904), генерал-майор (1903), помощник Санкт-Петербургского градоначальника (с 1904), генерал-лейтенант (1911), участник Белого движения, в эмиграции 309
- Вереха Николай Алекс., штабс-ротмистр (на 1905) л.-гв. Драгунского полка 504
- Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), художник 566
- Вержбицкий, владелец мастерской по изготовлению траурных венков 398, 483, 1009
- Верн Жюль (1828–1905), французский писатель 622
- Веселковский, фейерверкер 1-й стрелковой батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 435
- Веселовский Николай Иванович (1848–1918), археолог, востоковед, профессор Петербургского университета

- 1108 (1890), член-корреспондент Академии наук (1914), профессор СПб Археологического института 403, 405, 408, 409, 412, 440–442, 444, 482, 521, 539–541, 557, 558
- Вешняков Януарий Сергеевич (1869–1937), штабс-капитан (1896), капитан (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 92, 199, 212, 215, 224, 261, 298, 304, 309, 319, 325, 343, 346, 353, 372, 376, 398, 402, 423, 429, 441, 443, 444, 474, 475, 499, 506, 512, 529, 600, 604, 605, 643, 645, 650, 656–658, 667, 670, 702, 705–707, 715, 740, 750, 808, 811, 830, 832, 834, 841, 846, 847, 851, 853, 855, 858, 861, 874, 881, 890, 894, 930, 932, 945, 949–951, 955, 956, 963, 966, 967, 972, 985, 995, 996, 998, 999, 1003
- Вешнякова Антонина Тимофеевна, супруга Я.С. Вешнякова 153, 205, 215, 319, 325, 326, 343, 475, 513, 706, 841
- Викентьев, служитель офицерского собрания л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 487, 489
- Виктор Эммануил III (1869–1947), король Италии (1900–1946) 174, 1071
- Виланд Михаил Михайлович (1859–1914), штабс-капитан (1895), офицер для поручений при Главном Штабе (1897–1904), капитан (1900), полковник (1905), генерал-майор (1913) 117, 296, 600, 870, 983, 1000
- Виноградский Александр Николаевич (1874–1935), поручик (1897), штабс-капитан (1901), капитан (1905), полковник (1907) л.-гв. Конной артиллерии, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 335, 383, 747, 748, 871
- Винтулов Николай Александрович (1845 – после 1920), генерал-лейтенант (1899), генерал от кавалерии (1910), участник Белого движения 379
- Витгенштейн, князь 172
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель, министр финансов 148, 411, 496, 579
- Владимиров, живописец 349
- Владимиров Михаил Владимирович (Итцегсон Моисей Меерович) (1870–1932), дирижёр, композитор, педагог, дирижёр оркестра графа А.Д. Шереметева (с 1897) 436
- Власов, капитан 165
- Вогак, знакомая В.С. Савонько 215
- Войно-Оранский Сергей Аркадьевич (1866–1915), капитан (1899), полковник (1904), генерал-майор (1913), участник Первой мировой войны 284, 991, 997
- Волгин (Собинов) Сергей Витальевич (1876–1927), артист оперы 454
- Волков Н. И., подполковник в отставке, артиллерист, кинематографист, член Общества ревнителей военных знаний 1008
- Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865), декабрист 208
- Волынский Николай Павлович (1875–1913), офицер л.-гв. Кирасирского его величества полка, участник русско-японской войны, полковник гв. (1907), автор трудов по истории русской кавалерии 872, 971
- Вольф Фридрих-Иоанн-Иосиф Фердинандович (1875–1936), барон, корнет

- армии (1897), поручик гв. (1904), штабс-ротмистр гв. (1908), полковник (1916), в эмиграции 178
- Воронов Андрей Петрович (1864 – 1912), преподаватель СПб Археологического института и Александровского кадетского корпуса в Петербурге 370, 403–408, 481, 524, 537, 554, 555, 557, 558
- Воскресенский, знакомый В.С. Савонько 321
- Вукотич Янко (1866–1927), черногорский военный деятель, генерал, почётный воевода, участник Балканских войн и Первой мировой войны, военный министр Черногории 743, 744
- Вяземский, князь, пристав Государственной думы 759
- Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913), артистка оперетты, исполнительница цыганских романсов 457, 459, 460, 462, 470, 562, 563, 675, 772, 841, 1061
- Гаак, фотограф в Гапсале 1032
- Габаев Георгий Соломонович (1877–1956), капитан (1909) л.-гв. Саперного батальона, полковник (1915), участник Первой мировой войны, в РККА, военный историк 971
- Гавловский, попутчик В.С. Савонько в поезде Тифлис-Баку в 1901 г. 148, 149
- Гаврилов, младший нестроевой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 632
- Газенкампф Михаил Александрович (1843–1913), генерал-лейтенант (1894), генерал от инфантерии (1905), астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска (1895–1903), помощник главнокомандующего войсками гв. и Петербургского ВО (1905 – после 1911) 695, 885
- Гамаев Гавриил, студент 782
- Гамильтон Ян Стэндиш Монтит, сэр (1853–1947), английский офицер, автор книги о русско-японской войне 943
- Ганецкая (Гонецкая), супруга Д.И. Ганецкого 332
- Ганецкий (Гонецкий) Дмитрий Иванович, полковник л.-гв. Преображенского полка, командир 6-го гренадерского Таврического генерал-фельдмаршала вел. кн. Михаила Николаевича полка (на 1909) 183, 332, 1043
- Ганецкий Николай Степанович (1815–1904), генерал от инфантерии (1878), член Государственного совета (1895–1904) 160
- Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906), священник, политический деятель 394, 396
- Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852–1906), писатель, инженер, путешественник 811
- Гаррах, владелец фарфоровой фабрики 342
- Гартунг Лев Федорович (1868 – после 1918), капитан (1897), командир 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904–1907), полковник (1904), командир 3-го дивизиона л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (1907–1910), генерал-майор (1910), участник Первой мировой войны 162, 165, 181, 183, 184, 186, 192, 194, 196, 199, 212, 224, 235, 239–241, 245, 247, 250, 252, 258, 259, 261, 265, 266, 282, 284–286, 297, 298, 302, 304, 305, 307–309, 324, 332, 334, 337,

- 342–344, 352, 353, 361, 380, 383, 385, 389, 398, 428, 452, 455, 457, 466, 467, 474, 483, 493, 495, 497, 520, 522, 529, 531, 534, 540, 541, 560, 564, 568, 570, 573, 575, 577, 579, 584, 585, 588, 590–593, 596–598, 607, 609, 615, 616, 631, 652, 661, 673, 684, 692–695, 697, 700–702, 711, 714–716, 718, 719, 725, 742, 751, 777, 802, 926, 929, 930, 934, 935, 949, 980, 981, 1043, 1044, 1047, 1048, 1053, 1055, 1101
- Гартц (Гарц) Анатолий Андреевич (1885–1977), подпоручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (на 1909), ученый-конструктор в области боеприпасов 584–586, 600, 610, 737, 740, 750, 881
- Гаслер Александр Николаевич (1880–1969), подпоручик (1900), поручик (1903), участник русско-японской войны, штабс-капитан (1905), штабс-капитан гв. (1907) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, полковник (1916), участник Первой мировой войны, в эмиграции 954
- Гаспарини Юстиниан Леопольдович (1864–1911), полковник, командир 1-го дивизиона л.-гв. Конно-артиллерийской бригады, генерал-майор (1907), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (на 1909) 383, 431, 647
- Гайденко, фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 872, 997
- Гашко Иван, взводный фейерверкер 2-й батареи, и. д. фельдфебеля л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 668, 671, 728, 814, 815
- Гвоздецкий Иосиф-Мартын Ромуальдович (1864–не ранее 1906), военный инженер 590
- Гегидзе Борис Михайлович (1880–1942), писатель 298
- Гельгар (Гельгард, Гельгардт) Владимир Федорович (1882–после 1916), подпоручик 15-й конно-артиллерийской батареи 8-го конно-артиллерийского дивизиона (на 1909), авиатор, фотограф 1008
- Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962), балерина 588
- Гендриков Александр Васильевич (1885–1962), граф, вольноопределяющийся гвардейской кавалерии (1904) Кавалергардского полка, корнет армейской кавалерии, корнет гвардейской кавалерии, поручик запаса гвардейской кавалерии (1913), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 329
- Генрице Альфред Вильгельмович, корнет (на 1905) л.-гв. Драгунского полка 504
- Генрице Эдуард Эдуардович, штабс-ротмистр (на 1905) л.-гв. Драгунского полка 504, 507
- Георгиевский, профессор, кардиолог 144
- Георгиевский, владелец дома в Пятигорске, в котором жил М.Ю. Лермонтов 783
- Гердт Павел Андреевич (1844–1917), артист балета, педагог 205, 517
- Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник (1894), участник похода в Китай 1900–1901 гг., русско-японской войны, генерал-лейтенант (1904), генерал от инфантерии (1910), участник Первой мировой войны 602

- Герсон, композитор 760
- Гертик, полковник 408, 540
- Герус, канонир 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 626, 628, 629, 639
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, публицист 617, 811
- Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906), ученый-экономист, политический деятель 583
- Герцо-Виноградский Николай Александрович (1875–1941), штабс-капитан (на 1909), полковник (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 676
- Герцык Александр Антонович (1857–1916), полковник (1898), генерал-майор (1906), командир батальона Павловского военного училища (1898–1902), командир 52-го пехотного Виленского полка (1902–1906), командир л.-гв. Павловского полка (1906–1908), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны 953–955
- Гершельман Лев Карлович (1889–1979), подпоручик л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 934
- Гете, фон Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель, философ 312, 811
- Гештовт Иван Иванович (1866–1943), штабс-капитан (1895), капитан (1900), полковник (1906) л.-гв. Саперного батальона, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны 334, 335, 343, 345
- Гиппиус Василий (Вильгельм) Иванович (1853–1918), чиновник, член Совета министра внутренних дел (1902–1907) 296
- Гирш Владимир (Леонид) Викторович (1873–1916), поручик (1897), штабс-капитан (1900), капитан (1904) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1910), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны 162, 201, 212, 215, 298, 314, 325, 334, 353, 371–374, 383, 390, 433, 451, 455, 493, 503, 527, 531, 549, 567, 582, 583, 585, 601, 602, 604, 625, 628, 630, 650, 684, 687, 689, 691, 708, 712–714, 721, 731, 733, 734, 744, 748–750, 798, 801, 809, 832, 834, 835, 845, 897, 900, 905–907, 909, 910, 912, 914, 915, 918–920, 951, 961, 963, 969, 970, 972, 977, 985, 988, 1001, 1004, 1009
- Гладков Петр Дмитриевич (1870–?), капитан (1902), полковник (1908) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, в РККА 949
- Глазков, старший обучающий солдат, старший фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 162, 164, 166
- Глазов Владимир Гаврилович (1848–1918), генерал-лейтенант (1899), генерал от инфантерии (1907), начальник Николаевской академии Генерального штаба (1901–1904), министр народного просвещения (1904–1905), член Военного совета (с 1909) 435, 437, 438, 441
- Глыбовский, корреспондент газеты «Новое время» 886
- Гнучев Владимир Александрович (1879–1927), штабс-капитан (1904),

- капитан (1908), репетитор Михайловского артиллерийского училища, полковник (1914) 595, 693, 694, 984
- Гобято Леонид Николаевич (1875–1915), подпоручик (1894), поручик гв. (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, штабс-капитан гв. (1902), участник русско-японской войны, капитан (1904), полковник (1909), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, конструктор миномета, автор трудов по технике и тактике артиллерии 188, 197–199, 206, 207, 210, 211, 218–224, 231, 248, 257, 258, 260, 262, 263, 265, 288, 333, 338, 339, 341, 356, 539, 865, 1102
- Гобято Николай Николаевич (1871–1918), мичман (1899), лейтенант, участник русско-японской войны, капитан 2 ранга (1912), капитан 1 ранга, участник Первой мировой войны 206, 221
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 901
- Гоголь-Яновский Николай Иванович (1866 – после 1909), штабс-капитан (1898), капитан (1902) Офицерской артиллерийской школы, подполковник (1905), командир 2-й батареи 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона (на 1905) 348
- Голицына, княгиня, фрейлина 529
- Головачев Алексей Дмитриевич (1858 – после 1916), капитан гв. (1895), полковник (1900) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1907), командир 23-й артиллерийской бригады (1907–1908), командир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1908–1910), генерал-лейтенант (1911), участник Первой мировой войны 284, 365, 385, 391, 397, 398, 428, 451, 452, 455, 463, 471, 475, 477, 481, 486, 488, 490, 508, 517, 523, 525, 529, 548–550, 615, 624, 652, 694, 704, 705, 791, 793, 794–797, 800, 813, 817, 818, 821–824, 827–831, 833–837, 841, 842, 845–847, 849, 851, 853, 855–858, 860, 864, 867, 868, 870–876, 879, 881–885, 887, 890–892, 894, 897, 898, 900–902, 905, 906, 908, 909, 912–918, 926–929, 932–938, 940, 944–946, 948, 950, 951, 957, 962–968, 970, 976, 977, 981, 982, 985, 988–990, 992–996, 998–1005, 1007, 1009, 1010, 1012
- Головин, служитель офицерского собрания л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 498
- Головин Николай Николаевич (1875–1944), поручик гв. (1897) л.-гв. конно-артиллерийской бригады, штабс-капитан гв. (1900), состоял при Петербургском ВО, подполковник (1905), генерал-майор (1915), генерал-лейтенант (1917), профессор Николаевской академии Генерального штаба, участник Первой мировой войны, офицер украинской армии, участник Белого движения, в эмиграции, автор трудов по истории и теории военного дела 759
- Головчинский Лазарь-Семен Моисеевич (1872 – не ранее 1905), зубной врач 511
- Гольдгаар Владимир Августинович (1887–1969), подпоручик л.-гв. Стрелкового дивизиона (1909), штабс-капитан (1914), капитан (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 703, 715, 735, 738, 739, 743, 798, 855, 982

Гольдштейн Сальвиан Маврикиевич (1855–1926), историк, профессор Императорского Археологического института 556

Гольтгоер (Гольдгоер) Константин Александрович (1865–1933), штабс-капитан (1895), капитан (1900), флигель-адъютант (1904), полковник (1904), генерал-майор Свиты (1912), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 179, 183, 529, 757, 892, 1043, 1044

Гольмберг (Holmberg) Наталия Егоровна, знакомая В.С. Савонько в Гапсале 114, 476, 1038–1040

Гольмберг (Holmberg) Эмилия Егоровна, знакомая В.С. Савонько в Гапсале 1038

Гольмберг (Holmberg) Егор, отец Н.Е. и Э.Е. Гольмберг 1038

Голубков Евгений Петрович (1852 – после 1910), полковник (1889), генерал-майор (1902), командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (1902–1907) 232

Голубцов Александр Михайлович, подпоручик прикомандированный к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде, 25-й артиллерийской бригады (на 1909) 727, 791, 792, 932, 990, 991

Голубцов Михаил Евграфович (1859 – после 1915), капитан (1895), подполковник (1904), командир Артиллерийского парка, полковник (1911), участник Первой мировой войны 626, 791, 965

Горбачевич, супруга А.Е. Горбачевича 856, 958

Горбачевич Александр Евстафьевич (1866 – ?), капитан (1895), полковник

(1901) 1-й резервной артиллерийской бригады, командир 1-й батареи л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (1901–1907), командир Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона (1907–1909), генерал-майор (1909), генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны 692, 693, 702, 706, 720, 733, 735, 736, 743, 745–747, 750–753, 761, 762, 765, 791, 793, 797, 819, 835, 836, 845, 846, 856, 864, 867, 879, 926, 959, 960, 963–965, 988, 989, 996

Горев Владислав Иванович (? – после 1915), штабс-капитан л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (на 1909) 934
Горшевский, бомбардир 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 671

Горький Максим (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936), писатель, драматург 170, 172, 225, 282, 579, 805, 806, 811

Горяинов Матвей Захарович, актер, певец 452

Граменитский, врач Обуховской больницы 472

Графффорд, актриса Нового летнего театра 701

Грек, знакомая В.С. Савонько 642, 688

Греков Иван Иванович (1867–1934), хирург Обуховской больницы, профессор 472

Грехов, актер театра «Буфф» 561

Грибовский Вячеслав Михайлович (1867–1924), юрист, профессор, преподаватель СПб Археологического института (с 1905) 439, 556–558

Грибунин Илья Петрович (1854 – после 1913), полковник (1895), командир 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской

- бригады (1895–1900), командир 1-го дивизиона л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (1900–1903), генерал-майор (1903), командир 3-й л.-гв. артиллерийской бригады (1903–1905), командир 13-й артиллерийской бригады (1906–1909), генерал-лейтенант (1913) 91, 93, 356, 449, 525, 552, 993
- Григорович, ротмистр, автор статьи в газете «Русский инвалид» 641
- Григорович Карл-Игнатий Юлианович (1846–после 1913), полковник, воинский начальник в Твери, генерал-майор (1907), начальник бригады управления Московского ВО (на 1909), генерал-лейтенант (1913) 167, 232
- Григорьев, офицер Михайловской артиллерийской академии, посаженный в Петропавловскую крепость в 1905 г. 223
- Григорьев, бывший офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 993
- Григорьев А., экскурсанта на г. Машук 778
- Григорьев Федор Алексеевич (1850–1926), полковник (1893), генерал-майор (1902), директор 1-го кадетского корпуса (1905–1917), генерал-лейтенант (1908) 525, 589, 688
- Григорьева, гостыя генерал-лейтенанта В.Я. Рейнталя 842, 1014
- Гринвальд Артур Александрович (1847–1922), генерал-лейтенант (1899), генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1912), в эмиграции 532
- Грицук, бомбардир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628, 640
- Гришин А. А. 476
- Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1881–1919), штабс-капитан (на 1909), участник русско-японской войны, подполковник (на 1917), участник Первой мировой войны, лидер Белого движения в Сибири, двоюродный брат В.С. Савонько 146
- Гопадзе, статский советник, директор вод в Абастумане 135, 144
- Горелов, полковник (на 1906), артиллерист 525
- Гродский Георгий Дмитриевич (1871–1943), штабс-капитан (1897), капитан (1901), полковник (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1913), профессор Михайловской артиллерийской академии, в РККА 124, 146, 159, 165, 193, 194, 199, 300, 308, 334, 343, 344, 380–383, 572, 613, 631, 870, 984, 1004
- Громов, музыкант унтер-офицерского звания 463
- Громов, фельдфебель 7-й батареи л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 934
- Грумм-Гржимайло (Грум-Гржимайло) Михаил Ефимович (1861–1921), капитан (1895), полковник (1900), генерал-майор (1907) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1893–1907), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 173, 284
- Гудима Александр Захарович (1872–?), поручик (1897), штабс-ротмистр (1901), ротмистр (1905), ротмистр гв. (1909) 31-го драгунского Рижского полка 463, 464
- Гук, отставной генерал 680
- Гулевич Сергей Анатольевич (1872–1918), поручик (1896), штабс-капитан (1900), капитан (1904) л.-гв. Финляндского полка, полковник (1914), участник Первой мировой войны 631

Гульденбальк-де-Гийдль Павел Владимирович (1877–1938), подпоручик (1896), поручик (1900) 28-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1904), капитан (1906), полковник (1913), репрессирован 333, 526

Гуриэлли, актриса Нового летнего театра 673

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927), государственный деятель, товарищ министра внутренних дел 622

Гуро Генрих Степанович (1835–1917), генерал-лейтенант 512

Гусев, сотрудник администрации увеселительного заведения «Аквариум» 862

Гусев Петр Львович (? – после 1923), библиотекарь, преподаватель СПб Археологического института, Петербургского университета 404, 548

Густав V (1858–1950), король Швеции 758

Гущинский Вячеслав Николаевич (1883–1938), подпоручик гв. (1903) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны, поручик гв. (1906), полковник (1917), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 298, 299, 303, 304, 353, 357, 376, 377, 385, 397, 398, 494, 592, 692, 708, 710, 737, 760, 763, 809, 812, 825, 839, 930

Гуэ, знакомая В.С. Савонько 215

Давингоф Владимир Христофорович, композитор, дирижер 209

Давыдов, поручик (на 1903), секунд-дант Л.Н. Гобято 221, 224, 230

Давыдов Владимир Николаевич (1849–1925), актер, режиссер, выступал в труппе Александринского театра (1880–1924) 602

Давыдов Григорий Алексеевич (1871 – после 1917), поручик (1895), штабс-капитан (1900), капитан (1904), полковник (1905) л.-гв. Конной артиллерийской бригады, генерал-майор (1912), участник Первой мировой войны 371, 389, 431

Давыдов Федор Петрович (? – после 1916), штабс-капитан (1901), поручик гв. Петербургского местного арсенала, штабс-капитан гв. (1904), капитан гв. (1908), полковник (1915) 206, 213

Далматов (Лучич) Василий Пантелеймонович (1852–1912), актер 480

Далматов Константин Дмитриевич (1850-после 1910), собиратель этнографических коллекций 667

Данилов Владимир Николаевич (1852–1914), полковник гв. (1893), генерал-майор (1903), генерал-лейтенант (1905), участник русско-японской войны, генерал-адъютант (1906), генерал от инфантерии (1911), участник Первой мировой войны 583, 588, 595, 596, 632–634, 636–639, 651, 655, 656, 659, 712, 738, 739, 758, 759, 779, 784, 840, 878, 885, 895, 932, 941, 942, 945, 989

Данилов Николай Александрович (1867–1934), подполковник (1898), полковник (1902) канцелярии Военного министра, участник русско-японской войны, генерал-майор (1908), генерал от инфантерии (1914), профессор Николаевской военной академии, участник Первой мировой войны, в РККА 859

Данилова, супруга В.Н. Данилова, 784

Данцигер, владелец магазина на Литейном пр., 396

Дашков Дмитрий Яковлевич (1853 – после 1928), полковник (1895), генерал-майор (1904), генерал-майор Свиты (1909), состоял при вел. кн. Михаиле Александровиче (1897–1909), генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны 299, 302

Девиль, депутат от г. Парижа на праздновании 200-летия Петербурга 244

Девлет-Кильдеев Николай Михайлович (1886–1965), князь, корнет Кирасирского его величества полка, ротмистр, участник Белого движения, в эмиграции 913

Дельви́г Серге́й Николаевич (1866 – 1944), подполковник (1899), полковник (1903), участник русско-японской войны, генерал-майор (1909), генерал-лейтенант (1916), участник Первой мировой войны 348

Дельсаль Владимир Петрович (1844–1909), командир 15-й артиллерийской бригады (1898–1903), генерал-лейтенант (1905) 946, 947, 949

Дельсаль Петр Алексеевич (1861 – до 1930), капитан гв. (1895), полковник гв. (1901), флигель-адъютант (1906), генерал-майор (1907), командир л.-гв. 2-го стрелкового батальона (1905–1910), генерал-лейтенант (1914), участник Первой мировой войны, в эмиграции, племянник В.П. Дельсаля 947, 949

Демидов, коллежский советник, делопроизводитель л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 689

Демидов И. М., врач л.-гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона, л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны,

главный врач санитарного поезда им. Императрицы Александры Федоровны 295, 349, 357, 372, 596, 676, 680, 703, 707, 801, 956

Демидов Николай Петрович (1865–1941), капитан (1897), командир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904–1907), полковник (1904), командир 2-го дивизиона л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1907–1910), генерал-лейтенант (1916), в РККА, репрессирован 169, 192, 212, 343, 349, 371, 380–382, 395, 400, 466, 468, 469, 474, 495, 509, 510, 522, 525, 529, 531, 534, 547, 548, 552, 560, 563, 587, 604, 607–613, 622, 625, 631, 634, 646, 652, 667, 675, 680, 693, 694, 696, 697, 705, 711–715, 727, 731, 732, 743, 744, 746, 830, 832, 858, 862, 864, 871, 873, 874, 882, 883, 885, 888, 891, 913, 959, 960, 995, 1005, 1006

Демидова Елизавета – см. Строганова Елизавета Александровна

Ден, фон Александр Александрович (1867–1930), штабс-капитан гв. (1895), капитан гв. (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1904) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1914), участник Первой мировой войны, в Эстонской армии 128, 212, 223, 238, 253, 282, 284, 286, 334, 353, 358, 362, 385, 441, 444, 508, 552, 553, 599, 714, 817, 830, 870, 959, 980, 984, 991

Денисенко, канонир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 182

Денисьев, поручик (на 1902) 23-й артиллерийской бригады 1022, 1024–1027

Джевецкий Степан Карлович (1843–1938), инженер 816

Джером Клапка Джером (1857–1929), английский писатель 779

Дистерло, фон Николай Александрович (1871 – после 1919), барон, капитан ГШ (1898), подполковник (1903), полковник (1906), состоял при Петербургском ВО, генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны, в РККА 117, 983

Дитерихс, супруга Н.Н. Дитерихса 153, 205

Дитерихс Николай Николаевич (1857 – после 1909), полковник, командир батареи, генерал-майор (1905), командир 33-й артиллерийской бригады (на 1909) 84, 89, 94, 95, 97, 106, 115, 116, 131, 133, 138–141, 145, 171, 189, 190, 192, 197, 198, 206, 208, 220–224, 235, 245, 248, 252, 258, 289, 291–294, 296, 300, 303, 304, 329, 330, 332, 337, 339–341, 343, 346, 348, 358, 425, 460, 606, 993

Дмитрий Донской (1350–1389), великий князь Владимирский, князь Московский 99

Добровольская Аврелия-Цецилия Иосифовна (1881–1942), оперная певица, педагог 666, 674

Добровольский, штабс-капитан Офицерской артиллерийской школы (на 1904) 348

Добрышин Александр Федорович (1871–1942), капитан ГШ (1898), подполковник (1901), полковник (1906) при Генеральном штабе, генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны, в РККА 955

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934), историк, этнограф 442, 536

Докучаев Сергей Федорович (? – после 1917), штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (на 1917) 865

Долгов Александр Александрович (1859–1930), полковник (1898) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1906), командир 4-й резервной артиллерийской бригады (1906–1910), генерал-лейтенант (1910), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 189, 190, 299, 300, 337, 425, 548

Долгов, канонир 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 854

Долгова, дочь А.А. Долгова 325, 326

Долгова, супруга А.А. Долгова 325, 326

Долгоруков Николай Сергеевич (1840–1913), князь, генерал-адъютант (1896), генерал от инфантерии (1906) 528, 529

Доливо-Добровольский-Евдокимов Виктор Викторович (1861–1932), граф, капитан (1897), полковник (1902) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, командир 1-го дивизиона л.-гв. 2-й артиллерийской бригады и 2-го дивизиона л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (с 1907), генерал-майор (1908), генерал-лейтенант (1914), участник Первой мировой войны 657

Доможиров Петр Петрович (1855–1921), генерал-майор, генерал-лейтенант (1907), начальник гарнизона в Полтаве, начальник 9-й пехотной дивизии (1907–1910) 911

Донченко Александр Дмитриевич (1863 – после 1916), подполковник (1898), полковник (1902),

- штаб-офицер для особых поручений Петербургского окружного инженерного управления (1904–1910), генерал-майор (1913) 707
- Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891) 378, 859
- Драке Владимир Людвигович (1874–1933), поручик (1898) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, адъютант вел. кн. Михаила Николаевича (1898–1902), штабс-капитан (1902), капитан (1906), генерал-майор (1917), участник первой мировой войны, участник Белого движения, командир Эстонской армии 219, 846, 864
- Драке Людвиг Людвигович (1842–1916), генерал-лейтенант (1899), генерал от инфантерии (1906), член ИРВИО 971
- Древинг Григорий Владимирович (?–1918), поручик (на 1909), полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 631, 656, 679, 685, 696, 712, 714, 727, 731, 733, 737, 740, 754, 808, 812, 822, 831, 832, 848, 854, 882, 886, 889, 890, 896, 898, 899, 901, 902, 905–907, 909, 915, 918–922, 926, 927, 930, 937, 938, 942, 945, 957
- Дружинин Константин Иванович (1863–1914), полковник (1899), участник русско-японской войны, генерал-майор (1907), участник Первой мировой войны, автор работ по военному делу 356, 991
- Дружинин Яков Александрович (1830–1902), генерал-лейтенант (на 1900), генерал от артиллерии, директор Николаевского кадетского корпуса, военный педагог 117, 196, 197
- Дубровская, оперная певица 445, 450
- Дударов, подпоручик, поручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 452, 597
- Дурново Петр Павлович (1835–1919), генерал от инфантерии (1890), генерал-адъютант (1905), чиновник Военного министерства (1885–1904), член Государственного совета (1904–1917) 246
- Дурново Сергей Сергеевич (1869–1939), штабс-капитан (1897), капитан (1901), преподаватель Павловского военного училища (1902–1910), полковник (1905), генерал-лейтенант, участник Белого движения, в эмиграции 959, 984, 991
- Дуров Борис Андреевич (1879–1977), подпоручик гв. (1901), поручик гв. (1904), участник русско-японской войны, штабс-капитан гв. (1908) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 213, 223, 254, 255, 257, 291, 314, 342, 351–354, 356, 370, 372, 475, 494, 596, 597, 602, 606, 624, 644, 645, 655, 656, 758, 763, 819, 978
- Дудко Ян (Иван), канонир 2-й, затем 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, денщик В.С. Савонько 147, 217, 218, 1020, 1021, 1027, 1043, 1048
- Дятлов, бригадный писарь Управления л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 370, 479, 480, 519, 679, 694, 695, 721, 814, 815
- Дятлова Мария, супруга писаря Дятлова 370

Евреинов Александр Александрович (1843 –1905), генерал-лейтенант (1898), начальник Гвардейской стрелковой бригады (1898–1901), начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии (1901–1902), в распоряжении главнокомандующего войсками гв. и Петербургского ВО (1902–1904) 97, 142, 165, 179, 190, 199, 294, 296, 297, 303, 364, 425, 599, 1053

Евреинов Александр Александрович (?-1917), штабс-капитан л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (на 1909), полковник (1916), участник Первой мировой войны 1008, 1010

Евреинов Сергей Николаевич (1849 – 1920), генерал-майор (1899), чиновник по Министерству двора и уделов (с 1906), генерал-лейтенант (1916) 118, 159, 189, 374, 377, 399, 477, 480, 501, 820

Евреинова, фрейлина 462

Егоров, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 627

Екатерина I (1684–1727), императрица (1725–1727) 670

Екатерина II (1729–1896), императрица (1762–1796) 77, 106, 124, 270, 454, 672, 981, 1047

Елков М., журналист 651

Елчанинов, журналист 718, 719

Енгальчев Николай Александрович (1862–1926), князь, ротмистр (1897), полковник (1904), командир 1-го лейб-драгунского Московского полка (1907–1912), генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 916

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941), полковник (1892), генерал-

майор (1900), директор Пажеского корпуса (1900–1907), генерал от инфантерии (1913), участник Первой мировой войны, в эмиграции, военный историк 97

Есимонтовский Григорий Васильевич (1881–1916), подпоручик (1898), подпоручик гв. (1901), поручик гв. (1905), штабс-капитан гв. (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны 663, 712, 714, 722, 726, 750, 830, 842, 850, 874, 881, 950, 1005

Жаров, унтер-офицер, инженерный вахтер 455

Жданко Никодим Никодимович (1869 – после 1921), штабс-капитан (1896), капитан (1900), подполковник (1908), командир батареи 37-й артиллерийской бригады (с 1908), генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, в РККА 853

Железнов Владимир Феофилактович (1863–1920), подъесаул (1894), есаул (1900) л.-гв. Уральской его величества сотни, полковник (1907), участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917), участник Белого движения 631

Желобовский Александр Алексеевич (1834–1910), протопресвитер военного и морского духовенства, духовный писатель 113

Жемчужкин, служитель офицерского собрания л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 486, 489

Жерве Виктор Всеволодович (1867 – после 1916), поручик (1892), штабс-капитан (1900), капитан (1901), полковник (1910) л.-гв. Финляндского

- полка, участник Первой мировой войны 631, 641, 642, 692, 693, 703, 711, 720, 725, 748, 867, 873, 878, 881, 883, 884, 886, 890, 892, 894, 999
- Жигалов, офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 985
- Жиленков Борис Максимович (1884 – после 1921), подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, подполковник (на 1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 476, 477, 502, 606, 625, 658, 669, 684, 690, 696, 700–703, 708, 710, 727, 737, 738, 746, 805, 812, 825, 835, 837, 862, 873, 884, 886, 932, 935, 945, 970, 973, 974
- Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), полковник (1891), генерал-майор (1900), командир 52-го драгунского Нежинского полка (1899–1900), генерал-квартирмейстер Главного штаба (1900–1904), генерал-лейтенант (1904), участник русско-японской войны, служил в распоряжении военного министра (1905–1906), начальник 14-й кавалерийской дивизии (1906–1907), командир 10-го армейского корпуса (1907–1911), генерал от кавалерии (1910), участник Первой мировой войны 907, 909, 910
- Жиркевич Александр Владимирович (1857–1927), юрист Виленского ВО (с 1897), генерал-майор (1908), писатель 816
- Жиркевич Сергей Александрович (1889–1912), сын А.В. Жиркевича, гардемарин Морского кадетского корпуса, мичман 816
- Жолтановский Виктор Васильевич (?–1914), подпоручик 2-й батареи, поручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны 825, 847, 873, 889, 893, 964, 973, 975–977, 988, 990
- Жонсон Николай Николаевич, подпоручик, поручик в отставке, оперный певец 213, 225, 260, 837–839, 841, 842
- Жонсон, мать Н.Н. Жонсона 839
- Жуковский, слесарь 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628, 640
- Жуковский Михаил Евгеньевич, племянник М.М. Жуковского, служащий в канцелярии совета министров 708
- Жуковский Михаил Михайлович (1821–1907), генерал от артиллерии (1883), бывший офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 708
- Забельский Викентий (?–1901), денщик В.С. Савонько 126, 127
- Забудская, дочь Н.А. Забудского 325
- Забудский Николай Александрович (1853–1917), преподаватель Михайловской артиллерийской академии (с 1880), полковник (1893), генерал-майор (1901), генерал-лейтенант (1907), автор трудов по баллистике 383, 642
- Заикин Василий (?–1909), солдат 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 872
- Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926), полковник (1899), участник русско-японской войны, генерал-майор (1905), генерал от инфантерии (1916), участник Первой мировой войны, в РККА, автор работ по военному делу 907, 950, 952, 955
- Залеман Екатерина Александровна, владелица золотошвейной мастерской (Невский пр., д. 52)

Записок, младший нестроевой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, столляр 717

Заржицкий, штабс-ротмистр (на 1907) Полевого жандармского эскадрона 631

Заркевич Владимир Николаевич (1877–1919), подпоручик (1897) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, затем л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (на 1903), состоящий при Николаевской инженерной академии, капитан (на 1909), подполковник 984

Зарубаев Николай Петрович (1843–1912), генерал от инфантерии (1904), генерал-адъютант (1905), участник русско-японской войны 535

Захаров, надворный советник, врач, прикомандированный к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде 383, 423, 533

Захер-Мазох Леопольд, фон (1836–1895), австрийский писатель 1013

Защук Иосиф Иосифович (1845–1918), генерал-лейтенант, военный писатель, журналист 711

Зверев Николай Андреевич (1850–1917), юрист, политик, общественный деятель, сенатор (с 1901), начальник Главного управления по делам печати (1902–1904) 421

Здроевский Авенир Михайлович (ок. 1886–1962), корнет (на 1905) л.-гв. Драгунского полка, штабс-ротмистр (на 1915), участник Первой мировой войны 504

Зедергольм, супруга В.А. Зедергольма 677

Зедергольм Владимир Альбертович (1861 – после 1914), капитан гв. (1895), полковник (1900), командир

Гвардейской запасной батареи (1900–1904), командир Гвардейского стрелкового артиллерийской дивизиона (1904–1907), временно и. д. командира л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1907), генерал-майор (1907), командир 8-й артиллерийской бригады (1907–1914), генерал-лейтенант (1914) 398, 490, 605, 609, 615, 624, 625, 637, 639, 646, 650, 652, 654, 685, 689–694, 696, 698–700, 702

Зезюлинский Николай Федорович (1861 – после 1917), статский советник, чиновник Главного управления коннозаводства, член ИРВИО 986

Земацкий Иосиф Францевич (1856–?), доктор медицины, почётный профессор Императорского клинического института вел. кн. Елены Павловны 690, 774, 786, 802–807, 809, 810, 812, 813, 816

Зимин, фейерверкер 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 752, 814, 816,

Зиминский, канонир 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628, 640

Зиновьев, певец 674

Златарский Стефан Николаевич (?–1912), генерал-майор (на 1909), командир 22-й артиллерийской бригады (1907–1912) 658, 659, 684, 689, 694–696, 700–709, 713–717, 742, 819, 929, 991

Золя Эмиль (1840–1902), французский писатель 232

Зорин В. П., врач в Москве 233, 319, 321, 459, 480

Зудерман Герман (1857–1928), немецкий беллетрист и драматург 176, 494

Зуппе Франц, фон (1819–1895), австрийский композитор 761

Зыков – см. И.С. Зыков или С.П. Зыков

Зыков Иван Сергеевич (1846–?), генерал-лейтенант (1899), генерал от кавалерии (1907), начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1899–1903), командир 2-го кавалерийского корпуса (1903–1906), командир 16-го армейского корпуса (1906–1908), в распоряжении военного министра (1908) 142

Зыков Сергей Павлович (1831 – после 1907), генерал от инфантерии (1900), редактор журнала «Русская старина» (1904–1907), автор трудов по военной статистике, тактике и военной истории 142

Зубалова, супруга штабс-капитана К. Трапезникова 298

Зуев Дмитрий Петрович (1854–1917), генерал-майор (1898), состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1903–1907), генерал-лейтенант (1905), начальник 1-й пехотной дивизии (1907–1910), генерал от инфантерии (1911), участник Первой мировой войны 97, 117, 477, 501, 599, 605

Зуев Петр Дмитриевич, подпоручик (на 1905–1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, сын Д.П. Зуева 425, 475, 502, 524, 541, 544, 549, 568, 583–587, 589, 599, 605, 607

Зякин, бомбардир 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 854

Иван I Данилович Калита (1288–1340), великий князь Владимирский, князь Московский 99

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), государь всея Руси 99, 123

Иванов, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 720

Иванов, капитан-инженер (на 1908) 733, 759, 801

Иванов А. Д., композитор 866

Иванов Николай Иудович (1851 – 1919), генерал-майор (1894), генерал-лейтенант (1901), состоял для поручений при генерал-фельдцейхмейстере (1899–1904), участник русско-японской войны, генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 191, 908, 911, 913, 914, 918

Ивашинцов Андрей Васильевич (1869–1921), штабс-капитан гв. (1898), капитан гв. (1902), полковник (1903), командир 2-й батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1903–1904), командир 1-го дивизиона Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1907–1910), генерал-майор (1910), участник Первой мировой войны, в эмиграции 747, 748, 817, 869, 997

Ивашинцов Сергей Васильевич (1857–1921), полковник (на 1900), генерал-майор (на 1905), генерал-лейтенант, командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, участник Белого движения, в эмиграции 110, 399, 511, 529, 647, 658, 747

Ивко, подпрапорщик, фельдфебель 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 491, 675, 815

Игнатъев, канонир 936

Игнатъев Николай Николаевич (1872–1962), граф, поручик (1895), штабс-капитан (1900), капитан (1903), генерал-майор (1915), участник Первой

- мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 249
- Игнациус, знакомая В.С. Савонько в Гапсале 1032
- Иелита фон Вольский Николай Адольфович (1855 – после 1917), подполковник (1895), полковник (1901), генерал-майор (1908) 864, 949
- Измествев Петр Иванович (1873–1925), поручик (1897), штабс-капитан (1900), капитан (1902), участник русско-японской войны, подполковник (1905), полковник (1909), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в РККА 799
- Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), историк 410
- Ильин, камергер, предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда 1046, 1052, 1055
- Ильина, знакомая В.С. Савонько 215
- Илькевич Николай Андреевич (1868–1932), капитан гв. (1898), полковник (1904) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, командир 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904–1905), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 111, 138, 139, 141, 190, 192, 197, 198, 211, 218, 220, 222, 224, 235, 254, 255, 264, 265, 269, 277, 278, 289, 290, 292–294, 298, 303, 304, 314, 324, 334, 342, 345, 346, 352–354, 358, 372, 377, 381, 383, 385, 390, 391, 397, 398, 402, 425, 427–429, 448, 452, 461, 462, 474, 475, 477, 479, 495, 497, 501, 502, 518, 520, 522, 523, 525, 529, 534, 535, 540, 541, 544, 545, 547, 549, 563, 569, 571, 585, 586, 590, 592–594, 597, 602–607, 615, 624, 625, 634, 638, 644, 648, 650–652, 656, 662, 663, 673, 689–692, 700, 705, 708–710, 717–719, 726, 727, 736, 740, 741, 743, 755, 760, 763, 777, 790–792, 795, 801, 802, 805, 807, 811, 824, 825, 841, 846, 847, 855, 857–859, 871, 879, 882, 887, 897, 930, 934, 943, 949, 951, 959, 969, 972, 974, 976, 977, 986, 988, 1001, 1009, 1020
- Илькевич Юрий Андреевич, брат Н.А. Илькевича 314
- Иннокентий 270
- Иоанн (Смирнов Иван Ксенофонович, 1844–1919), епископ Полтавский и Переяславский 905
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич, 1829–1908), священник, духовный писатель 148, 167, 849, 1010
- Ито Хиробуми (1841–1909), японский политик 1007
- Йокинен, доктор, турист на г. Машук 782
- Кабанов Е. Н., антрепренер театра «Олимпия» 440
- Кавецкая Виктория Викторовна (1875–1929), певица 673
- Кавтарадзе Петр Алексеевич (1868–после 1919), штабс-капитан (1898) 19-й артиллерийской бригады, есаул (на 1909) Забайкальского казачьего артиллерийского дивизиона, в РККА 92, 146, 192, 194, 212, 236, 239, 245, 249–251, 253, 259, 261, 266, 269, 272, 293, 297, 302, 304, 308, 334, 342, 345, 350, 353, 359, 362, 380–382, 384, 465–469, 474, 475, 497, 510, 518, 529, 531, 540, 547, 560, 587, 593, 607–610, 614, 621–623, 655
- Кавтарадзе Елена Михайловна, супруга П.А. Кавтарадзе 124

- Козакевич (Козакевич) Евгений Михайлович (1869–1931), поручик (1897), штабс-капитан (1901) л.-гв. Преображенского полка, участник русско-японской войны, капитан (1905), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, репрессирован 757, 764
- Казанская Людмила Сергеевна, супруга В.С. Казанского 616
- Казанский Виктор Степанович, капитан (на 1906–1909) 616
- Каменский Евгений Семенович (1848–1917), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор (1896), генерал-лейтенант (1903), генерал от кавалерии (1909) 630, 642
- Канищев Сергей Степанович (1836 – 1905), генерал-лейтенант (1891), член Александровского комитета о раненых (1901), генерал от артиллерии (1902) 82, 97, 99, 107, 110, 117, 119, 126, 142, 210, 950
- Канненберг, ветеринарный врач 95
- Кантакузен Михаил Михайлович (1858–1927), князь, войсковой старшина (1895), полковник (1901), командир дивизиона 31-й артиллерийской бригады (1904–1907), участник русско-японской войны, служил по Оренбургской казачьей артиллерии (1905–1907), командир дивизиона 31-й артиллерийской бригады (1907–1908), командир 9-й артиллерийской бригады (1908), генерал-майор (1908), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 357, 908, 909, 919, 921
- Каприлэ Дж. (Caprile Giorgia) (1877–1951), оперная певица, выступала в ведущих европейских театрах 459, 462
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель 315
- Карангозов (Карангозишвили) Константин Адамович, (1852–1907), полковник (1896), генерал-майор (1904), генерал-губернатор Одессы (1905–1907) 784
- Карелли Беньямино (Carelli Beniamino) (1833–1921), итальянский певец, педагог, профессор консерватории Неаполя 838
- Каренина, оперная певица, артистка Нового летнего театра 450
- Каринский (Коринский) Николай Михайлович (1873–1935), филолог-славист, палеограф, профессор СПб Археологического института, чл.-корр. АН СССР 406, 412, 419–421, 551, 554
- Карлова (урожд. Вонлярлярская) Наталья Федоровна (1858–1921), графиня, супруга герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого 467, 649, 677, 679, 680, 917, 967. 968, 993, 995, 997, 998, 1000
- Карманский Иван, турист на г. Машук 782
- Кармин Валериан Васильевич (1844–?), генерал-майор (1898), инспектор артиллерии 10-го армейского корпуса, генерал-лейтенант 124, 165, 368, 482, 595, 712, 984
- Карнацкий, подпрапорщик 1-го артиллерийского гвардейского парка 732
- Карно Сади (1837–1894), президент Франции (1887–1894) 526
- Карпинский, профессор Археологического института 557
- Карпинский Леонид Иллидорович (1858–после 1916), капитан (1895), подполковник (1899), полковник (1904), командир 2-й батареи 17-й

- артиллерийской бригады (1904–1907) 98, 105, 557, 606
- Карпов, домовладелец в Твери 232
- Карпов Евтихий Павлович (1857–1926), писатель, режиссер 298
- Карцов Александр Николаевич (1875–1920), подпоручик (1894), поручик (1900), штабс-капитан (1904), капитан (1908) 1-й конно-артиллерийской батареи, подполковник (1911), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 389, 431, 747
- Карцов Петр Нилович (до 1867–?), капитан (на 1899), полковник (на 1909) л.-гв. Семеновского полка, участник Белого движения 183, 185, 1043, 1044
- Каукаль (Коукаль) Франц Антонович, капельмейстер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 264, 277, 440, 453, 464, 565, 630, 668, 763, 875, 896, 909, 919, 921, 922
- Кауфман Михаил Петрович, фон (1822–1902), инженер-генерал (1878), член Государственного совета (1882) 154, 558
- Каценеленбоген, сотрудник Археологического института 480
- Кашерининов Владимир Михайлович (1850- после 1916), полковник (1889), генерал-майор (1900), командир л.-гв. Резервного полка (1900–1902), л.-гв. Стрелкового полка (1902–1903), начальник Гвардейской стрелковой бригады (1903–1908), генерал-лейтенант (1906) 306
- Квитка Андрей Валерьянович (1849/1851–1922/1923), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., участник русско-японской войны, полковник (1905), писатель 206
- Квитницкий Леонид Викторович (1878–1918), подпоручик гв. (1898) Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона, капитан ГШ (1904), подполковник (1909), полковник (1913), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 89, 92
- Керстенс Аделаида Сергеевна, супруга Н.П. Керстенса, двоюродная тетка В.С. Савонько 120, 126, 205, 422, 459, 476, 589, 728
- Керстенс Н.Н., сестра Н.П. Керстенса 120
- Керстенс Н.П. (?-1907), действительный статский советник, доктор, столоначальник Главного военно-медицинского управления 120, 126, 144, 261, 319, 321, 422, 459, 476, 589, 728
- Кестлер, артистка оперетты, певица 440
- Кириллов, канонир 1-й батареи л.-гв.1-й артиллерийской бригады 628
- Кирпачук, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 912
- Кирпичев Лев Нилович (1876–1928), штабс-капитан гв. Конной артиллерийской бригады, генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 997
- Китч, знакомая В.С. Савонько 215
- Кияновский Михаил Иванович (1867–1917), подполковник (1898), полковник (1902), участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант (1916) 630, 642
- Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919), капитан 2 ранга (1904), участник русско-японской войны, генерал-майор по Адмиралтейству (1912), профессор Морской академии, историк русского флота 327, 848

- Клейгельс Николай Васильевич (1850–1916), петербургский градоначальник (1895–1903), генерал-лейтенант (1899), генерал-адъютант (1903), генерал от кавалерии (1910), 142, 237, 246
- Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921), полковник (1894), начальник штаба 31-й пехотной дивизии (1899–1901), командир 122-го пехотного Тамбовского полка (1901–1904), генерал-майор (1904), начальник штаба 4-го армейского корпуса (1904–1906), начальник штаба 10-го армейского корпуса (1906–1912), генерал от инфантерии (1915), участник Первой мировой войны, в РККА 904
- Клементьев, певец 563, 581
- Клименко Софья Владимировна, вдова генерал-майора К.В. Клименко 616, 673, 725, 842, 1014
- Кнорре, шлиссельбургский чиновник 1047
- Коверский Константин Петрович (1877–1937), штабс-капитан (на 1909) 23-й артиллерийской бригады, подполковник (на 1914), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 333
- Когут Иосиф, канонир 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 671
- Козловский Войцех Пржемыславович (1875–?), врач, доктор медицины, ассистент Клинического института вел. кн. Елены Павловны 786, 789, 803, 804
- Кокин, врач, гласный Тверской городской думы (на 1908) 137
- Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов 396
- Коленкин Александр Иванович (1851 – после 1911), полковник (1893), командир 1-го дивизиона л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1898–1901), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1901), генерал-майор (1901), помощник командира ОКПС (1901–1909), генерал-лейтенант (1907) 85, 110, 117, 142, 146, 194, 199, 296, 297, 300, 305, 306, 308, 343, 349, 380, 599, 600, 611, 613, 629, 631, 712–715, 752, 983, 991, 993, 996, 1004, 1005
- Колюбакин Владимир Николаевич (1873–1944), поручик (1899) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, штабс-капитан гв. (1902), участник русско-японской войны, подполковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 105, 141, 189, 254, 287, 304, 356, 360, 362, 372, 425, 606, 709, 797, 824, 870, 984, 996, 1000, 1001
- Комаров Владимир Александрович (1861–1918), полковник (1899), командир 4-го батальона (1899–1901), командир Сводного гвардейского батальона (1904–1907), флигель-адъютант (1906), генерал-майор Свиты (1907), командир Собственного Е.И. В. Сводного пехотного полка (1907–1914), генерал-лейтенант (1914) 176, 246, 247, 251
- Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), актриса 484
- Кондратенко Роман Исидорович (1857–1904), полковник (1892), генерал-майор (1901), участник Похода в Китай 1900–1901 гг., участник русско-японской войны 479, 663
- Кононов, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 912

- Кононович-Горбацкий Михаил Петрович (1880 – после 1916), подпоручик (1900), поручик (1904), штабс-капитан (1908) л.-гв. Измайловского полка, полковник (1915), участник Первой мировой войны 495
- Корвин-Вержбицкий Александр Павлович (?-1914), поручик (на 1908–1909), штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка 913
- Коренев, подпоручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 853, 959
- Коровин, владелец яхты «Пируэт 2» 250
- Корольков Алексей Львович (1859–1931), полковник (1897), профессор Михайловской артиллерийской академии (с 1898), генерал-майор (1905), генерал-лейтенант (1914), в РККА 231, 427
- Корсак Владимир Викторович (1880 – до 1920), поручик л.-гв. Литовского полка (на 1909), полковник (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 706
- Кортман Эдуард Иванович (?–1903), гравер, ювелир, владелец фирмы «Э. Кортман» 105, 254, 456, 668
- Корыбут-Дашкевич Дмитрий Ричардович (1856–1924), владелец конного завода, член Государственного совета (с 1906) 737, 854
- Косач Николай Алексеевич (1844–1906), вице-губернатор Санкт-Петербургской губернии 1046
- Космаковский, генерал в отставке 393
- Косоротов Василий Емельянович (1871–1957), участник революционного движения, депутат III Государственной думы 759, 760
- Костельцов Т. М., фельдфебель, фельдшер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 427, 498, 519, 814, 816
- Костин, коллежский ассессор, ветеринарный врач 391
- Котляревский Петр Амвросиевич (1868–?), штабс-ротмистр (на 1909), адъютант командира Гвардейского корпуса, подполковник (1917), участник Белого движения, в эмиграции 738, 739, 904
- Коханов Николай Васильевич (1854 – после 1917), полковник (1895), командир 1-го дивизиона 22-й артиллерийской бригады (1899–1908), генерал-майор (1903), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1908), участник Первой мировой войны 357
- Кошевский, актер театра «Буфф» 561
- Краббе Михаил Федорович (1873 – после 1917), подпоручик (1894), поручик гв. (1900), штабс-капитан (1902) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, капитан (1902), участник русско-японской войны, полковник (1916), участник Первой мировой войны 219
- Краевский Юлий-Франц Людвигович (1867–1914), поручик (1895), штабс-капитан (1900), участник похода в Китай 1900–1901 гг., капитан (1903), участник русско-японской войны, подполковник (1905), интендант Гвардейского корпуса (1908–1913), полковник (1909), участник Первой мировой войны 817
- Краснов А. Д., граф, публицист 799, 804
- Краснов Петр Николаевич (1869–1947), сотник (1893), войсковой старшина (1909), участник Первой мировой войны, генерал-майор (1914), участник

- Белого движения, атаман, в эмиграции, писатель, военный корреспондент 205
- Краузе, владелец аптеки 485
- Кребс, врач 472
- Крестьянинов Григорий, свидетель по делу, которое расследовал В.С. Савонько 158
- Крестьянов Сергей Николаевич (1874–1945), подпоручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан (на 1909) ГАУ, полковник, участник Белого движения, в эмиграции 89, 212, 225, 248, 254, 360, 361, 371, 376, 385, 395, 398, 428, 430, 446, 468, 469, 475, 477, 519, 530, 544–547, 549, 550, 600, 601, 607, 838, 839
- Кристалли Итало (Cristalli Italo) (1879–1932), итальянский оперный певец 457, 459, 462
- Кронид (Любимов Константин Петрович, 1859–1937), архимандрит, наместник Троице-Сергиевой лавры 996
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), поэт, баснописец 1052
- Крылов Николай Сергеевич (1849–?), генерал-майор (1900), военный комендант С.-Петербурга (1901–1907) 142, 349, 439, 452, 464, 555
- Крутиков Николай Александрович (1871–1920), штабс-капитан (1898) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник похода в Китай 1900–1901 гг., капитан (1902), полковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 212, 292, 323, 353, 396, 703, 720, 726, 792, 841, 850, 8585, 986, 999
- Кудрявцев, главный подрядчик дома на Литейном 455
- Кузнецов, квартирмейстер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, писарь 342, 480
- Кузнецова-Бенуа Мария Николаевна (1800–1966), оперная певица, танцовщица, солистка Мариинского театра (1905–1917) 440, 453, 454, 458, 459, 561, 562
- Кузьмин, фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 997
- Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927), юрист, профессор Юридической академии, член Государственной думы, член конституционно-демократической партии 697
- Кузьмин-Короваев Дмитрий Дмитриевич (1856–1950), полковник (1891), командир Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1899–1904), генерал-майор (1900), товарищ генерал-фельдцейхмейстера (1906–1909), генерал-лейтенант (1906), начальник ГАУ (с 1909), генерал от артиллерии (1912), в РККА 85, 142, 255, 480, 603, 635, 651, 697, 949, 1003
- Кузьминский Евгений Константинович (1884–1961), поручик (на 1909), адъютант л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, капитан, участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 997
- Куколевские, знакомые В.С. Савонько 1030
- Куколевский А.А., земский начальник, товарищ В.С. Савонько по 1 Кадетскому корпусу 475, 673. 1030
- Куликовский Борис Дмитриевич (1875–1931), капитан л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1914), участник Первой мировой войны, репрессирован 467, 864, 949

- Кульдишев, князь 298
- Кульнев Илья Яковлевич (1856–1910), генерал-майор, командир л.-гв. Семеновского полка (1908–1910) 889, 919
- Куни Куниюши (1873–1929), японский принц 874–876
- Куприянов, подпоручик (на 1900) 109, 115, 131
- Куприянов Дмитрий Александрович (1872–1928), поручик (1896), штабс-капитан (1899), преподаватель Михайловской артиллерийской академии (с 1900), капитан (1903), полковник (1908), генерал-майор (1916), в РККА 98, 105, 118, 189, 377, 425, 606
- Курбатов Александр Сергеевич (1835–1908), генерал-лейтенант (1895) 727
- Курбатов Алексей Александрович (1866–1935), поручик гв. (1892), штабс-капитан (1900), капитан (1901), полковник (1907), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 728
- Курбатов Владимир Александрович (1882–1920), подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник, участник Белого движения, в эмиграции 141, 142, 146, 162, 178, 180, 182, 183, 194, 250, 251, 255, 266, 268, 269, 308, 325, 326, 334, 343, 344, 350, 353, 380, 381, 385, 400, 432, 465, 466, 475–477, 510, 521, 531, 532, 534, 544, 548, 560, 568, 583, 587, 592, 597, 608–613, 622, 631, 654, 673, 690, 695, 701, 705, 712, 714, 727, 731, 739, 740, 746, 798, 806, 807, 812, 828, 832, 835, 849, 851, 857, 865, 866, 893, 896, 901, 902, 905, 906, 909, 910, 912, 916, 919, 920, 922, 926, 927, 930, 935, 949, 956, 999
- Курбатова, супруга А.А. Курбатова 728
- Курганович Константин Осипович (1851–после 1916), полковник (1890), генерал-майор (1900), командир 1-й бригады 24-й пехотной дивизии (1900–1901), начальник 2-й Финляндской стрелковой бригады (1901–1907), генерал-лейтенант (1907), генерал от инфантерии (1909), участник Первой мировой войны 163, 759
- Курита, японский полковник, адъютант принца Куни 874
- Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-лейтенант (1890), военный министр (1898–1904), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), участник русско-японской войны, главнокомандующий на Дальнем Востоке (1904–1905), участник Первой мировой войны 148, 219, 231, 333, 450, 579, 629, 649, 1005, 1031
- Куропаткина (урожд. Тимофеева) Александра Михайловна, супруга А.Н. Куропаткина 148
- Курчавова Матрена Григорьевна, кормилица В.С. Савонько 652
- Кутайсов Константин Павлович (1876–1918), граф, подпоручик (1897), поручик (1901), штабс-капитан (1905) л.-гв. Конно-артиллерийской бригады, капитан (1909), полковник (1912), участник Первой мировой войны 704
- Куткова, певица 763
- Кутлубицкий (Котлубицкий) Николай Осипович (Иосифович) (1769–1849), комендант Михайловского замка, генерал-лейтенант (1798) 986

Кутольвас, взводный фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 890, 938

Кутузов Борис Николаевич (1875–послед. 1916), штабс-капитан, капитан (на 1909) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1914), участник Первой мировой войны 703

Кухтин, подпрапорщик, фельдфебель Константиновского артиллерийского училища 732, 748

Кучерявый, канонир 6-й батареи 1-й л.-гв. артиллерийской бригады 849

Кучковский, фельдшер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 330

Кушелевский Виктор Валерьянович, подпоручик (на 1909) л.-гв. Измайловского полка, полковник, репрессирован 616, 706

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971), балерина, прима-балерина Мариинского театра 205

Кшесинский Иосиф-Михаил Феликсович (1868–1942), танцовщик, балетмейстер Мариинского театра 672

Кякшт Георгий Георгиевич (1873–1936), артист балета 672

Кякшт Лидия Георгиевна (1885–1959), артистка балета 672

Лавров Петр Алексеевич (1856–1929), филолог-славист, палеограф, чл.-корр. АН СССР 551

Лавровский, подпоручик (на 1909) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 934

Лазарев Борис Петрович (1882–1938), подпоручик гв. (1902) гв. Конно-арт бригады, поручик (1906), штабс-капитан (1908), генерал-майор (1918), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в РККА, репрессирован 384

Лакин-Львов Александр Иванович, мастер-ювелир в С.-Петербурге (1899–1910) 948, 957, 959, 966

Ламбрек, актер 304

Ламздорф Владимир Николаевич (1845–1907), министр иностранных дел 378

Лангоф Карл-Фридрих-Август Федорович (1856–1929), полковник (1892), командир л.-гв. Семеновского полка (1899–1904), генерал-майор (1900), командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (1904–1906), генерал-лейтенант (1906), министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского (1906–1913), генерал от инфантерии (1913), в эмиграции 183, 185. 240, 241, 246, 247, 1043, 1044, 1046, 1047, 1049, 1053, 1054, 1056

Лапин, вольноопределяющийся, фейерверкер, бомбардир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 108, 109, 425

Лапшин, младший фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Ларнаж, де, барон, французский капитан, адъютант 5-го армейского корпуса 97

Ла Тайл, де, граф, французский офицер 97

Ларченко, подпрапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, 1-го гв. Артиллерийского парка 814, 816

Лебедев, подпрапорщик, бомбардир 4-й батареи, ездовой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 732, 828, 831, 834, 853, 861

Лебедев, фельдшер лазарета л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 627, 639, 640

Левашов, ездовой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 929
 Леви Зигфрид Яковлевич (1860–1913), архитектор 763
 Леганье Жорж Селистин (1882–1914), французский авиатор 968
 Легар Франц (1870–1948), австро-венгерский композитор 760, 783
 Лекок Шарль (1832–1918), французский композитор 574
 Леянов Павел Иванович (1850–1932), предприниматель, городской глава Петербурга 115, 142, 143, 240–242, 244–247
 Леман Александр Иванович (1862–1908), капитан (1896), полковник, командир 1-го дивизиона л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 94, 99, 107, 109, 115, 116, 127, 131, 141, 162, 449, 712, 714, 751, 752
 Леонард, знакомая В.С. Савонько 205, 319, 342, 449
 Леонковалло Руджеро (1857–1919), итальянский композитор 664
 Леонов, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 170
 Лео-Савранская, певица, актриса Нового летнего театра 664
 Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), писатель, поэт 248, 779, 781–784
 Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель 220, 274
 Лесневский, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 613
 Лессинг, знакомый В.С. Савонько 355
 Лехович (Ляхович) Владимир Андреевич (1860–1941), полковник (1898), командир 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1898–1902), командир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1902–1904), командир Гвардейского стрелкового

артиллерийского дивизиона (1904), командующий 22-й артиллерийской бригадой (1904–1906), генерал-майор (1906), командир 22-й артиллерийской бригады (1906–1907), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1907–1909), генерал-лейтенант (1910), участник Белого движения, в эмиграции 89, 113, 193–198, 225, 231, 232, 234–237, 239, 240, 245, 247, 248, 250, 252, 261, 269, 272, 281, 284, 286, 287, 291–293, 299–303, 305–308, 311–313, 319, 325, 326, 337, 342–344, 349, 353, 358, 359, 368, 369, 371, 380, 381, 385, 395, 427, 459, 475, 560, 599, 600, 611, 613, 631, 673, 729, 731, 750–752, 779, 780, 784, 786, 788, 789, 816, 820, 830–832, 846, 847, 867, 870, 871, 885, 897, 929, 930, 942, 944, 945, 962, 963, 978–980, 983, 984, 991, 996, 1005, 1006, 1100

Лехович (Ляхович, урожд. Похвиснева) Людмила Борисовна (1864–1955), супруга В.А. Леховича 205, 302, 314, 319, 326, 342

Лехович (Ляхович, в замуж. Голова-стая) Ольга Владимировна, дочь В.А. и Л.Б. Леховичей 314, 325

Лжедмитрий I (1582–1606), русский царь 101

Ливен-Орлова Магда Густавовна (1885–1929), баронесса, драматург 448

Лидваль Эрик, купец 622

Лиминович, лакей герцогов Мекленбургских 871

Линден Елизавета Васильевна, генеральша, гостыя В.Я. Рейнталя 842, 1014

Линденберг, ветеринарный врач л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 597, 676, 680, 733, 747

- Линевич Николай Петрович (1938–1908), генерал-лейтенант (1899), участник похода в Китай 1900–1901 гг., генерал от инфантерии (1904), участник русско-японской войны, генерал-адъютант (1905) 476, 588, 748
- Лист Ференц, композитор, пианист 381
- Литвинов, офицер Придворной конюшни 532
- Литке Константин Николаевич (1873–1915), граф, поручик (1897), штабс-капитан (1901), капитан (1905) л.-гв. Преображенского полка, полковник (1912), участник Первой мировой войны 757, 764, 833
- Лихачев Николай Петрович (1862–1936), историк, источниковед, профессор СПб Археологического института, академик АН СССР 406, 412, 413, 419, 420, 542, 544, 548
- Лоде Владимир-Гармольдус-Фромпольд Эдуардович (1867–1914), штабс-капитан (1898), капитан (1900), полковник (1907) л.-гв. Семеновского полка, участник Первой мировой войны 757, 758
- Лозинский Александр Александрович (1868–1961), врач-бальнеолог 114
- Лопухова Евгения Васильевна (1884–1943), артистка балета 673
- Лоррен Жан (1855–1906), французский поэт 231
- Лысенко, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 234
- Львов (?–1906), бывший офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 616
- Львов, мастер, изготавливавший нагрудные знаки, ул. Гоголя, д. 19 948, 957, 959, 966
- Лубэ Эмиль (1838–1929), президент Франции (1899–1906) 171
- Лукашевич Сергей Владимирович (1868–1935), капитан (1896), подполковник (1901) полковник (1908), начальник учебного артиллерийского полигона Петербургского ВО (1908–1911), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 865
- Лукин, фейерверкер 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 814, 815
- Лукомский Владимир Владимирович (1881–1923), поручик, штабс-капитан (на 1909) л.-гв. Конной артиллерийской бригады 703, 704
- Любавин Александр Бенедиктович, владелец фабрики по производству серебряных изделий 351, 609, 621, 645, 745, 983
- Людсковит Владимир Яльмарович (1884–1920), подпоручик (1905), поручик (1908) л.-гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона, капитан (1915), участник Первой мировой войны, в РККА 490, 541, 544–546, 553, 625, 658, 700, 701, 703, 720, 727, 730, 734, 741, 746, 798, 799, 805, 812, 835, 837, 842, 884
- Ляличенко, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 234
- Ляненко, старший нестроевой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, вахтер дома «Зеленые связи» 806, 812
- Ляпунов Николай Николаевич (1846 – после 1913), генерал-майор (1899), командир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1899–1904) 85, 90, 91, 93, 96, 108, 109, 111, 115, 117, 119, 125, 129, 132, 138–143, 146, 147, 155–157, 164, 165, 167, 168, 173, 175, 183, 185–188, 191, 193, 194, 197, 198, 200, 205,

- 207–211, 217, 220–224, 229, 230, 234, 238, 245, 280, 281, 287, 288, 291, 293, 295–298, 309–313, 329, 371, 448, 449, 554, 751, 793, 1006, 1043–1047, 1055, 1056
- Ляпунова (урожд. Ильина), супруга Н.Н. Ляпунова 293, 296
- Маевский, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, закройщик 155, 253
- Мазепа Иван Степанович (1639–1709), гетман Войска Запорожского 270
- Мазуров, фельдшер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 956
- Майдель Борис Николаевич (1871–после 1940), барон, поручик гв. (1897), штабс-капитан гв. (1900), капитан гв. (1904), участник русско-японской войны, подполковник (1904), полковник (1913), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 123, 147, 162, 170, 173, 178, 179, 183, 192, 194, 198–200, 207, 211, 230, 231, 360, 261, 356, 525, 1099
- Майков Владимир Владимирович (1863–1942), археограф, палеограф, профессор СПб Археологического института, чл.-корр. АН СССР 406, 413, 415, 416, 418, 551, 557, 558, 950
- Макеев Михаил Владимирович (1873–1925), штабс-капитан (1899), старший адъютант управления Начальника артиллерии гвардейского корпуса (1901–1904), капитан (1903), участник русско-японской войны, полковник (1906), генерал-майор (1908), генерал-лейтенант (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 106, 139, 141, 146, 194, 198, 210, 212, 254, 287, 300, 323, 343, 356, 367, 372, 865, 870
- Мальский Н. П., артист Малого театра, юморист, пародист 377
- Мальчевская Екатерина Алексеевна (?–1908), супруга В.Л. Мальчевского 319, 342, 748
- Мальчевский Владимир Леонович, капитан, адъютант главного начальника военно-учебных заведений, товарищ В.С. Савонько по 1-му Кадетскому корпусу 295, 319, 329, 333, 342, 510, 613, 748, 848
- Манакин Виктор Константинович (1887–1964), подпоручик (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 684, 712, 714, 746, 764, 798, 808, 812, 822, 825, 832, 837, 848, 851, 859, 872, 881, 886, 889, 890, 893, 897–899, 901, 902, 905, 907, 909, 914, 915, 918, 919, 921, 930, 932, 942, 945, 961, 970, 1004, 1006
- Манвелов (Манволов) Александр Александрович (1869–1933), поручик (1895), штабс-ротмистр (1900), ротмистр (1903), полковник (1907) л.-гв. Конного полка, участник Первой мировой войны, в эмиграции 219
- Мандерштерн (урожд. Селиванова), вдова поручика Мандерштерна, невеста подпоручика Шмидта 969
- Мандражи Николай Николаевич (?–1913), генерал-майор (1890) 474
- Мантвиллов, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628, 640
- Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884), писатель 811

- Марков Алексей Константинович (1858–1920), археолог, нумизмат, профессор СПб Археологического института, хранитель Эрмитажа по отделу восточных монет (1858–1919) 405, 406, 409, 412, 413, 419, 421, 521, 542, 548, 557, 558
- Марков Николай Евгеньевич (1866–1945), политик, монархист, депутат III и IV Государственной думы 760
- Маркович, поручик (на 1908) 904
- Мartiнович (Мартынович) Митар (1870–1954), военный министр Черногории, генерал Югославской армии 743–745
- Мартынов Александр Васильевич, доктор медицины, врач больницы Покровской общины сестер милосердия 803, 804, 807, 809, 810, 813
- Мартынов А. Н., подпоручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, прикомандированный к гв. Стрелковому артиллерийскому дивизиону, племянник доктора А.В. Мартынова 604, 606, 739, 750, 807, 812, 877
- Мартюшов Владимир (?–1905), генерал от артиллерии 476, 477
- Мартюшев Лев Владимирович (1880–1937), штабс-капитан (1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), репрессирован 162, 213, 215, 476, 477, 480, 495, 755, 762, 797, 984
- Марулин, владелец ювелирного магазина (Владимирская ул., д. 10) 520
- Марушевский Владимир Владимирович (1874–1951), поручик (1898), штабс-капитан (1902), капитан (1904), участник русско-японской войны, служил при Генеральном штабе (1906–1913), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 715, 716
- Марцынанис, фельдшер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 330
- Марченко-Тонни, актриса театра «Буфф» 561
- Маршаловы Д. и Н., братья, владельцы парусной лодки «Денеб» 764
- Масалитинов Василий Иванович (1861–1933), капитан (1895), полковник (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1907), генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 86, 118, 128, 176, 189, 190, 192, 215, 258, 300, 303, 346, 353, 354, 371, 376, 380, 381, 383, 385, 391, 398, 425–427, 449, 456, 460, 480, 490, 501–503, 506, 508, 510, 522, 525, 529, 593, 596, 599, 600, 603, 606, 608, 609, 613, 624, 625, 634, 639, 642, 646, 648, 652, 674, 678, 687, 690, 824, 825, 827, 984, 993
- Масальский Владимир Николаевич (1860–1940), князь, полковник (1897), командир 1-й батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1898–1901), в распоряжении ГАУ (1901–1902), в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде (1902–1909), генерал-майор (1905), генерал-майор Свиты (1906), генерал-лейтенант (1909), генерал от артиллерии (1913), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 389
- Матвеев Владимир Тимофеевич (?–1924), подпоручик (на 1903), штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник

- (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 115, 215, 241, 298, 313, 314, 320, 322, 325, 326, 334, 358, 412, 476, 534, 541, 544, 549, 553, 555, 568, 585, 593, 597, 600, 606, 625, 635, 646, 658, 700, 701, 705, 706, 719, 727, 730, 734–736, 740, 746, 751, 761, 762, 790, 966
- Матвеев, фельдфебель хора л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 463, 498, 519, 814, 815, 987
- Матвеева, супруга В.Т. Матвеева 706
- Матвеевко, бомбардир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 868, 869
- Матиас Дмитрий Михайлович (1873 – после 1919), поручик гв. (1896), капитан (1901), подполковник (1905), помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда (1907–1910), полковник (1909), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 344
- Матюшкин Н. Н., поручик (на 1902) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан в отставке 139, 192, 198, 212, 220, 223, 238, 249, 251, 280, 291, 293, 298, 303, 310, 320, 328, 336, 338, 340, 342, 346, 347, 353, 358, 368, 370, 373, 385, 391, 398, 423, 428, 451, 456, 459, 479, 498, 499, 518, 519, 594, 661, 670, 735, 817
- Матюшкина, супруга Н.Н. Матюшкина 303, 518, 519
- Махнов Федор Андреевич (1878–1912), крестьянин, «русский великан» 615
- Мацевский Александр Александрович (1859 – после 1916), ротмистр (1898) л.-гв. Драгунского полка, полковник (1907) 397
- Машкин, ездовой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 929
- Машмеер (Машмейр)-Владычин Иван Иванович (1881–1938), младший офицер (1902) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, поручик (на 1909), полковник (1916), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 254, 255, 342, 601
- Медведев, генерал-майор в отставке, гласный Петербургской городской думы 240, 241, 354
- Медведев, актер Александринского театра 480
- Медведовский (?–1904), полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 333
- Мейбаум Георгий Константинович (1850–?), полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, командир 24-й артиллерийской бригады (1899–1903), генерал-майор (1900) 85, 105, 800, 983
- Мейендорф Александр Егорович (1848–1907), барон, командир Собственного Е.И. В. конвоя (1893–1906), генерал-майор Свиты (1896), генерал-лейтенант (1906), генерал-адъютант (1906) 306, 377, 760, 960
- Мейснер Виктор Вольдемарович (Владимирович), фон (1859–1928), подполковник (1895) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, командир 1-й батареи 24-й артиллерийской бригады (1896–1904), полковник (1904), командир 1-го дивизиона 24-й артиллерийской бригады (1904–1910), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, в Украинской армии, в эмиграции 993
- Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич (1859–1909), герцог, полковник гв. (1896), генерал-майор

- (1902), командир л.-гв. Драгунского полка (1902–1906), генерал-майор Свиты (1906), командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1906–1907) 275, 467, 479, 494, 509, 612, 677, 678, 800, 826, 876, 880, 913, 917, 933, 965, 991, 993–999, 1002, 1014
- Мекленбург-Стрелицкий Михаил Георгиевич (1863–1934), герцог, полковник (1895), командир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1895–1901), командир 1-го дивизиона л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1901–?), генерал-майор (1904), командир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904–1908), генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант (1915), в эмиграции 88, 112, 113, 123, 128, 129, 131, 133, 138, 162, 167–169, 172, 173, 175–177, 179, 184, 185, 189, 190, 194, 196, 199, 200, 212, 218, 323, 234, 235, 237, 239, 240, 248, 252, 261–263, 265, 275, 276, 281, 285, 286, 300–302, 305, 306, 308, 311, 319, 332, 336, 337, 340, 343, 344, 346, 348, 350, 352, 256, 358, 362, 365, 366, 368, 373, 381, 385, 390, 398, 399, 401, 423, 425–427, 433, 435, 453, 455, 456, 480, 481, 490, 491, 494, 507, 512, 519, 523, 525, 529, 531, 534, 536, 560–563, 568, 585, 587, 591–594, 613, 622–626, 631, 632, 638, 645, 649, 652, 653, 658, 661, 670, 671, 689, 693, 703, 717, 722, 725, 726, 728–732, 735, 738, 741–743, 747, 751, 752, 754–756, 761, 790, 794, 795, 798, 814, 817, 821, 825, 831, 837, 851, 859, 860, 869, 870, 894, 895, 913, 966, 981–983, 989, 991, 992, 995, 1000, 1006
- Мекленбург-Шверинский – см. Фридрих Франц IV
- Мекленбург-Шверинский Иоганн Альберт (1857–1920), герцог Мекленбург-Шверина, регент Мекленбург-Шверина (1897–1901), генерал кавалерии прусской армии 172
- Мелодист (в замуж. Ярон) Элеонора Яковлевна (1871–1948), оперная певица 451, 452
- Мендельсон Феликс (1809–1847), немецкий композитор 763
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), государственный деятель, сподвижник Петра I 247
- Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), консервативный публицист 756
- Мерецкий Казимир Станиславович (1877 – после 1920), поручик (на 1903) 30-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1903) с прикомандированием к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде, штабс-капитан гв. (1907), полковник (1915), участник Белого движения 342, 354
- Мертенс, судья на гонках яхт 251
- Мешетич Николай Фёдорович (1850–1910), генерал-майор (1891), генерал-лейтенант (1900), генерал от инфантерии (1908) 97
- Мигаль, нижний чин 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, прикомандированный к л.-гв. Стрелковому артиллерийскому дивизиону 840
- Микулин, изобретатель приборов для ночной сигнализации 940
- Микулин Иосиф Александрович (1863–1916), подполковник (1897), полковник (1901), генерал-майор ГШ (1908), генерал-лейтенант (1916), участник Первой мировой войны 108
- Миллер Александр Александрович (1875–1935), археолог, музеевед, этнолог 1008

Миллер Василий Александрович (?–1919), подпоручик (на 1908–1909), полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, в РККА, репрессирован 851, 855, 861, 959

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), военный министр (1861–1881), в Генеральном штабе (1881–1911), генерал-фельдмаршал (1898) 190, 303, 961, 966, 981

Мин Георгий Александрович (1855–1906), полковник (1898), командир л.-гв. Семеновского полка (1906), генерал-майор (1906) 587–589, 997

Миронов Леонтий Николаевич, капитан (на 1902–1909) 4-й резервной артиллерийской бригады 165

Митрисевич, подпоручик (на 1908) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 934

Михайлов, врач, ассистент профессора Земацкого 804

Михайловская, оперная певица, актриса Нового летнего театра 667

Михайловский Иван Петрович (1874–?), поручик (1898), штабс-капитан (1900), капитан (1904) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, в РККА 219

Михеев, полковник Гвардейской конной бригады 84

Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866–1948), актриса 176, 480

Молоканов, бомбардир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Молчанов, генерал-майор 590

Моргенштерн Федор Федорович (1843–?), генерал-майор (1899) 399

Мордвинов Анатолий Александрович (1870 – после 1921), штабс-ротмистр (1898), ротмистр (1902), адъютант

вел. кн. Михаила Александровича (с 1906), полковник (1908), флигель-адъютант (1913), в эмиграции 833

Морев Иоанн Васильевич (1860–1935), священник, духовный писатель 367, 745

Мориц Александр Арнольдович (1861–1936), подполковник (1895), старший адъютант штаба войск гв. и Петербургского ВО (1898–1902), начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1902–1904), в прикомандировании к артиллерии (1903), командир 26-го драгунского Бугского полка (1904–1905), начальник Елисаветградского кавалерийского училища (1905–1907), полковник (1900), генерал-майор (1906), начальник штаба Гвардейского корпуса (1907–1912), генерал-лейтенант (1912), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 885

Морозов, владелец ювелирного магазина 814, 997

Морской (Янчевецкий) Гавриил (Генрих) Алексеевич (1862–1914), оперный певец 437

Москов Платон Александрович (1871 – после 1916), поручик (1895), штабс-капитан (1900), капитан (1903) л.-гв. Егерского полка, полковник (1910), участник Первой мировой войны 931

Моховой В., солдат 483

Мравинский Александр Константинович (1859–1918), член консультации при Министерстве юстиции, окружной юрисконсульт военно-окружного совета Петроградского ВО 732, 887

- Мрозовская, супруга И.И. Мрозовского 601, 642
- Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), полковник (1895), командир 2-й батареи Гвардейского стрелково-артиллерийского дивизиона (1897–1902), начальник артиллерии Южно-Маньчжурского отряда (1900–1902), командир 2-го дивизиона 5-й артиллерийской бригады (1902–1904), генерал-майор (1903), генерал-лейтенант (1907), начальник артиллерии Петербургского ВО (1907–1908), начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии (1908–1912), генерал от артиллерии (1913) 142, 156, 176, 356, 368, 383, 446, 448, 601, 603, 643, 678, 679, 880, 892, 928, 983, 996
- Мозафереддин-шах Каджар (1853–1907), пятый шах из династии Каджаров в Персии (1896–1907) 113
- Монте (Мунте) фон Моргеншерн Максимилиан Николаевич (1846 – не ранее 1917), полковник (1892), генерал-майор (1904), участник Первой мировой войны 399
- Моношюшко Станислав (1819–1872), польский композитор 452
- Муращенко Павел, младший фейерверкер 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 671
- Мурзин Николай Николаевич (1886–1978), подпоручик л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (на 1909), полковник, участник Белого движения, в эмиграции 934
- Мусселиус, супруга А.Р. Мусселиуса 256
- Мусселиус Андрей Робертович (1854–1913), полковник, генерал-майор (1904), генерал-лейтенант (1908) 141, 210, 300, 337
- Муто Нобуёси (1868–1933), подполковник, военный агент Японии в Петербурге 735, 736
- Мучницын Федор, вестовой поручика Н.Н. Ушакова 730
- Мышлаевский Александр Захарович (1856–1920), генерал от инфантерии, военный историк 629–631, 641, 642
- Мясников, канонир 1-го гв. Летучего артиллерийского парка 238
- Мясоедов Николай Александрович (1872 – до 1932), штабс-капитан (1897), капитан (1901), полковник (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, командир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (с 1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны 695, 715, 725–727, 731, 740, 744, 756–757, 765, 793, 798–800, 805, 809, 811, 823, 825, 826, 828, 829, 831–835, 841, 851, 857–859, 861–863, 865, 866, 872, 877, 879, 881, 882, 886, 887, 889, 892, 893, 897, 902–906, 908–910, 912, 913, 915–923, 926, 929–931, 936, 940, 945, 946, 949, 950, 952–954, 998, 1003–1006, 1010
- Мятлев Иван Петрович (1796–1844), поэт 446
- Надаров Иван Павлович (1851–1922), генерал-майор (1897), генерал-лейтенант (1901), участник русско-японской войны, начальник военно-окружного управления Маньчжурской армии (1904–1905), главный начальник тыла Маньчжурских армий (1905–1906), генерал от инфантерии (1908) 357
- Надикта-Резунов Александр Васильевич, капитан (на 1909), адъютант комендантского управления в г. Абас-Тумане 135

- Накашидзе Давид Александрович (1879 – после 1954), князь, корнет гв. (1900), поручик гв. (1904), штабс-ротмистр гв. (1908), полковник л.-гв. Гусарского полка 162
- Наливайко, подпрапорщик, фейерверкер 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 732, 814, 816
- Нансен Фритъоф (1861–1930), норвежский полярный исследователь, океанограф 229
- Наплеха, бомбардир 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 869
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император 272
- Наркович, супруга П.А. Нарковича 751, 752, 856
- Наркович Василий Николаевич, подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник 183, 194, 235, 254, 258, 265, 276, 302, 305, 343, 344, 352, 353, 380, 381, 466, 470, 474, 510, 512, 517, 518, 520, 521, 523, 531, 534, 541, 544, 547, 552, 560, 568, 604, 610–613, 622, 631, 691, 698, 702, 712, 714, 719, 720, 727, 730, 731, 744, 746, 777, 798, 800, 806, 807, 811, 812, 824, 832, 835, 848, 851, 854, 859, 873, 874, 877, 896, 899, 900, 902, 905, 911, 912, 914, 917, 927, 931, 935, 942, 945, 956, 970
- Наркович Петр Антонович (1865–1909), полковник, генерал-майор (1908), командир 35-й артиллерийской бригады 222, 223, 238, 300, 304, 305, 353, 371, 375, 383, 390, 397, 452, 499–508, 512, 522, 523, 529, 545, 549, 552, 585, 598, 600, 626, 627, 633, 634, 646, 651, 652, 656, 663, 727, 750–752, 820, 929, 981
- Нарышкина, княгиня, фрейлина 529
- Насветевич Александр Александрович (1837–1911), генерал-майор (1882), флигель-адъютант 247
- Невдачин Владимир Иванович, поручик (на 1909) 23-й артиллерийской бригады, прикомандированный к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде 836
- Неелов Федор Андреевич (1886 – после 1915), подпоручик (1906), подпоручик гв. (1907), поручик (1911) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 884, 928, 933, 959, 975, 986, 1003, 1007
- Ней-Пум Николай Николаевич, сиамец, поручик (на 1909) л.-гв. Гусарского его величества полка, корнет, полковник, участник Первой мировой войны, в эмиграции 225
- Некрасов Александр Михайлович (1874 – после 1917), поручик (1898), штабс-капитан (1902), ст. адъютант управления начальника Артиллерийского гвардейского корпуса (1902–1907), капитан (1906) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны 178, 287, 300, 323, 368, 483, 615, 746, 864
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), поэт, писатель 947
- Некрасова, супруга А.М. Некрасова 865
- Нестеров, подпоручик (на 1908) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 842, 852, 854, 855, 866, 932, 974, 985, 988
- Нефедович — см. Щербов-Нефедович Г. П.
- Нефедович — см. Щербов-Нефедович П. О.
- Нечитайло, фейерверкер, надзиратель больных детей школы солдатских детей, фельдфебель л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 201, 473, 814, 815

Нецветаев, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 872

Нидерле Любор (1865–1944), чешский историк и археолог 410

Никитин Борис Владимирович (1883–1943), вольноопределяющийся, офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, подпоручик 22-й артиллерийской бригады, прикомандированный к л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде, подполковник (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 802, 938, 948, 982, 994

Никитин Владимир Николаевич (1848–1922), генерал-майор (1899), командир 20-й артиллерийской бригады (1899–1901), генерал-лейтенант (1904), участник русско-японской войны, начальник артиллерии 1-го армейского корпуса (1906), командир 1-го армейского корпуса (1908–1911), генерал от артиллерии (1910), участник Первой мировой войны, в эмиграции 802, 926

Никитина, оперная певица, артистка Нового летнего театра 465

Никифораки Иван Антонович (1863–1920), штабс-капитан гв. (1896), капитан гв. (1900), полковник (1905) л.-гв. Измайловского полка 940

Никифоров Николай Михайлович (1870–после 1916), капитан (1898), обер-офицер Петергофской инженерной дистанции (1899–1906), подполковник (1906), полковник (1913) 732, 733

Никифорова Мария Исидоровна, гувернантка В.С. Савонько 431

Николаев (?–1906), полковник, командир 7-й батареи л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 593, 997

Николаев Александр Лукич, повар 321, 519, 684, 934, 992

Николаев Александр Николаевич (1850–1916), командир Кавалергардского полка (1896–1900), генерал-майор Свиты (1899), командир 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1900–1902), командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1902–1903), в Свите его величества (1903–1916), генерал-адъютант (1910) 89

Николаевский, священник Сергиевского собора 653, 849, 851, 684, 876, 962, 1001, 1002, 1004, 1005

Николай (1872–1938), принц Греческий и Датский, супруг вел. кн. Елены Владимировны 180, 182

Николай I (1796–1855), император России (1825–1855) 107, 629, 656, 657, 688, 923, 924, 986

Николай II (1868–1918), император России (1894–1917) 90, 91, 113, 117, 143, 172, 174, 179, 188, 191, 193, 195, 196, 199, 200, 207, 213, 223, 226, 227, 240, 249, 256, 265–268, 273–275, 289, 303, 306, 307, 328, 364, 365, 368, 369, 378, 389, 401, 424, 429, 437, 450, 468–470, 481, 489, 491, 493, 510, 511, 520, 521, 530–532, 578, 579, 591, 601, 612, 652, 653, 660, 679, 681, 684, 689, 692, 693, 709, 712, 713, 717, 722, 745, 754, 785, 824, 830, 831, 834, 874–876, 885, 889, 891, 902, 907, 913, 914, 916, 917, 927, 931, 936, 943–945, 962, 987, 1011, 1052, 1096

Николенко Николай Михайлович (1855–1920-е), полковник (1894) л.-гв. Саперного батальона, генерал-майор (1903), участник русско-японской войны, начальник 6-й (1906–1907) и

- 1-й саперных бригад (1907–1910), генерал-лейтенант (1908) 940
- Нищенко Аркадий Никанорович (1855–1940), полковник (1895), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1898–1904), генерал-майор (1901), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1906), генерал от артиллерии (1912), участник Белого движения, в эмиграции 84, 110, 112, 113, 129, 131–133, 142, 199, 219, 255, 284, 296, 425, 448, 629, 752
- Новицкий Евгений Федорович (1867–1931), капитан ГШ (1892), подполковник (1900), штаб-офицер для особых поручений при штабе Гвардейского корпуса (1900–1902), штаб-офицер при управлении 50-й пехотной резервной бригадой (1902–1905), полковник (1903), начальник штаба 3-й стрелковой дивизии (1905), командир 12-го стрелкового полка (1905–1910), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 327
- Новогребельская (Мусселиус), супруга В.С. Новогребельского 256
- Новогребельский Владимир Станиславович (1879–после 1918), подпоручик гв. (1899), участник похода в Китай 1900–1901 гг., поручик (1903) в Гвардейском стрелковом дивизионе, штабс-капитан (1906), полковник (1915) 213, 256, 693, 850, 870
- Оболенская, княгиня, фрейлина 529
- Оболенский Владимир Николаевич (1865–1927), князь, штабс-капитан (1897), капитан (1900), полковник (1904) л.-гв. Преображенского полка, генерал-майор Свиты (1912), в эмиграции 469, 490, 491
- Овод, бомбардир 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 861
- Овчинников, владелец художественного заведения 339
- Огоновский (Огановский) Борис Максимилианович (1876–1914), подпоручик гв. (1897), поручик гв. (1901), штабс-капитан гв. (1902), капитан гв. (1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник гв. (1910), участник Первой мировой войны 186, 188, 197, 207, 211, 222, 223, 248, 257, 258, 260, 262, 263, 282, 337, 346, 352, 354, 391, 398, 477, 552, 646, 668, 739, 895, 959, 960, 988
- Одарики, подполковник, помощник военного агента Японии в С.-Петербурге 874
- Одон (Odone), лейтенант штаба 5-го корпуса французской армии 715, 716
- Озаровский Юрий Эрастович (1869–1924), артист 647
- Озеров Сергей Сергеевич (1852–1929), генерал-майор Свиты (1899), командир л.-гв. Преображенского полка (1900–1904), командующий 1-й гв. пехотной дивизией (1905–1906) 178–180, 274–276
- Окерман (Эвальд), супруга В.В. Окермана 622
- Окерман Виктор Вильгельмович (1881–1927), подпоручик (1902) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1905) 37-й артиллерийской бригады, капитан (1909), полковник (1916), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 190, 235, 265, 284, 303, 304, 342, 371, 377, 425, 502, 606, 622, 709

- Окунев Александр Дмитриевич (1880–1937), подпоручик (1900), участник русско-японской войны, штабс-капитан (1906) 9-го саперного батальона, капитан (1908), полковник (1916), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 356, 583
- Ольденбургская (урожд. Мекленбург-Шверинская) Елизавета Александрина (1869–1955), герцогиня, супруга Фридриха Августа II Ольденбургского 174
- Ольденбургская (урожд. Романова) Ольга Александрина (1882–1960), великая княжна, сестра Николая II, супруга П.А. Ольденбургского
- Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932), герцог, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал от инфантерии (1895), член Государственного совета, в эмиграции 629
- Ольденбургский Петр Александрович (1868–1924), герцог, штабс-капитан (1899), капитан (1900), полковник (1905), командир л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона (1905–1906), генерал-майор Свиты (1913), участник Первой мировой войны, в эмиграции 149, 180, 268, 276, 332, 529,
- Ольденбургский Фридрих Август II (1852–1931), герцог, прусский генерал кавалерии, германский адмирал 174
- Ольхины, сестры, знакомые В.С. Савонько 215
- Ольховский Михаил Александрович, заведующий музеем Полтавского губернского земства 903
- Онопrienко Александр Васильевич (1837 – после 1916), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (с 1888), генерал-лейтенант (1895), начальник артиллерии Петербургского военного округа (1895–1904), генерал от артиллерии (1906) 97, 99, 146, 193, 194, 199, 255, 275, 296, 297, 300, 305–308, 349, 477, 548, 599, 611, 613, 647, 678, 712, 713, 830, 831, 978–981, 983, 991–993, 996, 1004, 1005
- Онуфриев, депутат на праздновании 200-летия взятия Шлиссельбурга 1047, 1050, 1055
- Опенгейм, знакомая В.С. Савонько 326
- Оприц Александр Ильич (1843–?), фон, генерал-майор (1892), генерал-лейтенант (1901), инженер-генерал (1910), начальник инженеров Петербургского ВО 591, 699
- Орановский Николай Алоизиевич (1869–1935), капитан гв. (1898), полковник гв. (1901), командир 4-й батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1901–1905), командир 10-го конно-артиллерийского дивизиона (1905–1907), командир 1-го дивизиона Гвардейской конно-артиллерийской бригады (1907), генерал-майор (1907), командир 35-й артиллерийской бригады (1907–1908), командир 3-й артиллерийской бригады (1908–1909), генерал-лейтенант (1916), участник Первой мировой войны, в эмиграции 702–704, 997
- Орлов Владимир Николаевич (1868–1927), князь, штабс-ротмистр (1899), ротмистр (1901), помощник начальника военно-походной канцелярии его величества (1901–1906), флигель-адъютант (1903), полковник

- (1904), начальник военно-походной канцелярии его величества (1906–1915), генерал-майор Свиты (1909), генерал-лейтенант (1915), в эмиграции 307, 738, 739
- Орлов-Давыдов Д. Д., домовладелец 367
- Орловский Константин Константинович (1861–после 1916), штабс-капитан (1895), капитан (1900) л.-гв. Егерского полка, полковник (1904), участник Первой мировой войны 952, 955
- Осипов, генерал-лейтенант артиллерии (на 1907) 688, 689
- Осипов, офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 284
- Осоргин Михаил Александрович (1877 – после 1916), корнет (1899), поручик (1903), штабс-ротмистр (1907) л.-гв. Уланского Ее величества полка, полковник (1915) 390
- Остен-Сакен Владимир Федорович, фон дер (1860–1920), барон, подполковник (1898), ротмистр (1901), участник русско-японской войны, полковник (1904), начальник охраны Таврического дворца (с 1906), генерал-майор (1910) 759
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург 176, 773
- Остроградский Всеволод Матвеевич (1843 – 1932), начальник 2-й гв. кавалерийской дивизии (1895–1901), генерал-лейтенант (1896), генерал-инспектор кавалерии (с 1905), генерал от кавалерии (1906) 170, 379
- Оцуп Петр Адольфович (1883–1963), фотограф 239, 591, 605
- Очередько, фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 814, 816
- Павлов, вице-фейерверкер 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 840
- Павлова Анна Павловна (1881–1931), балерина, прима Мариинского театра 205, 517
- Павловский Иван Францович (1851–1922), историк, архивовед, преподаватель Полтавского кадетского корпуса 903–905
- Павловский Николай Акимович (1845–1927), генерал-майор (1895), командир л.-гв. Измайловского полка (1898–1900), командир 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (1900), начальник 1-й гренадерской дивизии (1903), генерал-лейтенант (1903), генерал от инфантерии (1905) 142
- Пазетти Анаклет (1850–?), фотограф, владелец фотоателье 430
- Пальтель Павел Владимирович, гувернер В.С. Савонько 261, 431, 432
- Панаев Валериан Александрович (1824–1899), публицист, основатель Панаевского театра 210
- Панкратов, ученик учебной команды л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 130
- Панферов Константин Александрович (1860–не ранее 1920), генерал-майор флота 1044, 1045, 1047, 1055
- Панчина, актриса Александринского театра 602
- Папа-Федоров Михаил Николаевич (1868–1960), штабс-капитан (1895), капитан (1900), командующий 3-й батареей л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, полковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 676

- Папкевич Владимир Павлович (1876 – после 1909), подпоручик, капитан (на 1909) л.-гв. стрелковой артиллерийской бригады 115, 129, 353, 357, 424, 427, 595
- Паприков Стефан (1858–1920), полковник, военный министр Болгарии 107, 108
- Пароменский Евстрат Евстратович, поручик, штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 346, 705, 864, 949
- Паскевич (урожд. Воронцова-Дашкова) Ирина Ивановна (1835–1925), кн., благотворительница, хозяйка салона 922, 924
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782–1856), полководец, государственный деятель 923
- Паскевичи, князя 923, 924
- Пастухов Андрей Васильевич (1858–1899), альпинист 778
- Пасхалова Алевтина Михайловна (1875–1953), певица 562
- Пахитов, народоволец 228
- Пахмутов, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628
- Пелихов, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 178
- Перетяткович Мариан Марианович (1872–1916), архитектор 763
- Перлик Федор Петрович (1881 – не ранее 1907), подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 298, 299, 342, 346, 353, 371, 429, 474, 475, 484, 491, 585, 586, 638, 658, 670, 675, 681, 684, 692, 695, 699, 700, 712, 714, 727, 740, 761, 808, 811, 812, 851, 852, 855, 859, 884, 930, 932, 952, 975
- Перрет Евгений Васильевич (1876–1940), подпоручик гв. (1894), поручик (1900), штабс-капитан (1902), капитан (1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1910), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 186, 188, 197, 199, 207, 208, 210, 211, 248, 257, 258, 260, 262, 263, 265, 288, 352, 552, 589, 593, 595, 615, 654, 656, 675, 676, 726, 739, 849, 854, 891
- Перский, капитан, адъютант штаба Петербургского ВО 561
- Петерсон, офицер гв. Конно-артиллерийской бригады 444
- Петлин, доктор 131
- Петр I (1672–1725), император 101, 105, 106, 124, 161, 183, 185, 193, 239, 240, 246, 247, 251, 272, 301, 327, 369, 543, 559, 563, 643, 670, 671, 699, 715, 757, 859, 860, 865, 882, 893, 911, 915, 919, 920, 966, 1012, 1049
- Петр III (1728–1762), император 670, 791
- Петраков Александр Николаевич (1844 - после 1910), генерал-майор (1898), начальник артиллерии ВО (1902–1910), генерал-лейтенант (1905), командир 28-й артиллерийской бригады, генерал от артиллерии (1910) 839
- Петров, диакон Сергиевского собора 473, 591
- Петров, композитор, офицер, автор оперетки «Под золотым дождем» 755
- Петров Федор Васильевич (1866–1920), капитан (1895), подполковник (1900), полковник (1904), военный следователь Петербургского ВО (1905–1913), генерал-майор (1913), участник Белого движения 822

Петровская, оперная певица, артистка
Нового летнего театра 664

Петрушевская Ю.И. (?–1909), мать
И.В. Петрушевского, супруга
В.Ф. Петрушевского 949

Петрушевский Иван Васильевич
(1873–1913), штабс-капитан, пол-
ковник (1908) л.-гв. 2-й артиллерий-
ской бригады 99, 162, 170, 182, 192,
199, 212, 238, 253, 261, 262, 266, 279,
297, 298, 304, 334, 346, 353, 354, 362,
365, 385, 448, 449, 497, 500, 504, 507,
531, 541, 567, 585–587, 598, 600, 604,
605, 607, 655, 669, 678, 679, 685, 686,
720, 776, 736, 739, 746, 750, 786, 789,
807, 812, 832, 842, 850, 856, 864, 870,
897, 949, 978, 980, 982–984, 991, 1002

Пеунов, доктор 776, 779

Печенкин, фейерверкер 5-й батареи л.-
гв. 1-й артиллерийской бригады 561

Пешков Федор Николаевич (1859–
1910), капитан гв. (1895), полковник
(1900), адъютант принца А.П. Оль-
денбургского (1902), участник рус-
ско-японской войны, комендант во-
енно-санитарного поезда (1904–
1906), и. д. начальника Царскосель-
ского дворцового управления (1906),
генерал-майор (1906), начальник
Царскосельского дворцового управ-
ления (1906–1910) 981, 984, 991

Пивар, берейтор л.-гв. 1-й артиллерий-
ской бригады 338, 427

Пивато, ресторатор 792, 796

Пий VII (1743–1823), папа Римский 924

Пилецкий, библиотекарь л.-гв. 1-й ар-
тиллерийской бригады 981

Пионтковская Валентина Ивановна
(1877 – ок. 1915), актриса и певица,
артистка Нового летнего театра 755,
760–762, 792

Пиотровский (?–1898), штабс-капи-
тан л.-гв. 1-й артиллерийской бри-
гады 98

Пиотровский Борис Бронеславович
(1876–1929), поручик гв. (1899),
штабс-капитан гв. (1901), капитан
(1901), штатный преподаватель Ни-
колаевского кавалерийского учили-
ща (1903–1914) подполковник (1904),
полковник (1909), участник Белого
движения 461, 501, 709, 984, 1001

Пирогов Николай Иванович (1810–
1881), хирург 315, 614

Писарев Дмитрий Иванович (1840–
1868), публицист, литературный
критик 810, 811

Плавский, однокурсник В.С. Савонько
по I Кадетскому корпусу 444

Платонов Сергей Федорович (1860–
1933), историк, профессор СПб Ар-
хеологического института, чл.-корр.
Петербургской АН 405, 412, 414, 415,
421

Плеве Вячеслав Константинович
(1858–1904), министр внутренних
дел (1902–1904) 242, 243, 245, 378,
950

Плеске Эдуард Дмитриевич (1852–
1904), министр финансов (1903–
1904) 279

Плешков Михаил Михайлович (?–
1956), поручик (на 1909) Кирасир-
ского Ее Величества полка, полков-
ник (1915), участник Первой миро-
вой войны, участник Белого движе-
ния, в эмиграции 913

Плосский, трубач л.-гв. 1-й артилле-
рийской бригады 944, 992

Плотников Константин Никанорович
(1862– не ранее 1901), духовный пи-
сатель 218

- Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911), псковский купец, коллекционер-любитель 269–272
- Плющевская-Плющик, супруга Ю.Н. Плющевского-Плющика 205, 249, 319, 677, 727
- Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877–1926), подпоручик (1898), поручик (1902) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны, капитан (1905) при Генеральном штабе (с 1907), полковник (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 84, 89, 92, 110, 127, 190, 249, 304, 319, 334, 357, 452, 453, 461, 495, 502, 599, 606, 708, 710, 725, 727
- Плюцинский Борис Александрович (1880–1953), подпоручик гв. (1899), поручик гв. (1903) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1907), полковник (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 346, 703, 864
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), правовед, государственный деятель, обер-прокурор Синода 148
- Поганкин Сергей Иванович, псковский купец 273
- Погребняков Николай Антонович (1871–1920), штабс-капитан (1898), капитан (1902), полковник (1908), командир 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (с 1908), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 162, 190, 199, 235, 255, 261, 284, 303, 304, 371, 377, 425, 455, 502, 522, 529, 531, 584, 606, 675, 687, 708, 710, 824, 825, 835, 845, 858, 866, 871, 876, 877, 879, 882, 931, 939, 949, 962, 965
- Покотило (Покатило) Василий Иванович (1856 – после 1919), полковник (1894), директор 1-го Кадетского корпуса (1900–1904), генерал-майор (1902), генерал-лейтенант (1907), генерал от кавалерии (1913), участник Белого движения 333
- Покровский Владимир Александрович (1871–1931), архитектор, академик Академии художеств 763
- Покровский Николай Васильевич (1848–1917), археолог, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, директор СПб Археологического института 367, 370, 403, 405, 406, 410–415, 418, 420, 436, 438, 439, 443, 481, 482, 485, 536, 539, 540, 557–559,
- Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник (1890), генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1906), генерал от инфантерии (1911), в РККА 635
- Полозов Алексей Михайлович, поручик (на 1905), штабс-ротмистр (на 1909) л.-гв. Драгунского полка, участник Первой мировой войны, полковник (1915) 504
- Полонский, поручик (на 1904) л.-гв. Преображенского полка 392
- Полонский (Кузьменко) Александр Семенович (1860–1944), артист, режиссер, театральный деятель 262, 755
- Полторацкий Алексей Владимирович (1860 – после 1917), капитан (1898), подполковник (1901), участник русско-японской войны, помощник

- инспектора классов Пажеского корпуса (1906–1910), полковник (1906), генерал-майор (1912) 960
- Поляков, бомбардир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 176, 181
- Полякова Екатерина, дочь полковника Полякова 447, 448
- Пономарев, ветеринарный фельдшер 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628
- Пономаревская-Свидерская, супруга Е.В. Пономаревского-Свидерского 215, 319, 326, 343
- Пономаревская-Свидерская Евдокия Николаевна, супруга Б.В. Пономаревского-Свидерского 710, 808, 812, 848, 865
- Пономаревский-Свидерский Борис Владимирович (1873–1925), полковник (на 1909), командир 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, в эмиграции 199, 206, 210, 211, 282, 353, 489, 549, 585, 597, 600, 630, 655, 674, 695, 701, 708–710, 715, 720, 726, 727, 738, 746–748, 750, 751, 808, 812, 825, 835, 841, 845–848, 852, 854, 855, 857–860, 863–865, 868, 881, 893, 951, 959–961, 963, 966–969, 972, 973, 975, 976, 983, 985, 988, 990, 999, 1002, 1009
- Пономаревский-Свидерский Евгений Владимирович (1867–1920), штабс-капитан (1895), капитан (1900), полковник (1906) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны 124, 186, 192, 197, 212, 215, 216, 220, 254, 255, 319, 326, 343, 350, 353, 380, 385, 449, 466, 468, 500, 510, 531, 533, 536, 547, 549, 560, 583, 585, 598, 613, 623, 631, 633, 638–640, 646, 650, 652, 654, 673–676, 692, 694, 704, 714–716, 719, 731, 734, 743, 751, 828, 833, 834, 836, 848, 852, 853, 855, 856, 858, 868, 879, 881, 882, 889, 937, 951, 985–988, 995, 1003–1005
- Понсон дю Террай Пьер Алексис (1829–1871), французский писатель 617, 1013
- Понюшев Владимир Дмитриевич (1877–не ранее 1916), подпоручик (1896), поручик (1900), штабс-капитан (1904) 28-й артиллерийской бригады, полковник (1915) однокурсник В.С. Савонько по I Кадетскому корпусу 526
- Понятовский Юзеф (1763–1813), польский генерал 923
- Попов, подпрапорщик, фейерверкер, фельдфебель 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 425, 426, 814, 815
- Попов, профессор, врач 144
- Попов Александр Аполлонович (1869–после 1916), капитан (1899), офицер окружного инженерного управления (1900–1902), и. д. помощника начальника 1-й СПб. инженерной дистанции (1909), полковник (1915) 294, 332, 333, 354, 429, 455, 458, 483, 484, 489, 503, 552, 580, 581, 590–592, 598, 604, 605, 643–645, 690, 691, 697–702, 707, 733, 801, 887, 962
- Попов Владимир Николаевич (1862 – после 1916), капитан (1897), подполковник (1905), командир 5-й батареи 22-й артиллерийской бригады (1905–1914), полковник (1914), участник Первой мировой войны 853
- Попова, супруга А.А. Попова 701
- Посадский Степан Васильевич, старший врач Боткинской больницы 145, 148, 472, 533–535, 718, 758, 802, 838, 960

Потапова, владелица ателье на Невском пр. 193

Потапов Николай Михайлович (1871–1946), капитан ГШ (1897), помощник военного агента в Вене (1901–1903), подполковник (1901), военный агент в Черногории (с 1903), полковник (1906), в РККА 743, 744

Потебня Андрей Афанасьевич (1838–1863), революционер, участник Польского восстания 1863 г. 228

Потопчина (Мартюшева) Евгения Владимовна (1881–1962), певица 755, 760, 762

Потоцкая (урожд. Денисова) Елизавета Давыдовна, супруга П.П. Потоцкого 124, 153, 194, 204, 376, 593, 949

Потоцкий Павел Платонович (1857–1938), полковник (1897) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1897–1902), (1902–1904), генерал-майор (1904), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1909), генерал от артиллерии (1916) командир 25-й артиллерийской бригады (1904–1907), и. д. начальника артиллерии 13-го армейского корпуса (1907–1908), и. д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса (1908–1909), генерал от артиллерии (1916), участник Первой мировой войны 118, 124, 140, 141, 143, 146, 158, 162, 166, 168, 179, 183, 184, 189, 190, 192–196, 199, 210, 216, 217, 293, 300, 301, 305, 308, 342, 343, 345, 349, 357, 377, 384, 425, 461, 494, 509, 524, 593, 607, 608, 611, 613, 623, 631, 645, 657, 666, 678, 799, 800, 817, 820, 821, 824, 826, 828, 832–835, 857, 864, 865, 867, 869–871, 874, 875, 878, 880, 887, 888, 897, 911, 912, 917, 919, 920, 928–930, 934–936, 938, 942,

944–946, 971, 982, 984, 986, 991–996, 998, 1003, 1005, 1008, 1009, 1011, 1043, 1044, 1047, 1050, 1054

Потоцкий Сергей Николаевич (1877–1954), подпоручик гв. (1896), поручик гв. (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан ГШ (1903), подполковник (1908), генерал-майор (1917), участник Белого движения, в эмиграции 982, 1003

Похвиснев Эммануил Борисович (1860 – до 1932), полковник (1898), командир 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1900–1904), командир 1-го дивизиона л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904), командующий 15-й артиллерийской бригадой (1904–1907), генерал-майор (1906), генерал-лейтенант (1912), начальник Константиновского артиллерийского училища (1907–1914), участник Первой мировой войны 117, 236, 284, 286, 292, 300, 311–313, 319, 320, 323, 337, 343, 344, 346, 347, 349, 353, 354, 367, 368, 371–374, 380, 381, 385, 386, 389, 476, 678, 703, 713–715, 750, 983, 996

Похвиснева, супруга Э.Б. Похвиснева 319, 343, 395

Преображенская Ольга Иосифовна (1871–1962), балерина, педагог, прима-балерина Мариинского театра 205, 517, 799

Пригоровская, супруга А.Е. Пригоровского 699

Пригоровский Александр Евгеньевич (1872–после 1916), штабс-капитан (1899), капитан (1901) в инженерном управлении Петербургского ВО (1900–1912), подполковник (1907), полковник (1911) 699

Прокопе Виктор Борисович (1839–1906), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал от инфантерии (1900) 593

Протасов, коллежский советник, старший врач л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 307, 383, 384, 424, 733, 739, 747, 801, 966

Пташинский Антон Станиславович, поручик, квартирмейстер, капитан (на 1909) 94-ого пехотного Енисейского полка 264

Пузырев Петр Иванович (1855 – не ранее 1909), полковник, генерал-майор (1903), командир 25-й артиллерийской бригады 93, 94, 116, 117, 184, 258, 305, 308, 336, 350, 601, 613, 642, 993

Пузыревский Георгий Николаевич (1877 – не ранее 1909), корнет (1897) 15-го драгунского Александрийского полка, поручик (1901), штабс-ротмистр (1905), ротмистр (1909) 5-го гусарского Александрийского Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, товарищ В.С. Савонько по 1-му Кадетскому корпусу 333

Пум Ней – см. Най-Пум Николай Николаевич

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), политический деятель 760

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), писатель, поэт 101, 248, 784, 836, 1029

Пыжов, подпрапорщик, фельдфебель 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, георгиевский кавалер, участник похода в Китай 1900–1901 гг. 814, 815, 824, 1001

Пясецкий Павел Яковлевич (1843–1919), врач, путешественник, художник 230, 232

Радкевич (Родкевич) Евгений Александрович (1851–1930), полковник (1894), командир 6-го мортирного артиллерийского полка (1899), командир 10-й артиллерийской бригады (1902), генерал-майор (1902), участник русско-японской войны, командующий 72-й пехотной дивизией (1905), командующий 10-й пехотной дивизией (1906–1908), генерал-лейтенант (1907), генерал от инфантерии (1912), участник Первой мировой войны, в РККА 866

Раевский, вольноопределяющийся, бомбардир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 660, 831

Раевский, прапорщик запаса 380

Разумовский Алексей Георгиевич (1709–1771), граф, фаворит Елизаветы I 923

Раисова Раиса Михайловна (1869–1921), певица 760

Растопчин – см. Ростопчин Б. В.

Растопчинов, ездовой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 929

Ратьков-Рожнов Николай Николаевич (1873–1961), полковник 1-й л.-гв. артиллерийской бригады, участник русско-японской войны, участник Первой мировой войны, в эмиграции 357

Раух Георгий Оттонович (1860–1936), полковник (1898), командир л.-гв. Кирасирского Его Величества полка (1903–1905), генерал-майор (1905), в Свите Е.И.В. (1905–1908), начальник штаба войск гвардии и Петербургского ВО (1906–1908), генерал-лейтенант

- (1908), генерал от кавалерии (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 738, 739
- Раух Кристиан Даниэль (1777–1857), немецкий скульптор 924
- Ребиндер Александр Алексеевич (1826–1913), генерал от инфантерии (1889), помощник командующего войсками Санкт-Петербургского гарнизона, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского ВО (1888–1905) 97, 142, 143, 255, 256
- Редигер Александр Федорович (1853–1920), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор (1893), генерал от инфантерии (1909), военный министр (1905–1909) 591
- Резвый Дмитрий Модестович (1843–1912), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-лейтенант (1891), генерал от инфантерии (1907) 525, 688
- Резунов – см. Надикта-Резунов Александр Васильевич
- Резцов Николай Александрович (1855–1914), городской голова Санкт-Петербурга 758
- Рейнгард, супруга Л.Ф. Рейнгарда 856
- Рейнгард Лев Федорович (1883–1963), фон, поручик (на 1909) Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона, полковник л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны 371, 490, 606, 624, 625, 633, 643, 658, 703, 743, 739, 978
- Рейнгард (Рейнгардт) Мариан Федорович (1881–1976), штабс-капитан (на 1909) Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона, полковник (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 255, 490, 691, 720, 739, 823, 845, 846, 851, 852, 857, 859, 948, 952
- Рейнгард Федор (?–не ранее 1909), полковник в отставке, отец Л. Ф. и М.Ф. Рейнгардов 856
- Рейнталь Владимир Яковлевич (1838–1913), генерал-лейтенант (1898), генерал от артиллерии (1909), совещательный член Артиллерийского комитета ГАУ, инспектор Управления Инспектора крепостной и осадной артиллерии 616, 658, 673, 706, 722, 725, 749, 842, 1014
- Рейнталь Е.К. (?–1905), супруга В.Я. Рейнталья, мать Я.В. Рейнталья 483
- Рейнталь Л.С., супруга Я.В. Рейнталья 498, 642, 737, 740, 743, 842, 854, 857, 1014
- Рейнталь Яков Владимирович (? – после 1940), подпоручик (1900), штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1916), в эмиграции 162, 254, 255, 258, 293, 294, 296, 297, 298, 325, 334, 342, 346, 351–355, 358, 359, 367, 378, 385, 391, 430, 455, 459, 462, 474, 475, 483, 492, 497, 498, 518–520, 524, 531, 534, 541, 544, 565, 570, 574, 577, 578, 585, 586, 592, 593, 597, 616, 635, 636, 641, 642, 658, 670, 673, 684, 686, 705, 712, 714, 719, 725, 727, 737, 740, 743, 746, 748, 749, 754, 777, 813, 842, 852, 854, 857, 859, 872, 930, 938, 950, 952–954, 999, 1014
- Ренненкампп Дмитрий Константинович (1864–1917), действительный статский советник, камергер 947, 949

- Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник 320
- Рерберг (урожд. Змиева), супруга П.Ф. Рерберга 319, 326, 343, 448
- Рерберг Петр Федорович (1870–1918), штабс-капитан, капитан, полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 118, 138, 139, 166, 167, 189, 212, 289, 294, 303, 305, 319, 327, 328, 336, 343, 353, 377, 391, 423, 425, 428, 429, 446, 448, 455, 456, 483, 492, 500, 504, 507, 523, 527, 529, 549, 583, 585, 586, 604, 605, 615, 630, 694, 695, 715, 752, 984
- Рершельман – см. Гершельман Лев Карлович
- Решке Ян Мечислав (1849 (1850) – 1925), оперный певец, вокальный педагог в Париже 839
- Римский-Корсаков Владимир Петрович, штабс-ротмистр (на 1909) л.-гв. Драгунского полка 397
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), композитор, педагог, дирижер 437, 776, 777
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии (1886) 242
- Робин Габриель (Robinne Gabriel, 1886–1880), французская актриса театра и кино 524
- Рогачев Николай Михайлович (1856–1884), революционер, народоволец 228
- Родзянко Павел В., композитор 289
- Розанов, журналист 784
- Романов, путешественник на г. Машук 782
- Романов Александр Михайлович (1866–1933), вел. кн., государственный и военный деятель 300, 467, 678, 831, 1005
- Романов Алексей Александрович (1850–1908), вел. кн., генерал-адмирал (1883), участник русско-Японской войны 154, 205, 307, 364, 378, 430, 462, 820, 821, 830, 860, 866, 978
- Романов Андрей Владимирович (1879–1956), вел. кн., флигель-адъютант (1899), поручик (1902), штабс-капитан (1906), капитан (1908), генерал-майор Свиты (1915) 97, 191, 205, 217, 319, 444, 445, 839, 853, 995, 1000
- Романов Алексей Николаевич (1904–1918), цесаревич, наследник престола, сын Николая II и Александры Федоровны 365, 368, 396, 479, 509, 536, 594, 612, 678, 692, 693, 709, 713, 755, 785, 824, 831, 834, 884, 889, 931, 960, 962, 1005
- Романов Борис Владимирович (1877–1943), вел. кн., флигель-адъютант Е.И.В. (1897), поручик (1902), участник русско-японской войны, штабс-ротмистр (1904), ротмистр (1908), генерал-майор (1914), участник Первой мировой войны 440, 839, 842, 858
- Романов Владимир Александрович (1847–1909), вел. кн., генерал от инфантерии (1880), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского ВО (1884–1905) 82, 87, 88, 107, 113, 129, 149, 154, 160, 163, 175, 180, 182, 208, 214, 230, 231, 240, 255, 259, 260, 274, 276, 284, 287, 288, 296, 319, 325, 368, 376, 431, 434, 440, 451, 468, 612, 853, 857, 861, 866, 1046
- Романов Георгий Александрович (1871–1899), вел. кн., цесаревич 86
- Романов Георгий Михайлович (1863–1919), вел. кн., полковник (1896),

- генерал-майор Свиты (1903), генерал-адъютант (1909), генерал-лейтенант (1909), нумизмат 270
- Романов Дмитрий Константинович (1860–1919), вел. кн., полковник (1892), командир л.-гв. Конно-гренадерского полка 995, 1000
- Романов Иоанн Константинович (1886–1918), кн. императорской крови, вице-унтер-офицер (1904) л.-гв. Конного полка (1907–1917), флигель-адъютант (1908), штабс-ротмистр (1916) 688, 908, 997, 1000
- Романов Кирилл Владимирович (1876–1938), вел. кн., начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала Макарова (1904), участник русско-японской войны 378, 440, 445
- Романов Константин Константинович (1858–1915), вел. кн., президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1889), генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор Военно-учебных заведений, поэт, переводчик, драматург 117, 123, 160, 225, 226, 245, 276, 320, 333, 376, 402, 444, 629, 689, 820, 945, 960, 995, 997
- Романов Михаил Александрович (1878–1918), вел. кн., генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант, член Государственного совета (1901–1917) 105, 274, 278, 299–301, 468, 529, 530, 693, 831, 833, 837–839, 1005, 1006
- Романов Михаил Михайлович (1861–1929), вел. кн., штабс-капитан (1888), капитан (1904), подполковник (1905), флигель-адъютант (1910) 961
- Романов Михаил Николаевич (1832–1909), вел. кн., генерал-фельдмаршал (1878), председатель Государственного совета (1881–1905) 91, 97, 105, 113, 125, 142, 143, 160, 174, 207, 208, 210, 219, 255–258, 289, 296, 303, 368, 370, 375, 449, 484, 521, 522, 564, 595, 679, 692, 693, 703, 709, 780, 813, 821, 930, 960, 962, 963, 969, 978, 1004–1011
- Романов Михаил Павлович (1798–1849), вел. кн. 195, 197, 213, 240, 262, 272, 274, 276, 297, 299–302, 343, 349, 380, 381, 465, 469, 495, 508, 509, 531, 656, 657, 678, 725, 731, 737, 798, 828, 829, 872, 924, 951, 977, 982, 993, 994, 1046
- Романов Николай Александрович (1843–1865), вел. кн. 567, 1077
- Романов Николай Николаевич (1856–1929), вел. кн., генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904) 493, 509, 510, 527, 529, 530, 532, 636, 686, 693, 712, 738, 895, 927, 928, 945, 960, 1000
- Романов Павел Александрович (1860–1919), вел. кн., генерал-адъютант (1905), генерал от кавалерии (1913), командир Гвардейского корпуса 82, 86, 88, 97, 112, 132, 149, 173–175, 177, 180, 529
- Романов Сергей Александрович (1857–1905), вел. кн., Московский генерал-губернатор (1891–1905) 180, 300, 398–400, 422, 424, 430, 437–439, 481, 523, 767, 821
- Романов Сергей Михайлович (1869–1918), вел. кн., генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (1914) 97, 125, 142, 256, 320, 365, 368, 379, 455, 479, 511, 521, 530, 539, 600, 601, 629, 647, 657, 692, 693, 709, 834, 889, 946, 960, 995, 997, 1000, 1005

- Романова Александра Федоровна (1872–1918), императрица, супруга Николая II 153, 169, 171, 172, 174, 179, 180, 193, 237, 246, 269, 274, 275, 278, 296, 300, 303, 306, 328, 329, 349, 357, 358, 363–365, 368, 375, 378, 434, 465–468, 479, 509, 525, 529, 530, 584, 594, 611, 612, 660, 677–679, 685, 692, 693, 712, 713, 754, 785, 824, 831, 892, 926, 931, 943, 960, 962, 987, 1005
- Романова Анастасия Николаевна (1901–1918), вел. княжна, дочь Николая II и Александры Федоровны 378, 677, 943
- Романова Екатерина Михайловна (1827–1894), вел. кн., супруга Г.А. Мекленбург-Стрелицкого 349
- Романова Елена Владимировна (1882–1957), вел. княжна, супруга греческого принца Николая 88, 105, 175, 180, 182, 361
- Романова Елизавета Маврикиевна (1865–1927), вел. кн., супруга вел. кн. Константина Константиновича 1000
- Романова Елизавета Федоровна (1864–1918), вел. кн., супруга вел. кн. Сергея Александровича 171, 439
- Романова Ксения Александровна (1875–1960), вел. кн., супруга вел. кн. Александра Михайловича 466, 677
- Романова Мария Александровна (1824–1880), императрица, супруга Александра II 672, 931, 1031
- Романова Мария Николаевна (1898–1918), вел. княжна, дочь Николая II и Александры Федоровны 378
- Романова Мария Павловна (1854–1920), вел. кн., супруга вел. кн. Владимира Александровича 88, 105, 175, 274, 319, 357, 376, 377, 529, 752, 861, 862, 931, 960, 962, 995, 997, 1000
- Романова Мария Федоровна (1847–1928), императрица, супруга Александра III 96, 141, 153, 171, 174, 179, 180, 193, 246, 274, 296, 300, 303, 306, 307, 363, 365, 368, 378, 465, 467, 479, 496, 580, 594, 678, 679, 692, 693, 709, 712, 713, 754, 785, 824, 831, 889, 926, 987, 1005
- Романова Ольга Александровна (1882–1960), вел. кн., супруга герцога П.А. Ольденбургского 149, 269, 274, 275, 468, 509, 529, 530, 612, 677
- Романова Ольга Николаевна (1895–1918), вел. княжна, дочь Николая II и Александры Федоровны 378, 467, 943
- Романова Ольга Константиновна (1851–1926), вел. кн., супруга короля Греции Георга 261, 926, 943
- Романова Татьяна Константиновна (1890–1979), вел. кн., дочь вел. кн. Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны 629, 997, 1000
- Романова Татьяна Николаевна (1897–1918), вел. княжна, дочь Николая II и Александры Федоровны 378, 943
- Романовская Мария Максимилиановна (1841–1914), кн., герцогиня Лейхтенбергская, принцесса Баденская 467
- Романовы, правящая династия Российской империи 430
- Рооп А. В., подпоручик, поручик, штабс-капитан л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны 92, 213, 217, 298, 357, 370, 371, 373, 374, 401

- Росляков Михаил Сергеевич (1871–1929), штабс-капитан (1897), капитан (1901), подполковник (1903) 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады, командир батареи 29-й артиллерийской бригады (1903–1905), участник русско-японской войны, генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 169, 186, 189, 198–201, 211, 216, 230, 213, 253–255, 257, 260, 261, 323, 357, 433, 453, 456, 522, 525
- Рослякова (урожд. Чернцова) Ольга Константиновна, супруга М.С. Рослякова 253, 254
- Ростопчин Борис Викторович (1874–1937), граф, корнет (на 1895–1904) Конно-гренадерского полка, репрессирован 166, 168, 170, 338
- Рот Николай Александрович (1883–после 1917), подпоручик (1903) 1-й Конно-артиллерийской батареи, поручик (1906), подполковник (1916), участник Первой мировой войны 431
- Ротшильд, барон 576
- Рошфор (Рошефор) Константин Николаевич (1875–1961), де, граф, инженер, архитектор, товарищ В.С. Савонько по 1-му Кадетскому корпусу 333, 526, 697
- Рошфор (Рошефор) Николай Иванович (1846–1905), де, граф, архитектор, инженер 399
- Рыль, подпрапорщик, фейерверкер 3-й батареи л.-гв. 2-й артиллерийской бригады 427, 830
- Рубец (Рубец-Мосальский) Федор Васильевич (1865 – после 1918), подполковник (1899), начальник строевого отделения Кронштадтской крепости (1899–1904), полковник (1903), начальник штаба 23-й пехотной дивизии (1904–1907), начальник штаба 3-й кавалерийской дивизии (1907–1911), генерал-майор (1913), участник Первой мировой войны 286
- Руднев Сергей Васильевич (1866–после 1920), штабс-капитан (1897), капитан (1901), полковник (1907) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в РККА, участник Белого движения
- Руднев, прапорщик 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, студент 252, 303
- Рудницкий Станислав Иванович (ок. 1853–?), полковник (на 1909), начальник 1-й СПб. Инженерной дистанции 489, 934
- Рудченко, знакомая В.С. Савонько 215, 314
- Руммель, супруга Ю.А. Руммеля 677, 725, 856
- Руммель Юлий-Карл (Юлиуш Кароль Вильгельм Йозеф) Альфонсович, фон (1881–1967), подпоручик (1903), поручик гв. (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1916), участник Первой мировой войны, в Польской армии, участник Второй мировой войны на стороне Польши 353, 466, 475, 502, 531, 545, 596, 606, 625, 642, 652, 660–663, 668–670, 672–674, 676, 680, 690, 692, 707, 718, 719, 721, 725, 727, 733–735, 737, 740, 755, 763, 765, 790, 791, 794, 795, 807, 812, 817, 838, 851, 852, 855, 856, 859, 866, 881, 882, 930, 932, 959, 961, 973, 974, 1005, 1006

Румянцев, подпрапорщик Михайловского артиллерийского училища 732

Руссау, оперная певица, актриса Нового летнего театра 465

Рутин, капельмейстер оркестра в Пятигорске 774

Рутковский, артист Нового летнего театра и театра «Буфф» 561, 755, 761, 762, 792

Сабателли Викентий Гаэтанович, капельмейстер, заведующий хорами войск гвардии, композитор 261

Саблер, брат С.В. Саблера, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 146

Саблер С. В., вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 146, 300, 305, 380

Сабуров Василий Ник., ветеринарный врач л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны 345, 346, 372, 398

Сабуров Дмитрий Иванович (1870-?), штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка 183, 1043, 1044

Савельев Александр Иванович (1815–1907), генерал-лейтенант (1889) 160

Савонько Степан Георгиевич (1835–1905), отец В.С. Савонько, генерал-майор артиллерии 113, 120, 125–127, 133, 146, 150, 156, 157, 160, 167, 168, 233, 243, 287, 303, 319, 321, 471–473, 589

Савурская, супруга А.А. Савурского 153, 319

Савурской (Савурский) Александр Александрович (1881 – после 1917), подпоручик (1900), поручик (1904), штабс-капитан (на 1909) л.-гв. Семеновского полка, полковник (1916),

участник Первой мировой войны 84, 85, 92, 95, 96, 113, 115, 141, 190, 319, 341, 425, 824, 870, 984, 1001

Сазонов – см. Созонов Егор Сергеевич

Сакирка, подпрапорщик Михайловского артиллерийского училища 732

Сакович, конюх В.С. Савонько 264

Саксен-Альтенбургская Елена Георгиевна (1857–1936), герцогиня, дочь Георга Мекленбург-Стрелицкого и вел. кн. Екатерины Михайловны 679, 680, 993

Самойлов, актер 947

Самойлов Андрей Павлович (1878 – после 1916), корнет (1898), поручик (1902), штабс-ротмистр (1906) л.-гв. Уланского Ее величества полка, полковник (1913), участник Первой мировой войны 390

Самсонов, полковник (на 1905) 475

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), полковник (1894), начальник Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища (1896–1904), генерал-майор (1902), участник русско-японской войны, генерал-лейтенант (1905), начальник штаба Варшавского ВО (1905–1907), генерал от кавалерии (1910), участник Первой мировой войны 475

Самсонов Николай Матвеевич, есаул (на 1908–1909), заведующий школой л.-гв. Конно-артиллерийской бригады 747

Сапожников Сергей Владимирович (1877–1918), подпоручик (1898), поручик (на 1903), штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны 221

- Сайко Александра Емельяновна, дочь
вахмистра СПб. Жандармского ди-
визиона, невеста Н.Л. Серегина 851
- Саско, штабс-ротмистр (на 1907) л.-гв.
Литовского полка 631
- Саутыч Осип, вестовой В.С. Савонь-
ко 236, 264
- Свенторжецкий Валентин Николае-
вич (1872–после 1916), подпоручик
(1892), штабс-капитан (1900), капи-
тан (1904) л.-гв. Московского полка,
полковник (1910), участник Первой
мировой войны 707, 718
- Свечин Владимир Владимирович
(1871–1944), поручик (1898), штабс-
капитан (1902) л.-гв. Преображен-
ского полка, флигель-адъютант
(1905), капитан (1906), полковник
(1913), в эмиграции 469
- Свидерский Григорий Александрович
(1870–после 1931), поручик гв. (1899),
штабс-капитан гв. (1900), капитан гв.
(1901) л.-гв. 1-й артиллерийской бри-
гады, делопроизводитель ст. оклада
ГАУ (1903–1913), полковник (1907),
генерал-майор (1915), в РККА, ре-
прессирован 375, 600, 601, 870, 984,
991
- Свиньин Александр Дмитриевич
(1831–1913), генерал от артиллерии
(1898) 97, 117, 142, 193, 199, 296, 297,
300, 301, 306, 307, 647, 830, 880, 983,
991, 993, 996, 1004, 1005
- Северский (Прокофьев-Северский)
Николай Георгиевич (1870–1941), ак-
тер, певец 304, 759, 760–762
- Севрюгин, сотник, подъесаул, муж
О.П. Севрюгиной 261, 473–475
- Севрюгина Ольга Павловна, двоюрод-
ная сестра В.С. Савонько 188, 205,
261, 459, 473–475
- Севрюгина Ольга, дочь сотника Сев-
рюгина и О.П. Севрюгиной 188
- Севастьянов Василий Николаевич
(1852 – после 1917), полковник (1893),
участник похода в Китай 1900–
1901 гг., генерал-майор (1901), участ-
ник русско-японской войны, заведу-
ющий артиллерийской частью Кван-
тунской области (1904–1907), гене-
рал-лейтенант (1907), начальник ар-
тиллерии Приамурского военного
округа (с 1907), участник Белого дви-
жения 356
- Сеген Болеслав Ипполитович (1861–
1909), полковник (на 1909) Главно-
го инженерного управления, состо-
ящий в распоряжении управляюще-
го 458, 590, 801
- Седова Юлия Николаевна (1880–1969),
балерина, солистка Мариинского те-
атра 205, 672, 673
- Секачев, бомбардир 1-й батареи л.-гв.
1-й артиллерийской бригады 872, 952
- Селявин, актер Нового летнего театра
664, 674
- Семенов, капитан, инженер (на 1903) 284
- Семенов, коллежский советник, ка-
мергер 117, 146, 193, 300, 305, 350,
380, 552, 553, 613, 678, 679, 712, 752,
981, 983, 1000
- Семенов, подпрапорщик л.-гв. 1-й ар-
тиллерийской бригады 519, 726, 814,
815, 887
- Семенов, фельдшер л.-гв. 1-й артилле-
рийской бригады 835
- Семенов Борис Эрастович (1880-е –
после 1931), подпоручик (на 1909) л.-
гв. 1-й артиллерийской бригады, ка-
питан, участник Первой мировой во-
йны 712, 714, 726, 740, 746, 841, 846,
855, 982, 997

- Сераковский Сигизмунд Игнатьевич (1827–1863), капитан, польский патриот, участник Польского восстания 1863 г. 228
- Сергеева Надежда Гавриловна, невеста вахтера С.Е. Александрова 497
- Сергеева Анна Гавриловна, сестра Н.Г. Сергеевой 623
- Сергеевич Василий Иванович (1832–1910), историк права, профессор СПб. Археологического института 370, 552
- Сергеевский Борис Николаевич (1883–1976), подпоручик (1904), поручик (1907) л.-гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона, полковник (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 544, 633, 675, 696, 703, 705, 715, 720, 737, 740, 741, 847
- Сергиевский Дмитрий Дмитриевич (1867–1920), капитан (1899), помощник начальника Геодезического отделения Военно-топографического отдела Главного штаба (1900–1905), подполковник (1903), делопроизводитель эмеритального отдела канцелярии Военного министерства (1905–1910), полковник (1907), генерал-майор (1913), участник Первой мировой войны, в РККА 985
- Сердюк, канонир 1-го гв. Летучего артиллерийского парка 238
- Серебряков Эспер Александрович (1854–1921), народоволец, в эмиграции 226, 227
- Серегин Николай Логинович, подпрапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 744, 814, 815, 819, 850, 891, 937, 1011
- Середонин Сергей Михайлович (1860–1914), историк, профессор СПб. Археологического института 405, 410, 413, 421, 536–548, 557, 558
- Сет, укротитель львов 510
- Сиверс Александр Михайлович (1868 – после 1931), капитан (1898), полковник (1904) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, в РККА 284, 944, 991
- Сиверс Михаил Александрович, граф (1834 – между 1912 и 1914), генерал-лейтенант (1888), генерал от артиллерии (1900) 118, 189, 477, 606
- Сиверс Яков Яковлевич (1869–1931), поручик (1893), штабс-капитан (1900), капитан (1901) л.-гв. Семеновского полка, генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, в РККА 183, 1043, 1044
- Сидоренко, бомбардир-наводчик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628, 629
- Симонас (Семенов), георгиевский кавалер 4-й и 3-й степени, служащий при вел. кн. Михаиле Николаевиче 824
- Синицын Александр Николаевич (1849–1924), полковник (1890), начальник офицерской артиллерийской школы (1899–1913), генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1906), генерал от артиллерии (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 191
- Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), министр внутренних дел (1900–1902) 231
- Сиротин, канонир 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 452

- Скарятин Николай Дмитриевич (1846–?), генерал-майор (1889), генерал-лейтенант (1900), начальник л.-гв. Стрелковой бригады 211–214, 219
- Скворцов Александр Николаевич (1835–1905), генерал-лейтенант (1892), начальник 20-го армейского корпуса (1898–1900), генерал от артиллерии (1900) 397–399
- Скерский Леонард-Вильгельм Генрихович (1866–1940), штабс-капитан (1895), капитан (1900), полковник (1906) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в Польской армии, репрессирован 933–935
- Склифосовская Софья Александровна (?–1918), помещица, супруга профессора Н.В. Склифосовского 904, 905, 920, 921
- Склифосовская Тамара Николаевна (?–1918), дочь Н.В. и С.А. Склифосовских, супруга В.А. Терского 920
- Склифосовский Николай Васильевич (1836–1904), профессор, хирург 904
- Скугаревский Аркадий Платонович (1847 – после 1912), генерал-лейтенант (1898), начальник 27-й пехотной дивизии (1898–1904), командир 6-го армейского корпуса (1904–1905), командир 8-го армейского корпуса (1905–1906), генерал от инфантерии (1906), председатель Комитета по образованию войск (1906–1909), автор работ по военному делу 985
- Слесорчук, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 728
- Сливицкий Петр Михайлович (1840–1862), революционер 228
- Случевский Николай Владимирович, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 920, 921
- Смелов, слушатель Археологического института (на 1906) 541
- Смирнов, певец 647
- Смысловский Евгений Константинович (1868–1933), капитан (1898), полковник (1904), командир 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (1904–1908), командир 1-го дивизиона л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (1908–1910), генерал-лейтенант (1914), в РККА 212, 222, 223, 248, 254, 255, 285, 299, 353, 383, 385, 389, 396, 423, 444, 445, 502, 517, 525, 540, 591, 593, 601, 629, 638, 640, 645, 652, 726, 743, 744, 748. 751, 755, 756, 795, 801, 802, 806, 811, 981
- Снигиревский Николай Константинович (?–1927), поручик (на 1909) 1-й л.-гв. артиллерийской бригады, полковник, участник Белого движения, в эмиграции 298, 299, 334, 342, 376, 385, 389, 423, 474, 475, 477, 497, 500, 513, 518, 521, 522, 524, 525, 533–535, 540, 541, 549, 552, 555, 561–566, 568, 569, 579, 581, 589, 592, 593, 597, 601, 605, 625, 642, 673, 692, 703, 705, 736, 740, 746, 749, 755, 758, 759, 763, 765, 809, 811, 812, 816, 822, 835, 836, 838, 841, 847, 849, 852, 854, 857, 859, 860, 865, 866, 889, 926, 930, 949, 952, 956, 959, 965–967, 970, 971, 974, 978, 981, 983, 991, 999, 1000, 1009
- Собинов Леонид Витальевич (1872–1934), оперный певец 440, 451, 452, 454, 457, 666
- Соболев, врач 463
- Соболев Родион Ксенофонович, фотограф, владелец ателье на Нквсе-ом пр., 56 и на углу Литейного пр. и Пантелеймоновской ул., 25–23 711

Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), лингвист, палеограф, историк 418, 419

Созонов (Сазонов) Егор Сергеевич (1879–1910), эсер, террорист, убийца министра В.К. Плеве 378

Соколов Леонид Николаевич (?-до 1954), подпоручик (на 1908–1909) л.-гв. Стрелкового полка, полковник, участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 936

Соколов Николай Ефимович, подполковник, воинский начальник в Гапсале 114

Соколовская Тира-Луиза Оттовна (1884–1942), историк масонства, писательница 631, 642

Соколовский Михаил Константинович (1867–1941), историограф, военный писатель 629, 630, 641, 642, 878, 890, 1008

Сокольский (Плаксин) Михаил Борисович (1878–1915), оперный певец 451, 458, 460, 664, 674

Соллертинский (Солертинский) Сергей Александрович (1846–1920), священник, протоиерей, профессор СПбДА 226, 305, 330, 345, 379, 473, 717

Соловьянов Николай, смотритель Артиллерийского музея 669, 866

Соломошук Филипп, канонир 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 671

Сосницкий Иван Иванович (1794–1871), актер 737

Софиано Леонид Петрович (1820–1898), военный и государственный деятель, товарищ генерал-фельдцейхмейстера 751

Софронов, канонир 1-й стрелковой батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Спешнев Анатолий Яковлевич (1863 – не ранее 1916), подполковник (1896), полковник (1900), генерал-майор (1908) 651

Споре Артур-Роберт-Густав Вальффридович (1862–1937), ротмистр (1897), полковник (1906) л.-гв. Уланского Ее величества полка, генерал-майор (1913) 390

Станиславский Петр Васильевич (1886 – после 1919), подпоручик (на 1909), поручик, капитан 9-й артиллерийской бригады, участник Белого движения 907

Стахович, супруга генерала М. Стаховича, мать Б.М. Стаховича 474

Стахович, супруга Б.М. Стаховича 153

Стахович Борис Михайлович (1879–1930), подпоручик гв. (1898), поручик (1902), штабс-капитан (1904) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан ГШ (1905), подполковник (1909), генерал-майор (1917), в эмиграции, в Сербской армии 88, 92, 357, 424, 427, 446, 448, 474, 984

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны, генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант (1904) 579

Стефанов Сергей Афанасьевич, поручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, поручик (на 1909) гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона 545, 546, 625, 638, 642, 658, 693, 703, 742, 855

Стешаков, нижний чин л.-гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона 1-й л.-гв. артиллерийской бригады 840

- Стогов Александр Евграфович (1875–1919), поручик (1899), штабс-капитан (1903), капитан (1907) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1912), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 895
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, министр внутренних дел 589
- Столыпина Наталья Петровна, дочь П.А. Столыпина 589
- Страхов Валериан Петрович (1846–1899), генерал-майор (1898) 96
- Строганова (урожд. Демидова) Елизавета Александровна (1779–1818), супруга Н.П. Демидова, хозяйка салона 576
- Струков Александр Петрович (1840–1911), инспектор ремонта кавалерии и бригад кавалерийского запаса (с 1893), генерал от кавалерии (1898), генерал-адъютант (1903), состоял по гвардейской кавалерии (1907) 379
- Струков Дмитрий Петрович (1864–1920), капитан (1898) при ГАУ (1898–1912), заведующий артиллерийским историческим музеем (1903–1919), подполковник (1905), полковник (1908), генерал-майор (1912) 521, 631, 642, 648, 853, 866
- Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель 401
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), полководец 99, 101, 111, 124, 159, 270, 272, 669, 800, 846
- Сук, дирижер 763
- Сурин, писарь л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 822, 869, 938
- Суслов Владимир Васильевич (1857–1921), архитектор, реставратор 278
- Суханов Николай Евгеньевич (1851–1882), лейтенант флота, народоволец 228
- Суховская (урожд. Безак), супруга офицера Суховского 593
- Суховский, офицер 25-й артиллерийской бригады 593
- Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал-лейтенант (1898), в штабе Киевского ВО (1899–1908), генерал от кавалерии (1906), начальник ГШ (1908–1909), военный министр (1909–1915), генерал-адъютант (1912), в эмиграции 960
- Сучкин, младший фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 627
- Сытенко Николай Абрамович (1840–?), действительный статский советник, подполковник в отставке, вице-командор Невского яхт-клуба 250
- Тамара, артистка Нового летнего театра 760, 761, 792
- Танталов, чиновник Министерства народного просвещения (?) 729
- Тарасов, подпоручик (на 1908) 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 851, 853, 881, 888, 890, 993, 940, 941, 974, 975, 977, 987, 988, 990, 1005
- Тарасов, фейерверкер 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 875
- Тарахтий, бомбардир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 853, 854, 861
- Тарновская, супруга А.В. Тарновского 662, 663
- Тарновский Андрей Васильевич (1879 – после 1924), подпоручик гв. (1900), поручик гв. (1904), штабс-капитан гв. (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), в эмиграции 187, 213, 662, 663, 736, 738, 739, 825, 859, 871, 888, 893, 963, 964, 975

- Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923), оперный певец, режиссер 440, 445, 450–453, 455
- Таубе Александр Александрович (1864–1919), генерал-майор (1907), участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны 770
- Текутьев, врач в Абастумани 135, 136
- Теннов, музыкант л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 259
- Терешников, городской голова Шлиссельбурга 1046, 1055
- Терский Виктор Александрович, муж Т.Н. Склифосовской в Полтаве 920, 921
- Тигранов (Тигранян) Леонид (Левон) Фаддеевич (Тетавосович) (1871–после 1934), капитан ГШ (1899), при Виленском ВО (1901–1902), при штабе 4-го армейского корпуса (1902–1905), подполковник (1904), участник русско-японской войны, начальник штаба 40-й пехотной дивизии (1905–1912), полковник (1908), генерал-майор (1916), участник Первой мировой войны, в РККА 165
- Тимлер (?–1906), супруга М.А. Тимлера 592, 593
- Тимлер Михаил Александрович, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, прикомандирован к Тенгинскому пехотному полку 214, 254, 255, 284, 286, 342, 353, 459, 474, 525, 528, 534, 535, 592, 593, 792, 857, 866, 930
- Тимофеев, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 898
- Тимофеев, старший нестроевой л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, вахтер дома «Зеленые связи» 306, 342, 519, 590, 814, 816
- Тимошенко, супруга Д.С. Тимошенко 426
- Тимошенко Даниил Сергеевич, фельдфебель 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 190, 303, 424–427, 461
- Тиран Александр Николаевич, корнет, штабс-ротмистр (на 1909) л.-гв. Гусарского Его Величества полка 162, 163
- Тихобразов Дмитрий Николаевич (1886–1974), подпоручик (1906), поручик (1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, подполковник (1916), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 582, 583, 642, 669, 695, 751, 861, 866, 939, 997, 1000
- Тихомиров Василий Дмитриевич (1876–1956), артист балета, балетмейстер 588
- Тихонов-Луговой Алексей Алексеевич (1853–1914), писатель 296
- Тихонравов, подпоручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 855, 932, 941, 974, 985, 1008
- Тихоцкая (урожд. Смысловская), супруга Н.Л. Тихоцкого, сестра Е.К. Смысловского 726
- Тихоцкий Николай Львович (1878–1932), подпоручик гв. (1899), поручик (1902) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, штабс-капитан (1904) ГАУ, капитан (1908), полковник (1915), участник Первой мировой войны, в РККА, репрессирован 726
- Тищенко Федор, канонир 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 671
- Ткач, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

- Толпыгин, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 720
- Толстой Иван Иванович (1858–1916), государственный деятель, археолог и нумизмат 270
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель 101, 1013
- Томашевич Владислав Андреевич (1857–?), полковник (1891), генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1907) 165
- Торвальдсен Бертель (1770–1844), датский художник и скульптор 923
- Точилин, ученик учебной команды л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 130
- Транзеге Егор Егорович (Георгий Георгиевич, Отто Егорович) (1845 – 1908?), фон, генерал-майор (1895), командир 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1899–1902), генерал-лейтенант (1902), комендант Гатчины (с 1902) 90
- Транквилл Гай Светоний, древнеримский писатель 284
- Трапезников Константин, поручик (на 1899), штабс-капитан (на 1903) 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 92, 212, 254, 298, 299
- Трапезникова, супруга К. Трапезникова 298, 299
- Траубенберг фон Рауш Евгений-Александр-Эрнест Александрович (1855–1923), барон, генерал-майор (1899), командир л.-гв. Кирасирского Её величества полка (1899–1900), начальник штаба Гвардейского корпуса (1900–1904), начальник штаба Московского ВО (1904–1907), генерал-лейтенант (1905), начальник 5-й кавалерийской дивизии (1907–1910), генерал от кавалерии (1911), участник Белого движения, в эмиграции 255
- Трахтенберг Владимир Осипович (1860–1914), драматург 478
- Трейчке Вильгельм Викторович, капитан (на 1909) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 934
- Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор (1900), генерал-майор Свиты (1903) 396
- Третьяков Николай Александрович (1877–1920), штабс-капитан (на 1900) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 934
- Трефилова Вера Александровна (1875–1943), балерина Мариинского театра 517
- Тройницкий, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 126
- Троцкая-Сенютович, невеста штабс-капитана А.В. Тарновского 963
- Троцкий Владимир Иоанникиевич (1847–1918), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник (1888), Санкт-Петербургский комендант (1905–1914), генерал-лейтенант (1906), генерал от инфантерии (1912) 555, 660, 753
- Троянов, фейерверкер 6–1 батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 742
- Троянов Алексей Алексеевич (1848–1916), врач Мариинской больницы, хирург 819
- Трубецкой, князь, полковник л.-гв. Преображенского полка 249
- Трубецкой Паоло (Павел Петрович) (1866–1938), скульптор 891
- Тумпаков Петр Вионорович (1859–1911), театральный предприниматель, директор театра «Буфф» 262

Туношенский Владимир Владимирович (1865–1910), артиллерийский офицер, драматург 598

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 422

Тюрберт (?–1904), бывший офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 338

Узольник, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 161

Уиндгам, полковник, английский агент в Петербурге 696, 697

Упман, писарь в Управлении л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 336

Усачев, артист императорских театров, слушатель Археологического института 537, 555, 559

Успенский Александр Иванович (1873–1938), заведующий музеем СПб. Археологического института 435, 439

Устинович, канонир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Уткевич Александр Владимирович (1845–1913), генерал-майор (1895), командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1895–1901), генерал-лейтенант (1901), начальник артиллерии Гвардейского корпуса (1901–1903), генерал для поручений при генерал-фельдцейхмейстере (1903–1910), генерал от артиллерии (1910) 142, 143, 148, 169, 191, 207–210, 229, 239, 255, 275, 368, 554

Учако (Угаки), подполковник, представитель Японии в Петербурге 735, 736

Ушаков Александр Константинович (1867–?), подполковник (1898), делопроизводитель военно-судной части ОКПС (1898–1909), полковник (1902) 462

Ушаков Николай Николаевич (?–1935), подпоручик, поручик (на 1900) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1916), участник Первой мировой войны, в эмиграции 183, 194, 235, 239, 250, 251, 254, 258, 265, 284, 308, 343, 353, 367, 368, 370, 380, 381, 391–395, 402, 423, 431, 436, 441, 443–445, 451–457, 459, 463, 464, 466, 470, 471, 474, 475, 478, 479, 482, 486, 488, 491, 496–500, 506, 508–510, 518, 520, 521, 524, 525, 527, 528, 530, 533–535, 537, 538, 541, 547, 548, 558, 560–569, 575, 579, 582, 583, 585, 586, 592–594, 598, 600, 601, 608–613, 624, 629–631, 642, 648, 649, 654, 661, 665, 668, 672, 673, 677, 692, 695, 712–714, 718, 725, 728, 730, 735, 742, 758, 759, 764, 777, 794, 795, 798, 799, 803, 805–808, 810–812, 817, 824, 831, 832, 835, 838, 839, 845, 847, 851, 854, 855, 859, 877, 882, 891–894, 896, 898, 901, 905, 906, 912, 914, 919–922, 930, 934, 942, 945, 948–951, 956, 957, 973, 1006

Ушаков С. Николаевич, брат Н.Н. Ушакова, кадет 1-го Московского корпуса 454

Ушаков Федор Алексеевич (1850–1914), генерал-майор (1902), член археологического общества Пскова, автор работ по истории Пскова 273, 759

Ушакова, мать Н.Н. и С.Н. Ушаковых 808, 812

Уэллсли Ф., полковник, британский военный атташе в России 484

Фалеев Анатолий Павлович (? – после 1915), штабс-капитан (на 1909) ГАУ, участник Первой мировой войны 976

Фалеев Георгий Павлович (? – после 1917), подпоручик 2-й батареи л.-гв.

- 1-й артиллерийской бригады, капитан, участник Первой мировой войны 825, 837, 840, 842, 847, 853, 854, 862–864, 866, 868, 893, 972–977, 985, 988, 990, 999
- 1164 Фан дер Флит Константин Петрович (1844–1933), генерал-майор (1890), генерал-лейтенант (1900), начальник артиллерии 1-го армейского корпуса (1900–1905), участник русско-японской войны, начальник артиллерии Гвардейского корпуса (1906–1908), генерал от артиллерии (1908), помощник командующего войсками Одесского ВО (1908–1913), генерал-адъютант (1915) 550, 553, 554, 588, 590, 591, 596, 614, 633, 635–637, 639, 652, 654, 672, 678, 693–695, 699, 700, 702, 709, 718, 729, 754
- Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), историк искусства, археолог 630
- Федоров – см. Папа-Федоров М.Н.
- Федоров, домовладелец в Твери 232
- Федоров, капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 984
- Федоров Анатолий Семенович (1871 – после 1916), штабс-капитан (1896), капитан (1900), командующий 8-й батареей л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (с 1907), полковник (1907), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны 934
- Федоров Евгений Семенович (1876 – после 1916), корнет (1896), поручик (1900), штабс-ротмистр (1904), ротмистр (1908) л.-гв. Гродненского гусарского полка, полковник (1914) , брат г-жи Горбачевич 856
- Федоров Сергей Константинович (1877–1919), поручик (на 1903), штабс-капитан (на 1904, 1909) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения 221, 296, 334, 729, 747, 748, 868
- Фигнер Медея Ивановна (1859–1952), оперная певица, супруга Н.Н. Фигнера 376, 377
- Фигнер Николай Николаевич (1857–1918), оперный певец 202, 440, 562, 676
- Филиппов, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628
- Филоматицкая Зинаида Клитовна, сестра Екатерины Клитовны Астафьевой 233
- Филоматицкий, помощник инспектора классов Александровского коммерческого училища 233
- Философов Иоанн Антонович (1836–?), священник, протоиерей, настоятель Сергиевского собора 300, 305, 433, 497, 498, 519, 587, 591, 613, 692, 717, 830, 831, 834, 835, 881, 887, 1010
- Флоринский, протоиерей в Шлиссельбурге 1048, 1049, 1051
- Флоровский, актер 774
- Фокин Михаил Михайлович (1880–1942), артист балета 517
- Фоменко, бомбардир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 911
- Фредерик VIII (1843–1912), король Дании (1906–1912) 926
- Фредерикс Владимир Владимирович (1884–1950), корнет (на 1905), поручик (на 1909) л.-гв. Гусарского Его величества полка 485
- Фрейндлих, владелец цветочного магазина 966
- Френч (Фрэнч) Джон (1852–1925), английский генерал-лейтенант (1902), участник англо-бурской войны, фельдмаршал (1913) 695–697

Фриде, супруга А.А. Фриде 153, 205, 343, 725, 856, 997

Фриде Александр Алексеевич (? – после 1939), подпоручик, штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 89, 92, 123, 131, 139, 146, 201, 206, 210, 216, 218–221, 223, 238, 239, 248, 254, 255, 257, 260, 265, 275, 279, 280, 298–300, 302, 304, 312, 319, 320, 326, 330, 334, 336–340, 343, 346, 347, 353, 362, 370, 371, 376, 389, 398, 400, 423, 431, 440, 455, 456, 463, 466, 467, 470, 474, 475, 478, 479, 482, 486, 488, 493, 506, 508, 524, 527, 528, 533, 539, 555, 570, 582, 587, 593, 594, 599, 600, 609, 624, 639, 652, 656, 658, 661, 670, 672, 685, 690, 692, 706, 707, 714, 715, 718, 720, 725, 728–730, 734–736, 749, 774, 790, 794, 796, 798, 807, 808, 812, 813, 817, 824, 831, 833, 837, 838, 842, 847, 856, 876, 884, 897, 900, 902, 903, 905, 906, 909, 912, 915, 917, 927, 931, 937, 938, 986, 987, 993, 994, 998, 1000, 1003, 1005, 1098

Фридерикс (Фредерикс) Владимир Борисович (1838–1927), барон, генерал-адъютант (1896), министр Императорского двора (1897–1917), генерал от кавалерии (1901) 275

Фридрих Франц IV (1882–1945), великий герцог Мекленбург-Шверинский (1897–1918) 179, 261

Фриман Лев Львович (1856–после 1918), полковник (1897), инспектор работ СПб. окружного инженерного управления (с 1905), генерал-майор (1909) 732

Фроловский Николай Александрович (1869–1910), капитан, преподаватель Михайловского артиллерийского училища, полковник (на 1909), экстраординарный профессор Михайловской артиллерийской академии 165

Фурман, супруга Н.М. Фурмана 215

Фурман Николай Михайлович (1863–1919), капитан (1896) гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона, полковник (1903) л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады, генерал-майор (1907) 118, 169, 189, 196, 215–217, 256, 280, 291, 300, 303, 333, 357, 366, 368, 371, 377, 391, 425, 452, 471, 475, 490, 491, 501, 524, 525, 533, 583, 590, 595, 598, 606, 614, 615, 637, 639, 640, 652, 654, 655, 657

Фуфаевская Мария Дмитриевна, супруга С.Л. Фуфаевского 153, 205, 302, 319, 320, 325, 342, 377, 383, 502, 592, 642

Фуфаевский Сергей Леонидович (1867–1924), капитан (1897), полковник (1904), командир 1-го дивизиона л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1911), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 141, 146, 162, 179–181, 194, 195, 211, 214, 230, 261, 282, 301, 302, 306, 308, 319, 325, 336, 337, 342–344, 346, 350, 352, 353, 362, 363, 376, 377, 380–383, 391, 397, 423, 425–427, 455, 456, 462, 466, 468, 475, 479, 510, 560, 585, 587, 590, 598, 601, 605, 606, 613, 630, 631, 656, 658, 710, 714, 797, 817, 830, 846, 856, 872, 944, 978, 980, 984, 991, 997

Хабаров, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 720

- Хавкина Любовь Борисовна (1871–1949), библиотековед 407, 555
- Хагино, полковник, военный агент Японии в Петербурге 874, 875
- Харитонов, поручик (на 1906) 25-й артиллерийской бригады 524
- Харкевич Владимир Иванович (1856–1906), генерал-майор (1900), профессор Академии Генерального штаба, генерал-лейтенант (1904), квартирмейстер Манчжурской армии 117, 356, 588
- Харлаб Григорий Абрамович, фотограф в Полтаве (1908–1916) 918
- Хилков Михаил Иванович (1834–1909), князь, министр путей сообщения 373
- Хинтоу (Hintou), преподавательница английского языка 94
- Хитрово, камер-юнкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 830
- Хитрово Николай Михайлович (1844–1909), генерал-майор (1893), генерал-лейтенант (1901), командующий гв. артиллерией, командир 6-го армейского корпуса, генерал от артиллерии (1908) 287–289, 292, 295, 296, 299–302, 306, 307, 310–312, 322–325, 337, 339, 363, 365, 368, 374, 375, 378–380, 389, 399, 425, 426, 434, 464, 466, 470, 480, 482, 488, 493, 494, 499, 511, 521, 527, 529–531, 536, 538, 539, 548, 552, 880, 990, 991, 1003
- Хогондоков (Хагондоков) Константин Николаевич (1871–1958), штабс-капитан (1899), участник похода в Китай 1900–1901 гг., капитан (1903), участник русско-японской войны, подполковник ГШ (1907), состоял при штабе Гвардейского корпуса (1908–1909), генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 747
- Хольцов Борис Николаевич (Ниссонович) (1861–1940), хирург, врач Обуховской больницы 472
- Хоматьяно, полковник 22-й артиллерийской бригады 895
- Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), председатель III Государственной думы 872
- Хорошхин, поручик, 9-й артиллерийской бригады 917
- Хохряков, фельдшер 988
- Храбров Иван Михайлович (1877–после 1916), поручик гв. (на 1905), штабс-капитан (1905) гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона, капитан (на 1909), полковник (1915) 255, 595
- Храпов, городской, коллежский регистратор, бывший фельдфебель 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, кавалер орденов 146, 305, 548, 752
- Хрипач, староста в Археологическом институте 555, 559
- Христиани Александр Григорьевич (1871–1914), штабс-капитан гв. (1898) л.-гв. Егерского полка (1892–1900), капитан ГШ (1900), старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса (1900–1902), подполковник (1902), и. д. штаб-офицера для особых поручений при штабе войск гв. и Петербургского ВО (1902–1908), полковник (1907), начальник штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1908–1913), участник Первой мировой войны 953–955
- Хрусталева-Носарь Георгий Степанович (1877–1919), председатель Петербургского совета рабочих депутатов 536

- Цасно, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 455
- Целепи Леонид Николаевич, (1856–1919), судебный следователь, археолог, действительный член СПб. Археологического института 440–442, 444
- Церетели Алексей Акакиевич (1864–1942), князь, оперный антрепренер 440
- Церпицкий Константин Викентьевич (1849–1905), генерал-майор (1895), генерал-лейтенант (1900), командир Южно-Маньчжурского отряда 143
- Цесевич Платон Иванович (1879–1958), оперный певец 445, 451, 462
- Цибулька Альфонс (1842–1894), венгерский композитор 759
- Циллиакус Василий Владимирович (1840–1915), генерал-лейтенант (1899), генерал от артиллерии (1903) 549
- Циммерман, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 583
- Цур-Милен Александр Андреевич, фон, полковник (на 1909), командир 1-го дивизиона л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 699, 709, 717, 725, 727, 733, 747, 748, 751, 756, 762, 765, 793, 797, 817–819, 822, 824, 832, 833, 835–837, 840, 848, 858, 863, 873, 876, 879, 880, 893, 894, 927, 930, 931, 946–948, 951, 962, 964, 965, 970–972, 995, 998, 1001, 1005, 1006, 1012
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор 561
- Чакрабон Пуванат, принц Питсанулок (1883–1920), тайский фельдмаршал, сын короля Таиланда Рамы V Чулалонгкорна, полковник (1908) л.-гв. Гусарского его величества полка 225
- Чаплин Павел Моисеевич (1849–1900), генерал-майор (1899) 107
- Чачкова, секретарь Археологического института 411, 555, 558, 559
- Чебышев Владимир Петрович (1884–1919), штабс-капитан л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, капитан гв. (1915), полковник (1915), участник Первой мировой войны, в РККА, участник Белого движения 284, 320, 352
- Черепенников, владелец магазина на Литейном пр. 396
- Черепнин, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 854, 857, 912
- Черкасов М. И., полковник (на 1905) 24-й артиллерийской бригады 474
- Черкасов Федор Семенович (1843–1908), генерал-майор 616
- Черниговский В. — псевдоним В.С. Савонько
- Черников, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 627
- Чернов, оперный певец, артист Нового летнего театра 451, 453
- Чернцова, теща М.С. Рослякова 254
- Черный (Черных), канонир 1-й стрелковой батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 229, 639
- Чернявский Василий Тимофеевич (1850–1932), начальник Константиновского артиллерийского училища (1894–1903), генерал-майор (1899), начальник Михайловской артиллерийской академии и Михайловского артиллерийского училища (1903–1917), генерал-лейтенант (1905), генерал от артиллерии (1913) 284, 981, 982
- Чернявский Николай Петрович (? – после 1916), подпоручик, капитан (на 1913) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник

- Первой мировой войны 92, 127, 249, 334, 540, 541, 585, 605, 609, 623, 624, 646, 670, 714, 715, 806, 812, 875, 884, 890, 932, 984
- Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель, драматург 480, 777
- Чиж Александр Александрович, поручик (на 1909) л.-гв. 3-й артиллерийской бригады 934
- Чижилов Николай Александрович (1850–1908), генерал-майор (1900), начальник крепостной артиллерии Кронштадта 286
- Чугуев, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 879
- Чуйкевич, супруга Н.П. Чуйкевича 856, 949
- Чуйкевич Николай Петрович (1874–1960), подпоручик (1896), поручик (1902), штабс-капитан (1903), капитан (1907) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1911), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 88, 352, 476, 707, 708, 710, 739, 744, 824, 847, 853, 866, 884, 949
- Шаевский, подпрапорщик 3-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 732, 814, 815
- Шалягин, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 626, 640
- Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), оперный певец 440, 1061
- Шанявский, брат В.С. Шанявского, морской кадет (на 1905) 215
- Шанявский Вячеслав Станиславович (1880 – после 1932), поручик, штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник, участник Белого движения, в эмиграции 130, 140, 141, 146, 162, 163, 172, 187, 213–215, 237, 291, 313, 314, 325, 326, 334, 342, 346, 356, 370, 371, 373, 401, 494, 553, 555, 566, 585, 587, 606, 625, 631, 684, 689–691, 696, 700, 703, 704, 708, 710, 719, 726, 727, 733, 734, 737, 740, 746, 749, 774, 790–792, 796, 798, 799, 803, 805, 806, 808, 812, 823, 825, 841, 847, 853, 855, 949, 982, 997, 1000
- Шапошников, кузнец л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 345, 814, 816
- Шарпантье Федор Федорович (1874–1954), поручик (1898), штабс-капитан (1902), капитан (1903) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, капитан гв. (1907), генерал-майор (1917), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 869
- Шателен Владимир Андреевич (1864–1935), капитан 2 ранга, адъютант вел. кн. Алексея Александровича, в эмиграции 462
- Шафарик Павел Йозеф (1795–1861), словацкий и чешский славист 410
- Шаховский Яков Петрович (1878–после 1919), князь, подпоручик Батуринского пехотного полка, л.-гв. Преображенского полка (с 1901), поручик (1905), штабс-капитан (1908), капитан (1912), участник Первой мировой войны 276
- Шверинский Альбрехт – см. Мекленбург-Шверинский Иоганн Альберт
- Швецов Александр Александрович (1865–1927), штабс-капитан (1898), капитан (1900), полковник (1907) л.-гв. Измайловского полка, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 953, 954

Шевелев, канонир 6-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 626, 628, 640

Шейхалиев (Шейх-Али) Али Давлетович (1845–после 1917), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор (1900) 145

Шелковников Владимир Владимирович, штабс-капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан, адъютант Константиновского артиллерийского училища 526, 993

Шемякин, канонир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 628

Шереметев Александр Дмитриевич (1859–1931), меценат, музыкант-любитель, создатель частного оркестра 133, 436, 759, 760

Шереметев Сергей Владимирович (1880–после 1916), мичман (1898), лейтенант (1901), штабс-капитан (1904), участник русско-японской войны, капитан гв. (1905) л.-гв. Преображенского полка, полковник (1913), участник Первой мировой войны 757, 758

Шикунин М. М., технический мастер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник русско-японской войны, кавалер 2-х солдатских георгиевских крестов 824, 1001

Шильдбах (Литовцев) Константин Константинович (1872–1939), капитан ГШ (1898), при штабе войск гв. и Петербургского ВО (1900–1907), подполковник (1902), полковник (1905), начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1907–1912), генерал-майор (1913), генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны, репрессирован 473

Шихмаев, конюх В.С. Савонько 264

Шишкин, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 161

Шишкин Николай Иванович (1845–1911), гитарист, композитор, руководитель цыганского хора 673

Шкларевич Владимир Николаевич (1835–1914), генерал-лейтенант (1892), генерал от артиллерии (1911) 284, 285

Широков, штабс-капитан (на 1908–1909), обучался в Инженерной академии 749, 1014

Широкова Маргарита Ивановна, супруга штабс-капитана Широкова 1014

Шифнер Мейнгард Антонович (1856–1918), капитан гв. (1895), полковник гв. (1900) л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1907), командир Кавказской резервной артиллерийской бригады (1907–1910), генерал-лейтенант (1912), участник Первой мировой войны 284, 364

Шкапский Борис Авенирович (1881–1958), штабс-капитан (на 1909) 22-й артиллерийской бригады, 1-ой Туркестанской артиллерийской бригады, полковник, участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 895

Шлиттер, капитан (на 1904) л.-гв. Преображенского полка 363

Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), филолог, палеограф, профессор СПб. Археологического института 412, 421, 422, 482, 550, 551, 557, 558

Шляхтенко, канонир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 234

Шмеман, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 600

- Шмидт Вячеслав Федорович, подпоручик (на 1908–1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан, участник Первой мировой войны 744, 841, 852, 855, 882, 951, 969
- Шопен Фредерик, композитор, пианист 344, 381
- Шпилевой, канонир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 937
- Шрадер Фридрих Людвиг Германович (1854–1931), владелец фотоателье 880
- Шредер Карл Иванович (1828–1889), домовладелец, владелец фортепианной фабрики 230
- Шрейдер Михаил Дмитриевич (1858–1916), капитан (1895), полковник (1900), генерал-майор (1907), командир л.-гв. 3-й артиллерийской бригады (1907–1910), генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны 820, 864
- Шталь Николай Аркадьевич (1882–после 1934), подпоручик, поручик (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник, участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в Эстонской армии 190, 235, 265, 298, 303, 353, 377, 391, 425, 457, 502, 582, 583, 606, 648, 653, 708, 710, 825
- Штернберг, фотограф 338
- Штиглиц Александр Львович (1814–1884), барон, финансист, меценат 334
- Штраусс Иоганн (1825–1889), австрийский композитор 561
- Штромберг Александр Павлович (1854–1884), революционер, народоволец 228
- Шубин Алексей Васильевич (?–1908), подпрапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 425, 519, 749, 750, 752, 753, 881
- Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913), историк, журналист, редактор журнала «Исторический вестник» 216
- Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937), генерал-майор (1899), начальник Киевского военного училища (1899–1905), участник русско-японской войны, начальник 5-й пехотной дивизии (1905–1908), генерал-лейтенант (1906), командир 2-го кавказского корпуса (1908–1909), генерал от инфантерии (1911), военный министр (1916–1917), в РККА, репрессирован 785
- Шувалова, актриса 755
- Шульгин Борис Викторович (1878–1953), подпоручик (1897), поручик (1901), штабс-капитан (1905), капитан (1909) л.-гв. Преображенского полка, полковник (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 392, 393
- Шульман Александр Евгеньевич (1859 – не ранее 1906), фон, полковник (1900), генерал-майор (на 1906), командир 1-й батареи Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона 119, 284, 337, 364, 368, 371, 395, 490, 534, 552, 553, 595, 678, 693, 797, 983, 991, 996
- Шульман Арнольд Христианович (1855–1917), фон, подполковник (1897), командир 2-й батареи 3-й гренадерской артиллерийской бригады (с 1901), полковник (1904), генерал-майор (1913), участник Первой мировой войны 296, 300, 646, 983
- Шульман Николай Рудольфович (1853–1916), действительный статский

- советник, управляющий Делопроизводства по денежной и хозяйственной частям Собственной Е.И.В. канцелярии 117, 124, 146, 159, 193, 194, 305, 380, 381, 477, 548, 552, 553, 593, 613, 752, 949, 981, 983, 996
- Шульман Сергей Николаевич, фон (1869–1927), капитан (1895), подполковник (1900), помощник военного прокурора Петербургского ВО (1902–1905), полковник (1904), правитель канцелярии Главного военно-судового управления (1905–1917), генерал-майор (1911), участник Белого движения, в эмиграции 92, 117
- Шульц Эмилия (?-1907), тетка полковника Демидова 680
- Шумахер, прапорщик в отставке 377
- Шумилов (Шумилов-старший) Сергей Николаевич, владелец магазина гробов и бюро похоронных процессий, Литейный пр., д. 52 465
- Щеглов Аркадий Иванович (1872-?), штабс-капитан, капитан (на 1909) Офицерской артиллерийской школы и 1-й резервной артиллерийской бригады 348
- Щеглов Иван, писатель 205
- Щелкунов, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 857, 890, 929, 1011
- Щербаков, генерал (на 1904–1907) 333, 629
- Щербаков, канонир 1-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 347
- Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), полковник (1894), начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1898–1901), генерал-майор (1903), командир л.-гв. Павловского полка (1903–1906), генерал-майор Свиты (1906), начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады (1906–1907), начальник Императорской Николаевской Военной академии (1907–1912), генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант (1915), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции
- Щербов-Нефедович Георгий Павлович (1886–1918), подпоручик (1904), поручик (1908) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, подполковник (1916), участник Первой мировой войны 371, 585, 586, 733, 734, 746, 749, 805, 808, 812, 859, 884, 885
- Щербов-Нефедович Павел Осипович (1847–1918), профессор Николаевской академии ГШ (с 1882), генерал-лейтенант (1897), начальник Главного управления казачьих войск (1897–1907), генерал от инфантерии (1906), член Военного совета (1907- 1917) 96
- Эгерштром Николай Федорович (1831–1917), профессор Михайловской артиллерийской академии (с 1865), генерал от артиллерии (1896), автор работ по артиллерии 97, 117
- Эглер Фриц, фотограф 430
- Эйлерс, владелец цветочного магазина 363, 466, 677
- Эйхенвальд-Донская Надежда Александровна (?), оперная и камерная певица 662, 663, 666
- Эллерберг Камилла, знакомая В.С. Савонько из Риги 476, 565, 570
- Элиашев, доктор – см. Эльяшев Илья Рафаилович

- Элиот Клэр (Heliot Claire) (1875–1949), укротительница львов 190, 510
- Эльзингер, вольноопределяющийся, фейерверкер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 126
- Эльяшев Илья Рафаилович, санитарный врач Московской части 125
- Энгель, знакомая В.С. Савонько 473, 474
- Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942), писатель, поэт, публицист, литературный критик, член Императорского Русского военно-исторического общества 986
- Энден, фон, супруга Н.М. Фон Эндена 215, 677, 678, 740
- Энден Николай Михайлович, фон (1876–1961), подпоручик гв. (1897), поручик (1901), штабс-капитан гв. (1904), капитан (1908) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1913), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 92, 109, 141, 146, 194, 198, 215, 300, 308, 314, 325, 343, 344, 380–382, 509, 510, 552, 553, 560, 608–611, 613, 622, 623, 631, 638, 642, 656, 696, 712, 714, 727, 731, 740, 809, 823, 824, 826, 831–833, 848, 850, 854–856, 860, 867, 869, 871, 877, 879, 884, 888, 891, 893, 895, 897, 898, 902, 903, 905–907, 909, 912, 913, 915, 918–922, 925, 927, 930, 937, 940, 941, 945, 946, 949, 955, 957, 998, 1004
- Эренверт 483
- Эристов Александр Николаевич (1873–1955), князь, поручик (1899), штабс-капитан (1903), участник русско-японской войны, штабс-капитан гв. (1905), капитан (1907), полковник (1908) л.-гв. Конноартиллерийской бригады, генерал-майор (1915), участник Первой мировой войны, в эмиграции 869
- Эсно-Пельтри Робер (1881–1957), авиаконструктор, вице-президент французского Аэроклуба 861
- Эспозито Эудженио (1863–после 19335), итальянский композитор 465
- Эттер Иван Севастьянович (1863–1938), фон, капитан гв. (1899), полковник (1904), генерал-майор (1913) л.-гв. Семеновского полка, участник Первой мировой войны, в эмиграции 950
- Юрлов Николай Иванович (1862 – ?), генерал-майор (1908), начальник ГАУ, генерал-лейтенант (1912) 752
- Юрманов, подпрапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 520, 814, 815
- Юров Иван Андреевич (1854 – после 1910), подполковник (1895), полковник (1900), комендант Абастумани, участник русско-японской войны, генерал-майор (1906) 136
- Юрьев, нижний чин л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 627
- Яблочкин Владимир Александрович (1864 –1931), подполковник (1896), участник похода в Китай 1900–1901 гг., полковник (1904), участник русско-японской войны, генерал-майор (1908), командир л.-гв. Егерского полка (1908–1913), генерал-лейтенант (1915), участник Первой мировой войны, репрессирован 931, 950, 954, 955
- Явид М. Я., супруга Ю.А. Явида 677, 748, 808, 1009

Явид Юлиан Антонович (1876–1946), подпоручик, капитан (на 1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1914), участник Первой мировой войны, участник Белого движения, в эмиграции 92, 162, 163, 165, 192, 210, 202, 208, 212, 213, 215, 253–255, 260, 284, 286, 298–300, 325, 334, 353, 385, 398, 428, 451, 455, 456, 462, 463, 478, 523, 525, 529, 547, 600, 604, 605, 623, 624, 646, 658, 677, 687, 689–691, 705, 708, 714, 719, 731–733, 740, 743, 744, 746–749, 801, 808, 812, 826, 834, 835, 841, 846–848, 851, 852, 854, 855, 857–860, 871, 891, 952, 956, 959, 961, 966, 967, 988, 1000, 1007, 1009

Яворская Лидия Борисовна (1871–1921), артистка, певица 776

Ягеллович (Ягелович) Виктор Антонович (1880–1916), штабс-капитан (1905), капитан (1909) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, полковник (1915), участник Первой мировой войны 260, 477, 552, 663, 750, 755, 959, 1004

Якимов, вольноопределяющийся л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 108

Якимович Александр Александрович (1873–после 1931), поручик (1898), штабс-капитан (1902) л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, капитан ГШ (1902), участник русско-японской войны, подполковник (1909), полковник (1912), участник Первой мировой войны, в РККА 334, 342, 351–354, 370, 372, 495, 669, 959, 984

Якобсон Мирон Исаакович (?–1934), пианист, композитор 321

Яковлев, подпоручик 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (на 1899), капитан (на 1909) 89, 92, 984

Яковлев Кондрат Николаевич (1864–1928), актер театра и кино, в труппе Александринского театра (с 1906) 480

Яковлев Н. Я., антрепренер театра «Олимпия» 440

Яницкий Николай Константинович, капитан (на 1903–1909) 92-го пехотного Печерского полка 780, 781

Янкулио Николай Николаевич (1877 – после 1935), поручик 18-го саперного батальона, старший адъютант инженерного управления Петербургского ВО (1908–1911), капитан (на 1909), участник Первой мировой войны, в РККА 335, 336

Янович, прапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, фельдшер 354, 600, 814, 816

Янушевский Григорий Ефимович (1861–после 1934), полковник (1899), начальник штаба 10-й пехотной дивизии (1901–1904), участник русско-японской войны, генерал-майор (1905), окружной генерал-квартирмейстер штаба Московского ВО (1906–1910), генерал-лейтенант (1914), участник Первой мировой войны, в Украинской армии 771

Ярыгин Аркадий Павлович (1859 – после 1917), подполковник (1897), полковник (1904), командир 23-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1913), участник Первой мировой войны 110, 132

Ясенский Рудольф-Рафаил Викторович (1875–после 1932), штабс-капитан (на 1905), полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, участник Первой мировой войны, в эмиграции 356, 446, 449, 521, 552, 524, 533

Аннотированный именной указатель

Яфимович Михаил Николаевич, поручик, ротмистр (на 1909) л.-гв. Гусарского полка, полковник (на 1917), автор работ по кавалеристскому делу 162, 163, 485

Яхно, подпрапорщик 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады 732, 814, 816

Buchsenschutz – см. Бюхсенщютц

Odone – см. Одон

Hintoy – см. Хинтоу

ЧЕРНАЯ КНИГА
ДНЕВНИКИ ГВАРДЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В.С. САВОНЬКО
1899–1909

Издательство «Индрик»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938–01–00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
73,5 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

В. С. Савонько в форме командира РККА. 20-е гг.

В. С. Савонько с женой и сыном. Первая пол. 20-х гг.

А. С. Савонько, жена В. С. Савонько. 20-е гг.

АДЬЮТАНТ БРИГАДЫ А. А. ФРИДЕ

БАРОН И. Н. МАЙДЕЛЬ

В. А. ЛЕХОВИЧ

Л. Н. ГОБЯТО

Л. Ф. ГАРТУНГ

ЭРИС-ХАН АЛИЕВ

